

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. И. Л Е Н И Н

**ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

2

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

В. И. ЛЕНИН

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В ТРЕХ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1969

ЗК 24
145

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

В. И. ЛЕНИН

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ТОМ
2

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1969

ca

3K21

3960

43
РАЙОННЫЙ ЦЕНТР
И. А. КУЗНЕЦОВ
Верх-Исетского района

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во второй том избранных произведений В. И. Ленина входят работы, написанные им в марте 1917 — ноябре 1918 года. В них В. И. Ленин разрабатывает стратегию и тактику Коммунистической партии в борьбе за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, за победу Великой Октябрьской социалистической революции, за установление и упрочение диктатуры пролетариата в первый период Советской власти. В произведениях, вошедших в том, освещаются важнейшие вопросы борьбы партии за выход России из империалистической войны, создания нового, Советского государства и строительства социалистического общества. В том включен ряд документов и выступлений В. И. Ленина, посвященных вопросам обороны Советской России в связи с развертыванием иностранной военной интервенции и гражданской войны.

В. И. Ленин в марте 1917 года, находясь еще в эмиграции, в «Письмах из далека» (первым из пяти писем открывается настоящий том) дал оценку характера и движущих сил Февральской революции в России. Определяя задачи рабочего класса и его партии, Ленин писал, что завершился только первый этап революции. Он призывал рабочий класс проявить героизм и добиться победы на втором этапе революции, т. е. перерастания ее в революцию социалистическую.

В настоящий том входят знаменитые Апрельские тезисы — выдающийся программный документ большевистской партии, с которым В. И. Ленин выступил 4 (17) апреля, на другой день после своего возвращения из-за границы в Россию, статья «Задачи пролетариата в нашей революции (Проект платформы пролетарской партии)», доклады, речи Ленина и разработанные им резолюции на Седьмой (Апрельской) Всероссийской конференции большевиков. Эти программные

документы вооружили партию и рабочий класс России научно обоснованным планом перехода от буржуазно-демократической революции к революции социалистической. Всероссийская (Апрельская) конференция единодушно одобрила ленинский курс на социалистическую революцию и завоевание политической власти рабочим классом и беднейшим крестьянством в лице Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Коммунистическая партия после Апрельской конференции развернула работу по претворению в жизнь ее решений, по революционной мобилизации масс, по политическому их просвещению.

Июльские события — расстрел Временным правительством мирной демонстрации рабочих и солдат в Петрограде 4 (17) июля 1917 года — явились переломным моментом в развитии революции. Двоевластие окончилось. Власть в стране перешла в руки буржуазного Временного правительства.

Новая политическая обстановка в стране потребовала от партии изменения ее тактики, смены тактических лозунгов. В тезисах «Политическое положение», в статье «К лозунгам» Ленин разъясняет, что мирный период революции закончился, дает указания о собирании сил для подготовки к вооруженному восстанию, обосновывает необходимость временного снятия лозунга «Вся власть Советам!».

Эти и другие работы Ленина легли в основу решений VI съезда РСДРП(б), который происходил в Петрограде 26 июля — 3 августа (8—16 августа) 1917 года. Ленин руководил работой съезда из подполья, откуда он направлял деятельность партии, давал указания по всем важнейшим вопросам революции. Принятые VI съездом резолюции были подчинены главной и основной цели — подготовить пролетариат и беднейшее крестьянство к вооруженному восстанию, к победе социалистической революции.

Во время своего 110-дневного пребывания в подполье В. И. Ленин написал более 65 статей и писем. Среди них такие важнейшие работы, как «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», «Государство и революция», «Удержат ли большевики государственную власть?», которые входят в настоящий том. В них Ленин развил марксистское учение о государстве и диктатуре пролетариата, всесторонне обосновал историческую закономерность социалистической революции и ее неизбежность в России, раскрыл ее первоочередные задачи.

В середине сентября 1917 года В. И. Ленин пишет письмо Центральному Комитету, Петроградскому и Московскому комитетам партии «Большевики должны взять власть» и письмо ЦК «Марксизм и восстание», в которых на основе глубокого и

всестороннего анализа международной и внутренней обстановки в стране выдвигает перед партией задачу подготовки и организации вооруженного восстания. В письме «Марксизм и восстание», в статье «Советы постороннего» Ленин развил и обобщил в стройную систему взгляды Маркса и Энгельса по вопросу о восстании, как искусстве. В этих произведениях Ленин разработал примерный план организации восстания.

В том включены документы исторических заседаний ЦК, происходивших 10 (23) и 16 (29) октября 1917 года: протокольные записи докладов и выступлений В. И. Ленина и написанные им резолюции о вооруженном восстании. Решение ЦК о восстании явилось директивой для партийных организаций всей страны о немедленной подготовке вооруженного восстания. В томе публикуются «Письмо к членам партии большевиков» и «Письмо в Центральный Комитет РСДРП(б)», в которых Ленин разоблачает антипартийное поведение Зиновьева и Каменева, выступавших против решения ЦК о вооруженном восстании. 18 (31) октября Каменев выступил в полуменьшевистской газете «Новая Жизнь» от своего имени и от имени Зиновьева с заявлением о несогласии с решением ЦК о восстании. Тем самым Зиновьев и Каменев выдали врагу секретное решение партии о восстании. Ленин заклеил их как штрейкбрехеров революции и потребовал исключения их из рядов партии.

Ленин настаивал начать восстание до II съезда Советов, чтобы опередить врагов, ожидавших вооруженного выступления в день открытия съезда. В письме членам ЦК, написанном 24 октября (6 ноября), он предложил немедленно начать выступление: «История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять много завтра, рискуя потерять все» (настоящий том, стр. 413).

По предложению Ленина восстание началось 24 октября (6 ноября). Поздно вечером в Смольный прибыл Ленин и возглавил руководство восстанием. Разработанный им план вооруженного восстания был успешно осуществлен восставшими рабочими и солдатами. В томе печатается написанное Лениным историческое обращение «К гражданам России!», которым утром 25 октября (7 ноября) 1917 года Военно-революционный комитет возвестил народам России о свержении Временного правительства и переходе государственной власти в руки Советов.

В том вошли материалы II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, открывшегося вечером

25 октября (7 ноября). Съезд единодушно принял написанное Лениным воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!», утвердил ленинские декреты о мире и о земле, сформировал Советское правительство во главе с В. И. Лениным.

В произведениях, вошедших в том, отражена гигантская работа В. И. Ленина по строительству первого в мире Советского социалистического государства, по укреплению диктатуры пролетариата, его борьба за единство рядов Коммунистической партии.

Советская республика не могла считать свое положение упроченным, пока страна находилась в состоянии войны. Англия, Франция, США отказались от переговоров о мире. Советское правительство было вынуждено пойти на сепаратные мирные переговоры с Германией. Германские империалисты соглашались на мирные переговоры, но предъявили грабительские условия мира. В произведениях «К истории вопроса о несчастном мире», «Проект радиogramмы правительству Германской империи», «Позиция ЦК РСДРП (большеви́ков) в вопросе о сепаратном и аннексионистском мире», «Тяжелый, но необходимый урок», «Странное и чудовищное», в «Речи о войне и мире на заседании ЦК РСДРП(б) 11 (24) января 1918 г.», в политическом отчете Центрального Комитета на VII съезде РКП(б) всесторонне обосновано положение о том, что выход Советской России из войны и завоевание мирной передышки насущно необходимы для экономического оздоровления страны, укрепления ее обороноспособности, создания армии, способной защитить страну от империалистических захватчиков.

Документы, входящие в том, отражают последовательную и непримиримую борьбу Ленина против Троцкого и группы «левых коммунистов» (Бухарин, Бубнов, Ломов, Осинский и др.), выступавших против заключения мира и тем самым ставивших под угрозу существование социалистической Республики.

Седьмой съезд партии, происходивший 6—8 марта 1918 г. в Петрограде, подтвердил правильность ленинской линии по вопросу о мире и признал необходимым утвердить подписанный Советским правительством мирный договор с Германией.

В томе помещены произведения, в которых Ленин разрабатывает основные положения научного плана построения социализма в России, намечает практические шаги социалистического строительства: организацию всенародного учета и контроля, повышение производительности труда, развертывание социалистического соревнования, воспитание новой

пролетарской дисциплины, вырабатывает принципы советского хозяйствования. Среди этих произведений знаменитая книга «Очередные задачи Советской власти», статьи «Главная задача наших дней», «Как организовать соревнование?», «Набросок плана научно-технических работ», «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности», «Речь на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства», «Замечания на проект «Положения об управлении национализированными предприятиями»».

Против ленинского плана построения социализма повели борьбу «левые коммунисты». Занятая ими позиция приводила на деле к защите мелкобуржуазной стихии и анархической распущенности. Резко критикуя «левых коммунистов», Ленин показал, что они являются выразителями интересов мелкой буржуазии.

В «Тезисах о современном политическом положении», написанных в мае 1918 года, и в письме к питерским рабочим «О голоде» Ленин выдвинул задачу организовать массовый поход передовых рабочих в деревню для оказания помощи бедноте в ее борьбе с кулачеством. На призыв партии откликнулись многие тысячи рабочих. В июне 1918 года были созданы комитеты бедноты, которые провели большую работу по борьбе с кулачеством, снабжению хлебом городского населения и армии. Их организация имела важное значение для развития социалистической революции и упрочения Советской власти в деревне.

В том включены произведения: «Речь на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы 29 июля 1918 г.», «Товарищи-рабочие! Идем в последний, решительный бой!», резолюция, принятая на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 22 октября 1918 г. В них Ленин анализирует сложившуюся обстановку, дает характеристику военного положения страны. Советская республика к лету 1918 года оказалась в огненном кольце фронтов. Американские, английские, французские и японские империалисты развернули войну против Республики Советов. Действуя в союзе с свергнутыми эксплуататорскими классами помещиков и капиталистов, опираясь на поддержку меньшевиков и эсеров, они стремились восстановить в России старые порядки, закабалить ее народы. Одним из главных организаторов и активных участников антисоветской интервенции являлись Соединенные Штаты Америки. В «Письме к американским рабочим» Ленин раскрыл подлинное лицо

империалистов США, награвивших сотни миллиардов долларов на народном горе и бедствиях. Он подчеркнул, что англо-американский империализм разоблачил себя перед трудящимися массами всех стран как душитель народов и палач революционного движения. В письме Ленин выразил глубокую уверенность в победе Советской республики, указал источники ее силы и непобедимости.

Вдохновляемый великими идеями Ленина, советский народ под руководством Коммунистической партии построил социализм и ныне успешно решает великую историческую задачу — построение коммунизма в нашей стране.

Идеи Ленина освещают победоносный путь борьбы за построение социализма и коммунизма трудящимся социалистических стран, руководимых коммунистическими и рабочими партиями. Они служат великим маяком народам всего мира в их борьбе за мир, демократию, национальное освобождение, социализм и коммунизм.

*Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
Издательство политической литературы*

В. И. ЛЕНИН
1918

ПИСЬМА ИЗ ДАЛЕКА¹

П И С Ь М О 1

ПЕРВЫЙ ЭТАП ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Первая революция, порожденная всемирной империалистской войной, разразилась. Эта первая революция, наверное, не будет последней.

Первый этап этой первой революции, именно *русской* революции 1 марта 1917 года, судя по скудным данным в Швейцарии, закончился. Этот первый этап наверное не будет последним этапом нашей революции.

Как могло случиться такое «чудо», что всего в 8 дней, — срок, указанный г. Милюковым в его хвастливой телеграмме всем представителям России за границей, — развалилась монархия, державшаяся веками и в течение 3 лет величайших всенародных классовых битв 1905—1907 годов удержавшаяся несмотря ни на что?

Чудес в природе и в истории не бывает, но всякий крутой поворот истории, всякая революция в том числе, дает такое богатство содержания, развертывает такие неожиданно-своеобразные сочетания форм борьбы и соотношения сил борющихся, что для обывательского разума многое должно казаться чудом.

Для того чтобы царская монархия могла развалиться в несколько дней, необходимо было сочетание целого ряда условий всемирно-исторической важности. Укажем главные из них.

Без трех лет величайших классовых битв и революционной энергии русского пролетариата 1905—1907 годов была бы невозможна столь быстрая, в смысле завершения ее *начального этапа* в несколько дней, вторая революция. Первая (1905 г.) глубоко взрыла почву, выкорчевала вековые предрассудки, пробудила к политической жизни и к политической

борьбе миллионы рабочих и десятки миллионов крестьян, показала друг другу и всему миру *все* классы (и все главные партии) русского общества в их действительной природе, в действительном соотношении их интересов, их сил, их способов действия, их ближайших и дальнейших целей. Первая революция и следующая за ней контрреволюционная эпоха (1907—1914) обнаружила всю суть царской монархии, довела ее до «последней черты», раскрыла всю ее гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее, все зверство семьи Романовых — этих погромщиков, заливших Россию кровью евреев, рабочих, революционеров, этих «первых среди равных» *помещиков, обладающих миллионами десятин земли и идущих на все зверства, на все преступления, на разорение и удушение любого числа граждан ради сохранения этой своей и своего класса «священной собственности».*

Без революции 1905—1907 годов, без контрреволюции 1907—1914 годов невозможно было бы такое точное «самоопределение» всех классов русского народа и народов, населяющих Россию, определение отношения этих классов друг к другу и к царской монархии, которое проявилось в 8 дней февральско-мартовской революции 1917 года. Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, «разыграна» точно после десятка главных и второстепенных репетиций; «актеры» знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия.

Но если первая, великая революция 1905 года, осужденная как «великий мятеж» господами Гучковыми и Милюковыми с их прихвостнями, через 12 лет привела к «блестящей», «славной» революции 1917 года, которую Гучковы и Милюковы объявляют «славной», ибо она (*пока*) дала им власть, — то необходим был еще великий, могучий, всесильный «режиссер», который, с одной стороны, в состоянии был ускорить в громадных размерах течение всемирной истории, а с другой — породить невиданной силы всемирные кризисы, экономические, политические, национальные и интернациональные. Кроме необыкновенного ускорения всемирной истории нужны были особо крутые повороты ее, чтобы на одном из таких поворотов телега залитой кровью и грязью романовской монархии могла опрокинуться *сразу*.

Этим всесильным «режиссером», этим могучим ускорителем явилась всемирная империалистическая война.

Теперь уже бесспорно, что она — всемирная, ибо Соединенные Штаты и Китай наполовину втянуты уже в нее сегодня, будут вполне втянуты завтра.

Теперь уже бесспорно, что она империалистская с *обеих* сторон. Только капиталисты и их прихвостни, социал-патриоты и социал-шовинисты, — или, говоря вместо общих критических определений знакомыми политическими именами в России, — только Гучковы и Львовы, Милюковы и Шингаревы, с одной стороны, только Гвоздевы, Потресовы, Чхенкели, Керенские и Чхеидзе, с другой, могут отрицать или затушевывать этот факт. Войну ведет *и* германская *и* англо-французская буржуазия из-за грабежа чужих стран, из-за удушения малых народов, из-за финансового господства над миром, из-за раздела и передела колоний, из-за спасения гибнущего капиталистического строя путем одурачения и разъединения рабочих разных стран.

Империалистическая война с объективной неизбежностью должна была чрезвычайно ускорить и невиданно обострить классовую борьбу пролетариата против буржуазии, должна была превратиться в гражданскую войну между враждебными классами.

Это *превращение начато* февральско-мартовской революцией 1917 года, первый этап которой показал нам, во-1-х, совместный удар царизму, нанесенный двумя силами: всей буржуазной и помещичьей Россией со всеми ее бессознательными прихвостнями и со всеми ее сознательными руководителями в лице англо-французских послов и капиталистов, с одной стороны, и *Советом рабочих депутатов*, начавшим привлекать к себе солдатских и крестьянских депутатов, с другой².

Эти три политических лагеря, три основные политические силы: 1) царская монархия, глава крепостников-помещиков, глава старого чиновничества и генералитета; 2) буржуазная и помещичье-октябристско-кадетская Россия, за которой плелась мелкая буржуазия (главные представители ее Керенский и Чхеидзе); 3) Совет рабочих депутатов, ищущий себе союзников во всем пролетариате и во всей массе беднейшего населения, — эти три *основные* политические силы с полнейшей ясностью обнаружили себя даже в 8 дней «первого этапа», даже для такого отдаленного от событий, вынужденного ограничиться скудными телеграммами заграничных газет, наблюдателя, как пишущий эти строки.

Но прежде чем подробнее говорить об этом, я должен вернуться к той части своего письма, которая посвящена фактору первой силы — всемирной империалистической войне.

Война связала воюющие державы, воюющие группы капиталистов, «хозяев» капиталистического строя, рабовладельцев капиталистического рабства, *железными цепями* друг с другом. *Один кровавый комок* — вот что такое общественно-политическая жизнь переживаемого нами исторического момента.

Социалисты, перешедшие на сторону буржуазии в начале войны, все эти Давиды и Шейдеманы в Германии, Плехановы-Потресовы-Гвоздевы и К^о в России, кричали долго и во все горло против «иллюзий» революционеров, против «иллюзий» Базельского манифеста³, против «грезифарса» превращения империалистской войны в гражданскую. Они воспевали на все лады обнаруженную будто бы капитализмом силу, живучесть, приспособляемость, — *они*, помогавшие капиталистам «приспособлять», приручать, одурачивать, разъединять рабочие классы разных стран.

Но «хорошо посмеется тот, кто будет смеяться последним». Не надолго удалось буржуазии оттянуть революционный кризис, порожденный войной. Он растет с неудержимой силой во всех странах, начиная от Германии, которая переживает, по выражению одного недавно посетившего ее наблюдателя, «гениально организованный голод», кончая Англией и Францией, где *голод* надвигается *тоже* и где организация гораздо менее «гениальна».

Естественно, что в царской России, где дезорганизация была самая чудовищная и где пролетариат самый революционный (не благодаря особым его качествам, а благодаря живым традициям «пятого года»), — революционный кризис разразился *раньше всего*. Этот кризис был ускорен рядом самых тяжелых поражений, которые были нанесены России и ее союзникам. Поражения расшатали весь старый правительственный механизм и весь старый порядок, озлобили против него *все* классы населения, ожесточили армию, истребили в громадных размерах ее старый командующий состав, заскорузло-дворянского и особенно гнилого чиновничьего характера, заменили его молодым, свежим, преимущественно буржуазным, разночинским, мелкобуржуазным. Прямо лакействующие перед буржуазией или просто бесхарактерные люди, которые кричали и вопили против «пораженчества», поставлены теперь перед фактом исторической связи поражения самой отсталой и самой варварской царской монархии и *начала* революционного пожара.

Но если поражения в начале войны играли роль отрицательного фактора, ускорившего взрыв, то *связь* англо-французского финансового капитала, англо-французского империализма с октябристско-кадетским капиталом России яви-

лась фактором, ускорившим этот кризис путем прямо-таки *организации заговора* против Николая Романова.

Эту сторону дела, чрезвычайно важную, замалчивает по понятным причинам англо-французская пресса и злорадно подчеркивает немецкая. Мы, марксисты, должны трезво глядеть правде в глаза, не смущаясь ни ложью, казенной, слащаво-дипломатической ложью дипломатов и министров первой воюющей группы империалистов, ни подмигиванием и хихиканием их финансовых и военных конкурентов другой воюющей группы. Весь ход событий февральско-мартовской революции показывает ясно, что английское и французское посольства с их агентами и «связями», давно делавшие самые отчаянные усилия, чтобы помешать «сепаратным» соглашениям и сепаратному миру Николая Второго (и будем надеяться и добиваться этого — последнего) с Вильгельмом II, непосредственно организовывали заговор вместе с октябристами⁴ и кадетами⁵, вместе с частью генералитета и офицерского состава армии и петербургского гарнизона особенно для *смещения* Николая Романова.

Не будем делать себе иллюзий. Не будем впадать в ошибку тех, кто готов воспевать теперь, подобно некоторым «окистам» или «меньшевикам»⁶, колеблющимся между гвоздевщиной-потресовщиной и интернационализмом, слишком часто сбивающимся на мелкобуржуазный пацифизм, — воспевать «соглашение» рабочей партии с кадетами, «поддержку» первую вторых и т. д. Эти люди в угоду своей старой заученной (и совсем не марксистской) доктрине набрасывают флер на заговор англо-французских империалистов с Гучковыми и Милюковыми с целью смещения «главного вояки» Николая Романова и замены его *вояками* более энергичными, свежими, более способными.

Если революция победила так скоро и так — по внешности, на первый поверхностный взгляд — радикально, то лишь потому, что в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации *слились* вместе, и замечательно «дружно» слились, *совершенно различные потоки, совершенно разнородные* классовые интересы, *совершенно противоположные* политические и социальные стремления. Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К⁰ к захвату власти *в интересах продолжения империалистской войны*, в интересах еще более яркого и упорного ведения ее, в интересах *избиения новых миллионов* рабочих и крестьян России для получения Константинополя... Гучковыми, Сирией... французскими, Месопотамии... английскими капиталистами и т. д. Это с одной стороны. А с другой стороны,

глубокое пролетарское и массовое народное (все беднейшее население городов и деревень) движение революционного характера за *хлеб*, за *мир*, за *настоящую свободу*.

Было бы просто глупо говорить о «поддержке» революционным пролетариатом России кадетско-октябристского, английскими денежками «сметанного», столь же омерзительного, как и царский, империализма. Революционные рабочие разрушали, разрушили уже в значительной степени и будут разрушать до основания гнусную царскую *монархию*, не восторгаясь и не смущаясь тем, что в известные короткие, исключительные по конъюнктуре исторические моменты *на помощь им* приходит борьба Бьюкенена, Гучкова, Милюкова и К^о за *смену* одного монарха *другим монархом* и тоже предпочтительно Романовым!

Так и только так было дело. Так и только так может смотреть политик, не боящийся правды, трезво взвешивающий соотношение общественных сил в революции, оценивающий всякий «текущий момент» не только с точки зрения всей его данной, сегодняшней, оригинальности, но и с точки зрения более глубоких пружин, более глубоких соотношений интересов пролетариата и буржуазии как в России, так и во всем мире.

Питерские рабочие, как и рабочие всей России, самоотверженно боролись против царской монархии, за свободу, за землю для крестьян, за *мир*, против империалистской бойни. Англо-французский империалистский капитал, в интересах продолжения и усиления этой бойни, ковал дворцовые интриги, устраивал заговор с гвардейскими офицерами, подстрекал и обнадеживал Гучковых и Милюковых, подстраивал *совсем готовое новое правительство*, которое и *захватило власть* после первых же ударов пролетарской борьбы, нанесенных царизму⁷.

Это новое правительство, в котором октябристы и «мирно-обновленцы»⁸, вчерашние пособники Столыпина-Вешателя, Львов и Гучков, занимают *действительно важные* посты, боевые посты, решающие посты, армию, чиновничество, — это правительство, в котором Милюков и другие кадеты сидят больше для украшения, для вывески, для сладеньких профессорских речей, а «трудовик» Керенский играет роль балайки для обмана рабочих и крестьян, — это правительство не случайное сборище лиц.

Это — представители нового класса, поднявшегося к политической власти в России, класса капиталистических помещиков и буржуазии, которая давно *правит* нашей страной экономически и которая как за время революции 1905—1907 го-

дов, так и за время контрреволюции 1907—1914 годов, так наконец, — и притом с особенной быстротой, — за время войны 1914—1917 годов чрезвычайно быстро организовалась политически, забирая в свои руки и местное самоуправление, и народное образование, и съезды разных видов, и Думу, и военно-промышленные комитеты⁹ и т. д. Этот новый класс «почти совсем» был уже у власти к 1917 году; поэтому и достаточно было первых ударов царизму, чтобы он развалился, очистив место буржуазии. Империалистская война, требуя неимоверного напряжения сил, так ускорила ход развития отсталой России, что мы «сразу» (на деле *как будто бы сразу*) *догнали* Италию, Англию, почти Францию, получили «коалиционное», «национальное» (т. е. приспособленное для ведения империалистической бойни и для надувания народа) «парламентское» правительство.

Рядом с этим правительством, — в сущности простым приказчиком миллиардных «фирм»: «Англия и Франция», с точки зрения *данной* войны, — возникло главное, неофициальное, неразвитое еще, сравнительно слабое *рабочее правительство*, выражающее интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения. Это — *Совет рабочих депутатов* в Питере, ищущий связей с солдатами и крестьянами, а также с сельскохозяйственными рабочими и с ними конечно в особенности, в первую голову, больше чем с крестьянами.

Таково *действительное* политическое положение, которое мы прежде всего должны стараться установить с наибольшей возможной объективной точностью, чтобы основать марксистскую тактику на единственно прочном фундаменте, на котором она должна основываться, на фундаменте *фактов*.

Царская монархия разбита, но еще не добита.

Октябристско-кадетское буржуазное правительство, желающее вести «до конца» империалистическую войну, на деле приказчик финансовой фирмы «Англия и Франция», *вынужденное обещать* народу максимум свобод и подачек, совместимых с тем, чтобы это правительство сохранило свою власть над народом и возможность продолжать империалистскую бойню.

Совет рабочих депутатов, организация рабочих, зародыш рабочего правительства, представитель интересов всех *беднейших* масс населения, т. е. $\frac{9}{10}$ населения, добивающийся *мира, хлеба, свободы*.

Борьба этих трех сил определяет положение, создавшееся теперь и являющееся *переходом* от первого ко второму этапу революции.

Между первой и второй силой противоречие *не* глубокое, временное, вызванное *только* конъюнктурой момента, крутым поворотом событий в империалистской войне. *Все* новое правительство — монархисты, ибо *словесный* республиканизм Керенского просто не серьезен, не достоин политика, является, *объективно*, политиканством. Новое правительство не успело добить царской монархии, как уже *начало вступать в сделки* с династией помещиков Романовых. Буржуазии октябристско-кадетского типа *нужна* монархия, как глава бюрократии и армии для охраны привилегий капитала против трудящихся.

Кто говорит, что рабочие должны *поддерживать* новое правительство в интересах борьбы с реакцией царизма (а это говорят, по-видимому, Потресовы, Гвоздевы, Чхенкели, а также несмотря на всю *уклончивость*, и Чхеидзе), тот изменник рабочих, изменник делу пролетариата, делу мира и свободы. Ибо на деле *именно* это новое правительство *уже* связано по рукам и ногам империалистским капиталом, империалистской *военной*, грабительской политикой, *уже* начало сделки (не спросясь народа!) с династией, *уже работает над реставрацией царской монархии*, уже приглашает кандидата в новые царьки, Михаила Романова, уже заботится об укреплении его трона, о замене монархии легитимной (законной, держащейся по старому закону) монархией бонапартистской, плебисцитарной (держась подтасованным народным голосованием).

Нет, для действительной борьбы против царской монархии, для действительного обеспечения свободы, не на словах только, не в посулах краснобаев Милюкова и Керенского, *не* рабочие должны поддержать новое правительство, а это правительство должно «поддержать» рабочих! Ибо единственная *гарантия* свободы и разрушения царизма до конца есть *вооружение пролетариата*, укрепление, расширение, развитие роли, значения, силы Совета рабочих депутатов.

Все остальное — фраза и ложь, самообман политиканов либерального и радикального лагеря, мошенническая проделка.

Помогите вооружению рабочих или хоть не мешайте этому делу — и свобода в России будет непобедима, монархия невозстановима, республика обеспечена.

Иначе Гучковы и Милюковы восстановят монархию и не выполнят *ничего*, ровнехонько ничего из обещанных ими «свобод». Обещаниями «кормили» народ и одурачивали рабочих все буржуазные политиканы во *всех* буржуазных революциях.

Наша революция буржуазная, — *поэтому* рабочие должны поддерживать буржуазию, — говорят Потресовы, Гвоздевы, Чхеидзе, как вчера говорил Плеханов.

Наша революция буржуазная, — говорим мы, марксисты, — *поэтому* рабочие должны раскрывать глаза народу на обман буржуазных политиканов, учить его не верить словам, полагаться только на *свои* силы, на *свою* организацию, на *свое* объединение, на *свое* вооружение.

Правительство октябристов и кадетов, Гучковых и Милюковых, *не может*, — даже если бы оно искренне хотело этого (об искренности Гучкова и Львова могут думать лишь младенцы), — *не может* дать народу *ни мира, ни хлеба, ни свободы*.

Мира — потому, что оно есть правительство войны, правительство продолжения империалистской бойни, правительство *грабежа*, желающее грабить Армению, Галицию, Турцию, отнимать Константинополь, снова завоевать Польшу, Курляндию, Литовский край и т. д. Это правительство связано по рукам и ногам англо-французским империалистским капиталом. Русский капитал есть отделение всемирной «фирмы», ворочающей *сотнями миллиардов* рублей и носящей название «Англия и Франция».

Хлеба — потому, что это правительство буржуазное. В *лучшем* случае оно даст народу, как дала Германия, «гениально организованный голод». Но народ не пожелает терпеть голода. Народ узнает, и, вероятно, скоро узнает, что хлеб есть и может быть получен, но не иначе, как путем мер, *не преклоняющихся перед святостью капитала и землевладения*.

Свободы — потому, что это правительство помещичье-капиталистическое, *боящееся* народа и уже начавшее сделки с романовской династией.

О тактических задачах нашего ближайшего поведения по отношению к этому правительству мы поговорим в другой статье. Там мы покажем, в чем своеобразие текущего момента — *перехода* от первого к второму этапу революции, почему лозунгом, «задачей дня» в этот момент должно быть: *рабочие, вы проявили чудеса пролетарского, народного героизма в гражданской войне против царизма, вы должны проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции*.

Ограничиваясь *теперь* анализом классовой борьбы и соотношения классовых сил на данном этапе революции, мы должны еще поставить вопрос: каковы *союзники* пролетариата в *данной* революции?

У него *два* союзника: во-1-х, широкая, много десятков миллионов насчитывающая, громадное большинство населения составляющая масса полупролетарского и частью мелкокрестьянского населения в России. Этой массе *необходим* мир,

хлеб, свобода, земля. Эта масса неизбежно будет находиться под известным влиянием буржуазии и особенно мелкой буржуазии, к которой она всего ближе подходит по своим жизненным условиям, колеблясь между буржуазией и пролетариатом. Жестокое уроки войны, которые будут тем более жестокими, чем энергичнее поведут войну Гучков, Львов, Миллюков и К^о, неизбежно будут толкать эту массу к пролетариату, вынуждая ее идти за ним. Эту массу мы должны теперь, пользуясь относительной свободой нового порядка и Советами рабочих депутатов, стараться *просветить* и *организовать* прежде всего и больше всего. Советы крестьянских депутатов, Советы сельскохозяйственных рабочих — вот одна из серьезнейших задач. Наши стремления будут состоять при этом не только в том, чтобы сельскохозяйственные рабочие выделили свои особые Советы, но и чтобы неимущие и беднейшие крестьяне организовались *отдельно* от зажиточных крестьян. Об особых задачах и особых формах насущно-необходимой теперь организации в следующем письме.

Во-2-х, союзник русского пролетариата есть пролетариат всех воюющих и всех вообще стран. Он в значительной степени придавлен войной сейчас, и от имени его слишком часто говорят перешедшие в Европе, как Плеханов, Гвоздев, Потресов в России, на сторону буржуазии социал-шовинисты. Но освобождение пролетариата из-под их влияния шло вперед с каждым месяцем империалистической войны, а русская революция *неизбежно* ускорит этот процесс в громадных размерах.

С этими двумя союзниками пролетариат может пойти и пойдет, *используя особенности* теперешнего переходного момента, к завоеванию сначала демократической республики и полной победы крестьян над помещиками вместо гучковско-миллюковской полумонархии, а затем к *социализму*, который один даст измученным войной народам *мир, хлеб и свободу*.

Н. Ленин

Написано 7 (20) марта 1917 г.

Напечатано с сокращениями
21 и 22 марта 1917 г.
в газете «Правда» №№ 14 и 15

Впервые полностью напечатано в 1949 г.
в 4 издании Сочинений В. И. Ленина,
том 23

Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 31, стр. 11—22

О ЗАДАЧАХ ПРОЛЕТАРИАТА В ДАННОЙ РЕВОЛЮЦИИ ¹⁰

Приехав только 3 апреля ночью в Петроград, я мог, конечно, лишь от своего имени и с оговорками относительно недостаточной подготовленности, выступить на собрании 4 апреля с докладом о задачах революционного пролетариата.

Единственное, что я мог сделать для облегчения работы себе, — и добросовестным оппонентам, — было изготовление *письменных* тезисов. Я прочел их и передал их текст тов. Церетели. Читал я их очень медленно и *дважды*: сначала на собрании большевиков, потом на собрании и большевиков и меньшевиков.

Печатаю эти мои личные тезисы, снабженные лишь самыми краткими пояснительными примечаниями, которые гораздо подробнее были развиты в докладе.

ТЕЗИСЫ

1. В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К^о безусловно остается грабительской, империалистской войной в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки «революционному оборончеству».

На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать свое согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала.

Ввиду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества,

признающих войну только по необходимости, а не ради завоеваний, ввиду их обмана буржуазией, надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо разъяснять им их ошибку, разъяснять неразрывную связь капитала с империалистской войной, доказывать, что кончить войну истинно демократическим, не насильническим, миром *нельзя* без свержения капитала.

Организация самой широкой пропаганды этого взгляда в действующей армии.

Братанье.

2. Своеобразие текущего момента в России состоит в *переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

Этот переход характеризуется, с одной стороны, максимумом легальности (Россия *сейчас* самая свободная страна в мире из всех воюющих стран), с другой стороны, отсутствием насилия над массами и, наконец, доверчиво-бессознательным отношением их к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма.

Это своеобразие требует от нас умения приспособиться к *особым* условиям партийной работы в среде неслыханно широких, только что проснувшихся к политической жизни, масс пролетариата.

3. Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение, вместо недопустимого, сеющего иллюзии, «требования», чтобы это правительство, правительство капиталистов, *перестало* быть империалистским.

4. Признание факта, что в большинстве Советов рабочих депутатов наша партия в меньшинстве, и пока в слабом меньшинстве, перед *блоком* всех мелкобуржуазных оппортунистических, поддавшихся влиянию буржуазии и проводящих ее влияние на пролетариат, элементов от народных социалистов¹¹, социалистов-революционеров¹² до ОК (Чхеидзе, Церетели и пр.), Стеклова и пр. и пр.

Разъяснение массам, что С.Р.Д. есть *единственно* возможная форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, пока это правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, *разъяснение* ошибок их тактики.

Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Советам рабочих депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок.

5. Не парламентарная республика, — возвращение к ней от С.Р.Д. было бы шагом назад, — а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху.

Устранение полиции, армии, чиновничества *.

Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего.

6. В аграрной программе перенесение центра тяжести на Советы батрацких депутатов.

Конфискация всех помещичьих земель.

Национализация *всех* земель в стране, распоряжение землею местными Советами батрацких и крестьянских депутатов. Выделение Советов депутатов от беднейших крестьян. Создание из каждого крупного имения (в размере около 100 дес. до 300 по местным и прочим условиям и по определению местных учреждений) образцового хозяйства под контролем батрацких депутатов и на общественный счет.

7. Слияние немедленное всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны С.Р.Д.

8. Не «введение» социализма, как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь к *контролю* со стороны С.Р.Д. за общественным производством и распределением продуктов.

9. Партийные задачи:

а) немедленный съезд партии;

б) перемена программы партии, главное:

1) об империализме и империалистской войне,

2) об отношении к государству и *наше* требование «государства-коммуны» **,

3) исправление отсталой программы-минимум;

в) перемена названия партии ***.

10. Обновление Интернационала.

* Т. е. замена постоянной армии всеобщим вооружением народа.

** То есть такого государства, прообраз которого дала Парижская Коммуна.

*** Вместо «социал-демократии», официальные вожди которой во *всем* мире предали социализм, перейдя к буржуазии («оборонцы» и колеблющиеся «каутскианцы»), надо назваться *Коммунистической партией*.

Инициатива создания революционного Интернационала, Интернационала против *социал-шовинистов* и против «центра» *.

Чтобы читатель понял, почему мне пришлось подчеркнуть особо, как редкое исключение, «случай» добросовестных оппонентов, приглашаю сравнить с этими тезисами следующее возражение господина Гольденберга: Лениным «водружено знамя гражданской войны в среде революционной демократии» (цитировано в «Единстве»¹³ г-на Плеханова, № 5).

Не правда ли, перл?

Я пишу, читаю, разжевываю: «ввиду несомненной добросовестности *широких* слоев *массовых* представителей революционного оборончества... ввиду их обмана буржуазией, надо *особенно* обстоятельно, настойчиво, *терпеливо* разъяснять им их ошибку...».

А господа из буржуазии, называющие себя социал-демократами, *не* принадлежащие ни к *широким* слоям, ни к *массовым* представителям оборончества, с ясным лбом передают мои взгляды, излагают их так: «водружено (!) знамя (!) гражданской войны» (о ней нет ни слова в тезисах, не было ни слова в докладе!) «в среде (!!) революционной демократии...».

Что это такое? Чем это отличается от погромной агитации? от «Русской Воли»¹⁴?

Я пишу, читаю, разжевываю: «Советы Р. Д. есть *единственно возможная* форма революционного правительства, и поэтому нашей задачей может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, *разъяснение* ошибок их тактики...».

А оппоненты известного сорта излагают мои взгляды, как призыв к «гражданской войне в среде революционной демократии»!!

Я нападаю на Временное правительство за то, что оно *не* назначало ни скорого, ни вообще какого-либо срока созыва Учредительного собрания, отделяясь посулами. Я доказывал, что без Советов рабочих и солдатских депутатов созыв Учредительного собрания не обеспечен, успех его невозможен.

Мне приписывают взгляд, будто я против скорейшего созыва Учредительного собрания!!!

* «Центром» называется в международной социал-демократии течение, колеблющееся между шовинистами (=«оборонцами») и интернационалистами, именно: Каутский и К^о в Германии, Лянге и К^о во Франции, Чхейдзе и К^о в России, Турати и К^о в Италии, Макдональд и К^о в Англии и т. д.

Я бы назвал это «бредовыми» выражениями, если бы десятилетия политической борьбы не приучили меня смотреть на добросовестность оппонентов, как на редкое исключение.

Г-н Плеханов в своей газете назвал мою речь «бредовой». Очень хорошо, господин Плеханов! Но посмотрите, как вы неуклюжи, неловки и недогадливы в своей полемике. Если я два часа говорил бредовую речь, как же терпели «бред» сотни слушателей? Далее. Зачем ваша газета целый столбец посвящает изложению «брёда»? Некругло, совсем некругло у вас выходит.

Гораздо легче, конечно, кричать, браниться, вопить, чем попытаться рассказать, разъяснить, вспомнить, как рассуждали Маркс и Энгельс в 1871, 1872, 1875 гг. об опыте Парижской Коммуны¹⁵ и о том, *какое* государство пролетариату нужно?

Бывший марксист г. Плеханов не желает, вероятно, вспоминать о марксизме.

Я цитировал слова Розы Люксембург, назвавшей 4 августа 1914 г. *германскую* социал-демократию «смердящим трупом». А гг. Плехановы, Гольденберги и К^о «обижаются»... за кого? — за *германских* шовинистов, названных шовинистами!

Запутались бедные русские социал-шовинисты, социалисты на словах, шовинисты на деле.

Написано 4 и 5 (17 и 18) апреля
1917 г.

Напечатано 7 апреля 1917 г.
в газете «Правда» № 26
Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 31, стр. 113—118

О ДВОЕВЛАСТИИ

Коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве. Без уяснения этого вопроса не может быть и речи ни о каком сознательном участии в революции, не говоря уже о руководстве ею.

В высшей степени замечательное своеобразие нашей революции состоит в том, что она создала *двоевластие*. Этот факт надо уяснить себе прежде всего; не поняв его, нельзя идти вперед. Старые «формулы», например, большевизма надо уметь дополнить и исправить, ибо они, как оказалось, были верны в общем, но конкретное осуществление *оказалось* иное. О двоевластии *никто* раньше не думал и думать не мог.

В чем состоит двоевластие? В том, что рядом с Временным правительством, правительством *буржуазии*, сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки несомненно существующее на деле и растущее *другое правительство*: Советы рабочих и солдатских депутатов.

Каков классовый состав этого другого правительства? Пролетариат и крестьянство (одетое в солдатские мундиры). Каков политический характер этого правительства? Это — революционная диктатура, т. е. власть, опирающаяся прямо на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу, *не на закон*, изданный централизованной государственной властью. Это — власть совсем не того рода, какого бывает вообще власть в парламентарной буржуазно-демократической республике обычного до сих пор, господствующего в передовых странах Европы и Америки, типа. Часто забывают это обстоятельство, часто не вдумываются в него, а в нем вся суть. *Эта* власть — власть *того же типа*, какого была Парижская Коммуна 1871 года. Основные признаки этого типа: 1) источник власти — не закон, предвари-

тельно обсужденный и проведенный парламентом, а прямой почин народных масс снизу и на местах, прямой «захват», употребляя ходячее выражение; 2) замена полиции и армии, как отделенных от народа и противопоставленных народу учреждений, прямым вооружением всего народа; государственный порядок при такой власти охраняют *сами* вооруженные рабочие и крестьяне, *сам* вооруженный народ; 3) чиновничество, бюрократия либо заменяются опять-таки непосредственной властью самого народа, либо по меньшей мере ставятся под особый контроль, превращаются не только в выборных, но и в *сменяемых* по первому требованию народа, сводятся на положение простых уполномоченных; из привилегированного слоя с высокой, буржуазной, оплатой «местечек» превращаются в рабочих особого «рода оружия», оплачиваемых *не выше* обычной платы хорошего рабочего.

В этом и *только* в этом *суть* Парижской Коммуны, как особого типа государства. Эту суть забыли и исказили гг. Плехановы (прямые шовинисты, изменившие марксизму), Каутские (люди «центра», т. е. колеблющиеся между шовинизмом и марксизмом) и все вообще господствующие ныне социал-демократы, социалисты-революционеры и т. под.

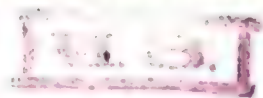
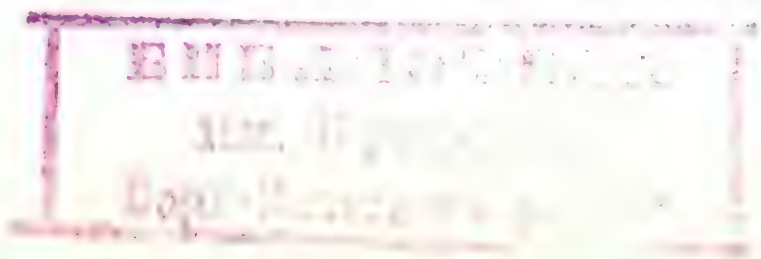
Отделяются фразами, отмалчиваются, увертываются, поздравляют тысячу раз друг друга с революцией, не хотят *подумать* о том, что такое Советы рабочих и солдатских депутатов. Не хотят видеть очевидной истины, что, поскольку эти Советы существуют, *поскольку* они — власть, постольку в России существует государство *типа* Парижской Коммуны.

Я подчеркнул: «поскольку». Ибо это лишь зачаточная власть. Она сама и прямым соглашением с буржуазным Временным правительством и рядом фактических уступок *сдала и сдает* позиции буржуазии.

Почему? Потому ли, что Чхеидзе, Церетели, Стеклов и К^о делают «ошибку»? Пустяки. Так думать может обыватель, но не марксист. Причина — *недостаточная сознательность* и организованность пролетариев и крестьян. «Ошибка» названных вождей — в их мелкобуржуазной позиции, в том, что они *затемняют* сознание рабочих, а не проясняют его, *внушают* мелкобуржуазные иллюзии, а не опровергают их, *укрепляют* влияние буржуазии на массы, а не высвобождают массы из-под этого влияния.

Отсюда должно уже быть ясно, почему так много ошибок делают и наши товарищи, ставя «просто» вопрос: надо ли тотчас свергнуть Временное правительство?

Отвечаю: 1) его надо свергнуть — ибо оно олигархическое, буржуазное, а не общенародное, оно *не может* дать ни мира,

ни хлеба, ни полной свободы; 2) его нельзя сейчас свергнуть, ибо оно держится прямым и косвенным, формальным и фактическим *соглашением* с Советами рабочих депутатов и главным Советом, Питерским, прежде всего; 3) его вообще нельзя «свергнуть» обычным способом, ибо оно опирается на *«поддержку»* буржуазии *вторым* правительством, Советом рабочих депутатов, а это правительство есть единственно возможное революционное правительство, прямо выражающее сознание и волю большинства рабочих и крестьян. Выше, лучше такого типа правительства, как Советы рабочих, батрацких, крестьянских, солдатских депутатов, человечество не выработало и мы до сих пор не знаем.

Чтобы стать властью, сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону: *пока* нет насилия над массами, нет иного пути к власти. Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством. Мы — марксисты, сторонники пролетарской классовой борьбы против мелкобуржуазного угара, шовинизма-оборончества, фразы, зависимости от буржуазии.

Создадим пролетарскую коммунистическую партию; элементы ее лучшие сторонники большевизма уже создали; сплотимся для пролетарской классовой работы, и из пролетариев, из *беднейших* крестьян на нашу сторону будет становиться все большее и большее число. Ибо *жизнь* будет ежедневно разбивать мелкобуржуазные иллюзии «социал-демократов», Чхеидзе, Церетели, Стекловых и пр., «социалистов-революционеров», мелких буржуа еще более «чистых», и пр. и пр.

Буржуазия за единовластие буржуазии.

Сознательные рабочие за единовластие Советов рабочих, батрацких, крестьянских и солдатских депутатов, — за единовластие, подготовленное *прояснением* пролетарского сознания, *освобождением* его от влияния буржуазии, а не авантюрами.

Мелкая буржуазия, — «социал-демократы», с.-р. и пр. и пр., — колеблется, *мешая* этому прояснению, этому освобождению.

Вот фактическое, *классовое*, соотношение сил, определяющее наши задачи.

ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА В НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

(ПРОЕКТ ПЛАТФОРМЫ ПРОЛЕТАРСКОЙ ПАРТИИ) ¹⁶

Переживаемый исторический момент в России характеризуется следующими основными чертами:

КЛАССОВЫЙ ХАРАКТЕР ПРОИСШЕДШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

1. Старая царская власть, представлявшая только кучку крепостников-помещиков, командующую всей государственной машиной (армией, полицией, чиновничеством), разбита и устранена, но не добита. Монархия не уничтожена формально. Шайка Романовых продолжает монархические интриги. Гигантское землевладение крепостников-помещиков не ликвидировано.

2. Государственная власть в России перешла в руки нового *класса*, именно: буржуазии и обуржуазившихся помещиков. *Постольку* буржуазно-демократическая революция в России закончена.

Оказавшаяся у власти буржуазия заключила блок (союз) с явно монархическими элементами, проявлявшими себя неслыханно-усердной поддержкой Николая-Кровавого и Столыпина-Вешателя в 1906—1914 гг. (Гучков и другие, правее кадетов стоящие политики). Новое буржуазное правительство Львова и К^о пыталось и начало вести переговоры с Романовыми о восстановлении монархии в России. Это правительство, под шумок революционной фразы, назначает на командные места сторонников старого порядка. Весь аппарат государственной машины (армию, полицию, чиновничество) это правительство старается как можно менее реформировать, отдав его в руки буржуазии. Революционному почину массовых действий и захвату власти народом *снизу* — этой *единственной* гарантии действительных успехов

революции — новое правительство уже начало всячески препятствовать.

Срока созыва Учредительного собрания это правительство до сих пор даже не назначило. Помещичьего землевладения, этой материальной основы крепостнического царизма, оно не трогает. К расследованию действий, к оглашению действий, к контролю монополистических финансовых организаций, крупных банков, синдикатов и картелей капиталистов и т. п. это правительство и не помышляет приступить.

Самые главные, решающие министерские посты в новом правительстве (министерство внутренних дел, министерство военное, т. е. командование армией, полицией, чиновничеством, всем аппаратом угнетения масс) принадлежат заведомым монархистам и сторонникам крупного помещичьего землевладения. Кадетам, республиканцам вчерашнего дня, республиканцам поневоле, предоставлены второстепенные посты, прямого отношения к *командованию* над народом и к аппарату государственной власти не имеющие. А. Керенский, представитель трудовиков¹⁷ и «тоже-социалист», не играет ровно никакой роли, кроме усыпления народной бдительности и внимания звонкими фразами.

По всем этим причинам даже в области внутренней политики никакого доверия новое буржуазное правительство со стороны пролетариата не заслуживает, и никакая поддержка ему не допустима с его стороны.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

3. В области внешней политики, которая теперь в силу объективных условий выдвинута на первый план, новое правительство является правительством продолжения империалистской войны, войны в союзе с империалистскими державами, Англии, Франции и т. д., из-за дележа капиталистической добычи, из-за удушения мелких и слабых народов.

Подчиненное интересам русского капитала и его могучего покровителя и хозяина, богатейшего во всем мире англо-французского империалистского капитала, новое правительство, вопреки пожеланиям, высказанным самым определенным образом от имени несомненного большинства народов России, через Совет солдатских и рабочих депутатов, не сделало никаких реальных шагов к прекращению бойни народов из-за интересов капиталистов. Оно не опубликовало даже тех тайных договоров заведомо грабительского содержания (о разделе Персии, о грабеже Китая, о грабеже Турции, о раз-

деле Австрии, об отнятии Восточной Пруссии, об отнятии немецких колоний и т. д.), которые заведомо связывают Россию с англо-французским империалистским грабительским капиталом. Оно *подтвердило* эти договоры, заключенные царизмом, который в течение веков грабил и угнетал больше народов, чем другие тираны и деспоты, — царизмом, который не только угнетал, но и позорил и развращал великорусский народ, превращая его в палача других народов.

Новое правительство, подтвердив эти позорные и разбойничьи договоры, не предложило всем воюющим народам немедленного перемирия, вопреки ясно выраженным требованиям большинства народов России через Советы рабочих и солдатских депутатов. Оно отделалось торжественными, звонкими, парадными, но совершенно пустыми декларациями и фразами, которые всегда служили и служат в устах буржуазных дипломатов для обмана доверчивых и наивных масс угнетенного народа.

4. Поэтому не только не заслуживает новое правительство ни малейшего доверия в области внешней политики, но и предъявлять ему дальше требования о том, чтобы оно возвестило волю народов России к миру, о том, чтобы оно отказалось от аннексий и т. д. и т. д., является на деле лишь обманом народа, внушением ему неосуществимых надежд, оттяжкой прояснения его сознания, косвенным примирением его с продолжением войны, истинный социальный характер которой определяется не добрыми пожеланиями, а классовым характером ведущего войну правительства, связью представляемого данным правительством класса с империалистским финансовым капиталом России, Англии, Франции и пр., той *реальной действительной политикой*, которую ведет этот класс.

СВОЕОБРАЗНОЕ ДВОЕВЛАСТИЕ И ЕГО КЛАССОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

5. Самой главной особенностью нашей революции, особенностью, которая наиболее настоятельно требует вдумчивого отношения к ней, является создавшееся в первые же дни после победы революции *двоевластие*.

Это двоевластие проявляется в существовании *двух* правительств: главного, настоящего, действительного правительства буржуазии, «Временного правительства» Львова и К^о, которое имеет в своих руках все органы власти, и добавочного, побочного, «контролирующего» правительства в лице

Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, которое не имеет в своих руках органов государственной власти, но опирается непосредственно на заведомо безусловное большинство народа, на вооруженных рабочих и солдат.

Классовый источник этого двоевластия и классовое значение его состоит в том, что русская революция марта 1917 года не только смела всю царскую монархию, не только передала всю власть буржуазии, но и *дошла вплотную* до революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Именно такой диктатурой (т. е. властью, опирающейся не на закон, а на непосредственную силу вооруженных масс населения) и именно указанных классов являются Петроградский и другие, местные, Советы рабочих и солдатских депутатов.

6. Следующей, в высшей степени важной особенностью русской революции является то, что Петроградский Совет солдатских и рабочих депутатов, пользующийся, судя по всему, доверием большинства местных Советов, *добровольно* передает государственную власть буржуазии и ее Временному правительству, *добровольно уступает* ему первенство, заключив с ним соглашение о поддержке его, ограничивается ролью наблюдателя, контролера за созывом Учредительного собрания (срок созыва которого Временное правительство до сих пор даже не опубликовало).

Это чрезвычайно своеобразное, невиданное в такой форме в истории, обстоятельство создало *переплетение вместе, воедино двух* диктатур: диктатуры буржуазии (ибо правительство Львова и К^о есть диктатура, т. е. власть, опирающаяся не на закон и не на предварительное выражение народной воли, а на захват силою, причем захват этот осуществлен определенным классом, именно: буржуазией) и диктатуры пролетариата и крестьянства (Совет рабочих и солдатских депутатов).

Не подлежит ни малейшему сомнению, что долго продержаться такой «переплет» *не в состоянии*. Двух властей в государстве *быть не может*. Одна из них должна сойти на нет, и вся буржуазия российская уже работает изо всех сил, всяческими способами повсюду над устранением и обессилением, сведением на нет Советов солдатских и рабочих депутатов, над созданием единовластия буржуазии.

Двоевластие выражает лишь *переходный* момент в развитии революции, когда она зашла дальше обычной буржуазно-демократической революции, *но не дошла еще* до «чистой» диктатуры пролетариата и крестьянства.

Классовое значение (и классовое объяснение) этого переходного неустойчивого положения состоит в следующем: как

и всякая революция, наша революция потребовала величайшего героизма, самопожертвования массы для борьбы с царизмом, а также сразу *втянула в движение* неслыханно громадное количество обывателей.

Один из главных, научных и практически-политических признаков *всякой* действительной революции состоит в необыкновенно быстром, крутом, резком увеличении числа «обывателей», переходящих к активному, самостоятельному, действительному участию в политической жизни, в *устройстве государства*.

Так и Россия. Россия сейчас кипит. Миллионы и десятки миллионов, политически спавшие десять лет, политически забитые ужасным гнетом царизма и каторжной работой на помещиков и фабрикантов, *проснулись и потянулись* к политике. А кто такие эти миллионы и десятки миллионов? Большею частью мелкие хозяйчики, мелкие буржуа, люди, стоящие посередине между капиталистами и наемными рабочими. Россия наиболее мелкобуржуазная страна из всех европейских стран.

Гигантская мелкобуржуазная волна захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т. е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику.

Мелкая буржуазия в жизни зависит от буржуазии, живя сама по-хозяйски, а не по-пролетарски (в смысле *места* в общественном *производстве*), и в образе мыслей она идет за буржуазией.

Доверчиво-бессознательное отношение к капиталистам, худшим врагам мира и социализма, — вот что характеризует современную политику *масс* в России, вот что *выросло* с революционной быстротой на социально-экономической почве наиболее мелкобуржуазной из всех европейских стран. Вот *классовая основа «соглашения»* (подчеркиваю, что имею в виду не столько формальное соглашение, сколько *фактическую* поддержку, молчаливое соглашение, доверчиво-бессознательную уступку власти) между Временным правительством и Советом рабочих и солдатских депутатов, — соглашение, давшего Гучковым жирный кусок, настоящую власть, а Совету — посулы, почет (до поры, до времени), лесть, фразы, уверения, расшаркивания Керенских.

Недостаточная численность пролетариата в России, недостаточная сознательность и организованность его — вот другая сторона той же медали.

Все народнические партии, вплоть до с.-р., всегда были мелкобуржуазны, партия ОК (Чхеидзе, Церетели и пр.) тоже;

беспартийные революционеры (Стеклов и др.) равным образом поддались волне или не осилили, не успели осилить волны.

ВЫТЕКАЮЩЕЕ ИЗ ПРЕДЫДУЩЕГО СВОЕОБРАЗИЕ ТАКТИКИ

7. Из указанного выше своеобразия фактического положения вытекает обязательное для марксиста, — который должен считаться с объективными фактами, с массами и классами, а не с лицами и т. п., — своеобразие тактики *данного* момента.

Это своеобразие выдвигает на первый план «вливание уксуса и желчи в сладенькую водицу революционно-демократических фраз» (как выразился — замечательно метко — мой товарищ по ЦК нашей партии Теодорович на вчерашнем заседании Всероссийского съезда железнодорожных служащих и рабочих в Питере¹⁸). Работа критики, *разъяснение* ошибок мелкобуржуазных партий с.-р. и с.-д., подготовка и сплочение элементов *сознательно*-пролетарской, коммунистической партии, *высвобождение* пролетариата из «общего» мелкобуржуазного угара.

Это *кажется* «только» пропагандистской работой. На деле это — самая *практическая революционная* работа, ибо нельзя двигать вперед революцию, которая остановилась, захлебнулась фразой, проделывает «шаг на месте» *не из-за* внешних помех, *не из-за* насилия со стороны буржуазии (Гучков только еще грозитя пока применить насилие против солдатской массы), а *из-за* доверчивой бессознательности масс.

Только борясь с этой доверчивой бессознательностью (а бороться с ней можно и должно исключительно идейно, товарищеским убеждением, указанием на *опыт жизни*), мы можем высвободиться из-под царящего *разгула революционной фразы* и действительно толкать вперед как пролетарское сознание, так и сознание масс, так и смелую решительную инициативу их *на местах*, самочинное осуществление, развитие и укрепление свобод, демократии, принципа общенародного владения всей землей.

8. Всемирный опыт буржуазных и помещичьих правительств выработал *два* способа удержания народа в угнетении. Первый — насилие. Николай Романов I — Николай Палкин и Николай II — Кровавый показали русскому народу максимум возможного и невозможного по части такого, палаческого, способа. Но есть другой способ, лучше всего разработанный английской и французской буржуазией, «проучен-

ных» рядом великих революций и революционных движений масс. Это — способ обмана, лести, фразы, миллиона обещаний, грошовых подачек, уступок неважного, сохранения важного.

Своеобразие момента в России — головокружительно быстрый переход от первого способа ко второму, от насилия над народом к *лести* народу, к обманыванию его обещаниями. Кот-Васька слушает да ест. Милюков и Гучков держат власть, охраняют прибыли капитала, ведут империалистскую войну в интересах русского и англо-французского капитала, — и отделяются посулами, декламацией, эффектными заявлениями в ответ на речи таких «поваров», как Чхеидзе, Церетели, Стеклов, которые грозят, усовещевают, заклинают, умоляют, требуют, провозглашают... Кот-Васька слушает да ест.

И с каждым днем доверчивая бессознательность и бессознательная доверчивость будут отпадать, особенно со стороны пролетариев и *беднейших* крестьян, которых жизнь (общественно-экономическое положение их) учит не верить капиталистам.

Вожди мелкой буржуазии «должны» учить народ доверию к буржуазии. Пролетарии должны учить его недоверию.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ОБОРОНЧЕСТВО И ЕГО КЛАССОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

9. Самым крупным, самым ярким проявлением мелкобуржуазной волны, захлестнувшей «почти все», надо признать *революционное оборончество*. Именно оно — злейший враг дальнейшего движения и успеха русской революции.

Кто поддался в этом пункте и не сумел высвободиться, — тот погиб для революции. Но массы иначе поддаются, чем вожди, и *иначе*, иным ходом развития, иным способом высвобождаются.

Революционное оборончество есть, с одной стороны, плод обмана масс буржуазией, плод доверчивой бессознательности крестьян и части рабочих, а с другой — выражение интересов и точки зрения мелкого хозяйчика, который заинтересован до известной степени в аннексиях и банковых прибылях и который «свято» хранит традиции царизма, развращавшего великороссов палачеством над другими народами.

Буржуазия обманывает народ, играя на благородной гордости революцией и изображая дело так, будто *социально-политический* характер войны со стороны России изменился от этого этапа революции, от замены царской монархии

гучково-милюковской почти республикой. И народ поверил — на время — благодаря, в значительной степени, предрассудкам старины, заставляющим видеть в других народах России, кроме великорусского, нечто вроде собственности или вотчины великорусов. Подлое развращение великорусского народа царизмом, приучавшим видеть в других народах нечто низшее, нечто «по праву» принадлежащее Великороссии, не могло рассеяться *сразу*.

От нас требуется *умение* разъяснить массам, что социально-политический характер войны определяется не «доброй волей» лиц и групп, даже народов, а положением *класса*, ведущего войну, *политикой* класса, продолжением коей война является, *связями* капитала, как господствующей экономической силы в современном обществе, *империалистским характером* международного капитала, зависимостью — финансовой, банковской, дипломатической — России от Англии и Франции и т. д. Умело, понятно для масс объяснить это *не легко*, без ошибок никто из нас этого не сумел бы сразу сделать.

Но направление или, вернее, содержание нашей пропаганды должно быть такое и только такое. Малейшая уступка революционному оборончеству есть *измена социализму*, полный отказ от *интернационализма*, какими бы красивыми фразами, какими бы «практическими» соображениями это ни оправдывалось.

Лозунг «долой войну» верен, конечно, но он не учитывает своеобразие задач момента, необходимости *иначе подойти* к широкой массе. Он похож, по-моему, на лозунг «долой царя», с которым неумелый агитатор «доброго старого времени» шел просто и прямо в деревню — и получал побои. Массовые представители революционного оборончества *добросовестны*, — не в личном смысле, а в классовом, т. е. они принадлежат к таким *классам* (рабочие и беднейшие крестьяне), которые *действительно* от аннексий и от удушения чужих народов не выигрывают. Это не то, что буржуа и гг. «интеллигенты», прекрасно знающие, что *нельзя* отказаться от аннексий, не отказавшись от господства капитала, и бессовестно обманывающие массы красивой фразой, обещаниями без меры, посулами без числа.

Массовый представитель оборончества смотрит на дело попросту, по-обывательски: «я не хочу аннексий, на *меня* «прет» немец, значит, я защищаю правое дело, а вовсе не какие-то империалистские интересы». Такому человеку надо разъяснять и разъяснять, что дело не в его личных желаниях, а в отношениях и условиях массовых, *классовых*, политических, в связи войны с интересами капитала и с международ-

ной сетью банков и т. д. Только такая борьба с оборончеством серьезна и обещает успех — может быть, не очень быстрый, но верный и прочный.

КАК МОЖНО КОНЧИТЬ ВОЙНУ?

10. Войну нельзя кончить «по желанию». Ее нельзя кончить решением одной стороны. Ее нельзя кончить, «воткнув штык в землю», употребляя выражение одного солдата-оборонца.

Войну нельзя кончить «соглашением» социалистов разных стран, «выступлением» пролетариев всех стран, «волей» народов и т. п. — все фразы этого рода, наполняющие статьи оборонческих и полуборонческих, полуинтернационалистских газет, а также бесчисленные резолюции, воззвания, манифесты, резолюции Совета солдатских и рабочих депутатов, — все эти фразы не что иное, как пустые, невинные, добренькие пожелания мелких буржуа. Нет ничего вреднее таких фраз о «выявлении воли народов к миру», об *очереди* революционных выступлений пролетариата (после русского «очередь» за германским) и т. п. Все это лублановщина, сладенькие мечты, игра в «политические кампании», на деле повторение басни с Котом-Васькой.

Война порождена не злой волей хищников-капиталистов, хотя она, несомненно, *только* в их интересах ведется, только их обогащает. Война порождена полувековым развитием всемирного капитала, миллиардами его нитей и связей. *Нельзя* выскочить из империалистской войны, *нельзя* добиться демократического, не насильнического, мира без свержения власти капитала, без перехода государственной власти к *другому* классу, к пролетариату.

Русская революция февраля-марта 1917 г. была началом превращения империалистской войны в войну гражданскую. Эта революция сделала *первый* шаг к прекращению войны. Только *второй* шаг может *обеспечить* прекращение ее, именно: переход государственной власти к пролетариату. Это будет началом всемирного «прорыва фронта» — фронта интересов капитала, и только прорвав *этот* фронт, пролетариат *может* избавить человечество от ужасов войны, дать ему блага прочного мира.

И к такому «прорыву фронта» капитала русская революция *уже* подвела пролетариат России вплотную, создав Советы рабочих депутатов.

НОВЫЙ ТИП ГОСУДАРСТВА, ВЫРАСТАЮЩИЙ В НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

11. Советы рабочих, солдатских, крестьянских и пр. депутатов не поняты не только в том отношении, что большинству неясно их классовое значение, их роль в *русской* революции. Они не поняты еще и в том отношении, что они представляют из себя новую форму, вернее, *новый тип государства*.

Наиболее совершенным, передовым из буржуазных государств является тип *парламентарной демократической республики*: власть принадлежит парламенту; государственная машина, аппарат и орган управления обычный: постоянная армия, полиция, чиновничество, фактически несменяемое, привилегированное, стоящее *над* народом.

Но революционные эпохи, начиная с конца XIX века, выдвигают *высший* тип демократического государства, такого государства, которое в некоторых отношениях перестает уже, по выражению Энгельса, быть государством, «не является государством в собственном смысле слова»¹⁹. Это — государство типа Парижской Коммуны, *заменяющее* особую от народа армию и полицию прямым и непосредственным вооружением самого народа. В этом суть Коммуны, которую оболгали и оклеветали буржуазные писатели, которой ошибочно приписывали, между прочим, намерение немедленно «ввести» социализм.

Именно такого типа государство *начала* создавать русская революция в 1905 и в 1917 годах. Республика Советов рабочих, солдатских, крестьянских и пр. депутатов, объединенных Всероссийским Учредительным собранием народных представителей или Советом советов и т. п., — вот что *уже входит в жизнь* у нас теперь, в данное время, по инициативе многомиллионного народа, самочинно творящего демократию *по-своему*, не дожидаящегося ни того, как гг. профессора-кадеты напишут свои проекты законов для парламентарной буржуазной республики, — ни того, как педанты и рутинеры мелкобуржуазной «социал-демократии», вроде г. Плеханова или Каутского, откажутся от их искажения учения марксизма по вопросу о государстве.

Марксизм отличается от анархизма тем, что признает *необходимость* государства и государственной власти в революционный период вообще, в эпоху перехода от капитализма к социализму в частности.

Марксизм отличается от мелкобуржуазного, оппортунистического «социал-демократизма» г. Плеханова, Каутского

и К⁰ тем, что признает необходимость для указанных периодов *не* такого государства, как обычная парламентарная буржуазная республика, а такого, как Парижская Коммуна.

Главные отличия этого последнего типа государства от старого следующие:

От парламентарной буржуазной республики возврат к монархии совсем легок (как и доказала история), ибо остается неприкосновенной вся машина угнетения: армия, полиция, чиновничество. Коммуна и Советы рабочих, солдатских, крестьянских и т. д. депутатов *разбивают* и устраняют эту машину.

Парламентарная буржуазная республика стесняет, душит самостоятельную политическую жизнь *масс*, их непосредственное участие в *демократическом* строительстве всей государственной жизни снизу доверху. Обратное — Советы рабочих и солдатских депутатов.

Последние воспроизводят тот тип государства, какой вырабатывался Парижской Коммуной и который Маркс назвал «открытой, наконец, политической формой, в которой *может* произойти экономическое освобождение трудящихся»²⁰.

Обычно возражают: русский народ еще не подготовлен к «введению» Коммуны. Это — довод крепостников, говоривших о неподготовленности крестьян к свободе. *Никаких* преобразований, не назревших абсолютно и в экономической действительности и в сознании подавляющего большинства народа, Коммуна, т. е. Советы рабочих и крестьянских депутатов, не «вводит», не предполагает «вводить» и не должна вводить. Чем сильнее экономический крах и порождаемый войной кризис, тем настоятельнее необходимость наиболее совершенной политической формы, *облегчающей* излечение ужасных ран, нанесенных человечеству войной. Чем меньше у русского народа организационного опыта, тем решительнее надо *приступать* к организационному строительству *самого народа*, а не одних только буржуазных политиканов и чиновников с «доходными местечками».

Чем скорее мы сбросим с себя старые предрассудки искаженного г. Плехановым, Каутским и К⁰ лжемарксизма, чем усерднее мы примемся помогать народу строить тотчас и повсюду Советы рабочих и крестьянских депутатов, брать в их руки *всю* жизнь, — чем дольше будут гг. Львовы и К⁰ оттягивать созыв Учредительного собрания, — тем легче будет народу сделать (через посредство Учредительного собрания или помимо него, если Львов не созовет его очень долго).

выбор в пользу Республики Советов рабочих и крестьянских депутатов. Ошибки в новом организационном строительстве самого народа неизбежны вначале, но лучше ошибаться и идти вперед, чем *ждать*, когда созываемые г. Львовым профессора-юристы напишут законы о созыве Учредительного собрания и об увековечении парламентарной буржуазной республики, об удушении Советов рабочих и крестьянских депутатов.

Если мы сорганизуемся и умело поведем свою пропаганду, не только пролетарии, но и девять десятых крестьянства будут против восстановления полиции, против несменяемого и привилегированного чиновничества, против отделенной от народа армии. А только в этом и состоит новый тип государства.

12. Замена полиции народной милицией — есть преобразование, вытекшее из всего хода революции и проводимое теперь в жизнь в большинстве мест России. Мы должны разъяснять массам, что в большинстве буржуазных революций обычного типа такое преобразование оказывалось крайне недолговечным, и буржуазия, даже самая демократическая и республиканская, восстанавливала полицию старого, царистского типа, отделенную от народа, находящуюся под командой буржуа, способную всячески угнетать народ.

Чтобы *не дать* восстановить полицию, есть только одно средство: создание всенародной милиции, слияние ее с армией (замена постоянной армии всеобщим вооружением народа). В такой милиции должны участвовать поголовно все граждане и гражданки от 15 до 65 лет, если этими примерно взятыми возрастами позволительно определить участие подростков и стариков. Капиталисты должны платить наемным рабочим, прислуге и пр. за дни, посвященные общественной службе в милиции. Без привлечения женщин к самостоятельному участию не только в политической жизни вообще, но и к постоянной, поголовной общественной службе нечего и говорить не только о социализме, но и о полной и прочной демократии. А такие функции «полиции», как попечение о больных, о беспризорных детях, о здоровом питании и пр., вообще не могут быть удовлетворительно осуществлены без равноправия женщин на деле, а не на бумаге только.

Не дать восстановить полиции; привлечь организационные силы всего народа к созданию поголовной милиции — таковы задачи, которые пролетариат должен нести в массы в интересах охраны, упрочения и развития революции.

АГРАРНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОГРАММЫ

13. Мы не можем знать определенно в настоящее время, разовьется ли в ближайшем будущем могучая аграрная революция в русской деревне. Мы не можем знать, насколько именно глубоко углубившееся несомненно в последнее время классовое деление крестьянства на батраков, наемных рабочих и беднейших крестьян («полупролетариев»), с одной стороны, — и крестьян зажиточных и средних (капиталистов и капиталистиков), с другой. Такие вопросы решит и может решить только опыт.

Но мы безусловно обязаны, как партия пролетариата, выступить немедленно не только с аграрной (земельной) программой, но и с проповедью немедленно осуществимых практических мер *в интересах* крестьянской аграрной революции в России.

Мы должны требовать национализации *всех* земель, т. е. перехода всех земель в государстве в собственность центральной государственной власти. Эта власть должна определять размеры и проч. переселенческого фонда, определять законы для охраны лесов, для мелиораций и т. п., запрещать безусловно всякое посредничество между собственником земли — государством и арендатором ее — хозяином (запрещать всякую пересдачу земли). Но все *распоряжение* земель, все определение *местных условий* владения и пользования должно находиться всецело и исключительно отнюдь не в бюрократических, чиновничьих руках, а в руках областных и местных *Советов крестьянских депутатов*.

В интересах повышения техники производства хлеба и размеров производства, а также в интересах развития рационального крупного хозяйства и общественного контроля над ним, мы должны внутри крестьянских комитетов добиваться образования из каждого конфискованного помещичьего имения крупного образцового хозяйства под контролем *Советов батрацких депутатов*.

В противовес мелкобуржуазной фразе и политике, которая царит у с.-р., особенно в пустых разговорах о «потребительной» или «трудовой» норме, о «социализации земли» и т. п., партия пролетариата должна разъяснять, что система мелкого хозяйства при товарном производстве *не в состоянии* избавить человечество от нищеты масс и угнетения их.

Не раскалывая немедленно и обязательно Советов крестьянских депутатов, партия пролетариата должна разъяснять необходимость особых Советов батрацких депутатов

и особых Советов депутатов от беднейших (полупролетарских) крестьян или, по крайней мере, особых постоянных совещаний депутатов *такого классового положения*, как отдельных фракций или партий внутри общих Советов крестьянских депутатов. Без этого все сладенькие мелкобуржуазные фразы народников о крестьянстве вообще окажутся прикрытием обмана неимущей массы зажиточным крестьянством, которое представляет из себя лишь одну из разновидностей *капиталистов*.

В противовес буржуазно-либеральной или чисто чиновничьей проповеди, которую ведут многие с.-р. и Советы рабочих и солдатских депутатов, советуя крестьянам не брать помещичьих земель и не начинать аграрного преобразования впредь до созыва Учредительного собрания, партия пролетариата должна призывать крестьян к немедленному, самочинному осуществлению земельного преобразования и к немедленной конфискации помещичьих земель по решениям крестьянских депутатов на местах.

Особенно важно при этом настаивать на необходимости *увеличить* производство съестных продуктов для солдат на фронте и для городов, — на абсолютной недопустимости какого бы то ни было ущерба или порчи скота, орудий, машин, построек и пр. и пр.

14. В национальном вопросе пролетарская партия должна отстаивать, прежде всего, провозглашение и немедленное осуществление полной свободы отделения от России всех наций и народностей, угнетенных царизмом, насильственно присоединенных или насильственно удерживаемых в границах государства, т. е. аннектированных.

Все заявления, декларации и манифесты об отказе от аннексий, не сопровождаемые действительным осуществлением свободы отделения, сводятся к буржуазному обману народа или к мелкобуржуазным невинным пожеланиям.

Пролетарская партия стремится к созданию возможно более крупного государства, ибо это выгодно для трудящихся, она стремится к *сближению и дальнейшему слиянию* наций, но этой цели она хочет достигнуть не насилием, а исключительно свободным, братским союзом рабочих и трудящихся масс всех наций.

Чем демократичнее будет республика российская, чем успешнее организуется она в республику Советов рабочих и крестьянских депутатов, тем более могуча будет сила *добровольного* притяжения к такой республике трудящихся масс *всех* наций.

Полная свобода отделения, самая широкая местная (и национальная) автономия, детально разработанные гарантии прав национального меньшинства — такова программа революционного пролетариата.

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ БАНКОВ И СИНДИКАТОВ КАПИТАЛИСТОВ

15. Партия пролетариата никоим образом не может задаваться целью «введения» социализма в стране мелкого крестьянства, пока подавляющее большинство населения не пришло к сознанию необходимости социалистической революции.

Но только буржуазные софисты, прячущиеся за «почти-марксистские» словечки, могут выводить из этой истины оправдание такой политики, которая бы оттягивала немедленные революционные меры, вполне назревшие практически, *осуществленные зачастую во время войны рядом буржуазных государств*, настоятельно необходимые для борьбы с надвигающимся полным экономическим расстройством и голодом.

Такие меры, как национализация земли, всех банков и синдикатов капиталистов или, по крайней мере, установление *немедленного контроля* за ними Советов рабочих депутатов и т. п., отнюдь не будучи «введением» социализма, должны быть безусловно отстаиваемы и, по мере возможности, революционным путем осуществляемы. Вне таких мер, которые являются лишь шагами к социализму и которые вполне осуществимы экономически, невозможно лечение ран, нанесенных войной, и предупреждение грозящего краха, а останавливаться перед посягательством на неслыханно-высокие прибыли капиталистов и банкиров, наживающихся именно «на войне» особенно скандально, партия революционного пролетариата никогда не будет.

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

16. Международные обязанности рабочего класса России именно теперь с особенной силой выдвигаются на первый план.

Интернационализмом не клянется в наши дни только ленивый, даже шовинисты-оборонцы, даже гг. Плеханов и

Потресов, даже Керенский называет себя интернационалистом. Тем насущнее обязанность пролетарской партии противопоставить со всей ясностью, точностью, определенностью интернационализм на деле интернационализму на словах.

Голые воззвания к рабочим всех стран, пустые заверения в своей преданности интернационализму, попытки прямо или косвенно установить «очередь» выступлений революционного пролетариата в разных воюющих странах, потуги заключить «соглашения» между социалистами воюющих стран о революционной борьбе, хлопотня с социалистическими съездами для кампании за мир и т. д., и т. д. — все это по своему *объективному* значению, как бы ни были искренни авторы таких идей, таких попыток или таких планов, все это одно фразерство, в *лучшем* случае — невинные, добренькие пожелания, годные лишь для прикрытия *обмана* масс шовинистами. И наиболее ловкие, наиболее искушенные в приемах парламентского мошенничества *французские* социал-шовинисты давным-давно побили рекорд по части неслыханно громких и звонких пацифистских и интернационалистских фраз, *соединенных* с неслыханно наглой изменой социализму и Интернационалу, вступлением в министерства, ведущие империалистскую войну, голосованием за кредиты *или за займы* (как Чхеидзе, Скобелев, Церетели, Стеклов в последние дни в России), противодействием революционной борьбе в своей *собственной стране* и т. д., и т. д.

Добрые люди забывают часто жестокую, свирепую обстановку всемирной империалистской войны. Эта обстановка не терпит фраз, она издевается над невинными, сладенькими пожеланиями.

Интернационализм на деле — один и только один: беззаветная работа над развитием революционного движения и революционной борьбы *в своей* стране, поддержка (пропагандой, сочувствием, материально) *такой же* борьбы, *такой же* линии, и *только ее одной*, во *всех* без исключения странах.

Все остальное обман и маниловщина ²¹.

Три течения выработало международное социалистическое и рабочее движение за два с лишним года войны во *всех* странах, и кто сходит с *реальной* почвы признания этих трех течений, анализа их, последовательной борьбы за интернационалистское на деле течение, — тот осуждает себя на бессилие, беспомощность и ошибки.

Три течения следующие:

1) Социал-шовинисты, т. е. социалисты на словах, шовинисты на деле, — это люди, признающие «защиту отечества»

в империалистской (и, прежде всего, в данной империалистской) войне.

Эти люди — наши *классовые* противники. Они перешли на сторону буржуазии.

Таково большинство официальных вождей официальной социал-демократии во *всех* странах. Гг. Плеханов и К^о в России, Шейдеманы в Германии, Ренодель, Гед, Самба во Франции, Биссолати и К^о в Италии, Гайндман, фабианцы²² и «лабуристы» (вожди «рабочей партии») ²³ в Англии, Брантинг и К^о в Швеции, Трульстра и его партия в Голландии, Стаунинг и его партия в Дании, Виктор Бергер и пр. «защитники отечества» в Америке и т. п.

2) Второе течение — так называемый «центр» — люди, колеблющиеся между социал-шовинистами и интернационалистами на деле.

«Центр» весь клянется и божится, что они марксисты, интернационалисты, что они за мир, за всяческие «давления» на правительства, за всяческие «требования» к своему правительству о «выявлении им воли народа к миру», за всевозможные кампании в пользу мира, за мир без аннексий и т. д., и т. д. — *и за мир с социал-шовинистами*. «Центр» — за «единство», центр — противник раскола.

«Центр» — царство добренькой мелкобуржуазной фразы, интернационализма на словах, трусливого оппортунизма и угодничества перед социал-шовинистами на деле.

Гвоздь вопроса в том, что «центр» не убежден в необходимости революции против своих правительств, не проповедует ее, не ведет беззаветной революционной борьбы, выдумывает самые пошлые — и архи-«марксистски» звучащие — *отговорки* от нее.

Социал-шовинисты — наши *классовые* противники, *буржуа* среди рабочего движения. Они представляют слой, группы, прослойки рабочих, *объективно* подкупленных буржуазией (лучшая плата, почетные места и т. д.) и помогающих *своей* буржуазии грабить и душить мелкие и слабые народы, бороться *из-за* дележа капиталистической добычи.

«Центр» — люди рутины, изъеденные гнилой легальностью, испорченные обстановкой парламентаризма и пр., чиновники, привыкшие к теплым местечкам и к «спокойной» работе. Исторически и экономически говоря, они не представляют *особого* слоя, они представляют только *переход* от изжитой полосы рабочего движения, от полосы 1871—1914 годов, от полосы, давшей много ценного, особенно в необходимом для пролетариата искусстве медленной, выдержанной, систематической, организационной работы в широком и

широчайшем размере, — к *полосе* новой, ставшей *объективно* необходимою со времени первой всемирной империалистической войны, открывшей *эру социальной революции*.

Главный вождь и представитель «центра» — Карл Каутский, виднейший авторитет II (1889—1914) Интернационала, образец полного краха марксизма, неслыханной бесхарактерности, самых жалких колебаний и измен с августа 1914 года. Течение «центра» — Каутский, Гаазе, Ледебур, так называемое «Рабочее или трудовое содружество»²⁴ в рейхстаге; во Франции — Лонге, Прессман и так называемые «миноритеры»²⁵ (меньшевики) вообще; в Англии — Филипп Сноуден, Рамсей Макдональд и многие другие вожди «Независимой рабочей партии»²⁶ и частью Британской социалистической партии²⁷; Моррис Хилквит и мн. др. в Америке; Турати, Тревес, Модильяни и т. п. в Италии; Роберт Гримм и т. д. в Швейцарии; Виктор Адлер и К^о в Австрии; партия ОК, Аксельрод, Мартов, Чхеидзе, Церетели и пр. в России и т. п.

Понятно, что отдельные лица иногда переходят, незаметно для себя, с позиции социал-шовинизма на позицию «центра» и обратно. Всякий марксист знает, что классы отличаются друг от друга, несмотря на свободный переход лиц из класса в класс; так и *течения* в политической жизни отличаются друг от друга, несмотря на свободный переход лиц из одного течения в другое, несмотря на попытки и усилия *слить* течения.

3) Третье течение — интернационалисты на деле, ближе всего выражаемые «Циммервальдской левой»²⁸ (мы перепечатываем в приложении ее манифест, от сентября 1915 г., чтобы читатели могли ознакомиться в подлиннике с рождением данного течения).

Главный отличительный признак: полный разрыв и с социал-шовинизмом и с «центром». Беззаветная революционная борьба против *своего* империалистского правительства и *своей* империалистской буржуазии. Принцип: «главный враг в собственной стране». Беспощадная борьба со сладенькой социал-пацифистской (социал-пацифист — социалист на словах, буржуазный пацифист на деле; буржуазные пацифисты мечтают о вечном мире без свержения ига и господства капитала) фразой и со всякими *отговорками*, направленными к отрицанию возможности или уместности, или своевременности революционной борьбы пролетариата и пролетарской, социалистической революции *в связи* с данной войной.

Виднейшие представители этого течения: в Германии — «группа Спартака», или «группа Интернационала»²⁹, с Карлом Либкнехтом, как членом ее. Карл Либкнехт — знамени-

тейший представитель этого течения и *нового*, настоящего, пролетарского Интернационала.

Карл Либкнехт призвал рабочих и солдат Германии *обратить оружие* против *своего* правительства. Карл Либкнехт делал это открыто с трибуны парламента (рейхстага). А потом он пошел на Потсдамскую площадь, одну из самых больших площадей Берлина, с нелегально отпечатанными прокламациями на демонстрацию с призывом «*долой правительство*». Его арестовали и осудили *на каторгу*. Он сидит теперь в каторжной тюрьме в Германии, как и вообще *сотни*, если не тысячи, *истинных* социалистов Германии сидят в тюрьмах за борьбу против войны.

Карл Либкнехт вел беспощадную борьбу в речах и письмах не только *со своими* Плехановыми, Потресовыми (Шейдеманами, Легиными, Давидами и К^о), *но и со своими людьми центра*, со своими Чхеидзе, Церетели (с Каутским, Гаазе, Ледебуром и К^о).

Карл Либкнехт с своим другом Отто Рюле, вдвоем из ста десяти депутатов, порвали дисциплину, разрушили «единство» с «центром» и шовинистами, *пошли против всех*. Один Либкнехт представляет социализм, пролетарское дело, пролетарскую революцию. *Вся* остальная германская социал-демократия, по верному выражению Розы Люксембург (тоже член и один из вождей «группы Спартака»), — *смердящий труп*.

Другая группа интернационалистов на деле в Германии — бременская газета «Рабочая Политика»³⁰.

Во Франции ближе всего к интернационалистам на деле — Лорио и его друзья (Бурдерон и Мергейм скатились к социал-пацифизму), а также француз Анри Гильбо, издающий в Женеве журнал «Завтра»³¹, в Англии — газета «Тред-Юнионист»³² и *часть* членов Британской социалистической партии и Независимой рабочей партии (например, Вилльямс Россель, открыто звавший к расколу с *изменившими* социализму вождями), шотландский народный учитель социалист Маклин, осужденный буржуазным правительством Англии *на каторгу* за революционную борьбу против войны; сотни социалистов Англии в тюрьмах за те же преступления. Они и только они — интернационалисты *на деле*; в Америке — «Социалистическая рабочая партия»³³ и те элементы внутри оппортунистической «Социалистической партии»³⁴, которые начали издавать с января 1917 г. газету «Интернационалист»³⁵; в Голландии — партия «трибунистов», издающих газету «Трибуна» (Паннекук, Герман Гортер, Вайнкоп, Генриетта Роланд-Гольст, бывшая центром в Циммервальде, перешедшая теперь к нам)³⁶; в Швеции — партия молодых или левых³⁷ с такими вождями,

как Линдхаген, Туре Нерман, Карльсон, Стрём, Ц. Хёглунд, участвовавший лично в Циммервальде в основании «Циммервальдской левой» и осужденный ныне в тюрьму за революционную борьбу против войны; в Дании — Трир и его друзья, ушедшие из ставшей вполне *буржуазной* «социал-демократической» партии Дании, с *министром* Стаунигом во главе; в Болгарии — «тесняки»³⁸; в Италии — ближе всего секретарь партии Константин Лаццари и редактор центрального органа «Вперед»³⁹ Серрати; в Польше — Радек, Ганецкий и др. вожди социал-демократии, объединенной «Краевым Правлением»; Роза Люксембург, Тышка и другие вожди социал-демократии, объединенной «Главным Правлением»⁴⁰ в Швейцарии — те левые, которые составили мотивировку «референдума» (январь 1917 г.) для борьбы с социал-шовинистами и «центром» *своей* страны и которые на цюрихском кантональном социалистическом съезде в Тёссе, 11 февраля 1917 г., внесли принципиально-революционную резолюцию против войны⁴¹; в Австрии — молодые друзья Фридриха Адлера слева, действовавшие отчасти в клубе «Карл Маркс» в Вене, — клубе, закрытом ныне реакционнейшим австрийским правительством, губящим Фр. Адлера за его геройский, хотя и мало обдуманный, выстрел в министра, и т. д., и т. д.

Дело не в оттенках, которые есть и между левыми. Дело в *течении*. Вся суть в том, что не легко быть интернационалистом на деле в эпоху ужасной империалистской войны. Таких людей мало, но *только* в них — вся будущность социализма, *только* они — *вожди масс*, а не развратители масс.

Различие между реформистами и революционерами, среди с.-д., среди социалистов вообще, с объективной неизбежностью должно было претерпеть изменение в обстановке империалистской войны. Кто ограничивается «требованиями» к буржуазным правительствам о заключении мира или о «выявлении воли народов к миру» и т. п., тот *на деле* скатывается к реформам. *Ибо вопрос о войне*, объективно, стоит только *революционно*.

Нет выхода из войны к демократическому, не насильническому миру, к освобождению народов от кабалы *миллиардных* процентов господам капиталистам, нажившимся на «войне», — нет выхода, кроме революции пролетариата.

От буржуазных правительств можно и должно требовать самых различных реформ, но нельзя, не впадая в маниловщину, в реформизм, требовать от этих, тысячами нитей империалистского капитала опутанных людей и классов, *разрыва* этих нитей, а без такого разрыва все разговоры о войне против войны — пустые, обманчивые фразы.

«Каутскианцы», «центр» — революционеры на словах, реформисты на деле, — интернационалисты на словах, пособники социал-шовинизма на деле.

КРАХ ЦИММЕРВАЛЬДСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА. — НЕОБХОДИМО ОСНОВАТЬ ТРЕТИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

17. Циммервальдский Интернационал с самого начала встал на колеблющуюся, «каутскианскую», «центровую» позицию, что и заставило *Циммервальдскую левую* немедленно отгородиться, обособиться, выступить со своим манифестом (напечатанным в Швейцарии по-русски, по-немецки и по-французски).

Главный недостаток Циммервальдского Интернационала — причина его *краха* (ибо он потерпел уже идейно-политический крах) — колебания, нерешительность в важнейшем, практически *всеопределяющем* вопросе о полном разрыве с социал-шовинизмом и с социал-шовинистским старым Интернационалом, возглавляемым Вандервельдом, Гюисмансом в Гааге (Голландия) и пр.

У нас еще не знают, что циммервальдское большинство есть *именно каутскианцы*. А между тем это основной факт, который нельзя не учитывать и который теперь в Западной Европе общеизвестен. Даже шовинист, крайний немецкий шовинист Хейльман, редактор архишовинистской «Хемницкой Газеты» и сотрудник архишовинистского парвусовского «Колокола»⁴² — (разумеется, «социал-демократ» и ярый сторонник «единства» социал-демократии) — должен был признать в печати, что центр или «каутскианство» и *циммервальдское большинство* — это одно и то же.

А конец 1916 и начало 1917 года окончательно установили этот факт. Несмотря на осуждение социал-пацифизма Кинтальским манифестом⁴³, *вся* циммервальдская правая, *все* циммервальдское большинство скатилось к социал-пацифизму: Каутский и К⁰ в ряде выступлений в январе и феврале 1917 года; Бурдерон и Мергейм во Франции, голосуя *единодушно* с социал-шовинистами за пацифистские резолюции социалистической партии (декабрь 1916 г.)⁴⁴ и «генеральной конфедерации труда» (т. е. общенациональной организации французских профессиональных союзов, тоже в декабре 1916 г.); Турати и К⁰ в Италии, где вся партия заняла социал-пацифистскую позицию, а Турати лично «поскользнулся» (и не случайно, конечно) до *националистических*, прикраши-

вающих империалистскую войну, фраз в речи 17 декабря 1916 года.

Председатель Циммервальда и Кинтала Роберт Гримм в январе 1917 года вошел в союз с социал-шовинистами *своей* партии (Грейлих, Пфлюгер, Густав Мюллер и др.) *против* интернационалистов на деле.

На двух совещаниях *циммервальдцев* разных стран, в январе и феврале 1917 года, это двойственное и двуличное поведение циммервальдского большинства было формально заклеено левыми интернационалистами нескольких стран: Мюнценбергом, секретарем международной организации молодых и редактором прекрасной интернационалистской газеты «Интернационал Молодежи»⁴⁵; Зиновьевым, представителем ЦК нашей партии; К. Радеком, польской с.-д. партии («Краевое Правление»); Гартштейном, немецким социал-демократом, членом «группы Спартак».

Русскому пролетариату многое дано; нигде в мире не удалось еще рабочему классу развернуть такую революционную энергию, как в России. Но кому много дано, с того много спросится.

Нельзя терпеть далее циммервальдское болото. Нельзя из-за циммервальдских «каутскианцев» оставаться дальше в полусвязи с шовинистским Интернационалом Плехановых и Шейдеманов. Надо порвать с этим Интернационалом немедленно. Надо остаться в Циммервальде *только* для информации.

Надо основать именно нам, именно теперь, без промедления *новый*, революционный, пролетарский Интернационал или, вернее, не бояться признать во всеуслышание, что он *уже основан* и действует.

Это — Интернационал тех «интернационалистов на деле», которых я точно перечислил выше. Они и только они — представители революционно-интернационалистских масс, а не развратители масс.

Если мало *таких* социалистов, то пусть спросит себя каждый русский рабочий, много ли было сознательных революционеров в России *накануне* революции февральской и мартовской 1917 года?

Дело не в числе, а в правильном выражении идей и политики действительно революционного пролетариата. Суть не в «провозглашении» интернационализма, а в том, чтобы уметь быть, даже в самые трудные времена, интернационалистом на деле.

Не будем обманываться надеждой на соглашения и международные конгрессы. Международные сношения, пока

длится империалистская война, сжаты железными тисками империалистски-буржуазной военной диктатуры. Если даже «республиканец» Милюков, вынужденный терпеть побочное правительство Совета рабочих депутатов, *не пустил* в Россию, в апреле 1917 года, швейцарского социалиста, секретаря партии, интернационалиста, участника Циммервальда и Кинталя, *Фрица Платтена*, хотя он женат на русской, ехал к родственникам жены, хотя он участвовал в революции 1905 г. в Риге, сидел за это в русской тюрьме, внес залог для освобождения царскому правительству, хотел получить этот залог обратно, — если «республиканец» Милюков мог *сделать* это в России в апреле 1917 года, то можно судить о том, чего стоят обещания и посулы, фразы и декларации насчет мира без аннексий и т. п. со стороны буржуазии.

А арест Троцкого английским правительством? А невыпуск Мартова из Швейцарии, а надежды заманить Мартова в Англию, где его ждет судьба Троцкого?

Не будем делать себе иллюзий. Не надо самообманов.

«Ждать» международных конгрессов или совещаний значит быть *изменником* интернационализма, раз доказано, что даже из Стокгольма к нам не пускают ни верных интернационализму социалистов, *ни даже писем от них*, несмотря на полную возможность — и на полную свирепость военной цензуры.

Не «ждать», а *основать* третий Интернационал должна тотчас наша партия, — и сотни социалистов в тюрьмах Германии и Англии вздохнут с облегчением, — тысячи и тысячи немецких рабочих, которые устраивают ныне стачки и демонстрации, пугающие негодяя и разбойника Вильгельма, прочтут в *нелегальных* листках о нашем решении, о нашем братском доверии Карлу Либкнехту и только ему, о *нашем* решении бороться и *теперь* против «революционного оборончества», — прочтут это и укрепятся в своем революционном интернационализме.

Кому много дано, с того много спросится. Нет в мире страны, где бы *сейчас* была такая свобода, как в России. Воспользуемся этой свободой не для проповеди поддержки буржуазии или буржуазного «революционного оборончества», а для смелого и честного, пролетарского и либкнехтского, — *основания третьего Интернационала*, Интернационала, враждебного бесповоротно и изменникам — социал-шовинистам и колеблющимся людям «центра».

18. О том, что об объединении социал-демократов в России не может быть и речи, не приходится тратить много слов после вышесказанного.

Лучше остаться вдвоем, как Либкнехт, — и это значит остаться с революционным пролетариатом, — чем допускать хотя бы на минуту мысль об объединении с партией ОК, с Чхеидзе и Церетели, которые терпят блок с Потресовым в «Рабочей Газете»⁴⁶, которые голосуют за заем в Исполнительном комитете Совета рабочих депутатов⁴⁷, которые ска- тились к «оборончеству».

Пусть мертвые хоронят своих мертвецов.

Кто хочет *помочь* колеблющимся, должен начать с того, чтобы перестать колебаться самому.

КАКОВО ДОЛЖНО БЫТЬ НАУЧНО-ПРАВИЛЬНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКИ ПОМОГАЮЩЕЕ ПРОЯСНЕНИЮ СОЗНАНИЯ ПРОЛЕТАРИАТА НАЗВАНИЕ НАШЕЙ ПАРТИИ?

19. Перехожу к последнему, к названию нашей партии. Мы должны назваться *Коммунистической партией*, — как называли себя Маркс и Энгельс.

Мы должны повторить, что мы марксисты и за основу берем «Коммунистический Манифест», извращенный и преданный социал-демократией по двум главным пунктам: 1) рабочие не имеют отечества: «защита отечества» в империалистской войне есть измена социализму; 2) учение марксизма о государстве извращено II Интернационалом.

Название «социал-демократия» *научно* неверно, как показал Маркс, неоднократно, между прочим, в «Критике Готской программы» 1875 года и популярнее повторил Энгельс в 1894 году⁴⁸. От капитализма человечество может перейти непосредственно только к социализму, т. е. общему владению средствами производства и распределению продуктов по мере работы каждого. Наша партия смотрит дальше: социализм неизбежно должен постепенно перерасти в коммунизм, на знамени которого стоит: «каждый по способностям, каждому по потребностям».

Таков мой первый довод.

Второй: научно неправильна и вторая часть названия нашей партии (социал-демократы). Демократия есть одна из форм государства. Между тем мы, марксисты, противники всякого государства.

Вожди II (1889—1914) Интернационала, г. Плеханов, Каутский и подобные им, опошлили и извратили марксизм.

Марксизм отличается от анархизма тем, что признает необходимость государства для перехода к социализму, — но

(и в этом отличие от Каутского и К⁰) *не такого государства*, как обычная парламентарная буржуазная демократическая республика, а такого, как Парижская Коммуна 1871 г., как Советы рабочих депутатов 1905 и 1917 годов.

Мой третий довод: *жизнь* создала, революция создала *уже на деле* у нас, хотя и в слабой, зачаточной форме, именно это, новое «государство», не являющееся государством в собственном смысле слова.

Это *уже* вопрос практики масс, а не только теории вождей.

Государство в собственном смысле есть командование над массами со стороны отрядов вооруженных людей, отделенных от народа.

Наше *рождающееся*, новое государство есть тоже государство, ибо нам необходимы отряды вооруженных людей, необходим *строжайший* порядок, необходимо *беспощадное* подавление насилием всяких попыток контрреволюции и царистской и гучковски-буржуазной.

Но наше *рождающееся*, новое государство *не есть* уже государство в собственном смысле слова, ибо в ряде мест России эти отряды вооруженных людей есть *сама масса*, весь народ, а не кто-либо над ним поставленный, от него отделенный, привилегированный, практически несменяемый.

Не назад надо смотреть, а вперед, не на ту демократию обычно-буржуазного типа, которая укрепляла господство буржуазии посредством старых, *монархических*, органов управления, полиции, армии, чиновничества.

Надо смотреть вперед к рождающейся новой демократии, которая уже перестает быть демократией, ибо демократия есть господство народа, а сам вооруженный народ не может над собой господствовать.

Слово демократия не только научно неверно в применении к коммунистической партии. Оно теперь, после марта 1917 года, есть *шора*, одеваемая на глаза революционному народу и *мешающая* ему свободно, смело, самочинно строить новое: Советы рабочих, крестьянских и всяких иных депутатов, как *единственную власть* в «государстве», как предвестник «отмирания» *всякого* государства.

Мой четвертый довод: надо считаться с объективным всемирным положением социализма.

Оно не таково, каким было в 1871—1914 гг., когда Маркс и Энгельс сознательно мирились с неверным, оппортунистическим термином: «социал-демократии». Ибо *тогда*, после поражения Парижской Коммуны, история поставила на очередь дня: медленную организационно-просветительную работу. Иной не было. Анархисты не только теоретически были

(и остаются) в корне неправы, и экономически и политически. Анархисты неверно оценили момент, не поняв всемирной ситуации: развращенный империалистскими прибылями рабочий Англии, разбитая Коммуна в Париже, только что победившее (в 1871 г.) буржуазно-национальное движение в Германии, спящая вековым сном полукрепостная Россия.

Маркс и Энгельс верно учли момент, поняли международную ситуацию, поняли задачи *медленного* подхода к началу социальной революции.

Поймем же и мы задачи и особенности новой эпохи. Не будем подражать тем горе-марксистам, про которых говорил Маркс: «я сеял драконов, а сбор жатвы дал мне блох»⁴⁹.

Объективная необходимость капитализма, переросшего в империализм, породила империалистскую войну. Война привела все человечество *на край пропасти*, гибели всей культуры, одичания и гибели еще миллионов людей, миллионов без числа.

Выхода *нет*, кроме революции пролетариата.

И в такой момент, когда эта революция начинается, когда она делает свои первые, робкие, нетвердые, несознательные, слишком доверчивые к буржуазии шаги, — в такой момент большинство (это правда, это факт) «социал-демократических» вождей, «социал-демократических» парламентариев, «социал-демократических» газет — а ведь именно таковы *органы* воздействия на массы — большинство их *изменило* социализму, *предало* социализм, перешло на сторону «своей» национальной буржуазии.

Массы смущены, сбиты с толку, обмануты *этим* вождями.

И мы будем поощрять этот обман, облегчать его, держась того старого и устаревшего названия, которое так же сгнило, как сгнил II Интернационал!

Пусть «многие» рабочие *понимают* социал-демократию по-честному. Пора учиться различию субъективного от объективного.

Субъективно эти рабочие социал-демократы — вернейшие вожди пролетарских масс.

А объективное, всемирное положение таково, что старое название нашей партии *облегчает* обман масс, *тормозит* движение вперед, ибо на каждом шагу, в каждой газете, в каждой парламентской фракции масса видит *вождей*, т. е. людей, слова которых громче слышны, дела дальше видны, — и все они «тоже-социал-демократы», все они «за единство» с изменниками социализма, социал-шовинистами, все они предъ-

являют к уплате старые векселя, выданные «социал-демократией»...

А доводы против? «...Смешают с анархистами-коммунистами...»

Отчего не боимся мы смешения с социал-националами и социал-либералами, с радикалами-социалистами, самой передовой и самой ловкой в буржуазном обмане масс буржуазной партией в французской республике? «...Массы привыкли, рабочие «полюбили» *свою* социал-демократическую партию...»

Вот единственный довод, но ведь это довод, отбрасывающий прочь и науку марксизма, и задачи завтрашнего дня в революции, и объективное положение всемирного социализма, и позорный крах II Интернационала, и порчу практического дела стаями окружающих пролетариев «тоже-социал-демократов».

Это довод рутины, довод спячки, довод косности.

А мы хотим перестроить мир. Мы хотим покончить всемирную империалистскую войну, в которую втянуты сотни миллионов людей, запутаны интересы сотен и сотен миллиардов капитала, которую нельзя кончить истинно демократическим миром без величайшей в истории человечества пролетарской революции.

И мы боимся сами себя. Мы держимся за «привычную», «милую», грязную рубаху...

Пора сбросить грязную рубаху, пора надеть чистое белье.

Петроград. 10 апреля 1917 года.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Моя брошюра устарела вследствие экономической разрухи и неработоспособности типографий в Петербурге. Брошюра написана 10 апреля 1917 г., а сегодня 28 мая, и брошюра все еще не вышла!

Брошюра написана, как *проект* платформы для пропаганды наших взглядов *перед* Всероссийской конференцией нашей партии, Российской социал-демократической рабочей партии большевиков⁵⁰. Переписанная на пишущей машине и розданная членам партии в нескольких экземплярах перед конференцией и на конференции, брошюра сделала все же некоторую часть своей работы. Но теперь конференция 24—29 апреля 1917 уже состоялась, резолюции ее давно изданы (см. приложения к № 13 «Солдатской Правды»⁵¹), и внимательный читатель легко заметит, что моя брошюра частенько является первоначальным проектом этих резолюций.

Мне остается только выразить надежду, что кое-какую пользу в связи с этими резолюциями, в пояснение их, брошюра все же принесет, — а затем остановиться на двух пунктах.

Я предлагаю, на стр. 27, остаться в Циммервальде только для информации*. Конференция не согласилась в этом пункте со мной, и мне пришлось голосовать против резолюции об Интернационале. Уже теперь становится явственно видным, что конференция сделала ошибку и что ход событий быстро поправит ее. Оставаясь в Циммервальде, мы (хотя бы и против нашей воли) участвуем в оттягивании создания III Интернационала; мы косвенно тормозим его создание, будучи связаны мертвым грузом уже мертвого идейно-политически Циммервальда.

* См. настоящий том, стр. 40. *Ред.*

Положение нашей партии — перед лицом всех рабочих партий всего мира — теперь именно таково, что мы *обязаны* немедленно *основать* III Интернационал. Кроме нас *теперь* этого сделать некому, а оттяжки вредны. Оставаясь в Циммервальде лишь для информации, мы сразу развязали бы себе руки для такого создания (будучи в то же время в состоянии *использовать* Циммервальд, если бы обстоятельства сделали такое использование возможным).

Теперь же, благодаря ошибке, сделанной конференцией, мы вынуждены пассивно ждать по меньшей мере до 5 июля 1917 г. (срок созыва Циммервальдской конференции; хорошо еще, если ее не отсрочат *еще* раз! она уже была раз отсрочена...) ⁵².

Но решение, единогласно принятое ЦК нашей партии после конференции и напечатанное в № 55 «Правды» ⁵³, от 12 мая, наполовину исправило ошибку: постановлено, что мы уходим из Циммервальда, если он пойдет совещаться с министрами *. Я позволю себе выразить надежду, что вторая половина ошибки будет исправлена вскоре, как только мы созовем первое международное совещание «левых» («третье течение», «интернационалистов на деле», см. выше, стр. 23—25 **).

Второй пункт, на котором надо остановиться, это — образование «коалиционного министерства» 6 мая 1917 г. ⁵⁴. Брошюра *кажется* в этом пункте особенно устаревшей.

На деле именно в этом пункте она совершенно не устарела. Она строит *все* на *классовом* анализе, которого, как огня, боятся меньшевики и народники, давшие 6 министров в заложники 10-ти министрам капиталистов. И именно потому, что брошюра строит все на классовом анализе, она не устарела, ибо вступление Церетели, Чернова и К⁰ в министерство изменило в *ничтожной* степени только *форму* соглашения Петроградского Совета с правительством капиталистов, а я нарочно подчеркнул в брошюре, на стр. 8, что «имею в виду не столько формальное соглашение, сколько фактическую поддержку» ***.

С каждым днем все яснее становится, что Церетели, Чернов и К⁰ именно только заложники капиталистов, что ровнехонько ничего «обновленное» правительство из своих пышных обещаний выполнить не хочет и не может ни во внешней политике, ни во внутренней. Чернов, Церетели и К⁰ убили себя

* См. В. И. Ленин. Сочинения, 5 изд., том 32, стр. 66; 4 изд., том 24, стр. 353. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 36—38. *Ред.*

*** Там же, стр. 23. *Ред.*

политически, оказались помощниками капиталистов, на деле душащими революцию, Керенский докатился до применения насилия к массам (ср. стр. 9 брошюры: «Гучков только еще грозитя применять насилие против масс»*, а Керенскому пришлось осуществлять эти угрозы...) ⁵⁵. Чернов, Церетели и К^о убили политически себя и свои партии, меньшевиков и социалистов-революционеров. С каждым днем народ будет видеть это все яснее и яснее.

Коалиционное министерство — лишь переходный момент в развитии основных, анализированных вкратце в моей брошюре, классовых противоречий нашей революции. Так продолжаться долго не может. Либо назад — к контрреволюции по всей линии, либо вперед — к переходу власти в руки иных классов. Стоять на месте в революционное время, в обстановке всемирной империалистской войны, нельзя.

Н. Ленин

Петербург. 28 мая 1917 г.

*Написано 10 (23) апреля 1917 г.;
послесловие — 28 мая (10 июня) 1917 г.*

*Напечатано в сентябре 1917 г.
в Петрограде отдельной брошюрой
издательством «Прибой»
Подпись: Н. Ленин*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 31, стр. 149—186*

* См. настоящий том, стр. 24. *Ред.*

СЕДЬМАЯ (АПРЕЛЬСКАЯ) ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РСДРП(б)

24—29 АПРЕЛЯ (7—12 МАЯ) 1917 г.

I

РЕЧЬ ПРИ ОТКРЫТИИ КОНФЕРЕНЦИИ 24 АПРЕЛЯ (7 МАЯ)

Товарищи, наша конференция собирается, как первая конференция пролетарской партии, в условиях не только российской, но и нарастающей международной революции. Приходит время, когда повсеместно оправдывается утверждение основателей научного социализма, а также единогласное предвидение социалистов, собравшихся на Базельском конгрессе, что всемирная война ведет неизбежно к революции.

В XIX веке, наблюдая пролетарское движение разных стран и рассматривая возможные перспективы социальной революции, Маркс и Энгельс говорили неоднократно, что роли этих стран будут распределены в общем пропорционально, сообразно национально историческим особенностям каждой из них. Эту свою мысль они выражали, если ее кратко формулировать, так: французский рабочий начнет, немецкий доделает.

На долю российского пролетариата выпала великая честь начать, но он не должен забывать, что его движение и революция составляют лишь часть всемирного революционного пролетарского движения, которое, например, в Германии нарастает изо дня в день все сильнее и сильнее. Только под этим углом зрения мы и можем определять наши задачи.

Я объявляю Всероссийское совещание открытым и прошу приступить к выбору президиума,

*Краткий отчет опубликован
12 мая (29 апреля) 1917 г.
в газете «Социал-Демократ» № 43*

*Впервые полностью напечатано в 1921 г.
в Собрании сочинений Н. Ленина
(В. Ульянова), том XIV, ч. II*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 31, стр. 341*

2

**ДОКЛАД О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ
24 АПРЕЛЯ (7 МАЯ)****ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ**

Товарищи, мне приходится по вопросу о текущем моменте, об его оценке, захватить чрезвычайно широкую тему, которая, насколько я могу судить, распадается на три части: во-первых, оценка собственно политического положения у нас, в России, отношение к правительству и создавшемуся двоевластию; во-вторых, отношение к войне, и, в-третьих, создавшаяся международная обстановка рабочего движения, поставившая его, если говорить о мировом масштабе, непосредственно перед социалистической революцией.

Я думаю, что мне придется на некоторых пунктах остановиться только кратко. С другой стороны, я имею представить вам проект резолюции по всем этим вопросам, но с оговоркой, что ввиду крайнего недостатка сил у нас, а также ввиду того политического кризиса, который создан здесь, в Петрограде, мы не могли не только обсудить резолюцию, но также и сообщить ее своевременно на места. Таким образом, я повторяю, что это только предварительные проекты, облегчающие работу в комиссии и позволяющие сосредоточить ее на некоторых наиболее существенных вопросах.

Я начинаю с первого вопроса. Если я не ошибаюсь, Московская конференция приняла ту же резолюцию, что и Петроградская общегородская. (Голоса с мест: «С поправками».) Я не видел этих поправок и не могу судить. Но так как петроградская резолюция была напечатана в «Правде», то, если не будет возражений, я могу считать, что она всем известна. Эту резолюцию я вношу, как проект, на настоящую Всероссийскую конференцию.

Большинство партий мелкобуржуазного блока, царящего в Петроградском Совете, представляет нашу политику, в отличие от своей, как политику скоропалительных шагов. Наша политика отличается тем, что мы требуем прежде всего точной классовой характеристики происходящего. Основным грехом мелкобуржуазного блока состоит в том, что он фразой заслоняет от народа правду о классовом характере правительства.

Если товарищи москвичи имеют поправки, они могли бы их сейчас прочесть ⁵⁶.

(Читает резолюцию Петроградской общегородской конференции об отношении к Временному правительству.)

«Признавая:

1) что Временное правительство по своему классовому характеру является органом господства помещиков и буржуазии;

2) что оно и представляемые им классы неразрывно связаны экономически и политически с русским и англо-французским империализмом;

3) что даже возведенную им программу оно осуществляет лишь неполно и только под напором революционного пролетариата и, отчасти, мелкой буржуазии;

4) что организующиеся силы буржуазной и помещичьей контрреволюции, прикрываясь знаменем Временного правительства, при явном попустительстве со стороны последнего, уже начали атаку против революционной демократии;

5) что Временное правительство оттягивает назначение выборов в Учредительное собрание, препятствует всеобщему вооружению народа, противодействует переходу всей земли в руки народа, навязывает ему помещичий способ решения аграрного вопроса, тормозит введение 8-часового рабочего дня, попустительствует контрреволюционной агитации (Гучкова и К^о) в армии, организует верхи командного состава армии против солдат и т. д. ...»

Я прочел первую часть резолюции, содержащую классовую характеристику Временного правительства. Разногласия с резолюцией москвичей, поскольку можно судить из одного текста резолюции, едва ли существенны, но общую характеристику правительства, как контрреволюционного, я бы считал неправильной. Если говорить вообще, то надо выяснить, о какой революции мы говорим. С точки зрения буржуазной революции, этого сказать нельзя, так как она уже окончилась. С точки зрения пролетарско-крестьянской — говорить это преждевременно, так как нельзя быть уверенным, что крестьяне пойдут непременно дальше буржуазии, и выражать свою уверенность в крестьянстве, в особенности теперь, когда оно повернуло к империализму и к оборончеству, т. е. к поддержке войны, по-моему, неосновательно. А сейчас оно вошло с кадетами в целый ряд соглашений. Поэтому я считаю этот пункт резолюции товарищей москвичей политически неправильным. Мы хотим, чтобы крестьянство пошло дальше буржуазии, чтобы оно взяло землю у помещиков, но сейчас

еще о его будущем поведении ничего сказать определенно нельзя.

Мы тщательно избегаем слов «революционная демократия». Когда речь идет о нападении правительства, тогда можно говорить об этом, но сейчас эта фраза прикрывает максимальный обман, потому что разделить классы, которые в этом хаосе слились, очень трудно. Наша задача — освободить тех, которые плетутся в хвосте. Для нас Советы важны не как форма, нам важно, какие классы эти Советы представляют. Поэтому необходима длительная работа по прояснению пролетарского сознания...

(Продолжает чтение резолюции.)

«...6) что в то же время это правительство опирается в данный момент на доверие и, до известной степени, на прямое соглашение с Петроградским Советом Р. и С. Д., который объединяет сейчас заведомое большинство рабочих и солдат, т. е. крестьянства;

7) что каждый шаг Временного правительства, как в области внешней, так и внутренней политики, будет открывать глаза не только пролетариям города и деревни и полупролетариям, но и широким слоям мелкой буржуазии на истинный характер этого правительства;

конференция постановляет, что:

1) для перехода всей государственной власти в руки Советов Р. и С. Д. или других органов, непосредственно выражающих волю народа, необходима длительная работа по прояснению классового пролетарского сознания и сплочение пролетариев города и деревни против колебаний мелкой буржуазии, ибо только такая работа служит действительным залогом успешного движения вперед всего революционного народа;

2) что для такой деятельности необходима всесторонняя работа внутри Советов Р. и С. Д., увеличение их числа, укрепление их силы, сплочение внутри их пролетарских интернационалистических групп нашей партии;

3) усиленная организация своих с.-д. сил для того, чтобы новую волну революционного движения провести под знаменем революционной социал-демократии».

Здесь гвоздь всей нашей политики. Мелкая буржуазия вся сейчас колеблется и прикрывает свое колебание фразой о революционной демократии, и мы должны противопоставить этим колебаниям пролетарскую линию. Сорвать ее преждевременным выступлением желают контрреволюционеры.

Нашими задачами является увеличение числа Советов, укрепление их сил, сплочение внутри нашей партии.

Москвичи в третьем пункте прибавляют контроль. Представлен этот контроль Чхеидзе, Стекловым, Церетели и другими руководителями мелкобуржуазного блока. Контроль без власти есть пустейшая фраза. Как я буду контролировать Англию? Для того, чтобы ее контролировать, надо захватить ее флот. Я понимаю, что неразвитая масса рабочих и солдат может наивно и бессознательно верить в контроль, но достаточно подумать об основных моментах контроля, чтобы понять, что эта вера — отступление от основных принципов классовой борьбы. Что такое контроль? Если я напишу бумажку или резолюцию, то они напишут контррезолюцию. Для того, чтобы контролировать, нужно иметь власть. Если это непонятно широкой массе мелкобуржуазного блока, надо иметь терпение разъяснить ей это, но ни в коем случае не говорить ей неправду. А если я заслоняю это основное условие контролем, я говорю неправду и играю в руку капиталистам и империалистам. — «Пожалуйста, ты меня контролируй, а я буду иметь пушки. Будь сыт контролем», — говорят они. Они знают, что отказать народу сейчас нельзя. Без власти контроль — мелкобуржуазная фраза, тормозящая ход и развитие русской революции. Вот поэтому я возражаю против третьего пункта товарищей москвичей.

Что касается этого своеобразного переплета двух властей, когда Временное правительство, не имея в своих руках власти, пушек, солдат и вооруженной массы людей, опирается на Советы, которые, полагаясь пока на обещания, ведут политику поддержки этих обещаний, то, если вы хотите участвовать в этой игре, вас постигнет крах. Наша задача — не принимать участия в этой игре, мы будем продолжать работу разъяснения пролетариату всей несостоятельности этой политики, и каждый шаг действительной жизни покажет, насколько мы правы. Мы сейчас в меньшинстве, массы нам пока не верят. Мы сумеем ждать: они будут переходить на нашу сторону, когда правительство им себя покажет. Колебания правительства могут их оттолкнуть от себя, и они хлынут в нашу сторону, и, учитывая соотношение сил, мы тогда скажем: наше время пришло.

Теперь я перехожу к вопросу о войне, который практически нас объединил, когда мы выступили против займа, отношение к которому показало сразу воочию, как делятся политические силы. Как писала «Речь»⁵⁷, все, кроме «Единства», колеблется, вся мелкобуржуазная масса — за заем с оговоркой. Капиталисты делают кислую мину, с улыбкой

кладут резолюцию в карман и говорят: «вы можете говорить, а действовать все-таки будем мы». Во всем мире все те, которые голосуют сейчас за заем, называются социал-шовинистами.

Я перейду прямо к чтению резолюции о войне. Она делится на три части: 1) характеристика войны с точки зрения ее классового значения, 2) революционное оборончество масс, чего нет ни в одной стране, и 3) как кончить войну.

Многим, в том числе и мне лично, приходилось выступать, особенно перед солдатами, и я думаю, что если разъяснять все с классовой точки зрения, то для них всего более неясно в нашей позиции, как именно мы хотим кончить войну, как мы считаем возможным ее кончить. В широких массах есть тьма недоразумений, полного непонимания нашей позиции, поэтому мы должны быть здесь наиболее популярными.

(Читает проект резолюции о войне.)

«Современная война со стороны обеих групп воюющих держав есть война империалистическая, т. е. ведущаяся капиталистами из-за господства над миром, из-за дележа добычи капиталистов, из-за выгодных рынков финансового, банкового капитала, из-за удушения слабых народностей.

Переход государственной власти в России от Николая II к правительству Гучкова, Львова и др., к правительству помещиков и капиталистов, не изменил и не мог изменить такого классового характера и значения войны со стороны России.

Особенно наглядно обнаружился тот факт, что новое правительство ведет ту же, такую же империалистическую, т. е. захватную, разбойничью, войну в следующем обстоятельстве: новое правительство не только не опубликовало тайных договоров, заключенных бывшим царем, Николаем II, с капиталистическими правительствами Англии, Франции и т. д., но и формально подтвердило эти договоры. Сделано это было без опроса воли народа и с явной целью обмануть его, ибо общеизвестно, что эти тайные договоры бывшего царя насквозь разбойничьи договоры, обещающие русским капиталистам ограбление Китая, Персии, Турции, Австрии и т. д.

Поэтому пролетарская партия никак не может поддерживать ни теперешней войны, ни теперешнего правительства, ни его займов, какими бы пышными словами эти займы ни назывались, не разрывая совершенно с интернационализмом, т. е. с братской солидарностью рабочих всех стран в борьбе против ига капитала.

Никакого доверия не заслуживает также обещание нынешнего правительства отказаться от аннексий, т. е. от завое-

вания чужих стран или от насильственного удержания в пределах России каких-либо народностей. Ибо, во-1-ых, капиталисты, переплетенные тысячами нитей банкового капитала русского и англо-французского, отстаивающие интересы капитала, не могут отказаться от аннексий в данной войне, не переставая быть капиталистами, не отказавшись от прибыли на миллиарды, вложенные в займы, в концессии, в военные предприятия и т. д. Во-2-ых, новое правительство, отказавшись от аннексий для обмана народа, заявило устами Милюкова 9 апреля 1917 года в Москве, что оно от аннексий не отказывается. В-3-х, как разоблачило «Дело Народа»⁵⁸, газета, в коей участвует министр Керенский, Милюков даже не переслал за границу своего заявления об отказе от аннексий.

Предостерегая народ против пустых посулов капиталистов, конференция заявляет поэтому, что надо строго отличать отказ от аннексий на словах и отказ от аннексий на деле, т. е. немедленное опубликование всех тайных, грабительских договоров, всех актов внешней политики и немедленный приступ к самому полному освобождению всех народностей, которые угнетает или насильно привязывает к России или держит в неполноправном положении класс капиталистов, продолжая позорящую наш народ политику бывшего царя Николая II».

Вторая половина этой части резолюции говорит об обещаниях, которые правительство дает. Быть может, для марксиста эта часть была бы излишней, но для народа это важно. Поэтому надо добавить, почему мы этим обещаниям не верим, почему мы не должны доверять правительству. Никакого доверия не заслуживают обещания нынешнего правительства отказаться от империалистической политики. Здесь наша линия должна заключаться не в указании на то, что мы от правительства требуем опубликования договоров. Это было бы иллюзией. Требовать этого от правительства капиталистов — это все равно, если бы мы потребовали раскрытия торговых мошенничеств. Если мы говорим, что надо отказаться от аннексий и контрибуций, то надо указать, как это сделать; и если нас спросят, кто это сделает, мы скажем, что это — шаг, по существу дела, революционный, такой шаг может сделать только революционный пролетариат. Иначе это будут лишь пустые обещания, пожелания, которыми капиталисты ведут на поводу народ.

(Продолжает чтение проекта резолюции.)

«Так называемое «революционное оборончество», которое охватило теперь в России почти все народнические партии (народные социалисты, трудовики, социалисты-революционеры) и оппортунистическую партию с.-д. меньшевиков (ОК, Чхеидзе, Церетели и др.), а также большинство беспартийных революционеров, представляет из себя, по своему классовому значению, с одной стороны, интересы и точку зрения мелкой буржуазии, мелких хозяев, зажиточных крестьян, которые подобно капиталистам извлекают прибыли из насилия над слабыми народами, — а с другой стороны, является результатом обмана народных масс капиталистами, не публикующими тайных договоров и отделивающимися посулами и краснбайством.

Очень широкие массы «революционных оборонцев» необходимо признать добросовестными, т. е. *действительно* не желающими аннексий, захватов, насилия над слабыми народами, *действительно* стремящимися к демократическому, не насильническому миру между *всеми* воюющими странами. Это необходимо признать потому, что классовое положение пролетариев и полупролетариев города и деревни (т. е. людей, живущих целиком или отчасти продажей своей рабочей силы капиталистам) делает эти классы незаинтересованными в прибыли капиталистов.

Поэтому, признавая безусловно недопустимыми и означающими на деле полный разрыв с интернационализмом и социализмом какие бы то ни было уступки «революционному оборончеству», конференция заявляет вместе с тем, что до тех пор, пока русские капиталисты и их Временное правительство ограничиваются только угрозами насилия против народа (например, печально-знаменитый указ Гучкова, грозящий карами за самочинное смещение начальства солдатами), до тех пор, пока капиталисты *не* перешли к насилию над свободно организующимися и свободно сменяющимися и выбирающими *все* и всякие власти Советами рабочих, солдатских, крестьянских, батрацких и других депутатов, — до тех пор наша партия будет проповедовать отказ от насилия вообще, борясь против глубокой и роковой ошибочности «революционного оборончества» исключительно способами товарищеского убеждения, разъяснением той истины, что бессознательно-доверчивое отношение широких масс к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма, есть в данный момент в России главная помеха быстрому окончанию войны».

Часть мелкой буржуазии заинтересована в этой политике капиталистов, в этом сомневаться нельзя, и поэтому непозво-

лительно пролетарской партии возлагать теперь надежды на общность интересов с крестьянством. Мы боремся за то, чтобы крестьянство перешло на нашу сторону, но оно стоит, до известной степени, сознательно на стороне капиталистов.

Нет никакого сомнения, что пролетариат и полупролетариат не заинтересован в войне, как класс. Они идут под влиянием традиций и обмана. У них нет еще политического опыта. Отсюда наша задача — длительное разъяснение. Мы не делаем им ни малейших принципиальных уступок, но к ним мы не можем подходить как к социал-шовинистам. Эти элементы населения никогда социалистическими не были, никакого понятия о социализме не имеют, они только просыпаются к политической жизни. Но их сознание растет и ширится с необыкновенной быстротой. К ним надо уметь подойти с разъяснением, и это является самой трудной задачей, в особенности для партии, которая вчера еще находилась в подполье.

У некоторых является мысль, не отреклись ли мы от себя: ведь мы пропагандировали превращение империалистической войны в гражданскую, а теперь мы говорим против нас самих. Но в России первая гражданская война кончилась, мы теперь переходим ко второй войне — между империализмом и вооруженным народом, и в этот переходный период, пока вооруженная сила у солдат, пока Милюков и Гучков еще не применили насилия, эта гражданская война превращается для нас в мирную, длительную и терпеливую классовую пропаганду. Если мы говорим о гражданской войне прежде, чем люди поняли ее необходимость, тогда мы, несомненно, впадаем в бланкизм. Мы за гражданскую войну, но только тогда, когда она ведется сознательным классом. Можно свергать того, кто известен народу, как насильник. Теперь же насильников никаких нет, пушки и ружья у солдат, а не у капиталистов, капиталисты не насилием берут сейчас, а обманом, и кричать сейчас о насилии нельзя, это бессмыслица. Надо уметь стоять на точке зрения марксизма, который говорит, что это превращение империалистической войны в гражданскую строится на объективных условиях, а не на субъективных. Мы пока отказываемся от этого лозунга, но только пока. Оружие сейчас у солдат и рабочих, а не у капиталистов. Пока правительство не начало войны, мы проповедуем мирно.

Правительству выгодно было, чтобы первый неосторожный шаг к выступлению был сделан нами, им это выгодно. Они испытывают чувство озлобления, потому что наша партия дала лозунг мирной манифестации. Мелкой буржуазии, которая сейчас выжидает, мы не должны сдать ни одной

йоты из своих принципов. Нет более опасной ошибки для пролетарской партии, как строить свою тактику на субъективных желаниях там, где нужна организованность. Говорить, что за нас большинство — нельзя; в данном случае нужно недоверие, недоверие и недоверие. Базировать на этом пролетарскую тактику — значит ее убить.

Третий пункт касается вопроса, как кончить войну. Точка зрения марксистов известна, но трудность в том, как ее передать массам в наиболее ясной форме. Мы не пацифисты, и не можем отрешиться от революционной войны. Чем последняя отличается от войны капиталистической? Прежде всего тем, какой класс в ней заинтересован и какую политику заинтересованный класс ведет в этой войне... Выступая перед массами, надо давать им конкретные ответы. Итак, первый вопрос: как отличить войну революционную от войны капиталистической? Массовики не понимают, в чем тут разница, что здесь речь идет о различии классов. Мы должны не только теоретически говорить, но мы должны практически показать, что мы тогда поведем войну действительно революционную, когда власть будет у пролетариата. Мне кажется, что такая постановка вопроса дает ответ более наглядный на вопрос о том, какая это война и кто ее ведет.

В «Правде» напечатан проект воззвания к солдатам всех воюющих стран*. Мы имеем сведения о том, что на фронте происходит братание, но оно еще полустихийно. Чего недостает в братании — это ясной политической мысли. Солдаты инстинктивно почувствовали, что надо действовать снизу, их классовый инстинкт революционно настроенных людей подсказал им, что только здесь настоящий путь. Но этого недостаточно для революции. Мы хотим дать ясный политический ответ. Для того, чтобы война могла быть окончена, власть должна перейти в руки революционного класса. Я бы предложил от имени конференции составить обращение к солдатам всех воюющих стран и напечатать это воззвание на всех языках. Если мы вместо всех этих ходячих фраз о мирных конференциях, на которых половина входящих членов суть тайные или прямые агенты империалистических правительств, разошлем это воззвание, то это в тысячу раз быстрее приведет нас к цели, чем все мирные конференции. Мы не хотим иметь дела с немецкими Плехановыми. Когда мы ехали в вагоне по Германии, то эти господа социал-шовинисты, немецкие Плехановы, лезли к нам в вагон, но мы им

* См. В. И. Ленин. Сочинения, 5 изд., том 31, стр. 293—296; 4 изд., том 24, стр. 157—159. *Ред.*

ответили, что ни один социалист из них к нам не войдет, а если войдут, то без большого скандала мы их не выпустим. Если бы к нам впустили, например, Карла Либкнехта, то мы бы с ним поговорили. Когда мы выпустим воззвание к трудящимся всех стран и в нем дадим наш ответ на вопрос о том, как кончить войну, и когда солдаты прочтут наш ответ, дающий политический выход из войны, тогда братание гигантски шагнет вперед. Это необходимо для того, чтобы братание поднялось со ступени инстинктивного ужаса перед войной и перешло в ясное политическое сознание того, как из этой войны выйти.

Перейду к третьему вопросу, именно к оценке текущего момента с точки зрения положения международного рабочего движения и состояния международного капитализма. С точки зрения марксизма нелепо останавливаться на положении только одной страны, говоря об империализме, тогда как капиталистические страны так тесно связаны друг с другом. А теперь, во время войны, эта связь неизмеримо сильнее. В один кровавый комок спутано все человечество, и выхода из него поодиночке быть не может. Если есть страны более и менее развитые, то настоящая война их всех связала такими нитями между собой, что выход отсюда одной только страны представляется невозможным и нелепым.

Мы все согласны, что власть должна быть в руках Советов рабочих и солдатских депутатов. Но что они могут и должны сделать, если власть перейдет к ним, т. е. будет находиться у пролетариев и полупролетариев? Получается сложное и трудное положение. И если мы говорим о переходе власти, то тут появляется опасность, и в прежние революции игравшая большую роль, а именно: революционный класс берет в свои руки государственную власть и не знает, что с нею делать. Примеры революций, которые именно на этом терпели свой крах, в истории революций имеются. Советы рабочих и солдатских депутатов, которые всю Россию покрывают теперь своей сетью, стоят сейчас в центре всей революции; однако они, мне кажется, недостаточно нами поняты и изучены. Если они возьмут в свои руки власть, то это уже не будет государство в обычном смысле слова. Такой государственной власти, долго державшейся, никогда в мире не бывало, но к ней подходило все рабочее движение мира. Это будет именно государство типа Парижской Коммуны. Такая власть является диктатурой, т. е. опирается не на закон, не на формальную волю большинства, а прямо, непосредственно на насилие. Насилие — орудие власти. Каким же образом Советы станут применять эту власть?

Вернутся ли они к старому управлению через полицию, будут ли вести управление посредством старых органов власти? По-моему, они этого сделать не могут, и во всяком случае перед ними стоит непосредственная задача устройства государства небуржуазного. Я употребил среди большевиков сравнение этого государства с Парижской Коммуной в том смысле, что она разбила старые органы управления и заменила совершенно новыми, прямыми, непосредственными органами рабочих. Меня обвиняют в том, что я употребил в настоящий момент слово, наиболее пугающее капиталистов, так как они стали комментировать его, как желание непосредственного введения социализма. Но я его употребил лишь в смысле замены старых органов новыми, пролетарскими. Маркс говорил, что в этом — величайший шаг вперед всего мирового пролетарского движения⁵⁹. Вопрос о социальных задачах пролетариата имеет для нас громадное практическое значение, с одной стороны, потому, что мы связаны сейчас со всеми другими странами, и вырваться из этого клубка нельзя: либо пролетариат вырвется весь в целом, либо его задушат; с другой стороны, Советы рабочих и солдатских депутатов есть факт. Нет сомнений ни для кого, что они покрывают собой всю Россию, они являются властью, и другой власти быть не может. Если же это так, то мы должны ясно представлять себе, как они эту власть могут употребить. Говорят, что власть эта такая же, как во Франции и в Америке, но ничего подобного там нет, такой непосредственной власти там не существует.

Резолюция о текущем моменте распадается на три части. В первой характеризуется объективное положение, созданное империалистической войной, в какое положение попал всемирный капитализм; во второй — условия международного пролетарского движения, и в третьей — задачи русского рабочего класса при переходе власти в его руки. В первой части я формулирую тот вывод, что во время войны капитализм развился еще больше, чем до войны. Он уже взял в свои руки целые области производства. Еще в 1891 году, 27 лет тому назад, когда немцы приняли свою Эрфуртскую программу⁶⁰, Энгельс говорил, что нельзя по-прежнему толковать капитализм, как отсутствие планомерности⁶¹. Это уже устарело: если есть тресты, то отсутствия планомерности уже нет. В особенности в XX веке развитие капитализма гигантскими шагами пошло вперед, а война сделала то, что не было сделано за 25 лет. Огосударствление промышленности пошло вперед не только в Германии, но и в Англии. От монополии вообще перешли к государственной монополии,

Объективное положение дел показало, что война ускорила развитие капитализма, и оно шло вперед от капитализма к империализму, от монополии к огосударствлению. Это все придвинуло социалистическую революцию и создало объективные условия для нее. Таким образом, социалистическая революция придвинута ходом войны.

Англия до войны была страной максимальной свободы, на что указывают всегда политики типа кадетской партии. Свобода была там потому, что там не было революционного движения. Война все сразу переделала. Страна, в которой десятилетиями не запомнят такого примера, чтобы покушались на свободу социалистической печати, сразу перешла к чисто царистской цензуре, и все тюрьмы переполнились социалистами. Капиталисты там веками научились управлять народом без насилия, и если они прибегли к насилию, значит они почувствовали, что революционное движение растет, что иначе поступить нельзя. Когда мы указывали, что Либкнехт представляет массу, хотя он один и против него сто немецких Плехановых, нам говорили, что это утопия, иллюзия. Между тем, кто хоть раз бывал за границей на собраниях рабочих, тот видел, что сочувствие масс Либкнехту есть несомненный факт. Самые ярые противники его должны были хитрить перед массой; и если не притворяться сторонниками, то во всяком случае никто не смел выступать против него. Теперь же дело пошло еще дальше. Теперь мы имеем дело с массовыми стачками и имеем братание на фронте. В этом отношении пускаться в предсказания было бы величайшей ошибкой, но что сочувствие к Интернационалу возрастает и что начинается революционное брожение в немецкой армии, — это все-таки факт, показывающий, что революция там созревает.

Теперь, каковы же задачи революционного пролетариата? Главный недостаток и главная ошибка всех рассуждений социалистов в том, что вопрос ставится слишком обще — переход к социализму. Между тем надо говорить о конкретных шагах и мерах. Одни из них назрели, другие еще нет. Сейчас мы переживаем переходный момент. Мы явно выдвинули формы, которые не походят на формы буржуазных государств: Советы рабочих и солдатских депутатов — такая форма государства, которой ни в одном государстве нет и не было. Это такая форма, которая представляет первые шаги к социализму и неизбежна в начале социалистического общества. Это факт решающий. Русская революция создала Советы. Ни в одной буржуазной стране мира таких государственных учреждений нет и быть не может, и ни одна социалистическая революция не может оперировать ни с какой

властью, кроме этой. Советы Р. и С. Д. должны взять власть не для создания обычной буржуазной республики или непосредственного перехода к социализму. Этого быть не может. Для чего же? Они должны взять власть для того, чтобы сделать первые конкретные шаги к этому переходу, которые можно и должно делать. Страх есть главный враг в этом отношении. Массам надо проповедовать, что эти шаги надо делать сейчас, иначе власть Советов Р. и С. Д. будет бессмысленна и ничего не даст народу.

Я пытаюсь дать ответ на вопрос, какие конкретные шаги мы можем народу предлагать, не становясь в противоречие с нашими марксистскими убеждениями.

Для чего мы хотим, чтобы власть перешла в руки Советов рабочих и солдатских депутатов?

Первой мерой, которую они должны осуществить, является национализация земли. О ней говорят все народы. Говорят, что эта мера — самая утопическая и, однако, все приходят к ней именно потому, что русское землевладение так запутано, что иного выхода, кроме того, чтобы всю землю разгородить и превратить ее в государственную собственность, нет. Надо отменить частную собственность на землю. Это та задача, которая перед нами стоит, потому что большинство народа за это стоит. Для этого нам нужны Советы. Эту меру провести со старым государственным чиновничеством невозможно.

Вторая мера. Мы не можем стоять за то, чтобы социализм «вводить», — это было бы величайшей нелепостью. Мы должны социализм проповедовать. Большинство населения в России — крестьяне, мелкие хозяева, которые о социализме не могут и думать. Но что они могут сказать против того, чтобы в каждой деревне был банк, который дал бы им возможность улучшить хозяйство. Против этого они ничего сказать не могут. Мы должны эти практические меры крестьянам пропагандировать и укреплять в них сознание необходимости их.

Другое дело синдикат сахарозаводчиков, это есть факт. Здесь наше предложение должно быть непосредственно практическим: вот эти уже созревшие синдикаты должны быть переданы в собственность государству. Если Советы хотят брать власть, то только для таких целей. Больше ее не для чего им брать. Вопрос стоит так: либо дальнейшее развитие этих Советов, либо они умрут бесславной смертью, как было в Парижскую Коммуну. Если нужна буржуазная республика, то это могут сделать и кадеты.

Я кончу ссылкой на одну речь, которая произвела на меня наибольшее впечатление. Один углекоп говорил заме-

чательную речь, в которой он, не употребив ни одного книжного слова, рассказывал, как они делали революцию. У них вопрос стоял не о том, будет ли у них президент, но его интересовал вопрос: когда они взяли копи, надо было охранять канаты для того, чтобы не останавливалось производство. Затем вопрос стал о хлебе, которого у них не было, и они также условились относительно его добывания. Вот это настоящая программа революции, не из книжки вычитанная. Вот это настоящее завоевание власти на месте.

Буржуазия нигде так не оформилась, как в Питере, и капиталисты здесь держат в своих руках власть, а на местах крестьяне, не задаваясь никакими социалистическими планами, предпринимают чисто практические меры. Я думаю, что эта программа революционного движения одна верно указывает на настоящий путь революции. Мы за то, чтобы к этим мерам приступали с величайшей осмотрительностью и осторожностью, но только их надо проводить, только в эту сторону надо смотреть вперед, иначе выхода нет. Иначе Советы рабочих и солдатских депутатов будут разогнаны и умрут бесславной смертью, а если власть действительно будет в руках революционного пролетариата, то только для того, чтобы идти вперед. А идти вперед — значит предпринимать конкретные шаги, а не словами только обеспечивать выход из войны. Полный успех этих шагов возможен только при мировой революции, если революция войну задушит и если рабочие всех стран ее поддержат, поэтому взятие власти — это единственная конкретная мера, это единственный выход.

*Впервые напечатано в 1921 г.
в Собрании сочинений Н. Ленина
(В. Ульянова), том XIV, ч. II*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 31, стр. 342—358*

3

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ 24 АПРЕЛЯ (7 МАЯ)

Тов. Каменев ловко сел на конька об авантюризме. Необходимо остановиться на этом. Тов. Каменев убежден и утверждает, что, говоря против лозунга «долой Временное правительство», мы проявили колебания. Я согласен с ним: колебания от линии революционной политики, конечно, были, и этих колебаний надо избежать. Я думаю, что наши разногласия с тов. Каменевым не очень велики, потому что,

соглашаясь с нами, он становится на другую позицию. В чем состоял наш авантюризм? Это была попытка прибегнуть к насильственным мерам. Мы не знали, сильно ли масса в этот тревожный момент колебнулась в нашу сторону, и вопрос был бы другой, если бы она колебнулась сильно. Мы дали лозунг мирных демонстраций, а некоторые товарищи из Петербургского комитета дали лозунг иной, который мы аннулировали, но задержать не успели, масса пошла за лозунгом ПК. Мы говорим, что лозунг «долой Временное правительство» — авантюристский, что свергать сейчас правительство нельзя, поэтому мы дали лозунг мирных демонстраций. Мы желали произвести только мирную разведку сил неприятеля, но не давать сражения, а ПК взял чуточку левее, что в данном случае есть, конечно, чрезвычайное преступление⁶². Организационный аппарат оказался не крепок: не все проводят наши постановления. Вместе с правильным лозунгом «да здравствуют Советы Р. и С. Д.!» был дан неправильный: «долой Временное правительство». В момент действия брать «чуточку полее» было неуместно. Мы рассматриваем это как величайшее преступление, как дезорганизацию. Мы не остались бы ни минуты в ЦК, если бы сознательно допустили этот шаг. Произошло это из-за несовершенства организационного аппарата. Да, у нас в организации были недостатки. Поставлен вопрос об улучшении организации.

Меньшевики и К⁰ треплют слово «авантюризм», но вот у них-то, действительно, не было ни организации и не было никакой линии. У нас есть организация и есть линия.

В тот момент буржуазия мобилизовала все силы, центр прятался, а мы организовали мирную демонстрацию. Политическая линия была только у нас. Были ошибки? Да, были. Не ошибается только тот, кто не действует. А организовать хорошо — это трудное дело.

Теперь насчет контроля.

Мы с тов. Каменевым идем вместе, кроме вопроса о контроле. Он видит в нем политический акт. Но он субъективно понимает это слово лучше, чем Чхеидзе и другие. Мы на контроль не пойдем. Нам говорят: вы себя изолировали, вы наговорили страшных слов о коммунизме, напугали буржуа до родимчика... Пусть!.. Но не это нас изолировало. Нас изолировал вопрос о займе — вот что привело нас к изоляции. Вот в каком вопросе мы оказались в меньшинстве. Да, мы в меньшинстве. Ну, что же! В это время угара шовинизма быть социалистом — быть в меньшинстве, а быть в большинстве — значит быть шовинистом. Сейчас крестьянин с Милюковым вместе займом бьет социализм. Крестьянин идет за

Милюковым и Гучковым. Это факт. Буржуазно-демократическая диктатура крестьянства — это старая формула.

Чтоб толкать крестьянство на революцию, надо отделить пролетариат, выделить пролетарскую партию, ибо крестьянство шовинистично. Привлекать мужика сейчас — значит сдать на милость Милюкова.

Временное правительство свергнуть надо, но не сейчас и не обычным путем. Мы согласны с тов. Каменевым. Но надо разъяснять. Вот на это слово уселся т. Каменев. Тем не менее это единственное, что мы можем делать.

Тов. Рыков говорит, что социализм должен прийти из других стран, с более развитой промышленностью. Но это не так. Нельзя сказать, кто начнет и кто кончит. Это не марксизм, а пародия на марксизм.

Маркс сказал, что Франция начнет, а немец доделает. А ведь русский пролетариат добился больше, чем кто-либо.

Вот если бы мы сказали: «без царя, а диктатура пролетариата» — ну, это был бы скачок через мелкую буржуазию. Но мы говорим: помогай революции через Совет Р. и С. Д. Сбиваться на реформизм нельзя. Мы ведем борьбу не с тем, чтобы быть побежденными, а чтобы выйти победителями, в крайнем случае рассчитываем на успех частичный. Если мы потерпим поражение, то достигнем частичного успеха. Это будут реформы. Реформы — это вспомогательное средство для классовой борьбы.

Далее тов. Рыков говорит, что переходного периода между капитализмом и социализмом нет. Это не так. Это разрыв с марксизмом.

Линия, намеченная нами, верна, и в будущем мы будем все меры принимать, чтобы достигнуть такой организации, чтобы не было пекистов, которые не слушают ЦК. Мы растем, как полагается это настоящей партии.

*Впервые напечатано в 1921 г.
в Собрании сочинений Н. Ленина
(В. Ульянова), том XIV, ч. II*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 31, стр. 361—363*

4

РЕЧЬ В ЗАЩИТУ РЕЗОЛЮЦИИ О ВОЙНЕ 27 АПРЕЛЯ (10 МАЯ)

ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ

Товарищи, первоначальный проект резолюции о войне я читал на общегородской конференции. В силу кризиса, который занял в Петрограде внимание и силы всех товарищей,

нам не удалось исправить этот проект. Но вчера и сегодня комиссия работала успешно, и он подвергся изменениям, сильно сократился и, по нашему мнению, улучшился.

Я хочу сказать несколько слов о построении этой резолюции. Она разделена на три части: первая часть посвящена классовому анализу войны с добавлением в виде нашего принципиального отношения, почему партия предостерегает от какого-либо доверия правительственным обещаниям и какой бы то ни было поддержки Временному правительству. Вторая часть резолюции посвящена вопросу о революционном оборончестве, как о необычайно широком массовом течении, которое сплотило сейчас против нас громадное большинство народа. Задача заключается в том, как определить классовое значение этого революционного оборончества, в чем его сущность, каково реальное соотношение сил и как нам бороться с этим течением. Третья часть резолюции касается вопроса, как кончить войну. На этот практический вопрос, имеющий наибольшую важность для партии, необходимо было ответить подробно, и мы считаем, что нам удалось дать удовлетворительный ответ на этот вопрос. В ряде статей «Правды» и газет провинциальных (которые доходят до нас крайне неаккуратно: почта не работает и надо пользоваться оказиями, чтобы брать местные листки для ЦК), где было большое число статей о войне, отрицательное отношение к войне и к вопросу о займе выяснилось. Я думаю, что голосование против займа решило вопрос об отрицательном отношении к революционному оборончеству. Останавливаться подробнее на этом мне не представляется возможным.

«Современная война со стороны обеих групп воюющих держав есть война империалистическая, т. е. ведущаяся капиталистами из-за дележа выгод от господства над миром, из-за рынков финансового (банкового) капитала, из-за подчинения слабых народностей и т. д.»

Основное и первое положение есть вопрос о содержании войны, вопрос общего и политического характера, вопрос спорный, который капиталисты и социал-шовинисты старательно обходят. Поэтому мы его должны поставить на первом месте и сделать добавление:

«Каждый день войны обогащает финансовую и промышленную буржуазию и разоряет и истощает силы пролетариата и крестьянства всех воюющих, а затем и нейтральных стран. В России же затягивание войны, кроме того, несет величайшую опасность завоеваниям революции, ее дальнейшему развитию.

Переход государственной власти в России к Временному правительству, правительству помещиков и капиталистов, не изменил и не мог изменить такого характера и значения войны со стороны России».

Эта вот, прочитанная мною сейчас, фраза имеет для нас большое значение во всей пропаганде и агитации. Изменился ли теперь и может ли измениться классовый характер войны? Наш ответ основывается на том, что власть перешла в руки помещиков и капиталистов, того же правительства, которое эту войну подготовило. Дальше мы переходим к одному из фактов, показывающих наиболее наглядно характер войны. Одно дело — классовый характер, выражающийся во всей политике, которую определенные классы вели в течение десятилетий, а другое дело — наглядный классовый характер войны.

«Этот факт особенно наглядно обнаружился в том, что новое правительство не только не опубликовало тайных договоров, заключенных царем Николаем II с капиталистическими правительствами Англии, Франции и т. д., но и формально подтвердило, без опроса народа, эти тайные договоры, обещающие русским капиталистам ограбление Китая, Персии, Турции, Австрии и т. д. Сокрытием этих договоров русский народ вводится в обман относительно истинного характера войны».

Итак, я еще раз подчеркиваю, что мы указываем особенно наглядное подтверждение характера войны. Даже если бы совсем не было договоров, характер войны несколько не изменился бы, потому что соглашение между группами капиталистов может быть достигнуто очень часто без всяких договоров. Но они существуют, значение их особенно наглядно, и мы, для объединения работы агитаторов и пропагандистов, считаем этот факт особенно необходимым подчеркнуть и решили этот пункт выделить. Внимание народа устремлено на этот факт, и оно должно быть устремлено, тем более, что договоры эти заключены у нас царем, который свергнут, так что внимание народа должно быть остановлено на том, что войну ведут правительства по договорам, заключенным старыми правительствами. Я думаю, что здесь вскрываются в наиболее выпуклой форме противоречия между интересами капиталистов и волею народа, и задача агитаторов, вскрывая эти противоречия, направлять на них внимание народа, стараться прояснять сознание масс, обращаясь к их классовому сознанию. Содержание же договоров таково, что не может быть сомнения относительно того, что они обещают громадные барыши капиталистам путем ограбления других

стран, поскольку эти договоры остаются всегда во всех странах тайными. Нет ни одной республики на свете, которая внешнею политику вела бы открыто. Пока существует капиталистический строй, нельзя ждать, чтобы капиталисты открыли свои торговые книжки. Раз есть частная собственность на средства производства, то она включает частную собственность на акции и на финансовые операции. Главная основа теперешней дипломатии, это и есть финансовые операции, сводящиеся к ограблению и удушению слабых народностей. Вот, с нашей точки зрения, те основные положения, из которых вытекает вся оценка войны. Из них мы делаем вывод:

«Поэтому пролетарская партия не может поддерживать ни теперешней войны, ни теперешнего правительства, ни его займов, не разрывая совершенно с интернационализмом, т. е. с братской солидарностью рабочих всех стран в борьбе против ига капитала».

Это наш главный, основной вывод, определяющий всю нашу тактику и отделяющий нас от всех других партий, какими бы социалистическими они себя ни называли. Этим положением, которое для всех нас бесспорно, предreshен вопрос о нашем отношении ко всем другим политическим партиям.

Дальше идет речь о том, что наше правительство особенно широко поставило вопрос об обещаниях. Около этих обещаний идет длительная кампания Советов, запутавшихся в этих обещаниях и испытывающих народ. Поэтому мы считаем необходимым к чисто объективному анализу классового положения прибавить оценку обещаний, обещаний, которые, конечно, для марксиста сами по себе никакого значения не имеют. Но для широких масс это много значит, а для политики еще больше. Петроградский Совет запутался в этих обещаниях и придает им вес, обещая свою поддержку. Вот почему мы прибавляем к этому пункту следующую формулировку:

«Никакого доверия не заслуживают обещания нынешнего правительства отказаться от аннексий, т. е. от завоеваний чужих стран, или от насильственного удержания в пределах России каких-либо народностей».

Так как слово «аннексия» — иностранное, то мы даем ему точное политическое определение, которого ни партия к.-д., ни партии мелкобуржуазных демократов (народников и меньшевиков) не могут дать. Нет слов, которые употреблялись бы столь бессмысленно и неоправданно.

«Ибо, во-первых, капиталисты, связанные тысячами нитей банкового капитала, не могут отказаться от аннексий в данной войне, не отказавшись от прибылей на миллиарды, вло-

женные в займы, в концессии, в военные предприятия и т. д.; во-вторых, новое правительство, отказавшись от аннексий для обмана народа, заявило устами Милюкова 9-го апреля 1917 года в Москве, что оно от аннексий не отказывается, а нотой от 18-го апреля и разъяснением ее 22-го апреля оно подтвердило захватный характер своей политики.

Предостерегая народ против пустых посулов капиталистов, конференция заявляет поэтому, что надо строго отличать отказ от аннексий на словах и отказ от аннексий на деле, т. е. немедленное опубликование и отмену всех тайных грабительских договоров и немедленное предоставление всем народностям права свободным голосованием решить вопрос, желают ли они быть независимыми государствами или входить в состав какого угодно государства».

Указать это мы признали необходимым, потому что вопрос о мире без аннексий является основным вопросом во всех этих дискуссиях об условиях мира. Все партии признают, что мир станет альтернативой и что мир с аннексиями явится неслыханной катастрофой для всех стран. И перед народом, в стране которого существует политическая свобода, нельзя иначе поставить вопрос о мире, как о мире без аннексий. Приходится поэтому высказываться за мир без аннексий, и остается только лгать посредством затуманивания понятия аннексии или обходить этот вопрос. «Речь» кричит, например, что возврат Курляндии и есть отказ от аннексий. Когда я говорил перед Советом Р. и С. Д., мне один солдат подал записку с вопросом: «мы должны драться, чтобы отвоевать Курляндию. Неужели отвоевать Курляндию — значит быть за аннексии?». Я должен был ответить утвердительно*. Мы против того, чтобы Германия могла насильем присоединить Курляндию, но и против того, чтобы Россия держала Курляндию насильственно. Например, наше правительство выпустило манифест о независимости Польши, напицкав последний ничего не говорящими фразами. Они написали, что Польша должна находиться в свободном военном союзе с Россией. В этих трех словах только и заключается правда. Свободный военный союз маленькой Польши с огромной Россией есть на деле полное военное порабощение Польши. Политически он может давать свободу, все равно границы ее будут определены военным союзом.

Если мы будем бороться за то, чтобы русские капиталисты овладели в прежних границах Курляндией и Польшей — значит германские капиталисты вправе грабить Курляндию.

* См. Сочинения, 5 изд., том 31, стр. 277. *Ред.*

Они могут возразить: мы вместе грабили Польшу. Когда мы начали рвать Польшу в конце XVIII века, тогда Пруссия была очень маленькой и слабой державой, а Россия громадной, и Россия награбила больше. Теперь мы сделались сильнее, и позвольте нам урвать большую часть. Никаким образом против этой логики капиталистов возразить нельзя. Япония в 1863 году была нулем по сравнению с Россией, а в 1905 Россию вздула. Германия в 1863—1873 годах была нулем по сравнению с Англией, а теперь она сильнее ее. Они могут возразить: мы были слабы, когда у нас взяли Курляндию, теперь мы развились сильнее вашего и хотим ее отнять. Не отказываться от аннексий — значит оправдывать бесконечные войны из-за захвата слабых народностей. Отказ от аннексий означает предоставление каждому народу свободно решать — желает ли он жить отдельно или совместно с другим. Конечно, для этого надо вывести войска. Допустить малейшие колебания в вопросе об аннексиях — значит оправдать бесконечные войны. Следовательно, в этом отношении никаких колебаний мы допускать не могли. Наш ответ по отношению к аннексиям — свободное решение народов. Как сделать, чтобы эта политическая свобода была также и экономической? Для этого необходим переход власти в руки пролетариата и свержение ига капитала.

Теперь перехожу ко второй части резолюции.

«Так называемое «революционное оборончество», которое охватило теперь в России все народнические партии (народных социалистов, трудовиков, с.-р.) и оппортунистическую партию с.-д. меньшевиков (ОК, Чхеидзе, Церетели и др.), а также большинство беспартийных революционеров, представляет из себя по своему классовому значению, с одной стороны, интересы и точку зрения зажиточных крестьян и части мелких хозяев, которые, подобно капиталистам, извлекают прибыли из насилия над слабыми народами. С другой стороны, революционное оборончество является результатом обмана капиталистами части пролетариев и полупролетариев города и деревни, которые по своему классовому положению в прибылях капиталистов и в империалистической войне не заинтересованы».

Значит, тут наша задача в том, чтобы определить, из каких слоев могло вырасти и выросло оборонческое настроение. Россия — самая мелкобуржуазная страна, и верхние слои мелкой буржуазии прямо заинтересованы в продолжении этой войны. Зажиточное крестьянство, подобно капиталистам, получает прибыль от нее. С другой стороны, масса пролетариата и полупролетариата в аннексиях не заинтере-

сованы, так как прибыли от банкового капитала они не получают. Каким образом эти классы могли стать на точку зрения революционного оборончества? Такое отношение этих классов к революционному оборончеству есть результат влияния идеологии капиталистов, которое в резолюции выражено словом «обман». Они не умеют отличить интересов капиталистов от интересов страны. Отсюда для нас вывод:

«Конференция признает безусловно недопустимыми и означающими на деле полный разрыв с интернационализмом и социализмом какие бы то ни было уступки революционному оборончеству. Что касается оборонческих настроений широких народных масс, то наша партия будет бороться с этими настроениями неустанным разъяснением той истины, что бессознательно доверчивое отношение к правительству капиталистов есть в данный момент одна из главных помех к быстрому окончанию войны».

Вот здесь в последних словах выражена та особенность, которая резко отличает Россию от всех остальных капиталистических западных стран и от всех капиталистически-демократических республик. Ибо там нельзя сказать, что доверчивость бессознательных масс является главной причиной продолжения войны. Там массы сейчас сдавлены железными тисками военной дисциплины, и тем больше дисциплина, чем демократичнее республика, ибо в последней право опирается на «волю народа». В России в силу революции этой дисциплины нет. Массы свободно выбирают представителей в Советы — явление, которое сейчас нигде в мире наблюдать нельзя. Но они доверчивы бессознательно, и отсюда определенное использование их для борьбы. Кроме разъяснений, здесь поделать ничего нельзя. Разъяснения должны касаться здесь прямых революционных задач и способов действий. Когда массы свободны, попытки делать что-либо от имени меньшинства, не разъясняя массам, были бы нелепым бланкизмом, — простой авантюристской попыткой. Только завоеванием массы — если ее можно завоевать — только так мы создаем прочную опору для победы пролетарской классовой борьбы.

Перехожу к третьей части резолюции:

«Что касается до самого важного вопроса о том, как кончить возможно скорее, и притом не насильственным, а истинно демократическим миром, эту войну капиталистов, то конференция признает и постановляет:

Нельзя окончить эту войну отказом солдат только одной стороны от продолжения войны, простым прекращением военных действий одною из воюющих сторон».

Эту мысль о подобном окончании войны нам очень часто навязывают люди, которым хочется облегчить борьбу с противником посредством искажения его взглядов, — обычный прием капиталистов, приписывающих нам бессмысленное окончание войны односторонним отказом. И они возражают: «войну нельзя кончить, воткнув штык в землю», как формулировал это один солдат, который является типичным революционным оборонцем. Это не возражение, говорю я. Это анархическая идея, что можно кончить войну без перемены правительственных классов; это идея либо анархическая, которая не имеет значения, государственного смысла, или туманно-пацифистская, и связи между политикой и угнетающим классом совершенно не понимает. Война есть зло, а мир благо... Конечно, эту идею надо разъяснять, популяризировать массам. И вообще говоря, все наши резолюции пишутся для руководящих слоев, для марксистов, они не годятся ни-коим образом для чтения масс, но должны дать объединяющее руководство всей политики для любого пропагандиста и агитатора. Для этого прибавлен еще один абзац:

«Конференция протестует еще и еще раз против низкой клеветы, распространяемой капиталистами против нашей партии, именно, будто мы сочувствуем сепаратному (отдельному) миру с Германией. Мы считаем германских капиталистов такими же разбойниками, как и капиталистов русских, английских, французских и пр., а императора Вильгельма таким же коронованным разбойником, как Николая II и монархов английского, итальянского, румынского и всех прочих».

По поводу этого пункта в комиссии возникли некоторые споры, с одной стороны, по поводу того, что будто бы мы в этом месте перешли на слог слишком популярный, а с другой — будто бы английский, итальянский и румынский монархи не заслужили чести быть сюда вставленными. Но после обстоятельных дискуссий мы пришли к единому соглашению, что в данный момент, когда мы задались целью опровергнуть те клеветы, которые «Биржевка»⁶³ пыталась большей частью грубо, «Речь» тонко, а «Единство» прямыми намеками возводить на нас, — по такому вопросу надо выступить с наиболее яркой и резкой критикой этих понятий, имея в виду самые широкие массы. А так как нам говорят: если вы считаете Вильгельма разбойником, помогите нам его свергнуть, то ведь мы можем ответить, что и все другие тоже разбойники, и с ними тоже надо бороться, так что не надо забывать и королей Италии и Румынии, найдутся такие и в рядах наших союзников. Эти два абзаца содержат отвод

против клевет, которые стремятся свести дело на погром и на перебранку. Вот почему мы должны дальше перейти к серьезному практическому вопросу, как эту войну кончить.

«Наша партия будет терпеливо, но настойчиво разъяснять народу ту истину, что войны ведутся *правительствами*, что войны всегда бывают связаны неразрывно с политикой определенных *классов*, что эту войну можно окончить демократическим миром *только* посредством перехода всей государственной власти по крайней мере в нескольких воюющих странах, в руки класса пролетариев и полупролетариев, который действительно способен положить конец гнету капитала».

Для марксиста эти истины, что войны ведутся капиталистами и что они связаны с их классовыми интересами — абсолютные истины. Марксисту на этом не приходится останавливаться. Но для широких масс все искусные пропагандисты и агитаторы должны уметь без иностранных слов объяснить эту истину, потому что у нас споры обыкновенно превращаются в пустую перебранку, не дающую ничего. И к этому мы подходим во всех частях резолюции. Мы говорим: чтобы понять войну, надо спрашивать, кому она выгодна; чтобы понять, каким способом окончить войну, надо спрашивать, каким классам она невыгодна. Связь тут ясна, и отсюда дальше вывод:

«Революционный класс, взяв в свои руки государственную власть в России, принял бы ряд мер, ведущих к уничтожению экономического господства капиталистов, и мер, ведущих к их полному политическому обезврежению, и немедленно и открыто предложил бы демократический мир всем народам на основе полного отказа от каких бы то ни было аннексий».

Если мы говорим от имени революционного класса, народ вправе спросить: ну, а вы, что бы вы сделали на их месте, чтобы окончить войну? Это неизбежный вопрос. Нас народ выбирает сейчас, как своих представителей, и мы должны дать совершенно точный ответ. Революционный класс, взявший власть, начал бы с того, чтобы подорвать господство капиталистов, и предложил бы всем народам точные условия мира, потому что если подрыва экономического господства капиталистов не будет, то получатся только бумажки. Только победоносный класс может это сделать, может привести к изменению политики.

Еще раз повторяю: для неразвитых народных масс эта истина требует посредствующих звеньев, которые вводили бы в вопрос неподготовленных людей. Вся ошибка и вся ложь

популярной литературы о войне состоит в том, что этот вопрос обходят, об этом молчат, изображая дело так, что не существовало борьбы классов, а как будто две страны жили дружно, и одна на другую напала и та обороняется. Это является вульгарным рассуждением, в котором нет ни тени объективности, — сознательный обман народа со стороны образованных людей. Если мы сумеем подойти к этому вопросу, то всякий представитель народа схватит сущность; ибо одно дело — интересы господствующих классов, а другое дело — интересы классов угнетенных.

Что было бы, если бы революционный класс взял власть?

«Эти меры и это открытое предложение мира создали бы полное доверие рабочих воюющих стран друг к другу...»

Сейчас этого доверия быть не может, словами манифестов мы этого доверия не создадим. Если один мыслитель сказал, что язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли, то дипломаты постоянно говорят: «конференции собираются для того, чтобы надувать народные массы». Не только капиталисты, но и социалисты так рассуждают. В частности — это можно сказать о конференции, созываемой Боргбьергом.

«...и неизбежно привели бы к восстаниям пролетариата против тех империалистических правительств, которые воспротивились бы предложенному миру».

Когда сейчас капиталистическое правительство говорит: «мы за мир без аннексий», этому никто не верит. Народные массы имеют инстинкт угнетенных классов, который им говорит, что ничто не изменилось. Лишь тогда, когда в одной стране политика изменилась бы на деле, появилось бы доверие и попытка к восстаниям. Мы говорим о «восстаниях», так как речь идет о всех странах. «В одной стране революция произошла, теперь она должна произойти в Германии» — это рассуждение фальшиво. Пытаются установить очередь, но так поступать нельзя. Мы все пережили революцию 1905 года, мы все могли слышать или видели, как она вызвала рост революционных идей во всем мире, о чем всегда говорил Маркс. Революцию нельзя ни сделать, ни установить очередь. Заказать революцию нельзя, — революция вырастает. Это сплошное шарлатанство, которое теперь в России особенно часто применяется. Народу говорят: вот вы в России сделали революцию, теперь очередь за немцем. Если объективные условия изменятся, тогда восстание неизбежно. А в какой очереди, в какой момент и с каким успехом, этого мы не знаем. Нам говорят: если революционный класс в России возьмет власть в свои руки, а в других странах восстания нет, что тогда делать революционной партии? Как быть

тогда? На этот вопрос дает ответ последний пункт нашей резолюции.

«Пока же революционный класс в России не взял в свои руки всей государственной власти, наша партия будет всемерно поддерживать те пролетарские партии и группы за границей, которые на деле ведут уже во время войны революционную борьбу против своих империалистических правительств и своей буржуазии».

Вот все, что мы можем немедленно обещать и должны делать. Революция нарастает во всех странах, но когда и в какой мере она нарастает — этого никто не знает. Во всех странах есть люди, которые ведут революционную борьбу против своих правительств. Их и только их мы должны поддерживать. Вот это дело, а все остальное только ложь. И мы добавляем:

«В особенности же партия будет поддерживать начавшееся массовое братание солдат всех воюющих стран на фронте...».

Это замечание на возражение Плеханова: «Что из этого выйдет? — говорит Плеханов. — Ну, побратаетесь, а дальше? Это же означает возможность сепаратного мира на фронте». Это фокусничество, а не серьезный аргумент. Мы хотим братания на всех фронтах и мы об этом заботимся. Когда мы работали в Швейцарии, мы издали текст воззвания на двух языках: на одной стороне по-французски, а на другой по-немецки, и мы звали к тому, к чему ведем мы русских солдат. Мы не ограничиваемся братанием только между Россией и Германией, мы зовем к братанию всех. Теперь, как же понимать братание?

«...стремясь превратить это стихийное проявление солидарности угнетенных в сознательное и возможно более организованное движение к переходу всей государственной власти во всех воюющих странах в руки революционного пролетариата».

Сейчас братание стихийное, и не надо обманывать себя на этот счет. Это надо признать, чтобы не вводить народ в заблуждение. Ясной политической мысли у братающихся солдат нет. Это говорит инстинкт угнетенных людей, которые устали, измучились и перестают верить капиталистам: «пока вы там о мире говорите, — мы это уже два с половиной года слышим, — мы начнем сами». Вот это верный классовый инстинкт. Без такого инстинкта дело революции было бы безнадежно. Ибо, вы знаете, никто не освободил бы рабочих, если бы они сами себя не освободили. Но довольно ли этого

инстинкта? На одном инстинкте далеко не уедешь. И поэтому необходим переход этого инстинкта в сознание.

В воззвании «К солдатам всех воюющих стран» мы даем ответ на вопрос: во что же должно превратиться это братание? — в переход политической власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов*. Конечно, немецкие рабочие назовут свои Советы другими именами, это не важно. Но суть в том, что мы признаем несомненно правильным, что оно стихийно и что мы не ограничиваемся поощрением его, а своей задачей ставим это стихийное сближение одетых в солдатскую шинель рабочих и крестьян всех стран — превратить в сознательное движение, цель которого — переход власти во всех воюющих странах в руки революционного пролетариата. Эта задача очень трудная, но и то положение, в которое человечество поставлено властью капиталистов, неслыханно трудное и ведет человечество прямо к гибели. Поэтому оно вызовет тот взрыв негодования, которое является залогом пролетарской революции.

Вот наша резолюция, которую мы предлагаем вниманию конференции.

*Впервые напечатано в 1921 г.
в Собрании сочинений Н. Ленина
(В. Ульянова), том XIV, ч. II*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 31, стр. 387—400*

5

РЕЗОЛЮЦИЯ О ВОЙНЕ⁶⁴

I

Современная война со стороны обеих групп воюющих держав есть война империалистическая, т. е. ведущаяся капиталистами из-за дележа выгод от господства над миром, из-за рынков финансового (банкового) капитала, из-за подчинения слабых народностей и т. д. Каждый день войны обогащает финансовую и промышленную буржуазию и разоряет и истощает силы пролетариата и крестьянства всех воюющих, а затем и нейтральных стран. В России же затягивание войны, кроме того, несет величайшую опасность завоеваниям революции и ее дальнейшему развитию.

Переход государственной власти в России к Временному правительству, правительству помещиков и капиталистов, не

* См. Сочинения, 5 изд., том 31, стр. 293—296; 4 изд., том 24, стр. 157—159. *Ред.*

изменил и не мог изменить такого характера и значения войны со стороны России.

Этот факт особенно наглядно обнаружился в том, что новое правительство не только не опубликовало тайных договоров, заключенных царем Николаем II с капиталистическими правительствами Англии, Франции и т. д., но и формально подтвердило, без опроса народа, эти тайные договоры, обещающие русским капиталистам ограбление Китая, Персии, Турции, Австрии и т. д. Сокрытием этих договоров русский народ вводится в обман относительно истинного характера войны.

Поэтому пролетарская партия не может поддерживать ни теперешней войны, ни теперешнего правительства, ни его займов, не разрывая совершенно с интернационализмом, т. е. с братской солидарностью рабочих всех стран в борьбе против ига капитала.

Никакого доверия не заслуживают обещания нынешнего правительства отказаться от аннексий, т. е. от завоеваний чужих стран или от насильственного удержания в пределах России каких-либо народностей. Ибо, во-первых, капиталисты, связанные тысячами нитей банкового капитала, не могут отказаться от аннексий в данной войне, не отказавшись от прибыли на миллиарды, вложенные в займы, в концессии, в военные предприятия и т. д. Во-вторых, новое правительство, отказавшись от аннексий для обмана народа, заявило устами Милюкова 9 апреля 1917 года в Москве, что оно от аннексий не отказывается, а нотой от 18 апреля и разъяснением ее от 22 апреля оно подтвердило захватный характер своей политики. Предостерегая народ против пустых посулов капиталистов, конференция заявляет поэтому, что надо строго отличать отказ от аннексий на словах и отказ от аннексий на деле, т. е. немедленное опубликование и отмену всех тайных грабительских договоров и немедленное предоставление всем народностям права свободным голосованием решить вопрос, желают ли они быть независимыми государствами или входить в состав какого угодно государства.

II

Так называемое «революционное оборончество», которое охватило теперь в России все народнические партии (народных социалистов, трудовиков, социалистов-революционеров) и оппортунистическую партию социал-демократов меньшевиков (ОК, Чхеидзе, Церетели и др.), а также большинство беспартийных революционеров, представляет из себя, по

своему классовому значению, с одной стороны, интересы и точку зрения зажиточных крестьян и части мелких хозяев, которые, подобно капиталистам, извлекают прибыли из насилия над слабыми народами. С другой стороны, «революционное оборончество» является результатом обмана капиталистами части пролетариев и полупролетариев города и деревни, которые по своему классовому положению в прибылях капиталистов и в империалистской войне не заинтересованы.

Конференция признает безусловно недопустимыми и означающими на деле полный разрыв с интернационализмом и социализмом какие бы то ни было уступки «революционному оборончеству». Что касается оборонческих настроений широких народных масс, то наша партия будет бороться с этими настроениями неустанным разъяснением той истины, что бессознательно-доверчивое отношение к правительству капиталистов есть в данный момент одна из главных помех к быстрому окончанию войны.

III

Что касается до самого важного вопроса о том, как кончить возможно скорее, и притом не насильственным, а истинно демократическим миром, эту войну капиталистов, то конференция признает и постановляет:

Нельзя окончить эту войну отказом солдат только одной стороны от продолжения войны, простым прекращением военных действий одною из воюющих сторон.

Конференция протестует еще и еще раз против низкой клеветы, распространяемой капиталистами против нашей партии, именно, будто мы сочувствуем сепаратному (отдельному) миру с Германией. Мы считаем германских капиталистов такими же разбойниками, как и капиталистов русских, английских, французских и пр., а императора Вильгельма таким же коронованным разбойником, как Николая II и монархов английского, итальянского, румынского и всех прочих.

Наша партия будет терпеливо, но настойчиво разъяснять народу ту истину, что войны ведутся *правительствами*, что войны всегда бывают связаны неразрывно с политикой определенных *классов*, что эту войну можно окончить демократическим миром *только* посредством перехода всей государственной власти по крайней мере нескольких воюющих стран в руки класса пролетариев и полупролетариев, который действительно способен положить конец гнету капитала,

Революционный класс, который взял бы в свои руки государственную власть в России, принял бы ряд мер, подрывающих экономическое господство капиталистов, и мер, ведущих к их полному политическому обезврежению, и немедленно и открыто предложил бы демократический мир всем народам на основе полного отказа от каких бы то ни было аннексий и контрибуций. Эти меры и это открытое предложение мира создали бы полное доверие рабочих воюющих стран друг к другу и неизбежно привели бы к восстаниям пролетариата против тех империалистических правительств, которые воспротивились бы предложенному миру.

Пока же революционный класс в России не взял в свои руки всей государственной власти, наша партия будет всемерно поддерживать те пролетарские партии и группы за границей, которые на деле ведут уже во время войны революционную борьбу против своих империалистических правительств и своей буржуазии. В особенности же партия будет поддерживать начавшееся массовое братание солдат всех воюющих стран на фронте, стремясь превратить это стихийное проявление солидарности угнетенных в сознательное и возможно более организованное движение к переходу всей государственной власти во всех воюющих странах в руки революционного пролетариата.

*«Правда» № 44,
12 мая (29 апреля) 1917 г.*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 31, стр. 403—405*

6

РЕЗОЛЮЦИЯ ОБ ОТНОШЕНИИ К ВРЕМЕННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ⁶⁵

Всероссийская конференция РСДРП признает:

1) Временное правительство по своему характеру является органом господства помещиков и буржуазии;

2) оно и представляемые им классы неразрывно связаны экономически и политически с русским и англо-французским империализмом;

3) даже возведенную им программу оно осуществляет лишь неполно и только под напором революционного пролетариата и отчасти мелкой буржуазии;

4) организующиеся силы буржуазной и помещичьей контрреволюции, прикрываясь знаменем Временного правительства, при явном содействии со стороны последнего, уже

начали атаку против революционной демократии: так, Временное правительство оттягивает назначение выборов в Учредительное собрание, препятствует всеобщему вооружению народа, противодействует переходу всей земли в руки народа, навязывая ему помещичий способ решения аграрного вопроса, тормозит введение 8-часового рабочего дня, попустительствует контрреволюционной агитации (Гучкова и К^о) в армии, организует верхи командного состава армии против солдат и т. д.;

5) охраняя прибыли капиталистов и помещиков, Временное правительство неспособно принять ряд революционных мер в области хозяйственной (продовольствие и пр.), которые безусловно и неотложно необходимы ввиду непосредственно грозящей хозяйственной катастрофы;

6) в то же время это правительство опирается в данный момент на доверие и на прямое соглашение с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, который до сих пор является руководящей организацией для большинства рабочих и солдат, т. е. крестьянства;

7) каждый шаг Временного правительства как в области внешней, так и внутренней политики будет открывать глаза пролетариям города и деревни и полупролетариям и заставлять различные слои мелкой буржуазии выбрать ту или иную политическую позицию.

Исходя из вышеизложенных положений, конференция постановляет:

1) Необходима длительная работа по прояснению классового пролетарского сознания и сплочению пролетариев города и деревни против колебаний мелкой буржуазии, ибо только такая работа обеспечит успешный переход всей государственной власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов или других органов, непосредственно выражающих волю большинства народа (органы местного самоуправления, Учредительное собрание и т. п.).

2) Для такой деятельности необходима всесторонняя работа внутри Советов рабочих и солдатских депутатов, увеличение их числа, укрепление их силы, сплочение внутри их пролетарских, интернационалистских групп нашей партии.

3) Для немедленного закрепления и расширения завоеваний революции на местах необходимо, опираясь на прочное большинство местного населения, всесторонне развивать, организовывать и усиливать самочинные действия, направленные к осуществлению свобод, к смещению контрреволюционных властей, к проведению мероприятий экономического

характера — контроль над производством и распределением и т. п.

4) Политический кризис 19—21 апреля, созданный нотой Временного правительства, показал, что правительственная партия кадетов, организуя на деле контрреволюционные элементы как в армии, так и на улицах, переходит к попыткам расстрела рабочих. Вследствие неустойчивого положения, вытекающего из двоевластия, повторение таких попыток неизбежно, и партия пролетариата обязана со всей энергией сказать народу, что необходима организация и вооружение пролетариата, теснейший союз его с революционной армией, разрыв с политикой доверия к Временному правительству для предотвращения серьезно грозящей опасности таких массовых расстрелов пролетариата, как в июньские дни в Париже в 1848 году.

*«Правда» № 42,
10 мая (27 апреля) 1917 г.*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 31, стр. 407—409*

7

РЕЗОЛЮЦИЯ О ПЕРЕСМОТРЕ ПАРТИЙНОЙ ПРОГРАММЫ⁶⁶

Конференция признает необходимость пересмотра партийной программы в следующем направлении:

1) оценка империализма и эпохи империалистических войн в связи с надвигающейся социалистической революцией; борьба с извращением марксизма так называемыми «оборонцами», забывшими лозунг Маркса: «рабочие не имеют отечества»⁶⁷;

2) исправление положений и параграфов о государстве в духе требования не буржуазно-парламентарной республики, а демократической пролетарски-крестьянской республики (т. е. типа государства без полиции, без постоянной армии, без привилегированного чиновничества);

3) удаление или исправление устаревших частей политической программы;

4) переделка ряда пунктов политической программы-минимум в смысле более точного указания на более последовательные демократические требования;

5) полная переделка в очень многих местах устаревшей экономической части программы-минимум и пунктов, относящихся к народному образованию;

6) переделка аграрной программы сообразно принятой резолюции по аграрному вопросу;

7) вставка требования национализации ряда наиболее подготовленных к тому синдикатов и т. п.;

8) добавление характеристики основных течений современного социализма.

Конференция поручает Центральному Комитету составить на этих основаниях проект партийной программы в двухмесячный срок для представления этого проекта на утверждение партийного съезда. Конференция призывает все организации и всех членов партии к обсуждению проектов программы, к исправлению их и к выработке контрпроектов.

*Приложение к № 13 газеты
«Солдатская Правда», 16 (3) мая 1917 г.*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 31, стр. 414—415*

8

ДОКЛАД ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ

28 АПРЕЛЯ (11 МАЯ)

ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ

Товарищи, аграрный вопрос обсуждался нашей партией так обстоятельно еще во время первой революции, что подготовка к нему имеется в настоящее время, я думаю, достаточная, и косвенным подтверждением этого служит то, что секция конференции, составившаяся из товарищей, близко знакомых с этим вопросом и интересовавшихся им, сошлась на предложенном проекте резолюции без коренных поправок. Я поэтому ограничиваюсь самыми краткими замечаниями. Так как проект, розданный в виде корректуры, имеется у всех членов, то в чтении его полностью нет надобности.

Рост аграрного движения по всей России сейчас самый очевидный и бесспорный факт для всех. Программа нашей партии, принятая на Стокгольмском съезде в 1906 году и предложенная меньшевиками, оказалась опровергнутой уже ходом первой русской революции. На этом съезде меньшевики провели свою муниципализацию, суть которой сводится к следующему: крестьянские земли, общинные и подворные, остаются в собственности крестьян. Помещичьи земли переходят из рук их владельцев в руки органов местного самоуправления. Одним из главных доводов меньшевиков в пользу такой программы было то, что крестьяне никогда

не поймут перехода крестьянской земли в руки кого-нибудь другого, кроме крестьянства. Кто изучал протоколы Стокгольмского съезда, тот вспомнит, что на этот довод особенно напирали и докладчик Маслов и Костров. Не надо забывать, — теперь это часто забывается, — что дело было перед первой Думой, когда объективных фактов о характере крестьянского движения и об его силе не было. Все знали, что Россия горит огнем пожара аграрной революции, но как будет организовано аграрное движение, каково будет движение крестьянской революции, никто не знал. Проверить, насколько этот съезд представляет серьезное, деловое мнение самих крестьян, нельзя было, и вот почему эти доводы меньшевиков играли такую роль. Вскоре после нашего Стокгольмского съезда мы получили впервые внушительное подтверждение того, как смотрит на этот вопрос крестьянская масса. И в I и во II Думе был выдвинут самими крестьянами трудовой «проект 104-х»⁶⁸. Я изучал специально подписи под этим проектом, подробно знакомился с мнениями депутатов и с тем, к какому классу они принадлежат, насколько их можно назвать крестьянами. Я с полной категоричностью утверждал в той книге, которую царская цензура сожгла и которую я все-таки переиздам⁶⁹, что из этих 104-х подписей громадное большинство было подписей самих крестьян. Этот проект требовал национализации земли. Крестьяне говорили, что вся земля отойдет в руки государства.

Вопрос состоит, таким образом, в том, как объяснить, что в Думах, два раза созванных, представители крестьян всей России предпочли национализацию той мере, которую меньшевики предлагали в обеих Думах с точки зрения крестьянских интересов. Меньшевики предлагали, чтобы крестьяне оставили свои земли у себя в собственности и только помещичья земля должна быть отдана в руки народа, а крестьяне сказали, что они всю землю передают в руки народа. Как это объяснить? Социалисты-революционеры объясняют это тем, что русские крестьяне по своей общинности сочувствуют социализации, трудовому началу. Во всей этой фразеологии нет ни малейшего здравого смысла, это только одни фразы. Но как это объяснить? Я думаю, что крестьяне потому пришли к этому выводу, что все русское землевладение, крестьянское и помещичье, общинное и подворное, насквозь пропитано условиями старого полукрепостничества, и крестьяне, с точки зрения условий рынка, должны были требовать перехода земли в руки всего народа. Крестьяне говорят, что запутанность положения прежней аграрной жизни может быть распутана только национализацией. Взгляд у них буржуазный:

уравнительное землепользование они понимают как отнятие земли у помещиков, но не как уравнение отдельных хозяйств. Национализация, это значит — все земли пустить под живую разверстку. Это величайший буржуазный проект. Ни один крестьянин не говорил об уравнении и социализации, но все говорили, что ждать дольше невозможно, что нужно разгородить всю землю, т. е. невозможно в обстановке XX века вести хозяйство по-старому. Столыпинская реформа с тех пор запутала земельный вопрос еще больше⁷⁰. Вот что хотят сказать крестьяне требованием национализации. Это значит — все земли вообще пустить под новую разверстку. Никаких разнообразных форм землевладения быть не должно. Здесь ровно никакой социализации нет. Это требование крестьян называется уравнительным потому, что, как показывает краткий итог статистики землевладения 1905 года, — на 300 семей крестьянских и одну помещичью имеется по 2000 десятин земли; в этом смысле оно, конечно, уравнительное, но из этого не следует, что это значит уравнивать все мелкие хозяйства между собой. Проект 104-х говорит обратное.

Вот основное, что необходимо сказать, чтобы научно обосновать взгляд, что национализация в России, с точки зрения буржуазно-демократической, является необходимой. Но она необходима и потому, что является гигантским ударом для частной собственности на средства производства. Думать, что после отмены частной собственности на землю в России все останется по-старому, это просто нелепость.

Дальше в проекте резолюции делаются практические выводы и требования. Из мелких поправок я отмечу следующие: в 1-м пункте сказано: «Партия пролетариата поддерживает всеми силами немедленную и полную конфискацию всех помещичьих земель...» — вместо «поддерживает» — следует поставить «борется за...». Мы не смотрим так, что крестьяне имеют мало земли и им надо земли побольше. Это ходячий взгляд; мы говорим, что помещичье землевладение есть основа гнета, который душит крестьянство и делает его отсталым. Дело не в том, мало у крестьян земли или нет; долой крепостничество — вот постановка вопроса с точки зрения революционной классовой борьбы, а не тех чиновников, которые рассуждают, сколько земли у них и по каким нормам ее нужно разверстать. Пункты 2-й и 3-й я предлагаю переставить, потому что для нас важен революционный почин, а закон должен быть его результатом. *Если вы будете ждать, пока закон напишется, а сами не разовьете революционной энергии, то у вас не будет ни закона, ни земли.*

Очень часто возражают против национализации, говоря, что она предполагает гигантский чиновнический аппарат. Это верно, но ведь собственность государства означает, что всякий крестьянин есть арендатор земли у государства. Передача аренды запрещается. Но в какой мере крестьянин арендует, какую землю он берет — это всецело решает соответствующий демократический орган, а не бюрократический.

Вместо «батраков» вставляется «сельскохозяйственных рабочих». Несколько товарищей заявили, что слово «батрацкий» является обидным, против этого слова возражали. Оно должно быть устранено.

Говорить сейчас о пролетарски-крестьянских комитетах или Советах в решении земельного вопроса не годится, ибо, как мы видим, крестьяне создали Советы солдатских депутатов и таким образом уже появилось разделение пролетариата и крестьянства.

Как известно, мелкобуржуазные оборонческие партии стоят за то, чтобы с земельным вопросом обождать до Учредительного собрания. Мы высказываемся за немедленный переход земли к крестьянам с максимальной организованностью. Мы абсолютно против анархических захватов. Вы предлагаете крестьянам соглашаться с помещиками. Мы говорим, что землю сейчас же надо брать и засеивать ее для борьбы с бесхлебьем, чтобы избавить страну от того краха, который надвигается на нее с колоссальной быстротой. Нельзя сейчас принимать рецепты Шингарева и кадетов, которые предлагают подождать до Учредительного собрания, срок которого не известен, или уступать с помещиками об аренде. Крестьяне уже захватывают землю безвозмездно или платят четверть аренды.

Товарищ привез резолюцию с места, из Пензенской губ., в которой говорится, что крестьяне берут помещичий инвентарь, но не делят по дворам, а обращают его в общественную собственность. Они устанавливают известную очередь, правило, чтобы этим инвентарем обрабатывать все земли. Прибегая к этим мерам, они руководствуются интересами повышения сельскохозяйственного производства. Этот факт имеет гигантское принципиальное значение, вопреки помещикам и капиталистам, кричащим, что это анархия. Вот если вы будете болтать и кричать, что это анархия, а крестьяне будут ждать, то тогда и будет настоящая анархия. Крестьяне показывают, что они хозяйственные условия и общественный контроль понимают лучше, чем чиновники, и востораз лучше его применяют. Такая мера, которая, конечно, для маленькой деревни легко осуществима, неизбежно толкает

к переходу к более широким мерам. Если крестьянин этому научится, а он начал этому учиться, тут не надо уменьшать буржуазных профессоров, они сами придут к выводу о необходимости, чтобы инвентарь был использован не только для мелких хозяйств, но для обработки всей земли. Как они это делают, это не важно: соединяют ли они участки для общей распашки и обсеменения, этого мы не знаем, и не важно, если они делают это по-разному. Важно только то, что они не имеют, к счастью, перед собой того большого количества мелкобуржуазных интеллигентов, которые называют себя марксистами, социал-демократами и с важным видом учат народ, что для социалистической революции время еще не пришло и поэтому брать сейчас крестьянам землю нельзя. К счастью, в русских деревнях таких господ мало. Если бы крестьяне ограничивались тем, что брали бы землю по соглашению с помещиками, но не применяли бы своего опыта коллективно, тогда крах был бы неминуем, и тогда крестьянские комитеты оказались бы игрушкой, игрой вничью. Вот почему мы предлагаем к проекту резолюции добавить пункт 8-ой *.

Раз мы знаем, что сами местные крестьяне этот почин сделали, наша обязанность, наш долг сказать, что этот почин мы поддерживаем и рекомендуем. Только в этом залог того, что революция не ограничится мерами формального характера, борьба с кризисом не останется предметом обсуждения канцелярий и писуллек Шингарева, но что на самом деле они организованным путем пойдут вперед в борьбе с бесхлебьем и за повышение производства.

*Впервые напечатано в 1921 г.
в Собрании сочинений Н. Ленина
(В. Ульянова), том XIV, ч. II*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 31, стр. 416—421*

9

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ⁷¹

Существование помещичьего землевладения в России есть материальный оплот власти крепостников-помещиков и залог возможного восстановления монархии. Это землевладение неизбежно осуждает подавляющую массу населения России, крестьянство, на нищету, кабалу и забитость, а всю страну на отсталость во всех областях жизни.

* См. настоящий том, стр. 89. *Ред.*

Крестьянское землевладение в России, как наделное (общинное и подворное), так и частное (арендованная и купчая земля), снизу доверху, вдоль и поперек опутано старыми, полукрепостническими связями и отношениями, делением крестьян на разряды, унаследованные от времен крепостного права, чересполосицей и т. д. и т. п. Необходимость сломать все эти устаревшие и вредные перегородки, необходимость «разгородить» землю, перестроить все отношения землевладения и земледелия заново применительно к новым условиям всероссийского и всемирного хозяйства составляет материальную основу стремлений крестьянства к национализации *всех* земель в государстве.

Каковы бы ни были мелкобуржуазные утопии, которыми все народнические партии и группы облачают борьбу крестьянских масс против крепостнического помещичьего землевладения и против всех крепостнических пут всего землевладения и землепользования в России вообще, — сама эта борьба выражает собой вполне буржуазно-демократическое, безусловно прогрессивное и экономически необходимое стремление к решительной ломке всех этих пут.

Национализация земли, будучи буржуазной мерой, означает наибольшую возможную и мыслимую в капиталистическом обществе свободу классовой борьбы и свободу землепользования от всех небуржуазных придатков. Кроме того национализация земли, как отмена частной собственности на землю, означала бы на практике такой могучий удар частной собственности на все средства производства вообще, что партия пролетариата должна оказать всякое содействие подобному преобразованию.

С другой стороны, зажиточное крестьянство России давно уже создало элементы крестьянской буржуазии, и столыпинская аграрная реформа, несомненно, усилила, умножила, укрепила эти элементы. На другом полюсе деревни столь же усилились, умножились сельскохозяйственные наемные рабочие, пролетарии и близкая к ним масса полупролетарского крестьянства.

Чем решительнее и последовательнее будет ломка и устранение помещичьего землевладения, чем решительнее и последовательнее будет буржуазно-демократическое аграрное преобразование в России вообще, тем с большей силой и быстротой будет развиваться классовая борьба сельскохозяйственного пролетариата против зажиточного крестьянства (крестьянской буржуазии).

В зависимости от того, удастся ли городскому пролетариату повести за собой сельский пролетариат и присоединить

к нему массу полупролетариев деревни или эта масса пойдет за крестьянской буржуазией, тяготеющей к союзу с Гучковым, Милюковым, капиталистами и помещиками и к контрреволюции вообще, — в зависимости от этого определится судьба и исход русской революции, поскольку начинающаяся пролетарская революция в Европе не окажет на нашу страну своего непосредственного, могучего, влияния.

Исходя из такого классового положения и соотношения сил, конференция постановляет:

1) Партия пролетариата борется всеми силами за немедленную и полную конфискацию всех помещичьих земель в России (а также удельных, церковных, кабинетских и пр. и пр.).

2) Партия решительно выступает за немедленный переход всех земель в руки крестьянства, организованного в Советы крестьянских депутатов или в другие, действительно вполне демократически выбранные и вполне независимые от помещиков и чиновников органы местного самоуправления.

3) Партия пролетариата требует национализации всех земель в государстве; означая передачу права собственности на все земли в руки государства, национализация передает право распоряжения землей в руки местных демократических учреждений.

4) Партия должна решительно бороться как против Временного правительства, которое и устами Шингарева и коллективными своими выступлениями навязывает крестьянам «добровольное соглашение с помещиками», т. е. на деле помещичий характер реформы, и грозит крестьянам карами за «самоуправство», т. е. переходом к насилию со стороны меньшинства населения (помещиков и капиталистов) против большинства, — так и против мелкобуржуазных колебаний большинства народников и меньшевиков социал-демократов, советующих крестьянам не брать всей земли до Учредительного собрания.

5) Партия советует крестьянам брать землю организованно, отнюдь не допуская ни малейшей порчи имущества и заботясь об увеличении производства.

6) Все вообще аграрные преобразования могут быть успешны и прочны лишь при полной демократизации всего государства, т. е., с одной стороны, при уничтожении полиции, постоянной армии и фактически привилегированного чиновничества, а с другой стороны, при самом широком, вполне свободном от надзора и опеки сверху, местном самоуправлении.

7) Необходимо немедленно и повсеместно приступить к отдельной и самостоятельной организации сельскохозяйственного пролетариата как в виде Советов депутатов от сельскохозяйственных рабочих (а также особых Советов депутатов от полупролетарского крестьянства), так и в виде организации пролетарских групп или фракций в общих Советах крестьянских депутатов, во всех органах местного и общегородского управления и т. д. и т. п.

8) Партия должна поддержать почин тех крестьянских комитетов, которые в ряде местностей России передают помещичий, живой и мертвый, инвентарь в руки организованного в эти комитеты крестьянства для общественно-регулируемого использования по обработке всех земель.

9) Партия пролетариата должна советовать пролетариям и полупролетариям деревни, чтобы они добивались образования из каждого помещичьего имения достаточно крупного образцового хозяйства, которое бы велось на общественный счет Советами депутатов от сельскохозяйственных рабочих под руководством агрономов и с применением наилучших технических средств.

*«Правда» № 45,
13 мая (30 апреля) 1917 г.*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 31, стр. 425—428*

10

РЕЗОЛЮЦИЯ О СОВЕТАХ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

Обсудив доклады и сообщения работающих в Советах рабочих и солдатских депутатов разных местностей России товарищей, конференция устанавливает:

В целом ряде провинциальных местностей революция идет вперед путем самочинной организации пролетариата и крестьянства в Советах, самочинного устранения старых властей, создания пролетарской и крестьянской милиции, перехода всех земель в руки крестьянства, введения контроля рабочих за фабриками, введения 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы, обеспечения непонижающегося хода производства, установления надзора рабочих за распределением продовольствия и т. д.

Этот рост революции в провинции вширь и вглубь, с одной стороны, является ростом движения к переходу всей власти Советам и к контролю самих рабочих и крестьян за

производством, а с другой стороны, служит залогом подготовки во всероссийском масштабе сил для второго этапа революции, который должен передать всю государственную власть в руки Советов или других органов, непосредственно выражающих волю большинства народа (органы местного самоуправления, Учредительное собрание и т. п.).

В столицах и в некоторых больших городах задача перехода государственной власти к Советам представляет особенно большие трудности и требует особенно долгой подготовки сил пролетариата. Здесь сконцентрированы наибольшие силы буржуазии. Здесь резче наблюдается политика соглашательства с буржуазией, политика, нередко тормозящая революционный почин масс и ослабляющая их самостоятельность, что особенно опасно ввиду руководящего значения этих Советов для провинции.

Задачей пролетарской партии является поэтому, с одной стороны, всесторонняя поддержка указанного развития революции на местах, — с другой стороны, систематическая борьба внутри Советов (путем пропаганды и перевыборов их) за торжество пролетарской линии; направление всех усилий и всего внимания на рабочую и солдатскую массу, на отделение пролетарской линии от мелкобуржуазной, интернационалистской от оборонческой, революционной от оппортунистической, на организацию и вооружение рабочих, на подготовку их сил к следующему этапу революции.

Конференция заявляет еще раз, что необходима всесторонняя работа внутри Советов рабочих и солдатских депутатов, увеличение их числа, укрепление их силы, сплочение внутри их пролетарских, интернационалистских групп нашей партии.

«Правда» № 46, 15 (2) мая 1917 г.

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 31, стр. 430—431*

II

РЕЧЬ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ 29 АПРЕЛЯ (12 МАЯ)

ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ

Начиная с 1903 года, когда наша партия приняла программу, мы каждый раз встречались с отчаянной оппозицией со стороны товарищей поляков. Если вы будете изучать протоколы II съезда, то вы увидите, что уже тогда они излагали

те же доводы, которые мы встречаем сейчас, и польские социал-демократы ушли с этого съезда, найдя, что признание за нациями права на самоопределение для них неприемлемо. И с этого времени каждый раз мы натыкаемся на один и тот же вопрос. В 1903 году империализм уже был, но тогда в числе доводов не было упомянуто об империализме; и тогда, и теперь позиция польской социал-демократии остается странной, чудовищной ошибкой: эти люди желают свести позицию нашей партии на позицию шовинистов.

Политика Польши является вполне национальной, благодаря долгому угнетению Россией, и весь народ польский пропитан насквозь одной мыслью о мести москалям. Никто так не угнетал поляков, как русский народ. Русский народ служил в руках царей палачом польской свободы. Нет народа, который бы так был пропитан ненавистью к России, нет народа, который бы так страшно не любил Россию, как поляки, и из этого получается странное явление. Польша является помехой социалистическому движению из-за польской буржуазии. Весь свет гори огнем, — лишь бы была свободна Польша. Конечно, такая постановка вопроса есть насмешка над интернационализмом. Конечно, теперь насилие царит над Польшей, но чтобы польские националисты рассчитывали на освобождение ее Россией — это измена Интернационалу. А польские националисты так пропитали своими взглядами польский народ, что там так и смотрят.

Громадная, историческая заслуга товарищей польских социал-демократов та, что они выдвинули лозунг интернационализма и сказали: нам всего важнее братский союз с пролетариатом всех остальных стран, и мы никогда на войну за освобождение Польши не пойдем. В этом их заслуга, и поэтому мы всегда только этих польских товарищей социал-демократов считали социалистами. Другие — это патриоты, польские Плехановы. Но из-за этой оригинальной позиции, когда людям, чтобы спасти социализм, приходилось бороться против бешеного, больного национализма, получилось странное явление: товарищи приходят к нам и говорят, что мы должны отказаться от свободы Польши, от ее отделения.

Почему мы, великороссы, угнетающие большее число наций, чем какой-либо другой народ, должны отказаться от признания права на отделение Польши, Украины, Финляндии? Нам предлагают стать шовинистами, потому что этим мы облегчим позицию социал-демократов в Польше. Мы не претендуем на освобождение Польши, потому что польский народ живет среди двух способных бороться государств. Но вместо того, чтобы говорить, что польские рабочие должны

рассуждать так: только те социал-демократы остаются демократами, которые считают, что польский народ должен быть свободным, ибо не место шовинистам в рядах социалистической партии, польские социал-демократы говорят: именно потому, что мы находим выгодным союз с русскими рабочими, мы против отделения Польши. Это их полное право. Но люди не хотят понять, что для усиления интернационализма не надо повторять одних и тех же слов, а надо в России налегать на свободу отделения угнетенных наций, а в Польше подчеркивать свободу соединения. Свобода соединения предполагает свободу отделения. Мы, русские, должны подчеркивать свободу отделения, а в Польше — свободу соединения.

Мы видим тут ряд софизмов, приводящих к полному отказу от марксизма. Точка зрения тов. Пятакова есть повторение точки зрения Розы Люксембург... * (пример Голландии)... * Так рассуждает тов. Пятаков, и так он сам себя побивает, ибо в теории он стоит за отрицание свободы отделения, а народу говорит: тот не социалист, кто отрицает свободу отделения. То, что говорил здесь тов. Пятаков, есть невероятная путаница. В Западной Европе преобладают страны, в которых национальный вопрос давным-давно решен. Когда говорят, что национальный вопрос решен, имеют в виду Западную Европу. Тов. Пятаков переносит это туда, куда это не относится, в Европу восточную, и мы попадаем в смешное положение.

Вы подумайте, что это за страшная каша получается! Ведь Финляндия у нас под боком. Тов. Пятаков не дает ответительно нее конкретного ответа, и он запутался совершенно. В «Рабочей Газете» вы вчера читали, что в Финляндии растет сепаратизм. Финляндцы приезжают и говорят, что сепаратизм у них нарастает, так как кадеты не дают Финляндии полной автономии. Там нарастает кризис, недовольство генерал-губернатором Родичевым, а «Рабочая Газета» пишет, что финны должны дожидаться Учредительного собрания, так как там будет достигнуто соглашение Финляндии с Россией. Что значит соглашение? Финны должны сказать, что они могут иметь право на определенное решение своей судьбы по-своему, и тот великоросс, который это право отрицал бы, будет шовинистом. Другое дело, если бы мы сказали финскому рабочему: как тебе выгодно решить... *

Тов. Пятаков только отрицает наш лозунг, говоря, что это значит не дать лозунга для социалистической революции, но

* Пропуск в протокольной записи. *Ред.*

он сам соответствующего лозунга не дал. Метод социалистической революции под лозунгом «прочь границы» есть полная путаница. Нам не удалось напечатать той статьи, в которой я назвал этот взгляд «империалистическим экономизмом» *. Что это значит — «метод» социалистической революции под лозунгом «долой границы»? Мы стоим за необходимость государства, а государство предполагает границы. Государство может, конечно, вмещать буржуазное правительство, а нам нужны Советы. Но и для них стоит вопрос о границах. Что значит «прочь границы»? Здесь начинается анархия... «Метод» социалистической революции под лозунгом «прочь границы» — это просто каша. Когда социалистическая революция созреет, когда она произойдет, она будет перекидываться в другие страны, и мы ей поможем, но как, — мы не знаем. «Метод социалистической революции» есть фраза, лишенная содержания. Поскольку есть остатки нерешенных буржуазной революцией вопросов, мы стоим за их разрешение. Мы к сепаратистскому движению равнодушны, нейтральны. Если Финляндия, если Польша, Украина отделятся от России, в этом ничего худого нет. Что тут худого? Кто это скажет, тот шовинист. Надо сойти с ума, чтобы продолжать политику царя Николая. Ведь Норвегия отошла от Швеции... Когда-то Александр I и Наполеон обменивались народами, когда-то цари менялись Польшей. И мы будем продолжать эту тактику царей? Это — отказ от тактики интернационализма, это шовинизм худшей марки. Если Финляндия отделится, что тут дурного? У обоих народов, у пролетариата Норвегии и Швеции укрепилось доверие друг к другу после отделения. Шведские помещики хотели идти войной, но шведские рабочие этому воспротивились и сказали: мы на эту войну не пойдем.

Финляндцы хотят сейчас только автономии. Мы за то, чтобы Финляндии была дана полная свобода, тогда доверие к русской демократии усилится, именно тогда они не отделятся, когда это будет проведено в жизнь. Когда к ним приезжает г-н Родичев и торгуется из-за автономии, к нам приезжают финские товарищи и говорят: нам нужна автономия. А против них открывают стрельбу из всех пушек, говоря: «ждите Учредительного собрания». Мы же говорим: «русский социалист, отрицающий свободу Финляндии, есть шовинист».

Мы говорим, что границы определяются волей населения. Россия, не смей воевать из-за Курляндии! Германия, долой

* См. настоящее издание, том 1, стр. 743—750. *Ред.*

войска из Курляндии! Вот так мы решаем вопрос об отделении. Пролетариат прибегать к насилию не может, ибо он не должен мешать свободе народов. Тогда будет верен лозунг «прочь границы», когда социалистическая революция станет реальностью, а не методом, и мы скажем тогда: товарищи, идите к нам...

Совсем другое дело — вопрос о войне. В случае надобности мы от революционной войны не откажемся. Мы не пацифисты... Когда у нас сидит Милюков и посылает Родичева в Финляндию, который там бесстыдно торгуется с финским народом, мы говорим: нет, не смей, русский народ, насилловать Финляндию: не может быть свободен народ, который сам угнетает другие народы⁷². В резолюции о Боргбьерге⁷³ мы говорим: выведите войска и предоставьте нации решить вопрос самостоятельно. Вот если завтра Совет возьмет власть в свои руки, это не будет «методом социалистической революции», мы скажем тогда: Германия, долой войска из Польши, Россия, долой войска из Армении, — иначе это будет обман.

Про свою угнетенную Польшу тов. Дзержинский нам говорит, что там все шовинисты. Но почему никто из поляков ни слова не сказал, как быть с Финляндией, как быть с Украиной? Мы с 1903 года так много спорим на этот счет, что становится трудно об этом говорить. Куда хочешь, туда и иди... Кто не стоит на этой точке зрения, тот аннекционист, тот шовинист. Мы хотим братского союза всех народов. Если будет Украинская республика и Российская республика, между ними будет больше связи, больше доверия. Если украинцы увидят, что у нас республика Советов, они не отделятся, а если у нас будет республика Милюкова, они отделятся. Когда тов. Пятаков, в полном противоречии со своими взглядами, сказал: мы против насильственного удержания в границах, — это и есть признание права нации на самоопределение. Мы совершенно не хотим, чтобы хивинский мужик жил под хивинским ханом. Развитием нашей революции мы будем влиять на угнетенные массы. Агитацию внутри угнетенной массы надо ставить только так.

Но всякий русский социалист, который не признает свободы Финляндии и Украины, скатится к шовинизму. И никакими софизмами и ссылками на свой «метод» они себя никогда не оправдают.

*Впервые напечатано в 1921 г.
в Собрании сочинений Н. Ленина
(В. Ульянова), том XIV, ч. II*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 31, стр. 432—437*

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ

Политика национального угнетения, будучи наследием самодержавия и монархии, поддерживается помещиками, капиталистами и мелкой буржуазией в интересах охраны их классовых привилегий и разъединения рабочих разных народностей. Современный империализм, усиливая стремления к подчинению слабых народов, является новым фактором обострения национального гнета.

Поскольку достижимо в капиталистическом обществе устранение национального гнета, это возможно лишь при последовательно-демократическом республиканском устройстве и управлении государства, обеспечивающем полное равноправие всех наций и языков.

За всеми нациями, входящими в состав России, должно быть признано право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства. Отрицание такого права и непринятие мер, гарантирующих его практическую осуществимость, равносильно поддержке политики захватов или аннексий. Лишь признание пролетариатом права наций на отделение обеспечивает полную солидарность рабочих разных наций и способствует действительно демократическому сближению наций.

Конфликт, возникший в настоящее время между Финляндией и русским Временным правительством, особенно наглядно показывает, что отрицание права на свободное отделение ведет к прямому продолжению политики царизма.

Вопрос о праве наций на свободное отделение непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или другой нации в тот или иной момент. Этот последний вопрос партия пролетариата должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно, с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм.

Партия требует широкой областной автономии, отмены надзора сверху, отмены обязательного государственного языка и определения границ самоуправляющихся и автономных областей на основании учета самим местным населением хозяйственных и бытовых условий, национального состава населения и т. п.

Партия пролетариата решительно отвергает так называемую «культурно-национальную автономию», т. е. изъятие из ведения государства школьного дела и т. п. и передачу его

в руки своего рода национальных сеймов. Рабочих, живущих в одной местности и даже работающих в одних и тех же предприятиях, культурно-национальная автономия искусственно размежевывает по принадлежности к той или иной «национальной культуре», т. е. усиливает связь рабочих с буржуазной культурой отдельных наций, между тем как задача социал-демократии состоит в усилении интернациональной культуры всемирного пролетариата.

Партия требует включения в конституцию основного закона, объявляющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций, какие бы то ни было нарушения прав национальных меньшинств.

Интересы рабочего класса требуют слияния рабочих всех национальностей России в единых пролетарских организациях, политических, профессиональных, кооперативно-просветительных и т. д. Только такое слияние в единых организациях рабочих различных национальностей дает возможность пролетариату вести победоносную борьбу с международным капиталом и с буржуазным национализмом.

*Приложение к № 13 газеты
«Солдатская Правда», 16 (3) мая 1917 г.*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 31, стр. 439—440*

13

РЕЗОЛЮЦИЯ О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ

Мировая война, порожденная борьбой мировых трестов и банкового капитала за господство над мировым рынком, уже привела к массовому разрушению материальных ценностей, к истощению производительных сил, к такому росту военной промышленности, что даже производство безусловно необходимого минимума предметов потребления и средств производства оказывается невозможным.

Таким образом эта война привела человечество к безвыходному положению и поставила его на край гибели.

Объективные предпосылки социалистической революции, несомненно бывшие уже налицо перед войной в наиболее развитых передовых странах, назревали дальше и продолжают назревать вследствие войны с громадной быстротой. Вытеснение и гибель мелких и средних хозяйств еще более ускоряется. Концентрация и интернационализация капитала гигантски растет. Монополистический капитализм переходит в государственно-монополистический капитализм, обществен-

ное регулирование производства и распределения, в силу давления обстоятельств, вводится в ряде стран, некоторые из них переходят к всеобщей трудовой повинности.

При сохранении частной собственности на средства производства все эти шаги к большей монополизации и большему огосударствлению производства неизбежно сопровождаются усилением эксплуатации трудящихся масс, усилением гнета, затруднением отпора эксплуататорам, усилением реакции и военного деспотизма и вместе с тем неизбежно ведут к неимоверному росту прибыли крупных капиталистов за счет всех остальных слоев населения, к закабалению трудящихся масс на много десятилетий данью капиталистам в виде уплаты миллиардных процентов по займам. Но те же самые условия при отмене частной собственности на средства производства, при переходе государственной власти полностью в руки пролетариата являются залогом успеха такого преобразования общества, которое уничтожит эксплуатацию человека человеком и обеспечит благосостояние всех и каждого.

* * *

С другой стороны, предвидение социалистов всего мира, единогласно заявивших в Базельском манифесте 1912 года о неизбежности *пролетарской революции* именно в связи с приближавшейся тогда и свирепствующей теперь империалистической войной, — явно оправдывается ходом событий.

Русская революция является только первым этапом первой из пролетарских революций, неизбежно порождаемых войной.

Во всех странах растет возмущение широких народных масс против класса капиталистов и сознание пролетариата, что только переход власти в его руки и уничтожение частной собственности на средства производства спасет человечество от гибели.

Во всех странах, особенно в наиболее передовых, Англии и Германии, сотни социалистов, не перешедших на сторону «своей» национальной буржуазии, брошены в тюрьмы правительствами капиталистов, которые этими преследованиями обнаружили наглядно свой страх перед растущей в глубинах народных масс пролетарской революцией. Назревание ее в Германии видно и из массовых стачек, особенно усилившихся за последние недели, а равно из роста братания немецких солдат с русскими на фронте.

Братское доверие и братский союз между рабочими разных стран, — рабочими, ныне истребляющими друг друга ради

интересов капиталистов, начинает таким образом понемногу восстанавливаться, а это создает, в свою очередь, предпосылки для единодушных революционных действий рабочих разных стран. Такие действия одни только в состоянии гарантировать наиболее планомерное развитие и возможно более верный успех всемирной социалистической революции.

* * *

Пролетариат России, действующий в одной из самых отсталых стран в Европе, среди массы мелкокрестьянского населения, не может задаваться целью немедленного осуществления социалистического преобразования.

Но было бы величайшей ошибкой, а на практике даже полным переходом на сторону буржуазии, выводить отсюда необходимость поддержки буржуазии со стороны рабочего класса, или необходимость ограничивать свою деятельность рамками приемлемого для мелкой буржуазии, или отказ от руководящей роли пролетариата в деле разъяснения народу неотложности ряда практически назревших шагов к социализму.

Таковыми шагами являются, во-первых, национализация земли. Такая мера, непосредственно не выходящая из рамок буржуазного строя, была бы в то же время сильным ударом частной собственности на средства производства и постольку усилила бы влияние социалистического пролетариата на полупролетариев деревни.

Таковыми мерами являются, далее, установление государственного контроля за всеми банками, с объединением их в единый центральный банк, а равно за страховыми учреждениями и крупнейшими синдикатами капиталистов (например, синдикатом сахарозаводчиков, Продуглем, Продаметом и т. п.) с постепенным переходом к более справедливому, прогрессивному обложению доходов и имуществ. Такие меры экономически вполне созрели, технически безусловно осуществимы немедленно, политически *могут* встретить поддержку подавляющего большинства крестьян, выигрывающего от этих преобразований во всех отношениях.

Советы рабочих, солдатских, крестьянских и пр. депутатов, ныне покрывающие Россию все более густой сетью, могли бы также наряду с указанными мерами перейти к осуществлению всеобщей трудовой повинности, ибо характер этих учреждений гарантирует, с одной стороны, переход ко всем этим новым преобразованиям лишь по мере сознательного, твердого усвоения их практической необходимости по-

давлиющим большинством народа, а с другой стороны, характер этих учреждений гарантирует не полицейски-чиновничье осуществление преобразований, а добровольное участие организованных и вооруженных масс пролетариата и крестьянства в регулировании своего собственного хозяйства.

Все указанные и подобные мероприятия могут и должны быть не только обсуждаемы и подготовляемы для проведения их в общегосударственном масштабе при условии перехода всей власти к пролетариям и полупролетариям, но и осуществляемы местными революционными органами всенародной власти, когда к этому представляется возможность.

В осуществлении названных мероприятий необходима чрезвычайная осмотрительность и осторожность, завоевание прочного большинства населения и его сознательного убеждения в практической подготовленности той или иной меры, но именно в эту сторону должны быть направлены внимание и усилия сознательного авангарда рабочих масс, обязанных помочь крестьянским массам найти выход из создавшейся разрухи.

*Приложение к № 13 газеты
«Солдатская Правда», 16 (3) мая 1917 г.*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 31, стр. 449—452*

ВВЕДЕНИЕ К РЕЗОЛЮЦИЯМ СЕДЬМОЙ (АПРЕЛЬСКОЙ) ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РСДРП(б)

Товарищи рабочие!

Всероссийская конференция Российской социал-демократической рабочей партии, объединенной Центральным Комитетом и в просторечии называемой партией «большевиков», закончилась.

Конференция приняла очень важные решения по всем коренным вопросам революции, и мы печатаем ниже полный текст этих решений.

Революция переживает кризис. Это видно было на улицах Петрограда и Москвы 19—21 апреля. Это признано Временным правительством. Это признано Исполнительным комитетом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Это подтверждено еще и еще раз, в тот момент, когда мы пишем эти строки, отставкой Гучкова.

Кризис власти, кризис революции — не случайность. Временное правительство есть правительство помещиков и капиталистов, связанных русским и англо-французским капиталом и вынужденных продолжать империалистскую войну. Но солдаты измучены войной, они все яснее сознают, что война ведется из-за интересов капиталистов, они не хотят войны. И вместе с тем на Россию, как и на другие страны, надвигается грозный призрак ужасного краха, бесхлебья, полной хозяйственной разрухи.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, заключивший соглашение с Временным правительством и поддерживающий его, поддерживающий заем, а следовательно, и войну, зашел тоже в тупик. Совет несет ответственность за Временное правительство и, видя безвыходность положения, он тоже запутался этим своим соглашением с правительством капиталистов.

В этот великий исторический момент, когда все будущее революции поставлено на карту, когда капиталисты мечутся между отчаянием и мыслью о расстреле рабочих, наша партия выступает перед народом и, в решениях своей конференции, говорит ему:

Надо понять, какие *классы* двигают революцию. Надо трезво учесть их различные стремления. Капиталист не может идти той же дорогой, что рабочий. Мелкие хозяйчики не могут ни вполне довериться капиталистам, ни сразу и все решиться на братски-тесный союз с рабочим. Только поняв различие этих классов, можно найти верный путь для революции.

И решения нашей конференции по всем коренным вопросам народной жизни проводят точное различие между интересами разных классов, показывают полную невозможность выхода из тупика при политике доверия к правительству капиталистов или при поддержке его.

Положение неслыханно трудное. Выход один и только один: переход всей государственной власти в руки Советов рабочих, солдатских, крестьянских и других депутатов по всей России, снизу доверху. Только при условии перехода власти к рабочему классу, если его поддержит большинство крестьян, можно рассчитывать на быстрое восстановление доверия рабочих других стран, на могучую европейскую революцию, которая сломит иго капитала и разобьет железные тиски преступной бойни народов. Только при условии перехода власти к рабочему классу, если его поддержит большинство крестьян, можно питать твердую надежду, что все трудящиеся массы с полнейшим доверием отнесутся к этой власти и встанут дружно все, как один человек, на самоотверженную работу для переустройства всей народной жизни в интересах трудящихся масс, а не в интересах капиталистов и помещиков. Без такой самоотверженной работы, без гигантского напряжения усилий всеми и каждым, без твердости и решимости переустроить жизнь по-новому, без строжайшей организации и товарищеской дисциплины всех рабочих и всех беднейших крестьян, *без этого выхода нет.*

Война привела все человечество на край гибели. Капиталисты втянулись в войну и не в силах вырваться из нее. Перед катастрофой стоит весь мир.

Товарищи рабочие! Приближается время, когда от вас события потребуют нового и еще большего героизма, — и притом героизма миллионов и десятков миллионов, — чем в славные дни февральской и мартовской революции. Готовьтесь.

Готовьтесь и помните, что если вместе с капиталистами вы могли победить в несколько дней, простым взрывом народного возмущения, то для победы против капиталистов и над ними необходимо не только это. Для такой победы, для взятия власти рабочими и беднейшими крестьянами, для удержания ее, для умелого использования ее необходима организация, организация и организация.

Партия наша помогает вам, чем может, и, прежде всего, прояснением сознания относительно различного положения различных классов и различной силы их. Этому посвящены решения нашей конференции. Без этого ясного сознания организация ничто. Без организации невозможно действие миллионов, невозможен никакой успех.

Не верьте словам. Не давайте увлечь себя посулами. Не преувеличивайте своих сил. Организуйтесь по каждому заводу, в каждом полку и в каждой роте, в каждом квартале. Работайте над организацией ежедневно и ежечасно, работайте сами, этой работы нельзя передоверить никому. Добивайтесь такой работой, чтобы полное доверие масс к передовым рабочим складывалось постепенно, прочно, неразрушимо. Вот основное содержание всех решений нашей конференции. Вот главный урок всего хода революции. Вот единственный залог успеха.

Товарищи рабочие! Мы зовем вас к тяжелой, серьезной, неустанной работе, сплачивающей сознательный, революционный пролетариат всех стран. Этот и только этот путь ведет к выходу, к спасению человечества от ужасов войны, от ига капитала.

*Приложение к № 13 газеты
«Солдатская Правда», 16 (3) мая 1917 г.*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 31, стр. 454—457*

I ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ⁷⁴

3—24 ИЮНЯ (16 ИЮНЯ — 7 ИЮЛЯ) 1917 г.

РЕЧЬ ОБ ОТНОШЕНИИ К ВРЕМЕННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ 4 (17) ИЮНЯ

Товарищи, я в тот краткий промежуток времени, который мне предоставлен, смогу остановиться, и думаю это целесообразнее, лишь на основных принципиальных вопросах, выдвинутых докладчиком Исполнительного комитета и следующими ораторами.

Первый и основной вопрос, который стоял перед нами, это вопрос, *где* мы присутствуем, — что такое те Советы, которые собрались сейчас на Всероссийский съезд, что такое та революционная демократия, о которой здесь так безмерно много говорят, чтобы затушевать полное ее непонимание и полнейшее от нее отречение. Ибо говорить о революционной демократии перед Всероссийским съездом Советов и затушевывать характер этого учреждения, его классовый состав, его роль в революции, не говорить об этом ни звука и в то же время претендовать на звание демократов — странно. Нам рисуют программу буржуазной парламентарной республики, которая бывала во всей Западной Европе, нам рисуют программу реформ, признаваемых теперь всеми буржуазными правительствами, в том числе и нашим, и нам говорят вместе с тем о революционной демократии. Говорят перед кем? Перед Советами. А я вас спрашиваю, есть ли такая страна в Европе, буржуазная, демократическая, республиканская, где бы существовало что-нибудь подобное этим Советам? Вы должны ответить, что нет. Нигде подобного учреждения не существует и существовать не может, потому что одно из двух: *или* буржуазное правительство с теми «планами» реформ, которые нам рисуют и которые десятки раз во всех странах предлагались и оставались на бумаге, *или* то учреждение, к которому сейчас апеллируют, то нового типа «правительство», которое революцией создано, которое имеет примеры только в истории величайшего подъема революций,

например, в 1792 году во Франции, в 1871 году там же, в 1905 году в России. Советы, это — учреждение, которое ни в одном обычного типа буржуазно-парламентарном государстве не существует и рядом с буржуазным правительством существовать не может. Это — тот новый, более демократический тип государства, который мы называли в наших партийных резолюциях крестьянски-пролетарской демократической республикой, в которой единственная власть принадлежала бы Советам рабочих и солдатских депутатов. Напрасно думают, что это вопрос теоретический, напрасно пытаются представить дело так, как будто бы его можно обойти, напрасно оговариваются, что сейчас того или иного рода учреждения существуют вместе именно с Советами рабочих и солдатских депутатов. Да, они существуют вместе. Но именно это порождает неслыханное количество недоразумений, конфликтов и трений. Именно это вызывает переход русской революции от ее первого подъема, от ее первого движения вперед к ее застою и к тем шагам назад, которые мы теперь видим в нашем коалиционном правительстве, во всей внутренней и внешней политике, в связи с готовящимся империалистическим наступлением.

Одно из двух: или обычное буржуазное правительство — и тогда крестьянские, рабочие, солдатские и прочие Советы не нужны, тогда они будут либо разогнаны теми генералами, контрреволюционными генералами, которые армию держат в руках, не обращая никакого внимания на ораторство министра Керенского, или они умрут бесславной смертью. Иного пути нет у этих учреждений, которым нельзя ни идти назад, ни стоять на месте, а можно только существовать, идя вперед. Вот тот тип государства, который не русскими выдуман, который выдвинут революцией, ибо иначе революция победить не может. В недрах Всероссийского Совета неизбежны трения, борьба партий за власть. Но это будет изживанием возможных ошибок и иллюзий собственным политическим опытом масс (шум), а не теми докладами, которые делают министры, ссылаясь на то, что они вчера говорили, завтра напишут и послезавтра обещают. Это смешно, товарищи, с точки зрения того учреждения, которое русской революцией создано и перед которым сейчас стоит вопрос: быть или не быть. Продолжать существовать так, как они существуют теперь, Советы не могут. Взрослые люди, рабочие и крестьяне, должны собираться, принимать резолюции и выслушивать доклады, которые никакой документальной проверке подвергнуты быть не могут! Такого рода учреждения, это — переход к той республике, которая создаст твердую власть,

без полиции, без постоянной армии, не на словах, а на деле, ту власть, которая в Западной Европе существовать еще не может, ту власть, без которой не может быть победы русской революции в смысле победы над помещиками, в смысле победы над империализмом.

Без этой власти не может быть и речи о том, чтобы мы сами подобную победу одержали, и чем больше вникаем мы в ту программу, которую нам здесь советуют, и в те факты, перед которыми мы становимся, тем более вопиющим выступает основное противоречие. Нам говорят, как говорил докладчик и другие ораторы, что вот первое Временное правительство было плохо! А тогда, когда большевики, злосчастные большевики, говорили: «никакой поддержки, никакого доверия этому правительству», сколько тогда сыпалось на нас обвинений в «анархизме»! Теперь все говорят, что прежнее правительство было плохо, а что же коалиционное правительство с почти социалистическими министрами, чем оно отличается от прежнего? Не довольно ли разговоров о программах, о проектах, не довольно ли их, не пора ли перейти к делу? Вот уже прошел месяц с тех пор, когда 6 мая образовалось коалиционное правительство. Посмотрите на дела, посмотрите на разруху, которая существует в России и во всех втянувшихся в империалистическую войну странах. Чем объясняется разруха? Хищничеством капиталистов. Вот где настоящая анархия. И это — по тем признаниям, которые опубликованы не нашей газетой, не какой-нибудь большевистской, боже упаси, а министерской «Рабочей Газетой»: промышленные цены на поставки угля были *подняты* «революционным» правительством!! И коалиционное правительство ничего не изменило в этом отношении. Нам говорят, можно ли в России вводить социализм, вообще совершать коренные преобразования сразу — это все пустые отговорки, товарищи. Доктрина Маркса и Энгельса, как они всегда разъясняли, состоит вот в чем: «наше учение не догма, а руководство к деятельности»⁷⁵. Чистого капитализма, переходящего в чистый социализм, нигде в мире нет и быть не может во время войны, а есть что-то среднее, что-то новое, неслыханное, потому, что гибнут сотни миллионов людей, втянутые в преступную войну между капиталистами. Вопрос идет не об обещании реформ — это пустые слова, вопрос в том, чтобы сделать тот шаг, который нам сейчас нужен.

Если вы хотите сослаться на *«революционную»* демократию, то отличайте это понятие от *реформистской* демократии при капиталистическом министерстве, потому что, наконец, пора перейти от фраз о «революционной демократии»,

от поздравлений друг друга с «революционной демократией» к *классовой* характеристике, чему нас учил марксизм и вообще научный социализм. То, что нам предлагают, есть переход к реформистской демократии при капиталистическом министерстве. Это, может быть, великолепно с точки зрения обычных образцов Западной Европы. Сейчас же целый ряд стран накануне гибели, и те практические меры, которые будто бы так сложны, что их трудно ввести, что их надо особо разрабатывать, как говорил предыдущий оратор, гражданин министр почт и телеграфов, — эти меры вполне ясны. Он говорил, что нет в России политической партии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя. Я отвечаю: «есть! Ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком». (Аплодисменты, смех.) Вы можете смеяться, сколько угодно, но если гражданин министр поставит нас перед этим вопросом рядом с правой партией, то он получит надлежащий ответ. Ни одна партия не может от этого отказываться. И в момент, пока существует свобода, пока угрозы арестом и отправкой в Сибирь, — угрозы со стороны контрреволюционеров, в коллегии с которыми находятся наши почти социалистические министры, пока это только угроза, в такой момент всякая партия говорит: окажите доверие нам, и мы вам дадим нашу программу.

Наша конференция 29 апреля эту программу дала⁷⁶. К сожалению, с ней не считаются и ею не руководятся. Видимо, требуется популярно выяснить ее. Я постараюсь дать гражданину министру почт и телеграфов популярное объяснение нашей резолюции, нашей программы. Наша программа по отношению к экономическому кризису состоит в том, чтобы немедленно — для этого не нужно никаких оттяжек — потребовать публикации всех тех неслыханных прибылей, достигающих 500—800 процентов, которые капиталисты берут, не как капиталисты на свободном рынке, в «чистом» капитализме, а по военным поставкам. Вот действительно где рабочий контроль необходим и возможен. Вот та мера, которую вы, если называете себя «революционной» демократией, должны осуществить от имени Совета и которая может быть осуществлена с сегодня на завтра. Это не социализм. Это — открытие глаз народу на ту настоящую анархию и ту настоящую игру с империализмом, игру с достоинством народа, с сотнями тысяч жизней, которые завтра погибнут из-за того, что мы продолжаем душить Грецию. — Опубликуйте прибыли господ капиталистов, арестуйте 50 или 100 крупнейших миллионеров.

Достаточно продержать их несколько недель, хотя бы на таких же льготных условиях, на каких содержится Николай Романов, с простой целью заставить вскрыть нити, обманные проделки, грязь, корысть, которые и при новом правительстве тысяч и миллионов ежедневно стоят нашей стране. Вот основная причина анархии и разрухи, вот почему мы говорим: у нас осталось все по-старому, коалиционное министерство не изменило ничего, оно прибавило только кучку деклараций, пышных заявлений. Как бы искренни ни были люди, как бы искренне они ни желали добра трудящимся, дело не изменилось — *тот же класс* остался у власти. Та политика, которая ведется, не есть политика демократическая.

Нам говорят о «демократизации центральной и местной власти». Неужели вы не знаете, что только для России новинка эти слова? Что в других странах десятки почти социалистических министров обращались к стране с подобными обещаниями? Что значат они, когда перед нами живой конкретный факт: население местное выбирает власть, а азбука демократии нарушается претензией центра назначать или утверждать местные власти. Хищение народного достояния капиталистами продолжается. Империалистская война продолжается. А нам обещают реформы, реформы и реформы, которые вообще в этих рамках осуществлены быть не могут, потому что война все подавляет, все определяет. Почему вы не соглашаетесь с теми, которые говорят, что война ведется *не* из-за прибылей капиталистов? В чем критерий? В том, прежде всего, какой класс у власти, какой класс продолжает быть хозяином, какой класс продолжает наживать сотни миллиардов на банковых и финансовых операциях? Все тот же капиталистический класс, и война поэтому продолжается империалистическая. И первое Временное правительство и правительство с почти социалистическими министрами ничего не изменило: тайные договоры остаются тайными, Россия воюет за проливы, за то, чтобы продолжать ляховскую политику в Персии⁷⁷ и пр.

Я знаю, что вы этого не хотите, что большинство из вас этого не хочет и что министры этого не хотят, потому что нельзя этого хотеть, так как это — избиение сотен миллионов людей. Но возьмите то наступление, о котором так много говорят теперь Милюковы и Маклаковы. Они отлично понимают, в чем дело; они знают, что это связано с вопросом о власти, с вопросом о революции. Нам говорят, что надо отличать политические и стратегические вопросы. Смешно подобный вопрос и ставить. Кадеты прекрасно понимают, что ставится вопрос политический.

Что начавшаяся революционная борьба за мир снизу могла бы привести к сепаратному миру, это — клевета. Наш первый шаг, который бы мы осуществили, если бы у нас была власть: арестовать крупнейших капиталистов, подорвать все нити их интриг. Без этого все фразы о мире без аннексий и контрибуций — пустейшие слова. Вторым нашим шагом было бы объявить народам отдельно от правительств, что мы считаем всех капиталистов разбойниками, и Терещенко, который ничуть не лучше Милюкова, только тот немножко поглупее, и капиталистов французских и английских и всех.

Ваши собственные «Известия»⁷⁸ запутались, и вместо мира без аннексий и контрибуций предлагают оставить *status quo* *. Нет, мы не так понимаем мир «без аннексий». И тут ближе подходит к истине даже Крестьянский съезд⁷⁹, который говорит о «федеративной» республике и тем выражает мысль, что русская республика ни одного народа ни по-новому, ни по-старому угнетать не хочет, ни с одним народом, ни с Финляндией, ни с Украиной, к которым так придирается военный министр, с которыми создаются конфликты непозволительные и недопустимые, не хочет жить на началах насилия. Мы хотим единой и нераздельной республики российской с твердою властью, но твердая власть дается добровольным согласием народов. «Революционная демократия», это — большие слова, но применяются они к правительству, которое мизерными придирадками осложняет вопрос с Украиной и Финляндией, не пожелавшими даже отделяться, а лишь говорящими, — не откладывайте до Учредительного собрания применение азбук демократии!

Мира без аннексий и контрибуций нельзя заключить, пока вы не откажетесь от собственных аннексий. Ведь это же смешно, это игра, над этим смеется в Европе каждый рабочий, — он говорит: на словах они красноречивы, призывают народы свергать банкиров, а сами отечественных банкиров посылают в министерство. Арестуйте их, раскройте проделки, узнайте нити — этого вы не делаете, хотя у вас есть властные организации, которым сопротивляться нельзя. Вы пережили 1905 и 1917 годы, вы знаете, что революция по заказу не делается, что революции в других странах делались кровавым тяжелым путем восстаний, а в России нет такой группы, нет такого класса, который бы мог сопротивляться власти Советов. В России эта революция возможна, в виде исключения, как революция мирная. Предложи мир эта революция сего-

* — существующее положение; в данном случае — положение до войны. *Ред.*

дня-завтра всем народам, путем разрыва со всеми классами капиталистов, и в течение самого короткого времени и от Франции и от Германии в лице их народов получится согласие, потому что эти страны гибнут, потому что положение Германии безнадежное, потому что она спастись не может, и потому что Франция...

(Председатель: «Ваше время исчерпано».)

Я через полминуты кончаю... (Шум, просьбы с мест продолжать, протесты, аплодисменты.)

(Председатель: «Докладываю съезду, что президиум предлагает продлить срок речи оратора. Кто возражает? Большинство за продление речи».)

Я остановился на том, что если бы в России революционная демократия была демократией не на словах, а на деле, то она перешла бы к движению революции вперед, а не к соглашению с капиталистами, не к разговорам о мире без аннексий и контрибуций, а к уничтожению аннексий в России и к прямому объявлению, что всякую аннексию она считает преступной и разбойнической. Тогда было бы возможно избежать империалистического наступления, грозящего гибелью тысячам и миллионам людей из-за дележа Персии, Балкан. Тогда открыта была бы дорога к миру, дорога не простая — этого мы не говорим, — дорога, не исключающая действительно революционной войны.

Мы не ставим этот вопрос так, как ставит Базаров сегодня в «Новой Жизни»⁸⁰; мы говорим только, что Россия поставлена в такие условия, что в конце империалистской войны ее задачи легче, чем могли бы казаться. И она поставлена в такие географические условия, что те державы, которые рискнули бы опереться на капитал и хищнические его интересы и восстать против русского рабочего класса и примыкающего к нему полупролетариата, т. е. беднейшего крестьянства, — если бы они на это пошли, это было бы для них в высшей степени трудной задачей. Германия стоит на краю гибели и после выступления Америки, которая желает скушать Мексику и которая завтра, вероятно, вступит в борьбу с Японией, — после этого выступления положение Германии безнадежно, — ее уничтожат. Франция, которая географически поставлена так, что страдает больше всех и истощение ее достигает максимума, эта страна, менее голодающая, чем Германия, она неизмеримо больше потеряла человеческого материала, чем Германия. И вот, если бы с первого шага начали с того, что обуздали бы прибыль русских капиталистов и отняли у них всякую возможность забирать сотни миллионов наживы, если бы *всем* народам предложили мир против капиталистов

всех стран с прямым заявлением, что вы с немецкими капиталистами и теми, кто хотя бы прямо или косвенно им потакает, или с ними путается, что вы с ними ни в какие разговоры и сношения не вступаете, что вы отказываетесь говорить с французскими и английскими капиталистами, — тогда вы выступили бы, чтобы обвинить их перед рабочими. Вы не рассматривали бы как победу выдачу паспорта Макдональду⁸¹, который никогда революционной борьбы с капиталом не вел и которого пропускают потому, что он не выражал ни идей, ни принципов, ни практики, ни опыта той революционной борьбы против английских капиталистов, за которую наш товарищ Маклин и сотни других английских социалистов сидят в тюрьмах и за что сидит наш товарищ Либкнехт, который сидит в каторжной тюрьме за то, что сказал: «немецкие солдаты, стреляйте против своего кайзера».

Не правильнее ли было бы империалистов-капиталистов отправить на ту же самую каторгу, которую нам большинство членов Временного правительства в специально для этого воссозданной третьей Думе, — я не знаю, впрочем, какая она по счету, третья или четвертая, — ежедневно уготовает и обещает, и новые проекты законов по министерству юстиции об этом уже пишет? Маклин и Либкнехт, вот имена тех социалистов, которые идею революционной борьбы против империализма проводят в жизнь. Вот что нужно сказать всем правительствам, чтобы бороться за мир, нужно их обвинить перед народами. Тогда вы поставите в запутанное положение все империалистские правительства. А теперь вы запутались, когда обращались к народу с воззванием о мире 14 марта⁸², говоря: «свергайте ваших царей, ваших королей и ваших банкиров», в то время как мы, имея в руках неслыханную, богатую по численности, по опыту, по материальной силе организацию, как Совет рабочих и солдатских депутатов, мы с нашими банкирами заключаем блок, учреждаем коалиционное, почти социалистическое правительство и пишем проекты реформ, которые в Европе десятки и десятки лет писались. Там, в Европе, смеются над подобного рода борьбой за мир. Там поймут ее только тогда, когда Советы возьмут власть и выступят революционно.

Только одна страна в мире сможет сделать шаги к прекращению империалистической войны сейчас в классовом масштабе, против капиталистов, без кровавой революции, только одна страна, и эта страна — Россия. И она остается ею до тех пор, пока Совет рабочих и солдатских депутатов существует. Долго он рядом с Временным правительством обычного типа существовать не сможет. И он останется по-

прежнему лишь до тех пор, пока не осуществится этот переход к наступлению. Переход к наступлению есть перелом всей политики русской революции, т. е. переход от ожидания, от подготовки мира революционным восстанием снизу к возобновлению войны. Переход от братания на одном фронте к братанию на всех фронтах, от братания стихийного, когда люди обменивались коркой хлеба с голодным немецким пролетарием за перочинный ножичек, за что им грозят каторгой, к братанию сознательному, — вот какой путь намечался.

Когда мы возьмем в свои руки власть, тогда мы обуздаем капиталистов и тогда это будет *не та* война, какая ведется сейчас, — потому что война определяется тем, какой класс ее ведет, а не тем, что в бумажках написано. В бумажках можно написать что угодно. Но пока класс капиталистов в правительстве представлен большинством, что бы вы ни написали, как бы красноречивы ни были, какой бы состав почти социалистических министров ни имели, война остается империалистической. Это все знают и все видят. И вот пример Албании, пример Греции, Персии⁸³ это так ясно и наглядно показал, что меня удивляет, почему все нападают на нашу письменную декларацию о наступлении⁸⁴ и никто ни слова о конкретных примерах не говорит! Обещать проекты легко, а конкретные мероприятия все откладывают. Писать декларацию о мире без аннексий легко, но ведь пример Албании, Греции, Персии произошел *после* коалиционного министерства. Ведь о них «Дело Народа», орган не нашей партии, а орган правительственный, орган министров, писал, что этой издевке подвергают русскую демократию, что Грецию душат. И тот же Милюков, которого вы представляете бог знает кем, — он рядовой член своей партии, — Терещенко от него ничем не отличается, — он писал, что на Грецию давила союзная дипломатия. Война остается империалистической и, как бы вы мира ни хотели, как бы искренне ни было ваше сочувствие трудящимся и как бы искренне ни было ваше желание мира, — я вполне убежден, что оно не может не быть искренним в массе, — вы бессильны потому, что войну нельзя кончить иначе, как только дальнейшим развитием революции. Когда в России революция началась, началась и революционная борьба снизу за мир. Если бы вы взяли власть в свои руки, если бы власть перешла к революционным организациям для борьбы против русских капиталистов, тогда трудящиеся иных стран вам поверили бы, тогда вы могли бы предложить мир. Тогда наш мир был бы обеспечен, по крайней мере, с двух сторон, со стороны двух народов, которые истекают кровью и дело которых безнадежно, со стороны

Германии и Франции. И если бы тогда обстоятельства нас поставили в положение революционной войны, — этого никто не знает, мы от этого не зарекаемся, — то мы сказали бы: «мы не пацифисты, мы не отказываемся от войны, если революционный класс у власти, если он действительно устранил капиталистов от всякого влияния на постановку дела, на увеличение той разрухи, которая позволяет им наживать сотни миллионов». Революционная власть всем без исключения народам объяснила бы и сказала, что все народы должны быть свободны, что как немецкий народ не смеет воевать за то, чтобы удержать Эльзас и Лотарингию, так и французский народ не смеет воевать за свои колонии. Ибо, если Франция воюет за свои колонии, то у России есть Хива и Бухара, это тоже нечто вроде колоний, и тогда начнется дележ колоний. А как их делить, по какой норме? По силе. А сила изменилась, положение капиталистов таково, что иного выхода, кроме войны, нет. Когда вы возьмете революционную власть, у вас будет революционный путь к миру: обращение к народам с революционным призывом, объяснение тактики на вашем примере. Тогда перед вами дорога к революционным путем завоеванному миру откроется с величайшей вероятностью того, что вы гибели сотни тысяч людей избежите. Тогда вы можете быть уверены, что немецкий и французский народы выскажутся за вас. А капиталисты английские, американские и японские, если бы даже они хотели войны против революционного рабочего класса, — силы которого удесятятся, когда капиталисты будут обузданы, устранены и контроль перейдет в руки рабочего класса, — даже если бы американские, английские и японские капиталисты войны хотели, 99 процентов из 100 за то, что они не смогут ее вести. Достаточно будет вам заявить, что вы не пацифисты, что вы свою республику, рабочую, пролетарскую, демократию от капиталистов немецких и французских и других защищать будете, этого будет достаточно, чтобы мир был обеспечен.

Вот почему мы придавали нашему заявлению о наступлении такое коренное значение. Наступила пора перелома во всей истории русской революции. Русская революция началась с того, что ей помогала империалистическая буржуазия Англии, которая думала, что Россия нечто вроде Китая или Индии. Вместо этого рядом с правительством, в котором сейчас большинство помещиков и капиталистов, возникли Советы, — неслыханное, невиданное в мире по силе представительное учреждение, которое вы убиваете участием в коалиционном министерстве буржуазии. Вместо этого русская ре-

волюция сделала то, что революционная борьба снизу против капиталистического правительства всюду, во всех странах стала встречаться втрое более сочувственно. Вопрос стоит так: идти вперед или назад. Стоять в революционное время на одном и том же месте нельзя. Вот почему наступление есть перелом всей русской революции не в стратегическом значении наступления, а в политическом, экономическом. Наступление теперь есть продолжение империалистической бойни и гибели сотен тысяч, миллионов людей, — объективно, независимо от воли или сознания того или иного министра, из-за задушения Персии и прочих слабых народов. Переход власти к революционному пролетариату при поддержке беднейшего крестьянства есть переход к революционной борьбе за мир в самых обеспеченных, в самых безболезненных, какие только знает человечество, формах, переход к тому, что власть и победа за революционными рабочими будут обеспечены и в России и во всем мире. (Аплодисменты части собрания.)

*«Правда» №№ 82 и 83,
28 (15) и 29 (16) июня 1917 г.*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 32, стр. 261—276*

ВОСЕМНАДЦАТОЕ ИЮНЯ

Восемнадцатое июня, так или иначе, войдет в историю русской революции как один из дней перелома.

Взаимное положение классов, их соотношение в борьбе друг с другом, их сила, в особенности по сравнению с силой партий, — все это вскрылось воскресной демонстрацией⁸⁵ так отчетливо, так ярко, так внушительно, что при всяком ходе и всяком темпе дальнейшего развития выигрыш сознательности и ясности остается гигантским.

Демонстрация развеяла в несколько часов, как горстку пыли, пустые речи о большевиках-заговорщиках и показала с непрекращаемой наглядностью, что авангард трудящихся масс России, промышленный пролетариат столицы и ее войска в подавляющем большинстве стоят за лозунги, всегда защищавшиеся нашей партией.

Мерная поступь рабочих и солдатских батальонов. Около полумиллиона демонстрантов. Единство дружного наступления. Единство вокруг лозунгов, среди которых гигантски преобладали: «вся власть Советам», «долой 10 министров-капиталистов», «ни сепаратного мира с немцами, ни тайных договоров с англо-французскими капиталистами» и т. п. Ни у кого из видевших демонстрацию не осталось сомнения в победе этих лозунгов среди организованного авангарда рабочих и солдатских масс России.

Демонстрация 18-го июня стала демонстрацией сил и политики революционного пролетариата, указывающего направление революции, указывающего выход из тупика. В этом гигантское историческое значение воскресной демонстрации, в этом ее отличие принципиальное от демонстраций в день похорон жертв революции и в день 1-го Мая. Тогда это было поголовное *чувствование* первой победы революции и ее ге-

роев, взгляд, брошенный народом назад на пройденный им наиболее быстро и наиболее успешно первый этап к свободе. Первое мая было *праздником* пожеланий и надежд, связанных с историей всемирного рабочего движения, с его идеалом мира и социализма.

Ни та, ни другая демонстрация не задавались целью указать *направление* дальнейшего движения революции и не могли указывать его. Ни та, ни другая не ставили перед массами и от имени масс конкретных, определенных, злободневных вопросов о том, куда и как должна пойти революция.

В этом смысле 18-ое июня было первой политической демонстрацией *действия*, разъяснением — не в книжке или в газете, а на улице, не через вождей, а через массы — разъяснением того, как разные классы действуют, хотят и будут действовать, чтобы вести революцию дальше.

Буржуазия попряталась. В мирной демонстрации, устроенной заведомым большинством народа, при свободе партийных лозунгов, при главной цели — выступление против контрреволюции, в такой демонстрации буржуазия отказалась участвовать. Оно и понятно. Буржуазия — это и есть контрреволюция. Она прячется от народа, она устраивает настоящие контрреволюционные заговоры против народа. Партии, правящие теперь в России, партии эсеров и меньшевиков, наглядно показали себя в исторический день 18-го июня как партии колебаний. Их лозунги выражали колебание, и за их лозунгами оказалось — явно, очевидно для всех — меньшинство. Стоять на месте, оставить пока все по-прежнему — вот что *они* советовали народу своими лозунгами, своими колебаниями. И народ чувствовал, и они чувствовали, что это невозможно.

Довольно колебаний — говорил авангард пролетариата, авангард рабочих и солдатских масс России. Довольно колебаний. Политика доверия капиталистам, *их* правительству, *их* реформаторским потугам, *их* войне, *их* политике наступления, — эта политика безнадежна. Крах ее недалек. Крах ее неизбежен. Это будет крах и правящих партий эсеров и меньшевиков. Разруха надвигается все ближе. От нее *нельзя* спастись иначе, как революционными мерами стоящего у власти революционного класса.

Пусть народ порвет с политикой доверия капиталистам, пусть он окажет доверие революционному классу — пролетариату. В нем и только в нем источник силы. В нем и только в нем залог служения интересам *большинства*, интересам трудящихся и эксплуатируемых, задавленных войной и капиталом, способных победить войну и капитал!

Кризис неслыханных размеров надвинулся на Россию и на все человечество. Выход только в доверии самому организованному передовому отряду трудящихся и эксплуатируемых, в поддержке его политики.

Скоро ли будет понят народом этот урок и как он будет осуществлен, мы не знаем. Но мы твердо знаем, что вне этого урока выхода из тупика нет, что возможные колебания или зверства контрреволюции ничего не дадут.

Вне полного доверия народных масс своему руководителю, пролетариату, выхода нет.

*«Правда» № 86,
3 июля (20 июня) 1917 г.*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 32, стр. 360—362*

НА ЧТО МОГЛИ РАССЧИТЫВАТЬ КАДЕТЫ, УХОДЯ ИЗ МИНИСТЕРСТВА? ⁸⁶

Этот вопрос напрашивается сам собою. Чтобы правильно ответить на события определенной тактикой, надо правильно понять их. Как же понять уход кадетов?

Досада? Принципиальное несогласие по вопросу об Украине? — Конечно, нет. Смешон был бы тот, кто заподозрил бы кадетов в принципиальности или буржуазию в способности действовать из-за досады.

Нет. Уход кадетов может быть понят лишь как результат расчета. В чем суть этого расчета?

В том, что для управления страной, совершившей большую революцию и не могущей успокоиться, притом во время империалистской войны всемирных размеров, необходим гигантски смелый, исторически великий, полный беззаветного энтузиазма почин и размах действительно революционного класса. Либо подавлять такой класс насилием — это кадеты давно проповедают, с самого 6-го мая — либо довериться его руководству. Либо в союзе с империалистским капиталом — тогда надо наступать, надо быть послушным слугой капитала, надо идти в кабалу к нему, надо бросить утопии отмены земельной собственности без выкупа (зри речи Львова, по «Биржевке», против программы Чернова) — либо против империалистского капитала, тогда надо предлагать немедленно точные условия мира всем народам, ибо все народы истомлены войной, тогда надо сметь поднять и уметь поднять знамя всемирной пролетарской революции против капитала, делать это не на словах, а на деле, двигать революцию самым решительным образом вперед в самой России.

Кадеты — дельцы и деляги как в торговых делах, в финансах, в охране капитала, так и в политике. Кадеты правильно учли, что положение *объективно* революционное.

На реформы они согласны и делить власть с реформистами Церетели и Черновыми им нравится. Но реформами не можешь. Пути реформ, выводящего из кризиса — из войны, из разрухи — *н е т*.

И кадеты рассчитывают, с точки зрения своего класса, с точки зрения класса империалистов-эксплуататоров, правильно: уходя мы-де ставим ультиматум. Мы знаем, что Церетели и Черновы сейчас не доверяют истинно революционному классу, сейчас не хотят вести истинно революционной политики. Мы-де их попугаем. Без кадетов это-де значит без «помощи» всемирного англо-американского капитала, это значит идти революцией *и* на него. Не пойдут-де Церетели и Черновы, не решатся! Они-де нам уступят!

А если нет, то-де революция против капитала, буде даже она начнется, не удастся, и мы вернемся.

Так рассчитывают кадеты. Повторяем: с точки зрения класса эксплуататоров расчет правильный.

Если бы Церетели и Черновы стояли на точке зрения эксплуатируемого класса — а не колеблющейся мелкой буржуазии — они бы ответили на правильный расчет кадетов правильным присоединением к политике революционного пролетариата.

Написано 3 (16) июля 1917 г.

*Напечатано 28 (15) июля 1917 г.
в газете «Пролетарское Дело» № 2*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 32, стр. 406—407*

ГДЕ ВЛАСТЬ И ГДЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ? ⁸⁷

На этот вопрос обычно отвечают очень просто: контрреволюции вовсе нет или мы не знаем, где она. Власть же мы прекрасно знаем: она в руках Временного правительства, контролируемого Центральным Исполнительным Комитетом (ЦИК) Всероссийского съезда Советов солдатских и рабочих депутатов. Таков обычный ответ.

Вчерашний политический кризис ⁸⁸ оставил в наследство после себя, как и большинство кризисов всякого рода, срывающих все условное, разрушающих все иллюзии, — развалины тех иллюзий, которые выражаются в приведенных нами сейчас обычных ответах на коренные вопросы всякой революции.

Существует на свете бывший член II Государственной думы Алексинский, которого *эсеры* и *меньшевики*, правящие партии в Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, *отказались* допустить в Исполнительный комитет Совета солдатских и рабочих депутатов, *пока он не реабилитирует себя*, т. е. пока он не восстановит своей чести.

В чем дело? Почему Исполнительный комитет публично и формально отказал в доверии Алексинскому, потребовал от него восстановления чести, т. е. признал его бесчестным?

Потому, что Алексинский настолько прославил себя клеветами, что в Париже журналисты разнообразнейших партий объявили его клеветником. Алексинский не стал восстанавливать своей чести перед Исполнительным комитетом, а предпочел спрятаться в плехановской газете «Единство», выступая в ней сначала за инициалами, а потом — осмелев — и открыто.

4-го июля, вчера днем, несколько большевиков получило от знакомых предостережение, что Алексинский сообщил комитету журналистов в Питере какую-то новую клеветническую

пакость. Большинство из оповещенных не обратило ровно никакого внимания на это предостережение, относясь с брезгливым презрением к Алексинскому и его «работе». Но один большевик, Джугашвили (Сталин), член Центрального Исполнительного Комитета, давно знавший, как грузинский с.-д., тов. Чхеидзе, заговорил с ним на заседании ЦИК об этом новом гнусном клеветническом походе Алексинского.

Дело было поздно ночью, но Чхеидзе заявил, что ЦИК не будет равнодушно смотреть на распространение клеветы людьми, боящимися суда и расследования со стороны ЦИК. От своего имени, как председатель ЦИК, и от имени Церетели, как члена Временного правительства, Чхеидзе обратился тотчас *по телефону* во все редакции с предложением *воздержаться от напечатания клевет* Алексинского. Чхеидзе сказал Сталину, что большинство газет выразило готовность исполнить его просьбу, что «отмалчивались» некоторое время лишь «Единство» и «Речь» («Единство» мы не видали, а «Речь» *не* перепечатала клеветы). В результате клевета попала лишь на страницы маленькой, желтой, большинству интеллигентных людей *вовсе неизвестной*, газеты «Живое Слово»⁸⁹ № 51 (404), редактором-издателем коей подписывается А. М. Уманский.

Теперь клеветники ответят перед судом. С этой стороны дело просто и несложно.

Вздорность клеветы бьет в глаза: какой-то прапорщик 16 Сибирского стрелкового полка Ермоленко был «переброшен» (?) «25-го апреля к нам в тыл на фронт 6 армии для агитации в пользу скорейшего заключения сепаратного мира с Германией». Видимо, это бежавший из плена субъект, про которого напечатанный «Живым Словом» «документ» добавляет: «поручение это Ермоленко принял по настоянию товарищей»!!

Можно судить уже отсюда, какого доверия заслуживает субъект, столь бесчестный, что он мог согласиться принять подобное «поручение»!.. Свидетель — человек бесчестный. Это — факт.

И что же показал этот свидетель?

Он показал следующее: «Офицеры германского генерального штаба Шидицкий и Люберс ему сообщили, что такого же рода агитацию ведет в России агент германского генерального штаба и председатель украинской секции «Союза освобождения Украины»⁹⁰ А. Скоропись-Иолтуховский и Ленин. Ленину поручено стремиться всеми силами к подорванию доверия русского народа к Временному правительству».

Итак, германские офицеры, чтобы склонить Ермоленку к его бесчестному поступку, нагнали ему бесстыдно про Ленина, который, как всем известно, как официально заявлено *всей партией* большевиков, сепаратный мир с Германией самым решительным и бесповоротным образом всегда и безусловно *отвергал!!* Ложь германских офицеров такая явная, грубая, нелепая, что ни один грамотный человек ни на минуту не усомнится в том, что это ложь. А политически грамотный человек тем более не усомнится в этом, что сопоставление Ленина с каким-то Иолтуховским (?) и «Союзом освобождения Украины» есть нелепость, особенно бросающаяся в глаза, ибо от этого подозрительного, социал-патриотического «Союза» и Ленин и все интернационалисты *отгораживались публично* много раз именно во время войны!

Грубая ложь подкупленного немцами Ермоленки или немецких офицеров не заслуживала бы и тени внимания, если бы «документ» не прибавлял какие-то «только что поступившие сообщения» — неизвестно, к кому, как, от кого, когда, — согласно коим «деньги на агитацию» «получаются» (кем? «документ» *боится* сказать прямо, что обвиняется или подозревается Ленин!! документ молчит, кем «получается»!) «через» «доверенных людей»: «большевиков» Фюрстенберга (Ганецкого) и Козловского. Будто об этом имеются и данные относительно перевода денег через банки, и «военной цензурой» установлен непрерывный (!) обмен телеграммами политического и денежного характера между германскими агентами и большевистскими лидерами»!!

Опять — настолько грубая ложь, что нелепость бьет в глаза. Будь тут хоть слово правды, как же это могло бы быть тогда, 1) что Ганецкого *совсем недавно* свободно впустили в Россию и свободно выпустили из нее? 2) что ни Ганецкого, ни Козловского *не* арестовали *раньше* появления в газетах сведений об их преступлениях? Неужели в самом деле генеральный штаб, если бы он действительно имел в руках хоть какого-нибудь доверия заслуживающие сведения о переводе денег, о телеграммах и т. п., допустил бы разглашение слухов об этом через Алексинских и желтую прессу, не арестуя Ганецкого и Козловского? Не ясно ли, что перед нами лубочная работа газетных клеветников низшего пошиба, не более того?

Добавим, что Ганецкий и Козловский оба не большевики, а члены польской с.-д. партии, что Ганецкий — член ее ЦК, известный нам с Лондонского съезда (1903)⁹¹, с которого польские делегаты ушли, и т. д. *Никаких* денег ни от

Ганецкого, ни от Козловского большевики *не* получали. Все это — ложь самая сплошная, самая грубая.

В чем ее политическое значение? Во-первых, в том, что без лжи и клеветы не могут обойтись политические противники большевиков. До того низки и низменны эти противники.

Во-вторых, в том, что мы получаем ответ на вопрос, поставленный заголовком статьи.

Доклад о «документах» послан был Керенскому еще 16-го мая. Керенский член и Временного правительства и Совета, т. е. обеих «властей». С 16-го мая по 5 июля времени уйма. Власть, будь она властью, могла бы и должна была бы *сама* «документы» расследовать, свидетелей допросить, подозреваемых арестовать. Власть, обе «власти», и Временное правительство и ЦИК, могли и должны были сделать это.

Обе власти бездействуют. А генеральный штаб оказывается в каких-то сношениях с Алексинским, недопущенным за клеветничество в Исполнительный комитет Совета! Генеральный штаб как раз ко времени ухода кадетов допускает — случайно, должно быть, — передачу своих официальных документов Алексинскому для публикации!

Власть бездействует. Ни Керенский, ни Временное правительство, ни Исполнительный комитет Совета не думают даже о том, чтобы арестовать Ленина, Ганецкого, Козловского, если они подозрительны. Вчера ночью, 4 июля, и Чхеидзе и Церетели просят газеты не печатать явной клеветы. А в то же время, поздней, поздне́й ночью, Половцев посылает юнкеров и казаков разгромить «Правду», задержать ее выпуск, арестовать выпускателей, захватить книги (будто бы для проверки, не значатся ли в них подозрительные деньги), и в это самое время в желтой, низкопробной, грязной газетке «Живое Слово» печатается низкая клевета, чтобы разжечь страсти, чтобы загрязнить большевиков, чтобы создать погромное настроение, чтобы придать благовидное оправдание поступку Половцева, юнкеров и казаков, разгромивших «Правду».

Кто не закрывает себе глаз, *дабы не видеть истины*, тот пребывать в заблуждении не может. Когда *надо* действовать, обе власти бездействуют — ЦИК, ибо он «доверяет» кадетам и боится рассердить их, а кадеты не действуют как власть, ибо они предпочитают действовать *за кулисами*.

Закулисная контрреволюция — вот она, как на ладони: это — кадеты, известные круги генерального штаба («командных верхов армии», как сказано в резолюции нашей партии) и подозрительная, получерносотенная пресса. Вот кто *не* бездействует, вот кто «работает» дружно вместе; вот та среда,

из которой питается обстановка погромов, попытки погромов, выстрелы в манифестантов и так далее и так далее.

Кто не закрывает себе нарочно глаз, дабы не видеть истины, тот пребывать дальше в заблуждении не может.

Власти нет и не будет, пока переход ее в руки Советов не положит основание ее созданию. Контрреволюция пользуется безвластьем, объединяя кадетов с известными командными верхами армии и с черносотенной прессой. Такова печальная действительность, но действительность.

Рабочие и солдаты! От вас требуется выдержка, стойкость, бдительность!

Написано 5 (18) июля 1917 г.

*Напечатано 19 (6) июля 1917 г.
в газете «Листок «Правды»»*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 32, стр. 410—417*

ТРИ КРИЗИСА ⁹²

Чем ожесточеннее клеветают и лгут на большевиков в эти дни, тем спокойнее должны мы, опровергая ложь и клеветы, вдумываться в историческую связь событий и в политическое, *то есть классовое*, значение данного хода революции.

В опровержение лжи и клеветы мы должны здесь лишь повторить ссылку на «Листок «Правды»» от 6-го июля и особенно обратить внимание читателей на печатаемую ниже статью, документально доказывающую, что 2-го июля большевики агитировали *против* выступления (по признанию газеты партии социалистов-революционеров), что 3-го июля настроение масс вылилось через край и выступление началось вопреки нашим советам, что 4-го июля мы призывали в листке (перепечатанном той же газетой эсеров, «Делом Народа») к *мирной и организованной* демонстрации, что ночью 4-го июля мы приняли решение прекратить демонстрацию. Клеветайте, клеветники! вы никогда не опровергнете этих фактов и решающего значения их во всей их связи!

Перейдем к вопросу об исторической связи событий. Когда мы еще в начале апреля высказались против поддержки Временного правительства, на нас напали и эсеры, и меньшевики. А что доказала жизнь?

Что доказали три политических кризиса: 20 и 21 апреля, 10 и 18 июня, 3 и 4 июля?

Они доказали, во-первых, растущее недовольство масс буржуазной политикой буржуазного большинства Временного правительства.

Небезынтересно отметить, что газета правящей партии эсеров, «Дело Народа», от 6-го июля, несмотря на всю ее вражду к большевикам, вынуждена признать глубокие экономические и политические причины движения 3 и 4 июля.

Глупая, грубая, гнусная ложь об искусственном вызывании этого движения, об агитации большевиков за выступление, с каждым днем будет разоблачаться больше и больше.

Общая причина, общий источник, общий глубокий корень всех трех названных политических кризисов ясен — особенно, если посмотреть на них в их связи, как повелевает смотреть на политику наука. Нелепо и думать, что три кризиса такого рода могли бы были быть вызваны искусственно.

Во-вторых, поучительно вникнуть в то, что было общего, и в то, что было индивидуального в каждом из этих кризисов.

Общее, выливающееся через край недовольство масс, возбуждение их против буржуазии и *ее* правительства. Кто *эту суть дела* забывает или замалчивает или умаляет, тот отрекается от азбучных истин социализма относительно классовой борьбы.

Борьба классов в русской революции — пусть подумают об этом называющие себя социалистами люди, кое-что знающие о том, какова была борьба классов в европейских революциях.

Индивидуально в этих кризисах их проявление: в первом (20—21 апреля) бурно-стихийное, совсем не организованное, приведшее к стрельбе черносотенцев против демонстрантов и к неслыханно-диким и лживым обвинениям большевиков. После взрыва — политический кризис.

Во втором случае назначение демонстрации большевиками, отмена ее после грозного ультиматума и прямого запрещения съезда Советов и общая демонстрация 18 июня, давшая явное преобладание большевистским лозунгам. Политический кризис, по признанию самих эсеров и меньшевиков вечером 18 июня, разразился бы наверное, если бы его не перерезало наступление на фронте.

Третий кризис разрастается стихийно 3-го июля, вопреки усилиям большевиков 2-го июля удержать его, и, достигнув высшей точки 4-го июля, ведет 5-го и 6-го к апогею контрреволюции. Колебания у эсеров и меньшевиков выражаются в том, что Спиридонова и ряд других эсеров высказываются за переход власти к Советам, и в том же духе высказываются раньше восстававшие против этого меньшевики-интернационалисты.

Наконец, последний — и, пожалуй, самый поучительный — вывод из рассмотрения событий в их связи состоит в том, что *все* три кризиса показывают нам некоторую, новую в истории нашей революции, форму некоей демонстрации более сложного типа, при волнообразном движении, быстром подъеме и крутом спуске, при обострении революции и

контрреволюции, при «вымыывании», на более или менее продолжительное время, средних элементов.

По форме движение в течение всех этих трех кризисов было *демонстрацией*. Противоправительственная демонстрация — таково было бы, формально, наиболее точное описание событий. Но в том-то и суть, что это не обычная демонстрация, это нечто значительно большее, чем демонстрация, и меньшее, чем революция. Это — взрыв революции и контрреволюции *вместе*, это — резкое, иногда почти внезапное «вымыывание» средних элементов, в связи с бурным обнаружением пролетарских и буржуазных.

Крайне характерно в этом отношении, что все средние упрекают за *каждое* из этих движений *обе* определенные классовые силы, и пролетарскую и буржуазную. Посмотрите на эсеров и меньшевиков: они из кожи лезут, надрываясь и крича, что большевики своими крайностями помогают контрреволюции, и в то же время постоянно признаваясь, что кадеты (с коими они в блоке в правительстве) контрреволюционны. «Отмежеваться, — писало «Дело Народа» вчера, — глубоким рвом от всех элементов справа, вплоть до воинственно настроившегося «Единства» (с коим, добавим от себя, эсеры шли в блоке на выборах) — такова наша неотложная задача».

Сопоставьте с этим сегодняшнее «Единство» (7 июля), где плехановская передовица вынуждена констатировать бесспорный факт, именно, что Советы (т. е. эсеры и меньшевики) взяли себе «две недели на размышление» и что если власть перейдет к Советам, то это «было бы равносильно победе ленинцев». «Если кадеты не держатся правила: чем хуже, тем лучше.., — пишет Плеханов, — то они сами вынуждены будут сознаться, что они сделали» (уйдя из министерства) «большую ошибку, облегчив ленинцам их работу».

Разве это не характерно? Средние элементы обвиняют кадетов в том, что они облегчают работу большевикам, а большевиков в том, что они облегчают работу кадетам!! Неужели трудно догадаться, что вместо политических наименований надо подставить классовые и что мы получаем тогда мечты мелкой буржуазии об исчезновении классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией? Жалобы мелкой буржуазии на классовую борьбу пролетариата с буржуазией? Неужели трудно догадаться, что никакие большевики в мире не в силах были бы «вызвать» не только трех, но даже и одного «народного движения», если бы глубочайшие экономические и политические причины не приводили в движение пролетариата? что никакие кадеты и монархисты вместе не в силах бы вызвать никакого движения «справа», если бы столь

же глубокие причины не создавали контрреволюционности буржуазии, как класса?

За движение 20—21 апреля и нас и кадетов ругали за неуступчивость, за крайность, за обострение, доходили до того, что большевиков обвиняли (как это ни нелепо) в стрельбе на Невском, — а когда движение кончилось, то те же эсеры и меньшевики, в своем объединенном и официальном органе, «Известиях», писали, что «народное движение» «смело империалистов Милюкова и пр.», т. е. *восхваляли* движение!! Разве это не характерно? Разве не показывает это особенно ясно непонимание мелкой буржуазией механизма, сущности, классовой борьбы пролетариата с буржуазией?

Объективное положение таково: громадное большинство населения страны мелкобуржуазно по своему жизненному положению и еще более по своим идеям. Но в стране царит крупный капитал, через банки и через синдикаты в первую голову. В стране есть городской пролетариат, достаточно развитый, чтобы идти своим путем, но еще не способный привлечь сразу на свою сторону большинство полупролетариев. Из этого основного, классового, факта вытекает неизбежность таких кризисов, как три кризиса, изучаемые нами, а равно и их формы.

Формы кризисов могут в будущем, конечно, перемениться, но суть дела останется, например, и в том случае, если в октябре соберется эсеровское Учредительное собрание. Эсеры обещали крестьянам (1) отмену частной собственности на землю; (2) передачу земли трудящимся; (3) конфискацию помещичьих земель, передачу их крестьянам без выкупа. Осуществить эти великие преобразования абсолютно невозможно без самых решительных революционнейших мер против буржуазии, мер, которые провести в состоянии *только* присоединение беднейшего крестьянства к пролетариату, *только* национализация банков и синдикатов.

Доверчивые крестьяне, поверившие на время, что можно достигнуть этих прекрасных вещей соглашением с буржуазией, неизбежно будут разочарованы и... «недовольны» (говоря мягко) острой классовой борьбой пролетариата с буржуазией за осуществление эсеровских обещаний на деле. Так было, так будет.

Написано 7 (20) июля 1917 г.

Напечатано 19 июля 1917 г.
в журнале «Работница» № 7

Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 32, стр. 428—432

К ВОПРОСУ ОБ ЯВКЕ НА СУД БОЛЬШЕВИСТСКИХ ЛИДЕРОВ ⁹³

Судя по частным беседам, есть два мнения по этому вопросу.

Товарищи, поддающиеся «атмосфере Советов», нередко склоняются к явке.

Более близкие к рабочим массам склоняются, по-видимому, к неявке.

Принципиально вопрос сводится больше всего к оценке того, что принято называть конституционными иллюзиями.

Если считать, что в России есть и возможно правильное правительство, правильный суд, вероятен созыв Учредительного собрания, тогда можно прийти к выводу в пользу явки.

Но такое мнение насквозь ошибочно. Именно последние события, после 4 июля, нагляднейшим образом показали, что созыв Учредительного собрания невероятен (без новой революции), что ни правильного правительства, ни правильного суда в России нет и быть (теперь) не может.

Суд есть орган власти. Это забывают иногда либералы. Марксисту грех забывать это.

А где власть? Кто власть?

Правительства нет. Оно меняется ежедневно. Оно бездействует.

Действует военная диктатура. О «суде» тут смешно и говорить. Дело не в «суде», а в эпизоде *гражданской войны*. Вот чего напрасно не хотят понять сторонники явки.

Переверзев и Алексинский как инициаторы «дела»!! Неужели не смешно тут говорить о суде? Неужели не наивно думать, что какой-нибудь суд при таких условиях может что-либо разобрать, установить, расследовать??

Власть в руках военной диктатуры, и без новой революции власть эта может лишь укрепиться на известное время, на время войны прежде всего.

«Я не сделал ничего противозаконного. Суд справедлив. Суд разберет. Суд будет гласный. Народ поймет. Я явлюсь».

Это — рассуждение наивное до ребячества. Не суд, а травля интернационалистов, вот что *нужно власти*. Засадить их и держать — вот что надо гг. Керенскому и К^о. Так было (в Англии и Франции) — так будет (в России).

Пусть интернационалисты работают нелегально по мере сил, но пусть не делают глупости добровольной явки!

Написано 8 (21) июля 1917 г.

*Впервые напечатано в 1925 г. в журнале
«Пролетарская Революция» № 1*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 32, стр. 433—434*

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ⁹⁴

(ЧЕТЫРЕ ТЕЗИСА)

1. Контрреволюция организовалась, укрепилась и фактически взяла власть в государстве в свои руки.

Полная организация и укрепление контрреволюции состоит в превосходно обдуманном, проведенном уже в жизнь соединении трех главных сил контрреволюции: (1) партия кадетов, т. е. настоящий вождь организованной буржуазии, уйдя из министерства, поставила ему ультиматум, расчистив поле для свержения этого министерства контрреволюцией; (2) генеральный штаб и командные верхи армии с сознательной или полусознательной помощью Керенского, коего даже виднейшие эсеры называли теперь Кавеньяком, захватил в руки фактическую государственную власть, перейдя к расстрелу революционных частей войска на фронте, к разоружению революционных войск и рабочих в Питере и в Москве, к подавлению и усмирению в Нижнем, к арестам большевиков и закрытию их газет не только без суда, но и без постановления правительства. Фактически основная государственная власть в России теперь есть военная диктатура; этот факт затемнен еще рядом революционных на словах, но бессильных на деле учреждений. Но это несомненный факт и настолько коренной, что без понимания его ничего понять в политическом положении нельзя. (3) Черносотенно-монархистская и буржуазная пресса, перейдя уже от бешеной травли большевиков к травле Советов, «поджигателя» Чернова и т. д., яснее ясного показала, что настоящая суть политики военной диктатуры, царящей ныне и поддерживаемой кадетами и монархистами, состоит в подготовке разгона Советов. Многие вожди эсеров и меньшевиков, т. е. теперешнего большинства Советов, уже признали и высказали это в эти последние дни, но, как истые мелкие буржуа, они отделяются от этой грозной действительности пустейшим звонким фразерством.

2. Вожди Советов и партий социалистов-революционеров и меньшевиков, с Церетели и Черновым во главе, окончательно предали дело революции, отдав его в руки контрреволюционерам и превратив себя и свои партии и Советы в фиговый листок контрреволюции.

Этот факт доказан тем, что социалисты-революционеры и меньшевики выдали большевиков и молча утвердили разгром их газет, не посмев даже прямо и открыто сказать народу о том, что они это делают, и почему они это делают. Узаконив разоружения рабочих и революционных полков, они отняли у себя всякую реальную власть. Они стали пустейшими говорунами, помогающими реакции «занять» внимание народа, пока она dokonчит свои последние приготовления к разгону Советов. Не сознавши этого полного и окончательного банкротства партий социалистов-революционеров и меньшевиков и теперешнего большинства Советов, не сознав полнейшей фиктивности их «директории» и прочих маскарадов, нельзя ровно ничего понять во всем теперешнем политическом положении.

3. Всякие надежды на мирное развитие русской революции исчезли окончательно. Объективное положение: либо победа военной диктатуры до конца, либо победа вооруженного восстания рабочих, возможная лишь при совпадении его с глубоким массовым подъемом против правительства и против буржуазии на почве экономической разрухи и затягивания войны.

Лозунг перехода всей власти к Советам был лозунгом мирного развития революции, возможного в апреле, мае, июне, до 5—9 июля, т. е. до перехода фактической власти в руки военной диктатуры. Теперь этот лозунг уже неверен, ибо не считается с этим состоявшимся переходом и с полной изменой эсеров и меньшевиков революции на деле. Не авантюры, не бунты, не сопротивления по частям, не безнадежные попытки по частям противостать реакции могут помочь делу, а только ясное сознание положения, выдержка и стойкость рабочего авангарда, подготовка сил к вооруженному восстанию, условия победы коего теперь страшно трудны, но возможны все же при совпадении отмеченных в тексте тезиса фактов и течений. Никаких конституционных и республиканских иллюзий, никаких иллюзий мирного пути больше, никаких разрозненных действий, не поддаваться *теперь* провокации черных сотен и казаков, а собрать силы, переорганизовать их и стойко готовить к вооруженному восстанию, если ход кризиса позволит применить его в действительно массовом, общенародном размере. Переход земли к крестьянам

невозможен теперь без вооруженного восстания, ибо контрреволюция, взяв власть, вполне объединилась с помещиками, как классом.

Цель вооруженного восстания может быть лишь переход власти в руки пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, для осуществления программы нашей партии.

4. Партия рабочего класса, не бросая легальности, но и ни на минуту не преувеличивая ее, должна *соединить* легальную работу с нелегальной, как в 1912—1914 годах.

Ни единого часа легальной работы не бросать. Но ни на йоту и конституционным и «мирным» иллюзиям не верить. Тотчас всюду и во всем основать нелегальные организации или ячейки для издания листков и пр. Переорганизоваться тотчас, выдержанно, стойко, по всей линии.

Действовать так, как в 1912—1914 гг., когда мы умели говорить о свержении царизма революцией и вооруженным восстанием, не теряя легальной базы ни в Государственной думе, ни в страховых кассах, ни в профессиональных союзах и т. д.

Написано 10 (23) июля 1917 г.

*Напечатано 2 августа (20 июля) 1917 г.
в газете «Пролетарское Дело» № 6
Подпись: W*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 34, стр. 1—5*

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ПРОЛЕТАРСКОГО ДЕЛА»⁹⁵

Товарищи!

Мы переменили свое намерение подчиниться указу Временного правительства о нашем аресте — по следующим мотивам.

Из письма бывшего министра юстиции Переверзева, напечатанного в воскресенье в газете «Новое Время»⁹⁶, стало совершенно ясно, что «дело» о «шпионстве» Ленина и других подстроено совершенно обдуманно партией контрреволюции.

Переверзев вполне открыто признает, что он пустил в ход непроверенные обвинения, дабы поднять ярость (дословное выражение) солдат против нашей партии. Это признает вчерашний министр юстиции, человек, вчера еще называвший себя социалистом! Переверзев ушел. Но остановится ли новый министр юстиции перед приемами Переверзева-Алексинского, никто сказать не возьмется.

Контрреволюционная буржуазия пытается создать новое дело Дрейфуса⁹⁷. Она столько же верит в наше «шпионство», сколько вожди русской реакции, создавшие дело Бейлиса⁹⁸, верили в то, что евреи пьют детскую кровь. Никаких гарантий правосудия в России в данный момент нет.

Центральный Исполнительный Комитет, считающий себя полномочным органом русской демократии, назначил было комиссию по делу о шпионстве, но под давлением контрреволюционных сил эту комиссию распустил. Приказ о нашем аресте он не захотел ни прямо подтвердить, ни отменить. Он умыл руки, фактически выдав нас контрреволюции.

Обвинение нас в «заговоре» и в «моральном» «подстрекательстве» к мятежу носит уже вполне определенный характер. Никакой юридически точной квалификации нашего мнимого преступления не дает ни Временное правительство, ни Совет, которые оба прекрасно знают, что говорить о «заговоре»

в таком движении, как 3—5 июля, просто бессмысленно. Вожди меньшевиков и эсеров просто-напросто пытаются умиловить напирющую уже и против них контрреволюцию, выдав ей по ее указанию ряд членов нашей партии. Ни о какой легальной почве, ни даже о таких конституционных гарантиях, которые существуют в буржуазных упорядоченных странах, в России сейчас не может быть и речи. Отдать себя сейчас в руки властей, значило бы отдать себя в руки Милюковых, Алексинских, Переверзевых, в руки разъяренных контрреволюционеров, для которых все обвинения против нас являются простым эпизодом в гражданской войне.

После происшедшего в дни 6—8 июля ни один русский революционер не может питать более конституционных иллюзий. Происходит решающая схватка между революцией и контрреволюцией. Мы будем по-прежнему бороться на стороне первой.

Мы будем по мере наших сил по-прежнему помогать революционной борьбе пролетариата. Учредительное собрание, если оно соберется и будет созвано не буржуазией, одно только будет правомочно сказать свое слово по поводу приказа Временного правительства о нашем аресте.

Н. Ленин

*«Пролетарское Дело» № 2,
28 (15) июля 1917 г.*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 34, стр. 8—9*

К ЛОЗУНГАМ

Слишком часто бывало, что, когда история делает крутой поворот, даже передовые партии более или менее долгое время не могут освоиться с новым положением, повторяют лозунги, бывшие правильными вчера, но потерявшие всякий смысл сегодня, потерявшие смысл «внезапно» настолько же, насколько «внезапен» был крутой поворот истории.

Нечто подобное может повториться, по-видимому, с лозунгом перехода всей государственной власти к Советам. Этот лозунг был верен в течение миновавшего бесповоротно периода нашей революции, скажем, с 27 февраля по 4-е июля. Этот лозунг явно перестал быть верным теперь. Не поняв этого, нельзя ничего понять в насущных вопросах современности. Каждый отдельный лозунг должен быть выведен из всей совокупности особенностей определенного политического положения. А политическое положение в России теперь, после 4 июля, коренным образом отличается от положения 27 февраля — 4 июля.

Тогда, в этот миновавший период революции, господствовало в государстве так называемое «двоевластие», и материально и формально выражавшее неопределенно-переходное состояние государственной власти. Не забудем, что вопрос о власти есть коренной вопрос всякой революции.

Тогда власть находилась в колеблющемся состоянии. Ее делили, по добровольному соглашению между собой, Временное правительство и Советы. Советы представляли из себя делегации от массы свободных, т. е. никакому насилию извне не подвергающихся, и вооруженных рабочих и солдат. Оружие в руках народа, отсутствие насилия извне над народом — вот в чем была *суть* дела. Вот что открывало и обеспечивало мирный путь развития вперед всей революции. Лозунг:

«переход всей власти к Советам» был лозунгом ближайшего шага, непосредственно осуществимого шага на этом мирном пути развития. Это был лозунг мирного развития революции, которое было с 27 февраля по 4 июля возможно и, конечно, наиболее желательно, и которое теперь безусловно невозможно.

По всей видимости, не все сторонники лозунга: «переход всей власти к Советам» достаточно вдумались в то, что это был лозунг мирного развития революции вперед. Мирного не только в том смысле, что никто, ни один класс, ни одна серьезная сила не могли бы тогда (с 27 февраля по 4 июля) воспротивиться и помешать переходу власти к Советам. Это еще не все. Мирное развитие было бы тогда возможно, даже также в том отношении, что борьба классов и партий *внутри* Советов могла бы тогда, при условии своевременного перехода к ним всей полноты государственной власти, уживаться наиболее мирно и наиболее безболезненно.

На эту последнюю сторону дела тоже недостаточно еще обращено внимание. Советы, по своему классовому составу, были органами движения рабочих и крестьян, готовой формой их диктатуры. Будь у них полнота власти, главный недостаток мелкобуржуазных слоев, главный грех их, доверчивость к капиталистам, изжился бы на практике, критиковался бы опытом их собственных мероприятий. Смена классов и партий, имеющих власть, могла бы внутри Советов, на почве их единовластия и всевластия, идти мирно; связь всех советских партий с массами могла бы оставаться прочной и неослабленной. Нельзя ни на минуту упускать из виду, что только эта теснейшая и свободно растущая вширь и вглубь связь советских партий с массами могла бы помочь мирно изжить иллюзии мелкобуржуазного соглашательства с буржуазией. Переход власти к Советам не изменил бы сам по себе и не мог бы изменить соотношения классов; он ничего не изменил бы в мелкобуржуазности крестьянства. Но он своевременно сделал бы крупный шаг к отрыву крестьян от буржуазии, к сближению, а затем и к соединению их с рабочими.

Так могло бы быть, если бы власть своевременно перешла к Советам. Так было бы всего легче, всего выгоднее для народа. Такой путь был бы самый безболезненный, и потому за него надо было всего энергичнее бороться. Но теперь эта борьба, борьба за своевременный переход власти к Советам, окончилась. Мирный путь развития сделан невозможным. Начался немирный, наиболее болезненный путь.

Перелом 4 июля именно в том и состоит, что после него объективное положение круто изменилось. Колеблющееся

состояние власти прекратилось, власть перешла в решающем месте в руки контрреволюции. Развитие партий на почве соглашательства мелкобуржуазных партий эсеров и меньшевиков с контрреволюционными кадетами привело к тому, что обе эти мелкобуржуазные партии оказались фактическими участниками и пособниками контрреволюционного палачества. Несознательная доверчивость мелких буржуа к капиталистам довела первых, ходом развития партийной борьбы, до сознательной поддержки ими контрреволюционеров. Цикл развития партийных отношений закончился. 27 февраля все классы оказались вместе против монархии. После 4 июля контрреволюционная буржуазия, об руку с монархистами и черной сотней, присоединила к себе мелкобуржуазных эсеров и меньшевиков, частью запугав их, и отдала фактическую государственную власть в руки Кавеньяков, в руки военной шайки, расстреливающей неповинующихся на фронте, разгромляющих большевиков в Питере.

Лозунг перехода власти к Советам звучал бы теперь как донкихотство или как насмешка. Этот лозунг, объективно, был бы обманом народа, внушением ему иллюзии, будто Советам и *теперь* достаточно пожелать взять власть или постановить это для получения власти, будто в Совете находятся еще партии, не запятнавшие себя пособничеством палачам, будто можно бывшее сделать небывшим.

Глубочайшей ошибкой было бы думать, что революционный пролетариат способен, так сказать, из «мести» эсерам и меньшевикам за их поддержку разгрома большевиков, расстрелов на фронте и разоружение рабочих, «отказаться» поддерживать их против контрреволюции. Такая постановка вопроса была бы, во-первых, перенесением мещанских понятий о морали на пролетариат (ибо *для пользы дела* пролетариат поддержит всегда не только колеблющуюся мелкую буржуазию, но и крупную буржуазию); она была бы, во-вторых, — и это главное — мещанской попыткой затемнить посредством «морализирования» политическую суть дела.

Эта суть дела состоит в том, что власть нельзя уже сейчас мирно взять. Ее можно получить, только победив в решительной борьбе действительных обладателей власти в данный момент, именно военную шайку, Кавеньяков, опирающихся на привезенные в Питер реакционные войска, на кадетов и на монархистов.

Суть дела в том, что победить этих новых обладателей государственной власти могут только революционные массы народа, условием движения которых является не только то, чтобы они были руководимы пролетариатом, но и то, чтобы

они отвернулись от предавших дело революции партий эсеров и меньшевиков.

Кто вносит в политику мещанскую мораль, тот рассуждает так: допустим, что эсеры и меньшевики сделали «ошибку», поддержав Кавеньяков, разоружающих пролетариат и революционные полки; но надо дать возможность им «поправить» ошибку, «не затруднять» им исправление «ошибки»; облегчить колебание мелкой буржуазии в сторону рабочих. Подобное рассуждение было бы детской наивностью или просто глупостью, если не новым обманом рабочих. Ибо колебание мелкобуржуазных масс в сторону рабочих состояло бы только в том, и именно в том, что эти массы отвернулись бы от эсеров и меньшевиков. Исправление «ошибки» партиями эсеров и меньшевиков могло бы теперь состоять только в том, чтобы эти партии объявили Церетели и Чернова, Дана и Ракитникова пособниками палачей. Мы вполне и безусловно за такое «исправление ошибки»...

Коренной вопрос о революции есть вопрос о власти, сказали мы. Надо добавить: именно революции показывают нам на каждом шагу затемнение вопроса о том, где настоящая власть, показывают нам расхождение между формальной и реальной властью. Именно в этом и состоит одна из главных особенностей всякого революционного периода. В марте и апреле 1917 года неизвестно было, находится ли реальная власть в руках правительства или в руках Совета.

Теперь же особенно важно, чтобы сознательные рабочие посмотрели трезво на коренной вопрос революции: в чьих руках в данный момент государственная власть. Подумайте, каковы материальные ее проявления, не принимайте фразы за дела, и вы не затруднитесь ответом.

Государство есть прежде всего отряды вооруженных людей с материальными привесками вроде тюрем — писал Фридрих Энгельс⁹⁹. Теперь это — юнкера, реакционные казаки, специально свезенные в Питер; это те, кто держит в тюрьме Каменева и других; кто закрыл газету «Правда»; кто разоружил рабочих и определенную часть солдат; кто расстреливает столь же определенную часть солдат; кто расстреливает столь же определенную часть войска в армии. Вот эти палачи, это — реальная власть. Церетели и Черновы — министры без власти, министры-куклы, вожди партий, поддерживающих палачество. Это — факт. И этот факт не меняется от того, что ни Церетели, ни Чернов лично, наверное, «не одобряют» палачество, что их газеты робко отговариваются от него: такое видоизменение политического наряда не меняет сути дела.

Заккрытие органа 150 000 петроградских избирателей, убийство юнкерами рабочего Воинова (6 июля) за вынос из типографии «Листка Правды» — разве это не палачество? разве это не дело Кавеньяков? Ни правительство, ни Советы «не виноваты» в этом, — скажут нам.

Тем хуже для правительства и для Советов, — ответим мы, — ибо тогда, значит, они — ноли; они марионетки, реальная власть не у них.

Народ должен прежде всего и больше всего знать *правду* — знать, в чьих же руках на деле государственная власть. Надо говорить народу всю правду: власть в руках военной клики Кавеньяков (Керенского, неких генералов, офицеров и т. д.), коих поддерживает буржуазия, как класс, с партией к.-д. во главе ее, и со всеми монархистами, действующими через все черносотенные газеты, чрез «Новое Время», «Живое Слово» и пр. и пр.

Эту власть надо свергнуть. Без этого все фразы о борьбе с контрреволюцией пустые фразы, «самообман и обман народа».

Эту власть поддерживают сейчас и министры Церетели и Черновы и их партии: надо разъяснить народу их палаческую роль и неизбежность такого «финала» этих партий после их «ошибок» 21 апреля, 5 мая, 9 июня, 4 июля, после их одобрения политики наступления, — политики, на девять десятых предрешившей победу Кавеньяков в июле.

Всю агитацию в народе надо перестроить так, чтобы она учитывала конкретный опыт именно теперешней революции и в особенности июльских дней, т. е., чтобы она ясно указывала настоящего врага народа, военную клику, кадетов и черносотенцев, и чтобы она определенно разоблачала те мелкобуржуазные партии, партии эсеров и меньшевиков, которые сыграли и играют роль пособников палачества.

Всю агитацию в народе надо перестроить так, чтобы выяснить полнейшую безнадежность получения земли крестьянами, пока не свергнута власть военной клики, пока не разоблачены и не лишены народного доверия партии эсеров и меньшевиков. Это был бы очень долгий и очень трудный процесс при «нормальных» условиях капиталистического развития, но и война и экономическая разруха ускорят дело в громадных размерах. Это — такие «ускорители», которые месяц и даже неделю могут приравнять году.

Вероятно, против сказанного выше выдвинуты были бы два возражения: первое, что говорить сейчас о решительной борьбе значит поощрять разрозненные выступления, которые

помогли бы именно контрреволюции; второе, что ее свержение означает переход власти все же в руки Советов.

В ответ на первое возражение мы скажем: рабочие России уже достаточно сознательны, чтобы не поддаваться на провокацию в заведомо невыгодный для них момент. Что теперь выступать и сопротивляться им значило бы помочь контрреволюции, это бесспорно. Что решительная борьба возможна лишь при новом подъеме революции в самых глубоких массах, это тоже бесспорно. Но не достаточно говорить о подъеме революции, о приливе ее, о помощи западных рабочих и т. д. вообще, надо сделать определенный вывод из нашего прошлого, надо учесть именно наши уроки. А этот учет даст именно лозунг решительной борьбы против захватившей власть контрреволюции.

Второе возражение тоже сводится к подмену конкретных истин чересчур общими рассуждениями. Свержение буржуазной контрреволюции не может дать ничто, никакая сила, кроме революционного пролетариата. Именно революционный пролетариат, после опыта июля 1917 года, и должен самостоятельно взять в свои руки государственную власть — вне этого победы революции *быть не может*. Власть у пролетариата, поддержка его беднейшим крестьянством или полупролетариями, — вот единственный выход, и мы ответили уже, какие именно обстоятельства могут чрезвычайно ускорить его.

Советы могут и должны будут появиться в этой новой революции, но *не* теперешние Советы, не органы соглашения с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней. Что мы и тогда будем за построение всего государства по типу Советов, это так. Это не вопрос о Советах вообще, а вопрос о борьбе с *данной* контрреволюцией и с предательством *данных* Советов.

Подменять конкретное абстрактным один из самых главных грехов, самых опасных грехов в революции. Данные Советы провалились, потерпели полный крах из-за господства в них партий эсеров и меньшевиков. В данную минуту эти Советы похожи на баранов, которые приведены на бойню, поставлены под топор и жалобно мычат. Советы *теперь* бессильны и беспомощны перед победившей и побеждающей контрреволюцией. Лозунг передачи власти Советам может быть понят, как «простой» призыв к переходу власти именно к данным Советам, а говорить это, призывать к этому значило бы теперь обманывать народ. Нет ничего опаснее обмана.

Цикл развития классовой и партийной борьбы в России с 27 февраля по 4 июля закончился. Начинается новый цикл, в который входят не старые классы, не старые партии, не

старые Советы, а обновленные огнем борьбы, закаленные, обученные, пересозданные ходом борьбы. Надо смотреть не назад, а вперед. Надо оперировать не со старыми, а с новыми, послеиюльскими, классовыми и партийными категориями. Надо исходить, при начале нового цикла, из победившей буржуазной контрреволюции, победившей благодаря соглашательству с ней эсеров и меньшевиков и могущей быть побежденной только революционным пролетариатом. В этом новом цикле, конечно, будут еще многообразные этапы и до окончательной победы контрреволюции и до окончательного поражения (без борьбы) эсеров и меньшевиков и до нового подъема новой революции. Об этом, однако, говорить можно будет лишь позже, когда наметятся эти этапы в отдельности...

Написано в середине июля 1917 г.

*Напечатано в 1917 г. отдельной
брошюрой, изданной Кронштадтским
комитетом РСДРП(б)*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 34, стр. 10—17*

УРОКИ РЕВОЛЮЦИИ

Всякая революция означает крутой перелом в жизни громадных масс народа. Если не назрел такой перелом, то настоящей революции произойти не может. И как всякий перелом в жизни любого человека многому его учит, заставляет его многое пережить и перечувствовать, так и революция дает всему народу в короткое время самые содержательные и ценные уроки.

За время революции миллионы и десятки миллионов людей учатся в каждую неделю большему, чем в год обычной, сонной жизни. Ибо на крутом переломе жизни целого народа становится особенно ясно видно, какие классы народа преследуют те или иные цели, какую силу они обладают, какими средствами они действуют.

Всякий сознательный рабочий, солдат, крестьянин должен внимательно вдуматься в уроки русской революции, особенно теперь в конце июля, когда ясно стало видно, что первая полоса нашей революции кончилась неудачей.

I

В самом деле, посмотрим, чего добивались массы рабочих и крестьян, совершая революцию? Чего ждали они от революции? Известно, что они ждали свободы, мира, хлеба, земли.

Что же мы видим теперь?

Вместо свободы начинают восстанавливать прежний произвол. Вводят смертную казнь для солдат на фронте¹⁰⁰, привлекают крестьян к суду за самочинный захват помещичьей земли. Громят типографии рабочих газет. Закрывают без суда рабочие газеты. Арестуют большевиков, часто не предъявляя

даже никаких обвинений или предъявляя обвинения явно клеветнические.

Возразят, пожалуй, что преследования большевиков не составляют нарушения свободы, ибо преследуют только определенных лиц за определенные обвинения. Но это возражение — заведомая и очевидная неправда, ибо как же можно громить типографию и закрывать газеты за преступления отдельных лиц, будь даже эти обвинения доказаны и признаны судом. Другое дело, если бы правительство признало законом преступными всю партию большевиков, самое направление их, взгляды их. Но всякий знает, что ничего подобного правительство свободной России сделать не могло и не сделало.

Главное разоблачение клеветнического характера обвинений против большевиков состоит в том, что газеты помещиков и капиталистов бешено бранили большевиков за их борьбу против войны, против помещиков и против капиталистов, и требовали открыто ареста и преследования большевиков еще тогда, когда ни одно обвинение ни против одного большевика не было еще придумано.

Народ хочет мира. А революционное правительство свободной России снова повело захватную войну, на основе тех самых тайных договоров, которые бывший царь Николай II заключил с английскими и французскими капиталистами в интересах ограбления чужих народов русскими капиталистами. Эти тайные договоры так и остались неопубликованными. Правительство свободной России отделалось отговорками, так и не предложив справедливого мира всем народам.

Хлеба нет. Голод опять надвигается. Все видят, что капиталисты и богатые бессовестно обманывают казну на военных поставках (война стоит теперь народу 50 миллионов рублей ежедневно), наживают неслыханные прибыли на высоких ценах, а для серьезного учета производства продуктов и распределения их рабочими ровно ничего не сделано. Капиталисты наглеют все больше, выбрасывая рабочих на улицу, — и это в такое время, когда народ бедствует от бестоварья.

Громадное большинство крестьян заявило громко и ясно на длинном ряде съездов, что они объявляют помещичью собственность на землю несправедливостью и грабежом. А правительство, называющее себя революционным и демократическим, продолжает месяцами водить крестьян за нос и надувать их обещаниями и оттяжками. Министру Чернову капиталисты месяцами не позволяли издавать законы о запрещении купли-продажи земли. А когда, наконец, этот закон

был издан, то капиталисты подняли гнусную клеветническую травлю против Чернова и продолжают эту травлю по сейчас. Правительство дошло до такой наглости в защите помещиков, что начинает привлекать крестьян к суду за «самочинные» захваты.

Крестьян водят за нос, убеждая подождать до Учредительного собрания. А созыв этого собрания капиталисты все оттягивают. Теперь, когда этот созыв, под влиянием требования большевиков, назначен на 30-е сентября, капиталисты открыто кричат, что это «невозможно» короткий срок и требуют отложить созыв Учредительного собрания... Самые влиятельные члены партии капиталистов и помещиков, партии «кадетов» или партии «народной свободы», например, Панина, прямо проповедуют отсрочку созыва Учредительного собрания до окончания войны.

С землей подожди до Учредительного собрания. С Учредительным собранием подожди до конца войны. С концом войны подожди до полной победы. Вот что выходит. Над крестьянами прямо издеваются капиталисты и помещики, имея свое большинство в правительстве.

II

Но как же могло это случиться в свободной стране, после свержения царской власти?

В несвободной стране управляют народом царь и кучка помещиков, капиталистов, чиновников, никем не выбранные.

В свободной стране управляют народом только те, кто им самим выбран для этого. При выборах народ делится на партии, и обыкновенно каждый класс населения составляет свою отдельную партию, например, помещики, капиталисты, крестьяне, рабочие составляют отдельные партии. Поэтому управление народом в свободных странах происходит посредством открытой борьбы партий и свободного соглашения их между собой.

После свержения царской власти 27-го февраля 1917 года Россия управлялась в течение приблизительно 4-х месяцев как свободная страна, именно посредством открытой борьбы свободно образуемых партий и свободного соглашения между ними. Чтобы понять развитие русской революции, всего необходимее, следовательно, изучить, каковы были главные партии, интересы каких классов они защищали, каковы были взаимоотношения всех этих партий.

III

После свержения царской власти государственная власть перешла в руки первого Временного правительства. Оно состояло из представителей буржуазии, т. е. капиталистов, к которым присоединились и помещики. Партия «кадетов», главная партия капиталистов, стояла на первом месте, как правящая и правительственная партия буржуазии.

Власть досталась в руки этой партии не случайно, хотя боролись с царскими войсками, проливали кровь за свободу не капиталисты, конечно, а рабочие и крестьяне, матросы и солдаты. Власть досталась в руки партии капиталистов потому, что этот класс имел в руках силу богатства, организации и знания. За время после 1905 года и особенно в течение войны класс капиталистов и примыкающих к ним помещиков в России сделал больше всего успехов в деле своей организации.

Партия кадетов всегда была монархической, и в 1905 году, и с 1905 по 1917 год. После победы народа над царской тиранией эта партия объявила себя республиканской. Опыт истории показывает, что партии капиталистов, когда народ побеждал монархию, всегда соглашались быть республиканскими, лишь бы отстоять привилегии капиталистов и их всевластие над народом.

На словах партия кадетов стоит за «народную свободу». На деле она стоит за капиталистов, и на ее сторону тотчас же встали все помещики, все монархисты, все черносотенцы. Доказательство тому — печать и выборы. Все буржуазные газеты и вся черносотенная печать запела после революции в один голос с кадетами. Все монархические партии, не смея выступать открыто, поддерживали на выборах, например, в Петрограде, партию кадетов.

Получив правительственную власть, кадеты все усилия направили на то, чтобы продолжать захватную грабительскую войну, которую начал царь Николай II, заключивший тайные грабительские договоры с английскими и французскими капиталистами. По этим договорам, русским капиталистам обещан, в случае победы, захват и Константинополя, и Галиции, и Армении и т. д. От народа же правительство кадетов отделывалось пустыми отговорками и обещаниями, откладывая все решения важных, необходимых для рабочих и крестьян, дел до Учредительного собрания и не назначая срока его созыва.

Пользуясь свободой, народ начал организовываться самостоятельно. Главной организацией рабочих и крестьян,

которые составляют подавляющее большинство населения России, были Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Эти Советы стали образовываться уже во время февральской революции, и через несколько недель после нее в большинстве крупных городов России и во многих уездах все сознательные передовые люди рабочего класса и крестьянства были объединены Советами.

Советы выбирались вполне свободно. Советы были настоящими организациями масс народа, рабочих и крестьян. Советы были настоящими организациями громадного большинства народа. Рабочие и крестьяне, одетые в военную форму, были вооружены.

Само собой понятно, что Советы могли и должны были взять в свои руки всю государственную власть. Никакой иной власти в государстве, впредь до созыва Учредительного собрания, кроме Советов, не должно было быть. Только тогда наша революция стала бы действительно народной, действительно демократической революцией. Только тогда трудящиеся массы, действительно добивающиеся мира, действительно не заинтересованные в захватной войне, могли бы начать решительно и твердо проводить в жизнь такую политику, которая положила бы конец и захватной войне, и привела бы к миру. Только тогда рабочие и крестьяне смогли бы обуздать капиталистов, наживающих бешеные деньги «на войне» и доведших страну до разрухи и голода. Но в Советах меньшая часть депутатов была на стороне партии революционных рабочих, социал-демократов большевиков, которые требовали передачи всей государственной власти в руки Советов. Большая же часть депутатов в Советах была на стороне партий социал-демократов меньшевиков и эсеров, которые были против передачи власти Советам. Вместо устранения правительства буржуазии и замены его правительством Советов эти партии отстаивали поддержку правительства буржуазии и соглашения с ним, образования общего с ним правительства. В этой политике соглашений с буржуазией партий, которым доверяло большинство народа, эсеров и меньшевиков, заключается главное содержание всего хода развития революции за все 5 месяцев, протекшие с ее начала.

IV

Посмотрим прежде всего на то, как шло это соглашательство эсеров и меньшевиков с буржуазией, а затем поищем объяснения тому обстоятельству, что большинство народа им доверилось.

V

Соглашательство меньшевиков и эсеров с капиталистами происходило во время всех периодов русской революции то в одной, то в другой форме.

В самом конце февраля 1917 года, как только народ победил и царская власть оказалась свергнута, Временное правительство капиталистов включило в свой состав Керенского, как «социалиста». На самом деле Керенский никогда социалистом не был, был только трудовиком, а в «социалистах-революционерах» он стал числиться только с марта 1917 г., когда это было уже безопасно и не безвыгодно. Через Керенского, как товарища председателя Петроградского Совета, Временное правительство капиталистов сейчас же постаралось привязать к себе и приручить Совет. Совет, т. е. преобладавшие в нем эсеры и меньшевики, дал себя приручить, согласившись тотчас после образования Временного правительства капиталистов «поддерживать его», «поскольку» оно выполняет свои обещания.

Совет считал себя проверяющим, контролирующим действия Временного правительства. Вожди Совета учредили так называемую «контактную комиссию», т. е. комиссию для контакта, для соприкосновения с правительством¹⁰¹. В этой контактной комиссии эсеровские и меньшевистские вожди Совета вели постоянные переговоры с правительством капиталистов, будучи, собственно говоря, на положении министров без портфеля или неофициальных министров.

Весь март и почти весь апрель продолжалось такое положение дел. Капиталисты действовали оттяжками и отговорками, стараясь выиграть время. Ни единого, сколько-нибудь серьезного шага для развития революции правительство капиталистов за это время не сделало. Даже для своей прямой непосредственной задачи, для созыва Учредительного собрания, правительство не сделало ровнехонько ничего, не передало вопрос на места, не основало даже еще центральной комиссии по подготовке вопроса. Правительство заботилось об одном: возобновить тайком те грабительские международные договоры, которые царь заключил с капиталистами Англии и Франции, тормозить как можно осторожнее и незаметнее революцию, все обещать, ничего не исполнять. Эсеры и меньшевики играли в «контактной комиссии» роль дурачков, которых кормили пышными фразами, обещаниями, «завтраками». Эсеры и меньшевики, как ворона в известной басне, поддавались на лесть, с удовольствием выслушивали

уверения капиталистов, что они высоко ценят Советы и ни шагу не делают без них.

В действительности же время шло, и правительство капиталистов ровно ничего не сделало для революции. Против же революции оно успело за это время возобновить тайные грабительские договоры, вернее, подтвердить их и «оживить» дополнительными столь же тайными переговорами с дипломатами англо-французского империализма. Против революции оно успело за это время положить основание контрреволюционной организации (или по крайней мере сближению) генералов и офицеров действующей армии. Против революции оно успело начать организацию промышленников, фабрикантов, заводчиков, которые вынуждены были делать уступку за уступкой под напором рабочих, но в то же время начинали саботировать (портить) производство и готовить остановку его, выжидая для этого удобный момент.

Но организация передовых рабочих и крестьян в Советах неуклонно шла вперед. Лучшие люди угнетенных классов чувствовали, что правительство, несмотря на его соглашение с Петроградским Советом, несмотря на велеречивость Керенского, несмотря на «контактную комиссию», остается врагом народа, врагом революции. Массы чувствовали, что если не сломить сопротивление капиталистов, то дело мира, дело свободы, дело революции будет неизбежно проиграно. В массах нарастало нетерпение и озлобление.

VI

Оно прорвалось 20—21 апреля. Движение вспыхнуло стихийно, никем не подготовленное. Движение было настолько резко направлено против правительства, что один полк выступил даже вооруженным и явился к Мариинскому дворцу, чтобы арестовать министров. Всем стало до очевидности ясно, что правительство держаться не может. Советы могли (и должны были) взять власть в свои руки без малейшего сопротивления с чьей бы то ни было стороны. Вместо этого эсеры и меньшевики поддержали падающее правительство капиталистов, запутали себя еще больше соглашательством с ним, сделали еще более роковые, ведущие к гибели революции, шаги.

Революция учит все классы с быстротой и основательностью, невиданными в обычное, мирное время. Капиталисты, наилучше организованные, наиболее опытные в делах классовой борьбы и политики, научились быстрее других. Видя, что положение правительства неудержимо, они прибегли к приему, который в течение целого ряда десятилетий после

1848 года практиковался капиталистами других стран для одурачения, разделения и обессиления рабочих. Этот прием — так называемое «коалиционное», т. е. соединенное, составленное из буржуазии и перебежчиков социализма, общее министерство.

В тех странах, где дольше всего существует свобода и демократия наряду с революционным рабочим движением, в Англии и во Франции, капиталисты много раз и с большим успехом употребляли этот прием. «Социалистические» вожди, входя в министерство буржуазии, непременно оказывались подставными фигурами, куклами, ширмой для капиталистов, орудием обмана рабочих. «Демократические и республиканские» капиталисты России пустили в ход этот самый прием. Эсеры и меньшевики сразу дали себя одурачить, и 6-го мая «коалиционное» министерство с участием Чернова, Церетели и К^о стало фактом.

Дурачки эсеровской и меньшевистской партий ликовали, купаясь самовлюбленно в лучах министерской славы их вождей. Капиталисты потирали руки от удовольствия, получив себе помощников против народа в лице «вождей Советов», получив обещание от них поддерживать «наступательные действия на фронте», т. е. возобновление приостановившейся было империалистической, грабительской войны. Капиталисты знали все надутое бессилие этих вождей, знали, что обещания со стороны буржуазии — насчет контроля и даже организации производства, насчет политики мира и т. п. — никогда не будут исполнены.

Так и оказалось. Вторая полоса в развитии революции, с 6 мая по 9 или по 18 июня, вполне подтвердила расчет капиталистов на легкость одурачения эсеров и меньшевиков.

Пока Пешехонов и Скобелев обманывали себя и народ пышными фразами, что с капиталистов возьмут 100% прибыли, что их «сопротивление сломлено» и т. п., — капиталисты продолжали укрепляться. Ничего, ровнехонько ничего на деле не было за это время предпринято для обуздания капиталистов. Министры из перебежчиков социализма оказывались говорильными машинами для отвода глаз угнетенным классам, а весь аппарат государственного управления оставался на деле в руках бюрократии (чиновничества) и буржуазии. Пресловутый Пальчинский, товарищ министра промышленности, был типичным представителем этого аппарата, тормозящим какие бы то ни было меры против капиталистов. Министры болтали — все оставалось по-старому.

Министр Церетели в особенности был употребляем буржуазией для борьбы против революции. Его посылали

«успокаивать» Кронштадт, когда тамошние революционеры дошли до такой продерзости, что посмели сместить назначенного комиссара. Буржуазия открыла в своих газетах неимоверно шумную, злостную, бешеную кампанию лжи, клеветы и травли против Кронштадта, обвиняя его в желании «отложиться от России», повторяя эту и подобные нелепости на тысячу ладов, запугивая мелкую буржуазию и филистеров. Типичнейший представитель тупого, запуганного филистерства, Церетели всех «добросовестнее» попадался на удочку буржуазной травли, всех усерднее «громил и усмирять» Кронштадт, не понимая своей роли лакея контрреволюционной буржуазии. Выходило так, что он являлся орудием проведения такого «соглашения» с революционным Кронштадтом, что комиссар в Кронштадте не назначался просто-напросто правительством, а выбирался на месте и *утверждался* правительством. На подобные жалкие компромиссы тратили свое время министры, перебежавшие от социализма к буржуазии.

Там, где не мог бы появиться министр-буржуа с защитой правительства, перед революционными рабочими или в Советах, там появлялся (вернее: туда посылался буржуазией) «социалистический» министр Скобелев, Церетели, Чернов и т. п. и добросовестно выполнял буржуазное дело, лез из кожи, защищая министерство, обелял капиталистов, одурачивал народ повторением обещаний; обещаний и обещаний, советами погодить, погодить и погодить.

Министр Чернов был занят в особенности торговлей со своими буржуазными коллегами: до самого июля месяца, до открывшегося тогда, после движения 3—4 июля, нового «кризиса власти», до ухода кадетов из министерства, министр Чернов все время занят был полезным, интересным, глубоко-народным делом «уговаривания» своих буржуазных коллег, усовещивания их согласиться хотя бы на запрещение земельных сделок купли-продажи. Это запрещение было торжественнейшим образом обещано крестьянам на Всероссийском съезде (совете) крестьянских депутатов в Питере. Но обещание так и осталось обещанием. Чернов так и не мог выполнить его ни в мае, ни в июне, до тех самых пор, пока революционная волна стихийного взрыва 3—4 июля, совпавшая с уходом кадетов из министерства, не дала возможность провести этой меры. Но и тогда эта мера оказалась одинокой, бессильной внести серьезные улучшения в дело борьбы крестьянства против помещиков за землю.

На фронте в это время ту контрреволюционную, империалистическую задачу возобновления империалистической, грабительской войны, ту задачу, которую не мог выполнить не-

нависший над народом Гучков, с успехом и блеском выполнял «революционный демократ» Керенский, новоиспеченный член партии социалистов-революционеров. Он упивался собственным красноречием, ему курили фимиам империалисты, игравшие им, как пешкой, ему льстили, его боготворили — все за то, что он верой и правдой служил капиталистам, убеждая «революционные войска» согласиться на возобновление войны, ведущейся во исполнение договоров царя Николая II с капиталистами Англии и Франции, войны ради получения русскими капиталистами Константинополя и Львова, Эрзерума и Трапезунда.

Так прошла вторая полоса русской революции с 6 мая по 9 июня. Контрреволюционная буржуазия усилилась, укрепилась под прикрытием и под защитой «социалистических» министров, подготовив наступление и против внешнего врага и против внутреннего, т. е. революционных рабочих.

VII

9-го июня партия революционных рабочих, большевиков, готовила демонстрацию в Питере, чтобы дать организованное выражение неудержимо нараставшему недовольству и возмущению масс. Запутавшиеся в соглашениях с буржуазией, связанные империалистской политикой наступления, эсеровские и меньшевистские вожди пришли в ужас, чувствуя потерю своего влияния в массах. Поднялся всеобщий вой против демонстрации, вой, объединивший на этот раз контрреволюционных кадетов с эсерами и меньшевиками. Под их руководством, в результате их политики соглашательства с капиталистами, поворот мелкобуржуазных масс к союзу с контрреволюционной буржуазией определился вполне, обрисовался с поразительной наглядностью. В этом историческое значение, в этом классовый смысл кризиса 9 июня.

Большевики отменили демонстрацию, вовсе не желая вести рабочих на отчаянный бой, в данный момент, против объединенных кадетов, эсеров и меньшевиков. Но эти последние, чтобы сохранить хоть какой-нибудь остаточек доверия масс, вынуждены были назначить общую демонстрацию на 18-ое июня. Буржуазия была вне себя от ярости, справедливо видя в этом колебание мелкобуржуазной демократии на сторону пролетариата и решая наступлением на фронте парализовать действие демократии.

Действительно, 18-ое июня дало замечательно внушительную победу лозунгов революционного пролетариата, лозунгов большевизма, среди петербургских масс, а 19-го июня было

торжественно объявлено буржуазией и бонапартистом* Керенским о начавшемся именно 18-го июня наступлении на фронте.

Наступление означало фактически возобновление грабительской войны в интересах капиталистов, вопреки воле громадного большинства трудящихся. Поэтому с наступлением неизбежно было связано, с одной стороны, гигантское усиление шовинизма и переход военной (а следовательно, и государственной) власти к военной шайке бонапартистов, а с другой стороны, переход к насилию над массами, к преследованию интернационалистов, к отмене свободы агитации, к арестам и расстрелам тех, кто против войны.

Если 6-ое мая привязало эсеров и меньшевиков к победной колеснице буржуазии канатом, то 19-ое июня приковало их, как слуг капиталистов, цепью.

VIII

Озлобление масс, вследствие возобновившейся грабительской войны, естественно возросло еще быстрее и сильнее. 3—4 июля последовал взрыв их возмущения, взрыв, который большевики пытались сдержать и которому они, разумеется, должны были постараться придать наиболее организованную форму.

Эсеры и меньшевики, как рабы буржуазии, прикованные господином, согласились на все: и на привод реакционных войск в Питер, и на восстановление смертной казни, и на разоружение рабочих и революционных войск, и на аресты, преследования, закрытие газет без суда. Власть, которую не могла взять целиком буржуазия в правительстве, которую не хотели взять Советы, власть скатилась в руки военной клики, бонапартистов, целиком поддержанной, разумеется, кадетами и черносотенцами, помещиками и капиталистами.

Со ступеньки на ступеньку. Раз вступив на наклонную плоскость соглашательства с буржуазией, эсеры и меньшевики покатались неудержимо вниз и докатились до дна. 28-го февраля они обещали в Петроградском Совете условную поддержку буржуазному правительству. 6-го мая они спасли его

* Бонапартизмом (по имени двух французских императоров Бонапартов) называется такое правительство, которое старается казаться непартийным, используя крайне острую борьбу партий капиталистов и рабочих друг с другом. На деле служа капиталистам, такое правительство всего больше обманывает рабочих обещаниями и мелкими подачками.

от краха и дали превратить себя в слуг и защитников его, согласившись на наступление. 9-го июня они соединились с контрреволюционной буржуазией в походе бешеной злобы, лжи и клеветы против революционного пролетариата. 19-го июня они одобрили начавшееся возобновление грабительской войны. 3-го июля они согласились на вызов реакционных войск: начало окончательной сдачи власти бонапартистам. Со ступеньки на ступеньку.

Такой позорный финал партий эсеров и меньшевиков не случайность, а подтвержденный много раз опытом Европы результат экономического положения мелких хозяев, мелкой буржуазии.

IX

Всякий наблюдал, конечно, как мелкие хозяйчики выбиваются из сил, тянутся «выйти в люди», попасть в настоящие хозяева, подняться до положения «крепкого» хозяина, до положения буржуазии. Пока господствует капитализм иного выхода мелким хозяевам нет: либо перейти самим на положение капиталистов (а это возможно в лучшем случае для одного мелкого хозяйчика из сотни), либо перейти в положение разоренного хозяйчика, полупролетария, а затем — пролетария. Так и в политике: мелкобуржуазная демократия, особенно в лице ее вождей, тянется за буржуазией. Вожди мелкобуржуазной демократии утешают свои массы обещаниями и уверениями насчет возможности соглашения с крупными капиталистами, — в лучшем случае, на самое короткое время они получают от капиталистов уступочки для небольшого верхнего слоя трудящихся масс, а во всем решающем, во всем важном мелкобуржуазная демократия всегда оказывалась в хвосте буржуазии, бессильным придатком ее, послушным орудием в руках финансовых королей. Опыт Англии и Франции много раз подтверждал это.

Опыт русской революции, когда события, особенно под влиянием империалистской войны и созданного ею глубочайшего кризиса, развивались с необычайной быстротой, этот опыт с февраля по июль 1917 года подтвердил старую марксистскую истину о неустойчивости положения мелкой буржуазии замечательно ярко, наглядно.

Урок русской революции: трудящимся массам нет спасения от железных тисков войны, голода, порабощения помещикам и капиталистам, иначе как в полном разрыве с партиями эсеров и меньшевиков, в ясном сознании их предательской роли, в отказе от каких бы то ни было соглашательств с буржуазией, в решительном переходе на сторону

революционных рабочих. Революционные рабочие, если их поддержат беднейшие крестьяне, одни только в состоянии сломить сопротивление капиталистов, повести народ к завоеванию земли без выкупа, к полной свободе, к победе над голодом, к победе над войной, к справедливому и прочному миру.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Статья эта, как видно из текста, написана в конце июля.

История революции за август вполне подтвердила сказанное в статье. Затем в конце августа восстание Корнилова¹⁰² создало новый поворот революции, показав наглядно всему народу, что кадеты в союзе с контрреволюционными генералами стремятся разогнать Советы и восстановить монархию. Насколько силен этот новый поворот революции, удастся ли ему положить конец губительной политике соглашательства с буржуазией, — покажет недалекое будущее...

Н. Ленин

6 сентября 1917 г.

*Написано в конце июля;
послесловие — 6 (19) сентября 1917 г.*

*Напечатано 12 и 13 сентября
(30 и 31 августа) 1917 г.*

в газете «Рабочий» №№ 8 и 9

*Подпись: в № 8 — Н — к о в,
в № 9 — Н. Л е н и н*

*Послесловие — в 1917 г. в брошюре:
Н. Ленин. «Уроки революции», П.,
изд. «Прибой»*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 34, стр. 53—69*

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ РСДРП

Возможно, что эти строки опоздают, ибо события развиваются с быстротой иногда прямо головокружительной. Я пишу это в среду, 30 августа, читать это будут адресаты не раньше пятницы, 2 сентября. Но все же, на риск, считаю долгом написать следующее.

Восстание Корнилова есть крайне неожиданный (в такой момент и в такой форме неожиданный) и прямо-таки невероятно крутой поворот событий.

Как всякий крутой поворот, он требует пересмотра и изменения тактики. И, как со всяким пересмотром, надо быть архиосторожным, чтобы не впасть в беспринципность.

По моему убеждению, в беспринципность впадают те, кто (подобно Володарскому) скатывается до оборончества или (подобно другим большевикам) до блока с эсерами, до *поддержки* Временного правительства. Это архиневерно, это беспринципность. Мы станем оборонцами *лишь после* перехода власти к пролетариату, *после* предложения мира, *после* разрыва тайных договоров и связей с банками, *лишь после*. Ни взятие Риги, ни взятие Питера не сделает нас оборонцами. (Очень бы просил дать это прочесть Володарскому.) До тех пор мы за пролетарскую революцию, мы против войны, мы *не* оборонцы.

И поддерживать правительство Керенского мы *даже теперь* не должны. Это беспринципность. Спросят: неужели не биться против Корнилова? Конечно, да! Но это не одно и то же; тут есть грань; ее переходят иные большевики, впадая в «соглашательство», давая *увлечь* себя потоку событий.

Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, *как и* войска Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость. Это разница. Это разница довольно тонкая, но архисущественная и забывать ее нельзя.

В чем же изменение нашей тактики после восстания Корнилова?

В том, что мы видоизменяем *форму* нашей борьбы с Керенским. Ни на йоту не ослабляя вражды к нему, не беря назад ни слова, сказанного против него, не отказываясь от задачи свержения Керенского, мы говорим: надо *учесть* момент, сейчас свергать Керенского мы не станем, мы *иначе* теперь подойдем к задаче борьбы с ним, именно: разъяснять народу (борющемуся против Корнилова) *слабость* и *шатания* Керенского. Это делалось и раньше. Но теперь это стало *главным*: в этом видоизменение.

Далее, видоизменение в том, что теперь *главным* стало: усиление агитации за своего рода «частичные требования» к Керенскому — арестуй Милюкова, вооружи питерских рабочих, позови кронштадтские, Выборгские и Гельсингфорские войска в Питер, разгони Государственную думу, арестуй Родзянку, узаконь передачу помещичьих земель крестьянам, введи рабочий контроль за хлебом и за фабриками и пр. и пр. И не только к Керенскому, *не столько* к Керенскому должны мы предъявлять эти требования, сколько к рабочим, солдатам и к крестьянам, *увлеченным* ходом борьбы против Корнилова. *Увлекать* их дальше, поощрять их избивать генералов и офицеров, высказывавшихся за Корнилова, настаивать, чтобы *они* требовали тотчас передачи земли крестьянам, наводить *их* на мысль о необходимости ареста Родзянки и Милюкова, разгона Государственной думы, закрытия «Речи» и др. буржуазных газет, следствия над ними. «Левых» эсеров¹⁰³ особенно надо толкать в эту сторону.

Неверно было бы думать, что мы *дальше* отошли от задачи завоевания власти пролетариатом. Нет. Мы чрезвычайно приблизились к ней, но *не прямо*, а со стороны. И агитировать надо *сию минуту* не столько прямо против Керенского, сколько *косвенно*, против него же, но косвенно, именно: требуя активной и активнейшей, истинно революционной войны с Корниловым. Развитие этой войны одно только может *нас* привести к власти и *говорить* в агитации об этом поменьше надо (твердо памятуя, что завтра же события могут нас поставить у власти и тогда мы ее не выпустим). Помоему, это бы следовало в письме к агитаторам (не в печати) сообщить коллегиям агитаторов и пропагандистов, вообще членам партии. С фразами об обороне страны, о едином фронте революционной демократии, о поддержке Временного правительства и проч. и проч. надо бороться беспощадно, именно как с *фразами*. Теперь-де время *дела*: вы, гг. эсеры и меньшевики, давно эти фразы истрепали. Теперь время *дела*,

войну против Корнилова надо вести революционно, втягивая массы, поднимая их, разжигая их (а Керенский боится масс, боится народа). В войне против немцев именно теперь нужно *дело: тотчас и безусловно предложить мир на точных условиях*. Если сделать это, то можно добиться либо быстрого мира, либо превращения войны в революционную, иначе все меньшевики и эсеры остаются лакеями империализма.

Р. С. Прочитав, *после* написания этого, шесть номеров «Рабочего»¹⁰⁴, должен сказать, что совпадение у нас получилось полное. Приветствую ото всей души превосходные передовицы, обзор печати и статьи В. М—на и Вол—го. О речи Володарского прочел письмо его в редакцию¹⁰⁵, которое тоже «ликвидирует» мои упреки. Еще раз лучшие приветы и пожелания!

Ленин

*Написано 30 августа (12 сентября)
1917 г.*

*Впервые напечатано 7 ноября 1920 г.
в газете «Правда» № 250*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 34, стр. 119—121*

О КОМПРОМИССАХ

Компромиссом называется в политике уступка некоторых требований, отказ от части своих требований в силу соглашения с другой партией.

Обычное представление обывателей о большевиках, поддерживаемое клеветущей на большевиков печатью, состоит в том, что большевики ни на какие компромиссы не согласны, ни с кем, никогда.

Такое представление лестно для нас, как партии революционного пролетариата, ибо оно доказывает, что даже враги вынуждены признать нашу верность основным принципам социализма и революции. Но надо все же сказать правду: такое представление не соответствует истине. Энгельс был прав, когда в своей критике манифеста бланкистов-коммунистов (1873 г.) высмеивал их заявление: «никаких компромиссов!»¹⁰⁶. Это фраза, говорил он, ибо компромиссы борющейся партии часто с неизбежностью навязываются обстоятельствами, и нелепо раз навсегда отказаться «принимать уплату долга по частям»¹⁰⁷. Задача истинно революционной партии не в том, чтобы провозгласить невозможным отказ от всяких компромиссов, а в том, чтобы *через все компромиссы*, поскольку они неизбежны, уметь провести верность своим принципам, своему классу, своей революционной задаче, своему делу подготовки революции и воспитания масс народа к победе в революции.

Пример. Идти на участие в III и IV Думе был компромисс, временный отказ от революционных требований. Но это был абсолютно вынужденный компромисс, ибо соотношение сил исключало для нас, на известное время, массовую революционную борьбу, а для длительной подготовки ее *надо*

было уметь работать и *изнутри* такого «хлева». Что такая постановка вопроса большевиками, как партией, оказалась вполне верной, это доказала история.

Теперь на очереди вопрос не о вынужденном, а о добровольном компромиссе.

Наша партия, как и всякая другая политическая партия, стремится к политическому господству *для себя*. Наша цель — диктатура революционного пролетариата. Полгода революции с необыкновенной яркостью, силой и внушительностью подтвердили правильность и неизбежность такого требования в интересах именно *данной* революции, ибо ни демократического мира, ни земли крестьянству, ни полной свободы (вполне демократической республики) получить народу иначе нельзя. Ход событий за полгода нашей революции, борьба классов и партий, развитие кризисов 20—21 апреля, 9—10, 18—19 июня, 3—5 июля, 27—31 августа и доказали, и показали это.

Теперь наступил такой крутой и такой оригинальный поворот русской революции, что мы можем, как партия, предложить добровольный компромисс — правда, не буржуазии, нашему прямому и главному классовому врагу, а нашим ближайшим противникам, «главенствующим» мелкобуржуазно-демократическим партиям, эсерам и меньшевикам.

Лишь как исключение, лишь в силу особого положения, которое, очевидно, продержится лишь самое короткое время, мы можем предложить компромисс этим партиям, и мы должны, мне кажется, сделать это.

Компромиссом является, с нашей стороны, наш возврат к доиюльскому требованию: вся власть Советам, ответственное перед Советами правительство из эсеров и меньшевиков.

Теперь, и только теперь, может быть *всего в течение нескольких дней* или на одну — две недели, такое правительство могло бы создаться и упрочиться вполне мирно. Оно могло бы обеспечить, с гигантской вероятностью, мирное движение *вперед* всей российской революции и чрезвычайно большие шансы больших шагов вперед всемирного движения к миру и к победе социализма.

Только во имя этого мирного развития революции — возможности, *крайне* редкой в истории и *крайне* ценной, возможности, исключительно редкой, только во имя ее большевики, сторонники всемирной революции, сторонники революционных методов, могут и должны, по моему мнению, идти на такой компромисс.

Компромисс состоял бы в том, что большевики, не претендуя на участие в правительстве (невозможно для интерна-

ционалиста без фактического осуществления условий диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства), отказались бы от выставления немедленно требования перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам, от революционных методов борьбы за это требование. Условием, само собою разумеющимся и не новым для эсеров и меньшевиков, была бы полная свобода агитации и созыва Учредительного собрания без новых оттяжек или даже в более короткий срок.

Меньшевики и эсеры, как правительственный блок, согласились бы (предполагая компромисс осуществленным) составить правительство целиком и исключительно ответственное перед Советами, при передаче в руки Советов всей власти и на местах. В этом бы состояло «новое» условие. Никаких других условий большевики, я думаю, не поставили бы, полагаясь на то, что действительно полная свобода агитации и немедленное осуществление нового демократизма в составлении Советов (перевыборы их) и в функционировании их сами собою обеспечили бы мирное движение революции вперед, *мирное изживание* партийной борьбы внутри Советов.

Может быть это *уже* невозможно? Может быть. Но если есть даже один шанс из ста, то попытка осуществления такой возможности все-таки стоила бы того, чтобы осуществить ее.

Что выиграли бы обе «соглашающиеся» стороны от этого «компромисса», т. е. большевики, с одной, блок эсеров и меньшевиков, с другой стороны? Если обе стороны ничего не выигрывают, то компромисс надо признать невозможным, и тогда не к чему говорить о нем. Как ни труден теперь (после июля и августа, двух месяцев, равняющихся двум десяткам лет «мирного», сонного времени) этот компромисс, мне кажется, есть один маленький шанс на его осуществление, и шанс этот создан решением эсеров и меньшевиков не идти в правительство вместе с кадетами.

Большевики выиграли бы то, что получили бы возможность вполне свободно агитировать за свои взгляды и при условиях действительно полного демократизма добиваться влияния в Советах. На словах «все» признают теперь эту свободу за большевиками. На деле она *невозможна* при буржуазном правительстве или при правительстве с участием буржуазии, при правительстве ином кроме советского. При советском правительстве такая свобода была бы *возможна* (не говорим: наверняка обеспечена, но все же возможна). Из-за такой возможности в такое трудное время следовало бы пойти на компромисс с советским большинством нынешнего дня. *Нам* бояться, при действительной демократии, нечего, ибо жизнь за нас, и даже ход развития течений внутри вра-

ждебных нам партий эсеров и меньшевиков подтверждает нашу правоту.

Меньшевики и эсеры выиграли бы то, что получили бы сразу полную возможность осуществить программу *своего* блока, опираясь на заведомо громадное большинство народа и обеспечив себе «мирное» пользование своим большинством в Советах.

Конечно, из этого блока, неоднородного как потому, что он блок, так и потому, что мелкобуржуазная демократия *всегда* менее однородна, чем буржуазия и чем пролетариат, из этого блока раздались бы, вероятно, два голоса.

Один голос сказал бы: нам никак не по пути с большевиками, с революционным пролетариатом. Он все равно потребует чрезмерного и демагогически увлечет крестьянскую бедноту. Он потребует мира и разрыва с союзниками. Это невозможно. Нам ближе и вернее с буржуазией, ведь мы не разошлись с ней, а только *поссорились* ненадолго, и только из-за одного инцидента с Корниловым. Поссорились — помиримся. Притом большевики ровно ничего нам не «уступают», ибо попытки восстания с их стороны все равно так же обречены на поражение, как Коммуна 1871 года.

Другой голос сказал бы: ссылка на Коммуну очень поверхностна и даже глупа. Ибо, во-первых, большевики все же кое-чему научились после 1871 года, они не оставили бы банк не взятым в свои руки, они не отказались бы от наступления на Версаль; а при таких условиях даже Коммуна могла победить. Кроме того, Коммуна не могла предложить народу сразу того, что смогут предложить большевики, если станут властью, именно: землю крестьянам, немедленное предложение мира, настоящий контроль над производством, честный мир с украинцами, финляндцами и проч. У большевиков, вульгарно выражаясь, вдесятеро больше «козырей» в руках, чем у Коммуны. А во-вторых, Коммуна как-никак означает тяжелую гражданскую войну, долгую задержку после этого мирного культурного развития, облегчение операций и проделок всяких Мак-Магонов и Корниловых, а такие операции угрожают всему нашему буржуазному обществу. Разумно ли рисковать Коммуной?

А Коммуна неизбежна в России, если мы не возьмем власть, если дело останется в столь же тяжком положении, как было с 6 мая по 31 августа. Всякий революционный рабочий и солдат неизбежно будет думать о Коммуне, верить в нее, неизбежно сделает попытку осуществить ее, рассуждая: народ гибнет, война, голод, разорение идут все дальше. Только Коммуна спасет. Погибнем, умрем все, но осуществим

Коммуну. Такие мысли неизбежны у рабочих, и победить Коммуну теперь не удастся так легко, как в 1871 году. У русской Коммуны будут в 100 раз сильнее союзники во всем мире, чем в 1871 году... Разумно ли нам рисковать Коммуной? Не могу также согласиться с тем, что большевики нам, в сущности, ничего не дают своим компромиссом. Ибо во всех культурных странах культурные министры очень ценят всякое, даже маленькое, соглашение с пролетариатом во время войны. Очень и очень ценят. А ведь это деловые люди, настоящие министры. Большевики же усиливаются довольно быстро, несмотря на репрессии, несмотря на слабость их прессы... Разумно ли нам рисковать Коммуной?

У нас обеспеченное большинство, до пробуждения крестьянской бедноты еще не так близко, на наш век хватит. Чтобы в крестьянской стране большинство пошло за крайними, не верю. А против заведомого большинства, в действительно демократической республике восстание невозможно. Так сказал бы второй голос.

Пожалуй, найдется и третий голос, из среды каких-нибудь сторонников Мартова или Спиридоновой, который скажет: меня возмущает, «товарищи», что вы оба, рассуждая о Коммуне и ее возможности, без колебаний становитесь на сторону ее противников. Один в одной форме, другой в иной, но оба на стороне тех, кто подавил Коммуну. Я не пойду агитировать за Коммуну, не могу заранее обещать биться в ее рядах, как сделает всякий большевик, но я должен все же сказать, что *если* Коммуна, *вопреки* моим усилиям, вспыхнет, я скорее помогу ее защитникам, чем ее противникам...

Разноголосица в «блоке» большая и неизбежная, ибо в мелкобуржуазной демократии представлена тьма оттенков, от вполне министриабельного вполне буржуа до полунещега, еще не совсем способного перейти на позицию пролетария. И каков будет в каждый данный момент этой разноголосицы результат ее, — никто не знает.

* * *

Предыдущие строки писаны в пятницу, 1-го сентября, и по случайным условиям (при Керенском, скажет история, не все большевики пользовались свободой выбора местожительства) не попали в редакцию в этот же день. А по прочтении субботних и сегодняшних, воскресных газет, я говорю себе: пожалуй, предложение компромисса уже запоздало. Пожалуй, те несколько дней, в течение которых мирное развитие было *еще* возможно, *тоже* прошли. Да, по всему видно, что они уже

прошли¹⁰⁸. Керенский уйдет, так или иначе, и из партии эсеров и от эсеров и укрепитя при помощи буржуа без эсеров, благодаря их бездействию... Да, по всему видно, что дни, когда случайно стала возможной дорога мирного развития, уже миновали. Остается послать эти заметки в редакцию с просьбой озаглавить их: «Запоздалые мысли»... иногда, может быть, и с запоздалыми мыслями ознакомиться небезынтересно.

3-го сентября 1917 г.

*Написано 1—3 (14—16) сентября
1917 г.*

*Напечатано 19 (6) сентября 1917 г.
в газете «Рабочий Путь» № 3
Подпись: Н. Л е н и н*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 34, стр. 133—139*

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МОМЕНТЕ ¹⁰⁹

На основании резолюции о политическом положении, принятой Шестым съездом РСДРП (большевиков) ¹¹⁰, и применяя эту резолюцию к данному моменту, ЦК РСДРП в своем пленарном заседании устанавливает:

1. За два месяца, с 3 июля по 3 сентября, ход классовой борьбы и развитие политических событий подвинули всю страну вперед, вследствие неслыханной быстроты революции, настолько, насколько длинный ряд лет не мог бы подвинуть страны в мирное время, без революции и без войны.

2. Все очевиднее выясняется, что события 3—5 июля были переломным пунктом всей революции. Без правильной оценки этих событий невозможна правильная оценка ни задач пролетариата, ни быстроты развития революционных событий, зависящей не от нашей воли.

3. Клеветы, с невероятным усердием распространявшиеся против большевиков буржуазией и брошенные ею в народные массы чрезвычайно широко благодаря миллионам, вложенным в капиталистические газеты и издательства, эти клеветы разоблачаются все быстрее и все шире. Сначала рабочим массам в столице и в крупных городах, а затем и крестьянству становится все очевиднее, что клеветы на большевиков есть одно из главных оружий помещиков и капиталистов в борьбе с защитниками интересов рабочих и беднейших крестьян, т. е. большевиками.

4. Восстание Корнилова, т. е. генералов и офицеров, за которыми стоят помещики и капиталисты с партией кадетов (партией «народной свободы») во главе их, это восстание пыталось прямо прикрыться повторением старой клеветы на большевиков и тем самым способствовало окончательному

открытию глаз наиболее широких народных масс на истинное значение оклеветания буржуазией большевистской рабочей партии, партии истинных защитников бедноты.

5. Если бы наша партия отказалась от поддержки стихийно вспыхнувшего, вопреки нашим попыткам удержать его, движения масс 3—4 июля, то это было бы прямой и полной изменой пролетариату, ибо массы пришли в движение, законно и справедливо возмущенные затягиванием империалистской, т. е. захватной и грабительской, в интересах капиталистов ведущейся, войны и бездействием правительства и Советов против буржуазии, усиливающей и обостряющей разруху и голод.

6. Несмотря на все усилия буржуазии и правительства, несмотря на аресты сотен большевиков, захват их бумаг, документов, обыски в редакциях и пр., — несмотря на все это не удалось и никогда не удастся доказать ту клевету, будто наша партия ставила какую-нибудь иную цель движению 3—4 июля кроме «мирной и организованной» демонстрации с лозунгом передачи всей власти в государстве Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

7. Было бы ошибкой, если бы 3—4 июля большевики поставили своей задачей взятие власти, ибо большинство не только народа, но и рабочих не испытало еще тогда на деле контрреволюционной политики генералов в армии, помещиков в деревне, капиталистов в городе, политики, показавшей себя массам после 5 июля и порожденной соглашательством эсеров и меньшевиков с буржуазией. Но ни одна, ни центральная, ни местная организация нашей партии не только не выставляла ни письменно, ни устно лозунга захвата власти 3—4 июля, но и не ставила даже этого вопроса на обсуждение.

8. Действительной ошибкой нашей партии в дни 3—4 июля, обнаруженной теперь событиями, было только то, что партия считала общенародное положение *менее* революционным, чем оно оказалось, что партия считала *еще* возможным мирное развитие политических преобразований путем перемены политики Советами, тогда как на самом деле меньшевики и эсеры настолько уже запутали и связали себя соглашательством с буржуазией, а буржуазия настолько стала контрреволюционной, что ни о каком мирном развитии не могло уже быть и речи. Но этого ошибочного взгляда, который подкреплялся только надеждой на то, что события не будут развиваться слишком быстро, этого ошибочного взгляда партия не могла изжить иначе, как участием в народном движении

3—4 июля с лозунгом «вся власть Советам» и с задачей придать движению мирный и организованный характер.

9. Историческое значение восстания Корнилова состоит именно в том, что оно с чрезвычайной силой открыло массам народа глаза на ту истину, которая была прикрыта и прикрывается до сих пор соглашательской фразой эсеров и меньшевиков, именно: помещики и буржуазия, с партией к.-д. во главе, и стоящие на их стороне генералы и офицеры сорганизовались, они готовы совершить и совершают самые неслыханные преступления, отдать Ригу (а затем и Петроград) немцам, открыть им фронт, отдать под расстрел большевистские полки, начать мятеж, повести на столицу войска с «дикой дивизией» во главе и т. д. — все это ради того, чтобы захватить всю власть в руки буржуазии, чтобы укрепить власть помещиков в деревне, чтобы залить страну кровью рабочих и крестьян.

Восстание Корнилова доказало для России то, что для всех стран доказала вся история, именно, что буржуазия предаст родину и пойдет на все преступления, лишь бы отстоять свою власть над народом и свои доходы.

10. Перед рабочими и крестьянами России нет абсолютно никакого выхода кроме самой решительной борьбы и победы над помещиками и буржуазией, над партией к.-д., над генералами и офицерами, сочувствующими ей. А на такую борьбу и на такую победу может вести народ, т. е. всех трудящихся, только городской рабочий класс, если в его руки перейдет вся государственная власть и если его поддержат беднейшие крестьяне.

11. События в русской революции, особенно после 6-го мая и еще более после 3-го июля, развиваются с такой невероятной быстротой вихря или урагана, что задачей партии никак не может быть ускорение их; напротив, все усилия должны быть направлены на то, чтобы не отстать от событий и поспевать с нашей работой посильного уяснения рабочим и трудящимся перемен в положении и в ходе классовой борьбы. Именно такова главная задача партии и теперь: разъяснять массам, что положение страшно критическое, что всякое выступление может окончиться взрывом, что поэтому преждевременное восстание способно принести величайший вред. А вместе с тем критическое положение неизбежно подводит рабочий класс — и может быть с катастрофической быстротой — к тому, что он, в силу поворота событий от него независящего, окажется вынужденным вступить в решительный бой с контрреволюционной буржуазией и завоевать власть.

12. Восстание Корнилова вполне вскрыло тот факт, что армия, вся армия *ненавидит ставку*. Это должны были признать даже такие меньшевики и эсеры, которые месяцами усилий доказали свою ненависть к большевикам и свою защиту политики соглашения рабочих и крестьян с помещиками и буржуазией. Ненависть армии к ставке не ослабеет, а усилится после того, как правительство Керенского ограничилось заменой Корнилова Алексеевым, оставив на месте Клембовского и других корниловских генералов, не делая ровно ничего серьезного для демократизации армии и удаления контрреволюционного командного состава. Советы, которые терпят и поддерживают эту слабую, колеблющуюся, беспринципную политику Керенского, Советы, которые упустили еще один момент мирно взять всю власть в момент ликвидации восстания Корнилова, эти Советы становятся виновными не только в соглашательстве, но уже в преступном соглашательстве.

Армия, ненавидящая ставку и нежелающая вести войны, на захватный характер которой ей открылись глаза, неизбежно осуждена на новые катастрофы.

13. Рабочий класс, когда он завоюет власть, один только сможет повести политику мира не на словах, как ее ведут меньшевики и эсеры, на деле поддерживающие буржуазию и ее тайные договоры, а на деле. Именно: он немедленно и при каком угодно военном положении, даже если корниловские генералы, сдав Ригу, сдадут и Петроград, предложит *всем* народам открытые, точные, ясные, *справедливые* условия мира. Рабочий класс может сделать это от имени всего народа, ибо подавляющее большинство рабочих и крестьян России высказалось против теперешней захватной войны и за мир на справедливых условиях, без аннексий (захватов) и без контрибуций.

Эсеры и меньшевики обманывают сами себя и обманывают народ, месяцами разговаривая о таком мире. Рабочий класс, завоевав власть, не теряя ни одного дня, предложит его всем.

Капиталисты всех стран с таким трудом сдерживают растущую повсюду рабочую революцию против войны, что если русская революция от бессильных и жалких воздыханий насчет мира перейдет к прямому предложению его, вместе с соглашением и разрывом тайных договоров и т. д., то девяносто девять шансов из ста, что мир наступит быстро, что капиталисты не смогут помешать миру.

А если осуществится наименее вероятный случай, что капиталисты отвергнут, вопреки воле своих народов, условия

мира русского рабочего правительства, то революция в Европе приблизится во сто раз ближе, а армия наших рабочих и крестьян выберет себе не ненавидимых, а уважаемых начальников и полководцев, убедится в справедливости войны после того, как мир предложен, тайные договоры порваны, союз с помещиками и буржуазией прекращен, земля вся передана крестьянам. Только тогда война станет справедливой войной со стороны России, только такую войну поведут рабочие и крестьяне не из-под палки, а добровольно, и такая война еще более приблизит неизбежную рабочую революцию в передовых странах.

14. Рабочий класс, когда он завоюет власть, один только сможет обеспечить немедленный переход всех помещичьих земель безвозмездно к крестьянам. Откладывать этого нельзя. Учредительное собрание узаконит это, но в оттяжках его крестьяне не виноваты. Крестьяне каждый день все более убеждаются в том, что путем соглашения с помещиками и капиталистами нельзя получить землю. Землю можно добыть только при беззаветном, братском союзе беднейших крестьян с рабочими.

Уход Чернова из правительства после того, как Чернов месяцами пытался отстоять интересы крестьян путем уступок и уступочек кадетам-помещикам и все попытки кончились крахом, этот уход особенно наглядно обнаружил безнадежность политики соглашательства. А крестьянство на местах видит и знает, чувствует и осязает, как после 5 июля обнаглели помещики в деревнях и как необходимо обуздать и обезвредить их.

15. Рабочий класс, когда он завоюет власть, один только сможет положить конец разрухе и грозящему голоду. Правительство с 6-го мая обещает контроль и контроль, но оно не сделало и не могло сделать ничего, ибо капиталисты и помещики срывали всю работу. Безработица растет, голод нагнетается, деньги падают в цене, уход Пешехонова после удвоения твердых цен еще более усилит кризис и опять-таки доказывает всю слабость и бессилие правительства. Только рабочий контроль за производством и распределением может спасти дело. Только рабочее правительство обуздает капиталистов, вызовет геройскую поддержку усилий *власти* всеми трудящимися, установит порядок и правильный обмен хлеба на продукты.

16. Доверие крестьянской бедноты к городскому рабочему классу, подорванное на время клеветами буржуазии и надеждами на политику соглашательства, восстанавливается особенно после того, как аресты в деревнях и всяческие пресле-

дования трудящихся после 5-го июля, а затем корниловское восстание открыли глаза народу. Одним из признаков потери народом веры в соглашение с капиталистами является то, что в двух главных партиях, эсеров и меньшевиков, которые эту политику соглашений ввели и провели до конца, все растет, особенно после 5-го июля, недовольство изнутри этих партий, борьба против соглашательства, оппозиция, достигшая около двух пятых (40%) на последнем «Совете» партии социалистов-революционеров и съезде партии меньшевиков.

17. Весь ход событий, все экономические и политические условия, все происшествия в армии готовят все быстрее и быстрее успех завоевания власти рабочим классом, который даст мир, хлеб, свободу, который ускорит победу революции пролетариата и в других странах.

*Написано не позднее 3 (16) сентября
1917 г.*

*Впервые напечатано в 1925 г.
в Ленинском сборнике IV*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 34, стр. 144—150*

ГРОЗЯЩАЯ КАТАСТРОФА И КАК С НЕЙ БОРОТЬСЯ ¹¹¹

ГОЛОД НАДВИГАЕТСЯ

России грозит неминуемая катастрофа. Железнодорожный транспорт расстроен неимоверно и расстраивается все больше. Железные дороги встанут. Прекратится подвоз сырых материалов и угля на фабрики. Прекратится подвоз хлеба. Капиталисты умышленно и неуклонно саботируют (портят, останавливают, подрывают, тормозят) производство, надеясь, что неслыханная катастрофа будет крахом республики и демократизма, Советов и вообще пролетарских и крестьянских союзов, облегчая возврат к монархии и восстановление всевластия буржуазии и помещиков.

Катастрофа невиданных размеров и голод грозят неминуемо. Об этом говорилось уже во всех газетах бесчисленное количество раз. Неимоверное количество резолюций принято и партиями и Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, — резолюций, в которых признается, что катастрофа неминуема, что она надвигается совсем близко, что необходима отчаянная борьба с ней, необходимы «героические усилия» народа для предотвращения гибели и так далее.

Все это говорят. Все это признают. Все это решили.

И ничего не делается.

Прошло полгода революции. Катастрофа надвинулась еще ближе. Дошло до массовой безработицы. Подумать только: в стране бестоварье, страна гибнет от недостатка продуктов, от недостатка рабочих рук, при достаточном количестве хлеба и сырья, — и в такой стране, в такой критический момент выросла массовая безработица! Какое еще нужно доказательство того, что за полгода революции (которую иные называют великой, но которую пока что справедливее было бы, пожалуй, назвать гнилой), при демократической республике, при обилии союзов, органов, учреждений, горделиво именуемых

[illegible]

Капитанура невиданна въ разнородъ и голодъ тропи камен-
хедиса. Одъ зрима, поворнуло зрима въ вѣтъ гарица бугенвиновъ ко-
вѣнство рез. Кошмѣнство колованува реплика и прити и перлинен и
Совѣрши работни, солдари и крестьянскихъ деуриловъ, — редово
цѣи, въ которыхъ прикардѣи, въ казеннаго каменника, въ ота ка-
зненнаго совета Барко, въ необходимомъ обрамленъ, Брѣна се не, въ
забвденно, героическа цѣлиа народа отъ преобразованъ итаки и
зѣн банк

Кто его возлюбил. Кто его изгубил. Кто его привел.
И не было на тот час.

И нурако на дотасуе!

[illegible][illegible][illegible]

Первая страница рукописи В. И. Ленина
«Грозящая катастрофа и как с ней бороться». —
10—14 (23—27) сентября 1917 г.

Уменьшено

себя «революционно-демократическими», на деле ровнехонько ничего серьезного против катастрофы, против голода *не* сделано? Мы приближаемся к краху все быстрее и быстрее, ибо война не ждет, и создаваемое ею расстройство всех сторон народной жизни все усиливается.

А между тем достаточно самого небольшого внимания и размышления, чтобы убедиться в том, что способы борьбы с катастрофой и голодом имеются, что меры борьбы вполне ясны, просты, вполне осуществимы, вполне доступны народным силам и что меры эти *не* принимаются *только* потому, *исключительно* потому, что осуществление их затронет неслыханные прибыли горстки помещиков и капиталистов.

В самом деле. Можно ручаться, что вы не найдете ни одной речи, ни одной статьи в газете любого направления, ни одной резолюции любого собрания или учреждения, где бы не признавалась совершенно ясно и определенно основная и главная мера борьбы, мера предотвращения катастрофы и голода. Эта мера: контроль, надзор, учет, регулирование со стороны государства, установление правильного распределения рабочих сил в производстве и распределении продуктов, сбережение народных сил, устранение всякой лишней траты сил, экономия их. Контроль, надзор, учет — вот первое слово в борьбе с катастрофой и с голодом. Вот что бесспорно и общепризнано. И вот чего как раз *не делают* из боязни посягнуть на всевластие помещиков и капиталистов, на их безмерные, неслыханные, скандальные прибыли, прибыли, которые наживаются на дороговизне, на военных поставках (а на войну «работают» теперь, прямо или косвенно, чуть не все), прибыли, которые все знают, все наблюдают, по поводу которых все ахают и охают.

И ровно ничего для сколько-нибудь серьезного контроля, учета, надзора со стороны государства не делается.

ПОЛНАЯ БЕЗДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Происходит повсеместный, систематический, неуклонный саботаж всякого контроля, надзора и учета, всяких попыток наладить его со стороны государства. И нужна невероятная наивность, чтобы не понимать, — нужно сугубое лицемерие, чтобы прикидываться не понимающим, — откуда этот саботаж исходит, какими средствами он производится. Ибо этот саботаж банкирами и капиталистами, этот *срыв* ими всякого контроля, надзора, учета приспособляется к государственным формам демократической республики, приспособ-

ляется к существованию «революционно-демократических» учреждений. Господа капиталисты великолепно усвоили себе ту истину, которую на словах признают все сторонники научного социализма, но которую меньшевики и эсеры постарались тотчас же забыть, после того как их друзья заняли местечки министров, товарищей министра и т. п. Это именно та истина, что экономическая сущность капиталистической эксплуатации нисколько не затрагивается заменой монархических форм правления республиканско-демократическими и что, следовательно, и наоборот: надо изменить лишь *форму* борьбы за неприкосновенность и святость капиталистической прибыли, чтобы отстоять ее при демократической республике так же успешно, как отстаивали ее при самодержавной монархии.

Современный, новейший, республиканско-демократический саботаж всякого контроля, учета, надзора состоит в том, что капиталисты на словах «горячо» признают «принцип» контроля и необходимость его (как и все меньшевики и эсеры, само собою разумеется), но только настаивают на «постепенном», планомерном, «государственно-упорядоченном» введении этого контроля. На деле же этими благовидными словечками прикрывается *срыв* контроля, превращение его в ничто, в фикцию, игра в контроль, оттяжки всяких деловых и практически-серьезных шагов, создание необыкновенно сложных, громоздких, чиновничье-безжизненных учреждений контроля, которые насквозь зависимы от капиталистов и ровно-хонько ничего не делают и делать не могут.

Чтобы не быть голословным, сошлемся на свидетелей из меньшевиков и эсеров, т. е. тех именно людей, которые имели большинство в Советах за первое полугодие революции, которые участвовали в «коалиционном правительстве» и которые поэтому политически ответственны перед русскими рабочими и крестьянами за попустительство капиталистам, за срыв ими всякого контроля.

В официальном органе самого высшего из так называемых «полномочных» (не шутите!) органов «революционной» демократии, в «Известиях ЦИК» (т. е. Центрального Исполнительного Комитета Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов), в № 164 от 7 сентября 1917 года, напечатано *п о с т а н о в л е н и е* теми же меньшевиками и эсерами созданного и в их руках находящегося специального учреждения по вопросам контроля. Это специальное учреждение — «Экономический отдел» Центрального Исполнительного Комитета. В его постановлении официально признается, как факт, *«полная бездеятельность*

образованных при правительстве центральных органов регулирования экономической жизни».

Не правда ли, разве можно себе представить более красноречивое свидетельство о крахе меньшевистской и эсеровской политики, подписанное руками самих меньшевиков и эсеров?

Еще при царизме необходимость регулирования экономической жизни признана и некоторые учреждения для этого были созданы. Но при царизме разруха росла и росла, достигая чудовищных размеров. Задачей республиканского, революционного правительства было признано сразу принятие серьезных, решительных мер для устранения разрухи. Когда образовывалось «коалиционное», при участии меньшевиков и эсеров, правительство, то в торжественнейшей, всенародной декларации его от 6-го мая было дано обещание и обязательство установить государственный контроль и регулирование. И Церетели и Черновы, а равно все меньшевистские и эсеровские вожди божились и клялись, что они не только ответственны за правительство, но что находящиеся у них в руках «полномочные органы революционной демократии» на деле следят за работой правительства и проверяют ее.

Прошло четыре месяца после 6-го мая, четыре длинных месяца, когда Россия уложила сотни тысяч солдат на нелепое, империалистское, «наступление», когда разруха и катастрофа приближались семимильными шагами, когда летнее время давало исключительную возможность сделать многое и по части судоходного транспорта, и по части земледелия, и по части разведок в горном деле и пр. и т. п., — и через четыре месяца меньшевики и эсеры вынуждены официально признать «полную бездеятельность» образованных при правительстве учреждений контроля!!

И эти меньшевики и эсеры, с серьезным видом государственных мужей, болтают теперь (мы пишем эти строки как раз накануне Демократического совещания 12 сентября¹¹²) о том, что делу можно помочь заменой коалиции с кадетами коалицией с торгово-промышленными Кит Китычами, Рябушинскими, Бубликовыми, Терещенками и К⁰!

Спрашивается, чем объяснить эту поразительную слепоту меньшевиков и эсеров? Следует ли считать их государственными младенцами, которые по крайнему неразумию и наивности не ведают, что творят, и заблуждаются добросовестно? Или обилие занятых местечек министра, товарищей министра, генерал-губернаторов, комиссаров и тому подобное имеет свойство порождать особую, «политическую» слепоту?

ОБЩЕИЗВЕСТНОСТЬ И ЛЕГКОСТЬ МЕР КОНТРОЛЯ

Может возникнуть вопрос, не представляют ли способы и меры контроля чего-либо чрезвычайно сложного, трудного, неиспытанного, даже неизвестного? Не объясняется ли затяжка тем, что государственные люди кадетской партии, торгово-промышленного класса, партий эсеров и меньшевиков в поте лица своего трудятся уже полгода над изысканием, изучением, открытием мер и способов контроля, но задача оказывается неимоверно трудной и все еще не решенной?

Увы! Темным мужичкам, неграмотным и забитым, да обывателям, которые всему верят и ни во что не вникают, стараются «втирать очки» и представить дело в таком виде. В действительности же даже царизм, даже «старый режим», создавая военно-промышленные комитеты, *знал* основную меру, главный способ и путь контроля: объединение населения по разным профессиям, целям работы, отраслям труда и т. п. Но царизм *боялся* объединения населения и потому всячески ограничивал, искусственно стеснял этот общеизвестный, легчайший, вполне применимый, способ и путь контроля.

Все воюющие государства, испытывая крайние тяготы и бедствия войны, испытывая — в той или иной мере — разруху и голод, давно наметили, определили, применили, испробовали *целый ряд* мер контроля, которые почти всегда сводятся к объединению населения, к созданию или поощрению союзов разного рода, при участии представителей государства, при надзоре с его стороны и т. п. Все такие меры контроля общеизвестны, об них много говорено и много писано, законы, изданные воюющими передовыми державами и относящиеся к контролю, переведены на русский язык или подробно изложены в русской печати.

Если бы действительно наше государство *хотело* деловым, серьезным образом осуществлять контроль, если бы его учреждения не осудили себя, своим холопством перед капиталистами, на «полную бездеятельность», то государству оставалось бы лишь черпать обеими руками из богатейшего запаса мер контроля, уже известных, уже примененных. Единственной помехой этому, — помехой, которую прикрывают от глаз народа кадеты, эсеры и меньшевики, — было и остается то, что контроль обнаружил бы бешеные прибыли капиталистов и подорвал бы эти прибыли.

Чтобы нагляднее пояснить этот важнейший вопрос (равносильный, в сущности, вопросу о программе *всякого* действительно революционного правительства, которое захотело бы

спасти Россию от войны и голода), перечислим эти главнейшие меры контроля и рассмотрим каждую из них.

Мы увидим, что правительству, не в насмешку только называемому революционно-демократическим, достаточно было бы, в первую же неделю своего образования, декретировать (постановить, приказать) осуществление главнейших мер контроля, назначить серьезное, нешуточное наказание капиталистам, которые бы обманным путем стали уклоняться от контроля, и призвать само население к надзору за капиталистами, к надзору за добросовестным исполнением ими постановлений о контроле, — и контроль был бы уже давно осуществлен в России.

Вот эти главнейшие меры:

1) Объединение всех банков в один и государственный контроль над его операциями или национализация банков.

2) Национализация синдикатов, т. е. крупнейших, монополистических союзов капиталистов (синдикаты сахарный, нефтяной, угольный, металлургический и т. д.).

3) Отмена коммерческой тайны.

4) Принудительное синдицирование (т. е. принудительное объединение в союзы) промышленников, торговцев и хозяев вообще.

5) Принудительное объединение населения в потребительные общества или поощрение такого объединения и контроль за ним.

Рассмотрим, какое значение имела бы каждая из этих мер, при условии революционно-демократического осуществления ее.

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ БАНКОВ

Банки, как известно, представляют из себя центры современной хозяйственной жизни, главные нервные узлы всей капиталистической системы народного хозяйства. Говорить о «регулировании экономической жизни» и обходить вопрос о национализации банков значит либо обнаруживать самое круглое невежество, либо обманывать «простонародье» пышными словами и велеречивыми обещаниями, при заранее обдуманном решении не исполнять этих обещаний.

Контролировать и регулировать доставку хлеба или вообще производство и распределение продуктов, не контролируя, не регулируя банковых операций, это бессмыслица. Это похоже на ловлю случайно набегающих «копеечек» и на закрывание глаз на миллионы рублей. Современные банки так тесно и неразрывно срослись с торговлей (хлебной и всякой иной) и промышленностью, что, не «накладывая рук» на

банки, решительно ничего серьезного, ничего «революционно-демократического» сделать нельзя.

Но, может быть, это «накладывание рук» государства на банки представляет из себя какую-либо очень трудную и запутанную операцию? Филистеров стараются обыкновенно запугать именно такой картиной — стараются, конечно, капиталисты и их защитники, ибо им это выгодно.

На самом же деле национализация банков, решительно ни одной копейки ни у одного «собственника» не отнимая, абсолютно никаких ни технических, ни культурных трудностей не представляет и задерживается *исключительно* интересами грязной корысти ничтожной горстки богачей. Если национализацию банков так часто смешивают с конфискацией частных имуществ, то виновата в распространении этого смешения понятий буржуазная пресса, интересы которой состоят в обманывании публики.

Собственность на капиталы, которыми орудуют банки и которые сосредоточиваются в банках, удостоверяется печатными и письменными свидетельствами, которые называются акциями, облигациями, векселями, расписками и т. п. Ни единое из этих свидетельств не пропадает и не меняется при национализации банков, т. е. при слиянии всех банков в один государственный банк. Кто владел 15-ью рублями по сберегательной книжке, тот остается владельцем 15-ти рублей и после национализации банков, а кто имел 15 миллионов, у того и после национализации банков остается 15 миллионов в виде акций, облигаций, векселей, товарных свидетельств и тому подобное.

В чем же значение национализации банков?

В том, что за отдельными банками и их операциями никакой действительный контроль (даже если отменена коммерческая тайна и пр.) невозможен, ибо нельзя уследить за теми сложнейшими, запутаннейшими и хитроумнейшими приемами, которые употребляются при составлении балансов, при основании фиктивных предприятий и филиальных отделений, при пускании в ход подставных лиц, и так далее и тому подобное. Только объединение всех банков в один, не означая, само по себе, ни малейших изменений в отношениях собственности, не отнимая, повторяем, ни у одного собственника ни единой копейки, дает *возможность* действительного контроля, — конечно, при условии применения всех других, указанных выше, мероприятий. Только при национализации банков *можно добиться* того, что государство будет знать, куда и как, откуда и в какое время переливают миллионы и миллиарды. И только контроль за банками, за центром, за главным

стержнем и основным механизмом капиталистического оборота позволил бы наладить на деле, а не на словах, контроль за всей хозяйственной жизнью, за производством и распределением важнейших продуктов, наладить то «регулирование экономической жизни», которое иначе осуждено неминуемо оставаться министерской фразой для надувания простонародья. Только контроль за банковыми операциями, при условии их объединения в одном государственном банке, позволяет наладить, при дальнейших легко осуществимых мероприятиях, действительное взывание подоходного налога, без утайки имуществ и доходов, ибо теперь подоходный налог остается в громаднейшей степени фикцией.

Национализацию банков достаточно было бы именно декретировать, — и ее провели бы директора и служащие сами. Никакого особого аппарата, никаких особых подготовительных шагов со стороны государства тут не требуется, эта мера осуществима именно одним указом, «одним ударом». Ибо экономическая возможность такой меры создана как раз капитализмом, раз он доразвился до векселей, акций, облигаций и проч. Тут остается *только объединение счетоводства*, и если бы революционно-демократическое государство постановило: немедленно, по телеграфу созываются в каждом городе собрания, а в области и во всей стране съезды, директоров и служащих для безотлагательного объединения всех банков в один государственный банк, то эта реформа была бы проведена в несколько недель. Разумеется, именно директора и высшие служащие оказали бы сопротивление, постарались надуть государство, оттянуть дело и проч., ибо эти господа потеряли бы свои особенно доходные местечки, потеряли бы возможность особенно прибыльных мошеннических операций; *в этом вся суть*. Но ни малейших технических трудностей объединению банков нет, и если государственная власть не на словах только революционная (т. е. не боится рвать с косностью и рутиной), не на словах только демократическая (т. е. действующая в интересах большинства народа, а не кучки богатеев), то достаточно бы декретировать конфискацию имущества и тюрьму, как наказание директорам, членам правления, крупным акционерам за малейшую оттяжку дела и за попытки сокрытия документов и отчетов, достаточно бы, например, объединить *отдельно* бедных служащих и выдавать им премию за обнаружение обмана и оттяжек со стороны богатых, — и национализация банков прошла бы глаже гладкого, быстрее быстрого.

Выгоды для всего народа и особенно *не* для рабочих (ибо рабочим с банками мало приходится иметь дело), а для

массы крестьян и мелких промышленников, были бы от национализации банков огромные. Сбережение труда получилось бы гигантское, и если предположить, что государство сохранило бы прежнее число банковских служащих, то это означало бы в высшей степени большой шаг вперед в направлении к универсализации (всеобщности) пользования банками, к увеличению числа их отделений, доступности их операций и пр. и пр. Доступность и легкость кредита именно для *мелких* хозяйчиков, для крестьянства, возросла бы чрезвычайно. Государство же впервые получило бы возможность сначала *обозреть* все главные денежные операции, без утайки их, затем *контролировать* их, далее *регулировать* хозяйственную жизнь, наконец *получать* миллионы и миллиарды на крупные государственные операции, не платя «за услугу» бешеных «комиссионных» господам капиталистам. Вот почему — и только поэтому — все капиталисты, все буржуазные профессора, вся буржуазия, все служащие ей Плехановы и Потресовы и К⁰ с пеной у рта готовы воевать против национализации банков, выдумывать тысячи отговорок против этой легчайшей и насущнейшей меры, хотя *даже* с точки зрения «обороны» страны, т. е. с военной точки зрения, эта мера была бы гигантским плюсом, она подняла бы «военную мощь» страны в громадных размерах.

Здесь могут, пожалуй, возразить: отчего же такие передовые государства, как Германия и Соединенные Штаты Америки, проводят в жизнь великолепное «регулирование экономической жизни», и не думая осуществлять национализации банков?

Оттого, — ответим мы, — что эти государства, хотя одно монархия, другое республика, являются *оба* не только капиталистическими, но и империалистскими. Являясь таковыми, они проводят в жизнь необходимые для них преобразования путем реакционно-бюрократическим, мы же говорим здесь о пути революционно-демократическом.

Эта «маленькая разница» имеет очень существенное значение. Об ней большей частью «не принято» думать. Слово: «революционная демократия» стало у нас (особенно у эсеров и меньшевиков) почти что условной фразой, вроде выражения: «слава богу», которое употребляется и людьми, не настолько невежественными, чтобы верить в бога, или вроде выражения: «почтенный гражданин», с которым обращаются иногда даже к сотрудникам «Дня» или «Единства», хотя почти все догадываются, что газеты эти основаны и содержатся капиталистами в интересах капиталистов и что поэтому

участие в них якобы социалистов имеет в себе очень мало «почтенного».

Если слова: «революционная демократия» употреблять не как шаблонную парадную фразу, не как условную кличку, а *думать* над их значением, то быть демократом значит на деле считаться с интересами большинства народа, а не меньшинства, быть революционером значит ломать все вредное, отжившее самым решительным, самым беспощадным образом.

Ни в Америке, ни в Германии ни правительства, ни правящие классы и не претендуют, насколько слышно, на то звание «революционной демократии», на которое претендуют (и которое протитутуют) наши эсеры и меньшевики.

В Германии всего *четыре* крупнейших частных банка, имеющих общенациональное значение, в Америке всего *два*: финансовым королям этих банков легче, удобнее, выгоднее соединяться приватно, тайком, реакционно, а не революционно, бюрократически, а не демократически, подкупая государственных чиновников (это общее правило и в Америке и в Германии), сохраняя частный характер банков именно для сохранения тайны операций, именно для взимания миллионов и миллионов «сверхприбыли» с того же государства, именно для обеспечения мошеннических финансовых проделок.

И Америка и Германия «регулируют экономическую жизнь» так, чтобы рабочим (и крестьянам отчасти) создать *военную каторгу*, а банкирам и капиталистам *рай*. Их регулирование состоит в том, что рабочих «подтягивают» вплоть до голода, а капиталистам обеспечивают (тайком, реакционно-бюрократически) прибыли *выше* тех, какие были до войны.

Такой путь вполне возможен и для республикански-империалистской России; он и осуществляется не только Милюковыми и Шингаревыми, но и Керенским вкупе с Терещенкой, Некрасовым, Бернацким, Прокоповичем и К^о, которые *тоже прикрывают* реакционно-бюрократически «неприкосновенность» банков, их священные права на бешеные прибыли. Давайте же лучше говорить *правду*: в республиканской России хотят реакционно-бюрократически регулировать экономическую жизнь, но затрудняются «часто» провести это в жизнь при существовании «Советов», которых не удалось разогнать Корнилову номер первый, но которые постарается разогнать Корнилов номер второй...

Вот это будет правда. И эта простая, хотя и горькая правда полезнее для просвещения народа, чем сладенькая ложь о «нашей», «великой», «революционной» демократии...

* * *

Национализация банков чрезвычайно облегчила бы одновременную национализацию страхового дела, т. е. объединение всех страховых компаний в одну, централизацию их деятельности, контроль за ней государства. Съезды служащих в страховых обществах и здесь выполнили бы это объединение немедленно и без всякого труда, если бы революционно-демократическое государство декретировало это и предписало директорам правлений, крупным акционерам под строгой ответственностью каждого осуществить объединение без малейшего промедления. В страховое дело вложены капиталистами сотни миллионов, вся работа выполняется служащими. Объединение этого дела понизило бы страховую премию, дало бы массу удобств и облегчений всем страхующимся, позволило бы расширить их круг, при прежней затрате сил и средств. Решительно никаких других обстоятельств, кроме косности, рутины и корысти горстки обладателей доходных местечек, не задерживает этой реформы, которая опять-таки и «оборонеспособность» страны подняла бы, дав сбережение народного труда, открыв ряд серьезнейших возможностей «регулировать экономическую жизнь» на деле, а не на словах.

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ СИНДИКАТОВ

Капитализм тем отличается от старых, докапиталистических систем народного хозяйства, что он создал теснейшую связь и взаимозависимость различных отраслей его. Не будь этого, никакие шаги к социализму, — кстати сказать — были бы технически невыполнимы. Современный же капитализм с господством банков над производством довел эту взаимозависимость различных отраслей народного хозяйства до высшей степени. Банки и крупнейшие отрасли промышленности и торговли срослись неразрывно. С одной стороны, это значит, что нельзя национализировать только банки, не делая шагов к созданию государственной монополии торговых и промышленных синдикатов (сахарный, угольный, железный, нефтяной и пр.), не национализируя эти синдикаты. С другой стороны, это значит, что регулирование экономической жизни, если его осуществлять серьезно, требует одновременно национализации и банков и синдикатов.

Возьмем для примера хоть сахарный синдикат. Он создан еще при царизме и тогда привел к крупнейшему капиталистическому объединению прекрасно оборудованных фабрик и заводов, причем это объединение, разумеется, насквозь проникнуто было реакционнейшим и бюрократическим духом,

обеспечивало скандально-высокие барыши капиталистам, ставило в абсолютно бесправное, униженное, забитое, рабское положение служащих и рабочих. Государство уже тогда контролировало, регулировало производство — в пользу магнатов, богачей.

Тут остается *только* превратить реакционно-бюрократическое регулирование в революционно-демократическое простыми декретами о созыве съезда служащих, инженеров, директоров, акционеров, о введении единообразной отчетности, о контроле рабочих союзов и пр. Это самая простая вещь — и именно она остается *несделанной!!* При демократической республике остается *на деле* реакционно-бюрократическое регулирование сахарной промышленности, все остается по-старому, хищение народного труда, рутина и застой, обогащение Бобринских и Терещенок. Призвать к самостоятельной инициативе демократию, а не бюрократию, рабочих и служащих, а не «сахарных королей», вот что можно и должно бы сделать в несколько дней, одним ударом; — если бы эсеры и меньшевики не затемняли сознание народа планами «коалиции» как раз с этими сахарными королями, как раз той коалиции с богачами, от которой, вследствие которой «полная бездеятельность» правительства в деле регулирования экономической жизни проистекает совершенно неизбежно*.

Возьмите нефтяное дело. Оно «обобществлено» уже предшествующим развитием капитализма в гигантских размерах. Пара нефтяных королей — вот кто ворочает миллионами и сотнями миллионов, занимаясь стрижкой купонов, собиранием сказочных прибылей с «дела», *уже* организованного фактически, технически, общественно в общегосударственных размерах, *уже* ведомого сотнями и тысячами служащих, инженеров и т. д. Национализация нефтяной промышленности возможна *сразу* и обязательна для революционно-демократического государства, особенно когда оно переживает величайший кризис, когда надо во что бы то ни стало сберечь народный труд и увеличивать производство топлива. Понятно, что бюрократический контроль тут ничего не даст, ничего не изменит, ибо и с Терещенками, и с Керенскими, и с Авксентьевыми, и с Скобелевыми «нефтяные короли» справятся так же легко, как справлялись они с царскими министрами, справятся посредством оттяжек, отговорок, обещаний, затем прямого и косвенного подкупа буржуазной прессы (это назы-

* Эти строки были уже написаны, когда я прочел в газетах, что правительство Керенского вводит сахарную монополию и, разумеется, вводит ее реакционно-бюрократически, без съездов служащих и рабочих, без гласности, без обуздания капиталистов!!

вается «общественным мнением» и с этим Керенские и Авксентьевы «считаются»), подкупа чиновников (оставляемых Керенскими и Авксентьевыми на старых местах в старом неприкосновенном государственном аппарате).

Чтобы сделать что-либо серьезное, надо от бюрократии перейти, и действительно революционно перейти, к демократии, т. е. объявить войну нефтяным королям и акционерам, декретировать конфискацию их имущества и наказание тюрьмой за оттяжку национализации нефтяного дела, за сокрытие доходов или отчетов, за саботирование производства, за непринятие мер к повышению производства. Надо обратиться к инициативе рабочих и служащих, *и* их созвать немедленно на совещания и съезды, в *и*х руки передать такую-то долю прибыли при условии создания всестороннего контроля и увеличения производства. Если бы такие революционно-демократические шаги были сделаны тотчас, сразу, в апреле 1917 года, тогда Россия, одна из богатейших стран в мире по запасам жидкого топлива, могла бы сделать за лето, пользуясь водным транспортом, очень и очень многое в деле снабжения народа необходимыми количествами топлива.

Ни буржуазное, ни коалиционное эсеровски-меньшевистски-кадетское правительство не сделали ровно ничего, ограничились бюрократической игрой в реформы. Ни единого революционно-демократического шага предпринять не осмелились. Те же нефтяные короли, тот же застой, та же ненависть рабочих и служащих к эксплуататорам, тот же развал на этой почве, то же хищение народного труда, все как было при царизме, переменились только *заголовки* исходящих и входящих бумаг в «республиканских» канцеляриях!

Относительно угольной промышленности, не менее «готовой» технически и культурно к национализации, не менее бесстыдно управляемой грабителями народа, угольными королями, мы имеем ряд нагляднейших *фактов* прямого саботажа, прямой *порчи* и остановки производства промышленниками. Даже министерская меньшевистская «Рабочая Газета» признала эти факты. И что же? Ровно ничего не сделано, кроме старых, реакционно-бюрократических совещаний «пополам», поровну от рабочих и от разбойников угольного синдиката!! Ни одного революционно-демократического шага, ни тени попытки установления единственно реального контроля *снизу*, через союз служащих, через рабочих, путем террора по отношению к губящим страну и останавливающим производство углепромышленникам! Как же можно, мы ведь «все» за «коалицию», если не с кадетами, то с торгово-промышленными кругами, а коалиция это и значит оставлять у капиталистов

власть, оставлять их безнаказанными, позволять им тормозить дело, валить все на рабочих, усиливать разруху, готовить *таким образом* новую корниловщину!

ОТМЕНА КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ

Без отмены коммерческой тайны контроль за производством и распределением либо остается пустейшим посулом, потребным только для надувания кадетами эсеров и меньшевиков, а эсерами и меньшевиками — трудящихся классов, либо контроль может быть осуществлен только реакционно-бюрократическими способами и мерами. Как ни очевидно это для всякого непредубежденного человека, как ни упорно настаивала на отмене коммерческой тайны «Правда»* (закрывая в значительной степени именно за это правительством Керенского, служащим капиталу), — ни республиканское правительство наше, ни «правомочные органы революционной демократии» и не подумали об этом *первом слове* действительного контроля.

Именно здесь ключ ко всякому контролю. Именно здесь самое чувствительное место капитала, грабящего народ и саботирующего производство. Именно поэтому и боятся эсеры и меньшевики прикоснуться к этому пункту.

Обычный довод капиталистов, повторяемый без размышления мелкой буржуазией, состоит в том, что капиталистическое хозяйство абсолютно не допускает вообще отмены коммерческой тайны, ибо частная собственность на средства производства, зависимость отдельных хозяйств от рынка делает необходимым «священную неприкосновенность» торговых книг и торговых, а в том числе конечно и банковых, оборотов.

Люди, в той или иной форме повторяющие этот или подобные доводы, дают себя в обман и сами обманывают народ, закрывая глаза на два основные, крупнейшие и общеизвестные факта современной хозяйственной жизни. Первый факт: крупный капитализм, т. е. особенности хозяйства банков, синдикатов, больших фабрик и т. д. Второй факт: война.

Именно современный крупный капитализм, становящийся повсюду монополистическим капитализмом, устраняет всякую тень разумности коммерческой тайны, делает ее лицемерием и исключительно орудием скрывания финансовых мошенничеств и невероятных прибылей крупного капитала.

* См. Сочинения, 5 изд., том 32, стр. 203—204, 317, 318—320, 390—392, 393—394, 395—397; 4 изд., том 24, стр. 483—484, том 25, стр. 50, 51—52, 117—119, 120—121, 122—124. *Ред.*

Крупное капиталистическое хозяйство, по самой уже технической природе своей, есть обобществленное хозяйство, т. е. и работает оно на миллионы людей и объединяет своими операциями, прямо и косвенно, сотни, тысячи и десятки тысяч семей. Это не то, что хозяйство мелкого ремесленника или среднего крестьянина, которые вообще никаких торговых книг не ведут и к которым поэтому и отмена торговой тайны не относится!

В крупном хозяйстве операции все равно известны сотням и более лиц. Закон, охраняющий торговую тайну, служит здесь не потребностям производства или обмена, а спекуляции и наживе в самой грубой форме, прямому мошенничеству, которое, как известно, в акционерных предприятиях приобретает особенное распространение и особенно искусно прикрывается отчетами и балансами, комбинируемыми так, чтобы надувать публику.

Если торговая тайна неизбежна в мелком товарном хозяйстве, т. е. среди мелких крестьян и ремесленников, где само производство не обобществлено, распылено, раздроблено, то в крупном капиталистическом хозяйстве охрана этой тайны есть охрана привилегий и прибылей буквально горстки людей *против* всего народа. Это признано уже и законом постольку, поскольку введена публикация отчетов акционерных обществ, но *этот* контроль, — во всех передовых странах, а также в России уже осуществляемый, — есть именно реакционно-бюрократический контроль, который *народу* глаз не открывает, который *не позволяет* знать *всю правду* об операциях акционерных обществ.

Чтобы действовать революционно-демократически, тут следовало бы немедленно издать иной закон, отменяющий торговую тайну, требующий от крупных хозяйств и от богатей самых полных отчетов, предоставляющий любой группе граждан, достигающей солидной демократической численности (скажем, 1000 или 10 000 избирателей), права просмотра *всех* документов любого крупного предприятия. Такая мера вполне и легко осуществима простым декретом; *только* она развернула бы *народную* инициативу контроля через союзы служащих, через союзы рабочих, через все политические партии, только она сделала бы контроль серьезным и демократическим.

Добавьте еще к этому войну. Громадное большинство торгово-промышленных предприятий работает теперь не на «вольный рынок», а *на казну*, на войну. Я говорил уже поэтому в «Правде», что люди, возражающие нам доводами о невозможности введения социализма, лгут и трижды лгут,

ибо речь идет не о введении социализма теперь, непосредственно, с сегодня на завтра, а о *раскрытии казнокрадства* *.

Капиталистическое хозяйство «на войну» (т. е. хозяйство, связанное прямо или косвенно с военными поставками) есть систематическое, узаконенное *казнокрадство*, и господа кадеты, вместе с меньшевиками и эсерами, которые противятся отмене торговой тайны, представляют из себя не что иное, как *пособников и укрывателей казнокрадства*.

Война стоит России теперь 50 миллионов рублей *в день*. Эти 50 миллионов в день идут большею частью военным поставщикам. Из этих 50 миллионов по меньшей мере 5 миллионов *ежедневно*, а вероятнее 10 миллионов и больше, составляют «безгрешные доходы» капиталистов и находящихся в той или иной стачке с ними чиновников. Особенно крупные фирмы и банки, ссужающие деньги под операции с военными поставками, наживаются здесь неслыханные прибыли, наживаются именно казнокрадством, ибо иначе нельзя назвать это надувание и обдирание народа «по случаю» бедствий войны, «по случаю» гибели сотен тысяч и миллионов людей.

Об этих скандальных прибылях на поставках, о «гарантийных письмах», скрываемых банками, о том, кто наживается на растущей дороговизне, — «все» знают, об этом с усмешечкой говорят в «обществе», об этом немало отдельных точных указаний имеется *даже* в буржуазной прессе, по общему правилу замалчивающей «неприятные» факты и обходящей «щекотливые» вопросы. Все знают, — и все молчат, все терпят, все мирятся с правительством, красноречиво говорящим о «контроле» и «регулировании»!!

Революционные демократы, если бы они были действительно революционерами и демократами, немедленно издали бы закон, отменяющий торговую тайну, обязывающий поставщиков и торговцев отчетностью, запрещающий им покидать их род деятельности без разрешения власти, вводящий конфискацию имущества и расстрел ** за утайку и обман народа, организующий проверку и контроль *снизу*, демокра-

* См. Сочинения, 5 изд., том 32, стр. 318—320; 4 изд., том 25, стр. 51—52. *Ред.*

** Мне уже случилось указывать в большевистской печати, что правильным доводом против смертной казни можно признать только применение ее к *массам* трудящихся со стороны эксплуататоров в интересах охраны эксплуатации. (См. Сочинения, 5 изд., том 34, стр. 94—97; 4 изд., том 25, стр. 240—243. *Ред.*) Без смертной казни по отношению к *эксплуататорам* (т. е. помещикам и капиталистам) едва ли обойдется какое ни на есть революционное правительство.

тически, со стороны самого народа, союзов служащих, рабочих, потребителей и т. д.

Наши эсеры и меньшевики вполне заслуживают названия запуганных демократов, ибо по данному вопросу они повторяют то, что говорят все запуганные мещане, именно что капиталисты «разбегутся» при применении «слишком суровых» мер, что без капиталистов «нам» не справиться, что «обидаются», пожалуй, и англо-французские миллионеры, которые ведь нас «поддерживают», и тому подобное. Можно подумать, что большевики предлагают нечто в истории человечества невиданное, никогда не испробованное, «утопичное», тогда как на самом деле уже 125 лет тому назад во Франции люди, действительно бывшие «революционными демократами», действительно убежденные в справедливом, оборонительном характере войны с их стороны, действительно опиравшиеся на народные массы, искренне убежденные в том же, — эти люди умели устанавливать *революционный* контроль за богачами и достигать результатов, пред которыми преклонялся весь мир. А за истекшие пять четвертей века развитие капитализма, создав банки, синдикаты, железные дороги и прочее и прочее, во сто крат облегчило и упростило меры действительно демократического контроля со стороны рабочих и крестьян за эксплуататорами, помещиками и капиталистами.

В сущности говоря, весь вопрос о контроле сводится к тому, кто кого контролирует, т. е. какой класс является контролирующим и какой контролируемым. У нас до сих пор, в республиканской России, при участии «правомочных органов» якобы революционной демократии в роли контролеров признаются и оставляются помещики и капиталисты. В результате неизбежно то мародерство капиталистов, которое вызывает всеобщее возмущение народа, и та разруха, которая искусственно капиталистами поддерживается. Надо перейти решительно, бесповоротно, не боясь рвать со старым, не боясь строить смело новое, к контролю *над* помещиками и капиталистами *со стороны* рабочих и крестьян. А этого наши эсеры и меньшевики пуще огня боятся.

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ В СОЮЗЫ

Принудительное синдицирование, т. е. принудительное объединение в союзы, например, промышленников, уже применено на практике Германией. И тут нет ничего нового. И тут по вине эсеров и меньшевиков мы видим полнейший застой республиканской России, которую сии малопочтенные

партии «занимают» кадрилем, который они танцуют с кадетами, или с Бубликовыми, или с Терещенком и Керенским.

Принудительное синдицирование есть, с одной стороны, своего рода подталкивание государством капиталистического развития, всюду и везде ведущего к организации классовой борьбы, к росту числа, разнообразия и значения союзов. А с другой стороны, принудительное «обсоюзивание» есть необходимое предварительное условие всякого сколько-нибудь серьезного контроля и всякого сбережения народного труда.

Германский закон обязывает, например, кожевенных фабрикантов данной местности или всего государства объединяться в союз, причем представитель государства входит для контроля в правление этого союза. Подобный закон непосредственно, т. е. сам по себе, нисколько не затрагивает отношений собственности, не отнимает ни единой копейки ни у одного собственника и не предрешает еще, будет ли контроль осуществляться в реакционно-бюрократических или в революционно-демократических формах, направлении, духе.

Подобные законы можно и должно бы издать у нас немедленно, не теряя ни одной недели драгоценного времени и предоставляя *самой общественной обстановке* определить более конкретные формы осуществления закона, быстроту его осуществления, способы надзора за его осуществлением и т. д. Государству не нужны тут ни особый аппарат, ни особые изыскания, ни какие бы то ни было предварительные исследования для издания такого закона, нужна лишь решимость порвать с некоторыми частными интересами капиталистов, «не привыкших» к подобному вмешательству, не желающих терять сверхприбыли, обеспечиваемые, наряду с бесконтрольностью, хозяйничаньем по-старинке.

Никакой аппарат и никакая «статистика» (которую Чернов хотел подменить революционную инициативу крестьянства) не нужны для издания такого закона, ибо осуществление его должно быть возложено на самих фабрикантов или промышленников, на *наличные* общественные силы, под контролем тоже наличных общественных (т. е. не правительственных, не бюрократических) сил, только обязательно из так называемых «низших сословий», т. е. из угнетенных, эксплуатируемых классов, которые всегда в истории оказывались неизмеримо *выше* эксплуататоров по способности на героизм, на самопожертвование, на товарищескую дисциплину.

Допустим, что у нас имеется действительно революционно-демократическое правительство и что оно постановляет: все фабриканты и промышленники каждой отрасли производ-

ства, если они занимают, скажем, не менее двух рабочих, обязаны немедленно объединиться в поуездные и погубернские союзы. Ответственность за неуклонное выполнение закона возлагается в первую голову на фабрикантов, директоров, членов правления, крупных акционеров (ибо это все настоящие вожди современной промышленности, настоящие ее хозяева). Они рассматриваются, как дезертиры с военной службы и караются, как таковые, за уклонение от работы по немедленному осуществлению закона, отвечая по круговой поруке, все за одного, один за всех, всем своим имуществом. Затем ответственность возлагается и на всех служащих, тоже обязанных составить *один* союз, и на всех рабочих с их профессиональным союзом. Целью «обсоюзивания» является установление полнейшей, строжайшей и подробнейшей отчетности, а главное *соединение операций* по закупке сырья, по сбыту изделий, *по сбережению* народных средств и сил. Это сбережение при объединении разрозненных предприятий в один синдикат достигает гигантских размеров, как учит экономическая наука, как показывают примеры всех синдикатов, картелей, трестов. Причем еще раз надо повторить, что само по себе это обсоюзивание в синдикат ни на йоту отношений собственности не изменяет, ни одной копейки ни у одного собственника не отнимает. Это обстоятельство приходится усиленно подчеркивать, ибо буржуазная пресса постоянно «пугает» мелких и средних хозяев, будто социалисты вообще, большевики в особенности, хотят «экспроприировать» их: утверждение заведомо лживое, так как социалисты *даже при полном социалистическом* перевороте экспроприировать мелких крестьян не хотят, не могут и не будут. А мы говорим все время *только* о тех ближайших и насущнейших мерах, которые уже осуществлены в Западной Европе и которые сколько-нибудь последовательная демократия должна бы немедленно осуществить у нас для борьбы с грозящей и неминуемой катастрофой.

Серьезные трудности, и технические, и культурные, встретило бы объединение в союзы мельчайших и мелких хозяев, вследствие крайнего раздробления их предприятий, технической примитивности, неграмотности или необразованности владельцев. Но именно эти предприятия могли бы быть исключены из закона (как уже отмечено в нашем предположительном примере, выше), и необъединение их, не говоря уже о запоздании их объединения, серьезной помехи создать бы не могло, ибо роль громадного числа мелких предприятий *ничтожна* в общей сумме производства, в их значении для

народного хозяйства в целом, а кроме того они часто зависят так или иначе от крупных предприятий.

Решающее значение имеют только крупные предприятия, и здесь технические и культурные средства и силы для «об-союзивания» *есть налицо*, недостает только твердой, решительно, беспощадно-суровой по отношению к эксплуататорам инициативы *революционной* власти для того, чтобы эти силы и средства были пущены в ход.

Чем беднее страна технически образованными и вообще интеллигентными силами, тем *насущнее* необходимо как можно быстрее и как можно решительнее декретировать принудительное объединение и начать проведение его с крупнейших и крупных предприятий, ибо именно объединение *сбережет* интеллигентные силы, даст возможность *полностью* использовать и правильнее распределить их. Если даже русское крестьянство в своих захолустьях, при царском правительстве, работая против тысячи препон, создаваемых им, сумело после 1905 года сделать громадный шаг вперед в деле создания всяких союзов, то, разумеется, объединение крупной и средней промышленности и торговли могло бы быть проведено в несколько месяцев, если не быстрее, при условии принуждения к этому со стороны действительно революционно-демократического правительства, опирающегося на поддержку, участие, заинтересованность, выгоды «низов», демократии, служащих, рабочих, — призывающего *их* к контролю.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Война заставила все воюющие и многие нейтральные государства перейти к регулированию потребления. Хлебная карточка появилась на свет божий, стала привычным явлением, потянула за собой и другие карточки. Россия не осталась в стороне и тоже ввела хлебные карточки.

Но именно на этом примере мы можем всего, пожалуй, нагляднее сравнить реакционно-бюрократические методы борьбы с катастрофой, старающиеся ограничиться минимумом преобразований, с революционно-демократическими, которые, чтобы заслуживать свое название, должны ставить своей прямой задачей насильственный разрыв с отжившим старым и возможно большее ускорение движения вперед.

Хлебная карточка, этот типичный образец регулирования потребления в современных капиталистических государствах, ставит своей задачей и осуществляет (в лучшем случае осуществляет) одно: распределить наличное количество хлеба, чтобы всем хватило. Вводится максимум потребления далеко

не всех, а только главных «народных» продуктов. И это все. О большем не заботятся. Бюрократически подсчитывают наличные запасы хлеба, делят их по душам, устанавливают норму, вводят ее и ограничиваются этим. Предметов роскоши не трогают, ибо их «все равно» мало и они «все равно» так дороги, что «народу» недоступны. Поэтому во *всех*, без всякого исключения, воюющих странах, *даже* в Германии, которую, кажется, не вызывая споров, можно счесть образцом самого аккуратного, самого педантичного, самого строгого регулирования потребления, *даже* в Германии мы видим постоянный *обход* богатыми каких бы то ни было «норм» потребления. Это тоже «все» знают, об этом тоже «все» говорят с усмешечкой, и в германской социалистической — а иногда даже буржуазной — прессе, несмотря на свирепости казарменно-строгой немецкой цензуры постоянно встречаются заметки и сообщения о «меню» богачей, о получении белого хлеба в любом количестве богатыми в таком-то курорте (под видом больных его посещают все... у кого много денег), о замене богачами простонародных продуктов изысканными и редкими предметами роскоши.

Реакционное капиталистическое государство, которое *боится* подорвать устои капитализма, устои наемного рабства, устои экономического господства богатых, *боится* развить самостоятельность рабочих и вообще трудящихся, *боится* «разжечь» их требовательность; *такому* государству ничего не нужно, кроме хлебной карточки. Такое государство ни на минуту, ни при одном своем шаге не упускает из виду *реакционной* цели: укрепить капитализм, не дать подорвать его, ограничить «регулирование экономической жизни» вообще, и регулирование потребления в частности, только такими мерами, которые безусловно необходимы, чтобы прокормить народ, отнюдь *не посягая* на действительное регулирование потребления в смысле *контроля за богатыми*, в смысле возложения на них, лучше поставленных, привилегированных, сытых и перекормленных в мирное время, *больших* тягот в военное время.

Реакционно-бюрократическое решение задачи, поставленной народам войной, ограничивается хлебной карточкой, распределением поровну абсолютно-необходимых для питания «народных» продуктов, ни на йоту не отступая от бюрократизма и реакционности, именно от цели: самостоятельности бедных, пролетариата, массы народа («демоса») *не поднимать, контроля с их стороны за богатыми не допускать, лазеек для того, чтобы богатые вознаграждали себя предметами роскоши, оставлять побольше*. И во *всех* странах,

повторяем, даже в Германии, — о России нечего и говорить, — лазеек оставлено масса, голодает «простой народ», а богатые ездят в курорты, пополняют скудную казенную норму всяческими «додатками» со стороны и *не* позволяют *себя* контролировать.

В России, только что проделавшей революцию против царизма во имя свободы и равенства, в России, сразу ставшей демократической республикой по ее фактическим политическим учреждениям, особенно бьет в глаза народу, особенно вызывает недовольство, раздражение, озлобление и возмущение масс, что легкость обхода «хлебных карточек» богатыми *все* видят. Легкость эта особенно велика. «Под полой» и за особенно высокую цену, особенно «*при связях*» (которые есть только у богатых), достают все и помногу. Голодает народ. Регулирование потребления ограничивается самыми узкими, бюрократически-реакционными рамками. Со стороны правительства нет и тени помышления, ни тени заботы о том, чтобы поставить это регулирование на началах действительно революционно-демократических.

От хвостов страдают «все», но... но богатые посылают прислугу стоять в хвостах и нанимают даже для этого особую прислугу! Вот вам и «демократизм»!

Революционно-демократическая политика во время неслыханных бедствий, переживаемых страной, для борьбы с надвигающейся катастрофой, не ограничилась бы хлебными карточками, а добавила бы к ним, во-первых, принудительное объединение всего населения в потребительные общества, ибо без такого объединения контроль за потреблением полностью провести нельзя; во-вторых, трудовую повинность для богатых, с тем чтобы они обслуживали бесплатно эти потребительные общества секретарским и другим подобным трудом; в-третьих, раздел поровну между населением действительно всех продуктов потребления, чтобы тягости войны распределялись действительно равномерно; в-четвертых, организацию контроля такую, чтобы потребление именно богатых контролировали бедные классы населения.

Создание действительного демократизма в этой области, проявление действительной революционности в организации контроля как раз наиболее нуждающимися классами народа было бы величайшим толчком к напряжению каждой наличной интеллигентной силы, к развитию действительно революционной энергии всего народа. А то теперь министры республиканской и революционно-демократической России совершенно так же, как их собратья во всех остальных империалистских странах, говорят пышные слова об «общем труде на

пользу народа», о «напряжении всех сил», но именно народ видит, чувствует и осязает лицемерность этих слов.

Получается топтание на месте и неудержимый рост развала, приближение катастрофы, ибо по-корниловски, по-гинденбургски, по общему империалистскому образцу ввести военной каторги для рабочих наше правительство не может — слишком еще живы в народе традиции, воспоминания, следы, навыки, учреждения *революции*; а сделать действительно серьезные шаги по пути революционно-демократическому наше правительство не хочет, ибо оно насквозь пропитано и сверху донизу опутано отношениями зависимости от буржуазии, «коалиции» с ней, боязнью затронуть ее фактические привилегии.

РАЗРУШЕНИЕ РАБОТЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ

Мы рассмотрели различные способы и методы борьбы с катастрофой и голодом. Мы видели повсюду непримиримость противоречия между демократией, с одной стороны, и правительством, а также поддерживающим его блоком эсеров и меньшевиков, с другой. Чтобы доказать, что эти противоречия существуют в действительности, а не только в нашем изложении, и что непримиримость их доказывается *фактически* конфликтами, имеющими общенародное значение, достаточно напомнить два особенно типичных «итога» и урока полугодовой истории нашей революции.

История «царствования» Пальчинского — один урок. История «царствования» и падения Пешехонова — другой.

В сущности, описанные выше меры борьбы с катастрофой и голодом сводятся к всестороннему поощрению (вплоть до принуждения) «обсоюзивания» населения и в первую голову демократии, т. е. большинства населения, — значит, прежде всего угнетенных классов, рабочих и крестьян, особенно беднейших. И на этот путь стихийно стало становиться население само для борьбы с неслыханными трудностями, тяготами и бедствиями войны.

Царизм всячески тормозил самостоятельное и свободное «обсоюзивание» населения. Но после падения царской монархии демократические организации стали возникать и быстро расти по всей России. Борьбу с катастрофой повели самочинные демократические организации, всякого рода комитеты снабжения, продовольственные комитеты, совещания по топливу и прочее и тому подобное.

И вот, самое замечательное во всей полугодовой истории нашей революции по рассматриваемому вопросу состоит в том, что *правительство*, называющее себя республиканским и революционным, правительство, *поддерживаемое* меньшевиками и эсерами от имени «полномочных органов революционной демократии», это правительство *боролось против* демократических организаций и *побороло их!!*

Пальчинский приобрел себе этой борьбой самую печальную и самую широкую, всероссийскую известность. Он действовал за спиной правительства, не выступая открыто перед народом (совершенно так же, как предпочитали действовать кадеты вообще, охотно выдвигавшие «для народа» Церетели, а сами обделывавшие втихомолку все важные дела). Пальчинский тормозил и срывал всякие серьезные меры самочинных демократических организаций, ибо ни одна серьезная мера не могла состояться без «ущерба» безмерных прибылей и самодурства Кит Китычей. А Пальчинский именно верным защитником и слугой Кит Китычей и был. Доходило до того, — и этот факт был опубликован в газетах — что Пальчинский прямо *отменял* распоряжения самочинных демократических организаций!!

Вся история «царствования» Пальчинского — а он «царствовал» много месяцев и как раз тогда, когда Церетели, Скобелев, Чернов были «министрами», — есть один сплошной, безобразный скандал, срыв воли народа, решения демократии, *в угоду* капиталистам, ради их грязной корысти. В газетах могла появиться, разумеется, лишь ничтожная доля «подвигов» Пальчинского, и полное расследование того, как он *мешал* борьбе с голодом, удастся осуществить только истинно демократическому правительству пролетариата, когда он завоюет власть и *на суд* народа отдаст, без утайки, дела Пальчинского и подобных ему.

Возразят, пожалуй, что Пальчинский ведь был исключением и вот его же ведь удалили... Но в том-то и дело, что Пальчинский — не исключение, а *правило*, что с удалением Пальчинского дело ничуть не улучшилось, что его место заняли такие же Пальчинские с иной фамилией, что все «*влияние*» капиталистов, вся политика *срыва борьбы с голодом в угоду им* осталась неприкосновенною. Ибо Керенский и К^о — лишь ширма защиты интересов капиталистов.

Самое наглядное доказательство тому — уход из министерства Пешехонова, министра продовольствия. Как известно, Пешехонов — народник самый, самый умеренный. Но по организации продовольственного дела он хотел работать добросовестно, в связи с демократическими организациями, опи-

раясь на них. Тем интереснее *опыт* работы Пешехонова и *уход* его, что этот умереннейший народник, член «народно-социалистической» партии, готовый идти на какие угодно компромиссы с буржуазией, все же оказался вынужденным уйти! Ибо правительство Керенского, в угоду капиталистам, помещикам и кулакам, *повысило* твердые цены на хлеб!!

Вот как описывает М. Смит в газете «Свободная Жизнь»¹¹³ № 1, от 2 сентября, этот «шаг» и его значение:

«За несколько дней до принятия правительством повышения твердых цен в общегосударственном Продовольственном комитете произошла такая сцена: представитель правой, Ролович, упорный защитник интересов частной торговли и беспощадный враг хлебной монополии и государственного вмешательства в экономическую жизнь, заявил во всеуслышание с самодовольной улыбкою, что по его сведениям твердые цены на хлеб будут в скором времени повышены.

Представитель же Совета рабочих и солдатских депутатов заявил в ответ на это, что ему ничего подобного не известно, что пока в России длится революция, такой акт не может иметь места, и что во всяком случае правительство не может пойти на этот акт без совещания с правомочными органами демократии — Экономическим советом и общегосударственным Продовольственным комитетом. К этому заявлению присоединился и представитель Совета крестьянских депутатов.

Но, увы! Действительность внесла в эту контroversию весьма жестокую поправку: правы оказались не представители демократии, а представитель цензовых элементов. Он оказался прекрасно осведомленным по поводу готовящегося покушения на права демократии, хотя представители ее и отвергли с негодованием самую возможность такого покушения».

Итак, и представитель рабочих и представитель крестьянства заявляют определенно свое мнение от имени гигантского большинства народа, а правительство Керенского поступает наоборот, в интересах капиталистов!

Ролович, представитель капиталистов, оказался превосходно осведомленным за спиной демократии — совершенно так же, как мы всегда наблюдали и теперь наблюдаем наилучшую осведомленность буржуазных газет, «Речи» и «Биржевки», о том, что происходит в правительстве Керенского.

На что указывает эта замечательная осведомленность? Ясно: на то, что капиталисты имеют свои «ходы» и держат *фактически* власть в своих руках. Керенский — подставная фигура, которую они пускают в ход, так и тогда, как и когда им требуется. Интересы десятков миллионов рабочих и крестьян оказываются принесенными в жертву прибылям горстки богачей.

Что же отвечают на это возмутительное издевательство над народом наши эсеры и меньшевики? Может быть, они обратились к рабочим и крестьянам с воззванием, что Керенскому и его коллегам после этого место только в тюрьме?

Боже упаси! Эсеры и меньшевики, в лице принадлежащего им «Экономического отдела», ограничились принятием грозной резолюции, которую мы уже упоминали! В этой резолюции они заявляют, что повышение хлебных цен правительством Керенского есть «мера *пагубная*, наносящая *сильнейший удар* как продовольственному делу, так и всей хозяйственной жизни страны» и что проведены эти пагубные меры с прямым «*нарушением*» закона!!

Таковы результаты политики соглашательства, политики заигрывания с Керенским и желания «щадить» его!

Правительство нарушает закон, принимая, в угоду богачам, помещикам и капиталистам, такую меру, которая *губит* все дело контроля, продовольствия и оздоровления расшатанных донельзя финансов, — а эсеры и меньшевики продолжают говорить о соглашении с торгово-промышленными кругами, продолжают ходить на совещания с Терещенкой, щадить Керенского и ограничиваются бумажной резолюцией протеста, которую правительство преспокойно кладет под сукно!!

Вот где с особенной наглядностью обнаруживается та истина, что эсеры и меньшевики изменили народу и революции и что действительным вождем масс, *даже* эсеровских и меньшевистских, становятся большевики.

Ибо именно завоевание власти пролетариатом с партией большевиков во главе его, одно в состоянии было бы положить конец творимым Керенскими и К^о безобразиям и *восстановить* ту работу демократических организаций продовольствия, снабжения и т. д., которую Керенский и его правительство *срывают*.

Большевики выступают — на приведенном примере это видно с полнейшей ясностью — как представители интересов *всего* народа, интересов обеспечения дела продовольствия и снабжения, интересов удовлетворения насущнейших нужд рабочих и крестьян вопреки той колеблющейся, нерешительной, поистине изменнической политике эсеров и меньшевиков, которая довела страну до позора, подобного этому повышению цен на хлеб!

ФИНАНСОВЫЙ КРАХ И МЕРЫ ПРОТИВ НЕГО

Вопрос о повышении твердых цен на хлеб имеет также другую сторону. Это повышение означает новое хаотическое увеличение выпуска бумажных денег, новый шаг вперед процесса усиления дороговизны, усиление финансового расстройства и приближение финансового краха. Все признают, что

выпуск бумажных денег является худшим видом принудительного займа, что он ухудшает положение всего сильнее именно рабочих, беднейшей части населения, что он является главным злом финансовой неурядицы.

И именно к этой мере прибегает поддерживаемое эсерами и меньшевиками правительство Керенского!

Для серьезной борьбы с финансовым расстройством и неизбежным финансовым крахом нет иного пути, кроме того революционного разрыва с интересами капитала и организации контроля действительно демократического, т. е. «снизу», контроля рабочих и беднейших крестьян за капиталистами, — того пути, о котором говорит все наше предыдущее изложение.

Необъятный выпуск бумажных денег поощряет спекуляцию, позволяет капиталистам наживать на ней миллионы и создает громадные трудности столь необходимому расширению производства, ибо дороговизна материалов, машин и проч. усиливается и идет вперед скачками. Как помочь делу, когда приобретаемые спекуляцией богатства богатых скрываются?

Можно ввести подоходный налог с прогрессирующими и очень высокими ставками для крупных и крупнейших доходов. Наше правительство, вслед за другими империалистскими правительствами, ввело его. Но он остается в значительной степени фикцией, мертвой буквой, ибо, во-первых, ценность денег все быстрее и быстрее падает, а, во-вторых, утайка доходов тем сильнее, чем больше источником их является спекуляция и чем надежнее охранена коммерческая тайна.

Чтобы сделать налог действительным, а не фиктивным, нужен действительный, не остающийся на бумаге контроль. А контроль за капиталистами невозможен, если он остается бюрократическим, ибо бюрократия тысячами нитей сама связана и переплетена с буржуазией. Поэтому в западноевропейских империалистских государствах, все равно и в монархиях и в республиках, финансовое упорядочение достигается лишь ценой такого введения «трудовой повинности», которое создает для рабочих *военную каторгу* или *военное рабство*.

Реакционно-бюрократический контроль — вот единственное средство, которое знают империалистские государства, не исключая и демократических республик, Франции и Америки, для сваливания тяжестей войны на пролетариат и на трудящиеся массы.

Основное противоречие нашей правительственной политики состоит именно в том, что приходится проводить — дабы

не ссориться с буржуазией, не разрушать «коалиции» с ней — реакционно-бюрократический контроль, называя его «революционно-демократическим», обманывая на каждом шагу народ, раздражая и озлобляя массы, только что свергнувшие царизм.

Между тем именно революционно-демократические меры, объединяя в союзы как раз угнетенные классы, рабочих и крестьян, как раз массы, — давали бы возможность установления самого действительного контроля за богатыми и самой успешной борьбы с утайкой доходов.

Стараются поощрять чековое обращение для борьбы с чрезмерным выпуском бумажных денег. Для бедных эта мера не имеет значения, ибо беднота все равно живет со дня на день, все равно в неделю завершает свой «хозяйственный оборот», возвращая капиталистам те скудные гроши, которые ей удастся заработать. Для богатых чековое обращение могло бы иметь громадное значение, оно позволило бы государству, особенно в связи с такими мерами, как национализация банков и отмена торговой тайны, действительно контролировать доходы капиталистов, действительно облагать их налогом, действительно «демократизировать» (а вместе с тем и упорядочить) финансовую систему.

Но помехой тут является именно боязнь нарушить привилегии буржуазии, разорвать «коалицию» с ней. Ибо без мер истинно революционных, без серьезнейшего принуждения, капиталисты никакому контролю не подчинятся, своих бюджетов не откроют, запасы бумажек не сдадут «под отчет» демократического государства.

Объединенные в союзы рабочие и крестьяне, национализируя банки, вводя чековое обращение как обязательное по закону для всех богатых людей, отменяя торговую тайну, устанавливая конфискацию имущества за утайку доходов и т. п., могли бы с чрезвычайной легкостью сделать контроль и действительным и универсальным, контроль именно за богатыми, контроль именно такой, который вернул бы казне выпускаемые ею бумажные деньги от тех, кто их имеет, от тех, кто их прячет.

Для этого нужна революционная диктатура демократии, возглавляемой революционным пролетариатом, т. е. для этого демократия должна стать революционной на деле. В этом весь гвоздь. Этого-то и не хотят наши эсеры и меньшевики, обманывающие народ *флагом* «революционной демократии» и поддерживающие на деле реакционно-бюрократическую политику буржуазии, которая, как всегда, руководится правилом: «après nous le déluge» — после нас хоть потоп!

Мы не замечаем даже обыкновенно, до какой степени глубоко въелись в нас антидемократические привычки и предрассудки насчет «святости» буржуазной собственности. Когда инженер или банкир публикует доходы и расходы рабочего, данные о его заработках и о производительности его труда, это считается архизаконным и справедливым. Никто не думает усматривать в этом посягательство на «частную жизнь» рабочего, «сыск или донос» инженера. Труд и заработок наемных рабочих буржуазное общество рассматривает *своей* открытой книгой, куда всякий буржуа вправе всегда заглянуть, всегда разоблачить такую-то «роскошь» рабочего, такую-то будто бы «лень» его и т. п.

Ну, а обратный контроль? Что если бы союзы служащих, конторщиков, *прислуги* были приглашены *демократическим* государством к проверке доходов и расходов капиталистов, к публикации данных об этом, к содействию правительству в деле борьбы с утайками доходов?

Какой бы дикий вой подняла буржуазия против «сыска», против «доносов»! Когда «господа» контролируют прислугу, капиталисты — рабочих, это считается в порядке вещей, частная жизнь трудящегося и эксплуатируемого *не* считается неприкосновенной, буржуазия вправе потребовать к отчету каждого «наемного раба», всегда вынести на публику его доходы и расходы. А попытку угнетенных контролировать угнетателя, его доходы и расходы вывести на чистую воду, его роскошь раскрыть, хотя бы даже во время войны, когда эта роскошь вызывает прямой голод и гибель армий на фронте, — о, нет, буржуазия «сыска» и «доносов» не допустит!

Вопрос сводится все к тому же: господство буржуазии с истинно революционным истинно демократизмом *непримиримо*. В XX веке, в капиталистической стране нельзя быть революционным демократом, *если* бояться идти к социализму.

МОЖНО ЛИ ИДТИ ВПЕРЕД, БОЯСЬ ИДТИ К СОЦИАЛИЗМУ?

Предшествующее изложение легко может у читателя, воспитанного на ходячих оппортунистических идеях эсеров и меньшевиков, вызвать такое возражение: большинство описываемых здесь мер, в сущности, не демократические, а *уже* социалистические меры!

Это ходячее возражение, обычное (в той или иной форме) в прессе буржуазной, эсеровской и меньшевистской, есть реакционная защита отсталого капитализма, защита, наряженная по-струвистски. Дескать, мы не созрели для социализма, рано

«вводить» социализм, наша революция буржуазная, — поэтому надо быть в холопах у буржуазии (хотя великие буржуазные революционеры Франции, 125 лет тому назад, сделали свою революцию великой посредством *террора* против всех угнетателей, и помещиков и капиталистов!).

Услужаящие буржуазии горе-марксисты, к которым перешли и эсеры и которые рассуждают так, не понимают (если рассмотреть теоретические основы их мнения), что такое империализм? что такое капиталистические монополии? что такое государство? что такое революционная демократия? Ибо поняв это, нельзя не признать, что нельзя идти вперед, не идя к социализму.

Об империализме говорят все. Но империализм есть не что иное, как монополистический капитализм.

Что в России тоже капитализм стал монополистическим, об этом «Продуголь», «Продамет», сахарный синдикат и пр. свидетельствуют достаточно наглядно. Тот же сахарный синдикат показывает нам воочию перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм.

А что такое государство? Это организация господствующего класса, — например, в Германии юнкеров и капиталистов. Поэтому то, что немецкие Плехановы (Шейдеман, Ленч и др.) называют «военным социализмом», на деле есть военно-государственный монополистический капитализм или, говоря проще и яснее, военная каторга для рабочих, военная охрана прибылей капиталистов.

Ну, а попробуйте-ка подставить *вместо* юнкерски-капиталистического, вместо помещичье-капиталистического государства государство *революционно-демократическое*, т. е. революционно разрушающее *всякие* привилегии, не боящееся революционно осуществлять самый полный демократизм? Вы увидите, что государственно-монополистический капитализм при действительно революционно-демократическом государстве неминуемо, неизбежно означает шаг и шаги к социализму!

Ибо если крупнейшее капиталистическое предприятие становится монополией, значит оно обслуживает весь народ. Если оно стало государственной монополией, значит государство (т. е. вооруженная организация населения, рабочих и крестьян, в первую голову, при условии *революционного демократизма*) — государство направляет все предприятие — в чьих интересах?

— либо в интересах помещиков и капиталистов; тогда мы получаем не революционно-демократическое, а реакционно-бюрократическое государство, империалистскую республику,

— либо в интересах революционной демократии; тогда *это и есть шаг к социализму*.

Ибо социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии. Или иначе: социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, *обращенная на пользу всего народа* и постольку *переставшая* быть капиталистической монополией.

Тут середины нет. Объективный ход развития таков, что от монополий (а война удесятирила их число, роль и значение) вперед идти *нельзя*, не идя к социализму.

Либо быть революционным демократом на деле. Тогда *нельзя* бояться шагов к социализму.

Либо бояться шагов к социализму, осуждать их по-плехановски, по-дановски, по-черновски доводами, что наша революция буржуазная, что *нельзя «вводить» социализма* и т. п., — и тогда неминуемо скатиться к Керенскому, Милюкову и Корнилову, т. е. *реакционно-бюрократически* подавлять «революционно-демократические» стремления рабочих и крестьянских масс.

Середины нет.

И в этом основное противоречие нашей революции.

Стоять на месте *нельзя* — в истории вообще, во время войны в особенности. Надо идти либо вперед, либо назад. Идти вперед, в России XX века, завоевавшей республику и демократизм революционным путем, *нельзя*, не *идя* к социализму, не делая *шагов* к нему (шагов, обусловленных и определяемых уровнем техники и культуры: крупное машинное хозяйство *нельзя «ввести»* в земледелии крестьян, его *нельзя* отменить в сахарном производстве).

А если бояться идти вперед, *это значит* идти назад, чем гг. Керенские, при восторгах Милюковых и Плехановых, при глупом пособничестве Церетели и Черновых, и занимаются.

Диалектика истории именно такова, что война, необычайно ускорив превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, *тем самым* необычайно приблизила человечество к социализму.

Империалистская война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание, — никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически, — а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма,

есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*.

* * *

К вопросу о социализме наши эсеры и меньшевики подходят по-доктринерски, с точки зрения заученной ими наизусть и плохо понятой доктрины. Они представляют социализм чем-то далеким, неизвестным, темным будущим.

А социализм теперь смотрит на нас через все окна современного капитализма, социализм вырисовывается непосредственно, *практически*, из каждой крупной меры, составляющей шаг вперед на базе этого новейшего капитализма.

Что такое трудовая всеобщая повинность?

Это шаг вперед на базе новейшего монополистического капитализма, шаг к регулированию экономической жизни в целом, по известному общему плану, шаг к сбережению народного труда, к предотвращению бессмысленной растраты его капитализмом.

В Германии юнкера (помещики) и капиталисты вводят всеобщую трудовую повинность, и тогда она неизбежно становится военной каторгой для рабочих.

Но возьмите то же самое учреждение и продумайте значение его при революционно-демократическом государстве. Всеобщая трудовая повинность, вводимая, регулируемая, направляемая Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, это *еще не* социализм, но это *уже не* капитализм. Это — громадный шаг к социализму, такой шаг, что, при условии сохранения полной демократии, от такого шага нельзя уже было бы без неслыханных насилий над массами уйти назад, к капитализму.

БОРЬБА С РАЗРУХОЙ И ВОЙНА

Вопрос о мерах борьбы с надвигающейся катастрофой подводит нас к освещению другого важнейшего вопроса: о связи внутренней политики с внешнею, или иначе: о соотношении между войной захватной, империалистской, и войной революционной, пролетарской, между войной преступно-грабительской и войной справедливо-демократической.

Все описанные нами меры борьбы с катастрофой чрезвычайно усилили бы, как уже было нами отмечено, обороноспособность или, говоря иначе, военную мощь страны. Это с одной стороны. А с другой стороны, эти меры нельзя провести

в жизнь, не превращая войны захватной в войну справедливую, войны, ведомой капиталистами в интересах капиталистов, в войну, ведомую пролетариатом в интересах всех трудящихся и эксплуатируемых.

В самом деле. Национализация банков и синдикатов, в связи с отменой коммерческой тайны и рабочим контролем за капиталистами, означала бы не только гигантское сбережение народного труда, возможность сэкономить силы и средства, она означала бы также улучшение положения трудящихся *масс* населения, большинства его. В современной войне, как все знают, экономическая организация имеет решающее значение. В России хватит хлеба, угля, нефти, железа — в этом отношении наше положение лучше, чем какой бы то ни было из воюющих европейских стран. А при борьбе с разрухой указанными средствами, привлекая к этой борьбе самодетельность масс, улучшая их положение, вводя национализацию банков и синдикатов, Россия использовала бы свою революцию и свой демократизм для подъема всей страны на неизмеримо более высокую ступень экономической организованности.

Если бы вместо «коалиции» с буржуазией, тормозящей все меры контроля и саботирующей производство, эсеры и меньшевики осуществили в апреле переход власти к Советам и направили свои силы не на игру в «министерскую чехарду», не на бюрократическое просиживание, рядом с кадетами, местечек министров, товарищей министров и пр. и пр., а для руководства рабочими и крестьянами в *их* контроле за капиталистами, в *их войне против* капиталистов, — то Россия была бы теперь страной в полном экономическом преобразовании, с землей у крестьян, с национализацией банков, т. е. была бы *постольку* (а это крайне важные экономические базы современной жизни) *выше* всех остальных капиталистических стран.

Обороноспособность, военная мощь страны с национализацией банков *выше*, чем страны с банками, остающимися в частных руках. Военная мощь крестьянской страны, с землей в руках крестьянских комитетов, *выше*, чем страны с помещичьим землевладением.

Ссылаются постоянно на героический патриотизм и чудеса военной доблести французов в 1792—1793 годах. Но забывают о материальных, историко-экономических условиях, которые только и сделали эти чудеса возможными. Действительно революционная расправа с отжившим феодализмом, переход всей страны, и притом с быстротой, решительностью, энергией, беззаветностью поистине революционно-демократическими,

к более высокому способу производства, к свободному крестьянскому землевладению — вот те материальные, экономические условия, которые с «чудесной» быстротой спасли Францию, *переродив, обновив* ее хозяйственную основу.

Пример Франции говорит нам одно и только одно: чтобы сделать Россию обороноспособной, чтобы добиться и в ней «чудес» массового героизма, надо с «якобинской» беспощадностью смести все старое и обновить, переродить Россию *хозяйственно*. А этого нельзя сделать в XIX веке одним сметением царизма (Франция 125 лет тому назад не ограничилась этим). Этого нельзя сделать даже одним революционным уничтожением помещичьего землевладения (мы даже этого не сделали, ибо эсеры и меньшевики изменили крестьянству!), одной передачей земли крестьянству. Ибо мы живем в XIX веке, господство над землей *без господства над банками* не в состоянии внести перерождения, обновления в жизнь народа.

Материальное, производственное, обновление Франции, в конце XVIII века, было связано с политическим и духовным, с диктатурой революционной демократии и революционного пролетариата (от которого демократия не обособлялась и который был еще почти слит с нею), — с беспощадной войной, объявленной всему реакционному. Весь народ и в особенности массы, т. е. *угнетенные* классы, были охвачены безграничным революционным энтузиазмом; войну *все* считали справедливой, оборонительной, и она *была на деле* таковой. Революционная Франция оборонялась от реакционно-монархической Европы. Не в 1792—1793 гг., а много лет спустя, *после* победы реакции внутри страны, контрреволюционная диктатура Наполеона превратила войны со стороны Франции из оборонительных в завоевательные.

А в России? Мы продолжаем вести войну империалистскую, в интересах капиталистов, в союзе с империалистами, в согласии с тайными договорами, которые заключил *царь* с капиталистами Англии и проч., обещая в этих договорах русским капиталистам ограбление чужих стран, Константинополь, Львов, Армению и т. д.

Война остается несправедливой, реакционной, захватной со стороны России, пока она не предложила справедливого мира и не порвала с империализмом. Социальный характер войны, ее истинное значение определяется не тем, где стоят неприятельские войска (как думают эсеры и меньшевики, опускаясь до вульгарности темного мужика). Этот характер определяется тем, *какую политику* война продолжает («война

есть продолжение политики»), *какой класс* в каких целях войну ведет.

Нельзя вести массы на грабительскую войну в силу тайных договоров и надеяться на их энтузиазм. Передовой класс революционной России, пролетариат, все яснее сознает преступность войны, и буржуазия не только не могла разубедить в этом массы, а напротив, сознание преступности войны растет. Пролетариат *обеих столиц* стал в России интернационалистским окончательно!

Где уж тут говорить о массовом энтузиазме за войну!

Одно неразрывно связано с другим, внутренняя политика с внешней. Нельзя сделать страну обороноспособной без величайшего героизма народа, осуществляющего смело, решительно великие экономические преобразования. И нельзя вызвать героизма в массах, не разрывая с империализмом, не предлагая всем народам демократический мир, не превращая войны таким путем из захватной, грабительской, преступной в справедливую, оборонительную, революционную.

Только беззаветно-последовательный разрыв с капиталистами и во внутренней и во внешней политике в состоянии спасти нашу революцию и нашу страну, зажатую в железные тиски империализма.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЛЕТАРИАТ

Чтобы быть действительно революционной, демократия современной России должна идти в теснейшем союзе с пролетариатом, поддерживая его борьбу, как единственного до конца революционного класса.

Таков итог, к которому приводит разбор вопроса о средствах борьбы с неминуемой катастрофой неслыханных размеров.

Война создала такой необъятный кризис, так напрягла материальные и моральные силы народа, нанесла такие удары всей современной общественной организации, что человечество оказалось перед выбором: или погибнуть или вручить свою судьбу самому революционному классу для быстрого и радикальнейшего перехода к более высокому способу производства.

В силу ряда исторических причин — бóльшей отсталости России, особых трудностей войны для нее, наибольшей гнилости царизма, чрезвычайной живости традиций 1905 года — в России раньше других стран вспыхнула революция.

Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему *политическому* строю догнала передовые страны.

Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также *и экономически*.

Это возможно, ибо перед нами лежит готовый опыт большого числа передовых стран, готовые результаты их техники и культуры. Нам оказывает моральную поддержку растущий протест против войны в Европе, атмосфера нарастающей всемирной рабочей революции. Нас подтягивает, подхлестывает исключительно редкая во время империалистской войны революционно-демократическая свобода.

Погибнуть или на всех парах устремиться вперед. Так поставлен вопрос историей.

И отношение пролетариата к крестьянству в такой момент подтверждает — соответственно видоизменяя ее — старую большевистскую постановку: вырвать крестьянство из-под влияния буржуазии. Только в этом залог спасения революции.

А крестьянство есть наиболее многочисленный представитель всей мелкобуржуазной массы.

Наши эсеры и меньшевики взяли на себя реакционную роль: удержать крестьянство под влиянием буржуазии, вести крестьянство к коалиции с буржуазией, а не с пролетариатом.

Опыт революции учит массы быстро. И реакционная политика эсеров и меньшевиков терпит крах: они побиты в Советах обеих столиц¹¹⁴. В обеих мелкобуржуазно-демократических партиях растет «левая» оппозиция. В Питере 10 сентября 1917 г. городская конференция эсеров дала большинство в две трети *левым* эсерам, тяготеющим к союзу с пролетариатом, отвергающим союз (коалицию) с буржуазией.

Эсеры и меньшевики повторяют излюбленное буржуазией противопоставление: буржуазия и демократия. Но такое противопоставление столь же бессмысленно, в сущности, как сравнение пудов с аршинами.

Бывает демократическая буржуазия, бывает буржуазная демократия: только самое полное невежество и в истории и в политической экономии способно отрицать это.

Неверное противопоставление понадобилось эсерам и меньшевикам, чтобы *прикрыть* бесспорный факт: между буржуазией и пролетариатом стоит *мелкая буржуазия*. Она неизбежно, в силу ее экономического классового положения, колеблется между буржуазией и пролетариатом.

Эсеры и меньшевики тянут мелкую буржуазию к союзу с буржуазией. В этом суть всей их «коалиции», всего коали-

ционного министерства, всей политики Керенского, типичного полукадета. За полгода революции эта политика потерпела полный крах.

Кадеты злорадствуют: революция-де потерпела крах, революция *не* справилась ни с войной, ни с разрухой.

Неправда. Крах потерпели *кадеты и эсеры с меньшевиками*, ибо этот блок (союз) полгода правил Россией, за полгода усилил разруху, запутал и затруднил военное положение.

Чем полнее крах *союза буржуазии с эсерами и меньшевиками*, тем быстрее *научится* народ. Тем легче он найдет *верный* выход: союз беднейшего крестьянства, т. е. большинства крестьян, с пролетариатом.

10—14 сентября 1917 г.

Написано 10—14 (23—27) сентября
1917 г.

Напечатано в конце октября 1917 г.
в Петрограде отдельной брошюрой
издательством «Прибой»

Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 34, стр. 151—192

ОДИН ИЗ КОРЕННЫХ ВОПРОСОВ РЕВОЛЮЦИИ

Несомненно, самым главным вопросом всякой революции является вопрос о государственной власти. В руках какого класса власть, это решает все. И если газета главной правительственной партии в России, «Дело Народа», жаловалась недавно (№ 147), что из-за споров о власти забывается и вопрос об Учредительном собрании и вопрос о хлебе, то эсерам следовало бы ответить: жалуйтесь на себя. Ведь именно колебания, нерешительность *вашей* партии больше всего повинны и в затяжке «министерской чехарды», и в бесконечных отсрочках Учредительного собрания, и в подрыве капиталистами принятых и намеченных мер хлебной монополии и обеспечения страны хлебом.

Ни обойти, ни отодвинуть вопроса о власти нельзя, ибо это именно основной вопрос, определяющий *все* в развитии революции, в ее внешней и внутренней политике. Что наша революция полгода «потратила зря» на колебания насчет устройства власти, это бесспорный факт, этот факт определен колеблющейся политикой эсеров и меньшевиков. А политика этих партий определилась, в последнем счете, классовым положением мелкой буржуазии, ее экономической неустойчивостью в борьбе между капиталом и трудом.

Весь вопрос теперь в том, научилась ли чему-нибудь мелкобуржуазная демократия за эти великие полгода, необыкновенно богатые содержанием, или нет. Если нет, то революция погибла, и только победоносное восстание пролетариата сможет спасти ее. Если да, то надо начать с немедленного создания устойчивой, неколеблющейся, власти. Устойчивой во время народной революции, т. е. такой, которая подняла к жизни массы, большинство рабочих и крестьян, может быть только власть, опирающаяся заведомо и безусловно *на боль-*

шинство населения. До сих пор государственная власть остается в России *фактически* в руках *буржуазии*, которая вынуждена лишь делать частные уступки (с тем, чтобы на другой же день начать отбирать их назад), раздавать обещания (с тем, чтобы не выполнять их), изыскивать всяческие прикрытия своего господства (с тем, чтобы надуть народ внешностью «честной коалиции») и т. п. и т. д. На словах — народное, демократическое, революционное правительство, на деле — противонародное, антидемократическое, контрреволюционное, буржуазное, вот то противоречие, которое существовало до сих пор и было источником полной неустойчивости и колебаний власти, всей той «министерской чехарды», которой гг. эсеры и меньшевики с таким печальным (для народа) усердием занимались.

Либо разгон Советов и бесславная смерть их, либо вся власть Советам — это я сказал перед Всероссийским съездом Советов в начале июня 1917 г., и история июля и августа подтвердила правильность этих слов с исчерпывающей убедительностью. Власть Советов одна только может быть устойчивой, заведомо опирающейся на большинство народа, — как бы ни лгали лакеи буржуазии, Потресов, Плеханов и пр., называющие «расширением базиса» власти фактическую передачу ее ничтожному меньшинству народа, буржуазии, эксплуататорам.

Только Советская власть могла бы быть устойчивой, только ее нельзя было бы свергнуть даже в самые бурные моменты самой бурной революции, только такая власть могла бы обеспечить постоянное, широкое развитие революции, мирную борьбу партий внутри Советов. Пока не создано такой власти, неизбежны нерешительность, неустойчивость, колебания, бесконечные «кризисы власти», безысходная комедия министерской чехарды, взрывы и справа и слева.

Но лозунг: «власть Советам» очень часто, если не в большинстве случаев, понимается совершенно неправильно в смысле: «министерство из партий советского большинства», и на этом глубоко ошибочном мнении мы хотели бы подробнее остановиться.

«Министерство из партий советского большинства», это значит личная перемена в составе министров, при сохранении в неприкосновенности всего старого аппарата правительственной власти, аппарата насквозь чиновничьего, насквозь недемократического, неспособного провести серьезные реформы, которые в программах даже эсеров и меньшевиков значатся.

«Власть Советам» — это значит радикальная переделка всего старого государственного аппарата, этого чиновничьего

аппарата, тормозящего все демократическое, устранение этого аппарата и замена его новым, народным, т. е. истинно демократическим аппаратом Советов, т. е. организованного и вооруженного большинством народа, рабочих, солдат, крестьян, предоставление почина и самостоятельности большинству народа не только в выборе депутатов, но и в управлении государством, в осуществлении реформ и преобразований.

Чтобы сделать эту разницу более ясной и наглядной, напомним одно ценное признание, которое было сделано несколько времени тому назад газетой правительственной партии, партии эсеров, «Делом Народа». Даже в тех министерствах, — писала эта газета, — которые переданы министрам-социалистам (это писалось во время пресловутой коалиции с кадетами, когда меньшевики и эсеры были министрами), *даже* в этих министерствах весь аппарат управления остался старым, и он тормозит всю работу.

Оно и понятно. Вся история буржуазно-парламентарных, а в значительной степени и буржуазно-конституционных, стран показывает, что смена министров значит очень мало, ибо реальная работа управления лежит в руках гигантской армии чиновников. А эта армия насквозь пропитана антидемократическим духом, связана тысячами и миллионами нитей с помещиками и буржуазией, зависима от них на всяческие лады. Эта армия окружена атмосферой буржуазных отношений, дышит только ею, она застыла, заскорузла, окоченела, она не в силах вырваться из этой атмосферы, она не может мыслить, чувствовать, действовать иначе как по-старому. Эта армия связана отношениями чиновничества, известных привилегий «государственной» службы, а верхние ряды этой армии чрез посредство акций и банков закрепощены полностью финансовому капиталу, в известной степени сами представляя из себя его агентов, проводников его интересов и влияния.

Посредством этого государственного аппарата пытаться провести такие преобразования, как отмена помещичьей собственности на землю без выкупа или хлебная монополия и т. п., есть величайшая иллюзия, величайший самообман и обман народа. Этот аппарат *может* служить республиканской буржуазии, создавая республику в виде «монархии без монарха», как третья республика во Франции, но проводить реформы, не то что уничтожающие, но хотя бы серьезно подрезывающие или ограничивающие права капитала, права «священной частной собственности», на это такой государственный аппарат абсолютно неспособен. Поэтому и получается всегда такая вещь, при всевозможных «коалиционных»

министерствах с участием «социалистов», что эти социалисты, даже при условии полнейшей добросовестности отдельных лиц из их числа, на деле оказываются пустым украшением или ширмой буржуазного правительства, громоотводом народного возмущения от этого правительства, орудием обмана масс этим правительством. Так было и с Луи Бланом в 1848 году, так было с тех пор десятки раз в Англии и Франции при участии социалистов в министерстве, так было и с Черновыми и Церетели в 1917 г., так было и так будет, пока держится буржуазный строй и сохраняется в неприкосновенности старый, буржуазный, чиновничий, государственный аппарат.

Советы рабочих, солдатских, крестьянских депутатов тем и ценны особенно, что они представляют из себя новый, неизмеримо более высокий, несравненно более демократический *тип* государственного аппарата. Эсеры и меньшевики все сделали, все возможное и все невозможное, чтобы превратить Советы (особенно Питерский и общерусский, т. е. ЦИК) в пустые говорильни, под видом «контроля» занимавшиеся вынесением бессильных резолюций и пожеланий, которые правительство с самой вежливой и любезной улыбкой клало под сукно. Но достаточно было «свежего ветерка» корниловщины, обещавшего хорошую бурю, чтобы все затхлое в Совете оглетело на время прочь и инициатива революционных масс начала проявлять себя как нечто величественное, могучее, непреодолимое.

Пусть учатся на этом историческом примере все маловеры. Пусть устыдятся те, кто говорит: «у нас нет аппарата, чтобы заменить старый, неминуемо тяготеющий к защите буржуазии, аппарат». Ибо этот аппарат *есть*. Это и есть Советы. Не бойтесь инициативы и самостоятельности масс, доверьтесь революционным организациям масс — и вы увидите во *всех* областях государственной жизни такую же силу, величественность, непобедимость рабочих и крестьян, какую обнаружили они в своем объединении и порыве против корниловщины.

Неверие в массы, боязнь их почина, боязнь их самостоятельности, трепет перед их революционной энергией, вместо всесторонней беззаветной поддержки ее, вот в чем грешили больше всего эсеровские и меньшевистские вожди. Вот где один из наиболее глубоких корней их нерешительности, их колебаний, их бесконечных и бесконечно бесплодных попыток влить новое вино в старые мехи старого, бюрократического государственного аппарата.

Возьмите историю демократизации армии в русской революции 1917 года, историю министерства Чернова, историю

«царствования» Пальчинского, историю ухода Пешехонова — и вы увидите на каждом шагу нагляднейшие подтверждения сказанному выше. Без полного доверия к выборным солдатским организациям, без абсолютного проведения принципа выборности начальства солдатами получилось то, что Корниловы, Каледины и контрреволюционные офицеры оказались во главе армии. Это факт. И кто не хочет нарочно закрывать глаз, тот не может не видеть, что *после* корниловщины правительство Керенского все *оставляет по-старому*, что оно *на деле* *восстанавливает корниловщину*. Назначение Алексеева, «мир» с Клембовскими, Гагариными, Багратионами и прочими корниловцами, мягкость обращения с самим Корниловым и Калединым — все это яснее ясного показывает, что Керенский на деле восстанавливает корниловщину.

Середины нет. Опыт показал, что середины нет. Либо вся власть Советам и полная демократизация армии, либо корниловщина.

А история министерства Чернова? Разве не доказала она, что всякий сколько-нибудь серьезный шаг для действительного удовлетворения нужды крестьян, всякий шаг, свидетельствующий о доверии к ним, к их собственным массовым организациям и действиям вызывал величайший энтузиазм во всем крестьянстве. А Чернову пришлось почти четыре месяца «торговаться» и «торговаться» с кадетами и чиновниками, которые бесконечными оттяжками и подсиживаниями, в конце концов, вынудили его уйти, не сделав ничего. Помещики и капиталисты на эти четыре месяца и за эти четыре месяца «выиграли игру», отстояли помещичье землевладение, оттянули Учредительное собрание, начали даже ряд репрессий против земельных комитетов.

Середины нет. Опыт показал, что середины нет. Либо вся власть Советам и в центре и на местах, вся земля крестьянам *тотчас*, впредь до решения Учредительного собрания, либо помещики и капиталисты тормозят все, восстанавливают помещичью власть, доводят крестьян до озлобления и доведут дело до бесконечно свирепого крестьянского восстания.

Совершенно та же самая история со срывом капиталистами (при помощи Пальчинского) сколько-нибудь серьезного контроля над производством, со срывом купцами хлебной монополии и *начала* регулируемого демократического распределения хлеба и продуктов Пешехоновым.

Дело *вовсе* *теперь* *в России* не в том, чтобы изобретать «новые реформы», чтобы задаваться «планами» каких-либо «всеобъемлющих» преобразований. Ничего подобного. Так изображают дело — заведомо лживо изображают дело капи-

талисты, Потресовы, Плехановы, кричащие против «введения социализма», против «диктатуры пролетариата». В действительности же положение в России таково, что невиданные тяжести и бедствия войны, неслыханная и самая грозная опасность разрухи и голода сами собой подсказали выход, сами собою наметили, и не только наметили, но и уже выдвинули, как безусловно неотложные реформы и преобразования: хлебная монополия, контроль над производством и распределением, ограничение выпуска бумажных денег, правильный обмен хлеба на товары и т. д.

Мероприятия такого рода, в таком именно направлении, всеми признаны за неизбежные, они начаты во многих местах и с самых разных сторон. Они уже начаты, но их везде тормозит и затормозило сопротивление помещиков и капиталистов, сопротивление, осуществляемое и через правительство Керенского (на деле правительство вполне буржуазное и бонапартистское), и через чиновничий аппарат старого государства, и через прямое и косвенное давление русского и «союзного» финансового капитала.

Не так давно И. Прилежаев писал в «Деле Народа» (№ 147), оплакивая уход Пешехонова и крах твердых цен, крах хлебной монополии:

«Смелости и решительности — вот чего не хватало нашим правительствам всех составов... Революционная демократия не должна ждать, она должна сама проявить инициативу и планомерно вмешаться в экономический хаос... Если где, так именно здесь нужны твердый курс и решительная власть».

Вот что правда, то правда. Золотые слова. Автор не подумал только, что вопрос о твердом курсе, о смелости и решительности не есть личный вопрос, а есть вопрос о том классе, который способен проявить смелость и решительность. Единственный такой класс — пролетариат. Смелость и решительность власти, твердый курс ее, — не что иное, как диктатура пролетариата и беднейших крестьян. И. Прилежаев, сам того не сознавая, вздыхает по этой диктатуре.

Ибо что означала бы на деле такая диктатура? Ничего иного, как то, что сопротивление корниловцев было бы сломлено и полная демократизация армии восстановлена и завершена. Девяносто девять сотых армии были бы восторженными сторонниками такой диктатуры через два дня после ее установления. Эта диктатура дала бы землю крестьянам и всевластие крестьянским комитетам на местах; как можно, не сойдя с ума, сомневаться в том, что крестьяне поддержали бы эту диктатуру? То, что Пешехонов только посулил («сопротивление капиталистов сломлено» — буквальные слова

Пешехонова в его знаменитой речи перед съездом Советов), то эта диктатура ввела бы в жизнь, превратила в действительность, нисколько не устраняя начавших уже складываться демократических организаций по продовольствию, по контролю и прочее, а напротив, поддерживая, развивая их, устраняя все помехи их работе.

Только диктатура пролетариев и беднейших крестьян способна сломить сопротивление капиталистов, проявить действительно величественную смелость и решительность власти, обеспечить себе восторженную, беззаветную, истинно героическую поддержку масс и в армии, и в крестьянстве.

Власть Советам — единственное, что могло бы сделать дальнейшее развитие постепенным, мирным, спокойным, идущим вполне в уровень сознания и решения большинства народных масс, в уровень их собственного опыта. Власть Советам — это значит полная передача управления страной и контроля за хозяйством ее рабочим и крестьянам, которым никто не посмел бы сопротивляться и которые быстро научились бы на опыте, на своей собственной практике научились бы, правильно распределять землю, продукты и хлеб.

«Рабочий Путь» № 10,
27 (14) сентября 1917 г.
Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 34, стр. 200—207

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

ПУГАЮТ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНОЙ

Напуганная тем, что меньшевики и эсеры отказались от коалиции с кадетами, что демократия, пожалуй, сможет прекрасно составить правительство без них и управлять Россией против них, буржуазия из всех сил старается напугать демократию.

Пугай как можно усерднее — таков лозунг всей буржуазной печати. Пугай из всех сил! Лги, клеветы — только пугай!

Пугает «Биржевка» — сфабрикованными сообщениями о большевистских выступлениях. Пугают слухами об отставке Алексеева и об угрозе немецкого прорыва к Петрограду, как будто бы факты не доказали, что именно корниловские генералы (а к числу их безусловно принадлежит и Алексеев) способны открыть немцам фронт в Галиции и перед Ригой, и перед Петроградом, что именно корниловские генералы вызывают наибольшую ненависть армии к ставке.

Наиболее «солидный» и убедительный вид этому приему запугивания демократии стараются придать посредством ссылок на опасность «гражданской войны». Из всех видов пуганья — пуганье гражданской войной самое, пожалуй, распространенное. Вот как формулировал эту ходячую, в филистерских кругах очень ходкую, идею Ростовский на Дону комитет партии народной свободы в резолюции 1-го сентября (№ 210 «Речи»):

«... Комитет убежден в том, что гражданская война может смести все завоевания революции и поглотить в потоках крови нашу молодую, неокрепшую свободу, а потому полагает, что энергичный протест против углубления революции, продиктованного несбыточными социалистическими утопиями, необходим в интересах спасения завоеваний революции...».

Здесь выражена в наиболее ясной, точной, обдуманной и обстоятельной форме та основная мысль, которая бесчисленное

количество раз попадает в передовицах «Речи», в статьях Плеханова и Потресова, в передовицах меньшевистских газет и прочее и прочее. Не бесполезно потому подробнее остановиться на этой мысли.

Постараемся разобрать вопрос о гражданской войне по-конкретнее, на основании, между прочим, уже пережитого полугодового опыта нашей революции.

Этот опыт, в полнейшем соответствии с опытом всех европейских революций, начиная с конца XVIII века, показывает нам, что гражданская война есть наиболее острая форма классовой борьбы, когда ряд столкновений и битв экономических и политических, повторяясь, накапливаясь, расширяясь, заостряясь, доходит до превращения этих столкновений в борьбу с оружием в руках одного класса против другого класса. Чаще всего — можно сказать, даже почти исключительно — наблюдается в сколько-нибудь свободных и передовых странах гражданская война между теми классами, противоположность между которыми создается и углубляется всем экономическим развитием капитализма, всей историей новейшего общества во всем мире, именно: между буржуазией и пролетариатом.

Так и за пережитые полгода нашей революции мы переживали 20—21 апреля и 3—4 июля очень сильные стихийные взрывы, вплотную подходившие к началу гражданской войны со стороны пролетариата. А корниловское восстание представляло из себя поддержанный помещиками и капиталистами, с партией к.-д. во главе, военный заговор, приведший уже к фактическому началу гражданской войны со стороны буржуазии.

Таковы факты. Такова история нашей собственной революции. А у этой истории больше всего надо учиться, в ее ход и в ее классовое значение больше всего надо вдумываться.

Попробуем сравнить начатки пролетарской и начатки буржуазной гражданской войны в России с точки зрения: 1) стихийности движения, 2) его целей, 3) сознательности масс, участвовавших в нем, 4) силы движения, 5) упорства его. Мы полагаем, что, если бы все партии, которые теперь походя «швыряются зря» словами «гражданская война», поставили вопрос таким образом и сделали попытку фактического изучения начатков гражданской войны, то сознательность всей русской революции выиграла бы очень и очень много.

Начнем с стихийности движения. О 3—4 июля мы имеем показания таких свидетелей, как меньшевистская «Рабочая Газета» и эсеровское «Дело Народа», признавших *факт* стихийного нарастания движения. Эти показания я приводил в

статье «Пролетарского Дела», выходящей отдельной листовкой под названием «Ответ клеветникам» *. Но, по причинам вполне понятным, защищая себя, свое участие в преследовании большевиков, меньшевики и эсеры официально продолжают отрицать стихийность взрыва 3—4 июля.

Отодвинем пока спорное. Оставим бесспорное. Стихийность движения 20—21 апреля никем не оспаривается. К этому стихийному движению примкнула партия большевиков с лозунгом: «вся власть Советам», примкнул совершенно независимо от нее покойный Линде, выведший на улицу 30 000 вооруженных солдат, готовых арестовать правительство. (Между прочим, в скобках сказать, этот факт вывода войск не обследован и не изучен. А когда вдумываешься в него, поставив 20 апреля в историческую связь событий, т. е. рассматривая его как звено цепи, идущей от 28-го февраля к 29 августа, то ясным становится, что виной и ошибкой большевиков была *недостаточная* революционность их тактики, а никак не чрезмерная революционность, в коей нас обвиняют филистеры.)

Итак, стихийность движения, подходившего к началу пролетариатом гражданской войны, несомненна. Ничего даже приблизительно похожего на стихийность нет в корниловщине: там только заговор генералов, которые рассчитывали увлечь часть войск обманом и силой приказаний.

Что стихийность движения есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустрашимости, это несомненно. Почвенность пролетарской революции, беспочвенность буржуазной контрреволюции, вот что с точки зрения стихийности движения показывают факты.

Посмотрим на цели движения. 20—21 апреля всего ближе подходило к большевистским лозунгам, а 3—4 июля прямо нарастало в связи с ними, под их влиянием и руководством. О диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства, о мире и немедленном его предложении, о конфискации помещичьих земель — об этих главных *целях* пролетарской гражданской войны партия большевиков говорила совершенно открыто, определенно, ясно, точно, во всеуслышание, в своих газетах и в устной агитации.

Относительно целей корниловщины мы все знаем, и никто из демократии не оспаривает, что эти цели состояли в диктатуре помещиков и буржуазии, в разгоне Советов, в подготовке восстановления монархии. Партия кадетов — эта главная корниловская партия (ее бы следовало, кстати сказать,

* См. Сочинения, 5 изд., том 34, стр. 21—32; 4 изд., том 25, стр. 188—198. *Ред.*

так и начать теперь звать корниловской партией), обладая большей прессой и большими агитаторскими силами, чем большевики, никогда не решалась и не решается открыто говорить народу ни о диктатуре буржуазии, ни о разгоне Советов, ни о корниловских целях вообще!

С точки зрения целей движения факты говорят, что пролетарская гражданская война может выступать с открытым изложением народу своих конечных целей, привлекая этим симпатии трудящихся, а буржуазная гражданская война только сокрытием своих целей и может пытаться вести часть масс; отсюда громадное различие по вопросу о сознательности масс.

Объективные данные по этому вопросу имеются, кажется, исключительно в связи с партийностью и с выборами. Других фактов, позволяющих точно судить о сознательности масс, как будто бы не имеется. Что пролетарски-революционное движение возглавляется партией большевиков, а буржуазное контрреволюционное — партией кадетов, это ясно и едва ли может быть оспариваемо после полугодичного опыта революции. Три сравнения фактического характера можно привести по рассматриваемому вопросу. Сопоставление майских выборов в районные думы в Питере с августовскими в центральную думу дает уменьшение кадетских и громадное увеличение большевистских голосов. Кадетская печать признает, что там, где скоплены массы рабочих или солдат, там наблюдается, по общему правилу, и сила большевизма.

Затем, сознательность участия *масс* в партии, при отсутствии всякой статистики по движению числа членов в партии, по посещению собраний и т. п., можно проверить на фактах, лишь по опубликованным сведениям относительно денежных сборов на партию. Эти сведения показывают громадный и массовый героизм большевистских рабочих в сборе денег на «Правду», на закрываемые газеты и т. п. Отчеты о сборах всегда печатались. У кадетов мы не видим ничего подобного: «питают» партийную их работу, явное дело, взносы богачей. Нет и следа активной помощи масс.

Наконец, сравнение движений 20—21 апреля и 3—4 июля, с одной стороны, и корниловщины, с другой, показывает нам, что большевики прямо указывают массам их врага в гражданской войне, именно: буржуазию, помещиков и капиталистов. Корниловщина уже показала *прямой обман* пошедших за Корниловым войск, обман, раскрытый первой же встречей «дикой дивизии» и корниловских эшелонов с питерцами.

Далее. Каковы данные о *силе* пролетариата и буржуазии в гражданской войне. Сила большевиков только в чис-

ленности пролетариев, в их сознательности, в симпатиях эсеровских и меньшевистских «низов» (т. е. рабочих и беднейших крестьян) к большевистским лозунгам. Что именно фактически эти лозунги увлекали за собой *большинство* активных революционных масс в Питере 20—21 апреля и 18-го июня, и 3—4 июля, это факт.

При этом сравнении данных о «парламентских» выборах с данными о названных массовых движениях вполне подтверждает по отношению к России наблюдение, много раз делавшееся на Западе, именно: *сила* революционного пролетариата, с точки зрения воздействия *на массы* и увлечения их на борьбу, несравненно *больше* во *внепарламентской* борьбе, чем в борьбе парламентской. Это очень важное наблюдение по вопросу о гражданской войне.

Понятно, почему все условия и вся обстановка парламентской борьбы и выборов преуменьшает силу угнетенных классов по сравнению с той силой, которую они фактически могут разворачивать в гражданской войне.

Сила кадетов и корниловщины в силе *богатства*. Что англо-французский капитал и империализм за кадетов и за корниловщину, это доказано длинным рядом политических выступлений и прессой. Общеизвестно, как вся «правая» Московского совещания 12-го августа бешено стояла за Корнилова и Каледина. Общеизвестно, как французская и английская буржуазная пресса «помогали» Корнилову. Есть указания на помощь ему со стороны *банков*.

Вся сила богатства встала за Корнилова, а какой жалкий и быстрый провал! Общественные силы, кроме богачей, можно усмотреть у корниловцев лишь двоякие: «дикая дивизия» и казачество. В первом случае это *только* сила темноты и обмана. Эта сила тем больше страшна, чем больше печать остается в руках буржуазии. Пролетариат подорвал бы, победив в гражданской войне, *этот* источник «силы» сразу и радикально.

Что касается до казачества, то здесь мы имеем слой населения из богатых, мелких или средних землевладельцев (среднее землевладение около 50 десятин) одной из окраин России, сохранивших особенно много средневековых черт жизни, хозяйства, быта. Здесь можно усмотреть социально-экономическую основу для русской Вандеи. Но что же показали *факты*, относящиеся к корниловско-калединскому движению? Даже Каледин, «любимый вождь», поддержанный Гучковыми, Милюковыми, Рябушинскими и К^о, массового движения *все же не поднял!!* Каледин неизмеримо «прямее», прямолинейнее шел к гражданской войне, чем большевики. Каледин

прямо «ездил поднимать Дон», и все же Каледин массового движения никакого не поднял в «своем» крае, в оторванном от общерусской демократии казачьем крае! Наоборот, со стороны пролетариата мы наблюдаем стихийные взрывы движения в центре влияния и силы противобольшевистской всероссийской демократии.

Объективных данных о том, как разные слои и разные хозяйственные группы казачества относятся к демократии и к корниловщине, не имеется. Есть только указания на то, что большинство бедноты и среднего казачества больше склонно к демократии и лишь офицерство с верхами зажиточного казачества вполне корниловское.

Как бы то ни было, исторически доказанной является, после опыта 26—31 августа, крайняя слабость массового казаческого движения в пользу буржуазной контрреволюции.

Остается последний вопрос: об *упорстве* движения. Относительно большевистского, пролетарски-революционного движения мы имеем доказанный факт, что борьба с большевизмом за полгода республики в России велась как идейная, при *гигантском* преобладании органов печати и агитаторских сил на стороне противников большевизма (и при весьма «рискованном» причислении к «идейной» борьбе кампании клеветы), так и *путем репрессий*: сотни арестованных, разгромлена главная типография, закрыта главная газета и ряд газет. Результат доказан фактами: громадное усиление большевизма на августовских выборах в Питере, затем усиление приближающихся к большевизму интернационалистских и «левых» течений и в эсеровской и меньшевистской партиях. Значит, упорство пролетарски-революционного движения в республиканской России очень велико. Факты говорят, что совместными усилиями кадетов и эсеров с меньшевиками *не удалось* несколько ослабить этого движения. Напротив, именно коалиция корниловцев с «демократией» *усилила* большевизм. Кроме идейного воздействия и репрессий не может быть иных средств борьбы с пролетарски-революционным течением.

Об упорстве кадетско-корниловского движения данных пока нет. Преследований кадеты никаких не видали. Даже Гучкова выпустили, даже Маклакова и Милюкова не арестовали. Даже «Речи» не закрыли. Кадетов щадят. За кадетами-корниловцами правительство Керенского *ухаживает*. А что, если бы поставить вопрос так: допустим, англо-французские и русские Рябушинские отвалят еще миллионы и миллионы кадетам, «Единству», «Дню» и т. п. на новую избирательную кампанию в Питере; вероятно ли, что число их

голосов увеличилось бы теперь, после корниловщины? Едва ли не придется на этот вопрос, судя по собраниям и т. п., ответить отрицательно...

* * *

Сводя вместе итоги нашего сравнения данных из истории русской революции, мы получаем тот вывод, что начало гражданской войны со стороны пролетариата обнаружило силу, сознательность, почвенность, рост и упорство движения. Начало гражданской войны со стороны буржуазии никакой силы, никакой сознательности масс, никакой почвенности, никаких шансов на победу не обнаружило.

Союз кадетов с эсерами и меньшевиками против большевиков, т. е. против революционного пролетариата, испытан на практике в течение ряда месяцев, и этот союз временно притаившихся корниловцев с «демократией» привел на деле не к ослаблению, а к усилению большевиков, к краху «коалиции», к усилению «левой» оппозиции и у меньшевиков.

Союз большевиков с эсерами и меньшевиками против кадетов, против буржуазии *еще не испытан*. Или, если быть более точным, такой союз *испытан* только *по одному фронту*, только в течение *пяти дней*, 26—31 августа, во время корниловщины, и такой союз дал за это время полнейшую, с невиданной еще ни в одной революции легкостью достигнутую победу над контрреволюцией, он дал такое сокрушающее подавление буржуазной, помещичьей и капиталистической, союзно-империалистской и кадетской контрреволюции, что гражданская война *с этой стороны* развалилась в прах, превратилась в ничто в самом начале, распалась до какого бы то ни было «боя».

И перед лицом этого исторического факта вся буржуазная пресса со всеми ее подголосками (Плехановыми, Потресовыми, Брешко-Брешковскими и т. д.) кричит изо всех сил, что именно союз большевиков с меньшевиками и эсерами «грозит» ужасами гражданской войны!..

Это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Грустно то, что подобная, явная, очевидная, вопиющая нелепость, насмешка над фактами, над всей историей нашей революции может вообще находить слушателей... Это доказывает все еще громаднейшую распространенность буржуазно-корыстной лжи (и распространенность неизбежную, пока пресса монополизирована буржуазией), лжи, которая заливают, перекрывает самые несомненные и осязательно-бесспорные уроки революции.

Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной. Ибо против такого союза, против Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов никакая буржуазией начатая гражданская война немыслима, этакая «война» не дошла бы даже ни до одного сражения, буржуазия *во второй* раз, после корниловщины, не найдет даже и «дикий дивизии», даже прежнего числа эшелонов казачества для движения против Советского правительства!

Мирное развитие какой бы то ни было революции вообще вещь чрезвычайно редкая и трудная, ибо революция есть наибольшее обострение самых острых классовых противоречий, но в крестьянской стране, когда союз пролетариата и крестьянства *может* дать измученным несправедливейшей и преступнейшей войной массам *мир*, а крестьянству всю *землю*, — в такой стране, в такой исключительный исторический момент мирное развитие революции при переходе всей власти к Советам *возможно и вероятно*. Внутри Советов борьба партий за власть может идти мирно, при полном демократизме Советов, при отказе их от таких «мелких краж», от такого «обкрадывания» демократических принципов, как предоставление солдатам одного представителя на 500, а рабочим одного на тысячу избирателей. В демократической республике такие мелкие кражи осуждены на исчезновение.

Против же Советов, дающих всю землю без выкупа крестьянам и предлагающих справедливый мир всем народам, против таких Советов никакой союз буржуазии англо-французской и русской, Корниловых, Бьюкененов и Рябушинских, Милюковых с Плехановыми и Потресовыми совершенно не страшен, совершенно бессилён.

Соппротивление буржуазии против безвозмездной передачи земли крестьянам, против подобных же преобразований в других областях жизни, против справедливого мира и разрыва с империализмом, такое сопротивление, конечно, неизбежно. Но, чтобы сопротивление дошло до гражданской войны, для этого нужны хоть какие-нибудь *массы*, способные *воевать* и победить Советы. А таких масс у буржуазии *нет* и взять их ей неоткуда. Чем скорее и решительнее возьмут всю власть Советы, тем скорее расколются и «дикие дивизии» и казаки, расколются на ничтожнейшее меньшинство сознательных корниловцев и на огромное большинство сторонников

демократического и *социалистического* (ибо речь тогда пойдет именно о социализме) союза рабочих и крестьян.

Соппротивление буржуазии, при переходе власти к Советам, поведет к тому, что за *каждым* капиталистом будут «следить», надзирать, контролировать и учитывать его *десятки и сотни* рабочих и крестьян, интерес которых будет требовать борьбы с обманом народа капиталистами. Формы и способы этого учета и контроля выработаны и упрощены именно капитализмом, именно такими созданиями капитализма, как банки, крупные фабрики, синдикаты, железные дороги, почта, потребительные общества и профессиональные союзы. Советам совершенно достаточно будет наказывать уклоняющихся от подробнейшего учета или обманывающих народ капиталистов конфискацией всего их имущества и кратковременным арестом, чтобы сломить этим бескровным путем всякое сопротивление буржуазии. Ибо именно через банки, раз они национализированы, именно через союзы служащих, через почту, через потребительные общества, через профессиональные союзы, контроль и учет станут универсальны, все-сильны, вездесущи, непреодолимы.

И русские Советы, союз русских рабочих и беднейших крестьян, стоят не одиноко в своих *шагах* к социализму. Если бы мы были одиноки, мы не осилили бы этой задачи до конца и мирно, ибо это задача, по существу дела, международная. Но у нас есть величайший резерв, армии более передовых рабочих в других странах, в которых разрыв России с империализмом и с империалистской войной неминуемо ускорит назревающую в них рабочую, социалистическую революцию.

* * *

Говорят о «потоках крови» в гражданской войне. Это говорит приведенная выше резолюция кадетов-корниловцев. Эту фразу повторяют на тысячи ладов все буржуа и все оппортунисты. Над ней смеются и будут смеяться, не могут не смеяться после корниловщины все сознательные рабочие.

Но вопрос о «потоках крови» в военное время, которое мы переживаем, можно и должно поставить на почву приблизительного учета сил, расчета последствий и результатов, взять его серьезно, а не как пустую ходячую фразу, не как одно только лицемерие кадетов, *все* с своей стороны сделавших для того, чтобы Корнилову удалось залить Россию «потоками крови», в целях восстановления диктатуры буржуазии, помещичьей власти и монархии.

«Потоки крови», говорят нам. Разберемся *и в этой* стороне вопроса.

Допустим, колебания меньшевиков и эсеров продолжаются, власти Советам они *не* передают, Керенского *не* свергают, восстанавливают старый, гнилой компромисс с буржуазией *чуть-чуть* в иной форме (вместо кадетов, например, «беспартийные» *корниловцы*), аппарата государственной власти не заменяют советским аппаратом, мира не предлагают, с империализмом не рвут, земли помещиков не конфискуют. Допустим такой исход теперешних колебаний эсеров и меньшевиков, такой исход «12 сентября».

Опыт нашей собственной революции говорит яснее ясного, что последствием этого было бы дальнейшее обессиление эсеров и меньшевиков, дальнейший разрыв их с массами, невероятное усиление в массах возмущения и озлобления, громадное усиление симпатии к революционному пролетариату, к большевикам.

Столичный пролетариат станет тогда еще ближе, чем теперь, к коммуне, к рабочему восстанию, к завоеванию власти в свои руки, к гражданской войне, в ее более высокой и более решительной форме: после опыта 20—21-го апреля и 3—4 июля такой результат надо признать исторически неизбежным.

«Потоки крови», кричат кадеты. Но подобные потоки крови дали бы победу пролетариату и беднейшему крестьянству, а эта победа, с вероятностью девяноста девяти шансов из ста, дала бы *мир* вместо империалистской войны, т. е. *сберегла бы жизнь сотням тысяч* людей, ныне проливающих кровь из-за дележа прибылей и захватов (аннексий) капиталистов. Если бы 20—21 апреля кончилось переходом всей власти к Советам, а внутри их дало победу большевикам в союзе с беднейшим крестьянством, то, хотя бы это стоило даже «потоков крови», это спасло бы жизнь *полмиллиону* русских солдат, наверное погибших в боях 18-го июня.

Так рассчитывает и так будет рассчитывать каждый сознательный русский рабочий и солдат, если он взвешивает и учитывает поднимаемый повсюду вопрос о гражданской войне, и, конечно, такого рабочего и солдата, кое-что пережившего и передумавшего, не испугают вопли о «потоках крови», испускаемые людьми, партиями и группами, желающими уложить жизнь *еще миллионов* русских солдат за Константинополь, за Львов, за Варшаву, за «победу над Германией».

Никакие «потоки крови» во внутренней гражданской войне не сравнятся даже приблизительно с теми *морями* крови, которые русские империалисты пролили после 19-го июня

(вопреки чрезвычайно высоким шансам на возможность избежать этого посредством передачи власти Советам).

Во время войны, господа Милюковы, Потресовы, Плехановы, поосторожнее аргументируйте *против* «потоков крови» в гражданской войне, ибо солдаты знают и видали *моря* крови.

Международное положение русской революции теперь, в 1917 году, на четвертом году неслыханно тяжелой, измучившей народы и преступнейшей войны, таково, что предложение справедливого мира победившим в гражданской войне русским пролетариатом означало бы девяносто девять шансов из ста за возможность добиться перемирия и мира *без пролития еще морей крови*.

Ибо соединение враждующих между собой англо-французского и германского империализмов *против* пролетарски-социалистической республики российской на практике *невозможно*, а соединение английского, японского и американского империализмов против нас до последней степени трудно осуществимо и нам вовсе не страшно, уже в силу географического положения России. А между тем наличность революционных и социалистических пролетарских масс внутри *всех* европейских государств есть факт, назревание и неизбежность всемирной социалистической революции не подлежат сомнению, и помочь этой революции серьезно можно, конечно, не делегациями и не игрой в стокгольмские совещания с иностранными Плехановыми или Церетели, а только движением вперед русской революции.

Буржуа кричат о неизбежном поражении коммуны в России, т. е. поражении пролетариата, если бы он завоевал власть.

Это лживые, корыстно-классовые крики.

Завоевав власть, пролетариат России имеет *все* шансы удержать ее и довести Россию до победоносной революции на Западе.

Ибо, во-первых, мы многому научились со времени Коммуны и не повторили бы роковых ошибок ее, не оставили бы банка в руках буржуазии, не ограничились бы обороной против наших версальцев (корниловцев тож), а перешли бы в наступление против них и раздавили их.

Во-вторых, победивший пролетариат даст России мир. И никакая сила не свергнет правительство *мира*, правительства честного, искреннего, справедливого мира, после всех ужасов более чем трехлетней бойни народов.

В-третьих, победивший пролетариат даст крестьянству немедленно землю без выкупа. И гигантское большинство

крестьянства, измученное и озлобленное «игрой с помещиками», которую проделывает наше правительство, особенно «коалиционное», особенно правительство Керенского, поддержит победивший пролетариат всецело, всемерно, беззаветно.

Вы говорите все о «героических усилиях» народа, господа меньшевики и эсеры. Я на днях только встретил еще и еще раз эту фразу в передовице ваших «Известий ЦИК». У вас это *только* фраза. Но рабочие и крестьяне, читающие ее, *думают* над ней, и каждое размышление, подкрепляемое опытом корниловщины, «опытом» министерства Пешехонова, «опытами» министерства Чернова и *так далее*, каждое размышление неминуемо приводит к выводу: но ведь это «героическое усилие», это и есть не что иное, как доверие беднейшего крестьянства к городским рабочим, как к своим вернейшим союзникам и вождям. Героическое усилие это и есть не что иное, как победа русского пролетариата в гражданской войне над буржуазией, ибо такая победа одна спасет от мучительных колебаний, одна даст выход, даст землю, даст мир.

Если можно осуществить союз городских рабочих с беднейшим крестьянством через немедленную передачу власти Советам, тем лучше. Большевики *все* сделают, чтобы этот *мирный* путь развития революции был обеспечен. Без этого и Учредительное собрание, одно, само по себе, не спасет, ибо в нем ведь тоже эсеры могут продолжать «игру» в соглашения с кадетами, с Брешко-Брешковской и Керенским (чем они лучше кадетов?) и т. д., и т. подобное.

Если даже опыт корниловщины не научил «демократию», и она будет продолжать губительную политику колебаний и соглашательства, тогда мы скажем: ничто так не разрушает пролетарской революции, как эти колебания. Не пугайте же, господа, гражданской войной: она неизбежна, если вы не хотите рассчитаться с корниловщиной и с «коалицией» теперь же, до конца, — то эта война даст победу над эксплуататорами, даст землю крестьянам, даст мир народам, откроет верный путь к победоносной революции всемирного социалистического пролетариата.

*Написано в первой половине
сентября 1917 г.*

*Напечатано 29 (16) сентября 1917 г.
в газете «Рабочий Путь» № 12
Подпись: Н. Ленин*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 34, стр. 214—228*

ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ

УЧЕНИЕ МАРКСИЗМА О ГОСУДАРСТВЕ
И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА В РЕВОЛЮЦИИ ¹¹⁵

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Вопрос о государстве приобретает в настоящее время особенную важность и в теоретическом и в практически-политическом отношениях. Империалистская война чрезвычайно ускорила и обострила процесс превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм. Чудовищное угнетение трудящихся масс государством, которое теснее и теснее сливается с всемогущими союзами капиталистов, становится все чудовищнее. Передовые страны превращаются — мы говорим о «тыле» их — в военно-каторжные тюрьмы для рабочих.

Неслыханные ужасы и бедствия затягивающейся войны делают положение масс невыносимым, усиливают возмущение их. Явно нарастает международная пролетарская революция. Вопрос об отношении ее к государству приобретает практическое значение.

Накопленные десятилетиями сравнительно мирного развития элементы оппортунизма создали господствующее в официальных социалистических партиях всего мира течение социал-шовинизма. Это течение (Плеханов, Потресов, Брешковская, Рубанович, затем в чуточку прикрытой форме гг. Церетели, Чернов и К^о в России; Шейдеман, Легин, Давид и пр. в Германии; Ренодель, Гед, Вандервельд во Франции и Бельгии; Гайндман и фабианцы в Англии и т. д. и т. д.), социализм на словах, шовинизм на деле, отличается подлым лакейским приспособлением «вождей социализма» к интересам не только «своей» национальной буржуазии, но именно «своего» государства, ибо большинство так называемых великих держав давно эксплуатирует и поработывает целый ряд мелких и слабых народностей. А империалистская война является как раз войной за раздел и передел этого рода

добычи. Борьба за высвобождение трудящихся масс из-под влияния буржуазии вообще, и империалистской буржуазии в особенности, невозможна без борьбы с оппортунистическими предрассудками насчет «государства».

Мы рассматриваем сначала учение Маркса и Энгельса о государстве, останавливаясь особенно подробно на забытых или подвергшихся оппортунистическому искажению сторонах этого учения. Мы разберем затем специально главного представителя этих искажений, Карла Каутского, наиболее известного вождя второго Интернационала (1889—1914 гг.), который потерпел такое жалкое банкротство во время настоящей войны. Мы подведем, наконец, главные итоги опыта русских революций 1905 и особенно 1917 года. Эта последняя, видимо, заканчивает в настоящее время (начало августа 1917 г.) первую полосу своего развития, но вся эта революция вообще может быть понята лишь как одно из звеньев в цепи социалистических пролетарских революций, вызываемых империалистской войной. Вопрос об отношении социалистической революции пролетариата к государству приобретает, таким образом, не только практически-политическое значение, но и самое злободневное значение, как вопрос о разъяснении массам того, что они должны будут делать, для своего освобождения от ига капитала, в ближайшем будущем.

Автор

Август 1917 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Настоящее, второе, издание печатается почти без перемен. Добавлен только параграф 3-й к главе II.

Автор

Москва.
17 декабря 1918 г.

ГЛАВА I

КЛАССОВОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

1. ГОСУДАРСТВО — ПРОДУКТ НЕПРИМИРИМОСТИ
КЛАССОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

С учением Маркса происходит теперь то, что не раз бывало в истории с учениями революционных мыслителей и вождей угнетенных классов в их борьбе за освобождение. Угнетающие классы при жизни великих революционеров платили им постоянными преследованиями, встречали их учение самой дикой злобой, самой бешеной ненавистью, самым бесшабашным походом лжи и клеветы. После их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, предоставить известную славу их имени для «утешения» угнетенных классов и для одурачения их, выхолащивая содержание революционного учения, притупляя его революционное острие, опошляя его. На такой «обработке» марксизма сходятся сейчас буржуазия и оппортунисты внутри рабочего движения. Забывают, оттирают, искажают революционную сторону учения, его революционную душу. Выдвигают на первый план, прославляют то, что приемлемо или что кажется приемлемым для буржуазии. Все социал-шовинисты нынче «марксисты», не шутите! И все чаще немецкие буржуазные ученые, вчерашние специалисты по истреблению марксизма, говорят о «национально-немецком» Марксе, который будто бы воспитал так великолепно организованные для ведения грабительской войны союзы рабочих!

При таком положении дела, при неслыханной распространенности искажений марксизма, наша задача состоит прежде всего в *восстановлении* истинного учения Маркса о государстве. Для этого необходимо приведение целого ряда длинных цитат из собственных сочинений Маркса и Энгельса. Конечно, длинные цитаты сделают изложение тяжеловесным и несколько не поспособствуют его популярности. Но обойтись без

них совершенно невозможно. Все, или по крайней мере все решающие, места из сочинений Маркса и Энгельса по вопросу о государстве должны быть непременно приведены в возможно более полном виде, чтобы читатель мог составить себе самостоятельное представление о совокупности взглядов основоположников научного социализма и о развитии этих взглядов, а также чтобы искажение их господствующим ныне «каутскианством» было доказано документально и показано наглядно.

Начнем с самого распространенного сочинения Фр. Энгельса: «Происхождение семьи, частной собственности и государства», которое в 1894 году вышло в Штутгарте уже 6-ым изданием. Нам придется переводить цитаты с немецких оригиналов, потому что русские переводы, при всей их многочисленности, большей частью либо неполны, либо сделаны крайне неудовлетворительно.

«Государство, — говорит Энгельс, подводя итоги своему историческому анализу, — никоим образом не представляет из себя силы, извне навязанной обществу. Государство не есть также «действительность нравственной идеи», «образ и действительность разума», как утверждает Гегель. Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общества в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство» (стр. 177—178 шестого немецкого издания) ¹¹⁶.

Здесь с полной ясностью выражена основная идея марксизма по вопросу об исторической роли и о значении государства. Государство есть продукт и проявление *непримиримости* классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно *не могут* быть примирены. И наоборот: существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы.

Тема: Государство и революция
 автор: Иванов
 предмет: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции

Введение

Вопрос о государстве приобретает в настоящее время особенную важность в империалистской и империалистско-империалистской эпохе. Первая мировая война представляет собой законченную стадию процесса империализма, империализма как такового. Империализм — это стадия империализма, империализм — это стадия империализма, империализм — это стадия империализма.

Империализм — это стадия империализма, империализм — это стадия империализма, империализм — это стадия империализма.

Империализм — это стадия империализма, империализм — это стадия империализма, империализм — это стадия империализма.

Мы рассматриваем сейчас учение Маркса и Энгельса о государстве, рассматриваем особенно подробно на задачах и империалистской империалистской эпохе. Мы рассматриваем сейчас учение Маркса и Энгельса о государстве, рассматриваем особенно подробно на задачах и империалистской империалистской эпохе.

Вопрос вкратце:

Август 1917 г. Автор.

(Иванов, Петров, Белинский, Гоголь, Пушкин в кругу друзей
 форма 2.2 Чернышев, Чернов и Ко в России; Мензесман, Могилев,
 Давид и др. в Германии; Редерс, Эд. Вандервельд во Франции
 "Ан. Велли; Тайнланд — Габриэль в Англии и т. д.)

Именно по этому важнейшему и коренному пункту начинается искажение марксизма, идущее по двум главным линиям.

С одной стороны, буржуазные и особенно мелкобуржуазные идеологи, — вынужденные под давлением бесспорных исторических фактов признать, что государство есть только там, где есть классовые противоречия и классовая борьба, — «подправляют» Маркса таким образом, что государство выходит органом *примирения* классов. По Марксу, государство не могло бы ни возникнуть, ни держаться, если бы возможно было примирение классов. У мещанских и филистерских профессоров и публицистов выходит, — сплошь и рядом при благожелательных ссылок на Маркса! — что государство как раз примиряет классы. По Марксу, государство есть орган классового *господства*, орган *угнетения* одного класса другим, есть создание «порядка», который узаконяет и упрочивает это угнетение, умеряя столкновение классов. По мнению мелкобуржуазных политиков, порядок есть именно примирение классов, а не угнетение одного класса другим; умерять столкновение — значит примирять, а не отнимать у угнетенных классов определенные средства и способы борьбы за свержение угнетателей.

Например, все эсеры (социалисты-революционеры) и меньшевики в революции 1917 года, когда вопрос о значении и роли государства как раз встал во всем своем величии, встал практически, как вопрос немедленного действия и притом действия в массовом масштабе, — все скатились сразу и целиком к мелкобуржуазной теории «примирения» классов «государством». Бесчисленные резолюции и статьи политиков обеих этих партий насквозь пропитаны этой мещанской и филистерской теорией «примирения». Что государство есть орган господства определенного класса, который *не может* быть примирен со своим антиподом (с противоположным ему классом), этого мелкобуржуазная демократия никогда не в состоянии понять. Отношение к государству — одно из самых наглядных проявлений того, что наши эсеры и меньшевики вовсе не социалисты (что мы, большевики, всегда доказывали), а мелкобуржуазные демократы с почти социалистической фразеологией.

С другой стороны, «каутскианское» извращение марксизма гораздо тоньше. «Теоретически» не отрицается ни то, что государство есть орган классового господства, ни то, что классовые противоречия непримиримы. Но упускается из виду или затушевывается следующее: если государство есть продукт непримиримости классовых противоречий, если оно

есть сила, стоящая *над* обществом и «*все более и более отчуждающая* себя от общества», то ясно, что освобождение угнетенного класса невозможно не только без насильственной революции, *но и без уничтожения* того аппарата государственной власти, который господствующим классом создан и в котором это «отчуждение» воплощено. Этот вывод, теоретически ясный сам собою, Маркс сделал, как мы увидим ниже, с полнейшей определенностью на основании конкретно-исторического анализа задач революции. И именно этот вывод Каутский — мы покажем это подробно в дальнейшем изложении — ...«забыл» и извратил.

2. ОСОБЫЕ ОТРЯДЫ ВООРУЖЕННЫХ ЛЮДЕЙ, ТЮРЬМЫ И ПР.

«...По сравнению со старой гентильной (родовой или клановой) организацией, — продолжает Энгельс, — государство отличается, во-первых, разделением подданных государства по территориальным делениям...»

Нам это деление кажется «естественным», но оно стоило долгой борьбы со старой организацией по коленам или по родам.

«...Вторая отличительная черта — учреждение общественной власти, которая уже не совпадает непосредственно с населением, организующим самое себя, как вооруженная сила. Эта особая общественная власть необходима потому, что самодействующая вооруженная организация населения сделалась невозможной со времени раскола общества на классы... Эта общественная власть существует в каждом государстве. Она состоит не только из вооруженных людей, но и из вещественных придатков, тюрем и принудительных учреждений всякого рода, которые были неизвестны родовому (клановому) устройству общества...»

Энгельс развертывает понятие той «силы», которая называется государством, силы, происшедшей из общества, но ставящей себя над ним и все более и более отчуждающей себя от него. В чем состоит, главным образом, эта сила? В особых отрядах вооруженных людей, имеющих в своем распоряжении тюрьмы и прочее.

Мы имеем право говорить об особых отрядах вооруженных людей, потому что свойственная всякому государству общественная власть «не совпадает непосредственно» с вооруженным населением, с его «самодействующей вооруженной организацией»,

Как все великие революционные мыслители, Энгельс старается обратить внимание сознательных рабочих именно на то, что господствующей обывательщине представляется наименее стоящим внимания, наиболее привычным, освященным предрассудками не только прочными, но, можно сказать, окаменевшими. Постоянное войско и полиция суть главные орудия силы государственной власти, но — разве может это быть иначе?

С точки зрения громадного большинства европейцев конца XIX века, к которым обращался Энгельс и которые не переживали и не наблюдали близко ни одной великой революции, это не может быть иначе. Им совершенно непонятно, что это такое за «самодействующая вооруженная организация населения». На вопрос о том, почему явилась надобность в особых, над обществом поставленных, отчуждающих себя от общества, отрядах вооруженных людей (полиция, постоянная армия), западноевропейский и русский филистер склонен отвечать парой фраз, заимствованных у Спенсера или у Михайловского, ссылкой на усложнение общественной жизни, на дифференциацию функций и т. п.

Такая ссылка кажется «научной» и прекрасно усыпляет обывателя, затемняя главное и основное: раскол общества на непримиримо враждебные классы.

Не будь этого раскола, «самодействующая вооруженная организация населения» отличалась бы своей сложностью, высотой своей техники и пр. от примитивной организации стада обезьян, берущих палки, или первобытных людей, или людей, объединенных в клановые общества, но такая организация была бы возможна.

Она невозможна потому, что общество цивилизации расколото на враждебные и притом непримиримо враждебные классы, «самодействующее» вооружение которых привело бы к вооруженной борьбе между ними. Складывается государство, создается особая сила, особые отряды вооруженных людей, и каждая революция, разрушая государственный аппарат, показывает нам обнаженную классовую борьбу, показывает нам воочию, как господствующий класс стремится возобновить служащие *ему* особые отряды вооруженных людей, как угнетенный класс стремится создать новую организацию этого рода, способную служить не эксплуататорам, а эксплуатируемым.

Энгельс ставит в приведенном рассуждении теоретически тот самый вопрос, который практически, наглядно и притом в масштабе массового действия ставит перед нами каждая великая революция, именно вопрос о взаимоотношении

«особых» отрядов вооруженных людей и «самодействующей вооруженной организации населения». Мы увидим, как этот вопрос конкретно иллюстрируется опытом европейских и русских революций.

Но вернемся к изложению Энгельса.

Он указывает, что иногда, например, кое-где в Северной Америке, эта общественная власть слаба (речь идет о редком исключении для капиталистического общества и о тех частях Северной Америки в ее доимпериалистическом периоде, где преобладал свободный колонист), но, вообще говоря, она усиливается:

«...Общественная власть усиливается по мере того, как обостряются классовые противоречия внутри государства, и по мере того, как соприкасающиеся между собой государства становятся больше и населеннее. Взгляните хотя бы на теперешнюю Европу, в которой классовая борьба и конкуренция завоеваний взвинтили общественную власть до такой высоты, что она грозит поглотить все общество и даже государство...».

Это писано не позже начала 90-х годов прошлого века. Последнее предисловие Энгельса помечено 16 июня 1891 года¹¹⁷. Тогда поворот к империализму — и в смысле полного господства трестов, и в смысле всевластия крупнейших банков, и в смысле грандиозной колониальной политики и прочее — только-только еще начинался во Франции, еще слабее в Северной Америке и в Германии. С тех пор «конкуренция завоеваний» сделала гигантский шаг вперед, тем более, что земной шар оказался в начале второго десятилетия XX века окончательно поделенным между этими «конкурирующими завоевателями», т. е. великими грабительскими державами. Военные и морские вооружения выросли с тех пор неимоверно, и грабительская война 1914—1917 годов из-за господства над миром Англии или Германии, из-за дележа добычи, приблизила «поглощение» всех сил общества хищнической государственной властью к полной катастрофе.

Энгельс умел еще в 1891 году указывать на «конкуренцию завоеваний», как на одну из важнейших отличительных черт внешней политики великих держав, а негодяи социал-шовинизма в 1914—1917 годах, когда именно эта конкуренция, обострившись во много раз, породила империалистскую войну, прикрывают защиту грабительских интересов «своей» буржуазии фразами о «защите отечества», об «обороне республики и революции» и т. под.!

3. ГОСУДАРСТВО — ОРУДИЕ ЭКСПЛУАТАЦИИ УГНЕТЕННОГО КЛАССА

Для содержания особой, стоящей над обществом, общественной власти нужны налоги и государственные долги.

«...Обладая общественной властью и правом взыскания налогов, чиновники, — пишет Энгельс, — становятся, как органы общества, *над* обществом. Свободное, добровольное уважение, с которым относились к органам родового (кланового) общества, им уже недостаточно — даже если бы они могли завоевать его...» Создаются особые законы о святости и неприкосновенности чиновников. «Самый жалкий полицейский служитель» имеет больше «авторитета», чем представители клана, но даже глава военной власти цивилизованного государства мог бы позавидовать старшине клана, пользующемуся «не из-под палки приобретенным уважением» общества.

Вопрос о привилегированном положении чиновников, как органов государственной власти, здесь поставлен. Намечено как основное: что ставит их *над* обществом? Мы увидим, как этот теоретический вопрос практически решался Парижской Коммуной в 1871 году и реакционно затушевывался Каутским в 1912 году.

«...Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов; так как оно в то же время возникло в самых столкновениях этих классов, то оно по общему правилу является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса...» Не только древнее и феодальное государства были органами эксплуатации рабов и крепостных, но и «современное представительное государство есть орудие эксплуатации наемного труда капиталом. В виде исключения встречаются, однако, периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними...» Такова абсолютная монархия XVI и XVIII веков, бонапартизм первой и второй империи во Франции, Бисмарк в Германии.

Таково — добавим от себя — правительство Керенского в республиканской России после перехода к преследованиям

революционного пролетариата, в такой момент, когда Советы благодаря руководству мелкобуржуазных демократов *уже* бессильны, а буржуазия *еще* недостаточно сильна, чтобы прямо разогнать их.

В демократической республике — продолжает Энгельс — «богатство пользуется своей властью косвенно, но зато тем вернее», именно, во-первых, посредством «прямого подкупа чиновников» (Америка), во-вторых, посредством «союза между правительством и биржей» (Франция и Америка).

В настоящее время империализм и господство банков «развили» оба эти способа отстаивать и проводить в жизнь всевластие богатства в каких угодно демократических республиках до необыкновенного искусства. Если, например, в первые же месяцы демократической республики в России, можно сказать в медовый месяц бракосочетания «социалистов» эсеров и меньшевиков с буржуазией в коалиционном правительстве, г. Пальчинский саботировал все меры обуздания капиталистов и их мародерства, их грабежа казны на военных поставках, если затем ушедший из министерства г. Пальчинский (замененный, конечно, другим совершенно таким же Пальчинским) «награжден» капиталистами местечком с жалованьем в 120 000 рублей в год, — то что это такое? прямой подкуп или не прямой? союз правительства с синдикатами или «только» дружественные отношения? Какую роль играют Черновы и Церетели, Авксентьевы и Скобелевы? — «Прямые» ли они союзники миллионеров-казнокрадов или только косвенные?

Всевластие «богатства» и потому *вернее* при демократической республике, что оно не зависит от отдельных недостатков политического механизма, от плохой политической оболочки капитализма. Демократическая республика есть наилучшая возможная политическая оболочка капитализма, и потому капитал, овладев (через Пальчинских, Черновых, Церетели и К^о) этой наилучшей оболочкой, обосновывает свою власть настолько надежно, настолько верно, что *никакая* смена ни лиц, ни учреждений, ни партий в буржуазно-демократической республике не колеблет этой власти.

Надо отметить еще, что Энгельс с полнейшей определенностью называет и всеобщее избирательное право орудием господства буржуазии. Всеобщее избирательное право, говорит он, явно учитывая долгий опыт немецкой социал-демократии, есть

«показатель зрелости рабочего класса. Дать большее оно не может и никогда не даст в теперешнем государстве».

Мелкобуржуазные демократы, вроде наших эсеров и меньшевиков, а также их родные братья, все социал-шовинисты и оппортунисты Западной Европы, ждут именно «большого» от всеобщего избирательного права. Они разделяют сами и внушают народу ту ложную мысль, будто всеобщее избирательное право «в *теперешнем* государстве» способно действительно выявить волю большинства трудящихся и закрепить проведение ее в жизнь.

Мы можем здесь только отметить эту ложную мысль, только указать на то, что совершенно ясное, точное, конкретное заявление Энгельса искажается на каждом шагу в пропаганде и агитации «официальных» (т. е. оппортунистических) социалистических партий. Подробное выяснение всей лживости той мысли, которую отмечает здесь прочь Энгельс, дается нашим дальнейшим изложением взглядов Маркса и Энгельса на «*теперешнее*» государство.

Общий итог своим взглядам Энгельс дает в своем наиболее популярном сочинении в следующих словах:

«Итак, государство существует не извечно. Были общества, которые обходились без него, которые понятия не имели о государстве и государственной власти. На определенной ступени экономического развития, которая необходимо связана была с расколом общества на классы, государство стало в силу этого раскола необходимою. Мы приближаемся теперь быстрыми шагами к такой ступени развития производства, на которой существование этих классов не только перестало быть необходимою, но становится прямой помехой производству. Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором».

Не часто случается встречать эту цитату в пропагандистской и агитационной литературе современной социал-демократии. Но даже тогда, когда эта цитата встречается, ее приводят большей частью, как будто бы совершали поклон перед

иконой, т. е. для официального выражения почтения к Энгельсу, без всякой попытки вдуматься в то, насколько широкий и глубокий размах революции предполагается этой «отправкой всей государственной машины в музей древностей». Не видно даже большей частью понимания того, что называет Энгельс государственной машиной.

4. «ОТМИРАНИЕ» ГОСУДАРСТВА И НАСИЛЬСТВЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Слова Энгельса об «отмирании» государства пользуются такой широкой известностью, они так часто цитируются, так рельефно показывают, в чем состоит соль обычной подделки марксизма под оппортунизм, что на них необходимо подробно остановиться. Приведем все рассуждение, из которого они взяты:

«Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность. Но тем самым он уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство как государство. Существовавшему и существующему до сих пор обществу, которое движется в классовых противоположностях, было необходимо государство, т. е. организация эксплуататорского класса для поддержания его внешних условий производства, значит, в особенности для насильственного удержания эксплуатируемого класса в определяемых данным способом производства условиях подавления (рабство, крепостничество, наемный труд). Государство было официальным представителем всего общества, его сосредоточением в видимой корпорации, но оно было таковым лишь постольку, поскольку оно было государством того класса, который для своей эпохи один представлял все общество: в древности оно было государством рабовладельцев — граждан государства, в средние века — феодального дворянства, в наше время — буржуазии. Когда государство наконец-то становится действительно представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним. С того времени, как не будет ни одного общественного класса, который надо бы было держать в подавлении, с того времени, когда исчезнут вместе с классовым господством, вместе с борьбой за отдельное существование, порождаемой теперешней анархией в производстве, те столкновения и эксцессы (крайности), которые проистекают из этой борьбы, — с этого времени

ничего будет подавлять, не будет и надобности в особой силе для подавления, в государстве. Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества — взятие во владение средств производства от имени общества, — является в то же время последним самостоятельным актом его как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другою излишним и само собою засыпает. Место правительства над лицами заступает распоряжение вещами и руководство процессами производства. Государство не «отменяется», оно *отмирает*. На основании этого следует оценивать фразу про «свободное народное государство», фразу, имевшую на время агитаторское право на существование, но в конечном счете научно несостоятельную. На основании этого следует оценивать также требование так называемых анархистов, чтобы государство было отменено с сегодня на завтра» («Анти-Дюринг». «Ниспровержение науки господином Евгением Дюрингом», стр. 301—303 по 3-му нем. изд.)¹¹⁸.

Не боясь ошибиться, можно сказать, что из этого, замечательно богатого мыслями, рассуждения Энгельса действительным достоянием социалистической мысли в современных социалистических партиях стало только то, что государство «отмирает», по Марксу, в отличие от анархического учения об «отмене» государства. Так обкорнать марксизм значит свести его к оппортунизму, ибо при таком «толковании» остается только смутное представление о медленном, ровном, постепенном изменении, об отсутствии скачков и бурь, об отсутствии революции. «Отмирание» государства в ходячем, общераспространенном, массовом, если можно так выразиться, понимании означает, несомненно, затушевывание, если не отрицание, революции.

А между тем подобное «толкование» есть самое грубое, выгодное лишь для буржуазии, искажение марксизма, теоретически основанное на забвении важнейших обстоятельств и соображений, указанных хотя бы в том же, приведенном нами полностью, «итоговом» рассуждении Энгельса.

Во-первых. В самом начале этого рассуждения Энгельс говорит, что, беря государственную власть, пролетариат «тем самым уничтожает государство как государство». Что это значит, об этом думать «не принято». Обычно это либо игнорируют совершенно, либо считают чем-то вроде «гегельянской слабости» Энгельса. На деле в этих словах выражен

кратко опыт одной из величайших пролетарских революций, опыт Парижской Коммуны 1871 года, о чем подробнее пойдет у нас речь в своем месте. На деле здесь Энгельс говорит об «уничтожении» пролетарской революцией государства *буржуазии*, тогда как слова об отмирании относятся к остаткам *пролетарской* государственности *после* социалистической революции. Буржуазное государство не «отмирает», по Энгельсу, а «*уничтожается*» пролетариатом в революции. Отмирает после этой революции пролетарское государство или полу-государство.

Во-вторых. Государство есть «особая сила для подавления». Это великолепное и в высшей степени глубокое определение Энгельса дано им здесь с полнейшей ясностью. А из него вытекает, что «особая сила для подавления» пролетариата буржуазией, миллионов трудящихся горстками богачей должна смениться «особой силой для подавления» буржуазии пролетариатом (диктатура пролетариата). В этом и состоит «уничтожение государства как государства». В этом и состоит «акт» взятия во владение средств производства от имени общества. И само собою очевидно, что *такая* смена одной (буржуазной) «особой силы» другою (пролетарскою) «особою силою» никак уже не может произойти в виде «отмирания».

В-третьих. Об «отмирании» и даже еще рельефнее и красочнее — о «засыпании» Энгельс говорит совершенно ясно и определенно по отношению к эпохе *после* «взятия средств производства во владение государством от имени всего общества», т. е. *после* социалистической революции. Мы все знаем, что политической формой «государства» в это время является самая полная демократия. Но никому из оппортунистов, бесстыдно искажающих марксизм, не приходит в голову, что речь идет здесь, следовательно, у Энгельса, о «засыпании» и «отмирании» *демократии*. Это кажется на первый взгляд очень странным. Но «непонятно» это только для того, кто не вдумался, что демократия есть *то же* государство и что, следовательно, демократия тоже исчезнет, когда исчезнет государство. Буржуазное государство может «уничтожить» только революция. Государство вообще, т. е. самая полная демократия, может только «отмереть».

В-четвертых. Выставив свое знаменитое положение: «государство отмирает», Энгельс сейчас же поясняет конкретно, что направляется это положение и против оппортунистов и против анархистов. При этом на первое место поставлен у Энгельса тот вывод из положения об «отмирании государства», который направлен против оппортунистов.

Можно биться о заклад, что из 10 000 человек, которые читали или слышали об «отмирании» государства, 9990 совсем не знают или не помнят, что Энгельс направлял свои выводы из этого положения *не только* против анархистов. А из остальных десяти человек, наверное, девять не знают, что такое «свободное народное государство» и почему в нападении на этот лозунг заключается нападение на оппортунистов. Так пишется история! Так происходит незаметная подделка великого революционного учения под господствующую обывательщину. Вывод против анархистов тысячи раз повторялся, опошлялся, вбивался в головы наиболее упрощенно, приобрел прочность предрассудка. А вывод против оппортунистов затушевали и «забыли»!

«Свободное народное государство» было программным требованием и ходячим лозунгом немецких социал-демократов 70-х годов. Никакого политического содержания, кроме мещански-напыщенного описания понятия демократии, в этом лозунге нет. Поскольку в нем легально намекали на демократическую республику, постольку Энгельс готов был «на время» «оправдать» этот лозунг с агитаторской точки зрения. Но этот лозунг был оппортунистичен, ибо выражал не только подкрашивание буржуазной демократии, но и непонимание социалистической критики всякого государства вообще. Мы за демократическую республику, как наилучшую для пролетариата форму государства при капитализме, но мы не вправе забывать, что наемное рабство есть удел народа и в самой демократической буржуазной республике. Далее. Всякое государство есть «особая сила для подавления» угнетенного класса. Поэтому *всякое* государство *несвободно* и *ненародно*. Маркс и Энгельс неоднократно разъясняли это своим партийным товарищам в 70-х годах¹¹⁹.

В-пятых. В том же самом сочинении Энгельса, из которого все помнят рассуждение об отмирании государства, есть рассуждение о значении насильственной революции. Историческая оценка ее роли превращается у Энгельса в настоящий панегирик насильственной революции. Этого «никто не помнит», о значении этой мысли говорить и даже думать в современных социалистических партиях не принято, в повседневной пропаганде и агитации среди масс эти мысли никакой роли не играют. А между тем они связаны с «отмиранием» государства неразрывно, в одно стройное целое.

Вот это рассуждение Энгельса:

«...Что насилие играет также в истории другую роль» (кроме свершителя зла), «именно революционную роль,

что оно, по словам Маркса, является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым ¹²⁰, что насилие является тем орудием, посредством которого общественное движение пролагает себе дорогу и ломает окаменевшие, омертвевшие политические формы, — обо всем этом ни слова у г-на Дюринга. Лишь со вздохами и стонами допускает он возможность того, что для ниспровержения эксплуататорского хозяйничанья понадобится, может быть, насилие — к сожалению, извольте видеть! ибо всякое применение насилия деморализует, дескать, того, кто его применяет. И это говорится, несмотря на тот высокий нравственный и идейный подъем, который бывал следствием всякой победоносной революции! И это говорится в Германии, где насильственное столкновение, которое ведь может быть навязано народу, имело бы по меньшей мере то преимущество, что вытравило бы дух холопства, проникший в национальное сознание из унижения Тридцатилетней войны. И это тусклое, дряблое, бессильное поповское мышление смеет предлагать себя самой революционной партии, какую только знает история?» (стр. 193 по 3-му нем. изд., конец 4-ой главы II отдела) ¹²¹.

Как можно соединить в одном учении этот панегирик насильственной революции, настойчиво преподносимый Энгельсом немецким социал-демократам с 1878 по 1894 год, т. е. до самой его смерти, с теорией «отмирания» государства?

Обычно соединяют то и другое при помощи эклектицизма, безыдейного или софистического выхватывания произвольно (или для угождения власти имущим) то одного, то другого рассуждения, причем в девяносто девяти случаях из ста, если не чаще, выдвигается на первый план именно «отмирание». Диалектика заменяется эклектицизмом: это самое обычное, самое распространенное явление в официальной социал-демократической литературе наших дней по отношению к марксизму. Такая замена, конечно, не новость, она наблюдалась даже в истории классической греческой философии. При подделке марксизма под оппортунизм подделка эклектицизма под диалектику легче всего обманывает массы, дает кажущееся удовлетворение, якобы учитывает все стороны процесса, все тенденции развития, все противоречивые влияния и прочее, а на деле не дает никакого цельного и революционного понимания процесса общественного развития.

Мы уже говорили выше и подробнее покажем в дальнейшем изложении, что учение Маркса и Энгельса о неизбеж-

ности насильственной революции относится к буржуазному государству. Оно смениться государством пролетарским (диктатурой пролетариата) *не может* путем «отмирания», а может, по общему правилу, лишь насильственной революцией. Панегирик, воспетый ей Энгельсом и вполне соответствующий многократным заявлениям Маркса — (вспомним конец «Нищеты философии»¹²² и «Коммунистического Манифеста»¹²³ с гордым, открытым заявлением неизбежности насильственной революции; вспомним критику Готской программы 1875 года, почти 30 лет спустя, где Маркс беспощадно бичует оппортунизм этой программы¹²⁴) — этот панегирик отнюдь не «увлечение», отнюдь не декламация, не полемическая выходка. Необходимость систематически воспитывать массы в *таком* и именно *таком* взгляде на насильственную революцию лежит в основе *всего* учения Маркса и Энгельса. Измена их учению господствующими ныне социал-шовинистским и каутскианским течениями особенно рельефно выражается в забвении и теми и другими *такой* пропаганды, такой агитации.

Смена буржуазного государства пролетарским невозможна без насильственной революции. Уничтожение пролетарского государства, т. е. уничтожение всякого государства, невозможно иначе, как путем «отмирания».

Подробное и конкретное развитие этих взглядов Маркс и Энгельс давали, изучая каждую отдельную революционную ситуацию, анализируя уроки опыта каждой отдельной революции. К этой, безусловно самой важной, части их учения мы и переходим.

ГЛАВА II

ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ. ОПЫТ 1848—1851 ГОДОВ

1. КАНУН РЕВОЛЮЦИИ

Первые произведения зрелого марксизма, «Нищета философии» и «Коммунистический Манифест», относятся как раз к кануну революции 1848 года. В силу этого обстоятельства, наряду с изложением общих основ марксизма, мы имеем здесь до известной степени отражение тогдашней конкретной революционной ситуации, и поэтому целесообразнее будет, пожалуй, рассмотреть то, что говорится авторами этих произведений о государстве, непосредственно перед их выводами из опыта 1848—1851 годов.

«...Рабочий класс, — пишет Маркс в «Нищете философии», — поставит, в ходе развития, на место старого

буржуазного общества такую ассоциацию, которая исключает классы и их противоположность; не будет уже никакой собственно политической власти, ибо именно политическая власть есть официальное выражение противоположности классов внутри буржуазного общества» (стр. 182 нем. изд. 1885 г.)¹²⁵.

Поучительно сопоставить с этим общим изложением мысли об исчезновении государства после уничтожения классов то изложение, которое дано в написанном Марксом и Энгельсом несколько месяцев спустя, — именно, в ноябре 1847 года, — «Коммунистическом Манифесте»:

«...Описывая наиболее общие фазы развития пролетариата, мы прослеживали более или менее прикрытую гражданскую войну внутри существующего общества вплоть до того пункта, когда она превращается в открытую революцию, и пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии...

...Мы видели уже выше, что первым шагом в рабочей революции является превращение» (буквально: повышение) «пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии.

Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы постепенно вырвать у буржуазии весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. организованного, как господствующий класс, пролетариата, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил» (стр. 31 и 37 по 7-му нем. изд. 1906 года)¹²⁶.

Здесь мы видим формулировку одной из самых замечательных и важнейших идей марксизма в вопросе о государстве, именно идеи «диктатуры пролетариата» (как стали говорить Маркс и Энгельс после Парижской Коммуны), а затем в высшей степени интересное определение государства, принадлежащее тоже к числу «забытых слов» марксизма. *«Государство, то есть организованный в господствующий класс пролетариат».*

Это определение государства не только никогда не разъяснялось в господствующей пропагандистской и агитационной литературе официальных социал-демократических партий. Мало того. Оно было именно забыто, так как оно совершенно непримиримо с реформизмом, оно бьет в лицо обыч-

ным оппортунистическим предрассудкам и мещанским иллюзиям насчет «мирного развития демократии».

Пролетариату нужно государство — это повторяют все оппортунисты, социал-шовинисты и каутскианцы, уверяя, что таково учение Маркса, и «забывая» добавить, что, во-первых, по Марксу, пролетариату нужно лишь отмирающее государство, т. е. устроенное так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать. А, во-вторых, трудящимся нужно «государство», «то есть организованный в господствующий класс пролетариат».

Государство есть особая организация силы, есть организация насилия для подавления какого-либо класса. Какой же класс надо подавлять пролетариату? Конечно, только эксплуататорский класс, т. е. буржуазию. Трудящимся нужно государство лишь для подавления сопротивления эксплуататоров, а руководить этим подавлением, провести его в жизнь в состоянии только пролетариат, как единственный до конца революционный класс, единственный класс, способный объединить всех трудящихся и эксплуатируемых в борьбе против буржуазии, в полном смещении ее.

Эксплуататорским классам нужно политическое господство в интересах поддержания эксплуатации, т. е. в корыстных интересах ничтожного меньшинства, против громаднейшего большинства народа. Эксплуатируемым классам нужно политическое господство в интересах полного уничтожения всякой эксплуатации, т. е. в интересах громаднейшего большинства народа, против ничтожного меньшинства современных рабовладельцев, т. е. помещиков и капиталистов.

Мелкобуржуазные демократы, эти якобы социалисты, заменявшие классовую борьбу мечтаниями о соглашении классов, представляли себе и социалистическое преобразование мечтательным образом, не в виде свержения господства эксплуататорского класса, а в виде мирного подчинения меньшинства понявшему свои задачи большинству. Эта мелкобуржуазная утопия, неразрывно связанная с признанием надклассового государства, приводила на практике к предательству интересов трудящихся классов, как это и показала, например, история французских революций 1848 и 1871 годов, как это показал опыт «социалистического» участия в буржуазных министерствах в Англии, во Франции, в Италии и других странах в конце XIX и в начале XX века.

Маркс всю свою жизнь боролся с этим мелкобуржуазным социализмом, ныне возрожденным в России партиями эсеров и меньшевиков. Маркс провел учение о классовой борьбе

последовательно вплоть до учения о политической власти, о государстве.

Свержение господства буржуазии возможно только со стороны пролетариата, как особого класса, экономические условия существования которого готовят его к такому свержению, дают ему возможность и силу совершить его. В то время как буржуазия раздробляет, распыляет крестьянство и все мелкобуржуазные слои, она сплавливает, объединяет, организует пролетариат. Только пролетариат, — в силу экономической роли его в крупном производстве, — способен быть вождем *всех* трудящихся и эксплуатируемых масс, которые буржуазия эксплуатирует, гнетет, давит часто не меньше, а сильнее, чем пролетариев, но которые не способны к *самостоятельной* борьбе за свое освобождение.

Учение о классовой борьбе, примененное Марксом к вопросу о государстве и о социалистической революции, ведет необходимо к признанию *политического господства* пролетариата, его диктатуры, т. е. власти, не разделяемой ни с кем и опирающейся непосредственно на вооруженную силу масс. Свержение буржуазии осуществимо лишь превращением пролетариата в *господствующий класс*, способный подавить неизбежное, отчаянное сопротивление буржуазии и организовать для нового уклада хозяйства *все* трудящиеся и эксплуатируемые массы.

Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплуататоров и для *руководства* громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле «налаживания» социалистического хозяйства.

Воспитывая рабочую партию, марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и *вести весь народ* к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии. Наоборот, господствующий ныне оппортунизм воспитывает из рабочей партии отрывающихся от массы представителей лучше оплачиваемых рабочих, «устраивающихся» сносно при капитализме, продающих за чечевичную похлебку свое право первородства, т. е. отказывающихся от роли революционных вождей народа против буржуазии.

«Государство, то есть организованный в господствующий класс пролетариат», — эта теория Маркса неразрывно связана со всем его учением о революционной роли пролета-

риата в истории. Завершение этой роли есть пролетарская диктатура, политическое господство пролетариата.

Но если пролетариату нужно государство, как особая организация насилия *против* буржуазии, то отсюда сам собой напрашивается вывод, мыслимо ли создание такой организации без предварительного уничтожения, без разрушения той государственной машины, которую создала себе буржуазия? К этому выводу вплотную подводит «Коммунистический Манифест», и об этом выводе говорит Маркс, подводя итоги опыту революции 1848—1851 годов.

2. ИТОГИ РЕВОЛЮЦИИ

По интересующему нас вопросу о государстве Маркс подводит итоги революции 1848—1851 годов в следующем рассуждении из сочинения «18-ое брюмера Луи Бонапарта»:

«...Но революция основательна. Она еще находится в путешествии через чистилище. Она выполняет свое дело методически. До 2-го декабря 1851-го года» (день совершения государственного переворота Луи Бонапартом) «она закончила половину своей подготовительной работы, теперь она заканчивает другую половину. Сначала она доводит до совершенства парламентарную власть, чтобы иметь возможность ниспровергнуть ее. Теперь, когда она этого достигла, она доводит до совершенства *исполнительную власть*, сводит ее к ее самому чистому выражению, изолирует ее, противопоставляет ее себе, как единственный объект, *чтобы сконцентрировать против нее все силы разрушения*» (курсив наш). «И когда революция закончит эту вторую половину своей предварительной работы, тогда Европа поднимется со своего места и скажет, торжествуя: ты хорошо роешь, старый крот!

Эта исполнительная власть, с ее громадной бюрократической и военной организацией, с ее многосложной и искусственной государственной машиной, с этим войском чиновников в полмиллиона человек рядом с армией еще в полмиллиона, этот ужасный организм-паразит, обвиняющий точно сетью все тело французского общества и затыкающий все его поры, возник в эпоху самодержавной монархии, при упадке феодализма, упадке, который этот организм помогал ускорять». Первая французская революция развила централизацию, «но вместе с тем расширила объем, атрибуты и число пособников правительственной власти. Наполеон завершил эту государ-

ственную машину». Легитимная монархия и Июльская монархия «не прибавили ничего нового, кроме бóльшего разделения труда...

...Наконец, парламентарная республика оказалась в своей борьбе против революции вынужденной усилить, вместе с мерами репрессии, средства и централизацию правительственной власти. *Все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее* (курсив наш). «Партии, которые, сменяя друг друга, боролись за господство, рассматривали захват этого огромного государственного здания, как главную добычу при своей победе» («18-ое брюмера Луи Бонапарта», стр. 98—99, изд. 4-е, Гамбург, 1907 г.)¹²⁷.

В этом замечательном рассуждении марксизм делает громадный шаг вперед по сравнению с «Коммунистическим Манифестом». Там вопрос о государстве ставится еще крайне абстрактно, в самых общих понятиях и выражениях. Здесь вопрос ставится конкретно, и вывод делается чрезвычайно точный, определенный, практически-осязательный: все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать.

Этот вывод есть главное, основное в учении марксизма о государстве. И именно это основное не только совершенно забыто господствующими официальными социал-демократическими партиями, но и прямо *извращено* (как увидим ниже) виднейшим теоретиком II Интернационала К. Каутским.

В «Коммунистическом Манифесте» подведены общие итоги истории, заставляющие видеть в государстве орган классового господства и приводящие к необходимому заключению, что пролетариат не может свергнуть буржуазии, не завоевав сначала политической власти, не получив политического господства, не превратив государства в «организованный, как господствующий класс, пролетариат», и что это пролетарское государство сейчас же после его победы начнет отмирать, ибо в обществе без классовых противоречий государство не нужно и невозможно. Здесь не ставится вопрос о том, какова же должна — с точки зрения исторического развития — быть эта смена буржуазного государства пролетарским.

Именно такой вопрос Маркс ставит и решает в 1852 году. Верный своей философии диалектического материализма, Маркс берет в основу исторический опыт великих годов революции — 1848—1851. Учение Маркса и здесь — как и все-

гда — есть освещенное глубоким философским мирозерцанием и богатым знанием истории *подытожение опыта*.

Вопрос о государстве ставится конкретно: как исторически возникло буржуазное государство, необходимая для господства буржуазии государственная машина? каковы ее изменения, какова ее эволюция в ходе буржуазных революций и перед лицом самостоятельных выступлений угнетенных классов? каковы задачи пролетариата по отношению к этой государственной машине?

Централизованная государственная власть, свойственная буржуазному обществу, возникла в эпоху падения абсолютизма. Два учреждения наиболее характерны для этой государственной машины: чиновничество и постоянная армия. О том, как тысячи нитей связывают эти учреждения именно с буржуазией, говорится неоднократно в сочинениях Маркса и Энгельса. Опыт каждого рабочего поясняет эту связь с чрезвычайной наглядностью и внушительностью. Рабочий класс на своей шкуре учится познавать эту связь, — вот почему он так легко схватывает и так твердо усваивает науку о неизбежности этой связи, науку, которую мелкобуржуазные демократы либо невежественно и легкомысленно отрицают, либо еще легкомысленнее признают «вообще», забывая делать соответствующие практические выводы.

Чиновничество и постоянная армия, это — «паразит» на теле буржуазного общества, паразит, порожденный внутренними противоречиями, которые это общество раздирают, но именно паразит, «затыкающий» жизненные поры. Господствующий ныне в официальной социал-демократии каутскианский оппортунизм считает взгляд на государство, как на *паразитический организм*, специальной и исключительной принадлежностью анархизма. Разумеется, это извращение марксизма чрезвычайно выгодно тем мещанам, которые довели социализм до неслыханного позора оправдания и прикрашивания империалистской войны путем применения к ней понятия «защита отечества», но все же это — безусловное извращение.

Через все буржуазные революции, которых видала Европа многое множество со времени падения феодализма, идет развитие, усовершенствование, укрепление этого чиновничьего и военного аппарата. В частности, именно мелкая буржуазия привлекается на сторону крупной и подчиняется ей в значительной степени посредством этого аппарата, дающего верхним слоям крестьянства, мелких ремесленников, торговцев и проч. сравнительно удобные, спокойные и почетные местечки, ставящие обладателей их *над* народом.

Возьмите то, что произошло в России за полгода после 27 февраля 1917 г.: чиновничьи места, которые раньше давались предпочтительно черносотенцам, стали предметом добычи кадетов, меньшевиков и эсеров. Ни о каких серьезных реформах, в сущности, не думали, стараясь оттягивать их «до Учредительного собрания» — а Учредительное собрание оттягивать помаленьку до конца войны! С дележом же добычи, с занятием местечек министров, товарищей министра, генерал-губернаторов и прочее и прочее не медлили и никакого Учредительного собрания не ждали! Игра в комбинации на счет состава правительства была, в сущности, лишь выражением этого раздела и передела «добычи», идущего и вверху и внизу, во всей стране, во всем центральном и местном управлении. Итог, объективный итог за полгода 27 февраля — 27 августа 1917 г. несомненен: реформы отложены, раздел чиновничьих местечек состоялся, и «ошибки» раздела исправлены несколькими переделами.

Но чем больше происходит «переделов» чиновничьего аппарата между различными буржуазными и мелкобуржуазными партиями (между кадетами, эсерами и меньшевиками, если взять русский пример), тем яснее становится угнетенным классам, и пролетариату во главе их, их непримиримая враждебность ко *всему* буржуазному обществу. Отсюда необходимость для всех буржуазных партий, даже для самых демократических и «революционно-демократических» в том числе, усиливать репрессии против революционного пролетариата, укреплять аппарат репрессий, т. е. ту же государственную машину. Такой ход событий вынуждает революцию *«концентрировать все силы разрушения»* против государственной власти, вынуждает поставить задачей не улучшение государственной машины, а *разрушение, уничтожение* ее.

Не логические рассуждения, а действительное развитие событий, живой опыт 1848—1851 годов привели к такой постановке задачи. До какой степени строго держится Маркс на фактической базе исторического опыта, это видно из того, что в 1852 году он не ставит еще конкретно вопроса о том, *чем* заменить эту подлежащую уничтожению государственную машину. Опыт не давал еще тогда материала для такого вопроса, поставленного историей на очередь дня позже, в 1871 году. В 1852 году с точностью естественноисторического наблюдения можно было лишь констатировать, что пролетарская революция *подошла* к задаче «сосредоточить все силы разрушения» против государственной власти, к задаче «сломать» государственную машину.

Здесь может возникнуть вопрос, правильным ли является обобщение опыта, наблюдений и заключений Маркса, перенесение их на пределы более широкие, чем история Франции за три года, 1848—1851 годы? Для разбора этого вопроса напомним сначала одно замечание Энгельса, а затем перейдем к фактическим данным.

«...Франция, — писал Энгельс в предисловии к 3-му изданию «18-го брюмера», — Франция есть страна, в которой историческая борьба классов больше, чем в других странах, доходила каждый раз до решительного конца. Во Франции в наиболее резких очертаниях выковывались те меняющиеся политические формы, внутри которых двигалась эта классовая борьба и в которых находили свое выражение ее результаты. Средоточие феодализма в средние века, образцовая страна единообразной сословной монархии со времени Ренессанса, Франция разгромила во время великой революции феодализм и основала чистое господство буржуазии с такой классической ясностью, как ни одна другая европейская страна. И борьба поднимающего голову пролетариата против господствующей буржуазии выступает здесь в такой острой форме, которая другим странам неизвестна» (стр. 4 в изд. 1907 г.)¹²⁸.

Последнее замечание устарело, поскольку с 1871 года наступил перерыв в революционной борьбе французского пролетариата, хотя этот перерыв, каким бы продолжительным он ни был, не устраняет нисколько возможности того, что в грядущей пролетарской революции Франция проявит себя, как классическая страна борьбы классов до решительного конца.

Но бросим общий взгляд на историю передовых стран в конце XIX и начале XX века. Мы увидим, что медленнее, многообразнее, на гораздо более широкой арене происходил тот самый процесс, с одной стороны, выработки «парламентарной власти» как в республиканских странах (Франция, Америка, Швейцария), так и в монархических (Англия, Германия до известной степени, Италия, скандинавские страны и т. д.), — с другой стороны, борьбы за власть различных буржуазных и мелкобуржуазных партий, деливших и перedelавших «добычу» чиновничьих местечек, при неизменности основ буржуазного строя, — наконец, усовершенствования и укрепления «исполнительной власти», ее чиновничьего и военного аппарата.

Нет никакого сомнения, что это — общие черты всей новейшей эволюции капиталистических государств вообще. За три года, 1848—1851, Франция в быстрой, резкой, концентрированной форме показала те самые процессы развития, которые свойственны всему капиталистическому миру.

В особенности же империализм, эпоха банкового капитала, эпоха гигантских капиталистических монополий, эпоха перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, показывает необыкновенное усиление «государственной машины», неслыханный рост ее чиновничьего и военного аппарата в связи с усилением репрессий против пролетариата как в монархических, так и в самых свободных, республиканских странах.

Всемирная история подводит теперь, несомненно, в несравненно более широком масштабе, чем в 1852 году, к «концентрации всех сил» пролетарской революции на «разрушении» государственной машины.

Чем заменит ее пролетариат, об этом поучительнейший материал дала Парижская Коммуна.

3. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА МАРКСОМ В 1852 ГОДУ *

В 1907 году Меринг опубликовал в журнале «Neue Zeit»¹²⁹ (XXV, 2, 164) выдержки из письма Маркса к Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. В этом письме содержится, между прочим, следующее замечательное рассуждение:

«Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства (*historische Entwicklungsphasen der Produktion*), 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов...»¹³⁰.

В этих словах Марксу удалось выразить с поразительной рельефностью, во-первых, главное и коренное отличие его

* Добавлено ко второму изданию.

учения от учения передовых и наиболее глубоких мыслителей буржуазии, а во-вторых, суть его учения о государстве.

Главное в учении Маркса есть классовая борьба. Так говорят и пишут очень часто. Но это неверно. И из этой неверности сплошь да рядом получается оппортунистическое искажение марксизма, подделка его в духе приемлемости для буржуазии. Ибо учение о классовой борьбе *не* Марксом, *а* буржуазией *до* Маркса создано и для буржуазии, вообще говоря, *приемлемо*. Кто признает *только* борьбу классов, тот еще не марксист, тот может оказаться еще невыходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики. Ограничивать марксизм учением о борьбе классов — значит урезывать марксизм, искажать его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто *распространяет* признание борьбы классов до признания *диктатуры пролетариата*. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать *действительное* понимание и признание марксизма. И неудивительно, что когда история Европы подвела рабочий класс *практически* к данному вопросу, то не только все оппортунисты и реформисты, но и все «каутскианцы» (колеблющиеся между реформизмом и марксизмом люди) оказались жалкими филистерами и мелкобуржуазными демократами, *отрицающими* диктатуру пролетариата. Брошюра Каутского «Диктатура пролетариата», вышедшая в августе 1918 г., т. е. много спустя после первого издания настоящей книжки, есть образец мещанского искажения марксизма и подлого отречения от него *на деле*, при лицемерном признании его *на словах* (см. мою брошюру: «Пролетарская революция и ренегат Каутский», Петроград и Москва, 1918 г. *).

Современный оппортунизм в лице его главного представителя, бывшего марксиста К. Каутского, подпадает целиком под приведенную характеристику *буржуазной* позиции у Маркса, ибо этот оппортунизм ограничивает область признания классовой борьбы областью буржуазных отношений. (А внутри этой области, в рамках ее ни один образованный либерал не откажется «принципиально» признать классовую борьбу!) Оппортунизм *не доводит* признания классовой борьбы как раз до самого главного, до периода *перехода* от капитализма к коммунизму, до периода *свержения* буржуазии и полного *уничтожения* ее. В действительности этот период неминуемо является периодом невиданно ожесточенной

* См. Сочинения, 5 изд., том 37, стр. 235—338; 4 изд., том 28, стр. 207—302. *Ред.*

классовой борьбы, невиданно острых форм ее, а следовательно, и государство этого периода неизбежно должно быть государством *по-новому* демократическим (для пролетариев и неимущих вообще) и *по-новому* диктаторским (против буржуазии).

Далее. Сущность учения Маркса о государстве усвоена только тем, кто понял, что диктатура *одного* класса является необходимой не только для всякого классового общества вообще, не только для *пролетариата*, свергнувшего буржуазию, но и для целого *исторического периода*, отделяющего капитализм от «общества без классов», от коммунизма. Формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна: все эти государства являются так или иначе, но в последнем счете обязательно *диктатурой буржуазии*. Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: *диктатура пролетариата* ¹³¹.

ГЛАВА III

ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ. ОПЫТ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ 1871 ГОДА. АНАЛИЗ МАРКСА

1. В ЧЕМ ГЕРОИЗМ ПОПЫТКИ КОММУНАРОВ?

Известно, что за несколько месяцев до Коммуны, осенью 1870 года, Маркс предостерегал парижских рабочих, доказывая, что попытка свергнуть правительство была бы глупостью отчаяния ¹³². Но когда в марте 1871 года рабочим *навязали* решительный бой и они его приняли, когда восстание стало фактом, Маркс с величайшим восторгом приветствовал пролетарскую революцию, несмотря на плохие предзнаменования. Маркс не уперся на педантском осуждении «несвоевременного» движения, как печально-знаменитый русский ренегат марксизма Плеханов, в ноябре 1905 года писавший в духе поощрения борьбы рабочих и крестьян, а после декабря 1905 года по-либеральному кричавший: «не надо было браться за оружие» ¹³³.

Маркс, однако, не только восторгался героизмом «штурмовавших небо», по его выражению, коммунаров ¹³⁴. В массовом революционном движении, хотя оно и не достигло цели, он видел громадной важности исторический опыт, известный шаг вперед всемирной пролетарской революции, практический шаг, более важный, чем сотни программ и рассуждений. Анализировать этот опыт, извлечь из него уроки так-

тики, пересмотреть на основании его свою теорию — вот как поставил свою задачу Маркс.

Единственная «поправка» к «Коммунистическому Манифесту», которую счел необходимым сделать Маркс, была сделана им на основании революционного опыта парижских коммунаров.

Последнее предисловие к новому немецкому изданию «Коммунистического Манифеста», подписанное обоими его авторами, помечено 24-ым июня 1872 года. В этом предисловии авторы, Карл Маркс и Фридрих Энгельс, говорят, что программа «Коммунистического Манифеста» «теперь местами устарела».

«...В особенности, — продолжают они, — Коммуна доказала, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей»...»¹³⁵

Взятые во вторые кавычки слова этой цитаты заимствованы ее авторами из сочинения Маркса: «Гражданская война во Франции»¹³⁶.

Итак, один основной и главный урок Парижской Коммуны Маркс и Энгельс считали имеющим такую гигантскую важность, что они внесли его, как существенную поправку к «Коммунистическому Манифесту».

Чрезвычайно характерно, что именно эта существенная поправка была искажена оппортунистами, и смысл ее, наверное, неизвестен девяти десятым, если не девяносто девяти сотым читателей «Коммунистического Манифеста». Подробно об этом искажении мы скажем ниже, в главе, специально посвященной искажениям. Теперь достаточно будет отметить, что ходячее, вульгарное «понимание» приведенного нами знаменитого изречения Маркса состоит в том, будто Маркс подчеркивает здесь идею медленного развития в противоположность захвату власти и тому подобное.

На самом деле *как раз наоборот*. Мысль Маркса состоит в том, что рабочий класс должен *разбить, сломать* «готовую государственную машину», а не ограничиться простым захватом ее.

12-го апреля 1871 года, т. е. как раз во время Коммуны, Маркс писал Кугельману:

«...Если ты заглянешь в последнюю главу моего «18-го брюмера», ты увидишь, что следующей попыткой французской революции я объявляю: не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как

бывало до сих пор, а *сломать* ее» (курсив Маркса; в оригинале стоит zerbrechen), «и именно таково предварительное условие всякой действительной народной революции на континенте. Как раз в этом и состоит попытка наших геройских парижских товарищей» (стр. 709 в «Neue Zeit», XX, 1, год 1901—1902)¹³⁷. (Письма Маркса к Кугельману вышли по-русски не менее как в двух изданиях, одно из них под моей редакцией и с моим предисловием *.)

В этих словах: «сломать бюрократически-военную государственную машину» заключается, кратко выраженный, главный урок марксизма по вопросу о задачах пролетариата в революции по отношению к государству. И именно этот урок не только совершенно забыт, но и прямо извращен господствующим, каутскианским, «толкованием» марксизма!

Что касается до ссылки Маркса на «18-ое брюмера», то мы привели выше полностью соответствующее место.

Интересно отметить особо два места в приведенном рассуждении Маркса. Во-первых, он ограничивает свой вывод континентом. Это было понятно в 1871 году, когда Англия была еще образцом страны чисто капиталистической, но без военщины и в значительной степени без бюрократии. Поэтому Маркс исключал Англию, где революция, и даже народная революция, представлялась и была тогда возможной без предварительного условия разрушения «готовой государственной машины».

Теперь, в 1917 году, в эпоху первой великой империалистской войны, это ограничение Маркса отпадает. И Англия и Америка, крупнейшие и последние — во всем мире — представители англо-саксонской «свободы» в смысле отсутствия военщины и бюрократизма, скатились вполне в общеевропейское грязное, кровавое болото бюрократически-военных учреждений, все себе подчиняющих, все собой подавляющих. Теперь и в Англии и в Америке «предварительным условием всякой действительно народной революции» является *ломка, разрушение* «готовой» (изготовленной там в 1914—1917 годах до «европейского», общеимпериалистского, совершенства) «государственной машины».

Во-вторых, особенного внимания заслуживает чрезвычайно глубокое замечание Маркса, что разрушение бюрократически-военной государственной машины является «предвари-

* См. Сочинения, 5 изд., том 14, стр. 371—379; 4 изд., том 12, стр. 83—91, *Ред.*

тельным условием всякой действительной *народной* революции». Это понятие «народной» революции кажется странным в устах Маркса, и русские плехановцы и меньшевики, эти последователи Струве, желающие считаться марксистами, могли бы, пожалуй, объявить такое выражение у Маркса «обмолвкой». Они свели марксизм к такому убого-либеральному извращению, что кроме противоположения буржуазной и пролетарской революции для них ничего не существует, да и это противоположение понимается ими донельзя мертво.

Если взять для примера революции XIX века, то и португальскую и турецкую придется, конечно, признать буржуазной. Но «народной» ни та, ни другая не является, ибо масса народа, громадное большинство его активно, самостоятельно, со своими собственными экономическими и политическими требованиями, ни в той, ни в другой революции заметно не выступают. Напротив, русская буржуазная революция 1905—1907 годов, хотя в ней не было таких «блестящих» успехов, которые выпадали временами на долю португальской и турецкой, была, несомненно, «действительной народной» революцией, ибо масса народа, большинство его, самые глубокие общественные «низы», задавленные гнетом и эксплуатацией, поднимались самостоятельно, наложили на весь ход революции отпечаток *своих* требований, *своих* попыток по-своему построить новое общество, на место разрушаемого старого.

В Европе 1871 года на континенте ни в одной стране пролетариат не составлял большинства народа. «Народная» революция, втягивающая в движение действительно большинство, могла быть таковою, лишь охватывая и пролетариат и крестьянство. Оба класса и составляли тогда «народ». Оба класса объединены тем, что «бюрократически-военная государственная машина» гнетет, давит, эксплуатирует их. *Разбить* эту машину, *сломать* ее — таков действительный интерес «народа», большинства его, рабочих и большинства крестьян, таково «предварительное условие» свободного союза беднейших крестьян с пролетариями, а без такого союза непрочна демократия и невозможно социалистическое преобразование.

К такому союзу, как известно, и пробивала себе дорогу Парижская Коммуна, не достигшая цели в силу ряда причин внутреннего и внешнего характера.

Следовательно, говоря о «действительно народной революции», Маркс, нисколько не забывая особенностей мелкой буржуазии (о них он говорил много и часто), строжайше

учитывал фактическое соотношение классов в большинстве континентальных государств Европы в 1871 году. А с другой стороны, он констатировал, что «разбитие» государственной машины требуется интересами и рабочих и крестьян, объединяет их, ставит перед ними общую задачу устранения «паразита» и замены его чем-либо новым.

Чем же именно?

2. ЧЕМ ЗАМЕНИТЬ РАЗБИТУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ МАШИНУ?

На этот вопрос в 1847 году, в «Коммунистическом Манифесте», Маркс давал ответ еще совершенно абстрактный, вернее, указывающий задачи, но не способы их разрешения. Заменить «организацией пролетариата в господствующий класс», «завоеванием демократии» — таков был ответ «Коммунистического Манифеста»¹³⁸.

Не вдаваясь в утопии, Маркс от *опыта* массового движения ждал ответа на вопрос о том, в какие конкретные формы эта организация пролетариата, как господствующего класса, станет выливаться, каким именно образом эта организация будет совмещена с наиболее полным и последовательным «завоеванием демократии».

Опыт Коммуны, как бы он ни был мал, Маркс подвергает в «Гражданской войне во Франции» самому внимательному анализу. Приведем важнейшие места из этого сочинения:

В XIX веке развилась происходящая от средних веков «централизованная государственная власть с ее вездесущими органами: постоянной армией, полицией, бюрократией, духовенством, судейским сословием». С развитием классового антагонизма между капиталом и трудом «государственная власть принимала все более и более характер общественной власти для угнетения труда, характер машины классового господства. После каждой революции, означающей известный шаг вперед классовой борьбы, чисто угнетательский характер государственной власти выступает наружу все более и более открыто». Государственная власть после революции 1848—1849 гг. становится «национальным орудием войны капитала против труда». Вторая империя закрепляет это.

«Прямой противоположностью империи была Коммуна». «Она была определенной формой» «такой республики, которая должна была устранить не только монархическую форму классового господства, но и самое классовое господство...»

В чем именно состояла эта «определенная» форма пролетарской, социалистической республики? Каково было государство, которое она начала создавать?

«...Первым декретом Коммуны было уничтожение постоянного войска и замена его вооруженным народом...»

Это требование стоит теперь в программах всех, желающих называться социалистическими, партий. Но чего стоят их программы, лучше всего видно из поведения наших эсеров и меньшевиков, на деле отказавшихся как раз после революции 27 февраля от проведения в жизнь этого требования!

«...Коммуна образовалась из выбранных всеобщим избирательным правом по различным округам Парижа городских гласных. Они были ответственны и в любое время сменяемы. Большинство их состояло, само собою разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса...

...Полиция, до сих пор бывшая орудием государственного правительства, была немедленно лишена всех своих политических функций и превращена в ответственный орган Коммуны, сменяемый в любое время... То же самое — чиновники всех остальных отраслей управления... Начиная с членов Коммуны, сверху донизу, общественная служба должна была исполняться за *заработную плату рабочего*. Всякие привилегии и выдачи денег на представительство высшим государственным чинам исчезли вместе с этими чинами... По устранении постоянного войска и полиции, этих орудий материальной власти старого правительства, Коммуна немедленно взялась за то, чтобы сломать орудие духовного угнетения, силу попов... Судейские чины потеряли свою кажущуюся независимость... они должны были впредь избираться открыто, быть ответственными и сменяемыми...»¹³⁹

Итак, разбитую государственную машину Коммуна заменила как будто бы «только» более полной демократией: уничтожение постоянной армии, полная выборность и сменяемость всех должностных лиц. Но на самом деле это «только» означает гигантскую замену одних учреждений учреждениями принципиально иного рода. Здесь наблюдается как раз один из случаев «превращения количества в качество»: демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую, из

государства (=особая сила для подавления определенного класса) в нечто такое, что уже не есть собственно государство.

Подавлять буржуазию и ее сопротивление все еще необходимо. Для Коммуны это было особенно необходимо, и одна из причин ее поражения состоит в том, что она недостаточно решительно это делала. Но подавляющим органом является здесь уже большинство населения, а не меньшинство, как бывало всегда и при рабстве, и при крепостничестве, и при наемном рабстве. А раз большинство народа *само* подавляет своих угнетателей, то «особой силы» для подавления *уже не нужно!* В этом смысле государство *начинает отмирать*. Вместо особых учреждений привилегированного меньшинства (привилегированное чиновничество, начальство постоянной армии), само большинство может непосредственно выполнять это, а чем более всенародным становится самое выполнение функций государственной власти, тем меньше становится надобности в этой власти.

Особенно замечательна в этом отношении подчеркиваемая Марксом мера Коммуны: отмена всяких выдач денег на представительство, всяких денежных привилегий чиновникам, сведение платы *всем* должностным лицам в государстве до уровня «заработной платы рабочего». Тут как раз всего нагляднее сказывается *перелом* — от демократии буржуазной к демократии пролетарской, от демократии угнетательской к демократии угнетенных классов, от государства, как «особой силы» для подавления определенного класса, к подавлению угнетателей *всеобщей силой* большинства народа, рабочих и крестьян. И именно на этом, особенно наглядном — по вопросу о государстве, пожалуй, наиболее важном пункте уроки Маркса наиболее забыты! В популярных комментариях — им же несть числа — об этом не говорят. «Принято» об этом умалчивать, точно о «наивности», отжившей свое время, — вроде того как христиане, получив положение государственной религии, «забыли» о «наивностях» первоначального христианства с его демократически-революционным духом.

Понижение платы высшим государственным чиновникам кажется «просто» требованием наивного, примитивного демократизма. Один из «основателей» новейшего оппортунизма, бывший социал-демократ Эд. Бернштейн не раз упражнялся в повторении пошлых буржуазных насмешечек над «примитивным» демократизмом. Как и все оппортунисты, как и теперешние каутскианцы, он совершенно не понял того, что, во-первых, переход от капитализма к социализму *невозможен*

без известного «возврата» к «примитивному» демократизму (ибо иначе как же перейти к выполнению государственных функций большинством населения и поголовно всем населением?), а во-вторых, что «примитивный демократизм» на базе капитализма и капиталистической культуры — не то, что примитивный демократизм в первобытные или в докапиталистические времена. Капиталистическая культура *создала* крупное производство, фабрики, железные дороги, почту, телефоны и прочее, а *на этой базе* громадное большинство функций старой «государственной власти» так упростилось и может быть сведено к таким простейшим операциям регистрации, записи, проверки, что эти функции станут вполне доступны всем грамотным людям, что эти функции вполне можно будет выполнять за обычную «заработную плату рабочего», что можно (и должно) отнять у этих функций всякую тень чего-либо привилегированного, «начальственного».

Полная выборность, сменяемость *в любое время* всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалованья к обычной «заработной плате рабочего», эти простые и «само собою понятные» демократические мероприятия, объединяя вполне интересы рабочих и большинства крестьян, служат в то же время мостиком, ведущим от капитализма к социализму. Эти мероприятия касаются государственного, чисто политического переустройства общества, но они получают, разумеется, весь свой смысл и значение лишь в связи с осуществляемой или подготовляемой «экспроприацией экспроприаторов», т. е. переходом капиталистической частной собственности на средства производства в общественную собственность.

«Коммуна, — писал Маркс, — сделала правдой лозунг всех буржуазных революций, дешевое правительство, уничтожив две самые крупные статьи расходов, армию и чиновничество».

Из крестьянства, как и из других слоев мелкой буржуазии, лишь ничтожное меньшинство «поднимается вверх», «выходит в люди» в буржуазном смысле, т. е. превращается либо в зажиточных людей, в буржуа, либо в обеспеченных и привилегированных чиновников. Громадное большинство крестьянства во всякой капиталистической стране, где только есть крестьянство (а таких капиталистических стран большинство), угнетено правительством и жаждет свержения его, жаждет «дешевого» правительства. Осуществить это может *только* пролетариат, и, осуществляя это, он делает вместе с тем шаг к социалистическому переустройству государства.

3. УНИЧТОЖЕНИЕ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

«Коммуна, — писал Маркс, — должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы...

...Вместо того, чтобы один раз в три или в шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять (*ver- und zertreten*) народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному в коммуны, для того, чтобы подыскивать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров, как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому другому работодателю».

Эта замечательная критика парламентаризма, данная в 1871 году, тоже принадлежит теперь, благодаря господству социал-шовинизма и оппортунизма, к числу «забытых слов» марксизма. Министры и парламентарии по профессии, изменники пролетариату и «деляческие» социалисты наших дней предоставили критику парламентаризма всецело анархистам и на этом удивительно-разумном основании объявили *всякую* критику парламентаризма «анархизмом»!! Ничего нет странного, что пролетариат «передовых» парламентских стран, испытывая омерзение при виде таких «социалистов», как Шейдеманы, Давиды, Легины, Самба, Ренодели, Гендерсоны, Вандервельды, Стаунинги, Брантинги, Биссолати и К⁰, все чаще отдавал свои симпатии анархо-синдикализму, несмотря на то, что это был родной брат оппортунизма.

Но для Маркса революционная диалектика никогда не была той пустой модной фразой, побрякушкой, которой сделали ее Плеханов, Каутский и пр. Маркс умел беспощадно рвать с анархизмом за неумение использовать даже «хлев» буржуазного парламентаризма, особенно когда заведомо нет налицо революционной ситуации, — но в то же время он умел и давать действительно революционно-пролетарскую критику парламентаризма.

Раз в несколько лет решать, какой член господствующего класса будет подавлять, раздавливать народ в парламенте, — вот в чем настоящая суть буржуазного парламентаризма, не только в парламентарно-конституционных монархиях, но и в самых демократических республиках.

Но если ставить вопрос о государстве, если рассматривать парламентаризм, как одно из учреждений государства,

с точки зрения задач пролетариата в этой области, то где же выход из парламентаризма? как же можно обойтись без него?

Опять и опять приходится сказать: уроки Маркса, основанные на изучении Коммуны, настолько забыты, что современному «социал-демократу» (читай: современному предателю социализма) прямо-таки непонятна иная критика парламентаризма, кроме анархической или реакционной.

Выход из парламентаризма, конечно, не в уничтожении представительных учреждений и выборности, а в превращении представительных учреждений из говорилен в «работающие» учреждения. «Коммуна должна была быть не парламентским учреждением, а работающим, в одно и то же время законодательствующим и исполняющим законы».

«Не парламентское, а работающее» учреждение, это сказано не в бровь, а в глаз современным парламентариям и парламентским «комнатным собачкам» социал-демократии! Посмотрите на любую парламентскую страну, от Америки до Швейцарии, от Франции до Англии, Норвегии и проч.: настоящую «государственную» работу делают за кулисами и выполняют департаменты, канцелярии, штабы. В парламентах только болтают со специальной целью надувать «просто-народье». Это до такой степени верно, что даже в русской республике, буржуазно-демократической республике, раньше чем она успела создать настоящий парламент, сказались уже тотчас все эти грехи парламентаризма. Такие герои гнилого мещанства, как Скобелевы и Церетели, Черновы и Авксентьевы, сумели и Советы испоганить по типу гнуснейшего буржуазного парламентаризма, превратив их в пустые говорильни. В Советах господ «социалистические» министры надувают доверчивых мужичков фразерством и резолюциями. В правительстве идет перманентный кадриль, с одной стороны, чтобы по очереди сажать «к пирогу» доходных и почетных местечек побольше эсеров и меньшевиков, с другой стороны, чтобы «занять внимание» народа. А в канцеляриях, в штабах «работают» «государственную» работу!

«Дело Народа», орган правящей партии «социалистов-революционеров», недавно в редакционной передовице признался, — с бесподобной откровенностью людей из «хорошего общества», в котором «все» занимаются политической проституцией, — что даже в тех министерствах, кои принадлежат «социалистам» (извините за выражение!), даже в них весь чиновничий аппарат остается в сущности старым, функционирует по-старому, саботирует революционные начинания вполне «свободно»! Да если бы не было этого признания,

разве фактическая история участия эсеров и меньшевиков в правительстве не доказывает этого? Характерно тут только то, что, находясь в министерском обществе с кадетами, господа Черновы, Русановы, Зензиновы и прочие редакторы «Дела Народа» настолько потеряли стыд, что не стесняются публично, как о пустячке, рассказывать, не краснея, что «у них» в министерствах все по-старому!! Революционно-демократическая фраза — для одурачения деревенских Иванушек, а чиновничья канцелярская волокита для «ублаготворения» капиталистов — вот вам *суть* «честной» коалиции.

Продажный и прогнивший парламентаризм буржуазного общества Коммуна заменяет учреждениями, в коих свобода суждения и обсуждения не вырождается в обман, ибо парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями. Представительные учреждения остаются, но парламентаризма, как особой системы, как разделения труда законодательного и исполнительного, как привилегированного положения для депутатов, здесь *нет*. Без представительных учреждений мы не можем себе представить демократии, даже и пролетарской демократии, без парламентаризма можем и *должны*, если критика буржуазного общества для нас не пустые слова, если стремление свергнуть господство буржуазии есть наше серьезное и искреннее стремление, а не «избирательная» фраза для уловления голосов рабочих, как у меньшевиков и эсеров, как у Шейдеманов и Легинов, Самба и Вандервельдов.

Крайне поучительно, что, говоря о функциях того чиновничества, которое нужно и Коммуне, и пролетарской демократии, Маркс берет для сравнения служащих «всякого другого работодателя», т. е. обычное капиталистическое предприятие с «рабочими, надсмотрщиками и бухгалтерами».

У Маркса нет и капельки утопизма в том смысле, чтобы он сочинял, сфантазировал «новое» общество. Нет, он изучает, как естественноисторический процесс, *рождение* нового общества *из* старого, переходные формы от второго к первому. Он берет фактический опыт массового пролетарского движения и старается извлечь из него практические уроки. Он «учится» у Коммуны, как все великие революционные мыслители не боялись учиться у опыта великих движений угнетенного класса, никогда не относясь к ним с педантскими «нравоучениями» (вроде плехановского: «не надо было браться за оружие» или церетелевского: «класс должен самоограничиваться»),

Об уничтожении чиновничества сразу, повсюду, до конца не может быть речи. Это — утопия. Но *разбить* сразу старую чиновничью машину и тотчас же начать строить новую, позволяющую постепенно сводить на нет всякое чиновничество, это *не* утопия, это — опыт Коммуны, это прямая, очередная задача революционного пролетариата.

Капитализм упрощает функции «государственного» управления, позволяет отбросить «начальствование» и свести все дело к организации пролетариев (как господствующего класса), от имени всего общества нанимающей «рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров».

Мы не утописты. Мы не «мечтаем» о том, как бы *сразу* обойтись без всякого управления, без всякого подчинения; эти анархистские мечты, основанные на непонимании задач диктатуры пролетариата, в корне чужды марксизму и на деле служат лишь оттягиванию социалистической революции до тех пор, пока люди будут иными. Нет, мы хотим социалистической революции с такими людьми, как теперь, которые без подчинения, без контроля, без «надсмотрщиков и бухгалтеров» не обойдутся.

Но подчиняться надо вооруженному авангарду всех эксплуатируемых и трудящихся — пролетариату. Специфическое «начальствование» государственных чиновников можно и должно тотчас же, с сегодня на завтра, начать заменять простыми функциями «надсмотрщиков и бухгалтеров», функциями, которые уже теперь вполне доступны уровню развития горожан вообще и вполне выполнимы за «заработную плату рабочего».

Организуем крупное производство, исходя из того, что уже создано капитализмом, *сами* мы, рабочие, опираясь на свой рабочий опыт, создавая строжайшую, железную дисциплину, поддерживаемую государственной властью вооруженных рабочих, сведем государственных чиновников на роль простых исполнителей наших поручений, ответственных, сменяемых, скромно оплачиваемых «надсмотрщиков и бухгалтеров» (конечно, с техниками всех сортов, видов и степеней) — вот *наша*, пролетарская задача, вот с чего можно и должно *начать* при совершении пролетарской революции. Такое начало, на базе крупного производства, само собою ведет к постепенному «отмиранию» всякого чиновничества, к постепенному созданию такого порядка, — порядка без кавычек, порядка, не похожего на наемное рабство, — такого порядка, когда все более упрощающиеся функции надзора и отчетности будут выполняться всеми по очереди, будут

затем становится привычкой и, наконец, отпадут, как *особые* функции особого слоя людей.

Один остроумный немецкий социал-демократ семидесятых годов прошлого века назвал *почту* образцом социалистического хозяйства. Это очень верно. Теперь почта есть хозяйство, организованное по типу государственно-капиталистической монополии. Империализм постепенно превращает все тресты в организации подобного типа. Над «простыми» трудящимися, которые завалены работой и голодают, здесь стоит та же буржуазная бюрократия. Но механизм общественного хозяйничанья здесь уже готов. Свергнуть капиталистов, разбить железной рукой вооруженных рабочих сопротивление этих эксплуататоров, сломать бюрократическую машину современного государства — и перед нами освобожденный от «паразита» высоко технически оборудованный механизм, который вполне могут пустить в ход сами объединенные рабочие, нанимая техников, надсмотрщиков, бухгалтеров, оплачивая работу *всех* их, как и *всех* вообще «государственных» чиновников, заработной платой рабочего. Вот задача конкретная, практическая, осуществимая тотчас по отношению ко всем трестам, избавляющая трудящихся от эксплуатации, учитывающая опыт, практически уже начатый (особенно в области государственного строительства) Коммуной.

Все народное хозяйство, организованное как почта, с тем, чтобы техники, надсмотрщики, бухгалтеры, как и *все* должностные лица, получали жалованье не выше «заработной платы рабочего», под контролем и руководством вооруженного пролетариата — вот наша ближайшая цель. Вот какое государство, вот на какой экономической основе, нам необходимо. Вот что даст уничтожение парламентаризма и сохранение представительных учреждений, вот что избавит трудящиеся классы от протистирования этих учреждений буржуазией.

4. ОРГАНИЗАЦИЯ ЕДИНСТВА НАЦИИ

«...В том коротком очерке национальной организации, который Коммуна не имела времени разработать дальше, говорится вполне определенно, что Коммуна должна была... стать политической формой даже самой маленькой деревни»... От коммун выбиралась бы и «национальная делегация» в Париже.

«...Немногие, но очень важные функции, которые остались бы тогда еще за центральным правительством, не должны были быть отменены, — такое утверждение было

сознательным подлогом, — а должны были быть переданы коммунальным, т. е. строго ответственным, чиновникам...

...Единство нации подлежало не уничтожению, а, напротив, организации посредством коммунального устройства. Единство нации должно было стать действительностью посредством уничтожения той государственной власти, которая выдавала себя за воплощение этого единства, но хотела быть независимой от нации, над нею стоящей. На деле эта государственная власть была лишь паразитическим наростом на теле нации... Задача состояла в том, чтобы отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать ответственным слугам общества».

До какой степени не поняли — может быть, вернее будет сказать: не захотели понять — оппортунисты современной социал-демократии эти рассуждения Маркса, лучше всего показывает геростратовски-знаменитая книга ренегата Бернштейна: «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии». Именно по поводу приведенных слов Маркса Бернштейн писал, что эта программа «по своему политическому содержанию обнаруживает во всех существенных чертах величайшее сходство с федерализмом — Прудона... При всех прочих расхождениях между Марксом и «мелким буржуа» Прудоном (Бернштейн ставит слова «мелкий буржуа» в кавычки, которые должны быть, по его мнению, ироническими) в этих пунктах ход мысли у них настолько близок, как только возможно». Конечно, продолжает Бернштейн, значение муниципалитетов растет, но «мне кажется сомнительным, чтобы первой задачей демократии было такое упразднение (*Auflösung* — буквально: распускание, растворение) современных государств и такое полное изменение (*Umwandlung* — переворот) их организации, как представляют себе Маркс и Прудон — образование национального собрания из делегатов от провинциальных или областных собраний, которые, в свою очередь, составлялись бы из делегатов от коммун, — так что вся прежняя форма национальных представительств исчезла бы совершенно» (Бернштейн, «Предпосылки», стр. 134 и 136 немецкого издания 1899 года).

Это прямо чудовищно: смешать взгляды Маркса на «уничтожение государственной власти — паразита» с федерализмом Прудона! Но это не случайно, ибо оппортунисту

и в голову не приходит, что Маркс говорит здесь вовсе не о федерализме в противовес централизму, а о разбитии старой, буржуазной, во всех буржуазных странах существующей государственной машины.

Оппортунисту приходит в голову только то, что он видит вокруг себя, в среде мещанской обывательщины и «реформистского» застоя, именно только «муниципалитеты»! О революции пролетариата оппортунист разучился и думать.

Это смешно. Но замечательно, что в этом пункте с Бернштейном не спорили. Бернштейна многие опровергали — особенно Плеханов в русской литературе, Каутский в европейской, но ни тот, ни другой об этом извращении Маркса Бернштейном *не* говорили.

Оппортунист настолько разучился мыслить революционно и размышлять о революции, что он приписывает «федерализм» Марксу, смешивая его с основателем анархизма Прудоном. А желающие быть ортодоксальными марксистами, отстаивать учение революционного марксизма Каутский и Плеханов об этом молчат! Здесь лежит один из корней того крайнего опошления взглядов на разницу между марксизмом и анархизмом, которое свойственно и каутскианцам и оппортунистам и о котором нам еще придется говорить.

Федерализма в приведенных рассуждениях Маркса об опыте Коммуны нет и следа. Маркс сходится с Прудоном как раз в том, чего не видит оппортунист Бернштейн. Маркс расходится с Прудоном как раз в том, в чем Бернштейн видит их сходство.

Маркс сходится с Прудоном в том, что они оба стоят за «разбитие» современной государственной машины. Этого сходства марксизма с анархизмом (и с Прудоном и с Бакуниным) ни оппортунисты, ни каутскианцы не хотят видеть, ибо они отошли от марксизма в этом пункте.

Маркс расходится и с Прудоном и с Бакуниным как раз по вопросу о федерализме (не говоря уже о диктатуре пролетариата). Из мелкобуржуазных воззрений анархизма федерализм вытекает принципиально. Маркс централист. И в приведенных его рассуждениях нет никакого отступления от централизма. Только люди, полные мещанской «суеверной веры» в государство, могут принимать уничтожение буржуазной государственной машины за уничтожение централизма!

Ну, а если пролетариат и беднейшее крестьянство возьмут в руки государственную власть, организуются вполне свободно по коммунам и *объединят* действие всех коммун в ударах капиталу, в разрушении сопротивления капиталистов, в передаче частной собственности на железные дороги, фаб-

рики, землю и прочее *всей* нации, всему обществу, разве это не будет централизм? разве это не будет самый последовательный демократический централизм? и притом пролетарский централизм?

Бернштейну просто не может прийти в голову, что возможен добровольный централизм, добровольное объединение коммун в нацию, добровольное слияние пролетарских коммун в деле разрушения буржуазного господства и буржуазной государственной машины. Бернштейну, как всякому филистеру, централизм рисуется, как нечто только сверху, только чиновничеством и военщиной могущее быть навязанным и сохраненным.

Маркс нарочно, как бы предвидя возможность извращения его взглядов, подчеркивает, что сознательным подлогом являются обвинения Коммуны в том, будто она хотела уничтожить единство нации, отменить центральную власть. Маркс нарочно употребляет выражение «организовать единство нации», чтобы противопоставить сознательный, демократический, пролетарский централизм буржуазному, военному, чиновничьему.

Но... хуже всякого глухого, кто не хочет слушать. А оппортунистам современной социал-демократии именно не хочется слушать об уничтожении государственной власти, об отсечении паразита.

5. УНИЧТОЖЕНИЕ ПАРАЗИТА — ГОСУДАРСТВА

Мы привели уже соответствующие слова Маркса и должны дополнить их.

«...Обычной судьбой нового исторического творчества, — писал Маркс, — является то, что его принимают за подобие старых и даже отживших форм общественной жизни, на которые новые учреждения сколько-нибудь похожи. Так и эта новая Коммуна, которая ломает (*bricht* — разбивает) современную государственную власть, была рассматриваема, как воскрешение средневековой коммуны... как союз мелких государств (Монтескье, жирондисты)... как преувеличенная форма старой борьбы против чрезмерной централизации...

...Коммунальное устройство вернуло бы обществу все те силы, которые до сих пор пожирал этот паразитический нарост «государство», кормящийся на счет общества и задерживающий его свободное движение. Одним уже этим было бы двинуто вперед возрождение Франции...

...Коммунальное устройство привело бы сельских производителей под духовное руководство главных городов каждой области и обеспечило бы им там, в лице городских рабочих, естественных представителей их интересов. Самое уже существование Коммуны вело за собой, как нечто само собою разумеющееся, местное самоуправление, но уже не в качестве противовеса государственной власти, которая теперь делается излишней».

«Уничтожение государственной власти», которая была «паразитическим наростом», «отсечение» ее, «разрушение» ее; «государственная власть делается теперь излишней» — вот в каких выражениях говорил Маркс о государстве, оценивая и анализируя опыт Коммуны.

Все это писано было без малого полвека тому назад, а теперь приходится точно раскопки производить, чтобы до сознания широких масс довести неизвращенный марксизм. Выводы, сделанные из наблюдений над последней великой революцией, которую пережил Маркс, забыли как раз тогда, когда подошла пора следующих великих революций пролетариата.

«...Разнообразие истолкований, которые вызвала Коммуна, и разнообразие интересов, нашедших в ней свое выражение, доказывают, что она была в высшей степени гибкой политической формой, между тем как все прежние формы правительства были, по существу своему, угнетательскими. Ее настоящей тайной было вот что: она была, по сути дела, *правительством рабочего класса*, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего, она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда...

Без этого последнего условия коммунальное устройство было бы невозможностью и обманом...»

Утописты занимались «открыванием» политических форм, при которых должно бы произойти социалистическое переустройство общества. Анархисты отмахивались от вопроса о политических формах вообще. Оппортунисты современной социал-демократии приняли буржуазные политические формы парламентарного демократического государства за предел, его же не прейдешь, и разбивали себе лоб, молясь на этот «образец», объявляли анархизмом всякое стремление *сломать* эти формы.

Маркс вывел из всей истории социализма и политической борьбы, что государство должно будет исчезнуть, что переходной формой его исчезновения (переходом от государства к негосударству) будет «организованный в господствующий класс пролетариат». Но *открывать* политические формы этого будущего Маркс не брался. Он ограничился точным наблюдением французской истории, анализом ее и заключением, к которому приводил 1851 год: дело подходит к *разрушению* буржуазной государственной машины.

И когда массовое революционное движение пролетариата разразилось, Маркс, несмотря на неудачу этого движения, несмотря на его кратковременность и бьющую в глаза слабость, стал изучать, какие формы *открыло* оно.

Коммуна — «открытая наконец» пролетарской революцией форма, при которой может произойти экономическое освобождение труда.

Коммуна — первая попытка пролетарской революции *разбить* буржуазную государственную машину и «открытая наконец» политическая форма, которою можно и должно *заменить* разбитое.

Мы увидим в дальнейшем изложении, что русские революции 1905 и 1917 годов, в иной обстановке, при иных условиях, продолжают дело Коммуны и подтверждают гениальный исторический анализ Маркса.

ГЛАВА IV

ПРОДОЛЖЕНИЕ. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОЯСНЕНИЯ ЭНГЕЛЬСА

Маркс дал основное по вопросу о значении опыта Коммуны. Энгельс неоднократно возвращался к этой же теме, поясняя анализ и заключения Маркса, иногда с такой силой и рельефностью освещая *другие* стороны вопроса, что на этих пояснениях необходимо особо остановиться.

1. «ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС»

В своем сочинении о жилищном вопросе (1872 г.)¹⁴⁰ Энгельс учитывает уже опыт Коммуны, останавливаясь несколько раз на задачах революции по отношению к государству. Интересно, что на конкретной теме выясняются наглядно, с одной стороны, черты сходства пролетарского государства с теперешним государством, — черты, дающие основание в обоих случаях говорить о государстве, — а с другой стороны, черты различия или переход к уничтожению государства.

«Как разрешить жилищный вопрос? В современном обществе он решается совершенно так же, как всякий другой общественный вопрос: постепенным экономическим выравниванием спроса и предложения, а это такое решение, которое постоянно само порождает вопрос заново, т. е. не дает никакого решения. Как решит этот вопрос социальная революция, это зависит не только от обстоятельств времени и места, это связано также с вопросами, идущими гораздо дальше, среди которых один из важнейших — вопрос об уничтожении противоположности между городом и деревней. Так как мы не занимаемся сочинением утопических систем устройства будущего общества, то было бы более чем праздным делом останавливаться на этом. Несомненно одно, — именно, что уже теперь в больших городах достаточно жилых зданий, чтобы тотчас помочь действительной *нужде* в жилищах при разумном использовании этих зданий. Это осуществимо, разумеется, лишь посредством экспроприации теперешних владельцев и посредством поселения в этих домах бездомных рабочих или рабочих, живущих теперь в слишком перенаселенных квартирах. И как только пролетариат завоюет политическую власть, подобная мера, предписываемая интересами общественной пользы, будет столь же легко выполняема, как и прочие экспроприации и занятия квартир современным государством» (стр. 22 нем. издания 1887 года).

Здесь изменение формы государственной власти не рассматривается, а берется только содержание ее деятельности. Экспроприации и занятия квартир происходят и по распоряжению теперешнего государства. Пролетарское государство, с формальной стороны дела, тоже «распорядится» занять квартиры и экспроприировать дома. Но ясно, что старый исполнительный аппарат, чиновничество, связанное с буржуазией, был бы просто непригоден для проведения в жизнь распоряжений пролетарского государства.

«...Необходимо констатировать, что фактическое овладение всеми орудиями труда, всей индустрией со стороны трудящегося народа является прямой противоположностью прудонистского «выкупа». При последнем отдельный рабочий становится собственником жилища, крестьянского участка земли, орудий труда; при первом же совокупным собственником домов, фабрик и орудий труда остается «трудящийся народ». Пользование этими домами, фабриками и прочим едва ли будет предостав-

ляться, по крайней мере, в переходное время, отдельным лицам или товариществам без покрытия издержек. Точно так же уничтожение поземельной собственности не предполагает уничтожения поземельной ренты, а передачу ее, хотя и в видоизмененной форме, обществу. Фактическое овладение всеми орудиями труда со стороны трудящегося народа не исключает, следовательно, никоим образом сохранения найма и сдачи в наем» (стр. 68).

Вопрос, затронутый в этом рассуждении, именно: об экономических основаниях отмирания государства, мы рассмотрим в следующей главе. Энгельс выражается крайне осторожно, говоря, что пролетарское государство «едва ли» без платы будет раздавать квартиры, «по крайней мере, в переходное время». Сдача квартир, принадлежащих всему народу, отдельным семьям за плату предполагает и взимание этой платы, и известный контроль, и ту или иную нормировку распределения квартир. Все это требует известной формы государства, но вовсе не требует особого военного и бюрократического аппарата с особо привилегированным положением должностных лиц. А переход к такому положению дел, когда можно будет бесплатно отдавать квартиры, связан с полным «отмиранием» государства.

Говоря о переходе бланкистов, после Коммуны и под влиянием ее опыта, на принципиальную позицию марксизма, Энгельс мимоходом формулирует эту позицию следующим образом:

«...Необходимость политического действия пролетариата и его диктатуры, как переход к отмене классов, а вместе с ними и государства...» (стр. 55).

Какие-нибудь любители буквенной критики или буржуазные «истребители марксизма» усмотрят, пожалуй, противоречие между этим *признанием* «отмены государства» и отрицанием такой формулы, как анархистской, в приведенном выше месте «Анти-Дюринга». Было бы не удивительно, если бы оппортунисты и Энгельса зачислили в «анархисты», — теперь все распространенное становится со стороны социалшовинистов обвинение интернационалистов в анархизме.

Что вместе с отменой классов произойдет и отмена государства, этому марксизм учил всегда. Общеизвестное место об «отмирании государства» в «Анти-Дюринге» обвиняет анархистов не просто в том, что они стоят за отмену государства, а в том, что они проповедуют, будто возможно отменить государство «с сегодня на завтра».

Ввиду полного искажения господствующей ныне «социал-демократической» доктриной отношения марксизма к анархизму по вопросу об уничтожении государства, особенно полезно напомнить одну полемику Маркса и Энгельса с анархистами.

2. ПОЛЕМИКА С АНАРХИСТАМИ

Эта полемика относится к 1873 году. Маркс и Энгельс дали статьи против прудонистов, «автономистов» или «антиавторитаристов», в итальянский социалистический сборник, и только в 1913 году эти статьи появились в немецком переводе в «Neue Zeit»¹⁴¹.

«...Если политическая борьба рабочего класса, — писал Маркс, высмеивая анархистов с их отрицанием политики, — принимает революционные формы, если рабочие на место диктатуры буржуазии ставят свою революционную диктатуру, то они совершают ужасное преступление оскорбления принципов, ибо для удовлетворения своих жалких, грубых потребностей дня, для того, чтобы сломать сопротивление буржуазии, рабочие придают государству революционную и преходящую форму, вместо того, чтобы сложить оружие и отменить государство...» («Neue Zeit», 1913—1914, год 32, т. 1, стр. 40)¹⁴².

Вот против какой «отмены» государства восставал исключительно Маркс, опровергая анархистов! Совсем не против того, что государство исчезнет с исчезновением классов или будет отменено с их отменой, а против того, чтобы рабочие отказались от употребления оружия, от организованного насилия, *то есть от государства*, долженствующего служить цели: «сломить сопротивление буржуазии».

Маркс нарочно подчеркивает — чтобы не искажали истинный смысл его борьбы с анархизмом — «революционную и преходящую форму» государства, необходимого для пролетариата. Пролетариату только на время нужно государство. Мы вовсе не расходимся с анархистами по вопросу об отмене государства, как цели. Мы утверждаем, что для достижения этой цели необходимо временное использование орудий, средств, приемов государственной власти *против* эксплуататоров, как для уничтожения классов необходима временная диктатура угнетенного класса. Маркс выбирает самую резкую и самую ясную постановку вопроса против анархистов: свержая иго капиталистов, должны ли рабочие «сложить оружие» или использовать его против капиталистов, для того

чтобы сломить их сопротивление? А систематическое использование оружия одним классом против другого класса, что это такое, как не «преходящая форма» государства?

Пусть каждый социал-демократ спросит себя: *так ли ставил он вопрос о государстве в полемике с анархистами? так ли ставило этот вопрос огромное большинство официальных социалистических партий второго Интернационала?*

Энгельс еще гораздо подробнее и популярнее излагает те же мысли. Он высмеивает прежде всего путаницу мысли у прудонистов, которые звали себя «антиавторитаристами», т. е. отрицали всякий авторитет, всякое подчинение, всякую власть. Возьмите фабрику, железную дорогу, судно в открытом море — говорит Энгельс — разве не ясно, что без известного подчинения, следовательно, без известного авторитета или власти невозможно функционирование ни одного из этих сложных технических заведений, основанных на применении машин и планомерном сотрудничестве многих лиц?

«...Если я выдвигаю эти аргументы, — пишет Энгельс, — против самых отчаянных антиавторитаристов, то они могут дать мне лишь следующий ответ: «Да! это правда, но дело идет здесь не об авторитете, которым мы наделяем наших делегатов, *а об известном поручении*». Эти люди думают, что мы можем изменить известную вещь, если мы изменим ее имя...»¹⁴³

Показав таким образом, что авторитет и автономия — понятия относительные, что область применения их меняется с различными фазами общественного развития, что за абсолюты принимать их нелепо, добавив, что область применения машин и крупного производства все расширяется, Энгельс переходит от общих рассуждений об авторитете к вопросу о государстве.

«...Если бы автономисты, — пишет он, — хотели сказать только, что социальная организация будущего будет допускать авторитет лишь в тех границах, которые с неизбежностью предписываются условиями производства, тогда с ними можно было бы столкнуться. Но они слепы по отношению ко всем фактам, которые делают необходимым авторитет, и они борются страстно против слова.

Почему антиавторитаристы не ограничиваются тем, чтобы кричать против политического авторитета, против государства? Все социалисты согласны в том, что государство, а вместе с ним и политический авторитет

исчезнут вследствие будущей социальной революции, то есть что общественные функции потеряют свой политический характер и превратятся в простые административные функции, наблюдающие за социальными интересами. Но антиавторитаристы требуют, чтобы политическое государство было отменено одним ударом, еще раньше, чем будут отменены те социальные отношения, которые породили его. Они требуют, чтобы первым актом социальной революции была отмена авторитета.

Видали ли они когда-нибудь революцию, эти господа? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек, т. е. средств чрезвычайно авторитарных. И победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась дольше одного дня? Не вправе ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом? Итак: или — или. Или антиавторитаристы не знают сами, что они говорят, и в этом случае они сеют лишь путаницу. Или они это знают, и в этом случае они изменяют делу пролетариата. В обоих случаях они служат только реакции» (стр. 39) ¹⁴⁴.

В этом рассуждении затронуты вопросы, которые следует рассмотреть в связи с темой о соотношении политики и экономики при отмирании государства (этой теме посвящена следующая глава). Таковы вопросы о превращении общественных функций из политических в простые административные и о «политическом государстве». Это последнее выражение, в особенности способное вызвать недоразумения, указывает на процесс отмирания государства: отмирающее государство на известной ступени его отмирания можно назвать неполитическим государством.

Наиболее замечательна в данном рассуждении Энгельса опять-таки постановка вопроса против анархистов. Социал-демократы, желающие быть учениками Энгельса, миллионы раз спорили с 1873 года против анархистов, но спорили именно *не* так, как можно и должно спорить марксистам. Анархистское представление об отмене государства путано и *нереволюционно*, — вот как ставил вопрос Энгельс. Анар-

хисты именно революции-то в ее возникновении и развитии, в ее специфических задачах по отношению к насилию, авторитету, власти, государству, видеть не хотят.

Обычная критика анархизма у современных социал-демократов свелась к чистейшей мещанской пошлости: «мы-де признаем государство, а анархисты нет!». Разумеется, такая пошлость не может не отталкивать сколько-нибудь мыслящих и революционных рабочих. Энгельс говорит иное: он подчеркивает, что все социалисты признают исчезновение государства, как следствие социалистической революции. Он ставит затем конкретно вопрос о революции, тот именно вопрос, который обычно социал-демократы из оппортунизма обходят, оставляя его, так сказать, на исключительную «разработку» анархистам. И, ставя этот вопрос, Энгельс берет быка за рога: не следовало ли Коммуне *больше* пользоваться *революционной* властью *государства*, т. е. вооруженного, организованного в господствующий класс пролетариата?

Господствующая официальная социал-демократия от вопроса о конкретных задачах пролетариата в революции обыкновенно отделялась либо просто насмешечкой филистера, либо, в лучшем случае, уклончиво софистическим: «там видно будет». И анархисты получали право говорить против такой социал-демократии, что она изменяет своей задаче революционного воспитания рабочих. Энгельс использует опыт последней пролетарской революции именно для самого конкретного изучения, что и как следует делать пролетариату и по отношению к банкам и по отношению к государству.

3. ПИСЬМО К БЕБЕЛЮ

Одним из самых замечательных, если не самым замечательным, рассуждением в сочинениях Маркса и Энгельса по вопросу о государстве является следующее место в письме Энгельса к Бебелю от 18—28 марта 1875 года. Письмо это, заметим в скобках, было напечатано, насколько мы знаем, впервые Бебелем во втором томе его мемуаров («Из моей жизни»), вышедшем в свет в 1911 году, т. е. 36 лет спустя после его составления и отправки.

Энгельс писал Бебелю, критикуя тот самый проект Готской программы, который критиковал и Маркс в знаменитом письме к Бракке¹⁴⁵, и касаясь специально вопроса о государстве, следующее:

«...Свободное народное государство превратилось в свободное государство. По грамматическому смыслу этих слов, свободное государство есть такое, в котором

государство свободно по отношению к своим гражданам, т. е. государство с деспотическим правительством. Следовало бы бросить всю эту болтовню о государстве, особенно после Коммуны, которая не была уже государством в собственном смысле. «Народным государством» анархисты кололи нам глаза более чем достаточно, хотя уже сочинение Маркса против Прудона¹⁴⁶, а затем «Коммунистический Манифест» говорят прямо, что с введением социалистического общественного строя государство само собою распускается (*sich auflöst*) и исчезает. Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать. Мы предложили бы поэтому поставить везде вместо слова *государство* слово: «община» (*Gemeinwesen*), прекрасное старое немецкое слово, соответствующее французскому слову «коммуна» (стр. 321—322 немецкого оригинала)¹⁴⁷.

Надо иметь в виду, что это письмо относится к партийной программе, которую Маркс критиковал в письме, помеченном всего несколькими неделями позже данного письма (письмо Маркса от 5 мая 1875 года), и что Энгельс жил тогда, вместе с Марксом, в Лондоне. Поэтому, говоря: «мы» в последней фразе, Энгельс, несомненно, от своего и Маркса имени предлагает вождю немецкой рабочей партии *выкинуть из программы* слово «государство» и заменить его словом «община».

Какой бы вой об «анархизме» подняли главари нынешнего, подделанного под удобства оппортунистов «марксизма», если бы им предложили такое исправление программы!

Пусть воют. За это их похвалит буржуазия.

А мы будем делать свое дело. При пересмотре программы нашей партии совет Энгельса и Маркса безусловно следует принять во внимание, чтобы быть ближе к истине, чтобы восстановить марксизм, очистив его от искажений, чтобы вернее направить борьбу рабочего класса за его освобождение. Среди большевиков, наверное, противников совета Энгельса и Маркса не найдется. Трудность будет, пожалуй, только в

термине. По-немецки есть два слова: «община», из которых Энгельс выбрал такое, которое *не* означает отдельной общины, а совокупность их, систему общин. По-русски такого слова нет, и, может быть, придется выбрать французское слово «коммуна», хотя это тоже имеет свои неудобства.

«Коммуна не была уже государством в собственном смысле» — вот важнейшее, теоретически, утверждение Энгельса. После изложенного выше, это утверждение вполне понятно. Коммуна *переставала* быть государством, поскольку подавлять ей приходилось не большинство населения, а меньшинство (эксплуататоров); буржуазную государственную машину она разбила; вместо *особой* силы для подавления на сцену выдвигалось само население. Все это отступления от государства в собственном смысле. И если бы Коммуна упрочилась, то в ней сами собой «отмерли» бы следы государства, ей бы не надо было «отменять» его учреждений: они перестали бы функционировать по мере того, как им становилось бы нечего делать.

«Анархисты колют нам глаза «народным государством»; говоря это, Энгельс имеет в виду прежде всего Бакунина и его нападки на немецких социал-демократов. Энгельс признает эти нападки *постольку* правильными, поскольку «народное государство» есть такая же бессмыслица и такое же отступление от социализма, как и «свободное народное государство». Энгельс старается поправить борьбу немецких социал-демократов против анархистов, сделать эту борьбу принципиально правильной, очистить ее от оппортунистических предрассудков насчет «государства». Увы! Письмо Энгельса 36 лет пролежало под спудом. Мы увидим ниже, что и после опубликования этого письма Каутский упорно повторяет, в сущности, те же ошибки, от которых предостерегал Энгельс.

Бebelь ответил Энгельсу письмом от 21 сентября 1875 г., в котором он писал, между прочим, что «вполне согласен» с его суждением о проекте программы и что он упрекал Либкнехта за уступчивость (стр. 334 нем. издания мемуаров Бебеля, т. II). Но если взять брошюру Бебеля «Наши цели», то мы встретим в ней совершенно неверные рассуждения о государстве:

«Государство должно быть превращено из основанного на *классовом господстве* государства в *народное государство*» (нем. изд. «Unsere Ziele», 1886, стр. 14).

Так напечатано в 9-ом (девятом!) издании брошюры Бебеля! Неудивительно, что столь упорное повторение оппорту-

нистических рассуждений о государстве впитывалось немецкой социал-демократией, особенно когда революционные разъяснения Энгельса клались под спуд, а вся жизненная обстановка надолго «отучала» от революции.

4. КРИТИКА ПРОЕКТА ЭРФУРТСКОЙ ПРОГРАММЫ

Критика проекта Эрфуртской программы¹⁴⁸, посланная Энгельсом Каутскому 29 июня 1891 года и опубликованная только десять лет спустя в «Neue Zeit», не может быть обойдена при разборе учения марксизма о государстве, потому что она посвящена, главным образом, именно критике *опportunистических* воззрений социал-демократии в вопросах *государственного* устройства.

Мимоходом отметим, что по вопросам экономики Энгельс дает также одно замечательно ценное указание, которое показывает, как внимательно и вдумчиво следил он именно за видоизменениями новейшего капитализма и как сумел он поэтому предвосхитить в известной степени задачи нашей, империалистской, эпохи. Вот это указание: по поводу слова «отсутствие планомерности» (Planlosigkeit), употребленного в проекте программы для характеристики капитализма, Энгельс пишет:

«...Если мы от акционерных обществ переходим к трестам, которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только частное производство, но и отсутствие планомерности» («Neue Zeit», год 20, т. 1, 1901—1902, стр. 8).

Здесь взято самое основное в теоретической оценке новейшего капитализма, т. е. империализма, именно, что капитализм превращается в монополистический *капитализм*. Последнее приходится подчеркнуть, ибо самой распространенной ошибкой является буржуазно-реформистское утверждение, будто монополистический или государственно-монополистический капитализм *уже не* есть капитализм, уже может быть назван «государственным социализмом» и тому подобное. Полной планомерности, конечно, тресты не давали, не дают до сих пор и не могут дать. Но поскольку они дают планомерность, поскольку магнаты капитала наперед учитывают размеры производства в национальном или даже интернациональном масштабе, поскольку они его планомерно регулируют, мы остаемся все же при *капитализме*, хотя и в новой его стадии, но несомненно при капитализме. «Близость» *такого* капитализма к социализму должна быть для действи-

тельных представителей пролетариата доводом за близость, легкость, осуществимость, неотложность социалистической революции, а вовсе не доводом за то, чтобы терпимо относиться к отрицанию этой революции и к подкрашиванию капитализма, чем занимаются все реформисты.

Но вернемся к вопросу о государстве. Троякого рода особенно ценные указания дает здесь Энгельс: во-первых, по вопросу о республике; во-вторых, о связи национального вопроса с устройством государства; в-третьих, о местном самоуправлении.

Что касается республики, то Энгельс сделал из этого центр тяжести своей критики проекта Эрфуртской программы. А если мы припомним, какое значение Эрфуртская программа приобрела во всей международной социал-демократии, как она стала образцом для всего второго Интернационала, то без преувеличения можно будет сказать, что Энгельс критикует здесь оппортунизм всего второго Интернационала.

«Политические требования проекта, — пишет Энгельс, — страдают большим недостатком. *В нем нет того* (курсив Энгельса), что собственно следовало сказать».

И дальше поясняется, что германская конституция есть собственно слепок с реакционнейшей конституции 1850 года, что рейхстаг есть лишь, как выразился Вильгельм Либкнехт, «фиговый листок абсолютизма», что на основе конституции, узаконяющей мелкие государства и союз немецких мелких государств, хотеть осуществить «превращение всех орудий труда в общую собственность» — «очевидная бессмыслица».

«Касаться этой темы опасно», — добавляет Энгельс, прекрасно знающий, что легально выставить в программе требование республики в Германии нельзя. Но Энгельс не мирится просто-напросто с этим очевидным соображением, которым «все» удовлетворяются. Энгельс продолжает: «Но дело, тем не менее, так или иначе должно быть двинуто. До какой степени это необходимо, показывает именно теперь распространяющийся (*eingreifende*) в большой части социал-демократической печати оппортунизм. Из боязни возобновления закона против социалистов или вспоминая некоторые сделанные при господстве этого закона преждевременные заявления, хотят теперь, чтобы партия признала теперешний законный порядок в Германии достаточным для мирного осуществления всех ее требований...»

Что германские социал-демократы действовали из боязни возобновления исключительного закона¹⁴⁹, этот основной факт Энгельс выдвигает на первый план и, не обинуясь, называет его оппортунизмом, объявляя, именно в силу отсутствия республики и свободы в Германии, совершенно бессмысленными мечты о «мирном» пути. Энгельс достаточно осторожен, чтобы не связать себе рук. Он признает, что в странах с республикой или с очень большой свободой «можно себе представить» (только «представить»!) мирное развитие к социализму, но в Германии, повторяет он,

«...в Германии, где правительство почти всесильно, а рейхстаг и все другие представительные учреждения не имеют действительной власти, — в Германии провозглашать нечто подобное, и притом без всякой надобности, значит снимать фиговый листок с абсолютизма и самому становиться для прикрытия наготы...»

Прикрывателями абсолютизма действительно и оказались в громадном большинстве официальные вожди германской социал-демократической партии, которая положила «под сукно» эти указания.

«...Подобная политика может лишь, в конце концов, привести партию на ложный путь. На первый план выдвигают общие, абстрактные политические вопросы и таким образом прикрывают ближайшие конкретные вопросы, которые сами собою становятся в порядок дня при первых же крупных событиях, при первом политическом кризисе. Что может выйти из этого, кроме того, что партия внезапно в решающий момент окажется беспомощной, что по решающим вопросам в ней господствует неясность и отсутствие единства, потому что эти вопросы никогда не обсуждались...

Это забвение великих, коренных соображений из-за минутных интересов дня, эта погоня за минутными успехами и борьба из-за них без учета дальнейших последствий, это принесение будущего движения в жертву настоящему — может быть, происходит и из-за «честных» мотивов. Но это есть оппортунизм и остается оппортунизмом, а «честный» оппортунизм, пожалуй, опаснее всех других...

Если что не подлежит никакому сомнению, так это то, что наша партия и рабочий класс могут прийти к господству только при такой политической форме, как демократическая республика. Эта последняя является даже

специфической формой для диктатуры пролетариата, как показала уже великая французская революция...»

Энгельс повторяет здесь в особенно рельефной форме ту основную идею, которая красной нитью тянется через все произведения Маркса, именно, что демократическая республика есть ближайший подход к диктатуре пролетариата. Ибо такая республика, нисколько не устраняя господства капитала, а следовательно, угнетения масс и классовой борьбы, неизбежно ведет к такому расширению, разворачиванию, раскрытию и обострению этой борьбы, что, раз возникает возможность удовлетворения коренных интересов угнетенных масс, эта возможность осуществляется неминуемо и единственно в диктатуре пролетариата, в руководстве этих масс пролетариатом. Для всего второго Интернационала это — тоже «забытые слова» марксизма, и забвение их необычайно ярко обнаружила история партии меньшевиков за первое полугодие русской революции 1917 года.

По вопросу о федеративной республике в связи с национальным составом населения Энгельс писал:

«Что должно встать на место теперешней Германии?» (с ее реакционной монархической конституцией и столь же реакционным делением на мелкие государства, делением, увековечивающим особенности «пруссачества» вместо того, чтобы растворить их в Германии, как целом). «По-моему, пролетариат может употреблять лишь форму единой и неделимой республики. Федеративная республика является еще и теперь, в общем и целом, необходимостью на гигантской территории Соединенных Штатов, хотя на востоке их она уже становится помехой. Она была бы шагом вперед в Англии, где на двух островах живет четыре нации и, несмотря на единство парламента, существуют друг подле друга три системы законодательства. Она давно уже сделалась помехой в маленькой Швейцарии, и если там можно еще терпеть федеративную республику, то только потому, что Швейцария довольствуется ролью чисто пассивного члена европейской государственной системы. Для Германии федералистическое ошвейцарение ее было бы огромным шагом назад. Два пункта отличают союзное государство от вполне единого государства, именно: что каждое отдельное государство, входящее в союз, имеет свое особое гражданское и уголовное законодательство, свое особое судоустройство, а затем то, что рядом с народной палатой существует палата представителей от государств,

и в ней каждый кантон голосует, как таковой, независимо от того, велик он или мал». В Германии союзное государство есть переход к вполне единому государству, и «революцию сверху» 1866 и 1870 годов надо не поворачивать вспять, а дополнить «движением снизу».

Энгельс не только не обнаруживает равнодушия к вопросу о формах государства, а, напротив, с чрезвычайной тщательностью старается анализировать именно переходные формы, чтобы учесть, в зависимости от конкретно-исторических особенностей каждого отдельного случая, переходом от чего к чему данная переходная форма является.

Энгельс, как и Маркс, отстаивает, с точки зрения пролетариата и пролетарской революции, демократический централизм, единую и нераздельную республику. Федеративную республику он рассматривает либо как исключение и помеху развитию, либо как переход от монархии к централистической республике, как «шаг вперед» при известных особых условиях. И среди этих особых условий выдвигается национальный вопрос.

У Энгельса, как и у Маркса, несмотря на беспощадную критику ими реакционности мелких государств и прикрытия этой реакционности национальным вопросом в определенных конкретных случаях, нигде нет и тени стремления отмахнуться от национального вопроса, — стремления, которым часто грешат голландские и польские марксисты, исходящие из законнейшей борьбы против мещански-узкого национализма «своих» маленьких государств.

Даже в Англии, где и географические условия, и общность языка, и история многих сотен лет, казалось бы, «покончила» с национальным вопросом отдельных мелких делений Англии, даже здесь Энгельс учитывает ясный факт, что национальный вопрос еще не изжит, и потому признает федеративную республику «шагом вперед». Разумеется, тут нет ни тени отказа от критики недостатков федеративной республики и от самой решительной пропаганды и борьбы за единую, централистически-демократическую республику.

Но централизм демократический Энгельс понимает отнюдь не в том бюрократическом смысле, в котором употребляют это понятие буржуазные и мелкобуржуазные идеологи, анархисты в числе последних. Централизм для Энгельса нисколько не исключает такого широкого местного самоуправления, которое, при добровольном отстаивании «коммунами» и областями единства государства, устраняет всякий бюрократизм и всякое «командование» сверху безусловно.

«...Итак, единая республика, — пишет Энгельс, развивая программные взгляды марксизма на государство, — но не в смысле теперешней французской республики, которая представляет из себя не больше, чем основанную в 1798 году империю без императора. С 1792 по 1798 год каждый французский департамент, каждая община (Gemeinde) пользовались полным самоуправлением по американскому образцу, и это должны иметь и мы. Как следует организовать самоуправление и как можно обойтись без бюрократии, это показала и доказала нам Америка и первая французская республика, а теперь еще показывают Канада, Австралия и другие английские колонии. И такое провинциальное (областное) и общинное самоуправление — гораздо более свободные учреждения, чем, например, швейцарский федерализм, где, правда, кантон очень независим по отношению к бунду» (т. е. к федеративному государству в целом), «но независим также и по отношению к уезду (бецирку) и по отношению к общине. Кантональные правительства назначают уездных исправников (штатгальтеров) и префектов, чего совершенно нет в странах английского языка и что мы у себя в будущем так же решительно должны устранить, как и прусских ландграфов и регирунгсратов» (комиссаров, исправников, губернаторов, вообще чиновников, назначаемых сверху). Энгельс предлагает соответственно этому формулировать пункт программы о самоуправлении следующим образом: «Полное самоуправление в провинции» (губернии или области), «уезде и общине чрез чиновников, избранных всеобщим избирательным правом; отмена всех местных и провинциальных властей, назначаемых государством».

В закрытой правительством Керенского и других «социалистических» министров «Правде» (№ 68 от 28 мая 1917 года) мне уже случалось указывать, как в этом пункте — разумеется, далеко не в нем одном — наши якобы социалистические представители якобы революционной якобы демократии совершали вопиющие отступления от демократизма*. Понятно, что люди, связавшие себя «коалицией» с империалистской буржуазией, оставались глухи к этим указаниям.

Крайне важно отметить, что Энгельс с фактами в руках, на самом точном примере, опровергает чрезвычайно

* См. Сочинения, 5 изд., том 32, стр. 218—221; 4 изд., том 24, стр. 497—499. *Ред.*

распространенный — особенно среди мелкобуржуазной демократии — предрассудок, будто федеративная республика означает непременно больше свободы, чем централистическая. Это неверно. Факты, приводимые Энгельсом относительно централистической французской республики 1792—1798 гг. и федералистической швейцарской, опровергают это. Свободы *больше* давала действительно демократическая централистическая республика, чем федералистическая. Или иначе: *наибольшая* местная, областная и пр. свобода, известная в истории, дана была *централистической*, а не федеративной республикой.

На этот факт, как и на весь вообще вопрос о федеративной и централистической республике и о местном самоуправлении, в нашей партийной пропаганде и агитации обращалось и обращается недостаточно внимания.

5. ПРЕДИСЛОВИЕ 1891 ГОДА К «ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ» МАРКСА

В предисловии к 3-му изданию «Гражданской войны во Франции» — это предисловие помечено 18 марта 1891 года и первоначально было напечатано в журнале «Neue Zeit» — Энгельс, рядом с интересными мимоходными замечаниями по вопросам, связанным с отношением к государству, дает замечательно рельефную сводку уроков Коммуны¹⁵⁰. Эта сводка, углубленная всем опытом двадцатилетнего периода, отделявшего автора от Коммуны, и специально направленная против распространенной в Германии «суеверной веры в государство», может быть по справедливости названа *последним словом* марксизма по рассматриваемому вопросу.

Во Франции, отмечает Энгельс, после каждой революции рабочие бывали вооружены; «поэтому для буржуа, находившихся у государственного кормила, первой заповедью было разоружение рабочих. Отсюда — после каждой завоеванной рабочими революции новая борьба, которая оканчивается поражением рабочих...»

Итог опыта буржуазных революций столь же краткий, сколь выразительный. Суть дела — между прочим, и по вопросу о государстве (*есть ли оружие у угнетенного класса?*) — схвачена здесь замечательно. Именно эту суть чаще всего и обходят как профессора, находящиеся под влиянием буржуазной идеологии, так и мелкобуржуазные демократы. В русской революции 1917 года «меньшевику», «тоже-марксисту» Церетели выпала честь (кавеньяковская честь) выболтать эту тайну буржуазных революций. В своей «исто-

рической» речи 11-го июня Церетели проговорился о решимости буржуазии разоружить питерских рабочих, выдавая, конечно, это решение и за свое, и за «государственную» необходимость вообще! ¹⁵¹

Историческая речь Церетели от 11-го июня будет, конечно, для всякого историка революции 1917 года одной из нагляднейших иллюстраций того, как предводимый господином Церетели блок эсеров и меньшевиков перешел на сторону буржуазии *против* революционного пролетариата.

Другое мимоходное замечание Энгельса, тоже связанное с вопросом о государстве, относится к религии. Известно, что германская социал-демократия, по мере того, как она загнивала, становясь все более оппортунистической, чаще и чаще скатывалась к филистерскому кривотолкованию знаменитой формулы: «объявление религии частным делом». Именно: эта формула истолковывалась так, будто *и для партии* революционного пролетариата вопрос о религии есть частное дело!! Против этой полной измены революционной программе пролетариата и восстал Энгельс, который в 1891 году наблюдал только *самые слабые* зачатки оппортунизма в своей партии и который выражался поэтому наиболее осторожно:

«Соответственно тому, что в Коммуне заседали почти исключительно рабочие или признанные представители рабочих, и постановления ее отличались решительно пролетарским характером. Либо эти постановления декретировали такие реформы, от которых республиканская буржуазия отказалась только из подлой трусости и которые составляют необходимую основу для свободной деятельности рабочего класса. Таково проведение в жизнь принципа, что *по отношению к государству* религия является просто частным делом. Либо Коммуна издавала постановления, прямо лежащие в интересах рабочего класса и которые отчасти глубоко врезывались в старый общественный порядок...».

Энгельс подчеркнул слова «по отношению к государству» умышленно, направляя удар не в бровь, а в глаз немецкому оппортунизму, объявлявшему религию частным делом *по отношению к партии* и таким образом принижавшему партию революционного пролетариата до уровня пошлейшего «свободомыслящего» мещанства, готового допустить невероисповедное состояние, но отрекавшегося от задачи *партийной* борьбы против религиозного опиума, оглуляющего народ.

Будущий историк германской социал-демократии, проследившая корни ее позорного краха в 1914 году, найдет немало

интересного материала по этому вопросу, начиная от уклончивых, открывающих настежь дверь оппортунизму, заявлений в статьях идейного вождя партии, Каутского, и кончая отношением партии к «Los-von-Kirche-Bewegung» (движению к отделению от церкви) в 1913 году¹⁵².

Но перейдем к тому, как Энгельс двадцать лет спустя после Коммуны подытоживал ее уроки борющемуся пролетариату.

Вот какие уроки выдвигал на первый план Энгельс:

«...Именно та угнетающая власть прежнего централизованного правительства, армия, политическая полиция, бюрократия, которую Наполеон создал в 1798 году и которую с тех пор каждое новое правительство перенимало, как желательное орудие, и использовывало его против своих противников, именно эта власть должна была пасть всюду во Франции, как пала она в Париже.

Коммуна должна была с самого начала признать, что рабочий класс, придя к господству, не может дальше хозяйничать со старой государственной машиной; что рабочий класс, дабы не потерять снова своего только что завоеванного господства, должен, с одной стороны, устранить всю старую, доселе употреблявшуюся против него, машину угнетения, а с другой стороны, должен обеспечить себя против своих собственных депутатов и чиновников, объявляя их всех, без всякого исключения, сменяемыми в любое время...».

Энгельс подчеркивает еще и еще раз, что не только в монархии, но и в демократической республике государство остается государством, т. е. сохраняет свою основную отличительную черту: превращать должностных лиц, «слуг общества», органы его в *господ* над ним.

«...Против этого, неизбежного во всех существовавших до сих пор государствах, превращения государства и органов государства из слуг общества в господ над обществом Коммуна применила два безошибочных средства. Во-первых, она назначала на все должности, по управлению, по суду, по народному просвещению, лиц, выбранных всеобщим избирательным правом, и притом ввела право отзывать этих выборных в любое время по решению их избирателей. А во-вторых, она платила всем должностным лицам, как высшим, так и низшим, лишь такую плату, которую получали другие рабочие. Самое

высокое жалованье, которое вообще платила Коммуна, было 6000 франков*. Таким образом была создана надежная помеха погоне за местечками и карьеризму, даже и независимо от императивных мандатов депутатам в представительные учреждения, введенных Коммуной сверх того...»

Энгельс подходит здесь к той интересной грани, где последовательная демократия, с одной стороны, *превращается* в социализм, а с другой стороны, где она *требует* социализма. Ибо для уничтожения государства необходимо превращение функций государственной службы в такие простые операции контроля и учета, которые доступны, подильны громадному большинству населения, а затем и всему населению поголовно. А полное устранение карьеризма требует, чтобы «почетное», хотя и бездоходное, местечко на государственной службе *не* могло служить мостиком для перепрыгиванья на высокодоходные должности в банках и в акционерных обществах, как это бывает *постоянно* во всех свободнейших капиталистических странах.

Но Энгельс не делает той ошибки, которую делают, например, иные марксисты по вопросу о праве наций на самоопределение: дескать, при капитализме оно невозможно, а при социализме излишне. Подобное, якобы остроумное, а на деле неверное, рассуждение можно бы повторить про *любое* демократическое учреждение, и про скромное жалованье чиновникам в том числе, ибо до конца последовательный демократизм при капитализме невозможен, а при социализме *отомрет* всякая демократия.

Это — софизм, похожий на ту старую шутку, станет ли человек лысым, если у него будет волос меньше на один волос.

Развитие демократии *до конца*, изыскание *форм* такого развития, испытание их *практикой* и т. д., все это есть одна из составных задач борьбы за социальную революцию. Отдельно взятый, никакой демократизм не даст социализма, но в жизни демократизм никогда не будет «взят отдельно», а будет «взят вместе», оказывать свое влияние и на экономику, подталкивать *ее* преобразование, подвергаться влиянию экономического развития и т. д. Такова диалектика живой истории.

* Номинально это дает около 2400 руб., а по теперешнему курсу около 6000 рублей. Совершенно непростительно поступают те большевики, которые предлагают, например, в городских думах жалованье по 9 000 руб., не предлагая ввести *для всего государства* максимум 6000 руб., — сумма достаточная¹⁵³.

Энгельс продолжает:

«...Этот взрыв (Sprengung) старой государственной власти и ее замена новою, поистине демократическою, подробно описаны в третьем отделе «Гражданской войны». Но вкратце остановиться еще раз на некоторых чертах этой замены было здесь необходимо, потому что как раз в Германии суеверная вера в государство перешла из философии в общее сознание буржуазии и даже многих рабочих. По учению философов, государство есть «осуществление идеи» или, переведенное на философский язык, царство божие на земле, государство является таким поприщем, на котором осуществляется или должна осуществиться вечная истина и справедливость. А отсюда вытекает суеверное почтение к государству и ко всему тому, что имеет отношение к государству, — суеверное почтение, которое тем легче укореняется, что люди привыкают с детства думать, будто дела и интересы, общие всему обществу, не могут быть иначе выполняемы и охраняемы, как прежним способом, т. е. через посредство государства и его награжденных доходными местечками чиновников. Люди воображают, что делают необыкновенно смелый шаг вперед, если они отделяются от веры в наследственную монархию и становятся сторонниками демократической республики. В действительности же государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии. И в лучшем случае государство есть зло, которое по наследству передается пролетариату, одержавшему победу в борьбе за классовое господство; победивший пролетариат, так же, как и Коммуна, вынужден будет немедленно отсечь худшие стороны этого зла, до тех пор пока поколение, выросшее в новых, свободных общественных условиях, окажется в состоянии выкинуть вон весь этот хлам государственности».

Энгельс предостерегал немцев, чтобы они по случаю замены монархии республикой не забыли основ социализма по вопросу о государстве вообще. Его предостережения читаются теперь как прямой урок господам Церетели и Черновым, проявившим в своей «коалиционной» практике суеверную веру в государство и суеверное почтение к нему!

Еще два замечания: 1) Если Энгельс говорит, что при демократической республике «ничуть не меньше», чем при монархии, государство остается «машиной для угнетения

одного класса другим», то это вовсе не значит, чтобы *форма* угнетения была для пролетариата безразлична, как «учат» иные анархисты. Более широкая, более свободная, более открытая *форма* классовой борьбы и классового угнетения дает пролетариату гигантское облегчение в борьбе за уничтожение классов вообще.

2) Почему только новое поколение в состоянии будет совсем выкинуть вон весь этот хлам государственности, — этот вопрос связан с вопросом о преодолении демократии, к которому мы и переходим.

6. ЭНГЕЛЬС О ПРЕОДОЛЕНИИ ДЕМОКРАТИИ

Энгельсу пришлось высказаться об этом в связи с вопросом о *научной* неправильности названия «социал-демократ».

В предисловии к изданию своих статей 1870-х годов на разные темы, преимущественно «интернационального» содержания («Internationales aus dem «Volksstaat»»), — предисловии, помеченном 3 января 1894 года, т. е. написанном за полтора года до смерти Энгельса, он писал, что во всех статьях употребляется слово «коммунист», а не «социал-демократ», ибо тогда социал-демократами называли себя прудонисты во Франции, лассальянцы в Германии.

«...Для Маркса и для меня, — продолжает Энгельс, — было поэтому чистейшей невозможностью употреблять для обозначения специально нашей точки зрения выражение столь растяжимое. В настоящее время дело обстоит иначе, и это слово («социал-демократ») может, пожалуй, сойти (mag passieren), хотя оно и остается неточным (unpassend, неподходящим) для такой партии, экономическая программа которой не является просто социалистической вообще, а прямо коммунистической, — для партии, политическая конечная цель которой есть преодоление всего государства, а, следовательно, также и демократии. Названия *действительных* (курсив Энгельса) политических партий, однако, никогда вполне не соответствуют им; партия развивается, название остается»¹⁵⁴.

Диалектик Энгельс на закате дней остается верен диалектике. У нас с Марксом, говорит он, было прекрасное, научно-точное, название партии, но не было действительной, т. е. массовой пролетарской партии. Теперь (конец XIX века) есть действительная партия, но ее название научно неверно.

* — «На международные темы из «Народного Государства». *Ред.*

Ничего, «сойдет», лишь бы партия *развивалась*, лишь бы научная неточность ее названия не была от нее скрыта и не мешала ей развиваться в верном направлении!

Пожалуй, иной шутник и нас, большевиков, стал бы утешать по-энгельсовски: у нас есть действительная партия, она развивается отлично; «сойдет» и такое бессмысленное, уродливое слово, как «большевик», не выражающее абсолютно ничего, кроме того, чисто случайного, обстоятельства, что на Брюссельско-Лондонском съезде 1903 года мы имели большинство... Может быть, теперь, когда июльские и августовские преследования нашей партии республиканцами и «революционной» мещанской демократией сделали слово «большевик» таким всенародно-почетным, когда они ознаменовали кроме того столь громадный, исторический шаг вперед, сделанный нашей партией в ее *действительном* развитии, может быть, и я поколебался бы в своем апрельском предложении изменить название нашей партии*. Может быть, я предложил бы своим товарищам «компромисс»: назваться коммунистической партией, а в скобках оставить слово большевики...

Но вопрос о названии партии несравненно менее важен, чем вопрос об отношении революционного пролетариата к государству.

В обычных рассуждениях о государстве постоянно делается та ошибка, от которой здесь предостерегает Энгельс и которую мы отмечали мимоходом в предыдущем изложении. Именно: постоянно забывают, что уничтожение государства есть уничтожение также и демократии, что отмирание государства есть отмирание демократии.

На первый взгляд такое утверждение представляется крайне странным и непонятным; пожалуй, даже возникнет у кого-либо опасение, не ожидаем ли мы пришествия такого общественного устройства, когда не будет соблюдаться принцип подчинения меньшинства большинству, ибо ведь демократия это и есть признание такого принципа?

Нет. Демократия *не* тождественна с подчинением меньшинства большинству. Демократия есть признающее подчинение меньшинства большинству *государство*, т. е. организация для систематического *насилия* одного класса над другим, одной части населения над другою.

Мы ставим своей конечной целью уничтожение государства, т. е. всякого организованного и систематического наси-

* См. настоящий том, стр. 13 и Сочинения, 5 изд., том 31, стр. 100, 111; 4 изд., том 36, стр. 393, 402. *Ред.*

лия, всякого насилия над людьми вообще. Мы не ждем пришествия такого общественного порядка, когда бы не соблюдался принцип подчинения меньшинства большинству. Но, стремясь к социализму, мы убеждены, что он будет перерастать в коммунизм, а в связи с этим будет исчезать всякая надобность в насилии над людьми вообще, в *подчинении* одного человека другому, одной части населения другой его части, ибо люди *привыкнут* к соблюдению элементарных условий общественности *без насилия и без подчинения*.

Чтобы подчеркнуть этот элемент привычки, Энгельс и говорит о новом *поколении*, «выросшем в новых, свободных общественных условиях, которое окажется в состоянии совершенно выкинуть вон весь этот хлам государственности», — всякой государственности, в том числе и демократически-республиканской государственности.

Для пояснения этого требуется разбор вопроса об экономических основах отмирания государства.

ГЛАВА V

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОТМИРАНИЯ ГОСУДАРСТВА

Самое обстоятельное разъяснение этого вопроса дано Марксом в его «Критике Готской программы» (письмо к Бракке от 5 мая 1875 года, напечатанное только в 1891 году в «Neue Zeit», IX, 1 и вышедшее по-русски отдельным изданием)¹⁵⁵. Полемическая часть этого замечательного произведения, состоящая в критике лассальянства, затенила, так сказать, его положительную часть, именно: анализ связи между развитием коммунизма и отмиранием государства.

1. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА МАРКСОМ

При поверхностном сравнении письма Маркса к Бракке от 5 мая 1875 года и рассмотренного выше письма Энгельса к Бебелю от 28 марта 1875 года¹⁵⁶ может показаться, что Маркс гораздо более «государственник», чем Энгельс, и что различие между взглядами обоих писателей на государство очень значительное.

Энгельс предлагает Бебелю вовсе бросить болтовню о государстве, изгнать совершенно слово государство из программы, заменив его словом «община»; Энгельс заявляет даже, что Коммуна не была уже государством в собственном смысле. Между тем Маркс говорит даже о «будущей государственности коммунистического общества», т. е. как будто бы признает необходимость государства даже при коммунизме.

Но подобный взгляд был бы в корне неправилен. Ближайшее рассмотрение показывает, что взгляды Маркса и Энгельса на государство и его отмирание вполне совпадают, а приведенное выражение Маркса относится именно к этой *отмирающей* государственности.

Ясно, что не может быть и речи об определении момента *будущего* «отмирания», тем более, что оно представляет из себя заведомо процесс длительный. Кажущееся различие между Марксом и Энгельсом объясняется различием тем, которые они себе брали, задач, которые они преследовали. Энгельс ставил задачей наглядно, резко, в крупных штрихах показать Бебелю всю нелепость ходячих (и разделявшихся Лассалем в немалой степени) предрассудков насчет государства. Маркс только мимоходом касается *этого* вопроса, интересуясь другой темой: *развитием* коммунистического общества.

Вся теория Маркса есть применение теории развития — в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием форме — к современному капитализму. Естественно, что для Маркса встал вопрос о применении этой теории и к *предстоящему* краху капитализма и к *будущему* развитию *будущего* коммунизма.

На основании каких же *данных* можно ставить вопрос о будущем развитии будущего коммунизма?

На основании того, что он *происходит* из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действий такой общественной силы, которая *рождена* капитализмом. У Маркса нет ни тени попыток сочинять утопии, по-пустому гадать насчет того, чего знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется.

Маркс прежде всего отметаёт прочь ту путаницу, которая Готской программой вносится в вопрос о соотношении государства и общества.

«...Современное общество, — пишет он, — есть капиталистическое общество, которое существует во всех цивилизованных странах, более или менее свободное от примеси средневековья, более или менее видоизмененное особенностями исторического развития каждой страны, более или менее развитое. Напротив того, «современное государство» меняется с каждой государственной границей. В прусско-германской империи оно совершенно иное,

чем в Швейцарии, в Англии совершенно иное, чем в Соединенных Штатах. «Современное государство» есть, следовательно, фикция.

Однако, несмотря на пестрое разнообразие их форм, различные государства различных цивилизованных стран имеют между собой то общее, что они стоят на почве современного буржуазного общества, более или менее капиталистически развитого. У них есть поэтому некоторые общие существенные признаки. В этом смысле можно говорить о «современной государственности» в противоположность тому будущему, когда отомрет теперешний ее корень, буржуазное общество.

Вопрос ставится затем так: какому превращению подвергнется государственность в коммунистическом обществе? Другими словами: какие общественные функции останутся тогда, аналогичные теперешним государственным функциям? На этот вопрос можно ответить только научно; и сколько бы тысяч раз ни сочетать слово «народ» со словом «государство», это ни капельки не подвинет его разрешения...»¹⁵⁷

Высмеяв таким образом все разговоры о «народном государстве», Маркс дает постановку вопроса и как бы предостерегает, что для научного ответа на него можно оперировать только твердо установленными научно данными.

Первое, что установлено вполне точно всей теорией развития, всей наукой вообще, — и что забывали утописты, что забывают нынешние оппортунисты, боящиеся социалистической революции, — это то обстоятельство, что исторически, несомненно, должна быть особая стадия или особый этап *перехода* от капитализма к коммунизму.

2. ПЕРЕХОД ОТ КАПИТАЛИЗМА К КОММУНИЗМУ

«...Между капиталистическим и коммунистическим обществом, — продолжает Маркс, — лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*...»

Этот вывод покоится у Маркса на анализе той роли, которую играет пролетариат в современном капиталистическом обществе, на данных о развитии этого общества и о непримиримости противоположных интересов пролетариата и буржуазии.

Раньше вопрос ставился так: чтобы добиться своего освобождения, пролетариат должен свергнуть буржуазию, завоевать политическую власть, установить свою революционную диктатуру.

Теперь вопрос ставится несколько иначе: переход от капиталистического общества, развивающегося к коммунизму, в коммунистическое общество невозможен без «политического переходного периода», и государством этого периода может быть лишь революционная диктатура пролетариата.

Каково же отношение этой диктатуры к демократии?

Мы видели, что «Коммунистический Манифест» ставит просто рядом два понятия: «превращение пролетариата в господствующий класс» и «завоевание демократии»¹⁵⁸. На основании всего изложенного выше можно точнее определить, как изменяется демократия в переходе от капитализма к коммунизму.

В капиталистическом обществе, при условии наиболее благоприятного развития его, мы имеем более или менее полный демократизм в демократической республике. Но этот демократизм всегда сжат тесными рамками капиталистической эксплуатации и всегда остается поэтому, в сущности, демократизмом для меньшинства, только для имущих классов, только для богатых. Свобода капиталистического общества всегда остается приблизительно такой же, какова была свобода в древних греческих республиках: свобода для рабовладельцев. Современные наемные рабы, в силу условий капиталистической эксплуатации, остаются настолько задавленными нуждой и нищетой, что им «не до демократии», «не до политики», что при обычном, мирном течении событий большинство населения от участия в общественно-политической жизни отстранено.

Правильность этого утверждения всего нагляднее, может быть, подтверждается Германией именно потому, что в этом государстве конституционная легальность продержалась удивительно долго и устойчиво почти полвека (1871—1914), а социал-демократия за это время гораздо больше, чем в других странах, сумела сделать для «использования легальности» и для организации такой высокой доли рабочих в политическую партию, как нигде в свете.

Какова же эта наиболее высокая из наблюдавшихся в капиталистическом обществе доля политически сознательных и деятельных наемных рабов? Один миллион членов партии социал-демократов — из 15 миллионов наемных рабочих! Три миллиона профессионально организованных — из 15-ти миллионов!

Демократия для ничтожного меньшинства, демократия для богатых, — вот каков демократизм капиталистического общества. Если присмотреться поближе к механизму капиталистической демократии, то мы увидим везде и повсюду, и в «мелких», якобы мелких, подробностях избирательного права (ценз оседлости, исключение женщин и т. д.), и в технике представительных учреждений, и в фактических препонах праву собраний (общественные здания не для «нищих!»), и в чисто капиталистической организации ежедневной прессы и так далее и так далее, — мы увидим ограничения да ограничения демократизма. Эти ограничения, изъятия, исключения, препоны для бедных кажутся мелкими, особенно на глаз того, кто сам никогда нужды не видал и с угнетенными классами в их массовой жизни близок не был (а таково девять десятых, если не девяносто девять сотых буржуазных публицистов и политиков), — но в сумме взятые эти ограничения исключают, выталкивают бедноту из политики, из активного участия в демократии.

Маркс великолепно схватил эту *суть* капиталистической демократии, сказав в своем анализе опыта Коммуны: угнетенным раз в несколько лет позволяют решать, какой именно из представителей угнетающего класса будет в парламенте представлять и подавлять их! ¹⁵⁹

Но от этой капиталистической демократии, — неизбежно узкой, тайком отталкивающей бедноту, а поэтому насквозь лицемерной и лживой, — развитие вперед не идет просто, прямо и гладко, «ко все большей и большей демократии», как представляют дело либеральные профессора и мелкобуржуазные оппортунисты. Нет. Развитие вперед, т. е. к коммунизму, идет через диктатуру пролетариата и иначе идти не может, ибо *сломить сопротивление* эксплуататоров-капиталистов больше некому и иным путем нельзя.

А диктатура пролетариата, т. е. организация авангарда угнетенных в господствующий класс для подавления угнетателей, не может дать просто только расширения демократии. *Вместе* с громадным расширением демократизма, *впервые* становящегося демократизмом для бедных, демократизмом для народа, а не демократизмом для богатеньких, диктатура пролетариата дает ряд изъятий из свободы по отношению к угнетателям, эксплуататорам, капиталистам. Их мы должны подавить, чтобы освободить человечество от наемного рабства, их сопротивление надо сломить силой, — ясно, что там, где есть подавление, есть насилие, нет свободы, нет демократии.

Энгельс прекрасно выразил это в письме к Бебелю, сказав, как вспомнит читатель, что «пролетариат нуждается в государстве не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда можно будет говорить о свободе, — не будет государства»¹⁶⁰.

Демократия для гигантского большинства народа и подавление силой, т. е. исключение из демократии, эксплуататоров, угнетателей народа, — вот каково видоизменение демократии при *переходе* от капитализма к коммунизму.

Только в коммунистическом обществе, когда сопротивление капиталистов уже окончательно сломлено, когда капиталисты исчезли, когда нет классов (т. е. нет различия между членами общества по их отношению к общественным средствам производства), — *только* тогда «исчезает государство и *можно говорить о свободе*». Только тогда возможна и будет осуществлена демократия действительно полная, действительно без всяких изъятий. И только тогда демократия начнет *отмирать* в силу того простого обстоятельства, что, избавленные от капиталистического рабства, от бесчисленных ужасов, дикостей, нелепостей, гнусностей капиталистической эксплуатации, люди постепенно *привыкнут* к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях, правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения, *без особого аппарата* для принуждения, который называется государством.

Выражение «государство *отмирает*» выбрано очень удачно, ибо оно указывает и на постепенность процесса и на стихийность его. Только привычка может оказать и несомненно окажет такое действие, ибо мы кругом себя наблюдаем миллионы раз, как легко привыкают люди к соблюдению необходимых для них правил общежития, если нет эксплуатации, если нет ничего такого, что возмущает, вызывает протест и восстание, создает необходимость *подавления*.

Итак: в капиталистическом обществе мы имеем демократию урезанную, убогую, фальшивую, демократию только для богатых, для меньшинства. Диктатура пролетариата, период перехода к коммунизму, впервые даст демократию для народа, для большинства, наряду с необходимым подавлением меньшинства, эксплуататоров. Коммунизм один только в состоянии дать демократию действительно полную, и чем она полнее, тем скорее она станет ненужной, отомрет сама собою.

Другими словами: при капитализме мы имеем государство в собственном смысле слова, особую машину для подавления одного класса другим и притом большинства меньшинством.

Понятно, что для успеха такого дела, как систематическое подавление меньшинством эксплуататоров большинства эксплуатируемых, нужно крайнее свирепство, зверство подавления, нужны моря крови, через которые человечество и идет свой путь в состоянии рабства, крепостничества, наемничества.

Далее, при *переходе* от капитализма к коммунизму подавление *еще* необходимо, но уже подавление меньшинства эксплуататоров большинством эксплуатируемых. Особый аппарат, особая машина для подавления, «государство» *еще* необходимо, но это уже переходное государство, это уже не государство в собственном смысле, ибо подавление меньшинства эксплуататоров большинством *вчерашних* наемных рабов дело настолько, сравнительно, легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих, что оно обойдется человечеству гораздо дешевле. И оно совместимо с распространением демократии на такое подавляющее большинство населения, что надобность в *особой машине* для подавления начинает исчезать. Эксплуататоры, естественное дело, не в состоянии подавить народа без сложнейшей машины для выполнения такой задачи, но *народ* подавить эксплуататоров может и при очень простой «машине», почти что без «машины», без особого аппарата, простой *организацией вооруженных масс* (вроде Советов рабочих и солдатских депутатов — заметим, забегаю вперед).

Наконец, только коммунизм создает полную ненужность государства, ибо *некого* подавлять, — «некого» в смысле *класса*, в смысле систематической борьбы с определенной частью населения. Мы не утописты и нисколько не отрицаем возможности и неизбежности эксцессов *отдельных лиц*, а равно необходимости подавлять *такие* эксцессы. Но, во-первых, для этого не нужна особая машина, особый аппарат подавления, это будет делать сам вооруженный народ с такой же простотой и легкостью, с которой любая толпа цивилизованных людей даже в современном обществе разнимает дерущихся или не допускает насилия над женщиной. А, во-вторых, мы знаем, что коренная социальная причина эксцессов, состоящих в нарушении правил общежития, есть эксплуатация масс, нужда и нищета их. С устранением этой главной причины эксцессы неизбежно начнут *отмирать*. Мы не знаем, как быстро и в какой постепенности, но мы знаем, что они будут отмирать. С их отмиранием *отомрет* и государство.

Маркс, не пускаясь в утопии, определил подробнее то, что можно *теперь* определить относительно этого будущего, именно: различие низшей и высшей фазы (ступени, этапа) коммунистического общества.

3. ПЕРВАЯ ФАЗА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В «Критике Готской программы» Маркс опровергает подробно лассалевскую идею о получении рабочим при социализме «неурезанного» или «полного продукта труда». Маркс показывает, что из всего общественного труда всего общества необходимо вычесть и резервный фонд, и фонд на расширение производства, и возмещение «сношенных» машин и т. п., а затем из предметов потребления фонд на издержки управления, на школы, больницы, приюты престарелых и т. п.

Вместо туманной, неясной, общей фразы Лассаля («полный продукт труда — рабочему») Маркс дает трезвый учет того, как именно социалистическое общество вынуждено будет хозяйничать. Маркс подходит к *конкретному* анализу условий жизни такого общества, в котором не будет капитализма, и говорит при этом:

«Мы имеем здесь дело» (при разборе программы рабочей партии) «не с таким коммунистическим обществом, которое *развилося* на своей собственной основе, а с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, носит еще отпечаток старого общества, из недр которого оно вышло».

Вот это коммунистическое общество, которое только что вышло на свет божий из недр капитализма, которое носит во всех отношениях отпечаток старого общества, Маркс и называет «первой» или низшей фазой коммунистического общества.

Средства производства уже вышли из частной собственности отдельных лиц. Средства производства принадлежат всему обществу. Каждый член общества, выполняя известную долю общественно-необходимой работы, получает удостоверение от общества, что он такое-то количество работы отработал. По этому удостоверению он получает из общественных складов предметов потребления соответственное количество продуктов. За вычетом того количества труда, которое идет на общественный фонд, каждый рабочий, следовательно, получает от общества столько же, сколько он ему дал.

Царствует как будто бы «равенство».

Но когда Лассаль говорит, имея в виду такие общественные порядки (обычно называемые социализмом, а у Маркса носящие название первой фазы коммунизма), что это «справедливое распределение», что это «равное право каждого на равный продукт труда», то Лассаль ошибается, и Маркс разъясняет его ошибку.

«Равное право» — говорит Маркс — мы здесь действительно имеем, но это *еще* «буржуазное право», которое, как и всякое право, *предполагает неравенство*. Всякое право есть применение *одинакового* масштаба к *различным* людям, которые на деле не одинаковы, не равны друг другу; и потому «равное право» есть нарушение равенства и несправедливость. В самом деле, каждый получает, отработав равную с другим долю общественного труда, — равную долю общественного продукта (за указанными вычетами).

А между тем отдельные люди не равны: один сильнее, другой слабее; один женат, другой нет, у одного больше детей, у другого меньше, и т. д.

«...При равном труде, — заключает Маркс, — следовательно, при равном участии в общественном потребительном фонде, один получит на самом деле больше, чем другой, окажется богаче другого и т. д. Чтобы избежать всего этого, право, вместо того, чтобы быть равным, должно бы быть неравным...»

Справедливости и равенства, следовательно, первая фаза коммунизма дать еще не может: различия в богатстве останутся и различия несправедливые, но невозможна будет *эксплуатация* человека человеком, ибо нельзя захватить *средства производства*, фабрики, машины, землю и прочее в частную собственность. Разбивая мелкобуржуазно неясную фразу Лассаля о «равенстве» и «справедливости» *вообще*, Маркс показывает *ход развития* коммунистического общества, которое *вынуждено* сначала уничтожить *только* ту «несправедливость», что средства производства захвачены отдельными лицами, и которое *не в состоянии* сразу уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления «по работе» (а не по потребностям).

Вульгарные экономисты, в том числе буржуазные профессора, в том числе «наш» Туган, постоянно упрекают социалистов, будто они забывают о неравенстве людей и «мечтают» уничтожить это неравенство. Такой упрек, как видим, доказывает только крайнее невежество гг. буржуазных идеологов..

Маркс не только точнейшим образом учитывает неизбежное неравенство людей, он учитывает также то, что один еще переход средств производства в общую собственность всего общества («социализм» в обычном словоупотреблении) *не устраняет* недостатков распределения и неравенства «буржуазного права», которое *продолжает господствовать*, поскольку продукты делятся «по работе».

«...Но эти недостатки, — продолжает Маркс, — неизбежны в первой фазе коммунистического общества, в том его виде, как оно выходит, после долгих мук родов, из капиталистического общества. Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества...»

Таким образом, в первой фазе коммунистического общества (которую обычно зовут социализмом) «буржуазное право» отменяется *не* вполне, а лишь отчасти, лишь в меру уже достигнутого экономического переворота, т. е. лишь по отношению к средствам производства. «Буржуазное право» признает их частной собственностью отдельных лиц. Социализм делает их *общей* собственностью. *Постольку* — и лишь постольку — «буржуазное право» отпадает.

Но оно остается все же в другой своей части, остается в качестве регулятора (определивателя) распределения продуктов и распределения труда между членами общества. «Кто не работает, тот не должен есть» — этот социалистический принцип *уже* осуществлен; «за равное количество труда равное количество продукта» — и этот социалистический принцип *уже* осуществлен. Однако это еще не коммунизм, и это еще не устраняет «буржуазного права», которое неравным людям за неравное (фактически неравное) количество труда дает равное количество продукта.

Это — «недостаток», говорит Маркс, но он неизбежен в первой фазе коммунизма, ибо, не впадая в утопизм, нельзя думать, что, свергнув капитализм, люди сразу научаются работать на общество *без всяких норм права*, да и экономических предпосылок *такой* перемены отмена капитализма *не дает сразу*.

А других норм, кроме «буржуазного права», нет. И постольку остается еще необходимость в государстве, которое бы, охраняя общую собственность на средства производства, охраняло равенство труда и равенство дележа продукта.

Государство отмирает, поскольку капиталистов уже нет, классов уже нет, *подавлять* поэтому какой бы то ни было *класс* нельзя.

Но государство еще не отмерло совсем, ибо остается охрана «буржуазного права», освящающего фактическое неравенство. Для полного отмирания государства нужен полный коммунизм.

4. ВЫСШАЯ ФАЗА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Маркс продолжает:

«...На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, — лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: «Каждый по способностям, каждому по потребностям»».

Только теперь мы можем оценить всю правильность замечаний Энгельса, когда он беспощадно издевался над нелепостью соединения слов: «свобода» и «государство». Пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства.

Экономической основой полного отмирания государства является такое высокое развитие коммунизма, при котором исчезает противоположность умственного и физического труда, исчезает, следовательно, один из важнейших источников современного *общественного* неравенства и притом такой источник, которого одним переходом средств производства в общественную собственность, одной экспроприацией капиталистов сразу устранить никак нельзя.

Эта экспроприация даст *возможность* гигантского развития производительных сил. И, видя, как теперь уже капитализм невероятно *задерживает* это развитие, как многое можно было бы двинуть вперед на базе современной, уже достигнутой, техники, мы вправе с полнейшей уверенностью сказать, что экспроприация капиталистов неизбежно даст гигантское развитие производительных сил человеческого общества. Но как скоро пойдет это развитие дальше, как скоро дойдет оно до разрыва с разделением труда, до уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом, до

превращения труда в «первую жизненную потребность», этого мы не знаем и знать *не можем*.

Поэтому мы и вправе говорить лишь о неизбежном отмирании государства, подчеркивая длительность этого процесса, его зависимость от быстроты развития *высшей фазы* коммунизма и оставляя совершенно открытым вопрос о сроках или о конкретных формах отмирания, ибо материала для решения таких вопросов *нет*.

Государство сможет отмереть полностью тогда, когда общество осуществит правило: «каждый по способностям, каждому по потребностям», т. е. когда люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общежития и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться *по способностям*. «Узкий горизонт буржуазного права», заставляющий высчитывать, с черствостью Шейлока¹⁶¹, не переработать бы лишних полчаса против другого, не получить бы меньше платы, чем другой, — этот узкий горизонт будет тогда перейден. Распределение продуктов не будет требовать тогда нормировки со стороны общества количества получаемых каждым продуктов; каждый будет свободно брать «по потребности».

С точки зрения буржуазной легко объявить подобное общественное устройство «чистой утопией» и зубоскалить по поводу того, что социалисты обещают каждому право получать от общества, без всякого контроля за трудом отдельного гражданина, любое количество трюфелей, автомобилей, пианино и т. п. Таким зубоскальством отделяются и поныне большинство буржуазных «ученых», которые обнаруживают этим и свое невежество и свою корыстную защиту капитализма.

Невежество, — ибо «обещать», что высшая фаза развития коммунизма наступит, ни одному социалисту в голову не приходило, а *предвидение* великих социалистов, что она наступит, предполагает и не теперешнюю производительность труда и *не теперешнего* обывателя, способного «зря» — вроде как бурсаки у Помяловского — портить склады общественного богатства и требовать невозможного.

До тех пор, пока наступит «высшая» фаза коммунизма, социалисты требуют *строжайшего* контроля со стороны общества *и со стороны государства* над мерой труда и мерой потребления, но только контроль этот должен *начаться* с экспроприации капиталистов, с контроля рабочих за капиталистами и проводиться не государством чиновников, а государством *вооруженных рабочих*.

Корыстная защита капитализма буржуазными идеологами (и их прихвостнями вроде гг. Церетели, Черновых и К⁰) состоит именно в том, что спорами и разговорами о далеком будущем они *подменяют* насущный и злободневный вопрос *сегодняшней* политики: экспроприацию капиталистов, превращение *всех* граждан в работников и служащих *одного* крупного «синдиката», именно: всего государства, и полное подчинение всей работы всего этого синдиката государству действительно демократическому, *государству Советов рабочих и солдатских депутатов*.

В сущности, когда ученый профессор, а за ним обыватель, а за ним господа Церетели и Черновы говорят о безрассудных утопиях, о демагогических обещаниях большевиков, о невозможности «введения» социализма, они имеют в виду именно высшую стадию или фазу коммунизма, «вводить» которой никто не только не обещал, но и не помышлял, ибо «ввести» ее вообще нельзя.

И здесь мы подошли к тому вопросу о научном различии между социализмом и коммунизмом, которого коснулся Энгельс в приведенном выше рассуждении его о неправильности названия «социал-демократы». Политически различие между первой или низшей и высшей фазой коммунизма со временем будет, вероятно, громадно, но теперь, при капитализме, признавать его было бы смешно и выдвигать его на первый план могли бы разве лишь отдельные анархисты (если еще остались среди анархистов люди, ничему не научившиеся после «плехановского» превращения Кропоткиных, Грива, Корнелиссена и прочих «звезд» анархизма в социал-шовинистов, или в анархо-траншейников, как выразился один из немногих сохранивших честь и совесть анархистов Ге).

Но научная разница между социализмом и коммунизмом ясна. То, что обычно называют социализмом, Маркс назвал «первой» или низшей фазой коммунистического общества. Поскольку *общей* собственностью становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это *не* полный коммунизм. Великое значение разъяснений Маркса состоит в том, что он последовательно применяет и здесь материалистическую диалектику, учение о развитии, рассматривая коммунизм как нечто развивающееся *из* капитализма. Вместо схоластически-выдуманных, «сочиненных» определений и бесплодных споров о словах (что социализм, что коммунизм), Маркс дает анализ того, что можно бы назвать ступенями экономической зрелости коммунизма.

В первой своей фазе, на первой своей ступени коммунизм *не* может еще быть экономически вполне зрелым, вполне свободным от традиций или следов капитализма. Отсюда такое интересное явление, как сохранение «узкого горизонта *буржуазного* права» — при коммунизме в его первой фазе. Буржуазное право по отношению к распределению продуктов *потребления* предполагает, конечно, неизбежно и *буржуазное государство*, ибо право есть ничто без аппарата, способного *принуждать* к соблюдению норм права.

Выходит, что не только при коммунизме остается в течение известного времени буржуазное право, но даже и буржуазное государство — без буржуазии!

Это может показаться парадоксом или просто диалектической игрой ума, в которой часто обвиняют марксизм люди, не потрудившиеся ни капельки над тем, чтобы изучить его чрезвычайно глубокое содержание.

На самом же деле остатки старого в новом показывает нам жизнь на каждом шагу, и в природе и в обществе. И Маркс не произвольно всунул кусочек «буржуазного» права в коммунизм, а взял то, что экономически и политически неизбежно в обществе, выходящем *из недр* капитализма.

Демократия имеет громадное значение в борьбе рабочего класса против капиталистов за свое освобождение. Но демократия вовсе не есть предел, его же не преjdeши, а лишь один из этапов по дороге от феодализма к капитализму и от капитализма к коммунизму.

Демократия означает равенство. Понятно, какое великое значение имеет борьба пролетариата за равенство и лозунг равенства, если правильно понимать его в смысле уничтожения *классов*. Но демократия означает только *формальное* равенство. И тотчас вслед за осуществлением равенства всех членов общества *по отношению* к владению средствами производства, т. е. равенства труда, равенства заработной платы, пред человечеством неминуемо встанет вопрос о том, чтобы идти дальше, от формального равенства к фактическому, т. е. к осуществлению правила: «каждый по способностям, каждому по потребностям». Какими этапами, путем каких практических мероприятий пойдет человечество к этой высшей цели, мы не знаем и знать не можем. Но важно выяснить себе, как бесконечно лживо обычное буржуазное представление, будто социализм есть нечто мертвое, застывшее, раз навсегда данное, тогда как на самом деле *только* с социализма начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии *большинства* населения, а затем всего населения,

происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни.

Демократия есть форма государства, одна из его разновидностей. И, следовательно, она представляет из себя, как и всякое государство, организованное, систематическое применение насилия к людям. Это с одной стороны. Но, с другой стороны, она означает формальное признание равенства между гражданами, равного права всех на определение устройства государства и управление им. А это, в свою очередь, связано с тем, что на известной ступени развития демократии она, во-первых, спланирует революционный против капитализма класс — пролетариат и дает ему возможность разбить, сломать вдребезги, стереть с лица земли буржуазную, хотя бы и республикански-буржуазную, государственную машину, постоянную армию, полицию, чиновничество, заменить их более демократической, но все еще государственной машиной в виде вооруженных рабочих масс, переходящих к поголовному участию народа в милиции.

Здесь «количество переходит в качество»: такая степень демократизма связана с выходом из рамок буржуазного общества, с началом его социалистического переустройства. Если действительно *все* участвуют в управлении государством, тут уже капитализму не удержаться. И развитие капитализма, в свою очередь, создает *предпосылки* для того, чтобы действительно «все» могли участвовать в управлении государством. К таким предпосылкам принадлежит поголовная грамотность, осуществленная уже рядом наиболее передовых капиталистических стран, затем «обучение и дисциплинирование» миллионов рабочих крупным, сложным, обобществленным аппаратом почты, железных дорог, крупных фабрик, крупной торговли, банковского дела и т. д. и т. п.

При таких *экономических* предпосылках вполне возможно немедленно, с сегодня на завтра, перейти к тому, чтобы, свергнув капиталистов и чиновников, заменить их — в деле *контроля* за производством и распределением, в деле *учета* труда и продуктов — вооруженными рабочими, поголовно вооруженным народом. (Не надо смешивать вопрос о контроле и учете с вопросом о научно образованном персонале инженеров, агрономов и пр.: эти господа работают сегодня, подчиняясь капиталистам, будут работать еще лучше завтра, подчиняясь вооруженным рабочим.)

Учет и контроль — вот *главное*, что требуется для «налаживания», для правильного функционирования *первой фазы* коммунистического общества. *Все* граждане превращаются

здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. *Все* граждане становятся служащими и рабочими *одного* всенародного, государственного «синдиката». Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну. Учет этого, контроль за этим *упрощен* капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответственных расписок*.

Когда *большинство* народа начнет производить самостоятельно и повсеместно такой учет, такой контроль за капиталистами (превращенными теперь в служащих) и за господами интеллигентами, сохранившими капиталистические замашки, тогда этот контроль станет действительно универсальным, всеобщим, всенародным, тогда от него нельзя будет никак уклониться, «некуда будет деться».

Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы.

Но эта «фабричная» дисциплина, которую победивший капиталистов, свергнувший эксплуататоров пролетариат распространит на все общество, никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью, а только *ступенькой*, необходимой для радикальной чистки общества от гнусности и мерзостей капиталистической эксплуатации *и для дальнейшего* движения вперед.

С того момента, когда все члены общества или хотя бы громадное большинство их *сами* научились управлять государством, сами взяли это дело в свои руки, «наладили» контроль за ничтожным меньшинством капиталистов, за господчиками, желающими сохранить капиталистические замашки, за рабочими, глубоко развращенными капитализмом, — с этого момента начинает исчезать надобность во всяком управлении вообще. Чем полнее демократия, тем ближе момент, когда она становится ненужной. Чем демократичнее «государство», состоящее из вооруженных рабочих и являющееся «уже не государством в собственном смысле слова», тем быстрее начинает отмирать *всякое* государство.

Ибо когда *все* научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством,

*Когда государство сводится в главнейшей части его функций к такому учету и контролю со стороны самих рабочих, тогда оно перестает быть «политическим государством», тогда «общественные функции превращаются из политических в простые административные функции» (ср. выше, гл. IV, § 2, о полемике Энгельса с анархистами).

самостоятельно осуществлять учет и контроль тунеядцев, баричей, мошенников и тому подобных «хранителей традиций капитализма», — тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно сделается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие — люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентики, и шутить они с собой едва ли позволят), что *необходимость* соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет *привычкой*.

И тогда будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе, а вместе с тем к полному отмиранию государства.

ГЛАВА VI

ОПОШЛЕНИЕ МАРКСИЗМА ОППОРТУНИСТАМИ

Вопрос об отношении государства к социальной революции и социальной революции к государству занимал виднейших теоретиков и публицистов II Интернационала (1889—1914) очень мало, как и вообще вопрос о революции. Но самое характерное в том процессе постепенного роста оппортунизма, который привел к краху II Интернационала в 1914 году, — это то, что даже когда вплотную подходили к этому вопросу, его *старались обойти* или его не замечали.

В общем и целом можно сказать, что из *уклончивости* по вопросу об отношении пролетарской революции к государству, уклончивости, выгодной для оппортунизма и питавшей его, проистекло *извращение* марксизма и полное опошление его.

Чтобы охарактеризовать, хоть вкратце, этот печальный процесс, возьмем виднейших теоретиков марксизма, Плеханова и Каутского.

1. ПОЛЕМИКА ПЛЕХАНОВА С АНАРХИСТАМИ

Плеханов посвятил вопросу об отношении анархизма к социализму особую брошюру: «Анархизм и социализм», которая вышла по-немецки в 1894 году.

Плеханов ухитрился трактовать эту тему, совершенно обойдя самое актуальное, злободневное и политически наиболее существенное в борьбе против анархизма, именно

отношение революции к государству и вопрос о государстве вообще! В его брошюре выделяются две части: одна — историко-литературная, с ценным материалом по истории идей Штирнера, Прудона и пр. Другая часть: филистерская, с аляповатым рассуждением на тему о том, что анархиста не отличишь от бандита.

Сочетание тем презабавное и прехарактерное для всей деятельности Плеханова во время кануна революции и в течение революционного периода в России: Плеханов так и показал себя в 1905—1917 годах полудоктринером, полуфилистером, в политике шедшим в хвосте у буржуазии.

Мы видели, как Маркс и Энгельс, полемизируя с анархистами, выясняли всего тщательнее свои взгляды на отношение революции к государству. Энгельс, издавая в 1891 году «Критику Готской программы» Маркса, писал, что «мы (т. е. Энгельс и Маркс) находились тогда в самом разгаре борьбы с Бакуниным и его анархистами — после Гаагского конгресса (первого) Интернационала едва прошло два года»¹⁶².

Анархисты пытались именно Парижскую Коммуну объявить, так сказать, «своей», подтверждающей их учение, причем они совершенно не поняли уроков Коммуны и анализа этих уроков Марксом. Ничего даже приблизительно подходящего к истине по конкретно-политическим вопросам: надо ли *разбить* старую государственную машину? и *чем* заменить ее? анархизм не дал.

Но говорить об «анархизме и социализме», обходя весь вопрос о государстве, *не замечая* всего развития марксизма до и после Коммуны, это значило неминуемо скатываться к оппортунизму. Ибо оппортунизму как раз больше всего и требуется, чтобы два указанные нами сейчас вопроса *не* ставились вовсе. Это *уже* есть победа оппортунизма.

2. ПОЛЕМИКА КАУТСКОГО С ОПОРТУНИСТАМИ

В русской литературе переведено, несомненно, неизмеримо большее количество произведений Каутского, чем в какой бы то ни было другой. Недаром шутят иные немецкие социал-демократы, что Каутского больше читают в России, чем в Германии (в скобках сказать, в этой шутке есть гораздо более глубокое историческое содержание, чем подозревают те, кто пустил ее в ход, именно: русские рабочие, предъявив в 1905 году необыкновенно сильный, невиданный спрос на луч-

шие произведения лучшей в мире социал-демократической литературы и получив неслыханное в иных странах количество переводов и изданий этих произведений, тем самым перенесли, так сказать, на молодую почву нашего пролетарского движения ускоренным образом громадный опыт соседней, более передовой страны).

Особенно известен у нас Каутский, кроме своего популярного изложения марксизма, своей полемикой с оппортунистами и с Бернштейном во главе их. Но почти неизвестен факт, которого нельзя обойти, если ставить себе задачей проследить, как скатился Каутский к невероятно-позорной растерянности и защите социал-шовинизма во время величайшего кризиса 1914—1915 годов. Это именно тот факт, что перед своим выступлением против виднейших представителей оппортунизма во Франции (Мильеран и Жорес) и в Германии (Бернштейн) Каутский проявил очень большие колебания. Марксистская «Заря»¹⁶³, выходившая в 1901—1902 гг. в Штутгарте и отстаивавшая революционно-пролетарские взгляды, вынуждена была *полемизировать* с Каутским, называть «каучуковой» его половинчатую, уклончивую, примирительную по отношению к оппортунистам резолюцию на Парижском международном социалистическом конгрессе 1900 года¹⁶⁴. В немецкой литературе были напечатаны письма Каутского, обнаружившие не меньшие колебания его перед выступлением в поход против Бернштейна.

Неизмеримо большее значение имеет, однако, то обстоятельство, что в самой его полемике с оппортунистами, в его постановке вопроса и способе трактования вопроса мы замечаем теперь, когда изучаем *историю* новейшей измены марксизму со стороны Каутского, систематический уклон к оппортунизму именно по вопросу о государстве.

Возьмем первое крупное произведение Каутского против оппортунизма, его книгу «Бернштейн и социал-демократическая программа». Каутский подробно опровергает Бернштейна. Но вот что характерно.

Бернштейн в своих геростратовски-знаменитых «Предпосылках социализма» обвиняет марксизм в «бланкизме» (обвинение, с тех пор тысячи раз повторенное оппортунистами и либеральными буржуа в России против представителей революционного марксизма, большевиков). При этом Бернштейн останавливается специально на марксовой «Гражданской войне во Франции» и пытается — как мы видели, весьма неудачно — отождествить точку зрения Маркса на уроки Коммуны с точкой зрения Прудона. Особенное внимание

Бернштейна вызывает то заключение Маркса, которое этот последний подчеркнул в предисловии 1872 года к «Коммунистическому Манифесту» и которое гласит: «рабочий класс не может просто взять в руки готовой государственной машины и пустить ее в ход для своих собственных целей»¹⁶⁵.

Бернштейну так «понравилось» это изречение, что он не менее трех раз в своей книге повторяет его, толкуя его в самом извращенном, оппортунистическом смысле.

Маркс, как мы видели, хочет сказать, что рабочий класс должен *разбить, сломать, взорвать* (Sprengung, взрыв, — выражение, употребленное Энгельсом) всю государственную машину. А у Бернштейна выходит, будто Маркс предостерегал этими словами рабочий класс *против* чрезмерной революционности при захвате власти.

Более грубого и безобразного извращения мысли Маркса нельзя себе и представить.

Как же поступил Каутский в своем подробнейшем опровержении бернштейниады?

Он уклонился от разбора всей глубины извращения марксизма оппортунизмом в этом пункте. Он привел цитированный выше отрывок из предисловия Энгельса к «Гражданской войне» Маркса, сказав, что, по Марксу, рабочий класс не может *просто* овладеть *готовой* государственной машиной, но вообще *может* овладеть ей, и только. О том, что Бернштейн приписал Марксу *прямо обратное* действительной мысли Маркса, что Маркс с 1852 года выдвигал задачу пролетарской революции «разбить» государственную машину¹⁶⁶, об этом у Каутского ни слова.

Вышло так, что самое существенное отличие марксизма от оппортунизма по вопросу о задачах пролетарской революции оказалось у Каутского смазанным!

«Решение вопроса о проблеме пролетарской диктатуры, — писал Каутский *«против»* Бернштейна, — мы вполне спокойно можем предоставить будущему» (стр. 172 нем. издания).

Это не полемика *против* Бернштейна, а, в сущности, *уступка* ему, сдача позиций оппортунизму, ибо оппортунистам пока ничего большего и не надо, как «вполне спокойно предоставить будущему» все коренные вопросы о задачах пролетарской революции.

Маркс и Энгельс с 1852 года по 1891 год, в течение сорока лет, учили пролетариат тому, что он должен разбить государственную машину. А Каутский в 1899 году, пред лицом пол-

ной измены оппортунистов марксизму в этом пункте, подделывает *подмен* вопроса о том, необходимо ли эту машину разбить, вопросом о конкретных формах разбивания и спасается под сень «бесспорной» (и бесплодной) филистерской истины, что конкретных форм наперед знать мы не можем!!

Между Марксом и Каутским — пропасть в их отношении к задаче пролетарской партии готовить рабочий класс к революции.

Возьмем следующее, более зрелое, произведение Каутского, посвященное тоже в значительной степени опровержению ошибок оппортунизма. Это — его брошюра о «Социальной революции». Автор взял здесь своей специальной темой вопрос о «пролетарской революции» и о «пролетарском режиме». Автор дал очень много чрезвычайно ценного, но как раз вопрос о государстве *обошел*. В брошюре говорится везде о завоевании государственной власти, и только, т. е. выбрана такая формулировка, которая делает уступку оппортунистам, поскольку *допускает* завоевание власти без разрушения государственной машины. Как раз то, что Маркс в 1872 году объявил «устарелым» в программе «Коммунистического Манифеста»¹⁶⁷, *возрождается* Каутским в 1902 году.

В брошюре посвящен специальный параграф «Формам и оружию социальной революции». Здесь говорится и о массовой политической стачке, и о гражданской войне, и о таких «орудиях силы современного крупного государства, как бюрократия и армия», но о том, чему уже научила рабочих Коммуна, ни звука. Очевидно, Энгельс недаром предостерегал, особенно немецких социалистов, против «суеверного почтения» к государству.

Каутский излагает дело так: победивший пролетариат «осуществит демократическую программу» и излагает параграфы ее. О том, что нового дал 1871 год по вопросу о замене пролетарскою демократией демократии буржуазной, ни звука. Каутский отделяется такими «солидно» звучащими банальностями:

«Очевидно само собой, что мы не достигнем господства при теперешних порядках. Революция сама предполагает продолжительную и глубоко захватывающую борьбу, которая успеет уже изменить нашу теперешнюю политическую и социальную структуру».

Несомненно, что это «очевидно само собой», как и та истина, что лошади кушают овес и что Волга течет в Каспийское море. Жаль только, что посредством пустой и надутой

фразы о «глубоко захватывающей» борьбе *обходится* насущный для революционного пролетариата вопрос о том, *в чем же* выражается «глубина» *его* революции по отношению к государству, по отношению к демократии, в отличие от прежних, непролетарских революций.

Обходя этот вопрос, Каутский *на деле* по этому существеннейшему пункту делает уступку оппортунизму, *на словах* объявляя грозную войну ему, подчеркивая значение «идеи революции» (многого ли стоит эта «идея», если бояться пропагандировать рабочим конкретные уроки революции?) или говоря: «революционный идеализм прежде всего», или объявляя, что английские рабочие представляют из себя теперь «едва ли многим большее, чем мелких буржуа».

«В социалистическом обществе, — пишет Каутский, — могут существовать рядом друг с другом... самые различные формы предприятий: бюрократическое (??), тред-юнионистское, кооперативное, единоличное»... «Существуют, например, предприятия, которые не могут обойтись без бюрократической (??) организации, — таковы железные дороги. Тут демократическая организация может получить такой вид: рабочие выбирают делегатов, которые образуют нечто вроде парламента, и этот парламент устанавливает распорядок работ и наблюдает за управлением бюрократического аппарата. Другие предприятия можно передать в ведение рабочих союзов, третьи можно организовать на кооперативных началах» (стр. 148 и 115 русского перевода, женевское издание 1903 года).

Это рассуждение ошибочно, представляя из себя шаг назад по сравнению с тем, что разъясняли в 70-х годах Маркс и Энгельс на примере уроков Коммуны.

Железные дороги решительно ничем не отличаются, с точки зрения необходимой будто бы «бюрократической» организации, от всех вообще предприятий крупной машинной индустрии, от любой фабрики, большого магазина, крупнокапиталистического сельскохозяйственного предприятия. Во всех таких предприятиях техника предписывает безусловно строжайшую дисциплину, величайшую аккуратность при соблюдении каждым указанной ему доли работы, под угрозой остановки всего дела или порчи механизма, порчи продукта. Во всех таких предприятиях рабочие будут, конечно, «выбирать делегатов, которые образуют *нечто вроде парламента*».

Но в том-то вся и соль, что это «нечто вроде парламента» *не* будет парламентом в смысле буржуазно-парламентарных учреждений. В том-то вся и соль, что это «нечто вроде парламента» *не* будет только «устанавливать распорядок и наблюдать за управлением бюрократического аппарата», как воображает Каутский, мысль которого не выходит за рамки буржуазного парламентаризма. В социалистическом обществе

«нечто вроде парламента» из рабочих депутатов будет, конечно, «устанавливать распорядок и наблюдать за управлением» «аппарата», но аппарат-то этот *не* будет «бюрократическим». Рабочие, завоевав политическую власть, разобьют старый бюрократический аппарат, сломают его до основания, не оставят от него камня на камне, заменят его новым, состоящим из тех же самых рабочих и служащих, *против* превращения коих в бюрократов будут приняты тотчас меры, подробно разобранные Марксом и Энгельсом: 1) не только выборность, но и сменяемость в любое время; 2) плата не выше платы рабочего; 3) переход немедленный к тому, чтобы *все* исполняли функции контроля и надзора, чтобы *все* на время становились «бюрократами» и чтобы поэтому *ни-кто* не мог стать «бюрократом».

Каутский совершенно не продумал слов Маркса: «Коммуна была не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время издающей законы и исполняющей их»¹⁶⁸.

Каутский совершенно не понял разницы между буржуазным парламентаризмом, соединяющим демократию (*не для народа*) с бюрократизмом (*против народа*), и пролетарским демократизмом, который сразу примет меры, чтобы в корне подрезать бюрократизм, и который в состоянии будет довести эти меры до конца, до полного уничтожения бюрократизма, до полного введения демократии для народа.

Каутский обнаружил здесь все то же «суеверное почтение» к государству, «суеверную веру» в бюрократизм.

Перейдем к последнему и лучшему произведению Каутского против оппортунистов, к его брошюре «Путь к власти» (кажется, не изданной по-русски, ибо она вышла в разгар реакции у нас, в 1909 году¹⁶⁹). Эта брошюра есть большой шаг вперед, поскольку в ней говорится не о революционной программе вообще, как в брошюре 1899 года против Бернштейна, не о задачах социальной революции безотносительно к времени ее наступления, как в брошюре «Социальная революция» 1902 года, а о конкретных условиях, заставляющих нас признать, что «эра революций» *наступает*.

Автор определенно указывает на обострение классовых противоречий вообще и на империализм, играющий особенно большое значение в этом отношении. После «революционного периода 1789—1871 гг.» для Западной Европы, начинается с 1905 года аналогичный период для Востока. Всемирная война надвигается с угрожающей быстротой. «Пролетариат

не может уже больше говорить о преждевременной революции». «Мы вступили в революционный период». «Революционная эра начинается».

Эти заявления совершенно ясны. Эта брошюра Каутского должна служить мерилom для сравнения того, чем *обещала быть* германская социал-демократия перед империалистской войной и как низко она пала (в том числе и сам Каутский) при взрыве войны. «Теперешняя ситуация, — писал Каутский в рассматриваемой брошюре, — ведет за собой ту опасность, что нас (т. е. германскую социал-демократию) легко принять за более умеренных, чем мы есть на деле». Оказалось, что на деле германская социал-демократическая партия несравненно более умеренна и оппортунистична, чем она казалась!

Тем характернее, что при такой определенности заявлений Каутского насчет начавшейся уже эры революций, он и в брошюре, посвященной, по его собственным словам, разбору вопроса именно о «*политической* революции», опять-таки совершенно обошел вопрос о государстве.

Из суммы этих обходов вопроса, умолчаний, уклончивостей и получился неизбежно тот полный переход к оппортунизму, о котором нам сейчас придется говорить.

Германская социал-демократия, в лице Каутского, как бы заявляла: я остаюсь при революционных воззрениях (1899 г.). Я признаю в особенности неизбежность социальной революции пролетариата (1902 г.). Я признаю наступление новой эры революций (1909 г.). Но я все же таки иду назад против того, что говорил Маркс уже в 1852 году, раз вопрос ставится о задачах пролетарской революции по отношению к государству (1912 г.).

Именно так был поставлен вопрос в упор в полемике Каутского с Паннекуком.

3. ПОЛЕМИКА КАУТСКОГО С ПАННЕКУКОМ

Паннекук выступил против Каутского, как один из представителей того «леворадикального» течения, которое числило в своих рядах Розу Люксембург, Карла Радека и других и которое, отстаивая революционную тактику, объединялось убеждением, что Каутский переходит на позицию «центра», беспринципно колеблющегося между марксизмом и оппортунизмом. Правильность этого взгляда вполне доказала война, когда течение «центра» (неправильно называемого марксистским) или «каутскианства» вполне показало себя во всем своем отвратительном убожестве.

В затронувшей вопрос о государстве статье: «Массовые действия и революция» («Neue Zeit», 1912, XXX, 2) Паннекук охарактеризовал позицию Каутского, как позицию «пассивного радикализма», «теорию бездеятельного ожидания». «Каутский не хочет видеть процесса революции» (стр. 616). Ставя вопрос таким образом, Паннекук подошел к интересующей нас теме о задачах пролетарской революции по отношению к государству.

«Борьба пролетариата, — писал он, — есть не просто борьба против буржуазии *из-за* государственной власти, а борьба *против* государственной власти... Содержание пролетарской революции есть уничтожение орудий силы государства и вытеснение их (буквально: распускание, *Auflösung*) орудиями силы пролетариата... Борьба прекращается лишь тогда, когда, как конечный результат ее, наступает полное разрушение государственной организации. Организация большинства доказывает свое превосходство тем, что уничтожает организацию господствующего меньшинства» (стр. 548).

Формулировка, в которую облек свои мысли Паннекук, страдает очень большими недостатками. Но мысль все же ясна, и интересно, *как* опровергал ее Каутский.

«До сих пор, — писал он, — противоположность между социал-демократами и анархистами состояла в том, что первые хотели завоевать государственную власть, вторые — ее разрушить. Паннекук хочет и того и другого» (стр. 724).

Если у Паннекука изложение страдает неотчетливостью и недостатком конкретности (не говоря здесь о других недостатках его статьи, не относящихся к разбираемой теме), то Каутский взял именно намеченную Паннекуком *принципиальную* суть дела, и *по коренному принципиальному* вопросу Каутский целиком покинул позицию марксизма, перешел вполне к оппортунизму. Различие между социал-демократами и анархистами определено у него совершенно неверно, марксизм искажен и опошлен окончательно.

Различие между марксистами и анархистами состоит в том, что (1) первые, ставя своей целью полное уничтожение государства, признают эту цель осуществимой лишь после уничтожения классов социалистической революцией, как результат установления социализма, ведущего к отмиранию государства; вторые хотят полного уничтожения государства с сегодня на завтра, не понимая условий осуществимости такого уничтожения. (2) Первые признают необходимым, чтобы пролетариат, завоевав политическую власть, разрушил полностью старую государственную машину, заменив ее новой, состоящей из организации вооруженных рабочих, по типу Коммуны; вторые, отстаивая разрушение государственной

машины, представляют себе совершенно неясно, *чем* ее пролетариат заменит и *как* он будет пользоваться революционной властью; анархисты даже отрицают использование государственной власти революционным пролетариатом, его революционную диктатуру. (3) Первые требуют подготовки пролетариата к революции путем использования современного государства; анархисты это отрицают.

Против Каутского марксизм представлен именно Паннекуком, в данном споре, ибо как раз Маркс учил тому, что пролетариат не может просто завоевать государственную власть в смысле перехода в новые руки старого государственного аппарата, а должен разбить, сломать этот аппарат, заменить его новым.

Каутский уходит от марксизма к оппортунистам, ибо у него совершенно исчезает именно это разрушение государственной машины, совершенно неприемлемое для оппортунистов, и остается лазейка для них в смысле истолкования «завоевания» как простого приобретения большинства.

Чтобы прикрыть свое извращение марксизма, Каутский поступает, как начетчик: он двигает «цитату» из самого Маркса. В 1850 году Маркс писал о необходимости «решительной централизации силы в руках государственной власти»¹⁷⁰. И Каутский спрашивает с торжеством: не хочет ли Паннекук разрушить «централизм»?

Это уже просто фокус, похожий на бернштейновское отождествление марксизма и прудонизма во взглядах на федерацию вместо централизма.

«Цитата» взята Каутским ни к селу, ни к городу. Централизм возможен и со старой и с новой государственной машиной. Если рабочие добровольно объединят свои вооруженные силы, это будет централизм, но он будет покоиться на «полном разрушении» государственного централистического аппарата, постоянной армии, полиции, бюрократии. Каутский поступает совершенно мошеннически, обходя прекрасно известные рассуждения Маркса и Энгельса о Коммуне и вытаскивая цитату, не относящуюся к вопросу.

«...Может быть, Паннекук хочет уничтожить государственные функции чиновников? — продолжает Каутский. — Но мы не обходимся без чиновников и в партийной и в профессиональной организации, не говоря уже о государственном управлении. Наша программа требует не уничтожения государственных чиновников, а выбора чиновников народом... Речь идет у нас теперь не о том, какой вид примет аппарат управления в «будущем государстве», а о том, уничтожает ли (буквально: распускает, *auföst*) наша политическая борьба государственную власть, *прежде чем мы ее завоевали* (курсив Каутского). Какое министерство с его чиновниками

могло бы быть уничтожено?» Перечисляются министерства просвещения, юстиции, финансов, военное. «Нет, ни одно из теперешних министерств не будет устранено нашей политической борьбой против правительства... Я повторяю, чтобы избежать недоразумений: речь идет не о том, какую форму придаст «государству будущего» победоносная социал-демократия, а о том, как изменяет теперешнее государство наша оппозиция» (стр. 725).

Это явная передержка. Паннекук ставил вопрос именно о *революции*. Это и в заглавии его статьи и в цитированных местах сказано ясно. Перескакивая на вопрос об «оппозиции», Каутский как раз и подменяет революционную точку зрения оппортунистической. У него выходит так: теперь оппозиция, а *после* завоевания власти поговорим особо. *Революция исчезает!* Это как раз то, что и требовалось оппортунистам.

Речь идет не об оппозиции и не о политической борьбе вообще, а именно о *революции*. Революция состоит в том, что пролетариат *разрушает* «аппарат управления» и *весь* государственный аппарат, заменяя его новым, состоящим из вооруженных рабочих. Каутский обнаруживает «суеверное почтение» к «министерствам», но почему они не могут быть заменены, скажем, комиссиями специалистов при полновластных и всевластных Советах рабочих и солдатских депутатов?

Суть дела совсем не в том, останутся ли «министерства», будут ли «комиссии специалистов» или иные какие учреждения, это совершенно неважно. Суть дела в том, сохраняется ли старая государственная машина (связанная тысячами нитей с буржуазией и насквозь пропитанная рутиной и косностью) или она *разрушается* и заменяется *новой*. Революция должна состоять не в том, чтобы новый класс командовал, управлял при помощи *старой* государственной машины, а в том, чтобы он *разбил* эту машину и командовал, управлял при помощи *новой* машины, — эту *основную* мысль марксизма Каутский смазывает или он совсем не понял ее.

Его вопрос насчет чиновников показывает наглядно, что он не понял уроков Коммуны и учения Маркса. «Мы не обходимся без чиновников и в партийной и в профессиональной организации...»

Мы не обходимся без чиновников *при капитализме*, при *господстве буржуазии*. Пролетариат угнетен, трудящиеся массы поработаны капитализмом. При капитализме демократизм сужен, сжат, урезан, изуродован всей обстановкой наемного рабства, нужды и нищеты масс. Поэтому, и только поэтому, в наших политических и профессиональных органи-

зациях должностные лица развращаются (или имеют тенденцию быть развращаемыми, говоря точнее) обстановкой капитализма и проявляют тенденцию к превращению в бюрократов, т. е. в оторванных от масс, в стоящих *над* массами, привилегированных лиц.

В этом *суть* бюрократизма, и пока не экспроприированы капиталисты, пока не свергнута буржуазия, до тех пор неизбежна известная «бюрократизация» *даже* пролетарских должностных лиц.

У Каутского выходит так: раз останутся выборные должностные лица, значит, останутся и чиновники при социализме, останется бюрократия! Именно это-то и неверно. Именно на примере Коммуны Маркс показал, что при социализме должностные лица перестают быть «бюрократами», быть «чиновниками», перестают *по мере* введения, кроме выборности, *еще* сменяемости в любое время, *да еще* сведения платы к среднему рабочему уровню, *да еще* замены парламентарных учреждений «работающими, т. е. издающими законы и проводящими их в жизнь»¹⁷¹.

В сущности, вся аргументация Каутского против Паннекука и особенно великолепный довод Каутского, что мы и в профессиональных и в партийных организациях не обходимся без чиновников, показывают повторение Каутским старых «доводов» Бернштейна против марксизма вообще. В своей ренегатской книге «Предпосылки социализма» Бернштейн воюет против идей «примитивной» демократии, против того, что он называет «доктринерским демократизмом» — императивные мандаты, не получающие вознаграждения должностные лица, бессильное центральное представительство и т. д. В доказательство несостоятельности этого «примитивного» демократизма Бернштейн ссылается на опыт английских тред-юнионов в истолковании его супругами Вебб¹⁷². За семьдесят, дескать, лет своего развития тред-юнионы, развивавшиеся будто бы «в полной свободе» (стр. 137 нем. изд.), убедились именно в непригодности примитивного демократизма и заменили его обычным: парламентаризм, соединенный с бюрократизмом.

На деле тред-юнионы развивались не «в полной свободе», а в *полном капиталистическом рабстве*, при котором, разумеется, «не обойтись» без ряда уступок царящему злу, насилию, неправде, исключению бедноты из дел «высшего» управления. При социализме многое из «примитивной» демократии неизбежно оживет, ибо впервые в истории цивилизованных обществ *масса* населения поднимется до *самостоятельного* участия не только в голосованиях и выборах, но и

в повседневном управлении. При социализме все будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял.

Маркс с его гениальным критически-аналитическим умом увидел в практических мерах Коммуны тот *перелом*, которого боятся и не хотят признавать оппортунисты из трусости, из-за нежелания бесповоротно порвать с буржуазией, и которого не хотят видеть анархисты либо из торопливости, либо из непонимания условий массовых социальных превращений вообще. «Не надо и думать о разрушении старой государственной машины, где же нам обойтись без министерств и без чиновников», — рассуждает оппортунист, насквозь пропитанный филистерством и, в сущности, не только не верящий в революцию, в творчество революции, но смертельно боящийся ее (как боятся ее наши меньшевики и эсеры).

«Надо думать *только* о разрушении старой государственной машины, нечего вникать в *конкретные* уроки прежних пролетарских революций и анализировать, *чем и как* заменять разрушаемое», — рассуждает анархист (лучший из анархистов, конечно, а не такой, который, вслед за гг. Кропоткиными и К⁰, плетется за буржуазией); и у анархиста выходит поэтому тактика *отчаяния*, а не беспощадно-смелой и в то же время считающейся с практическими условиями движения масс революционной работы над конкретными задачами.

Маркс учит нас избегать обеих ошибок, учит беззаветной смелости в разрушении всей старой государственной машины и в то же время учит ставить вопрос конкретно: Коммуна смогла в несколько недель *начать* строить *новую*, пролетарскую, государственную машину вот так-то, проводя указанные меры к большему демократизму и к искоренению бюрократизма. Будем учиться у коммунаров революционной смелости, будем видеть в их практических мерах *намечание* практически-насуточных и немедленно-возможных мер и тогда, *идя таким путем*, мы придем к полному разрушению бюрократизма.

Возможность такого разрушения обеспечена тем, что социализм сократит рабочий день, поднимет *массы* к новой жизни, поставит *большинство* населения в условия, позволяющие *всем* без изъятия выполнять «государственные функции», а это приводит к *полному отмиранию* всякого государства вообще.

«...Задача массовой стачки, — продолжает Каутский, — никогда не может состоять в том, чтобы *разрушить* государственную власть, а только

в том, чтобы привести правительство к уступчивости в каком-либо определенном вопросе или заменить правительство, враждебное пролетариату, правительством, идущим ему навстречу (*entgegenkommende*)... Но никогда и ни при каких условиях это» (т. е. победа пролетариата над враждебным правительством) «не может вести к *разрушению* государственной власти, а только к известной *передвижке* (*Verschiebung*) отношений сил *внутри государственной власти*... И целью нашей политической борьбы остается при этом, как и до сих пор, завоевание государственной власти посредством приобретения большинства в парламенте и превращение парламента в господина над правительством» (стр. 726, 727, 732).

Это уже чистейший и пошлейший оппортунизм, отречение от революции на деле при признании ее на словах. Мысль Каутского не идет дальше «правительства, идущего навстречу пролетариату», — шаг назад к филистерству по сравнению с 1847 годом, когда «Коммунистический Манифест» провозгласил «организацию пролетариата в господствующий класс»¹⁷³.

Каутскому придется осуществлять излюбленное им «единство» с Шейдеманами, Плехановыми, Вандервельдами, которые все согласны бороться за правительство, «идущее навстречу пролетариату».

А мы пойдем на раскол с этими изменниками социализму и будем бороться за разрушение всей старой государственной машины, так чтобы сам вооруженный пролетариат *был правительством*. Это — «две большие разницы».

Каутскому придется быть в приятной компании Легинов и Давидов, Плехановых, Потресовых, Церетели, Черновых, которые вполне согласны бороться за «передвижку отношений силы внутри государственной власти», за «приобретение большинства в парламенте и за всевластие парламента над правительством», — благороднейшая цель, в которой все приемлемо для оппортунистов, все остается в рамках буржуазной парламентарной республики.

А мы пойдем на раскол с оппортунистами; и весь сознательный пролетариат будет с нами в борьбе не за «передвижку отношений силы», а за *свержение буржуазии*, за *разрушение* буржуазного парламентаризма, за демократическую республику типа Коммуны или республику Советов рабочих и солдатских депутатов, за революционную диктатуру пролетариата.

* * *

Правее Каутского в международном социализме стоят такие течения, как «Социалистический Ежемесячник»¹⁷⁴ в Германии (Легин, Давид, Кольб и многие другие, включая

скандинавов Стаунинга и Брантинга), жоресисты и Вандервельд во Франции и Бельгии, Турати, Тревес и другие представители правого крыла итальянской партии, фабианцы и «независимцы» («независимая рабочая партия», на деле всегда бывшая в зависимости от либералов) в Англии и тому подобное. Все эти господа, играя громадную, очень часто преобладающую роль в парламентарной работе и в публицистике партии, прямо отрицают диктатуру пролетариата, проводят неприкрытый оппортунизм. Для этих господ «диктатура» пролетариата «противоречит» демократии!! Они, в сущности, ничем серьезно не отличаются от мелкобуржуазных демократов.

Принимая во внимание это обстоятельство, мы вправе сделать вывод, что второй Интернационал в подавляющем большинстве его официальных представителей вполне скатился к оппортунизму. Опыт Коммуны был не только забыт, но извращен. Рабочим массам не только не внушалось, что близится время, когда они должны будут выступить и разбить старую государственную машину, заменяя ее новой и превращая таким образом свое политическое господство в базу социалистического переустройства общества, — массам внушалось обратное, и «завоевание власти» представлялось так, что оставались тысячи лазеек оппортунизму.

Извращение и замалчивание вопроса об отношении пролетарской революции к государству не могло не сыграть громадной роли тогда, когда государства, с усиленным, вследствие империалистского соревнования, военным аппаратом, превратились в военные чудовища, истребляющие миллионы людей ради того, чтобы решить спор, Англии или Германии, тому или другому финансовому капиталу господствовать над миром*.

* В рукописи далее следует:

«ГЛАВА VII

ОПЫТ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЙ 1905 И 1917 ГОДОВ

Тема, указанная в названии этой главы, так необъятно велика, что об ней можно и должно писать томы. В настоящей брошюре придется ограничиться, разумеется, только самыми главными уроками опыта, касающимися непосредственно задач пролетариата в революции по отношению к государственной власти». (На этом рукопись обрывается.) *Ред.*

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Настоящая брошюра написана в августе и сентябре 1917 года. Мною был уже составлен план следующей, седьмой, главы: «Опыт русских революций 1905 и 1917 годов». Но, кроме заглавия, я не успел написать из этой главы ни строчки: «помешал» политический кризис, канун октябрьской революции 1917 года. Такой «помехе» можно только радоваться. Но второй выпуск брошюры (посвященный «Опыту русских революций 1905 и 1917 годов»), пожалуй, придется отложить надолго; приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать.

Автор

Петроград.
30 ноября 1917 года.

*Написано в августе — сентябре 1917 г.;
послесловие к первому изданию —
30 ноября 1917 г.;
§ 3 главы II — ранее 17 декабря 1918 г.*

*Напечатано в 1918 г.
в Петрограде отдельной книгой
издательством «Жизнь и знание»*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 33, стр. 1—120*

БОЛЬШЕВИКИ ДОЛЖНЫ ВЗЯТЬ ВЛАСТЬ ¹⁷⁵

ПИСЬМО ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ,
ПЕТРОГРАДСКОМУ И МОСКОВСКОМУ КОМИТЕТАМ РСДРП(б)

Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и *должны* взять государственную власть в свои руки.

Могут, ибо активное большинство революционных элементов народа обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее. Ибо, предлагая тотчас демократический мир, отдавая тотчас землю крестьянам, восстанавливая демократические учреждения и свободы, помятые и разбитые Керенским, большевики составят такое правительство, какого *никто* не свергнет.

Большинство народа *за* нас. Это доказал длинный и трудный путь от 6 мая до 31 августа и до 12 сентября: большинство в столичных Советах есть *плод* развития народа *в нашу сторону*. Колебания эсеров и меньшевиков, усиление интернационалистов среди них доказывают то же самое.

Демократическое совещание *не* представляет большинства революционного народа, а *лишь соглашательские мелкобуржуазные верхи*. Нельзя давать себя обмануть цифрами выборов, не в выборах дело: сравните выборы в городские думы Питера и Москвы и выборы в Советы. Сравните выборы в Москве и московскую стачку 12 августа: вот объективные данные о большинстве революционных элементов, ведущих массы.

Демократическое совещание обманывает крестьянство, не давая ему ни мира, ни земли.

Большевистское правительство *одно* удовлетворит крестьянство,

* * *

Почему должны власть взять именно *теперь* большевики? Потому, что предстоящая отдача Питера делает наши шансы во сто раз худшими.

А отдаче Питера при армии с Керенским и К⁰ во главе мы помешать *не в силах*.

И Учредительного собрания «ждать» нельзя, ибо той же отдачей Питера Керенский и К⁰ всегда *могут сорвать* его. Только наша партия, взяв власть, может обеспечить созыв Учредительного собрания и, взяв власть, она обвинит другие партии в оттяжке и докажет обвинение¹⁷⁶.

Сепаратному миру между английскими и немецкими империалистами помешать должно и можно, только действуя быстро.

Народ устал от колебаний меньшевиков и эсеров. Только наша победа в столицах увлечет крестьян за нами.

* * *

Вопрос идет не о «дне» восстания, не о «моменте» его в узком смысле. Это решит лишь общий голос тех, кто *соприкасается* с рабочими и солдатами, с *массами*.

Вопрос в том, что наша партия теперь на Демократическом совещании имеет фактически *свой съезд*, и этот съезд решить *должен* (хочет или не хочет, а должен) *судьбу революции*.

Вопрос в том, чтобы *задачу* сделать ясной для партии: на очередь дня поставить *вооруженное восстание* в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства. Обдумать, как агитировать за это, не выражаясь так в печати.

Вспомнить, продумать слова Маркса о восстании: «*восстание есть искусство*»¹⁷⁷ и т. д.

* * *

Ждать «формального» большинства у большевиков наивно: ни одна революция *этого* не ждет. И Керенский с К⁰ не ждут, а готовят сдачу Питера. Именно жалкие колебания «Демократического совещания» должны взорвать и взорвут терпение рабочих Питера и Москвы! История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь.

Нет аппарата? Аппарат есть: Советы и демократические организации. Международное положение *именно* теперь,

накануне сепаратного мира англичан с немцами, за нас. Именно теперь предложить мир народам — значит победить.

Взяв власть сразу и в Москве и в Питере (неважно, кто начнет; может быть, даже Москва может начать), мы победим безусловно и несомненно.

Н. Ленин

*Написано 12—14 (25—27) сентября
1917 г.*

*Впервые напечатано в 1921 г.
в журнале
«Пролетарская Революция» № 2*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 34, стр. 239—241*

МАРКСИЗМ И ВОССТАНИЕ

ПИСЬМО ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ РСДРП(б)

К числу наиболее злостных и едва ли не наиболее распространенных извращений марксизма господствующими «социалистическими» партиями принадлежит оппортунистическая ложь, будто подготовка восстания, вообще отношение к восстанию, как к искусству, есть «бланкизм».

Вождь оппортунизма, Бернштейн, уже снискал себе печальную славу обвинением марксизма в бланкизме, и нынешние оппортунисты в сущности ни на йоту не подновляют и не «обогащают» скудные «идеи» Бернштейна, крича о бланкизме.

Обвинять в бланкизме марксистов за отношение к восстанию, как к искусству! Может ли быть более вопиющее извращение истины, когда ни один марксист не отречется от того, что именно Маркс самым определенным, точным и непрекращаемым образом высказался на этот счет, назвав восстание именно *искусством*, сказав, что к восстанию надо относиться, как к искусству, что надо *завоевать* первый успех и от успеха идти к успеху, не прекращая *наступления* на врага, пользуясь его растерянностью и т. д., и т. д.

Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на *революционный подъем народа*. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и в *рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции*. Это в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании и отличается *марксизм от бланкизма*.

Но раз есть налицо эти условия, то отказаться от отношения к восстанию, как к *искусству*, значит изменить марксизму и изменить революции.

Чтобы доказать, почему именно переживаемый нами момент надо признать таким, когда *обязательно* для партии признать *восстание* поставленным ходом объективных событий в порядке дня и отнестись к восстанию, как к искусству, чтобы доказать это, лучше всего, пожалуй, употребить метод сравнения и сопоставить 3—4 июля с сентябрьскими днями.

3—4 июля можно было, не греша против истины, поставить вопрос так: правильнее было бы взять власть, ибо иначе все равно враги обвинят нас в восстании и расправятся, как с повстанцами. Но из этого нельзя было сделать вывода в пользу взятия власти тогда, ибо объективных условий для победы восстания тогда не было.

1) Не было еще за нами класса, являющегося авангардом революции.

Не было еще большинства у нас среди рабочих и солдат столиц. Теперь оно есть в обоих Советах. Оно создано *только* историей июля и августа, опытом «расправы» с большевиками и опытом корниловщины.

2) Не было тогда всенародного революционного подъема. Теперь он есть после корниловщины. Провинция и взятие власти Советами во многих местах доказывают это.

3) Не было тогда *колебаний*, в серьезном общеполитическом масштабе, среди врагов наших и среди половинчатой мелкой буржуазии. Теперь колебания гигантские: наш главный враг, империализм союзный и всемирный, ибо «союзники» стоят во главе всемирного империализма, *заколебался* между войной до победы и сепаратным миром против России. Наши мелкобуржуазные демократы, явно потеряв большинство в народе, заколебались гигантски, отказавшись от блока, т. е. от коалиции, с кадетами.

4) Потому 3—4 июля восстание было бы ошибкой: мы не удержали бы власти ни физически, ни политически. Физически, несмотря на то, что Питер был моментами в наших руках, ибо *драться, умирать* за обладание Питером наши же рабочие и солдаты тогда не стали бы: не было такого «озверения», такой кипучей ненависти *и к Керенским, и к Церетели* — Черновым, не были еще наши люди закалены опытом преследований большевиков при участии эсеров и меньшевиков.

Политически мы не удержали бы власти 3—4 июля, ибо армия и провинция, *до корниловщины*, могли пойти и пошли бы на Питер.

Теперь картина совсем иная.

За нами большинство *класса*, авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы.

За нами *большинство* народа, ибо уход Чернова есть далеко не единственный, но виднейший, нагляднейший признак того, что крестьянство от блока эсеров (и от самих эсеров) *земли не получит*. А в этом гвоздь общенародного характера революции.

За нами выгода положения партии, твердо знающей свой путь, при неслыханных колебаниях и *всего империализма*, и всего блока меньшевиков с эсерами.

За нами *верная победа*, ибо народ совсем уже близок к отчаянию, а мы даем всему народу верный выход, показав значение нашего руководства всему народу «в дни корниловские», затем *предложив* компромисс блокистам и *получив отказ от них* при условии отнюдь не прекращающихся колебаний с их стороны.

Величайшей ошибкой было бы думать, что наше предложение компромисса *еще* не отвергнуто, что Демократическое совещание *еще* может принять его. Компромисс предлагался *от партии к партиям*; иначе он не мог предлагаться. *Партии* отвергли его. Демократическое совещание есть только *совещание*, ничего более. Не надо забывать одного: в нем не представлено *большинство* революционного народа, беднейшее и озлобленное крестьянство. Это совещание *меньшинства народа* — нельзя забывать этой очевидной истины. Величайшей ошибкой, величайшим парламентским кретинизмом было бы с нашей стороны отнестись к Демократическому совещанию, как к парламенту, ибо даже *если бы* оно объявило себя перманентным и суверенным парламентом революции, все равно оно *ничего не решает*: решение лежит *вне его*, в рабочих кварталах Питера и Москвы.

Перед нами налицо все объективные предпосылки успешного восстания. Перед нами — исключительные выгоды положения, когда *только* наша победа в восстании положит конец измучившим народ колебаниям, этой самой мучительной вещи на свете; когда *только* наша победа в восстании даст крестьянству землю немедленно; — когда *только наша* победа в восстании *сорвет* игру с сепаратным миром против революции, сорвет ее тем, что предложит открыто мир более полный, более справедливый, более близкий, мир *в пользу* революции.

Только наша партия, наконец, победив в восстании, *может* спасти Питер, ибо, если наше предложение мира будет отвергнуто и мы не получим даже перемирия, тогда *мы* становимся «оборонцами», тогда мы становимся *во главе военных*

партий, мы будем самой «военной» партией, мы поведем войну действительно революционно. Мы отнимем весь хлеб и все сапоги у капиталистов. Мы оставим им корки, мы оденем их в лапти. Мы дадим весь хлеб и всю обувь на фронт.

И мы отстоим тогда Питер.

Ресурсы действительно революционной войны, как материальные, так и духовные, в России еще необъятно велики; 99 шансов из 100 за то, что немцы дадут нам по меньшей мере перемирие. А получить перемирие теперь — это значит уже победить *весь мир*.

* * *

Сознав безусловную необходимость восстания рабочих Питера и Москвы для спасения революции и для спасения от «сепаратного» раздела России империалистами обеих коалиций, мы должны, во-первых, приспособить к условиям нарастающего восстания свою политическую тактику на Совещании; мы должны, во-вторых, доказать, что мы не на словах только признаем мысль Маркса о необходимости отнестись к восстанию, как к искусству.

Мы должны на Совещании немедленно сплотить фракцию большевиков, не гоняясь за численностью, не боясь оставить колеблющихся в стане колеблющихся: они *там* полезнее для дела революции, чем в стане решительных и беззаветных борцов.

Мы должны составить краткую декларацию большевиков, подчеркивая самым резким образом неуместность длинных речей, неуместность «речей» вообще, необходимость немедленного действия для спасения революции, абсолютную необходимость полного разрыва с буржуазией, полного смещения всего теперешнего правительства, полного разрыва с готовящимися «сепаратный» раздел России англо-французскими империалистами, необходимость немедленного перехода всей власти в руки *революционной демократии, возглавляемой революционным пролетариатом*.

Наша декларация должна быть самой краткой и резкой формулировкой *этого* вывода в связи с программными проектами: мир народам, земля крестьянам, конфискация скандальных прибылей и обуздание скандальной порчи производства капиталистами.

Чем короче, чем резче будет декларация, тем лучше. В ней надо только ясно указать еще два важнейших пункта: народ измучился от колебаний, народ истерзан нерешительностью эсеров и меньшевиков; мы рвем с этими *партиями* окончательно, ибо они изменили революции.

И другое: тотчас предлагая мир без аннексий, тотчас разрывая с союзными империалистами и всякими империалистами, мы получим немедленно либо перемирие, либо переход всего революционного пролетариата на сторону обороны и ведение революционной демократией, под его руководством, действительно справедливой, действительно революционной войны.

Прочтя эту декларацию, призвав *решать*, а не говорить, *действовать*, а не писать резолюции, мы должны всю нашу фракцию *двинуть на заводы и в казармы*: там ее место, там нерв жизни, там источник спасения революции, там двигатель Демократического совещания.

Там должны мы в горячих, страстных речах разъяснять нашу программу и ставить вопрос так: либо *полное* принятие ее Совещанием, либо восстание. Середины нет. Ждать нельзя. Революция гибнет.

Ставя вопрос так, сосредоточив всю фракцию на заводах и в казармах, *мы правильно учтем момент для начала восстания*.

А чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, т. е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать *штаб* повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку¹⁷⁸, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить *наш* штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д.

Это все примерно, конечно, лишь для *иллюстрации* того, что нельзя в переживаемый момент остаться верным марксизму, остаться верным революции, *не относясь к восстанию, как к искусству*.

Н. Ленин

Написано 13—14 (26—27) сентября
1917 г.

Впервые напечатано в 1921 г.
в журнале
«Пролетарская Революция» № 2

Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 34, стр. 242—247

ИЗ ДНЕВНИКА ПУБЛИЦИСТА

ОШИБКИ НАШЕЙ ПАРТИИ

Пятница, 22 сентября 1917 года.

Чем больше вдумываешься в значение так называемого Демократического совещания, чем внимательнее всматриваешься в него со стороны, — а со стороны, говорят, виднее, тем тверже становится убеждение, что наша партия сделала ошибку, участвуя в нем. Надо было его бойкотировать. Скажут, пожалуй, какая польза разбирать такой вопрос. Прошлого не воротишь. Но это возражение против тактики вчерашнего дня было бы явно несостоятельно. Мы всегда осуждали и как марксисты обязаны осуждать тактику живущего «со дня на день». Нам недостаточно минутных успехов. Нам недостаточно и вообще расчетов на минуту или на день. Мы должны постоянно проверять себя, *изучая* цепь политических событий в их целом, их причинной связи, их результатах. Анализируя ошибки вчерашнего дня, мы тем самым учимся избегать ошибок сегодня и завтра.

В стране явно нарастает новая революция, революция *иных* классов (по сравнению с теми, которые осуществили революцию против царизма). Тогда была революция пролетариата, крестьянства и буржуазии в союзе с англо-французским финансовым капиталом против царизма.

Теперь растет революция пролетариата и большинства крестьян, именно: беднейшего крестьянства против буржуазии, против ее союзника, англо-французского финансового капитала, против ее правительственного аппарата, возглавляемого бонапартистом Керенским.

Сейчас не будем останавливаться на фактах, свидетельствующих о нарастании новой революции, ибо, судя по статьям нашего центрального органа «Рабочего Пути»¹⁷⁹, партия уже выяснила свои взгляды по этому пункту. Нарастание новой революции представляет из себя явление,

кажется, общепризнанное партией. Конечно, сводки данных об этом нарастании еще понадобятся, но они должны составить тему других статей.

В данный момент важнее обратить наибольшее внимание на классовые различия между старой и новой революцией, на учет политического момента и наших задач с точки зрения этого основного явления, соотношения классов. Тогда, в первую революцию, авангардом были рабочие и солдаты, т. е. пролетариат и передовые слои крестьянства.

Этот авангард *увлек за собою* не только многие из худших, колеблющихся элементов мелкой буржуазии (вспомним колебания меньшевиков и трудовиков насчет республики), но и монархическую партию кадетов, либеральную буржуазию, превратив ее в республиканскую. Почему такое превращение было возможно?

Потому, что экономическое господство для буржуазии все, а форма политического господства — дело девятое, буржуазия может господствовать и при республике, даже господство ее вернее при республике в том смысле, что этот политический строй никакими переменами в составе правительства, в составе и группировке правящих партий не затрагивает буржуазии.

Конечно, буржуазия стояла и будет стоять за монархию, потому что более грубая, военная охрана капитала монархическими учреждениями всем капиталистам и помещикам виднее и «ближе». Но при сильном напоре «снизу» буржуазия всегда и везде «мирилась» с республикой, лишь бы отстоять свое экономическое господство.

Теперь пролетариат и беднейшее крестьянство, т. е. *большинство* народа, встали в такое отношение к буржуазии и к «союзному» (а равно и всемирному) империализму, что *«увлечь» за собою буржуазию нельзя*. Мало того: верхи *мелкой* буржуазии и более имущие слои *демократической* мелкой буржуазии явно против новой революции. Этот факт до того очевиден, что на нем сейчас нет надобности останавливаться. Господа Либерданы, Церетели и Черновы нагляднее наглядного иллюстрируют его.

Переменилось взаимоотношение классов. В этом суть.

Не те классы стоят «по одну и по другую сторону баррикады».

Это главное.

В этом и *только* в этом *научная* основа для того, чтобы говорить о *новой* революции, которая могла бы, рассуждая чисто теоретически, беря вопрос абстрактно, произойти легально, если бы, например, Учредительное собрание, созван-

ное буржуазией, дало большинство против нее, дало большинство партиям рабочих и беднейших крестьян.

Объективное взаимоотношение классов, их роль (экономическая и политическая) вне представительных учреждений данного типа и внутри них; нарастание или упадок революции, соотношение внепарламентских средств борьбы с парламентскими — вот где главнейшие, основные, объективные данные, которые надо учесть, чтобы тактику бойкота или участия вывести не произвольно, не по своим «симпатиям», а марксистски.

Опыт нашей революции наглядно поясняет, как надо по-марксистски подходить к вопросу о бойкоте.

Почему бойкот булыгинской Думы оказался правильной тактикой?

Потому, что он соответствовал объективному соотношению общественных сил в их развитии. Он давал лозунг нарастающей революции за свержение старой власти, которая, чтобы отвлечь народ от революции, созывала соглашательское, грубо поддельное, не открывавшее поэтому перспектив серьезной «зацепки» за парламентаризм, учреждение (булыгинскую Думу). Внепарламентские средства борьбы у пролетариата и у крестьянства были сильнее. Вот из каких моментов сложилась правильная, учитывавшая объективное положение, тактика бойкота булыгинской Думы.

Почему тактика бойкота III Думы оказалась неправильной?

Потому, что она опиралась только на «яркость» лозунга бойкота и на отвращение к грубейшей реакционности третьиюньского «хлева». Но объективное положение было такое, что, с одной стороны, революция была в сильнейшем упадке и падала дальше. Для подъема ее парламентская опора (даже изнутри «хлева») приобретала громадное политическое значение, ибо внепарламентских средств пропаганды, агитации, организации почти не было или они были крайне слабы. С другой стороны, грубейшая реакционность III Думы не мешала ей быть органом действительного взаимоотношения классов, именно: столыпинского соединения монархии с буржуазией. Это новое взаимоотношение классов страна должна была изжить.

Вот из каких моментов сложилась правильно учитывавшая объективное положение тактика участия в III Думе.

Достаточно вдуматься в эти уроки опыта, в условия марксистского подхода к вопросу о бойкоте или участии, чтобы убедиться в полнейшей неправильности тактики

участия в «Демократическом совещании», «Демократическом совете» или предпарламенте.

С одной стороны, нарастает новая революция. Война идет вверх. Внепарламентские средства пропаганды, агитации, организации громадны. Значение «парламентской» трибуны в данном предпарламенте ничтожно. С другой стороны, никакого нового взаимоотношения классов этот предпарламент не выражает и не «обслуживает»; крестьянство, например, здесь представлено *хуже*, чем в имеющихся уже органах (Совете крестьянских депутатов). Вся суть предпарламента — бонапартистский *подлог* не только в том смысле, что грязная банда Либерданов¹⁸⁰, Церетели и Черновых вместе с Керенским и К^о *подтасовали*, фальсифицировали состав этой церетелевски-булыгинской думы, но и в том, более глубоком смысле, что единственное назначение предпарламента — надуть массы, обмануть рабочих и крестьян, отвлечь их от новой растущей революции, засорить глаза угнетенных классов новым нарядом для *старой*, уже испытанной, истрепанной, истасканной «коалиции» с буржуазией (т. е. превращения буржуазией господ Церетели и К^о в гороховых шутов, помогающих подчинять народ империализму и империалистской войне).

Мы слабы теперь — говорит царь в августе 1905 года своим крепостникам-помещикам. — Наша власть колеблется. Волна рабочей и крестьянской революции поднимается. Надо надуть «серячка», помазать его по губам...

Мы слабы теперь — говорит теперешний «царь», бонапартист Керенский, кадетам, беспартийным Тит Титычам, Плехановым, Брешковским и К^о. — Наша власть колеблется. Волна рабочей и крестьянской революции против буржуазии поднимается. Надо надуть демократию, перекрасив для этого в другие краски тот шутовской костюм, в котором ходят с 6-го мая 1917 года, для одурачения народа, эсеровские и меньшевистские «вожди революционной демократии», наши милые друзья Церетели и Черновы. Их не трудно помазать по губам «предпарламентом».

Мы сильны теперь — говорит царь своим крепостникам-помещикам в июне 1907 года. — Волна рабочей и крестьянской революции спадает. Но мы не сможем удержаться по-старому, и одного обмана мало. Нужна новая политика в деревне, нужен новый экономический и политический блок с Гучковыми — Милюковыми, с буржуазией.

Так можно представить три ситуации: август 1905 года, сентябрь 1917, июнь 1907, чтобы нагляднее пояснить объективные основы тактики бойкота, ее связь с взаимоотноше-

нием классов. Обман угнетенных классов угнетателями есть всегда, но значение этого обмана в разные исторические моменты различно. Тактики нельзя основывать только на том, что угнетатели обманывают народ; ее надо определять, анализируя *в целом* взаимоотношения классов и развитие как внепарламентской, так и парламентской борьбы.

Тактика участия в предпарламенте *неверна*, она не соответствует объективному взаимоотношению классов, объективным условиям момента.

Надо было бойкотировать Демократическое совещание, мы все ошиблись, не сделав этого, ошибка в фальшь не становится. Ошибку мы поправим, было бы искреннее желание стать за революционную борьбу масс, было бы серьезное размышление об объективных основах тактики.

Надо бойкотировать предпарламент. Надо уйти в Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, уйти в профессиональные союзы, уйти вообще к массам. Надо *их* звать на борьбу. Надо *им* дать правильный и ясный лозунг: разогнать бонапартистскую банду Керенского с *его* поддельным предпарламентом, с этой церетелевски-булыгинской думой. Большевики и эсеры не приняли, даже после корниловщины, нашего компромисса, мирной передачи власти Советам (в коих у нас *тогда* еще *не* было большинства), они скатились опять в болото грязных и подлых сделок с кадетами. Долой меньшевиков и эсеров. Беспощадная борьба с ними. Беспощадное изгнание их из всех революционных организаций, никаких переговоров, никакого общения с этими *друзьями Кишкиных*, друзьями корниловских помещиков и капиталистов.

Суббота, 23 сентября.

Троцкий был за бойкот. Bravo, товарищ Троцкий!

Бойкотизм побежден во фракции большевиков, съехавшихся на Демократическое совещание.

Да здравствует бойкот!

Ни в каком случае мириться с участием мы не можем и не должны. Фракция одного из Совещаний — не высший орган партии, да и решения высших органов подлежат пересмотру, на основании опыта жизни.

Надо, во что бы то ни стало, добиваться решения вопроса о бойкоте и пленумом Исполнительного комитета и экстренным съездом партии. Надо взять сейчас вопрос о бойкоте платформой для выборов на съезд и для *всех* выборов внутри партии. Надо втянуть *массы* в обсуждение вопроса. Надо,

чтобы сознательные рабочие взяли дело в свои руки, проводя это обсуждение и оказывая давление на *«верхи»*.

Невозможны никакие сомнения насчет того, что в «верхах» нашей партии заметны колебания, которые могут стать *гибельными*, ибо борьба развивается, и в известных условиях колебания, в известный момент, способны *погубить* дело. Пока не поздно, надо всеми силами взяться за борьбу, отстаивать правильную линию партии революционного пролетариата.

У нас не все ладно в «парламентских» верхах партии; больше внимания к ним, больше надзора рабочих за ними; компетенцию парламентских фракций надо определить строже.

Ошибка нашей партии очевидна. Борющейся партии передового класса не страшны ошибки. Страшно было бы упорствование в ошибке, ложный стыд признания и исправления ее.

Воскресенье, 24 сентября.

Съезд Советов отложен до 20 октября. Это почти равносильно отсрочке до греческих календ при том темпе, каким живет Россия. Второй раз повторяется комедия, разыгранная эсерами и меньшевиками после 20—21 апреля.

Впервые напечатано в 1924 г.
в журнале
«Пролетарская Революция» № 3

Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 34, стр. 257—263

КРИЗИС НАЗРЕЛ ¹⁸¹

I

Нет сомнения, конец сентября принес нам величайший перелом в истории русской, а, по всей видимости, также и всемирной революции.

Всемирная рабочая революция началась выступлениями одиночек, с беззаветным мужеством представлявших все, что осталось честного от прогнившего официального «социализма», а на деле социал-шовинизма. Либкнехт в Германии, Адлер в Австрии, Маклин в Англии — таковы наиболее известные имена этих героев-одиночек, взявших на себя тяжелую роль предтеч всемирной революции.

Вторым этапом в исторической подготовке этой революции явилось широкое массовое брожение, которое выливалось и в форму раскола официальных партий, и в форму нелегальных изданий, и в форму уличных демонстраций. Усиливался протест против войны — увеличивалось число жертв правительственных преследований. Тюрьмы стран, славившихся своей законностью и даже своей свободой, Германии, Франции, Италии, Англии, стали наполняться десятками и сотнями интернационалистов, противников войны, сторонников рабочей революции.

Теперь пришел третий этап, который можно назвать кануном революции. Массовые аресты вождей партии в свободной Италии и особенно начало *военных восстаний* в Германии ¹⁸² — вот несомненные признаки великого перелома, признаки *кануна революции* в мировом масштабе.

Нет сомнения, в Германии были и раньше отдельные случаи мятежа в войсках, но эти случаи были так мелки, так разрознены, так слабы, что их удавалось замять, замолчать — и в этом было главное для пресечения *массовой заразительности* мятежнических действий. Наконец, назрело и такое

движение во флоте, когда уже ни замять, ни замолчать его, даже при всех неслыханно разработанных и с невероятным педантизмом соблюденных строгостях германского военнокаторжного режима, *не удалось*.

Сомнения невозможны. Мы стоим в преддверии всемирной пролетарской революции. И так как мы, русские большевики, одни только из всех пролетарских интернационалистов всех стран, пользуемся сравнительно громадной свободой, имеем открытую партию, десятка два газет, имеем на своей стороне столичные Советы рабочих и солдатских депутатов, имеем на своей стороне *большинство* народных масс в революционное время, то к нам поистине можно и должно применить слова: кому много дано, с того много и спросится.

II

В России переломный момент революции несомненен.

В крестьянской стране, при революционном, республиканском правительстве, которое пользуется поддержкой партий эсеров и меньшевиков, имевших вчера еще господство среди мелкобуржуазной демократии, растет *крестьянское восстание*.

Это невероятно, но это факт.

И нас, большевиков, не удивляет этот факт, мы всегда говорили, что правительство пресловутой «коалиции» с буржуазией есть правительство *измены* демократизму и революции, правительство *империалистской* бойни, правительство *охраны* капиталистов и помещиков от народа.

В России, благодаря обману эсерами и меньшевиками, осталось и остается, при республике, во время революции, рядом с Советами, правительство капиталистов и помещиков. Такова горькая и грозная действительность. Чего же удивительного, если в России, при неслыханных бедствиях, причиняемых народу затягиванием империалистской войны и ее последствиями, началось и разрастается крестьянское восстание?

Чего же удивительного, если противники большевиков, вожди *официальной* эсеровской партии, той самой, которая все время «коалицию» поддерживала, той самой, которая до последних дней или до последних недель имела большинство народа на своей стороне, той самой, которая продолжает порицать и травить «новых» эсеров, убедившихся в предательстве интересов крестьянства политикой коалиции, — эти вожди официальной эсеровской партии пишут 29-го сентября в редакционной передовице «Дела Народа», их официального органа:

«...Почти ничего не сделано до настоящего времени для уничтожения тех кабальных отношений, которые все еще господствуют в деревне именно центральной России... Закон об упорядочении земельных отношений в деревне, давно уже внесенный во Временное правительство и даже прошедший через такое чистилище, как Юридическое совещание, этот закон безнадежно застрял в каких-то канцеляриях... Разве мы не правы, утверждая, что наше республиканское правительство далеко еще не освободилось от старых навыков царского управления, что столыпинская хватка еще сильно дает себя знать в приемах революционных министров».

Так пишут официальные эсеры! Подумайте только: сторонники коалиции *вынуждены* признать, что через семь месяцев революции в крестьянской стране «почти ничего не сделано для уничтожения кабалы» крестьян, закабаления их помещиками! Эти эсеры *вынуждены* назвать *столыпинцами* своего коллегу Керенского и всю его банду министров.

Можно ли найти более красноречивое свидетельство из лагеря наших противников, подтверждающее не только то, что коалиция крахнула, не только то, что официальные эсеры, терпящие Керенского, стали *противонародной, противокрестьянской, контрреволюционной* партией, но и то, что вся русская революция пришла к перелому?

Крестьянское восстание в крестьянской стране против правительства Керенского, эсера, Никитина и Гвоздева, меньшевиков, и других министров, представителей капитала и помещичьих интересов! Подавление этого восстания *военными мерами* республиканского правительства.

Можно ли быть еще перед лицом таких фактов добросовестным сторонником пролетариата и отрицать, что кризис назрел, что революция переживает величайший перелом, что победа правительства над крестьянским восстанием была бы теперь окончательными похоронами революции, окончательным торжеством корниловщины?

III

Ясно само собою, что, если в крестьянской стране, после семи месяцев демократической республики, дело могло дойти до крестьянского восстания, то оно неопровержимо доказывает общенациональный крах революции, кризис ее, достигший невиданной силы, подход контрреволюционных сил к *последней черте*.

Это ясно само собою. Перед лицом такого факта, как крестьянское восстание, все остальные политические симптомы, даже если бы они противоречили этому назреванию общенационального кризиса, не имели бы ровнехонько никакого значения.

Но все симптомы указывают, наоборот, именно на то, что общенациональный кризис назрел.

После аграрного вопроса в общегосударственной жизни России особенно большое значение имеет, особенно для мелкобуржуазных масс населения, национальный вопрос. И мы видим, что на «Демократическом» совещании, подтасованном господином Церетели и К^о, «национальная» курия по радикализму становится на второе место, уступая только профессиональным союзам и стоя *выше* курии Советов рабочих и солдатских депутатов по проценту голосов, поданных *против* коалиции (40 из 55). Из Финляндии правительство Керенского, правительство подавления крестьянского восстания, выводит революционные войска, чтобы подкрепить реакционную финскую буржуазию. На Украине конфликты украинцев вообще и украинских войск в частности с правительством все учащаются.

Возьмем далее армию, которая в военное время имеет исключительно важное значение во всей государственной жизни. Мы видели полный *откол* от правительства финляндских войск и Балтийского флота. Мы видим показание офицера Дубасова, небольшевика, который говорит от имени всего фронта и говорит революционнее всех большевиков, что солдаты больше воевать не будут¹⁸³. Мы видим правительственные донесения о том, что настроение солдат «нервное», что за «порядок» (т. е. за участие этих войск в подавлении крестьянского восстания) ручаться нельзя. Мы видим, наконец, голосование в Москве, где из семнадцати тысяч солдат четырнадцать тысяч голосуют за большевиков.

Это голосование на выборах в районные думы в Москве является вообще одним из наиболее поразительных симптомов глубочайшего поворота в общенациональном настроении. Что Москва более Питера мелкобуржуазна, это общеизвестно. Что у московского пролетариата несравненно больше связей с деревней, деревенских симпатий, близости к деревенским крестьянским настроениям, это факт, много раз подтвержденный и неоспоримый.

И вот в Москве голоса эсеров и меньшевиков с 70 процентов в июне падают до 18 процентов. Мелкая буржуазия отвернулась от коалиции, народ отвернулся от нее, тут сомнения невозможны. Кадеты усилились с 17 процентов до 30 процентов, но они остались меньшинством, безнадежным меньшинством, несмотря на очевидное присоединение к ним «правых» эсеров и «правых» меньшевиков. А «Русские Ведомости»¹⁸⁴ говорят, что *абсолютное* число голосов за кадетов понизилось с 67 до 62 тысяч. Только у большевиков число

голосов возросло с 34 тысяч до 82 тысяч. Они получили 47 процентов всего числа голосов. Что вместе с левыми эсерами мы имеем теперь большинство и в Советах, и в армии, и в стране, в этом ни тени сомнения быть не может.

А к числу симптомов, имеющих не только симптоматическое, но и весьма реальное значение, надо отнести еще тот, что имеющие гигантское общеэкономическое и общеполитическое и военное значение армии железнодорожников и почтовых служащих продолжают быть в остром конфликте с правительством¹⁸⁵, причем даже меньшевики-оборонцы недовольны «своим» министром Никитиным, а официальные эсеры называют Керенского и К⁰ «столыпинцами». Не ясно ли, что такая «поддержка» правительства меньшевиками и эсерами имеет, если имеет, только отрицательное значение?

IV

.

V

Да, вожди Центрального Исполнительного Комитета ведут правильную тактику защиты буржуазии и помещиков. И нет ни малейшего сомнения, что большевики, если бы они дали себя поймать в ловушку конституционных иллюзий, «веры» в съезд Советов и в созыв Учредительного собрания, «ожидания» съезда Советов и т. п., — нет сомнения, что такие большевики оказались бы *жалкими изменниками* пролетарскому делу.

Они были бы изменниками ему, ибо они предали бы своим поведением немецких революционных рабочих, начавших восстание во флоте. При таких условиях «ждать» съезда Советов и т. п. есть *измена интернационализму*, измена делу международной социалистической революции.

Ибо интернационализм состоит не в фразах, не в выражении солидарности, не в резолюциях, а в *деле*.

Большевики были бы изменниками *крестьянству*, ибо терпеть подавление крестьянского восстания правительством, которое *даже* «Дело Народа» сравнивает с столыпинцами, значит *губить* всю революцию, губить ее навсегда и бесповоротно. Кричат об анархии и о росте равнодушия масс: еще бы массам не быть равнодушными к выборам, если крестьянство *доведено до восстания*, а так называемая «революционная демократия» терпеливо сносит военное подавление его!!

Большевики оказались бы изменниками демократии и свободе, ибо снести подавление крестьянского восстания в такой момент *значит* дать подделать выборы в Учредительное собрание *совершенно так же* — и еще хуже, грубее — как подделали «Демократическое совещание» и «предпарламент».

Кризис назрел. Все будущее русской революции поставлено на карту. Вся честь партии большевиков стоит под вопросом. Все будущее международной рабочей революции за социализм поставлено на карту.

Кризис назрел...

29 сентября 1917.

До этого места можно напечатать, а продолжение для *раздачи* членам ЦК, ПК, МК и Советов.

VI

Что же делать? Надо aussprechen was ist, «сказать, что есть», признать правду, что у нас в ЦК и в верхах партии есть течение или мнение за *ожидание* съезда Советов, *против* немедленного взятия власти, *против* немедленного восстания. Надо *побороть* это течение или мнение¹⁸⁶.

Иначе большевики *опозорили* себя навеки и *сошли на нет*, как партия.

Ибо пропускать такой момент и «ждать» съезда Советов есть *полный идиотизм* или *полная измена*.

Полная измена немецким рабочим. Не ждать же нам *начала* их революции!! Тогда и Либерданы будут за «поддержку» ее. Но она *не может* начаться, пока Керенский, Кишкин и К^о у власти.

Полная измена крестьянству. Имея оба *столичных* Совета, дать подавить восстание крестьян значит *потерять* и *заслуженно потерять* всякое доверие крестьян, значит сравняться в глазах крестьян с Либерданами и прочими мерзавцами.

«Ждать» съезда Советов есть *полный идиотизм*, ибо это значит пропустить *недели*, а недели и даже дни решают теперь *все*. Это значит трусливо *отречься* от взятия власти, ибо 1—2 ноября оно будет невозможно (и политически и технически: соберут казаков ко дню глупеньким образом «назначенного» * восстания).

* «Созывать» съезд Советов на 20 октября для решения «взять власть», — чем же это отличается от «назначения» восстания по-глупому?? Теперь взять власть можно, а 20—29 октября ее вам не дадут взять.

«Ждать» съезда Советов есть идиотизм, ибо съезд **ничего не даст, ничего не может дать!**

«Моральное» значение? Удивительно!! «Значение» резолюций и разговоров с Либерданами, когда мы знаем, что Советы **за** крестьян и что крестьянское восстание *подавляют!!* Мы сведем этим *Советы* до роли жалких болтунов. Сначала победите Керенского, потом созывайте съезд.

Победа восстания *обеспечена* теперь большевикам: 1) мы можем * (если не будем «ждать» Советского съезда) ударить *внезапно* и из трех пунктов, из Питера, из Москвы, из Балтийского флота; 2) мы имеем лозунги, обеспечивающие нам поддержку: долой правительство, подавляющее крестьянское восстание против помещиков! 3) мы в большинстве *в стране*; 4) развал у меньшевиков и эсеров полный; 5) мы имеем техническую возможность взять власть в Москве (которая могла бы даже начать, чтобы поразить врага неожиданностью); 6) мы имеем *тысячи* вооруженных рабочих и солдат в Питере, кои могут *сразу* взять и Зимний Дворец, и Генеральный Штаб, и станцию телефонов, и все крупные типографии; не выбить нас оттуда, — а агитация в *армии* пойдет такая, что *нельзя* будет бороться с этим правительством мира, крестьянской земли и т. д.

Если бы мы ударили сразу, внезапно, из трех пунктов, в Питере, в Москве, в Балтийском флоте, то девяносто девять сотых за то, что мы победим с меньшими жертвами, чем 3—5 июля, ибо *не пойдут войска* против правительства мира. Если даже у Керенского *уже* есть «верная» кавалерия и т. п. в Питере, то при ударе с двух сторон и при сочувствии армии *к нам* Керенский будет вынужден *сдаться*. Если даже при таких шансах, как теперь, не брать власти, тогда все разговоры о власти Советам превращаются в *ложь*.

Не взять власти теперь, «ждать», болтать в ЦИК, ограничиться «борьбой за орган» (Совета), «борьбой за съезд» значит *погубить революцию*.

Видя, что ЦК оставил *даже без ответа* мои настояния в этом духе с начала Демократического совещания, что Центральный Орган *вычеркивает* из моих статей указания на такие вопиющие ошибки большевиков, как позорное решение участвовать в парламенте, как предоставление места меньшевикам в президиуме Совета и т. д. и т. д. — видя это, я должен усмотреть тут «тонкий» намек на нежелание ЦК

* Что сделала партия для изучения расположения войск и проч.? для проведения восстания как «искусства»? — только разговоры в ЦИК и т. п.!!

даже обсудить этот вопрос, тонкий намек на зажимание рта, и на предложение мне удалиться.

Мне приходится *подать прошение о выходе из ЦК*, что я и делаю, и оставить за собой свободу агитации *в низах* партии и на съезде партии.

Ибо мое крайнее убеждение, что, если мы будем «ждать» съезда Советов и упустим момент теперь, мы *губим* революцию.

29/IX.

Н. Ленин

Р. S. Целый ряд фактов показал, что *да же* казацкие войска не пойдут против правительства мира! А сколько их? где они? А вся армия разве не отрядит частей *за* нас?

Напечатаны: главы I—III и V
20 (7) октября 1917 г.
в газете «Рабочий Путь» № 30;
глава VI впервые напечатана
в 1924 г.

Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 34, стр. 272—283

УДЕРЖАТ ЛИ БОЛЬШЕВИКИ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ВЛАСТЬ? ¹⁸⁷

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Настоящая брошюра писана, как видно из ее текста, в конце сентября и закончена 1-го октября 1917 года.

Революция 25-го октября перевела вопрос, поставленный в этой брошюре, из области теории в область практики.

Не словами, а делами надо отвечать теперь на этот вопрос. Теоретические доводы против большевистской власти слабы до последней степени. Эти доводы разбиты.

Задача теперь в том, чтобы *практикой* передового класса — пролетариата — доказать жизненность рабочего и крестьянского правительства. Все сознательные рабочие, все, что есть живого и честного в крестьянстве, все трудящиеся и эксплуатируемые напрягут все силы, чтобы на практике решить величайший исторический вопрос.

За работу, все за работу, дело всемирной социалистической революции должно победить и победит.

Петербург, 9 ноября 1917 г.

Н. Ленин

*Напечатано в 1918 г.
в брошюре: Н. Ленин. «Удержат ли
большевики государственную власть?»,
серия «Солдатская и крестьянская
библиотека», Петербург*

В чем согласны все направления, от «Речи» до «Новой Жизни» включительно, от кадетов-корниловцев до полубольшевиков, *все* за исключением большевиков?

В том, что большевики одни либо никогда не решатся взять всю государственную власть в свои руки, либо, если решатся и возьмут, не смогут удержать ее даже в течение самого короткого времени.

Если кто-либо заметит, что вопрос о взятии всей государственной власти одними большевиками — совершенно нереальный политический вопрос, что считать его реальным может лишь самое дурное самомнение какого-нибудь «фанатика», то мы опровергнем это замечание, приведя точные заявления самых ответственных и самых влиятельных политических партий и направлений различного «цвета».

Но сначала два слова по первому из намеченных вопросов, именно: решатся ли большевики взять одни в свои руки всю государственную власть? Я уже имел случай на Всероссийском съезде Советов ответить категорическим утверждением на этот вопрос в одном замечании, которое мне довелось крикнуть с места во время одной из министерских речей Церетели¹⁸⁸. И я не встречал ни в печати, ни устно заявлений со стороны большевиков, что нам не следовало бы брать одним власть. Я продолжаю стоять на той точке зрения, что политическая партия вообще — а партия передового класса в особенности — не имела бы права на существование, была бы недостойна считаться партией, была бы жалким ноле^м во всех смыслах, если бы она отказалась от власти, раз имеется возможность получить власть.

Приведем теперь заявления кадетов, эсеров и полубольшевиков (я сказал бы охотнее четверть-большевиков) по интересующему нас вопросу.

Передовик «Речи» от 16-го сентября:

«...Разноголосица и разброд царили в зале Александринского театра, и социалистическая пресса отражает ту же картину. Определенностью и прямолинейностью отличается только взгляд большевиков. В Совещании, это — взгляд меньшинства. В Советах, это все усиливающееся течение. Но несмотря на весь словесный задор, на хвастливые фразы, на демонстрацию самоуверенности, большевики, за исключением немногих фанатиков, храбры лишь на словах. Взять «всю власть» они не попытались бы по собственному побуждению. Дезорганизаторы и разрушители *par excellence**, они по существу трусы, в глубине души прекрасно сознающие и внутреннее свое невежество и эфемерность своих теперешних успехов. Так же хорошо, как и все мы, они понимают, что первый день их окончательного торжества был бы и первым днем их стремительного падения. Безответственные по самой природе, анархисты по методам и приемам, они мыслимы лишь как одно из направлений политической мысли, вернее сказать, как одна из ее аберраций. Лучшим способом на долгие годы освободиться от большевизма, извергнуть его, было бы вручение его вождям судеб страны. И если бы не сознание непозволительности и гибельности подобных опытов, можно было бы с отчаяния решиться и на такое героическое средство. К счастью, повторяем, сами эти печальные герои дня отнюдь не стремятся на самом деле к захвату всей полноты власти. Ни при каких условиях им недоступна созидательная работа. Таким образом, вся их определенность и прямолинейность ограничивается сферой политической трибуны, митинговой словесности. Практически их позиция не может ни с какой точки зрения быть принята в расчет. Впрочем, в одном отношении она имеет и некоторое реальное последствие: она объединяет все прочие оттенки «социалистической мысли» в отрицательном к себе отношении...»

Так рассуждают кадеты. А вот точка зрения самой большой, «господствующей и правительствующей» партии в России, «социалистов-революционеров», в равным образом неподписанной, т. е. редакционной, передовице их официального органа «Дела Народа» от 21-го сентября:

«...Если буржуазия не захочет работать вместе с демократией до Учредительного собрания на почве утвержденной Совещанием платформы, тогда *коалиция должна возникнуть в недрах состава Совещания. Это — тяжкая жертва с стороны защитников коалиции, но на нее должны пойти и пропагандисты идеи «чистой линии» власти.* Но мы опасаемся, что здесь соглашение может и не состояться. И тогда остается третья и последняя комбинация: *власть обязана организовать та половина Совещания, которая принципиально защищала идею однородности ее.*

Скажем определенно: *большевики будут обязаны формировать кабинет.* Они с величайшей энергией прививали революционной демократии ненависть к коалиции, обещая ей всякие блага после упразднения «соглашательства» и объясняя этим последним все бедствия страны.

Если они отдавали отчет в своей *агитации*, если они *не обманывали массы*, они обязаны расплачиваться по выдаваемым направо и налево векселям.

* — по преимуществу. *Ред.*

Вопрос ставится ясно.

И пусть они не делают бесполезных усилий скрыться за наскоро создаваемые теории о невозможности им взять власть.

Этих теорий демократия не примет.

В то же время сторонники коалиции должны гарантировать им полную поддержку. Вот три комбинации, три пути, которые стоят перед нами, — иных нет!» (Курсив принадлежит самому «Делу Народа».)

Так рассуждают эсеры. Вот, наконец, «позиция», если можно попытки сидеть между двух стульев назвать позицией, новожизенских «четверть-большевиков», взятая из редакционной передовицы «Новой Жизни» от 23-го сентября:

«...Если коалиция с Коноваловым и Кишкиным вновь будет составлена, то это будет означать не что иное, как новую капитуляцию демократии и отмену резолюции Совещания об ответственной власти на платформе 14-го августа...

...Однородное министерство меньшевиков и эсеров так же мало сможет чувствовать свою подотчетность, как мало чувствовали ее ответственные министры-социалисты в коалиционном кабинете... Такое правительство не только не могло бы сплотить вокруг себя «живые силы» революции, но не могло бы рассчитывать на сколько-нибудь деятельную поддержку ее авангарда — пролетариата.

Однако не лучшим, а еще худшим выходом из положения, собственно не выходом, а просто провалом, — было бы образование другого типа однородного кабинета, правительства «пролетариата и беднейшего крестьянства». Такой лозунг, правда, никем и не выставляется — кроме как в случайных, несмелых, систематически затем «разъясняемых» замечаниях «Рабочего Пути». (Эту вопиющую неправду «смело» пишут ответственные публицисты, забывшие даже передовицу «Дела Народа» от 21-го сентября...)

«Формально большевиками воскрешен ныне лозунг: вся власть Советам. Он был отменен, когда, после июльских дней, Советы, в лице ЦИК, определенно стали на путь активной антибольшевистской политики. Теперь же не только может считаться выпрямленной «линия Совета», но есть все основания рассчитывать, что предполагаемый съезд Советов даст большевистское большинство. При таких условиях воскрешенный большевиками лозунг «вся власть Советам» есть «тактическая линия», направленная именно к диктатуре пролетариата и «беднейшего крестьянства». Правда, под Советами разумеются и Советы крестьянских депутатов, и таким образом большевистский лозунг предполагает власть, опирающуюся на подавляющую часть всей демократии России. Но в таком случае лозунг «вся власть Советам» лишается самостоятельного значения, так как делает Советы почти однозначными, по своему составу, образуемому Совещанием «предпарламенту»...» (Утверждение «Новой Жизни» есть бесстыднейшая ложь, равняющаяся заявлению, что подлог

и подделка демократизма «однозначаша почти» с демократизмом: предпарламент есть *подлог*, выдающий волю меньшинства народа, особенно Кусковой, Беркенгейма, Чайковских и К⁰, за волю большинства. Это во-первых. Во-вторых, даже подделанные Авксентьевыми и Чайковскими крестьянские Советы дали на Совещании такой высокий процент противников коалиции, что вместе с Советами рабочих и солдатских депутатов получился бы *провал коалиции безусловный*. И в-третьих, «власть Советам» означает, что власть крестьянских Советов распространялась бы преимущественно на деревню, а в деревнях преобладание *беднейших* крестьян обеспечено.) «... Если это одно и то же, то большевистский лозунг надлежит немедленно снять с очереди. Если же «власть Советам» только прикрывает собой диктатуру пролетариата, то такая власть означает именно провал и крушение революции.

Надо ли доказывать, что пролетариат, изолированный не только от остальных классов страны, но и от действительных живых сил демократии, не сможет ни технически овладеть государственным аппаратом и привести его в движение в исключительно сложной обстановке, ни политически не способен будет противостоять всему тому напору враждебных сил, который сметет не только диктатуру пролетариата, но и в придачу всю революцию?

Единственной властью, отвечающей требованиям момента, является сейчас действительно честная коалиция внутри демократии».

* * *

Мы извиняемся перед читателями за длинные выписки, но они были безусловно необходимы. Необходимо было точно представить позицию разных партий, враждебных большевикам. Необходимо было точно доказать крайне важное обстоятельство, что *все* эти партии признали вопрос о взятии всей полноты государственной власти одними большевиками не только вопросом вполне реальным, но и актуальным, злободневным.

Перейдем теперь к разбору тех доводов, в силу которых «все», от кадетов до новожиженцев, убеждены, что большевикам власти не удержать.

Солидная «Речь» ровно никаких доводов не приводит. Она только поливает большевиков потоками отборнейшей и озлобленнейшей брани. Приведенная нами цитата показывает, между прочим, как глубоко неправильно было бы думать, что вот-де «Речь» «провоцирует» большевиков на взятие власти,

а потому: «берегитесь, дескать, товарищи, ибо, что враг советует, то, верно, худо!». Если мы будем вместо делового учета соображений и общего и конкретного характера давать «убеждать» себя тем, что буржуазия «провоцирует» нас на взятие власти, то мы окажемся одураченными буржуазией, ибо она, наверняка, всегда будет злобно пророчествовать миллионы бед от взятия власти большевиками, всегда будет злобно кричать: «лучше бы всего сразу и на «долгие годы» избавиться от большевиков, если бы подпустить их к власти и затем разбить наголову». Такие крики — тоже «провокация», если хотите, только с противоположной стороны. Кадеты и буржуа вовсе не «советуют» и никогда не «советовали» нам взять власть, они только пытаются *запугать* нас неразрешимыми будто бы задачами власти.

Нет. Мы не должны давать запугать себя криками запуганных буржуа. Мы должны твердо помнить, что «неразрешимых» общественных задач мы себе никогда не ставили, а *вполне* разрешимые задачи немедленных шагов к социализму, как единственного выхода из очень трудного положения, *разреши*т только диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства. Победа и прочная победа более чем когда-либо, более чем где-либо, обеспечена теперь пролетариату в России, если он возьмет власть.

Будем обсуждать чисто деловым образом *конкретные* обстоятельства, делающие неблагоприятными тот или иной отдельный момент, но не дадим ни на минуту запугать себя дикими воплями буржуазии и не забудем, что вопрос о взятии всей власти большевиками становится поистине *злободневным*. Теперь неизмеримо большая опасность грозит нашей партии в том случае, если мы забудем это, чем в том случае, если мы признаем взятие власти «преждевременным». «Преждевременного» в этом отношении быть теперь *не* может: за это говорят из миллиона шансов все, кроме разве одного-двух.

По поводу злобной брани «Речи» можно и должно повторить:

Мы слышим звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья! 189

Что буржуазия нас так дико ненавидит, это одно из нагляднейших пояснений той истины, что мы *правильно* указываем народу пути и средства для свержения господства буржуазии.

* * *

«Дело Народа» на этот раз, в виде редкого исключения, не соблаговолило почтить нас своей бранью, но и не привело ни тени доводов. Оно только в косвенной форме, намеком, пытается *запугать* нас перспективой «большевики будут обязаны формировать кабинет». Вполне допускаю, что, пугая нас, эсеры сами искреннейшим образом напуганы, до смерти напуганы призраком напуганного либерала. Равным образом допускаю, что эсерам удастся в каких-нибудь особенно высоких и особенно гнилых учреждениях, вроде ЦИК и ему подобных «контактных» (т. е. соприкасающихся с кадетами, якшающихся с кадетами, выражаясь попросту) комиссиях, запугать кое-кого из большевиков, ибо, во-первых, атмосфера во всех этих ЦИК, в «предпарламенте» и т. п. гнуснейшая, затхлая до тошноты, долго дышать ею для *всякого* человека вредно, а, во-вторых, искренность заразительна, и искренне напуганный филистер способен даже отдельного революционера на время превратить в филистера.

Но как бы ни была понятна, «по человечеству» судя, эта искренняя запуганность эсера, имевшего несчастье быть министром с кадетами или быть в министерииабельном положении перед кадетами, но давать себя запугивать значит делать политическую ошибку, которая слишком легко может оказаться граничащей с изменой пролетариату. Ваши деловые доводы, господа! Не надейтесь, что мы дадим себя напугать вашей запуганностью!

* * *

Деловые доводы на этот раз мы находим только в «Новой Жизни». Она выступает на этот раз в более идущей к ней роли адвоката буржуазии, чем в явно «шокирующей» эту даму приятную во всех отношениях роли защитника большевиков.

Адвокат выдвинул *шесть* доводов:

- 1) пролетариат «изолирован от остальных классов страны»;
- 2) он «изолирован от действительных живых сил демократии»;
- 3) он «не сможет технически овладеть государственным аппаратом»;
- 4) он «не сможет привести в движение» этот аппарат;
- 5) «обстановка исключительно сложна»;
- 6) он «не способен будет противостоять всему тому напору враждебных сил, который сметет не только диктатуру пролетариата, но и в придачу всю революцию».

Довод первый изложен «Новой Жизнью» неуклюже до смешного, ибо классов в капиталистическом и полукapиталистическом обществе мы знаем только три: буржуазию, мелкую буржуазию (крестьянство, как ее главный представитель) и пролетариат. Какой же смысл говорить об изолированности пролетариата от остальных классов, когда речь идет о борьбе пролетариата против буржуазии? о революции против буржуазии?

Должно быть, «Новая Жизнь» хотела сказать, что пролетариат изолирован от крестьянства, ибо не о помещиках же, в самом деле, могла здесь идти речь. Но точно, ясно сказать, что пролетариат изолирован теперь от крестьянства, нельзя было, ибо вопиющая неправильность такого утверждения бьет в глаза.

Трудно представить себе, чтобы в капиталистической стране пролетариат был так мало изолирован от мелкой буржуазии — и заметьте: в революции *против буржуазии* — как теперь пролетариат в России. Из объективных и бесспорных данных мы имеем новейшие данные о голосовании *за* и *против* коалиции с буржуазией по «куриям» церетелевской «булыгинской думы», т. е. пресловутого «Демократического» совещания. Возьмем курии Советов. Получаем:

	За коалицию	Против
Советы раб. и солд. депутатов	83	192
Советы крестьянских депутатов	102	70
Все Советы	185	262

Итак, большинство в целом на стороне пролетарского лозунга: *против* коалиции с буржуазией. И мы видели выше, что даже кадеты вынуждены признать усиление влияния большевиков в Советах. А ведь мы имеем здесь Совещание, созванное вождями *вчерашнего дня* в Советах, эсерами и меньшевиками, имеющими обеспеченное большинство в центральных учреждениях! Явно, что *действительное* преобладание большевиков в Советах здесь *преуменьшено*.

И по вопросу о коалиции с буржуазией и по вопросу о передаче немедленно помещичьей земли крестьянским комитетам большевики имеют уже сейчас *большинство* в Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, *большинство народа*, большинство мелкой буржуазии. «Рабочий Путь» № 19, от 24-го сентября, приводит из № 25 органа эсеров «Знамя Труда»¹⁹⁰ сведения о состоявшемся 18-го сентября в Питере совещании местных Советов крестьянских депутатов. На этом совещании за неограниченную коалицию

высказались исполнительные комитеты четырех крестьянских Советов (Костромской, Московской, Самарской и Таврической губерний). За коалицию без кадетов высказались исполнительные комитеты *трех* губерний и *двух* армий (Владимирской, Рязанской и Черноморской губ.). Против коалиции высказались исполнительные комитеты *двадцати трех* губерний и *четырёх* армий.

Итак, большинство крестьян против коалиции!

Вот вам и «изолированность пролетариата».

Между прочим, отметить надо, что за коалицию высказались три окраинные губернии, Самарская, Таврическая и Черноморская, где сравнительно очень много богатых крестьян, крупных помещиков, работающих с наемными рабочими, а также четыре промышленные губернии (Владимирская, Рязанская, Костромская и Московская), в которых крестьянская буржуазия тоже сильнее, чем в большинстве губерний России. Было бы интересно собрать более подробные данные по этому вопросу и рассмотреть, нет ли сведений именно о *беднейших* крестьянах в губерниях с наиболее «*богатым*» крестьянством.

Интересно далее, что «национальные группы» дали очень значительное преобладание противникам коалиции, именно: 40 голосов против 15. Аннексионистская, грубо насильническая политика бонапартиста Керенского и К^о по отношению к неполноправным нациям России принесла свои плоды. Широкая масса населения угнетенных наций, т. е. масса мелкой буржуазии среди них, доверяет пролетариату России больше, чем буржуазии, ибо на очереди дня история поставила здесь борьбу угнетенных наций против угнетающих за освобождение. Буржуазия подло предала дело свободы угнетенных наций, пролетариат верен делу свободы.

Национальный и аграрный вопросы, это — коренные вопросы дня мелкобуржуазных масс населения России в настоящее время. Это неоспоримо. И по обоим вопросам пролетариат «не изолирован» на редкость. Он имеет за собой большинство народа. Он *один* способен вести такую решительную, действительно «революционно-демократическую» политику по обоим вопросам, которая сразу обеспечила бы пролетарской государственной власти не только поддержку большинства населения, но и настоящий взрыв революционного энтузиазма в массах, ибо впервые массы встретили бы со стороны правительства не беспощадное угнетение крестьян помещиками, украинцев великороссами, как при царизме, не прикрытое пышными фразами стремление продолжать подобную же политику при республике, не придирки, обиды,

кляузы, оттяжки, подножки, увертки (все, чем награждает крестьян и угнетенные нации Керенский), а горячее сочувствие, доказываемое на деле, немедленные и революционные меры против помещиков, немедленное восстановление *полной* свободы для Финляндии, Украины, Белоруссии, для мусульман и т. д.

Господа эсеры и меньшевики прекрасно знают это и потому протаскивают полукадетские верхи кооператоров на подмогу своей *реакционно-демократической* политике *против* масс. Поэтому никогда не решатся они опросить массу, устроить референдум или хотя бы голосование по всем местным Советам, по всем местным организациям относительно определенных пунктов практической политики, например, следует ли тотчас передать все помещичьи земли крестьянским комитетам, следует ли исполнить такие-то требования финнов или украинцев и т. п.

А вопрос о мире, этот кардинальный вопрос всей современной жизни. Пролетариат «изолирован от остальных классов»... Пролетариат выступает здесь поистине как представитель *всей* нации, всего живого и честного *во всех* классах, гигантского большинства мелкой буржуазии, ибо только пролетариат, достигши власти, *сразу* предложит справедливый мир всем воюющим народам, только пролетариат пойдет на действительно *революционные* меры (опубликование тайных договоров и т. п.), чтобы достигнуть как можно скорее, как можно более справедливого мира.

Нет. Господа из «Новой Жизни», кричащие об изолированности пролетариата, выражают этим только свою субъективную запуганность буржуазией. Объективное положение дел в России, несомненно, таково, что пролетариат *как раз теперь не* «изолирован» от большинства мелкой буржуазии. Как раз теперь, после печального опыта «коалиции», пролетариат имеет на своей стороне сочувствие *большинства* народа. Это условие для удержания власти большевиками *есть* налицо.

* * *

Довод второй состоит в том, будто пролетариат «изолирован от действительных живых сил демократии». Что это значит, понять невозможно. Это, должно быть, «по-гречески», как говорят в таких случаях французы.

Писатели «Новой Жизни» — народ министриабельный. Они вполне пригодны были бы в министры при кадетях. Ибо от таких министров требуется именно умение говорить

благовидные и благоприлизанные фразы, в которых нет ровно никакого смысла, которыми можно прикрыть всякую гадость и которым поэтому обеспечены хлопки империалистов и социал-империалистов. Хлопки кадетов, Брешковской, Плеханова и К^о обеспечены новожиженцам за утверждение, что пролетариат изолирован от действительных живых сил демократии, ибо в *косвенной* форме здесь сказано — или утверждение это будет так понято, как если бы им было сказано, — что кадеты, Брешковская, Плеханов, Керенский и К^о суть «живые силы демократии».

Это неверно. Это мертвые силы. Это доказала история коалиции.

Запуганные буржуазией и буржуазно-интеллигентской обстановкой, новожиженцы «живым» признают *правое* крыло эсеров и меньшевиков, ничем существенным не отличающееся от кадетов, вроде «Воли Народа»¹⁹¹, «Единства» и т. п. Мы же считаем живым только то, что связано с массами, а не с кулаками, только то, что уроки коалиции оттолкнули от нее. «Дейтельные живые силы» мелкобуржуазной демократии представлены левым крылом эсеров и меньшевиков. Усиление этого левого крыла, в особенности после июльской контрреволюции, есть один из вернейших объективных признаков того, что пролетариат *не* изолирован.

Еще нагляднее показывают это в самое последнее время колебания влево эсеровских центровиков, доказанные заявлением Чернова 24-го сентября, что его группа не может поддерживать новую коалицию с Кишкиным и К^о. Эти колебания влево эсеровского центра, который до сих пор давал подавляющее большинство представителей партии эсеров, партии главенствующей и господствующей по числу голосов, собранных ею в городе и особенно в деревне, доказывают, что цитированные нами выше заявления «Дела Народа» о необходимости для демократии, при известных условиях, «гарантировать полную поддержку» чисто большевистскому правительству, что эти заявления во всяком случае не только фразы.

Такие факты, как отказ эсеровского центра поддержать новую коалицию с Кишкиным, или преобладание *противников* коалиции среди *меньшевиков-оборонцев* из провинции (Жордания на Кавказе и т. д.), являются объективным доказательством, что известная часть *масс*, идущих до сих пор за меньшевиками и эсерами, *поддержит* чисто большевистское правительство.

Именно от *живых*-то сил демократии пролетариат России теперь не изолирован.

* * *

Довод третий: пролетариат «не сможет технически овладеть государственным аппаратом». Это, пожалуй, самый обычный, наиболее ходкий довод. Он заслуживает наибольшего внимания как по этой причине, так и потому, что он указывает на одну из самых *серьезных*, самых *трудных* задач, стоящих перед победоносным пролетариатом. Нет сомнения, что задачи эти очень трудны, но если мы, называя себя социалистами, будем указывать на эту трудность только для того, чтобы *отмахнуться* от выполнения таких задач, то на практике наше отличие от слуг буржуазии сведется к нулю. Трудность задач пролетарской революции должна побудить сторонников пролетариата к более внимательному и конкретному изучению способов выполнения этих задач.

Под государственным аппаратом разумеется прежде всего постоянная армия, полиция и чиновничество. Говоря о том, что пролетариат не сможет технически овладеть этим аппаратом, писатели «Новой Жизни» обнаруживают самое крайнее невежество и нежелание считаться ни с фактами жизни, ни с соображениями, указанными давно в большевистской литературе.

Писатели «Новой Жизни» все считают себя если не марксистами, то знакомыми с марксизмом, образованными социалистами. А Маркс учил, на основании опыта Парижской Коммуны, что пролетариат *не может* просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих целей, что пролетариат должен *разбить* эту машину и заменить ее новой (об этом подробнее я говорю в брошюре, первый выпуск которой закончен и выходит скоро в свет под заглавием: «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции» *). Эта новая государственная машина была создана Парижской Коммуной, и *того же типа* «государственным аппаратом» являются русские Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. На это обстоятельство я указывал много раз, начиная с 4-го апреля 1917 года, об этом говорится в резолюциях большевистских конференций, а равно в большевистской литературе. «Новая Жизнь», конечно, могла бы заявить свое полное несогласие и с Марксом и с большевиками, но обходить вопрос вовсе со стороны газеты, которая так часто и так высокомерно бранит большевиков за несерьезное будто бы отношение к трудным вопросам, значит выдавать себе свидетельство о бедности.

* См. настоящий том, стр. 227—324. *Ред.*

«Овладеть» «государственным аппаратом» и «привести его в движение» пролетариат *не* может. Но он может *разбить* все, что есть угнетательского, рутинного, неисправимо-буржуазного в старом государственном аппарате, поставив на его место *свой*, новый аппарат. Этот аппарат и есть Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Нельзя не назвать прямо чудовищным, что «Новая Жизнь» про этот «государственный аппарат» совершенно забыла. Поступая так в своих теоретических рассуждениях, новожиженцы, в сущности, делают в области политической теории то, что кадеты делают в политической практике. Ибо, если в самом деле пролетариату и революционной демократии никакого нового государственного аппарата *не надо*, тогда Советы теряют *raison d'être** и теряют право на существование, тогда *правы* кадеты-корниловцы в своих стремлениях свести Советы на нет!

Эта чудовищная теоретическая ошибка и политическая слепота «Новой Жизни» тем чудовищнее, что даже меньшевики-интернационалисты (с которыми «Новая Жизнь» шла в блоке на последних выборах в Городскую думу в Питере) обнаружили в этом вопросе известное сближение с большевиками. Так, мы читаем в той декларации советского большинства, которую т. Мартов огласил на Демократическом совещании:

«...Советы депутатов рабочих, солдатских и крестьянских, созданные в первые дни революции могучим порывом подлинного народного творчества, образовали собой ту новую ткань революционной государственности, которая заменила обветшавшую ткань государственности старого режима...».

Это сказано немножко чересчур красиво, т. е. вычурность выражений прикрывает здесь недостаток ясности политической мысли. Советы *не* заменили *еще* старой «ткани», и эта старая «ткань» *не* есть государственность старого режима, а государственность *и* царизма *и* буржуазной республики. Но во всяком случае Мартов здесь на две головы выше новожиженцев.

Советы суть новый государственный аппарат, дающий, во-первых, вооруженную силу рабочих и крестьян, причем эта сила не оторвана от народа, как сила старой постоянной армии, а теснейшим образом с ним связана; в военном отношении эта сила несравненно более могучая, чем прежние; в революционном отношении она незаменима ничем другим. Во-вторых, этот аппарат дает связь с массами, с большинством народа настолько тесную, неразрывную, легко провери-

* — смысл существования. *Ред.*

мую и возобновляемую, что ничего подобного в прежнем государственном аппарате нет и в помине. В-третьих, этот аппарат в силу выборности и сменяемости его состава по воле народа, без бюрократических формальностей, является гораздо более демократическим, чем прежние аппараты. В-четвертых, он дает крепкую связь с самыми различными профессиями, облегчая тем различнейшие реформы самого глубокого характера без бюрократии. В-пятых, он дает форму организации авангарда, т. е. самой сознательной, самой энергичной, передовой части *угнетенных* классов, рабочих и крестьян, являясь таким образом аппаратом, посредством которого авангард угнетенных классов может поднимать, воспитывать, обучать и вести за собой *всю гигантскую массу* этих классов, до сих пор стоявшую совершенно вне политической жизни, вне истории. В-шестых, он дает возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т. е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию *и исполнение законов*. По сравнению с буржуазным парламентаризмом это такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение.

Наши Советы в 1905 году были только, так сказать, утробным зародышем, ибо просуществовали всего несколько недель. Ясное дело, что не могло быть и речи при тогдашних условиях о всестороннем развитии их. И в революции 1917 года об этом не может быть еще речи, ибо срок в несколько месяцев крайне мал, а главное: эсеровские и меньшевистские вожди *проституировали* Советы, сводили их на роль говорилен, на роль придатка к соглашательской политике вождей. Советы гнили и разлагались заживо под руководством Либеров, Данов, Церетели, Черновых. Развиться настоящим образом, развернуть полностью свои задатки и способности Советы могут, только взяв *всю* государственную власть, ибо иначе им *нечего делать*, иначе они либо простые зародыши (а слишком долго зародышем быть нельзя), либо игрушки. «Двоевластие» есть паралич Советов.

Если бы народное творчество революционных классов не создало Советов, то пролетарская революция была бы в России делом безнадежным, ибо со старым аппаратом пролетариат, несомненно, удержать власти не мог бы, а нового аппарата сразу создать нельзя. Печальная история церетелевски-черновского проституирования Советов, история «коалиции» есть вместе с тем история избавления Советов от мелкобуржуазных иллюзий, прохождения их через «чистилище».

практического изучения ими всей гнусности и грязи *всех и всяких* буржуазных коалиций. Будем надеяться, что это «чистилище» не надорвало Советы, а закалило их.

* * *

Главная трудность пролетарской революции есть осуществление во всенародном масштабе точнейшего и добросовестнейшего учета и контроля, *рабочего контроля* за производством и распределением продуктов.

Когда новожиженские писатели возражали нам, будто мы впадаем в синдикализм, выставляя лозунг «рабочего контроля», то это возражение было образчиком школьнически-глупенького применения «марксизма», который не продуман, а *заучен* на струвистский манер. Синдикализм либо отрицает революционную диктатуру пролетариата, либо сводит ее, как и вообще политическую власть, на девятое место. Мы ставим ее на первое место. Если просто говорить в духе новожиженцев: *не* рабочий контроль, *а* государственный контроль, то получается буржуазно-реформистская фраза, получается, в сущности, чисто кадетская формула, ибо против *участия* рабочих в «государственном» контроле кадеты ничего не имеют. Кадеты-корниловцы прекрасно знают, что такое участие есть лучший способ надувания рабочих буржуазией, лучший способ утонченного *подкупа* в политическом смысле всяких Гвоздевых, Никитиных, Прокоповичей, Церетели и всей этой банды.

Когда мы говорим: «рабочий контроль», ставя этот лозунг всегда *рядом* с диктатурой пролетариата, всегда *вслед* за ней, то мы разъясняем этим, о каком государстве идет речь. Государство есть орган господства *класса*. Какого? Если буржуазии, то это и есть кадетски-корниловски-«керенская» государственность, от которой рабочему народу в России «корнилится и керится» вот уже больше полугода. Если пролетариата, если речь идет о пролетарском государстве, т. е. о диктатуре пролетариата, то рабочий контроль *может* стать всенародным, всеобъемлющим, вездесущим, точнейшим и добросовестнейшим *учетом* производства и распределения продуктов.

В этом главная трудность, в этом главная задача пролетарской, т. е. социалистической, революции. Без Советов эта задача, по крайней мере для России, была бы неразрешима. Советы *намечают* ту организационную работу пролетариата, которая *может* решить задачу всемирно-исторической важности.

Здесь мы подошли к другой стороне вопроса о государственном аппарате. Кроме преимущественно «угнетательского» аппарата постоянной армии, полиции, чиновничества, есть в современном государстве аппарат, связанный особенно тесно с банками и синдикатами, аппарат, который выполняет массу работы учетно-регистрационной, если позволительно так выразиться. Этого аппарата разбивать нельзя и не надо. Его надо вырвать из подчинения капиталистам, от него надо *отрезать, отсечь, отрубить* капиталистов с их нитями влияния, его надо *подчинить* пролетарским Советам, его надо сделать более широким, более всеобъемлющим, более всенародным. И это *можно* сделать, опираясь на завоевания, уже осуществленные крупнейшим капитализмом (как и вообще пролетарская революция, только опираясь на эти завоевания, способна достигнуть своей цели).

Капитализм создал *аппараты* учета вроде банков, синдикатов, почты, потребительных обществ, союзов служащих. *Без крупных банков социализм был бы неосуществим.*

Крупные банки *есть* тот «государственный аппарат», который нам *нужен* для осуществления социализма и который мы *берем готовым* у капитализма, причем нашей задачей является здесь лишь *отсесть* то, что *капиталистически уродует* этот превосходный аппарат, сделать его *еще крупнее*, еще демократичнее, еще всеобъемлющее. Количество перейдет в качество. Единый крупнейший из крупнейших государственный банк, с отделениями в каждой волости, при каждой фабрике — это уже девять десятых *социалистического* аппарата. Это — общегосударственное *счетоводство*, общегосударственный *учет* производства и распределения продуктов, это, так сказать, нечто вроде *скелета* социалистического общества.

Этот «государственный аппарат» (который является не вполне государственным при капитализме, но который будет вполне государственным у нас, при социализме) мы можем «взять» и «привести в движение» одним ударом, одним указом, ибо фактическую работу счетоводства, контроля, регистрации, учета и счета выполняют здесь *служащие*, большинство которых сами находятся в пролетарском или полупролетарском положении.

Одним указом пролетарского правительства этих служащих можно и должно перевести на положение государственных служащих — подобно тому, как сторожевые псы капитализма, вроде Бриана и других буржуазных министров, одним указом переводят бастующих железнодорожников на положение государственных служащих. Таких государственных служащих нам понадобится много больше, и их *можно*

получить больше, ибо капитализм упростил функции учета и контроля, свел их к сравнительно несложным, доступным всякому грамотному человеку *записям*.

«Огосударствление» массы служащих банковых, синдикатских, торговых и пр. и пр. — вещь вполне осуществимая и технически (благодаря предварительной работе, выполненной для нас капитализмом и финансовым капитализмом) и политически, при условии контроля и надзора *Советов*.

А с высшими служащими, которых очень немного, но которые тянут к капиталистам, придется поступить, как с капиталистами, «по строгости». Они, как и капиталисты, окажут *сопротивление*. Это сопротивление надо будет *сломить*, и если бессмертно-наивный Пешехонов лепетал еще в июне 1917 года, как настоящий «государственный младенец», что «сопротивление капиталистов сломлено», то эту детскую фразу, ребячью похвальбу, мальчишескую выходку *пролетариат осуществит всерьез*.

Это мы сделать можем, ибо речь идет о сламывании сопротивления ничтожного меньшинства населения, буквально горстки людей, за каждым из которых союзы служащих, профессиональные союзы, потребительные общества и Советы учредят такой *надзор*, что всякий Тит Титыч будет *окружен*, как француз под Седаном. Этих Тит Титычей мы знаем поименно: достаточно взять списки директоров, членов правления, крупных акционеров и т. п. Их несколько сот, самое большее — несколько тысяч на *всю* Россию, к каждому из них пролетарское государство, с аппаратом Советов, союзов служащих и т. д., может приставить и по десятку и по сотне контролеров, так что даже вместо «сламывания сопротивления» удастся, пожалуй, посредством *рабочего контроля* (за капиталистами) сделать какое бы то ни было сопротивление *невозможным*.

Не в конфискации имущества капиталистов будет даже «гвоздь» дела, а именно во всенародном, всеобъемлющем рабочем контроле над капиталистами и за их возможными сторонниками. Одной конфискацией ничего не сделаешь, ибо в ней нет элемента организации, учета правильного распределения. Конфискацию мы легко заменим взиманием *справедливого* налога (хотя бы в «шингаревских» ставках) — только бы исключить возможность какого-либо уклонения от подотчетности, сокрытия правды, обхода закона. А эту возможность *устранит только рабочий контроль рабочего государства*.

Принудительное синдицирование, т. е. принудительное объединение в союзы под контролем государства, вот что ка-

питализм подготовил, вот что в Германии осуществило государство юнкеров, вот что вполне будет осуществимо в России для Советов, для диктатуры пролетариата, вот что *даст нам «государственный аппарат»* и универсальный, и новейший, и небюрократический*.

* * *

Четвертый довод адвокатов буржуазии: пролетариат не сможет «привести в движение» государственный аппарат. Этот довод не представляет собой чего-либо нового по сравнению с предыдущим доводом. Старым аппаратом мы не смогли бы, конечно, ни овладеть, ни привести его в движение. Новый аппарат, Советы, *уже* приведен в движение «могучим порывом подлинного народного творчества». С этого аппарата надо только снять те *путы*, которые наложило на него главенство эсеровских и меньшевистских вождей. Этот аппарат *уже* в ходу, надо только выбросить прочь те уродливые мелкобуржуазные привески, которые мешают ему идти вперед и вперед полным ходом.

Два обстоятельства надо здесь рассмотреть, чтобы дополнить сказанное выше: во-первых, новые средства контроля, созданные *не* нами, а капитализмом в его военно-империалистской стадии; во-вторых, значение углубления демократизма в деле *управления* государством пролетарского типа.

Хлебная монополия и хлебные карточки созданы не нами, а воюющим капиталистическим государством. Оно уже создало всеобщую трудовую повинность в рамках капитализма, это — военная каторжная тюрьма для рабочих. Но и здесь, как и во всем своем историческом творчестве, пролетариат берет свое оружие у капитализма, а не «выдумывает», не «создает из ничего».

Хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность являются в руках пролетарского государства, в руках полновластных Советов, самым могучим средством учета и контроля, таким средством, которое, будучи распространено на капиталистов и *на богатых вообще*, будучи применено к ним *рабочими*, даст невиданную еще в истории силу «приведения в движение» государственного аппарата, для преодоления сопротивления капиталистов, для подчинения их пролетарскому государству. Это средство контроля и *принуждения к труду* посильнее законов конвента и его гильотины.

* Подробнее о значении принудительного синдицирования смотри в моей брошюре: «Грозящая катастрофа и как с ней бороться». (См. настоящий том, стр. 187—190. *Ред.*)

Гильотина *только* запугивала, *только* сламывала *активное* сопротивление. *Нам этого мало.*

Нам этого мало. Нам надо не только «запугать» капиталистов в том смысле, чтобы они чувствовали всесилие пролетарского государства и забыли думать об активном сопротивлении ему. Нам надо сломать и *пассивное*, несомненно, еще более опасное и вредное сопротивление. Нам надо не только сломить какое бы то ни было сопротивление. Нам надо *заставить работать* в новых организационно-государственных рамках. Недостаточно «убрать вон» капиталистов, надо (убрав вон негодных, безнадёжных «сопротивленцев») поставить их *на новую государственную службу*. Это относится и к капиталистам и к известному верхнему слою буржуазной интеллигенции, служащих и т. д.

И мы имеем средство для этого. Нам дало для этого средство и оружие в руки само воюющее капиталистическое государство. Это средство — хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность. «Кто не работает, тот не должен есть» — вот основное, первейшее и главнейшее правило, которое могут ввести в жизнь и введут Советы рабочих депутатов, когда они станут властью.

Рабочая книжка есть у каждого рабочего. Его не унижает этот документ, хотя он *теперь*, несомненно, является документом капиталистического наемного рабства, свидетельством на принадлежность трудящегося человека тому или иному тунеядцу.

Советы введут рабочую книжку *для богатых*, а *затем* с постепенностью и для всего населения (в крестьянской стране, вероятно, на долгое время рабочая книжка будет не нужна для подавляющего большинства крестьянства). Рабочая книжка перестанет быть признаком «черной кости», перестанет быть документом «низших» сословий, свидетельством наемного рабства. Она превратится в свидетельство того, что в новом обществе нет больше «рабочих», но зато и нет никого, кто бы не был *работником*.

Богатые должны получить от того союза рабочих или служащих, к которому ближе всего относится их область деятельности, рабочую книжку, они должны еженедельно, или через какой-либо другой определенный срок, получать удостоверение от этого союза, что ими добросовестно выполняется их работа; без этого они не могут получить хлебной карточки и продуктов продовольствия вообще. Нам нужны хорошие организаторы банкового дела и объединения предприятий (в этом деле у капиталистов больше опыта, а с опытными людьми работа идет легче), нам нужны в большем и

большем, против прежнего, числе инженеры, агрономы, техники, научно-образованные специалисты всякого рода, — скажет пролетарское государство. Мы всем таким работникам дадим посильный и привычный им труд, мы, вероятно, лишь с постепенностью будем вводить равенство платы в полном его размере, оставляя на время перехода более высокую плату для таких специалистов, но мы поставим их под всесторонний рабочий контроль, мы добьемся полного и безусловного проведения в жизнь правила: «кто не работает, тот да не ест». А организационную форму работы мы не выдумываем, а берем готовой у капитализма, банки, синдикаты, лучшие фабрики, опытные станции, академии и прочее; нам придется лишь заимствовать наилучшие образцы из опыта передовых стран.

И, конечно, мы не впадем ни капли в утопизм, мы не покинем почвы самого трезвого практического расчета, если скажем: весь класс капиталистов окажет самое упорное сопротивление, но организацией всего населения в Советы это сопротивление будет сломлено, причем особенно упорных и неповинующихся капиталистов придется, разумеется, наказывать конфискацией всего имущества и тюрьмой, но зато победа пролетариата *увеличит* число таких случаев, о котором, например, я читаю в сегодняшних «Известиях»:

«26-го сентября в Центральный совет фабрично-заводских комитетов явились два инженера с заявлением, что группой инженеров решено образовать союз инженеров-социалистов. Считая, что настоящее время является по существу началом социальной революции, союз предлагает себя в распоряжение рабочих масс и желает, отстаивая интересы рабочих, действовать в полном единении с рабочими организациями. Представители Центрального совета фабрично-заводских комитетов ответили, что совет охотно образует в своей организации секцию инженеров, включающую в свою программу основные тезисы I-й конференции фабрично-заводских комитетов о рабочем контроле над производством. В ближайшие дни состоится соединенное заседание делегатов Центрального совета фабрично-заводских комитетов и инициативной группы инженеров-социалистов» («Известия ЦИК» от 27 сентября 1917 г.).

* * *

Пролетариат не сможет, говорят нам, привести в движение государственный аппарат.

Россией управляли после революции 1905 года 130 000 помещиков, управляли посредством бесконечных насилий над 150 миллионами людей, посредством безграничных издевательств над ними, принуждения огромного большинства к каторжному труду и полуголодному существованию.

И Россией, будто бы, не смогут управлять 240 000 членов партии большевиков, управлять в интересах бедных и

против богатых. Эти 240 000 человек имеют за себя уже теперь не менее одного миллиона голосов взрослого населения, ибо именно такое соотношение числа членов партии к числу подаваемых за нее голосов установлено опытом Европы и опытом России, хотя бы, например, августовскими выборами в Питерскую думу. Вот у нас уже «государственный аппарат» в *один миллион* людей, преданных социалистическому государству идейно, а не ради получения 20-го числа ежемесячно крупного куша.

Мало того, у нас есть «чудесное средство» сразу, одним ударом *удесятерить* наш государственный аппарат, средство, которым ни одно капиталистическое государство никогда не располагало и располагать не может. Это чудесное дело — привлечение трудящихся, привлечение бедноты к повседневной работе управления государством.

Чтобы пояснить, как легко применимо это чудесное средство, как безошибочно его действие, возьмем возможно более простой и наглядный пример.

Государству надо выселить из квартиры принудительно определенную семью и поселить другую. Это делает сплошь да рядом капиталистическое государство, это будет делать и наше, пролетарское или социалистическое государство.

Капиталистическое государство выселяет семью рабочих, потерявшую работника и не внесшую платы. Является судебный пристав, полицейский или милицейский, целый взвод их. В рабочем квартале, чтобы произвести выселение, нужен отряд казаков. Почему? Потому что пристав и «милицейский» отказываются идти без военной охраны очень большой силы. Они знают, что сцена выселения вызывает такую бешеную злобу во всем окрестном населении, в тысячах и тысячах доведенных почти до отчаяния людей, такую ненависть к капиталистам и к капиталистическому государству, что пристава и взвод милицейских могут ежеминутно разорвать в клочки. Нужны большие военные силы, надо привести в большой город несколько полков непременно из какой-нибудь далекой окраины, чтобы солдатам была чужда жизнь городской бедноты, чтобы солдат не могли «заразить» социализмом.

Пролетарскому государству надо принудительно вселить крайне нуждающуюся семью в квартиру богатого человека. Наш отряд рабочей милиции состоит, допустим, из 15 человек: два матроса, два солдата, два сознательных рабочих (из которых пусть только один является членом нашей партии или сочувствующим ей), затем 1 интеллигент и 8 человек из трудящейся бедноты, непременно не менее 5 женщин, прислуги, чернорабочих и т. п. Отряд является в квартиру бога-

того, осматривает ее, находит 5 комнат на двоих мужчин и двух женщин. — «Вы потеснитесь, граждане, в двух комнатах на эту зиму, а две комнаты приготовьте для поселения в них двух семей из подвала. На время, пока мы при помощи инженеров (вы, кажется, инженер?) не построим хороших квартир для всех, вам обязательно потесниться. Ваш телефон будет служить на 10 семей. Это сэкономит часов 100 работы, беготни по лавчонкам и т. п. Затем в вашей семье двое неза-нятых полурабочих, способных выполнить легкий труд: гражданка 55 лет и гражданин 14 лет. Они будут дежурить ежедневно по 3 часа, чтобы наблюдать за правильным распределением продуктов для 10 семей и вести необходимые для этого записи. Гражданин студент, который находится в нашем отряде, напишет сейчас в двух экземплярах текст этого государственного приказа, а вы будете любезны выдать нам расписку, что обязуетесь в точности выполнить его».

Таково могло бы быть, на мой взгляд, представленное на наглядных примерах соотношение между старым, буржуазным, и новым, социалистическим, государственным аппаратом и государственным управлением.

Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. В этом мы согласны и с кадетами, и с Брешковской, и с Церетели. Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто *управлять* государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы *обучение* делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, т. е. к обучению этому немедленно *начали* привлекать всех трудящихся, всю бедноту.

Мы знаем, что кадеты тоже согласны учить народ демократизму. Кадетские дамы согласны читать, по лучшим английским и французским источникам, лекции для прислуги о женском равноправии. А также на ближайшем концерте-митинге, перед тысячами людей, на эстраде будет устроено целование: кадетская дама лекторша будет целовать Брешковскую, Брешковская бывшего министра Церетели, и благодарный народ будет обучаться таким образом наглядно тому, каково республиканское равенство, свобода и братство...

Да, мы согласны, что кадеты, Брешковская и Церетели, по-своему, преданы демократизму и пропагандируют его в народе. Но что же делать, если у нас несколько иное представление о демократизме?

По-нашему, для облегчения неслыханных тягостей и бедствий войны, а равно для лечения тех ужаснейших ран, которые нанесла народу война, нужен *революционный* демократизм, нужны *революционные* меры именно такого рода, как описанное для примера распределение жилых помещений в интересах бедноты. *Точно так же* надо поступить и в городе и в деревне с продуктами продовольствия, одеждой, обувью и т. д., в деревне с землей и прочее. К управлению государством *в таком духе* мы можем *сразу привлечь государствен- ный* аппарат, миллионов в десять, если не в двадцать человек, аппарат, не виданный ни в одном капиталистическом государстве. Этот аппарат только мы можем создать, ибо нам обеспечено полнейшее и беззаветное сочувствие гигантского большинства населения. Этот аппарат только мы можем создать, ибо у нас есть сознательные дисциплинированные долгой капиталистической «выучкой» (недаром же мы были на выучке у капитализма) рабочие, которые в *состоянии* создать рабочую милицию и *постепенно* расширить ее (начиная расширять немедленно) *во всенародную* милицию. Сознательные рабочие должны руководить, но привлечь к делу управления они в состоянии настоящие массы трудящихся и угнетенных.

Разумеется, неизбежны ошибки при первых шагах этого нового аппарата. Но разве не было ошибок у крестьян, когда они из крепостного права выходили на волю и начинали сами вести свои дела? Разве может быть иной путь к обучению народа управлять самим собой, к избавлению от ошибок, как путь практики? как немедленный приступ к настоящему народному самоуправлению? Самое главное теперь — распрощаться с тем буржуазным интеллигентским предрассудком, будто управлять государством могут только особые чиновники, всецело зависимые от капитала по всему своему общественному положению. Самое главное — положить конец такому положению вещей, когда управлять пытаются по-старому буржуа, чиновники и «социалистические» министры, но управлять не могут, и после семи месяцев получают в крестьянской стране крестьянское восстание!! Самое главное — внушить угнетенным и трудящимся доверие в свои силы, показать им на практике, что они могут и должны взяться сами за *правильное*, строжайше упорядоченное, организованное распределение хлеба, всякой пищи, молока, одежды, квартир и т. д. *в интересах бедноты*. Без этого спасения России от краха и гибели *нет*, а добросовестный, смелый, повсеместный приступ к передаче дела управления в руки пролетариев и полупролетариев даст такой невиданный в истории революционный энтузиазм масс, умножит во столько раз народные

силы по борьбе с бедствиями, что многое кажущееся невозможным для наших узких, старых, бюрократических сил, станет осуществимым для сил миллионной массы, *начинающей работать на себя*, а не на капиталиста, не на барчука, не на чиновника, не из-под палки.

* * *

К вопросу о государственном аппарате относится также вопрос о централизме, поднятый особенно энергично и особенно неудачно т. Базаровым в № 138 «Новой Жизни», от 27-го сентября, в статье: «Большевики и проблема власти».

Тов. Базаров рассуждает так: «Советы не являются аппаратом, приспособленным ко всем областям государственной жизни», ибо семимесячный опыт-де показал, «десятки и сотни документальных данных, имеющихся в Экономическом отделе Петербургского исполнительного комитета», подтвердили, что Советы, хотя во многих местах фактически и пользовались «всей полнотой власти», «не могли достигнуть в области борьбы с разрухой сколько-нибудь удовлетворительных результатов». Необходим аппарат, «расчлененный по отраслям производства, строго централизованный в пределах каждой отрасли и подчиненный единому общегосударственному центру». «Дело идет, — извольте видеть, — не о замене старого аппарата, а лишь о реформировании его... сколько бы большевики ни издевались над людьми с планом...»

Все эти рассуждения товарища Базарова прямо поразительно беспомощны, как сколок рассуждений буржуазии, отражение ее классовой точки зрения!

В самом деле. Говорить, будто Советы хоть где-нибудь в России, хоть когда-нибудь пользовались «всей полнотой власти», это просто смешно (если это не повторение корыстно-классовой лжи капиталистов). Вся полнота власти требует власти над всей землей, над всеми банками, над всеми фабриками; человек, сколько-нибудь знакомый с опытом истории и с данными науки о связи политики с экономикой, не мог бы «забыть» этого «маленького» обстоятельства.

Лживый прием буржуазии состоит в том, что она, *не давая Советам власти, саботируя* всякий серьезный шаг их, сохраняя правительство в своих руках, сохраняя власть над землей и над банками и т. д., сваливает вину за разруху на Советы!! В этом же и состоит весь печальный опыт коалиции.

Никогда полноты власти Советы не имели, и ничего кроме паллиативов и усиления путаницы их меры дать не могли.

Доказывать большевикам, централистам по убеждению и по программе и по тактике всей своей партии, необходимость централизма, значит, поистине ломиться в открытую дверь. Если писатели «Новой Жизни» занимаются этим пустым занятием, то это лишь потому, что они совершенно не поняли смысла и значения наших насмешек над их «общегосударственной» точкой зрения. А не поняли этого новожиженцы потому, что учение о классовой борьбе признают они только *губами*, а не умом. Повторяя заученные слова о классовой борьбе, они ежесекундно сбиваются на забавную теоретически, реакционную практически «надклассовую точку зрения», называя это прислужничество буржуазии «общегосударственным» планом.

Государство, милые люди, есть понятие классовое. Государство есть орган или машина насилия одного класса над другим. Пока оно есть машина для насилия буржуазии над пролетариатом, до тех пор пролетарский лозунг может быть лишь один: *разрушение* этого государства. А когда государство будет пролетарским, когда оно будет машиной насилия пролетариата над буржуазией, тогда мы вполне и безусловно за твердую власть и за централизм.

Говоря популярнее: не над «планами» мы смеемся, а над тем, что Базаров и К^о не понимают, что, отрицая «рабочий контроль», отрицая «диктатуру пролетариата», они *стоят* за диктатуру буржуазии. Середины нет, середина пустая мечта мелкобуржуазного демократа.

Против *централизма* Советов, против их объединения ни один центр, ни один большевик никогда не спорил. Против фабрично-заводских комитетов по отраслям производства и их централизации никто из нас не возражает. Базаров стреляет *мимо*.

Мы смеемся, смеялись и будем смеяться не над «централизмом» и не над «планами», а над *реформизмом*. Ибо реформизм ваш смешон сугубо после опыта коалиции. А говорить: «не замена аппарата, а реформирование», значит быть реформистом, значит становиться не революционным, а реформистским демократом. Реформизм есть не что иное, как уступки правящего класса, а *не* свержение его, уступки его при сохранении власти *за ним*.

Это и есть как раз то, что испробовано полугодичной коалицией.

Над этим мы и смеемся. Базаров, не продумав учения о классовой борьбе, дает себя поймать буржуазии, которая хором поет: «вот, вот именно, мы как раз не против реформирования, мы за участие рабочих в общегосударственном кон-

троле, мы вполне согласны», и добрый Базаров объективно играет роль подголоска капиталистов.

Так всегда бывало, так всегда будет с людьми, в обстановке острой классовой борьбы пытающимися занять «среднюю» позицию. И именно потому, что писатели «Новой Жизни» не в состоянии понять классовой борьбы, их политика есть такое смешное, вечное шатание между буржуазией и пролетариатом.

Возьмитесь-ка за «планы», любезные граждане, это не политика, это не дело классовой борьбы, тут вы можете принести народу пользу. У вас в газете масса экономистов. Соединитесь с такими инженерами и пр., кои готовы поработать над вопросами регулирования производства и распределения, отдайте вкладной лист вашего большого «аппарата» (газеты) на деловую разработку точных данных о производстве и распределении продуктов в России, о банках и синдикатах и т. д. и т. д. — вот в чем вы принесете пользу народу, вот где ваше сидение между двух стульев не особенно вредно скажется, вот какая работа по части «планов» вызовет не насмешку, а благодарность рабочих.

Пролетариат сделает так, когда победит: он посадит экономистов, инженеров, агрономов и пр. *под контролем* рабочих организаций за выработку «плана», за проверку его, за отыскивание средств сэкономить труд централизацией, за изыскание мер и способов самого простого, дешевого, удобного и универсального контроля. Мы заплатим за это экономистам, статистикам, техникам хорошие деньги, но... но мы не дадим им кушать, если они не будут выполнять этой работы добросовестно и полно *в интересах трудящихся*.

Мы за централизм и за «план», но за централизм и за план *пролетарского* государства, пролетарского регулирования производства и распределения в интересах бедных, трудящихся и эксплуатируемых, *против* эксплуататоров. Под «общегосударственным» мы согласны понимать лишь то, что сламывает сопротивление капиталистов, что дает всю полноту власти большинству народа, т. е. пролетариям и полупролетариям, рабочим и беднейшим крестьянам.

* * *

Довод пятый состоит в том, что большевики не удержат власти, ибо «обстановка исключительно сложная...».

О мудрецы! Они готовы, пожалуй, помириться с революцией — только без «исключительно сложной обстановки».

Таких революций не бывает, и ничего кроме реакционных ламентаций буржуазного интеллигента нет в воздыханиях по такой революции. Если даже революция началась при обстановке, которая кажется не очень сложной, то сама революция в своем развитии *всегда* создает *исключительно* сложную обстановку. Ибо революция, настоящая, глубокая, «народная», по выражению Маркса¹⁹², революция есть невероятно сложный и мучительный процесс умирания старого и рождение нового общественного строя, уклада жизни десятков миллионов людей. Революция есть самая острая, бешеная, отчаянная классовая борьба и гражданская война. Ни одна великая революция в истории не обходилась без гражданской войны. А думать, что гражданская война мыслима без «исключительно сложной обстановки», могут только человеки в футляре.

Если бы не было исключительно сложной обстановки, то не было бы и революции. Волков бояться — в лес не ходить.

В доводе пятом нечего разбирать, потому что в нем нет никакой ни экономической, ни политической, ни вообще какой-либо иной мысли. В нем есть только воздыхание людей, опечаленных и испуганных революцией. Позволю себе, для характеристики этого воздыхания, два маленьких личных воспоминания.

Разговор с богатым инженером незадолго до июльских дней. Инженер был некогда революционером, состоял членом социал-демократической и даже большевистской партии. Теперь весь он — один испуг, одна злоба на бушующих и неукротимых рабочих. Если бы еще это были такие рабочие, как немецкие, — говорит он (человек образованный, бывавший за границей), — я, конечно, понимаю вообще неизбежность социальной революции, но у нас, при том понижении уровня рабочих, которое принесла война... это не революция, это — пропасть.

Он готов бы признать социальную революцию, если бы история подвела к ней так же мирно, спокойно, гладко и аккуратно, как подходит к станции немецкий курьерский поезд. Чинный кондуктор открывает дверцы вагона и провозглашает: «станция социальная революция. Alle aussteigen (всем выходить)!». Тогда почему бы не перейти с положения инженера при Тит Титычах на положение инженера при рабочих организациях.

Этот человек видал стачки. Он знает, какую бурю страстей вызывает всегда, даже в самое мирное время, самая обыкновенная стачка. Он понимает, конечно, во сколько мил-

лионов раз должна быть сильнее эта буря, когда классовая борьба подняла *весь* трудящийся люд огромной страны, когда война и эксплуатация довели почти до отчаяния миллионы людей, которых веками мучили помещики, десятилетиями грабили и забивали капиталисты и царские чиновники. Он понимает все это «теоретически», он признает все это только *губами*, он просто запуган «исключительно сложной обстановкой».

После июльских дней мне довелось, благодаря особенно заботливому вниманию, которым меня почтило правительство Керенского, уйти в подполье. Прятал нашего брата, конечно, рабочий. В далеком рабочем предместье Питера, в маленькой рабочей квартире подают обед. Хозяйка приносит хлеб. Хозяин говорит: «Смотри-ка, какой прекрасный хлеб. «Они» не смеют теперь, небось, давать дурного хлеба. Мы забыли, было, и думать, что могут дать в Питере хороший хлеб».

Меня поразила эта классовая оценка июльских дней. Моя мысль вращалась около политического значения события, взвешивала роль его в общем ходе событий, разбирала, из какой ситуации проистек этот зигзаг истории и какую ситуацию он создаст, как должны мы изменить наши лозунги и наш партийный аппарат, чтобы приспособить его к изменившемуся положению. О хлебе я, человек, не выдавший нужды, не думал. Хлеб являлся для меня как-то сам собой, нечто вроде побочного продукта писательской работы. К основе всего, к классовой борьбе за хлеб, мысль подходит через политический анализ необыкновенно сложным и запутанным путем.

А представитель угнетенного класса, хотя из хорошо оплачиваемых и вполне интеллигентных рабочих, берет прямо быка за рога, с той удивительной простотой и прямоотой, с той твердой решительностью, с той поразительной ясностью взгляда, до которой нашему брату интеллигенту, как до звезды небесной, далеко. Весь мир делится на два лагеря: «мы», трудящиеся, и «они», эксплуататоры. Ни тени смущения по поводу происшедшего: одно из сражений в долгой борьбе труда с капиталом. Лес рубят — щепки летят.

«Какая мучительная вещь, эта «исключительно сложная обстановка» революции» — так думает и чувствует буржуазный интеллигент.

«Мы «их» нажали, «они» не смеют охальничать, как прежде. Нажмем еще — сбросим совсем» — так думает и чувствует рабочий.

* * *

Шестой и последний довод: пролетариат «не способен будет противостоять всему напору враждебных сил, который сметет не только диктатуру пролетариата, но и в придачу всю революцию».

Не пугайте, господа, не запугаете. Видели мы эти враждебные силы и их напор в корниловщине (от которой ничем не отличается керенщина). Как смел пролетариат и беднейшее крестьянство корниловщину, в каком жалком и беспомощном положении оказались сторонники буржуазии и немногочисленные представители особенно зажиточных и особенно «враждебных» революции местных слоев мелких землевладельцев, это все видели, это народ помнит. «Дело Народа», от 30 сентября, уговаривая рабочих «претерпеть» керенщину (т. е. корниловщину) и поддельную церетелевскую булыгинскую думу до Учредительного собрания (созываемого под охраной «военных мер» против восстающего крестьянства!), «Дело Народа» повторяет, захлебываясь, именно шестой довод «Новой Жизни» и кричит до хрипоты: «правительство Керенского ни в коем случае не подчинится» (власти Советов, власти рабочих и крестьян, которую «Дело Народа», чтобы не оставаться позади погромщиков и антисемитов, монархистов и кадетов, называет властью «Троцкого и Ленина»: вот до каких приемов доходят эсеры!!).

Но ни «Новая Жизнь», ни «Дело Народа» сознательных рабочих не запугают. «Правительство Керенского, — говорите вы, — ни в коем случае не подчинится», т. е. повторит корниловщину, говоря проще, прямее, яснее. И господа из «Дела Народа» смеют говорить, будто это будет «гражданская война», будто это «ужасные перспективы»!

Нет, господа, не обманете рабочих. Это не гражданская война будет, а безнадежнейший бунт кучки корниловцев: или они желают «не подчиняться» народу и, во что бы то ни стало, спровоцировать его на повторение в широком масштабе того, что в Выборге было по отношению к корниловцам, *если эсеры желают этого*, если член партии эсеров Керенский желает этого, он довести народ до иступления может. Но рабочих и солдат вы этим, господа, не запугаете.

Какая безмерная наглость: подделали новую булыгинскую Думу, посредством подлогов набрали себе в подмогу реакционных кооператоров, деревенских кулаков, надбавили к ним капиталистов и помещиков (называемых цензовыми элементами) и хотят *срывать с этой бандой корниловцев волю народа*, волю рабочих и крестьян.

Довели в крестьянской стране дело до того, что всюду разливается широкой рекой крестьянское восстание! Подумайте только: в демократической республике с 80 процентами населения из крестьян довели их до крестьянского восстания... То же самое «Дело Народа», газета Чернова, орган партии «социалистов-революционеров», который 30-го сентября имеет бесстыдство советовать рабочим и крестьянам «претерпеть», вынуждено было признаться в передовой статье от 29-го сентября:

«Почти ничего не сделано до настоящего времени для уничтожения тех кабальных отношений, которые все еще господствуют в деревне именно центральной России».

Это самое «Дело Народа» в той же передовице 29-го сентября говорит, что «столыпинская хватка еще сильно дает себя знать» в приемах «революционных министров», то есть другими словами, говоря яснее и проще, называет *столыпинцами* Керенского, Никитина, Кишкина и К^о.

«Столыпинцы» Керенский и К^о довели крестьян до восстания, вводят теперь «военные меры» против крестьян, утешают народ созывом Учредительного собрания (хотя Керенский и Церетели раз уже *обманули* народ, торжественно объявив 8-го июля, что Учредительное собрание будет собрано в срок, 17-го сентября, а потом *нарушили свое слово* и отсрочили Учредительное собрание вопреки советам даже *меньшевика Дана*, отсрочили Учредительное собрание не на конец октября, как хотел тогдашний меньшевистский ЦИК, а на конец ноября). «Столыпинцы» Керенский и К^о утешают народ близким созывом Учредительного собрания, как будто народ может поверить тем, кто раз солгал в подобном деле, как будто бы народ может поверить в *правильный* созыв Учредительного собрания правительством, вводящим *военные меры* в глухих деревнях, то есть явно *прикрывающим* произвольные аресты сознательных крестьян и *подделку* выборов.

Довести крестьян до восстания и иметь бесстыдство говорить им: «надо «претерпеть», надо подождать, довериться тому правительству, которое «военными мерами» усмиряет восставших крестьян!».

Довести дело до гибели сотен тысяч русских солдат при наступлении после 19-го июня, до затягивания войны, до восстания немецких матросов, кидающих в воду своих начальников, довести дело до этого, все время фразерствуя о мире и *не предлагая* справедливого мира *всем* воюющим, и иметь бесстыдство говорить рабочим и крестьянам, говорить гибнущим солдатам: «необходимо претерпеть», доверьтесь-де

правительству «столыпинца» Керенского, доверьтесь еще, на месяц корниловским генералам, может они за месяц еще несколько десятков тысяч солдат отдадут на убой... «Необходимо претерпеть».

Это ли не бесстыдство??

Нет, господа эсеры, коллеги Керенского по партии, вы не обманете солдат!

Ни одного дня, ни одного *лишнего* часа не потерпят правительства Керенского рабочие и солдаты, знающие, что *Советское* правительство даст *немедленное* предложение справедливого мира всем воюющим, а следовательно даст *по всей вероятности* немедленное перемирие и скорый мир.

Ни одного дня, ни одного *лишнего* часа не потерпят солдаты нашей крестьянской армии, чтобы оставалось, вопреки воле Советов, правительство Керенского, *военными мерами* усмиряющее крестьянское восстание.

Нет, господа эсеры, коллеги Керенского по партии, вы не обманете больше рабочих и крестьян.

* * *

В вопросе о напоре враждебных сил, который по уверению до смерти запуганной «Новой Жизни» сметет диктатуру пролетариата, есть еще одна чудовищная логическая и политическая ошибка, которую могут не видеть только люди, давшие себя запугать почти до невменяемости.

«Напор враждебных сил сметет диктатуру пролетариата», — говорят вы. Хорошо. Но ведь вы все экономисты и образованные люди, любезные сограждане. Вы все знаете, что противопоставлять демократию буржуазии есть бессмыслица и невежество, что это то же самое, как противопоставлять пуды аршинам. Ибо бывает демократическая буржуазия и недемократические (способные на Вандею) слои мелкой буржуазии.

«Враждебные силы», это — фраза. Классовое же понятие есть *буржуазия* (за которую стоят и помещики).

Буржуазия с помещиками, пролетариат, мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, в первую голову крестьянство, — вот три основные «силы», на которые разделяется Россия, как и всякая капиталистическая страна. Вот три основные «силы», которые давно показаны в каждой капиталистической стране (и в России) не только научным экономическим анализом, но и *политическим опытом* всей новейшей истории *всех* стран, опытом *всех* европейских революций с XVIII века, опытом *двух* русских революций 1905 и 1917 годов.

Итак, вы грозите пролетариям тем, что их власть сметет напор буржуазии? К этому и только к этому сводится ваша угроза, больше никакого содержания в ней нет.

Хорошо. Если, например, буржуазия может смести власть рабочих и беднейших крестьян, тогда ничего иного не остается кроме «коалиции», т. е. союза или соглашения мелких буржуа с буржуазией. Ничего иного и мыслить нельзя!!

А ведь коалиция испробована полгода, привела к краху, и вы сами, любезные, но не умеющие думать граждане из «Новой Жизни», от коалиции *отреклись*.

Что же получается?

Вы так запутались, граждане из «Новой Жизни», так дали запугать себя, что в самом простом рассуждении, *в счете даже не до пяти, а только до трех*, вы не умеете свести концов с концами.

Либо вся власть буржуазии — этого вы давно не защищаете, и сама буржуазия не смеет даже заикнуться об этом, зная, что уже 20—21 апреля такую власть народ одним движением плеча скинул и скинет теперь втрое решительнее, беспощаднее. Либо власть мелкой буржуазии, т. е. коалиция (союз, соглашение) ее с буржуазией, ибо самостоятельно и независимо мелкая буржуазия власти не хочет и *не* может взять, как доказал опыт всех революций, как доказывает и экономическая наука, разъясняющая, что в капиталистической стране можно стоять за капитал, можно стоять за труд, но посерединке устоять нельзя. Эта коалиция в России полгода испробовала не десятки способов и провалилась.

Либо, наконец, вся власть пролетариям и беднейшим крестьянам, против буржуазии, для того, чтобы сломить ее сопротивление. Это еще не испробовано, и это вы, господа из «Новой Жизни», *отсоветуете* народу, запугивая его вашей собственной запуганностью перед буржуазией.

Ничего четвертого и выдумать нельзя.

Значит, если «Новая Жизнь» боится диктатуры пролетариата и отказывается от нее из-за возможного будто бы поражения пролетарской власти буржуазией, то это равносильно *возвращению тайком* на позицию *соглашательства* с капиталистами!!! Ясно как день, что, кто боится сопротивления, кто не верит в возможность сломить это сопротивление, кто учит народ: «бойтесь сопротивления капиталистов, вам не сладить с ним», тот *тем самым* призывает опять к соглашательству с капиталистами.

Беспомощно и жалко запуталась «Новая Жизнь», как запутались теперь все мелкобуржуазные демократы, видящие

крах коалиции, не смеющие защищать ее открыто и в то же время защищенные буржуазией, боящиеся всевластия пролетариев и беднейшего крестьянства.

* * *

Бояться сопротивления капиталистов и в то же время называть себя революционером, желать числиться в социалистах — какой позор! Какое идейное падение испорченного оппортунизмом всемирного социализма нужно было, чтобы могли появляться такие голоса!

Силу сопротивления капиталистов мы уже видели, весь народ видел, ибо капиталисты сознательнее других классов и сразу поняли значение Советов, сразу напрягли *все свои силы* до последней степени, пустили в ход все и вся, пустились во все тяжкие, дошли до неслыханных приемов лжи и клеветы, до военных заговоров, *чтобы сорвать Советы*, свести их на нет, протитуировать их (при помощи меньшевиков и эсеров), превратить их в говорильни, утомить крестьян и рабочих месяцами и месяцами пустейшей словесности и игры в революцию.

А силу сопротивления пролетариев и беднейших крестьян *мы еще не видали*, ибо эта сила выпрямится во весь свой рост лишь тогда, когда власть будет в руках пролетариата, когда десятки миллионов людей, раздавленные нуждой и капиталистическим рабством, увидят на опыте, *почувствуют*, что власть в государстве досталась угнетенным классам, что власть помогает бедноте бороться с помещиками и капиталистами, *ломает* их сопротивление. *Только* тогда мы сможем увидеть, какие непочатые еще силы отпора капиталистам таятся в народе, только тогда проявится то, что Энгельс называет «скрытым социализмом»¹⁹³, только тогда на каждые *десять тысяч* открытых или прячущихся, проявляющих себя действием или в пассивном упорстве врагов власти рабочего класса поднимется *по миллиону* новых борцов, доселе политически спавших, прозябавших в мучениях нужды и в отчаянии, потерявших веру в то, что и они люди, что и они имеют право на жизнь, что и им может служить вся мощь современного централизованного государства, что и *их* отряды пролетарской милиции с полным доверием зовут к непосредственному, ближайшему повседневному участию в деле управления государством.

Капиталисты с помещиками, при благосклонном участии гг. Плехановых, Брешковских, Церетели, Черновых и К^о, сделали *все*, чтобы *испоганить* демократическую республику,

испоганить ее услужением перед богатством до того, что народом овладевает апатия, равнодушие, *ему все равно*, ибо голодный не может отличить республики от монархии, озябший, разутый, измученный солдат, гибнущий за чужие интересы, не в состоянии полюбить республики.

А вот, когда последний чернорабочий, любой безработный, каждая кухарка, всякий разоренный крестьянин увидит — не из газет, а собственными глазами увидит, — что пролетарская власть не раболепствует перед богатством, а помогает бедноте, что эта власть не останавливается перед революционными мерами, что она берет лишние продукты у тунеядцев и дает голодным, что она вселяет принудительно бесприютных в квартиры богачей, что она заставляет богатых платить за молоко, но не дает им ни одной капли молока, пока не снабжены им в достаточных размерах дети *всех* бедных семей, что земля переходит к трудящимся, фабрики и банки под контроль рабочих, что за укрывательство богатства миллионеров ждет немедленная и серьезная кара, — вот когда беднота увидит это и почувствует это, тогда никакие силы капиталистов и кулаков, никакие силы ворочающего сотнями миллиардов всемирного финансового капитала не победят народной революции, а, напротив, *она* победит весь мир, ибо во всех странах зреет социалистический переворот.

Наша революция непобедима, если она не будет бояться сама себя, если она вручит всю полноту власти пролетариату, ибо за нами стоят еще неизмеримо большие, более развитые, более организованные всемирные силы пролетариата, временно придавленные войной, но не уничтоженные, а, напротив, умноженные ею.

* * *

Бояться, что власть большевиков, то есть власть пролетариата, которому обеспечена беззаветная поддержка беднейшего крестьянства, «сметут» господа капиталисты! Какая близорукость, какая позорная боязнь народа, какое лицемерие! Люди, проявляющие эту боязнь, принадлежат к тому «высшему» (по капиталистической мерке, а на деле *сгнившему*) «обществу», которое произносит слово «справедливость», само не веря в него, по привычке, как фразу, не вкладывая никакого содержания в него.

Вот пример:

Г-н Пешехонов — известный полукадет. Более умеренного трудовика, единомышленника Брешковских и Плехановых, не найти. Более услужливого перед буржуазией министра

не было. Более горячего сторонника «коалиции», соглашения с капиталистами, не видал мир!

А вот какие признания *вынужден* был делать сей господин в своей речи на «Демократическом» (читай: булыгинском) совещании, по передаче оборонческих «Известий»:

«Есть две программы. Одна, это — программа групповых притязаний, притязаний классовых и национальных. Наиболее откровенно эту программу защищают большевики. Но и другим частям демократии вовсе не легко отказаться от этой программы. Ведь это притязание трудовых масс, притязания обойденных и угнетенных национальностей. И не так легко поэтому демократии разрывать с большевиками, отказаться от этих классовых требований прежде всего от того, что эти требования по существу своему справедливы. Но эта программа, за которую мы боролись до революции, ради которой революцию совершали и которую мы при других условиях очень дружно поддерживали бы все, при данных условиях представляет громадную опасность. Теперь опасность еще сильнее потому, что предъявлять эти требования приходится в такой момент, когда удовлетворение их для государства невозможно. Нужно отстоять сначала целое — государство, его спасти от гибели и для этого есть только один путь: не удовлетворение требований, сколько бы справедливыми и сильными они ни представлялись, а, напротив, ограничения, жертвы, которые необходимо приносить со всех сторон» («Известия ЦИК» от 17-го сентября).

Г-н Пешехонов не понимает, что, пока капиталисты у власти, он отстаивает *не* целое, а корыстные интересы русского и «союзного» империалистского капитала. Г-н Пешехонов не понимает, что война перестала бы быть захватной, империалистской, грабительской только после разрыва с капиталистами, с *их* тайными договорами, с *их* аннексиями (захватами чужих земель), с *их* банковыми финансовыми мошенничествами. Г-н Пешехонов не понимает, что лишь *после* этого война стала бы, в случае отказа противника от формально предложенного ему справедливого мира, оборонительной, справедливой войной. Г-н Пешехонов не понимает, что обороноспособность страны, свергшей иго капитала, давшей землю крестьянам, поставившей банки и фабрики под рабочий контроль, была бы *во много раз* выше обороноспособности капиталистической страны.

И главное, г. Пешехонов *не* понимает, что, будучи вынужден признать справедливость большевизма, признать, что его требования суть требования «*трудовых масс*», т. е. большинства населения, он *сдает* этим всю свою позицию, всю позицию всей мелкобуржуазной демократии.

Вот в чем наша сила. Вот почему наше правительство будет непобедимо: потому, что даже противники вынуждены признать, что большевистская программа есть программа «*трудовых масс*» и «*угнетенных национальностей*».

Ведь г. Пешехонов, это — политический друг кадетов, публики из «Единства» и «Дела Народа», Брешковских и Плехановых, это — представитель кулаков и таких господ, жены и сестры которых пришли бы завтра выкалывать зонтиками глаза недобитым большевикам, если бы дошло дело до их поражения войсками Корнилова или (что совершенно одно и то же) войсками Керенского.

И такой господин *вынужден* признать «справедливость» требований большевиков.

Для него «справедливость» только фраза. Но для масс полупролетариев, для большинства мелкой буржуазии города и деревни, разоренных, истерзанных, измученных войной, это не фраза, а самый острый, самый жгучий, самый большой вопрос о голодной смерти, о куске хлеба. Вот почему *нельзя* опереть *никакой* политики на «коалиции», на «соглашении» интересов голодных и разоряемых с интересами эксплуататоров. Вот почему *обеспечена* поддержка *этими* массами, в их подавляющем большинстве, большевистского правительства.

Справедливость — пустое слово, говорят интеллигенты и те прохвосты, которые склонны объявлять себя марксистами на том возвышенном основании, что они «созерцали *заднюю*» экономического материализма.

Идеи становятся силой, когда они овладевают массами. И именно теперь большевики, т. е. представители революционно-пролетарского интернационализма, своей политикой воплотили ту идею, которая двигает во всем мире необъятными трудящимися массами.

Одна справедливость, одно чувство возмущенных эксплуатацией масс никогда не вывело бы их на верный путь к социализму. Но когда вырос, благодаря капитализму, материальный аппарат крупных банков, синдикатов, железных дорог и т. п.; когда богатейший опыт передовых стран скопил запасы чудес техники, применение коих *тормозит* капитализм; когда сознательные рабочие сплотили партию в четверть миллиона, чтобы планомерно взять в руки этот аппарат и пустить его в ход, при поддержке всех трудящихся и эксплуатируемых, — когда *есть* налицо эти условия, тогда не найдется той силы на земле, которая помешала бы большевикам, *если они не дадут себя запугать* и сумеют взять власть, удержать ее до победы всемирной социалистической революции.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Предыдущие строки были написаны, когда передовица «Новой Жизни» от 1-го октября принесла новый перл тупоумия, тем более опасного, что оно прячется под флагом сочувствия к большевикам и под покровом премудрого филистерского рассуждения: «не дать себя провоцировать» (не дать себя поймать в ловушку криков о провокации, долженствующих запугать большевиков и побудить их *не* брать власти).

Вот этот перл:

«Уроки движений, вроде 3—5-го июля, с одной стороны, и корниловских дней, с другой, с полной ясностью показали, что демократия, имеющая в своем распоряжении влиятельнейшие среди населения органы, непобедима, когда в гражданской войне занимает оборонительную позицию, и терпит поражение, теряя все промежуточные, колеблющиеся элементы, когда берет наступательную инициативу в свои руки».

Если бы большевики проявили, в какой бы то ни было форме, какую бы то ни было уступчивость по отношению к такому филистерскому тупоумию, которое выражено в этом рассуждении, то они погубили бы и свою партию и революцию.

Ибо автор этого рассуждения, взявшись говорить о гражданской войне (тема как раз по плечу для дамы приятной во всех отношениях), извратил *уроки истории* по этому вопросу до невероятного комизма.

Вот как рассуждал об *этих* уроках, об уроках истории по *этому* вопросу представитель и основоположник пролетарски-революционной тактики Карл Маркс:

«Восстание есть искусство, точно так же как и война, как и другие виды искусства. Оно подчинено известным правилам, забвение которых ведет к гибели партии, оказавшейся виновною в их несоблюдении. Эти правила, будучи логиче-

ским следствием из сущности партий, из сущности тех условий, с которыми в подобном случае приходится иметь дело, так ясны и просты, что короткий опыт 1848 года достаточно ознакомил с ними немцев. Во-первых, никогда не следует играть с восстанием, если нет решимости идти до конца (буквально: считаться со всеми последствиями этой игры). Восстание есть уравнение с величинами в высшей степени неопределенными, ценность которых может изменяться каждый день. Боевые силы, против которых приходится действовать, имеют всецело на своей стороне преимущество организации, дисциплины и традиционного авторитета» (Маркс имеет в виду самый «трудный» случай восстания: против «прочной» старой власти, против неразложившейся под влиянием революции и колебаний правительства армии); «если восставшие не могут собрать больших сил против своего противника, то их разобьют и уничтожат. Во-вторых, раз восстание начато, тогда надо действовать с величайшей решительностью и переходить в наступление. Оборона есть смерть всякого вооруженного восстания; при обороне оно гибнет, раньше еще чем померялось силами с неприятелем. Надо захватить противника врасплох, пока его войска еще разрознены, надо ежедневно добиваться новых, хотя бы и небольших, успехов; надо удерживать моральный перевес, который дало тебе первое успешное движение восстающих; надо привлекать к себе те колеблющиеся элементы, которые всегда идут за более сильным и всегда становятся на более надежную сторону; надо принудить неприятеля к отступлению, раньше чем он мог собрать свои войска против тебя; одним словом, действуй по словам величайшего из известных до сих пор мастера революционной тактики, Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость» («Революция и контрреволюция в Германии», нем. изд. 1907 года, стр. 118) ¹⁹⁴.

Мы все это переделали — могут сказать про себя «тоже-марксисты» из «Новой Жизни», — у нас вместо тройной смелости два достоинства: «у нас два-с: умеренность и аккуратность». Для «нас» опыт всемирной истории, опыт великой французской революции — ничто. Для «нас» важен опыт двух движений 1917 года, искаженный молчалинскими очками.

Посмотрим на этот опыт без этих милых очков.

3—5 июля вы сопоставляете с «гражданской войной», ибо вы поверили Алексинскому, Переверзеву и К⁰. Это характерно для господ из «Новой Жизни», что они *таким* людям верят (не сделав самостоятельно ровно ничего, несмотря на громадный аппарат большой ежедневной газеты, для *собира-ния сведений* о 3—5 июля).

Но допустим даже на минуту, что 3—5 июля было не началом гражданской войны, удержанной большевиками в пределах начатка, а настоящей гражданской войной. Допустим.

Что же, в таком случае, доказывает этот урок?

Во-первых, что большевики в наступление *не* переходили, ибо неоспоримо, что в ночь с 3-го на 4-е июля и даже 4-го июля они взяли бы очень многое, если бы перешли в наступление. Оборона была их слабостью, если рассуждать о гражданской войне (как рассуждает «Новая Жизнь», а не о превращении стихийного взрыва в демонстрацию типа 20—21 апреля, как говорят *факты*).

Итак, «урок» говорит *против* мудрецов из «Новой Жизни».

Во-вторых, если большевики не задавались даже целью восстания 3—4 июля, если *ни одна коллегия* большевиков подобного вопроса даже не ставила, то причина тому лежит *вне* нашего спора с «Новой Жизнью». Ибо мы спорим об *уроках* «гражданской войны», т. е. восстания, а не о том, когда заведомое неимение большинства на своей стороне удерживает революционную партию от мысли о восстании.

Так как известно всем, что большевики получили большинство и в столичных Советах и в стране (более 49% голосов в Москве) лишь *гораздо позже*, чем в июле 1917 года, то, следовательно, «уроки» получаются опять совсем не те, совсем не те, какие желает видеть новожиженская дама приятная во всех отношениях.

Нет, нет, не беритесь-ка лучше за политику, граждане из «Новой Жизни»!

Если нет у революционной партии большинства в передовых отрядах революционных классов и в стране, то не может быть речи о восстании. Кроме того, для него нужны: 1) нарастание революции в общенациональном масштабе; 2) полный моральный и политический крах старого, например, «коалиционного» правительства; 3) большие колебания в лагере всех промежуточных элементов, т. е. тех, кто *не* вполне за правительство, хотя вчера был вполне за него.

Почему «Новая Жизнь», заговорив об «уроках» 3—5 июля, этого, очень важного, урока даже и не заметила? Потому, что не политики взялись за политический вопрос, а запуганные буржуазией люди интеллигентского кружка.

Далее. В-третьих, факты говорят, что именно *после* 3—4 июля, именно в связи с *разоблачением* господ Церетели их *июльской* политикой, именно в связи с тем, что *массы* увидели в большевиках *своих* передовых борцов, а в «социал-блокистах» изменников, начинается *развал* эсеров и меньше-

виков. Этот развал *еще до* корниловщины вполне доказан выборами 20-го августа в Питере, давшими победу большевикам и разгром «социал-блокистов» («Дело Народа» недавно пыталось опровергнуть это, *скрыв* итоги обо *всех* партиях; но это самообман и обман читателя; по данным «Дня» от 24-го августа, относящимся только к городу, процент голосов за кадетов повысился с 22% до 23%, а абсолютное число голосов за них уменьшилось на 40%; процент голосов за большевиков возрос с 20% до 33%, а абсолютное число голосов за них уменьшилось всего на 10%; процент голосов за всех «средних» уменьшился с 58% до 44%, а абсолютное число голосов за них уменьшилось на 60%!!).

Развал эсеров и меньшевиков после июльских дней и до корниловских доказан также ростом «левого» крыла в обеих партиях, достигшего почти 40 процентов: «мечь» за преследуемых гг. Керенскими большевиков.

Пролетарская партия, несмотря на «потерю» ею нескольких сот ее членов, *выиграла* гигантски от 3—4 июля, ибо именно в эти тяжелые дни *массы* поняли и увидали ее преданность и *измену* эсеров и меньшевиков. «Урок», значит, получается совсем, совсем не «новожизненский», а иной: не отходи от кипящих масс к «молчалиным демократии», и, если восставать, то переходи в наступление, пока силы врага разрознены, захватывай врага врасплох.

Не так ли, господа «тоже-марксисты» из «Новой Жизни»?

Или «марксизм» состоит в том, чтобы *не* класть в основу тактики точный учет *объективного* положения, а бессмысленно и без критики валить в одну кучу и «гражданскую войну» и «съезд Советов с созывом Учредительного собрания»?

Но ведь это же просто смехотворно, господа, ведь это же сплошная издевка и над марксизмом и над всякой логикой вообще!

Если в *объективном* положении вещей *нет* основания для обострения классовой борьбы до степени «гражданской войны», тогда зачем вы о «гражданской войне» заговорили *по поводу* «съезда Советов и Учредительного собрания»? (именно так озаглавлена рассматриваемая передовица «Новой Жизни»). Тогда надо бы ясно сказать читателю и доказать ему, что в условиях *объективного* положения *нет* почвы для гражданской войны и что поэтому можно и должно во главу угла тактики класть мирные, конституционно-легальные, юридически и парламентски «простые» вещи, вроде съезда Советов и Учредительного собрания. Тогда *можно* держаться того мнения, что подобный съезд и подобное собрание действительно способны *решать*.

Если же в объективных условиях момента коренится неизбежность или хотя бы только вероятность гражданской войны, если вы о ней не «зря» заговорили, а ясно видя, чувствуя, осязая наличность обстановки гражданской войны, тогда как же можно ставить во главу угла съезд Советов или Учредительное собрание?? Ведь это насмешка над голодными и истерзанными массами! Что же, голодный согласится «ждать» два месяца? Или разруха, о нарастании которой вы сами ежедневно пишете, согласится «ждать» до съезда Советов или до Учредительного собрания? Или немецкое наступление, при отсутствии серьезных шагов к миру (т. е. при отсутствии формального предложения справедливого мира всем воюющим) с нашей стороны, согласится «ждать» съезда Советов или Учредительного собрания? Или вы имеете такие данные, которые позволяют вам заключить, что история русской революции, шедшая с 28-го февраля по 30 сентября необыкновенно бурно и темпом неслыханно быстрым, пойдет с 1 октября по 29 ноября¹⁹⁵ темпом архиспокойным, мирным, легально уравновешенным, исключаящим взрывы, скачки, поражения на войне, экономические кризисы? Или армия на фронте, про которую *небольшевик* офицер Дубасов официально от имени фронта заявил, что она «воевать не будет», эта армия станет спокойно голодать и мерзнуть до «назначенного» числа? Или крестьянское восстание от того, что вы назовете его «анархией» и «погромом», от того, что Керенский пошлет «военные» силы *против крестьян*, перестанет быть элементом гражданской войны? Или возможна, *мыслима* спокойная, правильная, неподдельная работа правительства над созывом Учредительного собрания *в крестьянской* стране при *подавлении* этим правительством крестьянского восстания?

Не смейтесь над «растерянностью Смольного института»¹⁹⁶, господа! Ваша растерянность не меньше. На грозные вопросы гражданской войны вы отвечаете растерянными фразами и жалкими конституционными иллюзиями. Вот почему я говорю, что если бы большевики поддались таким настроениям, они погубили бы и свою партию, и свою революцию.

Н. Ленин

1 октября 1917 г.

Написано в конце сентября —
1 (14) октября 1917 г.

Напечатано в октябре 1917 г.
в журнале «Просвещение» № 1—2

Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 34, стр. 287—339

ПИСЬМО В ЦК, МК, ПК И ЧЛЕНАМ СОВЕТОВ ПИТЕРА И МОСКВЫ БОЛЬШЕВИКАМ ¹⁹⁷

Дорогие товарищи, события так ясно предписывают нам нашу задачу, что промедление становится положительно *преступлением*.

Аграрное движение растет. Правительство усиливает дикие репрессии, в войске симпатии к нам растут (99 процентов голосов солдат за нас в Москве, финляндские войска и флот против правительства, свидетельство Дубасова о фронте вообще).

В Германии начало революции явное, особенно после расстрела матросов. Выборы в Москве — 47 процентов большевиков — гигантская победа. С левыми эсерами мы *явное* большинство *в стране*.

Железнодорожные и почтовые служащие в конфликте с правительством. Либерданы вместо съезда на 20-ое октября говорят уже о съезде в 20-х числах, и т. д., и т. д.

При таких условиях «ждать» — преступление.

Большевики не вправе ждать съезда Советов, они должны *взять власть тотчас*. Этим они спасают и всемирную революцию (ибо иначе грозит сделка империалистов всех стран, кои после расстрелов в Германии будут покладисты друг к другу и *против нас объединятся*), и русскую революцию (иначе волна настоящей анархии может стать сильнее, *чем мы*), и жизнь сотням тысяч людей на войне.

Медлить — преступление. Ждать съезда Советов — ребячья игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции.

Если нельзя взять власти без восстания, надо *идти на восстание тотчас*. Очень может быть, что именно теперь можно *взять власть без восстания*: например, если бы Московский Совет сразу тотчас взял власть и объявил себя (вместе

с Питерским Советом) правительством. В Москве победа обеспечена и воевать некому. В Питере можно выждать. Правительству нечего делать и нет спасения, оно сдастся.

Ибо Московский Совет, взяв власть, банки, фабрики, «Русское Слово», получает гигантскую базу и силу, агитируя перед всей Россией, ставя вопрос так: *мир* мы предложим *завтра*, если бонапартист Керенский сдастся (а если не сдастся, то мы его свергнем). *Землю* крестьянам *тотчас*, уступки железнодорожникам и почтовым служащим — *тотчас*, и т. д.

Необязательно «начать» с Питера. Если Москва «начнет» бескровно, ее поддержат наверняка: 1) армия на фронте сочувствием, 2) крестьяне везде, 3) флот и финские войска *идут на Питер*.

Если даже у Керенского есть под Питером один-два корпуса конных войск, он вынужден сдаться. Питерский Совет может выжидать, агитируя за московское советское правительство. Лозунг: власть Советам, земля крестьянам, мир народам, хлеб голодным.

Победа обеспечена, и на девять десятых шансы, что бескровно.

Ждать — преступление перед революцией.

Привет Н. Ленин

Написано 1 (14) октября 1917 г.

Впервые напечатано в 1921 г.
в Собрании сочинений Н. Ленина
(В. Ульянова), том XIV, ч. II

Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 34, стр. 340—341

СОВЕТЫ ПОСТОРОННЕГО

Я пишу эти строки 8 октября и мало надеюсь, чтобы они уже 9 были в руках питерских товарищей. Возможно, что они опоздают, ибо съезд северных Советов назначен на 10 октября¹⁹⁸. Но все-таки я попытаюсь выступить со своими «Советами постороннего» на тот случай, что вероятное выступление рабочих и солдат Питера и всей «округи» состоится вскоре, но еще не состоялось.

Что вся власть должна перейти к Советам, это ясно. Так же бесспорно должно быть для всякого большевика, что революционно-пролетарской (или большевистской — это теперь одно и то же) власти обеспечено величайшее сочувствие и беззаветная поддержка всех трудящихся и эксплуатируемых во всем мире вообще, в воюющих странах в частности, среди русского крестьянства в особенности. На этих, слишком общеизвестных и давно доказанных, истинах не стоит останавливаться.

Остановиться надо на том, что едва ли вполне ясно всем товарищам, именно: что переход власти к Советам означает теперь на практике вооруженное восстание. Казалось бы, это очевидно, но не все в это вдумались и вдумываются. Отречься теперь от вооруженного восстания, значило бы отречься от главного лозунга большевизма (вся власть Советам) и от всего революционно-пролетарского интернационализма вообще.

Но вооруженное восстание есть *особый* вид политической борьбы, подчиненный особым законам, в которые надо внимательно вдуматься. Замечательно рельефно выразил эту истину Карл Маркс, писавший, что вооруженное *«восстание, как и война, есть искусство»*.

Из главных правил этого искусства Маркс выставил:

1) Никогда *не играть* с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо *идти до конца*.

2) Необходимо собрать *большой перевес сил* в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей *решительностью* и непременно, безусловно переходить в *наступление*. «Оборона есть смерть вооруженного восстания».

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться *ежедневно* хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая, во что бы то ни стало, *моральный перевес*.

Маркс подытожил уроки всех революций относительно вооруженного восстания словами «величайшего в истории мастера революционной тактики Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость»¹⁹⁹.

В применении к России и к октябрю 1917 года это значит: одновременное, возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне, и изнутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта, наступление *всего* флота, скопление *гигантского перевеса сил* над 15—20 тысячами (а может и больше) нашей «буржуазной гвардии» (юнкеров), наших «вандейских войск» (часть казаков) и т. д.

Комбинировать наши *три* главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой *каких угодно потерь* были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову.

Выделить *самые решительные* элементы (наших «ударников» и *рабочую молодежь*, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и *для участия* их везде, во всех важных операциях, например:

Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска, — такова задача, требующая *искусства и тройной смелости*.

Составить отряды наилучших рабочих с ружьями и бомбами для наступления и окружения «центров» врага (юнкерские школы, телеграф и телефон и прочее) с лозунгом: *погибнуть всем, но не пропустить неприятеля*.

Будем надеяться, что в случае, если выступление будет решено, руководители успешно применяют великие заветы Дантона и Маркса.

Успех и русской и всемирной революции зависит от двух-трех дней борьбы.

Написано 8 (21) октября 1917 г.

Впервые напечатано 7 ноября 1920 г.

в газете «Правда» № 250

Подпись: П о с т о р о н н и й

Печатается по тексту

Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,

том 34, стр. 382—384

ПИСЬМО К ТОВАРИЩАМ БОЛЬШЕВИКАМ, УЧАСТВУЮЩИМ НА ОБЛАСТНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ

Товарищи! наша революция переживает в высшей степени критическое время. Этот кризис совпал с великим кризисом нарастания мировой социалистической революции и борьбы против нее всемирного империализма. На ответственных руководителей нашей партии ложится гигантская задача, невыполнение которой грозит полным крахом интернационалистского пролетарского движения. Момент такой, что промедление поистине смерти подобно.

Взгляните на международное положение. Нарастание всемирной революции неоспоримо. Взрыв возмущения чешских рабочих подавлен с невероятным зверством, указывающим на крайнюю запуганность правительства. В Италии дело тоже дошло до массового взрыва в Турине²⁰⁰. Но важнее всего восстание в немецком флоте. Надо представить себе невероятные трудности революции в такой стране, как Германия, да еще при теперешних условиях. Невозможно сомневаться, что восстание в германском флоте означает великий кризис нарастания мировой революции. Если наши шовинисты, проповедующие поражение Германии, требуют от ее рабочих восстания сразу, то мы, русские революционеры-интернационалисты, знаем по опыту 1905—1917 годов, что более внушительного признака нарастания революции, чем восстание в войсках, нельзя себе и представить.

Подумайте, в каком положении оказываемся мы теперь перед немецкими революционерами. Они могут сказать нам: мы имеем одного Либкнехта, который открыто призвал к революции. Его голос задавлен каторжной тюрьмой. У нас нет ни одной газеты, открыто выясняющей необходимость революции, у нас нет свободы собраний. У нас нет ни одного Совета рабочих или солдатских депутатов. Наш голос едва-едва

доходит до настоящих широких масс. И мы сделали попытку восстания, имея какой-нибудь один шанс из сотни! А вы, русские революционные интернационалисты, имеете за собой полгода свободной агитации, вы имеете десятка два газет, вы имеете целый ряд Советов рабочих и солдатских депутатов, вы победили в Совете обеих столиц, на вашей стороне весь Балтийский флот и все русские войска в Финляндии и вы не отвечаете на наш призыв к восстанию, вы не свергнете вашего империалиста Керенского, имея девяносто девять шансов из ста за победу вашего восстания!

Да, мы будем настоящими изменниками Интернационала, если в такой момент, при таких благоприятных условиях на такой призыв немецких революционеров ответим *только...* резолюциями!

Добавьте к этому, что мы все прекрасно знаем быстрое нарастание сговора и заговора международных империалистов против русской революции. Задушить ее во что бы то ни стало, задушить ее и военными мерами и миром за счет России — вот к чему подходит международный империализм все ближе. Вот что особенно обостряет кризис мировой социалистической революции, вот что делает особенно опасным — я почти готов сказать: преступным с нашей стороны — промедление с восстанием.

Возьмите далее внутреннее положение России. Крах мелкобуржуазно-соглашательских партий, выразивших бессознательное доверие масс к Керенскому с империалистами вообще, назрел вполне. Крах полный. Голосование советской курии на Демократическом совещании против коалиции, голосование *большинства* местных Советов крестьянских депутатов (вопреки их центральному Совету, где сидят Авксентьевы и другие друзья Керенского) против коалиции; выборы в Москве, где рабочее население наиболее близко к крестьянству и где *более 49 процентов* голосовало за большевиков (а среди солдат 14 тысяч из 17 тысяч), — разве это не полный крах доверия народных масс к Керенскому и к соглашателям с Керенским и К^о? Разве можно себе представить, чтобы народные массы как-нибудь яснее еще, чем этим голосованием, могли сказать большевикам: ведите нас, мы пойдем за вами!

А мы, получив таким образом большинство народных масс на свою сторону, завоевав оба столичных Совета, будем ждать? Ждать чего? Чтобы Керенский и его корниловцы-генералы сдали Питер немцам, войдя таким образом прямо или косвенно, открыто или прикрито, в заговор *и* с Бьюкененом *и* с Вильгельмом для полного удушения русской революции!

Мало того, что народ московским голосованием и перевыбором Советов выразил доверие к нам. Есть признаки роста апатии и равнодушия. Это понятно. Это означает не упадок революции, как кричат кадеты и их подголоски, а упадок веры в резолюции и в выборы. Массы в революции требуют от руководящих партий дела, а не слов, победы в борьбе, а не разговоров. Близится момент, когда в народе может появиться мнение, что и большевики тоже не лучше других, ибо они не сумели *действовать* после выражения нами доверия к ним...

По всей стране разгорается крестьянское восстание. Яснее ясного видно, что кадеты и кадетские прихвостни всячески умахают его, сводят к «погромам» и «анархии». Эта ложь разрушается тем, что землю начали в центрах восстания передавать крестьянам: никогда еще «погромы» и «анархии» к таким превосходным политическим результатам не приводили! Громадную силу крестьянского восстания доказывает то, что и соглашатели, и эсеры в «Деле Народа», и *даже* Брешко-Брешковская заговорили о передаче земли крестьянам, чтобы притушить движение, пока оно окончательно не переросло им через голову.

А мы будем ждать, не удастся ли казачьим частям корниловца Керенского (как раз в последнее время самими эсерами разоблаченного в корниловщине) подавить *по частям* это крестьянское восстание?

По-видимому, многие руководители нашей партии не заметили *особого* значения того лозунга, который мы все признали и повторяли без конца. Это лозунг: вся власть Советам. Бывали периоды, бывали моменты за полгода революции, когда этот лозунг *не* означал восстания. Может быть, эти периоды и эти моменты ослепили часть товарищей и заставили их забыть, что теперь и для нас, по крайней мере с половины сентября, этот лозунг *равносилен призыву к восстанию*.

На этот счет не может быть и тени сомнения. «Дело Народа» недавно «популярно» объяснило это, сказав: «ни в коем случае Керенский не подчинится!». Еще бы!

Лозунг «вся власть Советам» есть не что иное, как призыв к восстанию. И вина ляжет на нас всецело и безусловно, если мы, месяцами звавшие массы к восстанию, к отказу от соглашательства, не поведем эти массы на восстание накануне краха революции после того, как массы выразили нам доверие.

Кадеты и соглашатели запугивают примером 3—5-го июля, ростом черносотенной агитации и т. п. Но 3—5 июля, если и была ошибка, то только та, что мы не взяли власти. Я ду-

маю, этой ошибки не было тогда, ибо тогда мы *еще* не были в большинстве, а теперь это было бы роковой ошибкой и хуже чем ошибкой. Рост черносотенной агитации понятен, как обострение крайностей в атмосфере нарастающей пролетарски-крестьянской революции. Но делать из этого довод *против* восстания смешно, ибо бессилие черносотенцев, подкупленных капиталистами, *бессилие черной сотни в борьбе* не требует даже и доказательств. В борьбе это прямо ноль. В борьбе Корнилов и Керенский могут опираться только на дикую дивизию да на казаков. А теперь разложение началось и у казаков, а кроме того, им изнутри их казачьих областей грозят гражданской войной крестьяне.

Я пишу эти строки в воскресенье, 8-го октября, вы прочтете их не раньше 10-го октября. Я слышал от одного проезжего товарища, что проезжающие по Варшавской дороге говорят: Керенский ведет казаков в Питер! Вполне вероятно, и будет прямой нашей виной, если мы *всесторонне* не проверим этого и не *изучим* силы и распределения *корниловских войск второго призыва*.

Керенский снова подвел корниловские войска под Питер, чтобы помешать передаче власти Советам, чтобы помешать немедленному предложению мира этой властью, чтобы помешать передаче всей земли тотчас крестьянству, чтобы сдать Питер немцам, а самому удрать в Москву! Вот лозунг восстания, который мы должны пустить в обращение как можно шире и который будет иметь громадный успех.

Нельзя ждать Всероссийского съезда Советов, который Центральный Исполнительный Комитет может оттянуть и до ноября, нельзя откладывать, позволяя Керенскому подвозить еще корниловские войска. На съезде Советов представлена Финляндия, флот и Ревель, которые, вместе взятые, могут дать немедленное движение к Питеру против корниловских полков, движение флота и артиллерии и пулеметов и двух-трех корпусов солдат, доказавших, например, в Выборге всю силу их ненависти к корниловским генералам, с коими опять снюхался Керенский.

Было бы величайшей ошибкой отказываться от возможности немедленно разбить корниловские полки второго призыва из-за того соображения, что Балтийский флот, уходя в Питер, откроет будто бы этим фронт немцам. Клеветники-корниловцы скажут это, как скажут всякую ложь вообще, но давать запугать себя ложью и клеветой недостойно революционеров. Керенский сдаст Питер немцам, вот что яснее ясного теперь; никакие заверения в обратном не устранят

нашей полной уверенности в этом, вытекающей из всего хода событий и из всей политики Керенского.

Керенский и корниловцы сдадут Питер немцам. Именно для спасения Питера надо свергнуть Керенского и взять власть *Советам обеих столиц*, эти Советы тотчас предложат мир всем народам и выполнят этим свой долг перед немецкими революционерами, сделают этим решительный шаг к разрыву преступных заговоров против русской революции, заговоров международного империализма.

Только немедленное движение Балтийского флота, финляндских войск, Ревеля и Кронштадта против корниловских войск под Питером способно спасти русскую и всемирную революцию. И такое движение имеет девяносто девять шансов из ста привести *в несколько дней* к сдаче одной части казачьих войск, к полному разгрому другой части, к свержению Керенского, ибо рабочие и солдаты обеих столиц поддержат такое движение.

Промедление смерти подобно.

Лозунг: «вся власть Советам» есть лозунг восстания. Кто употребляет такой лозунг, не сознавая этого, не продумав этого, пусть пеняет на себя. А к восстанию надо уметь отнестись как к *искусству*, — я настаивал на этом во время Демократического совещания и настаиваю теперь, ибо *этому* учит марксизм, этому учит все теперешнее положение в России и во всем мире.

Дело не в голосованиях, не в привлечении «левых эсеров», не в добавлении провинциальных Советов, не в съезде их. Дело в восстании, которое *может* и должен решить Питер, Москва, Гельсингфорс, Кронштадт, Выборг и Ревель. *Под Питером* и в Питере — вот где может и должно быть решено и осуществлено это восстание, как можно серьезнее, как можно подготовленнее, как можно быстрее, как можно энергичнее.

Флот, Кронштадт, Выборг, Ревель могут и должны пойти на Питер, разгромить корниловские полки, поднять обе столицы, двинуть массовую агитацию за власть, немедленно передающую землю крестьянам и немедленно предлагающую мир, свергнуть правительство Керенского, создать эту власть.

Промедление смерти подобно.

Н. Ленин

8 октября 1917 года.

ЗАСЕДАНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА РСДРП(б)
10 (23) ОКТЯБРЯ 1917 г.²⁰¹

1

ДОКЛАД

ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ

Тов. Ленин констатирует, что с начала сентября замечается какое-то равнодушие к вопросу о восстании. Между тем это недопустимо, если мы серьезно ставим лозунг о захвате власти Советами. Поэтому давно уже надо обратить внимание на техническую сторону вопроса. Теперь же, по-видимому, время значительно упущено.

Тем не менее, вопрос стоит очень остро, и решительный момент близок.

Положение международное таково, что инициатива должна быть за нами.

То, что затевается со сдачей до Нарвы и сдачей Питера, еще более вынуждает нас к решительным действиям.

Политическое положение также внушительно действует в эту сторону. 3—5 июля решительные действия с нашей стороны разбились бы о то, что за нами не было большинства. С тех пор наш подъем идет гигантскими шагами.

Абсентеизм и равнодушие масс можно объяснить тем, что массы утомились от слов и резолюций.

Большинство теперь за нами. Политически дело совершенно созрело для перехода власти.

Аграрное движение также идет в эту сторону, ибо ясно, что нужны героические силы, чтобы притушить это движение. Лозунг перехода всей земли стал общим лозунгом крестьян. Политическая обстановка таким образом готова. Надо говорить о технической стороне. В этом все дело. Между тем мы, вслед за оборонцами, склонны систематическую подготовку восстания считать чем-то вроде политического греха.

Ждать до Учредительного собрания, которое явно будет не с нами, бессмысленно, ибо это значит усложнять нашу задачу.

Областным съездом и предложением из Минска²⁰² надо воспользоваться для начала решительных действий.

*Впервые напечатано в 1922 г.
в журнале
«Пролетарская Революция» № 10*

*Печатается по тексту Сочинений
В. И. Ленина, 5 изд., том 34,
стр. 391—392*

2

РЕЗОЛЮЦИЯ

ЦК признает, что как международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии, как крайнее проявление нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистов с целью удушения революции в России), — так и военное положение (несомненное решение русской буржуазии и Керенского с К^о сдать Питер немцам), — так и приобретение большинства пролетарской партией в Советах, — все это в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец, явное подготовление второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками и пр.), — все это ставит на очередь дня вооруженное восстание.

Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан и т. д.).

*Впервые напечатано в 1922 г.
в журнале
«Пролетарская Революция» № 10*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 34, стр. 393*

1

Ц. К. признает, что как между-
народное положение русской рево-
люции (возражение по факту в Гер-
мании, как крайнее проявление
национализма) всемирной социалисти-
ческой революции, так и угроза
мира империалистов с целью
удержания революции в России),
— так и военное положение
(вспомогательное отношение русских
буржуазии и Керенского к стар.
Кизер и немцам), — так и
приобретение большевиками
пролетарской партии в Сов.
Зем., — все это в связи с
крупнейшими вооружениями
и с поворотом национализма

и во всей Европе

2/ добрый к нашей партии (вдоб-
ро в Москве), как о нем явном
подготовлении в сторону кор-
нетовщины (ввод войск
из Пизры, подвоз к Пизре
качанов, оккупация Минска
качанов и пр.), — все
это ставит на очередь дня
вооруженное восстание.

Признавая так. обр.
что вооруж. восстание канцлер
но и вводит на работу, Ц.К.
представит вети и организа-
ции нашей руководящих
этих и с этой точки зр-
тия обдумать и разработать
вет практические вопросы
(связь с войсками сов. ст. Пизра, во-
вод войск из Пизры, во-
звращение москвитин и
минчан и т. д.).

**ЗАСЕДАНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА РСДРП(б)
16 (29) ОКТЯБРЯ 1917 г.²⁰³**

1

ДОКЛАД

ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ

Тов. Ленин оглашает резолюцию, принятую ЦК на предыдущем заседании. Сообщает, что резолюция была принята против двух голосов. Если возражавшие товарищи пожелают высказаться, то можно развернуть прения, пока же мотивирует эту резолюцию.

Если бы партии меньшевиков и эсеров порвали с соглашательством, можно было бы предложить им компромисс. Это предложение было сделано, но ясно было, что данными партиями этот компромисс был отвергнут*. С другой стороны, к этому периоду уже ясно определилось, что массы идут за нами. Это было еще до корниловщины. В доказательство приводит статистику выборов в Питере и в Москве. Корниловщина же еще решительнее толкнула массы к нам. Соотношение сил на Демократическом совещании. Положение ясное: либо диктатура корниловская, либо диктатура пролетариата и беднейших слоев крестьянства. Настроением масс руководиться невозможно, ибо оно изменчиво и не поддается учету; мы должны руководиться объективным анализом и оценкой революции. Массы дали доверие большевикам и требуют от них не слов, а дел, решительной политики и в борьбе с войной и в борьбе с разрухой. Если в основу положить политический анализ революции, то совершенно ясным станет, что даже анархические выступления теперь подтверждают это.

Далее анализирует положение в Европе и доказывает, что там революция еще труднее, чем у нас; если в такой стране, как Германия, дело дошло до восстания во флоте, то это доказывает, что и там дело уже очень далеко зашло. Положение международное дает нам ряд объективных данных, что,

* См. настоящий том, стр. 158—163. *Ред.*

выступая теперь, мы будем иметь на своей стороне всю пролетарскую Европу; доказывает, что буржуазия хочет сдать Питер. От этого мы можем спасти, только взяв Петроград в свои руки. Из всего этого ясен вывод, что на очереди то вооруженное восстание, о котором говорится в резолюции ЦК.

Что касается практических выводов из резолюции, то их удобнее сделать после заслушания докладов представителей центров.

Из политического анализа классовой борьбы и в России и в Европе вытекает необходимость самой решительной, самой активной политики, которая может быть только вооруженным восстанием.

2

ВЫСТУПЛЕНИЯ**ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ**

1

Тов. Ленин полемизирует с Милютиным и Шотманом и доказывает, что дело не в вооруженных силах, дело не идет о борьбе с войском, но о борьбе одной части войска с другой. Не видит пессимизма в том, что здесь говорилось. Доказывает, что силы на стороне буржуазии невелики. Факты доказывают, что мы имеем перевес над неприятелем. Почему ЦК не может начать? Это не вытекает из всех данных. Чтобы отбросить резолюцию ЦК, надо доказать, что разрухи нет, что международное положение не приводит к осложнениям. Если профессиональные деятели требуют всей власти, то они отлично понимают, что хотят. Объективные условия доказывают, что крестьянство нужно вести; за пролетариатом оно пойдет.

Боятся того, что мы не удержим власть, но у нас именно теперь особенные шансы удержать власть.

Выражает пожелание, чтобы дебаты велись в плоскости обсуждения резолюции по существу.

2

Если бы все резолюции так проваливались, то лучшего желать нельзя было бы. Теперь Зиновьев говорит так, что лозунг «власть Советам» — долой, и давить на правительство. Если говорить, что восстание назрело, то говорить о загово-

рах не приходится. Если политически восстание неизбежно, то нужно относиться к восстанию, как к искусству. А политически уже оно созрело.

Именно потому, что хлеба только на день, мы не можем ждать Учредительного собрания. Предлагает резолюцию подтвердить, к подготовке решительно готовиться и предоставить ЦК и Совету решить, когда.

3

Тов. Ленин возражает Зиновьеву, что нельзя противопоставить эту революцию революции февральской. По существу предлагает резолюцию.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК, призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленной подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным Комитетом центра и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления.

*Впервые напечатано в 1927 г.
в журнале
«Пролетарская Революция» № 10*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 34, стр. 394—397*

ПИСЬМО К ЧЛЕНАМ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ ²⁰⁴

Товарищи! Я не имел еще возможности получить питерские газеты от среды, 18 октября. Когда мне передали по телефону полный текст выступления Каменева и Зиновьева в непартийной газете «Новая Жизнь», то я отказался верить этому. Но сомнения оказались невозможны, и я вынужден воспользоваться случаем, чтобы доставить это письмо членам партии к четвергу вечером или к пятнице утром, ибо молчать перед фактом такого неслыханного *штрейкбрехерства* было бы преступлением.

Чем серьезнее практический вопрос, чем ответственнее — и «виднее» люди, совершившие *штрейкбрехерство*, тем опаснее оно, тем решительнее надо выкинуть вон *штрейкбрехеров*, тем непростительнее было бы колебаться из-за прошлых хотя бы «заслуг» *штрейкбрехера*.

Подумать только! В партийных кругах известно, что партия с сентября обсуждает вопрос о восстании. Ни об одном письме или листке ни одного из названных лиц никто ничего не слышал! Теперь, накануне, можно сказать, съезда Советов двое видных большевиков выступают *против* большинства и, явное дело, *против ЦК*. Это не говорится прямо, и от этого вред для дела еще больше, ибо намеками говорить еще опаснее.

Из текста заявления Каменева и Зиновьева ясно вполне, что они пошли против ЦК, ибо иначе их заявление бессмысленно, но *какое* именно постановление ЦК они оспорили, не сказано.

Почему?

Ясное дело: потому, что его не публиковал ЦК.

Что же это такое выходит?

По важнейшему боевому вопросу, накануне критического дня 20 октября, двое «видных большевиков» в непартийной

печати, и притом именно в такой газете, которая по данному вопросу идет *об руку с буржуазией против рабочей партии*, в такой газете нападают на *неопубликованное* решение центра партии!

Да ведь это в тысячу раз подлее и *в миллион раз вреднее* всех тех выступлений хотя бы Плеханова в непартийной печати в 1906—1907 гг., которые так резко осуждала партия! Ведь тогда шло дело только о выборах, а теперь идет дело о восстании для завоевания власти!

И по такому вопросу, *после* принятия центром решения, оспаривать это *неопубликованное* решение перед Родзянками и Керенскими, в газете непартийной — можно ли себе представить поступок более изменнический, более штрейкбрехерский?

Я бы считал позором для себя, если бы из-за прежней близости к этим бывшим товарищам я стал колебаться в осуждении их. Я говорю прямо, что товарищами их обоих больше не считаю и всеми силами и перед ЦК и перед съездом буду бороться за исключение обоих из партии.

Ибо рабочая партия, которую жизнь все чаще и чаще ставит лицом к лицу с восстанием, не в силах решать эту трудную задачу, если неопубликованные постановления центра, после их принятия, оспариваются в непартийной печати и в ряды борцов вносятся колебания и смута.

Пусть господа Зиновьев и Каменев основывают свою партию с десятками растерявшихся людей или кандидатов в Учредительное собрание. Рабочие в такую партию не пойдут; ибо ее первым лозунгом будет:

«цекистам, побежденным по вопросу о решительном бое на собрании ЦК, разрешается идти в непартийную печать для нападков на неопубликованные постановления партии».

Пусть строят они себе *такую* партию; наша рабочая партия большевиков от этого только выиграет.

Когда будут опубликованы все документы, штрейкбрехерство Зиновьева и Каменева выступит еще гораздо яснее. А пока перед рабочими пусть встанет вопрос:

«Допустим, правление Всероссийского профессионального союза решило, после месячного обсуждения и большинством свыше 80 процентов, что надо приготовить стачку, но ни о сроке, ни о чем ином пока не публиковать. Допустим, двое членов, прикрываясь облыжно «особым мнением», *после* решения не только стали писать в местные группы о пересмотре решения, но и допустили сообщения своих писем в *непартийные* газеты.

Допустим, что, наконец, они и сами в непартийных газетах напали на решение, хотя оно еще не опубликовано, и стали поносить стачку перед капиталистами.

Спрашивается, колебнутся ли рабочие исключить из своей среды подобных штрейкбрехеров?»

* * *

Что касается до положения вопроса о восстании теперь, так близко к 20 октября, то я издаю не могу судить, насколько именно испорчено дело штрейкбрехерским выступлением в непартийной печати. Несомненно, что *практический* вред нанесен очень большой. Для исправления дела надо прежде всего восстановить единство большевистского фронта исключением штрейкбрехеров.

Слабость идейных доводов против восстания будет тем яснее, чем больше мы вытащим их на свет божий. Я послал на днях статью об этом в «Рабочий Путь», и если редакция не сочтет возможным поместить ее, члены партии, вероятно, ознакомятся с ней в рукописи²⁰⁵.

Сводятся эти «идейные», с позволения сказать, доводы к двум: во-первых, к «ожиданию» Учредительного собрания. Подождем, авось дотянем, — вот и весь довод. Авось с голодом, с разрухой, с истощением терпения солдат, с родзянковскими шагами к сдаче Питера немцам, с локаутами авось еще дотянем.

Авось да небось, в этом вся сила довода.

Во-вторых, крикливый пессимизм. У буржуазии и Керенского все отлично, у нас все плохо. У капиталистов все подготовлено чудесно, у рабочих все плохо. «Пессимисты» насчет военной стороны дела кричат во всю глотку, а «оптимисты» молчат, ибо перед Родзянкой и Керенским открывать кое-что едва ли кому, кроме штрейкбрехеров, приятно.

Трудное время. Тяжелая задача. Тяжелая измена.

И все же таки задача будет решена, рабочие сплотятся, крестьянское восстание и крайнее нетерпение солдат на фронте сделают свое дело! Теснее сплотим ряды, — пролетариат должен победить!

Н. Ленин

Написано 18 (31) октября 1917 г.

Впервые напечатано 1 ноября 1927 г.
в газете «Правда» № 250

Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 34, стр. 419—422

ПИСЬМО В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ РСДРП(б)

Дорогие товарищи!

Уважающая себя партия не может терпеть штрейкбрехерства и штрейкбрехеров в своей среде. Это очевидно. А чем больше вдуматься в выступления Зиновьева и Каменева в непартийной прессе, тем более бесспорно становится, что их поступок представляет из себя полный состав штрейкбрехерства. Увертка Каменева на заседании Петроградского Совета есть нечто прямо низкое; он, видите ли, вполне согласен с Троцким. Но неужели трудно понять, что Троцкий *не мог*, не имел права, не должен перед врагами говорить больше, чем он сказал. Неужели трудно понять, что *долг* партии, скрывшей от врага *свое* решение (необходимости вооруженного восстания, о том, что оно вполне созрело, о всесторонней подготовке и т. д.), что это решение *обязывает* при публичных выступлениях не только «вину», но и почин сваливать на противника. Только дети могли бы не понять этого. Увертка Каменева просто жульничество. То же самое надо сказать про увертку Зиновьева. По крайней мере его «оправдывающееся» письмо (кажется, в Центральный Орган), письмо, которое я только и видел (ибо особого мнения, «якобы особого мнения», о коем трубит *буржуазная* печать, я, член ЦК, *до сих пор* не видал). Из «доводов» Зиновьева: Ленин рассылал свои письма «до принятия каких бы то ни было решений», и вы не протестовали. Так буквально пишет Зиновьев, подчеркивая сам четырьмя чертами слово *до*. Неужели трудно понять, что *до* решения центром вопроса о стачке агитировать и за и против можно, а *после* решения в пользу стачки (после добавочного решения скрыть это от врага), после этого агитировать против стачки есть штрейкбрехерство? Всякий рабочий поймет это. Вопрос о вооруженном восстании обсуждался в центре с сентября. Вот когда Зиновьев и Каменев могли и

должны были выступать письменно, чтобы *все*, видев их доводы, чтобы *все* оценили их полную растерянность. Прятать свои взгляды от партии целый месяц *до* принятия решения и рассылать особое мнение *после* решения — значит быть штрейкбрехером.

Зиновьев прикидывается непонимающим этой разницы, непонимающим того, что после решения о стачке, решения центра, лишь штрейкбрехеры могут агитировать перед низшими инстанциями против решения. Всякий рабочий поймет это.

А Зиновьев именно агитировал и срывал решения центра как на воскресном собрании²⁰⁶, где он и Каменев ни одного голоса не приобрели, так и в своем теперешнем письме. Ибо Зиновьев имеет бесстыдство утверждать, что «партия не опрошена» и что такие вопросы «не решаются десятью человеками». Подумайте только. Все цекисты знают, что на решающем собрании присутствовало больше десяти членов ЦК, что присутствовало *большинство пленума*, что сам Каменев на этом собрании заявил: «Это собрание решающее», что про отсутствующих членов ЦК было досконально известно, что *большинство* из них *не согласно* с Зиновьевым и Каменевым. И вот, *после* решения ЦК на собрании, которое и Каменев признал *решающим*, член ЦК имеет наглость писать: «Партия не опрошена». «Такие вопросы десятью не решаются»; это полный состав штрейкбрехерства. До съезда партии решает ЦК. ЦК решил. Каменев и Зиновьев, не выступавшие письменно *до* решения, стали *оспаривать* решение ЦК *после* того, как оно состоялось.

Это есть полный состав штрейкбрехерства. После принятия решения никакое оспорение *недопустимо*, раз дело касается немедленной и *тайной* подготовки к стачке. Зиновьев имеет наглость на *нас* сваливать теперь «предупреждение неприятеля». Где же граница бесстыдству? Кто, в самом деле, испортил дело, сорвал стачку «предупреждением неприятеля», как не люди, выступившие в *непартийной* прессе?

В газете, которая по *данному* вопросу идет заодно со всей буржуазией, выступать *против* «решающего» постановления партии.

Если терпеть это, то партия невозможна, партия разбита.

Называть «особым мнением» то, что узнает и пропечатывает Базаров в непартийной газете, — это значит издеваться над партией.

Выступление Каменева и Зиновьева в непартийной печати было особенно подло еще потому, что их *кляузную* ложь партия не может опровергнуть открыто: мне неизвестны ре-

шения о сроке, пишет и печатает от своего и Зиновьева имени Каменев. (Зиновьев вполне ответственен за все поведение и выступление Каменева после такого заявления.)

Как может ЦК опровергнуть это?

Мы не можем сказать перед капиталистами правды, именно, что мы *решили* стачку и решили *скрыть* выбор момента для нее.

Мы не можем опровергнуть кляузной лжи Зиновьева и Каменева, *не вредя еще больше делу*. В том-то и состоит безмерная подлость, настоящее изменничество обоих этих лиц, что они перед капиталистами выдали план стачечников, ибо, раз мы молчим в печати, всякий догадается, как стоит дело.

Каменев и Зиновьев *выдали* Родзянке и Керенскому решение ЦК своей партии о вооруженном восстании и о сокрытии от врага подготовки вооруженного восстания, выбора срока для вооруженного восстания. Это факт. Никакими увертками нельзя опровергнуть этого факта. Двое членов ЦК кляузной ложью перед капиталистами *выдали* им решение рабочих. Ответ на это может и должен быть один: немедленное решение ЦК:

«Признав полный состав штрейкбрехерства в выступлении Зиновьева и Каменева в непартийной печати, ЦК исключает обоих из партии».

Мне нелегко писать это про бывших близких товарищей, но колебания я считал бы здесь преступлением, ибо иначе партия революционеров, не карающая видных штрейкбрехеров, *погибла*.

Вопрос о вооруженном восстании, даже если его надолго отсрочили выдавшие дело Родзянке и Керенскому штрейкбрехеры, не *снят*, не снят партией. Как же можно готовиться к вооруженному восстанию и готовить его, *терпя* в своей среде «видных» штрейкбрехеров? Чем виднее, тем *опаснее*, тем более недостойно «прощать». On n'est trahi que par les siens, говорят французы. Изменником может стать лишь *свой* человек.

Чем «*виднее*» штрейкбрехеры, тем обязательнее немедля карать их исключением.

Только так можно оздоровить рабочую партию, очиститься от дюжины бесхарактерных интеллигентов, сплотив ряды революционеров, идти навстречу великим и величайшим трудностям, идти *с революционными рабочими*.

Мы не можем напечатать правды: что *после* решающего собрания ЦК Зиновьев и Каменев имели наглость требовать *пересмотра* на воскресном собрании, что Каменев бесстыдно кричал: «ЦК провалился, ибо за неделю ничего не сделал»

(опровергать я *не* мог, ибо сказать, что именно сделано, нельзя), а Зиновьев с невинным видом предлагал проваленную собранием резолюцию: «Не выступать до совещания с большевиками, имеющими приехать 20-го на съезд Советов».

Подумать только: после решения *центром* вопроса о стачке предлагать собранию низов отложить его и передать (к съезду 20-го, а съезд отложили потом... Зиновьевы верят Либердам), передать *такой* коллегии, которой устав партии не знает, которая над ЦК *не* властна, которая Питера *не* знает.

И *после этого* еще Зиновьев имеет наглость писать: «Так едва ли укрепляют единство партии».

Извольте это назвать иначе, как угрозу расколом.

Я на такую угрозу отвечаю, что пойду до конца, добьюсь себе свободы слова перед рабочими и, *во что бы то ни стало*, буду клеймить штрейкбрехера Зиновьева как штрейкбрехера. На угрозу раскола я отвечаю объявлением войны до конца, за исключение обоих штрейкбрехеров из партии.

Правление профессионального союза после *месячных* дебатов решило: стачка неизбежна и назрела, срок скроем от хозяев. После этого двое из правления идут *в низы* оспаривать решение и проваливаются. Тогда двое идут в печать перед капиталистами и выдают посредством кляузной лжи решение правления, срывая этим стачку на добрую половину или оттягивая ее до худшего времени, предупреждая неприятеля.

Вот полный состав штрейкбрехерства. И вот почему я требую исключения обоих штрейкбрехеров, сохраняя за собой право (ввиду их угрозы расколом) *все* опубликовать, когда можно будет публиковать.

Написано 19 октября (1 ноября) 1917 г.

Впервые напечатано 1 ноября
1927 г. в газете «Правда» № 250

Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 34, стр. 423—427

ПИСЬМО Я. М. СВЕРДЛОВУ

Тов. Свердлову.

Только вчера вечером узнал, что Зиновьев *письменно* отрицает свое участие в выступлении Каменева в «Новой Жизни».

Как же это Вы ничего мне не присылаете???

Все письма о Каменеве и Зиновьеве я посылал *только* членам ЦК. — Вы это знаете; не странно ли после этого, что Вы точно сомневаетесь в этом.

На пленуме мне, видно, не удастся быть, ибо меня «ловят». По делу Зиновьева и Каменева, если *вы* (+ Сталин, Сокольников и Дзержинский) требуете компромисса²⁰⁷, внесите *против* меня предложение о сдаче дела в партийный суд (факты ясны, что и Зиновьев *срывал* умышленно): это будет отсрочкой.

«Отставка Каменева принята»? Из ЦК? Пришлите текст его заявления.

Отмена демонстрации казаков²⁰⁸ есть гигантская *победа*. Ура! *Наступать* из *всех сил* и мы победим вполне в несколько дней! Лучшие приветы! Ваш.

Написано 22 или 23 октября
(4 или 5 ноября) 1917 г.

Впервые напечатано в 1957 г. в книге
«Октябрьское вооруженное восстание
в Петрограде», М., изд. Академии наук
СССР

Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 34, стр. 434

ПИСЬМО ЧЛЕНАМ ЦК ²⁰⁹

Товарищи!

Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно.

Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс.

Буржуазный натиск корниловцев, удаление Верховского показывает, что ждать нельзя. Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д.

Нельзя ждать!! Можно потерять все!!

Цена взятия власти тотчас: защита *народа* (не съезда, а народа, армии и крестьян в первую голову) от корниловского правительства, которое прогнало Верховского и составило второй корниловский заговор.

Кто должен взять власть?

Это сейчас неважно: пусть ее возьмет Военно-революционный комитет ²¹⁰ «или другое учреждение», которое заявит, что сдаст власть только истинным представителям интересов народа, интересов армии (предложение мира тотчас), интересов крестьян (землю взять должно тотчас, отменить частную собственность), интересов голодных.

Надо, чтобы все районы, все полки, все силы мобилизовались тотчас и послали немедленно делегации в Военно-революционный комитет, в ЦК большевиков, настоятельно требуя: ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского

и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью.

История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять много завтра, рискуя потерять все.

Взяв власть сегодня, мы берем ее не против Советов, а для них.

Взятие власти есть дело восстания; его политическая цель выяснится после взятия.

Было бы гибелью или формальностью ждать колеблющегося голосования 25 октября, народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованиями, а силой; народ вправе и обязан в критические моменты революции направлять своих представителей, даже своих лучших представителей, а не ждать их.

Это доказала история всех революций, и безмерным было бы преступление революционеров, если бы они упустили момент, зная, что от них зависит *спасение революции*, предложение мира, спасение Питера, спасение от голода, передача земли крестьянам.

Правительство колеблется. Надо *добить* его во что бы то ни стало!

Промедление в выступлении смерти подобно.

Написано 24 октября (6 ноября) 1917 г.

Впервые напечатано в 1924 г.

Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 34, стр. 435—436

К ГРАЖДАНАМ РОССИИ! ²¹¹

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

*Военно-революционный комитет
при Петроградском Совете рабочих
и солдатских депутатов*

25-го октября 1917 г., 10 ч. утра.

*«Рабочий и Солдат» № 8,
25 октября (7 ноября) 1917 г.*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 35, стр. 1*

ВТОРОЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ²¹²

25—26 ОКТЯБРЯ (7—8 НОЯБРЯ) 1917 г.

I

РАБОЧИМ, СОЛДАТАМ И КРЕСТЬЯНАМ!

Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов открылся. На нем представлено громадное большинство Советов. На съезде присутствует и ряд делегатов от крестьянских Советов. Полномочия соглашательского ЦИК окончилась. Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки.

Временное правительство низложено. Большинство членов Временного правительства уже арестовано.

Советская власть предложит немедленный демократический мир всем народам и немедленное перемирие на всех фронтах. Она обеспечит безвозмездную передачу помещичьих, удельных и монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов, отстоит права солдата, проведя полную демократизацию армии, установит рабочий контроль над производством, обеспечит своевременный созыв Учредительного собрания, озаботится доставкой хлеба в города и предметов первой необходимости в деревню, обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение.

Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок.

Съезд призывает солдат в окопах к бдительности и стойкости. Съезд Советов уверен, что революционная армия сумеет защитить революцию от всяких посягательств империализма, пока новое правительство не добьется заключения демократического мира, который оно непосредственно предложит всем народам. Новое правительство примет все меры

к тому, чтобы обеспечить революционную армию всем необходимым, путем решительной политики реквизиций и обложения имущих классов, а также улучшить положение солдатских семей.

Корниловцы — Керенский, Каледин и др. — делают попытки вести войска на Петроград. Несколько отрядов, обманным путем двинутых Керенским, перешли на сторону восставшего народа.

Солдаты, окажите активное противодействие корниловцу Керенскому! Будьте настороже!

Железнодорожники, останавливайте все эшелоны, посылаемые Керенским на Петроград!

Солдаты, рабочие, служащие, — в ваших руках судьба революции и судьба демократического мира!

Да здравствует революция!

*Всероссийский съезд Советов рабочих
и солдатских депутатов*

Делегаты от крестьянских Советов

Написано 25 октября (7 ноября) 1917 г.

2

ДОКЛАД О МИРЕ 26 ОКТЯБРЯ (8 НОЯБРЯ)

Вопрос о мире есть жгучий вопрос, больной вопрос современности. О нем много говорено, написано, и вы все, вероятно, не мало обсуждали его. Поэтому позвольте мне перейти к чтению декларации, которую должно будет издать избранное вами правительство.

ДЕКРЕТ О МИРЕ

Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран, — миром, которого самым определенным и

настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии, — таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас же все решительные шаги, впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций.

Под аннексией или захватом чужих земель правительство понимает, согласно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности, всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет.

Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насилем, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию — все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или возмущениях и восстаниях против национального гнета, — не предоставляется права свободным голосованием, при полном выводе войска присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, т. е. захватом и насилем.

Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей условиях.

Вместе с тем правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т. е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении

их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира.

Тайную дипломатию правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 года. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, правительство объявляет безусловно и немедленно отмененным.

Обращаясь с предложением к правительствам и народам всех стран начать немедленно открытые переговоры о заключении мира, правительство выражает с своей стороны готовность вести эти переговоры как посредством письменных сношений, по телеграфу, так и путем переговоров между представителями разных стран или на конференции таковых представителей. Для облегчения таких переговоров правительство назначает своего полномочного представителя в нейтральные страны.

Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие, причем со своей стороны считает желательным, чтобы это перемирие было заключено не меньше как на 3 месяца, т. е. на такой срок, в течение которого вполне возможно как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без изъятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней, так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира.

Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, временное рабочее и крестьянское правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств: Англии, Франции и Германии. Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма: и великие образцы чартистского движения в Англии²¹³, ряд революций, имевших всемирно-историческое значение, совершенных французским пролетариатом, наконец, в героической борьбе против исключительного закона в Германии и образцовой для рабочих всего мира длительной, упорной

дисциплинированной работе создания массовых пролетарских организаций Германии. Все эти образцы пролетарского героизма и исторического творчества служат нам порукой за то, что рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие всесторонней, решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации.

Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, должно немедленно начать переговоры о мире. Наше обращение должно быть направлено и к правительствам и к народам. Мы не можем игнорировать правительства, ибо тогда затягивается возможность заключения мира, а народное правительство не смеет это делать, но мы не имеем никакого права одновременно не обратиться и к народам. Везде правительства и народы расходятся между собой, а поэтому мы должны помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира. Мы, конечно, будем всемерно отстаивать всю нашу программу мира без аннексий и контрибуций. Мы не будем отступать от нее, но мы должны вышибить из рук наших врагов возможность сказать, что их условия другие, и поэтому нечего вступать с нами в переговоры. Нет, мы должны лишить их этого выигрышного положения и не ставить наших условий ультимативно. Поэтому и включено положение о том, что мы рассмотрим всякие условия мира, все предложения. Рассмотрим, это еще не значит, что примем. Мы внесем их на обсуждение Учредительного собрания, которое уже будет властно решить, что можно и чего нельзя уступить. Мы боремся против обмана правительств, которые все на словах говорят о мире, справедливости, а на деле ведут захватные грабительские войны. Ни одно правительство не скажет всего того, что думает. Мы же против тайной дипломатии и будем действовать открыто перед всем народом. Мы не закрываем и не закрывали глаз на трудности. Войну нельзя кончить отказом, войну нельзя кончить одной стороне. Мы предлагаем перемирие на три месяца, но не отвергаем и более короткого срока, чтобы хоть на некоторое время могла вздохнуть свободно измученная армия, и, кроме того, во всех культурных странах необходимо созвать народные собрания, чтобы обсудить условия.

Предлагая немедленно заключить перемирие, мы обращаемся к сознательным рабочим тех стран, которые много сделали для развития пролетарского движения. Мы и обращаемся к рабочим Англии, где было чартистское движение, к рабочим Франции, неоднократно в восстаниях показавшим всю силу своего классового сознания, и к рабочим Германии, вынесшим борьбу с законом о социалистах и создавшим могучие организации.

В манифесте 14 марта мы предлагали свергнуть банкиров²¹⁴, но сами своих не только не свергли, но даже вступили с ними в союз. Теперь мы свергли правительство банкиров.

Правительства и буржуазия употребят все усилия, чтобы объединиться и раздавить в крови рабочую и крестьянскую революцию. Но три года войны достаточно научили массы. Советское движение в других странах, восстание германского флота, подавленное юнкерами палача Вильгельма. Наконец, надо помнить, что мы живем не в глубине Африки, а в Европе, где все может быть скоро известно.

Рабочее движение возьмет верх и проложит дорогу к миру и социализму. (Долгие несмолкаемые аплодисменты.)

3

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ О МИРЕ 26 ОКТЯБРЯ (8 НОЯБРЯ)

Я не буду касаться общего характера декларации. Правительство, которое ваш съезд создаст, сможет внести и изменение несущественных пунктов.

Я буду высказываться решительно против того, чтобы наше требование о мире было ультимативным. Ультимативность может оказаться губительной для всего нашего дела. Мы не можем требовать, чтобы какое-нибудь незначительное отступление от наших требований дало возможность империалистическим правительствам сказать, что нельзя было вступить в переговоры о мире из-за нашей непримиримости.

Мы наше обращение разошлем всюду, все будут знать. Скрыть об условиях, выдвинутых нашим рабоче-крестьянским правительством, будет нельзя.

Нельзя скрыть о нашей рабоче-крестьянской революции, свергнувшей правительство банкиров и помещиков.

При ультимативности, правительства могут не ответить, при нашей редакции они должны будут ответить. Пусть каждый будет знать, что думают их правительства. Мы не хотим тайны. Мы хотим, чтобы правительство всегда было под контролем общественного мнения своей страны.

Что скажет крестьянин какой-нибудь отдаленной губернии, если из-за нашей ультимативности он не будет знать, что хочет другое правительство. Он скажет: товарищи, зачем вы исключили возможность предложений всяких условий мира. Я бы их обсудил, я бы их просмотрел, а затем бы наказал моим представителям в Учредительное собрание, как им поступить. Я готов биться революционным путем за справедливые условия, если правительства не согласятся, но могут быть такие условия для некоторых стран, что я готов предложить этим правительствам бороться самим дальше. Полное осуществление наших мыслей зависит только от свержения всего капиталистического строя. Вот что может сказать нам крестьянин, и он обвинит нас в излишней неуступчивости и в мелочах, когда нам главное надо раскрыть всю мерзость, все негодяйство буржуазии и ее коронованных и некоронованных палачей, поставленных во главе правительства.

Мы не смеем, не должны давать возможность правительствам спрятаться за нашу неуступчивость и скрыть от народов, за что их посылают на бойню. Это капля, но мы не смеем, мы не должны отказываться от этой капли, которая долбит камень буржуазного захвата. Ультимативность облегчит нашим противникам их положение. Мы же все условия покажем народу. Мы все правительства поставим перед нашими условиями, и пусть они дадут ответ своим народам. Мы все предложения мира внесем на заключение Учредительного собрания.

Есть еще один пункт, на который вам, товарищи, надо обратить пристальное внимание. Тайные договоры должны быть опубликованы. Должны быть отменены пункты об аннексиях и контрибуциях. Есть разные пункты, товарищи, — ведь грабительские правительства не только соглашались о грабежах, но среди таких соглашений они помещали и экономические соглашения и разные другие пункты о добрососедских отношениях.

Мы не связываем себя договорами. Мы не дадим себя опутать договорами. Мы отвергаем все пункты о грабежах и насилиях, но все пункты, где заключены условия добрососедские и соглашения экономические, мы радушно примем, мы их не можем отвергать. Мы предлагаем перемирие на срок

три месяца, мы выбираем длинный срок, потому что народы утомлены, народы жаждут отдыха от этой кровавой бойни, длящейся четвертый год. Мы должны понимать, что необходимо обсудить условия мира народам, выразить свою волю, при участии парламента, а для этого должен быть дан срок. Мы потому требуем длительного перемирия, чтобы отдохнула армия в окопах от этого кошмара вечных убийств, но мы не отвергаем предложений и более короткого перемирия, мы их рассмотрим и мы их должны будем принять, даже если нам предложат перемирие на месяц или на полтора. Наше предложение о перемирии тоже не должно быть ультимативным, ибо мы не дадим возможности нашим врагам скрыть всю правду от народов, спрятавшись за нашу непримиримость. Оно не должно быть ультимативным, ибо преступно правительство, не желающее перемирия. Если же мы предложение наше о перемирии сделаем не ультимативным, то мы тем самым заставим правительства в глазах народа стать преступниками, а с такими преступниками народы не станут церемониться. Нам возражают, что наша неультимативность покажет наше бессилие, но пора отбросить всю буржуазную фальшь в разговорах о силе народа. Сила, по буржуазному представлению, это тогда, когда массы идут слепо на бойню, повинаясь указке империалистических правительств. Буржуазия только тогда признает государство сильным, когда оно может всей мощью правительственного аппарата бросить массы туда, куда хотят буржуазные правители. Наше понятие о силе иное. По нашему представлению государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно. Нам нечего бояться сказать правду об усталости, ибо какое государство сейчас не устало, какой народ не говорит открыто об этом? Возьмите Италию, где на почве этой усталости было длительное революционное движение, требовавшее прекращения бойни. Разве в Германии не происходит массовых демонстраций рабочих, на которых выбрасываются лозунги о прекращении войны? Разве не усталостью вызвано то восстание германского флота, которое так беспощадно подавлено палачом Вильгельмом и его прислужниками? Если возможны такие явления в такой дисциплинированной стране, как Германия, где начинают говорить об усталости, о прекращении войны, то нам нечего бояться, если мы скажем открыто о том же, ибо это правда, одинаково верная как для нас, так и для всех воюющих и даже невоюющих стран.

4

**ДОКЛАД О ЗЕМЛЕ
26 ОКТЯБРЯ (8 НОЯБРЯ)**

Мы полагаем, что революция доказала и показала, насколько важно, чтобы вопрос о земле был поставлен ясно. Возникновение вооруженного восстания, второй, Октябрьской революции ясно доказывает, что земля должна быть передана в руки крестьян. Преступление совершало то правительство, которое свергнуто, и соглашательские партии меньшевиков и с.-р., которые под разными предлогами оттягивали разрешение земельного вопроса и тем самым привели страну к разрухе и к крестьянскому восстанию. Фальшью и трусливым обманом звучат их слова о погромах и анархии в деревне. Где и когда погромы и анархия вызывались разумными мерами? Если бы правительство поступало разумно и если бы его меры шли навстречу нуждам крестьянской бедноты, то разве крестьянская масса стала бы волноваться? Но все меры правительства, одобряемые авксентьевским и дановским Советами, шли против крестьян и вынудили их на восстание.

Вызвав восстание, оно стало кричать о погромах и анархии, которые само же вызвало. Оно хотело задавить его железом и кровью, но само было сметено вооруженным восстанием революционных солдат, матросов и рабочих. Правительство рабоче-крестьянской революции в первую голову должно решить вопрос о земле, — вопрос, который может успокоить и удовлетворить огромные массы крестьянской бедноты. Я прочту вам те пункты декрета, который должно выпустить ваше Советское правительство. В одном из пунктов этого декрета помещен наказ земельным комитетам, составленный на основании 242 наказов местных Советов крестьянских депутатов.

ДЕКРЕТ О ЗЕМЛЕ

1) Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа.

2) Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, впредь до Учредительного собрания.

3) Какая бы то ни была порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, объявляется тяжким

преступлением, караемым революционным судом. Уездные Советы крестьянских депутатов принимают все необходимые меры для соблюдения строжайшего порядка при конфискации помещичьих имений, для определения того, до какого размера участки и какие именно подлежат конфискации, для составления точной описи всего конфискуемого имущества и для строжайшей революционной охраны всего переходящего к народу хозяйства на земле со всеми постройками, орудиями, скотом, запасами продуктов и проч.

4) Для руководства по осуществлению великих земельных преобразований, впредь до окончательного их решения Учредительным собранием, должен повсюду служить следующий крестьянский наказ, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов редакцией «Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов»²¹⁵ и опубликованный в номере 88 этих «Известий» (Петроград, № 88, 19 августа 1917 г.).

КРЕСТЬЯНСКИЙ НАКАЗ О ЗЕМЛЕ

«Вопрос о земле, во всем его объеме, может быть разрешен только всенародным Учредительным собранием.

Самое справедливое разрешение земельного вопроса должно быть таково:

1) *Право частной собственности на землю отменяется навсегда*; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема.

Вся земля: *государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная*²¹⁶, *частновладельческая, общественная и крестьянская и т. д. отчуждается безвозмездно*, обращается в всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней.

За пострадавшими от имущественного переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям существования.

2) Все недра земли: руда, нефть, уголь, соль и т. д., а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, переходят в исключительное пользование государства. Все мелкие реки, озера, леса и проч. переходят в пользование общин, при условии заведования ими местными органами самоуправления.

3) Земельные участки *с высококультурными хозяйствами: сады, плантации, рассадники, питомники, оранжереи и т. под. не подлежат разделу, а превращаются в показательные* и передаются в исключительное пользование государства или общин, в зависимости от размера и значения их.

Усадебная, городская и сельская земля, с домашними садами и огородами, остается в пользовании настоящих владельцев, причем размер самих участков и высота налога за пользование ими определяется законодательным порядком.

4) Конские заводы, казенные и частные племенные скотоводства и птицеводства и проч. конфискуются, обращаются во всенародное достояние и переходят либо в исключительное пользование государства, либо общины, в зависимости от величины и значения их.

Вопрос о выкупе подлежит рассмотрению Учредительного собрания.

5) Весь хозяйственный инвентарь конфискованных земель, живой и мертвый, переходит в исключительное пользование государства или общины, в зависимости от величины и значения их, без выкупа.

Конфискация инвентаря не касается малоземельных крестьян.

6) Право пользования землею получают все граждане (без различия пола) Российского государства, желающие обрабатывать ее своим трудом, при помощи своей семьи, или в товариществе, и только до той поры, пока они в силах ее обрабатывать. Наемный труд не допускается.

При случайном бессилии какого-либо члена сельского общества в продолжение 2 лет сельское общество обязуется, до восстановления его трудоспособности на этот срок, прийти к нему на помощь путем общественной обработки земли.

Земледельцы, вследствие старости или инвалидности, утратившие навсегда возможность лично обрабатывать землю, теряют право на пользование ею, но взамен того получают от государства пенсионное обеспечение.

7) Землепользование должно быть уравнительным, т. е. земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, по трудовой или потребительной норме.

Формы пользования землею должны быть совершенно свободны, подворная, хуторская, общинная, артельная, как решено будет в отдельных селениях и поселках.

8) Вся земля, по ее отчуждению, поступает в общенародный земельный фонд. Распределением ее между трудящимися заведуют местные и центральные самоуправления, начиная от демократически организованных бессословных сельских и городских общин и кончая центральными областными учреждениями.

Земельный фонд подвергается периодическим переделам в зависимости от прироста населения и поднятия производительности и культуры сельского хозяйства.

При изменении границ наделов первоначальное ядро надела должно остаться неприкосновенным.

Земля выбывающих членов поступает обратно в земельный фонд, причем преимущественное право на получение участков выбывших членов получают ближайшие родственники их и лица по указанию выбывших.

Вложенная в землю стоимость удобрения и мелиорации (коренные улучшения), поскольку они не использованы при сдаче надела обратно в земельный фонд, должны быть оплачены.

Если в отдельных местностях наличный земельный фонд окажется недостаточным для удовлетворения всего местного населения, то избыток населения подлежит переселению.

Организацию переселения, равно как и расходы по переселению и снабжению инвентарем и проч. должно взять на себя государство.

Переселение производится в следующем порядке: желающие безземельные крестьяне, затем порочные члены общины, дезертиры и проч. и, наконец, по жребию, либо по соглашению».

Все содержащееся в этом наказе, как выражение безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России, объявляется временным законом, который впредь до Учредительного собрания проводится в жизнь по возможности немедленно, а в известных своих частях с той необходимой постепенностью, которая должна определяться уездными Советами крестьянских депутатов.

5) Земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются.

Здесь раздаются голоса, что сам декрет и наказ составлен социалистами-революционерами. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны. В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда. И если даже крестьяне пойдут и дальше за социалистами-революционерами и если они даже этой партии дадут на Учредительном собрании большинство, то и тут мы скажем: пусть так. Жизнь — лучший учитель, а она укажет, кто прав, и пусть крестьяне с одного конца, а мы с другого конца будем разрешать этот вопрос. Жизнь заставит нас сблизиться в общем потоке революционного творчества, в выработке новых государственных форм. Мы должны следовать за жизнью, мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам. Старое правительство, свергнутое вооруженным восстанием, хотело разрешить земельный вопрос с помощью несменной старой царской бюрократии. Но вместо разрешения вопроса бюрократия только боролась против крестьян. Крестьяне кое-чему научились за время нашей восьмимесячной революции, они сами хотят решить все вопросы о земле. Поэтому мы высказываемся против всяких поправок в этом законопроекте, мы не хотим детализации, потому что мы пишем декрет, а не программу действий. Россия велика, и местные условия в ней различны; мы верим, что крестьянство само лучше нас сумеет правильно, так, как надо, разрешить вопрос. В духе ли нашем, в духе ли эсеровской программы, — не в этом суть. Суть в том, чтобы крестьянство получило твердую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет, что пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь. (Шумные аплодисменты.)

5

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБ ОБРАЗОВАНИИ РАБОЧЕГО И КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановляет:

Образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания, временное рабочее и крестьянское

правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров. Заведование отдельными отраслями государственной жизни поручается комиссиям, состав которых должен обеспечить проведение в жизнь провозглашенной съездом программы, в тесном единении с массовыми организациями рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян и служащих. Правительственная власть принадлежит коллегии председателей этих комиссий, т. е. Совету Народных Комиссаров.

Контроль над деятельностью народных комиссаров и право смещения их принадлежит Всероссийскому съезду Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и его Центральному Исполнительному Комитету.

В настоящий момент Совет Народных Комиссаров составляется из следующих лиц:

Председатель Совета — *Владимир Ульянов (Ленин)*;

Народный комиссар по внутренним делам — *А. И. Рыков*;

Земледелия — *В. П. Милютин*;

Труда — *А. Г. Шляпников*;

По делам военным и морским — комитет в составе: *В. А. Овсеенко (Антонов), Н. В. Крыленко и П. Е. Дыбенко*;

По делам торговли и промышленности — *В. П. Ногин*;

Народного просвещения — *А. В. Луначарский*;

Финансов — *И. И. Скворцов (Степанов)*;

По делам иностранным — *Л. Д. Бронштейн (Троцкий)*;

Юстиции — *Г. И. Оппоков (Ломов)*;

По делам продовольствия — *И. А. Теодорович*;

Почт и телеграфов — *Н. П. Авилов (Глебов)*;

Председатель по делам национальностей — *И. В. Джугашвили (Сталин)*.

Пост народного комиссара по делам железнодорожным временно остается незамененным.

Написано 26 октября (8 ноября) 1917 г.

Напечатано: воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!» — 26 октября (8 ноября) 1917 г. в газете «Рабочий и Солдат» № 9; доклады о мире и о земле, заключительное слово по докладу о мире — 10 ноября (28 октября) 1917 г. в газетах «Правда» № 171 и «Известия ЦИК» № 209; Декрет о мире — 9 ноября (27 октября) 1917 г. в газетах «Правда» № 170 и «Известия ЦИК» № 208; Декрет о земле — 10 ноября (28 октября) 1917 г. в газетах «Правда» № 171 и «Известия ЦИК» № 209; постановление об образовании рабочего и крестьянского правительства — 27 октября (9 ноября) 1917 г. в газете «Рабочий и Солдат» № 10

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 35, стр. 7—29*

ПРОЕКТ ПОЛОЖЕНИЯ О РАБОЧЕМ КОНТРОЛЕ ²¹⁷

1. Во всех промышленных, торговых, банковых, сельскохозяйственных и прочих предприятиях, с числом рабочих и служащих (вместе) не менее 5 лиц или с оборотом не менее 10 000 рублей в год, вводится *рабочий контроль* за производством, хранением и куплей-продажей всех продуктов и сырых материалов.

2. Рабочий контроль осуществляют все рабочие и служащие предприятия либо непосредственно, если предприятие так мало, что это возможно, либо через своих выборных представителей, которые должны быть выбраны *немедленно* на общих собраниях с протоколом выборов и сообщением имен выбранных в правительство и в местные Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

3. Без разрешения выборных представителей от рабочих и служащих безусловно воспрещается приостановка предприятия или производства, имеющего общегосударственное значение (см. § 7), а равно всякие изменения в его ходе.

4. Для этих выборных представителей должны быть открыты *все*, без изъятия, книги и документы, а равно *все* склады и запасы материалов, орудий и продуктов, без всякого изъятия.

5. Решения выборных представителей рабочих и служащих обязательны для владельцев предприятий и могут быть отменяемы лишь профессиональными союзами и съездами.

6. Во всех предприятиях, имеющих общегосударственное значение, *все* владельцы и *все* выборные представители рабочих и служащих, выбранные для осуществления рабочего контроля, объявляются ответственными перед государством за строжайший порядок, дисциплину и охрану имущества. Виновные в нерадивости, сокрытии запасов, отчетов

и пр. караются конфискацией всего имущества и тюрьмою до 5 лет.

7. Предприятиями, имеющими общегосударственное значение, признаются все предприятия, работающие на оборону, а равно связанные так или иначе с производством продуктов, необходимых для существования массы населения.

8. Более подробные правила рабочего контроля устанавливаются местными Советами рабочих депутатов и конференциями фабрично-заводских комитетов, а равно комитетов служащих на общих собраниях их представителей.

*Написано 26 или 27 октября
(8 или 9 ноября) 1917 г.*

*Впервые напечатано в 1929 г.
во 2—3 изданиях Сочинений
В. И. Ленина, том XXII*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 35, стр. 30—31*

РАДИО СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

30 ОКТЯБРЯ (12 НОЯБРЯ) 1917 г.

Всем. Всем

Всероссийский съезд Советов выделил новое Советское правительство. Правительство Керенского низвергнуто и арестовано. Керенский сбежал. Все учреждения в руках Советского правительства. 29-го октября началось восстание юнкеров, освобожденных на честное слово 25 октября. Восстание в тот же день подавлено. Керенский и Савинков с юнкерами и частью казаков пробрались обманным путем до Царского Села. Советское правительство мобилизовало силы для подавления нового корниловского похода на Петроград. Вызван флот к столице с броненосцем «Республика» во главе. Юнкера и казаки Керенского колеблются. К нам прибывают пленные из лагеря Керенского с заверением в том, что казаки обмануты, и, если поймут, в чем дело, не будут стрелять. Советское правительство принимает все меры к тому, чтобы предупредить кровопролитие. Если избежать кровопролития не удастся, если отряды Керенского все же начнут стрелять, Советское правительство не остановится перед беспощадными мерами подавления нового керенско-корниловского похода.

Сообщаем для сведения, что съездом Советов, который разъехался уже, приняты два важных декрета: 1) о немедленном переходе всех помещичьих земель в руки крестьянских комитетов и 2) о предложении демократического мира.

Председатель Советского правительства
Владимир Ульянов (Ленин)

*«Газета Временного Рабочего
и Крестьянского Правительства» № 2,
30 октября (12 ноября) 1917 г.
и «Известия ЦИК» № 212, 31 октября
1917 г.*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 35, стр. 41*

ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ЗАСЕДАНИИ ЦК РСДРП(б)

1 (14) НОЯБРЯ 1917 г.

ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ

1

Тов. Ленин считает, что политика Каменева должна быть прекращена в тот же момент. Разговаривать с Викжелем теперь не приходится²¹⁸. Нужно отправить войска в Москву. Предлагает резолюцию о Викжеле. Викжель в Совет не входит, и его туда впускать нельзя; Советы — органы добровольные, а Викжель не имеет опоры в массах.

2

Тов. Ленин считает, что переговоры должны были быть как дипломатическое прикрытие военных действий. Единственное решение, которое правильно, это было бы уничтожить колебания колеблющихся и стать самим решительными. Нужно прийти на помощь москвичам, и победа наша обеспечена.

3

Тов. Ленин. Вопрос стоит основной, и пора покончить с колебаниями. Ясно, что Викжель стоит на стороне Каледина и Корниловых. Колебаться нельзя. За нами большинство рабочих и крестьян и армии. Здесь никто не доказал, что низы против нас; либо с агентами Каледина, либо с низами. Мы должны опираться на массы, должны послать в деревни агитаторов. Викжелю было предложено доставить войска в Москву, он отказал, мы должны апеллировать к массам, и они его сбросят.

**РЕЗОЛЮЦИЯ ЦК РСДРП(б)
ПО ВОПРОСУ ОБ ОППОЗИЦИИ ВНУТРИ ЦК
2 (15) НОЯБРЯ 1917 г.**

Центральный Комитет признает настоящее заседание имеющим историческую важность и потому необходимым зафиксировать две позиции, обнаружившиеся здесь.

1) Центральный Комитет признает, что сложившаяся внутри ЦК оппозиция целиком отходит от всех основных позиций большевизма и пролетарской классовой борьбы вообще, повторяя глубоко немарксистские словечки о невозможности социалистической революции в России, о необходимости уступить ультиматумам и угрозам уйти со стороны заведомого меньшинства советской организации, срывая таким образом волю и решение II Всероссийского съезда Советов, саботируя таким образом начавшуюся диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства.

2) Центральный Комитет возлагает всю ответственность за торможение революционной работы и за преступные в данный момент колебания на эту оппозицию, приглашает ее перенести свою дискуссию и свой скептицизм в печать, отстранившись от практической работы, в которую они не верят. Ибо в этой оппозиции, кроме запуганности буржуазией и отражения настроения усталой (а не революционной) части населения, нет ничего.

3) Центральный Комитет подтверждает, что без измены лозунгу Советской власти, нельзя отказываться от чисто большевистского правительства, если большинство II Всероссийского съезда Советов, никого не исключая со съезда, вручило власть этому правительству.

4) Центральный Комитет подтверждает, что, не изменяя лозунгу власти Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, нельзя перейти к мелкому торгашеству за присоединение к Советам организаций не советского типа, т. е. организаций не добровольного объединения революционного авангарда борющихся за свержение помещиков и капиталистов масс.

5) Центральный Комитет подтверждает, что уступки ультиматумам и угрозам меньшинства Советов равносильны полному отречению не только от Советской власти, но и от демократизма, ибо такие уступки равносильны боязни большинства использовать свое большинство, равносильны подчинению анархии и повторению ультиматумов со стороны любого меньшинства.

6) Центральный Комитет подтверждает, что, не исключая никого со II Всероссийского съезда Советов, он и сейчас вполне готов вернуть ушедших и признать коалицию этих ушедших в пределах Советов, что, следовательно, абсолютно ложны речи, будто большевики ни с кем не хотят разделить власти.

7) Центральный Комитет подтверждает, что в день образования теперешнего правительства, за несколько часов до этого образования, ЦК пригласил на свое заседание трех представителей левых эсеров и формально предложил им участие в правительстве. Отказ левых эсеров, хотя он был временным и условным, возлагает всецело и всемерно всю ответственность за несостоявшееся соглашение с ними на этих левых эсеров.

8) Центральный Комитет напоминает, что состоялось внесенное фракцией большевиков постановление II Всероссийского съезда Советов, выражающее готовность пополнять Совет и солдатами с окопов и крестьянами с мест, из деревень, — что, следовательно, абсолютно ложны утверждения, будто большевистское правительство против коалиции с крестьянами. Напротив, ЦК заявляет, что земельный закон нашего правительства, целиком списанный с эсеровского наказа, доказал на деле полную и искреннейшую готовность большевиков осуществлять коалицию с огромным большинством населения России.

9) Центральный Комитет подтверждает, наконец, что вопреки всем трудностям победа социализма и в России и в Европе обеспечивается только неуклонным продолжением политики теперешнего правительства. Центральный Комитет выражает полную уверенность в победе этой социалистической революции и приглашает всех скептиков и колеблющихся бросить все свои колебания и поддержать всей душой и беззаветной энергией деятельность этого правительства.

Ленин

*Напечатано без первых трех пунктов
17 (4) ноября 1917 г. в газете
«Правда» № 180*

*Впервые полностью напечатано
в 1932 г. во 2—3 изданиях Сочинений
В. И. Ленина, том XXX*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 35, стр. 44—45*

УЛЬТИМАТУМ БОЛЬШИНСТВА ЦК РСДРП(б) МЕНЬШИНСТВУ ²¹⁹

Большинство ЦК РСДРП (большевиков), целиком одобряющее ту политику, которую проводил до настоящего момента Совет Народных Комиссаров, считает необходимым обратиться к меньшинству ЦК со следующим категорическим заявлением.

Политика нашей партии для данного момента определена в резолюции, предложенной товарищем Лениным и принятой вчера, 2-го ноября, ЦК *. Эта резолюция объявляет изменой делу пролетариата всякую попытку навязать нашей партии уклонение от власти, раз Всероссийский съезд Советов эту власть именем миллионов рабочих, солдат и крестьян вручил представителям нашей партии, на основе нашей программы. Эта основная линия нашей тактики, вытекающая из всей нашей борьбы против соглашательства и руководившая нами в восстании против правительства Керенского, составляет сейчас революционную сущность большевизма и снова одобряется ЦК, — является безусловно обязательной для всех членов партии и в первую голову для меньшинства ЦК.

Между тем представители меньшинства, как до вчерашнего заседания ЦК, так и после заседания, вели и ведут политику, явно направленную против основной линии нашей партии и деморализующую наши собственные ряды, поселяя колебания в тот момент, когда необходима величайшая твердость и неуклонность.

Так, вчера на заседании ЦИК большевистская фракция, при прямом участии членов ЦК из состава меньшинства, открыто голосовала против постановления ЦК (по вопросу о численном и персональном представительстве нашей партии в составе правительства). Такое неслыханное нарушение

* См. настоящий том, стр. 432—433. *Ред.*

дисциплины, совершенное членами ЦК за спиной ЦК после многочасовых прений в ЦК, вызванных этими же самыми представителями оппозиции, делает для нас очевидным, что оппозиция намерена брать партийные учреждения измором, саботируя работу партии в такой момент, когда от ближайшего исхода этой работы зависит судьба партии, судьба революции.

За такое положение дел мы не можем и не хотим нести ответственность.

Обращаясь к меньшинству ЦК с настоящим заявлением, мы требуем категорического ответа в письменной форме на вопрос, обязуется ли меньшинство подчиниться партийной дисциплине и проводить ту политику, которая формулирована в принятой ЦК резолюции товарища Ленина.

В случае отрицательного или неопределенного ответа на этот вопрос, мы обратимся немедленно к ПК, МК, большевистской фракции ЦИК, к общегородской Петроградской конференции и чрезвычайному партийному съезду с альтернативным предложением:

Либо партия должна поручить нынешней оппозиции сформировать новую власть вместе с теми своими союзниками, во имя которых оппозиция саботирует сейчас нашу работу, — и тогда мы будем считать себя совершенно свободными по отношению к этой новой власти, которая ничего, кроме колебаний, бессилия и хаоса, внести не может.

Либо — в чем мы не сомневаемся — партия одобрит единственно возможную революционную линию, выраженную во вчерашнем решении ЦК, и тогда партия должна решительно предложить представителям оппозиции перенести свою дезорганизаторскую работу за пределы нашей партийной организации. Иного исхода нет и быть не может. Разумеется, раскол был бы фактом крайне прискорбным. Но честный и открытый раскол сейчас несравненно лучше внутреннего саботажа, срывания своих собственных решений, дезорганизации и протрации. Мы, во всяком случае, ни на минуту не сомневаемся в том, что вынесение на суд масс наших разногласий (повторяющих в основном наши разногласия с группами «Новой Жизни» и Мартова) обеспечит за нашей политикой безусловную и самоотверженную поддержку революционных рабочих, солдат и крестьян и в кратчайший срок обречет колеблющуюся оппозицию на изоляцию бессилия.

Написано 3 (16) ноября 1917 г.

Впервые напечатано в 1922 г.

в журнале

«Пролетарская Революция» № 7

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 35, стр. 47—49*

К НАСЕЛЕНИЮ

Товарищи рабочие, солдаты, крестьяне, все трудящиеся!

Рабочая и крестьянская революция окончательно победила в Петрограде, рассеявши и арестовавши последние остатки небольшого числа казаков, обманутых Керенским. Революция победила и в Москве. Раньше, чем туда прибыли выехавшие из Петрограда несколько поездов с военными силами, в Москве юнкера и другие корниловцы подписали условия мира, обезоружение юнкеров, распускание Комитета спасения²²⁰.

С фронта и из деревень притекают ежедневно и ежедневно сообщения о поддержке подавляющим большинством солдат в окопах и крестьян в уездах нового правительства и его законов о предложении мира и о немедленной передаче земли крестьянам. Победа революции рабочих и крестьян обеспечена, ибо за нее встало уже большинство народа.

Вполне понятно, что помещики и капиталисты, *высшие* служащие и чиновники, тесно связанные с буржуазией, одним словом, все богатые и тянущие руку богатых встречают новую революцию враждебно, сопротивляются ее победе, грозят прекращением деятельности банков, портят или прекращают работу разных учреждений, мешают ей всячески, тормозят ее то прямо, то косвенно. Всякий сознательный рабочий прекрасно понимал, что такое сопротивление мы встретим неизбежно, вся партийная печать большевиков указывала на это много раз. Трудящиеся классы ни на минуту не испугаются этого сопротивления, ни капельки не дрогнут перед угрозами и забастовками сторонников буржуазии.

За нами большинство народа. За нами большинство трудящихся и угнетенных во всем мире. За нами дело справедливости. Наша победа обеспечена.

Соппротивление капиталистов и высших служащих будет сломлено. Ни один человек не лишается нами имущества без особого государственного закона о национализации банков и синдикатов. Этот закон подготавливается. Ни один трудящийся и работник не потеряет ни копейки; напротив, ему будет оказана помощь. Кроме строжайшего учета и контроля, кроме взимания без утайки налогов, установленных раньше, никаких других мер правительство вводить не хочет.

Во имя этих справедливых требований громадное большинство народа сплотилось вокруг временного рабочего и крестьянского правительства.

Товарищи трудящиеся! Помните, что *вы сами* теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете *все дела* государства в *свои* руки. *Ваши* Советы — отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы.

Сплотитесь вокруг своих Советов. Укрепите их. Беритесь сами за дело снизу, никого не дожидаясь. Установите строжайший революционный порядок, беспощадно подавляйте попытки анархии со стороны пьяниц, хулиганов, контрреволюционных юнкеров, корниловцев и тому подобное.

Вводите строжайший контроль за производством и учетом продуктов. Арестуйте и предавайте революционному суду народа всякого, кто посмеет вредить народному делу, будет ли такой вред проявляться в саботировании (порче, торможении, подрыве) производства или в скрывании запасов хлеба и продуктов или в задержании грузов хлеба, или в расстройстве железнодорожной, почтовой, телеграфной, телефонной деятельности и вообще в каком бы то ни было сопротивлении великому делу мира, делу передачи земли крестьянам, делу обеспечения рабочего контроля за производством и распределением продуктов.

Товарищи рабочие, солдаты, крестьяне и все трудящиеся! Берите *всю* власть в руки *своих* Советов. Берегите, храните, как зеницу ока, землю, хлеб, фабрики, орудия, продукты, транспорт — все это отныне будет *всецело* вашим, общенародным достоянием. Постепенно, с согласия и одобрения большинства крестьян, по указаниям *практического* опыта их и рабочих, мы пойдем твердо и неуклонно

к победе социализма, которую закрепят передовые рабочие наиболее цивилизованных стран и которая даст народам прочный мир и избавление от всякого гнета и от всякой эксплуатации.

5-го ноября 1917 г.
Петроград.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)

*«Правда» № 4 (вечерний выпуск),
19 (6) ноября 1917 г.*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 35, стр. 65—67*

ОТВЕТ НА ЗАПРОСЫ КРЕСТЬЯН ²²¹

В ответ на многочисленные запросы крестьян разъясняется, что вся власть в государстве перешла отныне всецело в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Рабочая революция победила в Петрограде и в Москве, побеждает во всех остальных местах России. Рабочее и крестьянское правительство обеспечивает союз массы крестьян, беднейших крестьян, большинства крестьян с рабочими против помещиков, против капиталистов.

Поэтому Советы крестьянских депутатов в первую голову уездные, затем губернские являются отныне и впредь до Учредительного собрания полномочными органами государственной власти на местах. Помещичья собственность на землю Вторым Всероссийским съездом Советов *отменена*. Указ о земле издан уже теперешним временным рабочим и крестьянским правительством. На основании этого указа все помещичьи земли полностью поступают в руки Советов крестьянских депутатов.

Волостные земельные комитеты должны тотчас же брать все помещичьи земли в свое распоряжение, под строжайший учет, охраняя полный порядок, охраняя строжайше бывшее помещичье имущество, которое отныне стало общенародным достоянием и которое поэтому сам народ должен охранять.

Все распоряжения волостных земельных комитетов, принятые с согласия уездных Советов крестьянских депутатов, являются *законом* и должны быть безусловно и немедленно проведены в жизнь.

Рабочее и крестьянское правительство, Вторым Всероссийским съездом Советов назначенное, названо Советом Народных Комиссаров.

Совет Народных Комиссаров призывает крестьян самим брать всю власть на местах в свои руки. Рабочие полностью, всецело и всемерно поддержат крестьян, наладят производство машин и орудий, просят крестьян помочь подвозом хлеба.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)

Петроград.
5 ноября 1917 года.

«Известия ЦИК» № 219, 8 ноября 1917 г.

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 35, стр. 68—69*

ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ (БОЛЬШЕВИКОВ)

КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ
И КО ВСЕМ ТРУДЯЩИМСЯ КЛАССАМ РОССИИ

Товарищи!

Всем известно, что Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов дал большинство делегатов из партии большевиков.

Этот факт является основным фактом для понимания только что состоявшейся и победившей как в Петрограде и в Москве, так и во всей России революции. Именно этот факт постоянно забывают и обходят все сторонники капиталистов и бессознательные пособники их, подрывающие основное начало новой революции, именно: *вся власть Советам*. В России не должно быть иного правительства, кроме *Советского правительства*. В России завоевана Советская власть, и переход правительства из рук одной советской партии в руки другой партии обеспечен без всякой революции, простым решением Советов, простым перевыбором депутатов в Советы. Второй Всероссийский съезд Советов дал большинство партии большевиков. Только правительство, составленное этой партией, является поэтому Советским правительством. И всем известно, что Центральный Комитет партии большевиков, за несколько часов до образования нового правительства и до предложения списка его членов Второму Всероссийскому съезду Советов, призвал на свое заседание трех виднейших членов группы левых эсеров, товарищей Камкова, Спиро и Карелина, *и предложил им* участвовать в новом правительстве. Мы крайне сожалеем, что товарищи левые эсеры отказались, мы считаем их отказ недопустимым для революционера и сторонника трудящихся, мы во всякое время готовы включить левых эсеров в состав правительства, но мы заявляем, что, как партия большинства на Втором Всероссийском съезде Советов, мы вправе *и обязаны* перед народом составить правительство.

Всем известно, что Второму Всероссийскому съезду Советов Центральный Комитет нашей партии предложил чисто большевистский список народных комиссаров и что *съезд этот список чисто большевистского правительства одобрил.*

Поэтому абсолютно лживы, и только от врагов народа, только от врагов Советской власти исходят и могут исходить обманные заявления, будто большевистское правительство *не* есть Советское правительство. Напротив, *только* большевистское правительство может быть теперь, после Второго Всероссийского съезда Советов, впредь до созыва третьего, или впредь до перевыбора Советов, или впредь до составления нового правительства Центральным Исполнительным Комитетом, — *только* большевистское правительство может быть теперь признано *Советским* правительством.

* * *

Товарищи! Несколько членов ЦК нашей партии и Совета Народных Комиссаров, Каменев, Зиновьев, Ногин, Рыков, Милютин и немногие другие, вышли вчера, 4-го ноября, из ЦК нашей партии и — три последних — из Совета Народных Комиссаров. В такой большой партии, как наша, несмотря на пролетарски-революционный курс нашей политики, не могло не оказаться отдельных товарищей, недостаточно стойких и твердых в деле борьбы с врагами народа. Задачи, стоящие сейчас перед нашей партией, поистине неизмеримы, трудности огромны, — и несколько членов нашей партии, занимавшие раньше ответственные посты, дрогнули перед натиском буржуазии и бежали из нашей среды. Вся буржуазия и все ее пособники ликуют по поводу этого, злорадствуют, кричат о развале, пророчат гибель большевистского правительства.

Товарищи! Не верьте этой лжи. Ушедшие товарищи поступили, как дезертиры, не только покинув вверенные им посты, но и сорвав прямое постановление ЦК нашей партии о том, чтобы обождать с уходом хотя бы до решений петроградской и московской партийных организаций²²². Мы решительно осуждаем это дезертирство. Мы глубоко убеждены, что все сознательные рабочие, солдаты и крестьяне, принадлежащие к нашей партии или сочувствующие ей, так же решительно осудят поступок дезертиров.

Но мы заявляем, что ни на минуту и ни на волос дезертирский поступок нескольких человек из верхушки нашей партии не поколеблет единства *масс*, идущих за нашей партией, и, следовательно, не поколеблет нашей партии.

Припомните, товарищи, что двое из дезертиров, Каменев и Зиновьев, уже перед восстанием в Петрограде выступили, как дезертиры и как штрейкбрехеры, ибо они не только голосовали на решающем собрании ЦК 10 октября 1917 г. против восстания, но и *после* состоявшегося решения ЦК выступали перед партийными работниками с агитацией против восстания. Все знают, что газеты, боящиеся встать на сторону рабочих и тянущие больше на сторону буржуазии (например, «Новая Жизнь»), подняли тогда вместе со всей буржуазной печатью шум и крик о «развале» нашей партии, о «провале восстания» и т. п. Но жизнь опровергла быстро ложь и клеветы одних, сомнения, колебания и трусость других. «Буря», которую хотели поднять по поводу шагов Каменева и Зиновьева к срыву петроградского восстания, оказалась *бурей в стакане воды*, и великий подъем масс, великий героизм миллионов рабочих, солдат и крестьян в Питере и Москве, на фронте, в окопах и в деревнях, отодвинул дезертиров с такой же легкостью, с какой железнодорожный поезд отбрасывает щепки.

Пусть же устыдятся все малoverы, все колеблющиеся, все сомневающиеся, все давшие себя запугать буржуазии или поддавшиеся крикам ее прямых и косвенных пособников. *Ни тени колебаний в массах* петроградских, московских и других рабочих и солдат *нет*. Наша партия стоит дружно и твердо, как один человек, на страже Советской власти, на страже интересов всех трудящихся, прежде всего рабочих и беднейших крестьян!

Нас обвиняют хоры буржуазных писак и людей, давших себя запугать буржуазии, — в том, что мы неуступчивы, что мы непримиримы, что мы не хотим разделить власти с другой партией. Это неправда, товарищи! *Мы предложили* и предлагаем левым эсерам разделить с нами власть. Не наша вина, если *они отказались*. Мы начали переговоры, и после того, как разъехался Второй съезд Советов, мы делали в этих переговорах всяческие уступки, вплоть до условного согласия допустить представителей от части петроградской городской думы, этого гнезда корниловцев, которое в первую очередь будет сметено народом, если негодяи-корниловцы, если сынки капиталистов и помещиков, юнкера, опять попробуют сопротивляться воле народа, как они попробовали в прошлое воскресенье в Петрограде и как они хотят поступить вновь (это доказано раскрытием заговора Пуришкевича и арестованными у него вчера, 3 ноября, бумагами). Но нашу уступчивость те господа, которые стоят за спиной левых эсеров и действуют через них в интересах буржуазии, истолковали,

как нашу слабость, и использовали для предъявления нам новых ультиматумов. На совещание 3 ноября явились господа Абрамович и Мартов и предъявили ультиматум: никаких переговоров, пока наше правительство не прекратит арестов и закрытия буржуазных газет.

И наша партия и ЦИК съезда Советов *отказались* исполнить этот ультиматум, явно идущий от сторонников Каледина, буржуазии, Керенского и Корнилова. Заговор Пуришкевича и появление в Петрограде 5-го ноября делегации от части 17-го корпуса, грозящей нам походом на Питер (угроза смешная, ибо передовые отряды этих корниловцев уже разбиты и под Гатчиной бежали, а большей частью отказались идти против Советов), — все эти события показали, от кого *на деле* исходил ультиматум господ Абрамовича и Мартова, кому эти люди *на деле* служили.

Пусть же будут спокойны и тверды все трудящиеся! Никогда не уступит наша партия ультиматумам меньшинства Советов, меньшинства, давшего себя запугать буржуазии и фактически, на деле, вопреки своим «благим намерениям», выступающего, как кукла в руках корниловцев.

Мы твердо стоим на принципе Советской власти, т. е. власти *большинства*, получившегося на последнем съезде Советов, мы были согласны и *остаемся согласны* разделить власть с меньшинством Советов, при условии лояльного, честного обязательства этого меньшинства подчиняться большинству и проводить программу, *одобренную* всем Всероссийским Вторым съездом Советов и состоящую в постепенных, но твердых и неуклонных шагах к социализму. Но никаким ультиматумам интеллигентских группок, за коими массы не стоят, за коими *на деле* стоят только корниловцы, савинковцы, юнкера и пр., мы не подчинимся.

Пусть же будут спокойны и тверды все трудящиеся! Наша партия, партия советского большинства, стоит дружно и сплоченно на страже их интересов, и за нашей партией по-прежнему стоят миллионы рабочих в городах, солдат в окопах, крестьян в деревнях, готовых осуществить во что бы то ни стало победу мира и победу социализма!

Написано 5—6 (18—19) ноября 1917 г.

Напечатано 20 (7) ноября 1917 г.
в газете «Правда» № 182

Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 35, стр. 72—76

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ²²³

10—25 НОЯБРЯ (23 НОЯБРЯ — 8 ДЕКАБРЯ) 1917 г.

1

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ

Крестьянский съезд всецело и всемерно поддерживает закон (декрет) о земле от 26 октября 1917 г., утвержденный Вторым Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов и изданный Советом Народных Комиссаров, как временным рабочим и крестьянским правительством Российской республики. Крестьянский съезд выражает свою твердую и непреклонную решимость отстоять грудью осуществление этого закона, призывает всех крестьян к единодушной поддержке его и к немедленному проведению в жизнь на местах самими крестьянами, а равно призывает крестьян выбирать на все и всякие ответственные посты и должности исключительно таких людей, которые не словами, а делами доказали свою полнейшую преданность интересам трудящихся и эксплуатируемых крестьян, свою готовность и способность отстаивать эти интересы вопреки какому бы то ни было сопротивлению помещиков, капиталистов и их сторонников или пособников.

Крестьянский съезд заявляет вместе с тем свое убеждение в том, что осуществление полностью всех мероприятий, составляющих закон о земле, возможно только при успехе начавшейся 25 октября рабочей социалистической революции, ибо только социалистическая революция в состоянии обеспечить и безвозмездный переход земли к трудящемуся крестьянству, и конфискацию помещичьего инвентаря, и полную охрану интересов наемных рабочих в земледелии, наряду с немедленными началами безусловного уничтожения всей системы наемного капиталистического рабства, и правильное и планомерное распределение между областями и жителями государства продуктов земледелия и продуктов промышленности,

и господство над банками (без какового господства невозможно господство народа над землей при отмене и частной собственности на землю), и всестороннюю помощь именно трудящимся и эксплуатируемым со стороны государства и т. д.

Поэтому крестьянский съезд, всецело поддерживая революцию 25 октября, и поддерживая ее именно как революцию социалистическую, выражает свою непреклонную решимость в должной постепенности, но без всяких колебаний, проводить в жизнь меры социалистического преобразования Российской республики.

Необходимым условием победы социалистической революции, которая одна лишь обеспечивает прочный успех и полное осуществление закона о земле, является полный союз трудового, эксплуатируемого и трудящегося крестьянства с рабочим классом — пролетариатом — во всех передовых странах. В Российской республике отныне все устройство и управление государством сверху донизу должно быть построено на таком союзе. Такой союз, отметая все и всяческие, прямые и косвенные, открытые и прикрытые попытки вернуться к осужденному жизнью соглашательству с буржуазией и с проводниками буржуазной политики, один лишь обеспечит победу социализма во всем мире.

Написано 14(27) ноября 1917 г.

2

**ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ
18 НОЯБРЯ (1 ДЕКАБРЯ)**

ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

Тов. Ленин указал сначала на то, что обвинения большевиков в анархизме со стороны левых социалистов-революционеров бездоказательны.

Чем отличаются социалисты от анархистов? Тем, что анархисты не признают власти, между тем как социалисты, и в том числе большевики, стоят за власть в переходное время между тем состоянием, в котором мы находимся, и социализмом, к которому мы идем.

Мы, большевики, за твердую власть, но за такую власть, которая была бы властью рабочих и крестьян.

Всякая государственная власть есть принуждение, но до сих пор было так, что эта власть была властью меньшинства, властью помещика и капиталиста против рабочего и крестьянина.

Мы же стоим за такую власть, которая была бы твердой властью большинства рабочих и крестьян против капиталистов и помещиков.

Указав далее на то, что в резолюции левых эсеров о земле новое правительство названо народным социалистическим правительством, тов. Ленин подробно остановился на том, что может спаять тесной связью большевиков и левых эсеров.

Союз крестьян и рабочих есть основа для соглашения левых эсеров с большевиками.

Это есть честная коалиция, честный союз, но этот союз будет честной коалицией и на верхах, между левыми эсерами и большевиками, если левые эсеры более определенно выскажут свое убеждение в том, что переживаемая нами революция есть революция социалистическая. Эта революция — социалистическая. Уничтожение частной собственности на землю, введение рабочего контроля, национализация банков — все это меры, ведущие к социализму. Это еще не социализм, но это меры, ведущие нас гигантскими шагами к социализму. Мы не обещаем крестьянам и рабочим сразу молочных рек с кисельными берегами, но мы говорим: тесный союз рабочих и эксплуатируемых крестьян, твердая, неуклонная борьба за власть Советов ведет нас к социализму, и всякая партия, которая на деле хочет быть народной, должна ясно и решительно сказать, что наша революция социалистическая.

И только в том случае, когда левые эсеры ясно и недвусмысленно заявят об этом, наш союз с ними будет крепнуть и расти.

Нам говорят, что мы против социализации земли и что поэтому мы не сумеем договориться с левыми эсерами.

Мы отвечаем на это: да, мы против эсеровской социализации земли, но это не мешает нам быть в честном союзе с левыми эсерами.

Сегодня или завтра левые эсеры выдвигают своего министра земледелия и, если он проведет закон о социализации, мы не будем голосовать против. Мы воздержимся.

Заканчивая свое слово, тов. Ленин подчеркнул, что только союзом рабочих и крестьян возможно добиться земли и мира.

Тов. Ленину, между прочим, был задан вопрос, что будут делать большевики в Учредительном собрании, если левые эсеры будут там в меньшинстве и предложат закон о социализации земли, воздержатся ли тогда большевики? Конечно, нет. Большевики будут голосовать за этот закон, оговорившись, что мы голосуем за этот закон, чтобы поддержать крестьян против их врагов.

*Напечатано: проект резолюции —
28 (15) ноября 1917 г. в газетах
«Правда» № 190 и «Известия ЦИК» № 226;
заключительное слово по аграрному
вопросу — 19 ноября 1917 г.
в газете «Известия ЦИК» № 230,
4 декабря (21 ноября) 1917 г.
в газете «Правда» № 195*

*Печатается по тексту Сочинений
В. И. Ленина, 5 изд., том 35,
стр. 96—97, 100—101*

СОЮЗ РАБОЧИХ С ТРУДЯЩИМИСЯ И ЭКСПЛУАТИРУЕМЫМИ КРЕСТЬЯНАМИ

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ПРАВДЫ»

Сегодня, в субботу 18 ноября, когда мне пришлось выступать на крестьянском съезде, мне задан был публично вопрос, на который я тотчас же ответил. Необходимо, чтобы этот вопрос и мой ответ стали немедленно известны всей читающей публике, ибо, говоря формально, от своего только собственного имени, я, по существу дела, говорил от имени всей партии большевиков.

Дело было так.

Касаясь вопроса о союзе рабочих большевиков с левыми эсерами, которым сейчас доверяют многие крестьяне, я доказывал в своей речи, что союз этот *может* быть «честной коалицией», честным союзом, ибо коренного расхождения интересов наемных рабочих с интересами трудящихся и эксплуатируемых крестьян *нет*. Социализм *вполне* может удовлетворить интересы тех и других. *Только* социализм может удовлетворить их интересы. Отсюда возможность и необходимость «честной коалиции» между пролетариями и трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами. Напротив, «коалиция» (союз) между трудящимися и эксплуатируемыми классами, с одной стороны, буржуазией, с другой стороны, *не* может быть «честной коалицией» вследствие коренного расхождения интересов этих классов.

Представьте себе,— говорил я,— что в правительстве будет большинство большевиков и меньшинство левых эсеров, допустим даже, всего один левый эсер, комиссар земледелия. Могут ли большевики осуществить честную коалицию в таком случае?

Могут, ибо, будучи непримиримыми в борьбе с контрреволюционными элементами (в том числе с правоэсеровскими и оборонческими), большевики обязаны были бы *воздержаться*

при голосовании таких вопросов, которые касаются чисто эсеровских пунктов земельной программы, утвержденной Вторым Всероссийским съездом Советов. Таков, например, пункт об уравнительном землепользовании и переделах земли между мелкими хозяевами.

Воздерживаясь при голосовании такого пункта, большевики ни капельки не изменяют своей программы. Ибо, при условии победы социализма (рабочий контроль над фабриками, следующая за этим экспроприация их, национализация банков, создание высшего экономического совета, регулирующего все народное хозяйство страны), при таком условии рабочие *обязаны согласиться* на переходные меры, предлагаемые мелкими трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами, если эти меры *не вредят* делу социализма. И Каутский, когда он был еще марксистом (в 1899—1909 годах), неоднократно признавал, — говорил я, — что переходные меры к социализму не могут быть одинаковы в странах крупного и в странах мелкого земледелия.

Мы, большевики, обязаны были бы воздержаться в Совете Народных Комиссаров или в ЦИК при голосовании подобного пункта, ибо при согласии левых эсеров (а равно стоящих на их стороне крестьян) на рабочий контроль, на национализацию банков и т. д., уравнительное землепользование было бы лишь одной из *переходных* мер к полному социализму. Такие переходные меры пролетариату нелепо было бы *навязывать*; он обязан, в интересах победы социализма, *уступить* мелким трудящимся и эксплуатируемым крестьянам в выборе этих переходных мер, ибо *вреда* делу социализма они не принесли бы.

Один левый эсер (если не ошибаюсь, это был товарищ Феофилакт) задал мне тогда следующий вопрос:

«А как поступят большевики, если в Учредительном собрании крестьяне захотят провести закон об уравнительном землепользовании, буржуазия окажется против крестьян, решение же будет зависеть от большевиков?».

Я ответил: союз рабочих с трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами обяжет партию пролетариата в таком случае, когда дело социализма будет обеспечено введением рабочего контроля, национализацией банков и пр., голосовать за крестьян против буржуазии. Большевики, по моему мнению, вправе будут тогда при голосовании внести свое особое заявление, оговорить свое несогласие и т. п., но воздержаться в таком случае значило бы предать своих союзников *по борьбе за социализм* из-за частного разногласия с ними. Никогда большевики при таком положении

не предали бы крестьян. Никогда уравнильное землепользование и т. п. меры *не* повредят социализму, если власть в руках рабочего и крестьянского правительства, если введен рабочий контроль, введена национализация банков, создано рабочее и крестьянское высшее экономическое учреждение, направляющее (регулирующее) *все* народное хозяйство, и т. д.

Таков был мой ответ.

Н. Ленин

Написано 18 ноября (1 декабря) 1917 г.

*Напечатано 2 декабря (19 ноября)
1917 г. в газете «Правда» № 194*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 35, стр. 102—104*

ЗАСЕДАНИЕ ВЦИК 1 (14) ДЕКАБРЯ 1917 г.**ВЫСТУПЛЕНИЕ ПО ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ
ВЫСШЕГО СОВЕТА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА²²⁴****ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ**

В защиту советского проекта выступает Ленин, указывающий, что Высший совет народного хозяйства не может быть сведен к парламенту, а должен быть таким же боевым органом для борьбы с капиталистами и помещиками в экономике, каким Совет Народных Комиссаров является в политике.

*«Новая Жизнь» № 192,
3 (16) декабря 1917 г.*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 35, стр. 134*

**ДОКЛАД ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ
РАБОЧИХ ПЕТРОГРАДА И ЗАДАЧАХ
РАБОЧЕГО КЛАССА НА ЗАСЕДАНИИ РАБОЧЕЙ
СЕКЦИИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ
И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ
4 (17) ДЕКАБРЯ 1917 г.**

ГАЗЕТНЫЙ ОТЧЕТ

Революция 25 октября показала чрезвычайную политическую зрелость пролетариата, выявившего способность стойко противостоять буржуазии. Но для полной победы социализма требуется колоссальная организованность, проникнутая сознанием, что пролетариат должен стать господствующим классом.

Перед пролетариатом стоят задачи социалистического преобразования государственного строя, ибо всякие средние решения, как ни легко привести за них доводы, ничтожны, так как экономическое и хозяйственное положение страны дошло до такого пункта, где нельзя допустить средних решений. В нашей гигантской борьбе с империализмом и капитализмом полумерам не остается места.

Вопрос в том — победить или быть побежденным.

Рабочие должны это понимать, и понимают; это ясно из того, что средние компромиссные решения ими отвергаются. Чем глубже переворот, тем больше требуется активных работников для свершения работы замены капитализма аппаратом социализма. Для этого даже при отсутствии саботажа сила мелкой буржуазии недостаточна. Только из глубин народных масс, ее самостоятельностью может быть достигнута задача. Поэтому сейчас не должно думать об улучшении вот в этот момент своего положения, а думать о том, чтобы стать классом господствующим. Нельзя надеяться, что пролетариат деревни ясно и твердо сознает свои интересы. Это может сделать только рабочий класс, и каждый пролетарий, в сознании великой перспективы, должен почувствовать себя руководителем и повести за собой массы.

Пролетариат должен стать господствующим классом в смысле руководства всеми трудящимися и классом господствующим политически.

Нужно бороться с предрассудком, что управлять государством может только буржуазия. Управление государством должен взять на себя пролетариат.

Капиталисты делают решительно все, чтобы затруднить задачи рабочего класса. И каждой рабочей организации — профессиональным союзам, фабрично-заводским комитетам и др. — предстоит дать решительный бой в экономической плоскости. Буржуазия все портит, все саботирует, чтобы сорвать рабочую революцию. И задачи организации производства ложатся целиком на рабочий класс. Раз навсегда порвем с предрассудком, что государственные дела, управление банками, заводами — невозможная для рабочих задача. Но все это можно решить лишь громадной повседневной организационной работой.

Необходимо организовать обмен продуктов, учет, контроль ввести в систему — это задачи рабочего класса, а знания для осуществления их дала ему его фабрично-заводская жизнь.

Пусть каждый фабрично-заводский комитет почувствует себя не только занятым делами своего завода, но и организационной ячейкой для построения всей государственной жизни.

Легко издать декрет об отмене частной собственности, но провести его в жизнь должны и могут только сами рабочие. Пусть будут ошибки — это ошибки нового класса при создании новой жизни.

Конкретного плана по организации экономической жизни нет и быть не может.

Его никто не может дать. А сделать это может масса снизу, путем опыта. Будут, конечно, даны указания и намечены пути, но начинать нужно сразу и сверху и снизу.

Советы должны превратиться в органы, регулирующие все производство России, но, чтобы они не превратились в штабы без войска, необходима работа в низах... *

Рабочая масса должна взяться за организацию контроля и производства в широком государственном масштабе. Не в организации лиц, а в организации всей трудящейся массы лежит залог успеха, и если мы этого достигнем, наладим хозяйственную жизнь, то само собой отметется все противодействующее нам.

«Правда» № 208, 20 (7) декабря 1917 г.
и «Солдатская Правда» № 104,
14 декабря 1917 г.

Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 35, стр. 146—148

* Несколько слов опущено ввиду неясности записи. *Ред.*

ТЕЗИСЫ ОБ УЧРЕДИТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ

1. Требование созыва Учредительного собрания входило вполне законно в программу революционной социал-демократии, так как в буржуазной республике Учредительное собрание является высшей формой демократизма и так как империалистская республика с Керенским во главе, создавая предпарламент, готовила подделку выборов с рядом нарушений демократизма.

2. Выставляя требование созыва Учредительного собрания, революционная социал-демократия с самого начала революции 1917 года неоднократно подчеркивала, что республика Советов является более высокой формой демократизма, чем обычная буржуазная республика с Учредительным собранием.

3. Для перехода от буржуазного строя к социалистическому, для диктатуры пролетариата, республика Советов (рабочих, солдатских и крестьянских депутатов) является не только формой более высокого типа демократических учреждений (по сравнению с обычной буржуазной республикой при Учредительном собрании как венце ее), но и единственной формой, способной обеспечить наиболее безболезненный переход к социализму.

4. Созыв Учредительного собрания в нашей революции по спискам, предъявленным в половине октября 1917 года, происходит при таких условиях, которые исключают возможность правильного выражения воли народа вообще и трудящихся масс в особенности, выборами в это Учредительное собрание.

5. Во-первых, пропорциональная система выборов дает истинное выражение воли народа лишь тогда, когда партийные списки соответствуют реальному разделению народа

действительно на те партийные группировки, которые отразились в этих списках. У нас же, как известно, партия, имевшая с мая по октябрь больше всего сторонников в народе и особенно в крестьянстве, партия социалистов-революционеров, дала единые списки в Учредительное собрание в половине октября 1917 года, но раскололась в ноябре 1917 года, после выборов в Учредительное собрание, до его созыва.

В силу этого, даже формального, соответствия между волей избирателей в их массе и составом избранных в Учредительное собрание нет и не может быть.

6. Во-вторых, еще более важным, не формальным, не юридическим, а общественно-экономическим, классовым источником несоответствия между волей народа и особенно трудящихся классов, с одной стороны, и составом Учредительного собрания, с другой, является то обстоятельство, что выборы в Учредительное собрание произошли тогда, когда подавляющее большинство народа не могло еще знать всего объема и значения Октябрьской, советской, пролетарски-крестьянской революции, начавшейся 25 октября 1917 года, т. е. после представления списков кандидатов в Учредительное собрание.

7. Октябрьская революция, завоевывавая власть для Советов, вырывая политическое господство из рук буржуазии и передавая его в руки пролетариата и беднейшего крестьянства, на наших глазах переживает последовательные этапы своего развития.

8. Она началась с победы 24—25 октября в столице, когда II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, этого авангарда пролетариев и наиболее политически действенной части крестьянства, дал преобладание партии большевиков и поставил ее у власти.

9. Революция охватывала затем в течение ноября и декабря всю массу армии и крестьянства, выражаясь прежде всего в смещении и в перевыборах старых верхушечных организаций (армейские комитеты, губернские крестьянские комитеты, ЦИК Всероссийского Совета крестьянских депутатов и т. д.), которые выражали пережитую, соглашательскую, полосу революции, ее буржуазный, а не пролетарский этап, и которые неизбежно должны были поэтому сойти со сцены под напором более глубоких и более широких народных масс.

10. Это могучее движение эксплуатируемых масс к пересозданию руководящих органов своих организаций не закончилось еще и сейчас, в половине декабря 1917 года, и незаконченный железнодорожный съезд является одним из его этапов.

11. Группировка классовых сил России в их классовой борьбе складывается, следовательно, на деле, в ноябре и декабре 1917 года принципиально иная, чем та, которая могла найти свое выражение в партийных списках кандидатов в Учредительное собрание половины октября 1917 года.

12. Последние события на Украине (отчасти также в Финляндии и в Белоруссии, а равно на Кавказе) указывают равным образом на новую группировку классовых сил, идущую в процессе борьбы между буржуазным национализмом Украинской рады²²⁵, Финляндского сейма и т. п., с одной стороны, и Советской властью, пролетарски-крестьянской революцией каждой из этих национальных республик, с другой.

13. Наконец, гражданская война, начатая кадетски-калединским контрреволюционным восстанием против советских властей, против рабочего и крестьянского правительства, окончательно обострила классовую борьбу и отняла всякую возможность путем формально-демократическим решить самые острые вопросы, поставленные историей перед народами России и в первую голову перед ее рабочим классом и крестьянством.

14. Только полная победа рабочих и крестьян над буржуазным и помещичьим восстанием (нашедшим свое выражение в кадетски-калединском движении), только беспощадное военное подавление этого восстания рабовладельцев способно на деле обеспечить пролетарски-крестьянскую революцию. Ход событий и развитие классовой борьбы в революции привели к тому, что лозунг «Вся власть Учредительному собранию», не считающийся с завоеваниями рабоче-крестьянской революции, не считающийся с Советской властью, не считающийся с решениями II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, II Всероссийского съезда крестьянских депутатов и т. д., такой лозунг *стал на деле* лозунгом кадетов и калединцев и их пособников. Для всего народа * стало вполне ясным, что Учредительное собрание, если бы оно разошлось с Советской властью, было бы неминуемо осуждено на политическую смерть.

15. К числу особенно острых вопросов народной жизни принадлежит вопрос о мире. Действительно революционная борьба за мир начата была в России только после победы революции 25 октября, и эта победа дала первые плоды в

* В тексте, опубликованном в «Правде», далее следует: «становится ясным, что этот лозунг фактически означает борьбу за устранение Советской власти и...», *Ред.*

виде опубликования тайных договоров, заключения перемирия и начала гласных переговоров о всеобщем мире без аннексий и без контрибуций.

Широкие народные массы только теперь на деле, полностью и открыто получают возможность видеть политику революционной борьбы за мир и изучать ее результаты.

Во время выборов в Учредительное собрание народные массы лишены были этой возможности.

Ясно, что и с этой стороны дела несоответствие между составом выборных в Учредительное собрание и действительной волей народа в вопросе об окончании войны неизбежно.

16. Совокупность вышеизложенных обстоятельств дает тот результат, что Учредительное собрание, созываемое по спискам партий, существовавших до пролетарски-крестьянской революции, в обстановке господства буржуазии, неминуемо приходит в столкновение с волей и интересами трудящихся и эксплуатируемых классов, начавших 25 октября социалистическую революцию против буржуазии. Естественно, что интересы этой революции стоят выше формальных прав Учредительного собрания, даже если бы эти формальные права не были подорваны отсутствием в законе об Учредительном собрании признания права народа на перевыборы своих депутатов в любое время.

17. Всякая попытка, прямая или косвенная, рассматривать вопрос об Учредительном собрании с формально-юридической стороны, в рамках обычной буржуазной демократии, вне учета классовой борьбы и гражданской войны, является изменой делу пролетариата и переходом на точку зрения буржуазии. Предостереечь всех и каждого от этой ошибки, в которую впадают немногие из верхов большевизма, не умевших оценить октябрьского восстания и задач диктатуры пролетариата, есть безусловный долг революционной социал-демократии.

18. Единственным шансом на безболезненное разрешение кризиса, создавшегося в силу несоответствия выборов в Учредительное собрание и воли народа, а равно интересов трудящихся и эксплуатируемых классов, является возможно более широкое и быстрое осуществление народом права перевыбора членов Учредительного собрания, присоединение самого Учредительного собрания к закону ЦИК об этих перевыборах и безоговорочное заявление Учредительного собрания о признании Советской власти, советской революции, ее политики в вопросе о мире, о земле и о рабочем контроле, решительное присоединение Учредительного собрания к стану противников кадетски-калединской контрреволюции.

19. Вне этих условий кризис в связи с Учредительным собранием может быть разрешен только революционным путем, путем наиболее энергичных, быстрых, твердых и решительных революционных мер со стороны Советской власти против кадетски-калединской контрреволюции, какими бы лозунгами и учреждениями (хотя бы и членством в Учредительном собрании) эта контрреволюция ни прикрывалась. Всякая попытка связать руки Советской власти в этой борьбе была бы пособничеством контрреволюции.

*Написано 11 или 12 (24 или 25) декабря
1917 г.*

*Напечатано 26 (13) декабря 1917 г.
в газете «Правда» № 213*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 35, стр. 162—166*

ЗА ХЛЕБ И ЗА МИР 226

Два вопроса стоят в настоящий момент во главе всех других политических вопросов: вопрос о хлебе и вопрос о мире. Империалистская война, война величайших и богатейших банковых фирм — «Англия» и «Германия» — из-за господства над миром, из-за дележа добычи, из-за ограбления малых и слабых народов, эта ужасная и преступная война разорила все страны, измучила все народы, поставила человечество перед дилеммой: погубить всю культуру и погибнуть или революционным путем свергнуть иго капитала, свергнуть господство буржуазии, завоевать социализм и прочный мир.

Если не победит социализм, мир между капиталистическими государствами будет означать только перемирие, перерыв, подготовку к новой бойне народов. Мир и хлеб — таковы основные требования рабочих и эксплуатируемых. Война обострила эти требования до крайней степени. Война ввергла в голод наиболее цивилизованные, наиболее культурно развитые страны. Но зато, с другой стороны, война как громадный исторический процесс неслыханным образом ускорила социальное развитие. Капитализм, развившийся в империализм, т. е. в монополистический капитализм, превратился под влиянием войны в государственно-монополистический капитализм. Мы достигли теперь этой ступени развития мировой экономики, и она является непосредственным преддверием к социализму.

Поэтому разразившаяся в России социалистическая революция представляет только начало мировой социали-

стической революции. Мир и хлеб, свержение буржуазии, революционные средства для исцеления ран, нанесенных войной, полная победа социализма — вот цели борьбы.

Петроград, 14 декабря 1917,

Написано на русском языке

14 (27) декабря 1917 г.

Подпись: Л е н и н

Впервые напечатано на немецком языке

в мае 1918 г. в газете

«Jugend-Internationale» № 11

Подпись: W. L e n i n

На русском языке (перевод с немецкого)

впервые напечатано в 1927 г.

в «Записках Института Ленина», т. II

Факсимиле первого абзаца рукописи

напечатано в 1919 г. в издании

«Det röda Ryssland. 1917 7/11 1919»

(Стокгольм)

Печатается по тексту

Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,

том 35, стр. 169—170

**РЕЧЬ О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ БАНКОВ
НА ЗАСЕДАНИИ ВЦИК**

14 (27) ДЕКАБРЯ 1917 г.²²⁷

ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ

Предыдущий оратор пытался нас запугать, что мы идем и к верной гибели и в верную пропасть. Но эти запугивания для нас не новы. Та самая газета, которая выражает мнение фракции оратора — «Новая Жизнь», — перед октябрьскими днями писала, что из нашей революции не выйдет ничего, кроме погромов и анархических бунтов. Поэтому речи о том, что мы идем по ложному пути, есть отражение буржуазной психологии, с которой не могут порвать даже и не заинтересованные люди. (Возглас со стороны интернационалистов: «Демагогия!») Нет, это не демагогия, а вот ваши постоянные речи о топоре — это уж настоящая демагогия.

Все меры, предлагаемые декретом, есть только действительное обеспечение контроля.

Вы говорите о сложности аппарата, о его хрупкости и о запутанности вопроса, — это азбучная истина, и она всем известна. Если эта истина применяется только для тормоза всех социалистических начинаний, мы говорим, что тот, кто становится на этот путь, — демагог и вредный демагог.

Мы хотим начать ревизию сейфов, а нам говорят от имени ученых специалистов, что в них ничего, кроме документов и ценных бумаг, не находится. Так что же худого, если представители народа их проконтролируют?

Если так, почему же эти самые критикующие ученые специалисты прячутся? При всех решениях Совета они нам заявляют, что согласны с нами, но лишь принципиально. Это система буржуазной интеллигенции, всех соглашателей, которые своим постоянным согласием в принципе и несогласием на практике все губят.

Если вы умудрены во всех делах и опытны, почему же вы нам не помогаете, почему на нашем трудном пути мы от вас ничего, кроме саботажа, не встречаем?

Вы исходите из правильной научной теории, но для нас теория есть обоснование предпринимаемых действий для уверенности в них, а не для мертвого страха. Конечно, начинания трудны, и мы часто подходим к хрупким вещам, однако мы с ними справлялись, справляемся и справимся.

Если бы книжка, кроме тормоза и вечной боязни нового шага, ничем не служила — она была бы неценна.

Никто, кроме социалистов-утопистов, не утверждал, что можно победить без сопротивления, без диктатуры пролетариата и без наложения железной руки на старый мир.

Вы принципиально и эту диктатуру принимали, но когда это слово переводят на русский язык и называют его «железной рукой», применяя это на деле, вы предупреждаете о хрупкости и запутанности дела.

Вы упорно не желаете видеть, что эта железная рука, разрушая, и созидает. Если мы от принципа переходим к делу, это наш несомненный плюс.

Для проведения контроля мы их, банковских дельцов, призвали и с ними вместе выработали меры, на которые они согласились, чтобы при полном контроле и отчетности получать ссуды. Но нашлись среди банковских служащих люди, которым близки интересы народа, и сказали: «они вас обманывают, спешите пресечь их преступную деятельность, направленную прямо во вред вам». И мы поспешили.

Мы знаем, что это сложная мера. Никто из нас, даже имеющий экономическое образование, за проведение ее не возьмется. Мы позовем специалистов, занимающихся этим делом, но только тогда, когда ключи будут у нас в руках. Тогда мы даже сумеем завести консультантов из бывших миллионеров. Кто хочет работать — милости просим, лишь бы не превращать всякий революционный почин в мертвую букву, — на эту удочку мы не пойдем. Слова — диктатура пролетариата — мы произносим серьезно, и мы ее осуществим.

Мы хотели идти по пути соглашения с банками, мы давали им ссуды на финансирование предприятий, но они затеяли саботаж небывалого размера, и практика привела нас к тому, чтобы провести контроль иными мерами.

Товарищ левый эсер сказал, что они в принципе будут голосовать за немедленную национализацию банков, чтобы затем, в кратчайший срок, разработать практические мероприятия. Но это — ошибка, ибо наш проект ничего, кроме

принципов, не содержит. С обсуждением ждет их уже Высший совет народного хозяйства, но неутверждение декрета сейчас же приведет к тому, что банки примут все меры для сугубого расстройтва хозяйства.

Проведение декрета неотложно, иначе нас погубят противодействие нам и саботаж. (Аплодисменты, переходящие в овацию.)

*«Правда» № 216, 29 (16) декабря 1917 г.
и «Известия ЦИК» № 253,
16 декабря 1917 г.*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 35, стр. 171—173*

**ПРОЕКТ ДЕКРЕТА О ПРОВЕДЕНИИ В ЖИЗНЬ
НАЦИОНАЛИЗАЦИИ БАНКОВ И О НЕОБХОДИМЫХ
В СВЯЗИ С ЭТИМ МЕРАХ ²²⁸**

Критическое положение продовольствия, угроза голодовки, созданная спекуляцией, саботажем капиталистов и чиновников, а равно общей разрухой, делают необходимыми чрезвычайные революционные меры для борьбы с этим злом.

В целях того, чтобы все граждане государства, а в первую голову все трудящиеся классы, под руководством своих Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, могли немедленно и со всех сторон, не останавливаясь ни перед чем и действуя наиболее революционным путем, взяться за такую борьбу и за налаживание правильной хозяйственной жизни страны, постановляются следующие правила:

**ПРОЕКТ ДЕКРЕТА
О ПРОВЕДЕНИИ В ЖИЗНЬ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ БАНКОВ
И О НЕОБХОДИМЫХ В СВЯЗИ С ЭТИМ МЕРАХ**

1. Все акционерные предприятия объявляются собственностью государства.

2. Члены правления и директора акционерных обществ, а равно все акционеры, принадлежащие к богатым классам (т. е. имеющие свыше 5000 руб. всего имущества или дохода свыше 500 руб. в месяц), обязаны в полном порядке продолжать ведение дел предприятий, выполняя закон о рабочем контроле, предъявляя все акции в Государственный банк и представляя местным Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов еженедельные отчеты о своей деятельности.

3. Государственные займы, внешние и внутренние, аннулируются (уничтожаются).

4. Интересы мелких владельцев облигаций, а равно всяких акций, т. е. владельцев, принадлежащих к трудящимся классам населения, полностью обеспечиваются,

5. Вводится всеобщая трудовая повинность. Все граждане обоего пола, с 16 до 55 лет, обязаны выполнять те работы, которые будут назначаться местными Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов или другими органами Советской власти.

6. Как первый шаг по введению в жизнь всеобщей трудовой повинности постановляется, что лица богатых классов (см. § 2) обязаны иметь и правильно вести потребительско-рабочие или бюджетно-рабочие книжки, которые должны представляться в соответственные рабочие организации, или в местные Советы и их органы, для еженедельной отметки о выполнении каждым взятой им на себя работы.

7. Для правильного учета и распределения как продовольствия, так и других необходимых продуктов все граждане государства обязаны присоединиться к какому-либо потребительному обществу. Продовольственные управы, комитеты снабжения и другие подобные организации, а равно железнодорожные и транспортные союзы, под руководством Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, вводят контроль за выполнением этого закона. Лица богатых классов обязуются в особенности выполнять по организации и ведению дел потребительных обществ те работы, которые будут возлагаться на них Советами.

8. Союзы железнодорожных рабочих и служащих обязаны спешно выработать и начать немедленно осуществлять чрезвычайные меры для более правильной постановки транспорта, особенно для подвоза продовольствия, топлива и других наиболее необходимых предметов, руководясь прежде всего заказами и ордерами Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, затем учреждений, имеющих от них полномочия, и Высшего совета народного хозяйства.

Равным образом на железнодорожные союзы, в сотрудничестве с местными Советами, возлагается обязанность самой энергичной, не останавливающейся перед революционными мерами, борьбы с мешочничеством и беспощадного преследования всяких спекулянтов.

9. Рабочие организации, союзы служащих и местные Советы обязаны неотложно взяться за перевод закрывающихся и демобилизуемых предприятий, а равно безработных, на полезные работы и производство необходимых продуктов, за приискание заказов, сырых материалов и топлива. Ни в каком случае не откладывая этой деятельности, а равно и приступа к обмену сельских продуктов на городские, до получения особых приказов сверху, местные союзы и Советы

обязуются строго сообразоваться с указаниями и предписаниями Высшего совета народного хозяйства.

10. Лица богатых классов обязаны держать в Государственном банке и его отделениях, а равно сберегательных кассах, все свои денежные суммы, получая не более 100—125 руб. в неделю (по установлению местных Советов) на потребительские нужды, а на производственные и торговые лишь по письменным удостоверениям учреждений рабочего контроля.

Для надзора за действительным проведением в жизнь настоящего узаконения будут введены правила обмена ныне действующих денежных знаков на иные, и виновные в обмане государства и народа подвергнутся конфискации всего имущества.

11. Той же каре, а равно заключению в тюрьме или отправке на фронт и на принудительные работы подвергаются все ослушники настоящего закона, саботажники и бастующие чиновники, а равно спекулянты. Местные Советы и учреждения, при них состоящие, обязуются экстренно выработать наиболее революционные меры борьбы против этих подлинных врагов народа.

12. Профессиональные союзы и другие организации трудящихся в сотрудничестве с местными Советами организуют, с участием наиболее надежных и рекомендованных партийными и другими организациями лиц, летучие группы контролеров для наблюдения за введением в жизнь этого закона, для проверки количества и качества работы и для привлечения к революционным судам виновных в нарушении или обходе закона.

Рабочие и служащие национализированных предприятий обязаны напрягать все силы и принимать чрезвычайные меры для улучшения организации работы, укрепления дисциплины, повышения производительности труда. Органы рабочего контроля должны еженедельно представлять в ВСНХ отчеты о том, что достигнуто в этом отношении. За недочеты и упущения виновные отвечают перед революционным судом.

*Написано в декабре, не ранее 14 (27),
1917 г.*

*Впервые напечатано не полностью
в ноябре 1918 г. в журнале
«Народное Хозяйство» № 11*

*Впервые полностью напечатано
в 1949 г. в 4 издании Сочинений
В. И. Ленина, том 26*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 35, стр. 174—177*

КАК ОРГАНИЗОВАТЬ СОРЕВНОВАНИЕ?

Буржуазные писатели исписали и исписывают горы бумаги, воспевая конкуренцию, частную предприимчивость и прочие великолепные доблести и прелести капиталистов и капиталистического порядка. Социалистам ставили в вину нежелание понять значение этих доблестей и считаться с «*натурой человека*». А на самом деле капитализм давно заменил мелкое товарное самостоятельное производство, при котором конкуренция могла в сколько-нибудь *широких* размерах воспитывать предприимчивость, энергию, смелость почина, крупным и крупнейшим фабричным производством, акционерными предприятиями, синдикатами и другими монополиями. Конкуренция при *таком* капитализме означает неслыханно зверское подавление предприимчивости, энергии, смелого почина *массы* населения, гигантского большинства его, девяносто девяти сотых трудящихся, означает также замену соревнования финансовым мошенничеством, nepoтизмом, прислужничеством на верху социальной лестницы.

Социализм не только не угащает соревнования, а, напротив, впервые создает возможность применить его действительно *широко*, действительно в *массовом* размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе — непочатой родник и которые капитализм мjal, давил, душил тысячами и миллионами.

Наша задача теперь, когда социалистическое правительство у власти, — организовать соревнование.

Прихвостни и прихлебатели буржуазии рисовали социализм, как однообразную, казенную, монотонную, серую казарму. Лакеи денежного мешка, холопы эксплуататоров, —

господа буржуазные интеллигенты «пугали» социализмом народ, именно при капитализме осужденный на каторгу и казарму безмерного, нудного труда, полуголодной жизни, тяжелой нищеты. Первым шагом к освобождению трудящихся от этой каторги является конфискация помещичьих земель, введение рабочего контроля, национализация банков. Следующими шагами будут национализация фабрик и заводов, принудительная организация всего населения в потребительные общества, являющиеся в то же время обществами сбыта продуктов, государственная монополия торговли хлебом и др. необходимыми предметами.

Широкое, поистине массовое создание возможности проявлять предприимчивость, соревнование, смелый почин является только теперь. Каждая фабрика, где выкинут вон капиталист или хотя бы обуздан настоящим рабочим контролем, каждая деревня, где выкурили помещика-эксплуататора и отобрали его землю, является теперь, и только теперь, поприщем, на котором может проявить себя человек труда, может разогнуть немного спину, может выпрямиться, может почувствовать себя человеком. Впервые после столетий труда на чужих, подневольной работы на эксплуататоров является возможность *работы на себя*, и притом работы, опирающейся на все завоевания новейшей техники и культуры.

Конечно, эта величайшая в истории человечества смена труда подневольного трудом на себя не может произойти без тренировок, трудностей, конфликтов, без насилия по отношению к закоренелым тунеядцам и их прихвостням. На этот счет ни у кого из рабочих иллюзий нет: закаленные долгими и долгими годами каторжной работы на эксплуататоров, бесчисленными издевательствами и надругательствами с их стороны, закаленные тяжелой нуждой, рабочие и беднейшие крестьяне знают, что нужно время, чтобы *сломать* сопротивление эксплуататоров. Рабочие и крестьяне нисколько не заражены сентиментальными иллюзиями господ интеллигентов, всей этой новожиизненской и прочей слякоти, которые «кричали» против капиталистов до хрипоты, «жестикულიровали» против них, «громили» их, с тем чтобы расплакаться и вести себя подобно побитому щенку, когда дошло *до дела*, до реализации угроз, до выполнения на практике дела *смещения* капиталистов.

Великая смена труда подневольного трудом на себя, трудом, планомерно организованным в гигантском, общегосударственном (в известной мере и в интернациональном, в мировом) масштабе, требует также — кроме «военных» мер

подавления сопротивления эксплуататоров — громадных *организационных*, организаторских усилий со стороны пролетариата и беднейшего крестьянства. Задача организационная сплетается в одно неразрывное целое с задачей беспощадного военного подавления вчерашних рабовладельцев (капиталистов) и своры их лакеев — господ буржуазных интеллигентов. Мы были всегда организаторами и начальниками, мы командовали — так говорят и думают вчерашние рабовладельцы и их приказчики из интеллигенции — мы хотим остаться таковыми, мы не станем слушаться «простолюдов», рабочих и крестьян, мы не подчинимся им, мы превратим знание в орудие защиты привилегий денежного мешка и господства капитала над народом.

Так говорят, думают, действуют буржуа и буржуазные интеллигенты. Со *шкурной* точки зрения их поведение понятно: прихлебателям и приживальщикам крепостников-помещиков, попам, подьячим, чиновникам из гоголевских типов, «интеллигентам», ненавидящим Белинского, тоже было «трудно» расстаться с крепостным правом. Но дело эксплуататоров и их интеллигентской челяди — безнадежное дело. Их сопротивление рабочие и крестьяне ломают, — к сожалению, еще недостаточно твердо, решительно и беспощадно — *и ломают*.

«Они» думают, что «простой народ», «простые» рабочие и беднейшие крестьяне не сладят с великой, поистине героической в всемирно-историческом смысле слова, задачей организационного характера, которую возложила на плечи трудящихся социалистическая революция. «Без нас не обойтись» — утешают себя привыкшие служить капиталистам и капиталистическому государству интеллигенты. Их наглый расчет не оправдается: образованные люди уже теперь выделяются, переходя на сторону народа, на сторону трудящихся, помогая ломать сопротивление слуг капитала. А организационных талантов в крестьянстве и рабочем классе много, и эти таланты только-только начинают сознавать себя, просыпаться, тянуться к живой, творческой, великой работе, браться самостоятельно за строительство социалистического общества.

Одна из самых главных задач теперь, если не самая главная, развить как можно шире этот самостоятельный почин рабочих и всех вообще трудящихся и эксплуатируемых в деле творческой *организационной* работы. Во что бы то ни стало надо разбить старый, *нелепый*, дикий, гнусный и мерзкий предрассудок, будто управлять государством, будто ведать организационным строительством социалистического

общества могут только так называемые «высшие классы», только богатые или прошедшие школу богатых классов.

Это предрассудок. Поддерживается он гнилой рутинной, заскорузлостью, рабьей привычкой, а еще больше грязной корыстью капиталистов, заинтересованных в том, чтобы управлять грабя и грабить управляя. Нет. Ни на минуту не забудут рабочие, что им нужна сила знания. Необыкновенное рвение, которое проявляют рабочие в деле образования, проявляют как раз сейчас, доказывает, что на этот счет заблуждений в среде пролетариата нет и быть не может. Но *организаторская* работа подильна и *рядовому* рабочему и крестьянину, обладающему грамотностью, знанием людей, практическим опытом. Таких людей в «простонародье», о котором высокомерно и пренебрежительно говорят буржуазные интеллигенты, *масса*. Таких талантов в рабочем классе и в крестьянстве непочатой еще родник и богатейший родник.

Рабочие и крестьяне еще «робеют», еще не освоились с тем, что *они* — теперь *господствующий* класс, еще недостаточно решительны. Этих качеств в миллионах и миллионах людей, всю жизнь вынужденных голодом и нуждой работать из-под палки, не мог создать переворот *сразу*. Но в том-то и сила, в том-то и жизненность, в том-то и непобедимость Октябрьской революции 1917 года, что она *будит* эти качества, ломает все старые препоны, рвет обветшавшие путы, выводит трудящихся на дорогу *самостоятельного* творчества новой жизни.

Учет и контроль — вот *главная* экономическая задача каждого Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, каждого потребительного общества, каждого союза или комитета снабжения, каждого фабрично-заводского комитета или органа рабочего контроля вообще.

Борьба со старой привычкой — смотреть на меру труда, на средства производства с точки зрения подневольного человека: как бы освободиться от лишней тяготы, как бы урвать хоть кусок *у буржуазии*, эта борьба необходима. Эту борьбу уже начали передовые, сознательные рабочие, дающие решительный отпор тем пришельцам в фабричную среду, которых особенно много явилось во время войны и которые теперь хотели бы относиться к *народной* фабрике, к фабрике, перешедшей в собственность народа, по-прежнему с точки зрения единственного помышления: «урвать кусок побольше и удрать». Все, что есть сознательного, честного, думающего в крестьянстве и в трудящихся массах, встанет в этой борьбе на сторону передовых рабочих.

Учет и контроль, *если* они производятся Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, как верховной государственной властью, или по указаниям, по полномочию *этой* власти, — учет и контроль повсеместный, всеобщий, универсальный, — учет и контроль за количеством труда и за распределением продуктов — в этом *суть* социалистического преобразования, раз политическое господство пролетариата создано и обеспечено.

Учет и контроль, которые необходимы для перехода к социализму, могут быть только массовыми. Только добровольное и добросовестное, с революционным энтузиазмом производимое, сотрудничество *массы* рабочих и крестьян в учете и контроле *за богатыми, за жуликами, за тунеядцами, за хулиганами* может победить эти пережитки проклятого капиталистического общества, эти отбросы человечества, эти безнадежно гнилые и омертвевшие члены, эту заразу, чуму, язву, оставленную социализму по наследству от капитализма.

Рабочие и крестьяне, трудящиеся и эксплуатируемые! Земля, банки, фабрики, заводы перешли в собственность всего народа! Беритесь *сами* за учет и контроль производства и распределения продуктов, — в этом и *только* в этом путь к победе социализма, залог его победы, залог победы над всякой эксплуатацией, над всякой нуждой и нищетой! Ибо в России хватит хлеба, железа, леса, шерсти, хлопка и льна на всех, лишь бы правильно распределить труд и продукты, лишь бы установить всенародный *деловой, практический* контроль за этим распределением, лишь бы победить *не только* в политике, но и в *повседневной экономической* жизни врагов народа: богатых, их прихлебателей, — затем жуликов, тунеядцев и хулиганов.

Никакой пощады этим врагам народа, врагам социализма, врагам трудящихся. Война не на жизнь, а на смерть богатым и их прихлебателям, буржуазным интеллигентам, война жуликам, тунеядцам и хулиганам. Те и другие, первые и последние — родные братья, дети капитализма, сынки барского и буржуазного общества, общества, в котором кучка грабила народ и издевалась над народом, — общества, в котором нужда и нищета выбрасывала тысячи и тысячи на путь хулиганства, продажности, жульничества, забвения человеческого образа, — общества, в котором неизбежно воспитывалось стремление у трудящихся: уйти хоть обманом от эксплуатации, извернуться, избавиться хоть на минуту от постылой работы, урвать хоть кусок хлеба каким угодно путем, какой угодной ценой, чтобы не голодать, чтобы не чувствовать себя и своих близких недоедающими.

Богатые и жулики, это — две стороны одной медали, это — два главные разряда *паразитов*, вскормленных капитализмом, это — главные враги социализма, этих врагов надо взять под особый надзор всего населения, с ними надо расправляться, при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества, беспощадно. Всякая слабость, всякие колебания, всякое сентиментальничанье в этом отношении было бы величайшим преступлением перед социализмом.

Чтобы обезвредить социалистическое общество от этих паразитов, надо организовать всенародный, миллионами и миллионами рабочих и крестьян добровольно, энергично, с революционным энтузиазмом поддерживаемый учет и контроль за количеством труда, за производством и распределением продуктов. А чтобы организовать этот учет и контроль, *вполне доступный*, вполне подсильный всякому честному, толковому, распорядительному рабочему и крестьянину, надо вызвать к жизни их собственные, из их среды происходящие, организаторские таланты, надо возбудить в них — и наладить в общегосударственном масштабе — *соревнование* по части организаторских успехов, надо, чтобы рабочие и крестьяне ясно поняли разницу между необходимым советом образованного человека и необходимым контролем «простого» рабочего и крестьянина за *разгильдяйством*, столь обычным у «образованных» людей.

Это разгильдяйство, небрежность, неряшливость, неаккуратность, нервная торопливость, склонность заменять дело дискуссией, работу — разговорами, склонность за все на свете браться и ничего не доводить до конца есть одно из свойств «образованных людей», вытекающих вовсе не из их дурной природы, тем менее из злостности, а из всех привычек жизни, из обстановки их труда, из переутомления, из ненормального отделения умственного труда от физического и так далее и тому подобное.

Среди ошибок, недочетов, промахов нашей революции немалую роль играют те ошибки и пр., которые порождаются этими печальными, — но неизбежными в данный момент — свойствами интеллигентов из нашей среды и *отсутствием* достаточного контроля за *организаторской* работой интеллигентов со стороны *рабочих*.

Рабочие и крестьяне еще «робеют», от этого они должны избавиться и они, *несомненно*, от этого избавятся. Без совета, без руководящего указания людей образованных, интеллигентов, специалистов обойтись нельзя. Всякий сколько-нибудь толковый рабочий и крестьянин понимают это

превосходно, и интеллигенты нашей среды не могут пожаловаться на недостаток внимания и товарищеского уважения со стороны рабочих и крестьян. Но одно дело — совет и руководящее указание, другое дело — организация *практического* учета и контроля. Интеллигенты сплошь да рядом дают великолепнейшие советы и руководящие указания, но сказываются до смешного, до *нелепого*, до позорного «безрукими», неспособными *провести* в жизнь эти советы и указания, провести *практический контроль* за тем, чтобы слово превращалось в дело.

Вот где без помощи и *без руководящей роли* практиков-организаторов из «народа», из рабочих и трудящихся крестьян ни в коем случае не обойтись. «Не боги горшки обжигают» — эту истину должны крепче всего зарубить у себя рабочие и крестьяне. Они должны понять, что сейчас все дело *в практике*, что наступил именно тот исторический момент, когда теория превращается в практику, оживляется практикой, исправляется практикой, проверяется практикой, когда в особенности верны слова Маркса: «всякий шаг практического движения важнее дюжины программ»²²⁹, — всякий шаг в деле практически реального обуздания, сокращения, взятия под полный учет и надзор богатых и жуликов важнее дюжины отменных рассуждений о социализме. Ибо «теория, друг мой, сера, но зелено вечное дерево жизни»²³⁰.

Надо организовать соревнование практиков-организаторов из рабочих и крестьян друг с другом. Надо бороться против всякого шаблонизирования и попыток установления единообразия сверху, к чему так склонны интеллигенты. С демократическим и социалистическим централизмом ни шаблонизирование ни установление единообразия сверху не имеет ничего общего. Единство в основном, в коренном, в существенном не нарушается, а обеспечивается *многообразием* в подробностях, в местных особенностях, в приемах *подхода* к делу, в *способах* осуществления контроля, в *путях* истребления и обезвреживания паразитов (богатых и жуликов, разгильдяев и истеричек из интеллигенции и т. д. и т. п.).

Парижская Коммуна показала великий образчик сочетания почина, самостоятельности, свободы движения, энергии размаха снизу — и добровольного, чуждого шаблонов, централизма. Наши Советы идут по тому же пути. Но они еще «робеют», еще не развернулись, не «въелись» в свою новую, великую, творческую работу создания социалистических порядков. Надо, чтобы Советы смелее, инициативнее брались за дело. Надо, чтобы каждая «коммуна» — любая фабрика,

любая деревня, любое потребительное общество, любой комитет снабжения — выступили, *сореvнуя* друг с другом, как практические организаторы учета и контроля за трудом и за распределением продуктов. Программа этого учета и контроля проста, ясна, понятна всякому: чтобы хлеб был у каждого, чтобы все ходили в крепкой обуви и в недраной одежде, имели теплое жилье, работали добросовестно, чтобы ни один жулик (в том числе и отлынивающий от работы) не гулял на свободе, а сидел в тюрьме или отбывал наказание на принудительных работах тягчайшего вида, чтобы ни один богатый, отступающий от правил и законов социализма, не мог уклониться от участи жулика, по справедливости долженствующей стать участью богатого. «Кто не работает, тот пусть не ест» — вот *практическая* заповедь социализма. Вот что надо *практически* наладить. Вот какими *практическими* успехами должны гордиться наши «коммуны» и наши организаторы из рабочих и крестьян, тем более из интеллигентов (тем *более*, ибо гордиться своими общими указаниями и резолюциями они *слишком* привыкли, *чересчур* привыкли).

Тысячи форм и способов практического учета и контроля за богатыми, жуликами и тунеядцами должны быть выработаны и испытаны на практике самими коммунарами, мелкими ячейками в деревне и в городе. Разнообразие здесь есть ручательство жизненности, порука успеха в достижении общей единой цели: *очистки* земли российской от всяких вредных насекомых, от блох — жуликов, от клопов — богатых и прочее и прочее. В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы (так же хулигански, как отлынивают от работы многие наборщики в Питере, особенно в партийных типографиях). В другом — поставят их чистить сортиры. В третьем — снабдят их, по отбытии карцера, желтыми билетами, чтобы весь народ, до их исправления, надзирал за ними, как за *вредными* людьми. В четвертом — расстреляют на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве. В пятом — придумают комбинации разных средств и путем, например, условного освобождения добьются быстрого исправления исправимых элементов из богачей, буржуазных интеллигентов, жуликов и хулиганов. Чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт, тем вернее и быстрее будет успех социализма, тем легче практика выработает — ибо только практика может выработать — *наилучшие* приемы и средства борьбы.

В какой коммуне, в каком квартале большого города, на какой фабрике, в какой деревне *нет* голодных, *нет*

безработных, *нет* богатых тунеядцев, *нет* мерзавцев из лакеев буржуазии, саботажников, называющих себя интеллигентами? в какой больше сделано для повышения производительности труда? для постройки новых хороших домов для бедноты, для помещения ее в домах богачей? для правильного снабжения бутылкой молока каждого ребенка из бедных семей? — вот на каких вопросах должно развернуться *сорево-нование* коммун, общин, потребительно-производительных обществ и товариществ, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вот на какой работе должны *практически* выделяться и выдвигаться наверх, в дело общегосударственного управления, *организаторские таланты*. Их много в народе. Они только придавлены. Им надо помочь развернуться. Они *и только они*, при поддержке масс, смогут спасти Россию и спасти дело социализма.

*Написано 24—27 декабря 1917 г.
(6—9 января 1918 г.)*

*Впервые напечатано 20 января 1929 г.
в газете «Правда» № 17
Подпись: В. Л е н и н*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 35, стр. 195—205*

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ТРУДЯЩЕГОСЯ И ЭКСПЛУАТИРУЕМОГО НАРОДА ²³¹

Учредительное собрание постановляет:

- I. 1. Россия объявляется республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам.
2. Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик.
- II. Ставя своей основной задачей уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление сопротивления эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победу социализма во всех странах, Учредительное собрание постановляет далее:
 1. Частная собственность на землю отменяется. Вся земля, со всеми постройками, инвентарем и прочими принадлежностями сельскохозяйственного производства, объявляется достоянием всего трудящегося народа.
 2. Подтверждается советский закон о рабочем контроле и о Высшем совете народного хозяйства в целях обеспечения власти трудящегося народа над эксплуататорами, и как первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, железных дорог и прочих средств производства и транспорта в собственность рабоче-крестьянского государства.
 3. Подтверждается переход всех банков в собственность рабоче-крестьянского государства, как одно из условий освобождения трудящихся масс из-под ига капитала.

4. В целях уничтожения паразитических слоев общества вводится всеобщая трудовая повинность.

5. В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплуататоров, декретируется вооружение трудящихся, образование социалистической красной армии рабочих и крестьян, и полное разоружение имущих классов.

III. 1. Выражая непреклонную решимость вырвать человечество из когтей финансового капитала и империализма, заливших землю кровью в настоящей преступнейшей из всех войн, Учредительное собрание всецело присоединяется к проводимой Советской властью политике разрыва тайных договоров, организации самого широкого братания с рабочими и крестьянами воюющих ныне между собою армий и достижения, во что бы то ни стало, революционными мерами, демократического мира между народами, без аннексий и без контрибуций, на основе свободного самоопределения наций.

2. В тех же целях Учредительное собрание настаивает на полном разрыве с варварской политикой буржуазной цивилизации, строившей благосостояние эксплуататоров в немногих избранных нациях на порабощении сотен миллионов трудящегося населения в Азии, в колониях вообще и в малых странах.

Учредительное собрание приветствует политику Совета Народных Комиссаров, провозгласившего полную независимость Финляндии, начавшего вывод войск из Персии, объявившего свободу самоопределения Армении²³².

3. Как первый удар международному банковому, финансовому капиталу, Учредительное собрание рассматривает советский закон об аннулировании (уничтожении) займов, заключенных правительствами царя, помещиков и буржуазии, выражая уверенность, что Советская власть пойдет твердо по этому пути вплоть до полной победы международного рабочего восстания против ига капитала.

IV. Будучи выбрано на основании партийных списков, составленных до Октябрьской революции, когда народ не мог еще всей массой восстать против эксплуататоров, не знал всей силы их сопротивления при отстаивании ими своих классовых привилегий, не взялся еще практически за созидание социалистического общества, Учредительное собрание считало бы в корне неправильным,

даже с формальной точки зрения, противопоставлять себя Советской власти.

По существу же Учредительное собрание полагает, что теперь, в момент последней борьбы народа с его эксплуататорами, — эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству — Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Поддерживая Советскую власть и декреты Совета Народных Комиссаров, Учредительное собрание считает, что его задачи исчерпываются установлением коренных оснований социалистического переустройства общества.

Вместе с тем, стремясь создать действительно свободный и добровольный, а, следовательно, тем более тесный и прочный, союз трудящихся классов всех наций России, Учредительное собрание ограничивает свою задачу установлением коренных начал федерации Советских республик России, предоставляя рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном советском съезде, желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях.

*Написано в январе, не позднее 3 (16),
1918 г.*

*Напечатано 4 (17) января 1918 г.
в газетах «Правда» № 2
и «Известия ЦИК» № 2*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 35, стр. 221—223*

ПРОЕКТ ДЕКРЕТА О РОСПУСКЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ ²³³

ПРОЕКТ ДЕКРЕТА

Российская революция, с самого начала своего, выдвинула Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов как массовую организацию всех трудящихся и эксплуатируемых классов, единственно способную руководить борьбою этих классов за их полное политическое и экономическое освобождение.

В течение всего первого периода российской революции Советы множились, росли и крепились, на собственном опыте изживая иллюзии соглашательства с буржуазией, обманчивость форм буржуазно-демократического парламентаризма, приходя практически к выводу о невозможности освобождения угнетенных классов без разрыва с этими формами и со всяким соглашательством. Таким разрывом явилась Октябрьская революция, передавшая всю власть в руки Советов.

Учредительное собрание, выбранное по спискам, составленным до Октябрьской революции, явилось выражением старого соотношения политических сил, когда у власти были соглашатели и кадеты. Народ не мог тогда, голосуя за кандидатов партии эсеров, делать выбора между правыми эсерами, сторонниками буржуазии, и левыми, сторонниками социализма. Таким образом это Учредительное собрание, которое должно было явиться венцом буржуазной парламентской республики, не могло не встать поперек пути Октябрьской революции и Советской власти.

Октябрьская революция, дав власть Советам и через Советы — трудящимся и эксплуатируемым классам, вызвала отчаянное сопротивление эксплуататоров и в подавлении этого сопротивления вполне обнаружила себя как начало социалистической революции. Трудящимся классам пришлось убедиться на опыте, что старый буржуазный парламента-

ризм пережил себя, что он совершенно несовместим с задачами осуществления социализма, что не общенациональные, а только классовые учреждения (каковы Советы) в состоянии победить сопротивление имущих классов и заложить основы социалистического общества. Всякий отказ от полноты власти Советов, от завоеванной народом Советской республики, в пользу буржуазного парламентаризма и Учредительного собрания, был бы теперь шагом назад и крахом всей Октябрьской рабоче-крестьянской революции.

Собравшееся 5-го января Учредительное собрание дало, в силу изложенных выше обстоятельств, большинство партии правых эсеров, партии Керенского, Авксентьева и Чернова. Естественно, эта партия отказалась принять к обсуждению совершенно точное, ясное, не допускавшее никаких криво-толков, предложение верховного органа Советской власти, ЦИК Советов, признать программу Советской власти, признать «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», признать Октябрьскую революцию и Советскую власть. Тем самым Учредительное собрание разорвало всякую связь между собой и Советской республикой России. Уход с такого Учредительного собрания фракций большевиков и левых эсеров, которые составляют сейчас заведомо громадное большинство в Советах и пользуются доверием рабочих и большинства крестьян, был неизбежен.

На деле партии правых эсеров и меньшевиков ведут, вне стен Учредительного собрания, самую отчаянную борьбу против Советской власти, открыто призывая в своих органах к свержению ее, называя произволом и беззаконием необходимое для освобождения от эксплуатации подавление силой трудящихся классов сопротивления эксплуататоров, защищая служащих капиталу саботажников, доходя до неприкрашенных призывов к террору, который «неизвестными группами» и начал уже осуществляться. Ясно, что оставшаяся часть Учредительного собрания могла бы, в силу этого, играть роль только прикрытия борьбы контрреволюционеров за свержение Советской власти.

Поэтому Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

Учредительное собрание распускается.

Написано 6 (19) января 1918 г.

*Напечатано 7 (20) января 1918 г.
в газетах «Правда» № 5
и «Известия ЦИК» № 5*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 35, стр. 235—237*

К ИСТОРИИ ВОПРОСА О НЕСЧАСТНОМ МИРЕ

Теперь не до истории, могут сказать, пожалуй. Да, если неразрывной, непосредственной практической связи прошлого с настоящим по известному вопросу нет, тогда допустимо утверждение подобного рода. Но вопрос о несчастном мире, архитяжком мире, вопрос такой злободневный, что на выяснении его надо остановиться. И потому я печатаю тезисы, прочтенные мною по этому вопросу 8 января 1918 г. перед собранием около 60 виднейших питерских работников нашей партии.

Вот эти тезисы:

7/I. 1918.

ТЕЗИСЫ ПО ВОПРОСУ О НЕМЕДЛЕННОМ ЗАКЛЮЧЕНИИ СЕПАРАТНОГО И АННЕКСИОНИСТСКОГО МИРА ²³⁴

1. Положение русской революции в данный момент таково, что почти все рабочие и громадное большинство крестьян, несомненно, стоит на стороне Советской власти и начатой ею социалистической революции. Постольку успех социалистической революции в России обеспечен.

2. В то же время гражданская война, вызванная бешеным сопротивлением имущих классов, превосходно сознавших, что перед ними последний и решительный бой за сохранение частной собственности на землю и на средства производства, еще не достигла своего высшего пункта. Советской власти обеспечена победа в этой войне, но неизбежно пройдет еще некоторое время, неизбежно потребуются не малое напряжение сил, неизбежен известный период острой разрухи и хаоса, связанных со всякой войной, а с гражданской войной в особенности, пока сопротивление буржуазии будет подавлено.

3. Кроме того, это сопротивление в его менее активных и невоенных формах: — саботаж, подкуп босяков, подкуп агентов буржуазии, втирающихся в ряды социалистов для того, чтобы погубить их дело, и т. д. и т. п. — это сопротивление оказалось таким упорным и способным принимать столь разнообразные формы, что борьба с ним неизбежно затянется еще некоторое время и едва ли закончится в главных своих видах раньше, чем через несколько месяцев. А без решительной победы над этим пассивным и прикрытым сопротивлением буржуазии и ее сторонников успех социалистической революции невозможен.

4. Наконец, организационные задачи социалистического преобразования в России так велики и трудны, что на разрешение их — при обилии мелкобуржуазных попутчиков социалистического пролетариата и при невысоком культурном его уровне — требуется тоже довольно продолжительное время.

5. Все эти обстоятельства, взятые вместе, таковы, что из них совершенно определено вытекает необходимость, для успеха социализма в России, известного промежутка времени, не менее нескольких месяцев, в течение которого социалистическое правительство должно иметь вполне развязанные руки для победы над буржуазией сначала в своей собственной стране и для налажения широкой и глубокой массовой организационной работы.

6. Положение дел с социалистической революцией в России должно быть положено в основу всякого определения международных задач нашей Советской власти, ибо международная ситуация на 4-ом году войны сложилась так, что вероятный момент взрыва революции и свержения какого-либо из европейских империалистских правительств (в том числе и германского) совершенно не поддается учету. Нет сомнения, что социалистическая революция в Европе должна наступить и наступит. Все наши надежды на *окончательную* победу социализма основаны на этой уверенности и на этом научном предвидении. Наша пропагандистская деятельность вообще и организация братанья в особенности должны быть усилены и развиты. Но было бы ошибкой построить тактику социалистического правительства России на попытках определить, наступит ли европейская и особенно германская социалистическая революция в ближайшие полгода (или подобный краткий срок) или не наступит. Так как определить этого нельзя никоим образом, то все подобные попытки, объективно, свелись бы к слепой азартной игре.

7. Мирные переговоры в Брест-Литовске вполне выяснили в настоящий момент, к 7. I. 1918, что у германского правительства (вполне ведущего на поводу остальные правительства четверного союза) безусловно взяла верх военная партия, которая по сути дела уже поставила России ультиматум (со дня на день следует ждать, необходимо ждать и его формального предъявления). Ультиматум этот таков: либо дальнейшая война, либо аннексионистский мир, т. е. мир на условии, что мы отдаем все занятые нами земли, германцы сохраняют *все* занятые ими земли и налагают на нас контрибуцию (прикрытую внешностью платы за содержание пленных), контрибуцию размером приблизительно в 3 миллиарда рублей, с рассрочкой платежа на несколько лет.

8. Перед социалистическим правительством России встает требующий неотложного решения вопрос, принять ли сейчас этот аннексионистский мир или вести тотчас революционную войну. Никакие средние решения, по сути дела, тут невозможны. Никакие дальнейшие отсрочки более неосуществимы, ибо для искусственного затягивания переговоров мы *уже* сделали все возможное и невозможное.

9. Рассматривая доводы за немедленную революционную войну, мы встречаем прежде всего тот довод, что сепаратный мир будет теперь, объективно, соглашением с немецкими империалистами, «империалистской сделкой» и т. п., и что, следовательно, такой мир был бы полным разрывом с основными принципами пролетарского интернационализма.

Но этот довод явно неверен. Рабочие, которые проигрывают стачку, подписывая невыгодные для них, выгодные для капиталистов, условия возобновления работ, не изменяют социализму. Изменяют социализму лишь те, кто обменивает выгоды для части рабочих на выгоды для капиталистов, лишь такие соглашения в принципе недопустимы.

Кто называет оборонительной и справедливой войной войну с германским империализмом, а на деле получает поддержку от англо-французских империалистов и скрывает от народа тайные договоры с ними, тот изменяет социализму. Кто, ничего не скрывая от народа, никаких тайных договоров с империалистами не заключая, соглашается подписать невыгодные для слабой нации, выгодные для империалистов одной группы, условия мира, если в данный момент нет сил для продолжения войны, тот ни малейшей измены социализму не совершает.

10. Другой довод за немедленную войну тот, что, заключая мир, мы объективно являемся агентами германского

империализма, ибо даем ему и освобождение войск с нашего фронта и миллионы пленных и т. д. Но и этот довод явно неверен, ибо революционная война в данный момент сделала бы нас, объективно, агентами англо-французского империализма, давая ему подсобные его целям силы. Англичане прямо предлагали нашему главковерху Крыленке по сто рублей в месяц за каждого нашего солдата, в случае продолжения войны. Если мы ни копейки не возьмем от англо-французов, мы все же, объективно, будем помогать им, отвлекая часть немецких войск.

С этой стороны в обоих случаях мы не вырываемся полностью из той или иной империалистской связи, да и очевидно, что нельзя вырваться из нее полностью, не свергнув всемирного империализма. Правильный вывод отсюда тот, что, со времени победы социалистического правительства в одной из стран, надо решать вопросы не с точки зрения предпочтительности того или другого империализма, а исключительно с точки зрения наилучших условий для развития и укрепления социалистической революции, которая уже началась.

Другими словами: не тот принцип должен теперь лежать в основе нашей тактики, которому из двух империализмов выгоднее помочь теперь, а тот принцип, как вернее и надежнее можно обеспечить социалистической революции возможность укрепиться или хотя бы продержаться в одной стране до тех пор, пока присоединятся другие страны.

11. Говорят, что немецкие противники войны из социал-демократов стали теперь «пораженцами» и просят нас не уступать германскому империализму. Но мы признавали поражение лишь по отношению к *собственной* империалистской буржуазии, а победу над чужим империализмом, победу, достигаемую в формальном или в фактическом союзе с «дружественным» империализмом, мы всегда отвергали, как метод принципиально недопустимый и вообще негодный.

Данный довод есть, следовательно, лишь видоизменение предыдущего. Если бы немецкие левые социал-демократы предлагали нам оттянуть сепаратный мир на *определенный* срок, гарантируя революционное выступление в Германии в этот срок, тогда вопрос *мог бы* встать для нас иначе. Но немецкие левые не только не говорят этого, а, напротив, формально заявляют: «Держитесь, пока можете, но решайте вопрос по соображениям положения дел в *русской* социалистической революции, ибо ничего позитивного обещать насчет немецкой революции нельзя».

12. Говорят, что мы прямо «обещали» в ряде партийных заявлений революционную войну, и что заключение сепаратного мира будет изменой нашему слову.

Это неверно. Мы говорили о *необходимости «подготовить и вести»* революционную войну для социалистического правительства в эпоху империализма*; мы говорили это, чтобы бороться с абстрактным пацифизмом, с теорией полного отрицания «защиты отечества» в эпоху империализма, наконец, с чисто шкурными инстинктами части солдат, но мы не брали на себя обязательства начинать революционной войны без учета того, насколько возможно вести ее в тот или иной момент.

Мы и сейчас безусловно должны *готовить* революционную войну. Мы выполняем это свое обещание, как выполнили вообще все наши обещания, которые можно было сразу выполнить: расторгли тайные договоры, предложили всем народам справедливый мир, оттягивали всячески и несколько раз мирные переговоры, чтобы дать время присоединиться другим народам.

Но вопрос о том, можно ли *сейчас, немедленно* вести революционную войну, следует решить, учитывая исключительно материальные условия осуществимости этого и интересы социалистической революции, которая уже началась.

13. Сводя вместе оценку доводов за немедленную революционную войну, надо прийти к выводу, что такая политика отвечала бы, может быть, потребности человека в стремлении к красивому, эффектному и яркому, но совершенно не считалась бы с объективным соотношением классовых сил и материальных факторов в переживаемый момент начавшейся социалистической революции.

14. Нет сомнения, что наша армия в данный момент и в ближайшие недели (а вероятно, и в ближайшие месяцы) абсолютно не в состоянии успешно отразить немецкое наступление, во-1-х, вследствие крайней усталости и истомления большинства солдат, при неслыханной разрухе в деле продовольствия, смены переутомленных и пр.; во-2-х, вследствие полной негодности конского состава, обрекающей на неминуемую гибель нашу артиллерию; в-3-х, вследствие полной невозможности защитить побережье от Риги до Ревеля, дающей неприятелю вернейший шанс на завоевание остальной части Лифляндии, затем Эстляндии и на обход большей части наших войск с тыла, наконец на взятие Петрограда.

* См. Сочинения, 5 изд., том 27, стр. 50—51; 4 изд., том 21, стр. 368. *Ред.*

15. Далее, нет также никакого сомнения, что крестьянское большинство нашей армии в данный момент безусловно высказалось бы за аннексионистский мир, а не за немедленную революционную войну, ибо дело социалистической реорганизации армии, влития в нее отрядов Красной гвардии и пр. только-только начато.

При полной демократизации армии вести войну против воли большинства солдат было бы авантюрой, а на создание действительно прочной и идейно-крепкой социалистической рабоче-крестьянской армии нужны, по меньшей мере, месяцы и месяцы.

16. Беднейшее крестьянство в России в состоянии поддержать социалистическую революцию, руководимую рабочим классом, но оно не в состоянии немедленно, в данный момент пойти на серьезную революционную войну. Это объективное соотношение классовых сил по данному вопросу было бы роковой ошибкой игнорировать.

17. Дело стоит, следовательно, с революционной войной в данное время следующим образом:

если бы германская революция вспыхнула и победила в ближайшие три-четыре месяца, тогда, может быть, тактика немедленной революционной войны не погубила бы нашей социалистической революции.

Если же германская революция в ближайшие месяцы не наступит, то ход событий, при продолжении войны, будет неизбежно такой, что сильнейшие поражения заставят Россию заключить еще более невыгодный сепаратный мир, причем мир этот будет заключен не социалистическим правительством, а каким-либо другим (например, блоком буржуазной Рады с черновцами или что-либо подобное). Ибо крестьянская армия, невыносимо истомленная войной, после первых же поражений — вероятно, даже не через месяцы, а через недели — свергнет социалистическое рабочее правительство.

18. При таком положении дела было бы совершенно недопустимой тактикой ставить на карту судьбу начавшейся уже в России социалистической революции только из-за того, начнется ли германская революция в ближайший, кратчайший, измеряемый неделями срок. Такая тактика была бы авантюрой. Так рисковать мы не имеем права.

19. И германская революция вовсе не затруднится, по ее объективным основаниям, если мы заключим сепаратный мир. Вероятно, на время угар шовинизма ослабит ее, но положение Германии останется крайне тяжелым, война с Англией и Америкой будет затяжной, агрессивный империализм вполне

и до конца разоблачен с обеих сторон. Пример социалистической Советской республики в России будет стоять живым образцом перед народами всех стран, и пропагандистское, революционизирующее действие этого образца будет гигантским. Здесь — буржуазный строй и обнаженная до конца захватная война двух групп хищников. Там — мир и социалистическая республика Советов.

20. Заключая сепаратный мир, мы в наибольшей, *возможной для данного момента*, степени освобождаемся от обеих враждующих империалистских групп, используя их вражду и войну, — затрудняющую им сделку против нас, — используем, получая известный период развязанных рук для продолжения и закрепления социалистической революции. Реорганизация России на основе диктатуры пролетариата, на основе национализации банков и крупной промышленности, при натуральном *продуктообмене* города с деревенскими потребительными обществами мелких крестьян, экономически вполне возможна, при условии обеспечения нескольких месяцев мирной работы. А такая реорганизация сделает социализм непобедимым и в России и во всем мире, создавая вместе с тем прочную экономическую базу для могучей рабоче-крестьянской Красной Армии.

21. Действительно революционной войной в настоящий момент была бы война социалистической республики против буржуазных стран с ясно поставленной и вполне одобренной со стороны социалистической армии целью свержения буржуазии в других странах. Между тем этой цели в *данный* момент мы себе *заведомо* не можем еще поставить. Мы воевали бы теперь, объективно, из-за освобождения Польши, Литвы и Курляндии. Но ни один марксист, не разрывая с основами марксизма и социализма вообще, не сможет отрицать, что интересы социализма стоят выше, чем интересы права наций на самоопределение. Наша социалистическая республика сделала все, что могла, и продолжает делать для осуществления права на самоопределение Финляндии, Украины и пр. Но если конкретное положение дел сложилось так, что существование социалистической республики подвергается опасности в данный момент из-за нарушения права на самоопределение нескольких наций (Польши, Литвы, Курляндии и пр.), то, разумеется, интересы сохранения социалистической республики стоят выше.

Поэтому тот, кто говорит: «мы не можем подписать позорного, похабного и прочее мира, предать Польшу и т. п.», не замечает, что, заключив мир на условии освобождения Польши, он только *еще более* усилил бы германский империа-

лизм против Англии, против Бельгии, Сербии и других стран. Мир на условии освобождения Польши, Литвы, Курляндии был бы «патриотическим» миром *с точки зрения России*, но несколько не перестал бы быть миром *с аннексионистами*, с германскими империалистами.

21 января 1918 г. к настоящим тезисам следует добавить:

22. Массовые стачки в Австрии и в Германии, затем образование Советов рабочих депутатов в Берлине и в Вене, наконец начало 18—20 января вооруженных столкновений и уличных столкновений в Берлине, все это заставляет признать, как факт, что революция в Германии началась.

Из этого факта вытекает возможность для нас еще в течение известного периода оттягивать и затягивать мирные переговоры.

*Написано: тезисы — 7 (20) января;
22 тезис — 21 января (3 февраля);
введение — в феврале, ранее 11 (24),
1918 г.*

*Напечатано (без 22 тезиса)
24 (11) февраля 1918 г.
в газете «Правда» № 34
Подпись: Н. Ленин*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 35, стр. 243—252*

*22 тезис впервые напечатан в 1949 г.
в 4 издании Сочинений В. И. Ленина,
том 26*

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ТЕЗИСАМ ПО ВОПРОСУ О НЕМЕДЛЕННОМ ЗАКЛЮЧЕНИИ СЕПАРАТНОГО И АННЕКСИОНИСТСКОГО МИРА

Приведенные выше тезисы были прочтены мной перед небольшим частным совещанием партийных работников 8 января 1918 года. Обсуждение их показало три мнения в партии по данному вопросу: около половины участников высказалось за революционную войну (эту точку зрения иногда называли «московской», ибо ее раньше других организаций приняло Московское областное бюро нашей партии); затем около четверти за т. Троцкого, предлагавшего «объявить состояние войны прекращенным, армию демобилизовать и отвести по домам, но мира не подписывать», и, наконец, около четверти за меня.

Создавшееся положение дел в партии чрезвычайно напоминает мне положение дел летом 1907 года, когда огромное большинство большевиков было за бойкот III Думы, когда я защищал участие в ней, наряду с Даном, и подвергался за это ожесточеннейшим нападкам за свой оппортунизм. Объективно, вопрос стоит теперь, равным образом, вполне аналогично: как и тогда, большинство партийных работников, исходя из самых лучших революционных побуждений и лучших партийных традиций, дает увлечь себя «ярким» лозунгом, *не схватывая новой общественно-экономической и политической ситуации, не учитывая изменения условий*, требующего быстрого, крутого изменения тактики. И весь мой спор, как и тогда, приходится сосредоточить на выяснении того, что марксизм требует учета объективных условий и их изменения, что надо ставить вопрос конкретно, применительно к этим условиям, что коренная перемена состоит теперь в создании республики Советов России, что выше всего и для нас *и с международно-социалистической точки зрения* сохранение этой республики, уже начавшей социалистическую революцию,

что в данный момент лозунг революционной войны со стороны России означал бы либо фразу и голую демонстрацию, либо равнялся бы объективно падению в ловушку, расставляемую нам империалистами, которые желают *втянуть* нас в продолжение *империалистской* войны, как слабую пока еще частичку, и *разгромить* возможно более дешевым путем молодую республику Советов.

«Я стою на старой позиции Ленина», — воскликнул один из молодых москвичей (молодость — одно из самых больших достоинств, отличающих эту группу ораторов). И тот же оратор упрекал меня за то, что я, дескать, повторяю старые доводы оборонцев насчет невероятности революции в Германии.

В том-то и беда, что москвичи хотят стоять на старой *тактической* позиции, упорно не желая видеть, как *изменилась*, как создалась *новая объективная* позиция.

Москвичи не учли даже, в своем рвении повторять старые лозунги, что мы, большевики, все стали теперь оборонцами. Ибо, свергнув буржуазию, разорвав и разоблачив тайные договоры, предложив всем народам мир действительно... *

Написано между 8 и 11 (21 и 24) января
1918 г.

Впервые напечатано в 1929 г.
в Ленинском сборнике XI

Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 35, стр. 253—254

* На этом рукопись обрывается. *Ред.*

**РЕЧИ О ВОЙНЕ И МИРЕ
НА ЗАСЕДАНИИ ЦК РСДРП(б)**

11 (24) ЯНВАРЯ 1918 г. ²³⁵

ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ

1

Первым берет слово тов. Ленин, который указывает, что на собрании 8(21) января по этому вопросу наметились три точки зрения, и ставит вопрос о том, обсуждать ли вопрос по пунктам тезисов, изложенных им, или же открыть общую дискуссию. Принимается последнее, и слово предоставляется тов. Ленину.

Он начинает с изложения трех точек зрения, наметившихся на предыдущем собрании: 1) сепаратный аннексионистский мир, 2) революционная война и 3) объявление войны прекращенной, демобилизовать армию, но мира не подписывать. На предыдущем собрании первая точка зрения собрала 15 голосов, вторая — 32 и третья — 16.

Тов. Ленин указывает, что большевики никогда не отказывались от обороны, но только эта оборона и защита отечества должна была иметь определенную, конкретную обстановку, которая есть в настоящее время налицо, а именно: защита социалистической республики от необыкновенно сильного международного империализма. Вопрос стоит только в том, как должны мы защищать отечество — социалистическую республику. Армия чрезмерно утомлена войной; конский состав таков, что артиллерию мы не сможем увезти при наступлении; положение германцев на островах Балтийского моря настолько хорошо, что при наступлении они смогут взять Ревель и Петроград голыми руками. Продолжая в таких условиях войну, мы необыкновенно усилим германский империализм, мир придется все равно заключать, но тогда мир будет худший, так как его будем заключать не мы. Несомненно, мир, который мы вынуждены заключать сейчас, — мир похабный, но если начнется война, то наше правительство будет сметено, и мир будет заключен другим пра-

вительством. Сейчас мы опираемся не только на пролетариат, но и на беднейшее крестьянство, которое отойдет от нас при продолжении войны. Затягивание войны входит в интересы французского, английского и американского империализма, чему служит, например, доказательством предложение, сделанное в ставке Крыленко о 100 рублях за каждого русского солдата, предложенных американцами. Стоящие на точке зрения революционной войны указывают, что мы этим самым будем находиться в гражданской войне с германским империализмом и что этим мы пробудим в Германии революцию. Но ведь Германия только еще беременна революцией, а у нас уже родился вполне здоровый ребенок — социалистическая республика, которого мы можем убить, начиная войну. В наших руках есть циркулярное письмо германских социал-демократов, имеются сведения об отношении к нам двух течений центра, из которых одно считает, что мы подкуплены и что сейчас в Бресте происходит комедия с заранее распределенными ролями. Эта часть нападает на нас за перемирие. Другая часть каутскианцев заявляет, что личная честность вождей большевиков вне всякого сомнения, но что поведение большевиков является психологической загадкой²³⁶. Мнения левых социал-демократов мы не знаем. Английские рабочие поддерживают наше стремление к миру. Конечно, тот мир, который мы заключим, будет похабным миром, но нам необходима оттяжка для проведения в жизнь социальных реформ (взять хотя бы один транспорт); нам необходимо упрочиться, а для этого нужно время. Нам необходимо додушить буржуазию, а для этого нам необходимо, чтобы у нас были свободны обе руки. Сделав это, мы освободим себе обе руки и тогда мы сможем вести революционную войну с международным империализмом. Созданные в настоящее время эшелоны революционной — добровольческой армии — это офицеры нашей будущей армии.

То, что предлагает тов. Троцкий — прекращение войны, отказ от подписания мира и демобилизация армии — это интернациональная политическая демонстрация. Своим уводом войск мы достигаем того, что отдаем немцам Эстляндскую социалистическую республику. Говорят, что, заключая мир, мы этим самым развязываем руки японцам и американцам, которые тотчас завладеют Владивостоком. Но пока они дойдут только до Иркутска, мы сумеем укрепить нашу социалистическую республику. Подписывая мир, мы, конечно, предаем самоопределившуюся Польшу, но мы сохраняем социалистическую Эстляндскую республику и даем возможность окрепнуть нашим завоеваниям. Конечно, мы делаем поворот

направо, который ведет через весьма грязный хлев, но мы должны его сделать. Если немцы начнут наступать, то мы будем вынуждены подписать всякий мир, а тогда, конечно, он будет худшим. Для спасения социалистической республики три миллиарда контрибуции не слишком дорогая цена. Подписывая мир теперь, мы воочию показываем широким массам, что империалисты (Германии, Англии и Франции), взявши Ригу и Багдад, продолжают драться, а мы развиваемся, развивается социалистическая республика.

2

Тов. Ленин указывает, что он не согласен в некоторых частях со своими единомышленниками Сталиным и Зиновьевым²³⁷. С одной стороны, конечно, на Западе есть массовое движение, но революция там еще не началась. Однако если бы в силу этого мы изменили бы свою тактику, то мы явились бы изменниками международному социализму. С Зиновьевым он не согласен в том, что заключение мира на время ослабит движение на Западе. Если мы верим в то, что германское движение может развиваться немедленно в случае перерыва мирных переговоров, то мы должны пожертвовать собою, ибо германская революция по силе будет гораздо выше нашей. Но суть в том, что там движение еще не началось, а у нас оно уже имеет новорожденного и громко кричащего ребенка и, если мы в настоящий момент не скажем ясно, что мы согласны на мир, то мы погибнем. Нам важно задержаться до появления общей социалистической революции, а этого мы можем достигнуть, только заключив мир.

3

Тов. Ленин предлагает поставить на голосование, что мы всячески затягиваем подписание мира.

*Впервые напечатано в 1922 г.
в Собрании сочинений Н. Ленина
(В. Ульянова), том XV;
третье выступление — в 1929 г.
в книге «Протоколы ЦК РСДРП.
Август 1917 — февраль 1918»*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 35, стр. 255—258*

ТРЕТИЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ РАБОЧИХ, СОЛДАТСКИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ²³⁸

10—18 (23—31) ЯНВАРЯ 1918 г.

ДОКЛАД О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ 11 (24) ЯНВАРЯ

Товарищи! От имени Совета Народных Комиссаров я должен представить вам доклад о деятельности его за 2 месяца и 15 дней, протекших со времени образования Советской власти и Советского правительства в России.

2 месяца и 15 дней — это всего на пять дней больше того срока, в течение которого существовала предыдущая власть рабочих над целой страной, или над эксплуататорами и капиталистами, — власть парижских рабочих в эпоху Парижской Коммуны 1871 года.

Эту власть рабочих мы должны вспомнить, прежде всего, бросая взгляд назад и сравнивая ее с Советской властью, образовавшейся 25 октября. И из этого сравнения предыдущей диктатуры пролетариата и настоящей мы сразу можем видеть, какой гигантский шаг сделало международное рабочее движение и в каком неизмеримо более благоприятном положении находится Советская власть в России, несмотря на неслыханно сложные условия в обстановке войны и разрухи.

Продержавшись 2 месяца и 10 дней, парижские рабочие, впервые создавшие Коммуну, которая представляет зачаток Советской власти, погибли под расстрелом французских кадетов, меньшевиков и правых эсеров-калединцев. Французским рабочим пришлось заплатить небывало тяжелыми жертвами за первый опыт рабочего правительства, смысл и цели которого не знало громадное большинство крестьян во Франции.

Мы находимся в гораздо более благоприятных обстоятельствах, потому что русские солдаты, рабочие и крестьяне сумели создать аппарат, который об их формах борьбы оповестил весь мир, — Советское правительство. Вот что, прежде всего, изменяет положение русских рабочих и крестьян по сравнению с властью парижского пролетариата. Они не имели

аппарата, их не поняла страна, — мы сразу же опирались на Советскую власть и поэтому для нас никогда не было сомнения в том, что Советская власть пользуется сочувствием и самой горячей, самой беззаветной поддержкой гигантского большинства масс, и что поэтому Советская власть непобедима.

Люди, которые относились скептически к Советской власти и часто, сознательно или бессознательно, продавали и предавали ее на соглашательство с капиталистами и империалистами, эти люди прокричали все уши про то, что в России не может удержаться власть исключительно одного пролетариата. Как будто кто-либо из большевиков и их сторонников забывал хоть на минуту, что в России может быть продолжительной только та власть, которая сумеет сплотить рабочий класс, большинство крестьян, все трудящиеся и эксплуатируемые классы в одну, неразрывно связанную между собою, силу, борющуюся против помещиков и буржуазии.

Мы никогда не сомневались в том, что только союз рабочих и беднейших крестьян, полупролетариев, о котором говорит наша партийная программа, может охватить в России большинство населения и обеспечить прочную поддержку власти. И нам удалось, после 25 октября, сразу, в течение нескольких недель, преодолеть все затруднения и основать власть на основе такого прочного союза.

Да, товарищи! Если партия эсеров, в ее старой форме, когда крестьяне еще не разбирались, кто в ней является действительным сторонником социализма, выставляла лозунг уравнительного землепользования, не желая знать, кем эта задача будет выполнена, в союзе ли с буржуазией или нет, то мы говорили, что это было обманом. И эта часть, которая увидела теперь, что за ней нет народа, что она — пустышка, претендовала на то, что она может провести уравнительное землепользование в союзе с буржуазией; в этом был основной обман. А когда русская революция показала опыт сотрудничества трудящихся масс с буржуазией, в величайшую минуту народной жизни, когда война губила и губит народ, осуждая миллионы на голодную смерть, и последствия ее показали на практике опыт соглашательства, когда его пережили, перечувствовали Советы сами, пройдя через школу соглашательства, тогда стало очевидным, что есть здоровое, жизнеспособное, великое социалистическое зерно в учении тех, кто хотел крестьянство, в его трудовой части, присоединить к великому социалистическому движению рабочих всего мира.

И как только этот вопрос стал практически ясно и отчетливо перед крестьянством, случилось то, в чем никто не со-

мневался, как показали теперь крестьянские Советы и съезды: когда пришло время к осуществлению социализма на деле, крестьяне получили возможность ясно увидеть эти две основные политические линии — союз с буржуазией или с трудящимися массами; они поняли тогда, что партия, выражающая истинные стремления и интересы крестьянства, — есть партия левых эсеров. И когда мы заключили с этой партией наш правительственный союз, мы с самого начала поставили дело таким образом, чтобы он покоился на самых ясных и очевидных началах. Если крестьяне России хотят осуществлять социализацию земли в союзе с рабочими, которые проведут национализацию банков и создадут рабочий контроль, — они наши верные сотрудники, вернейшие и ценнейшие союзники. Нет ни одного социалиста, товарищи, который не признавал бы той очевидной истины, что между социализмом и капитализмом лежит долгий, более или менее трудный переходный период диктатуры пролетариата, и что этот период в своих формах будет во многом зависеть от того, преобладает ли мелкая собственность или крупная, мелкая культура или крупная. Понятно, что переход к социализму в Эстляндии, в этой маленькой, поголовно грамотной стране, состоящей из крупных сельских хозяйств, не может походить на переход к социализму в стране по преимуществу мелкобуржуазной, какой является Россия. С этим надо считаться.

Всякий сознательный социалист говорит, что социализм нельзя навязывать крестьянам насильно и надо рассчитывать лишь на силу примера и на усвоение крестьянской массой житейской практики. Как она считает удобным перейти к социализму? Вот та задача, которая теперь перед русским крестьянством поставлена практически. Как она сама может поддержать социалистический пролетариат и начать переход к социализму? И крестьяне начали уже этот переход, и мы питаем к ним полное доверие.

Тот союз, который мы заключили с левыми социалистами-революционерами, создан на прочной базе и крепнет не по дням, а по часам. Если в первое время в Совете Народных Комиссаров мы могли опасаться, что фракционная борьба станет тормозить работу, то уже на основании двухмесячного опыта совместной работы я должен сказать определенно, что у нас по большинству вопросов вырабатывается решение единоегласное.

Мы знаем, что только тогда, когда опыт показывает крестьянам, каков, например, должен быть обмен между городом и деревней, они сами снизу, на основании своего собственного опыта, устанавливают свою связь. С другой стороны, опыт

гражданской войны указывает представителям крестьян воочию, что нет другого пути к социализму, кроме диктатуры пролетариата и беспощадного подавления господства эксплуататоров. (Аплодисменты.)

Товарищи! Каждый раз, когда нам приходится касаться этой темы, на настоящем собрании или в ЦИК, мне случается от времени до времени слышать от правой части собрания возгласы: «диктатор!». Да, «когда мы были социалистами», то тогда все признавали диктатуру пролетариата; они даже писали о ней в своих программах, они возмущались тем распространенным предрассудком, будто можно переубедить население, доказать ему, что не следует эксплуатировать трудящиеся массы, что это грешно и стыдно, и что тогда водворится на земле рай. Нет, этот утопический предрассудок давно разбит в теории, и наша задача — разбить его на практике.

Представлять себе социализм так, что нам господа социалисты преподнесут его на тарелочке, в готовеньком платьице, нельзя, — этого не будет. Ни один еще вопрос классовой борьбы не решался в истории иначе, как насилием. Насилие, когда оно происходит со стороны трудящихся, эксплуатируемых масс против эксплуататоров, — да, мы за такое насилие! (Гром аплодисментов.) И нас несколько не смущают вопли людей, которые, сознательно или бессознательно, стоят на стороне буржуазии, или так ею напуганы, так угнетены ее господством, что, видя теперь эту классовую, неслыханно острую борьбу, растерялись, расплакались, забыли все свои предпосылки и требуют от нас невозможного, чтобы мы, социалисты, без борьбы против эксплуататоров, без подавления их сопротивления достигли полной победы.

Господа эксплуататоры еще летом 1917 года поняли, что дело идет о «последних и решительных битвах», что последний оплот буржуазии, этот главный и основной источник подавления ею трудящихся масс, будет вырван из их рук, если Советы получат власть.

Вот почему Октябрьская революция открыла эту систематическую, неуклонную борьбу за то, чтобы эксплуататоры прекратили свое сопротивление, и чтобы, как это ни трудно даже лучшим из них, не пришлось бы им помириться с мыслью, что не будет больше господства эксплуатирующих классов, отныне простой мужик будет командовать и они должны его слушаться, — как это им ни неприятно, а придется.

Это будет стоить многих трудностей, жертв и ошибок, это дело новое, невиданное в истории, которое нельзя прочесть в книжках. Само собой разумеется, что это — величайший,

труднейший в истории переход, но иначе никоим образом этого великого перехода сделать нельзя было. И то обстоятельство, что в России создалась Советская власть, показало, что богаче всего революционным опытом является сама революционная масса, — когда на помощь немногим десяткам партийных людей являются миллионы, — сама практически за горло берущая своих эксплуататоров.

Вот почему в настоящее время в России приобрела преимущество гражданская война. Против нас выдвигают лозунг — «да сгинет гражданская война». Мне пришлось услышать это от представителей правой части так называемого Учредительного собрания. Да сгинет гражданская война... Что это значит? С кем гражданская война? С Корниловым, Керенским, Рябушинским, которые миллионы тратят на подкупы босяков и чиновников? С теми саботажниками, которые, все равно, сознательно или бессознательно, идут на этот подкуп? Нет сомнения, что из числа последних есть люди, из числа неразвитых, которые идут на это бессознательно, потому что они и представить себе не могут, что можно и должно разрушить до основания прежний буржуазный строй и на его обломках начать строить совершенно новое социалистическое общество. Нет сомнения, что есть такие люди, — но разве это меняет обстоятельства?

Вот почему представители имущих классов все ставят на карту, вот почему это для них последние и решительные битвы, и они не остановятся ни перед каким преступлением, лишь бы сломить Советскую власть. Разве вся история социализма, французского в особенности, которая так богата революционными стремлениями, не показывает нам, что когда сами трудящиеся массы берут в свои руки власть, правящие классы идут на неслыханные преступления и расстрелы, когда дело идет об охране их собственных денежных мешков. И когда эти люди говорят нам о гражданской войне, мы отвечаем им усмешкой, когда же они несут свой лозунг в среду учащейся молодежи, мы говорим им — вы обманываете их!

Классовая борьба не случайно пришла к своей последней форме, когда класс эксплуатируемых берет в свои руки все средства власти, чтобы окончательно уничтожить своего классового врага — буржуазию, смести с лица русской земли не только чиновников, но и помещиков, как смели их в некоторых губерниях русские крестьяне.

Нам говорят, что саботаж, который встретил Совет Народных Комиссаров со стороны чиновников и помещиков, доказывает нежелание идти навстречу социализму. Как будто

не ясно было, что вся эта банда капиталистов и жуликов, босяков и саботажников представляет из себя одну, подкупленную буржуазией, банду, сопротивляющуюся власти трудящихся. Конечно, кто думал, что можно перепрыгнуть сразу от капитализма к социализму, или кто представлял себе возможным убедить большинство населения в том, что этого можно достигнуть посредством Учредительного собрания, кто в эту буржуазно-демократическую сказку верил, — тот может спокойно продолжать в эту сказку верить, но пусть он не пеняет на жизнь, если она эту сказку разобьет.

Тот, кто понял, что такое классовая борьба, что значит саботаж, который организовали чиновники, тот знает, что перескочить сразу к социализму мы не можем. Остались буржуа, капиталисты, которые имеют надежду вернуть свое господство и защищают свои денежные мешки, осталось босячество, слой подкупных людей, совершенно раздавленных капитализмом и не умеющих возвыситься до идеи пролетарской борьбы. Остались служащие, чиновники, которые думают, что охрана старого порядка есть интересы общества. Как можно представить себе победу социализма иначе, как полным крахом этих слоев, иначе, как полной гибелью буржуазии и русской и европейской? Не думаем ли мы, что господа Рябушинские не понимают своих классовых интересов? Это они платят саботажникам для того, чтобы они не работали. Или они действуют врозь? Не действуют ли они вместе с французскими, английскими и американскими капиталистами, скупая ценные бумаги? Посмотрим только, много ли им помогут эти скупки. И не окажутся ли горы ценных бумаг, которые они теперь получают, пустейшей, никуда не годной, старой бумагой?

Вот почему, товарищи, на все упреки и обвинения нас в терроре, диктатуре, гражданской войне, хотя мы далеко еще не дошли до настоящего террора, потому что мы сильнее их, — у нас есть Советы, нам достаточно будет национализации банков и конфискации имущества, чтобы привести их к повиновению, — на все обвинения в гражданской войне мы говорим: да, мы открыто провозгласили то, чего ни одно правительство провозгласить не могло. Первое правительство в мире, которое может о гражданской войне говорить открыто, — есть правительство рабочих, крестьянских и солдатских масс. Да, мы начали и ведем войну против эксплуататоров. Чем прямее мы это скажем, тем скорее эта война кончится, тем скорее все трудящиеся и эксплуатируемые массы нас поймут, поймут, что Советская власть совершает настоящее, кровное дело всех трудящихся.

Я не думаю, товарищи, чтобы нам скоро удалось достигнуть победы в этой борьбе, но мы очень богаты опытом: в течение двух месяцев нам удалось достигнуть многого. Мы пережили попытку наступления Керенского против Советской власти и полнейший крах этой попытки; мы пережили организацию власти украинских Керенских, — там борьба еще не кончилась, но для всякого, кто ее наблюдает, кто слышал хоть несколько правдивых докладов от представителей Советской власти, ясно, что буржуазные элементы украинской Рады доживают последние дни. (Аплодисменты.) В победе Советской власти Украинской народной республики над украинской буржуазной Радой нет никакой возможности сомневаться.

А борьба с Калединым, — тут действительно все зиждется на основе эксплуатации трудящихся, на основе буржуазной диктатуры, — если есть какие-нибудь социальные основы против Советской власти. Крестьянский съезд воочию показал, что дело Каледина — дело безнадежное, трудящиеся массы против него. Опыт Советской власти, пропаганда делом, примером советских организаций берет свое, и внутренняя опора Каледина на Дону теперь падает не столько извне, сколько изнутри.

Вот почему, смотря на фронт гражданской войны в России, мы можем с полной уверенностью сказать: тут победа Советской власти полная и совершенно обеспеченная. И победа этой Советской власти, товарищи, достигается тем, что с самого начала она стала осуществлять исконные заветы социализма, последовательно и решительно опираясь на массы, считая своей задачей самые угнетенные, забитые слои общества пробудить к живой жизни, поднять к социалистическому творчеству. Вот почему старая армия, армия казарменной муштровки, пытки над солдатами, отошла в прошлое. Она отдана на слом, и от нее не осталось камня на камне. (Аплодисменты.) Полная демократизация армии проведена.

Я позволю себе рассказать один происшедший со мной случай. Дело было в вагоне Финляндской железной дороги, где мне пришлось слышать разговор между несколькими финнами и одной старушкой. Я не мог принимать участия в разговоре, так как не знал финского языка, но ко мне обратился один финн и сказал: «Знаете, какую оригинальную вещь сказала эта старуха? Она сказала: теперь не надо бояться человека с ружьем. Когда я была в лесу, мне встретился человек с ружьем, и вместо того, чтобы отнять от меня мой хворост, он еще прибавил мне».

Когда я это услышал, я сказал себе: пускай сотни газет, как бы они там ни назывались — социалистические, почти-социалистические и пр., пускай сотни чрезвычайно громких голосов кричат нам: «диктаторы», «насильники» и т. п. слова. Мы знаем, что в народных массах поднимается теперь другой голос; они говорят себе: теперь не надо бояться человека с ружьем, потому что он защищает трудящихся и будет беспощаден в подавлении господства эксплуататоров. (Аплодисменты.) Вот что народ почувствовал, и вот почему та агитация, которую ведут простые, необразованные люди, когда они рассказывают о том, что красногвардейцы направляют всю мощь против эксплуататоров, — эта агитация непобедима. Она обойдет миллионы и десятки миллионов и прочно создаст то, что французская Коммуна XIX в. начала создавать, но создала лишь на короткий промежуток, потому что она была разгромлена буржуазией, — создаст социалистическую Красную Армию, к чему все социалисты стремились — всеобщее вооружение народа. Она создаст новые кадры Красной гвардии, которые дадут возможность воспитания трудящихся масс к вооруженной борьбе.

Если про Россию говорили: она не может воевать, потому что у нее не будет офицеров, то мы не должны забывать того, что говорили эти самые буржуазные офицеры, наблюдая борющихся рабочих против Керенского и Каледина: «да, эти красногвардейцы технически никуда не годятся, но если бы эти люди поучились несколько, то они имели бы непобедимую армию». Ибо в первый раз в истории всемирной борьбы в армию вступили элементы, которые несут с собой не казенные знания, но которыми руководят идеи борьбы за освобождение эксплуатируемых. И когда начатая нами работа будет окончена, Российская Советская республика будет непобедима. (Аплодисменты.)

Товарищи, этот путь, который прошла Советская власть в отношении к социалистической армии, она сделала также и по отношению к другому орудию господствующих классов, еще более тонкому, еще более сложному — к буржуазному суду, который изображал собою защиту порядка, а на самом деле был слепым, тонким орудием беспощадного подавления эксплуатируемых, отстаивающим интересы денежного мешка. Советская власть поступила так, как завещали поступать все пролетарские революции, — она отдала его сразу на слом. Пусть кричат, что мы, не реформируя старый суд, сразу отдали его на слом. Мы расчистили этим дорогу для настоящего народного суда и не столько силой репрессий, сколько примером масс, авторитетом трудящихся, без формальностей,

из суда, как орудия эксплуатации, сделали орудие воспитания на прочных основах социалистического общества. Нет никакого сомнения в том, что сразу такого общества мы получить не можем.

Вот те главные шаги, которые сделала Советская власть, шедшая по пути, указанному всем опытом величайших народных революций во всем мире. Не было ни одной революции, в которой трудящиеся массы не начинали бы делать шаги по этому пути, чтобы создать новую государственную власть. К сожалению, они только начинали, но не могли довести дело до конца, не удалось создать нового типа государственной власти. Мы ее создали, — у нас уже осуществлена социалистическая республика Советов.

Я не делаю иллюзий насчет того, что мы начали лишь период *переходный* к социализму, что мы до социализма еще не дошли. Но вы поступите правильно, если скажете, что наше государство есть социалистическая республика Советов. Вы поступите так же правильно, как те, кто называет многие буржуазные республики Запада демократическими, хотя всем и каждому известно, что нет ни одной из самых демократических республик, которая была бы демократической вполне. Они дают кусочки демократизма, на мелочах урезают права эксплуататоров, но трудящиеся массы в них так же угнетены, как и всюду. И, тем не менее, мы говорим, что буржуазный строй представляет собой и старые монархии и конституционные республики.

Так и мы теперь. Мы далеки от того, чтобы даже закончить переходный период от капитализма к социализму. Мы никогда не обольщали себя надеждой на то, что сможем закончить его без помощи международного пролетариата. Мы никогда не заблуждались на этот счет и знаем, как трудна дорога, ведущая от капитализма к социализму, но мы обязаны сказать, что наша республика Советов есть социалистическая, потому что мы на этот путь вступили, и слова эти не будут пустыми словами.

Мы начали много мер, подрывающих господство капиталистов. Мы знаем, что деятельность всех учреждений наша власть должна была объединить одним началом, и это начало мы выражаем словами: «Россия объявляется социалистической республикой Советов». (Аплодисменты.) Это будет той правдой, которая опирается на то, что мы должны будем и начали уже делать, это будет лучшим объединением всей нашей деятельности, провозглашением ее программы, призывом к трудящимся и эксплуатируемым во всех странах, которые либо вовсе не знают, что такое социализм, либо — еще

хуже — понимают под социализмом ту черновско-церетелевскую кашу буржуазных реформ, которую мы попробовали, испытали в течение десяти месяцев революции и убедились в том, что это есть подделка, а не социализм.

И вот почему «свободные» Англия и Франция употребляли все средства, чтобы в течение десяти месяцев нашей революции не пропустить ни одного номера газет большевиков и левых эсеров. Они должны были поступать таким образом, потому что они видели перед собою во всех странах массу рабочих и крестьян, которые инстинктивно схватывали все то, что делалось русскими рабочими. Ибо не было ни одного собрания, где бы не встречались громом аплодисментов известия о русской революции и лозунг Советской власти. Трудящиеся и эксплуатируемые массы уже везде пришли в противоречие со своими партийными верхушками. Этот старый верхушечный социализм еще не похоронен, как у нас в России Чхеидзе и Церетели, но он уже убит во всех странах мира, он уже мертв.

И против этого старого буржуазного строя стоит уже новое государство — республика Советов, республика трудящихся, эксплуатируемых классов, ломающих старые буржуазные перегородки. Созданы новые формы государства, при котором появилась возможность подавления эксплуататоров, подавления сопротивления этой ничтожной кучки, сильной вчерашним денежным мешком, вчерашним запасом знаний. Они свое знание — профессора, учителя, инженера — превращают в орудие эксплуатации трудящихся, говоря: я хочу, чтобы мое знание служило буржуазии, а иначе я не буду работать. Но их власть нарушена рабоче-крестьянской революцией, и против них возникает государство, в котором сами массы свободно выбирают своих представителей.

Именно теперь мы можем сказать, что мы имеем на деле такую организацию власти, которая ясно показывает переход к полной отмене всякой власти, всякого государства. Это будет возможно тогда, когда не будет ни следа эксплуатации, то есть в социалистическом обществе.

Я кратко коснусь теперь тех мер, которые начало осуществлять социалистическое Советское правительство России. Одной из первых мер, направленных к тому, чтобы не только исчезли с лица земли русской помещики, но и для подрыва в корне господства буржуазии и возможности гнета капитала над миллионами и десятками миллионов трудящихся, — был переход к национализации банков. Банки — это крупные центры современного капиталистического хозяйства. Тут собираются неслыханные богатства и распределяются по

всей громадной стране, здесь — нерв всей капиталистической жизни. Это тонкие и сложные органы, они выросли веками, и на них направлены были первые удары Советской власти, которая встретила сначала отчаянное сопротивление в Государственном банке. Но это сопротивление не остановило Советской власти. Нам удалось основное в организации Государственного банка, это основное в руках рабочих и крестьян, и от этих основных мер, которые еще долго придется разрабатывать, мы перешли к тому, чтобы наложить руку на частные банки.

Мы поступили не так, как это порекомендовали бы, вероятно, сделать соглашатели: сначала подождать Учредительного собрания, может быть, потом выработать законопроект и внести его в Учредительное собрание и этим оповестить господ буржуа о нашем намерении, чтобы они могли найти лазейку, как им от этой неприятной вещи избавиться; быть может, привлечь их в компанию, тогда вы создадите государственные законы, — это был бы «государственный акт».

Это было бы отменой социализма. Мы поступили попросту: не боясь вызвать нареканий «образованных» людей или, вернее, необразованных сторонников буржуазии, торгующих остатками своего знания, мы сказали: — у нас есть вооруженные рабочие и крестьяне. Они должны сегодня утром занять все частные банки. (Аплодисменты.) И после того, как они это сделают, когда уже власть будет в наших руках, лишь после этого мы обсудим, какие нам принять меры. И утром банки были заняты, а вечером ЦИК вынес постановление: «банки объявляются национальной собственностью», — произошло огосударствление, обобществление банковского дела, передача его в руки Советской власти.

Не было ни одного человека из нашей среды, который представлял бы себе, что такой искусный, тонкий аппарат банковского дела, веками развивавшийся из капиталистической системы хозяйства, может быть сломан или переделан в несколько дней. Этого мы никогда не утверждали. И когда ученые или якобы ученые люди кивали головою и пророчествовали, мы говорили: вы можете пророчить, что угодно. Мы знаем лишь один путь пролетарской революции: овладеть неприятельской позицией — научиться власти на опыте, на своих ошибках. Мы нисколько не преуменьшаем трудность нашего пути, но основное нами уже сделано. Источник капиталистических богатств в их распределении подорван. Аннулирование государственных займов, свержение финансового ига было совсем легким шагом после этого. Переход

к конфискации заводов после рабочего контроля был также вполне легок. Когда нас обвиняли в том, что, вводя рабочий контроль, мы разбиваем производство на отдельные цехи, мы отметили этот вздор. Вводя рабочий контроль, мы знали, что пройдет не мало времени, пока он распространится на всю Россию, но мы хотели показать, что признаем только один путь — преобразований снизу, чтобы рабочие сами выработали снизу новые основы экономических условий. На эту выработку потребуется не мало времени.

От рабочего контроля мы шли к созданию Высшего совета народного хозяйства. Только эта мера вместе с национализацией банков и железных дорог, которая будет проведена в ближайшие дни, даст нам возможность приняться за постройку нового социалистического хозяйства. Мы прекрасно знаем трудность нашего дела, но мы утверждаем, что социалистом на деле является только тот, кто берется за эту задачу, полагаясь на опыт и инстинкт трудящихся масс. Они наделают много ошибок, но основное сделано. Они знают, что, обращаясь к Советской власти, они встретят только поддержку против эксплуататоров. Нет ни одной меры, облегчающей их работу, которая бы целиком и полностью не была поддержана Советской властью. Советская власть не все знает и не может ко всему вовремя поспеть, и сплошь и рядом ей приходится стоять перед трудными задачами. Очень часто к правительству присылаются делегации рабочих и крестьян, которые спрашивают, как им поступить, например, с такой-то землей. И мне самому приходилось часто переживать затруднительное положение, когда я видел не совсем определенный взгляд с их стороны. И я говорил им: вы — власть, делайте все, что вы хотите делать, берите все, что вам нужно, мы вас поддержим, но заботьтесь о производстве, заботьтесь о том, чтобы производство было полезным. Переходите на полезные работы, вы будете делать ошибки, но вы научитесь. И рабочие уже начали учиться, они уже начали борьбу с саботажниками. Люди из образования сделали забор, мешающий трудящимся идти вперед; этот забор будет сметен.

Нет сомнения, что война развращает людей и в тылу и на фронте, оплачивая выше всякой нормы работающих на войну, привлекая всех, спрятавшихся от войны, босые и полубосые элементы, проникнутые одним желанием «хапнуть» и уйти. Но эти элементы, самое худшее, что осталось от старого капиталистического строя, которые переносят все его старые пороки, мы должны выкинуть вон, удалить, включить в фабрично-заводские предприятия все лучшие пролетарские элементы и из них создать ячейки будущей социалистической

России. Эта мера не легкая, она влечет за собой много конфликтов, трений и столкновений. И нам, Совету Народных Комиссаров, и мне лично приходилось встречаться с их жалобами и угрозами, но мы к ним относились спокойно, зная, что у нас есть теперь судья, к которому мы обращаемся. Этот судья — Советы рабочих и солдатских депутатов. (Аплодисменты.) Слово этого судьи непререкаемо, на него мы полагаемся всегда.

Капитализм нарочно расслаивает рабочих, чтобы сплотить с буржуазией ничтожную кучку верхушек рабочего класса, — с ними столкновения будут неизбежны. Без борьбы мы к социализму не придем. Но мы готовы к борьбе, мы ее начали, и мы приведем ее к концу при помощи аппарата, который называется Советами. Если мы будем выносить создающиеся конфликты на суд Совета рабочих и солдатских депутатов, то любой вопрос будет разрешен легко. Ибо как бы ни была сильна группа привилегированных рабочих, но когда их ставят перед представительством всех рабочих, то такой суд, повторяю, для них будет непререкаем. Такая регулировка еще только начинается. Рабочие и крестьяне еще недостаточно верят в свои силы, они слишком привыкли, в силу вековой традиции, ждать указки сверху. Они еще не вполне освоились с тем, что пролетариат есть класс господствующий, в их среде есть еще элементы, которые запуганы, придавлены, воображают, что они должны пройти гнусную школу буржуазии. Этот гнуснейший из буржуазных предрассудков дольше всего держался, но он гибнет и он погибнет до конца. И мы убеждены в том, что с каждым шагом Советской власти будет выделяться все большее и большее количество людей, освободившихся до конца от старого буржуазного предрассудка, будто не может управлять государством простой рабочий и крестьянин. Может и научиться, если возьмется управлять! (Аплодисменты.)

Организационной задачей и будет задача выделения из народных масс руководителей и организаторов. Эта громадная, гигантская работа стоит теперь на очереди дня. Ее нельзя было бы и думать выполнить, если бы не было Советской власти, отцеживающего аппарата, который может двигать людей.

У нас есть не только государственный закон о контроле, у нас есть еще даже более ценное — попытки пролетариата вступать в договоры с союзами фабрикантов, чтобы обеспечить рабочим управление целыми отраслями промышленности. Такой договор уже начали вырабатывать и почти заключили кожевники со всероссийским обществом

фабрикантов и заводчиков кожевенного производства, и я придаю этим договорам особенно большое значение²³⁹. Они показывают, что среди рабочих растет сознание своих сил.

Товарищи, я в своем докладе не касался особенно больных и трудных вопросов — вопросов о мире, о продовольствии, потому что эти вопросы значатся, как особые пункты порядка дня, и они будут обсуждаться специально.

Я задавался целью в своем кратком докладе показать, как представляется мне и всему Совету Народных Комиссаров в целом история того, что мы за эти два с половиной месяца пережили, как сложилось соотношение классовых сил в этот новый период русской революции, как сложилась новая государственная власть, какие социальные задачи поставлены перед ней.

Россия вступила на верный путь к осуществлению социализма — национализацией банков, передачей всей земли полностью в руки трудящихся масс. Мы прекрасно знаем, какие трудности лежат перед нами, но мы убеждены, из сравнения с прошлыми революциями, что достигнем гигантских успехов и что мы стоим на таком пути, который обеспечивает полную победу.

И рядом с нами пойдут массы более передовых стран, разделенных грабительской войной, рабочие которых прошли более долгую школу демократизации. Когда нам изображают трудность нашего дела, когда нам говорят, что победа социализма возможна только в мировом масштабе, то в этом мы видим только попытку, особенно безнадежную, буржуазии и ее вольных и невольных сторонников извратить самую непреложную истину. Конечно, окончательная победа социализма в одной стране невозможна. Наш отряд рабочих и крестьян, поддерживающий Советскую власть, есть один из отрядов той всемирной армии, которая раздроблена теперь мировой войной, но она стремится к объединению, и каждая весть, каждый обрывок доклада о нашей революции, каждое имя пролетариат встречает громом сочувственных аплодисментов, потому что они знают, что в России делается их общее дело — дело восстания пролетариата, международной социалистической революции. Больше, чем всякие прокламации и конференции, действует живой пример, приступ к делу где-либо в одной стране, вот чем зажигаются трудящиеся массы во всех странах.

Если октябрьская стачка в 1905 году, — эти первые шаги победоносной революции, — сразу же перекинулась в За-

падную Европу и вызвала тогда, в 1905 году, движение австрийских рабочих, если уже тогда мы на практике видели, чего стоит пример революции, выступление рабочих в одной стране, — то теперь мы видим, что во всех странах мира социалистическая революция зреет не по дням, а по часам.

Если мы делаем ошибки, промахи, если на нашем пути встречаются трения, то не это важно для них, им важен наш пример, вот что их объединяет; они говорят: мы пойдем вместе и победим, несмотря ни на что. (Аплодисменты.)

Великие основоположники социализма Маркс и Энгельс, наблюдая в течение ряда десятилетий развитие рабочего движения и рост мировой социалистической революции, видели ясно, что переход от капитализма к социализму потребует долгих мук родов, долгого периода диктатуры пролетариата, ломки всего старого, беспощадного уничтожения всех форм капитализма, сотрудничества рабочих всех стран, которые должны слить все свои усилия, чтобы обеспечить победу до конца. И они говорили, что в конце XIX века будет так, что «француз начнет, а немец доделает»²⁴⁰, — француз начнет потому, что в течение десятилетий революции он выработал в себе тот беззаветный почин в революционном действии, который сделал из него авангард социалистической революции.

Мы видим теперь иное сочетание сил международного социализма. Мы говорим, что легче начинается движение в тех странах, которые не принадлежат к числу эксплуатирующих стран, имеющих возможность легче грабить и могущих подкупить верхушки своих рабочих. Эти, якобы социалистические, почти все министриабельные, черновско-церетелевские партии Западной Европы ничего не осуществляют и не имеют прочных основ. Мы видели пример Италии, мы наблюдали на этих днях геройскую борьбу австрийских рабочих против хищников-империалистов²⁴¹. Пусть даже хищникам удастся остановить на время движение, но прекратить совсем его нельзя, — оно непобедимо.

Пример Советской республики будет стоять перед ними на долгое время. Наша социалистическая республика Советов будет стоять прочно, как факел международного социализма и как пример перед всеми трудящимися массами. Там — драка, война, кровопролитие, жертвы миллионов людей, эксплуатация капитала, здесь — настоящая политика мира и социалистическая республика Советов.

Дела сложились иначе, чем ожидали Маркс и Энгельс, они дали нам, русским трудящимся и эксплуатируемым классам, почетную роль авангарда международной социалистической революции, и мы теперь ясно видим, как пойдет далеко развитие революции; русский начал — немец, француз, англичанин доделает, и социализм победит. (Аплодисменты.)

*Напечатано 12, 13, 14 января 1918 г.
в газете «Известия ЦИК»
№№ 8, 9, 10*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 35, стр. 259—279*

ПРОЕКТ РАДИОГРАММЫ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ ²⁴²

Совет Народных Комиссаров выражает свой протест по поводу того, что германское правительство двинуло войска против Российской Советской Республики, объявившей состояние войны прекращенным и начавшей демобилизацию армии на всех фронтах. Рабочее и крестьянское правительство России не могло ожидать такого шага тем более, что ни прямо ни косвенно ни одна из заключивших перемирие сторон не заявляла ни 10 февраля, ни вообще когда-либо о прекращении перемирия, как это обязались сделать обе стороны по договору 2 (15) декабря 1917 г.

Совет Народных Комиссаров видит себя вынужденным, при создавшемся положении, заявить о своей готовности формально подписать тот мир, на тех условиях, которых требовало в Брест-Литовске германское правительство.

Вместе с тем Совет Народных Комиссаров выражает свою готовность, если германское правительство формулирует свои точные условия мира, ответить не позже как через 12 часов, приемлемы ли они, эти условия, для нас.

Написано в ночь с 18 на 19 февраля 1918 г.

*Радиограмма напечатана 19 (6) февраля
1918 г. в вечернем выпуске газеты
«Правда» № 30*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 35, стр. 339*

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ! ²⁴³

Чтоб спасти изнуренную, истерзанную страну от новых военных испытаний, мы пошли на величайшую жертву и объявили немцам о нашем согласии подписать их условия мира. Наши парламентарии 20 (7) февраля вечером выехали из Режицы в Двинск, *и до сих пор нет ответа*. Немецкое правительство, очевидно, медлит с ответом. Оно явно не хочет мира. Выполняя поручение капиталистов всех стран, германский милитаризм *хочет задушить русских и украинских рабочих и крестьян, вернуть земли помещикам, фабрики и заводы — банкирам, власть — монархии*. Германские генералы хотят установить свой «порядок» в Петрограде и в Киеве. *Социалистическая республика Советов находится в величайшей опасности*. До того момента, как поднимется и победит пролетариат Германии, священным долгом рабочих и крестьян России является беззаветная защита республики Советов против полчищ буржуазно-империалистской Германии. Совет Народных Комиссаров постановляет: 1) *Все силы и средства страны целиком предоставляются на дело революционной обороны*. 2) *Всем Советам и революционным организациям вменяется в обязанность защищать каждую позицию до последней капли крови*. 3) Железнодорожные организации и связанные с ними Советы обязаны всеми силами воспрепятствовать врагу воспользоваться аппаратом путей сообщения; при отступлении уничтожать пути, взрывать и сжигать железнодорожные здания; весь подвижной состав — вагоны и паровозы — немедленно направлять на восток в глубь страны. 4) Все хлебные и вообще продовольственные запасы, а равно всякое ценное имущество, которым грозит опасность попасть в руки врага, должны подвергаться безусловному уничтожению; наблюдение за этим возлагается на местные Советы под

личной ответственностью их председателей. 5) Рабочие и крестьяне Петрограда, Киева и всех городов, местечек, сел и деревень по линии нового фронта должны мобилизовать батальоны для рытья окопов под руководством военных специалистов. 6) *В эти батальоны должны быть включены все работоспособные члены буржуазного класса, мужчины и женщины, под надзором красногвардейцев; сопротивляющихся — расстреливать.* 7) Все издания, противодействующие делу революционной обороны и становящиеся на сторону немецкой буржуазии, а также стремящиеся использовать нашествие империалистических полчищ в целях свержения Советской власти, закрываются; работоспособные редакторы и сотрудники этих изданий мобилизуются для рытья окопов и других оборонительных работ. 8) *Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления.*

Социалистическое отечество в опасности! Да здравствует социалистическое отечество! Да здравствует международная социалистическая революция!

Совет Народных Комиссаров

21-го февраля 1918 года.
Петроград.

«Правда» № 32, 22 (9) февраля 1918 г.
и «Известия ЦИК» № 31,
22 (9) февраля 1918 г.

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 35, стр. 357—358*

ПОЗИЦИЯ ЦК РСДРП (БОЛЬШЕВИКОВ) В ВОПРОСЕ О СЕПАРАТНОМ И АННЕКСИОНИСТСКОМ МИРЕ

Дорогие товарищи!

Организационное бюро ЦК считает необходимым обратиться к вам с разъяснением мотивов, побудивших ЦК согласиться на условия мира, предложенные германским правительством. Организационное бюро обращается к вам, товарищи, с этим разъяснением в целях широкого осведомления всех членов партии о точке зрения ЦК, представляющего в периоды между съездами всю партию. Организационное бюро считает необходимым указать, что единогласия в ЦК по вопросу о подписании условий мира не было. Но раз принятое решение должно быть поддержано всей партией. В ближайшие дни предстоит партийный съезд и на нем лишь можно будет разрешить вопрос, насколько правильно ЦК выражал действительную позицию всей партии. До съезда все члены партии во имя партийного долга, во имя сохранения единства в наших собственных рядах, проводят в жизнь решения своего центрального руководящего органа, ЦК партии.

Безусловная необходимость подписания в данный момент (24-го февраля 1918 г.) захватного, невероятно тяжелого мира с Германией вызывается прежде всего тем, что у нас нет армии, что мы обороняться не можем.

Все знают, почему после 25 октября 1917 г., после победы диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства, мы все стали оборонцами, мы за защиту отечества.

Недопустимо, с точки зрения защиты отечества, давать себя вовлечь в военную схватку, когда не имеешь армии и когда неприятель вооружен до зубов, подготовлен великолепно.

Нельзя Советской социалистической республике вести войну, имея заведомо огромное большинство выбирающих в Советы рабочих, крестьянских и солдатских масс против войны. Это было бы авантюрой. Другое дело, если эта война закончится, хотя бы архитяжким миром, и германский импе-

риализм потом опять пожелает вести наступательную войну против России. Тогда большинство Советов наверно будет за войну.

Вести войну теперь значит объективно поддаваться на провокацию русской буржуазии. Она прекрасно знает, что Россия сейчас беззащитна и будет разгромлена даже ничтожными силами германцев, которым достаточно перерезать главные железнодорожные линии, чтобы голодом взять Питер и Москву. Буржуазия хочет войны, ибо хочет свержения Советской власти и соглашения с немецкой буржуазией. Триумф буржуев в Двинске и Режице, в Вендене и в Гапсале, в Минске и в Дриссе, при вступлении немцев, яснее ясного подтверждает это.

Защита революционной войны в данный момент неминуемо сбивается на революционную фразу. Ибо без армии, серьезнейшей экономической подготовки вести современную войну против передового империализма для разоренной крестьянской страны — вещь невозможная. Соппротивление германскому империализму, который раздавит нас, взяв в плен, безусловно необходимо. Но пустой фразой было бы требование: сопротивляться именно посредством вооруженного восстания и именно сейчас, когда *такое* сопротивление заведомо безнадежно для нас, заведомо выгодно и для германской и для русской буржуазии.

Такой же фразой является защита революционной войнысию минуту доводами о поддержке международного социалистического движения. Если мы облегчим германскому империализму своим несвоевременным принятием боя с ним разгром Советской республики, то повредим, а не поможем германскому и международному рабочему движению и делу социализма. Надо всесторонней, настойчивой, систематической работой помогать только революционным интернационалистам внутри всех стран, но идти на авантюру вооруженного восстания, когда оно заведомо есть авантюра, недостойно марксиста.

Если Либкнехт победит в 2—3 недели (это возможно), он, конечно, выпутает нас из всех трудностей. Но было бы просто глупостью и превращением в издевку великого лозунга солидарности трудящихся всех стран, если бы мы вздумали ручаться перед народом, что Либкнехт непременно и обязательно победит в ближайшие недели. Именно, рассуждая так, превращают в пустейшую фразу великий лозунг: «Мы ставили карту на мировую революцию».

Положение дела, объективно, похоже на лето 1907 года. Тогда нас задавил и взял в плен русский монархист Столыпин,

теперь немецкий империалист. Тогда лозунг немедленного восстания оказался пустой фразой, охватившей, к сожалению, всю партию эсеров. Теперь, в данную минуту, лозунг революционной войны явно есть фраза, увлекающая левых эсеров, которые повторяют доводы правых эсеров. Мы в плену у германского империализма, нам предстоит трудная и долгая борьба за свержение этого застрельщика всемирного империализма; эта борьба есть, безусловно, последний и решительный бой за социализм, но начинать эту борьбу с вооруженного восстания в данный момент против застрельщика империализма есть авантюра, на которую никогда не пойдут марксисты.

Систематическая, неуклонная, всесторонняя подготовка обороноспособности страны, самодисциплины везде и повсюду, использование тяжкого поражения для повышения дисциплины во всех областях жизни, в целях экономического подъема страны и упрочения Советской власти — вот задача дня, вот подготовка революционной войны на деле, а не на словах.

В заключение Организационное бюро считает необходимым указать, что, поскольку до сих пор наступление германского империализма не прекращено, все члены партии должны организовать дружный отпор. Если нельзя подписанием мира, хотя бы и крайне тягостного, получить время для подготовки к новым битвам, наша партия должна указывать на необходимость напряжения всех сил для самого откровенного сопротивления.

Если можно выиграть время, получить хотя бы и короткую передышку для организационной работы, мы обязаны добиться этого. Если отсрочки нам не дано, наша партия должна призывать массы к борьбе, к самой энергичной самозащите. Мы уверены, что все члены партии исполнят свой долг перед партией, перед рабочим классом своей страны, перед народом и пролетариатом. Сохраняя Советскую власть, мы оказываем самую лучшую, самую сильную поддержку пролетариату всех стран в его неимоверно трудной, тяжелой борьбе против своей буржуазии. И большего удара для дела социализма теперь, чем крушение Советской власти в России, нет и не может быть.

С товарищеским приветом

Организационное бюро
ЦК РСДРП (большевиков)

Написано 24 февраля 1918 г.

Напечатано 26 (13) февраля 1918 г.
в газете «Правда» № 35

Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 35, стр. 389—392

ТЯЖЕЛЫЙ, НО НЕОБХОДИМЫЙ УРОК

Неделя с 18 по 24 февраля 1918 г. войдет как один из величайших исторических переломов в историю русской — и международной — революции.

27-го февраля 1917 г. русский пролетариат совместно с пробужденною ходом военных событий частью крестьянства и с буржуазией свергнул монархию. 21-го апреля 1917 г. он свергнул единовластие империалистской буржуазии, передвинул власть в руки мелкобуржуазных соглашателей с буржуазией. 3-го июля городской пролетариат, стихийно поднявшись на демонстрацию, потрянул правительство соглашателей. 25-го октября он свергнул его и установил диктатуру рабочего класса и беднейшего крестьянства.

Надо было отстоять эту победу в гражданской войне. Это заняло около трех месяцев, начиная с победы над Керенским под Гатчиной, продолжая победами над буржуазией, юнкерами, частью контрреволюционного казачества в Москве, Иркутске, Оренбурге, Киеве, кончая победой над Калединым, Корниловым и Алексеевым в Ростове-на-Дону.

Пожаром пролетарского восстания вспыхнула Финляндия²⁴⁴. Огонь перекинулся на Румынию.

Победы на внутреннем фронте дались сравнительно легко, ибо неприятель не обладал никаким перевесом ни техники, ни организации, не имея притом под ногами никакой экономической базы, никакой опоры в массах населения. Легкость побед не могла не вскружить головы многим из руководителей. Являлось настроение: «шапками закидаем».

Смотрели сквозь пальцы на гигантское разложение быстро демобилизующейся армии, уходящей с фронта. Упивались революционной фразой. Перенесли эту фразу на борьбу против всемирного империализма. Приняли временную «свободу»

России от его натиска за нечто нормальное, тогда как на деле эта «свобода» объяснялась только перерывом в войне германского хищника с англо-французским. Приняли начало массовых стачек в Австрии и Германии за революцию, которая будто бы уже избавила нас от серьезной опасности со стороны германского империализма. Вместо серьезной, деловой, выдержанной работы содействия германской революции, которая рождается особенно тяжелым и трудным путем, являлось маханье руками: «Где уж им, германским империалистам, — мы вместе с Либкнехтом спихнем их сразу!».

Неделя 18—24 февраля 1918 года, от взятия Двинска до взятия (отбитого потом назад) Пскова, неделя военного наступления империалистской Германии на Советскую социалистическую республику, явилась горьким, обидным, тяжелым, но необходимым, полезным, благодетельным уроком. Как бесконечно назидательно было сравнение двух групп телеграмм и телефонных сообщений, стекавшихся за эту неделю в центре правительства! С одной стороны, безудержный разгул «резюлютивной» революционной фразы — штейнберговской фразы, можно бы сказать, припоминая шедевр в этом стиле, речь «левого» (гм... гм...) эсера Штейнберга в субботнем заседании ЦИК²⁴⁵. С другой стороны, мучительно-позорные сообщения об отказе полков сохранять позиции, об отказе защищать даже нарвскую линию, о неисполнении приказа уничтожать все и вся при отступлении; не говорим уже о бегстве, хаосе, безрукости, беспомощности, разгильдяйстве.

Горький, обидный, тяжелый, — необходимый, полезный, благодетельный урок!

Три вывода сделает сознательный, думающий рабочий из этого исторического урока: о нашем отношении к защите отечества, к обороноспособности страны, к революционной, социалистической, войне; об условиях нашего столкновения с мировым империализмом; о правильной постановке вопроса о наших отношениях к международному социалистическому движению.

Мы — оборонцы теперь, с 25 октября 1917 г., мы — за защиту отечества с этого дня. Ибо мы доказали *на деле* наш разрыв с империализмом. Мы расторгли и опубликовали грязные и кровавые империалистские договоры-заговоры. Мы свергли *свою* буржуазию. Мы дали свободу угнетавшимся *нами* народам. Мы дали землю народу и рабочий контроль. Мы — за защиту Советской социалистической республики России.

Но именно потому, что мы — за защиту отечества, мы требуем *серьезного* отношения к обороноспособности и боевой

подготовке страны. Мы объявляем беспощадную войну революционной фразе о революционной войне. К ней надо готовиться длительно, серьезно, начиная с экономического подъема страны, с налажения железных дорог (ибо без них современная война есть пустейшая фраза), с восстановления всюду и везде строжайшей революционной дисциплины и самодисциплины.

Преступление, с точки зрения защиты отечества, — принимать военную схватку с бесконечно более сильным и готовым неприятелем, когда заведомо не имеешь армии. Мы обязаны подписать, с точки зрения защиты отечества, самый тяжелый, угнетательский, зверский, позорный мир — не для того, чтобы «капитулировать» перед империализмом, а чтобы учиться и готовиться воевать с ним серьезным, деловым образом.

Пережитая неделя подняла русскую революцию на неизмеримо более высокую ступень всемирно-исторического развития. История шагнула вперед, за эти дни, на несколько ступенек вверх сразу.

До сих пор перед нами стояли мизерные, презренно-жалкие (с точки зрения всемирного империализма) враги, какой-то идиот Романов, хвастунишка Керенский, банды юнкеров и буржуйчиков. Теперь против нас поднялся гигант культурного, технически первоклассно оборудованного, организационно великолепно налаженного всемирного империализма. С ним *надо* бороться. С ним *надо уметь* бороться. Доведенная трехлетней войной до неслыханной разрухи крестьянская страна, начавшая социалистическую революцию, должна уклониться от военной схватки — пока можно, хотя бы ценой тяжчайших жертв, от нее уклониться — именно для того, чтобы иметь возможность сделать что-либо серьезное к тому моменту, когда вспыхнет «последний решительный бой».

Этот бой вспыхнет лишь тогда, когда разразится социалистическая революция в передовых империалистских странах. Такая революция, несомненно, зреет и крепнет с каждым месяцем, с каждой неделей. Этой зреющей силе *надо* помогать. Ей *надо уметь* помогать. Ей не поможешь, а повредишь, отдав на разгром соседнюю Советскую социалистическую республику в такой момент, когда в ней заведомо нет армии.

Не надо превращать в фразу великий лозунг: «Мы ставим карту на победу социализма в Европе». Это — истина, если иметь в виду долгий и трудный путь победы социализма до конца. Это — бесспорная, философски-историческая истина, если брать всю «эру социалистической революции» в ее целом. Но всякая абстрактная истина становится фразой, если

применять ее к *любому* конкретному положению. Бесспорно, что «в каждой стачке кроется гидра социальной революции». Вздорно, будто от каждой стачки можно сразу шагнуть к революции. Если мы «ставим карту на победу социализма в Европе» в том смысле, что берем на себя ручательство перед народом, ручательство в том, что европейская революция вспыхнет и победит непременно в несколько ближайших недель, непременно до тех пор, пока немцы успеют дойти до Питера, до Москвы, до Киева, успеют «добить» наш железнодорожный транспорт, то мы поступаем не как серьезные революционеры-интернационалисты, а как авантюристы.

Если Либкнехт победит буржуазию в 2—3 недели (это не невозможно), он выпутает нас из всех трудностей. Это бесспорно. Но если мы определим свою сегодняшнюю тактику в борьбе с сегодняшним империализмом надеждой на то, что Либкнехт наверное должен победить именно в ближайшие недели, то мы будем заслуживать только насмешки. Мы превратим величайшие революционные лозунги современности в революционную фразу.

Учитесь у тяжелых, но полезных уроков революции, товарищи рабочие! Готовьтесь серьезно, напряженно, неуклонно к защите отечества, к защите социалистической Советской республики!

«Правда» № 35 (вечерний выпуск),
25 (12) февраля 1918 г.
Подпись: Л е н и н

Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 35, стр. 393—397

**ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СНК
ОБ ЭВАКУАЦИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА ²⁴⁶**

- 1) Выбрать местом нахождения Москву.
- 2) Эвакуировать каждому ведомству только минимальное количество руководителей центрального административного аппарата, не более 2—3 десятков человек (плюс семьи).
- 3) Во что бы то ни стало и немедленно вывезти Государственный банк, золото и Экспедицию заготовления государственных бумаг.
- 4) Начать разгрузку ценностей Москвы.

Написано 26 февраля 1918 г.

*Впервые напечатано в 1929 г.
в Ленинском сборнике XI*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 35, стр. 398*

СТРАННОЕ И ЧУДОВИЩНОЕ

В резолюции, принятой 24 февраля 1918 г., Московское областное бюро нашей партии вынесло недоверие Центральному Комитету²⁴⁷, отказалось подчиняться тем постановлениям его, «которые будут связаны с проведением в жизнь условий мирного договора с Австро-Германией», и в «объяснительном тексте» к резолюции заявило, что «находит едва ли устранимым раскол партии в ближайшее время»*.

Во всем этом ничего не только чудовищного, но и странного нет. Совершенно естественно, что товарищи, резко расходившиеся с ЦК в вопросе о сепаратном мире, резко порицают ЦК и выражают убеждение в неизбежности раскола. Это все законнейшее право членов партии, это вполне понятно.

Но вот что странно и чудовищно. К резолюции приложен «объяснительный текст». Вот он полностью:

«Московское областное бюро находит едва ли устранимым раскол партии в ближайшее время, причем ставит своей задачей служить объединению всех последовательных революционно-коммунистических элементов, борющихся одинаково как против сторонников заключения сепаратного мира, так и против всех умеренных оппортунистических элементов партии. *В интересах международной революции мы считаем целесообразным идти на возможность утраты Советской власти, становящейся теперь чисто формальной.* Мы по-прежнему видим нашу основную задачу в распространении идей социалистической революции на все иные страны и в решительном проведении рабочей диктатуры, в беспощадном подавлении буржуазной контрреволюции в России».

* Вот полный текст резолюции: «Обсудив деятельность ЦК, Московское областное бюро РСДРП выражает свое недоверие ЦК, ввиду его политической линии и состава, и будет при первой возможности настаивать на его перевыборах. Сверх того, Московское областное бюро не считает себя обязанным подчиняться во что бы то ни стало тем постановлениям ЦК, которые будут связаны с проведением в жизнь условий мирного договора с Австро-Германией». Резолюция принята единогласно.

Подчеркнуты здесь нами те слова, которые... странны и чудовищны.

В этих словах гвоздь.

Эти слова доводят до абсурда всю линию авторов резолюции. Эти слова с необычайной ясностью вскрывают корень их ошибки.

«В интересах международной революции целесообразно идти на возможность утраты Советской власти...» Это странно, ибо нет даже связи между посылками и выводом. «В интересах международной революции целесообразно идти на *военное поражение* Советской власти» — такой тезис был бы верен или неверен, но его нельзя было бы назвать странным. Это — первое.

Второе: Советская власть «становится теперь чисто формальной». Вот это уже не только странно, но прямо чудовищно. Ясно, что авторы зашли в дебри сугубой путаницы. Приходится распутывать.

По первому вопросу мысль авторов состоит, очевидно, в том, что в интересах международной революции целесообразно идти на возможность поражения в войне, которое ведет к утрате Советской власти, т. е. к победе буржуазии в России. Высказывая эту мысль, авторы косвенно признают правильность высказанного мной в тезисах (от 8 января 1918 г., напечатанных в «Правде» от 24 февраля 1918 г.) *, именно, что непринятие условий мира, предложенного нам Германией, приведет Россию к поражению и к свержению Советской власти.

Итак, *la raison finit toujours par avoir raison* — правда всегда берет верх! Мои «крайние» противники, москвичи, грозящие расколом, должны были — именно потому, что они открыто договорились до раскола, — договорить также до конца свои *конкретные* соображения, те самые, которые предпочитают обходить люди, отделяющиеся общими фразами о революционной войне. Вся суть моих тезисов и моих доводов (как увидит всякий, кто пожелает внимательно прочесть мои тезисы от 7 января 1918 г.) состоит в указании на необходимость принять архитяжкий мир *сейчас*, в данную минуту, при одновременной серьезной *подготовке* революционной войны (а также именно *в интересах* этой серьезной подготовки). Всю суть моих доводов обходили или не замечали, не хотели замечать те, кто ограничивался общими фразами о революционной войне. И вот теперь я должен от всей души поблагодарить именно моих «крайних» противников, москвичей,

* См. настоящий том, стр. 482—489. *Ред.*

за то, что они сорвали «заговор молчания» по поводу *сути* моих доводов. Москвичи *первые* ответили на них.

И каков же был их ответ?

Ответ состоял в *признании правильности* моего *конкретного* довода: да, признались москвичи, нам действительно предстоит поражение, если мы сейчас примем бой с немцами*. Да, это поражение действительно приведет к падению Советской власти.

Еще и еще раз: от всей души благодарю моих «крайних» противников, москвичей, за то, что они разорвали «заговор молчания» против *сути* моих доводов, т. е. именно против моего *конкретного* указания на условия войны, в случае, если мы ее примем тотчас, и за то, что они безбоязненно признали правильность моего конкретного указания.

Далее. В чем же состоит опровержение моих доводов, правильность которых по существу москвичи вынуждены были признать?

В том, что в интересах международной революции *надо* идти на утрату Советской власти.

Почему этого требуют интересы международной революции? Здесь гвоздь, здесь самая суть аргументации для тех, кто хотел бы опровергнуть мои доводы. И как раз по этому, самому важному, основному, коренному, пункту ни в резолюции, ни в объяснительном тексте не сказано ни единого словечка. О том, что общеизвестно и бесспорно, составители резолюции нашли время и место поговорить — и о «беспощадном подавлении буржуазной контрреволюции в России» (средствами и приемами такой политики, которая ведет к утрате Советской власти?), и о борьбе против всех умеренных оппортунистических элементов партии, а о том, что как раз является спорным, о том, что касается как раз существа позиции противников мира, — ни звука!

Странно. Чрезвычайно странно. Не потому ли умолчали об этом авторы резолюции, что они чувствовали по этому пункту свою особую слабость? Ясно высказать, *почему* (этого требуют интересы международной революции), значило бы, пожалуй, разоблачить себя...

Как бы там ни было, приходится нам *искать* тех доводов, которыми *могли* руководиться авторы резолюции.

* На контрвозражение, что уклониться от боя было все равно нельзя, ответ дан фактами: 8-го января мои тезисы прочтены; к 15 января мы *могли* иметь мир. Передышка была бы обеспечена наверняка (а для нас и самая краткая передышка имела гигантское значение — как материальное, так и моральное, ибо *немец* должен бы был объявить *новую* войну), если бы... если бы не революционная фраза.

Может быть, авторы полагают, что интересы международной революции запрещают какой бы то ни было мир с империалистами? Такое мнение было высказано некоторыми противниками мира на одном питерском совещании, но поддержало его ничтожное меньшинство тех, кто возражал против сепаратного мира²⁴⁸. Ясно, что это мнение ведет к отрицанию целесообразности брестских переговоров и к отрицанию мира «даже» на условии возврата Польши, Латвии и Курляндии. Неверность подобных взглядов (отвергаемых большинством, например, из питерских противников мира) бьет в глаза. Социалистическая республика среди империалистских держав не могла бы, с точки зрения подобных взглядов, заключать никаких экономических договоров, не могла бы существовать, не улетаая на луну.

Может быть, авторы полагают, что интересы международной революции требуют *подталкивания* ее, а таковым подталкиванием явилась бы лишь война, никак не мир, способный произвести на массы впечатление вроде «узаконения» империализма? Подобная «теория» шла бы в полный разрыв с марксизмом, который всегда отрицал «подталкивание» революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции. Подобная теория была бы равносильна взгляду, что вооруженное восстание есть форма борьбы, обязательная всегда и при всяких условиях. На деле интересы международной революции требуют, чтобы Советская власть, свергнувшая буржуазию страны, *помогала* этой революции, но *форму* помощи избирала соответственно своим силам. Помогать социалистической революции в международном масштабе, идя на возможность поражения этой революции в *данной* стране, — такой взгляд даже и из теории подталкивания не вытекает.

Может быть, авторы резолюции полагают, что революция в Германии уже началась, что там она достигла уже открытой общенациональной гражданской войны, что потому мы должны отдать свои силы на помощь немецким рабочим, должны погибнуть сами («утрата Советской власти»), *спасая* немецкую революцию, которая начала уже свой решительный бой и попала под тяжелые удары? С этой точки зрения, мы, погибая, отвлекли бы часть сил германской контрреволюции и этим спасли бы германскую революцию.

Вполне допустимо, что при таких предпосылках не только «целесообразно» (как выразились авторы резолюции), но и прямо *обязательно* было бы идти на возможность поражения и на возможность утраты Советской власти. Но ясно, что эти предпосылки налицо не имеются. Германская революция

зреет, но заведомо не дошла еще до взрыва ее в Германии, до гражданской войны в Германии. Созреванию германской революции мы явно не помогли бы, а *помешали*, «идя на возможность утраты Советской власти». Мы помогли бы этим германской реакции, сыграли бы ей на руку, затруднили бы социалистическое движение в Германии, оттолкнули бы от социализма широкие массы не перешедших еще к социализму пролетариев и полупролетариев Германии, которые были бы запуганы разгромом России Советской, как запугал английских рабочих разгром Коммуны в 1871 году.

Как ни верти, логики в рассуждениях автора не найти. Разумных доводов за то, что «в интересах международной революции целесообразно идти на возможность утраты Советской власти», нет.

«Советская власть становится теперь чисто формальной» — вот то чудовищное положение, до которого договорились, как мы видели, авторы московской резолюции.

Раз, дескать, германские империалисты будут брать с нас дань, раз они будут запрещать нам пропаганду и агитацию против Германии, то и Советская власть теряет значение, «становится чисто формальной», — таков, вероятно, ход «мысли» авторов резолюции. Говорим: «вероятно», ибо ничего ясного и точного в подкрепление рассматриваемого тезиса авторы не дали.

Настроение глубочайшего, безысходного пессимизма, чувство полнейшего отчаяния — вот что составляет содержание «теории» о формальном будто бы значении Советской власти и о допустимости тактики, идущей на возможность утраты Советской власти. Все равно, спасения нет, пусть гибнет даже и Советская власть, — таково чувство, продиктовавшее чудовищную резолюцию. Якобы «экономические» доводы, в которые иногда облачают подобные мысли, сводятся к тому же безысходному пессимизму: где уж, дескать, тут Советская республика, если смогут взять дань вот такую, да вот такую, да вот еще такую.

Ничего, кроме отчаяния: все равно погибать!

Чувство, понятное при том архитяжком положении, в котором Россия находится. Но «понятно» оно не в среде сознательных революционеров. Характерно оно именно, как доведение до абсурда взглядов москвичей. Французы 1793 года никогда не сказали бы, что их завоевания, республика и демократизм, становятся чисто формальными, что надо идти на возможность утраты республики. Они были полны не отчаяния, а веры в победу. Звать же к революционной войне и в то же самое время в официальной резолюции говорить «идти

на возможность утраты Советской власти», значит разоблачать себя до конца.

Пруссия и ряд других стран в начале XIX века, во время наполеоновских войн, доходили до несравненно, неизмеримо больших тяжестей и тягот поражения, завоевания, унижения, угнетения завоевателем, чем Россия 1918 года. И, однако, лучшие люди Пруссии, когда Наполеон давил их пятой военного сапога во сто раз сильнее, чем смогли теперь задавить нас, не отчаивались, не говорили о «чисто формальном» значении их национальных политических учреждений. Они не махали рукой, не поддавались чувству: «все равно погибать». Они подписывали неизмеримо более тяжкие, зверские, позорные, угнетательские мирные договоры, чем Брестский, умели выжидать потом, стойко сносили иго завоевателя, опять воевали, опять падали под гнетом завоевателя, опять подписывали похабные и похабнейшие мирные договоры, опять поднимались и *освободились в конце концов* (не без использования розни между более сильными конкурентами-завоевателями).

Почему бы не могла подобная вещь повториться в нашей истории?

Почему бы нам впадать в отчаяние и писать резолюции — ей-же-ей, более позорные, чем самый позорный мир, — резолюции о «становящейся чисто формальной Советской власти»?

Почему тягчайшие военные поражения в борьбе с колосами современного империализма не смогут и в России закалить народный характер, подтянуть самодисциплину, убить бахвальство и фразерство, научить выдержке, привести массы к правильной тактике пруссаков, раздавленных Наполеоном: подписывай позорнейшие мирные договоры, когда не имеешь армии, собирайся с силами и поднимайся потом опять и опять?

Почему должны мы впадать в отчаяние от первого же неслыханно тяжкого мирного договора, когда другие народы умели твердо выносить и горшие бедствия?

Стойкость ли пролетария, который знает, что приходится подчиниться, ежели нет сил, и умеет потом, тем не менее, во что бы то ни стало, подниматься снова и снова, накапливая силы при *всяких* условиях, — стойкость ли пролетария соответствует этой тактике отчаяния, или бесхарактерность мелкого буржуа, который у нас, в лице партии левых эсеров, побил рекорд фразы о революционной войне?

Нет, дорогие товарищи из «крайних» москвичей! Каждый день испытаний будет отталкивать от вас именно наиболее сознательных и выдержанных рабочих. Советская власть,

скажут они, не *становится* и не *станет* чисто формальной не только тогда, когда завоеватель стоит в Пскове и берет с нас 10 миллиардов дани хлебом, рудой, деньгами, но и тогда, когда неприятель окажется в Нижнем и в Ростове-на-Дону и возьмет с нас дани 20 миллиардов.

Никогда никакое иностранное завоевание не делает «чисто формальным» народное политическое учреждение (а Советская власть *не* только политическое учреждение, во много раз более высокое, чем виданные когда-либо историей). Напротив, иностранное завоевание только закрепит народные симпатии к Советской власти, если... если она не пойдет на авантюры.

Отказ от подписи похабнейшего мира, раз не имеешь армии, есть авантюра, за которую народ вправе будет винить власть, пошедшую на такой отказ.

Подписание неизмеримо более тяжкого и позорного мира, чем Брестский, бывало в истории (примеры указаны выше) — и не вело к потере престижа власти, не делало ее формальной, не губило ни власти, ни народа, а закаляло народ, *учило* народ тяжелой и трудной науке готовить серьезную армию даже при отчаянно-трудном положении под пятой сапога завоевателя.

Россия идет к новой и настоящей отечественной войне, к войне за сохранение и упрочение Советской власти. Возможно, что иная эпоха — как была эпоха наполеоновских войн — будет эпохой освободительных *войн* (именно войн, а не одной войны), навязываемых завоевателями Советской России. Это возможно.

И потому позорнее всякого тяжкого и архитяжкого мира, предписываемого неимением армии, позорнее какого угодно позорного мира — позорное отчаяние. Мы не погибнем даже от десятка архитяжких мирных договоров, если будем относиться к восстанию и к войне *серьезно*. Мы не погибнем от завоевателей, если не дадим погубить себя отчаянию и фразе.

«Правда» №№ 37 и 38; 28 (15) февраля
и 1 марта (16 февраля) 1918 г.
Подпись: Н. Л е н и н

Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 35, стр. 399—407

СЕДЬМОЙ ЭКСТРЕННЫЙ СЪЕЗД РКП(б) ²⁴⁹

6—8 МАРТА 1918 г.

I

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА 7 МАРТА

Политический отчет мог бы состоять из перечисления мероприятий ЦК, но для настоящего момента насущен не такой отчет, а *очерк нашей революции в целом*; только он и может дать единственно марксистское обоснование всем нашим решениям. Мы должны рассмотреть весь предыдущий ход развития революции и выяснить, почему дальнейшее ее развитие изменилось. В нашей революции мы имеем такие переломы, которые будут иметь громадное значение для революции международной, а именно — *Октябрьскую революцию*.

Первые успехи Февральской революции были обусловлены тем, что за пролетариатом шла не только деревенская масса, но и буржуазия. Отсюда легкость победы над царизмом, чего не удалось нам достигнуть в 1905 году. Самочинное, стихийное создание Советов рабочих депутатов в Февральскую революцию повторило опыт 1905 года — нам пришлось провозгласить принцип Советской власти. Массы учились задачам революции из собственного опыта борьбы. События 20—21 апреля — своеобразное сочетание демонстрации с чем-то вроде вооруженного восстания. Этого было достаточно для падения буржуазного правительства. Начинается длительная соглашательская политика, вытекающая из самого существования мелкобуржуазного правительства, ставшего у власти. Июльские события не могли еще осуществить диктатуру пролетариата — массы еще не были подготовлены. Поэтому ни одна из ответственных организаций и не призывала их к этому. Но в смысле разведки в стане врагов июльские события имели огромное значение. Корниловщина и последующие события, как практические уроки, сделали возможной октябрьскую победу. Ошибка желавших разделить и в октябре власть ²⁵⁰ — в том, что они не связали октябрьской победы с июльскими

днями, наступлением, корниловщиной и т. д., и т. д., что подвело многомиллионные массы к сознанию того, что Советская власть стала неизбежна. Далее следует наше триумфальное шествие по всей России, сопровождаемое стремлением всех к миру. Мы знаем, что односторонним отказом от войны мы не получим мира; это указывалось нами еще на Апрельской конференции*. Солдаты так ясно осознали в эпоху с апреля по октябрь, что соглашательская политика все затягивает войну, ведет к диким, бессмысленным попыткам империалистов наступать, запутаться еще больше в войне, которая будет тянуться годами. Вот на этой почве необходимо было во что бы то ни стало перейти поскорее к активной политике мира, необходимо было взять в руки Советов власть, смести до конца помещичье землевладение. Вы знаете, его поддерживал не только Керенский, но и Авксентьев, доходя даже до ареста членов земельных комитетов. И вот эта политика, этот лозунг «власть Советам», насаждаемые нами в сознание широчайших народных масс, дали нам возможность в октябре победить так легко в Петербурге, превратили последние месяцы русской революции в одно сплошное триумфальное шествие.

Гражданская война стала фактом. То, что нами предсказывалось в начале революции и даже в начале войны, и к чему тогда в значительной части социалистических кругов относились с недоверием или даже с насмешкой, именно превращение империалистской войны в войну гражданскую, 25 октября 1917 года стало фактом для одной из самых больших и самых отсталых стран, участвовавших в войне. В этой гражданской войне подавляющее большинство населения оказалось на нашей стороне, и вследствие этого победа давалась нам необычайно легко.

Войска, уходящие с фронта, приносили оттуда всюду, куда только они являлись, максимум революционной решимости покончить с соглашательством, и соглашательские элементы, белая гвардия, сынки помещиков оказались лишенными всякой опоры в населении. Война с ними постепенно, с переходом на сторону большевиков широких масс и войсковых частей, двигавшихся против нас, превратилась в победное триумфальное шествие революции. Это мы видели в Питере, на Гатчинском фронте, где казаки, которых Керенский и Краснов пытались вести против красной столицы, заколебались, это мы видели потом в Москве, в Оренбурге, на Украине. По всей России вздымалась волна гражданской войны, и везде

* См. настоящий том, стр. 71—72, 78. *Ред.*

мы побеждали с необыкновенной легкостью именно потому, что плод созрел, потому, что массы уже проделали весь опыт соглашения с буржуазией. Наш лозунг «Вся власть Советам», практически проверенный массами долгим историческим опытом, стал их плотью и кровью.

Вот почему сплошным триумфальным шествием были первые месяцы русской революции после 25 октября 1917 года. За этим сплошным триумфальным шествием забывались, отодвигались на второй план те трудности, на которые социалистическая революция наткнулась сразу и не могла не наткнуться. Одно из основных различий между буржуазной и социалистической революцией состоит в том, что для буржуазной революции, вырастающей из феодализма, в недрах старого строя постепенно создаются новые экономические организации, которые изменяют постепенно все стороны феодального общества. Перед буржуазной революцией была только одна задача — смести, отбросить, разрушить все путы прежнего общества. Выполняя эту задачу, всякая буржуазная революция выполняет все, что от нее требуется: она усиливает рост капитализма.

В совершенно ином положении революция социалистическая. Чем более отсталой является страна, которой пришлось, в силу зигзагов истории, начать социалистическую революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к социалистическим. Здесь к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи — организационные. Если бы народное творчество русской революции, прошедшее через великий опыт 1905 года, не создало Советов еще в феврале 1917 года, то ни в каком случае они не могли бы взять власть в октябре, так как успех зависел только от наличия уже готовых организационных форм движения, охватившего миллионы. Этой готовой формой явились Советы, и потому в политической области нас ждали те блестящие успехи, то сплошное триумфальное шествие, которое мы пережили, ибо новая форма политической власти была наготове и нам оставалось только несколькими декретами превратить власть Советов из того эмбрионального состояния, в котором она находилась в первые месяцы революции, в форму законно признанную, утвердившуюся в Российском государстве, — в Российскую Советскую республику. Она родилась сразу, родилась так легко потому, что в феврале 1917 года массы создали Советы, раньше даже, чем какая бы то ни было партия успела провозгласить этот лозунг. Само глубокое народное творчество, прошедшее через горький опыт 1905 года, умудренное им, — вот кто создал эту

форму пролетарской власти. Задача победы над внутренним врагом была в высшей степени легкой задачей. Задача создания политической власти была в высшей степени легка, ибо массы дали нам скелет, основу этой власти. Республика Советов родилась сразу. Но оставались еще две гигантской трудности задачи, решение которых никоим образом не могло быть тем триумфальным шествием, каким шла в первые месяцы наша революция, — у нас не было и не могло быть сомнения, что в дальнейшем социалистическая революция станет перед гигантской трудности задачами.

Во-первых, это были задачи внутренней организации, стоящие перед всякой социалистической революцией. Отличие социалистической революции от буржуазной состоит именно в том, что во втором случае есть готовые формы капиталистических отношений, а Советская власть — пролетарская — этих готовых отношений не получает, если не брать самых развитых форм капитализма, которые, в сущности, охватили небольшие верхушки промышленности и совсем мало еще затронули земледелие. Организация учета, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом, — вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи. По нынешним условиям труда она никоим образом не допускала решения «на ура», подобно тому как нам удавалось решить задачи гражданской войны. Этого решения не допускала самая суть дела. Если мы так легко побеждали наших калединцев и создали Советскую республику при сопротивлении, не заслуживающем даже серьезного внимания, то такой ход событий предрешен был всем объективным предыдущим развитием, так что оставалось сказать только последнее слово, сменить вывеску, вместо «Совет существует как организация профессиональная» написать: «Совет есть единственная форма государственной власти», — то совсем не так обстояло дело в отношении задач организационных. Тут мы встретили гигантские трудности. Тут сразу было ясно всем, кто желал вдумчиво отнестись к задачам нашей революции, что только тяжелым, долгим путем самодисциплины можно побороть то разложение, которое война внесла в капиталистическое общество, только чрезвычайно тяжелым, долгим, упорным путем можем мы это разложение преодолеть и победить те увеличивающие его элементы, которые смотрели на революцию как на способ отделаться от старых пут, сорвав с нее, что можно. Появление в большом числе

этих элементов было неизбежно в мелкокрестьянской стране в момент невероятной разрухи, и с ними предстоит борьба во сто раз более трудная, никакой эффектной позиции не обещающая, — борьба, которую мы только-только начали. Мы стоим на первой ступени этой борьбы. Тут нам предстоят тяжелые испытания. Здесь мы по объективному положению дела ни в коем случае не сможем ограничиться триумфальным шествием с развернутыми знаменами, каким шли против калединцев. Всякий, кто попытался бы перенести этот метод борьбы на организационные задачи, стоящие на пути революции, оказался бы целиком банкротом как политик, как социалист, как деятель социалистической революции.

И то же самое ожидало некоторых из наших увлекшихся первоначальным триумфальным шествием революции молодых товарищей, когда перед последней конкретно встала вторая из гигантских трудностей, легших на ее плечи, — международный вопрос. Если мы так легко справились с бандами Керенского, если так легко создали власть у себя, если мы без малейшего труда получили декрет о социализации земли, рабочем контроле, — если мы получили так легко все это, то только потому, что счастливо сложившиеся условия на короткий момент прикрыли нас от международного империализма. Международный империализм со всей мощью его капитала, с его высокоорганизованной военной техникой, представляющей настоящую силу, настоящую крепость международного капитала, ни в коем случае, ни при каких условиях не мог ужитья рядом с Советской республикой и по своему объективному положению и по экономическим интересам того капиталистического класса, который был в нем воплощен, — не мог в силу торговых связей, международных финансовых отношений. Тут конфликт является неизбежным. Здесь величайшая трудность русской революции, ее величайшая историческая проблема: необходимость решить задачи международные, необходимость вызвать международную революцию, проделать этот переход от нашей революции, как узконациональной, к мировой. Эта задача стала перед нами во всей своей невероятной трудности. Повторяю, что очень многие из наших молодых друзей, считающих себя левыми, стали забывать самое важное, а именно: почему в течение недель и месяцев величайшего триумфа после Октября мы получили возможность столь легкого перехода от триумфа к триумфу. А между тем это было так только потому, что специально сложившаяся международная конъюнктура временно прикрыла нас от империализма. Ему было не до нас. Нам показалось, что и нам не до империализма. А отдельным империалистам

было не до нас только потому, что вся величайшая социально-политическая и военная сила современного мирового империализма оказалась к этому времени разделенной междоусобной войной на две группы. Империалистские хищники, втянутые в эту борьбу, дошли до невообразимых пределов, до мертвой хватки, до того, что ни одна из этих групп сколько-нибудь серьезной силы сосредоточить против русской революции не могла. Мы попали как раз в такой момент в октябре: наша революция попала как раз — это парадоксально, но это справедливо — в счастливый момент, когда неслыханные бедствия обрушились на громадное большинство империалистских стран в виде уничтожения миллионов людей, когда война измучила народы неслыханными бедствиями, когда на четвертом году войны воюющие страны подошли к тупику, к распутию, когда встал объективно вопрос: смогут ли дальше воевать доведенные до подобного состояния народы? Только благодаря тому, что наша революция попала в этот счастливый момент, когда ни одна из двух гигантских групп хищников не могла немедленно ни броситься одна на другую, ни соединиться против нас, — только этим моментом международных политических и экономических отношений могла воспользоваться и воспользовалась наша революция, чтобы проделать это свое блестящее триумфальное шествие в Европейской России, перекинуться в Финляндию, начать завоевывать Кавказ, Румынию. Только этим объясняется то, что у нас явились в передовых кругах нашей партии партийные работники интеллигенты-сверхчеловеки, которые дали себя увлечь этим триумфальным шествием, которые сказали: с международным империализмом мы справимся; там тоже будет триумфальное шествие, там настоящей трудности нет. Вот в этом — расхождение между объективным положением русской революции, которая только воспользовалась временной заминкой международного империализма, так как временно застопорила машина, которая должна была двигаться против нас, как железнодорожный поезд движется против тачки и дробит ее, — а машина застопорила потому, что столкнулись две группы хищников. Там и тут росло революционное движение, но во всех без исключения империалистских странах оно находилось в большинстве случаев еще в начальной стадии. Его темп развития был совсем не тот, что у нас. Для каждого, кто вдумывался в экономические предпосылки социалистической революции в Европе, не могло не быть ясно, что в Европе неизмеримо труднее начать, а у нас неизмеримо легче начать, но будет труднее продолжать, чем там, революцию. Это объективное положение создало то,

что нам предстояло пережить необычайно трудный, крутой излом в истории. От сплошного триумфального шествия в октябре, ноябре, декабре на нашем внутреннем фронте, против нашей контрреволюции, против врагов Советской власти нам предстояло перейти к стычке с настоящим международным империализмом в его настоящем враждебном отношении к нам. От периода триумфального шествия предстояло перейти к периоду необычайно трудного и тяжелого положения, от которого отделаться словами, блестящими лозунгами — как это ни приятно было бы — конечно, нельзя, ибо мы имели в нашей расстроенной стране неимоверно уставшие массы, которые дошли до такого положения, когда воевать дальше никоим образом невозможно, которые разбиты мучительной трехлетней войной настолько, что приведены в состояние полной военной негодности. Еще до Октябрьской революции мы видели представителей солдатских масс, не принадлежащих к партии большевиков, которые перед всей буржуазией не стеснялись говорить правду, состоящую в том, что русская армия воевать не будет. Это состояние армии создало гигантский кризис. Страна мелкокрестьянская в своем составе, дезорганизованная войной, доведенная ею до неслыханного состояния, поставлена в необычайно тяжелое положение: армии нет у нас, а приходится продолжать жить рядом с хищником, который вооружен до зубов, который еще пока оставался и остается хищником и которого, конечно, агитацией насчет мира без аннексий и контрибуций пронять было нельзя. Лежал смирный домашний зверь рядом с тигром и убеждал его, чтобы мир был без аннексий и контрибуций, тогда как последнее могло быть достигнуто только нападением на тигра. От этой перспективы верхушки нашей партии — интеллигенция и часть рабочих организаций — попытались отделаться прежде всего фразами, отговорками: так быть не должно. Этот мир был слишком невероятной перспективой, чтобы мы, шедшие до сих пор в открытый бой с развернутыми знаменами, бравшие криком всех врагов, чтобы мы могли уступить, принять унижительные условия. Никогда. Мы слишком гордые революционеры, мы прежде всего заявляем: «Немец не сможет наступать»²⁵¹.

Такова была первая отговорка, которой утешали себя эти люди. История поставила нас теперь в необычайно трудное положение; приходится при неслыханно трудной организационной работе пройти ряд мучительных поражений. Если смотреть во всемирно-историческом масштабе, то не подлежит никакому сомнению, что конечная победа нашей революции, если бы она осталась одинокой, если бы не было

революционного движения в других странах, была бы безнадежной. Если мы взяли все дело в руки одной большевистской партии, то мы брали его на себя, будучи убеждены, что революция зреет во всех странах, и, в конце концов, — а не в начале начал, — какие бы трудности мы ни переживали, какие бы поражения нам ни были суждены, международная социалистическая революция придет, — ибо она идет; дозреет, — ибо она зреет, и созреет. Наше спасение от всех этих трудностей — повторяю — во всеевропейской революции. Исходя из этой истины, совершенно абстрактной истины, и руководясь ею, мы должны следить за тем, чтобы она не превратилась со временем в фразу, ибо всякая абстрактная истина, если вы ее будете применять без всякого анализа, превращается в фразу. Если вы скажете, что за каждой стачкой кроется гидра революции, кто этого не понимает, тот не социалист, — то это верно. Да, за каждой стачкой кроется социалистическая революция. Но если вы скажете, что каждая данная стачка — непосредственный шаг к социалистической революции, то вы скажете пустейшую фразу. Это «кажинный божий раз на этом месте» мы слышали и набили оскомину так, что рабочие все эти анархистские фразы отбросили потому, что как несомненно то, что за каждой стачкой кроется гидра социалистической революции, так же ясно, что пустяком является утверждение, будто от каждой стачки можно перейти к революции. Как совершенно бесспорно, что все трудности нашей революции будут превзойдены лишь тогда, когда созреет мировая социалистическая революция, которая теперь везде зреет, — настолько совершенно абсурдно утверждение, что каждую данную конкретную сегодняшнюю трудность нашей революции мы должны припрятать, говоря: «Я ставлю карту на международное социалистическое движение, — я могу делать какие угодно глупости». «Либкнехт выручит потому, что он все равно победит». Он даст такую великолепную организацию, наметит все заранее так, что мы будем брать готовые формы, как мы брали готовое марксистское учение в Западной Европе, — и благодаря чему оно победило у нас, может быть, в несколько месяцев, тогда как на его победу в Западной Европе требовались десятки лет. Итак, совершенно никчемная авантюра — перенесение старого метода решения вопроса борьбы триумфальным шествием на новый исторический период, который наступил, который перед нами поставил не гнилушек Керенского и Корнилова, а поставил международного хищника — империализм Германии, где революция только зрела, но заведомо не созрела. Такой авантюрой было утверждение, что враг против рево-

люции не решится наступать. Брестские переговоры не представляли еще из себя момента, когда мы должны были принять какие угодно условия мира. Объективное соотношение сил соответствовало тому, что получения передышки будет мало. Брестские переговоры должны были показать, что немец наступит, что немецкое общество не настолько беременно революцией, что она может разразиться сейчас, и нельзя поставить в вину немецким империалистам, что они своим поведением не подготовили еще этого взрыва или, как говорят наши молодые друзья, считающие себя левыми, такого положения, когда немец не может наступать. Когда им говорят, что у нас армии нет, что мы были вынуждены демобилизоваться, — мы вынуждены были, хотя несколько не забыли о том, что около нашего смиренного домашнего зверя лежит тигр, — они не хотят понять. Если мы вынуждены были демобилизовать армию, то мы отнюдь не забыли, что путем одностороннего приказа втыкать штык в землю войну кончить нельзя.

Как вообще вышло так, что ни одно течение, ни одно направление, ни одна организация нашей партии не были против этой демобилизации? Что же мы — совершенно с ума сошли? Несколько. Офицеры, не большевики, говорили еще до Октября, что армия не может воевать, что ее на несколько недель на фронте не удержать. Это после Октября стало очевидным для всякого, кто хотел видеть факт, неприглядную горькую действительность, а не прятаться или надвигать себе на глаза шапку и отделываться гордыми фразами. Армии нет, удержать ее невозможно. Лучшее, что можно сделать, — это как можно скорее демобилизовать ее. Это — больная часть организма, которая испытывала неслыханные мучения, истерзанная лишениями войны, в которую она вошла технически неподготовленной и вышла в таком состоянии, что при всяком наступлении предается панике. Нельзя винить за это людей, вынесших такие неслыханные страдания. В сотнях резолюций с полной откровенностью, даже в течение первого периода русской революции, солдаты говорили: «Мы захлебнулись в крови, мы воевать не можем». Можно было искусственно оттягивать окончание войны, можно было проделать мошенничество Керенского, можно было отсрочить конец на несколько недель, но объективная действительность прокладывала себе дорогу. Это — больная часть русского государственного организма, которая не может выносить долее тягот этой войны. Чем скорее мы ее демобилизуем, тем скорее она рассосется среди частей, еще не настолько больных, тем скорее страна сможет быть готовой для новых тяжелых испытаний. Вот что мы чувствовали, когда единогласно, без малейшего

протеста принимали это решение, с точки зрения внешних событий нелепое, — демобилизовать армию. Это был шаг правильный. Мы говорили, что удержать армию — это легкомысленная иллюзия. Чем скорее демобилизовать армию, тем скорее начнется оздоровление всего общественного организма в целом. Вот почему такой глубокой ошибкой, такой горькой переоценкой событий была революционная фраза: «Немец не может наступать», из которой вытекала другая: «Мы можем объявить состояние войны прекращенным. Ни войны, ни подписания мира»²⁵². Но если немец наступит? «Нет, он не сможет наступать». А вы имеете право ставить на карту не судьбу международной революции, а конкретный вопрос о том: не окажетесь ли вы пособниками немецкого империализма, когда этот момент наступит? Но мы, ставшие все с октября 1917 года оборонцами, признающими защиту отечества, — мы все знаем, что порвали с империалистами не на словах, а на деле: разрушили тайные договоры, победили буржуазию у себя и предложили открытый честный мир, так что все народы могли увидеть на деле все наши намерения. Каким образом люди, серьезно стоящие на точке зрения обороны Советской республики, могли идти на эту авантюру, которая принесла свои плоды? А это факт, потому что тот тяжелый кризис, который переживает наша партия в связи с образованием в ней «левой» оппозиции, является одним из величайших кризисов, переживаемых русской революцией.

Этот кризис будет изжит. Никким образом ни наша партия, ни наша революция на нем себе шеи не сломают, хотя в данный момент это было совсем близко, совсем возможно. Гарантеей того, что мы себе на этом вопросе шеи не сломаем, является то, что вместо старого способа решения фракционных разногласий, старого способа, который состоял в необыкновенном количестве литературы, дискуссий, в достаточном количестве расколов, — вместо этого старого способа события принесли людям новый способ учиться. Этот способ — проверка всего фактами, событиями, уроками всемирной истории. Вы говорите, что немец не может наступать. Из вашей тактики вытекало, что можно объявить состояние войны прекращенным. Вас история проучила, она эту иллюзию опровергла. Да, немецкая революция растет, но не так, как нам хотелось бы, не с такой быстротой, как российским интеллигентам приятно, не таким темпом, который наша история выработала в октябре, — когда мы в любой город приходим, провозглашаем Советскую власть, и девять десятых рабочих приходят к нам через несколько дней. Немецкая революция имеет несчастье идти не так быстро. А кто с кем

должен считаться: мы с ней или она с нами? Вы пожелали, чтобы она с вами считалась, а история вас проучила. Это урок, потому что абсолютна истина, что без немецкой революции мы погибли, — может быть, не в Питере, не в Москве, а во Владивостоке, в еще более далеких местах, в которые нам, быть может, предстоит переброситься и до которых расстояние, может быть, еще больше, чем расстояние от Петрограда до Москвы, но во всяком случае при всевозможных мыслимых перипетиях, если немецкая революция не наступит, — мы погибнем. Тем не менее, это ни на каплю не колеблет нашей уверенности в том, что мы самое трудное положение должны уметь вынести без фанфаронства.

Революция придет не так скоро, как мы ожидали. Это история доказала, это надо уметь взять как факт, надо уметь считаться с тем, что мировая социалистическая революция в передовых странах не может так легко начаться, как началась революция в России — стране Николая и Распутина, когда громадной части населения было совершенно все равно, какие там народы на окраинах живут, что там происходит. В такой стране начать революцию было легко, это значило — перышко поднять.

А начать без подготовки революцию в стране, где развился капитализм, дал демократическую культуру и организованность последнему человеку, — неправильно, нелепо. Тут мы еще только подходим к мучительному периоду начала социалистических революций. Это факт. Мы не знаем, никто не знает, может быть, — это вполне возможно, — она победит через несколько недель, даже через несколько дней, но это нельзя ставить на карту. Нужно быть готовым к необычным трудностям, к необычайно тяжелым поражениям, которые неизбежны, потому что в Европе революция еще не началась, хотя может начаться завтра, и когда начнется, конечно, не будут нас мучить наши сомнения, не будет вопросов о революционной войне, а будет одно сплошное триумфальное шествие. Это будет, это неминуемо будет, но этого еще нет. Вот простой факт, которому нас история научила, которым она нас очень больно побила, — а за битого двух небитых дают. Поэтому я считаю, что после того, как история нас на этой надежде, — что немец не сможет наступать, и можно валить «на ура», — очень больно побила, этот урок войдет благодаря нашим советским организациям в сознание масс всей Советской России очень быстро. Они все шевелятся, собираются, готовятся к съезду, выносят резолюции, обдумывают то, что произошло. У нас происходят не старые дореволюционные споры, которые оставались внутри узкопар-

тийных кругов, а все решения выносятся на обсуждение масс, требующих проверки их опытом, делом, никогда не дающих себя увлечь легкими речами, никогда не дающих сбить себя с пути, предписываемого объективным ходом событий. Конечно, от трудностей, стоящих перед нами, можно отговориться, если вы имеете перед собою интеллигента или левого большевика: он, конечно, может отговориться от вопросов о том, что армии нет, от того, что революция в Германии не наступает. Массы миллионные, — а политика начинается там, где миллионы; не там, где тысячи, а там, где миллионы, там только начинается серьезная политика, — миллионы знают, что такое армия, видели солдат, возвращающихся с фронта. Они знают, — если брать не отдельных лиц, а настоящую массу, — что воевать мы не можем, что всякий человек на фронте все, что мыслимо было, вынес. Масса поняла истину, что если армии нет, а рядом с вами лежит хищник, то вам придется подписать наитягчайший, унижительный мирный договор. Это неизбежно, пока не родится революция, пока вы не оздоровите своей армии, пока не вернете ее по домам. До тех пор больной не выздоровеет. А немецкого хищника мы «на ура» не возьмем, не скинем, как скинули Керенского, Корнилова. Вот урок, который массы вынесли без оговорок, которые пытались преподнести им некоторые, желающие отделаться от горькой действительности.

Сначала сплошное триумфальное шествие в октябре, ноябре, — потом вдруг русская революция разбита в несколько недель немецким хищником, русская революция готова принять условия грабительского договора. Да, повороты истории очень тяжелы, — у нас все такие повороты тяжелы. Когда в 1907 году мы подписали неслыханно позорный внутренний договор со Столыпиным, когда мы вынуждены были пройти через хлев столыпинской Думы, принимали на себя обязательства, подписывая монархические бумажки²⁵³, мы переживали то же самое в маленьком масштабе, по сравнению с теперешним. Тогда люди, принадлежащие к лучшему авангарду революции, говорили (у них тоже не было тени сомнения в своей правоте): «Мы — гордые революционеры, мы верим в русскую революцию, мы в легальные столыпинские учреждения никогда не пойдем». Пойдете. Жизнь масс, история — сильнее, чем ваши уверения. Не пойдете, так вас история заставит. Это были очень левые, от которых при первом повороте истории ничего, как от фракции, кроме дыму, не осталось. Если мы сумели остаться революционерами, работать при мучительных условиях и выйти из этого положения снова, сумеем выйти и теперь, потому что это не наш

каприз, потому что это объективная неизбежность, которая в стране, разоренной до последней степени, создавалась потому, что европейская революция, вопреки нашему желанию, опоздала запоздать, а немецкий империализм, вопреки нашему желанию, посмел наступать.

Тут надо уметь отступать. Невероятно горькой, печальной действительности фразой от себя не закрыть; надо сказать: дай бог отступить в полупорядке. Мы в порядке отступить не можем, — дай бог отступить в полупорядке, выиграть малейший промежуток времени, чтобы больная часть нашего организма хоть сколько-нибудь рассосалась. Организм в целом здоров: он преодолет болезнь. Но нельзя требовать, чтобы он преодолел ее сразу, моментально, нельзя остановить бегущую армию. Когда я одному из наших молодых друзей, который желал быть левым, говорил: товарищ, отправьтесь на фронт, посмотрите, что там делается в армии, — это было принято за обидное предложение: «нас хотят сослать в ссылку, чтобы мы здесь не агитировали за великие принципы революционной войны». Предлагая это, я, право, не рассчитывал на отправку фракционных врагов в ссылку: это было предложение посмотреть на то, что армия начала неслыханно бежать. И раньше мы это знали, и раньше нельзя было закрывать глаза на то, что там разложение дошло до неслыханных фактов, до продажи наших орудий немцам за гроши. Это мы знали, как знаем и то, что армию нельзя удержать, и отговорка, что немец не наступит, была величайшей авантюрой. Если европейская революция опоздала родиться, нас ждут самые тяжелые поражения, потому что у нас нет армии, потому что у нас нет организации, потому что этих двух задач решить сейчас нельзя. Если ты не сумеешь приспособиться, не расположен идти ползком на брюхе, в грязи, тогда ты не революционер, а болтун, и не потому я предлагаю так идти, что это мне нравится, а потому, что другой дороги нет, потому что история сложилась не так приятно, что революция всюду созревает одновременно.

Дело происходит так, что гражданская война началась как попытка столкновения с империализмом, доказавшая, что империализм гнил совершенно и что поднимаются пролетарские элементы внутри каждой армии. Да, мы увидим международную мировую революцию, но пока это очень хорошая сказка, очень красивая сказка, — я вполне понимаю, что детям свойственно любить красивые сказки. Но я спрашиваю: серьезному революционеру свойственно ли верить сказкам? Во всякой сказке есть элементы действительности: если бы вы детям преподнесли сказку, где петух и кошка не разгова-

ривают на человеческом языке, они не стали бы ею интересоваться. Так точно, если народу говорить, что гражданская война в Германии придет, и вместе с тем ручаться, что вместо столкновения с империализмом будет полевая международная революция²⁵⁴, то народ скажет, что вы обманываете. Этим вы только в своем понимании, в своих желаниях проходите через те трудности, которые история преподнесла. Хорошо, если немецкий пролетариат будет в состоянии выступить. А вы это измерили, вы нашли такой инструмент, чтобы определить, что немецкая революция родится в такой-то день? Нет, вы этого не знаете, мы тоже не знаем. Вы все ставите на карту. Если революция родилась, — так все спасено. Конечно! Но если она не выступит так, как мы желаем, возьмет да не победит завтра, — тогда что? Тогда масса скажет вам: вы поступили как авантюристы, — вы ставили карту на этот счастливый ход событий, который не наступил, вы оказались непригодными оставаться в том положении, которое оказалось вместо международной революции, которая придет неизбежно, но которая сейчас еще не созрела.

Наступил период тягчайших поражений, нанесенных вооруженным до зубов империализмом стране, которая демобилизовала свою армию, должна была демобилизоваться. То, что я предсказывал, наступило целиком: вместо Брестского мира мы получили мир гораздо унижительней, по вине тех, кто не брал его. Мы знали, что по вине армии заключаем мир с империализмом. Мы сидели за столом рядом с Гофманом, а не с Либкнехтом, — и этим мы помогли немецкой революции. А теперь вы помогаете немецкому империализму, потому что отдали свои миллионные богатства, — пушки, снаряды, — а это должен был предсказать всякий, кто видел состояние армии, до боли невероятное. Мы погибли бы при малейшем наступлении немцев неизбежно и неминуемо, — это говорил всякий добросовестный человек с фронта. Мы оказались добычей неприятеля в несколько дней.

Получивши этот урок, мы наш раскол, кризис наш изживем, как ни тяжела эта болезнь, потому что нам на помощь придет неизмеримо более верный союзник: всемирная революция. Когда нам говорят о ратификации этого Тильзитского мира²⁵⁵, неслыханного мира, более унижительного, грабительского, чем Брестский, я отвечаю: безусловно, — да. Мы должны это сделать, ибо мы смотрим с точки зрения масс. Попытка перенесения тактики октября — ноября внутри одной страны, этого триумфального периода революции, перенесения с помощью нашей фантазии на ход событий мировой революции — эта попытка обречена на неудачу. Когда гово-

рят, что передышка — это фантазия, когда газета, называемая «Коммунист»²⁵⁶, — должно быть, от коммуны, — когда эта газета наполняет столбец за столбцом, пытаюсь опровергать теорию передышки, тогда я говорю: мне много пришлось пережить фракционных столкновений, расколов, так что я имею большую практику, но должен сказать, что вижу ясно, что старым способом — фракционных партийных расколов — эта болезнь не будет излечена, потому что ее излечит жизнь раньше. Жизнь шагает очень быстро. На этот счет она действует великолепно. История гонит так быстро ее локомотив, что раньше, чем успеет редакция «Коммуниста» издать очередной номер, большинство рабочих в Питере начнет разочаровываться в его идеях, потому что жизнь показывает, что передышка — это факт. Вот сейчас мы подписываем мир, имеем передышку, мы пользуемся ею для защиты отечества лучше, — потому что, если бы мы имели войну, мы имели бы ту панически бегущую армию, которую необходимо было бы остановить и которую наши товарищи остановить не могут и не могли, потому что война сильнее, чем проповеди, чем десять тысяч рассуждений. Если они не поняли объективного положения, они остановить армию не могут, они ее не остановили бы. Эта больная армия заражала весь организм, и мы получили новое неслыханное поражение, новый удар немецкого империализма по революции, — тяжелый удар, потому что легкомысленно оставили себя без пулеметов под ударами империализма. Между тем этой передышкой мы воспользуемся, чтобы убедить народ объединяться, сражаться, чтобы говорить русским рабочим, крестьянам: «Создавайте самодисциплину, дисциплину строгую, иначе вы будете лежать под пятой немецкого сапога, как лежите сейчас, как неизбежно будете лежать, пока народ не научится бороться, создавать армию, способную не бежать, а идти на неслыханные мучения». Это неизбежно потому, что немецкая революция еще не родилась и нельзя ручаться, что она придет завтра.

Вот почему теория передышки, которая совсем отвергается потоками статей «Коммуниста», выдвигается самой жизнью. Всякий видит, что передышка налицо, что всякий пользуется ею. Мы предполагали, что Петроград будет потерян нами в несколько дней, когда подходящие к нам немецкие войска находились на расстоянии нескольких переходов от него, а лучшие матросы и путиловцы, при всем своем великом энтузиазме, оказывались одни, когда получился неслыханный хаос, паника, заставившая войска добежать до Гатчины, когда мы переживали то, что брали назад не сданное,

причем это состояло в том, что телеграфист приезжал на станцию, садился за аппарат и телеграфировал: «Никакого немца нет. Станция занята нами». Через несколько часов телефонный звонок сообщал мне из Комиссариата путей сообщения: «Занята следующая станция, мы приближаемся к Ямбургу. Никакого немца нет. Телеграфист занимает свое место». Вот, что мы переживали. Вот та реальная история одиннадцатидневной войны²⁵⁷. Ее описали нам матросы, путиловцы, которых надо взять на съезд Советов. Пусть они расскажут правду. Это страшно горькая, обидная, мучительная, унижительная правда, но она во сто раз полезнее, она понимается русским народом.

Я предоставляю увлекаться международной полевой революцией потому, что она наступит. Все придет в свое время, а теперь беритесь за самодисциплину, подчиняйтесь во что бы то ни стало, чтобы был образцовый порядок, чтобы рабочие, хоть один час в течение суток, учились сражаться. Это немного потруднее, чем нарисовать прекрасную сказку. Это есть сейчас, этим вы помогаете немецкой революции, международной революции. Сколько нам дали дней передышки, — мы не знаем, но она дана. Надо скорее демобилизовать армию, потому что это больной орган, а пока мы будем помогать финляндской революции.

Да, конечно, мы нарушаем договор, мы его уже тридцать — сорок раз нарушили. Только дети могут не понять, что в такую эпоху, когда наступает мучительный, долгий период освобождения, которое только что создало, подняло Советскую власть на три ступени своего развития, — только дети могут не понимать того, что здесь должна быть длительная, осмотрительная борьба. Позорный мирный договор поднимает восстание, но когда товарищи из «Коммуниста» рассуждают о войне, они апеллируют к чувству, позабыв то, что у людей сжимались руки в кулаки и кровавые мальчики были перед глазами. Что они говорят? «Никогда сознательный революционер не переживет этого, не пойдет на этот позор». Их газета носит кличку «Коммунист», но ей следует носить кличку «Шляхтич», ибо она смотрит с точки зрения шляхтича, который сказал, умирая в красивой позе со шпагой: «мир — это позор, война — это честь». Они рассуждают с точки зрения шляхтича, а я — с точки зрения крестьянина.

Если я беру мир, когда армия бежит, не может не бежать, не теряя тысячи людей, так я возьму его, чтобы не было хуже. Разве позорен договор? Да меня оправдает всякий серьезный крестьянин и рабочий потому, что они понимают,

что мир есть средство для накопления сил. История знает, — на это я ссылался не раз, — история знает освобождение немцев от Наполеона после Тильзитского мира; я нарочно назвал мир Тильзитским, хотя мы не подписали того, что там было: обязательства давать наши войска на помощь завоевателю для завоевания других народов, — а до этого история доходила, и до этого дело дойдет и у нас, если мы будем только надеяться на международную полевую революцию. Смотрите, чтобы история не довела вас и до этой формы военного рабства. И пока социалистическая революция не победила во всех странах, Советская республика может впасть в рабство. Наполеон в Тильзите принудил немцев к неслыханно позорным условиям мира. Там дело шло так, что несколько раз заключался мир. Тогдашний Гофман — Наполеон — ловил немцев на нарушении мира, и нас поймает Гофман на том же. Только мы постараемся, чтобы он поймал не скоро.

Последняя война дала горькую, мучительную, но серьезную науку русскому народу — организовываться, дисциплинировать, подчиняться, создавать такую дисциплину, чтобы она была образцом. Учитесь у немца его дисциплине, иначе мы — погибший народ и вечно будем лежать в рабстве.

Так, и только так, шла история. История подсказывает, что мир есть передышка для войны, война есть способ получить хоть сколько-нибудь лучший или худший мир. В Бресте соотношение сил соответствовало миру побежденного, но не униженного. Псковское соотношение сил соответствовало миру позорному, более униженному, а в Питере и в Москве, на следующем этапе, нам предпишут мир в четыре раза унижительнее. Мы не скажем, что Советская власть есть только форма, как сказали нам молодые московские друзья²⁵⁸, мы не скажем, что ради тех или иных революционных принципов можно пожертвовать содержанием, а мы скажем: пусть русский народ поймет, что он должен дисциплинироваться, организовываться, тогда он сумеет вынести все тильзитские миры. Вся история освободительных войн показывает нам, что если эти войны захватывали широкие массы, то освобождение наступало быстро. Мы говорим: если история идет таким образом, нам предстоит сменить мир, возвратиться к войне, — и это, может быть, предстоит на днях. Каждый человек должен быть готовым. Нет тени сомнения для меня, что немцы подготавливаются за Нарвой, если правда, что она не была взята, как говорят во всех газетах; не в Нарве, а под Нарвой; не в Пскове, а под Псковом немцы собирают свою регулярную армию, свои железные дороги,

чтобы следующим прыжком захватить Петроград. Этот зверь прыгает хорошо. Он это показал. Он прыгнет еще раз. В этом нет ни тени сомнений. Поэтому надо быть готовым, надо уметь не фанфаронить, а брать даже один день передышки, ибо даже одним днем можно воспользоваться для эвакуации Питера, взятие которого будет стоить неслыханных мучений для сотен тысяч наших пролетариев. Я еще раз скажу, что готов подписать и буду считать обязанностью подписать в двадцать раз, в сто раз более унижительный договор, чтобы получить хоть несколько дней для эвакуации Питера, ибо я облегчаю этим мучения рабочих, которые иначе могут подпасть под иго немцев; я облегчаю вывоз из Питера тех материалов, пороха и пр., которые нам нужны, потому что я — оборонец, потому что я стою за подготовку армии — пусть в самом отдаленном тылу, где лечат сейчас теперешнюю демобилизованную больную армию.

Мы не знаем, какова будет передышка, — будем пытаться ловить момент. Может быть, передышка будет больше, а может быть, она продлится всего несколько дней. Все может быть, этого никто не знает, не может знать потому, что все величайшие державы связаны, стеснены, принуждены бороться на нескольких фронтах. Поведение Гофмана определяется, с одной стороны, тем, что надо разбить Советскую республику, а с другой стороны — тем, что у него на целом ряде фронтов война, а с третьей стороны — тем, что в Германии революция зреет, растет, и Гофман это знает, он не может, как утверждают, сию минуту взять Питер, взять Москву. Но он может это сделать завтра, это вполне возможно. Я повторяю, что в такой момент, когда факт болезни армии налицо, когда мы пользуемся каждым моментом, во что бы то ни стало, хотя бы для дня передышки, мы говорим, что всякий серьезный революционер, связанный с массами, знающий, что такое война, что такое масса, должен ее дисциплинировать, должен ее излечить, пытаться ее подымать для новой войны, — всякий такой революционер нас оправдает, всякий позорный договор признает правильным, ибо последнее — в интересах пролетарской революции и обновления России, освобождения ее от больного органа. Подписывая этот мир, как понимает всякий здравомыслящий человек, мы не прекращаем нашей рабочей революции; всякий понимает, что, подписывая мир с немцами, мы не прекращаем нашей военной помощи: мы посылаем финнам оружие, но не отряды, которые оказываются негодными.

Может быть, мы примем войну; возможно, завтра отдадим и Москву, а потом перейдем в наступление: на неприятель-

скую армию двинем нашу армию, если создастся тот перелом в народном настроении, который зреет, для которого, может быть, понадобится много времени, но он наступит, когда широкие массы скажут не то, что они говорят теперь. Я вынужден брать хотя бы тягчайший мир потому, что я не могу сказать себе теперь, что это время пришло. Когда наступит пора обновления, то все почувствуют это, увидят, что русский человек не дурак; он видит, он поймет, что надо воздержаться, что этот лозунг нужно провести, — в этом главная задача нашего партийного съезда и съезда Советов.

Надо уметь работать на новом пути. Это неизмеримо тяжелее, но это вовсе не безнадежно. Это вовсе не сорвет Советскую власть, если мы глупейшей авантюрой сами не сорвем ее. Придет время, когда народ скажет: я не позволю больше себя мучить. Но это может случиться, если мы не пойдем на эту авантюру, а сумеем работать в тяжелых условиях, при неслыханно унижительном договоре, который мы подписали на днях, ибо одной войной, одним мирным договором такой исторический кризис не решается. Немецкий народ по своей монархической организации был связан в 1807 году, когда подписал свой Тильзитский мир, после нескольких унижительных миров, которые превращались в передышку для нового унижения и нового нарушения. Советская организация масс облегчит нашу задачу.

Наш лозунг должен быть один — учиться военному делу настоящим образом, ввести порядок на железных дорогах. Без железных дорог социалистическая революционная война — вреднейшее предательство. Необходимо создать порядок и нужно создать всю ту энергию, всю мощь, которые создадут лучшее, что есть у революции.

Ловите передышку, хотя бы на час, раз вам ее дали, чтобы поддержать контакт с дальним тылом, там создавать новые армии. Бросьте иллюзии, за которые вас жизнь наказала и еще больше накажет. Перед нами вырисовывается эпоха тягчайших поражений, она налицо, с ней надо уметь считаться, нужно быть готовыми для упорной работы в условиях нелегальных, в условиях заведомого рабства у немцев: этого нечего прикрашивать; это действительно Тильзитский мир. Если мы сумеем так действовать, тогда мы, несмотря на поражения, с абсолютной уверенностью можем сказать, что мы победим. (А п л о д и с м е н т ы.)

2

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ПОЛИТИЧЕСКОМУ ОТЧЕТУ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА 8 МАРТА

Товарищи, позвольте мне начать с замечаний сравнительно мелких, с конца. Тов. Бухарин в конце своей речи дошел до того, что сравнил нас с Петлюрой. Если он считает, что это так, то как же может он оставаться в одной партии с нами? Разве это не фраза? Конечно, если бы это действительно было так, мы не сидели бы в одной партии. То, что мы вместе, доказывает, что на девять десятых с Бухариным согласны. Правда, он прибавил немного революционных фраз о том, что мы хотели предать Украину. Я уверен, что о таких заведомых пустяках говорить не стоит. Я вернусь к товарищу Рязанову и здесь я хочу отметить, что подобно тому, как исключение, случающееся раз в десять лет, лишь подтверждает правило, так и ему случилось сказать нечаянно серьезную фразу. (Аплодисменты.) Он сказал, что Ленин уступает пространство, чтобы выиграть время. Это почти философское рассуждение. На этот раз вышло так, что у тов. Рязанова получилась совершенно серьезная, правда, фраза, в которой вся суть: я хочу уступить пространство фактическому победителю, чтобы выиграть время. В этом вся суть, и только в этом. Все остальное — только разговоры: необходимость революционной войны, подъем крестьянства и пр. Когда тов. Бухарин изображает дело так, что насчет возможности войны двух мнений быть не может, и говорит: «спросите любого военного» (я записал с его слов), раз он так ставит вопрос, что спрашивает любого военного, то я ему отвечаю: таким любым военным оказался французский офицер, с которым мне пришлось беседовать²⁵⁹. Этот французский офицер, смотря на меня, конечно, злыми глазами, — ведь я продал немцам Россию, — говорил: «Я роялист, я сторонник монархии и во Франции — сторонник поражения Германии, не подумайте, что я сторонник Советской власти, — как же подумаешь, если он монархист, — но я был за то, чтобы вы подписали договор в Бресте, потому что это необходимо». Вот вам «спросите любого военного». Любой военный должен был сказать то, что я говорил: надо было подписать договор в Бресте. Если теперь из речи Бухарина вытекает, что наши разногласия очень уменьшились, то это потому, что главный пункт разногласий его сторонники спрятали.

Когда теперь Бухарин громит нас за то, что мы деморализовали массы, он абсолютно прав, только он себя громит, а не нас. Кто провел эту кашу в ЦК? — Вы, тов. Бухарин. (Смех.) Как вы не кричите «нет», а правда возьмет верх: мы в своей товарищеской семье, мы на своем собственном съезде, скрывать нечего, и придется говорить правду. А правда состоит в том, что в ЦК было три течения. 17 февраля Ломов и Бухарин не голосовали. Я просил голосование воспроизвести, размножить, всякий член партии зайдет в секретариат, если пожелает, и посмотрит голосование — историческое голосование 21-го января, которое показывает, что колебались-то они, а мы нисколько не колебались, мы говорили: «возьмем мир в Бресте, — лучшего не получите, — чтобы готовить революционную войну». Сейчас мы уже выиграли пять дней, чтобы эвакуировать Питер. Сейчас выпущено воззвание Крыленко и Подвойского²⁶⁰, которые не были в числе левых и которых Бухарин третировал, говоря, что «вытаскивают» Крыленко, как будто мы выдумали то, что Крыленко докладывал. Мы с этим абсолютно согласны; ведь вот как обстоит дело, ведь это военные доказывали то, что я говорил, а вы отговариваетесь тем, что немец не наступит. Разве можно это положение сравнить с октябрём, когда дело было не в технике? Нет, если вы хотите считаться с фактами, так считайтесь с тем, что разногласия касались того, что нельзя начать войну, когда она заведомо невыгодна. Когда тов. Бухарин начал заключительное слово громовым вопросом: «возможна ли война в ближайшем будущем?», он меня очень удивил. Я отвечаю без колебаний: возможна, — а сейчас надо принять мир. Тут никакого противоречия нет.

После этих коротких замечаний я перейду к детальным ответам предыдущим ораторам. По отношению к Радеку я должен сделать исключение. Но было другое выступление — тов. Урицкого. Что там было, кроме Каноссы²⁶¹, «предательства», «отступили», «приспособились»? Ну, что это такое? Разве это не из газеты левоэсеровской ваша критика? Тов. Бубнов читал нам заявление, поданное в ЦК цекистами, считающими себя очень левыми, которые провели полностью пример демонстрации перед всем миром: «поведение ЦК наносит удар международному пролетариату». Разве это не фраза? «Демонстрировать перед всем миром бессилие!» Чем мы демонстрируем? Тем, что предложили мир? Тем, что армия побежала? Разве мы не доказали, что начать войну с Германией сейчас, не приняв Брестского мира, значит показать миру, что наша армия больна, не желает идти на бой? Совершенно пустое, когда Бубнов утверждает, что это колебание

целиком было создано нами, — это было потому, что наша армия больна. Когда бы то ни было, передышку надо было дать. Если бы следовали правильной стратегии, мы имели бы месяц передышки, а так как вы последовали стратегии неправильной, мы имеем только пять дней передышки, — и это хорошо. История войны показывает, что для того чтобы остановить армию, бегущую в панике, достаточно иногда бывает даже дней. Кто не берет, не подписывает сейчас дьявольский мир, тот — человек фразы, а не стратегии. Вот в чем горе. Когда мне чекисты пишут: «демонстрация бессилия», «предательство» — это вреднейшая, пустейшая ребячья фраза. Демонстрировали мы бессилие тем, что попробовали воевать, когда нельзя было демонстрировать, когда наступление на нас было неизбежно. Что касается псковских крестьян, то мы привезем их на съезд Советов, чтобы они рассказали, как обращаются немцы, чтобы они создали ту психологию, когда заболевший паническим бегством солдат начнет выздоравливать и скажет: «Да, теперь я понял, что это не та война, которую большевики обещали прекратить, — это новая война, которую немцы ведут против Советской власти». Тогда наступит оздоровление. Но вы ставите вопрос, который решить нельзя. Никто не знает срока передышки.

Дальше я должен коснуться позиции тов. Троцкого. В его деятельности нужно различать две стороны: когда он начал переговоры в Бресте, великолепно используя их для агитации, мы все были согласны с тов. Троцким. Он цитировал часть разговора со мной, но я добавлю, что между нами было условлено, что мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума мы сдаем. Немец нас надул: из семи дней он пять украл²⁶². Тактика Троцкого, поскольку она шла на затягивание, была верна: неверной она стала, когда было объявлено состояние войны прекращенным и мир не был подписан. Я предложил совершенно определенно мир подписать. Лучше Брестского мира мы получить не могли. Всем ясно, что передышка была бы в месяц, что мы не проиграли бы. Поскольку история отмела это, об этом не стоит вспоминать, но смешно, что Бухарин говорит: «жизнь покажет, что мы были правы». Я был прав, потому что я писал об этом еще в 1915 году: «Надо готовиться вести войну, она неизбежна, она идет, она придет» *. Но надо было мир взять, а не хорохориться зря. И тем более надо было мир взять, что война

* См. Сочинения, 5 изд., том 27, стр. 50—51; 4 изд., том 21, стр. 368. *Ред.*

придет, а сейчас мы, по меньшей мере, облегчаем эвакуацию Питера, мы ее облегчили. Это факт. Когда тов. Троцкий выдвигает новые требования: «обещайте, что не подпишете мир с Винниченко», я говорю, что ни в коем случае такого обязательства на себя не возьму²⁶³. Если бы съезд взял обязательство, ни я, ни один из моих единомышленников, никто ответственности за это на себя не возьмет. Это значило бы вместо ясной линии маневрирования, — отступая, когда можно, иногда наступая, — вместо этого связать себя снова формальным решением. Никогда в войне формальными соображениями связывать себя нельзя. Смешно не знать военной истории, не знать того, что договор есть средство собирать силы: я уже ссылался на прусскую историю. Некоторые, определенно, как дети, думают: подписал договор, значит продался сатане, пошел в ад. Это просто смешно, когда военная история говорит яснее ясного, что подписание договора при поражении есть средство собирания сил. В истории бывали случаи, когда войны следовали одна за другой, все это мы забыли, мы видим, старая война превращается в ...*. Если вам угодно, связывайте себя формальными соображениями навсегда и давайте тогда ответственные посты левым эсерам. Мы на себя ответственности за это не возьмем. Тут нет ни тени желания раскола. Я убежден, что жизнь вас научит. 12 марта — не за горами — вы получите большой материал²⁶⁴.

Товарищ Троцкий говорит, что это будет предательством в полном смысле слова. Я утверждаю, что это совершенно неверная точка зрения. Чтобы показать конкретно, я возьму пример: два человека идут, на них нападают десять человек, один борется, другой бежит — это предательство; но если две армии по сто тысяч и против них пять армий; одну армию окружили двести тысяч, другая должна идти на помощь, но знает, что триста тысяч расположены так, что там ловушка: можно ли идти на помощь? Нет, нельзя. Это не предательство, не трусость: простое увеличение числа изменило все понятия, каждый военный это знает, — тут не персональное понятие: поступая так, я сберегаю свою армию, пусть ту возьмут в плен, я свою обновлю, у меня есть союзники, я выжду, союзники придут. Только так можно рассуждать; но когда к соображениям военным припутываются другие, тут ничего, кроме фразы, нет. Так политику вести нельзя.

* В стенограмме несколько слов отсутствует. *Ред.*

Все, что может быть сделано, мы сделали. Тем, что мы подписываем договор, мы сберегли Питер, хотя бы на несколько дней. (Пусть секретари и стенографы не вздумают этого писать.) В договоре приказано вывести из Финляндии наши войска, войска заведомо негодные, но нам не запрещено ввозить оружие в Финляндию. Если бы Питер пал несколько дней назад, то паника охватила бы Питер, и мы ничего бы не вывезли, а за эти пять дней мы помогли нашим финским товарищам,—я не скажу, сколько, они это сами знают.

Слова о том, что мы предали Финляндию, являются самой ребяческой фразой. Мы именно тем и помогли, что вовремя отступили перед немцами. Не погибнет никогда Россия, если провалится Питер, тут тысячу раз прав тов. Бухарин, а если маневрировать по-бухарински, тогда можно хорошую революцию загубить. (Смех.)

Мы ни Финляндии, ни Украины не предали. В этом нас не упрекнет ни один сознательный рабочий. Мы помогаем, чем можем. Мы из наших войск ни одного хорошего человека не увели и не уведем. Если вы говорите, что Гофман поймает, накроет,—конечно, он может, в этом я не сомневаюсь, но во сколько дней он это сделает,—он не знает и никто не знает. Кроме того, соображения ваши, что поймает, накроет, есть соображения политического соотношения сил, о котором буду говорить дальше.

Выяснив, почему я абсолютно не могу принять предложение Троцкого — так вести политику нельзя,—я должен сказать, что примером того, насколько товарищи на нашем съезде ушли от фразы, которая фактически осталась у Урицкого, показал Радек. Я его никоим образом не могу обвинить за это выступление во фразе. Он сказал: «Ни тени предательства, ни позора нет, потому что ясно, что вы отступили перед военной подавляющей силой». Это оценка, которая всю позицию Троцкого разбивает. Когда Радек сказал: «Стиснув зубы, надо готовить силы», это правда,—тут я целиком подписываюсь: не хорохорясь, а стиснув зубы, готовиться.

Стиснув зубы, не хорохорясь, а готовь силы. Революционная война придет, в этом у нас разногласий нет; разногласия относительно Тильзитского мира — подписывать ли? Хуже всего — это больная армия, да, и потому в ЦК должна быть одна твердая линия, а не разногласия или средняя линия, которую поддержал и тов. Бухарин. Не розовые краски я рисую насчет передышки; никто не знает, сколько будет

продолжаться передышка, и я не знаю. Смешны потуги тех, которые стараются из меня выжать, сколько будет продолжаться передышка. Благодаря сохраненным магистралям мы помогаем и Украине и Финляндии. Используем передышку, маневрируя, отступая.

Немецкому рабочему уже сказать нельзя, что русские капризничают, ведь теперь ясно, что идет германо-японский империализм, и это будет ясно всем и каждому; кроме желания душить большевиков, у немца есть желание душить и на Западе, все перепуталось, и в этой новой войне придется и нужно уметь маневрировать.

Касаясь речи тов. Бухарина, я отмечаю, что, когда у него не хватает аргументов, он выдвигает нечто от Урицкого и говорит: «Договор нас шельмует». Тут аргументы не нужны: если мы ошельмованы, мы должны были бы собрать бумаги и убежать, но, хотя мы и «ошельмованы», я не думаю, чтобы наши позиции были поколеблены. Тов. Бухарин пытался анализировать классовую основу наших позиций, но вместо этого рассказал анекдот о покойном экономисте-москвиче. Когда нашли в нашей тактике связь с мешочничеством, то, — ей-богу, смешно, забыли, что отношение класса в целом, — класса, а не мешочников, — показывает нам, что русская буржуазия и все ее прихвостни — делонародовцы и новожиженцы — втравливают нас в эту войну всеми силами. Ведь этот классовый факт вы не подчеркиваете. Объявлять сейчас войну Германии, значит поддаваться на провокацию русской буржуазии. Это не ново, потому что это есть вернейший, — я не говорю: абсолютно верный, ничего абсолютно верного не бывает, — вернейший путь сбросить нас сейчас. Когда тов. Бухарин говорил: жизнь за них, все кончится тем, что мы признаем революционную войну, — он праздновал легкую победу, ибо неизбежность революционной войны мы предсказывали еще в 1915 году. Наши разногласия были в том, что немец: наступит или нет; что нам надо было объявить состояние войны прекращенным; что надо в интересах революционной войны отступить физически, отдавая страну, чтобы выиграть время. Стратегия и политика предписывают самый что ни на есть гнусный мирный договор. Наши разногласия исчезнут все, раз мы эту тактику признаем.

*Краткое изложение напечатано
19 (6) марта 1918 г. в газете
«Рабоче-Крестьянский Нижегородский
Листок» № 54*

3

РЕЗОЛЮЦИЯ О ВОЙНЕ И МИРЕ ²⁶⁵

Съезд признает необходимым утвердить подписанный Советской властью тягчайший, унижайший мирный договор с Германией, ввиду неимения нами армии, ввиду крайне болезненного состояния деморализованных фронтовых частей, ввиду необходимости воспользоваться всякой, хотя бы даже малейшей, возможностью передышки перед наступлением империализма на Советскую социалистическую республику.

Исторически неизбежны в настоящий период начавшейся эры социалистической революции многократные военные наступления империалистских государств (как с Запада, так и с Востока) против Советской России. Историческая неизбежность таких наступлений при теперешнем крайнем обострении всех внутригосударственных, классовых, а равно международных, отношений может в каждый, самый близкий момент, даже в несколько дней, привести к новым империалистическим наступательным войнам против социалистического движения вообще, против Российской Социалистической Советской Республики в особенности.

Поэтому съезд заявляет, что первейшей и основной задачей и нашей партии, и всего авангарда сознательного пролетариата, и Советской власти съезд признает принятие самых энергичных, беспощадно решительных и драконовских мер для повышения самодисциплины и дисциплины рабочих и крестьян России, для разъяснения неизбежности исторического приближения России к освободительной, отечественной, социалистической войне, для создания везде и повсюду строжайше связанных и железной единой волей скрепленных организаций масс, организаций, способных на сплоченное и самоотверженное действие как в будничные, так и особенно в критические моменты жизни народа, — наконец, для всестороннего, систематического, всеобщего обучения взрослого населения, без различия пола, военным знаниям и военным операциям.

Съезд видит надежнейшую гарантию закрепления социалистической революции, победившей в России, только в превращении ее в международную рабочую революцию.

Съезд уверен, что с точки зрения интересов международной революции шаг, сделанный Советской властью, при данном соотношении сил на мировой арене, был неизбежен и необходим.

В убеждении, что рабочая революция неуклонно зреет во всех воюющих странах, готова неизбежное и полное пораже-

ние империализма, съезд заявляет, что социалистический пролетариат России будет всеми силами и всеми находящимися в его распоряжении средствами поддерживать братское революционное движение пролетариата всех стран.

Написано в марте, не позднее 8, 1918 г.

*Впервые напечатано 1 января 1919 г.
в газете «Коммунар» № 1*

4

ДОПОЛНЕНИЕ К РЕЗОЛЮЦИИ О ВОЙНЕ И МИРЕ 8 МАРТА

Я прошу слова для дополнения резолюции:

Съезд признает необходимым не публиковать принятой резолюции и обязывает всех членов партии хранить эту резолюцию в тайне²⁶⁶. В печать дается только — и притом не сегодня, а по указанию ЦК — сообщение, что съезд за ратификацию.

Кроме того, съезд особо подчеркивает, что Центральному Комитету дается полномочие во всякий момент разорвать все мирные договоры с империалистскими и буржуазными государствами, а равно объявить им войну.

5

ДОКЛАД О ПЕРЕСМОТРЕ ПРОГРАММЫ И ИЗМЕНЕНИИ НАЗВАНИЯ ПАРТИИ 8 МАРТА²⁶⁷

Товарищи, по вопросу об изменении названия партии, как вы знаете, с апреля 1917 г. в партии развернулась довольно обстоятельная дискуссия, и поэтому в Центральном Комитете сразу удалось достигнуть не вызывающего, кажется, больших споров, а может быть, даже почти никаких, решения: именно, Центральный Комитет предлагает вам переменить название нашей партии, назвав ее Российской коммунистической партией, в скобках — большевиков. Это добавление мы все признаем необходимым, потому что слово «большевик» приобрело право гражданства не только в политической жизни России, но и во всей заграничной прессе, которая следит за развитием событий в России в общих чертах. Что название «социал-демократическая партия» научно неправильно, это

уже также было разъяснено в нашей прессе. Когда рабочие создали собственное государство, они подошли к тому, что старое понятие демократизма, — буржуазного демократизма, — оказалось в процессе развития нашей революции превзойденным. Мы пришли к тому типу демократии, который в Западной Европе нигде не существовал. Он имел свой прообраз только в Парижской Коммуне, а про Парижскую Коммуну Энгельс выражался, что Коммуна не была государством в собственном смысле слова²⁶⁸. Одним словом, поскольку сами трудящиеся массы берутся за дело управления государством и создания вооруженной силы, поддерживающей данный государственный порядок, постольку исчезает особый аппарат для управления, исчезает особый аппарат для известного государственного насилия, и постольку, следовательно, и за демократию, в ее старой форме, мы не можем стоять.

С другой стороны, начиная социалистические преобразования, мы должны ясно поставить перед собой цель, к которой эти преобразования, в конце концов, направлены, именно цель создания коммунистического общества, не ограничивающегося только экспроприацией фабрик, заводов, земли и средств производства, не ограничивающегося только строгим учетом и контролем за производством и распределением продуктов, но идущего дальше к осуществлению принципа: от каждого по способностям, каждому по потребностям. Вот почему название коммунистической партии является единственно научно правильным. Возражение, что оно может подать повод к смешению нас с анархистами, в Центральном Комитете было сразу отвергнуто, потому что анархисты никогда не называют себя просто коммунистами, но с известными добавлениями. В этом отношении имеются всякие разновидности социализма, однако они не ведут к смешению социал-демократов с социал-реформистами и с социалистами национальными и т. п. партиями.

С другой стороны, важнейшим доводом за перемену названия партии является то, что до сих пор старые официальные социалистические партии во всех передовых странах Европы не отделались от того угара социал-шовинизма и социал-патриотизма, который привел к полному краху европейского социализма, официального, во время настоящей войны, так что до сих пор почти все официальные социалистические партии являлись настоящим тормозом рабочего революционного социалистического движения, настоящей помехой ему. И наша партия, симпатии к которой в массах трудящихся во всех странах в настоящее время, безусловно, чрезвычайно велики, — наша партия обязана выступить с

возможно более решительным, резким, ясным, недвусмысленным заявлением о том, что она свою связь с этим старым официальным социализмом рвет, и для этого перемена названия партии будет средством, наиболее способным достичь цели.

Дальше, товарищи, гораздо более трудным вопросом явился вопрос о теоретической части программы, о практической и политической части ее. Что касается до теоретической части программы, то мы имеем некоторые материалы, а именно: изданы были московский и петербургский сборники о пересмотре партийной программы²⁶⁹; в двух главных теоретических органах нашей партии: «Просвещении», выходившем в Петербурге, и «Спартаке»²⁷⁰, выходившем в Москве, были помещены статьи, обосновывавшие то или иное направление изменения теоретической части программы нашей партии. В этом отношении известный материал имеется. Намечались две основные точки зрения, которые, на мой взгляд, не расходятся, по крайней мере, коренным образом, принципиально; одна точка зрения, которую я защищал, состоит в том, что нам выкидывать старую теоретическую часть нашей программы нет оснований, и это было бы даже неправильно. Нужно только дополнить ее характеристикой империализма, как высшей ступени развития капитализма, а затем — характеристикой эры социалистической революции, исходя из того, что эта эра социалистической революции началась. Каковы бы ни были судьбы нашей революции, нашего отряда международной пролетарской армии, каковы бы ни были дальнейшие перипетии революции, во всяком случае, объективное положение империалистических стран, впутавшихся в эту войну, доведших до голода, разорения, одичания самые передовые страны, — положение объективно безвыходное. И тут надо сказать то, что тридцать лет тому назад, в 1887 г., говорил Фридрих Энгельс, оценивая вероятную перспективу европейской войны. Он говорил о том, как короны будут дюжинами валяться в Европе, и никто не захочет поднимать их, он говорил о том, какая неимоверная разруха станет судьбой европейских стран и как конечным результатом ужасов европейской войны может быть лишь одно — он выразился так: «либо победа рабочего класса, либо создание условий, делающих эту победу возможной и необходимой»²⁷¹. На этот счет Энгельс выражался чрезвычайно точно и осторожно. В отличие от людей, которые искажают марксизм, которые преподносят свои запоздалые лжеумствования, что на почве разрухи социализма не может быть, Энгельс понимал превосходно, что война всякая, даже во всяком передовом обществе, создаст не только разруху, одичание, мучения,

бедствия в массах, которые захлебнутся в крови, что нельзя ручаться, что это поведет к победе социализма, он говорил, что это будет: «либо победа рабочего класса, либо создание условий, делающих эту победу возможной и необходимой», т. е., следовательно, тут возможен еще ряд тяжелых переходных ступеней при громадном разрушении культуры и производительных средств, но результатом может быть только подъем авангарда трудящихся масс, рабочего класса, и переход к тому, чтобы он взял в свои руки власть для создания социалистического общества. Ибо, каковы бы ни были разрушения культуры — ее вычеркнуть из исторической жизни нельзя, ее будет трудно возобновить, но никогда никакое разрушение не доведет до того, чтобы эта культура исчезла совершенно. В той или иной своей части, в тех или иных материальных остатках эта культура неустранима, трудности лишь будут в ее возобновлении. Итак, вот одна точка зрения, что мы должны старую программу оставить, дополнив ее характеристикой империализма и начала социальной революции.

Я эту точку зрения выразил в проекте программы, который был мною напечатан*. Другой проект был напечатан тов. Сокольниковым в московском сборнике. Другая точка зрения выражена была в наших беседах, в частности — тов. Бухариным, в печати — тов. В. Смирновым в московском сборнике. Эта точка зрения состояла в том, что надо либо совершенно вычеркнуть, либо почти удалить старую теоретическую часть программы и заменить новой, характеризующей не историю развития товарного производства и капитализма, как делала наша программа, а современную стадию высшего развития капитализма — империализм — и непосредственный переход к эре социальной революции. Мне не думается, чтобы эти две точки зрения расходились коренным образом и принципиально, но я буду отстаивать свою точку зрения. Мне кажется, что теоретически неправильно вычеркнуть старую программу, характеризующую развитие от товарного производства до капитализма. Неверного в ней ничего нет. Так дело шло, так оно идет, ибо товарное производство родило капитализм, а он привел к империализму. Это общая всемирно-историческая перспектива, и основы социализма забывать не следует. Каковы бы дальнейшие перипетии борьбы ни были, как бы много частных зигзагов нам ни пришлось преодолеть (а их будет очень много, — мы видим на опыте, какие гигантские изломы делает история революции, и только

* См. Сочинения, 5 изд., том 32, стр. 147—162; 4 изд., том 24, стр. 428—442. *Ред.*

еще у нас; дело куда как пойдет сложнее и быстрее, темп развития будет более бешеным, и повороты будут более сложными, когда революция превратится в европейскую), — для того, чтобы в этих зигзагах, изломах истории не затеряться и сохранить общую перспективу, чтобы видеть красную нить, связывающую все развитие капитализма и всю дорогу к социализму, которая нам, естественно, представляется прямой, и мы должны ее представлять прямой, чтобы видеть начало, продолжение и конец, — в жизни она никогда прямой не будет, она будет невероятно сложной, — чтобы не затеряться в этих изломах, чтобы в периоды шагов назад, отступлений, временных поражений или когда нас история или неприятель отбросит назад, чтобы не затеряться, важно на мой взгляд и теоретически единственно правильно будет старую основную программу нашу не выкидывать. Ибо мы находимся сейчас только на первой переходной ступени от капитализма к социализму у нас, в России. История нам не дала той мирной обстановки, которая теоретически на известное время мыслилась и которая для нас желательна, которая позволила бы быстро перейти эти переходные ступени. Мы сразу видим, как гражданская война многое затруднила в России и как эта гражданская война сплетается с целым рядом войн. Марксисты никогда не забывали, что насилие неизбежно будет спутником краха капитализма во всем его масштабе и рождения социалистического общества. И это насилие будет всемирно-историческим периодом, целой эрой самых разнообразных войн — войн империалистских, войн гражданских внутри страны, сплетения тех и других, войн национальных, освобождения национальностей, раздавленных империалистами, различными комбинациями империалистских держав, входящих неминуемо в те или иные союзы в эпоху громадных государственно-капиталистических и военных трестов и синдикатов. Эта эпоха — эпоха гигантских крахов, массовых военных насильственных решений, кризисов — она началась, мы ее ясно видим, — это только начало. Поэтому выбросить все, что относится к характеристике товарного производства вообще, капитализма вообще, — мы не имеем оснований. Мы только что сделали первые шаги, чтобы капитализм совсем стряхнуть и переход к социализму начать. Сколько еще этапов будет переходных к социализму, мы не знаем и знать не можем. Это зависит от того, когда начнется в настоящем масштабе европейская социалистическая революция, от того, как она легко, быстро или медленно справится со своими врагами и выйдет на торную дорогу социалистического развития. Этого мы не знаем, а программа марксистской партии должна

исходить из абсолютно точно установленных фактов. Только в этом — сила нашей программы, которая через все перипетии революции подтвердилась. Только на этом базисе марксисты свою программу должны строить. Мы должны исходить из абсолютно точно установленных фактов, состоящих в том, что развитие обмена и товарного производства во всем мире стало преобладающим историческим явлением, привело к капитализму, а капитализм перерос в империализм, — это абсолютно непреложный факт, нужно это прежде всего в программе установить. Что этот империализм начинает эру социальной революции, — это тоже факт, который для нас очевиден, о котором мы должны ясно сказать. На виду всего мира, констатируя этот факт в своей программе, мы факел социальной революции поднимаем не в смысле только агитационной речи, — поднимаем, как новую программу, говоря всем народам Западной Европы: «Вот то, что мы с вами вынесли из опыта капиталистического развития. Вот каков был капитализм, вот как он пришел к империализму, и вот та эра социальной революции, которая начинается и в которой первая роль по времени выпала на нашу долю». Мы выступим перед всеми цивилизованными странами с этим манифестом, который не будет только горячим призывом, который будет абсолютно точно обоснованным, получающимся из фактов, всеми социалистическими партиями признаваемых. Тем яснее будет противоречие между тактикой этих партий, теперь изменивших социализму, и теми теоретическими предпосылками, которые все мы разделяем, которые в плоть и кровь каждого сознательного рабочего перешли: развитие капитализма и переход его в империализм. Накануне империалистских войн съезды в Хемнице и в Базеле дали в резолюциях такую характеристику империализма, противоречие между которой и теперешней тактикой социал-предателей — вопиющее²⁷². Мы должны поэтому это основное повторить, чтобы тем яснее показать трудящимся массам Западной Европы, в чем обвиняют их руководителей.

Вот то основное, по которому я считаю такое построение программы единственно теоретически правильным. Отбросить, как будто старый хлам, характеристику товарного производства и капитализма — это не вытекает из исторического характера происходящего, ибо дальше первых ступеней перехода от капитализма к социализму мы не пошли, и наш переход усложняется такими особенностями России, которых в большинстве цивилизованных стран нет. Следовательно, не только возможно, но неизбежно, что в Европе эти переходные стадии будут иными; и поэтому фиксировать все внима-

ние на тех национальных специфических переходных ступенях, которые для нас необходимы, а в Европе могут не стать необходимыми, это будет теоретически неправильно. Мы должны начать с общей базы развития товарного производства, перехода к капитализму и перерождения капитализма в империализм. Этим мы теоретически занимаем, укрепляем позицию, с которой нас ни один, не изменивший социализму, не собьет. Из этого дается столь же неизбежный вывод: эра социальной революции начинается.

Делаем это мы, оставаясь на почве непреложно установленных фактов.

Дальше, нашей задачей является характеристика советского типа государства. Я по этому вопросу старался изложить теоретические взгляды в книге «Государство и революция» *. Мне кажется, что марксистский взгляд на государство в высшей степени искажен был господствовавшим официальным социализмом Западной Европы, что замечательно наглядно подтвердилось опытом советской революции и создания Советов в России. В наших Советах еще масса грубого, недоделанного, это не подлежит сомнению, это ясно всякому, кто присматривался к их работе, но что в них важно, что исторически ценно, что представляет шаг вперед во всемирном развитии социализма — это то, что здесь создан новый тип государства. В Парижской Коммуне это было на несколько недель, в одном городе, без сознания того, что делали. Коммуны не понимали те, кто ее творил, они творили гениальным чутьем проснувшихся масс, и ни одна фракция французских социалистов не признавала, что она делает. Мы находимся в условиях, когда, благодаря тому, что мы стоим на плечах Парижской Коммуны и многолетнего развития немецкой социал-демократии, мы можем ясно видеть, что мы делаем, создавая Советскую власть. Народными массами, несмотря на всю ту грубость, недисциплинированность, что есть в Советах, что есть пережиток мелкобуржуазного характера нашей страны, — несмотря на все это, новый тип государства создан. Он применяется не неделями, а месяцами, не в одном городе, а в громадной стране, в нескольких нациях. Этот тип Советской власти себя показал, если он перебросился на столь отличную во всех отношениях страну, как Финляндия, где нет Советов, но тип власти опять-таки новый, пролетарский²⁷³. Так это доказательство того, что теоретически представляется бесспорным, что Советская власть есть новый тип государства без бюрократии, без полиции, без постоянной армии, с заменой

* См. настоящий том, стр. 227—324. *Ред.*

буржуазного демократизма новой демократией, — демократией, которая выдвигает авангард трудящихся масс, делая из них и законодателя, и исполнителя, и военную охрану, и создает аппарат, который может перевоспитать массы.

В России это едва только начато, и начато плохо. Если мы сознаем, что плохого в том, что мы начали, мы это преодолеем, если история даст нам возможность поработать над этой Советской властью сколько-нибудь порядочное время. Поэтому мне кажется, что характеристика нового типа государства должна занять выдающееся место в нашей программе. К сожалению, нам пришлось работать теперь над программой в условиях работы правительства, в условиях такой невероятной спешки, что нам не удалось даже созвать свою комиссию, выработать официальный проект программы. То, что роздано товарищам делегатам, названо лишь черновым наброском*, и всякий это ясно увидит. В нем вопросу о Советской власти посвящено довольно большое место, и мне кажется, что тут международное значение нашей программы должно сказаться. Было бы крайне ошибочным, мне кажется, если бы мы международное значение нашей революции ограничивали призывами, лозунгами, демонстрациями, воззваниями и т. д. Этого мало. Мы должны конкретно показать европейским рабочим, за что мы взялись, как взяли, как это понимать, это толкнет их конкретно на вопрос, как социализма добиться. Тут они должны посмотреть: русские берутся за хорошую задачу, и если берутся плохо, то мы сделаем это лучше. Для этого как можно больше конкретного материала нужно дать и сказать, что нового мы создать попытались. В Советской власти мы имеем новый тип государства; постараемся обрисовать его задачи, конструкцию, постараемся объяснить, почему этот новый тип демократии, в котором так много хаотического, несуразного, что составляет в нем живую душу — переход власти к трудящимся, устранение эксплуатации, аппарата для подавления. Государство есть аппарат для подавления. Надо подавлять эксплуататоров, но их подавлять нельзя полицией, их может подавлять только сама масса, аппарат должен быть связан с массами, должен ее представлять, как Советы. Они гораздо ближе к массам, они дают возможность стоять ближе к ней, они дают больше возможности воспитывать эту массу. Мы знаем прекрасно, что русский крестьянин стремится к тому, чтобы учиться, но мы хотим, чтобы он учился не из книг, а из собственного опыта.

* См. Сочинения, 5 изд., том 36, стр. 70—76; 4 изд., том 27, стр. 127—132. *Ред.*

Советская власть есть аппарат — аппарат для того, чтобы масса начала немедленно учиться управлению государством и организации производства в общенациональном масштабе. Это гигантски трудная задача. Но исторически важно то, что мы беремся за ее решение, и решение не только с точки зрения лишь нашей одной страны, но и призывая на помощь европейских рабочих. Мы должны сделать конкретное разъяснение нашей программы именно с этой общей точки зрения. Вот почему мы считаем, что это есть продолжение пути Парижской Коммуны. Вот почему мы уверены, что, вставши на этот путь, европейские рабочие сумеют нам помочь. Им лучше сделать то, что мы делаем, причем центр тяжести с формальной точки зрения переносится на конкретные условия. Если в старое время было особенно важно такое требование, как гарантия права собраний, то наша точка зрения на право собраний состоит в том, что никто теперь не может помешать собраниям, и Советская власть должна обеспечить только зал для собраний. Для буржуазии важно общее прокламирование широковещательных принципов: «Все граждане имеют право собираться, но собираться под открытым небом, — помещений мы вам не дадим». А мы говорим: «Поменьше фраз и побольше сути». Необходимо отобрать дворцы, — и не только Таврический, но и многие другие, — а о праве собраний мы молчим. И это надо распространить на все остальные пункты демократической программы. Нам надо судить самим. Граждане должны участвовать поголовно в суде и в управлении страны. И для нас важно привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся. Это — гигантски трудная задача. Но социализма не может ввести меньшинство — партия. Его могут ввести десятки миллионов, когда они научатся это делать сами. Нашу заслугу мы видим в том, что мы стремимся к тому, чтобы помочь массе взяться за это самим немедленно, а не учиться этому из книг, из лекций. Вот почему, если мы эти наши задачи конкретно и ясно выскажем, мы толкнем все европейские массы на обсуждение этого вопроса и на практическую его постановку. Мы, может быть, делаем плохо то, что необходимо делать, но мы толкаем массы на то, что они должны делать. Если то, что делает наша революция, не случайность, — а мы в этом глубоко убеждены, — не продукт решения нашей партии, а неизбежный продукт всякой революции, которую Маркс назвал народной, т. е. такой, которую творят народные массы сами своими лозунгами, своими стремлениями, а не повторением программы старой буржуазной республики, — если мы это ставим так, то мы достигнем самого существенного. И здесь мы подходим

к вопросу о том, следует ли уничтожать различия между программами максимум и минимум. И да и нет. Я не боюсь этого уничтожения, потому что та точка зрения, которая была еще летом, теперь не должна иметь места. Я говорил «рано» тогда, когда мы еще не взяли власти, — теперь, когда мы эту власть взяли и ее испытали, — это не рано *. Мы должны теперь вместо старой программы писать новую программу Советской власти, нисколько не отрекаясь от использования буржуазного парламентаризма. Думать, что нас не откинут назад, — утопия.

Исторически отрицать нельзя, что Россия создала Советскую республику. Мы говорим, что при всяком откидывании назад, не отказываясь от использования буржуазного парламентаризма, — если классовые, враждебные силы загонят нас на эту старую позицию, — мы будем идти к тому, что опытом завоевано, — к Советской власти, к советскому типу государства, государства типа Парижской Коммуны. Это нужно выразить в программе. Вместо программы-минимум мы введем программу Советской власти. Характеристика нового типа государства должна занять видное место в нашей программе.

Ясно, что мы сейчас не можем выработать программу. Мы должны выработать основные ее положения и сдать в комиссию или в Центральный Комитет для выработки основных тезисов. Даже проще: разработка возможна на основании той резолюции о Брест-Литовской конференции, которая дала уже тезисы **. На основании опыта русской революции должна быть сделана такая характеристика Советской власти и затем предложение практических преобразований. Здесь, мне кажется, в исторической части нужно заметить, что сейчас начата экспроприация земли и производства. Мы здесь ставим конкретную задачу организации потребления, универсализации банков, превращения их в сеть государственных учреждений, всю страну охватывающих и дающих нам общественное счетоводство, учет и контроль, проведенный самим населением, лежащий в основе дальнейших шагов социализма. Я думаю, что эта часть, наиболее трудная, должна быть формулирована в виде конкретных требований нашей Советской власти, — что мы сейчас же сделать хотим, какие реформы намерены провести в области банковской политики,

* См. Сочинения, 5 изд., том 34, стр. 372—376; 4 изд., том 26, стр. 142—146. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 554—555. *Ред.*

в деле организации производства продуктов, организации обмена, учета и контроля, введения трудовой повинности и пр. Когда удастся, мы дополним, какие шаги, шажки и полужажки мы сделали в этом отношении. Тут должно быть совершенно точно, ясно определено то, что у нас начато, то, что не доделано. Мы все прекрасно знаем, что громадная часть начатого нами не доделана. Нисколько не преувеличивая, совершенно объективно, не отходя от фактов, мы должны сказать в программе о том, что есть, и о том, что мы сделать собираемся. Эту правду мы покажем европейскому пролетариату и скажем: это надо делать, — чтобы они говорили: то-то и то-то русские делают плохо, а мы сделаем лучше. И, когда это стремление увлечет массы, тогда социалистическая революция будет непобедима. На глазах у всех совершается империалистическая война, насквозь грабительская. Когда на глазах у всех империалистическая война обнажает себя, превращается в войну всех империалистов против Советской власти, против социализма — это даст еще один новый толчок пролетариату Запада. Нужно обнажать это, обрисовать войну, как объединение империалистов против социалистического движения. Вот те общие соображения, которыми я считаю необходимым поделиться с вами и на основании которых я делаю практическое предложение сейчас обменяться основными взглядами по этому вопросу и затем выработать, может быть, несколько основных тезисов здесь же, а сейчас, если это будет признано трудным, отказаться от этого и сдать вопрос о программе Центральному Комитету или особой комиссии, которой поручить, на основании имеющихся материалов и на основании стенографических или подробных секретарских отчетов съезда, составить программу партии, которая должна сейчас же изменить свое название. Мне кажется, мы можем осуществить это в настоящее время, и я думаю, что все согласятся с тем, что при той неподготовленности нашей программы в редакционном отношении, на которой застали нас события, сейчас ничего другого сделать нельзя. Я уверен, что за несколько недель мы можем это сделать. У нас достаточно теоретических сил во всех течениях нашей партии, чтобы в несколько недель получить программу. В ней, конечно, может быть много ошибочного, не говоря уже о редакционных и стилистических неточностях, потому что у нас нет месяцев для того, чтобы за эту работу засесть со спокойствием, необходимым для редакторской работы.

Все эти ошибки мы исправим в процессе нашей работы в полной уверенности, что мы даем возможность Советской

власти осуществить эту программу. Если мы, по крайней мере, формулируем точно, не отходя от действительности, то, что Советская власть есть новый тип государства, форма диктатуры пролетариата, что демократии мы поставили иные задачи, что задачи социализма мы перевели из общей абстрактной формулы «экспроприации экспроприаторов» в такие конкретные формулы, как национализация банков и земель, — это и будет существенною частью программы.

Земельный вопрос придется преобразовать в том смысле, что мы здесь видим первые шаги того, как мелкое крестьянство, желающее стать на сторону пролетариата, желающее помочь ему в социалистической революции, как оно при всех своих предрассудках, при всех своих старых воззрениях поставило себе практическую задачу перехода к социализму. Мы не навязываем этого другим странам, но это факт. Крестьянство не словами, а делами показало, что оно желает помочь и помогает пролетариату, завоевавшему власть, осуществить социализм. Напрасно приписывают нам то, что мы хотим насильно ввести социализм. Мы будем справедливо делить землю, с точки зрения преимущественно мелкого хозяйства. При этом мы даем предпочтение коммунам и крупным трудовым артелям. Мы поддерживаем монополизацию торговли хлебом. Мы поддерживаем, — так говорило крестьянство, — экспроприацию банков и фабрик. Мы готовы помочь рабочим в осуществлении социализма. Я думаю, нужно издать основной закон о социализации земли на всех языках. Это издание состоится, — если уже не состоялось²⁷⁴. Эту мысль выскажем конкретно в программе, — ее нужно выразить теоретически, не отходя ни на шаг от конкретно констатированных фактов. На Западе это претворится иначе. Может быть, мы делаем ошибки, но мы надеемся, что пролетариат Запада их исправит. И мы обращаемся к европейскому пролетариату с просьбой помочь нам в нашей работе.

Нашу программу мы можем таким образом разработать в несколько недель, и ошибки, которые мы сделаем, — их поправит жизнь, — мы их сами исправим. Они все будут легки, как перышко, по сравнению с теми положительными результатами, которые будут достигнуты.

*Краткое изложение напечатано
20 (7) марта 1918 г. в газете
«Рабоче-Крестьянский Нижегородский
Листок» № 55*

6

**РЕЗОЛЮЦИЯ ОБ ИЗМЕНЕНИИ НАЗВАНИЯ ПАРТИИ
И ПАРТИЙНОЙ ПРОГРАММЫ**

Съезд постановляет именовать впредь нашу партию (Российскую социал-демократическую рабочую партию большевиков) *Российской коммунистической партией* с добавлением в скобках «большевиков».

Съезд постановляет изменить программу нашей партии, переработав теоретическую часть или дополнив ее характеристикой империализма и начавшейся эры международной социалистической революции.

Затем изменение политической части нашей программы должно состоять в возможно более точной и обстоятельной характеристике нового типа государства, Советской республики, как формы диктатуры пролетариата и как продолжения тех завоеваний международной рабочей революции, которые начаты Парижской Коммуной. Программа должна указать, что наша партия не откажется от использования и буржуазного парламентаризма, если ход борьбы отбросит нас назад, на известное время, к этой, превзойденной теперь нашей революцией, исторической ступени. Но во всяком случае и при всех обстоятельствах партия будет бороться за Советскую республику, как высший по демократизму тип государства и как форму диктатуры пролетариата, свержения ига эксплуататоров и подавления их сопротивления.

В том же духе и направлении должна быть переработана экономическая, в том числе и аграрная, а равно педагогическая и прочие части нашей программы. Центр тяжести должен состоять в точной характеристике начатых нашей Советской властью экономических и других преобразований с конкретным изложением ближайших конкретных задач, поставленных себе Советскою властью и вытекающих из сделанных уже нами практических шагов экспроприации экспроприаторов.

Съезд поручает особой комиссии составить, по возможности безотлагательно, на основании изложенных указаний, программу нашей партии и утвердить ее, как программу нашей партии.

Написано 8 марта 1918 г.

*Напечатано 9 марта 1918 г.
в газете «Правда» № 45*

7

**РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ПОВОДУ ОТКАЗА
«ЛЕВЫХ КОММУНИСТОВ» ВОЙТИ В ЦК²⁷⁵**

Съезд считает, что отказ от вхождения в ЦК при теперешнем положении партии особенно нежелателен, ибо, будучи вообще принципиально недопустимым для желающих единства партии, такой отказ теперь вдвойне грозил бы единству партии.

Съезд заявляет, что не выходом из ЦК, а соответственным заявлением может и должен каждый снимать с себя ответственность за шаги Центрального Комитета, им не разделяемые.

Поэтому съезд, в твердой надежде, что, посоветовавшись с массовыми организациями, товарищи откажутся от своего заявления, производит выборы, не считаясь с этим заявлением.

Написано 8 марта 1918 г.

Впервые полностью (с незначительными сокращениями и без резолюции по поводу отказа «левых коммунистов» войти в ЦК) напечатано в 1923 г. в книге «Седьмой съезд Российской Коммунистической партии. Стенографический отчет. 6—8 марта 1918 года»

Полностью напечатано в 1928 г. в книге «Протоколы съездов и конференций Всесоюзной коммунистической партии (б). — Седьмой съезд. Март 1918 года»

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 36, стр. 3—36, 40, 43—59, 69*

ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА НАШИХ ДНЕЙ ²⁷⁶

Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная
— Матушка-Русь! ²⁷⁷

История человечества проделывает в наши дни один из самых великих, самых трудных поворотов, имеющих необъятное — без малейшего преувеличения можно сказать: всемирно-освободительное — значение. От войны к миру; от войны между хищниками, посылающими на бойню миллионы эксплуатируемых и трудящихся ради того, чтобы установить новый порядок раздела награбленной сильнейшими из разбойников добычи, к войне угнетенных против угнетателей, за освобождение от ига капитала; из бездн страданий, мучений, голода, одичания к светлому будущему коммунистического общества, всеобщего благосостояния и прочного мира; — неудивительно, что на самых крутых пунктах столь крутого поворота, когда кругом с страшным шумом и треском надламывается и разваливается старое, а рядом в неописуемых муках рождается новое, кое у кого кружится голова, кое-кем овладевает отчаяние, кое-кто ищет спасения от слишком горькой подчас действительности под сенью красивой, увлекательной фразы.

России пришлось особенно отчетливо наблюдать, особенно остро и мучительно переживать наиболее крутые из крутых изломов истории, поворачивающей от империализма к коммунистической революции. Мы в несколько дней разрушили одну из самых старых, мощных, варварских и зверских монархий. Мы в несколько месяцев прошли ряд этапов соглашения с буржуазией, изживания мелкобуржуазных иллюзий, на что другие страны тратили десятилетия. Мы в несколько недель, свергнув буржуазию, победили ее открытое сопротивление в гражданской войне. Мы прошли победным триумфальным шествием большевизма из конца в конец

громадной страны. Мы подняли к свободе и к самостоятельной жизни самые низшие из угнетенных царизмом и буржуазией слоев трудящихся масс. Мы ввели и упрочили Советскую республику, новый тип государства, неизмеримо более высокий и демократический, чем лучшие из буржуазно-парламентарных республик. Мы установили диктатуру пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, и начали широко задуманную систему социалистических преобразований. Мы пробудили веру в свои силы и зажгли огонь энтузиазма в миллионах и миллионах рабочих всех стран. Мы бросили повсюду клич международной рабочей революции. Мы бросили вызов империалистским хищникам всех стран.

И в несколько дней нас бросил на землю империалистский хищник, напавший на безоружных. Он заставил нас подписать невероятно тяжелый и унижительный мир — дань за то, что мы посмели вырваться, хотя бы на самое короткое время, из железных тисков империалистической войны. Хищник давит и душит и рвет на части Россию с тем большим остервенением, чем более грозно встает перед ним призрак рабочей революции в его собственной стране.

Мы принуждены были подписать «Тильзитский» мир. Не надо самообманов. Надо иметь мужество глядеть прямо в лицо неприкрашенной горькой правде. Надо измерить целиком, до дна, всю ту пропасть поражения, расчленения, порабощения, унижения, в которую нас теперь толкнули. Чем яснее мы поймем это, тем более твердой, закаленной, стальной сделается наша воля к освобождению, наше стремление подняться снова от порабощения к самостоятельности, наша непреклонная решимость добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной.

Она может стать таковой, ибо у нас все же достаточно осталось простора и природных богатств, чтобы снабдить всех и каждого если не обильным, то достаточным количеством средств к жизни. У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция, — чтобы создать действительно могучую и обильную Русь.

Русь станет таковой, если отбросит прочь всякое уныние и всякую фразу, если, стиснув зубы, соберет все свои силы, если напряжет каждый нерв, натянет каждый мускул, если поймет, что спасение возможно *только* на том пути меж-

дународной социалистической революции, на который мы вступили. Идти вперед по этому пути, не падая духом от поражений, собирать камень за камушком прочный фундамент социалистического общества, работать, не покладая рук, над созданием дисциплины и самодисциплины, над укреплением везде и всюду организованности, порядка, деловитости, стройного сотрудничества всенародных сил, всеобщего учета и контроля за производством и распределением продуктов — таков путь к созданию мощи военной и мощи социалистической.

Недостойно настоящего социалиста, если ему нанесено тяжелое поражение, ни хорохориться, ни впадать в отчаяние. Неправда, будто у нас нет выхода и остается только выбирать между «бесславной» (с точки зрения шляхтича) смертью, каковой является тягчайший мир, и «доблестной» смертью в безнадежном бою. Неправда, будто мы предали свои идеалы или своих друзей, подписав «Тильзитский» мир. Мы ничего и никого не предали, ни одной лжи не освятили и не прикрыли, ни одному другу и товарищу по несчастью не отказались помочь всем, чем могли, всем, что было в нашем распоряжении. Полководец, который уводит в глубь страны остатки разбитой или заболевшей паническим бегством армии, который защищает это отступление, в случае крайности, тягчайшим и унижительнейшим миром, не совершает измены по отношению к тем частям армии, которым он помочь не в силах и которые отрезаны неприятелем. Такой полководец исполняет свой долг, выбирая единственный путь к спасению того, что можно еще спасти, не соглашаясь на авантюры, не прикрашивая перед народом горькой правды, «отдавая пространство, чтобы выиграть время», пользуясь *всякой*, хотя бы даже минимальной, передышкой, чтобы собрать силы, чтобы дать вздохнуть или полечиться армии, которая заболела разложением и деморализацией.

Мы подписали «Тильзитский» мир. Когда Наполеон I принудил Пруссию, в 1807 году, к Тильзитскому миру, завоеватель разбил все армии немцев, занял столицу и все крупные города, ввел свою полицию, принудил побежденных давать вспомогательные корпуса для ведения новых грабительских войн завоевателем, раздробил Германию, заключая с одними немецкими государствами союзы против других немецких государств. И тем не менее, даже после *такого* мира, немецкий народ устоял, сумел собраться с силами, сумел подняться и завоевать себе право на свободу и самостоятельность.

Для всякого, кто хочет думать и умеет думать, пример Тильзитского мира (который был лишь одним из многих тяжелых и унижительных договоров, навязывавшихся немцам в ту эпоху) показывает ясно, как ребячески наивна мысль, будто при всяких условиях тягчайший мир есть бездна гибели, а война — путь доблести и спасения. Эпохи войн учат нас, что мир играл нередко в истории роль передышки и собирания сил для новых битв. Тильзитский мир был величайшим унижением Германии и в то же время поворотом к величайшему национальному подъему. Тогда историческая обстановка не давала иного выхода этому подъему, кроме выхода к *буржуазному* государству. Тогда, сто с лишним лет тому назад, историю творили горстки дворян и кучки буржуазных интеллигентов при сонных и спящих массах рабочих и крестьян. Тогда история могла ползти в силу этого только с ужасающей медленностью.

Теперь капитализм поднял много и много выше культуру вообще, культуру масс в частности. Война встряхнула массы, разбудила их неслыханными ужасами и страданиями. Война подтолкнула историю, и она летит теперь с быстротой локомотива. Историю творят теперь самостоятельно миллионы и десятки миллионов людей. Капитализм дорос теперь до социализма.

И потому, если Россия идет теперь — а она бесспорно идет — от «Тильзитского» мира к национальному подъему, к великой отечественной войне, то выходом для этого подъема является не выход к буржуазному государству, а выход к международной социалистической революции. Мы оборонцы с 25 октября 1917 г. Мы за «защиту отечества», но та отечественная война, к которой мы идем, является войной за социалистическое отечество, за социализм, как отечество, за Советскую республику, как *отряд* всемирной армии социализма.

«Ненависть к немцу, бей немца» — таков был и остался лозунг обычного, т. е. буржуазного, патриотизма. А мы скажем: «Ненависть к империалистическим хищникам, ненависть к капитализму, смерть капитализму» и вместе с тем: «Учись у немца! Оставайся верен братскому союзу с немецкими рабочими. Они запоздали прийти на помощь к нам. Мы выиграем время, мы дождемся их, они *придут* на помощь к нам».

Да, учись у немца! История идет зигзагами и круговыми путями. Вышло так, что именно немец воплощает теперь, наряду с зверским империализмом, начало дисциплины, организации, стройного сотрудничества на основе

новейшей машинной индустрии, строжайшего учета и контроля.

А это как раз то, чего нам недостает. Это как раз то, чему нам надо научиться. Это как раз то, чего не хватает нашей великой революции, чтобы от победоносного начала прийти, через ряд тяжелых испытаний, к победному концу. Это как раз то, что требуется Российской Советской Социалистической Республике, чтобы перестать быть убогой и бессильной, чтобы бесповоротно стать могучей и обильной.

11 марта 1918 г.

*«Известия ВЦИК» № 46, 12 марта
1918 г.
Подпись: Н. Л е н и н*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 36, стр. 78—82*

IV ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ²⁷⁸

14—16 МАРТА 1918 г.

1

ДОКЛАД О РАТИФИКАЦИИ МИРНОГО ДОГОВОРА 14 МАРТА

Товарищи, нам приходится решать сегодня вопрос, который знаменует поворотный пункт в развитии русской и не только русской, а и международной революции, и для того, чтобы правильно решить вопрос о том тягчайшем мире, который заключили представители Советской власти в Брест-Литовске и который Советская власть предлагает утвердить, или ратифицировать, для того, чтобы правильно решить этот вопрос, более всего необходимым является для нас уразуметь исторический смысл того поворота, у которого мы стали, понять, в чем состояла главная особенность развития революции до сих пор и в чем состоит основная причина того тяжкого поражения и той эпохи тяжелых испытаний, которые мы пережили.

Мне кажется, что главным источником разногласий в среде советских партий²⁷⁹ по данному вопросу является именно то, что некоторые слишком поддаются чувству законного и справедливого негодования по поводу поражения Советской республики империализмом, слишком поддаются иногда отчаянию и, вместо того, чтобы учесть исторические условия развития революции, как они сложились перед настоящим миром и как они рисуются нам после мира, вместо этого пытаются ответить относительно тактики революции на основании непосредственного чувства. Между тем весь опыт всех историй революций учит нас, что, когда мы имеем дело со всяким массовым движением или с классовой борьбой, в особенности такой, как современная, развертывающейся не только на всем протяжении одной, хотя и громадной страны, а захватывающей все международные отношения, — в этом случае в основу своей тактики, прежде всего и больше всего, необходимо класть учет объективного поло-

жения, рассматривать аналитически, каков был ход революции до сих пор и почему он так грозно, так круто, так невыгодно для нас изменился.

Если мы посмотрим с этой точки зрения на развитие нашей революции, то мы ясно увидим, что до сих пор она переживала период сравнительной и в значительной мере кажущейся самостоятельности и временной независимости от международных отношений. Тот путь, которым шла наша революция с конца февраля 1917 г. до 11 февраля текущего года, когда началось немецкое наступление, — этот путь в общем и целом был путем легких и быстрых успехов. Если мы взглянем на развитие этой революции в международном масштабе, с точки зрения развития только русской революции, то мы увидим, что пережили за этот год три периода. Первый период, когда рабочий класс России вместе со всем, что было передовым, сознательным, подвижным в крестьянстве, поддержанный не только мелкой буржуазией, но и буржуазией крупной, в несколько дней смел монархию. Этот головокружительный успех объясняется тем, что русский народ, с одной стороны, из опыта 1905 года извлек гигантский запас революционной боеспособности, с другой стороны, тем, что Россия, как особенно отсталая страна, особенно пострадала от войны и особенно рано пришла в состояние полной невозможности продолжать эту войну при старом режиме.

За коротким бурным успехом, когда создалась новая организация, — организация Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, — последовали для нашей революции долгие месяцы переходного периода, — периода, когда власть буржуазии, сразу подорванная Советами, поддерживалась и укреплялась мелкобуржуазными соглашательскими партиями — меньшевиками и эсерами, поддерживавшими эту власть. Это была власть, поддерживавшая империалистскую войну, империалистские тайные договоры, кормившая рабочий класс обещаниями, власть, которая ровно ничего не делала, которая поддерживала разруху. В этот долгий для нас, для русской революции период скопляли свои силы Советы; это был долгий для русской революции период и короткий — с точки зрения международной, потому что в большинстве центральных стран период изживания мелкобуржуазных иллюзий, период переживания соглашательства различных партий, фракций, оттенков занимал не месяцы, а долгие, долгие десятилетия, — этот период, с 20 апреля и до возобновления империалистской войны Керенским в июне, носившим в кармане тайный империалистский договор, — имел

решающую роль. В этот период мы пережили июльское поражение, пережили корниловщину и только на опыте массовой борьбы, только тогда, когда широчайшие массы рабочих и крестьян не из проповеди, а из собственного опыта увидели всю тщету мелкобуржуазного соглашательства, — только тогда, после долгого политического развития, после долгой подготовки и перемены в настроении и взглядах партийных группировок создалась почва для Октябрьского переворота, и наступил третий период русской революции в ее первой, оторванной или временно отделенной от международной, полосе.

Этот третий период, октябрьский, период организации, наиболее трудный и в то же время период наиболее крупных и наиболее быстрых триумфов. С октября наша революция, отдавшая власть в руки революционного пролетариата, установившая его диктатуру, обеспечившая ему поддержку громадного большинства пролетариата и беднейшего крестьянства, с октября наша революция шла победным, триумфальным шествием. По всем концам России началась гражданская война в виде сопротивления эксплуататоров, помещиков и буржуазии, поддержанных частью империалистической буржуазии.

Началась гражданская война, и в этой гражданской войне силы противников Советской власти, силы врагов трудящихся и эксплуатируемых масс, оказались ничтожными; гражданская война была сплошным триумфом Советской власти, потому что у противников ее, у эксплуататоров, у помещиков и буржуазии, не было никакой, ни политической, ни экономической опоры, и их нападение разбилось. Борьба с ними соединяла в себе не столько военные действия, сколько агитацию; слой за слоем, массы за массами, вплоть до трудящегося казачества, отпадали от тех эксплуататоров, которые пытались вести ее от Советской власти.

Этот период победного, триумфального шествия диктатуры пролетариата и Советской власти, когда она привлекла на свою сторону безусловно, решительно и бесповоротно гигантские массы трудящихся и эксплуатируемых в России, ознаменовал собой последний и высший пункт развития русской революции, которая все это время шла как бы в независимости от международного империализма. Это было причиной, почему страна, наиболее отставшая и наиболее подготовленная к революции опытом 1905 года, так быстро, так легко, так планомерно выдвигала к власти один класс за другим, изживая отдельные политические составы, и наконец пришла к тому политическому составу, который

являлся последним словом не только русской революции, но и западноевропейских рабочих революций, ибо Советская власть упрочилась в России и приобрела бесповоротные симпатии трудящихся и эксплуатируемых, потому что уничтожила старый угнетательский аппарат государственной власти, потому что она в основе создала новый и высший тип государства, каким в зародыше была Парижская Коммуна, низвергнувшая старый аппарат и поставившая на его место непосредственно вооруженную силу масс, заменившая демократизм буржуазно-парламентарный демократизмом трудовых масс за исключением эксплуататоров и систематически подавлявшая их сопротивление.

Вот что сделала русская революция за этот период, вот почему сложилось в небольшом авангарде русской революции впечатление о том, что этот триумфальный ход, это быстрое шествие русской революции может рассчитывать на дальнейшую победу. И в этом состояла ошибка, потому что период, когда русская революция развивалась, передавая в России власть от одного класса к другому и изживая классовое соглашательство в пределах одной России, — этот период мог исторически существовать только потому, что величайшие гиганты хищников мирового империализма были временно приостановлены в своем наступательном движении против Советской власти. Революция, которая в несколько дней свергла монархию, в несколько месяцев исчерпала все попытки соглашательства с буржуазией и в несколько недель в гражданской войне победила всякое сопротивление буржуазии, — такая революция, революция социалистической республики, могла ужиться среди империалистических держав, в обстановке мировых хищников, рядом со зверями международного империализма лишь постольку, поскольку буржуазия, находясь в мертвой схватке борьбы друг с другом, была парализована в своем наступлении на Россию.

И вот начался тот период, который приходится так наглядно и так тяжело чувствовать, — период тягчайших поражений, тягчайших испытаний для русской революции, период, когда, вместо быстрого, прямого и открытого наступления на врагов революции, нам приходится испытывать тягчайшие поражения и отступать перед силой, неизмеримо большей, чем наша сила, — перед силой международного империализма и финансового капитала, перед силой военной мощи, которую вся буржуазия, с ее современной техникой, со всей организацией, сплотила против нас в интересах грабежа, угнетения и удушения мелких народностей; нам приходилось думать об уравнивании сил, нам пришлось

стать перед задачей неизмеримо трудной, нам пришлось видеть в прямой стычке не такого врага, как Романов и как Керенский, которые не могут быть взяты всерьез, — нам пришлось встретиться с силами международной буржуазии во всем ее военно-империалистическом могуществе, стать лицом к лицу с мировыми хищниками. И понятно, что, ввиду запоздания помощи со стороны международного социалистического пролетариата, нам пришлось принять на себя столкновение с этими силами и понести тягчайшее поражение.

И эта эпоха — эпоха тяжелых поражений, эпоха отступлений, эпоха, когда мы должны спасать хотя бы небольшую часть позиции, отступая перед империализмом, выжидая время, когда изменятся международные условия вообще, пока подспеют к нам те силы европейского пролетариата, которые имеются, которые зреют, которые не могли так легко, как мы, справиться со своим врагом, ибо было бы величайшей иллюзией и величайшей ошибкой забывать, что русской революции легко было начать и трудно делать дальнейшие шаги. Это неизбежно было так, потому что нам приходилось начать с самого гнилого, отсталого политического строя. Европейской революции приходится начать с буржуазии, приходится иметь дело с врагом, неимоверно более серьезным, в условиях, неизмеримо более тяжелых. Европейской революции будет неизмеримо труднее начаться. Мы видим, что ей неизмеримо труднее проломить первую брешь в том строе, который ее давит. Ей будет гораздо легче войти во вторую и третью ступень своей революции. И не может быть иначе в силу того соотношения сил между революционными классами и реакционными, которое имеется в настоящее время на международной арене. Вот тот основной поворот, который постоянно упускается из виду людьми, смотрящими на теперешнее положение, на необычайно тяжелое положение революции не с точки зрения исторической, а с точки зрения чувства и возмущения. И опыт истории говорит нам, что всегда, во всех революциях, — в течение такого периода, когда революция переживала крутой перелом и переход от быстрых побед к периоду тяжелых поражений, — наступал период псевдореволюционной фразы, всегда приносившей величайший вред развитию революции. И вот, товарищи, лишь тогда, если мы поставим своей задачей учесть тот перелом, который бросил нас от быстрых, легких и полных побед к тяжелым поражениям, лишь тогда мы в состоянии будем правильно оценить нашу тактику. Вопрос этот, — неизмеримо трудный, неизмеримо тяжелый вопрос, — который представляет из себя результат переломного пункта

в развитии в настоящее время революции, — от легких побед внутри к необычайно тяжелым поражениям извне, — и переломный пункт во всей международной революции, от эпохи пропагандистско-агитационной деятельности русской революции при выжидательном положении империализма, от той эпохи — к наступательным действиям империализма против Советской власти, ставит особенно тяжело и особенно остро вопрос перед всем международным западноевропейским движением. Если мы не забудем этого исторического момента, нам нужно будет разобраться в том, как сложился основной круг интересов России в вопросе о теперешнем, тягчайшем, так называемом похабном мире.

Мне случалось не раз в полемике против тех, кто отказывался от необходимости принять этот мир, мне случалось не раз встречать указания на то, что точка зрения подписания мира выражает будто бы собою интересы только усталых крестьянских масс, деклассированных солдат, и так далее, и тому подобное. И я всегда по поводу таких ссылок и таких указаний удивлялся тому, как забывают товарищи классовый масштаб национального развития, — люди, исключительно подыскивающие свои объяснения. Как будто партия пролетариата, бравшая власть, заранее не рассчитывала на то, что только союз пролетариата и полупролетариата, т. е. беднейшего крестьянства, т. е. большинства крестьянства России, что только подобный союз в состоянии дать власть в России революционной власти Советов — большинства, настоящего большинства народа, — что без этого бессмысленна всякая попытка установить власть, особенно в трудные повороты истории. Как будто бы можно было теперь отделаться от этой всеми нами признанной истины и обойтись презрительным упоминанием насчет усталого состояния крестьян и деклассированных солдат. Относительно усталого состояния крестьянства и деклассированных солдат мы должны сказать, что страна допустит сопротивление, что беднейшее крестьянство лишь в тех пределах может пойти к сопротивлению, в каких это беднейшее крестьянство способно направить свои силы на борьбу.

Когда мы брали власть в октябре, ясно было, что ход событий приходит к этому с неизбежностью, что поворот к большевизму Советов означает поворот во всей стране, что власть большевизма неизбежна. Когда мы, сознавая это, шли на взятие власти в октябре, мы совершенно ясно и отчетливо говорили себе и всему народу, что это переход власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства, что пролетариат знает, что крестьянство его поддержит, а в чем, — вы сами

знаете: в его активной борьбе за мир, в его готовности продолжать дальнейшую борьбу против крупного финансового капитала. В этом мы не ошибаемся, и никто не может, оставаясь сколько-нибудь в пределах классовых сил и классовых отношений, отвлекаясь от той несомненной истины, что мы не можем спрашивать от мелкокрестьянской страны, давшей так много и для европейской и для международной революции, вести борьбу при условии того тяжелого и самого тяжелого условия, когда помощь со стороны западноевропейского пролетариата, несомненно, идет к нам, — это доказали факты, забастовки и т. д., — но когда помощь эта, идущая к нам, несомненно, запоздала. Вот почему я говорю, что подобного рода ссылки на усталость крестьянских масс и т. д. представляют из себя просто результат отсутствия доводов и полной беспомощности тех, кто к этим доводам прибегает, полное отсутствие у них всякой возможности охватить все классовые отношения в целом, в их общем масштабе — революции пролетариата и крестьянства в его массе; только тогда, если мы при каждом крутом повороте истории оцениваем соотношение классов в целом, всех классов, а не выбираем отдельные примеры и отдельные казусы; только тогда мы чувствуем себя стоящими прочно на анализе вероятных фактов. Я вполне понимаю, что русская буржуазия теперь толкает нас на революционную войну тогда, когда она для нас совершенно невозможна. Этого требуют классовые интересы буржуазии.

Когда они только кричат: похабный мир, ни слова не говоря о том, кто довел армию до этого положения, я вполне понимаю, что это буржуазия с делонародовцами, меньшевиками-церетелевцами, черновцами и их подголосками (а п л о д и с м е н т ы), я вполне понимаю, что это буржуазия кричит о революционной войне. Этого требуют ее классовые интересы, этого требуют ее стремления к тому, чтобы Советская власть сделала фальшивый ход. Это понятно от людей, которые, с одной стороны, наполняют страницы своих газет контрреволюционными писаниями... (Г о л о с а: «Закрыли все».) Еще, к сожалению, не все, но закроем все. (А п л о д и с м е н т ы.) Хотел бы я посмотреть на тот пролетариат, который позволит контрреволюционерам, сторонникам буржуазии и соглашателям с ней, продолжать использовать монополию богатств для одурманивания народа своим, буржуазным опиумом. Такого пролетариата не было. (А п л о д и с м е н т ы.)

Я совершенно понимаю, что со страниц подобных изданий несется сплошной вой, вопль и крик против похабного мира,

я совершенно понимаю, что за эту революционную войну стоят люди, которые в то же время, от кадетов до правых эсеров, встречают немцев при их наступлении и торжественно говорят: вот немцы, и пускают своих офицеров гулять с погонями в местностях, занятых нашествием германского империализма. Да, от таких буржуа, от таких соглашателей меня несколько не удивляет проповедь революционной войны. Они хотят, чтобы Советская власть попала в западню. Они показали себя, эти буржуа и эти соглашатели. Мы их видели и видим живьем, мы знаем, что вот в Украине украинские Керенские, украинские Черновы и украинские Церетели, — вот они, господа Винниченки. Эти господа, украинские Керенские, Черновы, Церетели, скрыли от народа тот мир, который они заключили с германскими империалистами, и теперь, при помощи германских штыков, пытаются свергнуть Советскую власть на Украине. Вот что сделали те буржуа и те соглашатели и их единомышленники. (Аплодисменты.) Вот что сделали эти украинские буржуа и соглашатели, пример которых стоит перед нами воочию, которые скрыли и скрывают от народа свои тайные договоры, которые с немецкими штыками идут против Советской власти. Вот чего хочет русская буржуазия, вот куда толкают сознательно или бессознательно подголоски буржуазии Советскую власть: они знают, что принять империалистскую войну с могучим империализмом она сейчас никак не может. Вот почему лишь в этой международной обстановке, лишь в этой общей классовой обстановке мы поймем всю глубину ошибки тех, кто, подобно партии левых эсеров, дал себя увлечь теорией, обычной во всех историях революций в тяжелые моменты и состоящей наполовину из отчаяния, наполовину из фразы, когда, вместо того чтобы трезво взглянуть на действительность и оценить с точки зрения классовых сил задачи революции по отношению к внутренним и внешним врагам, вас призывают решать серьезный и тягчайший вопрос под давлением чувства, только с точки зрения чувства. Мир невероятно тяжел и позорен. Мне самому случалось не раз в своих заявлениях и в речах называть его Тильзитским миром, который завоеватель Наполеон навязал прусскому и германскому народам после ряда тягчайших поражений. Да, этот мир представляет из себя тягчайшее поражение и унижает Советскую власть, но, если вы, из этого исходя, этим ограничиваясь, апеллируете к чувству, возбуждаете негодование, пытаетесь решить величайший исторический вопрос, вы впадаете в то смешное и жалкое положение, в котором однажды была вся партия эсеров (аплодисменты), когда

в 1907 году, при ситуации, несколько схожей в известных чертах, она равным образом апеллировала к чувству революционера, когда, после тягчайшего поражения нашей революции в 1906 и 1907 году, Столыпин предписал нам законы о третьей Думе, — позорнейшие и тягчайшие условия работы в одном из самых гнусных представительных учреждений, когда наша партия, после небольшого колебания внутри себя (колебаний по этому вопросу было больше, чем теперь), решила вопрос так, что мы не имеем права поддаваться чувству, что, как ни велико наше возмущение и негодование против позорнейшей третьей Думы, а мы должны признать, что тут не случайность, а историческая необходимость развивающейся классовой борьбы, у которой дальше не хватило сил, которая их соберет даже в этих позорных условиях, которые были предписаны. Мы оказались правы. Те, которые пытались увлечь революционной фразой, увлечь справедливостью, поскольку она выражала чувство трижды законное, те получили урок, который не будет забыт ни одним думающим и мыслящим революционером.

Революции не идут так гладко, чтобы обеспечить нам быстрый и легкий подъем. Не было ни одной великой революции, даже в рамках национальных, которая не переживала бы тяжелого периода поражений, и нельзя к серьезному вопросу массовых движений, развивающихся революций относиться так, чтобы, объявляя мир похабным, унижительным, революционер не мог с ним помириться; недостаточно привести агитационные фразы, осыпать нас порицаниями по поводу этого мира, — это заведомая азбука революции, это заведомый опыт всех революций. Наш опыт с 1905 года, — а если мы чем богаты, если благодаря чему-нибудь пришлось русскому рабочему классу и беднейшему крестьянству взять на себя труднейшую и почетнейшую роль начала международной социалистической революции, так именно потому, что русскому народу удалось, благодаря особому стечению исторических обстоятельств, в начале XX века проделать две великие революции, — то надо учиться опыту этих революций, надо уметь понять, что, лишь принимая во внимание изменения соотношений классовых связей одного государства с другим, можно установить заведомо, что мы не в состоянии принять бой сейчас; мы должны считаться с этим, сказать себе: какова бы ни была передышка, как бы ни был непрочен, как бы ни был короток, тяжел и унижителен мир, он лучше, чем война, ибо он дает возможность вздохнуть народным массам, потому что он дает возможность поправить то, что сделала буржуазия, которая теперь

кричит везде, где имеет возможность кричать, особенно под защитой немцев в занятых областях. (Аплодисменты.)

Буржуазия кричит о том, что ведь большевики разложили армию, что армии нет и в этом виноваты большевики, но посмотрим на прошлое, товарищи, посмотрим, прежде всего, на развитие нашей революции. Разве вы не знаете, что бегство и разложение нашей армии началось задолго до революции, еще в 1916 году, что всякий, кто видел армию, должен это признать? И что же сделала наша буржуазия, чтобы предотвратить это? Разве не ясно, что единственный шанс на спасение от империалистов был тогда в ее руках, что этот шанс представлялся в марте — апреле, когда советские организации могли взять власть простым движением руки против буржуазии. И если бы тогда Советы взяли власть, если бы буржуазная интеллигенция и мелкобуржуазная, с эсерами и меньшевиками, вместо того, чтобы помогать Керенскому обманывать народ, прятать тайные договоры и вести армию в наступление, если бы она тогда пришла на помощь армии, снабдив ее вооружением, продовольствием, заставив буржуазию помогать отечеству при содействии всей интеллигенции, не отечеству торгашей, не отечеству договоров, помогающих истреблять народ (аплодисменты), если бы Советы, заставив буржуазию помогать отечеству трудящихся, рабочих, помогли раздетой, разутой, голодной армии, — только тогда мы имели бы, может быть, десятимесячный период, достаточный, чтобы дать армии вздохнуть и дать единодушную поддержку, чтобы она, ни на шаг не отступая с фронта, предлагала всеобщий демократический мир, разорвав тайные договоры, но держалась на фронте, не отступая ни на шаг. Вот в чем был шанс на мир, который рабочие и крестьяне давали и одобряли. Это тактика защиты отечества, не отечества Романовых, Керенских, Черновых, отечества с тайными договорами, отечества продажной буржуазии, а отечества трудящихся масс. Вот кто привел к тому, что переход от войны к революции и от русской революции к международному социализму проходит с такими тяжелыми испытаниями. Вот почему такой пустой фразой звучит такое предложение, как революционная война, когда мы знаем, что армии у нас нет, когда мы знаем, что удержать армию было невозможно, и люди, знакомые с делом, не могли не видеть, что наш указ о демобилизации не выдуман, а что он является результатом очевидной необходимости, простой невозможности удержать армию. Удержать армию было нельзя. И прав оказался тот офицер, не большевик, который говорил

еще до октябрьского переворота, что армия воевать не может и не будет²⁸⁰. Вот к чему привели месяцы торговли с буржуазией и все речи о необходимости продолжения войны; какими бы благородными чувствами они ни диктовались со стороны многих революционеров, или немногих революционеров, они оказались пустыми революционными фразами, отдающими себя на посягательства международного империализма, чтобы он ограбил еще столько и еще больше, как он уже успел сделать после нашей тактической или дипломатической ошибки — после неподписания Брестского договора. Когда мы говорили противникам подписания мира: если бы передышка была сколько-нибудь продолжительна, вы поняли бы, что интересы оздоровления армии, интересы трудящихся масс стоят выше всего и что мир должен быть заключен ради этого, — они утверждали, что передышки быть не может.

Но наша революция отличалась от всех предыдущих революций именно тем, что она подняла жажду строительства и творчества в массах, когда трудящиеся массы в самых захолустных деревнях, приниженные, задавленные, угнетавшиеся царями, помещиками, буржуазией, поднимаются, и этот период революции завершается только теперь, когда происходит деревенская революция, которая строит жизнь по-новому. И ради этой передышки, как бы она ни была непродолжительна и мала, мы обязаны, если мы ставим интересы трудящихся масс выше интересов буржуазных вояк, которые машут саблями и призывают нас на бой, мы обязаны были подписать этот договор. Вот чему учит революция. Революция учит, что, когда мы делаем дипломатические ошибки, когда мы полагаем, что немецкие рабочие придут к нам завтра на помощь, в надежде, что Либкнехт победит сейчас (а мы знаем, что так или иначе Либкнехт победит, это неизбежно в развитии рабочего движения (а п л о д и с м е н т ы)), это значит, что, в увлечении, революционные лозунги трудного социалистического движения превращаются в фразу. И ни один представитель трудящихся, ни один честный рабочий не откажется принести величайшую жертву для помощи социалистическому движению Германии, потому что за все это время на фронте он научился различать между германскими империалистами и измученными немецкой дисциплиной солдатами, по большей части нам сочувствующими. Вот почему я говорю, что русская революция практически исправила нашу ошибку, исправила ее этой передышкой. По всей вероятности, она будет очень непродолжительна, но мы имеем возможность хотя бы кратчайшей передышки, чтобы

армия, которая измучена, изголодалась, прониклась сознанием того, что она получила возможность передохнуть. Для нас ясно, что период старых империалистских войн окончился и грозят новые ужасы начала новых войн, но периоды таких войн были во многих исторических эпохах, причем наибольшее обострение они приобретали перед их окончанием. И нужно, чтобы это поняли не только на митингах в Петрограде и Москве; надо, чтобы поняли это в деревнях многие десятки миллионов, чтобы возвратившаяся с фронта наиболее просвещенная часть деревни, которая пережила все ужасы войны, помогла это понять и громадная масса крестьян и рабочих убедилась в необходимости революционного фронта и сказала, что мы поступили правильно.

Нам говорят, что мы предали Украину и Финляндию, — о, какой позор! Но произошло такое положение, что мы отрезаны от Финляндии, с которой мы заключали раньше молчаливый договор до начала революции и заключили теперь формальный²⁸¹. Говорят, что мы отдаем Украину, которую идут губить Чернов, Керенский и Церетели; нам говорят: предатели, вы предали Украину! Я говорю: товарищи, я достаточно видывал виды в истории революции, чтобы меня могли смутить враждебные взгляды и крики людей, которые отдаются чувству и не могут рассуждать. Я вам приведу простой пример. Представьте, что два приятеля идут ночью, и вдруг на них нападают десять человек. Если эти негодяи отрезают одного из них, — что другому остается? — броситься на помощь он не может; если он бросится бежать, разве он предатель? * А представьте, что речь идет не о личностях или областях, в которых решаются вопросы непосредственного чувства, а встречаются пять армий по сто тысяч человек, которые окружают армию в двести тысяч человек, а другая армия должна идти к ней на помощь. Но если эта армия знает, что она наверное попадет в ловушку, она должна отступить; она не может не отступить, хотя бы даже для прикрытия отступления понадобилось подписать похабный, поганый мир, — как угодно ругайте, а все же подписать его необходимо. Нельзя считаться с чувством дуэлянта, который вынимает шпагу и говорит, что я должен умереть, потому что меня заставляют заключить унижительный мир. Но мы все знаем, что как ни решайте, а армии у нас нет, и никакие жесты не спасут нас от необходимости отступить и выиграть время, чтобы армия могла вздохнуть, и с этим

* См. также настоящий том, стр. 551. *Ред.*

согласится всякий, кто смотрит на действительность, а не обманывает себя революционной фразой. Это должен знать всякий, кто смотрит на действительность, не обманывая себя фразами и фанабериями.

Если мы знаем это, — наш революционный долг подписать хотя и тяжелый, архитяжелый и насильнический договор, ибо мы этим достигнем лучшего положения и для нас и для наших союзников. Мы потеряли разве, что мы подписали 3 марта мирный договор? Всякий, кто пожелает взглянуть на вещи с точки зрения массовых отношений, а не с точки зрения дворянчика-дуэлянта, тот поймет, что, не имея армии или имея заболевший остаток армии, принимать войну, называть эту войну революционной есть самообман, есть величайший обман народа. Наш долг сказать правду народу: да, мир тягчайший, Украина и Финляндия гибнут, но мы должны идти на этот мир, и на него пойдет вся сознательная трудовая Россия, потому что она знает неприкрашенную правду, она знает, что такое война, она знает, что ставить на карту все, считаясь с тем, что сейчас вспыхнет немецкая революция, есть самообман. Подписав мир, мы получили то, что наши финляндские друзья получили от нас, — передышку, помощь, а не гибель.

Я знаю примеры в истории народов, когда подписывался гораздо более насильнический мир, когда мир этот отдавал на милость победителя жизнеспособные народы. Сравним этот наш мир с миром Тильзитским; Тильзитский мир был навязан победоносным завоевателем Пруссии и Германии. Этот мир был настолько тяжел, что не только были захвачены все столицы всех германских государств, не только были отброшены пруссаки к Тильзиту, что равносильно тому, если бы нас отбросили к Омску или Томску. Мало того, — наибольший ужас заключался в том, что Наполеон заставил побежденные народы давать вспомогательные войска для своих войн, и, когда, тем не менее, обстановка сложилась так, что немецким народам приходилось вынести натиск завоевателя, когда эпоха революционных войн Франции сменилась эпохой империалистских завоевательных войн, тогда ясно обнаружилось то, чего не хотят понять увлеченные фразой люди, которые изображают подписание мира, как падение. С точки зрения дворянчика-дуэлянта эта психология понятна, но не с точки зрения рабочего и крестьянина. Последний проделал тяжелую школу войны, и он научился считать. Бывали испытания и тяжелее, и выходили из них народы более отсталые. Бывал заключаем мир и более тяжелый, и заключаем немцами в эпоху, когда они не имели

армии, или их армия бывала больна, как больна наша армия. Они заключили тягчайший мир с Наполеоном. И этот мир не был падением Германии, — наоборот, он явился поворотным пунктом, национальной защитой и подъемом. И мы стоим накануне такого поворотного пункта, и мы переживаем условия аналогичные. Надо смотреть правде в лицо и гнать от себя фразу и декламацию. Надо говорить, что если это нужно, то мир необходимо заключить. Война освободительная, война классовая, война народная займет место наполеоновской. Система наполеоновских войн изменится, мир будет сменять войну, война сменять мир, и из каждого нового тягчайшего мира всегда вытекала более широкая подготовка к войне. Самый тяжелый из мирных договоров — Тильзитский — вошел в историю, как поворотный пункт к тому времени, когда у немецкого народа начался поворот, когда он отступал до Тильзита, до России, а на самом деле выигрывал время, выжидал, когда международная ситуация, позволившая одно время восторжествовать Наполеону, такому же грабителю, как теперь Гогенцоллерн, Гинденбург, пока эта ситуация не изменилась, пока не оздоровилось сознание измученного десятилетними наполеоновскими войнами и поражениями немецкого народа, и пока он снова не воскрес к новой жизни. Вот чему учит нас история, вот почему преступны всякое отчаяние и фраза, вот почему всякий скажет: да, старые империалистические войны кончаются. Исторический поворот наступил.

С октября наша революция была сплошным триумфом, а теперь начались долгие и трудные времена, мы не знаем, какие долгие, но знаем, что это долгий и трудный период поражений и отступлений, потому что таково соотношение сил, потому что отступлением мы дадим народу отдохнуть. Дадим возможность, чтобы каждый рабочий и крестьянин понял ту правду, которая даст ему возможность понять, что наступают новые войны империалистов-хищников против угнетенных народов, когда рабочий и крестьянин поймет, что мы должны встать на защиту отечества, ибо мы с октября стали оборонцами. С 25 октября мы сказали открыто, что мы за защиту отечества, ибо у нас есть это отечество, из которого мы изгнали Керенских и Черновых, ибо мы тайные договоры уничтожили, мы буржуазию подавили, пока еще плохо, но мы научимся делать это лучше.

Товарищи, есть еще более важное различие между состоянием русского народа, потерпевшего тягчайшие поражения от завоевателей Германии, и народом немецким, есть

величайшее различие, о котором надо сказать, хотя я говорил о нем вкратце в предыдущей части своей речи. Товарищи, когда немецкий народ сто с лишком лет тому назад попал в период тягчайших завоевательных войн, в период, когда он должен был отступать и подписывать один позорный мир за другим, прежде чем немецкий народ проснулся, — тогда дело обстояло так, немецкий народ был только слабым и отсталым, — только таким. Против него стояла не только военная сила и мощь завоевателя Наполеона, против него стояла страна, которая была выше его в отношении революционном и политическом, выше Германии во всех отношениях, которая поднялась неизмеримо выше других стран, которая сказала последнее слово. Она была неизмеримо выше народа, который прозябал в подчинении империалистов и помещиков. Народ, который был, повторяю, только слабым и отсталым народом, он сумел научиться из горьких уроков и подняться. Мы в лучшем положении: мы не только слабый и не только отсталый народ, мы тот народ, который сумел, — не благодаря особым заслугам или историческим предначертаниям, а благодаря особому сцеплению исторических обстоятельств, — сумел взять на себя честь поднять знамя международной социалистической революции. (Аплодисменты.)

Я прекрасно знаю, товарищи, и я прямо говорил не раз, что это знамя в слабых руках, и его не удержат рабочие самой отсталой страны, пока не придут рабочие всех передовых стран им на помощь. Те социалистические преобразования, которые мы совершили, они во многом несовершенны, слабы и недостаточны: они будут указанием западноевропейским передовым рабочим, которые скажут себе: «русские начали не так то дело, которое нужно было начать», но важно то, что наш народ по отношению к немецкому народу не только слабый и не только отсталый народ, а народ, поднявший знамя революции. Если буржуазия какой угодно страны наполняет все столбцы своих изданий клеветами на большевиков, если в этом отношении сливаются голоса печати империалистов Франции, Англии, Германии и т. д., понося большевиков, то нет ни одной страны, где можно было бы собрать заседание рабочих и где имена и лозунги нашей социалистической власти вызывали бы взрывы негодования. (Голос: «Ложь».) Нет, не ложь, а правда, и всякий, кто бывал в Германии, в Австрии, в Швейцарии и Америке в последние месяцы, вам скажет, что это не ложь, а правда, что величайший энтузиазм встречают среди рабочих имена и лозунги

представителей Советской власти в России, что, вопреки всякой лжи буржуазии Германии, Франции и т. д., рабочие массы поняли, что как мы ни слабы, а здесь, в России, делается их дело. Да, наш народ должен вынести тягчайшую ношу, которую он взвалил на себя, но народ, сумевший создать Советскую власть, не может погибнуть. И я повторяю: ни один сознательный социалист, ни один думающий над историей революции рабочий не может оспорить того, что, при всех недостатках Советской власти, — которые я слишком знаю и превосходно оцениваю, — что Советская власть является высшим типом государства, прямым продолжением Парижской Коммуны. Она поднялась на ступень вперед остальных европейских революций, и поэтому мы не стоим в столь тяжелых условиях, как немецкий народ сто лет тому назад; изменение в этом отношении сил между грабителями и использование конфликта и удовлетворение требований грабителя Наполеона, грабителя Александра I, грабителей английской монархии — только это оставалось тогда, как единственный шанс, угнетенным крепостным правом, и, тем не менее, немецкий народ не пал от Тильзитского мира. А мы, я повторяю, находимся в лучших условиях, так как у нас есть величайший союзник во всех западноевропейских странах — международный социалистический пролетариат, который с нами, что бы ни говорили наши противники. (Аплодисменты.) Да, этому союзнику не легко поднять свой голос, как не легко было сделать это нам до конца февраля 1917 года. Этот союзник живет в подполье, в условиях военно-каторжной тюрьмы, в которую превращены все империалистические страны, но он знает нас и понимает наше дело; ему трудно двинуться к нам на помощь, поэтому советским войскам нужно много времени и много терпения и тяжелых испытаний, чтобы дождаться того времени, — мы будем сберегать малейшие шансы на то, чтобы оттянуть время, ибо время работает за нас. Наше дело крепнет, силы империалистов слабеют, и, каковы бы ни были испытания и поражения от «тильзитского» мира, мы начинаем тактику отступления, и, повторяю еще раз: нет сомнений, что как сознательный пролетариат, так и сознательные крестьяне за нас, и мы сумеем не только героически наступать, а и героически отступать и подождем, когда международный социалистический пролетариат придет на помощь, и начнем вторую социалистическую революцию уже в мировом масштабе. (Аплодисменты.)

РЕЗОЛЮЦИЯ О РАТИФИКАЦИИ БРЕСТСКОГО ДОГОВОРА

Съезд утверждает (ратифицирует) мирный договор, заключенный нашими представителями в Брест-Литовске 3-го марта 1918 года.

Съезд признает правильным образ действий ЦИК и Совета Народных Комиссаров, постановивших заключить данный, невероятно тяжелый, насильственный и унижительный мир, ввиду неимения нами армии и крайнего истощения войною сил народа, получавшего от буржуазии и буржуазной интеллигенции не поддержку в его бедствиях, а корыстно-классовое использование их.

Съезд признает также безусловно правильным образ действий мирной делегации, которая отказалась войти в подробное обсуждение германских условий мира, ибо эти условия навязаны нам явным ультиматумом и неприкрытым насилием.

Съезд самым настойчивым образом выдвигает перед всеми рабочими, солдатами и крестьянами, перед всеми трудящимися и угнетенными массами самую главную, очередную и неотложную задачу текущего момента — повышение дисциплины и самодисциплины трудящихся, создание везде и повсюду крепких и стройных организаций, охватывающих, по возможности, все производство и все распределение продуктов, беспощадную борьбу с тем хаосом, дезорганизацией, разрухой, которые исторически неизбежны как наследие мучительнейшей войны, но которые в то же время являются первейшей помехой делу окончательной победы социализма и упрочения основ социалистического общества.

Теперь, после октябрьского переворота, после свержения политической власти буржуазии в России, после разрыва и опубликования нами всех тайных империалистических договоров, после аннулирования иностранных займов, после предложения рабочим и крестьянским правительством справедливого мира всем без изъятия народам, Россия, вырвавшись из тисков империалистической войны, вправе заявить, что она не участвует в ограблении и подавлении чужих стран.

Российская Советская Федеративная Республика отныне, единодушно осуждая грабительские войны, признает свое право и свою обязанность защиты социалистического отечества против всех возможных нападений со стороны любой из империалистических держав.

Съезд признает поэтому безусловным долгом всех трудящихся масс напрячь все силы для воссоздания и повышения обороноспособности нашей страны, для воссоздания ее военной мощи на началах социалистической милиции и всеобщего обучения всех подростков и взрослых граждан обоего пола военным знаниям и военному делу.

Съезд выражает непреклонную уверенность, что Советскою властью, которая стойко выполняла все обязанности международной солидарности рабочих всех стран в их борьбе против ига капитала за социализм, будет делаться и впредь все, что в наших силах, для содействия международному социалистическому движению, для обеспечения и ускорения пути, ведущего человечество к избавлению от ига капитала и от наемного рабства, к созданию социалистического общества и прочного, справедливого мира между народами.

Съезд глубочайше убежден, что международная рабочая революция не за горами и что полная победа социалистического пролетариата обеспечена, несмотря на то, что империалисты всех стран не останавливаются перед самыми зверскими средствами подавления социалистического движения.

*Резолюция написана 13 или 14 марта
1918 г.*

Напечатано: доклад о ратификации мирного договора — 16 и 17 (3 и 4) марта 1918 г. в газете «Правда» («Социал-Демократ») №№ 47 и 48; резолюция о ратификации Брестского договора — 16 (3) марта 1918 г. в газете «Правда» («Социал-Демократ») № 47

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 36, стр. 92—111, 122—123*

ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ²⁸²**МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИЙСКОЙ
СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Благодаря достигнутому миру, — несмотря на всю его тягостность и всю его непрочность, — Российская Советская республика получает возможность на известное время сосредоточить свои силы на важнейшей и труднейшей стороне социалистической революции, именно — на задаче организационной.

Эта задача ясно и точно поставлена перед всеми трудящимися и угнетенными массами в 4-м абзаце (4-й части) резолюции, принятой 15 марта 1918 года на московском Чрезвычайном съезде Советов, — в том же абзаце (или в той же части) резолюции, где говорится о самодисциплине трудящихся и о беспощадной борьбе с хаосом и дезорганизацией*.

Непрочность достигнутого Российской Советской республикой мира обуславливается, конечно, не тем, чтобы она помышляла теперь о возобновлении военных действий; — кроме буржуазных контрреволюционеров и их подголосков (меньшевиков и проч.), ни один вменяемый политик не думает об этом. Непрочность мира обуславливается тем, что в граничащих с Россией с запада и с востока империалистских государствах, обладающих громадной военной силой, может взять верх с минуты на минуту военная партия, соблазненная моментальной слабостью России и подталкиваемая ненавидящими социализм и охочими до грабежа капиталистами.

При таком положении дела, реальной, не бумажной, гарантией мира для нас является исключительно рознь между империалистскими державами, достигшая высших пределов и проявляющаяся, с одной стороны, в возобновлении

* См. настоящий том, стр. 590. *Ред.*

1

Тезисы о задачах Советской власти
в настоящий момент.

Мандатное положение Российской Советской Республики — основа нашей государственной политики.

1. Благодаря достижению ^{своей} миротворческой миссии, — кесмодра ко
виз его ¹ ~~революции~~ — во его ² ~~капитализм~~, ³ ~~со~~ ⁴ ~~росий-~~
ская советская республика ⁵ ~~поиску~~ ⁶ ~~визитации~~
на ⁷ ~~уверное~~ ⁸ ~~время~~ ⁹ ~~содержание~~ ¹⁰ ~~свои~~ ¹¹ ~~смысл~~ ¹² ~~на~~
¹³ ~~важнейшей~~ ¹⁴ ~~дороге~~ ¹⁵ ~~и~~ ¹⁶ ~~труднейшей~~ ¹⁷ ~~социально-~~
¹⁸ ~~ческой~~ ¹⁹ ~~революции~~; ²⁰ ~~и~~ ²¹ ~~и~~ ²² ~~на~~ ²³ ~~задачу~~ ²⁴ ~~органи-~~
²⁵ ~~зации~~.

Эта задача ²⁶ ~~яко~~ ²⁷ ~~«~~ ²⁸ ~~точно~~ ²⁹ ~~поставлена~~ ³⁰ ~~перед~~
³¹ ~~нами~~ ³² ~~трудящимися~~ ³³ ~~и~~ ³⁴ ~~упреждающими~~ ³⁵ ~~массами~~ ³⁶ ~~в~~
³⁷ ~~4-ой~~ ³⁸ ~~адап~~ ³⁹ ~~(4-ой~~ ⁴⁰ ~~части)~~ ⁴¹ ~~революции~~, ⁴² ~~принятой~~ ⁴³ ~~Н. Д.~~
⁴⁴ ~~1918 г.~~ ⁴⁵ ~~на~~ ⁴⁶ ~~московском~~ ⁴⁷ ~~трудовой~~ ⁴⁸ ~~съезде~~ ⁴⁹ ~~советов~~, —
⁵⁰ ~~в~~ ⁵¹ ~~7-ой~~ ⁵² ~~адап~~ ⁵³ ~~(или~~ ⁵⁴ ~~в~~ ⁵⁵ ~~7-ой~~ ⁵⁶ ~~части)~~ ⁵⁷ ~~революции~~, ⁵⁸ ~~где~~ ⁵⁹ ~~глаго-~~
⁶⁰ ~~лится~~ ⁶¹ ~~«~~ ⁶² ~~самодисциплина~~ ⁶³ ~~трудящихся~~ ⁶⁴ ~~и~~ ⁶⁵ ~~о~~ ⁶⁶ ~~бурж.~~
⁶⁷ ~~уядной~~ ⁶⁸ ~~борьбы~~ ⁶⁹ ~~с~~ ⁷⁰ ~~хаосом~~ ⁷¹ ~~и~~ ⁷² ~~деорганизацией~~.

Первая страница рукописи В. И. Ленина
«Тезисы о задачах Советской власти в настоящий момент». —
Апрель 1918 г.

Уменьшено

империалистской бойни народов на Западе, а с другой стороны — в крайне обостренном империалистическом соревновании Японии и Америки из-за господства над Великим океаном и его побережьем.

Понятно, что, защищенная столь шаткой охраной, наша Советская социалистическая республика находится в чрезвычайно непрочном, безусловно критическом международном положении. Необходимо крайнее напряжение всех наших сил, чтобы использовать предоставленную нам стечением обстоятельств передышку для излечения тягчайших ран, нанесенных всему общественному организму России войной, и для экономического подъема страны, без чего не может быть и речи о сколько-нибудь серьезном повышении обороноспособности.

Понятно также, что серьезное содействие запоздавшей, в силу ряда причин, социалистической революции на Западе мы окажем лишь в той мере, в какой сумеем решить поставленную перед нами организационную задачу.

Основным условием успешного разрешения стоящей перед нами в первую очередь организационной задачи является полное усвоение политическими руководителями народа, т. е. членами Российской коммунистической партии (большевиков), а затем и всеми сознательными представителями трудящихся масс, коренного различия между прежними буржуазными и настоящей социалистической революцией в рассматриваемом отношении.

В буржуазных революциях главная задача трудящихся масс состояла в выполнении отрицательной или разрушительной работы уничтожения феодализма, монархии, средневековья. Положительную или созидательную работу организации нового общества выполняло имущее, буржуазное меньшинство населения. И оно выполняло эту задачу, вопреки сопротивлению рабочих и беднейших крестьян, сравнительно легко не только потому, что сопротивление эксплуатируемых капиталом масс было тогда, в силу их распыленности и неразвитости, крайне слабо, но и потому, что основной организующей силой анархически построенного капиталистического общества является стихийно растущий вширь и вглубь рынок, национальный и интернациональный.

Напротив, главной задачей пролетариата и руководимого им беднейшего крестьянства во всякой социалистической революции, — а следовательно, и в начатой нами 25 октября 1917 г. социалистической революции в России, — является положительная или созидательная работа налаживания чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных от-

ношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей. Такая революция может быть успешно осуществлена только при самостоятельном историческом творчестве большинства населения, прежде всего большинства трудящихся. Лишь в том случае, если пролетариат и беднейшее крестьянство сумеют найти в себе достаточно сознательности, идейности, самоотверженности, настойчивости, — победа социалистической революции будет обеспечена. Создав новый, советский, тип государства, открывающий возможность для трудящихся и угнетенных масс принять деятельнейшее участие в самостоятельном строительстве нового общества, мы разрешили только небольшую часть трудной задачи. Главная трудность лежит в экономической области: осуществить строжайший и повсеместный учет и контроль производства и распределения продуктов, повысить производительность труда, *обобществить производство на деле.*

Развитие партии большевиков, которая является ныне правительственной партией в России, особенно наглядно показывает, в чем состоит переживаемый нами и составляющий своеобразие настоящего политического момента исторический перелом, требующий новой ориентации Советской власти, т. е. новой постановки новых задач.

Первой задачей всякой партии будущего является — убедить большинство народа в правильности ее программы и тактики. Эта задача стояла на первом плане как при царизме, так и в период соглашательства Черновых и Церетели с Керенскими и Кишкиными. Теперь эта задача, которая, конечно, далеко еще не завершена (и которая никогда не может быть исчерпана до конца), в главном решена, ибо большинство рабочих и крестьян России, как показал бесспорно последний съезд Советов в Москве, заведомо стоит на стороне большевиков.

Второй задачей нашей партии было завоевание политической власти и подавление сопротивления эксплуататоров. И эта задача отнюдь не исчерпана до конца, и ее невозможно игнорировать, ибо монархисты и кадеты, с одной стороны, их подголоски и прихвостни, меньшевики и правые эсеры, — с другой, продолжают попытки объединиться для свержения Советской власти. Но, в главном, задача подавления сопротивления эксплуататоров уже решена в период с 25 октября 1917 г. до (приблизительно) февраля 1918 г. или до сдачи Богаевского.

На очередь выдвигается теперь, как очередная и составляющая своеобразие переживаемого момента, третья задача — организовать *управление* Россией. Разумеется, эта задача ставилась и решалась нами на другой же день после 25 октября 1917 года, но до сих пор, пока сопротивление эксплуататоров принимало еще форму открытой гражданской войны, до сих пор задача управления *не могла* стать *главной, центральной*.

Теперь она стала таковой. Мы, партия большевиков, Россию *убедили*. Мы Россию *отвоевали* — у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией *управлять*. И все своеобразие переживаемого момента, вся трудность состоит в том, чтобы понять *особенности перехода* от главной задачи убеждения народа и военного подавления эксплуататоров к главной задаче *управления*.

Первый раз в мировой истории социалистическая партия успела закончить, в главных чертах, дело завоевания власти и подавления эксплуататоров, успела *подойти вплотную* к задаче *управления*. Надо, чтобы мы оказались достойными исполнителями этой труднейшей (и благодарнейшей) задачи социалистического переворота. Надо *продумать*, что для успешного управления необходимо, *кроме* умения убедить, *кроме* умения победить в гражданской войне, умение *практически организовать*. Это — самая трудная задача, ибо дело идет об организации по-новому самых глубоких, экономических, основ жизни десятков и десятков миллионов людей. И это — самая благодарная задача, ибо лишь *после* ее решения (в главных и основных чертах) можно будет сказать, что Россия *стала* не только советской, но и социалистической республикой.

ОБЩИЙ ЛОЗУНГ МОМЕНТА

Очерченное выше объективное положение, созданное крайне тяжелым и непрочным миром, мучительнейшей разрухой, безработицей и голодом, которые оставлены нам в наследство войной и господством буржуазии (в лице Керенского и поддерживавших его меньшевиков с правыми эсерами), — все это неизбежно породило крайнее утомление и даже истощение сил широкой массы трудящихся. Она настоятельно требует — и не может не требовать — известного отдыха. На очередь дня выдвигается восстановление разрушенных войной и хозяйничаньем буржуазии производительных сил; — излечение ран, нанесенных войной, поражением

в войне, спекуляцией и попытками буржуазии восстановить свергнутую власть эксплуататоров; — экономический подъем страны; — прочная охрана элементарного порядка. Может показаться парадоксом, но на самом деле, в силу указанных объективных условий, является совершенно несомненным, что Советская власть в данный момент может упрочить переход России к социализму только в том случае, если практически решит, вопреки противодействию буржуазии, меньшевиков и правых эсеров, именно эти самые элементарные и элементарнейшие задачи сохранения общественности. Практическое решение этих элементарнейших задач и преодоление организационных трудностей первых шагов к социализму является теперь, в силу конкретных особенностей данного положения и при существовании Советской власти с ее законами о социализации земли, рабочем контроле и проч., двумя сторонами одной медали.

Веди аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую дисциплину в труде, — именно такие лозунги, справедливо осмеивавшиеся революционными пролетариями тогда, когда буржуазия прикрывала подобными речами свое господство, как класса эксплуататоров, становятся теперь, после свержения буржуазии, очередными и главными лозунгами момента. И практическое проведение в жизнь этих лозунгов *массой* трудящихся является, с одной стороны, *единственным* условием спасения страны, до полусмерти истерзанной империалистской войной и империалистскими хищниками (с Керенским во главе), а, с другой стороны, практическое проведение в жизнь этих лозунгов *Советскою* властью, *ее* методами, на основании *ее* законов, является необходимым и *достаточным* для окончательной победы социализма. Этого-то и не умеют понять те, кто презрительно отмахивается от выдвигания на первый план столь «избитых» и «тривиальных» лозунгов. В мелкокрестьянской стране, только год тому назад свергнувшей царизм и менее чем полгода тому назад освободившейся от Керенских, осталось, естественно, немало стихийного анархизма, усиленного озверением и одичанием, сопровождающими всякую долгую и реакционную войну, создалось немало настроений отчаяния и беспредметного озлобления; если добавить к этому провокаторскую политику лакеев буржуазии (меньшевиков, правых эсеров и пр.), то станет вполне понятно, какие длительные и упорные усилия лучших и сознательнейших рабочих и крестьян необходимы для полного перелома настроений массы и перехода ее к правильному, выдержанному, дисциплинированному труду.

Только такой переход, осуществленный массой бедноты (пролетариев и полупролетариев), и способен завершить победу над буржуазией и в особенности над наиболее упорной и многочисленной крестьянской буржуазией.

НОВЫЙ ФАЗИС БОРЬБЫ С БУРЖУАЗИЕЙ

Буржуазия побеждена у нас, но она еще не вырвана с корнем, не уничтожена и даже не сломлена еще до конца. На очередь дня выдвигается поэтому новая, высшая форма борьбы с буржуазией, переход от простейшей задачи дальнейшего экспроприирования капиталистов к гораздо более сложной и трудной задаче создания таких условий, при которых бы не могла ни существовать, ни возникать вновь буржуазия. Ясно, что это — задача неизмеримо более высокая и что без разрешения ее социализма еще нет.

Если взять масштаб западноевропейских революций, мы стоим сейчас приблизительно на уровне достигнутого в 1793 году и в 1871 году. Мы имеем законное право гордиться, что поднялись на этот уровень и в одном отношении пошли, несомненно, несколько дальше, именно: декретировали и ввели по всей России высший *тип* государства, Советскую власть. Но удовлетвориться достигнутым ни в каком случае мы не можем, ибо мы только начали переход к социализму, но решающего в этом отношении *еще* не осуществили.

Решающим является организация строжайшего и всенародного учета и контроля за производством и распределением продуктов. Между тем, в тех предприятиях, в тех отраслях и сторонах хозяйства, которые мы отняли у буржуазии, учет и контроль нами *еще не* достигнут, а без этого не может быть и речи о втором, столь же существенном, материальном условии введения социализма, именно: о повышении, в общенациональном масштабе, производительности труда.

Поэтому нельзя было бы определить задачу настоящего момента простой формулой: продолжать наступление на капитал. Несмотря на то, что капитал нами, несомненно, не добит и что продолжать наступление на этого врага трудящихся безусловно необходимо, такое определение было бы неточно, неконкретно, в нем не было бы учета *своеобразия* данного момента, когда в интересах успешности *дальнейшего* наступления надо «приостановить» *сейчас* наступление.

Пояснить это можно, сравнив наше положение в войне против капитала с положением того победоносного войска,

которое отняло, скажем, половину или две трети территории у неприятеля и вынуждено приостановить наступление, чтобы собраться с силами, увеличить запасы боевых средств, починить и подкрепить коммуникационную линию, построить новые склады, подвести новые резервы и т. д. Приостановка наступления победоносного войска в подобных условиях является необходимой именно в интересах отвоевания у неприятеля остальной территории, т. е. в интересах полной победы. Кто не понял, что именно такова предписываемая нам объективным положением дела в настоящий момент «приостановка» наступления на капитал, тот не понял ничего в переживаемом политическом моменте.

Разумеется, о «приостановке» наступления на капитал можно говорить только в кавычках, т. е. только метафорически. В обыкновенной войне можно дать общий приказ о приостановке наступления, можно на деле остановить движение вперед. В войне против капитала движения вперед остановить нельзя, и о том, чтобы мы отказались от дальнейшей экспроприации капитала, не может быть и речи. Речь идет об изменении *центра тяжести* нашей экономической и политической работы. До сих пор *на первом плане* стояли мероприятия по непосредственной экспроприации экспроприаторов. Теперь *на первом плане* становится организация учета и контроля в тех хозяйствах, где уже экспроприированы капиталисты, и во всех остальных хозяйствах.

Если бы мы захотели теперь продолжать прежним темпом экспроприировать капитал дальше, мы, наверное, потерпели бы поражение, ибо наша работа по организации пролетарского учета и контроля явно, очевидно для всякого думающего человека, *отстала* от работы *непосредственной* «экспроприации экспроприаторов». Если мы наляжем теперь изо всех сил на работу организации учета и контроля, мы сможем решить эту задачу, мы наверстаем упущенное, мы выиграем *всю* нашу «кампанию» против капитала.

Но признание того, что приходится наверстывать упущенное, не равносильно ли признанию в некоей содеянной ошибке? — Нисколько. Приведем опять военное сравнение. Если можно разбить и оттеснить неприятеля одними отрядами легкой кавалерии, — это надо сделать. А если это можно с успехом сделать лишь до известного предела, то вполне мыслимо, что за этим пределом возникает необходимость подвоза тяжелой артиллерии. Признавая, что надо теперь наверстывать упущенное в подвозе тяжелой артиллерии, мы вовсе не признаем ошибкой победоносную кавалерийскую атаку.

Нас часто упрекали лакеи буржуазии в том, что мы вели «красногвардейскую» атаку на капитал. Упрек нелепый, достойный именно лакеев денежного мешка. Ибо «красногвардейская» атака на капитал *в свое время* предписывалась обстоятельствами безусловно: во-первых, капитал *тогда* сопротивлялся по-военному, в лице Керенского и Краснова, Савинкова и Гоца (Гегечкори и сейчас так сопротивляется), Дутова и Богаевского. Военное сопротивление нельзя сломать иначе, как военными средствами, и красногвардейцы делали благороднейшее и величайшее историческое дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых от гнета эксплуататоров.

Во-вторых, мы не могли бы тогда поставить на первый план методы управления взамен методов подавления и потому, что искусство управления не прирождено людям, а дается опытом. Тогда этого опыта у нас не было. Теперь он есть. В-третьих, тогда у нас не могло быть в нашем распоряжении специалистов разных отраслей знания и техники, ибо они либо сражались в рядах Богаевских, либо имели еще возможность оказывать систематическое и упорное пассивное сопротивление *саботажем*. А теперь мы саботаж сломали. «Красногвардейская» атака на капитал была успешна, была победоносна, ибо мы победили и военное сопротивление капитала и саботажническое сопротивление капитала.

Значит ли это, что *всегда* уместна, при *всяких* обстоятельствах уместна «красногвардейская» атака на капитал, что у нас *нет* иных способов борьбы с капиталом? Думать так было бы ребячеством. Мы победили легкой кавалерией, но у нас есть и тяжелая артиллерия. Мы побеждали методами подавления, мы сумеем побеждать и методами управления. Методы борьбы против врага надо уметь изменять, когда изменяются обстоятельства. Мы ни на минуту не откажемся от «красногвардейского» подавления господ Савинковых и Гегечкори, как и всяких других помещичьих и буржуазных контрреволюционеров. Но мы не будем так глупы, чтобы на первое место ставить «красногвардейские» приемы в такое время, когда эпоха необходимости красногвардейских атак в основном закончена (и закончена победоносно) и когда в дверь стучится эпоха использования пролетарскою государственною властью буржуазных специалистов для такого перепахивания почвы, чтобы на ней вовсе не могла расти никакая буржуазия.

Это — своеобразная эпоха, или, вернее, полоса развития, и, чтобы победить капитал до конца, надо уметь приспособ-

собрать формы нашей борьбы к своеобразным условиям такой полосы.

Без руководства специалистов различных отраслей знания, техники, опыта, переход к социализму невозможен, ибо социализм требует сознательного и массового движения вперед к высшей производительности труда по сравнению с капитализмом и на базе достигнутого капитализмом. Социализм должен *по-своему*, своими приемами — скажем конкретнее, *советскими* приемами — осуществить это движение вперед. А специалисты неизбежно являются в массе буржуазными, в силу всей обстановки той общественной жизни, которая сделала их специалистами. Если бы наш пролетариат, овладев властью, быстро решил задачу учета, контроля, организации во всенародном масштабе, — (это было неосуществимо вследствие войны и отсталости России) — тогда, сломав саботаж, мы всеобщим учетом и контролем подчинили бы себе полностью и буржуазных специалистов. В силу значительного «опоздания» с учетом и контролем вообще, мы, хотя и успели победить саботаж, но обстановки, дающей в наше распоряжение буржуазных специалистов, *еще не создали*; масса саботажников «идет на службу», но лучшие организаторы и крупнейшие специалисты могут быть использованы государством либо по-старому, по-буржуазному (т. е. за высокую плату), либо по-новому, по-пролетарски (т. е. созданием той обстановки всенародного учета и контроля снизу, которая неизбежно и сама собою подчинила и привлекла бы специалистов).

Нам пришлось теперь прибегнуть к старому, буржуазному средству и согласиться на очень высокую оплату «услуг» крупнейших из буржуазных специалистов. Все, знакомые с делом, видят это, но не все вдумываются в значение подобной меры со стороны пролетарского государства. Ясно, что такая мера есть компромисс, отступление от принципов Парижской Коммуны и всякой пролетарской власти, требующих сведения жалований к уровню платы среднему рабочему, требующих борьбы делом, а не словами, с карьеризмом.

Мало того. Ясно, что такая мера есть не только приостановка — в известной области и в известной степени — наступления на капитал (ибо капитал есть не сумма денег, а определенное общественное отношение), но и *шаг назад* нашей социалистической, Советской, государственной власти, которая с самого начала провозгласила и повела политику понижения высоких жалований до заработка среднего рабочего²⁸³.

Конечно, лакеи буржуазии, особенно мелкого разбора, вроде меньшевиков, новожиженцев, правых эсеров, будут хихикать по поводу признания того, что мы делаем шаг назад. Но нам нечего обращать внимание на хихиканье. Нам надо изучать особенности в высшей степени трудного и нового пути к социализму, не прикрывая наших ошибок и слабостей, а стараясь вовремя доделывать недоделанное. Скрывать от масс, что привлечение буржуазных специалистов чрезвычайно высокими заработками есть отступление от принципов Коммуны, значило бы опускаться до уровня буржуазных политиканов и обманывать массы. Открыто объяснить, как и почему мы сделали шаг назад, затем обсудить гласно, какие имеются средства наверстать упущенное, — это значит воспитывать массы и на опыте учиться, вместе с ними учиться строительству социализма. Едва ли был хоть один победоносный военный поход в истории, когда бы победителю не случалось делать отдельных ошибок, терпеть частичные поражения, временно отступать кое в чем и кое-где назад. А предпринятый нами «поход» против капитализма в миллион раз труднее самого трудного военного похода, и впадать в уныние по поводу частного и частичного отступления было бы глупо и позорно.

Подойдем к вопросу с практической стороны. Допустим, Российской Советской республике необходимы 1000 первоклассных ученых и специалистов разных областей знания, техники, практического опыта, для руководства народным трудом в целях возможно более быстрого экономического подъема страны. Допустим, что эти «звезды первой величины» приходится оплачивать — большинство из них, конечно, тем развращеннее буржуазными нравами, чем охотнее оно кричит о развращенности рабочих, — по 25 000 рублей в год. Допустим, что эту сумму (25 миллионов рублей) надо удвоить (предполагая выдачу премий за особенно успешное и быстрое выполнение важнейших из организаторски-технических заданий) или даже учетверить (предполагая привлечение нескольких сот более требовательных заграничных специалистов). Спрашивается, можно ли признать чрезмерным или непосильным для Советской республики расход пятидесяти или ста миллионов рублей в год на переорганизацию народного труда по последнему слову науки и техники? Конечно, нет. Подавляющее большинство сознательных рабочих и крестьян одобрит такой расход, зная из практической жизни, что наша отсталость заставляет нас терять миллиарды, а такой степени организованности, учета и кон-

троля, чтобы вызвать поголовное и добровольное участие «звезд» буржуазной интеллигенции в *нашей* работе, мы *еще не* достигли.

Разумеется, вопрос имеет также другую сторону. Развращающее влияние высоких жалований неоспоримо — и на Советскую власть (тем более, что при быстроте переворота к этой власти не могло не примкнуть известное количество авантюристов и жуликов, которые вместе с бездарными или бессовестными из разных комиссаров не прочь попасть в «звезды»... казнокрадства) и на рабочую массу. Но все, что есть мыслящего и честного среди рабочих и беднейших крестьян, согласится с нами, признаёт, что сразу избавиться от дурного наследства капитализма мы не в состоянии, что освободить Советскую республику от «дани» в 50 или 100 миллионов рублей (дани за нашу собственную отсталость в деле организации *всенародного* учета и контроля *снизу*) можно не иначе, как организуясь, подтягивая дисциплину среди самих себя, очищая свою среду от всех «хранящих наследство капитализма», «соблюдающих традиции капитализма», т. е. от лодырей, тунеядцев, казнокрадов (теперь вся земля, все фабрики, все железные дороги есть «казна» Советской республики). Если сознательные передовики рабочих и беднейших крестьян успеют, при помощи советских учреждений, в один год организовать, дисциплинировать, подтянуться, создать могучую трудовую дисциплину, тогда мы через год скинем с себя эту «дань», которую можно сократить даже раньше... ровно в меру успехов нашей, рабоче-крестьянской, трудовой дисциплины и организованности. Чем скорее мы сами, рабочие и крестьяне, научимся лучшей трудовой дисциплине и высшей технике труда, используя для этой науки буржуазных специалистов, тем скорее мы избавимся от всякой «дани» этим специалистам.

Наша работа по организации, под руководством пролетариата, всенародного учета и контроля за производством и распределением продуктов сильно отстала от нашей работы по непосредственной экспроприации экспроприаторов. Это положение является основным для понимания особенностей настоящего момента и вытекающих отсюда задач Советской власти. Центр тяжести в борьбе против буржуазии передвигается на организацию такого учета и контроля. Только исходя из этого, можно правильно определить очередные задачи экономической и финансовой политики в области национализации банков, монополизации внешней торговли, государственного контроля за денежным обращением, введения удовлетворительного, с пролетарской точки зрения,

поимущественного и подоходного налога, введения трудовой повинности.

С социалистическими преобразованиями в этих областях мы крайне отстали (а это весьма и весьма существенные области), и отстали именно потому, что недостаточно организованы учет и контроль вообще. Разумеется, — эта задача из самых трудных, и при разрухе, созданной войною, она допускает лишь длительное решение, но нельзя забывать, что как раз здесь буржуазия — в особенности же многочисленная мелкая и крестьянская буржуазия — дает нам серьезнейший бой, подрывая налаживающийся контроль, подрывая, напр., хлебную монополию, отвоевывая позиции для спекуляции и спекулятивной торговли. То, что мы уже декретировали, мы далеко недостаточно еще провели в жизнь, и главная задача момента состоит именно в сосредоточении всех усилий на деловом, практическом *осуществлении* основ тех преобразований, которые уже стали законом (но не стали еще реальностью).

Чтобы продолжать дальше национализацию банков и идти неуклонно к превращению банков в узловые пункты общественного счетоводства при социализме, надо прежде всего и больше всего достигнуть реальных успехов в увеличении числа отделений Народного банка, в привлечении вкладов, в облегчении для публики операций внесения и выдачи денег, в устранении «хвостов», в поимке и *расстреле* взяточников и жуликов и т. д. Сначала реально провести в жизнь простейшее, организовать хорошенько наличное, — а затем уже готовить более сложное.

Укрепить и упорядочить те государственные монополии (на хлеб, на кожу и пр.), которые уже введены, — и тем подготовить монополизацию внешней торговли государством; без такой монополизации мы не сможем «отделаться» от иностранного капитала платежом «дани»²⁸⁴. А вся возможность социалистического строительства зависит от того, сумеем ли мы в течение известного переходного времени выплатой некоторой дани иностранному капиталу защитить свою внутреннюю экономическую самостоятельность.

С взиманием налогов вообще, а поимущественного и подоходного налога в особенности, мы тоже чрезвычайно сильно отстали. Наложение контрибуций на буржуазию — мера, принципиально безусловно приемлемая и заслуживающая пролетарского одобрения, — показывает, что мы стоим еще в этом отношении ближе к приемам отвоевания (России от богатых для бедных), чем к приемам управления. Но, чтобы стать сильнее и чтобы прочнее встать на ноги, мы

должны перейти к этим последним приемам, мы должны заменить контрибуцию с буржуазии постоянным и правильно взимаемым поимущественным и подоходным налогом, который даст *больше* пролетарскому государству и который требует от нас именно *большей* организованности, *большого* налажения учета и контроля ²⁸⁵.

Наше опоздание с введением трудовой повинности показывает еще раз, что на очередь дня выдвигается именно подготовительно-организационная работа, с одной стороны, долженствующая окончательно закрепить отвоеванное, а с другой стороны, необходимая, чтобы подготовить операцию, которая «окружит» капитал и заставит его «сдаться». Начать введение трудовой повинности нам следовало бы немедленно, но вводить ее с большой постепенностью и осмотрительностью, проверяя каждый шаг практическим опытом и, разумеется, первым шагом делая введение трудовой повинности *для богатых*. Введение рабочей и потребительски-бюджетной книжки для всякого буржуа, в том числе и деревенского, было бы серьезным шагом вперед к полному «окружению» неприятеля и к созданию действительно всенародного учета и контроля за производством и распределением продуктов.

ЗНАЧЕНИЕ БОРЬБЫ ЗА ВСЕНАРОДНЫЙ УЧЕТ И КОНТРОЛЬ

Государство, бывшее веками органом угнетения и ограбления народа, оставило нам в наследство величайшую ненависть и недоверие масс ко всему государственному. Преодолеть это — очень трудная задача, подсиленная только Советской властью, но и от нее требующая продолжительного времени и громадной настойчивости. На вопросе об учете и контроле — этом коренном вопросе для социалистической революции на другой день после свержения буржуазии — такое «наследство» сказывается особенно остро. Пройдет неизбежно известное время, пока массы, впервые почувствовавшие себя свободными после свержения помещиков и буржуазии, поймут — не из книжек, а из собственного, *советского*, опыта — поймут и *прочувствуют*, что без всестороннего, государственного учета и контроля за производством и распределением продуктов власть трудящихся, свобода трудящихся удержаться *не* может, возврат под иго капитализма *неизбежен*.

Все навыки и традиции буржуазии вообще и мелкой буржуазии особенно идут также против *государственного* контроля, за неприкосновенность «священной частной собственности», «священного» частного предприятия. Нам теперь

особенно наглядно видно, до какой степени правильно марксистское положение, что анархизм и анархо-синдикализм суть *буржуазные* течения, в каком непримиримом противоречии стоят они к социализму, к пролетарской диктатуре, к коммунизму. Борьба за внедрение в массы идеи *советского* — государственного контроля и учета, за проведение этой идеи в жизнь, за разрыв с проклятым прошлым, приучившим смотреть на добычу хлеба и одежды, как на «частное» дело, на куплю-продажу, как на сделку, которая «только меня касается», — эта борьба и есть величайшая, имеющая всемирно-историческое значение, борьба социалистической сознательности против буржуазно-анархической стихийности.

Рабочий контроль введен у нас как закон, но в жизнь и даже в сознание широких масс пролетариата он едва-едва начинает проникать. О том, что безотчетность, бесконтрольность в деле производства и распределения продуктов есть гибель зачатков социализма, есть казнокрадство (ибо все имущество принадлежит казне, а казна — это и есть Советская власть, власть большинства трудящихся), что нерадивость в учете и контроле есть прямое пособничество немецким и русским Корниловым, которые могут скинуть власть трудящихся *только* при условии, что мы не одолеем задачи учета и контроля, и которые, при помощи всей мужицкой буржуазии, при помощи кадетов, меньшевиков, правых эсеров «подкарауливают» нас, выжидая момент, — об этом мы недостаточно говорим в своей агитации, об этом недостаточно думают и говорят передовики рабочих и крестьян. А пока рабочий контроль не стал фактом, пока передовики-рабочие не наладили и не провели победоносного и беспощадного похода против нарушителей этого контроля или беззаботных насчет контроля, — до тех пор от первого шага (от рабочего контроля) нельзя сделать второго шага к социализму, то есть перейти к рабочему регулированию производства.

Социалистическое государство может возникнуть лишь как сеть производительно-потребительских коммун, добросовестно учитывающих свое производство и потребление, экономящих труд, повышающих неуклонно его производительность и достигающих этим возможности понижать рабочий день до семи, до шести часов в сутки и еще менее. Без того, чтобы наладить строжайший всенародный, всеобъемлющий учет и контроль *хлеба* и *добычи хлеба* (а затем и всех других необходимых продуктов), тут не обойтись. Капитализм оставил нам в наследство массовые организации, способные облегчить переход к массовому учету и контролю распреде-

ления продуктов, — потребительные общества. В России они развиты слабее, чем в передовых странах, но все же охватили больше десяти миллионов членов. Изданный на днях декрет о потребительных обществах²⁸⁶ представляет из себя чрезвычайно знаменательное явление, которое наглядно показывает своеобразие положения и задач Советской социалистической республики в данный момент.

Декрет является соглашением с буржуазными кооперативами и с рабочими кооперативами, остающимися на буржуазной точке зрения. Соглашение или компромисс состоит, во-первых, в том, что представители названных учреждений не только участвовали в обсуждении декрета, но и получили фактически право решающего голоса, ибо части декрета, встретившие решительную оппозицию этих учреждений, были отброшены. Во-вторых, по сути дела, компромисс состоит в отказе Советской власти от принципа бесплатного вступления в кооператив (единственный последовательно пролетарский принцип), а равно от объединения всего населения данной местности в *одном* кооперативе. В отступление от этого, единственно социалистического принципа, отвечающего задаче уничтожения классов, было дано право оставаться «рабочим классовым кооперативам» (которые называются в этом случае «классовыми» только потому, что они подчиняются классовым интересам буржуазии). Наконец, предложение Советской власти исключить совершенно буржуазию из правлений кооперативов было тоже весьма ослаблено, и запрещение входить в правления распространено только на владельцев торговых и промышленных предприятий частногокапиталистического характера.

Если бы пролетариат, действуя через Советскую власть, успел наладить учет и контроль в общегосударственном масштабе, или хотя бы основы такого контроля, то надобности в подобных компромиссах не было бы. Через продовольственные отделы Советов, через органы снабжения при Советах мы объединили бы население в единый, пролетарски руководимый кооператив без содействия буржуазных кооперативов, без уступок тому чисто буржуазному принципу, который побуждает рабочий кооператив оставаться рабочим *наряду* с буржуазным *вместо того*, чтобы подчинить себе всецело этот буржуазный кооператив, слив оба, взяв себе *все* правление, взяв себе в руки надзор за потреблением богатых.

Заключая такое соглашение с буржуазными кооперативами, Советская власть конкретно определила свои тактические задачи и своеобразные методы действия для данной

полосы развития, именно: руководя буржуазными элементами, используя их, делая известные частные уступки им, мы создаем условия для такого движения вперед, которое будет более медленно, чем мы первоначально полагали, но вместе с тем более прочно, с более солидным обеспечением базы и коммуникационной линии, с лучшим укреплением завоевываемых позиций. Советы могут (и должны) теперь измерять свои успехи в деле социалистического строительства, между прочим, мерилom чрезвычайно ясным, простым, практическим: в каком именно числе общин (коммун или селений, кварталов и т. п.) и насколько приближается развитие кооперативов к тому, чтобы охватывать все население.

ПОВЫШЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

Во всякой социалистической революции, после того как решена задача завоевания власти пролетариатом и по мере того как решается в главном и основном задача: экспроприировать экспроприаторов и подавить их сопротивление, выдвигается необходимо на первый план коренная задача создания высшего, чем капитализм, общественного уклада, именно: повышение производительности труда, а в связи с этим (и для этого) его высшая организация. Наша Советская власть находится именно в таком положении, когда, благодаря победам над эксплуататорами, от Керенского до Корнилова, она получила возможность непосредственно подойти к этой задаче, вплотную взяться за нее. И тут становится видно сразу, что если центральной государственной властью можно овладеть в несколько дней, если подавить военное (и саботажническое) сопротивление эксплуататоров даже по разным углам большой страны можно в несколько недель, то прочное решение задачи поднять производительность труда требует, во всяком случае (особенно после мучительнейшей и разорительнейшей войны), нескольких лет. Длительный характер работы предписывается здесь безусловно объективными обстоятельствами.

Подъем производительности труда требует, прежде всего, обеспечения материальной основы крупной индустрии: развития производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности. Российская Советская республика находится постольку в выгодных условиях, что она располагает — даже после Брестского мира — гигантскими запасами руды (на Урале), топлива в Западной Сибири (каменный уголь), на Кавказе и на юго-востоке (нефть), в центре (торф), гигантскими богатствами леса, водных сил, сырья

для химической промышленности (Карабугаз) и т. д. Разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники даст основу невиданного прогресса производительных сил.

Другим условием повышения производительности труда является, во-первых, образовательный и культурный подъем массы населения. Этот подъем идет теперь с громадной быстротой, чего не видят ослепленные буржуазной рутинной люди, не способные понять, сколько порыва к свету и инициативности развертывается теперь в народных «низах» благодаря советской организации. Во-вторых, условием экономического подъема является и повышение дисциплины трудящихся, умения работать, спорости, интенсивности труда, лучшей его организации.

С этой стороны дело обстоит у нас особенно плохо и даже безнадежно, если поверить людям, давшим себя запугать буржуазии или корыстно служащим ей. Эти люди не понимают, что не было и быть не может революции, когда бы сторонники старого не вопили о развале, об анархии и т. п. Естественно, что в массах, только что сбросивших невиданно-дикий гнет, идет глубокое и широкое кипение и брожение, — что выработка массами новых основ трудовой дисциплины — процесс очень длительный, — что до полной победы над помещиком и буржуазией такая выработка не могла даже и начаться.

Но, нисколько не поддаваясь тому, часто поддельному, отчаянию, которое распространяют буржуа и буржуазные интеллигенты (отчаявшиеся отстоять свои старые привилегии), мы никоим образом не должны прикрывать явного зла. Напротив, мы будем раскрывать его и усиливать советские приемы борьбы против него, ибо успех социализма немыслим без победы пролетарской сознательной дисциплинированности над стихийной мелкобуржуазной анархией, этого настоящего залога возможной реставрации керенщины и корниловщины.

Наиболее сознательный авангард российского пролетариата уже поставил себе задачу повышения трудовой дисциплины. Например, и в Центральном комитете союза металлистов и в Центральном совете профессиональных союзов начата разработка соответствующих мероприятий и проектов декретов²⁸⁷. Эту работу надо поддержать и двинуть ее вперед изо всех сил. На очередь надо поставить, практически применить и испытать сдельную плату, применение многого, что есть научного и прогрессивного в системе Тейлора, соразмерение заработка с общими итогами выработки

продукта или эксплуатационных результатов железнодорожного и водного транспорта и т. д., и т. п.

Русский человек — плохой работник по сравнению с передовыми нациями. И это не могло быть иначе при режиме царизма и живости остатков крепостного права. Учиться работать — эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем ее объеме. Последнее слово капитализма в этом отношении, система Тейлора, — как и все прогрессы капитализма, — соединяет в себе утонченное зверство буржуазной эксплуатации и ряд богатейших научных завоеваний в деле анализа механических движений при труде, изгнания лишних и неловких движений, выработки правильнейших приемов работы, введения наилучших систем учета и контроля и т. д. Советская республика во что бы то ни стало должна перенять все ценное из завоеваний науки и техники в этой области. Осуществимость социализма определится именно нашими успехами в сочетании Советской власти и советской организации управления с новейшим прогрессом капитализма. Надо создать в России изучение и преподавание системы Тейлора, систематическое испытание и приспособление ее. Надо вместе с тем, идя к повышению производительности труда, учесть особенности переходного от капитализма к социализму времени, которые требуют, с одной стороны, чтобы были заложены основы социалистической организации соревнования, а с другой стороны, требуют применения принуждения, так чтобы лозунг диктатуры пролетариата не осквернялся практикой киселеобразного состояния пролетарской власти.

ОРГАНИЗАЦИЯ СОРЕВНОВАНИЯ

К числу бессмыслиц, которые буржуазия охотно распространяет про социализм, принадлежит та, будто социалисты отрицают значение соревнования. На самом же деле только социализм, уничтожая классы и, следовательно, порабощение масс, впервые открывает дорогу для соревнования действительно в массовом масштабе. И именно советская организация, переходя от формального демократизма буржуазной республики к действительному участию трудящихся масс в *управлении*, впервые ставит широко соревнование. В политической области это гораздо легче поставить, чем в экономической, но для успеха социализма важно именно последнее.

Возьмем такое средство организации соревнования, как гласность. Буржуазная республика обеспечивает ее только

формально, на деле подчиняя прессу капиталу, забавляя «чернь» пикантными политическими пустяками, скрывая то, что происходит в мастерских, в торговых сделках, в поставках и пр., покровом «коммерческой тайны», ограждающей «священную собственность». Советская власть отменила коммерческую тайну, вступила на новый путь, но для использования гласности в целях экономического соревнования мы еще почти ничего не сделали. Надо систематически взяться за то, чтобы, наряду с беспощадным подавлением насквозь лживой и нагло-клеветнической буржуазной прессы, велась работа создания такой прессы, которая бы не забавляла и не дурачила массы политическими пикантностями и пустяками, а именно вопросы повседневной экономики несла на суд массы, помогала серьезно изучать их. Каждая фабрика, каждая деревня является производительно-потребительской коммуной, имеющей право и обязанной по-своему применять общие советские узаконения («по-своему» не в смысле нарушения их, а в смысле разнообразия форм проведения их в жизнь), по-своему решать проблему учета производства и распределения продуктов. При капитализме это было «частным делом» отдельного капиталиста, помещика, кулака. При Советской власти это — не частное дело, а важнейшее государственное дело.

И мы еще почти не приступили к громадной, трудной, но зато и благодарной работе организовать соревнование коммун, ввести отчетность и гласность в процесс производства хлеба, одежды и пр., превратить сухие, мертвые, бюрократические отчеты в живые примеры — как отталкивающие, так и привлекающие. При капиталистическом способе производства значение отдельного примера, скажем, какой-либо производительной артели, неизбежно было до последней степени ограничено, и только мелкобуржуазная иллюзия могла мечтать об «исправлении» капитализма влиянием образцов добродетельных учреждений. После перехода политической власти в руки пролетариата, после экспроприации экспроприаторов дело меняется в корне и, — согласно тому, что многократно указывалось виднейшими социалистами, — сила примера впервые получает возможность оказать свое массовое действие. Образцовые коммуны должны служить и будут служить воспитателями, учителями, подтягивателями отсталых коммун. Печать должна служить орудием социалистического строительства, знакомя во всех деталях с успехами образцовых коммун, изучая причины их успеха, приемы их хозяйства, ставя, с другой стороны, «на черную доску» те коммуны,

которые упорно хранят «традиции капитализма», т. е. анархии, лодырничанья, беспорядка, спекуляции. Статистика была в капиталистическом обществе предметом исключительного ведения «казенных людей» или узких специалистов, — мы должны понести ее в массы, популяризировать ее, чтобы трудящиеся постепенно учились сами понимать и видеть, как и сколько надо работать, как и сколько можно отдыхать, — чтобы *сравнение деловых итогов* хозяйства отдельных коммун стало предметом общего интереса и изучения, чтобы выдающиеся коммуны вознаграждались немедленно (сокращением на известный период рабочего дня, повышением заработка, предоставлением большего количества культурных или эстетических благ и ценностей и т. п.).

Когда новый класс выдвигается в качестве вождя и руководителя общества на историческую сцену, это никогда не обходится без периода сильнейшей «качки», потрясений, борьбы и бурь, с одной стороны, а с другой стороны, без периода неуверенных шагов, экспериментов, колебаний, шатаний насчет выбора новых приемов, отвечающих новой объективной обстановке. Гибнущее феодальное дворянство мстило побеждающей и вытесняющей его буржуазии не только заговорами, попытками восстания и реставрации, но и потоками насмешек над неумелостью, неловкостью, ошибками «выскачек», «наглецов», дерзающих брать в руки «священное кормило» государства без вековой подготовки к этому князей, баронов, дворян, знати, — точь-в-точь так, как мстят теперь рабочему классу в России за его «дерзкую» попытку взятия власти Корниловы и Керенские, Гоцы и Мартовы, вся эта братия героев буржуазного гешефтмахерства или буржуазного скепсиса.

Нужны, разумеется, не недели, а долгие месяцы и годы, чтобы новый общественный класс, и притом класс доселе угнетенный, задавленный нуждой и темнотой, мог освоиться с новым положением, осмотреться, наладить свою работу, выдвинуть *своих* организаторов. Понятно, что у руководящей революционным пролетариатом партии не могло сложиться опыта и навыка больших, на миллионы и десятки миллионов граждан рассчитанных, организационных предприятий, что переделка старых, почти исключительно агитаторских навыков — дело весьма длительное. Но невозможного тут ничего нет, и раз у нас будет ясное сознание необходимости перемены, твердая решимость осуществить ее, выдержка в преследовании великой и трудной цели, — мы ее осуществим. Организаторских талантов в «народе», т. е. среди рабочих и не эксплуатирующих чужого труда крестьян, масса; их тыся-

чами давил, губил, выбрасывал вон капитал, их не умеем еще найти, ободрить, поставить на ноги, выдвинуть — мы. Но мы этому научимся, если примемся — со всем революционным энтузиазмом, без которого не бывает победоносных революций, — учиться этому.

Ни одно глубокое и могучее народное движение в истории не обходилось без грязной пены, — без присасывающихся к неопытным новаторам авантюристов и жуликов, хвастунов и горлопанов, без нелепой суматохи, бестолочи, зряшной суетливости, без попыток отдельных «вождей» братья за 20 дел и ни одного не доводить до конца. Пусть моськи буржуазного общества, от Белоруссова до Мартова, визжат и лают по поводу каждой лишней щепки при рубке большого, старого леса. На то они и моськи, чтобы лаять на пролетарского слона. Пусть лают. Мы пойдем себе своей дорогой, стараясь как можно осторожнее и терпеливее испытывать и распознавать настоящих организаторов, людей с трезвым умом и с практической сметкой, людей, соединяющих преданность социализму с умением без шума (и вопреки суматохе и шуму) налаживать крепкую и дружную совместную работу большого количества людей в рамках советской организации. *Только* таких людей, после десятикратного испытания, надо, двигая их от простейших задач к труднейшим, выдвигать на ответственные посты руководителей народного труда, руководителей управления. Мы этому еще не научились. Мы этому научимся.

«СТРОЙНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ» И ДИКТАТУРА

Резолюция последнего (московского) съезда Советов выдвигает, как первейшую задачу момента, создание «стройной организации» и повышение дисциплины*. Такого рода резолюции теперь все охотно «голосуют» и «подписывают», но о том, что проведение их в жизнь требует принуждения — и принуждения именно в форме диктатуры, — в это обычно не вдумываются. А между тем было бы величайшей глупостью и самым вздорным утопизмом полагать, что без принуждения и без диктатуры возможен переход от капитализма к социализму. Теория Маркса против этого мелкобуржуазно-демократического и анархического вздора выступала очень давно и с полнейшей определенностью. И Россия 1917—1918 годов подтверждает теорию Маркса в этом отношении с такой наглядностью, осязательностью и внушительностью, что только люди, безнадежно тупые или упорно решившие отвернуться

* См. настоящий том, стр. 590. *Ред.*

от правды, могут еще заблуждаться в этом отношении. Либо диктатура Корнилова (если взять его за русский тип буржуазного Кавеньяка), либо диктатура пролетариата — об этом выходе для страны, проделывающей необычайно быстрое развитие с необычайно крутыми поворотами, при отчаянной разрухе, созданной мучительнейшей из войн, *не может быть и речи*. Все средние решения — либо обман народа буржуазией, которая не может сказать правды, не может сказать, что ей нужен Корнилов, либо тупость мелкобуржуазных демократов, Черновых, Церетели и Мартовых, с их болтовней о единстве демократии, диктатуре демократии, общедемократическом фронте и т. п. чепухе. Кого даже ход русской революции 1917—1918 годов не научил тому, что невозможны средние решения, на того надо махнуть рукой.

С другой стороны, нетрудно убедиться, что при всяком переходе от капитализма к социализму диктатура необходима по двум главным причинам или в двух главных направлениях. Во-первых, нельзя победить и искоренить капитализма без беспощадного подавления сопротивления эксплуататоров, которые сразу не могут быть лишены их богатства, их преимуществ организованности и знания, а следовательно, в течение довольно долгого периода неизбежно будут пытаться свергнуть ненавистную власть бедноты. Во-вторых, всякая великая революция, а социалистическая в особенности, даже если бы не было войны внешней, немыслима без войны внутренней, т. е. гражданской войны, означающей еще большую разруху, чем война внешняя, — означающей тысячи и миллионы случаев колебания и переметов с одной стороны на другую, — означающей состояние величайшей неопределенности, неуравновешенности, хаоса. И, разумеется, все элементы разложения старого общества, неизбежно весьма многочисленные, связанные преимущественно с мелкой буржуазией (ибо ее всякая война и всякий кризис разоряет и губит прежде всего), не могут не «показать себя» при таком глубоком перевороте. А «показать себя» элементы разложения *не могут* иначе, как увеличением преступлений, хулиганства, подкупа, спекуляций, безобразий всякого рода. Чтобы сладить с этим, нужно время и *нужна железная рука*.

Не было ни одной великой революции в истории, когда бы народ инстинктивно не чувствовал этого и не проявлял спасительной твердости, расстреливая воров на месте преступления. Беда прежних революций состояла в том, что революционного энтузиазма масс, поддерживающего их напряженное состояние и дающего им силу применять беспощадное подавление элементов разложения, хватало не надолго. Социаль-

ной, т. е. классовой причиной такой непрочности революционного энтузиазма масс была слабость пролетариата, который *один только* в состоянии (если он достаточно многочисленен, сознателен, дисциплинирован) привлечь к себе *большинство* трудящихся и эксплуатируемых (большинство бедноты, если говорить проще и популярнее) и удержать власть достаточно долгое время для полного подавления и всех эксплуататоров и всех элементов разложения.

Этот исторический опыт всех революций, этот всемирно-исторический — экономический и политический — урок и подытожил Маркс, дав краткую, резкую, точную, яркую формулу: диктатура пролетариата. И что русская революция правильно подошла к осуществлению этой всемирно-исторической задачи, это *доказало* победное шествие по всем народам и языцам России советской организации. Ибо Советская власть есть не что иное, как организационная форма диктатуры пролетариата, диктатуры передового класса, поднимающего к новому демократизму, к самостоятельному участию в управлении государством десятки и десятки миллионов трудящихся и эксплуатируемых, которые на своем опыте учатся видеть в дисциплинированном и сознательном авангарде пролетариата своего надежнейшего вождя.

Но диктатура есть большое слово. А больших слов нельзя бросать на ветер. Диктатура есть железная власть, революционно-смелая и быстрая, беспощадная в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов. А наша власть — непомерно мягкая, сплошь и рядом больше похожая на кисель, чем на железо. Нельзя забывать ни на минуту, что буржуазная и мелкобуржуазная стихия борется против Советской власти двояко: с одной стороны, действуя извне, приемами Савинковых, Гоцов, Гегечкори, Корниловых, заговорами и восстаниями, их грязным «идеологическим» отражением, потоками лжи и клеветы в печати кадетов, правых эсеров и меньшевиков; — с другой стороны, эта стихия действует изнутри, используя всякий элемент разложения, всякую слабость для подкупа, для усиления недисциплинированности, распушенности, хаоса. Чем ближе мы подходим к полному военному подавлению буржуазии, тем опаснее становится для нас стихия мелкобуржуазной анархичности. И борьбу с этой стихией нельзя вести только пропагандой и агитацией, только организацией соревнования, только отбором организаторов, — борьбу надо вести и принуждением.

По мере того как основной задачей власти становится не военное подавление, а управление, — типичным проявлением подавления и принуждения будет становиться

не расстрел на месте, а суд. И в этом отношении революционные массы, после 25 октября 1917 г., вступили на верный путь и доказали жизненность революции, начав устраивать свои, рабочие и крестьянские, суды еще до всяких декретов о роспуске буржуазно-бюрократического судебного аппарата. Но наши революционные и народные суды непомерно, невероятно слабы. Чувствуется, что не сломлен еще окончательно унаследованный от ига помещиков и буржуазии народный взгляд на суд, как на нечто казенно-чуждое. Нет достаточного сознания того, что суд есть орган привлечения именно бедноты поголовно к государственному управлению (ибо судебная деятельность есть одна из функций государственного управления), — что суд есть *орган власти* пролетариата и беднейшего крестьянства, — что суд есть орудие *воспитания к дисциплине*. Нет достаточного сознания того простого и очевидного факта, что, если главными бедами России являются голод и безработица, то победить эти бедствия нельзя никакими порывами, а только всесторонней, всеобъемлющей, всенародной организацией и дисциплиной, чтобы увеличить производство хлеба для людей и хлеба для промышленности (топлива), вовремя подвезти и правильно распределить его; — что поэтому *виноват* в мучениях голода и безработицы *всякий*, кто нарушает трудовую дисциплину в любом заводе, в любом хозяйстве, в любом деле, — что виновных в этом надо уметь находить, отдавать под суд и карать беспощадно. Мелкобуржуазная стихия, с которой нам предстоит теперь вести самую упорную борьбу, сказывается именно в том, что слабо сознание народнохозяйственной и политической связи голода и безработицы с распушенностью всех и каждого в деле организации и дисциплины, — что держится прочно *мелкособственнический* взгляд: мне бы урвать побольше, а там хоть трава не расти.

На железнодорожном деле, которое всего, пожалуй, нагляднее воплощает хозяйственные связи созданного крупным капитализмом организма, эта борьба мелкобуржуазной стихии распушенности с пролетарской организованностью сказывается особенно выпукло. Элемент «управленский» поставляет саботажников, взяточников в большом обилии; элемент пролетарский в его лучшей части борется за дисциплину; но среди того и другого элементов, конечно, много колеблющихся, «слабых», неспособных противостоять «соблазну» спекуляции, взятки, личной выгоды, покупаемой ценой порчи всего аппарата, от правильной работы которого зависит победа над голодом и безработицей.

Характерна борьба, которая развертывалась на этой почве вокруг последнего декрета об управлении железными доро-

гами, декрета о предоставлении диктаторских полномочий (или «неограниченных» полномочий) отдельным руководителям²⁸⁸. Сознательные (а большей частью, вероятно, бессознательные) представители мелкобуржуазной распушенности хотели видеть отступление от начала коллегиальности и от демократизма и от принципов Советской власти в предоставлении отдельным лицам «неограниченных» (т. е. диктаторских) полномочий. Среди левых эсеров кое-где развивалась прямо хулиганская, т. е. апеллирующая к дурным инстинктам и к мелкособственническому стремлению «урвать», агитация против декрета о диктаторстве. Вопрос встал действительно громадного значения: во-первых, вопрос принципиальный, совместимо ли вообще назначение отдельных лиц, облачаемых неограниченными полномочиями диктаторов, с коренными началами Советской власти; во-вторых, в каком отношении стоит этот случай — этот прецедент, если хотите, — к особым задачам власти в данный конкретный момент. И на том и на другом вопросе надо очень внимательно остановиться.

Что диктатура отдельных лиц очень часто была в истории революционных движений выразителем, носителем, проводником диктатуры революционных классов, об этом говорит непререкаемый опыт истории. С буржуазным демократизмом диктатура отдельных лиц совмещалась несомненно. Но в этом пункте буржуазные хулители Советской власти, а равно их мелкобуржуазные подголоски, проявляют всегда ловкость рук: с одной стороны, они объявляют Советскую власть просто чем-то нелепым, анархическим, диким, старательно обходя все наши исторические параллели и теоретические доказательства того, что Советы суть высшая форма демократизма, даже более: начало *социалистической* формы демократизма; с другой же стороны, они предъявляют к нам требования более высокого, чем буржуазный, демократизма и говорят: с вашим, большевистским (т. е. не буржуазным, а *социалистическим*), советским демократизмом личная диктатура абсолютно несовместима.

Рассуждения из рук вон плохие. Если мы не анархисты, мы должны принять необходимость государства, *то есть принуждения* для перехода от капитализма к социализму. Форма принуждения определяется степенью развития данного революционного класса, затем такими особыми обстоятельствами, как, например, наследие долгой и реакционной войны, затем формами сопротивления буржуазии и мелкой буржуазии. Поэтому решительно никакого принципиального противоречия между советским (т. е. социалистическим) демократизмом и применением диктаторской власти отдельных лиц *нет*.

Отличие пролетарской диктатуры от буржуазной состоит в том, что первая направляет свои удары против эксплуататорского меньшинства в интересах эксплуатируемого большинства, а затем в том, что первую осуществляют — *и через отдельных лиц* — не только массы трудящихся и эксплуатируемых, но и организации, построенные так, чтобы именно такие массы будить, поднимать к историческому творчеству (советские организации принадлежат к этого рода организациям).

По второму вопросу, о значении именно единоличной диктаторской власти с точки зрения специфических задач данного момента, надо сказать, что всякая крупная машинная индустрия — т. е. именно материальный, производственный источник и фундамент социализма — требует безусловного и строжайшего *единства воли*, направляющей совместную работу сотен, тысяч и десятков тысяч людей. И технически, и экономически, и исторически необходимость эта очевидна, всеми думавшими о социализме всегда признавалась как его условие. Но как может быть обеспечено строжайшее единство воли? — Подчинением воли тысяч воле одного.

Это подчинение может, при идеальной сознательности и дисциплинированности участников общей работы, напоминать больше мягкое руководство дирижера. Оно может принимать резкие формы диктаторства, — если нет идеальной дисциплинированности и сознательности. Но, так или иначе, *беспрекословное подчинение* единой воле для успеха процессов работы, организованной по типу крупной машинной индустрии, безусловно необходимо. Для железных дорог оно необходимо вдвойне и втройне. И вот этот переход от одной политической задачи к другой, *по внешности* на нее совсем не похожей, составляет всю оригинальность переживаемого момента. Революция только что разбила самые старые, самые прочные, самые тяжелые оковы, которым из-под палки подчинялись массы. Это было вчера. А сегодня та же революция и именно в интересах ее развития и укрепления, именно в интересах социализма, требует *беспрекословного повиновения* масс *единой воле* руководителей трудового процесса. Понятно, что такой переход немыслим сразу. Понятно, что он осуществим лишь ценою величайших толчков, потрясений, возвратов к старому, громаднейшего напряжения энергии пролетарского авангарда, ведущего народ к новому. Над этим не размышляют те, кто впадает в обывательскую истерику «Новой Жизни» или «Впереда»²⁸⁹, «Дела Народа» или «Нашего Века»²⁹⁰.

Возьмите психологию среднего, рядового представителя трудящейся и эксплуатируемой массы, сопоставьте эту пси-

хологию с объективными, материальными условиями его общественной жизни. До Октябрьской революции он *не* видел еще на деле, чтобы имущие, эксплуататорские классы действительно чем-нибудь для них действительно серьезным пожертвовали, поступились в его пользу. Он не видел *еще*, чтобы ему дали много раз обещанную землю и волю, дали мир, поступились интересами «великодержавности» и великодержавных тайных договоров, поступились капиталом и прибылями. Он увидал это только *после* 25 октября 1917 года, когда он сам взял это силой и силой же должен был отстаивать взятое от Керенских, Гоцов, Гегечкори, Дутовых, Корниловых. Понятно, что известное время все его внимание, все помыслы, все силы души устремлены только на то, чтобы вздохнуть, выпрямиться, развернуться, взять ближайшие блага жизни, которые можно взять и которых не давали ему свергнутые эксплуататоры. Понятно, что известное время необходимо на то, чтобы рядовой представитель массы не только увидал сам, не только убедился, но и почувствовал, что так просто «взять», хапнуть, урвать нельзя, что это ведет к усилению разрухи, к гибели, к возврату Корниловых. Соответственный перелом в условиях жизни (а следовательно, и в психологии) рядовой трудящейся массы только-только начинается. И вся наша задача, задача партии коммунистов (большевиков), являющейся сознательным выразителем стремления эксплуатируемых к освобождению, — осознать этот перелом, понять его необходимость, встать во главе истомленной и устало ищущей выхода массы, повести ее по верному пути, по пути трудовой дисциплины, по пути согласования задач митингования об условиях работы и задач беспрекословного повиновения воле советского руководителя, диктатора, *во время* работы.

Над «митингованием» смеются, а еще чаще по поводу него злобно шипят буржуа, меньшевики, новожиизненцы, видящие только хаос, бестолочь, взрывы мелкособственнического эгоизма. Но без митингования масса угнетенных никогда не смогла бы перейти от дисциплины, вынужденной эксплуататорами, к дисциплине сознательной и добровольной. Митингование, это и есть настоящий демократизм трудящихся, их выпрямление, их пробуждение к новой жизни, их первые шаги на том поприще, которое они сами очистили от гадов (эксплуататоров, империалистов, помещиков, капиталистов) и которое они сами хотят научиться налаживать по-своему, для себя, на началах своей, *Советской*, а не чужой, не барской, не буржуазной власти. Нужна была именно октябрьская

победа трудящихся над эксплуататорами, нужна была целая историческая полоса первоначального обсуждения самими трудящимися новых условий жизни и новых задач, чтобы стал возможным прочный переход к высшим формам трудовой дисциплины, к сознательному усвоению идеи необходимости диктатуры пролетариата, к беспрекословному повиновению единоличным распоряжениям представителей Советской власти во время работы.

Этот переход начался теперь.

Мы успешно решили первую задачу революции, мы видели, как трудящиеся массы выработали в себе основное условие ее успеха: объединение усилий против эксплуататоров для их свержения. Такие этапы, как октябрь 1905 г., февраль и октябрь 1917 г., имеют всемирно-историческое значение.

Мы успешно решили вторую задачу революции: пробудить и поднять те именно общественные «низы», которые эксплуататоры столкнули вниз и которые лишь после 25 октября 1917 г. получили всю свободу свергать их и начать осматриваться и устраиваться по-своему. Митингование именно наиболее угнетенной и забитой, наименее подготовленной массы трудящихся, переход ее на сторону большевиков, проведение ею везде и повсюду своей советской организации — вот второй великий этап революции.

Начинается третий. Надо закрепить то, что мы сами отвоевали, что мы сами декретировали, узаконили, обсудили, наметили, — закрепить в прочные формы *повседневной трудовой дисциплины*. Это — самая трудная, но и самая благодарная задача, ибо только решение ее даст нам социалистические порядки. Надо научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, митинговый демократизм трудящихся масс с *железной дисциплиной* во время труда, с *беспрекословным повиновением* — воле одного лица, советского руководителя, во время труда.

Мы этому еще не научились.

Мы этому научимся.

Реставрация буржуазной эксплуатации грозила нам вчера в лице Корниловых, Гоцов, Дутовых, Гегечкори, Богаевских. Мы их победили. Эта реставрация, та же самая реставрация грозит нам сегодня в иной форме, в виде стихии мелкобуржуазной распушенности и анархизма, мелкобуржуазного: «моя хата с краю», в виде будничных, мелких, но зато многочисленных наступлений и нашествий этой стихии против пролетарской дисциплинированности. Мы эту стихию мелкобуржуазной анархии должны победить, и мы ее победим.

РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Социалистический характер демократизма Советского, — то есть *пролетарского*, в его конкретном, данном, применении, — состоит, во-первых, в том, что избирателями являются трудящиеся и эксплуатируемые массы, буржуазия исключается; во-вторых, в том, что всякие бюрократические формальности и ограничения выборов отпадают, массы сами определяют порядок и сроки выборов, при полной свободе отзыва выбранных; в-третьих, что создается наилучшая массовая организация авангарда трудящихся, крупнопромышленного пролетариата, позволяющая ему руководить наиболее широкими массами эксплуатируемых, втягивать их в самостоятельную политическую жизнь, воспитывать их политически на их собственном опыте, что таким образом впервые делается приступ к тому, чтобы действительно *поголовно* население училось управлять и начинало управлять.

Таковы главные отличительные признаки получившего применение в России демократизма, являющегося более высоким *типом* демократизма, разрывом с буржуазным искажением его, переходом к социалистическому демократизму и к условиям, позволяющим начать отмирать государству.

Разумеется, стихия мелкобуржуазной дезорганизованности (которая при *всякой* пролетарской революции в той или иной мере *неизбежно* себя проявит, а в нашей революции, в силу мелкобуржуазного характера страны, ее отсталости и последствий реакционной войны, проявляется особенно сильно) не может не накладывать своего отпечатка и на Советы.

Над развитием организации Советов и Советской власти приходится неослабно работать. Есть мелкобуржуазная тенденция к превращению членов Советов в «парламентариев» или, с другой стороны, в бюрократов. Бороться с этим надо, привлекая *всех* членов Советов к практическому участию в управлении. Отделы Советов превращаются во многих местах в органы, сливающиеся постепенно с комиссариатами. Целью нашей является *поголовное* привлечение *бедноты* к практическому участию в управлении, и всяческие шаги к осуществлению этого — чем разнообразнее, тем лучше, — должны тщательно регистрироваться, изучаться, систематизироваться, проверяться более широким опытом, узаконяться. Целью нашей является *бесплатное* выполнение государственных обязанностей *каждым* трудящимся, по отбытии 8-часового «урока» производительной работы: переход к этому.

особенно труден, но только в этом переходе залог окончательного упрочения социализма. Новизна и трудность перемены вызывает, естественно, обилие шагов, делаемых, так сказать, ощупью, обилие ошибок, колебания, — без этого никакого резкого движения вперед быть не может. Вся оригинальность переживаемого положения, с точки зрения многих, желающих считаться социалистами, состоит в том, что люди привыкли абстрактно противопоставлять капитализм социализму, а между тем и другим глубокомысленно ставили слово: «скачок» (некоторые, вспоминая обрывки читанного у Энгельса, добавляли еще более глубокомысленно: «скачок из царства необходимости в царство свободы»²⁹¹). О том, что «скачком» учителя социализма называли перелом под углом зрения поворотов всемирной истории и что скачки такого рода обнимают периоды лет по 10, а то и больше, об этом не умеет подумать большинство так называемых социалистов, которые про социализм «читали в книжке», но никогда серьезно в дело не вникали. Естественно, что пресловутая «интеллигенция» составляет в такие времена бесконечное количество плакальщиц по покойнику: одна плачет по Учредительному собранию, другая — по буржуазной дисциплине, третья — по капиталистическому порядку, четвертая — по культурному помещику, пятая — по империалистской великодержавности и так далее, и тому подобное.

Настоящий интерес эпохи больших скачков состоит в том, что обилие обломков старого, накапливаемых иногда быстрее, чем количество зародышей (не всегда сразу видных) нового, требует умения выделить самое существенное в линии или в цепи развития. Бывают исторические моменты, когда для успеха революции всего важнее накопить побольше обломков, т. е. взорвать побольше старых учреждений; бывают моменты, когда взорвано достаточно, и на очередь становится «прозаическая» (для мелкобуржуазного революционера «скучная») работа расчистки почвы от обломков; бывают моменты, когда заботливый уход за зародышами нового, растущими из-под обломков на плохо еще очищенной от щебня почве, всего важнее.

Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунистом вообще. Надо уметь найти в каждый особый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену, причем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты, и не так глупы, как в обыкновенной, кузнецом сделанной цепи.

Борьба с бюрократическим извращением советской организации обеспечивается прочностью связи Советов с «народом», в смысле трудящихся и эксплуатируемых, гибкостью и эластичностью этой связи. Буржуазные парламенты даже лучшей в мире по демократизму капиталистической республики беднота никогда не считает «своими» учреждениями. А Советы — «свое», а не чужое, для массы рабочих и крестьян. Современным «социал-демократам», оттенка Шейдемана или, что почти одно и то же, Мартова, так же претят Советы, их так же тянет к благопристойному буржуазному парламенту, или к Учредительному собранию, как Тургеневу 60 лет тому назад тянуло к умеренной монархической и дворянской конституции, как ему претил мужицкий демократизм Добролюбова и Чернышевского²⁹².

Именно близость Советов к «народу» трудящихся создает особые формы отзыва и другого контроля снизу, которые должны быть теперь особенно усердно развиваемы. Например, Советы народного образования, как периодические конференции советских избирателей и их делегатов для обсуждения и контроля за деятельностью советских властей в данной области, заслуживают полнейшего сочувствия и поддержки. Нет ничего глупее, как превращение Советов в нечто застывшее и самодовлеющее. Чем решительнее мы должны стоять теперь за беспощадно твердую власть, за диктатуру отдельных лиц *для определенных процессов работы*, в определенные моменты *чисто исполнительских функций*, тем разнообразнее должны быть формы и способы контроля снизу, чтобы парализовать всякую тень возможности извращения Советской власти, чтобы вырывать повторно и неустанно сорную траву бюрократизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Необыкновенно тяжелое, трудное и опасное положение в международном отношении; необходимость лавировать и отступать; период выжидания новых взрывов революции, мучительно долго зреющей на Западе; внутри страны период медленного строительства и беспощадного «подтягивания», длительной и упорной борьбы пролетарской суровой дисциплинированности с угрожающей стихией мелкобуржуазной распушенности и анархичности, — таковы, вкратце, отличительные черты особой, переживаемой нами, полосы в социалистической революции. Таково то звено исторической цепи событий, за которое нам сейчас приходится изо всех сил уцепиться, чтобы оказаться на высоте задачи впредь до перехода

к следующему звену, — привлекающему к себе особой яркостью, яркостью побед международной пролетарской революции.

Попробуйте сопоставить с обычным, ходячим понятием «революционера» лозунги, вытекающие из особенностей переживаемой полосы: лавировать, отступать, выжидать, медленно строить, беспощадно подтягивать, сурово дисциплинировать, громить распушенность... Удивительно ли, что некоторых «революционеров», когда они слышат это, охватывает благородное негодование, и они начинают «громить» нас за забвение традиций Октябрьской революции, за соглашательство с буржуазными специалистами, за компромиссы с буржуазией, за мелкобуржуазность, за реформизм и прочее и тому подобное?

Беда этих горе-революционеров состоит в том, что даже у тех из них, кто руководится лучшими в мире побуждениями и отличается безусловной преданностью делу социализма, недостает понимания того особого и особо-«неприятного» состояния, через которое неминуемо должна была пройти отсталая страна, истерзанная реакционной и несчастной войной, начавшая социалистическую революцию задолго раньше более передовых стран; — недостает выдержки в трудные минуты трудного перехода. Естественно, что «официальную» оппозицию *такого* рода чинит нашей партии партия левых эсеров. Личные исключения из групповых и классовых типов, конечно, есть и всегда будут. Но социальные типы остаются. В стране с громадным преобладанием мелкособственнического населения над чисто пролетарским неизбежно будет сказываться — и от времени до времени крайне резко сказываться — различие между революционером пролетарским и мелкобуржуазным. Этот последний колеблется и шатается при каждом повороте событий, переходит от ярой революционности в марте 1917 года к воспеванию «коалиции» в мае, к ненависти против большевиков (или к оплакиванию их «авантюризма») в июле, к опасливому отстранению от них в конце октября, к поддержке их в декабре, — наконец, в марте и апреле 1918 года такие типы чаще всего морщат пренебрежительно нос и говорят: «Я не из тех, кто поет гимны «органической» работе, практицизму и постепенности».

Социальный источник таких типов, это — мелкий хозяйчик, который взбесился от ужасов войны, от внезапного разорения, от неслыханных мучений голода и разрухи, который истерически мечется, ища выхода и спасенья, колеблясь между доверием к пролетариату и поддержкой его, с одной стороны, приступами отчаяния — с другой. Надо ясно понять и твердо усвоить, что на такой социальной базе никакого со-

циализма построить нельзя. Руководить трудящимися и эксплуатирруемыми массами может только класс, без колебаний идущий по своему пути, не падающий духом и не впадающий в отчаяние на самых трудных, тяжелых и опасных переходах. Нам истерические порывы не нужны. Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата.

*Написано между 13 и 26 апреля
1918 г.*

*Напечатано 28 апреля 1918 г. в газете
«Правда» № 83 и в Приложении к газете
«Известия ВЦИК» № 85
Подпись: Н. Л е н и н*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 36, стр. 165—208*

НАБРОСОК ПЛАНА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ РАБОТ²⁹³

Академии наук, начавшей систематическое изучение и исследование естественных производительных сил* России, следует немедленно дать от Высшего совета народного хозяйства поручение

образовать ряд комиссий из специалистов для возможно более быстрого составления плана реорганизации промышленности и экономического подъема России.

В этот план должно входить:

рациональное *размещение* промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта.

Рациональное, с точки зрения новейшей наиболее крупной промышленности и особенно трестов, слияние и сосредоточение производства в немногих крупнейших предприятиях.

Наибольшее обеспечение теперешней Российской Советской республике (без Украины и без занятых немцами областей) возможности *самостоятельно* снабдить себя *всеми* главнейшими видами сырья и промышленности.

Обращение особого внимания на электрификацию промышленности и транспорта и применение электричества к земледелию. Использование непервоклассных сортов топлива (торф, уголь худших сортов) для получения электрической энергии с наименьшими затратами на добычу и перевоз горючего.

Водные силы и ветряные двигатели вообще и в применении к земледелию.

Написано между 18 и 25 апреля 1918 г.

*Впервые напечатано 4 марта 1924 г.
в газете «Правда» № 52*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 36, стр. 228—231*

* NB: Надо ускорить *издание* этих материалов изо всех сил, послать об этом бумажку и в Комиссариат народного просвещения, и в союз типографских рабочих, и в Комиссариат труда²⁹⁴.

(1

Академии Наук, направившей экспертно-
ско изучение и обследование естественных ресурсов
губернии сиб. России, с целью казенного закупа
У. С. Р. Х. продукции

образовать ряд комиссий из специалистов.
Для того чтобы было возможно создание
плана реорганизации промышленности и
экономики губернии России.

И этот план должен включать:
рационализацию промышленности

М:

«Каждо из которых удачно имеет материал из
сид, почва от орош. земель и в К-рии Кар. Пров. и
в союс. земле рабочих и в К-рии Марш.

Первая страница рукописи В. И. Ленина
«Набросок плана научно-технических работ», — Апрель 1918 г.

Уменьшено

ШЕСТЬ ТЕЗИСОВ ОБ ОЧЕРЕДНЫХ ЗАДАЧАХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ²⁹⁵

1. Международное положение Советской республики в высшей степени трудное и критическое, ибо самые глубокие и коренные интересы международного капитала и империализма побуждают его стремиться не только к военному натиску на Россию, но и к соглашению о дележе России и удушении Советской власти.

Только обострение империалистской бойни народов на западе Европы и империалистское соревнование Японии и Америки на Дальнем Востоке парализует или сдерживает эти стремления и то лишь отчасти и лишь на известное, вероятно, короткое время.

Поэтому обязательной тактикой Советской республики должно быть, с одной стороны, крайнее напряжение всех сил для быстрого экономического подъема страны, повышения ее обороноспособности, создания могучей социалистической армии; с другой стороны, в международной политике обязательна тактика лавирования, отступления, выжидания до того момента, когда окончательно созреет международная пролетарская революция, зреющая теперь быстрее, чем прежде, в целом ряде передовых стран.

2. В области внутренней политики на очередь дня выдвигается в настоящий момент, согласно резолюции Всероссийского съезда Советов от 15 марта 1918 г., задача организационная. Именно эта задача, в применении к новой и высшей постановке производства и распределения продуктов на базе обобществленного крупного машинного (труда) производства, составляет главное содержание — и главное условие полной победы — социалистической революции, которая начата в России 25-го октября 1917 года.

3. С точки зрения чисто политической, гвоздем момента является то, что задача убедить трудящуюся Россию в правильности программы социалистической революции и задача отвоевать Россию от эксплуататоров для трудящихся яв-

ляются, в главных и основных чертах, завершенными, и на очередь дня выдвигается главная задача, — как управлять Россией. Организация правильного управления, неуклонного проведения в жизнь постановлений Советской власти — такова насущная задача Советов, таково условие полной победы советского типа государства, каковой тип недостаточно формально декретировать, недостаточно учредить и ввести во всех концах страны, а необходимо еще практически наладить и проверять на регулярной, повседневной работе управления.

4. В области экономического строительства социализма гвоздем момента является то, что наша работа по организации всенародного и всеобъемлющего учета и контроля за производством и распределением продуктов и по введению пролетарского регулирования производства сильно отстала от работы непосредственной экспроприации экспроприаторов — помещиков и капиталистов. Это основной факт, определяющий наши задачи.

Из него вытекает, с одной стороны, что борьба с буржуазией вступает в новый фазис, а именно: центром тяжести становится организация учета и контроля. Только таким путем могут быть закреплены все те экономические завоевания против капитала и все те меры по национализации отдельных отраслей народного хозяйства, которые с октября были нами достигнуты, и только таким путем может быть подготовлено успешное завершение борьбы с буржуазией, т. е. полное упрочение социализма.

Из указанного основного факта вытекает, с другой стороны, объяснение того, почему Советской власти пришлось в известных случаях сделать шаг назад или пойти на компромисс с буржуазными тенденциями. Таким шагом назад и отступлением от принципов Парижской Коммуны было, например, введение высоких жалований для ряда буржуазных специалистов. Таким компромиссом было соглашение с буржуазными кооперативами о шагах и мерах к постепенному привлечению всего населения в кооперативы. Пока пролетарская власть не поставит вполне на ноги всенародного контроля и учета, подобного рода компромиссы необходимы, и наша задача состоит в том, чтобы, отнюдь не замалчивая перед народом их отрицательных черт, напрягать усилия для улучшения учета и контроля, как единственного средства и пути к полному устранению всяких подобных компромиссов. В настоящий момент подобные компромиссы необходимы, как единственное (при нашем опоздании с учетом и контролем) обеспечение более медленного, но и более прочного движения вперед. При полном проведении учета и контроля за произ-

водством и распределением продуктов надобность в таких компромиссах отпадет.

5. На очередь дня становятся в особенности меры повышения трудовой дисциплины и производительности труда. Шаги, начатые уже в этом направлении, особенно профессиональными союзами, должны быть изо всех сил поддержаны, укреплены и усилены. Сюда относится, например, введение сдельной платы, применение многого, что есть научного и прогрессивного в системе Тейлора, соразмерение заработков с общими итогами работы фабрики или с эксплуатационными результатами железнодорожного и водного транспорта и т. д. Сюда относится также организация соревнования между отдельными производительными и потребительными коммунами, отбор организаторов и т. п.

6. Диктатура пролетариата является безусловной необходимостью при переходе от капитализма к социализму, и в нашей революции эта истина получила свое полное практическое подтверждение. Но диктатура предполагает действительно твердую и беспощадную в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов революционную власть, а наша власть слишком мягка. Подчинение, и притом беспрекословное, во время труда, единоличным распоряжениям советских руководителей, диктаторов, выборных или назначенных советскими учреждениями, снабженных диктаторскими полномочиями (как того требует, например, железнодорожный декрет), обеспечено еще далеко и далеко недостаточно. Здесь сказывается влияние мелкобуржуазной стихии, стихии мелкобуржуазных привычек, стремлений и настроений, в корне противоречащих пролетарской дисциплинированности и социализму. Все сознательное в пролетариате должно быть устремлено на борьбу с этой мелкобуржуазной стихией, которая находит себе выражение не только прямое (в поддержке буржуазией и ее прихвостнями: меньшевиками, правыми эсерами и т. п. всякого противодействия пролетарской власти), но и косвенное (в том истерическом колебании, которое по главным вопросам политики обнаруживает как мелкобуржуазная партия левых эсеров, так и опускающееся до приемов мелкобуржуазной революционности, подражающее левым эсерам «левокоммунистическое» течение в нашей партии).

Железная дисциплина и до конца проведенная диктатура пролетариата против мелкобуржуазных шатаний — таков общий и итоговый лозунг момента.

Написано между 29 апреля и 3 мая 1918 г.

*Напечатано 9 мая 1918 г.
в газете «Беднота» № 33*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 36, стр. 277—280*

О «ЛЕВОМ» РЕБЯЧЕСТВЕ И О МЕЛКОБУРЖУАЗНОСТИ

Выпуск маленькой группой «левых коммунистов» своего журнала «Коммунист»²⁹⁶ (№ 1, 20 апреля 1918) и своих «тезисов» дает превосходное подтверждение сказанному мною в брошюре об очередных задачах Советской власти*. Более наглядного подтверждения — в политической литературе — всей наивности той защиты мелкобуржуазной распущенности, которая иногда прячется под «левыми» лозунгами, нельзя было бы и желать. На рассуждениях «левых коммунистов» полезно и необходимо остановиться, ибо они характерны для переживаемого момента; они выясняют необыкновенно отчетливо, с отрицательной стороны, — «гвоздь» этого момента; они поучительны, ибо перед нами лучшие из непонявших момента люди, которые и по знаниям и по преданности стоят много, много выше дюжинных представителей одинаковой ошибки, именно, левых эсеров.

I

Как политическая — или претендующая на политическую роль — величина, группа «левых коммунистов» дала нам свои «тезисы о текущем моменте». Это — хороший марксистский обычай, давать связное и цельное изложение основ своих взглядов и своей тактики. И этот хороший марксистский обычай помог разоблачить ошибку наших «левых», ибо одна уже попытка аргументировать — а не декламировать — вскрывает несостоятельность аргументации.

Прежде всего бросается в глаза обилие кивков, намеков, уверток по поводу старого вопроса о том, правильно ли было заключение Брестского мира. Прямо поставить этот вопрос «левые» не решились, и они барахтаются комично, громоздя

* См. настоящий том, стр. 592—625. *Ред.*

один довод на другой, вылавливая соображения, разыскивая всяческие «с одной стороны» и «с другой стороны», растекаются мыслью по всем предметам, и многим прочим, стараясь не видеть, как они побивают сами себя. Цифру: 12 голосов на съезде партии против мира, при 28 за мир, «левые» заботливо приводят, а о том, что из многих сотен голосов на большевистской фракции съезда Советов они собрали менее одной десятой, скромно умалчивают. Создают «теорию», что мир проводили «усталые и деклассированные», против мира «были рабочие и крестьяне экономически более жизненных и лучше обеспеченных хлебом областей юга»... Как не посмеяться над этим? О голосовании Всеукраинского съезда Советов за мир — ни звука, о социальном и классовом характере типично мелкобуржуазного и деклассированного политического конгломерата в России, бывшего против мира (партии левых эсеров), — ни словечка. Чисто ребяческая манера забавными объяснениями «под научность» прикрывать свой крах, прикрывать факты, простая сводка которых показала бы, что именно деклассированные, интеллигентские партийные «вершки» и верхушки оспаривали мир лозунгами революционной мелкобуржуазной фразы, именно *массы* рабочих и эксплуатируемых крестьян провели мир.

Через все указанные заявления и увертки «левых», по вопросу о войне и мире, простая и ясная правда пробивает себе все же дорогу. «Заключение мира, — вынуждены признать авторы тезисов, — ослабило пока что стремление империалистов к международной сделке» (это изложено не точно у «левых», но останавливаться на неточностях здесь не место). «Заключение мира уже привело к обострению схватки между империалистскими державами».

Вот это — факт. Вот это имеет *решающее* значение. Вот почему противники заключения мира были объективно игрушкой в руках империалистов, были в их западне. Ибо пока не вспыхнула международная, несколько стран охватывающая, социалистическая революция, настолько сильная, чтобы она могла победить *международный империализм*, до тех пор прямой долг социалистов, победивших в одной (особенно отсталой) стране, *не* принимать боя с гигантами империализма, стараться уклониться от боя, выжидать, пока схватка империалистов между собою *еще* более ослабит их, еще более приблизит революцию в других странах. Этой простой истины не поняли в январе, феврале и марте наши «левые», они боятся признать ее открыто и теперь; она пробивает себе дорогу сквозь все их сбивчивые: «с одной стороны, нельзя не сознаться, с другой стороны, надо признаться»,

«В течение ближайшей весны и лета, — пишут «левые» в своих тезисах, — должно начаться крушение империалистической системы, которое, в случае победы германского империализма в текущем фазисе войны, может быть только отсрочено и выразится тогда в еще более острых формах».

Формулировка здесь еще более ребячески-неточная, несмотря на всю игру в научность. Детям свойственно «понимать» науку так, будто она может определить, в каком году, весной и летом или осенью и зимой «должно» «начаться крушение».

Это смешные потуги узнать то, чего узнать нельзя. Ни один серьезный политик никогда не скажет, *когда* «должно начаться» то или иное крушение «системы» (тем более, что крушение *системы* уже началось, а речь идет о моменте взрыва в *отдельных* странах). Но через детскую беспомощность формулировки пробивает себе дорогу бесспорная истина: взрывы революции в других, более передовых, странах *ближе* к нам теперь, месяц спустя после открывшейся с момента мира «передышки», чем они были месяц, полтора тому назад.

Значит?

Значит, были вполне правы и оправданы уже историей сторонники мира, втолковывавшие любителям эффектного, что надо уметь рассчитать соотношение сил и *не помогать* империалистам, облегчая им бой с социализмом, когда социализм еще слаб и когда шансы боя для социализма заведомо невыгодны.

Но о соотношении сил, об учете соотношения сил наши «левые» коммунисты, — которые любят также называть себя «пролетарскими» коммунистами, ибо у них особенно мало пролетарского и особенно много мелкобуржуазного, — не умеют думать. В этом гвоздь марксизма и марксистской тактики, а они проходят мимо «гвоздя» с «горделивыми» фразами, вроде следующей:

«...Закрепление в массах бездеятельной «психологии мира» есть объективный факт политического момента...»

Ведь это же прямо перл! После трехлетней мучительнейшей и реакционнейшей из войн, народ получил, благодаря Советской власти и ее правильной, не сбивающейся на фразерство, тактике, маленькую-маленькую, совсем маленькую, непрочную и далеко не полную передышку, а «левые» интеллигентики, с великолепием влюбленного в себя Нарцисса, глубокомысленно изрекают: «закрепление (!!!) в массах (???) бездеятельной (!!!???) психологии мира». Разве не прав я был, когда сказал на партийном съезде, что газете или журналу

«левых» следовало бы называться не «Коммунист», а «Шляхтич»? *.

Разве может коммунист, сколько-нибудь понимающий условия жизни и психологию трудящихся, эксплуатируемых масс, скатываться до этой точки зрения типичного интеллигента, мелкого буржуа, деклассированного, с настроением барича или шляхтича, которая «психологию мира» объявляет «бездейательной», а маханье картонным мечом считает «дейательностью»? Ибо это именно есть маханье картонным мечом, когда наши «левые» обходят общеизвестный и еще раз доказанный войной на Украине факт, что измученные трехлетней бойней народы воевать без передышки не могут, что война, если ее нет сил организовать в национальном масштабе, порождает сплошь да рядом психологию мелкобуржуазного развала, а не пролетарской железной дисциплины. Мы видим из журнала «Коммунист» на каждом шагу, что наши «левые» понятия не имеют о пролетарской железной дисциплине и ее подготовке, что они насквозь пропитаны психологией деклассированного мелкобуржуазного интеллигента.

II

Но, может быть, фразы «левых» о войне просто ребяческий задор, обращенный притом к прошлому и потому ни тени политического значения не имеющий? Так защищают некоторые наших «левых». Но это неверно. Если претендовать на политическое руководство, надо уметь *продумать* политические задачи, а отсутствие этого превращает «левых» в бесхарактернейших проповедников шатания, имеющего объективно только одно значение: своими шатаниями «левые» *помогают* империалистам провоцировать Российскую Советскую республику на заведомо невыгодный для нее бой, *помогают* империалистам затащить нас в западню. Слушайте:

«...Российская рабочая революция не может «сберечь себя», сойдя с международного революционного пути, непрерывно избегая боя и отступая перед натиском международного капитала, делая уступки «отечественному капиталу».

С этой точки зрения необходимы: решительная классовая международная политика, соединяющая международную революционную пропаганду словом и делом, и укрепление органической связи с международным социализмом (а не с международной буржуазией)....».

Об имеющихся здесь выпадах в область внутренней политики будет речь особо. Но посмотрите на этот разгул фразы —

* См. настоящий том, стр. 544. *Ред.*

вместе с робостью на деле — в области политики внешней. Какая тактика *обязательна* для всякого, кто не хочет быть орудием империалистской провокации и лезть в западню в *данный* момент? На этот вопрос всякий политик должен дать ясный, прямой ответ. Ответ нашей партии известен: в *данный* момент *отступать*, избегать боя. Наши «левые» не решаются сказать обратного и стреляют в воздух: «решительная классовая международная политика»!!

Это — обман масс. Хотите воевать сейчас, так говорите это прямо. Не хотите *отступать* сейчас, так говорите прямо. Иначе вы — орудие империалистской провокации, по вашей объективной роли. А субъективная ваша «психология» есть психология взбесившегося мелкого буржуа, который хорохорится и хвастает, но прекрасно чувствует, что пролетарий *прав*, отступая и стараясь отступить организованно; — пролетарий *прав*, рассчитывая, что, пока сил еще нет, надо отступать (перед западным и восточным империализмом) хотя бы до Урала, ибо это *единственный* шанс выигрыша для периода назревания революции на Западе, революции, которая не «должна» (вопреки болтовне «левых») начаться «весной или летом», но которая *с каждым месяцем* становится все ближе и вероятнее.

«Своей» политики у «левых» нет; объявить отступление *сейчас* ненужным они *не смеют*. Они вертятся и виляют, играя словами, подсовывают вопрос о «непрерывном» избегании боя, на место вопроса об избегании боя *в данный момент*. Они пускают мыльные пузыри: «международная революционная пропаганда делом»!! Что это значит?

Это может значить только одно из двух: либо это ноздревщина, либо это наступательная война в целях свержения международного империализма. Сказать открыто такого вздора нельзя, а потому и приходится «левым» коммунистам спасаться от осмеяния их всяким сознательным пролетарием под сень громкозвучащих и пустейших фраз: авось, дескать, невнимательный читатель не заметит, что это собственно такое значит: «международная революционная пропаганда делом».

Швыряться звонкими фразами — свойство деклассированной мелкобуржуазной интеллигенции. Организованные пролетарии-коммунисты за эту «манеру» будут карать, наверное, не меньше, как насмешками и изгнанием со всякого ответственного поста. Надо говорить массам горькую правду просто, ясно, прямо: возможно и даже вероятно, что военная партия возьмет еще раз верх в Германии (в смысле перехода тотчас в наступление на нас) и что Германия вместе

с Японией, по формальному или молчаливому соглашению, будут делить и душить нас. Наша тактика, если мы не хотим слушать крикунов: выжидать, оттягивать, избегать боя, отступать. Если мы отбросим прочь крикунов и «подтянемся», создав действительно железную, действительно пролетарскую, действительно коммунистическую дисциплину, то мы имеем серьезные шансы выиграть много месяцев. И тогда, отступая даже (на худой из худых концов) до Урала, мы *облегчаем* нашему союзнику (международному пролетариату) возможность прийти к нам на помощь, возможность «покрыть» (выражаясь спортивным языком) расстояние, отделяющее начало революционных взрывов от революции.

Такая и только такая тактика на деле укрепляет связь одного, оказавшегося на время изолированным, отряда международного социализма с прочими отрядами, а у вас, любезные «левые коммунисты», получается, по правде сказать, только «укрепление органической связи» одной звонкой фразы с другой звонкой фразой. Плохая это «органическая связь»!

И я вам объясню, любезные, почему это несчастье с вами случилось: потому, что вы лозунги революции более заучиваете и запоминаете, чем продумываете. От этого вы слова «оборона социалистического отечества» ставите в кавычки, которые, вероятно, должны означать ваше покушение на иронию, но которые на деле показывают именно кашу в голове. Вы привыкли считать «оборончество» вещью гнусной и гадкой, вы запомнили и заучили это, вы твердили это наизусть до того усердно, что некоторые из вас договаривались до нелепости, будто защита отечества в империалистскую эпоху есть вещь недопустимая (на деле она недопустима лишь в империалистской, реакционной войне, ведомой буржуазией). Но вы не продумали, почему и когда гнусно «оборончество».

Признавать защиту отечества это значит признавать законность и справедливость войны. Законность и справедливость с какой точки зрения? Только с точки зрения социалистического пролетариата и его борьбы за свое освобождение; другой точки зрения мы не признаем. Если войну ведет класс эксплуататоров в целях укрепления своего господства, как класса, это — преступная война и «оборончество» в *такой* войне есть гнусность и предательство социализма. Если войну ведет пролетариат, победивший у себя буржуазию, ведет в интересах укрепления и развития социализма, тогда война законна и «священна».

Мы — оборонцы после 25 октября 1917 г. Я говорил это не раз с полной определенностью, и оспорить этого вы не ре-

шаетесь. Именно в интересах «укрепления связи» с международным социализмом *обязательно* оборонять *социалистическое* отечество. Разрушает связь с международным социализмом тот, кто стал бы относиться легкомысленно к обороне страны, в которой победил уже пролетариат. Когда мы были представителями угнетенного класса, мы не относились легкомысленно к защите отечества в империалистской войне, мы принципиально отрицали такую защиту. Когда мы стали представителями господствующего класса, начавшего организовывать социализм, мы требуем от всех *серьезного* отношения к обороне страны. Серьезно относиться к обороне страны это значит основательно готовиться и строго учитывать соотношение сил. Если сил заведомо мало, то важнейшим средством обороны является *отступление в глубь страны* (тот, кто увидал бы в этом, на данный только случай, притянутую формулу, может прочесть у старика Клаузевица, одного из великих военных писателей, об итогах уроков истории на этот счет). А у «левых коммунистов» нет и намека на то, чтобы они понимали значение вопроса о соотношении сил.

Когда мы были принципиально врагами оборончества, мы имели право высмеивать тех, кто хотел «сберечь» свое отечество в интересах будто бы социализма. Когда мы получили право быть пролетарскими оборонцами — вся постановка вопроса в корне меняется. Нашим долгом становится осторожнейший учет сил, тщательнейшее взвешивание того, успеет ли подойти наш союзник (международный пролетариат). Интерес капитала — разбить врага (революционный пролетариат) по частям, пока еще не соединились (на деле, т. е. начав революцию) рабочие всех стран. Интерес наш — сделать все возможное, использовать даже малейший шанс, чтобы оттянуть решительный бой до момента (или *«до после»* момента) такого объединения революционных отрядов одной великой международной армии.

III

Переходим к злоключениям наших «левых коммунистов» в области внутренней политики. Трудно без улыбки читать такие фразы в тезисах о *текущем* моменте:

«...Планомерное использование уцелевших средств производства мыслимо только при самом решительном обобществлении»... «не капитуляция перед буржуазией и ее мелкобуржуазными интеллигентскими приспешниками, а добивание буржуазии и окончательная ломка саботажа...».

Милые «левые коммунисты», как много у них решительности... и как мало размышления! Что это значит: «самое решительное обобществление»?

Можно быть решительным или нерешительным в вопросе о национализации, о конфискации. Но в том-то и гвоздь, что недостаточно даже величайшей в мире «решительности» для перехода от национализации и конфискации к обобществлению. В том-то и беда наших «левых», что они этим наивным, ребяческим сочетанием слов: «самое решительное... обобществление» обнаруживают полное непонимание ими гвоздя вопроса, гвоздя «текущего» момента. В том-то и злоключение «левых», что они не заметили самой сути «текущего момента», перехода от конфискаций (при проведении коих главным качеством политика является решительность) к обобществлению (для проведения коего требуется от революционера *иное* качество).

Вчера гвоздем текущего момента было то, чтобы как можно решительнее национализировать, конфисковать, бить и добивать буржуазию, ломать саботаж. Сегодня только слепые не видят, что мы больше нанационализировали, наконфисковали, набили и наломали, *чем успели подсчитать*. А обобществление тем как раз и отличается от простой конфискации, что конфисковать можно с одной «решительностью» без уменья правильно учесть и правильно распределить, *обобществить же без такого уменья нельзя*.

Нашей исторической заслугой было то, что мы были вчера (и будем завтра) решительны в конфискациях, в добивании буржуазии, в ломке саботажа. Сегодня писать об этом в «тезисах текущего момента» значит повернуться лицом к прошлому и не понять перехода к будущему.

...«Окончательная ломка саботажа»... Нашли задачу! Да саботажники у нас совершенно достаточно «сломлены». Не хватает нам совсем, совсем иного: *подсчета* того, куда и каких саботажников поставить должно, организации *своих* сил для надзора, скажем, одного большевистского руководителя или контролера за сотней идущих к нам на службу саботажников. При таком положении дел швыряться фразами «самое решительное обобществление», «добивание», «окончательная ломка» значит попадать пальцем в небо. Мелкобуржуазному революционеру свойственно не замечать, что для социализма недостаточно добивания, ломки и пр., — этого достаточно для мелкого собственника, взбесившегося против крупного, — но пролетарский революционер никогда не впал бы в такую ошибку.

Если слова, приведенные нами, вызывают улыбку, то прямо уже гомерический смех вызывает открытие, сделанное «левыми коммунистами», будто Советской республике, при «правобольшевистском уклоне», грозит «эволюция в сторону государственного капитализма». Вот уже подлинно, можно сказать, напугали! И с каким усердием повторяют «левые коммунисты» и в тезисах, и в статьях это грозное открытие...

А того не подумали, что государственный капитализм был бы *шагом вперед* против теперешнего положения дел в нашей Советской республике. Если бы, примерно, через полгода у нас установился государственный капитализм, это было бы громадным успехом и вернейшей гарантией того, что через год у нас окончательно упрочится и непобедимым станет социализм.

Я воображаю себе, с каким благородным негодованием отшатнется «левый коммунист» от этих слов и какую «убийственную критику» направит он перед рабочими против «правобольшевистского уклона». Как? В Советской *социалистической* республике переход к государственному капитализму был бы шагом вперед?.. Это ли не измена социализму?

Именно здесь лежит корень *экономической* ошибки «левых коммунистов». Именно на этом пункте надо поэтому подробнее остановиться.

Во-первых, «левые коммунисты» не поняли, каков именно тот *переход* от капитализма к социализму, который дает нам право и основание называться социалистической республикой Советов.

Во-вторых, они обнаруживают свою мелкобуржуазность именно тем, что *не видят* мелкобуржуазной стихии, как *главного* врага социализма у нас.

В-третьих, выдвигая пугало «государственного капитализма», они обнаруживают непонимание Советского государства в его экономическом отличии от буржуазного государства.

Рассмотрим все эти три обстоятельства.

Не было еще, кажется, такого человека, который, задаваясь вопросом об экономике России, отрицал переходный характер этой экономики. Ни один коммунист не отрицал, кажется, и того, что выражение социалистическая Советская республика означает решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание новых экономических порядков социалистическими.

Но что же значит слово переход? Не означает ли оно, в применении к экономике, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки *и* капитализма, *и* социализма? Всякий

признает, что да. Но не всякий, признавая это, размышляет о том, каковы же именно элементы различных общественно-экономических укладов, имеющиеся налицо в России. А в этом весь гвоздь вопроса.

Перечислим эти элементы:

- 1) патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство;
- 2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб);
- 3) частнохозяйственный капитализм;
- 4) государственный капитализм;
- 5) социализм.

Россия так велика и так пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней. Своеобразие положения именно в этом.

Спрашивается, какие же элементы преобладают? Ясное дело, что в мелкокрестьянской стране преобладает и не может не преобладать мелкобуржуазная стихия; большинство, и громадное большинство, земледельцев — мелкие товарные производители. Оболочку государственного капитализма (хлебная монополия, подконтрольные предприниматели и торговцы, буржуазные кооператоры) разрывают у нас то здесь, то там *спекулянты*, и главным предметом спекуляции является *хлеб*.

Главная борьба развертывается именно в этой области. Между кем и кем идет эта борьба, если говорить в терминах экономических категорий, вроде «государственный капитализм»? Между 4-ой и 5-ой ступенями в том порядке, как я их перечислил сейчас? Конечно, нет. Не государственный капитализм борется здесь с социализмом, а мелкая буржуазия плюс частнохозяйственный капитализм борются вместе, заодно, и против государственного капитализма, и против социализма. Мелкая буржуазия сопротивляется против *всякого* государственного вмешательства, учета и контроля как государственно-капиталистического, так и государственно-социалистического. Это — совершенно непререкаемый факт действительности, в непонимании которого и лежит корень экономической ошибки «левых коммунистов». Спекулянт, мародер торговли, срыватель монополии — вот наш главный «внутренний» враг, враг экономических мероприятий Советской власти. Если 125 лет тому назад французским мелким буржуа, самым ярым и самым искренним революционерам, было еще извинительно стремление победить спекулянта казнями отдельных, немногих «избранных» и громами декламации, то теперь чисто фразерское отношение к вопросу у каких-нибудь

левых эсеров возбуждает в каждом сознательном революционере только отвращение или брезгливость. Мы прекрасно знаем, что экономическая основа спекуляции есть мелкособственнический, необычайно широкий на Руси, слой и частнохозяйственный капитализм, который *в каждом* мелком буржуа имеет своего агента. Мы знаем, что миллионы щупальцев этой мелкобуржуазной гидры охватывают то здесь, то там отдельные прослойки рабочих, что спекуляция *вместо государственной монополии* врывается во все поры нашей общественно-экономической жизни.

Кто не видит этого, тот как раз своей слепотой и обнаруживает свою плененность мелкобуржуазными предрассудками. Именно таковы наши «левые коммунисты», которые на словах (и в своем искреннейшем убеждении, конечно) беспощадные враги мелкой буржуазии, а на деле ей только и помогают, ей только и служат, ее только точку зрения и выражают, воюя — *в апреле 1918 года!!* — против... «государственного капитализма»! Попали пальцем в небо!

Мелкий буржуа имеет запас деньжонок, несколько тысяч, накопленных «правдами» и особенно неправдами во время войны. Таков экономический тип, характерный, как основа спекуляции и частнохозяйственного капитализма. Деньги, это — свидетельство на получение общественного богатства, и многомиллионный слой мелких собственников, крепко держа это свидетельство, прячет его от «государства», ни в какой социализм и коммунизм не веря, «отсиживаясь» от пролетарской бури. Либо мы подчиним *своему* контролю и учету этого мелкого буржуа (мы сможем это сделать, если организуем бедноту, т. е. большинство населения или полупролетариев, вокруг сознательного пролетарского авангарда), либо он скинет нашу, рабочую, власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой мелкособственнической почве и произрастающие. Так стоит вопрос. Одни левые эсеры за фразерством о «трудовом» крестьянстве не видят этой простой и ясной правды, но кто же берет всерьез потонувших в фразерстве левых эсеров?

Мелкий буржуа, хранящий тыщонки, враг государственного капитализма, и эти тыщонки он желает реализовать непременно для себя, против бедноты, против всякого общегосударственного контроля, а сумма тыщонок дает многомиллиардную базу спекуляции, срывающей наше социалистическое строительство. Допустим, что известное число рабочих дает в несколько дней сумму ценностей, выражаемую цифрой 1000. Допустим, далее, что 200 из этой суммы пропадает у нас вследствие мелкой спекуляции, всяческого хищения и

мелкособственнического «обхода» советских декретов и советских распоряжений. Всякий сознательный рабочий скажет: если бы я мог дать 300 из тысячи, ценою создания большего порядка и организации, я бы охотно отдал триста вместо двухсот, ибо при Советской власти уменьшить потом эту «дань», скажем, до ста или до пятидесяти, будет совсем легкой задачей, раз порядок и организация будут налажены, раз мелкособственнический срыв всякой государственной монополии будет окончательно сломлен.

Этим простым цифровым примером, — который умышленно упрощен до последней степени для популярного изложения, — поясняется *соотношение* теперешнего положения, государственного капитализма и социализма. У рабочих в руках власть в государстве, у них полнейшая юридическая возможность «взять» всю тысячу, т. е. ни копейки не отдать без социалистического назначения. Эта юридическая возможность, опирающаяся на фактический переход власти к рабочим, есть элемент социализма.

Но многими путями мелкособственническая и частнокапиталистическая стихии подрывают юридическое положение, протаскивают спекуляцию, срывают выполнение советских декретов. Государственный капитализм был бы гигантским шагом вперед, *даже если бы* (и я нарочно взял такой цифровой пример, чтобы резко показать это) мы заплатили *больше*, чем теперь, ибо заплатить «за науку» стоит, ибо это полезно для рабочих, ибо победа над беспорядком, разрухой, расхлябанностью важнее всего, ибо продолжение мелкособственнической анархии есть самая большая, самая грозная опасность, которая погубит нас (если мы не победим ее) *безусловно*, тогда как уплата большей дани государственному капитализму не только не погубит нас, а выведет вернейшим путем к социализму. Рабочий класс, научившийся тому, как отстоять государственный порядок против мелкособственнической анархичности, научившийся тому, как наладить крупную, общегосударственную организацию производства, на государственно-капиталистических началах, будет иметь тогда, — извините за выражение, — все козыри в руках, и упрочение социализма будет обеспечено.

Государственный капитализм *экономически* несравненно выше, чем наша теперешняя экономика, это во-первых.

А во-вторых, в нем нет для Советской власти ничего страшного, ибо Советское государство есть государство, в котором обеспечена власть рабочих и бедноты. «Левые коммунисты» не поняли этих бесспорных истин, которых, конечно, не понять никогда «левому эсеру», не умеющему связать в

голове вообще никаких мыслей по политической экономии, но которые *вынужден* будет признать всякий марксист. С левым эсером не стоит и спорить, на него достаточно показать пальцем, как на «отталкивающий пример» пустомели, но с «левым коммунистом» спорить *надо*, ибо тут ошибку делают марксисты и разбор их ошибки поможет *рабочему классу* найти верный путь.

IV

Чтобы еще более разъяснить вопрос, приведем прежде всего конкретнейший пример государственного капитализма. Всем известно, каков этот пример: Германия. Здесь мы имеем «последнее слово» современной крупнокапиталистической техники и планомерной организации, *подчиненной юнкерски-буржуазному империализму*. Откиньте подчеркнутые слова, поставьте на место *государства* военного, юнкерского, буржуазного, империалистского, *тоже государство*, но государство иного социального типа, иного классового содержания, государство *советское*, т. е. пролетарское, и вы получите *всю* ту сумму условий, которая дает социализм.

Социализм немыслим без крупнокапиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки, без планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов. Об этом мы, марксисты, всегда говорили, и с людьми, которые *даже* этого не поняли (анархисты и добрая половина левых эсеров), не стоит тратить даже и двух секунд на разговор.

Социализм немыслим, вместе с тем, без господства пролетариата в государстве: это тоже азбука. И история (от которой никто, кроме разве меньшевистских тупиц первого ранга, не ждал, чтобы она гладко, спокойно, легко и просто дала «цельный» социализм) пошла так своеобразно, что *родила* к 1918 году две разрозненные половинки социализма, друг подле друга, точно два будущих цыпленка под одной скорлупой международного империализма. Германия и Россия воплотили в себе в 1918 году всего нагляднее материальное осуществление экономических, производственных, общественно-хозяйственных, с одной стороны, и политических условий социализма, с другой стороны.

Победоносная пролетарская революция в Германии сразу, с громадной легкостью, разбила бы всяческую скорлупу империализма (сделанную, к сожалению, из лучшей стали и потому не разбивающуюся от усилий *всякого...* цыпленка),

осуществила бы победу мирового социализма наверняка, без трудностей или с ничтожными трудностями, — конечно, если масштаб «трудного» брать всемирно-исторический, а не обывательски-кружковый.

Пока в Германии революция еще медлит «разродиться», наша задача — учиться государственному капитализму немцев, *всеми силами* перенимать его, не жалеть *диктаторских* приемов для того, чтобы ускорить это перенимание еще больше, чем Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства. Если есть люди среди анархистов и левых эсеров (я нечаянно вспомнил речи Карелина и Ге в ЦИК), которые способны по-нарциссовски рассуждать, что-де не пристало нам, революционерам, «учиться» у немецкого империализма, то надо сказать одно: погибла бы безнадежно (и вполне заслуженно) революция, берущая всерьез таких людей.

В России преобладает сейчас как раз мелкобуржуазный капитализм, от которого *и* к государственному крупному капитализму *и* к социализму ведет *одна и та же дорога*, ведет путь *через одну и ту же* промежуточную станцию, называемую «общенародный учет и контроль за производством и распределением продуктов». Кто этого не понимает, тот делает непростительную экономическую ошибку, либо не зная фактов действительности, не видя того, что есть, не умея смотреть правде в лицо, либо ограничиваясь абстрактным противоположением «капитализма» «социализму» и не вникая в конкретные формы и ступени этого перехода сейчас у нас. В скобках будь сказано, это та же самая теоретическая ошибка, которая сбила с толку лучших из людей лагеря «Новой Жизни» и «Впереда»: худшие и средние из них по тупости и бесхарактерности плетутся в хвосте буржуазии, запуганные ею; лучшие — не поняли, что о целом периоде перехода от капитализма к социализму учителя социализма говорили не зря и подчеркивали не напрасно «долгие муки родов» нового общества, причем это новое общество опять-таки есть абстракция, которая воплотиться в жизнь не может иначе, как через ряд разнообразных, несовершенных конкретных попыток создать то или иное социалистическое государство.

Именно потому, что от теперешнего экономического положения России нельзя идти вперед, не проходя через то, что *обще* и государственному капитализму и социализму (всеобщий учет и контроль), пугать других и самих себя «эволюцией *в сторону* государственного капитализма» («Коммунист» № 1, стр. 8, столб. 1) есть сплошная теоретическая

нелепость. Это значит как раз растекаться мыслью «в сторону» от действительной дороги «эволюции», не понимать этой дороги; на практике же это равносильно тому, чтобы тянуть назад к мелкособственническому капитализму.

Дабы читатель убедился, что «высокая» оценка государственного капитализма дается мной вовсе не теперь только, а давалась и *до* взятия власти большевиками, я позволю себе привести следующую цитату из моей брошюры «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», написанной в сентябре 1917 г.:

«...Попробуйте-ка подставить *вместо* юнкерски-капиталистического, *вместо* помещичье-капиталистического государства государство *революционно-демократическое*, т. е. революционно разрушающее *всякие* привилегии, не боящееся революционно осуществлять самый полный демократизм? Вы увидите, что государственно-монополистический капитализм при действительно революционно-демократическом государстве неминуемо, неизбежно означает шаг и шаги к социализму!

...Ибо социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии.

...Государственно-монополистический капитализм есть *полнейшая материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*» (стр. 27 и 28) *.

Заметьте, что это писано при Керенском, что речь идет здесь *не* о диктатуре пролетариата, *не* о социалистическом государстве, а о «революционно-демократическом». Неужели не ясно, что, *чем выше* мы поднялись над этой политической ступенькой, *чем полнее* мы воплотили в Советах социалистическое государство и диктатуру пролетариата, *тем менее* нам позволительно бояться «государственного капитализма»? Неужели не ясно, что *в материальном*, экономическом, производственном смысле мы еще в «преддверии» социализма не находимся? И что иначе, как через это, не достигнутое еще нами, «преддверие», в дверь социализма не войдешь?

С какой стороны ни подходишь к вопросу, вывод один и тот же: рассуждение «левых коммунистов» о грозящем нам будто бы «государственном капитализме» есть сплошная экономическая ошибка и явственное доказательство полного их пленения именно мелкобуржуазной идеологией.

* См. настоящий том, стр. 200, 201, 201—202. *Ред.*

V

Крайне поучительно еще следующее обстоятельство.

Когда мы спорили в ЦИК с товарищем Бухариным*, он заметил между прочим: в вопросе о высоких жалованьях специалистам «мы» (очевидно: мы, «левые коммунисты») «правее Ленина», ибо никакого отступления от принципов здесь не видим, памятуя слова Маркса, что при известных условиях рабочему классу всего целесообразнее было бы «откупиться от этой банды»²⁹⁷ (именно от банды капиталистов, т. е. *выкупить* у буржуазии землю, фабрики, заводы и прочие средства производства).

Это чрезвычайно интересное замечание вскрывает, во-первых, что Бухарин двумя головами выше левых эсеров и анархистов, что он вовсе не безнадежно погряз во фразеях, а, напротив, старается вдуматься в *конкретные* трудности перехода — мучительного и тяжелого перехода — от капитализма к социализму.

Во-вторых, это замечание вскрывает еще нагляднее ошибку Бухарина.

В самом деле. Вдумайтесь в мысль Маркса.

Дело шло об Англии 70-х годов прошлого века, о кульминационном периоде домонополистического капитализма, о стране, в которой тогда всего меньше было военщины и бюрократии, о стране, в которой тогда всего более было возможностей «мирной» победы социализма в смысле «выкупа» буржуазии рабочими. И Маркс говорил: при известных условиях рабочие вовсе не откажутся от того, чтобы буржуазию выкупить. Маркс не связывал себе — и будущим деятелям социалистической революции — рук насчет форм, приемов, способов переворота, превосходно понимая, какая масса новых проблем тогда встанет, как изменится вся обстановка в ходе переворота, как *часто* и *сильно* будет она меняться в ходе переворота.

Ну, а в Советской России, *после* взятия власти пролетариатом, *после* подавления военного и саботажнического сопротивления эксплуататоров, — неужели не очевидно, что *некоторые* условия сложились по типу тех, которые могли бы сложиться полвека тому назад в Англии, если бы она мирно стала тогда переходить к социализму? Подчинение капиталистов рабочим в Англии могло бы тогда быть обеспечено следующими обстоятельствами: (1) полнейшим преобладанием

* См. Сочинения, 5 изд., том 36, стр. 272—274; 4 изд., том 27, стр. 278—279. *Ред.*

рабочих, пролетариев, в населении вследствие отсутствия крестьянства (в Англии в 70-х годах были признаки, позволявшие надеяться на чрезвычайно быстрые успехи социализма среди сельских рабочих); (2) превосходной организованностью пролетариата в профессиональных союзах (Англия была тогда первой в мире страной в указанном отношении); (3) сравнительно высокой культурностью пролетариата, вышколенного вековым развитием политической свободы; (4) долгой привычкой великолепно организованных капиталистов Англии — тогда они были наилучше организованными капиталистами из всех стран мира (теперь это первенство перешло к Германии) — к решению компромиссом политических и экономических вопросов. Вот в силу каких обстоятельств могла тогда явиться мысль о возможности *мирного* подчинения капиталистов Англии ее рабочим.

У нас это подчинение в данный момент обеспечено известными коренными посылками (победой в октябре и подавлением с октября по февраль военного и саботажнического сопротивления капиталистов). У нас, *вместо* полнейшего преобладания рабочих, пролетариев, в населении и высокой организованности их, фактором победы явилась поддержка пролетариев беднейшим и быстро разоренным крестьянством. У нас, наконец, нет ни высокой культуры, ни привычки к компромиссам. Если продумать эти конкретные условия, то станет ясно, что мы можем и должны добиться теперь *соединения* приемов беспощадной расправы* с капиталистами некультурными, ни на какой «государственный капитализм» не идущими, ни о каком компромиссе не помышляющими, продолжающими срывать спекуляцией, подкупом бедноты и пр. советские мероприятия, *с приемами компромисса* или выкупа по отношению к культурным капиталистам, идущим на «государственный капитализм», способным проводить его в жизнь, полезным для пролетариата в качестве умных и опытных организаторов *крупнейших* предприятий, действительно охватывающих снабжение продуктами десятков миллионов людей.

* Надо и здесь посмотреть правде в лицо: беспощадности, необходимой для успеха социализма, у нас все еще мало, и мало не потому, что нет решительности. Решительности у нас довольно. А нет умения *поймать* достаточно быстро достаточное количество спекулянтов, мародеров, капиталистов — нарушителей советских мероприятий. Ибо это «умение» создается лишь организацией учета и контроля! Во-вторых, нет достаточной твердости в судах, которые, вместо расстрела взяточников, назначают им полгода тюрьмы. Оба недостатка наши имеют один социальный корень: влияние мелкобуржуазной стихии, ее дряблость.

Бухарин — превосходно образованный марксист-экономист. Поэтому он вспомнил, что Маркс был глубочайше прав, когда учил рабочих важности сохранить организацию крупнейшего производства именно в интересах облегчения перехода к социализму и полной допустимости мысли о том, чтобы *хорошо заплатить капиталистам*, выкупить их, *ежели* (в виде исключения: Англия была тогда исключением) обстоятельства сложатся так, что заставят капиталистов мирно подчиниться и культурно, организованно перейти к социализму на условии выкупа.

Но Бухарин впал в ошибку, ибо не вдумался в конкретное своеобразие данного момента в России, — момента как раз исключительного, когда мы, пролетариат России, *впереди* любой Англии и любой Германии по нашему политическому строю, по силе политической власти рабочих и вместе с тем *позади* самого отсталого из западноевропейских государств по организации добропорядочного государственного капитализма, по высоте культуры, по степени подготовки к материально-производственному «введению» социализма. Не ясно ли, что из этого своеобразного положения вытекает для данного момента именно необходимость своеобразного «выкупа», который рабочие должны предложить культурнейшим, талантливейшим, организаторски наиболее способным капиталистам, готовым идти на службу к Советской власти и добропорядочно помогать налаживанию крупного и крупнейшего «государственного» производства? Не ясно ли, что при таком своеобразном положении мы должны стараться избежать двоякого рода ошибок, из которых каждая по-своему мелкобуржуазна? С одной стороны, непоправимой ошибкой было бы объявить, что раз признано несоответствие наших экономических «сил» и силы политической, то, «следовательно», не надо было брать власть²⁹⁸. Так рассуждают «человеки в футлярах», забывающие, что «соответствия» не будет никогда, что его не может быть в развитии природы, как и в развитии общества, что только путем ряда попыток, — из которых каждая, отдельно взятая, будет одностороння, будет страдать известным несоответствием, — создастся цельный социализм из революционного сотрудничества пролетариев *всех* стран.

С другой стороны, явной ошибкой было бы дать волю крикунам и фразерам, которые позволяют себя увлечь «яркой» революционностью, но на выдержанную, продуманную, взвешенную, учитывающую и труднейшие переходы революционную работу не способны.

К счастью, история развития революционных партий и борьбы большевизма с ними оставила нам в наследство резко очерченные типы, из коих левые эсеры и анархисты иллюстрируют собой тип плохоньких революционеров достаточно наглядно. Они кричат теперь — до истерики, захлебываясь, криком кричат — против «соглашательства» «правых большевиков». Но подумать они не умеют, *чем* плохо было *и за что* по справедливости осуждено историей и ходом революции «соглашательство».

Соглашательство времен Керенского отдавало власть империалистской буржуазии, а вопрос о власти есть коренной вопрос всякой революции. Соглашательство части большевиков в октябре — ноябре 1917 года либо боялось взятия власти пролетариатом, либо хотело *делить* власть поровну не только с «ненадежными попутчиками» вроде левых эсеров, но и с врагами, черновцами, меньшевиками, которые неизбежно мешали бы нам в основном: в разгоне Учредилки, в беспощадном сокрушении Богаевских, в полном проведении советских учреждений, в каждой конфискации.

Теперь власть взята, удержана, укреплена в руках одной партии, партии пролетариата, даже без «ненадежных попутчиков». Говорить теперь о соглашательстве, когда нет и быть не может даже речи о разделе *власти*, об отказе от диктатуры пролетариев против буржуазии, значит просто повторять, как сорока, заученные, но непонятые слова. Называть «соглашательством» то, что, придя в положение, когда мы можем и должны управлять страной, мы стараемся привлечь к себе, не жалея денег, культурнейшие из капитализмом обученных элементов, их взять на службу против мелкобуржуазного распада, это значит вовсе не уметь думать об экономических задачах строительства социализма.

И потому — как ни хорошо аттестует тов. Бухарина то обстоятельство, что он сразу «устыдился» в ЦИК той «услуги», которую оказали ему Карелины и Ге, — все же по отношению к течению «левых коммунистов» остается серьезным предостережением указание на их политических соратников.

Вот вам «Знамя Труда», орган левых эсеров, в № от 25 апреля 1918 г. гордо заявляющее: «Нынешняя позиция нашей партии солидаризируется с другим течением в большевизме (Бухариным, Покровским и др.)». Вот вам меньшевистский «Вперед» от того же числа, содержащий, между прочим, следующий «тезис» небезызвестного меньшевика Исува:

«Чуждая с самого начала истинно пролетарского характера политика Советской власти в последнее время все более открыто вступает на путь соглашения с буржуазией и принимает явно антирабочий характер. Под

флагом национализации промышленности проводится политика насаждения промышленных трестов, под флагом восстановления производительных сил страны делаются попытки уничтожения восьмичасового рабочего дня, введения сдельной заработной платы и системы Тейлора, черных списков и волчьих паспортов. Эта политика грозит лишить пролетариат его основных завоеваний в экономической области и сделать его жертвой безграничной эксплуатации со стороны буржуазии».

Не правда ли, великолепно?

Друзья Керенского, ведущие вместе с ним империалистическую войну во имя тайных договоров, обещавших аннексии русским капиталистам, коллеги Церетели, собравшегося 11 июня обезоружить рабочих, Либерданы, которые власть буржуазии прикрывали звонкими фразами, они, они изобличают Советскую власть в «соглашении с буржуазией», в «насаждении трестов» (т. е. именно в насаждении «государственного капитализма!»), в введении системы Тейлора.

Да, Исуву надо поднести медаль от большевиков, а его тезис выставить в каждом рабочем клубе и союзе, как образчик *провокационных речей буржуазии*. Рабочие знают теперь хорошо, по опыту знают повсюду Либерданов, Церетели, Исувов, и внимательное размышление о том, почему *подобные лакеи буржуазии* провоцируют рабочих на сопротивление системе Тейлора и «насаждению трестов», будет архиполезно для рабочих.

Сознательные рабочие будут вдумчиво сопоставлять «тезис» друга господ Либерданов и Церетели, Исува, с следующим тезисом «левых коммунистов»:

«Введение трудовой дисциплины, в связи с восстановлением руководства капиталистов в производстве, не может существенно увеличить производительность труда, но оно понизит классовую самостоятельность, активность и организованность пролетариата. Оно грозит закрепощением рабочего класса, возбудит недовольство как отсталых слоев, так и авангарда пролетариата. Для проведения этой системы в жизнь, при господствующей в пролетарской среде ненависти против «саботажников капиталистов», коммунистической партии пришлось бы опереться на мелкую буржуазию против рабочих и тем погубить себя, как партию пролетариата» («Коммунист» № 1, стр. 8, столб. 2).

Вот нагляднейшее доказательство того, как «левые» попали в ловушку, поддались на провокацию Исувов и других иуд капитализма. Вот — хороший урок рабочим, знающим, что именно авангард пролетариата стоит за введение трудовой дисциплины, что именно мелкая буржуазия больше всего лезет из кожи для разрушения этой дисциплины. Такие речи, как приведенный тезис «левых», есть величайший позор и полное отречение от коммунизма на деле, полный переход на сторону именно мелкой буржуазии.

«В связи с восстановлением руководства капиталистов», вот какими словами думают «защищаться» «левые коммунисты». Никуда не годная защита, ибо «руководительство» капиталистам дается Советской властью, во-первых, при наличии рабочих комиссаров или рабочих комитетов, следящих за каждым шагом руководителя, учащих на его руководительском опыте, имеющих возможность не только обжаловать распоряжения руководителя, но сместить его через органы Советской власти. Во-вторых, «руководительство» капиталистам дается для исполнительных функций, на время работы, условия которой определены именно Советской властью и ею же отменяются и пересматриваются. В-третьих, «руководительство» капиталистам дается Советской властью не как капиталистам, а как специалистам-техникам или организаторам за высшую оплату труда. И рабочие прекрасно знают, что организаторы действительно крупных и крупнейших предприятий, трестов или других учреждений, на девяносто девять сотых принадлежат к классу капиталистов, как и первоклассные техники, — но именно их мы, пролетарская партия, должны брать в «руководители» процесса труда и организации производства, ибо иных, знающих это дело из практики, из опыта, людей *нет*. Ибо рабочие, вышедшие из младенческого возраста, когда их могла сбивать «левая» фраза или мелкобуржуазная распушенность, идут к социализму именно через капиталистическое руководство трестами, через крупнейшее машинное производство, через предприятия с оборотами в несколько миллионов в год, — только через такие производства и предприятия. Рабочие — не мелкие буржуа. Они не боятся крупнейшего «государственного капитализма», они его ценят, как их, *пролетарское*, орудие, которое *их*, Советская, власть употребит в дело против мелкособственнического распада и развала.

Этого не понимают лишь деклассированные и потому насквозь мелкобуржуазные интеллигенты, типом которых в группе «левых коммунистов» и в их журнале выступает Осинский, когда он пишет:

«...Вся инициатива в деле организации и руководства предприятием будет принадлежать «организаторам трестов»: ведь мы не *учить* их хотим, не делать их рядовыми работниками, а *учиться* у них» («Коммунист» № 1, стр. 14, столб. 2).

Потуги на иронию в этой фразе направлены против моих слов: «учиться социализму у организаторов трестов».

Осинскому это смешно. Он хочет организаторов трестов сделать «рядовыми работниками». Если бы это писал человек

такого возраста, про который поэт сказал: «Пятнадцать только лет, не более того?»...²⁹⁹ — тогда бы удивляться было нечему. Но от марксиста, учившегося тому, что социализм невозможен без использования завоеваний техники и культуры, достигнутых крупнейшим капитализмом, слышать такие речи несколько странно. От марксизма тут не осталось ничего.

Нет. Коммунистами достойны называться лишь те, кто понимает, что создать или ввести социализм, *не учась* у организаторов треста, *нельзя*. Ибо социализм не есть выдумка, а есть усвоение пролетарским авангардом, завоевавшим власть, усвоение и применение того, что создано трестами. Нам, партии пролетариата, *неоткуда* взять умения организовать крупнейшее производство, по типу трестов, как тресты, — *неоткуда*, если не взять его у первоклассных специалистов капитализма.

Их нам учить нечему, если не задаваться ребяческой целью «учить» буржуазных интеллигентов социализму: их надо не учить, а экспроприировать (что в России достаточно «решительно» делается), их саботаж надо *сломить*, их надо, как слой или группу, *подчинить* Советской власти. У них же нам, — если мы коммунисты не ребяческого возраста и не ребяческого понимания, — у них нам надо учиться, и есть чему учиться, ибо *опыта* самостоятельной работы по налажению крупнейших, десятки миллионов населения обслуживающих, предприятий у партии пролетариата и у авангарда пролетариата *нет*.

И лучшие рабочие России поняли это. Они начали учиться у капиталистов-организаторов, у инженеров-руководителей, у техников-специалистов. Они начали твердо и осторожно с более легкого, постепенно переходя к труднейшему. Если в металлургии и в машиностроении дело идет медленнее, то это потому, что оно труднее. А рабочие текстили, табачники, кожевенники не боятся, как деклассированные мелкобуржуазные интеллигенты, «государственного капитализма», не боятся «учиться у организаторов трестов». Эти рабочие в центральных руководящих учреждениях, типа «Главкожи» или «Центротекстиля», сидят рядом с капиталистами, *учатся у них*, налаживают тресты, налаживают «государственный капитализм», при Советской власти являющийся преддверием социализма, условием прочной победы социализма.

Такая работа передовых рабочих России, наряду с их работой по введению трудовой дисциплины, пошла и идет, не шумно, не ярко, без звона и треска, необходимого для некоторых «левых», с громадной осторожностью и постепенностью, с учетом уроков практики. В этой тяжелой работе, ра-

боте практического *ученья* строить крупнейшее производство, залог того, что мы на верном пути, — залог того, что сознательные рабочие России ведут борьбу против мелкобуржуазного распада и развала, против мелкобуржуазной недисциплинированности *, залог победы коммунизма.

VI

В заключение — два замечания.

Когда мы спорили с «левыми коммунистами» 4 апреля 1918 г. (см. № 1 «Коммунист», стр. 4, примечание), я в упор поставил им вопрос: попробуйте объяснить, чем вы недовольны в железнодорожном декрете, дайте *ваши* исправления его. Это — ваш долг, как советских руководителей пролетариата, иначе ваши слова сводятся к фразе.

Вышел 20 апреля 1918 г. «Коммунист» № 1 — в нем *ни слова* о том, как бы надо, по мнению «левых коммунистов», изменить или исправить ж.-д. декрет.

Этим молчанием «левые коммунисты» осудили себя сами. Они ограничились вылазками-намекami *против* ж.-д. декрета (стр. 8 и 16 в № 1), но ничего членораздельного на вопрос: «как же исправить декрет, если он неверен?» *не дали*.

Комментарии излишни. *Такую* «критику» ж.-д. декрета (образца нашей линии, линии твердости, линии диктатуры, линии пролетарской дисциплины) сознательные рабочие назовут либо «исувовской», либо фразой.

Другое замечание. В № 1 «Коммуниста» напечатана очень лестная для меня рецензия т. Бухарина на мою брошюру «Государство и революция». Но, как ни ценен мне отзыв людей вроде Бухарина, я должен по совести сказать, что *характер* рецензии обнаруживает печальный и знаменательный факт: Бухарин смотрит на задачи пролетарской диктатуры, повернувшись лицом к *прошлому*, а не к будущему. Бухарин заметил и подчеркнул то, что может быть общего в вопросе о государстве у пролетарского и мелкобуржуазного революционера. Бухарин «не заметил» как раз того, что отделяет первого от второго.

Бухарин заметил и подчеркнул, что старый государственный аппарат надо «разбить», «взорвать», что буржуазию

* Крайне характерно, что у авторов тезисов нет ни звука о значении *диктатуры* пролетариата в *экономической* области жизни. Они говорят только «об организованности» и т. п. Но это признает и мелкий буржуа, чурающийся именно *диктатуры* рабочих в экономических отношениях. Пролетарский революционер никогда не мог бы в такой момент «забыть» об этом «гвозде» пролетарской революции, направленной против хозяйственных основ капитализма.

надо «додушить» и т. п. Взбесившийся мелкий буржуа тоже может хотеть этого. И это, в главных чертах, *уже* сделала революция наша с октября 1917 г. по февраль 1918 г.

Но чего не может хотеть даже самый революционный мелкий буржуа, чего хочет сознательный пролетарий, чего *еще не* сделала наша революция, об этом также говорится в моей брошюре. И об этой задаче, задаче завтрашнего дня, Бухарин промолчал.

А я тем более имею оснований об этом не молчать, что, во-первых, от коммуниста следует ждать большего внимания к задачам завтрашнего, а не вчерашнего дня, а, во-вторых, моя брошюра писана *до* взятия власти большевиками, когда большевиков нельзя было угощать вульгарно-мещанским соображением: «ну, *после* того, как захватили власть, *конечно*, запели о дисциплине...».

«...Социализм будет перерастать в коммунизм... ибо люди привыкнут к соблюдению элементарных условий общественности без насилия и без подчинения» («Государство и революция», стр. 77—78 *. Об «элементарных условиях» речь шла, следовательно, *до* взятия власти).

«...Только тогда демократия начнет отмирать...» когда «люди постепенно привыкнут к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях, правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без особого аппарата для принуждения, который называется государством» (там же, стр. 84 **; о «прописях» речь шла *до* взятия власти).

«...Высшая фаза развития коммунизма» (каждому по потребностям, каждый по способностям) «предполагает и не теперешнюю производительность труда и не теперешнего обывателя, способного зря, вроде как бурсаки у Помяловского, портить склады общественного богатства и требовать невозможного» (там же, стр. 91).

«...До тех пор, пока наступит высшая фаза коммунизма, социалисты требуют строжайшего контроля со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления...» (там же) ***.

«...Учет и контроль — вот главное, что требуется для налажения, для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества» (там же, стр. 95) ****. И контроль этот надо наладить не только за «ничтожным меньшин-

* См. настоящий том, стр. 293. *Ред.*

** Там же, стр. 298. *Ред.*

*** Там же, стр. 304. *Ред.*

**** Там же, стр. 307. *Ред.*

ством капиталистов, за господчиками, желающими сохранить капиталистические замашки», но и за теми из рабочих, которые «глубоко развращены капитализмом» (там же, стр. 96) *, и за «тунеядцами, барирами, мошенниками и тому подобными хранителями традиций капитализма» (там же) **.

Знаменательно, что этого Бухарин *не* подчеркнул.

5. V. 1918.

Напечатано 9, 10 и 11 мая 1918 г.
в газете «Правда» №№ 88, 89 и 90
Подпись: Н. Л е н и н

Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 36, стр. 283—314

* См. настоящий том, стр. 308. *Ред.*
** Там же, стр. 309. *Ред.*

ТЕЗИСЫ О СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ ³⁰⁰

I

Многократно уже указывалась в большевистской печати и признавалась в официальных резолюциях органов высшей Советской власти крайняя непрочность международного положения Советской республики, окруженной империалистскими державами.

За последние дни, т. е. в первую треть мая 1918 г., политическое положение чрезвычайно обострилось как в силу внешних, так и в силу внутренних причин:

Во-первых, усилилось прямое наступление контрреволюционных войск (Семенова и др.) при помощи японцев на Дальнем Востоке, а в связи с этим ряд признаков указывал на возможность соглашения всей антигерманской империалистской коалиции на программе предъявления России ультиматума: либо войой с Германией, либо нашествие японцев при нашей помощи.

Во-вторых, в германской политике вообще взяла верх после Бреста военная партия, которая с минуты на минуту могла бы и теперь взять верх по вопросу о немедленном общем наступлении против России, т. е. совершенно отбросить другую политику буржуазно-империалистских кругов Германии, стремящихся к новым аннексиям в России, но на время к миру с ней, а не к общему наступлению на нее.

В-третьих, реставрация буржуазно-помещичьего монархизма в Украине при поддержке кадетско-октябристских элементов всероссийской буржуазии и при помощи германских войск не могла не обострить борьбы против контрреволюции у нас, не могла не окрылить планов, не поднять духа у нашей контрреволюции.

В-четвертых, крайне обострилась продовольственная разруха и привела во многих местах к прямому голоду как

вследствие того, что от нас отрезан был Ростов-на-Дону, так и вследствие усилий мелкой буржуазии и капиталистов вообще сорвать хлебную монополию, при недостаточно твердом, дисциплинированном и беспощадном отпоре господствующего класса, т. е. пролетариата, этим стремлениям, усилиям и попыткам.

II

Внешняя политика Советской власти никоим образом не должна быть изменяема. Наша военная подготовка еще не закончена, и потому общим лозунгом остается по-прежнему: лавировать, отступать, выжидать, продолжая эту подготовку изо всех сил.

Отнюдь не отказываясь вообще от военных соглашений с одной из империалистских коалиций против другой в таких случаях, когда это соглашение, не нарушая основ Советской власти, могло бы укрепить ее положение и парализовать натиск на нее какой-либо империалистской державы, мы в данный момент не можем пойти на военное соглашение с англо-французской коалицией. Ибо реальную важность для нее имеет отвлечение войск Германии с Запада, т. е. продвижение многих японских корпусов внутрь Европейской России, а это условие неприемлемо, как полный крах Советской власти. Если бы ультиматум такого рода предъявила нам англо-французская коалиция, мы бы ответили отказом, ибо опасность японского движения может быть парализована с меньшими трудностями (или может быть оттянута на более продолжительное время), чем опасность занятия германцами Питера, Москвы и большей части Европейской России.

III

При учете задач внешней политики Советской власти в данный момент требуется величайшая осторожность, осмотрительность и выдержка, чтобы необдуманным или поспешным шагом не помочь крайним элементам военных партий Японии или Германии.

Дело в том, что в обеих этих странах крайние элементы военной партии стоят за немедленное и общее наступление на Россию в целях занятия всей ее территории и свержения Советской власти. И с минуты на минуту эти крайние элементы могут взять верх.

Но, с другой стороны, несомненный факт, что в Германии большинство империалистской буржуазии стоит против такой политики, предпочитая в данный момент аннексионистский

мир с Россией дальнейшей войне по тому соображению, что такая война отвлекла бы силы от Запада, увеличила бы и без того чувствительную уже непрочность внутреннего положения в Германии, затруднила бы получение сырья из мест, объятых восстанием или пострадавших от разрушения железных дорог, от недосева и т. п. и т. д.

А японское стремление наступать против России сдерживает, во-первых, опасность движения и восстаний в Китае; во-вторых, некоторый антагонизм Америки, боящейся усиления Японии и надеющейся при мире добывать сырье из России более легким путем.

Разумеется, вполне возможно, что и в Японии и в Германии крайние элементы военной партии с минуты на минуту возьмут верх. Гарант от этого быть не может, пока не вспыхнула революция в Германии. Американская буржуазия может столкнуться с японской; японская с германской. Поэтому усиленная военная подготовка наш безусловный долг.

Но пока остались хотя бы некоторые шансы на сохранение мира или на заключение, ценой известных новых аннексий или новых потерь, мира с Финляндией, Украиной и Турцией, мы никоим образом не должны делать ни одного шага, который мог бы помочь крайним элементам военной партии империалистских держав.

IV

В вопросе об усиленной военной подготовке, как и в вопросе о борьбе против голода, на первую очередь выдвигается задача организационная.

Не может быть и речи о сколько-нибудь серьезной военной подготовке без преодоления продовольственных трудностей, без обеспечения населению правильного снабжения хлебом, без введения строжайшего порядка в железнодорожный транспорт, без создания в массах трудящегося населения (а не только в верхушках его) действительно железной дисциплины. Именно в этой области мы всего больше отстали.

Как раз полнейшим непониманием этой истины грешат больше всего левоэсеровские и анархистские элементы с их криками о «повстанческих» комитетах, с воплями: «к оружию» и т. п. Такие крики и вопли — верх тупоумия и самой жалкой, презренной и отвратительной фразы, ибо смешно говорить о «восстании» и «повстанческих комитетах», когда центральная Советская власть изо всех сил убеждает население учиться военному делу и вооружаться; — когда у нас

гораздо больше оружия, чем мы умеем подсчитать и раздать; — когда именно разруха и отсутствие дисциплины мешает нам использовать наличное оружие, заставляет нас упускать дорогое время подготовки.

Усиленная военная подготовка для серьезной войны требует не порыва, не клича, не боевого лозунга, а длительной, напряженной, упорнейшей и дисциплинированной работы в массовом масштабе. Надо дать беспощадный отпор не желающим этого понять левоэсеровским и анархистским элементам, а не давать им заражать своей истерикой кое-какие элементы нашей, пролетарски-коммунистической, партии.

V

Против буржуазии, поднявшей голову в последние дни вследствие указанных выше обстоятельств, необходима беспощадная борьба, введение военных положений, закрытие газет, арест вожаков и т. п. и т. д. Эти меры столь же необходимы, как необходим военный поход против деревенской буржуазии, удерживающей излишки хлеба и срывающей хлебную монополию. Без железной дисциплины пролетариата ни от контрреволюции, ни от голода не спастись.

В частности надо иметь в виду, что буржуазия в последние дни с неподражаемым искусством, с ловкостью виртуоза пользовалась таким орудием против пролетарской власти, как сеяние паники. И некоторые из наших товарищей, особенно из неустойчивых по отношению к левоэсеровской и анархистской революционной фразе, дали увлечь себя, впадая в состояние паники или не соблюдая той грани, которая отделяет законное и необходимое предупреждение против грозящих опасностей от сеяния паники.

Необходимо твердо помнить основные особенности всего современного экономического и политического положения России, в силу которых нельзя помочь делу никакими порывами. Необходимо твердо усвоить себе и добиться усвоения всеми рабочими той истины, что только выдержанная и терпеливая работа создания и восстановления железной пролетарской дисциплины с беспощадной расправой над хулиганами, кулаками и дезорганизаторами способна отстоять Советскую власть в настоящий момент, в момент одного из труднейших и опаснейших переходов, ставший неизбежным вследствие запоздания революции на Западе.

Написано 12 или 13 мая 1918 г.

*Впервые напечатано в 1929 г.
в Ленинском сборнике XI*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 36, стр. 322—326*

О ГОЛОДЕ

(ПИСЬМО К ПИТЕРСКИМ РАБОЧИМ) ³⁰¹

Товарищи! У меня был на днях ваш делегат, партийный товарищ, рабочий с Путиловского завода. Этот товарищ описал мне подробно чрезвычайно тяжелую картину голода в Питере. Мы все знаем, что в целом ряде промышленных губерний продовольственное дело стоит так же остро, голод так же мучительно стучится в дверь рабочих и бедноты вообще.

А рядом мы наблюдаем разгул спекуляции хлебом и другими продовольственными продуктами. Голод не оттого, что хлеба нет в России, а оттого, что буржуазия и все богатые дают последний, решительный бой господству трудящихся, государству рабочих, Советской власти на самом важном и остром вопросе, на вопросе о хлебе. Буржуазия и все богатые, в том числе деревенские богатеи, кулаки, срывают хлебную монополию, разрушают государственное распределение хлеба в пользу и в интересах снабжения хлебом всего населения и в первую голову рабочих, трудящихся, нуждающихся. Буржуазия срывает твердые цены, спекулирует хлебом, наживает по сто, по двести и больше рублей на пуд хлеба, разрушает хлебную монополию и правильное распределение хлеба, разрушает взяткой, подкупом, злостной поддержкой всего, что губит власть рабочих, добивающуюся осуществить первое, основное, коренное начало социализма: «кто не работает, тот да не ест».

«Кто не работает, тот да не ест» — это понятно всякому трудящемуся. С этим согласны все рабочие, все беднейшие и даже средние крестьяне, все, кто видал в жизни нужду, все, кто жил когда-либо своим заработком. Девять десятых населения России согласны с этой истиной. В этой простой, простейшей и очевиднейшей истине — основа социализма, неискоренимый источник его силы, неистребимый залог его окончательной победы,

Но в том-то и суть, что одно дело — расписаться в согласии с этой истиной, побожиться, что разделяешь ее, губами признать ее, другое дело — уметь провести ее в жизнь. Когда сотни тысяч и миллионы людей мучаются от голода (в Питере, в неземледельческих губерниях, в Москве) — в стране, в которой миллионы и миллионы пудов хлеба прячутся богачами, кулаками и спекулянтами, — в стране, которая зовет себя социалистической Советской республикой, — тогда есть над чем серьезно и глубоко пораздумать всякому сознательному рабочему и крестьянину.

«Кто не работает, да не ест» — как провести это в жизнь? Ясно, как ясный божий день, что для проведения этого в жизнь необходима, во-первых, государственная хлебная монополия, т. е. безусловное запрещение всякой частной торговли хлебом, обязательная сдача всего излишка хлеба государству по твердой цене, безусловное запрещение удерживания и утайки излишков хлеба кем бы то ни было. Во-вторых, для этого необходим строжайший учет всех излишков хлеба и безукоризненно правильный подвоз хлеба из мест избытка в места недостатка хлеба, с заготовкой запасов на потребление, на обработку, на посев. В-третьих, для этого необходимо правильное, справедливое, не дающее никаких привилегий и преимуществ богатому, распределение хлеба между всеми гражданами государства, под контролем рабочего, пролетарского государства.

Достаточно хоть капельку подумать над этими условиями победы над голодом, чтобы понять всю бездну тупоумия презренных пустомель анархизма, которые отрицают необходимость государственной власти (и беспощадно суровой к буржуазии, беспощадно твердой по отношению к дезорганизаторам власти) для перехода от капитализма к коммунизму, для избавления трудящихся от всякого гнета и всякой эксплуатации. Именно теперь, когда наша революция подошла вплотную, конкретно, практически — и в этом ее неисчислимая заслуга — к задачам осуществления социализма, именно теперь, и как раз на вопросе о главном, на вопросе о хлебе, яснее ясного видна необходимость железной революционной власти, диктатуры пролетариата, организации сбора продуктов, подвоза и распределения их в массовом, общенациональном масштабе, с учетом потребностей десятков и сотен миллионов людей, с расчетом условий и результатов производства на год и на много лет вперед (ибо бывают неурожайные годы, бывают необходимы для увеличения сбора хлебов мелиорации, требующие многолетних работ, и т. д.),

Романов и Керенский оставили рабочему классу в наследство страну, разоренную донельзя их грабительской, преступной и тягчайшей войной, страну, ограбленную русскими и иностранными империалистами дочиства. Хлеба хватит на всех только при строжайшем учете каждого пуда, только при безусловно равномерном распределении каждого фунта. Хлеба для машин, то есть топлива, тоже крайний недостаток: встанут железные дороги и фабрики, безработица и голод погубят весь народ, если не направят все силы для беспощадно-строгой экономии потребления, правильности распределения. Катастрофа перед нами, она придвинулась совсем, совсем близко. За непомерно тяжелым маем идут еще более тяжелые июнь, июль и август.

Государственная хлебная монополия существует у нас по закону, но на деле ее на каждом шагу срывает буржуазия. Деревенский богатей, кулак, мироед, грабивший всю округу десятки лет, предпочитает наживаться на спекуляции, на самогонке: это ведь так выгодно для его кармана, а вину за голод он сваливает на Советскую власть. Точно так же поступают политические защитники кулака — кадеты, правые эсеры, меньшевики, открыто и тайно «работающие» против хлебной монополии и против Советской власти. Партия бесхарактерных, то есть левые эсеры, бесхарактерна и здесь: она поддается корыстным крикам и воплям буржуазии, она кричит против хлебной монополии, она «протестует» против продовольственной диктатуры, она дает себя запугать буржуазии, она боится борьбы с кулаком и истерически мечется, советуя повысить твердые цены, разрешить частную торговлю и тому подобное.

Эта партия бесхарактерных отражает в политике нечто подобное тому, что бывает в жизни, когда кулак науськивает бедноту против Советов, подкупает ее, дает, например, какому-нибудь бедному крестьянину пудик хлеба не за шесть, а за три рубля, с тем, чтобы этот развращенный бедняк сам «попользовался» спекуляцией, сам «поживился» спекулятивной продажей этого пудика за 150 рублей, сам превратился в крикуна против Советов, запрещающих частную торговлю хлебом.

Кто способен думать, кто хочет хотя бы капельку подумать, тому ясно, по какой линии идет борьба:

Либо сознательные передовики-рабочие победят, объединив вокруг себя массу бедноты, установив железный порядок, беспощадно-строгую власть, настоящую диктатуру пролетариата, заставят кулака подчиниться, водворят правильное

распределение хлеба и топлива в общегосударственном масштабе;

— либо буржуазия при помощи кулаков, при косвенной поддержке бесхарактерных и путаных людей (анархистов и левых эсеров) сбросит Советскую власть и водворит русско-немецкого или русско-японского Корнилова, который несет народу 16-часовой рабочий день, восьмушку хлеба в неделю, расстрелы массы рабочих, пытки в застенках, как в Финляндии, как в Украине.

Либо — либо.

Середины нет.

Положение страны дошло до крайности.

Кто вдумывается в политическую жизнь, тот не может не видеть, что кадеты с правыми эсерами и с меньшевиками сговариваются меж собой о том: русско-немецкий или русско-японский Корнилов «приятнее», коронованный или республиканский Корнилов лучше и вернее раздавит революцию.

Пора сговориться всем сознательным, всем передовым рабочим. Пора им встряхнуться и понять, что каждая минута промедления грозит гибелью страны и гибелью революции.

Полумерами не поможешь. Жалобы ни к чему не приведут. Попытки добыть хлеба или топлива «в розницу», «себе», т. е. «своему» заводу, «своему» предприятию, только усиливают дезорганизацию, только облегчают спекулянтам их корыстное, грязное и темное дело.

И вот почему я позволяю себе обратиться с письмом к вам, товарищи питерские рабочие. Питер — не Россия. Питерские рабочие — малая часть рабочих России. Но они — один из лучших, передовых, наиболее сознательных, наиболее революционных, наиболее твердых, наименее податливых на пустую фразу, на бесхарактерное отчаяние, на запугивание буржуазией отрядов рабочего класса и всех трудящихся России. А в критические минуты жизни народов бывало не раз, что даже немногочисленные передовые отряды передовых классов увлекали за собой всех, зажигали огнем революционного энтузиазма массы, совершали величайшие исторические подвиги.

У нас было сорок тысяч на Путиловском, — говорил мне делегат питерских рабочих, — но из них большинство было «временные» рабочие, не пролетарии, ненадежные, дряблые люди. Теперь осталось пятнадцать тысяч, но это — пролетарии, испытанные и закаленные в борьбе.

Вот такой-то авангард революции — и в Питере и во всей стране — должен кликнуть клич, должен *подняться массой*,

должен понять, что в его руках спасенье страны, что от него требуется героизм не меньший, чем в январе и октябре прошлого, в феврале и октябре семнадцатого года, что надо организовать великий *«крестовый поход»* против спекулянтов хлебом, кулаков, мироедов, дезорганизаторов, взяточников, великий *«крестовый поход»* против нарушителей строжайшего государственного порядка в деле сбора, подвоза и распределения хлеба для людей и хлеба для машин.

Только массовый подъем передовых рабочих способен спасти страну и революцию. Нужны десятки тысяч передовиков, закаленных пролетариев, настолько сознательных, чтобы разъяснить дело миллионам бедноты во всех концах страны и встать во главе этих миллионов, — настолько выдержанных, чтобы беспощадно отсекал от себя и расстреливать всякого, кто *«соблазнился»* бы — бывает — соблазнами спекуляции и из борца за народное дело превратился в грабителя, — настолько твердых и преданных революции, чтобы организованно вынести все тяжести *похода* во все концы страны для водворения порядка, для укрепления местных органов Советской власти, для надзора на местах за каждым пудом хлеба, за каждым пудом топлива.

Это сделать потруднее, чем проявить героизм на несколько дней, не покидая насиженных мест, не идя в поход, ограничиваясь порывом — восстанием против изверга-идиота Романова или дурачка и хвастунишки Керенского. Героизм длительной и упорной организационной работы в общегосударственном масштабе неизмеримо труднее, зато и неизмеримо выше, чем героизм восстаний. Но силу рабочих партий и рабочего класса составляло всегда то, что он смело, прямо, открыто смотрит в лицо опасности, не боится признать ее, трезво взвешивает, какие силы стоят в *«его»* и в *«чужом»*, эксплуататорском, лагере. Революция идет вперед, развивается и растет. Растут и задачи, стоящие перед нами. Растет ширина и глубина борьбы. Правильное распределение хлеба и топлива, усиление добычи их, строжайший учет и контроль над этим *со стороны рабочих* и в общегосударственном масштабе, это — настоящее и главное преддверие социализма. Это — уже не *«общереволюционная»*, а именно коммунистическая задача, именно такая задача, где трудящиеся и беднота должны дать решительный бой капитализму.

На этот бой стоит отдать все силы: велики его трудности, но велико и то дело уничтожения гнета и эксплуатации, за которое мы боремся.

Когда народ голодает, когда безработица свирепствует все более грозно, — каждый, кто укрывает лишний пуд хлеба,

каждый, кто лишает государство пуда топлива, является величайшим преступником.

В такое время — а для истинно коммунистического общества это верно всегда — каждый пуд хлеба и топлива есть настоящая святыня, выше тех святынь, которыми морочат головы дуракам попы, обещающие царствие небесное в награду за рабство земное. А чтобы сбросить всякий остаток поповской «святости» с этой настоящей святыни, надо *овладеть ею практически*, надо добиться *на деле* правильного распределения ее, надо собрать все без изъятия, все до конца излишки хлеба в общегосударственные запасы, надо *очистить всю страну* от спрятанных или несобранных излишков хлеба, надо твердой рабочей рукой добиться крайнего напряжения сил для увеличения добычи топлива и величайшей экономии его, величайшего порядка в его подвозе и потреблении.

Нужен массовый «крестовый поход» передовых рабочих ко всякому пункту производства хлеба и топлива, ко всякому важному пункту подвоза и распределения их, для повышения энергии работы, для удешевления ее энергии, для помощи местным органам Советской власти в деле учета и контроля, для вооруженного уничтожения спекуляции, взяточничества, неряшливости. Эта задача не нова. Новых задач, собственно говоря, история не выдвигает, — она только увеличивает размер и размах старых задач по мере того, как увеличивается размах революции, растут ее трудности, растет величие ее всемирно-исторической задачи.

Одно из величайших, неискоренимых дел октябрьского — Советского — переворота состоит в том, что передовой рабочий, как *руководитель бедноты*, как *вождь деревенской трудящейся массы*, как *строитель государства труда*, «пошел в народ». Тысячи и тысячи лучших рабочих отдал деревне Питер, отдал ей другие пролетарские центры. Отряды борцов с Калединами и Дутовыми, продовольственные отряды — не новость. Задача только в том, что близость катастрофы, тяжесть положения обязывает сделать *вдесятеро* больше прежнего.

Рабочий, став передовым вождем бедноты, не стал святым. Он вел вперед народ, но он и заражался болезнями мелкобуржуазного развала. Чем меньше бывало отрядов из наилучше организованных, из наиболее сознательных, из наиболее дисциплинированных и твердых рабочих, тем чаще разлагались эти отряды, тем чаще бывали случаи победы мелкособственнической стихии прошлого над пролетарско-коммунистической сознательностью будущего,

Начав коммунистическую революцию, рабочий класс не может одним ударом сбросить с себя слабости и пороки, унаследованные от общества помещиков и капиталистов, от общества эксплуататоров и мироедов, от общества грязной корысти и личной наживы немногих, при нищете многих. Но рабочий класс может победить — *и, наверное, неминуемо победит, в конце концов* — старый мир, его пороки и его слабости, если против врага будут двигаемы новые и новые, все более многочисленные, все более просвещенные опытом, все более закаленные на трудностях борьбы отряды рабочих.

Так, именно так стоит дело теперь в России. В одиночку и вразброд не победить голода и безработицы. Нужен массовый «крестовый поход» передовых рабочих во все концы громадной страны. Нужно вдесятеро больше *железных отрядов* сознательного и бесконечно преданного коммунизму пролетариата. Тогда мы победим голод и безработицу. Тогда мы поднимем революцию до настоящего преддверия социализма. Тогда мы станем способны вести и победоносную оборонительную войну против империалистских хищников.

22/V. 1918 г.

Н. Ленин

«Правда» № 101, 24 мая 1918 г.

Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 36, стр. 357—364

РЕЧЬ НА I ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

26 МАЯ 1918 г. ³⁰²

(Появление товарища Ленина было встречено бурей аплодисментов.) Товарищи, позвольте мне прежде всего приветствовать съезд советов народного хозяйства от имени Совета Народных Комиссаров. (Аплодисменты.)

Товарищи, на Высший совет народного хозяйства легла теперь одна из трудных и одна из самых благодарных задач. Нет никакого сомнения, что чем дальше будут двигаться завоевания Октябрьской революции, чем глубже пойдет этот переворот, который начат ею, чем прочнее будут закладываться основы завоеваний социалистической революции и упрочение социалистического строя, тем больше, тем выше будет становиться роль советов народного хозяйства, которым предстоит одним только из всех государственных учреждений сохранить за собой прочное место, которое будет тем более прочно, чем ближе мы будем к установлению социалистического порядка, чем меньше будет надобности в аппарате чисто административном, в аппарате, ведающем собственно только управлением. Этому аппарату суждено, после того как сломлено будет окончательно сопротивление эксплуататоров, после того как трудящиеся научатся организовывать социалистическое производство, — этому аппарату управления в собственном, тесном, узком смысле слова, аппарату старого государства суждено умереть, а аппарату типа Высшего совета народного хозяйства суждено расти, развиваться и крепнуть, заполняя собой всю главнейшую деятельность организованного общества.

Поэтому, товарищи, когда я смотрю на опыт нашего Высшего совета народного хозяйства и местных советов, с деятельностью которых он тесно и неразрывно связан, то, несмотря

на многое незаконченное, незавершенное, неорганизованное, я думаю, у нас нет и тени основания к каким-нибудь пессимистическим выводам. Ибо задача, которую ставит себе Высший совет народного хозяйства, и задача, которую ставят себе все областные и все местные советы, — задача такая гигантская, такая всеобъемлющая, что решительно нет ничего внушающего опасения в том, что мы все наблюдаем. Очень часто, — конечно, с нашей точки зрения, может быть, и слишком часто, — пословица «семь раз примерь и один раз отрежь» не применялась. Так просто, как обстоит дело по этой пословице, к сожалению, не обстоит дело с организацией хозяйства на социалистических началах.

С отходом всей власти, — на этот раз не только политической и, главным образом, даже не политической, а экономической, т. е. касающейся самых глубоких основ повседневной человеческой жизни, — к новому классу, притом к такому, который ведет за собою впервые в истории человечества громадное большинство населения, всю массу трудящихся и эксплуатируемых, — наши задачи усложняются. — Само собою понятно, что тут при величайшей важности и величайшей трудности организационных задач, когда нам надо совершенно по-новому организовать самые глубокие основы человеческой жизни сотен миллионов людей, совершенно понятно, что здесь так просто налаживать дело, как это можно было по пословице «семь раз примерь, один раз отрежь», нет возможности. Нам, действительно, нельзя произвести предварительные многочисленные примерки, а потом отрезать и закрепить то, что окончательно примерено, прилажено. Нам нужно в самом ходе работы, испытывая те или иные учреждения, наблюдая их на опыте, проверяя их коллективным общим опытом трудящихся и, главное, опытом результатов работы, нам нужно тут же, в самом ходе работы, и притом в состоянии отчаянной борьбы и бешеного сопротивления эксплуататоров, которые становятся тем более бешеными, чем ближе мы подходим к тому, чтобы окончательно вырвать последние испорченные зубы капиталистической эксплуатации, — строить наше экономическое здание. Понятно, что при таких условиях нет ни тени основания для пессимизма, хотя, конечно, это большое основание для злобных выходок буржуазии и обиженных в своих лучших чувствах господ эксплуататоров, если нам, даже за короткое время, приходится иногда переделывать по несколько раз типы, уставы, органы управления различных отраслей народного хозяйства. Конечно, тому, кто слишком близко и слишком непосредственно участвует в этой работе, иногда в тоекратной переделке уста-

вов, норм, законов управления, ну, скажем, хотя бы Главводу, конечно, бывает иногда очень невесело, и удовольствия от этого рода работы не могут быть велики. Но, если немножечко отвлечься от непосредственной неприятности чрезмерно частой переделки декретов и если посмотреть чуточку поглубже и подальше на то гигантское, всемирно-историческое дело, которое русскому пролетариату приходится выполнять пока еще собственными недостаточными силами, тогда станет сразу понятно, что даже гораздо более многократные переделки, испытание на опыте различных систем управления, различных норм налаживания дисциплины неизбежны, что в таком гигантском деле мы никогда не могли бы претендовать, и ни один разумный социалист, писавший о перспективах будущего, никогда и в мыслях не имел того, чтобы мы могли по какой-то заранее данной указке сложить сразу и составить одним ударом формы организации нового общества.

Все, что мы знали, что нам точно указывали лучшие знатоки капиталистического общества, наиболее крупные умы, предвидевшие развитие его, это то, что преобразование должно исторически неизбежно произойти по такой-то крупной линии, что частная собственность на средства производства осуждена историей, что она лопнет, что эксплуататоры неизбежно будут экспроприированы. Это было установлено с научной точностью. И мы это знали, когда мы брали в свои руки знамя социализма, когда мы объявляли себя социалистами, когда основывали социалистические партии, когда мы преобразовывали общество. Это мы знали, когда брали власть для того, чтобы приступить к социалистической реорганизации, но ни форм преобразования, ни темпа быстроты развития конкретной реорганизации мы знать не могли. Только коллективный опыт, только опыт миллионов может дать в этом отношении решающие указания именно потому, что для нашего дела, для дела строительства социализма недостаточно опыта сотен и сотен тысяч тех верхних слоев, которые делали историю до сих пор и в обществе помещичьем и в обществе капиталистическом. Мы не можем так делать именно потому, что мы рассчитываем на совместный опыт, на опыт миллионов трудящихся.

Поэтому мы знаем, что дело организационное, которое составляет главную, коренную и основную задачу Советов, что оно неизбежно несет нам массу опытов, массу шагов, массу переделок, массу трудностей, в особенности относительно того, как поставить каждого человека на свое место, ибо здесь нет опыта, здесь приходится каждый такой шаг вырабатывать самим, и, чем тяжелее ошибки на таком пути,

тем тверже растет уверенность, что с каждым новым приростом числа членов профессиональных союзов, что с каждой новой тысячей, с каждой новой сотней тысяч людей, переходящих из лагеря трудящихся, эксплуатируемых, которые до сих пор жили по традициям, по привычке, в лагерь строителей советских организаций, растет число людей, которые должны удовлетворять и поставить дело на правильные рельсы.

Возьмите одну из второстепенных задач, на которую Совет народного хозяйства, Высший совет народного хозяйства, особенно часто натывается, — задачу использования буржуазных специалистов. Мы все знаем, по крайней мере те, которые стоят на почве науки и социализма, что эта задача может быть осуществима лишь тогда, что она может быть осуществима лишь в той мере, в какой международный капитализм развил материальные, технические предпосылки труда, осуществленного в гигантском размере, покоящегося на данных науки, а поэтому на выработке громадного кадра научно-образованных специалистов. Мы знаем, что без этого социализм невозможен. Если мы перечитаем сочинения тех социалистов, которые в течение последнего полувека наблюдали развитие капитализма и приходили к выводу еще и еще раз, что социализм неизбежен, то они все без исключения указывали на то, что только социализм освободит науку от ее буржуазных пут, от ее порабощения капиталу, от ее рабства перед интересами грязного капиталистического корыстолюбия. Только социализм даст возможность широко распространить и настоящим образом подчинить общественное производство и распределение продуктов по научным соображениям, относительно того, как сделать жизнь всех трудящихся наиболее легкой, доставляющей им возможность благосостояния. Только социализм может осуществить это. И мы знаем, что он должен осуществить это, и в понимании такой истины вся трудность марксизма и вся сила его.

Мы должны осуществить это, опираясь на элементы, ему враждебные, так как капитал, чем крупнее он становится, тем более развивает гнет буржуазии и подавление рабочих. Когда власть оказалась в руках пролетариата и беднейшего крестьянства, когда власть ставит себе задачи при поддержке этих масс, нам приходится осуществлять эти социалистические преобразования при помощи буржуазных специалистов, тех специалистов, которые в буржуазном обществе воспитывались, которые другой обстановки не видели, которые другой общественной обстановки не могут себе представить, и поэтому даже в тех случаях, когда эти люди совершенно искренни и преданы своему делу, даже в этих случаях они полны

тысяч буржуазных предрассудков, связаны незаметными для них тысячами нитей с умирающим, разлагающимся и поэтому оказывающим бешеное сопротивление буржуазным обществом.

Эти трудности задачи и достижения для нас не могут быть скрыты. Из всех социалистов, которые об этом писали, не могу припомнить ни одного известного мне социалистического сочинения или мнения выдающихся социалистов о будущем социалистическом обществе, где бы указывалось на ту конкретную практическую трудность, которая встанет перед взявшим власть рабочим классом, когда он задастся задачей превратить всю сумму накопленного капитализмом богатейшего, исторически неизбежно-необходимого для нас запаса культуры и знаний и техники, — превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма. Это легко в общей формуле, в абстрактном противоположении, но в борьбе с капитализмом, который не умирает сразу и тем более бешено сопротивляется, чем ближе к смерти, это задача величайшего труда. Если в этой области происходят эксперименты, если мы делаем неоднократные исправления частичных ошибок, это неизбежно, когда не удастся сразу в той или иной области народного хозяйства превратить специалистов из служителей капитализма в служителей трудящихся масс, в их советчиков. Если нам это не удастся сразу, это не может вызвать ни капли пессимизма, потому что задача, которую мы себе ставим, это — задача всемирно-исторической трудности и значения. Мы не закрываем глаза на то, что нам одним — социалистической революции в одной стране, если бы она была даже гораздо менее отсталой, чем Россия, если бы мы жили в условиях более легких, чем после четырех лет неслыханной, мучительной, тяжелой и разорительной войны, — в одной стране социалистической революции своими силами всецело не выполнить. Тот, кто отворачивается от происходящей в России социалистической революции, указывая на явное несоответствие сил, тот похож на застывшего человека в футляре, не видящего дальше своего носа, забывшего, что нет ни одного исторического переворота, сколько-нибудь крупного, без целого ряда случаев несоответственности сил. Силы растут в процессе борьбы, с ростом революции. Когда страна вступила на путь величайших преобразований, тогда заслугой этой страны и партии рабочего класса, победившего в этой стране, является то, что к задачам, которые ставились раньше абстрактно, теоретически, мы подошли вплотную практически. Этот опыт не забудется. Этого опыта у рабочих, которые сейчас соединены в профессиональные союзы и местные

организации и берутся практически за дело общенационального налаживания всего производства, этого опыта, что бы ни было, как бы тяжелы ни были перипетии русской революции и международной социалистической революции, этого опыта отнять нельзя. Он вошел в историю, как завоевание социализма, и на этом опыте будущая международная революция будет строить свое социалистическое здание.

Я позволю себе указать еще на одну и, быть может, самую трудную задачу, практически решать которую приходится Высшему совету народного хозяйства. Это задача трудовой дисциплины. Собственно говоря, когда указываем на эту задачу, мы должны признать и с удовольствием подчеркнуть, что именно профессиональные союзы, их самые крупные организации — Центральный комитет союза металлистов, Всероссийский совет профессиональных союзов — высшие профессиональные организации, объединяющие миллионы трудящихся, что они первые самостоятельно взялись за решение этой задачи, а эта задача имеет всемирное историческое значение. Чтобы ее понять, нужно отвлечься от тех частных маленьких неудач, от невероятных трудностей, которые кажутся, если взять их отдельно, непреодолимыми. Нужно подняться выше и посмотреть на историческую смену укладов общественного хозяйства. Лишь с этой точки зрения станет ясным, какую гигантскую задачу мы на себя взяли и какое гигантское значение имеет то, что на этот раз самый передовой представитель общества, трудящиеся и эксплуатируемые массы, берут на себя, на свой почин задачу, которую до сих пор всецело в крепостной России до 1861 года решала кучка помещиков, которую она считала своим делом. Тогда было их делом создание общегосударственной связи и дисциплины.

Мы знаем, как крепостники-помещики создавали эту дисциплину. Это были гнет, надругательство и неслыханные каторжные муки для большинства народа. Припомните весь этот переход от крепостного права к буржуазному хозяйству. То, что вы наблюдали, хотя большинство из вас наблюдать не могло, и то, что вы знаете от старших поколений, — этот переход после 1861 года к новому буржуазному хозяйству, переход от старой крепостной дисциплины палки, от дисциплины бессмысленнейшего, самого наглого и грубого надругательства и насилия над человеком, — к дисциплине буржуазной, к дисциплине голода, так называемого вольного найма, которая на самом деле была дисциплиной капиталистического рабства, — этот переход исторически казался легким, потому что от одного эксплуататора человечество переходило к другому эксплуататору, потому что одно меньшинство грабителей

и эксплуататоров народного труда уступало место другому меньшинству тоже грабителей и тоже эксплуататоров народного труда, потому что помещики уступили это место капиталистам, — одно меньшинство другому меньшинству, при подавлении широких масс трудящихся и эксплуатируемых классов. И даже эта смена одной эксплуататорской дисциплины другой дисциплиной стоила годов, если не десятилетий, усилий, стоила годов, если не десятилетий, переходного времени, когда старые помещики-крепостники совершенно искренне считали, что все гибнет, что хозяйничать без крепостного права нельзя, когда новый хозяин-капиталист на каждом шагу встречал практические трудности и махал рукой на свое хозяйство, когда материальным знаком, одним из вещественных доказательств трудности этого перехода было то, что Россия тогда выписывала заграничные машины, чтобы работать на них, на самых лучших машинах, и оказывалось, что нет ни людей, умеющих обращаться с ними, ни руководителей. И во всех концах России наблюдалось, что лучшие машины валялись без использования, настолько трудно было перейти от старой крепостной дисциплины к новой буржуазно-капиталистической дисциплине.

И вот если вы так посмотрите на дело, товарищи, вы не будете давать сбивать себя с толку тем людям, тем классам, той буржуазии, тем приспешникам буржуазии, вся задача которых состоит в сеянии паники, в сеянии уныния, в наведении полного уныния на всю работу и изображении ее безнадежной, которые указывают на каждый отдельный случай недисциплинированности и разложения и по этому случаю машут рукой на революцию, точно бывала на свете, точно бывала в истории хотя бы одна действительно великая революция без разложения, без потери дисциплины, без мучительных шагов опыта, когда масса вырабатывает новую дисциплину. Мы не должны забывать, что впервые подошли к такому предварительному пункту истории, когда новая дисциплина, дисциплина трудовая, дисциплина товарищеской связи, дисциплина советская вырабатывается на самом деле миллионами трудящихся и эксплуатируемых. На быстрые успехи в этом мы не претендуем, не рассчитываем. Мы знаем, что это дело займет целую историческую эпоху. Мы начали ту историческую эпоху, когда в стране буржуазной еще мы разбиваем дисциплину капиталистического общества, разбиваем и гордимся тем, что все сознательные рабочие, все решительно трудовое крестьянство всемерно помогают ее разрушению, и когда в массах добровольно, по их собственному почину, растет сознание того, что они эту основанную на

эксплуатации и рабстве трудящихся дисциплину должны заменить не по указке сверху, а по указанию своего жизненного опыта, заменить новой дисциплиной объединенного труда, дисциплиной объединенных организованных рабочих и трудовых крестьян всей России, страны с десятками и сотнями миллионов населения. Эта задача гигантской трудности, но зато и задача благодарная, потому что лишь тогда, когда мы решим ее практически, лишь тогда будет вбит последний гвоздь в гроб погребаемого нами капиталистического общества. (Аплодисменты.)

Газетные отчеты напечатаны: 27 мая 1918 г. в «Петроградской Правде» № 108 (вечерний выпуск), 28 мая — в «Правде» № 104 и в «Известиях ВЦИК» № 106

Полностью напечатано в 1918 г. в книге «Труды I Всероссийского съезда советов народного хозяйства. Стенографический отчет», Москва

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 36, стр. 377—386*

ЗАМЕЧАНИЯ
НА ПРОЕКТ «ПОЛОЖЕНИЯ ОБ УПРАВЛЕНИИ
НАЦИОНАЛИЗИРОВАННЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ» ³⁰³

Коммунизм требует и предполагает наибольшую централизацию крупного производства во всей стране. Поэтому общероссийскому центру безусловно надо дать право подчинять себе непосредственно все предприятия данной отрасли. Областные центры свои функции определяют в зависимости от местных, бытовых и прочих условий, согласно общепроизводственным указаниям и решениям центра.

Отнять право у всероссийского центра подчинять себе непосредственно все предприятия данной отрасли во всех концах страны, как это вытекает из проекта комиссии, было бы областническим анархо-синдикализмом, а не коммунизмом.

Написано 2 июня 1918 г.

*Впервые напечатано в 1959 г.
в Ленинском сборнике XXXVI*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 36, стр. 392*

**V ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ
РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯНСКИХ, СОЛДАТСКИХ
И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ³⁰⁴**

4—10 ИЮЛЯ 1918 г.

**ДОКЛАД СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
5 ИЮЛЯ**

Товарищи, позвольте мне, несмотря на то, что речь предыдущего оратора местами была чрезвычайно возбужденной³⁰⁵, предложить вам свой доклад от имени Совета Народных Комиссаров в общем порядке, касаясь главных принципиальных вопросов, как они этого заслуживают, и не вдаваться в ту полемику, которой так желал бы предыдущий оратор и от которой я, конечно, полностью отказываться не собираюсь. Товарищи, вы знаете, что со времени последнего съезда главным фактором, определившим наше положение, изменившим нашу политику и определившим нашу тактику и отношение с некоторыми другими партиями в России, был Брестский договор. Вы помните, что на прошлом съезде нам бросалось так много упреков, сыпалось на нас так много обвинений и раздавалось так много голосов по поводу того, что пресловутая передышка России не поможет, что союз международного империализма все равно заключен и что практически отступление, к которому мы ведем, ни к чему привести не может. Этот основной фактор определил собою все положение и капиталистических государств, и на этом факторе, естественно, приходится остановиться. Я думаю, товарищи, что после истекших 3 с половиной месяцев становится совершенно бесспорным, что, несмотря на упреки и обвинения, мы были правы. Мы можем сказать, что пролетариат и крестьяне, которые не эксплуатируют других и не наживаются на народном голоде, все они стоят безусловно за нас и, во всяком случае, против тех неразумных, кто втягивает их в войну и желает разорвать Брестский договор. (Шум.)

Девять десятых стоят за нас, и, чем яснее вырисовывается положение, тем более бесспорно, что сейчас, когда западноевропейские империалистические партии, две главные импе-

риалистические группы находятся в смертельной схватке между собою, когда они с каждым месяцем, с каждой неделей, с каждым днем все ближе и ближе толкают друг друга к пропасти, очертания которой мы ясно видим, в такой момент для нас особенно ясна правильность нашей тактики, — это особенно хорошо знают и чувствуют те, кто войну пережил, кто войну видал, кто о войне говорит не в легких фразах. Для нас особенно ясно, что, пока каждая из групп сильнее нас и пока тот основной перелом, который позволит рабочим и трудящемуся народу России воспользоваться результатами революции, оправиться от нанесенного удара и подняться во весь рост, так, чтобы создать новую организованную, дисциплинированную армию, на новых началах ее построить, чтобы мы могли не на словах, а на деле... (шумные аплодисменты слева, возглас справа: «Керенский!»), пока этот перелом еще не пришел, мы должны ждать. Поэтому, чем глубже спуститься в народные массы, чем ближе подойти к рабочим фабрик и заводов и трудящемуся крестьянству, не эксплуатирующему наемного труда, не защищающему спекулянтских интересов кулака, прячущего свой хлеб и боящегося продовольственной диктатуры, тем вернее можно сказать, что и там мы встретим и встречаем, и теперь, с полным убеждением можно сказать, что встретили полное сочувствие и единодушие. Да, сейчас против этих врагов — империалистов народ воевать не хочет, не может и не будет, как бы люди по бессознательности, в увлечении фразами, ни толкали его на эту войну, какими бы они словами ни прикрывались. Да, товарищи, кто теперь прямо или косвенно, открыто или прикрито, толкует о войне, кто кричит против брестской петли, тот не видит, что петлю на шею рабочим и крестьянам в России накидывают господа Керенский и помещики, капиталисты и кулаки... (Голос: «Мирбах!». Шум.) Как бы на любом собрании они ни кричали, их дело безнадежно в народе! (Аплодисменты. Шум.)

Меня несколько не удивляет, что в таком положении, в каком эти люди оказались, только и остается, что отвечать криками, истериками, руганью и дикими выходками (аплодисменты), когда нет других доводов... (Голос: «Есть доводы!». Шум.)

Девяносто девять сотых русских солдат знает, каких невероятных мук стоило одолеть войну. Они знают, что для того, чтобы построить войну на новом социалистическом и экономическом базисе (возгласы: «Мирбах не позволит!»), нужны невероятные усилия, надо было одолеть войну разбойничью. Они, зная, что бешеные силы империализма продолжают

бороться, находясь уже три месяца, протекших со времени предыдущего съезда, на несколько шагов ближе к пропасти, — они не войдут в эту войну. После того, как мы исполнили свой долг перед всеми народами, поняв значение декларации мира и доведя это значение через нашу брестскую делегацию, с т. Троцким во главе, до сведения рабочих всех стран, когда мы открыто предложили честный демократический мир, это предложение было сорвано злобствующей буржуазией всех стран. Наше положение не может быть иное, как дожидаться, и народ дождется того, что эти бешеные группы империалистов, сейчас еще сильные, свалятся в ту пропасть, к которой они теперь подходят, — это все видят... (Аплодисменты.) Это все видят, кто не закрывает себе нарочно глаз. Эта пропасть за три с половиной месяца, когда обезумевшая империалистическая партия стоит за то, чтобы тянуть войну, несомненно, подошла ближе. Мы знаем, чувствуем и осязаем, что сейчас мы еще не готовы к войне, это говорят солдаты, воины, испытавшие войну на деле, а те крики, которые призывают скинуть брестскую петлю теперь, идут от меньшевиков, правых эсеров и сторонников Керенского, кадетов. Вы знаете, где остались сторонники помещиков, капиталистов, где остались прихвостни правых эсеров, кадетов. В том лагере речи левых эсеров, которые также клонятся к войне, будут покрыты громкими аплодисментами. Левые эсеры, как указали предыдущие ораторы, попали в неприятное положение: шли в комнату, попали в другую. (Аплодисменты.)

Мы знаем, что великая революция поднимается самой народной толпой из своей глубины, что на это надо месяцы и годы, и мы не удивляемся, что партия левых эсеров за время революции пережила невероятные колебания. Здесь Троцкий говорил об этих колебаниях, и мне остается добавить, что 26 октября, когда мы пригласили товарищей левых эсеров в состав правительства, они отказались, и когда Краснов стоял у ворот Петрограда, они не были с нами, а следовательно, вышло так, что они помогали не нам, а Краснову. Мы не удивляемся этим колебаниям, да, эта партия пережила очень многое. Но, товарищи, есть же мера на все.

Мы знаем, что революция есть такая штука, которая изучается опытом и практикой, что только тогда революция становится революцией, когда десятки миллионов людей в единомудушном порыве поднялись как один. (Аплодисменты, заглушающие речь Ленина, крики: «Да здравствуют Советы!».) Эта борьба, поднимающая нас к новой жизни, начата 115 миллионами людей: надо к этой великой

борьбе присматриваться с глубочайшей серьезностью. (Бурные аплодисменты.) В октябре, когда основалась Советская власть, 26 октября 1917 года, когда... (шум, крики, аплодисменты) наша партия и ее представители в ЦИК предложили партии левых эсеров войти в правительство, — она отказалась. В тот момент, когда левые эсеры отказались войти в наше правительство, они были не с нами, а против нас. (Шум на скамьях левых эсеров.) Мне очень неприятно, что пришлось сказать нечто такое, что вам не понравилось. (Шум справа усиливается.) Но что делать? Если казачий генерал Краснов... (Шум, крики не дают продолжать речи.) Когда 26 октября вы колебались, сами не зная, чего вы хотите, и отказываясь идти вместе с нами... (Шум, не прекращающийся несколько минут.) Правда глаза колет! Я напому вам, что те люди, которые колебались, которые сами не знают, чего хотят, отказываются идти с нами, слушают других, которые рассказывают сказки. Я вам сказал, как солдат, бывший на войне... (Шум, аплодисменты.) Когда говорил предыдущий оратор, громадное большинство съезда ему не мешало. Да это и понятно. Если есть такие люди, которые предпочитают с советского съезда уходить, то скатертью дорога! (Шум и волнение на правых скамьях. Председатель призывает прекратить шум.)

Итак, товарищи, наша правота в деле заключения Брестского мира доказана была всем ходом событий. И те, кто на предыдущем съезде Советов пробовал отпускать плохие остроты насчет передышки, научились и увидели, что мы получили, хотя и с невероятным трудом, отсрочку, и за время этой отсрочки наши рабочие и крестьяне сделали громадный шаг вперед к социалистическому строительству, и, наоборот, державы Запада сделали громадный шаг вперед к той пропасти, в которую империализм падает тем быстрее, чем идет дальше каждая неделя этой войны.

И поэтому только полною растерянностью я могу объяснить себе поведение тех людей, которые, ссылаясь на тяжесть нашего положения, нападают на нашу тактику. Я повторяю, что достаточно сослаться на последний период трех с половиною месяцев. Я напому тем, кто был на том съезде, слова, которые были там сказаны, и предлагаю тем, кто там не был, прочесть протокол или газетные статьи о прошлом съезде, чтобы убедиться, как события нашу тактику оправдали полностью. От побед Октябрьской революции до побед международной социалистической революции не может быть грани, взрывы в других странах должны начаться. Для того

чтобы их ускорить, мы делали в брестский период все возможное. Кто пережил революции 1905 и 1917 годов, кто думал над ними и кто относился вдумчиво и серьезно к ним, тот знает, что в нашей стране эти революции рождались с невероятным трудом.

За два месяца перед январем 1905 года и февралем 1917 года ни один, какой угодно опытности и знания, революционер, никакой знающий народную жизнь человек не мог предсказать, что такой случай взорвет Россию. Уловить отдельные выкрики и бросить в народные массы призывы, которые равняются прекращению мира и бросанию нас к войне, это — политика людей, совершенно растерявшихся, потерявших голову. И, чтобы привести доказательство этой растерянности, я приведу вам пример из слов человека, в искренности которого ни я, ни кто другой не сомневается, — из слов товарища Спиридоновой, из той речи, которая была напечатана в газете «Голос Трудового Крестьянства»³⁰⁶ и о которой не было опровержения. В этой речи 30 июня товарищ Спиридонова поместила три, ничего не говорящие, строчки, будто бы немцы предъявили нам ультиматум — отправить им на два миллиарда мануфактуры.

Та партия, которая доводит своих наиболее искренних представителей до того, что и они падают в столь ужасающее болото обмана и лжи, такая партия является окончательно погибшей. Нельзя не знать рабочим и крестьянам, каких невероятных усилий, каких переживаний стоило нам подписание Брестского договора. Неужели нужны еще сказки и вымыслы, чтобы раскрасить тяжесть этого мира, к которым прибегают даже наиболее искренние люди из этой партии? Но мы знаем, где народная правда, и ею мы руководствуемся, в то время как они мечутся в истерических выкриках. С этой точки зрения подобное поведение полной растерянности хуже всякой провокации. Особенно если мы сопоставим сумму всех партий в России, а этого требует научное отношение к революции. Никогда нельзя забывать смотреть в целом на отношения всех партий вместе. Отдельные лица, отдельные группы могут ошибаться, могут не уметь найти, не уметь объяснить своего собственного поведения, но если мы возьмем сумму всех партий России и будем смотреть на соотношение их — ошибки быть не может. Посмотрите, что говорят теперь, слушая призывы левых эсеров, правые эсеры, Керенский, Савинков и прочие... Да они в настоящую минуту хлопают, как бешеные. Они рады втянуть Россию в войну теперь, когда это нужно Милюкову. И сейчас так говорить о брестской петле — значит на русского крестьянина накиды-

вать помещичью петлю. Когда нам здесь говорят о бое против большевиков, как предыдущий оратор говорил о ссоре с большевиками, я отвечу: нет, товарищи, это не ссора, это действительный бесповоротный разрыв, разрыв между теми, которые тяжесть положения переносят, говоря народу правду, но не позволяя опьянять себя выкриками, и теми, кто себя этими выкриками опьяняет и невольно выполняет чужую работу, работу провокаторов. (Аплодисменты.)

Я кончаю первую часть моего доклада. За три с половиной месяца империалистической бешеной войны империалистические государства приблизились к той пропасти, в которую они толкают народ. У нас этот истекающий кровью зверь оторвал массу кусков живого организма. Наши враги так быстро приближаются к этой пропасти, что, если бы даже им было предоставлено больше трех с половиной месяцев и если бы империалистическая бойня нанесла нам снова такие же потери, погибнут они, а не мы, потому что быстрота, с которой падает их сопротивление, быстро ведет их к пропасти. А у нас за эти три с половиной месяца, несмотря на гигантскую тяжесть, о которой мы открыто перед всем народом говорим, несмотря на все это, имеются здоровые ростки здорового организма — и в промышленности и всюду строительная работа, может быть, мелкая, не эффектная, не шумная, идет вперед. Она дала свои плодотворнейшие результаты, и мы, имея еще три месяца, еще шесть месяцев, еще зимнюю кампанию такой работы, будем идти вперед, а западноевропейский империалистический зверь, уставая от борьбы, такого состязания не выдержит, потому что внутри него зреют силы, до сих пор еще не верящие в себя, но которые приведут империализм к гибели. А то, что уже там начато, коренным образом начато, не будет иметь возможности быть измененным за три с половиной месяца. Об этой строительной, мелкой, созидательной работе говорят слишком мало, и я думаю, что на ней нам нужно остановиться больше. Я со своей стороны не имею возможности скрывать этого, хотя бы в силу того обстоятельства, что необходимо принять во внимание нападки предыдущего оратора. Сошлюсь на резолюцию ЦИК от 29 апреля 1918 года*. Я делал тогда доклад, где мне пришлось говорить об очередных задачах Советской власти**, и подчеркнул, что, наряду с неимоверной трудностью нашего положения, у нас внутри страны творческая работа должна быть поставлена на первое место.

* См. настоящий том, стр. 628—630. *Ред.*

** См. Сочинения, 5 изд., том 36, стр. 241—267; 4 изд., том 27, стр. 249—273. *Ред.*

И тут, не делая себе иллюзий, мы должны сказать, что на эту работу, при всей ее трудности, мы должны отдать все свои силы. Тот опыт, которым я могу поделиться с вами, показывает, что в этом отношении мы, несомненно, далеко ушли вперед. Правда, если ограничиться внешними результатами, как это делает буржуазия, выхватывая отдельные примеры наших ошибок, то едва ли можно говорить об успехе, но мы на это смотрим совершенно иначе. Буржуазия берет какое-нибудь управление речного флота и указывает, сколько раз мы принимались его переделывать, злорадствует и говорит, что Советская власть не может справиться с делом. На это я отвечу: да, мы много раз переделывали наше управление речным флотом, как и управление железными дорогами, и мы теперь принимаемся еще за большую переделку Совета народного хозяйства. В этом значение переворота, что социализм из области догмы, о которой могут говорить только совсем ничего не понимающие люди, из области книжки, программы перешел в область практической работы. Вот теперь своей рукой рабочие и крестьяне делают социализм.

Прошли и для России, я уверен, безвозвратно прошли, те времена, когда спорили о социалистических программах по книжкам. Ныне о социализме можно говорить только по опыту. В том и значение переворота, что он в первый раз отбросил старый аппарат буржуазного чиновничества, буржуазной системы управления, создал такие условия, что рабочие и крестьяне берутся сами за дело, невероятно трудное, трудности которого скрывать от себя было бы смешно, ибо капиталисты и помещики десятки миллионов людей веками гнали и преследовали за одну только мысль об управлении землей. А теперь в несколько недель, в несколько месяцев, при отчаянной, бешеной разрухе, когда война изранила все тело России, так что народ похож на избитого до полусмерти человека, — в такое время, когда в наследство нам цари, помещики и капиталисты оставили величайшую разруху, за новое дело, за новое строительство должны браться новые классы, рабочие и те крестьяне, которые не эксплуатируют наемных рабочих и не наживаются на спекулянтском хлебе. Да, это дело невероятно трудное и невероятно благодарное. Каждый месяц такой работы и такого опыта стоит десять, если не двадцать лет нашей истории. Да, мы несколько не боимся признаться перед вами в том, на что указывает ознакомление с нашими декретами, что нам приходится постоянно переделывать их; мы еще ничего готового не создали, мы еще такого социализма, который можно было бы вложить в параграфы, не знаем. Если теперь этому съезду нами может быть

предложена Советская конституция, то лишь потому, что Советы во всех концах страны созданы и испытаны, потому, что вы ее создали, вы во всех концах страны испытали; только через полгода после Октябрьской революции, почти через год после Первого Всероссийского съезда Советов, мы могли записать то, что уже существует на практике³⁰⁷.

В области хозяйства, там, где социализм только еще строится, где должна строиться новая дисциплина, там у нас такого опыта нет, мы его приобретаем на переделках и перестройках. Это — наша главная задача; мы говорим: от всякого нового общественного порядка требуются новые отношения между людьми, новая дисциплина. Было время, когда без крепостной дисциплины нельзя было вести хозяйства, когда была одна дисциплина — палка, было время господства капиталистов, когда силой дисциплины был голод. Теперь же, со времени советского переворота, со времени начала социалистической революции, дисциплина должна создаваться на совершенно новых началах, дисциплина доверия к организованности рабочих и беднейших крестьян, дисциплина товарищеская, дисциплина всяческого уважения, дисциплина самостоятельности и инициативы в борьбе. Всякий, кто прибегает к старым капиталистическим приемам, кто во время нужды и голода по-старому, по-капиталистически рассуждает: если я, дескать, в одиночку продам хлеб, то больше наживу, если я, дескать, в одиночку отправлюсь добывать хлеб, то легче добуду. Кто рассуждает так, тот избирает более легкий путь, но к социализму он не придет.

Это просто и легко — оставаться в старой полосе привычных капиталистических отношений, но мы желаем идти новым путем. Он требует от нас, требует от всего народа большой сознательности, большой организованности, требует больше времени, вызывает большие ошибки. Но мы говорим себе: не ошибается тот, кто ничего практического не делает.

Если период, о котором я даю вам отчет, включает, с точки зрения собрания, опыты, в которых встречаются часто поправки, исправления, возвращение к старому, то не в этом состоит главная задача, главное содержание, главная ценность переживаемого периода. Старый аппарат управления чиновников, которым достаточно приказать повесить жалованье, отошел. Нам приходится столкнуться с рабочими организациями, которые берут в свои руки управление хозяйством. Мы сталкиваемся с железнодорожным пролетариатом, который был хуже поставлен, чем другие, и он имеет законное право требовать, чтобы улучшили его положение; завтра пролетариат речной предъявит свои требования, послезавтра

средний крестьянин, о котором я буду говорить подробнее, который чувствует себя часто хуже рабочего, к которому мы относимся с величайшим вниманием, интересам которого посвящены все декреты, чего абсолютно не понял предыдущий оратор, — предъявит требования, — все это вызывает неимоверные трудности, но это те трудности, при которых рабочие и беднейшие крестьяне в первый раз после столетий сами организуют все народное хозяйство России своими собственными руками. И вот приходится искать способы удовлетворить справедливые требования, переделывать декреты, перестраивать управления. Рядом с примерами и случаями неудачи и провалов, — случаями, которые выхватываются буржуазной прессой, которые, конечно, многочисленны, мы достигаем успехов, ибо именно путем частичных неудач и ошибок мы на опыте научаемся строить социалистическое здание. И когда со всех сторон мы видим новые требования, мы говорим: это так должно быть, это и есть социализм, когда каждый желает улучшить свое положение, когда все хотят пользоваться благами жизни. Но страна бедна, страна нищая, — удовлетворить все требования невозможно пока, оттого так трудно в процессе разрухи строить новое здание. Но глубоко ошибается тот, кто думает, что социализм можно строить в мирное спокойное время: он везде будет строиться во время разрухи, во время голода, так и должно быть, и, когда мы видим представителей настоящих идей, тогда мы говорим себе: всеми тысячами, десятками тысяч, сотнями тысяч рук рабочие и трудящиеся крестьяне взялись за постройку нового, социалистического здания. Теперь начинается глубочайший переворот в деревне, где агитирующие кулаки стараются помешать трудящимся крестьянам, не эксплуатирующим чужого труда и не наживающимся на спекуляции хлебом, и там задача иная. В городах приходится организовать заводы, металлическую промышленность, а после военной разрухи распределить производство, распределить сырье, материал, — проведение этой задачи очень трудно. Там рабочий этому делу учится и создает органы центрального управления, там нам приходится переделывать Высший совет народного хозяйства, ибо старые законы, изданные в начале года, уже устарели, рабочее движение идет вперед, старый рабочий контроль уже устарел, и профессиональные союзы превращаются в зачатки органов управления всей промышленностью. (Аплодисменты.) В этой области сделано уже много, но все же мы не можем похвастать блестящим успехом. Мы знаем, что в этой области буржуазные элементы, капиталисты, помещики, кулаки, получают возможность еще долго агитировать, го-

воря, что, как всегда, изданный декрет не проведен в жизнь, другой только что издан, а его через три месяца исправляют, а вот спекуляция как была при капитализме, так и теперь остается. Да, мы не знаем всеобъемлющего шарлатанского рецепта, который сразу мог бы убить спекуляцию. Привычки капиталистического строя слишком сильны, перевоспитать воспитанный веками в этих привычках народ дело трудное и требующее большого времени. Но мы говорим: наш способ борьбы — это организация. Мы должны все организовать, все взять в свои руки, проверять кулаков и спекулянтов на каждом шагу, объявить им беспощадную борьбу и не давать им дышать, проверяя каждый шаг. (Аплодисменты.)

На опыте мы знаем, что переделка декретов является необходимой, ибо встречаются новые трудности, из которых переделка черпает новые силы. И если в вопросе о продовольствии мы пришли теперь к организации деревенской бедноты и если теперь прежние товарищи наши — левые эсеры со всей искренностью, в которой нельзя сомневаться, говорят, что наши дороги разошлись, то мы твердо отвечаем им: тем хуже для вас, ибо это значит, что вы ушли от социализма. (Аплодисменты.)

Товарищи! Вопрос продовольственный — это главный вопрос, это тот вопрос, которому мы больше всего уделяем внимания в нашей политике. Масса мелких мер, которых не видно со стороны, но которые приняты Советом Народных Комиссаров: улучшение транспорта водного и железнодорожного, чистка интендантских складов, борьба со спекуляцией, — все было направлено к тому, чтобы поставить дело продовольствия. Не только наша страна, но и все те самые культурные страны, которые до войны не знали, что такое голод, теперь все они в самом бедственном положении, которое создали империалисты, борясь за господство той или иной группы. Десятки миллионов людей на Западе испытывают муки голода. Именно это и делает неизбежной социальную революцию, ибо социальная революция вырастает не из программ, а из того, что десятки миллионов людей говорят: «жить голодая мы не будем, а лучше умрем за революцию». (Аплодисменты.)

Ужасное бедствие — голод — надвинулось на нас, и чем труднее наше положение, чем острее продовольственный кризис, тем более усиливается борьба капиталистов против Советской власти. Вы знаете, что чехословацкий мятеж — это мятеж людей, купленных англо-французскими империалистами³⁰⁸. Постоянно приходится слышать, что то там, то здесь восстают против Советов. Восстания кулаков захватывают

все новые области. На Дону Краснов, которого русские рабочие великодушно отпустили в Петрограде, когда он явился и отдал свою шпагу, ибо предрассудки интеллигенции еще сильны и интеллигенция протестовала против смертной казни, был отпущен из-за предрассудков интеллигенции против смертной казни. А теперь я посмотрел бы народный суд, тот рабочий, крестьянский суд, который не расстрелял бы Краснова, как он расстреливает рабочих и крестьян. Нам говорят, что, когда в комиссии Дзержинского³⁰⁹ расстреливают — это хорошо, а если открыто перед лицом всего народа суд скажет: он контрреволюционер и достоин расстрела, то это плохо. Люди, которые дошли до такого лицемерия, политически мертвы. (Аплодисменты.) Нет, революционер, который не хочет лицемерить, не может отказаться от смертной казни. Не было ни одной революции и эпохи гражданской войны, в которых не было бы расстрелов.

Наше продовольственное положение было доведено до положения почти катастрофического. Мы пришли в такую полосу, которая является самым тяжелым периодом в нашей революции. Перед нами стоит самый трудный период: не было еще более трудного периода в рабоче-крестьянской России, — именно период, который остался до урожая. Меня, выдавшего виды партийных разногласий, революционных споров, не удивляет, что в такой трудный период увеличивается число людей, которые впадают в истерику и кричат: я уйду из Советов. Ссылаются на декреты, отменяющие смертную казнь. Но плох тот революционер, который в момент острой борьбы останавливается перед незыблемостью закона. Законы в переходное время имеют временное значение. И если закон препятствует развитию революции, он отменяется или исправляется. Товарищи, чем больше надвигается на нас голод, тем яснее становится, что против этого отчаянного бедствия нужны и отчаянные меры борьбы.

Социализм, повторяю, перестал быть догмой, как он перестал, может быть, и быть программой. В нашей партии еще не написано новой программы, а старая никуда не годится. (Аплодисменты.) Распределить хлеб правильно и равномерно — вот в чем основа социализма сегодня. (Аплодисменты.) Война оставила нам в наследство разруху; усилиями Керенского и помещиков-кулаков, говорящих: после нас хоть потоп, страна доведена до того положения, что говорят: чем хуже, тем лучше. Война оставила нам такие бедствия, что теперь мы на вопросе о хлебе переживаем самую сущность всего социалистического устройства и должны взять этот вопрос в руки и решить его практически. Тут говорим мы

себе: как быть с хлебом, по-старому ли, по-капиталистически, когда крестьяне, пользуясь случаем, наживают тысячи рублей на хлебе, называя при этом себя трудовыми крестьянами, а бывает, что даже и левыми эсерами? (Аплодисменты, шум.) Они рассуждают так: если народ голодает, значит, цены на хлеб повышаются, если голод в городах, значит, у меня туга мощна, а если будут голодать еще больше, значит, я наживу еще лишние тысячи. Товарищи, я прекрасно знаю, что не вина отдельных лиц в этом рассуждении. Все старое гнусное наследие помещичьего и капиталистического общества научило людей так мыслить, так думать и жить, а переделывать жизнь десятков миллионов людей страшно трудно, для этого нужно долго и упорно работать, а эту работу мы только что начали. У нас никогда не было и в мыслях обвинять тех людей, кто в одиночку, мучимый голодом и не видя пользы в организации социалистического распределения хлеба, бросается помогать себе в одиночку, махая на все рукой, — таких нельзя винить. Но мы говорим: когда выступают представители партий, когда мы видим людей, примкнувших к определенной партии, когда видим большие группы народа, то от них мы требуем, чтобы они посмотрели на это дело не с точки зрения измученного, истерзанного и голодного человека, на которого ни у кого не поднимется рука, а с точки зрения строения нового общества.

Повторяю, социализм никогда не удастся строить в такое время, когда все гладко и спокойно, социализм никогда не удастся осуществить без бешеного сопротивления помещиков и капиталистов. Тем более радостно потирают они руки, чем труднее положение; тем более поднимаются они на мятеж; чем труднее, чем больше у нас саботажников, тем охотнее они бросаются в чехословацкие и красновские истории. И мы говорим: вот это надо преодолеть не по-старому, как бы трудно ни было тащить телегу вперед, на гору, а не пустить ее катиться назад, под гору. Мы великолепно знаем, что не проходило недели или даже дня, когда мы в Совете Народных Комиссаров не были бы заняты вопросом о продовольствии, когда тысячи предположений, распоряжений, декретов исходили от нас и когда мы не ставили бы вопроса, как бороться с голодом. Говорят: не нужно никаких особых цен, таксированных цен, хлебных монополий. Торгуй, как влезет. Богачи наживут еще больше, а что бедняки перемрут, так они ведь и всегда умирали с голоду. Но социалист так рассуждать не может: в этот момент, когда гора стала самой крутой и телегу приходится перетаскивать через самые большие крутизны, — вопрос о социализме перестал быть вопросом

партийных разногласий, а стал вопросом жизни: устоите ли вы в борьбе с кулаками, в союзе с крестьянами, не спекулирующими хлебом, устоите ли вы теперь, когда надо бороться, когда предстоит самая тяжелая работа? Нам говорили о комитетах бедноты³¹⁰. Для тех, кто на деле видел муки голода, для тех ясно, что для того, чтобы сломить и беспощадно подавить кулаков, нужны самые крутые, беспощадные меры. Приступая к организации союзов бедноты, мы шли на это с полным сознанием всей тяжести и жестокости этой меры, потому что только союз города и деревенской бедноты и тех, кто имеет запасы, но не спекулирует, тех, кто хочет решительно преодолеть трудности и достигнуть того, чтобы излишки хлеба шли государству и распределялись между трудящимися, — только такой союз является единственным средством этой борьбы. И борьба эта должна вестись не в программах и речах; в этой борьбе с голодом должно сказаться, кто идет прямым путем, несмотря на все испытания, к социализму и кто поддается на уловки и обманы кулаков.

И если найдутся из партии левых эсеров люди, которые скажут, как предыдущий оратор, один из наиболее искренних и поэтому часто увлекающихся, часто меняющих свои мнения, — если они скажут: мы с большевиками работать не можем, мы уходим, — мы не пожалеем об этом ни на одну минуту. Те социалисты, которые уходят в такую минуту, когда десятки и тысячи людей гибнут от голода, в то время как другие имеют такие большие излишки хлеба, что не продали их до августа прошлого года, когда удвоили твердые цены на хлеб, против чего вся демократия восставала; кто знает, что народ терпит несказанные муки голода, но не хочет продавать хлеб по ценам, по которым продают средние крестьяне, те — враги народа, губят революцию и поддерживают насилие, те — друзья капиталистов! Война им и война беспощадная! (Аплодисменты всего зала, аплодирует и значительная часть левых эсеров.) Тысячу раз будет неправ тот, тысячу раз ошибается тот, кто позволит себе хоть на минуту увлечься чужими словами и сказать, что это — борьба с крестьянством, как говорят иногда неосторожные или невдумчивые из левых эсеров. Нет, это борьба с ничтожным меньшинством деревенских кулаков, это борьба за то, чтобы спасти социализм и распределить хлеб в России правильно. (Возгласы: «А товары?».) Мы будем бороться в союзе с громадным большинством крестьянства. В этой борьбе мы победим, и тогда каждый европейский рабочий увидит на деле, что такое социализм.

В настоящей борьбе нам поможет всякий, кто, может быть, и не знает по-научному, что такое социализм, но который всю жизнь трудился и знает, что хлеб доставался ему трудной ценой, — он нас поймет. Такой человек будет с нами. Кулакам, имеющим излишки хлеба и способным в момент величайшего бедствия народа скрывать хлеб, в момент, когда все завоевания революции поставлены на карту, когда Скоропадские всех оттенков и со всех концов, оккупированных и не оккупированных, вытягивают шеи и поджидают, нельзя ли на голоде свалить крестьянскую и рабочую власть и вернуть помещиков, — в такой момент объявить этим кулакам беспощадную войну — это наш первый социалистический долг. Кто в этот труднейший момент величайших испытаний для голодного народа и величайших испытаний для социалистической революции умывает руки и повторяет рассказы буржуазии, — тот плохой социалист.

Неверно, и тысячу раз неверно, что это есть борьба с крестьянством! Я читал сотни раз на страницах кадетских газет об этом, и меня не удивляет, когда там кричат, что рабочие раскололись с крестьянством, когда там истерически пишут: «Крестьяне, очнитесь, одумайтесь и бросьте большевиков». Когда я слышу и читаю там об этом, меня это не удивляет. Там оно под стать. Там они служат тому хозяину, которому служить предназначены, но я не желал бы быть в шкуре социалиста, упавшего до таких речей! (Бурные аплодисменты.) Товарищи, мы превосходно знаем, каких невероятных трудностей стоит решение продовольственного вопроса. Тут предрассудки самые глубокие. Тут интересы самые коренные, интересы кулаков; тут деление, застой, распыленность деревни, темнота, во многих случаях все объединяются против нас, и мы говорим: несмотря на эти трудности, отказаться нельзя, с голодом не шутят, и народные массы, если в голоде им не помочь, с голоду способны метнуться даже к Скоропадскому. Неправда, что это борьба с крестьянами! Кто это говорит, тот величайший преступник, и величайшее несчастье случилось с тем человеком, кто истерически дал увлечь себя до таких речей. Нет, не только с крестьянами беднейшими, но и с средними мы не боремся. Крестьяне средние имеют во всей России ничтожные излишки хлеба. Крестьяне средние жили десятки лет до революции в условиях худших, чем живет рабочий. До революции они видели только нужду и угнетение. С этими средними крестьянами мы идем путем соглашения.

Социалистическая революция несет равенство для всех трудящихся масс; несправедливо, если каждый городской

рабочий получает больше, чем средний крестьянин, не эксплуатирующий чужого труда путем найма или спекуляции, — крестьянин живет и видит больше нужды и угнетения, чем рабочий, а живет еще хуже него. У них нет организации и профессиональных союзов, которые занимались бы вопросом об улучшении их положения. Даже с рабочими союзами нам приходится устраивать десятки заседаний, чтобы уравнивать плату между профессиями. И все же установить не можем. Всякий разумный рабочий знает, что для этого необходим долгий период. Разве мало жалоб вы найдете в Комиссариате труда? Вы увидите, что каждая профессия поднимает голову: мы не хотим жить по-старому, мы не хотим жить порабски! Мы хотим в стране бедной, стране нищей, залечить те раны, которые ей нанесены. Нам необходимо стараться кое-как удержать хозяйство, развалившееся почти до конца. Мы можем сделать это только путем организации. Чтобы организовать крестьянство, мы издали декрет о комитетах бедноты. Против этого декрета могут быть только враги социализма. Мы говорили, что считаем справедливым понизить цены на мануфактуру. Мы берем на учет, национализируем решительно все. (Аплодисменты.) И это дает нам возможность регулировать распределение продуктов промышленности.

Мы говорили: спустите беднякам цены на мануфактуру наполовину, среднему крестьянину спустите на 25 процентов. Может быть, это неверная ставка. Мы не претендуем на то, что решили вопрос правильно. Мы не утверждаем этого. Чтобы решить вопрос, идите решать его вместе. (Аплодисменты.) Если сидеть в главном управлении и бороться со спекуляцией, ловить жуликов, устраивающих тайком свои дела, этим не решишь вопроса.

Только тогда, когда Комиссариат продовольствия, вместе с Комиссариатом земледелия, национализировал все товары, установил цены, — только тогда мы вплотную подходим к социализму. К нему подходят только трудящиеся города и деревенская беднота, все те, кто трудится, чужого не загребает, чужого труда не эксплуатирует ни в форме найма, ни в форме спекуляции, ибо тот, кто берет по сто и больше рублей за хлеб, не менее спекулянт, чем если он нанимает наемных рабочих; может быть, он еще худший, еще более горький спекулянт. Через полгода отчаянно трудного советского управления мы пришли к организации крестьянской бедноты, жалко, что не через полнедели, — вот это наша вина! Если бы нас за то упрекали, что декрет об организации деревенской бедноты и продовольственной диктатуры³¹¹ на полгода опоздал, мы

были бы рады этому порицанию. Мы говорим: вот только теперь, когда мы на этот путь вступили, социализм перестал быть только фразой и становится живым делом. Может быть, декрет неудачен, может быть, наши ставки неверны. Откуда мы могли взять их? Только из вашего опыта. Сколько раз мы переделывали ставки железнодорожников, хотя у них есть союзы, а союзов среди бедноты нет. Давайте проверять вместе, правильны ли ставки, назначенные в декрете о бедноте, что беднейшим спускается полцены, средним спускается четверть цены, а у богатого бери все, — правильны ли эти ставки или нет?

Если будет бой, то на этот бой мы пойдем смелыми декретами и ни капли не колеблясь. Это будет настоящий бой за социализм, не за догму, не за программу, не за партию, не за фракцию, а за социализм живой, за распределение хлеба между голодными сотнями тысяч, миллионами людей в передовых районах России, чтобы, когда хлеб есть, его взять и правильнее распределить. Повторяю: здесь у нас нет ни тени сомнения, что девяносто девять сотых крестьян, когда они правду узнают, когда декрет получают, проверят, примерят, когда скажут нам, как его надо исправить, и мы его исправим, эти ставки переделаем, когда они за эту работу возьмутся, когда приценятся к ее трудности практической, — эти крестьяне будут с нами и скажут: мы проявляем здоровый инстинкт всякого трудового человека, что здесь и только здесь решается вопрос настоящий, коренной, жизненный вопрос о социализме. Мы установим правильные ставки на товары, установим монополию на хлеб, на мануфактуру, на все продукты, и тогда народ скажет: да, распределение труда, распределение хлеба и продуктов, которые нам дает социализм, лучше, чем было прежде, и это народ начинает говорить. Рядом с массой трудностей, рядом с массой ошибок, рядом со случаями, которые мы нисколько не прикрываем, а вытаскиваем на свет, на позор, — теми случаями, когда наши отряды сами впадают в спекуляцию, в ту скользкую пропасть, в которую тащат все привычки, все навыки капиталистов, — да, эти случаи бывают повсюду, мы знаем, что переделать людей сразу нельзя, что внушить десяткам миллионов людей сразу веру в социализм нельзя (откуда они возьмут эту веру? Из своей головы? — Из своего опыта), — рядом со всем этим начинают говорить, что хлеб получить можно не путем спекуляции, что спасти от голода можно только путем союза городских и фабрично-заводских и промышленных рабочих с союзом деревенской бедноты, так как только деревенская беднота хлебом не спекулирует. Да, средний крестьянин сразу,

когда увидит наши декреты, когда прочтет их сам, когда сравнит их с теми фразами и наветами правых эсеров и защитников кулаков, скажет: если люди устанавливают одну ставку для бедняков, другую — для средних и даром берут хлеб у кулаков, они поступают справедливо. Он, может быть, не скажет, что они поступают, как социалисты, он, может быть, не знает этого слова, но он — наш вернейший союзник, ибо он хлебом не спекулирует, он поймет и согласится, что спекулировать хлебом в момент величайшей опасности для социалистической революции — есть величайшее преступление против народа.

Хлеб нельзя распределить декретом. Но когда после долгой, упорной работы налаживания, исправления, — союза фабричных, городских рабочих и деревенской бедноты, трудящихся крестьян, не нанимающих никаких рабочих и не занимающихся спекуляцией, — мы наладим на практике это дело, тогда никакие истерические выкрики против нашей партии не разорвут этого союза. (Аплодисменты.)

Когда мы обещали крестьянству социализацию земли, мы сделали этим уступку, ибо мы понимали, что сразу национализацию ввести нельзя. Мы знаем, что это, может быть, и ошибка, что мы вашу социализацию земли поставили в наш закон 26 октября *. Это была уступка левым эсерам, которые отказались от власти и сказали, что останутся только тогда, если будет проведен этот закон. Тысячу раз неправа Спиридонова, когда подносила вам отдельные факты, что она была у меня, будто бы унижалась и просила. Товарищи, многие бывали у меня и знают, что не может быть этого, не может быть такого отношения к товарищу. Должно быть, плоха эта партия, если лучшие ее представители унижаются до сказок. (Шум.) У меня лежит письмо тов. Спиридоновой, — она очень часто обращалась ко мне письменно, — это письмо я завтра же найду и передам. Она пишет: «Почему вы не хотите дать два миллиона для сельскохозяйственной коммуны?». И это в тот самый день, когда наркомзем Середа, деятельности которого она не понимает, внес доклад об ассигновании 10 миллионов на сельскохозяйственную коммуну. (Продолжительные аплодисменты.) Вы слышали это из речи товарища Спиридоновой, но плоха та партия, в которой даже искреннейшие люди в своей агитации падают до сказок. Я повторяю: как плоха партия, лучшие, искреннейшие представители которой доходят до таких сказок про Советскую власть! Тем хуже для них! Каждый крестьянин, который придет в

* См. настоящий том, стр. 424—425. *Ред.*

Комиссариат земледелия, прочтет, что ассигновано 10 миллионов на сельскохозяйственные коммуны, увидит, поверит своим глазам и своим ушам больше, чем чужим речам, поймет, что эти люди дошли до сказок, и от партии этой отвернется. (Аплодисменты.) В заключение своей речи скажу одно. Перед нами до нового урожая, до подвоза этого урожая в голодные местности, Петроград и Москву, перед нами стоит тяжелый период русской революции. Только самый тесный союз городских рабочих с деревенской беднотой, с деревенской трудящейся массой, которая не спекулирует хлебом, — вот что спасет революцию.

Съезд нам показывает, что союз всех трудящихся, несмотря ни на что, крепнет, ширится и растет не только в России, но и во всем мире. Знают за границей про нашу революцию до смешного, до ужаса мало. Там военная цензура, которая ничего не пропускает. Товарищи, приехавшие из-за границы, рассказывают об этом. Но, несмотря ни на что, по одному только инстинкту, европейские рабочие на стороне большевистского правительства. И все множатся и множатся голоса, которые показывают, что сочувствие к социалистической революции в Европе крепнет в тех странах, где продолжается империалистическая война. От германских социалистов и других людей, имена которых знает всякий сознательный рабочий и крестьянин, как Клара Цеткин и Франц Меринг, большевистское правительство получает выражение признательности и выражение сочувствия и поддержки. В Италии старый секретарь партии Лаццари, который в Циммервальде относился к большевикам с недоверием, сидит теперь в тюрьме за выражение сочувствия к нам.

Понимание революции растет. Во Франции те товарищи и рабочие, которые на конференции в Циммервальде с величайшим недоверием относились к большевикам, теперь выпустили на днях воззвание от имени Комитета интернациональных связей³¹², в котором горячо высказываются за поддержку большевистского правительства и против авантюрических партий.

Поэтому, товарищи, как ни труден и как ни тяжел период, который нам предстоит пережить, мы обязаны сказать всю правду и открыть глаза на это, ибо только народ своей инициативой и своей организацией, выдвигая новые и новые условия и защищая социалистическую республику, поможет нам. И мы говорим: товарищи, нет ни тени сомнения, что если мы пойдем по тому пути, который избрали и который события подтвердили, если мы будем твердо и неуклонно идти по этому пути, если мы не дадим ни фразам, ни иллюзиям,

ни обману, ни истерике сбить себя с правильного пути, то мы имеем величайшие в мире шансы удержаться и помочь твердо победе социализма в России, а тем самым помочь победе всемирной социалистической революции! (Бурные и долго не смолкающие аплодисменты, переходящие в овацию.)

*Газетный отчет напечатан 6 и 7 июля
1918 г. в «Известиях ВЦИК»
№№ 139 и 140*

*Полностью напечатано в 1918 г.
в книге «Пятый Всероссийский съезд
Советов. Стенографический отчет»,
изд. ВЦИК*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 36, стр. 491—513*

РЕЧЬ НА МИТИНГЕ В ПРЕСНЕНСКОМ РАЙОНЕ**26 ИЮЛЯ 1918 г.³¹³**

(Появление тов. Ленина вызывает продолжительную овацию. Исполняется «Интернационал». Все встают.) Слово получает тов. Ленин, который в очень ясной и доступной форме знакомит с сущностью Советской Конституции, разъясняя основные положения этой Конституции. Советы — высшая форма народоправства. Советы — не выдумка из головы, они — продукт реальной действительности. Они впервые в истории человечества появились и выросли в нашей отсталой стране, но они должны объективно стать формой власти трудящихся во всем мире.

Все существовавшие до сих пор конституции стояли на страже интересов господствующих классов. И только одна Советская Конституция служит и будет постоянно служить трудящимся и является могучим орудием в борьбе за осуществление социализма. Очень метко отметил тов. Ленин различия между требованиями «свободы печати и собраний» в буржуазных конституциях и Советской Конституции. Там свобода печати и собраний — исключительная монополия буржуазии, там буржуазия собирается в своих салонах, выпускает свои большие газеты, издающиеся на средства банков, с целью сеяния лжи и клеветы и отравления сознания народных масс, там душат рабочую печать и не дают ей сказать свое слово и мнение о грабительской войне, противников войны преследуют, собрания их запрещаются. Здесь же, в Советской России, рабочая печать существует и служит трудящимся. В России мы отнимаем роскошные дома, дворцы у буржуазии и передаем в распоряжение рабочих, чтобы они превратили их в свои клубы, и это есть свобода собраний на деле. Религия — частное дело. Пусть каждый верует во что хочет или ни во что не верит. Советская республика

объединяет трудящихся всех наций и отстаивает интересы трудящихся без различия наций. Советская республика не знает никаких религиозных различий. Она находится вне всякой религии и стремится отделить религию от Советского государства. Далее тов. Ленин обрисовал тяжелое положение, в котором находится Советская власть, окруженная со всех сторон кольцом империалистских хищников. Тов. Ленин выражает уверенность, что красноармейцы будут всеми силами защищать нашу Советскую республику от покушений международного империализма и сохранят ее до тех пор, пока к нам придет на помощь наш союзник — международный пролетариат. (Бурными и долго не смолкающими аплодисментами собрание единодушно провожает речь тов. Ленина. Исполняется «Интернационал».)

*Впервые напечатано в 1957 г.
в журнале «Коммунист» № 5*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 36, стр. 535—536*

**РЕЧЬ НА ОБЪЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ
ВЦИК, МОСКОВСКОГО СОВЕТА,
ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ
И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ МОСКВЫ
29 ИЮЛЯ 1918 г.³¹⁴**

(Аплодисменты, переходящие в овацию.)
Товарищи, не раз нам приходилось указывать и в партийной печати, и в советских учреждениях, и в агитации перед массами, что время перед новым урожаем является самой трудной, тяжелой и критической полосой для начавшейся в России социалистической революции. Теперь, я думаю, мы должны сказать, что высший пункт этого критического положения достигнут. Так произошло в силу того, что сторонники империалистического мира, империалистических стран, с одной стороны, и сторонники Советской Социалистической Республики — с другой, теперь определились полностью и окончательно. Прежде всего надо сказать, что в военном отношении только теперь положение Советской республики окончательно определилось. На чехословацкое восстание многие сначала смотрели, как на один из эпизодов контрреволюционных бунтов. Мы недостаточно оценивали сведения из газет об участии англо-французского капитала, об участии англо-французских империалистов в этом восстании. Теперь следует припомнить, как развернулись события на Мурмане, в сибирских войсках, на Кубани, как англо-французы в союзе с чехословаками, при ближайшем участии английской буржуазии, стремились свергнуть Советы. Все эти факты показывают теперь, что чехословацкое движение было одним из звеньев, давно рассчитанных на удушение Советской России систематической политикой англо-французских империалистов, с целью втягивания России снова в кольцо империалистических войн. Теперь этот кризис должен быть разрешен широкими массами Советской России, так как он встал перед нами теперь как борьба за сохранение Советской Социалистической Республики не только от чехословаков, как от контрреволюционного покушения,

не только от контрреволюционных покушений вообще, но как борьба против натиска всего империалистического мира.

Я хотел бы прежде всего напомнить тот факт, что давно уже установилось прямое и непосредственное участие англо-французского империализма в чехословацком мятеже; я напому статью от 28 июня, которая была помещена в центральном органе чехословацкой коммунистической партии «Прукопник Свободы» и была воспроизведена в нашей печати³¹⁵:

«7 марта Отделение Национального совета получило первый взнос от французского консула в сумме 3 миллионов рублей.

Эти деньги выданы были некоему г-ну Шип, сотруднику Отделения Национального совета.

9 марта тому же Шип уплачены были еще 2 миллиона, 25 марта Шип получил 1 миллион, 26 марта товарищ председателя Национального совета г. Богумил Чермак получил 1 миллион, и 3 апреля опять г. Шип получил 1 миллион.

Итого французским консулом уплачено было Отделению Национального совета с 7 марта по 4 апреля 8 миллионов.

Без обозначения числа было уплачено: г. Шип 1 миллион, г. Богумил Чермак 1 миллион, г. Шип вторично 1 миллион.

Кроме того, неизвестному лицу уплачено было 188 000 руб. Итого 3 188 000. С указанными выше 8 миллионами получается сумма 11 миллионов 188 000, которые французское правительство уплатило Отделению Национального совета.

От английского консула Отделение приняло 80 000 фунтов стерлингов. Итак, от 7 марта до дня выступления вожди Национального чешского совета получили от французского и английского правительств около 15 миллионов, и за эти деньги была продана чехословацкая армия французским и английским империалистам».

Конечно, большинство из вас читало в свое время это известие в газетах; конечно, мы не сомневались никогда, что империалисты и финансовые дельцы Англии и Франции постараются сделать все возможное и невозможное для свержения Советской власти, для причинения ей всяческого рода трудностей. Но тогда еще не развернулась вся цепь событий, показывающих, что мы имеем здесь дело с систематическим, неуклонным, очевидно, давно обдуманым, месяцами подготовлявшимся всеми представителями англо-французского империализма, военным и финансовым контрреволюционным походом на Советскую республику. Теперь, когда мы берем события в целом, сопоставляем чехословацкое контрреволюционное движение с мурманским десантом, знаем, что англичане высадили там свыше 10 000 солдат, что они, под предлогом защиты Мурманска, на самом деле стали продвигаться вперед и заняли Кемь и Сороки и пошли к востоку от Сорок, перешли к расстрелам наших советских деятелей; читаем в газетах, что многие тысячи железнодорожных рабочих и вообще

рабочих дальнего Севера бегут от этих спасителей и избавителей, т. е., говоря правду, от этих новых империалистских насильников, рвущих Россию с другого конца, — когда мы сопоставляем все эти факты, нам становится ясной общая связь событий. А между тем в последнее время получились новые подтверждения, показывающие характер англо-французского наступления на Россию.

Уже по причинам географическим понятно, что форма этого наступления империализма на Россию не может быть такая, как в Германии. Границы, смежной с Россией, такой, как у Германии, нет; такого количества войск нет. Преимущественно колониальный и морской характер военной силы Англии давно уже, в течение многих десятилетий, заставлял англичан в их завоевательных походах наступать иначе, стараться главным образом отрезывать источники снабжения от страны, на которую они нападали, и предпочитать метод удушения, под предлогом помощи, методу прямого, непосредственного, крутого, резкого военного насилия. В последнее время из сообщений, которые мы имеем, выяснилось, что несомненно помощью англо-французского империализма воспользовался Алексеев, давно известный русским солдатам и рабочим, захвативший в последнее время станицу Тихорецкую. Там восстание приняло более определенные формы, и опять-таки, очевидно, потому, что англо-французский империализм наложил свою руку.

Наконец, вчера получены известия, что в Баку англо-французскому империализму удался очень эффектный ход. Им удалось получить в Бакинском Совете большинство, около 30 голосов, против нашей партии, против большевиков, и тех левых эсеров, к сожалению, очень немногих, которые не пошли за гнусной авантюрой и предательской изменой московских левых эсеров³¹⁶, а остались с Советской властью против империализма и войны. Вот против этого, верного Советской власти, до сих пор бывшего большинством в Бакинском Совете ядра англо-французский империализм получил на этот раз перевес в 30 голосов, благодаря перешедшей против нас на их сторону громадной части партии Дашнакцутюн³¹⁷, армян-полусоциалистов. (Ч и т а е т т е л е г р а м м у.)

«26 июля аджикабульский отряд по приказу наркома Корганова отошел от Аджикабула к позициям у Алят. После отхода шемахинского отряда из Шемахи и Маразы противник повел наступление по долине речки Пирсагат. У деревни Кубалы произошло первое столкновение с авангардом.

Одновременно со стороны Куры с юга многочисленная конница стала продвигаться к станции Пирсагат. При таком положении для удержания станции Аджикабул требовалось растянуть все имеющиеся силы на три стороны к западу от Аджикабула, к северу и югу от долины Наваги-Пирсагат.

Такая растянутость фронта лишила бы нас резервов и при отсутствии конницы не давала бы возможности нанести удар противнику и даже поставила бы в тяжелое положение аджикабульскую группу в случае прорыва фронта с севера или с юга. Вследствие такой обстановки, а также в интересах сохранения сил войск, отдан приказ об отходе аджикабульского отряда к позициям у Алят. Отход совершен в полном порядке. Важные сооружения пути и станции Аджикабул и керосиновые и нефтяные цистерны взорваны. В Дагестане, в связи с общим наступлением, противник проявляет активность. 24 июля противник большими скопищами наступал в четырех направлениях. После суточного боя мы заняли окопы противника, неприятель рассеялся в лесу, ночь помешала дальнейшему преследованию. 24 июля из Шуры сообщают об успешных для нас боях, театром военных действий являются окрестности города, противник действует упорно, организовано, командуют силами противника бывшие дагестанские офицеры, активное участие в боевых действиях под Шурой принимают крестьяне Дагестана.

Правые партии в Баку подняли головы и повели энергичную агитацию за призвание англичан. Агитация усиленно поддерживается командным составом армии и переносится на фронтовые части. Англофильская агитация дезорганизовала армию. В последнее время английская ориентация имела большой успех среди отчаявшихся и измученных масс.

Под влиянием лживой провокационной деятельности правых партий Каспийская военная флотилия принимала несколько противоположных резолюций об англичанах. Обманутая английскими наемниками и добровольными агентами, она до последнего времени слепо верила в искренность английской поддержки.

Последние сведения говорят о продвижении англичан в Персии и занятии ими Решта (Гилян). В Реште англичане 4 дня боролись с Кучук-Ханом и присоединившимися к нему германо-турецкими бандами во главе с бежавшими из Баку мусаватистами. После рештского боя англичане просили помощи у нас, но наши уполномоченные в Персии отказали. В Реште англичане победили. Но сил в Персии у них почти нет. Выяснено, что в Энзели всего их 50 человек. Они нуждаются в бензине и предлагают нам за него автомобили. Без бензина они продвигаться не могут.

25 июля состоялось вторичное заседание Совдепа по вопросу о политическом и военном положении, и правыми партиями был поставлен вопрос об англичанах. Чрезвычайный комиссар Кавказа тов. Шаумян, ссылаясь на резолюцию V съезда Советов и на телеграмму Сталина от имени Центрального Совнаркома, заявил о недопущении приглашения англичан и потребовал снять с обсуждения вопрос о призыве англичан. Незначительным большинством голосов требование тов. Шаумяна было отклонено, на что тов. Шаумян как представителем центральной власти был заявлен решительный протест. Заслушан доклад делегатов, ездивших на фронт. Большинство 259 голосов правых эсеров, правых дашнаков и меньшевиков против 236 голосов большевиков, левых эсеров и левых дашнаков была принята резолюция о приглашении англичан и составлении правительства из всех советских партий, признающих власть Совета Народных Комиссаров. Резолюция встретила резкое осуждение со стороны левого сектора. Шаумян заявил, что считает принятое постановление позорной изменой и черной неблагодарностью в отношении рабочих и крестьян России и что как представитель центральной власти снимает с себя всякую ответственность за принятое решение. От имени фракций большевиков, левых эсеров и левых дашнаков было заявлено, что в коалиционное правительство они не войдут и что Совет Народных Комиссаров выйдет в отставку. Тов. Шаумян от имени трех левых фракций было заявлено, что власть, разорвавшая на деле с Российской Советской властью приглашением империалистов

англичан, не встретит никакой поддержки со стороны Советской России. Своей предательской политикой местный Совдеп, пригласивший англичан, потерял Россию и партии, поддерживающие Советскую власть.

Правые партии в полнейшей растерянности в связи с решением Совнаркома об отставке. После получения сообщений о создавшемся положении настроение в районах и на фронте резко изменилось. Моряки поняли, что они на деле обмануты предателями в целях разрыва с Россией и уничтожения Советской власти. Массы изменяют свое отношение к англичанам. Вчера в связи с отставкой Совнаркома состоялось экстренное собрание Исполкома. Решено, что все народные комиссары остаются на своих постах и ведут ту работу, которую они вели ранее впредь до разрешения вопроса о власти на заседании Совета 31 июля. Исполком решил принять срочные меры по борьбе с назревающей контрреволюцией. Враги ведут свою работу под прикрытием англо-французских партий. Бюро печати Баксовнаркома».

Как это вы постоянно наблюдаете и в наших фракциях, которые, называя себя социалистами, никогда не порывали связи с буржуазией, и там на этот раз высказались за приглашение английских войск для защиты Баку³¹⁸. Мы уже знаем слишком хорошо, что значит такое приглашение на защиту Советской республики империалистических войск. Мы знаем, каково было это приглашение, произведенное буржуазией, частью эсеров и меньшевиками. Мы знаем, каково было это приглашение, произведенное вождями меньшевиков в Тифлисе, в Грузии.

Мы можем теперь сказать, что единственной партией, которая империалистов не приглашала и в грабительский союз с ними не вступала, а лишь отступала от них тогда, когда насильники наступали, единственной партией была партия большевиков-коммунистов. (Аплодисменты.) Мы знаем, что на Кавказе положение наших товарищей-коммунистов было особенно трудное, потому что кругом их предавали меньшевики, вступавшие в прямой союз с германскими империалистами под предлогом, конечно, защиты независимости Грузии.

Вы все хорошо знаете, что эта независимость Грузии превратилась в чистейший обман, — на самом деле есть оккупация и полный захват Грузии германскими империалистами, союз немецких штыков с меньшевистским правительством против большевистских рабочих и крестьян, и поэтому тысячу раз правы были наши бакинские товарищи, которые, несколько не закрывая глаз на опасность положения, сказали себе: мы никогда не были бы против мира с империалистической державой на условиях уступки им части нашей территории, если бы это не наносило удара нам, не связывало бы наши войска союзом с штыками насильников и не лишало бы нас возможности продолжать нашу преобразовательную социалистическую деятельность.

Если же вопрос стоит так, что, приглашая англичан якобы для защиты Баку, пригласить державу, которая теперь скушала всю Персию и давно подбирается своими военными силами для захвата юга Кавказа, т. е. отдаться англо-французскому империализму, то в этом случае у нас не может быть ни минуты сомнения и колебания, что, как ни трудно положение наших бакинских товарищей, они, отказываясь от такого заключения мира, сделали шаг, единственно достойный социалистов не на словах, а на деле. Решительный отказ от какого бы то ни было соглашения с англо-французскими империалистами — единственно правильный шаг бакинских товарищей, так как нельзя приглашать их, не превращая самостоятельной социалистической власти, будь то на отрезанной территории, в раба империалистической войны.

Поэтому у нас нет никакого сомнения, какое значение имеет бакинское происшествие в общей сети происшествий. Вчера получено сообщение, что часть городов Средней Азии охвачена контрреволюционным восстанием при явном участии англичан, укрепившихся в Индии, которые, захватив в свое полное подчинение Афганистан, давно создали себе опорный пункт как для расширения своих колониальных владений, для удушения наций, так и для нападений на Советскую Россию. И вот теперь, когда эти отдельные звенья стали ясны для нас, вполне определилось теперешнее военное и общестратегическое положение нашей республики. Мурман на севере, чехословацкий фронт на востоке, Туркестан, Баку и Астрахань на юго-востоке — мы видим, что почти все звенья кольца, скованного англо-французским империализмом, соединены между собой.

Мы прекрасно видим теперь, что помещики, капиталисты и кулаки, которые все, конечно, по причинам, для них довольно законным, пылают ненавистью к Советской власти, выступили теперь и здесь, чуть в других формах, чем помещики, капиталисты и кулаки выступали на Украине и в других, оторванных от России, местах. Как лакеи англо-французского империализма, они пошли на все, чтобы во что бы то ни стало сделать все, что возможно, против Советской власти. Силами самой России они сделать этого не могли и решили действовать не словами, не обращениями, в духе гг. Мартовых, а прибегли к более крупным приемам борьбы, к военным действиям. На это обстоятельство более всего надо обратить ваше внимание; на этом нам надо сосредоточить всю нашу агитацию, всю пропаганду, и соответственно этому передвинуть центр тяжести всей нашей советской работы.

Это основной факт, что теперь действуют империалистические силы другой коалиции, не германской, а англо-французской, захватившей часть территории и опирающейся на нее. Если до сих пор географическое положение мешало им напасть прямым путем на Россию, то теперь, обходным путем, англо-французский империализм, который уже четыре года заливают кровью весь мир из-за господства над всем миром, подошел непосредственно к России для удушения Советской республики и для того, чтобы ввергнуть Россию в империалистическую войну. Вы прекрасно знаете, товарищи, что с начала Октябрьской революции мы ставили себе главной целью прекращение империалистской войны, но мы никогда не делали себе иллюзий, что силами пролетариата и революционных масс какой-либо одной страны, как бы героически ни были они настроены, как бы ни были организованы и дисциплинированы, — силами пролетариата одной страны международный империализм можно свергнуть, — это можно сделать только совместными усилиями пролетариата всех стран.

Но мы сделали то, что в одной из стран были порваны все связи с капиталистами всего мира. У нашего правительства нет ни одной нити, связывающей его с какими бы то ни было империалистами, и их никогда не будет, каким бы путем ни пошла далее наша революция. Мы сделали то, что революционное движение против империализма за 8 месяцев нашей власти сделало громадный шаг вперед и что в одном из главных центров империализма, в Германии, дело дошло в январе 1918 года до вооруженной стычки и кровавого подавления этого движения³¹⁹. Мы сделали свое революционное дело, как ни в одной стране ни одно революционное правительство, в международном, всемирном масштабе, но мы не обманывали себя, что добиться этого можно силами одной страны. Мы знали, что наши усилия неизбежно ведут к всемирной революции и что окончить войну, начатую империалистическими правительствами, силами этих правительств нельзя. Она может быть окончена только усилиями всего пролетариата, и нашей задачей, когда мы оказались у власти, как пролетарская коммунистическая партия, в момент, пока еще в других странах оставалось капиталистическое буржуазное господство, — ближайшей нашей задачей было, повторяю, удержать эту власть, этот факел социализма для того, чтобы он возможно больше искр продолжал давать на усиливающийся пожар социалистической революции.

Всюду эта задача была чрезвычайно трудна, и эту задачу мы решили благодаря тому, что пролетариат стоял как раз на защите завоеваний социалистической республики. Эта

задача привела к положению, особенно тяжелому и критическому, так как социалистическая революция, в прямом смысле этого слова, ни в одной стране еще не наступила, хотя в таких странах, как Италия и Австрия, она стала несравненно ближе. Но так как она все еще не наступила, то мы имеем перед собой новый успех англо-французского империализма, а стало быть, и мирового. Если с запада германский империализм продолжает стоять, как военная захватная империалистическая сила, то с северо-востока и с юга России англо-французский империализм получил возможность укрепляться и наглядно, воочию показывает нам, что эта сила готова снова втянуть Россию в империалистическую войну, готова подавить Россию — самостоятельное социалистическое государство, которое продолжает свою социалистическую работу и пропаганду в размерах, до сих пор невиданных еще миром. Против этого англо-французский империализм одержал крупный успех и, окружив нас кольцом, направил все усилия, чтобы подавить Советскую Россию. Мы прекрасно знаем, что этот успех англо-французского империализма стоит в неразрывной связи с классовой борьбой.

Мы всегда говорили, — и революции это подтверждают, — что, когда дело доходит до основ экономической власти, власти эксплуататоров, до их собственности, дающей в их распоряжение труд десятков миллионов рабочих и крестьян, дающей возможность наживаться помещикам и капиталистам, — когда, повторяю, дело доходит до частной собственности капиталистов и помещиков, они забывают все свои фразы о любви к отечеству и независимости. Мы прекрасно знаем, что кадеты, правые эсеры и меньшевики по части союза с империалистскими державами, по части заключения грабительских договоров, по части предания родины англо-французскому империализму побили рекорд. Пример — Украина и Тифлис. Союз меньшевиков, правых эсеров с чехословаками достаточно для этого показателен. И выступление левых эсеров, которые вздумали втягивать в войну ради интересов ярославских белогвардейцев³²⁰ Российскую республику, достаточно ясно показывает, что, когда дело касается до классовых прибылей, буржуазия продает родину и вступает в торгашеские сделки против своего народа с какими угодно чужеземцами. Эту истину история русской революции показала еще и еще раз после того, как больше сотни лет история революции показывала нам, что таков закон классовых интересов, классовой политики буржуазии во все времена и во всех странах. Поэтому несколько не удивительно, что теперешние обострения международного положения Советской

республики связаны с обострением классовой борьбы внутри страны.

Мы много раз говорили, что период перед новым урожаем в этом отношении, в отношении обострения продовольственного кризиса, самый тяжелый. На Россию надвинулся бич голода, который обострился неслыханно, потому что как раз план империалистических хищников состоит в том, чтобы отрезать от России хлебные местности. В этом отношении их стремления рассчитаны вполне правильно и заключаются в том, чтобы как раз в хлебородных окраинах найти себе социально-классовую опору, найти себе местности с преобладанием кулаков, богатых крестьян, нажившихся на войне, живущих чужим трудом, трудом бедноты. Вы знаете, что эти элементы накопили десятки и сотни тысяч рублей и у них имеются громадные запасы хлеба. Вы знаете, что эти люди, которые наживались на народном бедствии, которые имели тем больше оснований грабить и увеличивать свои прибыли, чем больше бедствовал народ в столице, — эти кулацкие элементы и составили из себя главную и самую серьезную опору контрреволюционного движения в России. Здесь классовая борьба подошла к самой глубине источника. Не осталось ни одной деревни, где бы не происходила классовая борьба между деревенской беднотой и частью среднего крестьянства, у которого нет излишков хлеба, которое давно их проело, которое в спекуляции не участвовало, — классовая борьба между этим громадным большинством трудящихся и ничтожной кучкой кулаков; классовая борьба эта проникла в каждую деревню.

Когда мы определяли свои политические планы и опубликовывали свои декреты, — конечно, громадному числу присутствующих они известны, — когда, повторяю, мы писали и проводили декреты об организации деревенской бедноты, мы ясно видели, что дело подходит к самому решительному и коренному вопросу всей революции, к самому решительному и коренному вопросу — о власти, к вопросу о том, будет ли власть в руках пролетариата, присоединит ли он к себе всю деревенскую бедноту, с которой у него никаких разногласий нет, сумеет ли он привлечь на свою сторону крестьян, у которых нет расхождения с ним, и объединит ли всю эту массу, разбросанную, разъединенную, распыленную по деревням, — в этом отношении стоящую ниже городского рабочего, — объединит ли против другого лагеря, лагеря помещиков, империалистов и кулаков?

А на наших глазах деревенская беднота стала спланиваться с необыкновенной быстротой. Говорят, что революция учит. Классовая борьба учит, действительно, на практике, что

всякая фальшь в позиции какой-нибудь партии приводит эту партию немедленно к месту по ее заслугам. Мы наглядно видели политику партии левых эсеров, которые, в силу бесхарактерности и безголовости, заколебались в тот момент, когда продовольственный вопрос был поставлен так остро, и левоэсеровская партия исчезла как партия, превратившись в пешку в руках ярославских белогвардейцев. (Аплодисменты.)

Товарищи, это обострение классовой борьбы в связи с продовольственным кризисом, как раз тогда, когда новый урожай в своем богатстве определился, но реализован быть не может, и тогда, когда мучительно голодных жителей в Петрограде и Москве толкают кулацкие элементы и буржуазия, которые говорят в самых отчаянных усилиях: либо теперь, либо никогда, — от этого становится понятной та волна восстаний, которая прокатывается по всей России. Появилось ярославское восстание. И мы видим влияние англо-французов; мы видим расчет контрреволюционных помещиков и буржуазии. Там, где поднимался вопрос о хлебе, мешали осуществить монополию на хлеб, а без этого не может быть социализма. Как раз в этом должна буржуазия сплотиться, в этом у буржуазии более глубокая опора, чем у деревенского мужика. Решительный бой между силами социализма и буржуазным обществом будет во всяком случае, так или иначе, сегодня или завтра, по тому или другому поводу. Всякие колебания могут быть только у социалистов в кавычках, как, например, у наших левых эсеров. Когда в этом вопросе, в этом коренном вопросе, замечаются колебания у социалистов, это показывает, что они социалисты в кавычках, которым цена грош. Революция приводит таких социалистов к тому, что они на деле превращаются в простые пешки, которыми играют французские генералы, те пешки, роль которых показал бывший ЦК бывшей партии левых эсеров.

Товарищи, из этого соединенного усилия англо-французского империализма и контрреволюционной русской буржуазии вытекло то, что война гражданская у нас теперь с той стороны, с которой не все ожидали и не все ясно сознавали, и она слилась с войной внешней в одно неразрывное целое. Кулацкое восстание, чехословацкий мятеж, мурманское движение, — это одна война, надвигающаяся на Россию. Мы вырвались из войны с одной стороны, понеся громадный ущерб, заключив невероятно тяжелый мир, мы знали, что заключаем мир насильнический, но говорили, что сумеем продолжать свою пропаганду и свое строительство, и этим разлагаем империалистический мир. Мы сумели это сделать. Германия

ведет теперь переговоры о том, сколько миллиардов взять с России на основании Брестского мира, но она признала все те национализации, которые у нас были проведены декретом 28 июня³²¹. Она не подняла вопроса о частной собственности на землю в республике, это надо подчеркнуть в противовес той неслыханной лжи, которую распространяла Спиридонова и тому подобные деятели левых эсеров, лжи, которая пошла на пользу помещикам и повторяется теперь самыми темными и неразвитыми элементами из черносотенцев; эта ложь должна быть опровергнута и разоблачена.

На самом деле, мы, при всей тяжести мира для нас, свободное внутреннее социалистическое строительство завоевали и сделали на этом пути такие шаги, которые теперь становятся известными Западной Европе и представляют элементы пропаганды, неизмеримо более могучие, чем прежде.

И вот дело обстоит таким образом, что, выйдя с одной стороны из войны с одной коалицией, сейчас же испытали натиск империализма с другой стороны. Империализм есть явление всемирное, это есть борьба за раздел всего мира, всей земли и за подчинение той или иной кучке хищников. Теперь другая, англо-французская, группа хищников бросается на нас и говорит: мы вас втянем снова в войну. Их война с войной гражданской сливается в одно единое целое, и это составляет главный источник трудностей настоящего момента, когда на сцену опять выдвинулся вопрос военный, военных событий, как главный, коренной вопрос революции. В этом вся трудность, потому что народ устал от войны, измучен войной, как никогда. Это состояние крайней истерзанности, измученности войной русского народа хочется сравнить с человеком, которого избили до полусмерти, от которого нельзя ждать ни проявления энергии, ни проявления работоспособности. Так и в русском народе, естественно, эта почти четырехлетняя война, обрушившаяся на страну, которую расхитили, истерзали, изгадили царизм, самодержавие, буржуазия и Керенский, вызвала по многим причинам отвращение, явилась величайшим источником громадных трудностей, которые мы переживаем.

С другой стороны, такой поворот событий все свел к определенной войне. Мы снова попали в войну, мы находимся в войне, и эта война не только гражданская, с кулаками, помещиками, капиталистами, которые теперь объединились против нас, — теперь уже стоит против нас англо-французский империализм; он еще не в состоянии двинуть на Россию полчища, ему мешают географические условия, но он все, что может, все свои миллионы, все свои дипломатические связи и силы дает на помощь нашим врагам. Мы находимся в

состоянии войны, и эту войну мы можем решить победоносно; но тут приходится бороться с одним из самых труднопреодолеваемых противников: нужно бороться с состоянием усталости в войне, ненависти и отвращения к войне; это состояние мы должны преодолеть, потому что иначе мы не решим вопроса, который не зависит от нашей воли, — вопроса военного. Наша страна попала опять в войну, и исход революции зависит теперь всецело от того, кто победит в этой войне, главными представителями которой являются чехословаки, а на самом деле руководителями, двигателями, толкателями в этой войне являются англо-французские империалисты. Весь вопрос о существовании Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, весь вопрос российской социалистической революции свелся к вопросу военному. В этом источник громадной трудности, при том состоянии народа, которое он вынес из империалистической войны. Наша задача для нас совершенно ясна. Всякий обман был бы величайшим вредом; скрывать от рабочих и крестьян эту тяжелую правду мы считаем преступлением. Напротив, пусть каждый, как можно яснее и рельефнее, эту правду знает.

Да, у нас были примеры, когда наши войска показывали преступную слабость, например, при взятии Симбирска чехословаками, когда наши отступили; мы знаем, что войска устали в войне, имеют отвращение к ней, но естественно и неизбежно также и то, что, пока империализм не потерпел поражения в мировом масштабе, он будет делать попытки втянуть Россию в империалистическую войну, будет стремиться превратить ее в бойню. Хотим мы этого или нет, но вопрос так поставлен: мы находимся в войне, и судьба революции решится исходом этой войны. Это должно стать первым и последним словом нашей агитации, всей нашей политической, революционной и преобразовательной деятельности. Мы сделали так много за короткое время, но надо довести все до конца. Вся наша деятельность должна быть подчинена целиком и всецело тому вопросу, от которого теперь зависит судьба революции и исход ее, судьба русской и международной революции. Конечно, из теперешней войны империализму всего мира без ряда революций не выйти; иначе как конечной победой социализма эта война не кончится. Но наша задача сейчас — эту силу социализма, этот социалистический факел, этот источник социализма, активно действующий на весь мир, поддержать, отстоять и сохранить; эта задача, при теперешнем положении событий, является задачей военной.

Мы не раз переживали такое положение, и многие говорили, что как ни тяжело достался нам мир, как ни много

жертв он от нас потребовал, как ни силится враг отнять у нас еще и еще территории, но все же Россия пока, несмотря ни на что, пользуется миром и может укрепить свои социалистические завоевания. На этом пути мы пошли даже далее, чем многие из нас себе представляли. Например, наш рабочий контроль далеко ушел от тех форм, в какие он вылился вначале, и в настоящее время мы стоим у превращения государственного управления в социалистический порядок. Мы далеко ушли вперед на почве нашей практической работы. У нас уже полное управление рабочих промышленностью, но обстоятельства не дали нам возможности мирно продолжать далее эту работу; они снова призвали нас к военному положению, и нам необходимо напрячь все наши силы и призвать всех к оружию. Если бы мы встретили какие-либо колебания в этом вопросе в среде коммунистов, это было бы позором.

Колебание среди крестьян нас не удивляет. Крестьянская масса не прошла такой жизненной школы, какую прошел пролетариат, который привык десятилетиями видеть в капиталисте своего классового врага и который сумел сплотить свои силы для борьбы с ним. Мы знаем, что крестьяне такого университета не прошли. Одно время они шли вместе с пролетариатом, теперь у них наблюдается период колебания, когда крестьянская масса раскалывается. Мы знаем массу случаев, когда кулаки продают крестьянам хлеб ниже твердых цен для того, чтобы представить, будто кулаки защищают их интересы. Нас все это не удивляет; но рабочий-коммунист не поколеблется, рабочая масса явится незыблемой, и если крестьянская среда настроена по-кулацки, то это легко объяснимо. Там, где нет большевиков и господствуют чехословацкие власти, мы наблюдали такое явление: сначала чехословаков встречают чуть не как избавителей, но через несколько недель господства этой буржуазии замечается громадный поворот против чехословаков за Советскую власть, потому что крестьяне начинают понимать, что все фразы о свободе торговли и об Учредительном собрании означают только одно: власть помещиков и капиталистов.

Наша задача — еще теснее сплотить пролетарские ряды и создать такую организацию, чтобы в ближайшие недели все было посвящено решению военного вопроса. Мы теперь воюем с англо-французским империализмом и со всем, что есть в России буржуазного, капиталистического, что делает усилие, чтобы сорвать все дело социалистической революции и втянуть нас в войну. Вопрос стоит так, что на карту поставлены все завоевания рабочих и крестьян. Мы должны быть уверены, что в пролетариате мы встретим широкое сочувствие и

поддержку и опасность будет полностью отражена, и новые ряды пролетариата выйдут на защиту своего класса, для спасения социалистической революции. Сейчас вопрос поставлен так, что борьба идет из-за двух основных пунктов, все основные партийные различия в огне революции сгладились. Левый эсер, усиленно подчеркивающий, что он левый, скрывающийся за революционной фразой, а на деле восстающий против Советской власти, — такой же наймит ярославских белогвардейцев, вот что он перед историей и революционной борьбой! Сейчас на арене борьбы только два класса: идет классовая борьба между пролетариатом, который отстаивает интересы трудящихся, и между теми, кто отстаивает интересы помещиков и капиталистов. Все фразы об Учредительном собрании, о независимом государстве и пр., которыми пытаются обманывать несознательные массы, разоблачены опытом чехословацкого движения и движения кавказских меньшевиков. За всеми этими фразами стоят одни и те же силы помещиков и капиталистов и точно так же, как немецкая оккупация несет за собою власть помещиков и капиталистов, несет ее и чехословацкое восстание. Вот из-за чего идет война!

Товарищи! Ряды пролетариата должны сомкнуться еще теснее и дать в этой борьбе образец организованности и дисциплины. Россия остается по-прежнему единственной страной, которая разорвала все связи с империалистами. Правда, мы истекаем кровью от этих тяжелых ран. Мы отступили перед империалистским зверем, выгадывая время, давая ему то там, то тут частные удары, но мы, как Социалистическая Советская Республика, оставались самостоятельны. Совершая нашу социалистическую работу, мы шли против империализма всего мира, и эта борьба становится понятнее рабочим всего мира, и все больше и больше их нарастающее возмущение приближает к грядущей революции. Из-за этого именно и идет борьба, потому что наша республика — единственная страна в мире, которая не шла рука об руку с империализмом, не давала избивать миллионы людей из-за господства французов или немцев над миром. Наша республика — единственная страна, которая вышла насильственным и революционным путем из мировой империалистической войны, которая подняла знамя социалистической революции, но ее снова втягивают в империалистическую войну, снова желают поставить ее на фронт. Пусть чехословаки воюют с немцами, пусть российская буржуазия выбирает, пусть Милюков решает, может быть, даже в согласии с Спиридоновой и Камковым, вопрос, с какими империалистами им идти вместе. Но мы заявляем,

что для того, чтобы помешать решению этого вопроса, мы должны быть готовыми отдать нашу жизнь, ибо дело идет о спасении всей социалистической революции. (Аплодисменты.) Я знаю, что среди крестьян Саратовской, Самарской и Симбирской губерний, где наблюдалась самая большая усталость и неспособность идти на военные действия, замечается перелом. Они, испытав нашествие казаков и чехословаков, испробовав на деле, что такое Учредительное собрание или крики: долой Брестский мир, узнали, что все это ведет к тому, что возвращается помещик, капиталист садится на трон, — и они становятся теперь самыми ярыми защитниками власти Советов. У меня нет и тени сомнения, что пролетарские массы Петрограда и Москвы, шествуя впереди революции, поймут обстоятельства, поймут, какой мы переживаем сейчас грозный момент, они будут еще решительнее, и пролетариат свергнет и англо-французское и чехословацкое наступление в интересах социалистической революции. (Аплодисменты.)

Напечатано в 1918 г. в брошюре «Соединенное заседание Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Московского Совета, представителей фабрично-заводских комитетов, профессиональных союзов г. Москвы и Всероссийского съезда председателей Советов 29 июля 1918 года»

В 1919 году напечатано в книге «Пятый созыв ВЦИК. Стенографический отчет»

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 37, стр. 1—19*

ТОВАРИЩИ-РАБОЧИЕ! ИДЕМ В ПОСЛЕДНИЙ, РЕШИТЕЛЬНЫЙ БОЙ!

Советская республика окружена врагами. Но она победит и внешних и внутренних врагов. Виден уже подъем среди рабочей массы, обеспечивающий победу. Видно уже, как участились искры и взрывы революционного пожара в Западной Европе, дающие нам уверенность в недалекой победе международной рабочей революции.

Внешний враг Российской Советской Социалистической Республики, это — в данный момент англо-французский и японо-американский империализм. Этот враг наступает на Россию сейчас, он грабит наши земли, он захватил Архангельск и от Владивостока продвинулся (если верить французским газетам) до Никольска-Уссурийского. Этот враг подкупил генералов и офицеров чехословацкого корпуса. Этот враг наступает на мирную Россию так же зверски и грабительски, как наступали германцы в феврале, с тем, однако, отличием, что англо-японцам нужен не только захват и грабеж русской земли, но и свержение Советской власти для «восстановления фронта», т. е. для вовлечения России опять в империалистскую (проще говоря: разбойничью) войну Англии с Германией.

Англо-японские капиталисты хотят восстановить власть помещиков и капиталистов в России, чтобы вместе делить добычу, награбленную в войне, чтобы закабалить русских рабочих и крестьян англо-французскому капиталу, чтобы содрать с них проценты по многомиллиардным займам, чтобы потушить пожар социалистической революции, начавшийся у нас и все более грозящий перекинуться на весь мир.

У зверей англо-японского империализма не хватит сил занять и покорить Россию. Таких сил не хватает даже у соседней с нами Германии, как доказал ее «опыт» с Украиной. Англо-японцы рассчитывали захватить нас врасплох. Это им

не удалось. Рабочие Питера, за ним — Москвы, а за Москвой и всей промышленной центральной области поднимаются все более дружно, все настойчивее, все большими массами, все беззаветнее. В этом залог нашей победы.

Англо-японские капиталистические хищники, пойдя в поход на мирную Россию, рассчитывают еще на свой союз с внутренним врагом Советской власти. Мы знаем хорошо, кто этот внутренний враг. Это — капиталисты, помещики, кулаки, их сынки, ненавидящие власть рабочих и трудовых крестьян, крестьян, не пьющих крови своих односельчан.

Волна кулацких восстаний перекидывается по России. Кулак бешено ненавидит Советскую власть и готов передуть, перерезать сотни тысяч рабочих. Если бы кулакам удалось победить, мы прекрасно знаем, что они беспощадно перебили бы сотни тысяч рабочих, входя в союз с помещиками и капиталистами, восстанавливая каторгу для рабочих, отменяя 8-часовой рабочий день, возвращая фабрики и заводы под иго капиталистов.

Так было во всех прежних европейских революциях, когда кулакам, вследствие слабости рабочих, удавалось повернуть назад от республики опять к монархии, от власти трудящихся опять к всевластию эксплуататоров, богачей, тунеядцев. Так было у нас на глазах в Латвии, в Финляндии, на Украине, в Грузии. Везде жадное, обожравшееся, зверское кулачье соединялось с помещиками и с капиталистами против рабочих и против бедноты вообще. Везде кулачье с неслыханной кровожадностью расправлялось с рабочим классом. Везде оно входило в союз с *иноземными капиталистами* против рабочих своей страны. Так поступали и поступают кадеты, правые эсеры, меньшевики; стоит вспомнить только их подвиги в «чехословакии». Так поступают, по крайней глупости и бесхарактерности, и левые эсеры, своим мятежом в Москве оказавшие помощь белогвардейцам в Ярославле, чехословакам и белым в Казани; недаром эти левые эсеры заслужили похвалу Керенского и его друзей, французских империалистов.

Никакие сомнения невозможны. Кулаки — бешеный враг Советской власти. Либо кулаки перережут бесконечно много рабочих, либо рабочие беспощадно раздавят восстания кулацкого, грабительского, меньшинства народа против власти трудящихся. Середины тут быть не может. Миру не бывать: кулака можно и легко можно помирить с помещиком, царем и попом, даже если они поссорились, но с рабочим классом *никогда*.

И поэтому бой против кулаков мы называем *последним*, решительным боем. Это не значит, что не может быть многократных восстаний кулаков, или что не может быть многократных походов чужеземного капитализма против Советской власти. Слово: «последний» бой означает, что последний и самый многочисленный из *эксплуататорских* классов восстал против нас в нашей стране.

Кулаки — самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры, не раз восстанавливавшие в истории других стран власть помещиков, царей, попов, капиталистов. Кулаков больше, чем помещиков и капиталистов. Но все же кулаки — меньшинство в народе.

Допустим, что у нас в России около 15 миллионов крестьянских земледельческих семей, считая прежнюю Россию, до того времени, когда хищники оторвали от нее Украину и прочее. Из этих 15 миллионов, наверное, около 10 миллионов бедноты, живущей продажей своей рабочей силы или идущей в кабалу богатеям или не имеющей излишков хлеба и особенно разоренной тяготами войны. Около 3-х миллионов надо считать среднего крестьянина, и едва ли больше 2-х миллионов кулачья, богатеев, спекулянтов хлебом. Эти кровопийцы нажились на народной нужде во время войны, они скопили тысячи и сотни тысяч денег, повышая цены на хлеб и другие продукты. Эти пауки жирели на счет разоренных войною крестьян, на счет голодных рабочих. Эти пиявки пили кровь трудящихся, богатея тем больше, чем больше голодал рабочий в городах и на фабриках. Эти вампиры подбирали и подбирают себе в руки помещичьи земли, они снова и снова кабалят бедных крестьян.

Беспощадная война против этих кулаков! Смерть им! Ненависть и презрение к защищающим их партиям: правым эсерам, меньшевикам и теперешним левым эсерам! Рабочие должны железной рукой раздавить восстания кулаков, заключающих союз против трудящихся своей страны с чужеземными капиталистами.

Кулаки пользуются темнотой, раздробленностью, распыленностью деревенской бедноты. Они натравливают ее на рабочих, они подкупают иногда ее, давая ей на сотенку рубликов «поживиться» от спекуляции хлебом (и в то же время грабя бедноту на многие тысячи). Кулаки стараются перетянуть на свою сторону среднего крестьянина, и иногда им это удается.

Но рабочий класс вовсе не обязан расходиться со средним крестьянином. Рабочий класс не может помириться с кулаком, а с средним крестьянином он может искать и ищет со-

глашения. Рабочее правительство, т. е. большевистское правительство, *доказало* это делом, а не словами.

Мы доказали это, приняв и строго проводя закон о «социализации земли»; в этом законе есть *много* уступок интересам и воззрениям среднего крестьянина.

Мы доказали это, *утроив* (на днях) хлебные цены³²², ибо мы вполне признаём, что заработок среднего крестьянина часто не соответствует теперешним ценам на промышленные продукты и *должен* быть повышаем.

Всякий сознательный рабочий будет разъяснять это среднему крестьянину и терпеливо, настойчиво, многократно доказывать ему, что социализм бесконечно выгоднее для среднего крестьянина, чем власть царей, помещиков, капиталистов.

Рабочая власть никогда не обижала и не обидит среднего крестьянина. А власть царей, помещиков, капиталистов, кулаков всегда не только обижала среднего крестьянина, а прямо душила, грабила, разоряла его во всех странах, везде без исключения, в России в том числе.

Теснейший союз и полное слияние с деревенской беднотой; уступки и соглашение с средним крестьянином; беспощадное подавление кулаков, этих кровопийц, вампиров, грабителей народа, спекулянтов, наживающихся на голоде; — вот какова программа сознательного рабочего. Вот политика рабочего класса.

*Написано в первой половине
августа, позднее 6, 1918 г.*

*Впервые напечатано 17 января 1925 г.
в газете «Рабочая Москва» № 14*

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 37, стр. 38—42*

ПИСЬМО К АМЕРИКАНСКИМ РАБОЧИМ

Товарищи! Один русский большевик, участвовавший в революции 1905 года и затем много лет проведенный в вашей стране, предложил мне взять на себя доставку моего письма к вам³²³. Я с тем большим удовольствием принял его предложение, что американские революционные пролетарии призваны именно теперь сыграть особенно важную роль, как непримиримые враги империализма американского, самого свежего, самого сильного, самого последнего по участию во всемирной войне народов из-за дележа прибылей капиталистов. Именно теперь американские миллиардеры, эти современные рабовладельцы, открыли особенно трагическую страницу в кровавой истории кровавого империализма, дав согласие — все равно, прямое или косвенное, открытое или лицемерно-прикрытое, — на вооруженный поход англо-японских зверей с целью удушения первой социалистической республики.

История новейшей, цивилизованной Америки открывается одной из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного среди громадной массы грабительских войн, вызванных, подобно теперешней империалистской войне, дракой между королями, помещиками, капиталистами из-за дележа захваченных земель или награбленных прибылей. Это была война американского народа против разбойников англичан, угнетавших и державших в колониальном рабстве Америку, как угнетают, как держат в колониальном рабстве еще теперь эти «цивилизованные» кровопийцы сотни миллионов людей в Индии, в Египте и во всех концах мира.

С тех пор прошло около 150 лет. Буржуазная цивилизация принесла все свои роскошные плоды. Америка заняла первое место среди свободных и образованных стран по высоте раз-

вития производительных сил человеческого объединенного труда, по применению машин и всех чудес новейшей техники. Америка стала вместе с тем одной из первых стран по глубине пропасти между горсткой обнаглевших, захлебывающихся в грязи и в роскоши миллиардеров, с одной стороны, и миллионами трудящихся, вечно живущих на границе нищеты, с другой. Американский народ, давший миру образец революционной войны против феодального рабства, оказался в новейшем, капиталистическом, наемном рабстве у кучки миллиардеров, оказался играющим роль наемного палача, который в угоду богатой сволочи в 1898 году душил Филиппины, под предлогом «освобождения» их³²⁴, а в 1918 году душил Российскую Социалистическую Республику, под предлогом «защиты» ее от немцев.

Но четыре года империалистской бойни народов не прошли даром. Обман народа негодьями обеих групп разбойников, и английской и немецкой, разоблачен до конца неоспоримыми и очевидными фактами. Четыре года войны показали на результатах ее общий закон капитализма, в применении к войне между разбойниками из-за дележа их добычи: кто был всех богаче и всех сильнее, тот нажился и наградил больше всех; кто был всех слабее, того грабили, терзали, давили, душили до конца.

Разбойники английского империализма были сильнее всех, по количеству их «колониальных рабов». Английские капиталисты не потеряли ни пяди «своей» (т. е. награбленной ими в течение столетий) земли, а заграбили все германские колонии в Африке, заграбили Месопотамию и Палестину, придушили Грецию и начали грабить Россию.

Разбойники германского империализма были всех сильнее по организованности и дисциплинированности «их» войск, но слабее колониями. Они потеряли все колонии, но ограбили половину Европы, задушили наибольшее число маленьких стран и слабых народов. Какая великая «освободительная» война с обеих сторон! Как хорошо «защищали отечество» разбойники обеих групп, капиталисты англо-французские и германские, вместе с их лакеями, социал-шовинистами, т. е. социалистами, перешедшими на сторону «своей» буржуазии!

Американские миллиардеры были едва ли не всех богаче и находились в самом безопасном географическом положении. Они нажились больше всех. Они сделали своими данниками все, даже самые богатые, страны. Они награбили сотни миллиардов долларов. И на каждом долларе видны следы грязи: грязных тайных договоров между Англией и ее «союзниками», между Германией и ее вассалами, договоров о

дележе награбленной добычи, договоров о «помощи» друг другу в угнетении рабочих и преследовании социалистов-интернационалистов. На каждом долларе — ком грязи от «доходных» военных поставок, обогащавших в каждой стране богачей и разорявших бедняков. На каждом долларе следы крови — из того моря крови, которую пролили 10 миллионов убитых и 20 миллионов искалеченных в великой, благородной, освободительной, священной борьбе из-за того, английскому или германскому разбойнику придется больше добычи, английские или германские палачи окажутся *первыми* из душителей слабых народов всего мира.

Если германские разбойники побили рекорд по зверству своих военных расправ, то английские побили рекорд не только по количеству награбленных колоний, но и по утонченности своего отвратительного лицемерия. Именно теперь англо-французская и американская буржуазная пресса распространяет в миллионах и миллионах экземпляров ложь и клевету про Россию, лицемерно оправдывая свой грабительский поход против нее стремлением «защитить» будто бы Россию от немцев!

Чтобы опровергнуть эту гнусную и подлую ложь, не надо тратить много слов: достаточно указать на один общеизвестный факт. Когда в октябре 1917 года рабочие России свергли свое империалистское правительство, Советская власть, власть революционных рабочих и крестьян, открыто предложила справедливый мир, без аннексий и контрибуций, мир с полным соблюдением равенства прав для всех наций, — предложила такой мир *в с е м* воюющим странам.

Именно англо-французская и американская буржуазия не приняла нашего предложения, именно она отказалась даже разговаривать с нами о всеобщем мире! Именно *она* поступила предательски по отношению к интересам всех народов, именно она затянула империалистскую бойню!

Именно она, спекулируя на то, чтобы снова втянуть Россию в империалистскую войну, отстранилась от мирных переговоров и тем развязала руки столь же разбойническим капиталистам Германии, которые навязали России аннексионистский и насильственный Брестский мир!

Трудно представить себе более омерзительное лицемерие, чем то, с каким англо-французская и американская буржуазия сваливает «вину» за Брестский мир на нас. Как раз капиталисты тех стран, от которых зависело превратить Брест во всеобщие переговоры о всеобщем мире, они же и выступают «обвинителями» нас! Стервятники англо-французского империализма, нажившиеся на грабеже колоний и на бойне наро-

дов, протянули войну вот уже скоро на целый год после Бреста, и они же «обвиняют» *нас*, большевиков, предложивших справедливый мир всем странам, — *нас*, разорвавших, опубликовавших, предавших всеобщему позору тайные преступные договоры между бывшим царем и англо-французскими капиталистами.

Рабочие всего мира, в какой бы стране они ни жили, приветствуют нас, сочувствуют нам, рукоплещут нам за то, что мы порвали железные кольца империалистских связей, империалистских грязных договоров, империалистских цепей, — за то, что мы вырвались на свободу, пойдя на самые тяжелые жертвы ради этого, — за то, что мы, как социалистическая республика, хотя бы и истерзанная, ограбленная империалистами, остались *вне* империалистской войны и перед всем миром подняли знамя мира, знамя социализма.

Неудивительно, что банда международных империалистов ненавидит нас за это, что они «обвиняют» нас, что все лакеи империалистов, в том числе наши правые эсеры и меньшевики, тоже «обвиняют» нас. В ненависти к большевикам этих сторожевых псов империализма, как и в сочувствии сознательных рабочих всех стран, мы почерпаем новую уверенность в правоте нашего дела.

Тот не социалист, кто не понимает, что ради победы над буржуазией, ради перехода власти к рабочим, ради *начала* международной пролетарской революции, можно и должно *не* останавливаться ни перед какими жертвами, в том числе перед жертвой частью территории, перед жертвой тяжелых поражений от империализма. Тот не социалист, кто не доказал *делами* своей готовности на величайшие жертвы со стороны «его» отечества, лишь бы дело социалистической революции было фактически двинуто вперед.

Ради «своего» дела, т. е. ради завоевания мирового господства, империалисты Англии и Германии не остановились перед полным разорением и удушением целого ряда стран, начиная от Бельгии и Сербии, продолжая Палестиной и Месопотамией. Ну, а социалисты ради «своего» дела, ради освобождения трудящихся всего мира от ига капитала, ради завоевания всеобщего прочного мира, они должны выжидать, пока найдется путь без жертв, они должны бояться начать бой, пока не будет «гарантирован» легкий успех, они должны ставить выше безопасность и целостность «своего», буржуазией созданного, «отечества», по сравнению с интересами всемирной социалистической революции? Трижды заслуживают презрения те хамы международного социализма, те лакеи буржуазной морали, которые так думают.

Хищные звери англо-французского и американского империализма «обвиняют» нас в «соглашении» с немецким империализмом. О, лицемеры! О, негодяи, которые клеветают на рабочее правительство, дрожа от страха перед тем сочувствием, с которым относятся к нам рабочие «их» собственных стран! Но их лицемерие будет разоблачено. Они притворяются, будто не понимают разницы между соглашением «социалистов» с буржуазией (своей и чужой) *против рабочих*, против трудящихся, и соглашением *для охраны* победивших свою буржуазию рабочих, с буржуазией одного цвета *против буржуазии* другого национального цвета, ради использования пролетариатом противоположности между разными группами буржуазии.

На самом деле всякий европеец прекрасно знает эту разницу, а американский народ, как я сейчас покажу, особенно наглядно «пережил» ее в своей собственной истории. Есть соглашения и соглашения, есть *fagots et fagots* *, как говорят французы.

Когда хищники германского империализма в феврале 1918 года повели свои войска против безоружной, демобилизовавшей свою армию России, доверившейся международной солидарности пролетариата раньше, чем вполне созрела международная революция, тогда я несколько не колебался вступить в известное «соглашение» с французскими монархистами. Французский капитан Садуль, на словах сочувствовавший большевикам, на деле служивший верой и правдой французскому империализму, привел ко мне французского офицера де Люберсака. «Я монархист, моя единственная цель — поражение Германии», — заявил мне де Люберсак. Это само собою, ответил я (*cela va sans dire*). Это несколько не помешало мне «согласиться» с де Люберсаком насчет услуг, которые желали оказать нам специалисты подрывного дела, французские офицеры, для взрыва железнодорожных путей в интересах помехи нашествию немцев. Это было образцом «соглашения», которое одобрит всякий сознательный рабочий, соглашения в интересах социализма. Мы жали друг другу руки с французским монархистом, зная, что каждый из нас охотно повесил бы своего «партнера». Но наши интересы на время совпадали. Против наступающих хищников немцев *мы* использовали в интересах русской и международной социалистической революции столь же хищнические контринтересы *других* империалистов. Мы служили таким образом интересам рабочего класса России и других стран, мы усиливали

* — вещь вещи рознь. *Ред.*

пролетариат и ослабляли буржуазию всего мира, мы употребляли законнейшее и обязательное во *всякой* войне маневрирование, лавирование, отступление в ожидании того момента, когда *дозреет* быстро назревающая пролетарская революция в ряде передовых стран.

И, как бы ни были от злобы акулы англо-французского и американского империализма, как бы ни клеветали они на нас, какие бы миллионы ни тратили на подкуп право-эсерских, меньшевистских и прочих социал-патриотических газет, *я ни секунды не поколеблюсь* заключить *такое же* «соглашение» с хищниками немецкого империализма, в случае если наступление на Россию англо-французских войск того потребует. И я превосходно знаю, что мою тактику одобрит сознательный пролетариат России, Германии, Франции, Англии, Америки, словом, всего цивилизованного мира. Такая тактика облегчит дело социалистической революции, ускорит ее наступление, ослабит международную буржуазию, усилит позиции побеждающего ее рабочего класса.

А американский народ давно применил, и с пользой для революции, эту тактику. Когда он вел свою великую освободительную войну против угнетателей англичан, против него стояли также угнетатели французы и испанцы, которым принадлежала часть теперешних Соединенных Штатов Северной Америки. В своей трудной войне за освобождение американский народ заключал также «соглашения» с одними угнетателями против других, в интересах ослабления угнетателей и усиления тех, кто революционно борется против угнетения, в интересах *массы* угнетенных. Американский народ использовал рознь между французами, испанцами и англичанами, он сражался даже иногда вместе с войсками угнетателей французов и испанцев против угнетателей англичан, он победил сначала англичан, а потом освободился (частью при помощи выкупа) от французов и от испанцев.

Историческая деятельность — не тротуар Невского проспекта, говорил великий русский революционер Чернышевский³²⁵. Кто «допускает» революцию пролетариата лишь «под условием», чтобы она шла легко и гладко, чтобы было сразу соединенное действие пролетариев разных стран, чтобы была наперед дана гарантия от поражений, чтобы дорога революции была широка, свободна, пряма, чтобы не приходилось временами, идя к победе, нести самые тяжелые жертвы, «отсиживаться в осажденной крепости» или пробираться по самым узким, непроходимым, извилистым и опасным горным тропинкам, — тот не революционер, тот не освободил себя от педантизма буржуазной интеллигенции, тот на деле окажется

постоянно скатывающимся в лагерь контрреволюционной буржуазии, как наши правые эсеры, меньшевики и даже (хотя и реже) левые эсеры.

Вслед за буржуазией эти господа любят обвинять нас в «хаосе» революции, в «разрушении» промышленности, в безработице и бесхлебье. Как лицемерны эти обвинения со стороны тех, кто приветствовал и поддерживал империалистскую войну или «соглашался» с продолжавшим эту войну Керенским! Именно империалистская война виновата во всех этих бедствиях. Революция, которая порождена войной, не может не пройти через невероятные трудности и мучения, оставшиеся в наследство от многолетней, разорительной, реакционной бойни народов. Обвинять нас в «разрушении» промышленности или в «терроре» значит лицемерить или обнаруживать тупое педантство, неспособность понять основные условия той бешеной, обостренной до крайности классовой борьбы, которая называется революцией.

В сущности, «обвинители» подобного рода, если они «признают» классовую борьбу, ограничиваются словесным признанием ее, на деле же впадают постоянно в мещанскую утопию «соглашения» и «сотрудничества» классов. Ибо в эпоху революции классовая борьба неминуемо и неизбежно принимала всегда и во всех странах форму *гражданской войны*, а гражданская война немыслима ни без разрушений тягчайшего вида, ни без террора, ни без стеснения формальной демократии в интересах войны. Только слащавые попы — все равно, христианские или «светские» в лице салонных, парламентарных социалистов — могут не видеть, не понимать, не осязать этой необходимости. Только мертвые «человеки в футляре» способны отстраняться из-за этого от революции вместо того, чтобы со всей страстью и решительностью бросаться в бой тогда, когда история требует решения борьбой и войной величайших вопросов человечества.

В американском народе есть революционная традиция, которую восприняли лучшие представители американского пролетариата, неоднократно выражавшие свое полное сочувствие нам, большевикам. Эта традиция — война за освобождение против англичан в XVIII веке, затем гражданская война в XIX веке. В 1870 году Америка в некоторых отношениях, если взять только «разрушение» некоторых отраслей промышленности и народного хозяйства, стояла *позади* 1860 года. Но каким бы педантом, каким идиотом был бы человек, который на *таком* основании стал бы отрицать величайшее, всемирно-историческое, прогрессивное и революционное значение гражданской войны 1863—1865 годов в Америке!

Представители буржуазии понимают, что свержение рабства негров, свержение власти рабовладельцев стоило того, чтобы вся страна прошла через долгие годы гражданской войны, бездны разорения, разрушений, террора, связанных со всякой войной. Но теперь, когда дело идет о неизмеримо более великой задаче свержения *наемного*, капиталистического, рабства, свержения власти буржуазии, — теперь представители и защитники буржуазии, а равно социалисты-реформисты, запуганные буржуазией, чурющиеся революции, не могут и не хотят понять необходимости и законности гражданской войны.

Американские рабочие не пойдут за буржуазией. Они будут с нами, за гражданскую войну против буржуазии. Меня укрепляет в этом убеждении вся история всемирного и американского рабочего движения. Я вспоминаю также слова одного из самых любимых вождей американского пролетариата Евгения Дебса, который писал в «Призыве к Разуму» («Appeal to Reason») ³²⁶ — кажется, в конце 1915 года — в статье «What shall I fight for» («За что я буду сражаться»), — (я цитировал эту статью в начале 1916 года на одном публичном рабочем собрании в Берне, в Швейцарии*), —

— что он, Дебс, дал бы себя скорее расстрелять, чем вотировать кредиты на теперешнюю, преступную и реакционную войну; что он, Дебс, знает лишь одну священную, законную, с точки зрения пролетариев, войну, именно: войну против капиталистов, войну за освобождение человечества от наемного рабства.

Меня не удивляет, что Вильсон, глава американских миллиардеров, прислужник акул капиталистов, заключил в тюрьму Дебса. Пусть зверствует буржуазия против истинных интернационалистов, против истинных представителей революционного пролетариата! Чем больше ожесточения и зверства с ее стороны, тем ближе день победоносной пролетарской революции.

Обвиняют нас в разрушениях, созданных нашей революцией... И кто же обвинители? Прихвостни буржуазии, — той самой буржуазии, которая за четыре года империалистской войны, разрушив почти всю европейскую культуру, довела Европу до варварства, до одичания, до голода. Эта буржуазия требует теперь от нас, чтобы мы делали революцию не на почве этих разрушений, не среди обломков культуры, обломков и развалин, созданных войной, не с людьми,

* См. Сочинения, 5 изд., том 27, стр. 233—234; 4 изд., том 22, стр. 113. *Ред.*

одичавшими от войны. О, как гуманна и справедлива эта буржуазия!

Ее слуги обвиняют нас в терроре... Английские буржуа забыли свой 1649, французы свой 1793 год. Террор был справедлив и законен, когда он применялся буржуазией в ее пользу против феодалов. Террор стал чудовищен и преступен, когда его дерзнули применять рабочие и беднейшие крестьяне против буржуазии! Террор был справедлив и законен, когда его применяли в интересах замены одного эксплуатирующего меньшинства другим эксплуататорским меньшинством. Террор стал чудовищен и преступен, когда его стали применять в интересах свержения *всякого* эксплуататорского меньшинства, в интересах действительно огромного большинства, в интересах пролетариата и полупролетариата, рабочего класса и беднейшего крестьянства!

Буржуазия международного империализма перебила 10 миллионов человек, искалечила 20 миллионов на «своей» войне, войне из-за того, английским или немецким хищникам господствовать над всем миром.

Если *наша* война, война угнетенных и эксплуатируемых против угнетателей и эксплуататоров, будет стоить полумиллиона или миллиона жертв во всех странах, — буржуазия скажет, что первые жертвы законны, вторые преступны.

Пролетариат скажет совсем другое.

Пролетариат усваивает себе теперь, среди ужасов империалистской войны, — вполне и наглядно ту великую истину, которой учат все революции, истину, которую завещали рабочим их лучшие учителя, основатели современного социализма. Эта истина — та, что не может быть успешной революции без *подавления сопротивления эксплуататоров*. Наш долг был, когда мы, рабочие и трудящиеся крестьяне, овладели государственной властью, подавить сопротивление эксплуататоров. Мы гордимся тем, что делали и делаем это. Мы жалеем о том, что недостаточно твердо и решительно делаем это.

Мы знаем, что во всех странах бешеное сопротивление буржуазии против социалистической революции неизбежно и что оно будет *расти* по мере роста этой революции. Пролетариат сломит это сопротивление, он созреет окончательно к победе и к власти в ходе борьбы против сопротивляющейся буржуазии.

Пусть кричит на весь свет продажная буржуазная пресса о каждой ошибке, которую делает наша революция. Мы не боимся наших ошибок. От того, что началась революция, люди не стали святыми. Безошибочно сделать революцию не могут те трудящиеся классы, которые веками угнетались, за-

бивались, насильственно зажимались в тиски нищеты, невежества, одичания. И труп буржуазного общества, как мне приходилось уже однажды указывать, нельзя заколотить в гроб и зарыть в землю*. Убитый капитализм гниет, разлагается среди нас, заражая воздух миазмами, отравляя нашу жизнь, хватая новое, свежее, молодое, живое, тысячами нитей и связей старого, гнилого, мертвого.

На каждую сотню наших ошибок, о которых кричит на весь свет буржуазия и ее лакеи (наши меньшевики и правые эсеры в том числе), приходится 10 000 великих и геройских актов — тем более великих и геройских, что они просты, невидны, спрятаны в будничной жизни фабричного квартала или захолустной деревни, совершены людьми, не привыкшими (и не имеющими возможности) кричать о каждом своем успехе на весь мир.

Но если бы даже дело обстояло наоборот, — хотя я знаю, что такое допущение не верно, — если бы даже на 100 наших правильных актов приходилось 10 000 ошибок, все-таки наша революция была бы, *и она будет перед всемирной историей*, велика и непобедима, ибо *первый раз* не меньшинство, не одни только богатые, не одни только образованные, а настоящая масса, громадное большинство трудящихся *сами* строят новую жизнь, *своим опытом* решают труднейшие вопросы социалистической организации.

Каждая ошибка в такой работе, в этой добросовестнейшей и искреннейшей работе десятков миллионов простых рабочих и крестьян по переустройству всей их жизни, — каждая такая ошибка стоит тысячи и миллиона «безошибочных» успехов эксплуататорского меньшинства, успехов в деле надувания и объегоривания трудящихся. Ибо только *через* такие ошибки *научатся* строить новую жизнь, научатся обходиться *без* капиталистов рабочие и крестьяне, только так пробьют они себе путь — через тысячи препятствий — к победоносному социализму.

Ошибки совершают, творя свою революционную работу, наши крестьяне, которые одним ударом, в одну ночь с 25 на 26 октября (ст. ст.) 1917 года отменили всякую частную собственность на землю и теперь, месяц за месяцем, преодолевая необъятные трудности, исправляя сами себя, практически решают труднейшую задачу организации новых условий хозяйственной жизни, борьбы с кулаками, обеспечения земли за *трудящимися* (а не за богатеями), перехода к коммунистическому крупному земледелию.

* См. Сочинения, 5 изд., том 36, стр. 409; 4 изд., том 27, стр. 397. *Ред.*

Ошибки совершают, творя свою революционную работу, наши рабочие, которые национализировали теперь, за несколько месяцев, почти все крупнейшие фабрики и заводы и учатся тяжелым, ежедневным трудом новому делу управления целыми отраслями промышленности, налаживают национализированные хозяйства, преодолевая гигантское сопротивление косности, мелкобуржуазности, эгоизма, кладут камень за камень фундамент *новой* общественной связи, *новой* трудовой дисциплины, *новой* власти профессиональных союзов рабочих над их членами.

Ошибки совершают, творя свою революционную работу, наши Советы, созданные еще в 1905 году могучим подъемом масс. Советы рабочих и крестьян, это — новый *тип* государства, новый высший *тип* демократии, это — форма диктатуры пролетариата, способ управления государством *без* буржуазии и *против* буржуазии. Впервые демократия служит здесь для масс, для трудящихся, перестав быть демократией для богатых, каковой остается демократия во всех буржуазных, даже самых демократических, республиках. Впервые народные массы решают, в масштабе для сотни миллионов людей, задачу осуществить диктатуру пролетариев и полупролетариев, — задачу, без решения которой *не может быть* и речи о социализме.

Пусть педанты или люди, неизлечимо напичкаемые буржуазно-демократическими, или парламентарными, предрассудками, недоуменно качают головой по поводу наших Совдепов, останавливаясь, например, на отсутствии прямых выборов. Эти люди ничего не забыли и ничему не научились за время великих переворотов 1914—1918 годов. Соединение диктатуры пролетариата с новой демократией для трудящихся, — гражданской войны с широчайшим вовлечением масс в политику, — такое соединение не дается сразу и не укладывается в избитые формы рутинного парламентарного демократизма. Новый мир, мир социализма, — вот что встает перед нами в своем очертании, как Советская республика. И неудивительно, что этот мир не рождается готовым, не выходит сразу, как Минерва из головы Юпитера³²⁷.

Когда старые буржуазно-демократические конституции расписывали, например, формальное равенство и право собраний, — наша, пролетарская и крестьянская, Советская конституция отбрасывает лицемерие формального равенства прочь. Когда буржуазные республиканцы свергали троны, тогда не заботились о формальном равенстве монархистов с республиканцами. Когда речь идет о свержении буржуазии, только предатели или идиоты могут добиваться формального равен-

ства прав для буржуазии. Грош цена «свободы собраний» для рабочих и крестьян, если все лучшие здания захвачены буржуазией. Наши Советы *отняли* все хорошие здания, и в городах и в деревнях, у богачей, *передав все* эти здания рабочим и крестьянам под *их* союзы и собрания. Вот *наша* свобода собраний — — — для трудящихся! Вот смысл и содержание нашей Советской, нашей социалистической Конституции!

И вот почему так глубоко уверены все мы, что, какие бы беды ни обрушились еще на нашу республику Советов, *она непобедима*.

Она непобедима, ибо каждый удар бешеного империализма, каждое поражение, наносимое нам международной буржуазией, поднимает к борьбе новые и новые слои рабочих и крестьян, обучает их ценой величайших жертв, закаляет их, рождает новый массовый героизм.

Мы знаем, что помощь от вас, товарищи американские рабочие, придет еще, пожалуй, и не скоро, ибо развитие революции в разных странах идет в различных формах, различным темпом (и не может идти иначе). Мы знаем, что европейская пролетарская революция может и не разгореться еще в ближайшие недели, как ни быстро зреет она в последнее время. Мы ставим ставку на неизбежность международной революции, но это отнюдь не значит, что мы, как глупцы, ставим ставку на неизбежность революции в *определенный* короткий срок. Мы видели две великих революции, 1905 и 1917, в своей стране и знаем, что революции не делаются ни по заказу, ни по соглашению. Мы знаем, что обстоятельства выдвинули вперед *наш*, российский, отряд социалистического пролетариата, не в силу наших заслуг, а в силу особой отсталости России, и что *до* взрыва международной революции возможен ряд поражений отдельных революций.

Несмотря на это, мы твердо знаем, что мы непобедимы, ибо человечество не сломится от империалистской бойни, а осилит ее. И первой страной, которая *сломала* каторжную цепь империалистской войны, была *наша* страна. Мы принесли тягчайшие жертвы в борьбе за разрушение этой цепи, но мы *сломали* ее. Мы стоим *вне* империалистских зависимостей, мы подняли перед всем миром знамя борьбы за полное свержение империализма.

Мы находимся как бы в осажденной крепости, пока на помощь нам не подошли другие отряды международной социалистической революции. Но эти отряды *есть*, они *многочисленнее*, чем наши, они зреют, растут, крепнут по мере продолжения зверств империализма. Рабочие рвут со своими

социал-предателями, Гомперсами, Гендерсонами, Реноделями, Шейдеманами, Реннерами. Рабочие идут медленно, но неуклонно к коммунистической, большевистской, тактике, к пролетарской революции, которая одна в состоянии спасти гибнущую культуру и гибнущее человечество.

Одним словом, мы непобедимы, ибо непобедима всемирная пролетарская революция.

Н. Ленин

20 августа 1918 г.

«Правда» № 178, 22 августа 1918 г.

*Печатается по тексту
Сочинений В. И. Ленина, 5 изд.,
том 37, стр. 48—64*

**ОБЪЕДИНЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ
ВЦИК, МОСКОВСКОГО СОВЕТА,
ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ
И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ**

22 ОКТЯБРЯ 1918 г. 328

РЕЗОЛЮЦИЯ

Революционное движение пролетарских масс и крестьянства против империалистской войны сделало за последнее время громадные успехи во всех странах, особенно на Балканах, в Австрии и в Германии. Но именно эти успехи вызвали у международной буржуазии, во главе которой встала теперь англо-американская и французская, особое озлобление и стремление спешно организовать в контрреволюционную силу для подавления революции, в первую же голову ее главного очага в данный момент, Советской власти в России.

Германская буржуазия и германское правительство, разбитые на войне и угрожаемые могучим революционным движением изнутри, мечутся в поисках спасения. Одно течение в правящих кругах Германии надеется еще оттяжками выиграть время до зимы и подготовить военную оборону страны на новой линии укреплений. Другое течение судорожно ищет соглашения с англо-французской буржуазией против революционного пролетариата и большевиков. Поскольку это течение натывается на крайнюю несговорчивость победителей, англо-французских империалистов, постольку оно старается запугать их большевистской опасностью и подкупить их, оказывая им услуги против большевиков, против пролетарской революции.

Буржуазия подчиненных Германии или оккупированных ею стран еще усерднее ищет соглашения с Антантой особенно в тех случаях, когда она, как например в Финляндии, на Украине и т. п., сознает полную невозможность удержать свою власть над эксплуатируемыми трудящимися массами без помощи иностранных штыков.

В результате этих условий создается такое своеобразное положение для Советской власти: с одной стороны, мы

никогда не были так близки к международной пролетарской революции, как теперь; с другой стороны, мы никогда не были в столь опасном положении, как теперь. Налицо нет уже двух, взаимно друг друга пожирающих и обессиливающих, приблизительно одинаково сильных, групп империалистских хищников. Остается одна группа победителей, англо-французских империалистов; она собирается делить между капиталистами весь мир; она ставит своей задачей во что бы то ни стало свергнуть Советскую власть в России и заменить эту власть буржуазною; она готовится теперь напасть на Россию с юга, например, через Дарданеллы и Черное море или через Болгарию и Румынию, причем по крайней мере часть англо-французских империалистов, видимо, надеется на то, что германское правительство, по прямому или молчаливому соглашению с ними, станет уводить свои войска с Украины лишь по мере того, как Украину будут оккупировать англо-французские войска, для того чтобы не допустить неизбежной иначе победы украинских рабочих и крестьян и создания ими украинского рабочего и крестьянского правительства.

Не везде и не до самой глубины широких рабочих и крестьянских масс проникло сознание того, что за спиной красновских и белогвардейских контрреволюционеров на нас готовится натиск неизмеримо более опасной силы, силы международной контрреволюционной буржуазии, англо-американской и французской в первую очередь. Это сознание мы должны неустанно нести в массы. На укрепление Южного фронта, на создание и вооружение несравненно более могучей Красной Армии, чем теперь, необходимо обратить самое усиленное внимание. Каждая рабочая организация, каждый союз крестьянской бедноты, каждое советское учреждение должны снова и снова ставить на первое место порядка дня вопрос об усилении армии, пересматривать еще и еще раз, достаточно ли мы сделали, какие новые меры мы можем и должны предпринять.

В настроении наших рабочих и крестьянских масс наступил явный перелом. Крайняя усталость от войны массами преодолена. Армия создается и создалась. Выросла новая, коммунистическая дисциплина, дисциплина сознательная, дисциплина трудящихся. И этот факт дает нам полное основание надеяться с уверенностью, что мы можем отстоять и отстоим социалистическое отечество и победу международной пролетарской революции.

ЦЕННЫЕ ПРИЗНАНИЯ ПИТИРИМА СОРОКИНА

«Правда» поместила сегодня замечательно интересное письмо Питирима Сорокина, на которое надо обратить особое внимание всех коммунистов. В письме этом, напечатанном в «Известиях Северо-Двинского Исполнительного Комитета»³²⁹, Питирим Сорокин заявляет о своем выходе из партии правых эсеров и о сложении им с себя звания члена Учредительного собрания. Мотивы автора письма сводятся к тому, что он затрудняется не только другим, но и самому себе указывать спасительные политические рецепты и потому «отказывается от всякой политики». «Истекший год революции, — пишет Питирим Сорокин, — научил меня одной истине: политики могут ошибаться, политика может быть общественно полезна, но может быть и общественно вредна, работа же в области науки и народного просвещения всегда полезна, всегда нужна народу...» Подпись под письмом: «Приват-доцент Петербургского университета и Психо-неврологического института, бывший член Учредительного собрания и бывший член партии эсеров Питирим Сорокин».

Это письмо заслуживает прежде всего внимания, как чрезвычайно интересный «человеческий документ». Не очень часто встречается такая искренность и прямота, с которой П. Сорокин признается в ошибочности своей политики. Едва ли не в большинстве случаев политики, убеждавшиеся в неправомерности занятой ими линии, пытаются прикрыть свой поворот, затушевать его, «выдумать» какие-нибудь более или менее посторонние мотивы и т. п. Открытое и честное признание своей политической ошибки само уже по себе является крупным политическим актом. Питирим Сорокин неправ, когда пишет, что работа в области науки «всегда полезна». Ибо ошибки бывают и в этой области, примеры упорной

проповеди реакционных, скажем, философских взглядов людьми, заведомо не реакционными, есть и в русской литературе. С другой стороны, открытое заявление видного, т. е. занимавшего известный всему народу и ответственный политический пост, человека об его отказе от политики — *есть тоже политика*. Честное признание политической ошибки приносит очень большую политическую пользу многим людям, если дело идет об ошибке, которую разделяли целые партии, имевшие в свое время влияние на массы.

Политическое значение письма Пителима Сорокина именно в настоящий момент чрезвычайно велико. Оно дает нам всем «урок», который надо хорошенько продумать и усвоить.

Всякому марксисту давно известна та истина, что *решающими* силами во всяком капиталистическом обществе могут быть только пролетариат и буржуазия, тогда как все социальные элементы, стоящие между этими классами и подходящие под экономическую рубрику мелкой буржуазии, *неизбежно* колеблются между этими решающими силами. Но от книжного признания этой истины до умения делать вытекающие из нее выводы в сложной обстановке практической действительности — дистанция огромного размера.

Питирим Сорокин — представитель чрезвычайно широкого общественного и политического течения, меньшевистско-эсеровского. Что это — одно течение, что разница между меньшевиками и эсерами, с точки зрения их отношения к борьбе между буржуазией и пролетариатом, несущественная, это доказали особенно убедительно и особенно наглядно события русской революции с февраля 1917 года. Меньшевики и эсеры — разновидности мелкобуржуазной демократии, такова экономическая сущность и основная политическая характеристика данного течения. Из истории передовых стран известно, как часто это течение, в его молодости, окрашивается в «социалистический» цвет.

Спрашивается, что оттолкнуло особенно сильно представителей этого течения от большевиков, от пролетарской революции, несколько месяцев тому назад и что вызывает у них теперь поворот от враждебности к нейтральности? Совершенно очевидно, что причиной поворота явился, во-первых, крах германского империализма, связанный с революцией в Германии и других странах, а равно с разоблачением англо-французского империализма; во-вторых, разоблачение буржуазно-демократических иллюзий.

Остановимся на первой причине. Патриотизм — одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств. К числу особенно больших,

можно сказать, исключительных трудностей нашей пролетарской революции принадлежало то обстоятельство, что ей пришлось пройти полосу самого резкого расхождения с патриотизмом, полосу Брестского мира. Горечь, озлобление, бешеное негодование, вызванные этим миром, понятны, и само собою разумеется, что мы, марксисты, могли ждать только от сознательного авангарда пролетариата понимания той истины, что мы приносим и должны принести величайшие национальные жертвы ради высшего интереса всемирной пролетарской революции. Идеологам, не принадлежащим к марксизму, и широким массам трудящихся, не принадлежащим к вышколенному долгой стачечной и революционной школой пролетариату, неоткуда было взять ни твердого убеждения в назревании этой революции, ни безусловной преданности ей. В лучшем случае наша тактика казалась им фантастикой, фанатизмом, авантюрой, принесением в жертву очевиднейших реальных интересов сотен миллионов народа отвлеченной, утопической или сомнительной надежде на то, что будет в других странах. А мелкая буржуазия, по ее экономическому положению, более патриотична и по сравнению с буржуазией и по сравнению с пролетариатом.

А вышло так, как мы говорили.

Германский империализм, который казался единственным врагом, рухнул. Германская революция, которая казалась «грезом» (употребляя известное выражение Плеханова), стала фактом. Англо-французский империализм, который фантазия мелкобуржуазных демократов рисовала в виде друга демократии, защитника угнетенных, оказался на деле зверем, навязавшим германской республике и народам Австрии условия хуже брестских, — зверем, использующим войска «свободных» республиканцев, французов и американцев, для роли жандармов и палачей, душителей независимости и свободы малых и слабых наций. Всемирная история с беспощадной основательностью и откровенностью разоблачила этот империализм. Русским патриотам, ничего не желавшим знать, кроме непосредственных (и по-старому понимаемых) выгод своего отечества, факты мировой истории показали, что превращение нашей, русской, революции в социалистическую было не авантюрой, а необходимостью, ибо *иного выбора не оказалось*: англо-французский и американский империализм неизбежно задушит независимость и свободу России, *если* не победит всемирная социалистическая революция, всемирный большевизм.

Факты — упрямая вещь, — говорит английская пословица. А нам пришлось за последние месяцы пережить такие факты,

которые означают величайший перелом всей мировой истории. Эти факты заставляют мелкобуржуазных демократов России, несмотря на их ненависть к большевизму, воспитанную историей нашей внутрипартийной борьбы, повернуть от враждебности к большевизму сначала к нейтральности, потом к поддержке его. Миновали те объективные условия, которые особенно резко оттолкнули от нас таких демократов-патриотов. Наступили такие мировые объективные условия, которые заставляют их повернуть в нашу сторону. Поворот Питирима Сорокина отнюдь не случайность, а проявление неизбежного поворота *целого класса*, всей мелкобуржуазной демократии. Тот не марксист, тот плохой социалист, кто не сумеет учесть и использовать этого.

Далее. Вера в универсальное, всеспасающее действие «демократии» *вообще*, непонимание того, что она является *буржуазной* демократией, исторически ограниченной в своей полезности, в своей необходимости, такая вера и такое непонимание держались во всех странах веками и десятилетиями, особенно прочно среди мелкой буржуазии. Крупный буржуа прошел огонь, воду и медные трубы, он знает, что демократическая республика, как и всякая другая форма государства при капитализме, есть не что иное, как машина для подавления пролетариата. Крупный буржуа *знает* это из своего интимнейшего знакомства с настоящими руководителями и с наиболее глубокими (зачастую именно в силу этого наиболее прикрытыми) пружинами *всякой* буржуазной государственной машины. Мелкий буржуа, по своему экономическому положению, по всем условиям своей жизни меньше способен усвоить эту истину, даже держится иллюзий насчет того, будто демократическая республика означает «чистую демократию», «свободное народное государство», внеклассовое или надклассовое народовластие, чистое проявление всенародной воли и так далее и тому подобное. Прочность этих предрассудков мелкобуржуазного демократа неизбежно вызывается тем, что он дальше стоит от острой классовой борьбы, от биржи, от «настоящей» политики, и было бы совершенно немарксистским ожидать, будто одной пропагандой и в скорое время можно искоренить эти предрассудки.

Но всемирная история несется теперь с такой бешеной быстротой и разрушает все привычное, все старое молотом такой необъятной мощности, кризисами такой невиданной силы, что самые прочные предрассудки не выдерживают. Естественно и неизбежно возникла у «демократа вообще» наивная вера в учредилку, наивное противоположение «чистой демократии» «пролетарской диктатуре». Но то, что пе-

режили «учредиловцы» в Архангельске и в Самаре, в Сибири и на юге, не могло не разрушить самых прочных предрассудков. Идеализированная демократическая республика Вильсона *оказалась* на деле формой самого бешеного империализма, самого бесстыдного угнетения и удушения слабых и малых народов. Средний «демократ» вообще, меньшевик и эсер, думал: «куда уж нам, какой-то высший, якобы, тип государства, какая-то Советская власть! Дай бы нам бог обыкновенную демократическую республику!». И, конечно, в «обыкновенное», сравнительно мирное время такой «надежды» хватило бы на долгие десятилетия.

А теперь ход мировых событий и жесточайшие уроки союза всех монархистов России с англо-французским и американским империализмом показывают *на деле*, что демократическая республика есть буржуазно-демократическая республика, которая уже устарела с точки зрения вопросов, поставленных империализмом в порядок дня истории; — что никакого *иного* выбора нет: *или* Советская власть побеждает во всех передовых странах мира, *или* самый реакционный, самый бешеный, душащий все мелкие и слабые народы, восстанавливающий реакцию во всем мире англо-американский империализм, великолепно научившийся использовать форму демократической республики.

Или — или.

Середины нет. Совсем недавно такой взгляд считали ослепленным фанатизмом большевиков.

А вышло именно так.

Если Питирим Сорокин сложил с себя звание члена Учредительного собрания, это не случайность, это признак поворота целого класса, всей мелкобуржуазной демократии. Раскол среди нее неизбежен: часть перейдет на нашу сторону, часть останется нейтральной, часть сознательно присоединится к монархистам-кадетам, продающим Россию англо-американскому капиталу, стремящимся удушить революцию чужеземными штыками. Суметь учесть и использовать этот поворот среди меньшевистской и эсеровской демократии от враждебности большевизму сначала к нейтральности, потом к поддержке его, есть одна из насущных задач текущего момента.

Всякий лозунг, бросаемый партией в массы, имеет свойство застывать, делаться мертвым, сохранять свою силу для многих даже тогда, когда изменились условия, создавшие необходимость этого лозунга. Это зло неизбежное, и, не научившись бороться с ним и побеждать его, нельзя обеспечить правильную политику партии. Тот период нашей пролетарской

революции, когда она особенно резко разошлась с меньшевистской и эсеровской демократией, был исторически необходим; без острой борьбы против таких демократов, когда они колебнулись в стан наших врагов и занялись восстановлением *буржуазной и империалистской* демократической республики, обойтись было нельзя. Лозунги этой борьбы сплошь да рядом застыли и окостенели теперь, *мешая* правильно учесть и целесообразно использовать новый момент, когда начался новый поворот среди такой демократии, поворот в нашу сторону, поворот не случайный, а коренящийся в самых глубоких условиях всей международной обстановки.

Недостаточно того, чтобы поддержать этот поворот, чтобы встретить поворачивающих к нам дружелюбно. Политик, сознающий свои задачи, должен научиться *вызывать* этот поворот в отдельных слоях и группах широкой мелкобуржуазной демократической массы, если он убедился, что для такого поворота имеются серьезные и глубокие исторические причины. Революционный пролетарий должен знать, кого надо подавлять, с кем надо — когда и как — уметь заключать соглашение. Было бы смешно и нелепо отказываться от террора и подавления по отношению к помещикам и капиталистам с их прихвостнями, продающим Россию иностранным «союзным» империалистам. Было бы комедией пытаться «убеждать» и вообще «психологически влиять» на них. Но так же, — если не более, — нелепо и смешно было бы настаивать на одной только тактике подавления и террора по отношению к мелкобуржуазной демократии, когда ход вещей заставляет ее поворачивать к нам.

А с такой демократией пролетариат встречается повсюду. В деревне наша задача — уничтожить помещика, сломить сопротивление эксплуататора и спекулянта-кулака; опереться для этого мы можем прочно *только* на полупролетариев, на «бедноту». Но средний крестьянин нам не враг. Он колеблется, колеблется и будет колебаться: задача воздействия на колеблющихся *не одинакова* с задачей низвержения эксплуататора и победы над активным врагом. Уметь достигать соглашения с средним крестьянином — ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту — это задача момента, ибо именно теперь поворот в среднем крестьянстве в нашу сторону неизбежен в силу вышеизложенных причин.

То же относится и к кустарю, и к ремесленнику, и к рабочему, поставленному в наиболее мелкобуржуазные условия или сохранившему наиболее мелкобуржуазные взгляды, и ко многим служащим, и к офицерам, и — в особенности —

к интеллигенции вообще. Нет сомнения, что в нашей партии нередко замечается неумение использовать поворот среди них и что это неумение можно и должно преодолеть, превратить его в умение.

Мы имеем прочную уже опору в громадном большинстве профессионально-организованных пролетариев. Надо уметь привлечь к себе, включить в общую организацию, подчинить общепролетарской дисциплине наименее пролетарские, наиболее мелкобуржуазные слои *трудящихся*, которые поворачивают к нам. Тут лозунг момента — не борьба с ними, а привлечение их, умение наладить воздействие на них, убеждение колеблющихся, использование нейтральных, воспитание, — обстановкой массового пролетарского влияния, — тех, кто отстал или совсем недавно еще начал отделяться от «учредивловских» или «патриотически-демократических» иллюзий.

Мы имеем достаточно уже прочную опору в трудящихся массах. Шестой съезд Советов³³⁰ особенно наглядно показал это. Нам не страшны буржуазные интеллигенты, а со злыми саботажниками и белогвардейцами из них мы ни на минуту не ослабим борьбы. Но лозунг момента — уметь использовать поворот среди них в нашу сторону. У нас еще очень немало осталось «примазавшихся» к Советской власти худших представителей буржуазной интеллигенции: выкинуть их вон, заменить их интеллигенцией, которая вчера еще была сознательно враждебна нам и которая сегодня только нейтральна, такова одна из важнейших задач теперешнего момента, задача всех советских деятелей, соприкасающихся с «интеллигенцией», задача всех агитаторов, пропагандистов и организаторов.

Разумеется, соглашение с средним крестьянином, с вчерашним меньшевиком из рабочих, с вчерашним саботажником из служащих или из интеллигенции требует умения, как и всякое политическое действие в сложной и бурно изменяющейся обстановке. Все дело в том, чтобы не довольствоваться тем умением, которое выработал в нас прежний наш опыт, а идти *непрерывно дальше*, добиваться *непрерывно большего*, переходить непрерывно от более легких задач к более трудным. Без этого никакой прогресс вообще невозможен, невозможен и прогресс в социалистическом строительстве.

У меня были на днях представители съезда уполномоченных кредитных кооператоров. Они показали мне резолюцию их съезда³³¹, направленную *против слияния* кредитно-кооперативного банка с народным банком республики. Я сказал им, что стою за соглашение с средним крестьянином и

глубоко ценю даже начало поворота от враждебности к нейтральности по отношению к большевикам со стороны кооператоров, но почва для соглашения дается лишь их согласием на полное слияние особого банка с единым банком республики. Представители съезда тогда заменили свою резолюцию другой, провели через съезд другую резолюцию, в которой вычеркнули все, что говорилось против слияния, *но... но* выдвинули план *особого* «кредитного союза» кооператоров, ничем на деле не отличающегося от особого банка! Это было смешно. Перекрашиванием слов можно, разумеется, накормить или обмануть только дурака. Но «неудача» одной из таких... «попыток» нисколько не колебнет нашей политики; с кооператорами, с средним крестьянством мы осуществляли и будем осуществлять политику соглашения, отсекая всякие попытки изменить *линию* Советской власти и советского социалистического строительства.

Колебания мелкобуржуазных демократов неизбежны. Достаточно было немногих побед чехословаков, и эти демократы впали в панику, сеяли панику, перебегали к «победителям», готовы были раболепно встречать их. Разумеется, нельзя ни на минуту забывать, что и теперь — достаточно будет частичных успехов, скажем, англо-американо-красновских белогвардейцев, и колебания начнутся в другую сторону, усилится паника, умножатся случаи распространения паники, случаи измен и перелетов на сторону империалистов и так далее, и тому подобное.

Это мы знаем. Этого мы не забудем. Завоеванная нами чисто пролетарская основа Советской власти, поддерживаемой полупролетариями, останется неизменно прочной. Наша рать не дрогнет, наша армия не колебнется, — это мы знаем уже из опыта. Но, когда глубочайшие всемирно-исторические перемены вызывают неизбежный поворот в нашу сторону среди масс беспартийной, меньшевистской, эсеровской демократии, мы должны научиться, и мы научимся, использовать этот поворот, поддержать его, вызвать его в соответственных группах и слоях, осуществить все возможное в деле соглашения с этими элементами, облегчить тем работу социалистического строительства, ослабить тяжесть мучительной разрухи, темноты, неумелости, замедляющих победу социализма.

Написано 20 ноября 1918 г.

*Напечатано 21 ноября 1918 г.
в газете «Правда» № 252
Подпись: Н. Ленин*

*Печатается по тексту Сочинений
В. И. Ленина, 5 изд., том 37,
стр. 188—197*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Письма из далека» (пять писем) были написаны В. И. Лениным в Швейцарии: первое — четвертое с 7 по 12 (с 20 по 25) марта; пятое, недописанное, письмо начато накануне отъезда из Швейцарии в Россию, 26 марта (8 апреля) 1917 года.

В письмах Ленин дает оценку движущих сил, характера и направления революции в России, рассматривает вопросы теории революции, государства, войны и мира и намечает тактические задачи партии.

9 (22) марта первое и второе «Письма из далека» были посланы А. М. Коллонтай в Христианию для дальнейшего направления в Петроград; 19 марта (1 апреля) А. М. Коллонтай привезла их в Петроград и передала в редакцию «Правды».

Первое письмо было напечатано в «Правде» №№ 14 и 15 от 21 и 22 марта (3 и 4 апреля) 1917 года со значительными сокращениями и некоторыми изменениями, сделанными редакцией «Правды». Сокращения касаются главным образом характеристики лакействующих перед буржуазией лидеров соглашательских партий — меньшевиков и эсеров, их попыток скрыть, что в свержении Николая Романова принимали участие вместе с кадетами и октябристами представители английского и французского правительств, а также разоблачения Лениным монархических и империалистических устремлений Временного правительства, продолжавшего захватническую войну. Впервые полностью письмо было напечатано в 1949 году в 4 издании Сочинений В. И. Ленина, том 23, стр. 291—301.

Второе, третье и четвертое письма (см. Сочинения, 5 изд., том 31, стр. 23—54; 4 изд., том 23, стр. 302—330) в 1917 году напечатаны не были. Идеи недописанного пятого письма были развиты затем в работах «Письма о тактике» и «Задачи пролетариата в нашей революции» (см. Сочинения, 5 изд., том 31, стр. 55—59, 131—144; 4 изд., том 23, стр. 331—333, том 24, стр. 23—34 и настоящий том, стр. 19—48).

Ленин до отъезда в Россию принимал меры к распространению первого и второго писем среди большевиков, живших во Франции и Швейцарии. — 1.

² Ленин имеет в виду *Петроградский Совет рабочих депутатов*, возникший в первые дни Февральской революции. Выборы в Совет развернулись самочинно, сначала на отдельных фабриках и заводах, затем в течение нескольких дней охватили все предприятия. Днем 27 февраля (12 марта),

до того как Совет собрался на первое заседание, меньшевики-ликвидаторы К. А. Гвоздев, Б. О. Богданов и члены Государственной думы Н. С. Чхеидзе, М. И. Скобелев и др. объявили себя Временным исполнительным комитетом Совета, желая сохранить руководство в Совете за собой. На первом заседании Совета, вечером в тот же день, был оформлен президиум (Н. С. Чхеидзе, А. Ф. Керенский и М. И. Скобелев). В Исполком, кроме членов президиума, вошли А. Г. Шляпников, Н. Н. Суханов, Ю. М. Стеклов и были предоставлены места представителям центральных и петроградских комитетов социалистических партий. Партия эсеров, вначале высказавшаяся против организации Совета, затем дала в него своих представителей (В. А. Александровича, В. М. Зензинова и др.).

Совет объявил себя органом рабочих и солдатских депутатов и фактически до I съезда Советов (июнь 1917) являлся общероссийским центром. 1 (14) марта Исполком был пополнен представителями от солдат: Ф. Ф. Линде, А. И. Падериным, А. Д. Садовским и др.

Несмотря на то что руководство Советом оказалось в руках соглашателей, под давлением революционных рабочих и солдат Совет провел ряд революционных мероприятий: арест представителей старой власти и освобождение из тюрем политических заключенных. 1 (14) марта Совет издал «Приказ № 1 по гарнизону Петроградского военного округа», сыгравший огромную роль в революционизировании армии. Этим приказом воинские части в политических выступлениях подчинялись Совету, оружие передавалось в распоряжение и под контроль ротных и батальонных комитетов, приказы Временного комитета Государственной думы должны были исполняться только в случаях, когда они не противоречили приказам Совета, и т. п.

Однако в решающий момент, в ночь на 2 (15) марта, соглашатели из Исполкома Совета добровольно уступили власть буржуазии, санкционировали состав Временного правительства из буржуазии и помещиков. Этот акт капитуляции перед буржуазией не был известен за границей, поскольку газеты левее кадетских туда не пропускались. В. И. Ленин узнал об этом, приехав в Россию (см. В. И. Ленин. Сочинения, 5 изд., том 31, стр. 240; 4 изд., том 24, стр. 116). — 3.

³ *Базельский манифест* — Манифест о войне, принятый Чрезвычайным международным социалистическим конгрессом в Базеле, происходившим 24—25 ноября 1912 года. Манифест предостерегал народы от угрозы надвигающейся мировой империалистической войны, вскрывал грабительские цели этой войны и призывал рабочих всех стран к решительной борьбе за мир, противопоставив «капиталистическому империализму мощь международной солидарности пролетариата». В Базельский манифест был включен сформулированный В. И. Лениным пункт из резолюции Штутгартского конгресса 1907 года о том, что в случае возникновения империалистической войны социалисты должны использовать вызываемый войной экономический и политический кризис для борьбы за социалистическую революцию. — 4.

⁴ *Октябристы* — члены партии октябристов (или «Союза 17 октября»), образовавшейся в России после опубликования царского манифеста 17 (30) октября 1905 года. Это была контрреволюционная партия, представлявшая и защищавшая интересы крупной буржуазии и помещиков, хозяйничавших по-капиталистически; возглавляли ее известный промышленник и московский домовладелец А. И. Гучков и крупный помещик М. В. Родзянко. Октябристы полностью поддерживали внутреннюю и внеш-

ную политику царского правительства. После Февральской буржуазно-демократической революции октябристы стали правящей партией, активно боролись с назревавшей социалистической революцией в России.

После Великой Октябрьской социалистической революции октябристы боролись против Советской власти. — 5.

⁵ *Кадеты* — члены конституционно-демократической партии, ведущей партии либерально-монархической буржуазии в России. Партия кадетов была создана в октябре 1905 года; в состав ее входили представители буржуазии, земские деятели из помещиков и буржуазные интеллигенты. Видными деятелями кадетов были П. Н. Милюков, С. А. Муромцев, В. А. Маклаков, А. И. Шингарев, П. Б. Струве, Ф. И. Родичев и др. В дальнейшем кадеты превратились в партию империалистической буржуазии. В годы первой мировой войны кадеты активно поддерживали захватническую внешнюю политику царского правительства. В период Февральской буржуазно-демократической революции они старались спасти монархию. Занимая руководящее положение в буржуазном Временном правительстве, кадеты проводили антинародную, контрреволюционную политику, угодную американо-англо-французским империалистам. После победы Великой Октябрьской социалистической революции кадеты выступали непримиримыми врагами Советской власти, принимали участие во всех вооруженных контрреволюционных выступлениях и походах интервентов. Находясь после разгрома интервентов и белогвардейцев в эмиграции, кадеты не прекращали своей антисоветской контрреволюционной деятельности. — 5.

⁶ «*Окисты*» — меньшевики, объединенные своим руководящим центром — Организационным комитетом (ОК), который был создан в 1912 году на августовской конференции ликвидаторов. В годы мировой империалистической войны ОК стоял на позициях социал-шовинизма. ОК функционировал до выборов ЦК меньшевистской партии на «объединительном» съезде РСДРП (меньшевиков) в августе 1917 года. — 5.

⁷ Имеется в виду буржуазное Временное правительство, сформированное 2 (15) марта 1917 года по соглашению Временного комитета Государственной думы с эсеро-меньшевистскими лидерами Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Состав Временного правительства за время его существования менялся несколько раз. Вначале абсолютное большинство министров Временного правительства принадлежало кадетам и октябристам. Мощные выступления пролетариата 20—21 апреля (3—4 мая) 1917 года против империалистической политики привели к кризису Временного правительства. Под давлением масс министры П. Н. Милюков и А. И. Гучков вынуждены были уйти в отставку. 5 (18) мая было образовано первое коалиционное правительство, в состав которого вместе с 10 министрами-капиталистами вошли лидеры соглашательских партий меньшевиков и эсеров. После июльских событий во главе правительства стал эсер А. Ф. Керенский, который сформировал второе коалиционное правительство с участием кадетов. Вскоре после провала Демократического совещания и Предпарламента Керенский, сговорившись с кадетами, сформировал третье коалиционное Временное правительство. Оно направило свои усилия на подавление нарастающей революции: был выработан план разгрома большевистской партии, сдачи немцам Петрограда, разоружения революционных частей и т. д. Однако этот план был сорван победоносным восстанием 25 октября (7 ноября) 1917 года, в результате которого Временное правительство было низложено. — 6.

⁸ *«Мирнообновленцы»* — партия «мирного обновления», конституционно-монархическая организация крупной буржуазии и помещиков, окончательно оформившаяся в 1906 году после роспуска I Государственной думы. Партия объединяла «левых октябристов» и «правых кадетов». По своей программе партия близко примыкала к октябристам. Деятельность партии была направлена на защиту интересов торгово-промышленной буржуазии и помещиков, ведущих хозяйство по-капиталистически. В III Государственной думе партия «мирного обновления» объединилась с так называемой партией «демократических реформ» во фракцию «прогрессистов». — 6.

⁹ *Военно-промышленные комитеты* были созданы в России в мае 1915 года крупной империалистической буржуазией для помощи царизму в ведении войны. Пытаясь подчинить рабочих своему влиянию и привить им оборонческие настроения, буржуазия решила организовать «рабочие группы» при комитетах и тем самым показать, что в России установлен «классовый мир» между буржуазией и пролетариатом. Большевики объявили бойкот военно-промышленных комитетов и успешно его провели при поддержке большинства рабочих.

В результате разъяснительной работы, проведенной большевиками, из общего числа 239 областных и местных военно-промышленных комитетов выборы в «рабочие группы» прошли лишь в 70 комитетах, а рабочие представители избраны были только в 36 комитетах. — 7.

¹⁰ Статья «О задачах пролетариата в данной революции», опубликованная в «Правде» № 26 от 7 апреля 1917 года, содержит знаменитые Апрельские тезисы В. И. Ленина, которые, по-видимому, были написаны им в поезде накануне прибытия в Петроград.

Ленин прочитал тезисы на двух собраниях 4 (17) апреля: на собрании большевиков и на объединенном собрании большевиков и меньшевиков — делегатов Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов в помещении Таврического дворца.

Статья была перепечатана большевистскими газетами «Социал-Демократ» (Москва), «Пролетарий» (Харьков), «Красноярский Рабочий», «Вперед» (Уфа), «Бакинский Рабочий», «Кавказский Рабочий» (Тифлис) и другими.

Апрельские тезисы Ленин подробно развил и конкретизировал в работе «Задачи пролетариата в нашей революции (Проект платформы пролетарской партии)», написанной 10 (23) апреля 1917 года (см. настоящий том, стр. 19—48). Перед VII (Апрельской) Всероссийской конференцией РСДРП(б) она была напечатана в нескольких экземплярах на пишущей машинке и роздана членам партии перед конференцией, а также на самой конференции. — 11.

¹¹ *«Народные социалисты»* (энесы) — члены мелкобуржуазной Трудовой народно-социалистической партии, выделившейся из правого крыла партии социалистов-революционеров (эсеров) в 1906 году. Энесы выступали за блок с кадетами. Ленин называл их «социал-кадетами», «мещанскими оппортунистами», «эсеровскими меньшевиками», колеблющимися между кадетами и эсерами.

Во главе партии стояли А. В. Пешехонов, Н. Ф. Анненский, В. А. Мякотин и др. В годы первой мировой войны «народные социалисты» стояли на социал-шовинистических позициях. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года партия «народных социалистов» слилась с трудовиками, активно поддерживала деятельность буржуазного Временного правительства, послав в его состав своих представителей.

После Октябрьской социалистической революции энесы участвовали в контрреволюционных заговорах и вооруженных выступлениях против Советской власти. Партия прекратила свое существование в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. — 12.

¹² *Социалисты-революционеры* (эсеры) — мелкобуржуазная партия в России; возникла в конце 1901 — начале 1902 года в результате объединения различных народнических групп и кружков («Союз социалистов-революционеров», партия социалистов-революционеров и др.). В годы мировой империалистической войны большинство эсеров стояло на позициях социал-шовинизма.

После победы Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года эсеры вместе с меньшевиками были главной опорой контрреволюционного буржуазно-помещичьего Временного правительства, а лидеры партии (Керенский, Авксентьев, Чернов) входили в его состав. Партия эсеров отказалась от поддержки крестьянского требования ликвидации помещичьего землевладения, выступила за сохранение помещичьей собственности на землю; эсеровские министры Временного правительства посылали карательные отряды против крестьян, захватывавших помещичьи земли.

В конце ноября 1917 года левое крыло эсеров образовало самостоятельную партию левых эсеров. Стремясь сохранить свое влияние в крестьянских массах, левые эсеры формально признали Советскую власть и вступили в соглашение с большевиками, но вскоре встали на путь борьбы против Советской власти. (О левых эсерах см. также примечание 103.)

В годы иностранной военной интервенции и гражданской войны эсеры вели контрреволюционную подрывную работу, активно поддерживали интервентов и белогвардейцев, участвовали в контрреволюционных заговорах, организовывали террористические акты против деятелей Советского государства и Коммунистической партии. После окончания гражданской войны эсеры продолжали враждебную деятельность внутри страны и в стане белогвардейской эмиграции. — 12.

¹³ *«Единство»* — газета, орган крайне правой группы меньшевиков-оборонцев во главе с Г. В. Плехановым; издавалась в Петрограде с марта по ноябрь 1917 года; с декабря 1917 по январь 1918 года выходила под названием *«Наше Единство»*. Выступая за поддержку Временного правительства, за коалицию с буржуазией, за «твердую власть», газета требовала продолжения империалистической войны «до полной победы»; вместе с буржуазной и черносотенной прессой принимала участие в травле большевиков. Октябрьскую революцию и установление Советской власти встретила враждебно. — 14.

¹⁴ *«Русская Воля»* — ежедневная буржуазная газета, основанная царским министром внутренних дел А. Д. Протопоповым и существовавшая на средства крупных банков; выходила в Петрограде с декабря 1916 года. После Февральской буржуазно-демократической революции вела клеветническую кампанию против большевиков. Ленин называл ее «одной из наиболее гнусных буржуазных газет» (Сочинения, 5 изд., том 34, стр. 130; 4 изд., том 25, стр. 276). Газета закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 25 октября 1917 года. — 14.

¹⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Предисловие к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1872 года»; К. Маркс. «Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального Совета Международного

Товарищества Рабочих», «Критика Готской программы»; Ф. Энгельс. «Письмо А. Бебелю 18—28 марта 1875 г.»; К. Маркс. Письма Л. Кугельману от 12 и 17 апреля 1871 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 18, стр. 90; т. 17, стр. 339—347; т. 19, стр. 5, 9—32; т. 33, стр. 172—173, 175). — 15.

¹⁶ Историю написания работы «Задачи пролетариата в нашей революции» см. в «Послесловии» к этой работе (настоящий том, стр. 46—48). — 19.

¹⁷ В IV Государственной думе А. Ф. Керенский некоторое время примыкал к группе трудовиков и был ее председателем.

Трудовики (Трудовая группа) — группа мелкобуржуазных демократов в Государственных думах, состоявшая из крестьян и интеллигентов народнического толка. Фракция трудовиков была образована в апреле 1906 года крестьянскими депутатами I Государственной думы. В Думе трудовики колебались между кадетами и революционными социал-демократами. В годы первой мировой войны большинство трудовиков стояло на позициях социал-шовинизма. После Февральской буржуазно-демократической революции трудовики активно поддерживали Временное правительство. Великую Октябрьскую социалистическую революцию трудовики встретили враждебно, участвовали в буржуазной контрреволюции. — 20.

¹⁸ Всероссийская конференция железнодорожных служащих и рабочих происходила в Петрограде с 6 по 20 апреля (19 апреля — 3 мая) 1917 года. На конференции присутствовало 220 делегатов. Конференция, руководимая соглашательскими партиями, заняла оборонческую позицию и заявила о полной поддержке буржуазного Временного правительства. Выступивший на заседании 8 (21) апреля член ЦК РСДРП И. А. Теодорович по свидетельству меньшевистского «Единства» (№ 9, от 9 апреля 1917 г.) «внес некоторый разлад в общее настроение». Конференция избрала Исполнительный комитет и приняла наказ как по политическим вопросам, так и по практическим вопросам оздоровления железнодорожного транспорта. — 24.

¹⁹ См. Ф. Энгельс. «Письмо А. Бебелю 18—28 марта 1875 г.» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 5). — 28.

²⁰ См. К. Маркс. «Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 17, стр. 346). — 29.

²¹ *Маниловщина* — совокупность черт характера, присущих одному из персонажей произведения Н. В. Гоголя «Мертвые души» Манилову. В образе сентиментального «прекраснодушного» помещика Манилова писатель воплотил типичные черты безвольного мечтателя, пустого фантазера, бездеятельного болтуна. — 34.

²² Ленин имеет в виду *Фабианское общество* — английскую реформистскую организацию, основанную в 1884 году; свое название общество получило по имени римского полководца III века до н. э. Фабия Максима, прозванного «Кунктатором» («Медлителем») за его выжидательную тактику, уклонение от решительных боев в войне с Ганнибалом. Членами Фабианского общества были преимущественно представители буржуазной интеллигенции — ученые, писатели, политические деятели (С. и Б. Вебб,

Р. Макдональд, Б. Шоу и др.); они отрицали необходимость классовой борьбы пролетариата и социалистической революции и утверждали, что переход от капитализма к социализму возможен только путем мелких реформ, постепенных преобразований общества. В. И. Ленин характеризовал фабианство как «направление *крайнего оппортунизма*» (Сочинения, 5 изд., том 16, стр. 338; 4 изд., том 13, стр. 328). В 1900 году Фабианское общество вошло в лейбористскую партию. «Фабианский социализм» служит одним из источников идеологии лейбористов.

В годы мировой империалистической войны (1914—1918) фабианцы занимали позицию социал-шовинизма. Характеристику фабианцев см. в статье В. И. Ленина «Английский пацифизм и английская нелюбовь к теории» (Сочинения, 5 изд., том 26, стр. 266—272; 4 изд., том 21, стр. 233—238). — 35.

²³ *Лабуристы* (лейбористы) — члены Рабочей партии Англии (Labour Party), основанной в 1900 году как объединение профсоюзов — тред-юнионов, социалистических организаций и групп в целях проведения рабочих представителей в парламент («Комитет рабочего представительства»). В 1906 году Комитет переименовался в Рабочую (лейбористскую) партию. Члены тред-юнионов автоматически являются членами партии при условии уплаты партийных взносов. К лейбористской партии тесно примыкают Кооперативная партия, входящая в нее на правах коллективного члена, и Независимая рабочая партия. Во главе лейбористской партии стоит Исполком, составляющий совместно с Генеральным советом тред-юнионов и Исполкомом Кооперативной партии так называемый Национальный совет труда. Лейбористская партия, сложившаяся первоначально как рабочая партия по составу (в дальнейшем в нее вошло значительное количество мелкобуржуазных элементов), является по своей идеологии и тактике оппортунистической организацией. С момента возникновения партии ее лидеры проводят политику классового сотрудничества с буржуазией. Во время мировой империалистической войны (1914—1918) лидеры лейбористской партии (А. Гендерсон и др.), занимая социал-шовинистическую позицию, вошли в королевское правительство; при их активной поддержке был принят ряд законов, направленных против рабочих (о милитаризации страны и т. п.). В 1924, 1929—1931, 1945—1951 годах лейбористские лидеры возглавляли правительство. С октября 1964 года лейбористы снова находятся у власти. — 35.

²⁴ «Рабочее или трудовое содружество» («Arbeitsgemeinschaft») («Социал-демократическая трудовая группа») — организация германских центристов; образована в марте 1916 года депутатами, отколовшимися от с.-д. фракции рейхстага. Во главе группы стояли Г. Гаазе, Г. Ледебур, В. Дитман. Группа имела за собой большинство берлинской организации. «Социал-демократическая трудовая группа» составила основное ядро образовавшейся в апреле 1917 года Независимой социал-демократической партии Германии, которая оправдывала открытых социал-шовинистов и выступала за сохранение единства с ними. — 36.

²⁵ *Миноритеры* или *лонгетисты* — меньшинство Французской социалистической партии, образовавшееся в 1915 году, возглавлялось Жаном Лонге. Они придерживались центристских взглядов и проводили соглашательскую политику по отношению к социал-шовинистам. Во время первой мировой войны занимали социал-пацифистскую позицию. После победы Октябрьской социалистической революции в России объявили себя сторонниками диктатуры пролетариата, на деле же были против нее,

Оставшись в меньшинстве на съезде Французской социалистической партии, состоявшемся в декабре 1920 года в Туре, где победило левое крыло, лонгетисты вместе с открытыми реформистами откололись от партии и примкнули к так называемому II^{1/2} Интернационалу, а после его распада вернулись во II Интернационал. — 36.

²⁶ *Независимая рабочая партия Англии* (Independent Labour Party) — реформистская организация, основанная руководителями «новых тред-юнионов» в 1893 году в условиях оживления стачечной борьбы и усиления движения за независимость рабочего класса Англии от буржуазных партий. В НРП вошли члены «новых тред-юнионов» и ряда старых профсоюзов, представители интеллигенции и мелкой буржуазии, находившиеся под влиянием фабианцев. Во главе партии стояли Кейр-Гарди и Р. Макдональд. НРП с момента своего возникновения заняла буржуазно-реформистские позиции, уделяя основное внимание парламентской форме борьбы и парламентским сделкам с либеральной партией. Характеризуя Независимую рабочую партию, Ленин писал, что «на деле это всегда зависевшая от буржуазии оппортунистическая партия» (Сочинения, 5 изд., том 39, стр. 90; 4 изд., том 29, стр. 456). — 36.

²⁷ *Британская социалистическая партия* (British Socialist Party) была основана в 1911 году в Манчестере в результате объединения Социал-демократической партии с другими социалистическими группами. БСП вела агитацию в духе идей марксизма и была партией «не оппортунистической, действительно независимой от либералов» (В. И. Ленин. Сочинения, 5 изд., том 23, стр. 344; 4 изд., том 19, стр. 243). Однако малочисленность партии и слабая связь с массами придавали ей несколько сектантский характер. В период первой мировой войны в партии развернулась острая борьба между интернационалистским течением (У. Галлахер, А. Инкпин, Д. Маклин, Ф. Ротштейн и другие) и социал-шовинистским течением, возглавлявшимся Гайндманом. Внутри интернационалистского течения имелись непоследовательные элементы, занимавшие по ряду вопросов центристскую позицию. В феврале 1916 года группа деятелей БСП основала газету «The Call» («Призыв»), которая сыграла важную роль в сплочении интернационалистов. Состоявшаяся в апреле 1916 года в Солфорде ежегодная конференция БСП осудила социал-шовинистскую позицию Гайндмана и его сторонников, и они вышли из партии.

Британская социалистическая партия приветствовала Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Члены БСП сыграли большую роль в движении английских трудящихся в защиту Советской России от иностранной интервенции. В 1919 году подавляющее большинство организаций партии (98 против 4) высказалось за вступление в Коммунистический Интернационал. Британская социалистическая партия вместе с Коммунистической группой единства сыграла главную роль в образовании Коммунистической партии Великобритании. На состоявшемся в 1920 году первом объединительном съезде подавляющее большинство местных организаций БСП влилось в Коммунистическую партию. — 36.

²⁸ *Циммервальдская левая группа* была основана по инициативе В. И. Ленина на Международной социалистической конференции в Циммервальде в сентябре 1915 года. Она объединяла представителей от организаций: ЦК РСДРП, левых социал-демократов Швеции, Норвегии, Швейцарии, Германии, польской с.-д. оппозиции и с.-д. Латышского края. Циммервальдская левая группа, возглавляемая В. И. Лениным, вела борьбу против центристского большинства конференции и внесла проекты резолюции и манифеста, в которых осуждалась империалистическая война,

разоблачалось предательство социал-шовинистов и указывалось на необходимость вести активную борьбу против войны. Эти проекты были отвергнуты центристским большинством конференции. Однако Циммервальдской левой удалось добиться включения в манифест, принятый конференцией, ряда важных положений из своего проекта резолюции. Оценивая манифест как первый шаг в борьбе против империалистической войны, Циммервальдская левая голосовала за этот манифест, отметив в особом заявлении недоговоренность, непоследовательность манифеста и мотивы своего голосования за него. Вместе с тем Циммервальдская левая заявила, что, оставаясь в общем Циммервальдском объединении, она будет вести самостоятельную работу в международном масштабе и распространять свои взгляды. Она избрала руководящий орган — бюро, в состав которого вошли В. И. Ленин, Г. Е. Зиновьев и К. Б. Радек. Циммервальдская левая издавала свой орган — журнал «Vorboten» («Предвестник») на немецком языке, в котором был напечатан ряд статей В. И. Ленина. Ведущей силой в Циммервальдской левой группе являлись большевики, занимавшие единственно последовательную, до конца интернационалистскую позицию. Вокруг Циммервальдской левой стали спланиваться интернационалистские элементы международной социал-демократии.

Социал-демократы ряда стран, входившие в Циммервальдскую левую группу, вели большую революционную работу и сыграли важную роль в создании коммунистических партий в своих странах.

О Циммервальдской левой группе см. статьи В. И. Ленина «Первый шаг» и «Революционные марксисты на международной социалистической конференции 5—8 сентября 1915 г.» (Сочинения, 5 изд., том 27, стр. 37—42, 43—47; 4 изд., том 21, стр. 350—355, 356—359). — 36.

²⁹ *Группа Спартак* («Интернационал») — революционная организация германских левых социал-демократов; образована в начале мировой империалистической войны К. Либкнехтом, Р. Люксембург, Ф. Мерингом, К. Цеткин, Ю. Мархлевским, Л. Иогихесом (Тышка), В. Пиком. В апреле 1915 года Р. Люксембург и Ф. Меринг основали журнал «Die Internationale», вокруг которого сплотилась основная группа левых социал-демократов Германии. 1 января 1916 года в Берлине состоялась общегерманская конференция левых социал-демократов, на которой группа оформилась организационно и приняла решение именовать себя группой «Интернационал». В качестве платформы группы конференция приняла «Leitsätze» («Основные положения»), разработанные Р. Люксембург при участии К. Либкнехта, Ф. Меринга и К. Цеткин. С 1916 года группа «Интернационал», кроме политических листовок, выпускавшихся в 1915 году, стала нелегально издавать и распространять «Политические письма» за подписью «Спартак» (выходили регулярно до октября 1918 года); в связи с этим группа «Интернационал» стала называться также группой «Спартак».

Спартакотцы вели революционную пропаганду в массах, организовывали антивоенные выступления, руководили стачками, разоблачали империалистический характер мировой войны и предательство оппортунистических лидеров социал-демократии. В вопросах теории и политики спартакотцы допускали серьезные ошибки. Ленин неоднократно критиковал ошибки германских левых социал-демократов, помогая им занять правильную позицию.

В апреле 1917 года спартакотцы вошли в центристскую Независимую социал-демократическую партию Германии, сохранив в ней организационную самостоятельность. В ноябре 1918 года в ходе революции в Германии спартакотцы, порвав с «независимцами», оформились в «Союз Спартака» и опубликовали 14 декабря 1918 года свою программу. На Учредительном

съезде (30 декабря 1918 — 1 января 1919 года) спартаковцы создали Коммунистическую партию Германии. — 36.

³⁰ «Рабочая Политика» («Arbeiterpolitik») — еженедельный журнал научного социализма, орган бременской группы левых радикалов, возглавляемой И. Книфом и П. Фрелихом и вошедшей в 1919 году в Коммунистическую партию Германии; издавался в Бремене с 1916 по 1919 год. После Великой Октябрьской социалистической революции журнал освещал жизнь Советской России. В 1917—1918 годах в нем было напечатано несколько статей и выступлений В. И. Ленина. — 37.

³¹ «Завтра» («Demain») — ежемесячный литературно-публицистический и политический журнал, основанный французским интернационалистом, писателем и журналистом А. Гильбо; выходил с января 1916 до 1919 года (с перерывом с января по апрель 1917 года) сначала в Женеве, затем в Москве. Журнал выступал против шовинизма, пропагандируя циммервальдскую программу. В журнале был напечатан ряд статей и речей В. И. Ленина. С сентября 1919 года журнал выходил как орган Московской группы французских коммунистов. — 37.

³² «Тред-Юнионист» («The Trade-Unionist») — английская профсоюзная газета; издавалась в Лондоне с ноября 1915 по ноябрь 1916 года. Издателем газеты был Э. Пратт. — 37.

³³ Социалистическая рабочая партия Америки была создана в 1876 году на объединительном съезде в Филадельфии в результате слияния американских секций I Интернационала и других социалистических организаций. Съезд проходил при руководящем участии соратника Маркса и Энгельса Ф.-А. Зорге. Подавляющее большинство партии составляли иммигранты, слабо связанные с коренными рабочими Америки. В первые годы руководящее положение в партии заняли лассальянцы, которые допускали ошибки сектантско-догматического характера. Часть руководителей этой партии считала главной ее задачей парламентскую деятельность и недооценивала значение руководства экономической борьбой масс, другие же скатывались к тред-юнионизму и анархизму. Идейные и тактические шатания руководства привели к ослаблению партии и отходу от нее ряда групп. Маркс и Энгельс резко критиковали сектантскую тактику американских социалистов.

К 90-м годам к руководству Социалистической рабочей партии пришло левое крыло, возглавляемое Д. Де-Леонсом, допускавшее ошибки анархо-синдикалистского характера. СРП отказывалась от борьбы за частичные требования рабочего класса, от работы в реформистских профсоюзах и все более теряла и без того слабые связи с массовым рабочим движением. В годы первой мировой войны (1914—1918) Социалистическая рабочая партия склонялась к интернационализму. Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции наиболее революционная часть СРП приняла активное участие в создании Коммунистической партии Америки. В настоящее время СРП представляет собой малочисленную организацию, не имеющую влияния на рабочее движение США. — 37.

³⁴ Социалистическая партия Америки оформилась в июле 1901 года на съезде в Индианополисе в результате объединения групп, отколовшихся от Социалистической рабочей партии и Социал-демократической партии США, одним из организаторов которой был Юджин Дебс, популярный деятель рабочего движения США; он же был в числе основателей новой партии.

Социальный состав партии был неоднородным: в нее входила часть рабочих-американцев, рабочие-иммигранты, а также мелкие фермеры и выходцы из мелкой буржуазии. Центристское и правооппортунистское руководство партии (Виктор Л. Бергер, Морис Хиллквит и др.) отрицало необходимость диктатуры пролетариата, отказывалось от революционных методов борьбы, сведя деятельность партии в основном к участию в избирательных кампаниях. В годы первой мировой войны в Социалистической партии сложились три течения: социал-шовинисты, поддерживавшие империалистическую политику правительства; центристы, которые выступили против империалистической войны лишь на словах; революционное меньшинство, стоявшее на интернационалистских позициях и боровшееся против войны.

Левое крыло Социалистической партии во главе с Чарльзом Рутенбергом, Уильямом Фостером, Вильямом Хейвудом и др., опираясь на пролетарские элементы, вело борьбу против оппортунистического руководства партии, за самостоятельные политические действия пролетариата, за создание производственных профсоюзов, основанных на принципах классовой борьбы. В 1919 году в Социалистической партии произошел раскол. Вышедшее из СП левое крыло стало инициатором создания и основным ядром Коммунистической партии США.

В настоящее время Социалистическая партия является немногочисленной сектантской организацией. — 37.

³⁵ «*Интернационалист*» («The Internationalist») — еженедельная газета, орган левого крыла социалистов; издавалась в начале 1917 года в Бостоне Лигой социалистической пропаганды Америки. В редакцию газеты входили интернационалисты США и других стран: Д. Вилльямс, Г. А. Гиббс, М. С. Зартарьян, Д. Розин, С. Ю. Рутгерс, А. С. Эдвардс. — 37.

³⁶ *Трибунисты* — члены Социал-демократической партии Голландии, органом которой являлась газета «Трибуна». Лидерами трибунистов были Д. Вайнкоп, Г. Гортер, А. Паннекук, Г. Роланд-Гольст. Трибунисты не были последовательно революционной партией, но представляли левое крыло рабочего движения в Голландии и в годы мировой империалистической войны (1914—1918) стояли в основном на интернационалистских позициях. В 1918 году трибунисты образовали Коммунистическую партию Голландии.

«*De Tribune*» («Трибуна») — газета, основанная в 1907 году левым крылом Социал-демократической рабочей партии Голландии. С 1909 года после исключения левых из партии и организации ими Социал-демократической партии Голландии газета стала органом этой партии; с 1918 года «Трибуна» — орган Голландской коммунистической партии; выходила под этим названием по 1940 год. — 37.

³⁷ *Партией молодых* или *левых* в Швеции Ленин называл левое течение в шведской социал-демократии. В годы мировой империалистической войны «молодые» стояли на интернационалистской позиции, примыкали к Циммервальдской левой. В мае 1917 года они образовали Левую социал-демократическую партию Швеции. На съезде этой партии в 1919 году было принято решение о присоединении к Коммунистическому Интернационалу. Революционное крыло партии в 1921 году образовало Коммунистическую партию Швеции. — 37.

³⁸ «*Тесняки*» — революционная социал-демократическая рабочая партия Болгарии, основанная в 1903 году после раскола социал-демократиче-

ской партии. Основателем и вождем «тесняков» был Д. Благовоев, а затем во главе «тесняков» стояли ученики Благовоева — Г. Димитров, В. Коларов и другие. В 1914—1918 годах «тесняки» выступали против империалистической войны. В 1919 году они вошли в Коммунистический Интернационал и образовали Коммунистическую партию Болгарии. — 38.

³⁹ *«Avanti!»* («Вперед!») — ежедневная газета, центральный орган Итальянской социалистической партии; основана в декабре 1896 года в Риме. В годы мировой империалистической войны (1914—1918) газета занимала непоследовательно интернационалистскую позицию, не порывая связи с реформистами. В 1926 году газета была закрыта фашистским правительством Муссолини, но продолжала выходить за границей; с 1943 года выходит вновь в Италии. — 38.

⁴⁰ *Краевое правление и Главное правление СДКПиЛ* — руководящие учреждения Социал-демократии Королевства Польского и Литвы.

Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) — революционная партия польского рабочего класса; возникла в 1893 году сначала как Социал-демократия Королевства Польского, а с августа 1900 года, после съезда социал-демократических организаций Королевства Польского и Литвы, где произошло слияние польских и части литовских социал-демократов, стала называться Социал-демократия Королевства Польского и Литвы. Заслугой партии являлось то, что она направляла польское рабочее движение к союзу с русским рабочим движением и боролась с национализмом.

На IV (Объединительном) съезде РСДРП в 1906 году СДКПиЛ была принята в состав РСДРП в качестве территориальной организации. После поражения революции 1905—1907 годов в СДКПиЛ обнаружились разногласия по внутрипартийным вопросам, которые в начале 1912 года привели к расколу польской социал-демократии на сторонников Главного правления СДКПиЛ (так называемых «зажондовцев»), занявших примиренческую линию в отношении к ликвидаторам и одно время практически поддерживавших антибольшевистские течения в РСДРП, и на сторонников Краевого правления СДКПиЛ, опиравшихся на варшавскую и лодзинскую партийные организации (так называемых «розламовцев»). Краевое правление СДКПиЛ установило контакт с большевиками и поддерживало линию ЦК РСДРП.

В годы первой мировой войны (1914—1918) обе группы польской социал-демократии объединились в единую партию, стоявшую на интернационалистской платформе. СДКПиЛ активно боролась против пилсудчиков и эндеков, выступавших в поддержку иностранных империалистов, и заняла позицию, в целом близкую к позиции большевиков. Однако СДКПиЛ допускала и некоторые ошибки, не вела последовательной борьбы с центристами и примиренцами.

СДКПиЛ приветствовала Великую Октябрьскую социалистическую революцию и развернула борьбу за победу пролетарской революции в Польше. В декабре 1918 года на Объединительном съезде СДКПиЛ и ППС-«левицы» обе партии объединились и образовали Коммунистическую рабочую партию Польши. — 38.

⁴¹ Упоминаемая резолюция была написана В. И. Лениным (см. Сочинения, 5 изд., том 30, стр. 362; 4 изд., том 23, стр. 277). Она была внесена на Кантональном съезде цюрихской социал-демократической организации, происходившем в Тёссе 11—12 февраля (н. ст.) 1917 года, от имени швейцарских левых социал-демократов. — 38.

⁴² Ленин имеет в виду газету *«Народный Голос»* («*Volksstimme*») — орган Германской социал-демократической партии; газета выходила в Хемнице с января 1891 по февраль 1933 года.

«Колокол» («*Die Glocke*») — двухнедельный журнал, издававшийся в Мюнхене, а затем в Берлине в 1915—1925 годах членом Германской социал-демократической партии, социал-шовинистом Парвусом (А. Л. Гельфандом). — 39.

⁴³ Имеется в виду обращение *«К разоряемым и умерщвляемым народам»*, принятое второй Международной конференцией социалистов, проходившей 24—30 апреля (н. ст.) 1916 года в Кинтале (Швейцария). Обращение призывало рабочих развернуть борьбу против войны, за мир без аннексий, к давлению на социалистических депутатов и требованию отказа от поддержки военной политики империалистических правительств. Обращение и резолюции Кинтальской конференции по сравнению с решениями первой международной социалистической конференции в Циммервальде (5—8 сентября н. ст. 1915 года) были шагом вперед в развитии интернационального движения против войны. Однако большинство как Циммервальдской, так и Кинтальской конференций не поддержало ленинских лозунгов о превращении империалистической войны в войну гражданскую, о поражении в войне своих империалистических правительств, об организации III, Коммунистического Интернационала. — 39.

⁴⁴ Критике резолюций Французской социалистической партии Ленин посвятил главу *«Пацифизм французских социалистов и синдикалистов»* в работе *«Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический»* (см. Сочинения, 5 изд., том 30, стр. 251—256; 4 изд., том 23, стр. 177—181). Обе резолюции приветствовали президента США Вильсона, выступившего в качестве миротворца с предложением ко всем нациям «изложить публично их взгляды на те условия, на которых война могла бы быть окончена», т. е. с предложением окончить империалистическую войну империалистическим миром. — 39.

⁴⁵ *«Интернационал Молодежи»* («*Jugend-Internationale*») — орган Международного союза социалистических организаций молодежи, примыкавшего к Циммервальдской левой; газета выходила с сентября 1915 по май 1918 года в Цюрихе, редактировалась В. Мюнценбергом. — 40.

⁴⁶ *«Рабочая Газета»* — ежедневная газета меньшевиков; выходила в Петрограде с 7 (20) марта по 30 ноября (13 декабря) 1917 года; с 30 августа (12 сентября) — орган меньшевистского ЦК. Газета занимала оборонческую позицию, поддерживала буржуазное Временное правительство, боролась против большевистской партии и ее вождя В. И. Ленина. Октябрьскую революцию и установление Советской власти встретила враждебно. — 42.

⁴⁷ Исполком Петроградского Совета 7 (20) апреля 1917 года большинством 21 голоса против 14 принял решение об активной поддержке так называемого «Займа свободы», выпущенного Временным правительством для финансирования продолжавшейся империалистической войны. Члены Исполкома — большевики, выступая против займа, заявили, что поддержка его есть «худшая форма «гражданского перемирия», и внесли резолюцию с подробной мотивировкой своей позиции. Вместе с большевиками голосовало несколько членов Исполкома, не принадлежавших к фракции

большевиков. Вопрос был перенесен на пленум Совета и обсуждался преимущественно во фракциях (см. Сочинения, 5 изд., том 31, стр. 209—210).

Большевицкая фракция Петроградского Совета обсуждала этот вопрос 10 и 11 (23 и 24) апреля 1917 года. Проект резолюции для внесения в пленарное заседание был выработан при активном участии В. И. Ленина.

В заседании фракции сначала была внесена резолюция комиссии во главе с А. М. Коллонтай об отказе от поддержки займа, а затем В. И. Ленин и Г. Е. Зиновьев внесли вторую резолюцию, дополнявшую первую. Резолюции были объединены и 11 (24) апреля приняты единогласно.

Единогласное принятие резолюции свидетельствовало о том, что уже к 11 (24) апреля огромная разъяснительная работа, сделанная Лениным по приезде в Петроград, привела большевиков к сплочению по одному из самых острых политических вопросов. В докладе по текущему моменту на Апрельской конференции Ленин сказал, что вопрос о войне «практически нас объединил, когда мы выступили против займа» (настоящий том, стр. 53).

На пленарном заседании Петроградского Совета за заем голосовало 2000 депутатов, против 123. — 42.

⁴⁸ См. К. Маркс. «Критика Готской программы»; Ф. Энгельс. «Предисловие к сборнику «Статьи на международные темы из газеты «Volksstaat» (1871—75)»» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 9—32; т. 22, стр. 433—435). — 42.

⁴⁹ Это выражение, по свидетельству К. Маркса и Ф. Энгельса, принадлежит Г. Гейне и впервые приведено ими в работе «Немецкая идеология» (том II, гл. IV, 4. Сен-симонистская школа) (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 3, стр. 514). — 44.

⁵⁰ *Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б)* происходила в Петрограде 24—29 апреля (7—12 мая) 1917 года. Это была первая конференция партии в легальных условиях.

На конференции присутствовало 133 делегата с решающим голосом и 18 с совещательным от 78 партийных организаций. По полноте представительства, по политическим и организационным задачам конференция могла выполнить и выполнила работу партийного съезда: выработала политический курс для всей партии, создала руководящие партийные центры.

В повестке дня конференции стояли следующие вопросы: текущий момент (война и Временное правительство и пр.), мирная конференция, отношение к Советам рабочих и солдатских депутатов, пересмотр партийной программы, положение в Интернационале и задачи партии, объединение социал-демократических интернационалистских организаций, аграрный вопрос, национальный вопрос, Учредительное собрание, организационный вопрос, доклады по областям, выборы Центрального Комитета.

Ленин открыл конференцию краткой приветственной речью, вошел в состав президиума и руководил всеми работами конференции. Кроме основных докладов по текущему моменту, по вопросу о пересмотре партийной программы, по аграрному вопросу, Ленин выступал с речами о проекте созыва международной социалистической конференции, об отношении к Советам рабочих и солдатских депутатов, в защиту резолюции о войне, по национальному вопросу, по вопросу о положении в Интернационале и задачах РСДРП(б), с заключительной речью, с многочисленными репликами при обсуждении всех вопросов повестки дня и при выборах ЦК. Проекты резолюций, предложенные конференции, также были разработаны Лениным; кроме того, он участвовал в комиссионной работе над резолюциями.

Конференция разоблачила и отвергла правокапитулянтскую линию Л. Б. Каменева, выступившего с содокладом по текущему моменту. Л. Б. Каменев и А. И. Рыков пытались противопоставить ленинскому курсу на социалистическую революцию оппортунистическую оценку революции 1917 года и перспектив ее развития. Отрицая возможность и необходимость перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, Каменев предлагал ограничиться контролем над буржуазным Временным правительством со стороны меньшевистско-эсеровских Советов. Конференция приняла резолюцию В. И. Ленина о текущем моменте.

В докладе о пересмотре партийной программы В. И. Ленин определил направления, в которых программная комиссия, созданная конференцией, должна была переработать программу 1903 года.

При обсуждении национального вопроса Г. Л. Пятаков выступил против ленинского лозунга права наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. Защищая свою резолюцию по национальному вопросу, Ленин доказал, что только такое право обеспечивает полную солидарность рабочих и всех трудящихся разных наций; вопрос же о целесообразности отделения пролетарская партия «должна решать в каждом отдельном случае... с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм» (настоящий том, стр. 95).

По вопросу «Положение в Интернационале и задачи РСДРП(б)» было принято решение, в котором по предложению Зиновьева записано, что партия большевиков остается в Циммервальдском объединении, отстаивая в нем тактику Циммервальдской левой, и примет участие в третьей Циммервальдской конференции. В. И. Ленин был не согласен с этим решением, считая, что пребывание в Циммервальдском объединении тормозит и затягивает дело создания III, Коммунистического Интернационала. Он указывал, что дальнейший ход событий исправит ошибку, допущенную конференцией.

Конференция избрала ЦК партии во главе с В. И. Лениным.

Историческое значение VII (Апрельской) конференции заключалось в том, что она приняла ленинскую программу перехода ко второму этапу революции в России, наметила план борьбы за перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, выдвинула требование перехода всей власти к Советам. Под этим лозунгом большевики готовили массы к пролетарской революции. — 46.

⁵¹ «Солдатская Правда» — ежедневная большевистская газета; начала выходить в Петрограде с 15 (28) апреля 1917 года как орган Военной организации при Петербургском комитете РСДРП(б); с № 26, 19 мая (1 июня) 1917 года стала органом Военной организации при ЦК РСДРП(б). Тираж газеты составлял 50—75 тыс. экз.; половина тиража направлялась на фронт. Газета пользовалась большой популярностью среди солдат. В 1917 году в редакцию «Солдатской Правды» входили: А. Ф. Ильин-Женевский, В. И. Невский, Н. И. Подвойский и др. В газете было напечатано более 60 статей В. И. Ленина. В приложении к № 13 газеты от 3 (16) мая были опубликованы резолюции VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) с «Введением», написанным В. И. Лениным (см. настоящий том, стр. 100—102).

После июльских дней 1917 года газета была закрыта Временным правительством. С июля по октябрь 1917 года выходила под названиями «Рабочий и Солдат» и «Солдат». С 27 октября (9 ноября) 1917 года начала выходить под старым названием. В марте 1918 года издание «Солдатской Правды» было прекращено постановлением ЦК РКП(б) о замене газет

«Деревенская Беднота», «Деревенская Правда» и «Солдатская Правда» газетой «Беднота». — 46.

⁵² Созыв третьей Циммервальдской конференции (в Стокгольме) намечался Интернациональной социалистической комиссией на 31 мая 1917 года, но затем неоднократно переносился на другие сроки. В. И. Ленин считал, что большевики должны разорвать с Циммервальдским объединением, в котором центристы вполне повернули к сдаче всех позиций социал-шовинизму, и немедленно приступить к организации III Интернационала. Участие в третьей Циммервальдской конференции он допускал только с информационной целью.

Конференция состоялась 5—12 сентября (н. ст.) 1917 года. На ней были представлены левые элементы социалистических партий от разных стран. В статье «Задачи нашей партии в Интернационале», характеризуя «пестрый» состав конференции, Ленин указывал, что на ней собрались представители от партий — «...люди неминуемо расходящиеся между собой в *коренном* направлении своей политики» (Сочинения, 5 изд., том 34, стр. 271; 4 изд., том 26, стр. 191). От большевиков на конференции присутствовали В. В. Воровский (Орловский) и Н. А. Семашко (Александров). Конференция проходила в строго конспиративных условиях, сведения о ходе ее работ в прессу почти не поступали.

В порядке дня конференции стояли следующие вопросы: 1. Доклад Интернациональной социалистической комиссии, 2. Инцидент с Гриммом, 3. Отношение к Стокгольмской мирной конференции и 4. Борьба за мир и циммервальдское движение в разных странах. Конференция рассмотрела «Дело Р. Гримма», разоблаченного в России в качестве эmissара швейцарского министра Гофмана, зондировавшего почву насчет сепаратного мира в интересах германского империализма. К этому времени Гримм был отстранен от должности председателя Интернациональной социалистической комиссии, и конференция одобрила исключение его из ИСК, признав его поведение недопустимым. Ленин считал такое решение недостаточным.

С резкой обличительной речью по адресу меньшевиков и их единомышленников на конференции выступил от имени ЦК и ЗБЦК РСДРП(б) и Польской социал-демократии В. В. Воровский. Он потребовал, чтобы конференция высказала свое отношение к российским меньшевикам, которые дали своих представителей в министерство русского Кавеньяка — Керенского и несут полную ответственность за политику, проводимую буржуазным Временным правительством. Большевиков на конференции поддерживал ряд делегатов, однако центристское большинство отказалось вынести решение по этому вопросу, ссылаясь на недостаточную осведомленность в русских делах.

Выпущенный конференцией манифест призывал рабочих и работниц всех стран к всеобщей международной забастовке против войны и в защиту русской революции. В манифесте не нашли отражения лозунги революционной социал-демократии о превращении войны империалистической в войну гражданскую и о поражении «своего» правительства в каждой воюющей стране. III Циммервальдская конференция полностью подтвердила ленинский вывод об окончательном банкротстве Циммервальдского объединения, о необходимости немедленного разрыва с ним и о создании III, Коммунистического Интернационала. Третья Циммервальдская конференция была последней конференцией этого объединения. — 47.

⁵³ «Правда» — ежедневная легальная большевистская газета; первый номер газеты вышел в Петербурге 22 апреля (5 мая) 1912 года. Решение о необходимости издания массовой ежедневной рабочей газеты было при-

нято в ходе работы VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП в январе 1912 года.

Ленин осуществлял идейное руководство «Правдой», почти ежедневно писал в газету, давал указания ее редакции, добивался того, чтобы газета велась в боевом, революционном духе. В редакции «Правды» была сосредоточена значительная часть организационной работы партии. Здесь устраивались встречи с представителями местных партийных ячеек, сюда приходили сведения о партийной работе на фабриках и заводах, отсюда передавались партийные директивы Центрального и Петербургского Комитетов партии. «Правда» подвергалась постоянным полицейским преследованиям. 8 (21) июля 1914 года газета была закрыта.

Издание «Правды» возобновилось после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года. С 5 (18) марта 1917 года «Правда» стала выходить как орган Центрального и Петербургского Комитетов РСДРП. С приездом в Петроград Ленин вошел в состав редакции, и «Правда» развернула борьбу за ленинский план перехода от буржуазно-демократической революции к революции социалистической.

В июле — октябре 1917 года «Правда», преследуемая контрреволюционным Временным правительством, неоднократно меняла свое название и выходила как «Листок «Правды»», «Пролетарий», «Рабочий», «Рабочий Путь». После победы Великой Октябрьской социалистической революции, с 27 октября (9 ноября) 1917 года, газета стала выходить под своим прежним названием — «Правда».

Значение «Правды» в истории большевистской партии и революции исключительно велико. Газета являлась коллективным пропагандистом, агитатором и организатором в борьбе за претворение в жизнь политики партии, за партийность, вела решительную борьбу с меньшевиками-ликвидаторами, отзовистами, троцкистами, разоблачала их предательскую роль. «Правда» боролась против международного оппортунизма и центризма. Газета воспитывала рабочих в духе революционного марксизма, способствовала значительному росту партии, сплочению ее рядов, укреплению ее связей с массами. Воспитанное «Правдой» поколение передовых рабочих сыграло выдающуюся роль в Великой Октябрьской социалистической революции и строительстве социализма.

«Правда» занимает важнейшее место в истории большевистской печати. Она была первой легальной массовой рабочей газетой и знаменовала собой новый этап в развитии печати рабочего класса России и международного пролетариата. С 1914 года день выхода первого номера «Правды» стал днем праздника рабочей печати. — 47.

⁵⁴ Речь идет об образовании первого коалиционного Временного правительства. Оно было создано 5 (18) мая после Апрельского политического кризиса. Сообщение о его составе было опубликовано 6 (19) мая 1917 года.

Апрельский политический кризис был вызван нотой министра иностранных дел кадеты П. Н. Милюкова, разосланной Временным правительством союзным державам 18 апреля (1 мая) 1918 года. В ноте Временное правительство подтверждало, что будет соблюдать все договоры царского правительства и доведет войну до победного конца. Империалистическая политика Временного правительства вызвала возмущение широких масс трудящихся. 21 апреля (4 мая) по призыву партии большевиков рабочие Петрограда прекратили работу и вышли на демонстрацию с требованием мира. В демонстрации приняло участие свыше 100 тысяч рабочих и солдат. Демонстрации и митинги протеста проходили также в Москве, на Урале, Украине, в Кронштадте и других городах и районах страны. В адрес Петроградского Совета поступили от Советов многих городов резолюции с протестом против ноты Милюкова.

Апрельская демонстрация положила начало правительственному кризису. Под давлением масс министр П. Н. Милюков и военный министр А. И. Гучков вынуждены были уйти в отставку. 5 (18) мая было образовано первое коалиционное правительство, в состав которого вместе с 10 министрами-капиталистами вошли лидеры соглашательских партий — А. Ф. Керенский, В. М. Чернов от эсеров, И. Г. Церетели, М. И. Скобелев от меньшевиков и другие. Буржуазное Временное правительство было спасено эсерами и меньшевиками, перешедшими на сторону буржуазии. — 47.

⁵⁵ Ленин имеет в виду опубликование 11 (24) мая 1917 года военным министром А. Ф. Керенским приказа, содержащего «Декларацию прав солдата», в которой имелся пункт о применении начальником в условиях боевой обстановки военной силы к не исполняющим приказания подчиненным. Этот пункт был направлен против солдат и офицеров, отказывавшихся идти в наступление. Одновременно с опубликованием приказа А. Ф. Керенский начал расформирование полков и отдачу под суд офицеров и солдат, «подстрекавших к неповиновению» начальству. — 48.

⁵⁶ После этих слов В. И. Ленина А. С. Бубнов огласил текст резолюции Областной конференции Центрального Промышленного района (Московской). Затем Ленин приступил к продолжению доклада. — 50.

⁵⁷ *«Речь»* — ежедневная газета, центральный орган партии кадетов; выходила в Петербурге с 23 февраля (8 марта) 1906 года. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года активно поддерживала внутреннюю и внешнюю политику Временного правительства, вела погромную травлю против В. И. Ленина и партии большевиков. Газета была закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 года. Позднее (до августа 1918 года) продолжала выходить под названиями: *«Наша Речь»*, *«Свободная Речь»*, *«Век»*, *«Новая Речь»*, *«Наш Век»*. — 53.

⁵⁸ *«Дело Народа»* — ежедневная газета, орган партии эсеров; издавалась в Петрограде с марта 1917 года до июля 1918 года, неоднократно меняя названия. Газета занимала позицию оборончества и соглашательства, поддерживала буржуазное Временное правительство. Издание газеты возобновилось в октябре 1918 года в Самаре (вышло 4 номера) и в марте 1919 года в Москве (вышло 10 номеров). Газета была закрыта за контрреволюционную деятельность. — 55.

⁵⁹ См. письмо К. Маркса Л. Кугельману от 17 апреля 1871 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 33, стр. 175). — 60.

⁶⁰ *Эрфуртская программа* — программа Германской социал-демократической партии, принятая в октябре 1891 года на съезде в Эрфурте. Эрфуртская программа была шагом вперед по сравнению с Готской программой (1875); в основу программы было положено учение марксизма о неизбежности гибели капиталистического способа производства и замены его социалистическим; в ней подчеркивалась необходимость для рабочего класса вести политическую борьбу, указывалось на роль партии как руководителя этой борьбы и т. п.; но и в Эрфуртской программе содержались серьезные уступки оппортунизму. Развернутую критику проекта Эрфуртской программы дал Ф. Энгельс в работе «К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 22, стр. 227—243); это была, по существу, критика оппортунизма всего II Интернационала, для партий которого Эрфуртская программа была

своего рода образцом. Однако руководство германской социал-демократии скрыло от партийных масс критику Энгельса, а его важнейшие замечания не были учтены при выработке окончательного текста программы. В. И. Ленин (и Г. В. Плеханов до своего поворота к меньшевизму) считал, что главным недостатком, трусливой уступкой оппортунизму является умолчание Эрфуртской программы о диктатуре пролетариата. — 60.

⁶¹ См. Ф. Энгельс. «К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 22, стр. 234). — 60.

⁶² Ленин имеет в виду авантюристическую тактику небольшой группы членов Петербургского комитета партии (Багдатыев и др.), выставившей во время апрельской демонстрации 1917 года лозунг немедленного свержения Временного правительства. Центральный Комитет РСДРП(б) принял 22 апреля (5 мая) 1917 года резолюцию В. И. Ленина, в которой этот лозунг осуждался как неправильный, авантюристический, он противоречил курсу партии на мирное развитие революции в тот период (см. В. И. Ленин. Сочинения, 5 изд., том 31, стр. 319—320; 4 изд., том 24, стр. 181—182). — 64.

⁶³ «Биржевые Ведомости» — буржуазная газета; основана в 1880 году. Издавалась в Петербурге. Приспособленчество, продажность, беспринципность сделали название газеты нарицательным («биржевка»). После Февральской буржуазно-демократической революции газета вела погромную агитацию против большевистской партии и В. И. Ленина. Закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете в конце октября 1917 года. — 72.

⁶⁴ Резолюция о войне была принята на Апрельской конференции большинством голосов при 7 воздержавшихся и напечатана в «Правде» № 44 от 12 мая (29 апреля) на месте передовой статьи. — 76.

⁶⁵ Резолюция об отношении к Временному правительству была напечатана в «Правде» № 42 от 10 мая (27 апреля) 1917 года на месте передовой статьи со следующим подзаголовком: «Проект резолюции, принятой единогласно комиссией, выбранной Всероссийской конференцией». В пленарном заседании резолюция была принята большинством голосов при 8 воздержавшихся и 3 против. — 79.

⁶⁶ Резолюция о пересмотре партийной программы была принята большинством голосов при 3 воздержавшихся.

Вопрос о пересмотре партийной программы, принятой на II съезде РСДРП в 1903 году, В. И. Ленин поставил еще в «Наброске к пятому «Письму из далека», написанному в марте 1917 года. В нем он наметил конкретный план изменения программы (см. Сочинения, 5 изд., том 31, стр. 58—59). Работу над проектом новой партийной программы Ленин продолжил в Апрельских тезисах и в статье «Задачи пролетариата в нашей революции (Проект платформы пролетарской партии)» (см. настоящий том, стр. 13, 19—48). К Седьмой (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) Лениным был написан «Проект изменений теоретической, политической и некоторых других частей программы», содержащий ряд поправок к программе РСДРП 1903 года. Этот проект в гранках был роздан делегатам конференции. На конференции Ленин выступил с докладом по вопросу о пересмотре партийной программы (см. Сочинения, 5 изд., том 31, стр. 410—413; 4 изд., том 24, стр. 245—247).

и внес резолюцию. «Материалы по пересмотру партийной программы» были изданы в июне 1917 года отдельной брошюрой для ознакомления всех членов партии и обсуждения в партийных организациях (см. Сочинения, 5 изд., том 32, стр. 135—162; 4 изд., том 24, стр. 417—442). Вопрос о пересмотре партийной программы обсуждался на VI съезде РСДРП(б) (см. примечание 110, а также 267). — 81.

⁶⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест Коммунистической партии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., том 4, стр. 444). — 81.

⁶⁸ «Проект 104-х» — аграрный законопроект за подписью 104-х членов I Государственной думы, внесенный трудовиками 23 мая (5 июня) 1906 года на 13 заседании Думы. Трудовики выдвигали требование создания «общенародного земельного фонда», в который должны были войти все казенные, удельные, кабинетские, монастырские и церковные земли; в тот же фонд должны были принудительно отчуждаться помещичьи и прочие частновладельческие земли, поскольку размеры отдельных владений превышали установленную для данной местности трудовую норму. За отчуждаемые частновладельческие земли предусматривалось некоторое вознаграждение. Надельные и мелкие частновладельческие земли должны были на время сохраняться за их владельцами; законопроект предусматривал в дальнейшем постепенный переход и этих земель в общенародную собственность. Аграрную реформу должны были проводить местные комитеты, избранные путем всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. — 83.

⁶⁹ Книга, которую сожгла царская цензура, — работа Ленина «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов», написанная им в конце 1907 года (см. Сочинения, 5 изд., том 16, стр. 193—413; 4 изд., том 13, стр. 195—396). В 1908 году книга была напечатана в Петербурге, но еще в типографии конфискована полицией и уничтожена. К 1917 году сохранился всего один экземпляр. Впервые книга вышла в свет в 1917 году. — 83.

⁷⁰ Речь идет о столыпинской земельной реформе, направленной на создание прочной опоры в деревне в лице кулачества. Царское правительство 9 (22) ноября 1906 г. издало указ о порядке выхода крестьян из общины и закрепления в личную собственность наделной земли. Этот указ с некоторыми изменениями был утвержден 14 июня 1910 года Государственной думой и Государственным Советом в качестве закона. По этому столыпинскому закону (получившему название по имени председателя Совета министров П. А. Столыпина) крестьянин мог выделиться из общины, взять свой земельный надел в личное владение, мог продать свой надел. Сельское общество обязано было выделить землю выходящим из общины крестьянам в одном месте (хутор, отруб). Столыпинская реформа усилила процесс развития капитализма в сельском хозяйстве, расслоения крестьянства и обострила классовую борьбу в деревне.

Характеристика и оценка столыпинщины даны в ряде работ В. И. Ленина, в частности в «Аграрной программе социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» (Сочинения, 5 изд., том 16, стр. 193—413; 4 изд., том 13, стр. 195—396). — 84.

⁷¹ Резолюция по аграрному вопросу была принята большинством голосов при 11 воздержавшихся и напечатана в «Правде» № 45 от 13 мая (30 апреля) 1917 года на месте передовой статьи. — 86.

⁷² См. Ф. Энгельс. «Эмигрантская литература. I. Польская прокламация» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 18, стр. 509). — 94.

⁷³ Речь идет о резолюции VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) «По поводу предложения Боргбьерга» (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 342—344).

Ф. Боргбьерг, датский социал-демократ, связанный с социал-шовинистами Германии, приехал во второй половине апреля 1917 года в Петроград и от имени Объединенного комитета рабочих партий Дании, Норвегии и Швеции пригласил социалистические партии России принять участие в так называемой «мирной конференции социалистов в Стокгольме». Конференция должна была состояться в мае 1917 года. Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция большевиков по предложению В. И. Ленина решительно высказалась против участия в Стокгольмской конференции, созываемой социал-шовинистами, разоблачила ее империалистический характер, а Боргбьерга — как агента германского империализма.

На заседании Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, где обсуждался этот вопрос, меньшевики и эсеры приняли предложение Боргбьерга и решили взять на себя инициативу созыва конференции и создать для этого специальную комиссию. Пленум Совета подтвердил это решение. Конференция в Стокгольме не состоялась. — 94.

⁷⁴ I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов происходил 3—24 июня (16 июня — 7 июля) 1917 года в Петрограде. На съезде присутствовало 1090 делегатов. Большевики, составлявшие в то время меньшинство в Советах, имели 105 делегатов. Подавляющее большинство делегатов принадлежало к меньшевистско-эсеровскому блоку и поддерживавшим его мелким группам. В повестке дня съезда стояло 12 вопросов: революционная демократия и правительственная власть, отношение к войне, подготовка к Учредительному собранию, национальный вопрос, земельный вопрос и др.

В. И. Ленин выступил на съезде 4 (17) июня с речью об отношении к Временному правительству и 9 (22) июня с речью о войне (см. Сочинения, 5 изд., том 32, стр. 277—291; 4 изд., том 25, стр. 15—28). Большевики широко использовали трибуну съезда для разоблачения империалистической политики Временного правительства и соглашательской тактики меньшевиков и эсеров, требуя перехода всей власти в руки Советов. По всем основным вопросам они вносили и отстаивали свои резолюции. Выступления большевиков были обращены не только к делегатам съезда, но и к широким массам народа — к рабочим, крестьянам, солдатам.

В принятых резолюциях эсерово-меньшевистское большинство съезда встало на позицию поддержки Временного правительства, одобрило подготовлявшееся им наступление на фронте и высказалось против перехода власти к Советам. Съезд избрал Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК), просуществовавший до II съезда Советов, в состав которого в преобладающем большинстве вошли эсеры и меньшевики. — 103.

⁷⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 36, стр. 488. — 105.

⁷⁶ В. И. Ленин имеет в виду решения Седьмой (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 332—353). — 106.

⁷⁷ Говоря о ляховской политике, В. И. Ленин имеет в виду подавление царским правительством революционного и национально-освободительного

движения. Полковник царской армии В. П. Ляхов командовал русскими войсками, подавлявшими буржуазную революцию в Персии в 1908 году.—107.

⁷⁸ «Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» — ежедневная газета; начала выходить с 28 февраля (13 марта) 1917 года. После образования на I Всероссийском съезде Советов Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов газета стала органом ЦИК и с 1 (14) августа (с № 132) выходила под названием «Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов», а с 29 сентября (12 октября) (с № 184) под названием «Известия Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих и Солдатских Депутатов». Все это время газета находилась в руках меньшевиков и эсеров и вела ожесточенную борьбу против большевистской партии.

После II Всероссийского съезда Советов состав редакции «Известий» был смнен, газета стала официальным органом Советской власти; в ней были опубликованы первые важнейшие документы Советского правительства, статьи и речи В. И. Ленина. В марте 1918 года издание «Известий» было перенесено в Москву. В декабре 1922 года в связи с образованием СССР газета стала органом ЦИК СССР и ВЦИК. По решению Президиума Верховного Совета СССР от 24 января 1938 года «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» были реорганизованы и с 26 января 1938 года до настоящего времени издаются под названием «Известия Советов Депутатов Трудящихся СССР». — 108.

⁷⁹ Имеется в виду I Всероссийский съезд крестьянских депутатов, происходивший 4—28 мая (17 мая — 10 июня) 1917 года в Петрограде. Главными организаторами съезда выступали эсеры, оказавшие большое влияние на выборы делегатов на местах. На съезде присутствовало 1115 делегатов от губернских крестьянских съездов и армейских крестьянских организаций. Значительное большинство на съезде составляли эсеры. По своему социальному составу большинство делегатов съезда принадлежало к состоятельному крестьянству, деревенская беднота была представлена военными делегатами.

На повестке дня съезда стояли вопросы: о коалиционном Временном правительстве, продовольственный, о войне и мире, аграрный и др. Съезд стал ареной борьбы большевиков против эсеров за крестьянские массы. Работа большевистской фракции проходила под непосредственным руководством В. И. Ленина, уделявшего большое внимание крестьянскому съезду. Большевиков поддерживала так называемая группа «14 беспартийных», организованная М. В. Фрунзе (Михайловым).

В. И. Ленин 7 (20) мая обратился с открытым письмом к делегатам съезда; 22 мая (4 июня) он выступил на съезде с речью по аграрному вопросу и внес от имени большевистской фракции написанный им проект резолюции (см. Сочинения, 5 изд., том 32, стр. 43—47, 168—189, 165—167; 4 изд., том 24, стр. 335—339, 448—467, 445—447). В письме к делегатам съезда, в своей речи на съезде и в проекте резолюции В. И. Ленин предлагал объявить землю всенародной собственностью и немедленно приступить к бесплатной передаче помещичьих земель крестьянам, не дожидаясь созыва Учредительного собрания. Выступление В. И. Ленина произвело огромное впечатление на крестьянских делегатов съезда.

Однако лидерам эсеров все же удалось провести на съезде свои резолюции. Съезд одобрил политику буржуазного Временного правительства и вхождение в него «социалистов», высказался за продолжение войны «до победного конца» и за наступление на фронте. Решение земельного вопроса съезд отложил до Учредительного собрания. На съезде был избран эсеров-

ский Исполнительный комитет Совета крестьянских депутатов, проводивший соглашательскую политику. Принятые съездом решения выражали интересы сельской буржуазии — кулаков.

Выступления В. И. Ленина, большевиков на съезде имели огромное значение в деле политического воспитания крестьянства. Речь Ленина по аграрному вопросу, изданная отдельной брошюрой массовым тиражом, получила широкое распространение в деревне и в армии, сыграв большую роль в завоевании трудящихся крестьян на сторону большевиков. — 108.

⁸⁰ В. И. Ленин имеет в виду статью В. Базарова «Что же дальше?», напечатанную в № 40 газеты «Новая Жизнь» 4 (17) июня 1917 года и посвященную вопросу, как кончить войну. Базаров ратовал за продолжение сепаратной войны якобы в целях спасения революции.

«Новая Жизнь» — ежедневная газета; издавалась в Петрограде с 18 апреля (1 мая) 1917 по июль 1918 года. Инициатором создания газеты была группа меньшевиков-интернационалистов и писателей, группировавшихся вокруг журнала «Летопись». Характеризуя новожизенцев, Ленин отмечал, что их «преобладающее настроение есть интеллигентский скептицизм, прикрывающий и выражающий беспринципность» (Сочинения, 5 изд., том 34, стр. 104; 4 изд., том 25, стр. 250), и иронически называл их «якобы-интернационалистами» и «тоже-марксистами». 2 (15) июля правительство Керенского закрыло «Новую Жизнь», и по 8 (21) сентября 1917 года она выходила под названием «Свободная Жизнь».

Октябрьскую социалистическую революцию и установление Советской власти газета встретила враждебно. С 1 июня 1918 года выходила в двух изданиях: петроградском и московском. Оба издания были закрыты в июле 1918 года. — 109.

⁸¹ В. И. Ленин имеет в виду выдачу английским правительством паспорта лидеру Независимой рабочей партии Англии Рамсею Макдональду на проезд в Россию, куда он должен был приехать по приглашению Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Поездке Макдональда воспрепятствовал английский союз моряков, отказавшийся вести пароход, на котором должен был ехать Макдональд. — 110.

⁸² *Воззвание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов «К народам всего мира»* было принято эсеро-меньшевистским большинством Совета под давлением широкого движения трудящихся, боровшихся за прекращение войны, на заседании Совета 14 (27) марта 1917 года и на следующий день опубликовано в газетах «Правда» и «Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов».

Воззвание призывало народы воюющих стран «к совместным решительным выступлениям в пользу мира», однако оно не разоблачало захватнического характера войны, не выдвигало никаких практических мер борьбы за мир и по существу оправдывало продолжение империалистической войны буржуазным Временным правительством. — 110.

⁸³ В июне 1917 года Италия оккупировала Албанию, провозгласив ее независимость под своим фактическим протекторатом.

Под давлением Англии и Франции был совершен государственный переворот в Греции. Путем экономической блокады, вызвавшей в Греции страшный голод, а также оккупации англо-французскими войсками ряда греческих областей союзники принудили короля Константина отречься от престола, поставив у власти своего сторонника Венизелоса, Греция была

втянута в войну на стороне Антанты, вопреки воле огромного большинства населения.

Персия (Иран) во время войны подвергалась оккупации английскими и русскими войсками. Потерявшая всякую самостоятельность Персия к началу 1917 года была занята на севере русскими, на юге английскими войсками.

Все эти акты грубого империалистического насилия поддерживались дипломатами Временного правительства. — *III*.

⁸⁴ Имеется в виду заявление бюро фракции большевиков и бюро объединенных социал-демократов интернационалистов на I Всероссийском съезде Советов с требованием постановки на съезде в первую очередь вопроса о подготовлявшемся Временным правительством наступлении на фронте. В заявлении указывалось, что это наступление продиктовано магнатами союзного империализма, что контрреволюционные круги России рассчитывают таким путем сосредоточить власть в руках военно-дипломатических и капиталистических групп и нанести удар революционной борьбе за мир и завоеванным позициям русской демократии. Заявление предостерегало рабочий класс, армию и крестьянство от нависшей над страной угрозы и призывало съезд дать немедленный отпор контрреволюционному натиску. Предложение бюро фракции РСДРП(б) было отвергнуто съездом. — *III*.

⁸⁵ Речь идет о демонстрации, организованной большевистской партией и состоявшейся 18 июня (1 июля) 1917 года.

В начале июня обстановка в Петрограде все более накалялась. Затягивание войны Временным правительством, подготовка наступления на фронте, продовольственные затруднения — все это вызывало недовольство и возмущение рабочих и солдат. Массы стихийно рвались на улицу. Чтобы предотвратить возможность провокаций и ненужных жертв, 8 (21) июня на совещании членов ЦК, ПК, Военной организации с представителями рабочих от районов и воинских частей по предложению В. И. Ленина было решено провести мирную организованную демонстрацию. Демонстрация была назначена на 10 (23) июня.

Решение ЦК большевистской партии о проведении демонстрации нашло живейший отклик в массах и вызвало сильную тревогу как в правительственных кругах, так и среди меньшевиков и эсеров, решивших сорвать ее. 9 (22) июня вечером руководимый ими съезд Советов вынес решение о запрещении на 3 дня всяких уличных демонстраций.

ЦК партии большевиков, не желая противопоставлять себя решению съезда Советов, по предложению В. И. Ленина поздно ночью с 9 на 10 июня постановил отменить демонстрацию. На фабрики, заводы, в казармы были посланы члены ЦК, ПК, активные работники партии, чтобы убедить рабочих и солдат не выступать. Разъяснительная работа большевиков дала желаемые результаты: рабочие и солдаты согласились, что выступать в данный момент нецелесообразно. Это свидетельствовало о росте влияния партии на массы, о ее умении поддерживать связи с ними, о гибкости руководства большевиков. Через два дня эсеро-меньшевистское руководство I Всероссийского съезда Советов провело решение о проведении демонстрации 18 июня (1 июля). На этот день было назначено начало наступления русских войск на фронте, и руководители соглашательских партий хотели продемонстрировать доверие масс Временному правительству.

Под непосредственным руководством В. И. Ленина ЦК и ПК развернули огромную работу, чтобы демонстрация отразила подлинные настроения масс. Накануне демонстрации, 17 (30) июня, в газете «Правда» было

опубликовано воззвание Центрального Комитета, Петербургского комитета, Военной организации при ЦК РСДРП(б), Центрального Совета фабрично-заводских комитетов с призывом продемонстрировать силы революции.

18 июня (1 июля) на демонстрацию вышло около 500 тысяч рабочих и солдат Петрограда. Подавляющее большинство демонстрантов шло под революционными лозунгами большевистской партии. Лишь небольшие группы несли лозунги соглашательских партий о доверии Временному правительству. Демонстрация показала возросшую революционность масс и огромный рост влияния и авторитета большевистской партии. Вместе с тем она показала полный провал мелкобуржуазных соглашательских партий, поддерживавших Временное правительство. — 114.

⁸⁶ Кадеты — министры Шингарев, Мануилов, Шаховской вышли из состава Временного правительства 2 (15) июля 1917 года. Свой уход из правительства они объяснили несогласием с позицией правительства по украинскому вопросу: в декларации к украинской Центральной раде Временное правительство обещало назначить по взаимному согласию орган управления Украины — Генеральный секретариат, а кадеты стояли за разрешение украинского вопроса только Учредительным собранием.

Настоящей же причиной ухода кадетов из правительства было создание правительственного кризиса с целью оказать давление на «социалистических» министров и добиться от них согласия на проведение кадетской контрреволюционной программы — разоружение Красной гвардии, вывод революционных войск из Петрограда, запрещение партии большевиков. — 117.

⁸⁷ Статья В. И. Ленина *«Где власть и где контрреволюция»* была опубликована в газете «Листок «Правды»».

«Листок «Правды»» — одно из названий ежедневной легальной большевистской газеты «Правда». Вышел один номер 6 (19) июля 1917 года (вместо очередного номера «Правды») в связи с разгромом помещения редакции газеты юнкерами и казаками в ночь с 4 на 5 (с 17 на 18) июля. В «Листке «Правды»» было напечатано воззвание Центрального и Петербургского комитетов РСДРП(б) и Военной организации при ЦК РСДРП(б) под заглавием «Спокойствие и выдержка», а также статьи В. И. Ленина «Гнусные клеветы черносотенных газет и Алексинского», «Злословие и факты», «Близко к сути», «Новое дело Дрейфуса?» (см. Сочинения, 5 изд., том 32, стр. 418, 419—420, 421, 422; 4 изд., том 25, стр. 141, 142—143, 144, 145). — 119.

⁸⁸ Ленин имеет в виду массовые демонстрации в Петрограде 3—4 (16—17) июля 1917 года. Эти события явились выражением глубочайшего политического кризиса в стране. Провал наступления русских войск на фронте, начатого Керенским 18 (31) июня, новые жертвы, принесенные в угоду империалистам, рост безработицы в связи с закрытием капиталистами предприятий, растущая дороговизна и острый недостаток продовольствия — все это вызвало взрыв возмущения среди широких масс рабочих и солдат контрреволюционной политикой Временного правительства. Движение началось 3 (16) июля в Выборгском районе выступлением 1-го пулеметного полка. Демонстрация грозила перерасти в вооруженное выступление против Временного правительства.

Партия большевиков в тот момент была против вооруженного выступления, так как считала, что революционный кризис в стране еще не назрел, что армия и провинция не были готовы поддержать восстание в столице. На заседании ЦК, созванном 3 (16) июля совместно с Петербургским

комитетом и Военной организацией при ЦК РСДРП(б) было решено воздержаться от выступления. Такое же решение приняла и происходившая в это время вторая Петроградская общегородская конференция большевиков. Делегаты конференции направились в районы, чтобы удержать массы от выступления. Но выступление все же началось, и остановить его оказалось уже невозможным.

Учитывая настроение масс, Центральный Комитет совместно с Петербургским комитетом и Военной организацией поздно вечером 3 (16) июля принял решение об участии в демонстрации 4 (17) июля, с тем чтобы придать ей мирный и организованный характер. Ленина в это время в Петрограде не было: будучи больным вследствие сильного переутомления, он поехал на несколько дней отдохнуть. Извещенный о событиях Ленин приехал в Петроград утром 4 (17) июля и взял на себя руководство развернувшимися событиями. Днем 4 (17) июля он выступил с речью перед демонстрантами с балкона дома Кшесинской (см. Сочинения, 5 изд., том 34, стр. 23—24; 4 изд., том 25, стр. 190).

В демонстрации 4 (17) июля приняло участие более 500 тысяч человек. Она проходила под лозунгами большевиков «Вся власть Советам!» и др. Демонстранты выделили 90 представителей, которые передали ЦИК Советов требование о переходе всей власти в руки Советов. Однако эсеро-меньшевистские лидеры отказались взять власть.

Временное правительство с ведома и согласия меньшевистско-эсеровского ЦИК бросило против мирной демонстрации юнкерские и контрреволюционные казачьи отряды. Они открыли стрельбу по демонстрантам. С фронта были вызваны реакционно настроенные воинские части.

На совещании членов ЦК и ПК, проходившем под руководством В. И. Ленина в ночь с 4 на 5 (с 17 на 18) июля, было принято решение об организованном прекращении демонстрации. Это был правильный шаг партии, которая сумела вовремя отступить и уберечь основные силы революции от разгрома.

Буржуазное Временное правительство после разгрома демонстрации продолжало репрессии. С особой ненавистью оно обрушилось на большевистскую партию. Большевистские газеты «Правда», «Солдатская Правда» и другие были закрыты Временным правительством, была разгромлена типография «Труд», приобретенная на средства рабочих. Началось разоружение рабочих, аресты, обыски, погромы. Революционные части петроградского гарнизона расформировывались и направлялись на фронт. Большевики и эсеры фактически оказались участниками и пособниками контрреволюционного палачества. — 119.

⁸⁹ «Живое Слово» — ежедневная газета бульварно-черносотенного типа; издавалась в Петрограде с 1916 года. Вела яростную клеветническую кампанию против большевиков. Была закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете в октябре 1917 года. — 120.

⁹⁰ «Союз освобождения Украины» («Спілка визволення України») — буржуазно-националистическая организация, созданная группой украинских буржуазных националистов в 1914 году, в начале первой мировой войны. Рассчитывая на разгром царской России в войне, «Спилка» ставила задачей добиваться отделения Украины от России и создания буржуазно-помещичьей украинской монархии под немецким протекторатом. — 120.

⁹¹ Лондонский съезд — II съезд РСДРП — состоялся 17 (30) июля — 10 (23) августа 1903 года. Первые 13 заседаний съезда происходили в

Брюсселе. Затем из-за преследований полиции заседания съезда были перенесены в Лондон.

Уход польских социал-демократов, имевших совещательный голос, со II съезда РСДРП связан с их несогласием с пунктом программы РСДРП о праве наций на самоопределение. На заседании программной комиссии польские социал-демократы, ошибочно считая, что этот пункт сыграет на руку польским националистам, предлагали его снять. На заседании съезда они не выступили открыто с защитой своих предложений, но, не согласившись с его решением, покинули съезд. — 121.

⁹² Ввиду того что газета «Правда» была разгромлена 5 (18) июля 1917 года Временным правительством, статья «Три кризиса» была напечатана в № 7 журнала «Работница» 19 июля (1 августа).

«Работница» — легальный женский журнал, орган ЦК РСДРП(б); создан по инициативе В. И. Ленина; издавался в Петербурге на денежные сборы женщин-работниц. Выходил с 23 февраля (8 марта) по июнь 1914 года. Вышло 7 номеров, из которых 3 было конфисковано полицией. В работе редакции журнала принимали активное участие И. Ф. Арманд, А. И. Елизарова, Н. К. Крупская, П. Ф. Куделли, Л. Р. Менжинская, Е. Ф. Розмирович, К. Н. Самойлова, Л. Н. Сталь. Издание журнала возобновилось 10 (23) мая 1917 года и продолжалось по январь 1918 года.

Журнал «Работница» сыграл большую роль в политическом просвещении женщин-работниц в период подготовки большевистской партией социалистической революции в России. — 124.

⁹³ Статья была написана в связи с тем, что буржуазное Временное правительство после разгрома июльской демонстрации 7 (20) июля 1917 года издало постановление об аресте В. И. Ленина и других деятелей большевистской партии. При этом Временное правительство не имело в виду довести дело до суда; как выяснилось позднее, юнкера, которым было поручено арестовать Ленина, получили от властей задание по дороге убить его.

В. И. Ленин, глубоко возмущенный возводимыми на него клеветническими обвинениями (см. настоящий том, стр. 119—123), вначале склонялся к тому, чтобы явиться на суд Временного правительства. В письме, адресованном в Бюро Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов, Ленин, протестуя против обыска, произведенного у него на квартире (Широкая ул., д. 48/9, кв. 24) в ночь на 7 (20) июля, писал по поводу своего ареста, что, если Центральный Исполнительный Комитет подтвердит постановление Временного правительства об его аресте, он подчинится ему. Меншевистско-эсеровские вожди подтвердили постановление Временного правительства.

Вопрос о явке В. И. Ленина на суд имел общепартийное значение. Он обсуждался 7 (20) июля совещанием членов ЦК и ряда партийных работников на квартире старого большевика, рабочего С. Я. Аллилуева, где в это время скрывался Ленин. На нем присутствовали В. И. Ленин, В. П. Ногин, Г. К. Орджоникидзе, И. В. Сталин, Е. Д. Стасова и другие. Было принято решение, что Ленин не должен являться на суд контрреволюционного Временного правительства. Такое же решение было принято расширенным совещанием ЦК РСДРП(б) совместно с представителями петроградской и московской большевистских организаций, состоявшимся 13—14 (26—27) июля 1917 года.

В июле 1917 года проходили партийные конференции РСДРП (большевиков) — Петроградская, Московская окружная, Бакинская общегород-

ская, Средне-Сибирская областная, на них принимались резолюции с гневными протестами против клеветы на В. И. Ленина.

На VI съезде РСДРП(б) одним из первых обсуждался вопрос о явке В. И. Ленина на суд. Съезд единогласно принял резолюцию против явки В. И. Ленина на суд (см. примечание 110). — 128.

⁹⁴ Тезисы «*Политическое положение*», написанные В. И. Лениным 10 (23) июля 1917 года, определяли новую тактическую линию большевистской партии в связи с изменившейся политической обстановкой после расстрела демонстрации рабочих и солдат 4 (17) июля и перехода всей власти в руки контрреволюционного Временного правительства. Тезисы обсуждались на расширенном совещании Центрального Комитета РСДРП(б) с представителями Петербургского комитета, Военной организации при ЦК РСДРП(б), Московского областного бюро, Московского комитета и Московского окружного комитета, состоявшемся 13—14 (26—27) июля 1917 года.

Ленинские тезисы «*Политическое положение*» были опубликованы в виде статьи под названием «*Политическое настроение*» 2 августа (20 июля) 1917 года в газете «*Пролетарское Дело*», органе фракции большевиков Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов, которая выходила вместо закрытой в июльские дни Временным правительством кронштадтской большевистской газеты «*Голос Правды*». Очевидно, в связи с подготовкой рукописи к печати в ней были зачеркнуты подзаголовки «*Четыре тезиса*», обозначения пунктов: 1, 2, 3, 4, слова: «*тезиса*», «*ни на йоту*», а также конец статьи (начиная от слов «*Тотчас всюду...*»); слова «*вооруженное восстание*» были заменены словами «*решительная борьба*».

В рукописи в названии перед словами «*Политическое положение*» стояло слово «*Новейшее*», которое также зачеркнуто. Но это слово в 34 томе пятого издания Сочинений В. И. Ленина не восстановлено, так как нельзя сказать с уверенностью, что оно зачеркнуто в связи с публикацией ленинского документа в легальной печати. В. И. Ленин позднее в «*Заметках для памяти*» (см. Сочинения, 5 изд., том 34, стр. 443—444) писал: «*мои тезисы о политическом положении...*» (а не о «*новейшем политическом положении*»). Кроме того, этот документ со времени первой его публикации, как ленинского, в 1925 году вошел в историю партии и всем известен именно как «*Политическое положение*». — 130.

⁹⁵ Письмо в редакцию «*Пролетарского Дела*», опубликованное в газете, было подписано также Г. Зиновьевым. — 133.

⁹⁶ «*Новое Время*» — ежедневная газета; выходила в Петербурге с 1868 по 1917 год; принадлежала разным издателям и неоднократно меняла свое политическое направление. С 1905 года — орган черносотенцев. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года, занимая контрреволюционную позицию, вела бешеную травлю против большевиков. Закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 года. В. И. Ленин называл «*Новое Время*» образцом продажных газет. — 133.

⁹⁷ В. И. Ленин имеет в виду так называемое «*Дело Дрейфуса*» — провокационный процесс, организованный в 1894 году реакционно-монархическими кругами французской военщины против офицера французского генерального штаба, еврея Дрейфуса, ложно обвинявшегося в шпионаже и государственной измене. Инспирированное реакционной военщиной осужде-

ние Дрейфуса, приговоренного к пожизненному заключению, было использовано реакционными кругами Франции для разжигания антисемитизма и наступления против республиканского режима и демократических свобод. В 1898 году, когда социалисты и передовые представители буржуазной демократии (среди них — Э. Золя, Ж. Жорес, А. Франс и др.) подняли кампанию за пересмотр дела Дрейфуса, оно приобрело ярко политический характер и раскололо страну на два лагеря: республиканцев и демократов, с одной стороны, и блок монархистов, клерикалов, антисемитов и националистов — с другой. В 1899 году под давлением общественного мнения Дрейфус был помилован и освобожден; в 1906 году решением кассационного суда он был признан невиновным и восстановлен в армии. — 133.

⁹⁸ *Дело Бейлиса* — провокационный судебный процесс, организованный в 1913 году в Киеве царским правительством против еврея Бейлиса, ложно обвиненного в убийстве христианского мальчика Ющинского с ритуальной целью (в действительности убийство было организовано черносотенцами). Инсценировкой этого процесса царское правительство стремилось разжечь антисемитизм и вызвать еврейские погромы с целью отвлечения масс от революционного движения, нараставшего в стране. Процесс вызвал сильное общественное возбуждение; в ряде городов состоялись рабочие демонстрации протеста. Бейлис был по суду оправдан. — 133.

⁹⁹ См. Ф. Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 21, стр. 170—171). — 138.

¹⁰⁰ Временное правительство 12 (25) июля ввело смертную казнь на фронте. При дивизиях были учреждены «военно-революционные суды», приговоры которых вступали в силу немедленно после опубликования и должны были безотлагательно приводиться в исполнение. — 142.

¹⁰¹ *Контактная комиссия* была образована по решению соглашательского Исполкома Петроградского Совета от 8 (21) марта для «воздействия» и «контроля» за деятельностью Временного правительства. В нее вошли М. И. Скобелев, Ю. М. Стеклов, Н. Н. Суханов, В. Н. Филипповский, Н. С. Чхеидзе (позднее также — В. М. Чернов и И. Г. Церетели). Контактная комиссия помогала Временному правительству использовать авторитет Петроградского Совета в целях маскировки своей контрреволюционной политики. С ее помощью меньшевики и эсеры рассчитывали удержать массы от активной революционной борьбы за переход власти к Советам. Контактная комиссия была упразднена в середине апреля 1917 года в связи с передачей ее функций Бюро Исполкома. — 147.

¹⁰² *Восстание Корнилова* — контрреволюционный мятеж буржуазии и помещиков в августе 1917 года. Во главе мятежа встал верховный главнокомандующий армии, царский генерал Корнилов. Заговорщики ставили своей целью овладеть Петроградом, разгромить большевистскую партию, разогнать Советы, установить военную диктатуру в стране и подготовить восстановление монархии. В заговоре принимал участие глава Временного правительства А. Ф. Керенский, но, когда начался мятеж, он, опасаясь, что и сам будет сметен вместе с Корниловым, отмежевался от последнего и объявил его мятежником против Временного правительства.

Мятеж начался 25 августа (7 сентября). Корнилов двинул на Петроград 3-й конный корпус. В самом Петрограде готовились к выступлению корниловские контрреволюционные организации.

Партия большевиков возглавила борьбу масс против Корнилова, не прекращая в то же время, как требовал того Ленин, разоблачать Временное правительство и его эсеро-меньшевистских приспешников. По призыву ЦК большевистской партии рабочие Петрограда, революционные солдаты и матросы поднялись на борьбу против мятежников. Из рабочих столицы стали быстро формироваться отряды Красной гвардии. В ряде мест были образованы революционные комитеты. Движение корниловских войск было остановлено. Под влиянием большевистской агитации среди них началось разложение.

Выступление Корнилова было подавлено рабочими и крестьянами, которыми руководила партия большевиков. Под давлением масс Временное правительство вынуждено было отдать распоряжение об аресте Корнилова и его сообщников и предании суду за мятеж. — 154.

¹⁰³ *Левые эсеры* — партия левых социалистов-революционеров (интернационалистов); организационно оформилась на своем I Всероссийском съезде, состоявшемся 19—28 ноября (2—11 декабря) 1917 года. До этого левые эсеры существовали как левое крыло партии эсеров, которое начало складываться в годы мировой империалистической войны. Во главе его стояли М. А. Спиридонова, Б. Д. Камков и М. А. Натансон (Бобров). Левое крыло партии эсеров стало быстро расти после июльских дней 1917 года. Этот процесс отражал рост левых настроений крестьянства.

На II Всероссийском съезде Советов левые эсеры составляли большинство фракции эсеров, которая раскололась по вопросу об участии в съезде; правые эсеры, выполняя указание ЦК партии эсеров, покинули съезд, а левые эсеры остались на съезде и по важнейшим вопросам повестки дня голосовали вместе с большевиками. Большевики, считая необходимым заключить блок с партией левых эсеров, которая имела в этот период значительное количество сторонников среди крестьян, предложили левым эсерам войти в состав Советского правительства. Однако на предложение большевиков левые эсеры ответили отказом. В результате переговоров, происходивших в ноябре — начале декабря 1917 года, между большевиками и левыми эсерами было достигнуто соглашение об участии последних в правительстве. Левые эсеры обязались проводить в своей деятельности общую политику СНК и были введены в ряд коллегий народных комиссариатов.

Став на путь сотрудничества с большевиками, левые эсеры расходились с ними по коренным вопросам строительства социализма, выступали против диктатуры пролетариата. В январе — феврале 1918 года ЦК партии левых эсеров начал борьбу против заключения Брестского мирного договора, а после его подписания и ратификации IV съездом Советов в марте левые эсеры вышли из Совнаркома, продолжая, однако, участвовать в коллегиях народных комиссариатов и в местных органах власти. С развертыванием летом 1918 года социалистической революции в деревне и организацией комбедов среди левых эсеров начали усиливаться антисоветские настроения. В июле ЦК левых эсеров организовал в Москве убийство германского посла Мирбаха и вооруженный мятеж против Советской власти, рассчитывая таким путем сорвать Брестский мир и спровоцировать войну Советской России с Германией. В связи с этим V Всероссийский съезд Советов после подавления июльского мятежа принял решение исключить из состава Советов левых эсеров, разделявших взгляды своей руководящей верхушки. Потеряв всякую опору в массах, партия левых эсеров встала на путь вооруженной борьбы против Советской власти. Часть левых эсеров, стоявших на позиции сотрудничества с большевиками, образовала партии «народников-коммунистов» и «революционных коммунистов». Зна-

чительная часть членов этих партий впоследствии была принята в Коммунистическую партию. — 156.

¹⁰⁴ «Рабочий» — Центральный Орган большевистской партии, ежедневная газета, выходившая с 25 августа (7 сентября) по 2 (15) сентября 1917 года вместо закрытой Временным правительством газеты «Правда». Вышло 12 номеров (включая экстренные выпуски). — 157.

¹⁰⁵ В письме «Ко всем товарищам!», опубликованном в газете «Рабочий» № 2 от 8 сентября (26 августа) 1917 года, В. Володарский выступил с опровержением сообщения, напечатанного в ряде газет, в том числе и в «Новой Жизни», относительно его выступления 24 августа (6 сентября) на заседании ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов по вопросу о положении на фронте. Газеты опубликовали его письмо в искаженном виде, приписав ему слова, что «дело обороны самое важное в настоящий момент дело». Опровергая это сообщение, Володарский писал, что в своей речи он излагал положения декларации большевистской фракции по вопросу о прорыве немецких войск на Рижском фронте, резко осуждавшей империалистическую политику Временного правительства и призывавшей к революционному выходу из империалистической войны. — 157.

¹⁰⁶ См. Ф. Энгельс. «Эмигрантская литература. II. Программа бланкистских эмигрантов Коммуны» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 18, стр. 510—517). — 158.

¹⁰⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 473. — 158.

¹⁰⁸ После подавления корниловского мятежа встал вопрос об образовании нового состава Временного правительства, в которое, как предполагалось, наряду с меньшевиками и эсерами должны были войти кадеты. Меньшевики и эсеры, боясь окончательно потерять доверие масс, заявили об отказе войти в правительство с участием в нем кадетов. 1 (14) сентября 1917 года Временное правительство приняло решение о создании директории в составе пяти человек — А. Ф. Керенского, А. И. Верховского, Д. Н. Вердеревского, А. М. Никитина и М. И. Терещенко. В этот состав правительства официально кадеты не входили, но оно было создано в результате закулисных соглашений с ними. На состоявшемся 2 (15) сентября объединенном пленуме Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов меньшевики и эсеры вынесли резолюцию о поддержке нового состава правительства. Таким образом, заявляя на словах о разрыве с кадетами, меньшевики и эсеры и на этот раз помогли помещикам и капиталистам сохранить в своих руках власть. — 163.

¹⁰⁹ «Проект резолюции о современном политическом моменте» был подготовлен Лениным в связи с намечавшимся на 3 (16) сентября пленумом Центрального Комитета партии. Однако 3 (16) сентября состоялся не пленум, а очередное заседание ЦК, на котором вопрос о современном политическом положении не обсуждался. В сохранившихся протоколах ЦК РСДРП(б) за 1917 год нет указаний на обсуждение данного проекта резолюции в Центральном Комитете. — 164.

¹¹⁰ Резолюцию «О политическом положении», принятую VI съездом РСДРП(б), см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 374—376.

VI съезд РСДРП(б) происходил в Петрограде 26 июля — 3 августа (8—16 августа) 1917 года. Съезд работал полулегально. На нем присутствовало 157 делегатов с решающим и 110 с совещательным голосом, представлявших 240 тысяч членов партии. В. И. Ленин руководил работой съезда из подполья, поддерживая связь с Петроградом через товарищей, выделенных для этой цели Центральным Комитетом, которые приезжали к нему в Разлив. Тезисы Ленина «Политическое положение», статья «К лозунгам» и другие легли в основу решений съезда. Ленин, находясь в Разливе, участвовал в разработке и написании важнейших проектов резолюций съезда. Съезд единодушно избрал В. И. Ленина своим почетным председателем.

На повестке дня съезда стояли следующие вопросы: 1. доклад Организационного бюро; 2. доклад ЦК РСДРП; 3. отчеты с мест; 4. текущий момент: а) война и международное положение, б) политическое и экономическое положение; 5. пересмотр программы; 6. организационный вопрос; 7. выборы в Учредительное собрание; 8. Интернационал; 9. объединение партии; 10. профессиональное движение; 11. выборы; 12. разное. На съезде был обсужден вопрос о явке В. И. Ленина на суд.

Съезд заслушал политический отчет Центрального Комитета и доклад о политическом положении, с которыми по поручению ЦК выступил И. В. Сталин. В основу резолюции съезда о политическом положении были положены руководящие указания В. И. Ленина. В ней была дана оценка политической обстановки в стране, сложившейся после июльских событий, изложена политическая линия партии на новом этапе революции. Съезд признал, что мирное развитие революции окончилось, что власть в стране фактически перешла в руки контрреволюционной буржуазии. Следуя указаниям Ленина, съезд временно снял лозунг «Вся власть Советам!», так как Советы в той обстановке, руководимые меньшевиками и эсерами, превратились в придаток контрреволюционного Временного правительства. Но временное снятие этого лозунга не означало отказа от Советов вообще, как государственной формы диктатуры пролетариата. Съезд выдвинул лозунг борьбы за полную ликвидацию диктатуры контрреволюционной буржуазии и завоевание власти пролетариатом в союзе с беднейшим крестьянством путем вооруженного восстания.

Съезд дал решительный отпор Преображенскому, отрицавшему возможность победы социалистической революции в России и заявлявшему на съезде, что только при условии пролетарской революции на Западе можно будет направить страну по социалистическому пути. Была также раскритикована и отвергнута съездом антиленинская схема развития революции, предложенная Бухариным. Он утверждал, что крестьяне находятся в блоке с буржуазией и не пойдут за рабочим классом.

В своих решениях съезд с особой силой подчеркнул ленинское положение о союзе пролетариата и беднейшего крестьянства как важнейшем условии победы социалистической революции.

Одним из первых на съезде обсуждался вопрос о явке В. И. Ленина на суд. С докладом по этому вопросу на съезде выступил Г. К. Орджоникидзе. Он подчеркнул, что нельзя ни в коем случае выдавать Ленина следственным властям, так как это будет расправа над вождем партии. За неявку Ленина на суд на съезде выступали Ф. Э. Дзержинский, Н. А. Скрыпник и другие.

Некоторые делегаты — Сталин, Володарский, Мануильский и другие — высказались за возможность явки Ленина на суд при условии, если будут

даны гарантии его безопасности и демократически организованного суда. Они неверно оценивали политическую обстановку в стране, допускали возможность честного буржуазного суда над большевиками. В то же время Сталин заявлял, что, пока нет гарантий безопасности, нет смысла Ленину и другим большевикам являться на суд. В результате коллективного обсуждения VI съезд партии единогласно принял резолюцию, в которой высказался против явки В. И. Ленина на суд, выразил «горячий протест против возмутительной прокурорско-шпионски-полицейской травли вождей революционного пролетариата» и послал приветствие В. И. Ленину.

С докладом об организационной работе ЦК выступал Я. М. Свердлов. В своем докладе он указал, что за три месяца, прошедшие со времени VII (Апрельской) Всероссийской конференции, число членов партии увеличилось втрое (с 80 до 240 тысяч), число партийных организаций возросло (с 78 до 162). На съезде были заслушаны 19 докладов с мест. Докладчики отмечали огромную работу, проводимую на местах большевистскими организациями, и неуклонный рост влияния большевиков среди широких трудящихся масс.

VI съезд обсудил и утвердил экономическую платформу большевистской партии, предусматривавшую следующие революционные мероприятия: национализацию и централизацию банков, национализацию крупной промышленности, конфискацию помещичьей земли и национализацию всей земли в стране, установление рабочего контроля над производством и распределением, организацию правильного обмена между городом и деревней и др.

Съезд принял новый устав партии. Параграф первый устава о членстве был дополнен требованием подчинения членов партии всем постановлениям партии; впервые были установлены рекомендации двух членов партии при приеме новых членов, а также утверждение их общим собранием партийной организации. В уставе подчеркивалось, что все организации партии строятся на началах демократического централизма. Созыв партийных съездов предусматривался ежегодно, пленумов ЦК — не реже одного раза в два месяца.

Съезд подтвердил решение VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) о необходимости пересмотра партийной программы в направлении, указанном конференцией. Для выработки новой программы съезд признал необходимым созвать в ближайшем будущем специальный съезд и поручил Центральному Комитету партии и всем партийным организациям развернуть до съезда широкую дискуссию по вопросу о пересмотре программы партии. Съезд принял резолюции «О союзах молодежи» и «О профессиональном движении».

Все свои решения VI съезд большевистской партии подчинил главной цели: подготовить пролетариат и беднейшее крестьянство к вооруженному восстанию, к победе социалистической революции. Выпущенный от имени съезда манифест ко всем трудящимся, ко всем рабочим, солдатам и крестьянам России призывал их копить силы и под знаменем большевистской партии готовиться к решающей схватке с буржуазией. Съезд избрал ЦК, в который вошли: В. И. Ленин, Я. А. Берзин, А. С. Бубнов, Ф. Э. Дзержинский, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, А. М. Коллонтай, Н. Н. Крестинский, В. П. Милютин, М. К. Муранов, В. П. Ногин, А. И. Рыков, Я. М. Свердлов, Ф. А. Сергеев (Артем), И. Т. Смилга, Г. Я. Сокольников, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий, М. С. Урицкий, С. Г. Шаумян. — 164.

¹¹¹ Работа «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» была написана Лениным в подполье, в Гельсингфорсе, 10—14 (23—27) сентября 1917 года. В газете «Рабочий Путь» № 25 от 14 (1) октября 1917 года

были опубликованы две заключительные главы из нее: «Борьба с разрухой и война» и «Революционная демократия и революционный пролетариат», а через несколько дней, 19 (6) октября, в газете появилось сообщение, в котором говорилось, что «Вышла новая брошюра Н. Ленина «Грозящая катастрофа и как с ней бороться»».

За годы Советской власти книга «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» издавалась десятки раз на многих языках народов СССР. Кроме того, она выходила на английском, болгарском, испанском, китайском, немецком, польском, чешском, японском и других иностранных языках. — 170.

¹¹² *Всероссийское демократическое совещание* созывалось меньшевистско-эсеровским ЦИК Советов для решения вопроса о власти. Действительной же целью совещания, которую ставили перед собой его организаторы, было отвлечь внимание народных масс от нараставшей революции. Совещание происходило 14—22 сентября (27 сентября — 5 октября) 1917 года в Петрограде. На нем присутствовало свыше 1500 человек. Состав совещания был явно подтасован меньшевиками и эсерами: городские думы, земства, кооперативы, представлявшие малую часть населения, получили больше мест на совещании, чем Советы рабочих и солдатских депутатов, представлявшие подавляющее большинство населения. Большевики приняли участие в совещании с тем, чтобы использовать его как трибуну для разоблачения меньшевиков и эсеров.

В письме Центральному, Петроградскому и Московскому комитетам РСДРП(б) «Большевики должны взять власть» и в письме Центральному Комитету РСДРП(б) «Марксизм и восстание» (см. настоящий том, стр. 325—327, 328—332) Ленин наметил тактику большевиков по отношению к Демократическому совещанию.

Демократическое совещание приняло постановление об организации предпарламента (Временного совета республики). Это была попытка создать видимость, что в России введен парламентский строй. По положению же, утвержденному Временным правительством, предпарламент должен был являться лишь совещательным органом при правительстве.

ЦК РСДРП(б) 21 сентября (4 октября) принял решение отозвать большевиков из президиума совещания, но с совещания не уходить. 9 голосами против 8 было решено в предпарламент не входить. Поскольку голоса разделились пополам, окончательное решение было передано партийному совещанию, которое «сейчас же конструировать из собравшейся фракции Демократического совещания». Далее в протоколе заседания ЦК записано, что на совещании 77 голосами против 50 было решено принять участие в предпарламенте и это решение утверждено ЦК.

Ленин в статьях «О героях подлога и об ошибках большевиков», «Из дневника публициста. Ошибки нашей партии» и «Кризис назрел» (см. Сочинения, 5 изд., том 34, стр. 248—256; 4 изд., том 26, стр. 24—31; настоящий том, стр. 333—338, 339—347) подверг критике ошибки в тактике большевиков по отношению к Демократическому совещанию; он категорически потребовал выхода большевиков из предпарламента и подчеркнул необходимость сосредоточения всех сил на подготовке восстания. Центральный Комитет партии обсудил предложение Ленина и вынес постановление об уходе большевиков из предпарламента, преодолев сопротивление Каменева, Рыкова и других капитулянтов, отстаивавших участие в предпарламенте. 7 (20) октября, в первый день открытия предпарламента, большевики, огласив декларацию, вышли из него. — 174.

¹¹³ «Свободная Жизнь» — ежедневная газета, выходившая в Петрограде с 2 (15) по 8 (21) сентября 1917 года вместо закрытой Временным правительством газеты «Новая Жизнь» (см. примечание 80). — 195.

¹¹⁴ 31 августа (13 сентября) 1917 года Петроградский Совет впервые со дня его организации на пленарном заседании большинством в 279 голосов против 115 и при 50 воздержавшихся принял предложенную фракцией большевиков резолюцию, которая решительно отвергала политику соглашательства с буржуазией. Резолюция призывала к переходу всей власти в руки Советов и намечала программу революционных преобразований в стране. Через несколько дней большевистская партия одержала еще одну крупную победу: 5 (18) сентября Московский Совет рабочих и солдатских депутатов большинством в 355 голосов принял аналогичную резолюцию, предложенную большевиками. — 206.

¹¹⁵ Книга *«Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции»* написана В. И. Лениным в подполье в августе — сентябре 1917 года, когда он скрывался от преследований буржуазного Временного правительства.

Вопрос о характере пролетарской государственной власти, по словам Н. К. Крупской, особенно занимал Ленина в последние годы эмиграции. Мысль о необходимости теоретической разработки вопроса о государстве была высказана Лениным во второй половине 1916 года.

Антимарксистские полуанархические взгляды на государство и диктатуру пролетариата во второй половине 1916 года отстаивал в ряде статей Н. И. Бухарин. В декабре 1916 года в заметке «Интернационал Молодежи» Ленин подверг резкой критике позицию Бухарина и обещал написать подробную статью об отношении марксизма к государству (см. Сочинения, 5 изд., том 30, стр. 225—229; 4 изд., том 23, стр. 153—156).

Осенью 1916 года и в начале 1917 года, как отмечает Н. К. Крупская, Ленин с головой ушел в теоретическую работу. Живя в то время в Цюрихе, он усиленно работал в библиотеке, изучал произведения К. Маркса и Ф. Энгельса по вопросу о государстве. 4 (17) февраля 1917 года Ленин сообщал А. М. Коллонтай, что он почти подготовил материал по вопросу об отношении марксизма к государству. Записи были сделаны мелким убористым почерком в тетрадке с синей обложкой, озаглавленной «Марксизм о государстве». В ней были собраны цитаты из произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, а также выдержки из книг и статей К. Каутского, А. Паннекука и Э. Бернштейна с критическими замечаниями, выводами и обобщениями Ленина (см. Сочинения, 5 изд., том 33, стр. 123—307).

При переезде из Швейцарии в Россию в апреле 1917 года В. И. Ленин, опасаясь ареста Временным правительством в пути, оставил рукопись «Марксизм о государстве» на сохранение за границей. Скрываясь в подполье после июльских дней, Ленин в записке Л. Б. Каменеву писал: «Entre nous (Между нами. *Ред.*): если меня укокошат, я Вас прошу издать мою тетрадку: «Марксизм о государстве» (застряла в Стокгольме). Синяя обложка, переплетенная. Собраны все цитаты из Маркса и Энгельса, равно из Каутского против Паннекука. Есть ряд замечаний и заметок, формулировок. Думаю, что в неделю работы можно издать. Считаю важным, ибо не только Плеханов, но и Каутский напутали...» (Сочинения, 5 изд., том 49, стр. 444; 4 изд., том 36, стр. 414). Получив из Стокгольма тетрадь «Марксизм о государстве», Ленин собранные в ней материалы положил в основу написанного им гениального произведения «Государство и революция», используя, однако, далеко не весь материал, содержащийся в тетради.

По плану книга «Государство и революция» должна была состоять из семи глав, но последняя, седьмая глава «Опыт русских революций 1905 и 1917 годов» Лениным не была написана. Сохранились лишь подробно разработанные планы этой главы и план «Заключения». В записке к издателю

книги Ленин писал, что, если он «слишком опоздает с окончанием этой, VII главы, или если она непомерно распухнет, тогда первые шесть глав надо издать отдельно, как *выпуск первый*». Планы, конспекты и заметки к книге «Государство и революция» см. Сочинения, 5 изд., том 33, стр. 308—328.

На первой странице рукописи автор книги обозначен «Ф. Ф. Ивановский». Под таким псевдонимом Ленин предполагал выпустить свою работу, чтобы Временное правительство не конфисковало ее. Так как издание книги «Государство и революция» было осуществлено в 1918 году, необходимость в этом псевдониме отпала, и книга вышла под известным литературным псевдонимом Владимира Ильича «В. Ильин (Н. Ленин)» тиражом 30 700 экземпляров. Книга печаталась также местными издательствами.

Второе издание книги «Государство и революция» было осуществлено в 1919 году. Автор внес во вторую главу новый параграф «Постановка вопроса Марксом в 1852 году».

Книга Ленина «Государство и революция» получила широкое распространение в СССР и за рубежом. В СССР с 1918 по 1965 год она издавалась 197 раз, тиражом 6628 тысяч экземпляров на 50 языках народов СССР. За границей, по неполным данным, книга Ленина вышла на 35 языках. — 227.

¹¹⁶ См. Ф. Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 21, стр. 169—170).

Ниже, на стр. 232, 234, 235, 236, 237 тома, В. И. Ленин цитирует это произведение Ф. Энгельса (см. там же, стр. 170—171, 171, 171—172, 172, 173). — 230.

¹¹⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 22, стр. 214—225. — 234.

¹¹⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 20, стр. 291—292. — 239.

¹¹⁹ Имеются в виду работы К. Маркса «Критика Готской программы» (IV раздел) и Ф. Энгельса «Анти-Дюринг», а также письмо Ф. Энгельса А. Бебелю от 18—28 марта 1875 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 26—32; т. 20, стр. 291—292; т. 19, стр. 1—8). — 241.

¹²⁰ К. Маркс. «Капитал», т. I (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 23, стр. 761). — 242.

¹²¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 20, стр. 189. — 242.

¹²² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 184—185. — 243.

¹²³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 459. — 243.

¹²⁴ *Готская программа* — программа Социалистической рабочей партии Германии, принятая в 1875 году на съезде в Готе при объединении двух существовавших до того отдельно немецких социалистических партий: эйзенахцев (руководимых А. Бебелем и В. Либкнехтом и находившихся под идейным влиянием Маркса и Энгельса) и лассальянцев. Программа

страдала эклектизмом и была оппортунистической, так как эйзенахцы по важнейшим вопросам сделали уступки лассальянцам и приняли лассальянские формулировки. К. Маркс в работе «Критика Готской программы» и Ф. Энгельс в письме А. Бебелю от 18—28 марта 1875 года подвергли проект Готской программы уничтожающей критике, рассматривая его как значительный шаг назад по сравнению с эйзенахской программой 1869 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 9—32, 1—8). — 243.

¹²⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 184. — 244.

¹²⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 435, 446. — 244.

¹²⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 8, стр. 205—206. — 248.

¹²⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 21, стр. 258—259. — 251.

¹²⁹ «*Die Neue Zeit*» («Новое Время») — теоретический журнал Германской социал-демократической партии; выходил в Штутгарте с 1883 по 1923 год. До октября 1917 года редактировался К. Каутским, затем — Г. Куновым. В «*Die Neue Zeit*» были впервые опубликованы некоторые произведения К. Маркса и Ф. Энгельса. Энгельс помогал своими советами редакции журнала и нередко критиковал ее за допускаявшиеся в журнале отступления от марксизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, в журнале стали систематически печататься статьи ревизионистов, в том числе серия статей Э. Бернштейна «Проблемы социализма», открывшая поход ревизионистов против марксизма. В годы первой мировой войны (1914—1918) журнал занимал центристскую позицию, фактически поддерживая социал-шовинистов. — 252.

¹³⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 28, стр. 424—427. — 252.

¹³¹ Впервые положение о разнообразии форм диктатуры пролетариата В. И. Ленин высказал еще в 1916 году в статье «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме», направленной против оппортунистических взглядов Пятакова. Эта статья увидела свет лишь в 1924 году, после Октябрьской социалистической революции. Анализируя ход исторического развития в условиях империализма, В. И. Ленин писал: «Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни» (Сочинения, 5 изд., том 30, стр. 123; 4 изд., том 23, стр. 58).

Международное освободительное движение после Октябрьской социалистической революции и особенно после второй мировой войны выдвинуло новую форму диктатуры пролетариата — народную демократию, которая утвердилась в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы и Азии. Возникновение народной демократии стало возможным в результате изменившихся исторических условий, расширивших социальную базу революции, отразивших классовые сдвиги в современном капиталистическом мире и сблизивших общедемократические и социалистические задачи революции.

Гениальное предвидение В. И. Ленина полностью подтверждается историей. — 254.

^{1/4}25 Избранные произведения, т. 2

¹³² Имеется в виду «Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне. Членам Международного Товарищества Рабочих в Европе и Соединенных Штатах», написанное Марксом между 6 и 9 сентября 1870 г. в Лондоне (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 17, стр. 274—282). — 254.

¹³³ Имеются в виду высказывания Г. В. Плеханова в статьях «Наше положение» и «Еще о нашем положении (Письмо к товарищу X)», опубликованных в ноябре и декабре 1905 года в «Дневнике Социал-Демократа» №№ 3 и 4. — 254.

¹³⁴ См. письмо К. Маркса Л. Кугельману от 12 апреля 1871 года (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 33, стр. 172—173). — 254.

¹³⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 18, стр. 90. — 255.

¹³⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 17, стр. 339. — 255.

¹³⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 33, стр. 172. — 256.

¹³⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 446. — 258.

¹³⁹ См. К. Маркс. «Гражданская война во Франции» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 17, стр. 339, 340, 341, 342, 343).

Ниже, на стр. 261, 262, 266—267, 269—270, 270 тома, В. И. Ленин цитирует это же произведение К. Маркса (см. там же, стр. 345, 342, 343—344, 344, 345, 345—346). — 259.

¹⁴⁰ См. Ф. Энгельс. «К жилищному вопросу» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 18, стр. 203—284).

Ниже, на стр. 272, 272—273, 273 тома, В. И. Ленин цитирует это произведение Ф. Энгельса (см. там же, стр. 221, 278, 262). — 271.

¹⁴¹ Имеются в виду статья К. Маркса «Политический индифферентизм» и статья Ф. Энгельса «Об авторитете» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 18, стр. 296—301, 302—305). — 274.

¹⁴² К. Маркс. «Политический индифферентизм» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 18, стр. 297). — 274.

¹⁴³ Ф. Энгельс. «Об авторитете» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 18, стр. 304). — 275.

¹⁴⁴ Ф. Энгельс. «Об авторитете» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 18, стр. 304—305). — 276.

¹⁴⁵ См. К. Маркс. «Критика Готской программы» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 9—32). — 277.

¹⁴⁶ Имеется в виду работа К. Маркса «Нищета философии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 65—185). — 278.

¹⁴⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 5. — 278.

¹⁴⁸ См. Ф. Энгельс. «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 22, стр. 227—243).

Ниже, на стр. 280, 281, 282—283, 283—284, 285 тома, В. И. Ленин цитирует это произведение Ф. Энгельса (см. там же, стр. 234, 236, 237, 238—239, 239—240). — 280.

¹⁴⁹ *Исключительный закон против социалистов* был введен в Германии в 1878 году правительством Бисмарка в целях борьбы с рабочим и социалистическим движением. Этим законом были запрещены все организации социал-демократической партии, массовые рабочие организации, рабочая печать; конфисковывалась социалистическая литература; социал-демократы подвергались преследованиям, высылке. Однако репрессии не сломили социал-демократическую партию, деятельность которой была перестроена применительно к условиям нелегального существования: за границей издавался центральный орган партии — газета «Социал-Демократ» и регулярно собирались партийные съезды (1880, 1883 и 1887); в Германии, в подполье, быстро возрождались социал-демократические организации и группы, во главе которых стоял нелегальный ЦК. Одновременно партия широко использовала легальные возможности для укрепления связи с массами, ее влияние непрерывно росло: число голосов, поданных за социал-демократов на выборах в рейхстаг, увеличилось с 1878 по 1890 год более чем в три раза. Огромную помощь немецким социал-демократам оказывали К. Маркс и Ф. Энгельс. В 1890 году под напором массового и все усиливавшегося рабочего движения исключительный закон против социалистов был отменен. — 282.

¹⁵⁰ См. Ф. Энгельс. «Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции»» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 22, стр. 189—201).

Ниже, на стр. 286, 287, 288, 288—289, 290, 293 тома, В. И. Ленин цитирует это произведение Ф. Энгельса (см. там же, стр. 191, 195, 199, 200, 200—201, 201). — 286.

¹⁵¹ Имеется в виду выступление министра Временного правительства меньшевика Церетели 11 (24) июня 1917 года на объединенном заседании президиума I Всероссийского съезда Советов, Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов и бюро всех фракций съезда при обсуждении вопроса о мирной демонстрации рабочих и солдат Петрограда, намечавшейся большевиками на 10 (23) июня. Выступление Церетели было клеветническим и контрреволюционным. Обвиняя большевиков в заговоре против правительства и пособничестве контрреволюции, он грозил принять решительные меры к разоружению рабочих, идущих за большевиками. — 287.

¹⁵² *Los-von-Kirche-Bewegung* (движение к отделению от церкви), или *Kirchenaustrittsbewegung* (движение за выход из церкви), приняло массовый характер в Германии перед первой мировой войной. В январе 1914 года на страницах журнала «Die Neue Zeit» со статьи ревизиониста

Пауля Гёре «Kirchenaustrittsbewegung und Sozialdemokratie» («Движение за выход из церкви и социал-демократия») началось обсуждение вопроса об отношении социал-демократической партии Германии к этому движению. В ходе дискуссии видные деятели германской социал-демократии не дали отпора Гёре, который утверждал, что партия должна сохранять нейтралитет по отношению к движению за выход из церкви и запрещать своим членам вести от имени партии антирелигиозную и антицерковную пропаганду.

В. И. Ленин обратил внимание на эту дискуссию, работая над материалами к книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» (см. Сочинения, 5 изд., том 28, стр. 570; 4 изд., том 39, стр. 570). — 288.

¹⁵³ Приводимые В. И. Лениным цифры возможных окладов заработка выражены в бумажной валюте второй половины 1917 года.

Бумажный рубль в России за годы первой мировой войны был значительно обесценен. — 289.

¹⁵⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 22, стр. 434—435. — 291.

¹⁵⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 9—32. — 293.

¹⁵⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 1—8. — 293.

¹⁵⁷ См. К. Маркс. «Критика Готской программы» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 27).

Ниже, на стр. 295, 300, 301, 302, 303 тома, В. И. Ленин цитирует это же произведение К. Маркса (см. там же, стр. 27, 18, 19, 20). — 295.

¹⁵⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 446. — 296.

¹⁵⁹ См. К. Маркс. «Гражданская война во Франции» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 17, стр. 344). — 297.

¹⁶⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 5. — 298.

¹⁶¹ *Шейлок* — персонаж из комедии В. Шекспира «Венецианский купец»; жестокий и черствый ростовщик, неумолимо требовавший вырезать, по условиям векселя, фунт мяса у своего неисправного должника. — 304.

¹⁶² См. Ф. Энгельс. «Предисловие к работе К. Маркса «Критика Готской программы»» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 22, стр. 96).

Гаагский конгресс I Интернационала происходил 2—7 сентября 1872 года. На нем присутствовало 65 делегатов от 15 национальных организаций. Маркс и Энгельс при подготовке конгресса проделали огромную работу по сплочению пролетарских революционных сил. По предложению Маркса и Энгельса была принята повестка дня, намечен срок созыва конгресса. В порядке дня конгресса стояли два основных вопроса: 1) о правах Генерального Совета и 2) о политической деятельности пролетариата.

Конгресс принял резолюции о расширении полномочий Генерального Совета, о перенесении местопребывания Генерального Совета, о деятельности тайного «Альянса социалистической демократии» и другие. Большая

часть этих резолюций была написана Марксом и Энгельсом. В основу остальных легли их предложения. В решении конгресса по второму вопросу говорилось, что «завоевание политической власти стало великой обязанностью пролетариата», а для того, «чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — уничтожение классов», необходима организация пролетариата в политическую партию (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 18, стр. 143). На конгрессе получила свое завершение многолетняя борьба Маркса и Энгельса и их сторонников против всех видов мелкобуржуазного сектантства. Лидеры анархистов М. А. Бакунин, Д. Гильом и другие были исключены из Интернационала.

Решения Гаагского конгресса, вся работа которого проходила под непосредственным руководством Маркса и Энгельса и при самом активном их участии, знаменовали собой победу марксизма над мелкобуржуазным мировоззрением анархистов и заложили фундамент для создания в будущем самостоятельных национальных политических партий рабочего класса. — 310.

¹⁶³ «Заря» — марксистский научно-политический журнал; издавался легально в 1901—1902 годах в Штутгарте редакцией «Искры». Всего вышло 4 номера (три книги) «Зари». Задачи журнала были определены в «Проекте заявления редакции «Искры» и «Зари», написанном В. И. Лениным в России (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 322—333; 4 изд., том 4, стр. 296—306). В 1902 году во время возникших разногласий и конфликтов внутри редакции «Искры» и «Зари» Г. В. Плеханов выдвинул проект отделения журнала от газеты (с тем, чтобы оставить за собой редактирование «Зари»), но это предложение не было принято, и редакция этих органов оставалась все время общей.

Журнал «Заря» выступал с критикой международного и русского ревизионизма, в защиту теоретических основ марксизма. В «Заре» были напечатаны работы Ленина «Случайные заметки», «Гонители земства и Аннибалы либерализма», «Гг. «критики» в аграрном вопросе» (первые четыре главы работы «Аграрный вопрос и «критики Маркса»»), «Внутреннее обозрение», «Аграрная программа русской социал-демократии», а также работы Плеханова «Критика наших критиков. Ч. 1. Г-н П. Струве в роли критика марксовой теории социального развития», «Conti против Канта или духовное завещание г. Бернштейна» и другие. — 311.

¹⁶⁴ Имеется в виду *Пятый международный конгресс II Интернационала*, который происходил в Париже 23—27 сентября 1900 года. По основному вопросу «Завоевание политической власти и союзы с буржуазными партиями», связанному с вхождением А. Мильерана в контрреволюционное правительство Вальдека-Руссо, большинством голосов конгресс принял резолюцию, внесенную К. Каутским. В резолюции говорилось, что «вступление отдельного социалиста в ряды буржуазного правительства не может быть рассматриваемо, как нормальное начало завоевания политической власти, но как вынужденное временное и исключительное средство в борьбе с трудными обстоятельствами». Впоследствии на этот пункт резолюции часто ссылались оппортунисты в оправдание своего сотрудничества с буржуазией.

В журнале «Заря» № 1 за апрель 1901 года была опубликована статья Г. В. Плеханова «Несколько слов о последнем парижском международном социалистическом конгрессе (Открытое письмо к товарищам, приславшим мне полномочие)», в которой была дана резкая критика резолюции Каутского. — 311.

¹⁶⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 17, стр. 339 и т. 18, стр. 90. — 312.

¹⁶⁶ См. К. Маркс. «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарт» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 8, стр. 205—206). — 312.

¹⁶⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Предисловие к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1872 года (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 18, стр. 90). — 313.

¹⁶⁸ См. К. Маркс. «Гражданская война во Франции» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 17, стр. 342). — 315.

¹⁶⁹ На русском языке брошюра К. Каутского «Der Weg zur Macht. Politische Betrachtungen über das Hineinwachsen in die Revolution». Berlin, 1909 («Путь к власти. Политические размышления о вращении в революцию». Берлин, 1909) вышла только в 1918 году. — 315.

¹⁷⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 7, стр. 266). — 318.

¹⁷¹ См. К. Маркс. «Гражданская война во Франции» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 17, стр. 342). — 320.

¹⁷² Имеется в виду книга С. и Б. Веббов «Теория и практика английского тред-юнионизма». — 320.

¹⁷³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 446. — 322.

¹⁷⁴ «Социалистический Ежемесячник» («Sozialistische Monatshefte») — журнал, главный орган немецких оппортунистов и один из органов международного ревизионизма; выходил в Берлине с 1897 по 1933 год. Во время первой мировой войны (1914—1918) занимал социал-шовинистическую позицию. — 322.

¹⁷⁵ Письма Ленина «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание» обсуждались на заседании ЦК 15 (28) сентября 1917 года. Центральный Комитет принял решение назначить в ближайшее время собрание ЦК, посвященное обсуждению тактических вопросов. На голосование был поставлен вопрос: сохранить только один экземпляр ленинских писем. За это предложение голосовало 6 человек, против — 4, воздержалось — 6. Каменев, будучи противником курса партии на социалистическую революцию, внес на заседание ЦК проект резолюции, направленный против предложений В. И. Ленина об организации вооруженного восстания. Центральный Комитет отверг резолюцию Каменева (см. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918», 1958, стр. 55). — 325.

¹⁷⁶ О созыве Учредительного собрания Временное правительство заявило в своей декларации 2 (15) марта 1917 года. 14 (27) июня Временное правительство приняло постановление о назначении выборов в Учредительное собрание на 17 (30) сентября. Однако в августе оно перенесло выборы на 12 (25) ноября.

Выборы в Учредительное собрание состоялись после победы Октябрьской социалистической революции, в установленный срок — 12 (25) ноября 1917 года. Они проводились по спискам, составленным до Октябрьской революции, по положению, утвержденному Временным правительством, и проходили в обстановке, когда значительная часть народа не успела еще

осмыслить значения социалистической революции. Этим воспользовались правые эсеры, сумевшие в отдаленных от столицы и промышленных центров губерниях и областях собрать большинство голосов. Учредительное собрание было созвано Советским правительством и открылось 5 (18) января 1918 года в Петрограде. Контрреволюционное большинство Учредительного собрания отвергло предложенную ВЦИК «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и отказалось признать Советскую власть. Декретом ВЦИК 6 (19) января буржуазное Учредительное собрание было распущено. — 326.

¹⁷⁷ См. «Революция и контрреволюция в Германии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 8, стр. 100).

Работа «Революция и контрреволюция в Германии» была написана Ф. Энгельсом и опубликована в 1851—1852 годах серией статей в газете «New-York Daily Tribune» за подписью Маркса, который первоначально собирался написать это произведение сам, но, занятый экономическими исследованиями, передал работу над статьями Энгельсу. При написании этого произведения Энгельс постоянно советовался с Марксом, а также давал ему на просмотр статьи перед отправкой их в печать. Только позднее в связи с опубликованием переписки между Марксом и Энгельсом стало известно, что работа эта была написана Энгельсом. — 326.

¹⁷⁸ *Александринка* — Александринский театр в Петрограде, в котором заседало Демократическое совещание.

Петропавловка — Петропавловская крепость, расположенная напротив Зимнего дворца, на другом берегу Невы. При царизме в ней содержались политические заключенные. Петропавловская крепость имела громадный арсенал и являлась важным стратегическим пунктом Петрограда. В настоящее время — историко-революционный музей. — 332.

¹⁷⁹ «*Рабочий Путь*» — Центральный Орган большевистской партии, ежедневная газета; выходила с 3 (16) сентября по 26 октября (8 ноября) 1917 года вместо закрытой Временным правительством газеты «Правда». С 27 октября (9 ноября) газета «Правда» стала выходить под своим названием. — 333.

¹⁸⁰ «*Либерданы*» — ироническая кличка, укрепившаяся за меньшевистскими лидерами Либером и Даном и их сторонниками после того, как в московской большевистской газете «Социал-Демократ» (№ 141 от 25 августа (7 сентября) 1917 года) появился фельетон Д. Бедного под названием «Либердан». — 336.

¹⁸¹ Статья «*Кризис назрел*» была написана Лениным в Выборге. Она состояла из шести глав, причем последняя, шестая глава, предназначалась не для печати, а «для *раздачи* членам ЦК, ПК, МК и Советов». Сохранилась рукопись лишь двух последних — V и VI глав этой статьи. В газете «Рабочий Путь» № 30 от 20 (7) октября 1917 года, где впервые публиковалась статья, были напечатаны не пять, а четыре главы статьи. Одна из глав при публикации была опущена. Пятая глава статьи публиковалась как четвертая, что установлено при сопоставлении текста газеты с рукописью пятой главы.

Статья «Кризис назрел» была широко опубликована в периодической большевистской печати. Она была перепечатана в газетах «Социал-Демократ» (Москва), «Пролетарское Дело» (Кронштадт), «Буревестник» (Минск), «Пролетарская Правда» (Тула), «Вперед» (Уфа), «Бакинский Рабочий», «Уральский Рабочий», «Красноярский Рабочий» и др. — 339.

¹⁸² В. И. Ленин имеет в виду происходившие в августе 1917 года революционные выступления матросов германского флота. Выступлением руководила революционная матросская организация, насчитывавшая к концу июля 1917 года четыре тысячи человек. Во главе организации стояли матросы Макс Рейхпич и Альбин Кебис с корабля «Фридрих Великий». Организацией было принято решение бороться за демократический мир и готовить восстание. В начале августа во флоте начались открытые выступления. Матросы линейного корабля «Принц-регент Луитпольд», находившегося в Вильгельмсхафене, самовольно сошли на берег, чтобы бороться за освобождение своих товарищей, арестованных ранее за забастовку; 16 августа на корабле «Вестфалия» кочегары отказались от работы. Одновременно восстал экипаж крейсера «Нюрнберг», находившийся в море. Движение среди матросов распространилось на корабли нескольких эскадр в Вильгельмсхафене. Революционные выступления в германском флоте были жестоко подавлены. Руководители движения Рейхпич и Кебис были расстреляны, остальные матросы — активные участники движения приговорены к каторжным работам на длительные сроки. — 339.

¹⁸³ Имеется в виду выступление на заседании Петроградского Совета, происходившем 21 сентября (4 октября) 1917 года, приехавшего с фронта офицера Дубасова. В своем выступлении Дубасов заявил: «Что бы вы здесь ни говорили, — солдаты больше воевать не будут». — 343.

¹⁸⁴ «Русские Ведомости» — газета, выходила в Москве с 1863 года, выражала взгляды умеренно-либеральной интеллигенции. С 1905 года газета являлась органом правого крыла партии кадетов. Ленин отмечал, что «Русские Ведомости» своеобразно сочетали «правый» кадетизм с народническим налетом» (Сочинения, 5 изд., том 23, стр. 193; 4 изд., том 19, стр. 111). В 1918 году «Русские Ведомости» были закрыты вместе с другими контрреволюционными газетами. — 343.

¹⁸⁵ Ленин имеет в виду всероссийскую забастовку железнодорожных рабочих и служащих, требовавших повышения заработной платы. Забастовка по всей сети железных дорог страны началась в ночь с 23 на 24 сентября (с 6 на 7 октября) 1917 года.

Вопрос о железнодорожной забастовке обсуждался на заседании Центрального Комитета РСДРП(б) 24 сентября (7 октября). В воззвании «На помощь железнодорожникам», опубликованном в газете «Рабочий Путь», ЦК РСДРП(б), разоблачая контрреволюционную политику Временного правительства, призывал весь пролетариат окружить железнодорожников атмосферой полного сочувствия, оградить их от травли и провокационных атак контрреволюции, приложить все меры к тому, чтобы железнодорожная забастовка не оказалась изолированной и подавленной. Забастовка закончилась в ночь на 27 сентября (10 октября) 1917 года, после того как Временное правительство частично удовлетворило требования железнодорожников. — 344.

¹⁸⁶ Речь идет о позиции Каменева, Зиновьева, Троцкого и их сторонников. Каменев и Зиновьев выступали против ленинского плана подготовки вооруженного восстания, доказывая, будто бы рабочий класс России не способен осуществить социалистическую революцию. Они скатились на позицию меньшевиков, отстаивавших буржуазную республику. Троцкий настаивал на отсрочке восстания до созыва II Всероссийского съезда Советов, что на деле означало срыв восстания, так как Временное правительство получало возможность сосредоточить ко дню созыва съезда силы для разгрома выступления. — 345.

¹⁸⁷ Статья «Удержат ли большевики государственную власть?» была написана Лениным в Выборге в конце сентября — 1 (14) октября 1917 года. Впервые она была опубликована в октябре 1917 года в № 1—2 журнала «Просвещение».

«Просвещение» — ежемесячный большевистский теоретический легальный журнал; издавался в Петербурге с декабря 1911 по июнь 1914 года. Тираж журнала доходил до 5 тысяч экземпляров.

Журнал был создан по инициативе В. И. Ленина. В нем принимали участие В. В. Воровский, А. И. Ульянова-Елизарова, Н. К. Крупская, М. С. Ольминский, И. В. Сталин, М. А. Савельев. К руководству беллетристическим отделом «Просвещения» Ленин привлек А. М. Горького. Ленин из Парижа, а затем из Кракова и Поронина руководил «Просвещением», редактировал статьи, вел регулярную переписку с членами редакционной коллегии.

Журнал разоблачал оппортунистов — ликвидаторов, отзовистов, троцкистов, а также буржуазных националистов, освещал борьбу рабочего класса в условиях нового революционного подъема, пропагандировал большевистские лозунги в избирательной кампании в IV Государственную думу; выступал против ревизионизма и центризма в партиях II Интернационала. Журнал сыграл большую роль в марксистском интернациональном воспитании передовых рабочих России. Накануне первой мировой войны в июне 1914 года журнал «Просвещение» был закрыт царским правительством. Осенью 1917 года издание журнала возобновилось, но вышел только один номер (двойной). — 348.

¹⁸⁸ Упомянутый В. И. Лениным факт имел место на заседании I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов 4 (17) июня 1917 года. Во время речи министра Временного правительства меньшевика Церетели, утверждавшего, что в России якобы нет политической партии, которая согласилась бы одна взять в свои руки всю полноту власти в стране, В. И. Ленин с места от имени партии большевиков бросил реплику «Есть!», а в речи с трибуны съезда заявил, что большевистская партия каждую минуту «готова взять власть целиком» (см. настоящий том, стр. 106). — 349.

¹⁸⁹ В. И. Ленин цитирует стихотворение Н. А. Некрасова «Блажен незлобивый поэт». — 353.

¹⁹⁰ «Знамя Труда» — ежедневная газета, орган Петроградского комитета партии эсеров; начала выходить с 23 августа (5 сентября) 1917 года. С № 59 от 1 (14) ноября 1917 года издавалась как орган Петроградского комитета партии эсеров и фракции левых эсеров ЦИК II Всероссийского съезда Советов. С 28 декабря 1917 (10 января 1918) года, с № 105, газета стала центральным органом партии левых эсеров. Закрыта в июле 1918 года во время левоэсеровского мятежа. — 355.

¹⁹¹ «Воля Народа» — ежедневная газета, орган правого крыла партии эсеров. Издавалась в Петрограде с 29 апреля 1917 года; закрыта в ноябре 1917 года. Позднее выходила и под другими названиями. Окончательно закрыта в феврале 1918 года. — 358.

¹⁹² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 33, стр. 172. — 374.

¹⁹³ См. письмо Ф. Энгельса Ф.-А. Зорге от 22 февраля 1888 года (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 37, стр. 20). — 380.

¹⁹⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 8, стр. 100—101.—385.

¹⁹⁵ Приводя указанные в тексте даты, В. И. Ленин имел в виду следующее: 28 февраля (13 марта) — дата Февральской буржуазно-демократической революции; 30 сентября (13 октября) — намеченный первоначально Временным правительством срок созыва Учредительного собрания; на 28 ноября (11 декабря) 1917 года был назначен созыв Учредительного собрания. — 388.

¹⁹⁶ В. И. Ленин приводит слова Н. Суханова из его статьи «Гром снова грянул», опубликованной в газете «Новая Жизнь».

В здании Смольного института с августа 1917 года помещались большевистские фракции Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В октябре там находился и Военно-революционный комитет. — 388.

¹⁹⁷ Публикуемое письмо В. И. Ленина обсуждалось 5 (18) октября 1917 года на заседании Петербургского комитета РСДРП(б), проходившем под председательством М. И. Калинина. На заседании В. Володарский и М. Лашевич высказались против установки Ленина на вооруженное восстание. Большинство участников заседания выступило в поддержку изложенной в письме Ленина установки на вооруженное восстание.

В Москве письмо обсуждалось в Московском комитете РСДРП(б) на собрании руководящих партийных работников. 7 (20) октября Московский комитет принял резолюцию, в которой поставил задачу немедленно начать борьбу за власть. В соответствии с этим решением 10 (23) октября Московская общегородская конференция большевиков приняла резолюцию, в которой поручала Московскому комитету принять меры «к приведению революционных сил в боевую готовность».

«Письмо в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы большевикам» в первом издании Собрания сочинений В. И. Ленина публиковалось под заглавием «Письмо в ПК и МК РСДРП(б)» (см. том XIV, ч. II, стр. 266—267). Во всех последующих изданиях Сочинений В. И. Ленина заголовок документа дан в соответствии с источником — машинописной копией, хранящейся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — 389.

¹⁹⁸ Съезд Советов Северной области первоначально предполагалось созвать 8 (21) октября 1917 года в Гельсингфорсе. 5 (18) октября Центральный Комитет РСДРП(б) принял решение провести съезд в Петрограде, отложив его на 10 (23) октября. Съезд открылся 11 (24) октября и закончился 13 (26) октября. На съезде были представлены Советы: Петрограда, Москвы, Новгорода, Кронштадта, Выборга, Гельсингфорса и других. Присутствовало 94 делегата, из них большевиков 51. Большевистско-эсеровский ЦИК Советов объявил съезд «частным совещанием отдельных Советов», и меньшевики демонстративно ушли со съезда.

Ленин придавал съезду большое значение. 8 (21) октября он написал «Письмо к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области» (см. настоящий том, стр. 394—398). Письмо Ленина обсуждалось на большевистской фракции съезда утром 11 (24) октября. В принятой резолюции по текущему моменту съезд подчеркнул, что только немедленный переход всей власти в руки Советов в центре и на местах может спасти страну и революцию. Съезд принял воззвание к крестьянам, призвав их поддержать пролетариат в его борьбе за власть. Съезд избрал Северный областной комитет в составе 17 человек, из них

11 большевиков и 6 левых эсеров. Решения съезда имели огромное значение в деле подготовки, организации и мобилизации всех сил для победы Великой Октябрьской социалистической революции. — 391.

¹⁹⁹ См. Ф. Энгельс. «Революция и контрреволюция в Германии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 8, стр. 100—101). — 392.

²⁰⁰ Речь идет о крупных антивоенных выступлениях в г. Турине (Италия) в августе 1917 года. 21 августа в Турине начались демонстрации в связи с острым недостатком продовольствия. На следующий день забастовали рабочие. Забастовка стала всеобщей; в городе началась постройка баррикад. Движение приняло политический антивоенный характер. 23 августа предместья Турина оказались в руках восставших. Для подавления движения правительство бросило воинские части и объявило город на военном положении. 27 августа всеобщая забастовка в Турине была прекращена. — 394.

²⁰¹ Заседание ЦК 10 (23) октября 1917 года явилось первым заседанием Центрального Комитета партии, в котором принял участие В. И. Ленин после его приезда из Выборга в Петроград. На заседании ЦК, проходившем под председательством Я. М. Свердлова, В. И. Ленин выступил с докладом о текущем моменте. ЦК принял предложенную Лениным резолюцию, которая поставила на очередь дня задачу немедленной подготовки вооруженного восстания. Только Зиновьев и Каменев выступили и голосовали против восстания. Троцкий на заседании ЦК не голосовал против резолюции о восстании. Но он считал, что восстание должно быть отсрочено до II съезда Советов, что означало на деле срыв восстания, так как это давало Временному правительству возможность сосредоточить ко дню созыва съезда силы для разгрома выступления. ЦК дал решительный отпор капитулянтам. Заседание ЦК 10 (23) октября имеет огромное историческое значение. Принятая десятью голосами против двух резолюция ЦК о восстании стала директивой для всей большевистской партии — немедленно готовить вооруженное восстание. На этом заседании ЦК для политического руководства восстанием было создано Политбюро во главе с В. И. Лениным. (См. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918», 1958, стр. 83—86.) — 399.

²⁰² Ленин имеет в виду сообщение Я. М. Свердлова на заседании ЦК 10 (23) октября 1917 года по третьему пункту порядка дня «Минск и Северный фронт». Свердлов сообщил о технической возможности вооруженного выступления в Минске и о предложении из Минска оказать помощь Петрограду посылкой революционного корпуса. — 400.

²⁰³ Расширенное заседание Центрального Комитета РСДРП(б) 16 (29) октября 1917 года происходило в Петрограде в помещении Лесновской районной думы, председателем которой был М. И. Калинин. На заседании, кроме членов ЦК, присутствовали представители Исполнительной комиссии ПК, Военной организации при ЦК РСДРП(б), Петроградского Совета, профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов, железнодорожников и Петроградского окружного комитета. Ленин выступил с докладом о резолюции ЦК о вооруженном восстании, принятой на заседании 10 (23) октября. Каменев и Зиновьев снова выступили против восстания, пытаясь представить дело так, что силы большевиков очень малы и что следует ждать Учредительного собрания. С решительной поддержкой резолюции ЦК выступили Ф. Э. Дзержинский, М. И. Калинин, А. И. Рахья, Я. М. Свердлов, Н. А. Скрыпник, И. В. Сталин и другие. Они резко

критиковали капитулянтскую позицию Каменева и Зиновьева. Предложенная Лениным резолюция была принята 19 голосами, при 2-х против и 4-х воздержавшихся. На закрытом заседании ЦК был создан Военно-революционный центр по руководству восстанием в составе членов ЦК: А. С. Бубнова, Ф. Э. Дзержинского, Я. М. Свердлова, И. В. Сталина и М. С. Урицкого. В решении ЦК указывалось, что партийный Военно-революционный центр входит в состав советского Военно-революционного комитета. (См. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918», 1958, стр. 93—104.) — 401.

²⁰⁴ «Письмо к членам партии большевиков» и «Письмо в Центральный Комитет РСДРП(б)» (см. настоящий том, стр. 407—410) отражают борьбу В. И. Ленина против Зиновьева и Каменева, пытавшихся сорвать решение ЦК о вооруженном восстании. Потерпев поражение на заседании ЦК 10 (23) октября 1917 года, где обсуждался вопрос о восстании, Зиновьев и Каменев на следующий день — 11 (24) октября обратились с заявлением в ЦК и с письмом, озаглавленным «К текущему моменту», которое было адресовано Петербургскому, Московскому, Московскому областному, Финляндскому областному комитетам РСДРП(б) и в большевистские фракции ЦИК Советов и съезда Советов Северной области. В этом письме они выступали против принятого решения ЦК о вооруженном восстании. Не получив никакой поддержки на расширенном заседании Петербургского комитета 15 (28) октября, на котором было зачитано их письмо, и на расширенном заседании ЦК 16 (29) октября, где они снова выступили против вооруженного восстания, Зиновьев и Каменев пошли на прямое предательство. 18 (31) октября в полуменьшевистской газете «Новая Жизнь» была опубликована заметка под заголовком «Ю. Каменев о «выступлении»», в которой Каменев от своего имени и от имени Зиновьева высказался против вооруженного восстания, выдав тем самым врагу важнейшее, секретное решение партии. В тот же день Ленин написал «Письмо к членам партии большевиков», а 19 октября (1 ноября) «Письмо в Центральный Комитет РСДРП(б)». В письмах Ленин клеймил этот поступок как предательство революции, назвал Зиновьева и Каменева штрейкбрехерами и потребовал исключения их из партии.

Письмо Ленина в Центральный Комитет РСДРП(б) обсуждалось на заседании ЦК 20 октября (2 ноября). При обсуждении этого вопроса Ф. Э. Дзержинский, выступавший первым, предложил «потребовать от Каменева полного отстранения от политической деятельности». В отношении Зиновьева он сослался на то, что последний скрывается от властей и все равно участия в партийной работе не принимает. Я. М. Свердлов в своем выступлении указал, что поступок Каменева ничем не может быть оправдан, но что ЦК не имеет права исключать из партии. Он предложил принять отставку Каменева из ЦК. И. В. Сталин дважды выступал на заседании ЦК. Вначале он предложил перенести обсуждение этого вопроса на пленум ЦК, а когда это предложение не было принято, он во втором своем выступлении заявил, что «исключение из партии не рецепт», и предложил обязать Зиновьева и Каменева подчиниться решениям ЦК, оставив их в составе ЦК. Эта же точка зрения была выражена Сталиным и на страницах газеты «Рабочий Путь» в заметке «От редакции», опубликованной 20 октября (2 ноября), до принятия решения Центральным Комитетом. В этой заметке Сталин писал, что резкость тона статьи В. И. Ленина («Письмо к товарищам», см. Сочинения, 5 изд., том 34, стр. 398—418; 4 изд., том 26, стр. 166—184) не меняет по отношению к Зиновьеву и Каменеву того, «что в основном мы остаемся единомышленниками» («Рабочий Путь» № 41, 1917 г.). Заметка «От редакции» была напечатана Сталиным уже после того, как Каменев выступил в полуменьшевистской

газете «Новая Жизнь» и в письмах В. И. Ленина была дана оценка поведению Каменева и Зиновьева.

Центральный Комитет принял отставку Каменева о выходе его из ЦК; Зиновьеву и Каменеву было вменено в обязанность не выступать ни с какими заявлениями против решений ЦК и намеченной им линии работы. Было также постановлено, чтобы ни один член ЦК не выступал против принятых решений ЦК. (См. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918», 1958, стр. 106—108.)

В. И. Ленин был не согласен с решением ЦК в отношении Зиновьева и Каменева, о чем он писал в письме Я. М. Свердлову, где назвал это решение компромиссным (см. настоящий том, стр. 411). — 404.

²⁰⁵ Речь идет о статье В. И. Ленина «Письмо к товарищам», опубликованной 1, 2 и 3 ноября (19, 20 и 21 октября) 1917 года в газете «Рабочий Путь» №№ 40, 41 и 42 (см. Сочинения, 5 изд., том 34, стр. 398—418; 4 изд., том 26, стр. 166—184). В этой статье Ленин разоблачил всю несостоятельность «доводов» Каменева и Зиновьева, выступавших против вооруженного восстания. — 406.

²⁰⁶ Здесь и ниже, на стр. 409—410, Ленин имеет в виду расширенное заседание ЦК РСДРП(б), происходившее 16 (29) октября 1917 года, на котором Зиновьев и Каменев выступали против принятого на заседании ЦК 10 (23) октября решения о вооруженном восстании. (См. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918», 1958, стр. 93—105.) — 408.

²⁰⁷ Речь идет о выступлениях Я. М. Свердлова, И. В. Сталина, Ф. Э. Дзержинского, Г. Я. Сокольникова на заседании Центрального Комитета партии 20 октября (2 ноября) 1917 года при обсуждении письма Ленина в Центральный Комитет РСДРП(б) (см. настоящий том, стр. 407—410 и примечание 204). — 411.

²⁰⁸ Демонстрация казаков или казачий «крестный ход» в Петрограде был назначен на 22 октября (4 ноября) 1917 года и рассматривался контрреволюцией как смотр своих сил в борьбе против развертывающейся революции. Большевики провели большую работу среди казаков, призывая их отказаться от участия в этой демонстрации. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов обратился с воззванием к казакам. Представители казачьих полков были приглашены на совещание полковых комитетов, проводившееся Петроградским Советом 21 октября (3 ноября) в Смольном. На совещании казаки заявили, что они не пойдут против рабочих и солдат. Временное правительство вынуждено было в ночь на 22 октября (4 ноября) отменить казачий «крестный ход». — 411.

²⁰⁹ Письмо членам Центрального Комитета РСДРП(б) было написано В. И. Лениным вечером 24 октября (6 ноября). В тот же день поздно вечером Ленин нелегально прибыл в Смольный и непосредственно возглавил руководство вооруженным восстанием. — 412.

²¹⁰ Военно-революционный комитет при Петроградском Совете был создан 12 (25) октября 1917 года по указанию ЦК партии большевиков. В состав ВРК вошли представители Центрального Комитета партии, Петербургского комитета, Петроградского Совета, фабзавкомов, профсоюзов и военных организаций. Работая под непосредственным руководством ЦК партии, ВРК в теснейшем контакте с большевистской Военной организа-

цией руководил формированием отрядов Красной гвардии и вооружением рабочих. Главной задачей ВРК являлась подготовка вооруженного восстания в соответствии с директивами ЦК большевистской партии. ВРК проводил многостороннюю работу по организации боевых сил для победы Октябрьской социалистической революции. Руководящим ядром ВРК являлся созданный на заседании ЦК 16 (29) октября 1917 года Военно-революционный центр в составе А. С. Бубнова, Ф. Э. Дзержинского, Я. М. Свердлова, И. В. Сталина и М. С. Урицкого. Деятельность этого центра повседневно направлял В. И. Ленин. После победы Октябрьской социалистической революции и образования на II съезде Советов Советского правительства главной задачей Военно-революционного комитета стала борьба с контрреволюцией и охрана революционного порядка. По мере создания и укрепления советского аппарата Военно-революционный комитет свои функции передавал организуемым наркоматам. 5 (18) декабря 1917 года ВРК был ликвидирован. — 412.

²¹¹ *«К гражданам России!»* — обращение было написано В. И. Лениным от имени Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов. 25 октября (7 ноября) 1917 года обращение опубликовано в газете *«Рабочий и Солдат»*, затем перепечатано в *«Деревенской Бедноте»*, *«Известиях ЦИК»* и других газетах.

«Рабочий и Солдат» — ежедневная вечерняя газета, орган Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов; выходила с 17 (30) октября 1917 по февраль 1918 года. — 414.

²¹² *Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов* происходил 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 года в Петрограде. К моменту открытия съезда на нем присутствовало 649 делегатов, из них большевиков — 390, эсеров — 160, меньшевиков — 72, меньшевиков-интернационалистов — 14. Делегаты продолжали прибывать и после открытия съезда.

Съезд открылся 25 октября в 10 ч. 40 м. вечера в Смольном. В это время отряды Красной гвардии, матросы и революционная часть Петроградского гарнизона вели штурм Зимнего дворца, где под охраной юнкеров и «ударных» батальонов находилось Временное правительство. В. И. Ленин на первом заседании съезда не присутствовал, так как был занят руководством восстанием. Лидеры правого крыла меньшевиков и эсеров выступили с призывом начать переговоры с Временным правительством о создании коалиционного правительства, называя происходящую социалистическую революцию заговором. Убедившись, что большинство съезда поддерживает большевиков, меньшевики, эсеры и бундовцы покинули съезд. В четвертом часу утра 26 октября (8 ноября) съезд заслушал сообщение о взятии Зимнего дворца и аресте Временного правительства и принял написанное Лениным воззвание *«Рабочим, солдатам и крестьянам!»*, в котором провозглашался переход власти к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Второе заседание съезда открылось 26 октября (8 ноября) в 9 ч. вечера. С докладами о мире и о земле выступил Ленин. Съезд утвердил написанные Лениным исторические декреты о мире и о земле. Съезд сформировал рабочее и крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным. Левые эсеры от участия в Советском правительстве отказались, и в состав правительства вошли только большевики. В состав избранного съездом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета вошел 101 человек, в том числе 62 большевика, 29 левых эсеров, 6 социал-демократов интернационалистов, 3 — от Украинской

социалистической партии, 1 — от эсеров-максималистов. Съезд постановил также, что ВЦИК может быть пополнен представителями крестьянских Советов и армейских организаций, а также представителями тех групп, которые ушли со съезда. Съезд закрылся в шестом часу утра. — 415.

²¹³ *Чартистское движение в Англии, чартизм* (от англ. charter — хартия) — массовое революционное движение английских рабочих в 30—40 годах XIX века. Организационным центром этого движения явилась «Лондонская ассоциация рабочих». Руководство ассоциации в 1838 году выработало петицию (Народную хартию) парламенту, которая содержала требования всеобщего избирательного права для мужчин, достигших 21 года, тайного голосования, отмены имущественного ценза для кандидатов в депутаты парламента и др. В 1840 году была основана «Национальная чартистская ассоциация», которая явилась первой в истории рабочего движения массовой партией рабочих. После 1848 года чартистское движение пришло в упадок. Главной причиной неудач чартистского движения было отсутствие четкой программы и тактики и последовательно-революционного пролетарского руководства. Однако чартисты оказали огромное влияние как на политическую историю Англии, так и на развитие международного рабочего движения. В. И. Ленин характеризовал чартизм как «первое широкое, действительно массовое, политически оформленное, пролетарски-революционное движение» (Сочинения, 5 изд., том 38, стр. 305; 4 изд., том 29, стр. 282). — 418.

²¹⁴ Ленин имеет в виду обращение Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов «К народам всего мира», опубликованное в газете «Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» № 15 от 15 марта 1917 года. — 420.

²¹⁵ «Известия Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» — ежедневная газета, официальный орган Всероссийского Совета крестьянских депутатов; издавалась в Петрограде с 9 (22) мая по декабрь 1917 года; выражала взгляды правого крыла партии эсеров. Октябрьскую социалистическую революцию газета встретила враждебно; была закрыта за контрреволюционное направление. — 424.

²¹⁶ *Удельные и кабинетские земли* — земли, принадлежащие лицам царской фамилии. *Посессионные земли* — земли, отводившиеся государством владельцам фабрик и заводов для надела ими крестьян, работавших только за земельные наделы на этих фабриках и заводах. *Майоратные земли* — заповедные крупные помещичьи имения, переходившие безраздельно из рода в род в порядке наследования к старшему сыну или к старшему в роду. — 424.

²¹⁷ Разработка закона о рабочем контроле над производством была начата сразу же после победы Октябрьской социалистической революции. Написанный В. И. Лениным «Проект положения о рабочем контроле» 26 или 27 октября (8 или 9 ноября) 1917 года обсуждался на совещании в Центральном совете фабзавкомов Петрограда с участием В. И. Ленина и был в основном принят совещанием. Затем 27 октября проект был внесен на рассмотрение Совнаркома. В основу дальнейшей разработки законопроекта о рабочем контроле лег ленинский проект. Окончательная выработка проекта была поручена комиссии, созданной на заседании ВЦИК 8 (21) ноября. 14 (27) ноября ВЦИК рассмотрел представленный комиссией проект и утвердил декрет, получивший название «Положение о рабочем контроле». В нем нашли отражение основные положения ленинского

проекта. Декрет был 16 (29) ноября опубликован в «Известиях ЦИК» № 227. — 428.

²¹⁸ Речь идет об участии большевиков в совещании, созванном при Викжеле (Всероссийском исполнительном комитете союза железнодорожников) для переговоров по вопросу о составе правительства.

Викжель, в котором руководящую роль играли меньшевики и эсеры, после победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде явился одним из оплотов контрреволюции. 29 октября (11 ноября) 1917 года Викжель принял резолюцию, в которой призывал создать новое так называемое «однородное социалистическое правительство», куда бы вошли представители всех партий «от большевиков до народных социалистов». В этот же день открылось созванное при Викжеле совещание по вопросу о составе правительства. ЦК большевистской партии считал возможным принять участие в переговорах, признав, что всякие переговоры о расширении состава правительства и ВЦИК возможны только на основе признания программы деятельности Советской власти, принятой II съездом Советов. По поручению ЦК партии в совещании приняли участие Л. Б. Каменев и Г. Я. Сокольников. ВЦИК также направил на совещание своих представителей — Д. Б. Рязанова и др.

Меньшевики и эсеры рассчитывали занять руководящую роль в коалиционном правительстве и использовать его для борьбы против диктатуры пролетариата. Представители большевиков, принявшие участие в совещании, заняли соглашательскую позицию, не возражали против обсуждения предложений, внесенных меньшевиками и эсерами.

Вопрос о переговорах с Викжелем и о поведении делегации большевиков обсуждался на заседании ЦК партии 1 (14) ноября. В резолюции, принятой на заседании ЦК, было указано, что соглашательские партии ведут переговоры в целях подрыва Советской власти и что поэтому ЦК разрешает представителям большевиков принять участие в предстоящем заседании по вопросу о власти с единственной целью — разоблачить несостоятельность попытки создания коалиционной власти и окончательно прекратить переговоры. Вечером 1 (14) ноября вопрос о ходе переговоров обсуждался на заседании ВЦИК, на котором была принята предложенная большевистской фракцией резолюция, составленная в духе решения ЦК от 1 (14) ноября. Однако оппозиционная группа — Каменев, Зиновьев, Рыков, Милютин, Ларин, Рязанов и др., занявшая правооппортунистические позиции, противопоставила свою линию линии ЦК партии и срывала его решение. 2 (15) ноября ЦК принял резолюцию по вопросу об оппозиции внутри ЦК (см. настоящий том, стр. 432—433). На заседании ВЦИК, происходившем в ночь со 2 (15) на 3 (16) ноября, после выступления левых эсеров с требованием пересмотра решения ВЦИК об условиях соглашения, Каменев и Зиновьев провели резолюцию, которая шла вразрез с резолюцией ЦК от 2 (15) ноября и предусматривала изменение состава правительства, допуская, чтобы большевики имели в нем лишь половину мест. Оппозиционеры голосовали во ВЦИК за эту резолюцию. После ультиматума, предъявленного 3 (16) ноября большинством ЦК оппозиционному меньшинству (см. настоящий том, стр. 434—435), Каменев, Зиновьев, Рыков, Милютин и Ногин вышли из ЦК, а трое последних и Теодорович сложили с себя звание народных комиссаров. К их заявлению присоединились Рязанов, Ларин и несколько других советских работников. 5 или 6 (18 или 19) ноября ЦК партии обратился еще раз к Каменеву, Зиновьеву, Рязанову и Ларину, выступавшим против решений ЦК в беспартийных организациях, с ультимативным требованием прекратить дезорганизаторскую деятельность (см. Сочинения, 5 изд., том 35, стр. 70—71; 4 изд., том 26, стр. 268). 7 (20) ноября ЦК партии опубликовал в «Правде» обращение

ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России, в котором характеризовал оппозиционеров как дезертиров революции, отступивших от принципов большевизма (см. настоящий том, стр. 441—444). — 431.

²¹⁹ Ультиматум, предъявленный меньшинству членов ЦК, настаивавшему на разделении власти с соглашательскими мелкобуржуазными партиями, был подписан, кроме В. И. Ленина, А. С. Бубновым, Ф. Э. Дзержинским, А. А. Иоффе, М. К. Мурановым, Я. М. Свердловым, Г. Я. Сокольниковым, И. В. Сталиным, Л. Д. Троцким и М. С. Урицким, — 434.

²²⁰ *Комитет спасения, Комитет общественной безопасности* был создан 25 октября (7 ноября) 1917 года при Московской городской думе в целях вооруженной борьбы против Советов в Москве; руководил начавшимся 28 октября (10 ноября) контрреволюционным юнкерским восстанием. 2 (15) ноября восстание юнкеров было подавлено, а Комитет общественной безопасности капитулировал перед Московским Военно-революционным комитетом. — 436.

²²¹ «*Ответ на запросы крестьян*» был написан В. И. Лениным в связи с многочисленными обращениями крестьянских ходоков в Совнарком. «*Ответ*», перепечатанный на машинке, адресовался именно той губернии, от которой крестьяне приходили, и за собственноручной подписью Ленина выдавался на руки ходокам. «*Ответ*» был опубликован в газетах «Деревенская Беднота», «Известия ЦИК» и других и издан отдельной листовкой под заголовком «Инструкция крестьянам». 4 (17) декабря 1917 года «*Ответ*» был опубликован в «Собрании узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства» под заглавием «О переходе земли в распоряжение земельных комитетов». «*Ответ на запросы крестьян*» явился важным документом, регулировавшим революционное уничтожение помещичьего землевладения. — 439.

²²² Упоминаемое В. И. Лениным постановление ЦК РСДРП(б) не найдено. — 442.

²²³ *Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов* был созван по постановлению ВЦИК и происходил 11—25 ноября (24 ноября — 8 декабря) 1917 года в Петрограде.

На съезде присутствовали делегаты от губернских, уездных, фронтовых, армейских, корпусных и дивизионных крестьянских Советов. На первом заседании съезда присутствовало около 260 делегатов, а 18 ноября (1 декабря) — 330 делегатов с решающим голосом, в том числе 195 левых эсеров, 37 большевиков, 65 правых эсеров и центра. В дальнейшем количество делегатов продолжало увеличиваться. На съезде происходила острая борьба между правым и левым крылом, в результате которой правые эсеры покинули съезд. Борьба большевиков против правых эсеров была затруднена неустойчивой позицией левых эсеров.

Попытки правых эсеров расколоть съезд не удались. На заседании съезда днем 15 (28) ноября был обсужден и одобрен доклад президиума съезда о выработанных им совместно с президиумом ВЦИК условиях объединения ВЦИК и крестьянского Исполкома; в связи с этим на съезде с приветствием от имени ВЦИК выступил Я. М. Свердлов. Затем съезд в полном составе отправился в Смольный, где в 6 часов вечера в торжественной обстановке состоялось соединенное заседание ВЦИК, Чрезвычайного съезда Советов крестьянских депутатов и Петроградского Совета. На заседании был заслушан и обсужден доклад о слиянии ВЦИК и Исполнительного комитета, избранного на Чрезвычайном крестьянском съезде, и принята резолюция, подтверждающая декреты II съезда Советов о мире

и о земле и декрет ВЦИК о рабочем контроле. По аграрному вопросу съезд принял резолюцию, предложенную левыми эсерами, в основу которой был положен принцип уравнительного землепользования.

Съезд поручил президиуму открыть 26 ноября (9 декабря) II Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов. Делегаты Чрезвычайного съезда вошли полностью в состав II съезда.

В. И. Ленин выступал на съезде с речами: по аграрному вопросу, по поводу заявления представителя Викжеля (см. Сочинения, 5 изд., том 35, стр. 94—95, 98—99; 4 изд., том 26, стр. 288—289, 292—293) и с заключительным словом по аграрному вопросу. Выступления Ленина, в которых разъяснялась точка зрения большевиков на аграрный вопрос и на условия соглашения с левыми эсерами, имели большое значение для направления работы съезда и сплочения его левого крыла. — 445.

²²⁴ Вопрос о создании ВСНХ (Высшего совета народного хозяйства) был поставлен сразу после победы Октябрьской революции. 26 или 27 октября (8 или 9 ноября) 1917 года на совещании в Центральном совете фабзавкомов Петрограда с участием В. И. Ленина обсуждался проект создания руководящего хозяйственного органа. Выступая 9 (22) ноября на расширенном заседании Петроградского Совета профсоюзов, Ленин обращал внимание на необходимость создания аппарата по управлению хозяйством Советской страны и указывал, что подготовка к созданию таких организаций уже началась. Проект организации высшего хозяйственного органа разрабатывался особой комиссией, созданной Совнаркомом.

Большевистская фракция ВЦИК, обсуждая вопрос о создании ВСНХ, подчеркнула необходимость превратить ВСНХ в боевой орган рабочей диктатуры, дав ему законодательные права. 1 (14) декабря вопрос о создании ВСНХ обсуждался на заседании ВЦИК. «Декрет о Высшем совете народного хозяйства» был утвержден и опубликован 5 (18) декабря в «Газете Временного Рабочего и Крестьянского Правительства» № 25.

Ленин уделял большое внимание организации работы ВСНХ, направлял его работу, выступал на съездах советов народного хозяйства. Вопрос о налаживании деятельности ВСНХ неоднократно обсуждался на заседаниях Совнаркома. С завершением национализации крупной промышленности ВСНХ превратился в орган управления государственной промышленностью Советской страны. — 452.

²²⁵ *Украинская центральная рада* — контрреволюционная буржуазно-националистическая организация, созданная в апреле 1917 года на Всеукраинском национальном конгрессе в Киеве блоком украинских буржуазных и мелкобуржуазных националистических партий и групп. Председателем Рады был идеолог украинской буржуазии М. С. Грушевский, его заместителем — В. К. Винниченко. В состав Рады входили Петлюра, Ефремов, Антонович и др. националисты. После победы Великой Октябрьской социалистической революции Рада объявила себя верховным органом «Украинской народной республики» и встала на путь открытой борьбы с Советской властью, являясь одним из центров всероссийской контрреволюции.

В декабре 1917 года на I Всеукраинском съезде Советов, состоявшемся в Харькове, Украина была провозглашена Советской республикой. Съезд объявил о свержении власти Центральной рады. Совет Народных Комиссаров РСФСР признал Украинское Советское правительство единственным законным правительством Украины и постановил оказать ему немедленную помощь в борьбе с контрреволюционной Радой. В январе 1918 года советские войска на Украине перешли в наступление и 26 января (8 февраля) заняли Киев, свергнув господство буржуазной Рады.

Разгромленная и изгнанная с территории Советской Украины, не имевшая опоры среди трудящихся масс, Центральная рада вступила в союз с германскими империалистами с целью свержения Советской власти и реставрации буржуазного строя на Украине. Во время мирных переговоров Советской республики с Германией Рада послала в Брест-Литовск свою делегацию и за спиной советской делегации заключила сепаратный мир с Германией, по которому отдавала Германии украинский хлеб, уголь, сырье, а получала военную помощь в борьбе против Советской власти. В марте 1918 года вместе с австро-германскими оккупантами Рада вернулась в Киев, став марионеткой в их руках. Убедившись в полном бессилии Рады подавить революционное движение на Украине и обеспечить требуемые поставки продовольствия, немцы в конце апреля ее разогнали. — 457.

²²⁶ Статья *«За хлеб и за мир»* была написана В. И. Лениным 14 (27) декабря 1917 года по просьбе шведского левого социал-демократа Хёглунда, прибывшего в это время в Петроград с поручениями от Левой социал-демократической партии Швеции. Впервые статья была напечатана на немецком языке в мае 1918 года в газете *«Jugend-Internationale»* (*«Интернационал Молодежи»*).

Рукописи статьи в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС не имеется. — 460.

²²⁷ Речь была произнесена В. И. Лениным в связи с обсуждением на заседании ВЦИК 14 (27) декабря 1917 года декрета о национализации банков.

Государственный банк был захвачен 25 октября (7 ноября) 1917 года. Утром 14 (27) декабря по распоряжению правительства отрядами рабочих и красногвардейцев были заняты все банки и кредитные учреждения Петрограда. В этот же день на заседании ВЦИК были приняты декреты *«О национализации банков»* и *«О ревизии стальных ящиков в банках»*. Оба декрета опубликованы 15 (28) декабря в *«Известиях ЦИК»* № 252. — 462.

²²⁸ *«Проект декрета о проведении в жизнь национализации банков и о необходимых в связи с этим мерах»* был внесен В. И. Лениным на обсуждение бюро Высшего совета народного хозяйства около 14 (27) декабря 1917 года. Протокола заседания, на котором обсуждался этот проект, не сохранилось. Проект декрета был опубликован в ноябре 1918 года в органе ВСНХ — журнале *«Народное хозяйство»* № 11. — 465.

²²⁹ К. Маркс. Письмо В. Бракке от 5 мая 1875 г. (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 34, стр. 111). — 474.

²³⁰ В. И. Ленин цитирует здесь слова Мефистофеля из трагедии И.-В. Гёте *«Фауст»* (см. Гёте. *«Фауст»*. Часть 1. Сцена 4-я. *«Кабинет Фауста»*). — 474.

²³¹ Проект *«Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа»* был внесен на заседании ВЦИК 3 (16) января 1918 года. Проект был принят за основу большинством голосов при двух против и одном воздержавшемся и передан для окончательной доработки в согласительную комиссию. *«Декларация»*, принятая ВЦИК, 4 (17) января была опубликована в *«Известиях ЦИК»*. 12 (25) января *«Декларация»* была утверждена III Всероссийским съездом Советов и впоследствии легла в основу Советской конституции. — 477.

²³² 6(19) декабря 1917 года финляндский сейм принял декларацию об объявлении Финляндии независимым государством. В соответствии с

национальной политикой Советского государства 18 (31) декабря 1917 года Совнарком принял декрет о государственной независимости Финляндии. Во время заседания СНК В. И. Ленин лично вручил текст декрета премьер-министру Финляндии П.-Э. Свинхувуду, возглавлявшему финляндскую правительственную делегацию. 22 декабря 1917 года (4 января 1918) декрет о независимости Финляндии был утвержден ВЦИК.

19 декабря 1917 года (1 января 1918) согласно договору, заключенному Россией с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией в Бресте 2 (15) декабря, Советским правительством было сделано предложение персидскому правительству о выработке общего плана вывода русских войск из Персии.

29 декабря 1917 года (11 января 1918) Совнарком принял «Декрет о «Турецкой Армении»». Декрет был опубликован 31 декабря 1917 года (13 января 1918) в газете «Правда» № 227. — 478.

²³³ Вопрос о роспуске Учредительного собрания рассматривался на заседании Совнаркома 6 (19) января 1918 года. Основное содержание декрета о роспуске Учредительного собрания было намечено В. И. Лениным в первоначальном наброске тезисов декрета. К заседанию СНК Ленин развил этот набросок в тезисы декрета (см. Сочинения, 5 изд., том 35, стр. 232—235), которые зачитывались и утверждались по пунктам.

В ночь с 6 на 7 (с 19 на 20) января состоялось заседание ВЦИК, на котором большинством голосов при 2 против и 5 воздержавшихся был принят декрет о роспуске Учредительного собрания. С речью о роспуске Учредительного собрания выступил Ленин (см. Сочинения, 5 изд., том 35, стр. 238—242; 4 изд., том 26, стр. 396—400). В основу декрета, принятого ВЦИК, лег ленинский проект. Декрет о роспуске Учредительного собрания 7 (20) января 1918 года был опубликован в газетах «Правда» и «Известия ЦИК». — 480.

²³⁴ «Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира» были оглашены В. И. Лениным на совещании членов ЦК с партийными работниками 8 (21) января 1918 года. Всего на совещании присутствовало 63 человека.

Из выступления Ленина на заседании ЦК 11 (24) января известно, что за ленинские тезисы голосовало 15 участников совещания, 32 человека поддержало позицию «левых коммунистов» и 16 — позицию Троцкого.

Тезисы были опубликованы 24 февраля 1918 года, когда большинство ЦК встало по вопросу о подписании мира на ленинскую позицию. При опубликовании Ленин написал к тезисам введение и озаглавил документ: «К истории вопроса о несчастном мире».

Активную борьбу за мир Коммунистическая партия и Советское правительство развернули с первых же дней Октябрьской революции. В декрете о мире, принятом 26 октября (8 ноября) на II Всероссийском съезде Советов, Советское правительство предложило всем воюющим странам начать немедленно переговоры о заключении справедливого, демократического мира без аннексий и контрибуций. Но империалисты стран Антанты отказались принять это предложение Советского правительства. Исходя из неотложной необходимости обеспечить России выход из войны, Советское правительство вынуждено было встать на путь сепаратных переговоров о мире с Германией. 19 ноября (2 декабря) 1917 г. мирная делегация Советской России встретила в Брест-Литовске с делегацией австро-германского блока, в состав которой входили также представители Болгарии и Турции. 2 (15) декабря 1917 года было подписано соглашение о перемирии. В договоре о перемирии был предусмотрен созыв мирной конференции.

Мирная конференция в Брест-Литовске открылась 9 (22) декабря 1917 года. В ней приняли участие делегации Советской России и держав

Четверного союза (Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции). На первом же заседании конференции советская делегация огласила декларацию об условиях мира. 5 (18) января 1918 года представители Четверного союза предъявили советской делегации территориальные притязания своих правительств. По их плану от России должна была отойти к Германии и Австро-Венгрии территория, составлявшая более 150 тысяч квадратных километров: Польша, Литва, часть Эстонии и Латвии, а также значительные пространства, населенные украинцами и белорусами.

Несмотря на то что условия, выдвинутые немецкими империалистами, носили явно грабительский характер, Ленин настаивал на заключении мира, так как считал, что для укрепления Советской власти необходима передышка, что при общей усталости населения от войны, наличии разрухи, неспособности армии воевать продолжение войны приведет неминуемо к гибели Советской власти. Позиция Ленина и его сторонников встретила сопротивление со стороны Троцкого и группы «левых коммунистов» — Н. И. Бухарина, А. Ломова (Г. И. Оппокова), А. А. Иоффе, Г. Л. Пятакова, Н. Осинского (В. В. Оболенского) и др. «Левые коммунисты» требовали разрыва переговоров, выдвинули авантюристский лозунг «революционной войны», повели ожесточенную борьбу против Ленина и его сторонников. Взгляды «левых коммунистов» нашли некоторую поддержку в ряде партийных организаций Москвы, Петрограда, Урала и др. Троцкий, возглавлявший на втором этапе мирных переговоров советскую делегацию, занял капитулянтскую позицию. Нарушив директивы Центрального Комитета партии и указания В. И. Ленина всемерно затягивать переговоры, но в случае предъявления немцами ультиматума мир подписать, он огласил в Брест-Литовске заявление о том, что Советская Россия мира не подписывает, войну прекращает, армию демобилизует. Это заявление повело к разрыву переговоров. 18 февраля немцы начали наступление по всему фронту.

На заседаниях ЦК 17 и 18 февраля (утром) предложение Ленина немедленно вступить в переговоры с Германией получило меньшинство голосов. На заседании ЦК, экстренно созванном вечером 18 февраля, когда немецкое наступление стало фактом, после продолжительной и острой борьбы с Троцким и «левыми коммунистами» Ленину удалось впервые получить большинство голосов в пользу подписания мира. Утром 19 февраля германскому правительству была послана радиограмма о согласии Советского правительства подписать мир на условиях, предъявленных немцами в Брест-Литовске (см. настоящий том, стр. 511).

23 февраля утром был получен ответ немецкого командования, в котором содержались еще более тяжелые условия мира. При обсуждении нового германского ультиматума в ЦК партии 23 февраля продолжалась напряженная борьба, в результате которой ЦК партии большинством голосов высказался за предложение В. И. Ленина немедленно подписать мир на предъявленных Германией условиях. В ночь на 24 февраля ВЦИК, а потом и СНК постановили принять немецкие условия мира, о чем было немедленно сообщено германскому правительству.

Экстренно созванный VII съезд партии большинством голосов подтвердил правильность ленинской линии в вопросе о мире. Состоявшийся 14—16 марта IV Чрезвычайный съезд Советов ратифицировал Брестский договор.

Ноябрьская революция в Германии (1918) свергла власть кайзера Вильгельма II, и Советское правительство получило возможность аннулировать Брестский договор. — 482.

²³⁵ На заседании ЦК 11 (24) января 1918 года после выступления Ленина происходило обсуждение вопроса о войне и мире. Против Ленина

выступили «левые коммунисты» и Троцкий. Надеюсь преодолеть сопротивление заключению мира внутри ЦК и добиться перелома настроений той части масс, которая шла за сторонниками революционной войны, Ленин внес предложение о всяческом затягивании переговоров, которое было принято 12 голосами при 1 против. — 492.

²³⁶ В. И. Ленин имеет, по-видимому, в виду статью, напечатанную без подписи в газете «Новая Жизнь» № 7 от 11 (24) января 1918 года под заглавием «Большевики и германская социал-демократия». В газете указано, что эта статья принадлежит видному представителю немецкой независимой социал-демократической партии. — 493.

²³⁷ В. И. Ленин имеет в виду следующие слова из протокольной записи выступления И. В. Сталина: «Тов. Сталин считает, что, принимая лозунг революционной войны, мы играем на руку империализму. Позиция тов. Троцкого не есть позиция. Революционного движения на Западе нет, нет фактов, а есть только потенция, а с потенцией мы не можем считаться. Если немцы начнут наступать, то это усилит у нас контрреволюцию».

Из выступления Г. Е. Зиновьева Ленин имеет в виду следующие слова: «...конечно, мы стоим перед тяжелой хирургической операцией, так как миром мы усилим шовинизм в Германии и на некоторое время ослабляем движение везде на западе. А дальше виднеется другая перспектива — это гибель социалистической республики» («Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918», М., 1958, стр. 171—172). — 494.

²³⁸ Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов состоялся 10—18 (23—31) января 1918 года в Петрограде. В начале съезда на нем присутствовало 707 делегатов, из них 441 большевик. 13 (26) января к съезду присоединились участники III Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов. Кроме того, количество делегатов пополнялось за счет опоздавших к моменту открытия съезда. На заключительном заседании съезда присутствовало 1587 делегатов.

Съезд обсудил доклад Я. М. Свердлова о деятельности ВЦИК. В. И. Ленин выступил на съезде с докладом о деятельности Совнаркома и с заключительным словом по докладу.

Съезд утвердил ленинскую «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которая в дальнейшем явилась основой Конституции Советского государства. В принятой съездом резолюции полностью одобрялась политика ВЦИК и СНК и выражалось им полное доверие. Съезд также одобрил политику Совнаркома по вопросу о мире и предоставил ему в этом вопросе самые широкие полномочия.

Съезд заслушал доклад народного комиссара по делам национальностей И. В. Сталина об основах федеративного устройства советских республик и о национальной политике Советской власти и принял решение о том, что Российская социалистическая республика учреждается на основе добровольного союза народов России как федерация советских республик. Съезд одобрил политику Советской власти по национальному вопросу. Съезд утвердил основные положения Закона о социализации земли, выработанного на основе Декрета о земле.

В состав ВЦИК, избранного съездом, вошло 160 большевиков, 125 левых эсеров, 2 социал-демократа интернационалиста, 3 анархиста-коммуниста, 7 эсеров-максималистов, 7 правых эсеров и 2 меньшевика.

Перед закрытием съезда с заключительным словом выступил В. И. Ленин. Съезд, указал он, «открыл новую эпоху всемирной истории» и, закрепив организацию новой государственной власти, созданной Октябрьской революцией, «наметил вехи грядущего социалистического строи-

тельства для всего мира, для трудящихся всех стран» (см. Сочинения, 5 изд., том 35, стр. 286; 4 изд., том 26, стр. 434). — 495.

²³⁹ В. И. Ленин имеет в виду переговоры Всероссийского профессионального союза рабочих кожевников с предпринимателями. Союз кожевников требовал расширить рабочее представительство в Главном комитете по кожевенным делам и реорганизовать его на демократических началах. В начале 1918 года в результате этих переговоров Главный комитет и районные комитеты по кожевенным делам были реорганизованы и две трети голосов в них получили рабочие. 6 апреля 1918 года всем Советам была разослана телеграмма за подписью В. И. Ленина о необходимости демократизации местных органов Главкожи и неукоснительного проведения в жизнь распоряжения Главного комитета и районных комитетов по кожевенным делам (см. Сочинения, 5 изд., том 50, стр. 56 и 418). — 508.

²⁴⁰ К. Маркс. Письмо Ф. Энгельсу от 12 февраля 1870 г. (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 32, стр. 363). — 509.

²⁴¹ Ленин имеет в виду антивоенные выступления итальянских рабочих в Турине в августе 1917 года (см. примечание 200). Стачки австрийских рабочих в январе 1918 года в связи с переговорами о мире в Брест-Литовске проходили под лозунгом заключения всеобщего мира, а также требованиями улучшения продовольственного положения рабочих. — 509.

²⁴² Радиограмма правительству германской империи утром 19 февраля была передана от имени Совнаркома в Берлин. Однако ответ германского правительства, содержащий новые, еще более тяжелые условия мира, был вручен советскому курьеру только 22 февраля и получен в Петрограде утром 23 февраля. В ответе германского правительства было предъявлено требование рассмотреть новые условия мира в течение 48 часов. Немцы, задерживая ответ, продолжали наступление и за эти дни, значительно продвинувшись на территорию Советской России, заняли ряд городов и угрожали Петрограду. См. также примечание 234. — 511.

²⁴³ Декрет *«Социалистическое отечество в опасности!»* был принят Совнаркомом 21 февраля 1918 года и опубликован 22 февраля в «Правде» и «Известиях ЦИК», кроме того, выпущен отдельным листком. Декрет был написан Лениным в связи с разрывом мирных переговоров в Брест-Литовске и начавшимся наступлением немецких империалистов. Призыв партии и правительства поднял на борьбу с немецкими империалистами массы революционного народа. Быстро сформированные молодые отряды Красной Армии героически отражали натиск немецких оккупантов. Под Нарвой, Псковом и Ревелем немецким захватчикам был дан решительный отпор. Наступление немецких войск на Петроград было приостановлено. — 512.

²⁴⁴ Революция в Финляндии началась 27 января 1918 года по призыву руководства Социал-демократической партии Финляндии. Буржуазное правительство Свинхувуда было свергнуто, власть перешла в руки рабочих. 29 января было создано революционное правительство Финляндии — Совет народных уполномоченных, в которое вошли Э. Гюлинг, О. Куусинен, Ю. Сирола, А. Тайми и другие.

Однако пролетарская революция победила только на юге Финляндии. Правительство Свинхувуда, укрепившись на севере страны, где стали сосредоточиваться все контрреволюционные силы, обратилось за помощью к германскому кайзеровскому правительству. В результате вмешательства германских вооруженных сил 2 мая 1918 года после ожесточенной гражданской войны, продолжавшейся три месяца, рабочая революция в

Финляндии была подавлена. В стране наступил белый террор, тысячи революционных рабочих и крестьян были казнены и замучены в тюрьмах. — 517.

²⁴⁵ Ленин имеет в виду объединенное заседание фракций большевиков и левых эсеров ВЦИК вечером 23 февраля 1918 года. Оно было созвано для обсуждения вопроса о принятии новых германских условий мира. Заседание проходило в чрезвычайно напряженной обстановке.

Против подписания мира выступали К. Б. Радек, Д. Б. Рязанов и левый эсер И. З. Штейнберг. В защиту подписания мира выступил В. И. Ленин (см. Сочинения, 5 изд., том 35, стр. 372; 4 изд., том 27, стр. 23). На заседании не было принято никаких решений. Вслед за объединенным заседанием фракций состоялось заседание большевистской фракции ВЦИК. «Левые коммунисты» требовали свободы голосования в предстоящем заседании ВЦИК, но фракция это требование отвергла и большинством голосов приняла решение голосовать на заседании ВЦИК за подписание мира.

Заседание ВЦИК, посвященное вопросу заключения мира с Германией, открылось 24 февраля в 3 часа утра под председательством Я. М. Свердлова. Доклад о новых германских условиях мирного договора сделал В. И. Ленин (см. Сочинения, 5 изд., том 35, стр. 376—380; 4 изд., том 27, стр. 24—28). Против подписания мира выступили представители меньшевиков, правых и левых эсеров и анархистов. 116 голосами против 85, при 26 воздержавшихся заседание утвердило предложенную большевиками резолюцию о принятии немецких условий мира. Большинство «левых коммунистов» не приняло участия в голосовании, покинув на это время зал заседаний. — 518.

²⁴⁶ Вопрос об эвакуации правительства и правительственных учреждений из Петрограда в Москву в связи с наступлением немцев на Псков обсуждался на заседании Совнаркома 26 февраля 1918 года. Ленинский проект постановления был с незначительными изменениями принят СНК. Окончательное решение о перенесении столицы Советской республики в Москву было принято IV Чрезвычайным Всероссийским съездом Советов в марте 1918 года. — 521.

²⁴⁷ Речь идет о резолюции, принятой Московским областным бюро РСДРП(большевиков), временно захваченным в период борьбы партии за Брестский мир «левыми коммунистами»; к весне 1918 года Бюро фактически играло роль антипартийного фракционного центра. Раскольническая антисоветская резолюция, о которой говорит Ленин, была вынесена на заседании узкого состава Бюро после принятия ЦК партии предложенных немецкими империалистами новых условий мира. — 522.

²⁴⁸ Речь идет о голосовании по вопросу о мире с Германией на совещании ЦК партии с представителями разных течений в партии 21 января (3 февраля) 1918 года. На этом совещании против допустимости мира вообще между социалистическим и империалистическим государствами голосовали два «левых коммуниста» — Осинский (Оболенский) и Стуков. Большинство же «левых коммунистов» заняло при голосовании двойственную позицию: допуская возможность заключения мира между социалистическим и империалистическим государствами, они в то же время голосовали против немедленного подписания мира с Германией (см. «Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918», 1958, стр. 190—191). — 525.

²⁴⁹ *Седьмой Экстренный съезд РКП(б)* — первый съезд Коммунистической партии после победы Великой Октябрьской социалистической революции — состоялся 6—8 марта 1918 года в Петрограде в Таврическом

дворце. Он был созван для окончательного решения вопроса о заключении мирного договора с Германией, по которому внутри партии шла напряженная борьба.

На съезде присутствовало 47 делегатов с решающим голосом и 59 с совещательным; они представляли свыше 170 000 членов партии, в том числе крупнейших партийных организаций: московской, петроградской, Урала, Поволжья. Всего в партии к моменту съезда насчитывалось около 300 000 членов партии. Но значительная часть организаций не успела прислать делегатов из-за спешности созыва съезда или не имела возможности этого сделать в связи с временной оккупацией немцами ряда районов Советской страны.

Съезд утвердил следующий порядок дня: отчет ЦК; вопрос о войне и мире; пересмотр программы и наименования партии; организационные вопросы; выборы ЦК.

Ленин руководил всей работой съезда. Он выступал с политическим отчетом ЦК, с докладом о пересмотре программы и наименования партии; принял участие в обсуждении всех вопросов, выступив на съезде 18 раз.

После политического отчета ЦК лидер «левых коммунистов» Бухарин выступил с содокладом, в котором отстаивал авантюристическое требование войны с Германией. По докладам развернулись острые прения, в которых выступило 18 делегатов. Под влиянием убедительных доводов Ленина часть «левых коммунистов» пересмотрела свои позиции. Единогласно утвердив отчет ЦК, съезд перешел к обсуждению резолюции по вопросу о войне и мире. Отвергнув «Тезисы о современном моменте», внесенные «левыми коммунистами» в качестве резолюции, съезд поименным голосованием, 30 голосами против 12 при 4 воздержавшихся, принял по вопросу о Брестском мире резолюцию Ленина (см. настоящий том, стр. 554—555).

Затем съезд обсудил вопрос о пересмотре программы и изменении названия партии; с докладом по этим вопросам выступил Ленин; в основу доклада был положен написанный им «Черновой набросок проекта программы» (см. Сочинения, 5 изд., том 36, стр. 70—76; 4 изд., том 27, стр. 127—132), розданный делегатам еще в начале съезда. Указав, что название партии должно отражать поставленные ею цели, Ленин предложил переименовать партию в Российскую коммунистическую партию (большевиков) и изменить ее программу. Единогласно проголосовав за ленинскую резолюцию, съезд принял предложенное Лениным название партии. Для окончательной разработки новой программы съезд избрал комиссию в составе семи членов во главе с Лениным.

Закрытым голосованием съезд избрал Центральный Комитет из 15 членов и 8 кандидатов. Избранные в ЦК «левые коммунисты» Н. И. Бухарин, А. Ломов (Г. И. Оппоков) и М. С. Урицкий заявили на съезде о своем отказе работать в ЦК и не приступали к работе в течение нескольких месяцев, несмотря на ряд категорических предложений ЦК.

VII съезд партии имел огромное историческое значение. Он подтвердил правильность ленинской линии на завоевание мирной передышки, разбил дезорганизаторов партии — «левых коммунистов» и троцкистов, и нацелил Коммунистическую партию и рабочий класс на решение основных задач социалистического строительства. Решения съезда широко обсуждались в местных партийных организациях и получили всеобщее одобрение, вопреки продолжавшейся раскольнической деятельности «левых коммунистов».

Состоявшийся вскоре, 14—16 марта, IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов ратифицировал Брестский мирный договор. — 529.

²⁵⁰ Речь идет о капитулянтской позиции Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева, А. И. Рыкова и некоторых других членов Центрального Комитета партии и Советского правительства, выступавших после Октябрьской

социалистической революции в поддержку эсеро-меньшевистского требования создать «однородное социалистическое правительство» (см. настоящий том, стр. 431—435, 441—444). — 529.

²⁵¹ Этот довод против подписания условий мира, продиктованных Германией, выдвигался «левыми коммунистами» на совещании членов ЦК с партийными работниками 8 (21) января 1918 года. В. В. Оболенский (Н. Осинский) утверждал, что «германский солдат не пойдет на наступление», а Е. А. Преображенский пытался доказать, что германская армия «технически не может наступать: зима, дорог нет...». Ошибочность и вредность подобных утверждений раскрыта В. И. Лениным в статье «О революционной фразе» (см. Сочинения, 5 изд., том 35, стр. 343—353; 4 изд., том 27, стр. 1—10). — 535.

²⁵² В. И. Ленин имеет в виду заявление Троцкого, сделанное им 28 января (10 февраля) 1918 года во время переговоров с немецким командованием в Брест-Литовске. — 538.

²⁵³ Речь идет об обязательной присяге-подписке на верность царю, дававшейся депутатами III Государственной думы. Так как отказ от присяги вел к потере думской трибуны, необходимой для мобилизации пролетариата на революционную борьбу, социал-демократические депутаты подписывали присягу вместе со всеми депутатами Думы. — 540.

²⁵⁴ Термин «международная полевая революция» употребил В. В. Оболенский (Н. Осинский) в «Тезисах по вопросу о войне и мире», написанных им к заседанию ЦК партии 21 января (3 февраля) 1918 года и опубликованных 14 марта в газете «левых коммунистов» «Коммунист» № 8. — 542.

²⁵⁵ *Тильзитский мирный договор*, заключенный в июле 1807 года между Францией и Пруссией, возлагал на Пруссию тяжелые и унижительные обязательства. Пруссия потеряла большую территорию, на нее была наложена контрибуция в размере 100 млн. франков; она обязывалась сократить свою армию до 40 тысяч человек, выставить по требованию Наполеона вспомогательные военные силы и прекратить торговлю с Англией. — 542.

²⁵⁶ «Коммунист» — ежедневная газета, фракционный орган группы «левых коммунистов»; выходила в Петрограде с 5 по 19 марта 1918 года как орган Петербургского комитета и Петербургского окружного комитета РСДРП. Всего вышло 11 номеров. Издание газеты было прекращено по постановлению Петроградской общегородской партийной конференции 20 марта 1918 года. Конференция признала, что политика Петроградского комитета, выраженная на страницах газеты «Коммунист», была глубоко ошибочной и что она ни в какой мере не отражает позиции петроградской организации Коммунистической партии. Органом петроградской партийной организации вместо «Коммуниста» конференция объявила «Петроградскую Правду». — 543.

²⁵⁷ В. И. Ленин имеет в виду, по-видимому, дни от начала наступления германских войск — 18 февраля — до прибытия советской делегации в Брест-Литовск 28 февраля 1918 года. Наступление немецких оккупантов продолжалось по 3 марта — день подписания мирного договора. — 544.

²⁵⁸ Речь идет о резолюции, принятой Московским областным бюро РСДРП 24 февраля 1918 года. Критику этого антипартийного документа см. в статье В. И. Ленина «Странное и чудовищное» (настоящий том, стр. 522—528). — 545.

²⁵⁹ В. И. Ленин имеет в виду беседу с французским офицером графом де Люберсак, состоявшуюся 27 февраля 1918 года. — 548.

²⁶⁰ Имеется в виду обращение Народного комиссариата по военным делам, которое призывало всех рабочих и крестьян Советской республики к добровольному военному обучению. Необходимость перехода к добровольному изучению военного дела вызывалась тем, что русская армия по условиям мирного договора с Германией подлежала полной демобилизации. Обращение было опубликовано 5 марта 1918 года в газете «Известия ВЦИК» № 40. — 549.

²⁶¹ *Каносса* — замок в Северной Италии. В 1077 году германский император Генрих IV, потерпев поражение в борьбе против римского папы Григория VII, три дня простоял в одежде кающегося грешника перед воротами этого замка, чтобы снять с себя отлучение от церкви и вернуть власть императора. Отсюда и возникло выражение «идти в Каноссу» — идти с повинной, идти на унижение перед противником. — 549.

²⁶² По договору о перемирии, заключенному 2 (15) декабря 1917 года в Брест-Литовске между Советским правительством и державами Четверного союза (Германия, Австро-Венгрия, Болгария, Турция), одна из сторон могла возобновить военные действия с предупреждением за 7 дней. Германское военное командование нарушило это условие, начав наступление по всему фронту 18 февраля — через два дня после объявления о прекращении перемирия. — 550.

²⁶³ Согласно статье VI Брестского мирного договора, подписанного 3 марта 1918 года, Россия обязывалась заключить мир с контрреволюционной украинской Центральной радой. Переговоры о мире между Советским правительством и Радой в то время не состоялись. 29 апреля 1918 года германские оккупанты с помощью кадетско-октябристской буржуазии совершили на Украине переворот, Рада была сброшена и заменена диктаторским режимом гетмана Скоропадского. Переговоры между Советской Россией и правительством Скоропадского начались 23 мая; перемирие было подписано 14 июня 1918 года. — 551.

²⁶⁴ 12 марта — предполагавшийся срок созыва IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов для решения вопроса о ратификации мирного договора с Германией. Съезд состоялся 14—16 марта 1918 года. — 551.

²⁶⁵ Резолюция о войне и мире была принята 8 марта на утреннем заседании съезда партии. По предложению В. И. Ленина, утвержденному съездом, резолюция не подлежала публикации. Впервые она была напечатана 1 января 1919 года в ежедневной рабочей газете «Коммунар», которая издавалась ЦК РКП(б) в Москве с 9 октября 1918 по 1 июня 1919 года. — 554.

²⁶⁶ Г. Е. Зиновьев предлагал поручить новому составу ЦК найти форму опубликования резолюции о войне и мире. Поправка Зиновьева не была принята; большинством голосов съезд утвердил дополнение В. И. Ленина. — 555.

²⁶⁷ Вопрос о пересмотре партийной программы обсуждался на Седьмой (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) (см. настоящий том, стр. 81—82), затем стоял на Шестом съезде партии. Подтвердив постановление Апрельской конференции о необходимости пересмотра программы,

съезд поручил ЦК организовать широкую дискуссию по программным вопросам (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 387—388). Еще до съезда, в июне 1917 года, была издана подготовленная Лениным по поручению Центрального Комитета брошюра «Материалы по пересмотру партийной программы», в которую вошли все имевшиеся в ЦК программные материалы. Почти одновременно Областное бюро Московского промышленного района РСДРП издало «Материалы по пересмотру партийной программы. Сборник статей: В. Милютина, В. Сокольникова, А. Ломова и В. Смирнова». Летом и осенью 1917 года внутри партии была развернута теоретическая дискуссия. Разбор и критику появившихся в периодической печати статей и московского сборника Ленин дал в своей статье «К пересмотру партийной программы», напечатанной в октябре 1917 года в журнале «Просвещение» № 1—2 (см. Сочинения, 5 изд., том 34, стр. 351—381; 4 изд., том 26, стр. 123—150).

ЦК РСДРП(б), несколько раз обсуждавший вопрос о программе партии, создал на заседании 5 (18) октября 1917 года комиссию во главе с Лениным по переработке программы партии к очередному партийному съезду, который предполагалось созвать осенью же 1917 года. Наконец, постановлением ЦК от 24 января (6 февраля) 1918 года выработка проекта программы была поручена новой комиссии под руководством Ленина. Лениным был написан «Черновой набросок проекта программы», розданный делегатам VII съезда партии в качестве материала для дискуссии (см. Сочинения, 5 изд., том 36, стр. 70—76; 4 изд., том 27, стр. 127—132). Съездом, однако, программа детально не обсуждалась; выработка окончательного проекта программы была поручена избранной на съезде комиссии в составе 7 человек; возглавил комиссию Ленин. Съезд обязал комиссию руководствоваться при пересмотре программы указаниями, изложенными в единогласно принятой ленинской резолюции (см. настоящий том, стр. 567). Новая, вторая программа партии была принята только VIII съездом РКП(б) в марте 1919 года.

Вопрос об изменении названия партии был выдвинут Лениным еще в 1914 году, в начале первой мировой войны (см. Сочинения, 5 изд., том 26, стр. 95; 4 изд., том 21, стр. 76). Необходимость изменения названия партии Ленин обосновал в Апрельских тезисах, в брошюре «Задачи пролетариата в нашей революции» (см. настоящий том, стр. 13, 42—45) и ряде других работ и выступлений 1917 года. Ни на Апрельской конференции РСДРП(б) 1917 года, ни на VI съезде партии вопрос этот не был рассмотрен, и только на VII съезде партии по докладу Ленина было принято решение об изменении названия партии. — 555.

²⁶⁸ В. И. Ленин излагает положения из письма Ф. Энгельса А. Бебелю от 18—28 марта 1875 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 34, стр. 103). — 556.

²⁶⁹ Речь идет о сборниках «Материалы по пересмотру партийной программы». Под редакцией и с предисловием Н. Ленина. Петроград, изд. «Прибой», 1917 (см. Сочинения, 5 изд., том 32, стр. 135—162; 4 изд., том 24, стр. 417—442) и «Материалы по пересмотру партийной программы. Сборник статей: В. Милютина, В. Сокольникова, А. Ломова и В. Смирнова», изд. Областного бюро Московского промышленного района РСДРП, 1917. — 557.

²⁷⁰ «Спартак» — теоретический журнал Московского областного бюро, Московского комитета и (с № 2) Московского окружного комитета РСДРП; выходил в Москве с 20 мая (2 июня) по 29 октября (11 ноября) 1917 года. — 557.

²⁷¹ В. И. Ленин излагает написанное Ф. Энгельсом 15 декабря 1887 года «Введение к брошюре Боркхейма «На память ура-патриотам 1806—1807 годов»» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 21, стр. 361). — 557.

²⁷² Хемницкий съезд германской социал-демократии, состоявшийся 15—21 сентября 1912 года, принял резолюцию «Об империализме», в которой характеризовал политику империалистических государств как «беззащитную политику грабежей и захватов» и призывал рабочий класс «с усиленной энергией бороться против империализма до тех пор, пока он не будет низвергнут».

О Базельском международном социалистическом конгрессе см. примечание 3. — 560.

²⁷³ В. И. Ленин имеет в виду революционное правительство Финляндии — Совет народных уполномоченных, — созданное 29 января 1918 года после свержения буржуазного правительства Свинхувуда. Наряду с Советом народных уполномоченных был образован Главный совет рабочих организаций, являвшийся верховным органом власти. Основу государственной власти в стране составляли «сеймы рабочих организаций», избиравшиеся организованными рабочими.

Вывод Ленина о том, что Советы являются не единственной формой диктатуры пролетариата, в дальнейшем полностью подтвердился (см. также примечание 131). — 561.

²⁷⁴ В начале 1918 года Бюро международной революционной пропаганды при Народном комиссариате иностранных дел предприняло издание Декрета о земле на иностранных языках. В феврале 1918 года декрет был издан в Петрограде на английском языке в книге «Decrees issued by the revolutionary peoples government», vol. I, Petrograd, february 1918 («Декреты, изданные революционным народным правительством», том I, Петроград, февраль 1918). — 566.

²⁷⁵ При выборах Центрального Комитета партии «левые коммунисты» отказались войти в него.

Большинством голосов съезд принял резолюцию В. И. Ленина, осуждающую отказ «левых коммунистов» от вхождения в ЦК. Но, рассчитывая, что они подчинятся партийной дисциплине, съезд избрал их представителей (Н. И. Бухарина, А. Ломова, М. С. Урицкого) в состав ЦК, однако все трое демонстративно заявили на съезде о своем отказе от работы в ЦК. Не приняв отказа, съезд без прений решил замещение избранных в состав ЦК «левых коммунистов» отложить до заседания Центрального Комитета.

После партийного съезда и IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов, ратифицировавшего мирный договор с Германией, «левые коммунисты», несмотря на категорические требования ЦК, к работе не приступали в течение нескольких месяцев. Ленинскую оценку раскольнической деятельности «левых коммунистов» после VII съезда партии см. в «Заметке о поведении «левых коммунистов»» (Сочинения, 5 изд., том 36, стр. 77; 4 изд., том 27, стр. 175). — 568.

²⁷⁶ Статья «Главная задача наших дней» вместе с работой В. И. Ленина «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности» (см. настоящий том, стр. 631—655) были изданы в мае 1918 года отдельной брошюрой под названием «Главная задача наших дней» со следующим предисловием: «В настоящей брошюрке соединены две газетные статьи: из «Известий

ВЦИК» от 12 марта 1918 и из «Правды» 9—11 мая 1918. Обе статьи с разных сторон подходят к одной теме, выраженной заглавием брошюры.

Москва. 17. V. 1918. Автор» (см. Сочинения, 5 изд., том 36, стр. 347). — 569.

²⁷⁷ В качестве эпиграфа Ленин приводит слова из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». — 569.

²⁷⁸ *IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов*, созванный для решения вопроса о ратификации Брестского мирного договора, состоялся в Москве 14—16 марта 1918 года. 13 марта вопрос о мире обсуждался коммунистической фракцией съезда; с речью на заседании фракции выступил В. И. Ленин (план этой речи см. Сочинения, 5 изд., том 36, стр. 539).

Фракция 453 голосами против 36 одобрила заключение Брестского мирного договора. К этому времени не все делегаты еще съехались и состав фракции был неполным.

На съезде присутствовало 1232 делегата с решающим голосом, из них 795 большевиков, 283 левых эсера, 25 эсеров центра, 21 меньшевик, 11 меньшевиков-интернационалистов и другие. В повестке дня съезда стояли вопросы: о ратификации мирного договора; о перенесении столицы; выборы ВЦИК. После информации заместителя народного комиссара по иностранным делам Г. В. Чичерина о мирном договоре с докладом по первому, основному вопросу от имени Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета выступил В. И. Ленин; с содокладом от фракции левых эсеров против ратификации мирного договора — Б. Д. Камков.

Против ратификации Брестского договора единым фронтом выступили меньшевики, правые и левые эсеры, максималисты, анархисты и другие. После острых прений съезд поименным голосованием подавляющим большинством голосов принял предложенную Лениным резолюцию о ратификации мирного договора; за нее было подано 784 голоса, против — 261; 115 делегатов воздержалось от голосования. В связи с ратификацией Брестского договора левые эсеры вышли из Совета Народных Комиссаров. «Левые коммунисты» не приняли участия в голосовании, заявив в особой декларации, что заключение мира подрывает оборону страны и завоевания революции. Отказавшись голосовать за ратификацию мирного договора, «левые коммунисты» нарушили тем самым постановления VII съезда партии, коммунистической фракции IV Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов и постановление Центрального Комитета, заседавшего в дни съезда, о недопустимости выступлений против решения партии.

Съезд принял постановление о перенесении столицы Советского государства в Москву и избрал Центральный Исполнительный Комитет в составе 200 человек.

Решение съезда о ратификации мирного договора было одобрено местными Советами, партийными организациями и трудящимися на проходивших митингах и собраниях. — 574.

²⁷⁹ Имеются в виду партии меньшевиков и эсеров, представители которых входили тогда в Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Однако меньшевики и эсеры вскоре встали на путь прямой контрреволюции, и ВЦИК принял 14 июня 1918 года постановление об исключении из состава ВЦИК и местных Советов представителей контрреволюционных партий эсеров (правых и центра) и меньшевиков, которое было опубликовано 18 июня в газете «Известия ВЦИК» № 123 (см. «Декреты Советской власти», т. 2, 1959, стр. 430—431). — 574.

²⁸⁰ В. И. Ленин имеет в виду выступление на заседании Петроградского Совета 21 сентября (4 октября) 1917 года приехавшего с фронта

офицера Дубасова. Об этом выступлении Ленин упоминает в своей статье «Кризис назрел» (см. настоящий том, стр. 343). — 584.

²⁸¹ Имеется в виду «Договор между Российской и Финляндской социалистическими республиками», подписанный 1 марта специальной комиссией во главе с В. И. Лениным. Утвержденный Совнаркомом, он был опубликован 10 марта 1918 года в газете «Известия ВЦИК» № 45 (см. «Декреты Советской власти», т. 1, 1957, стр. 503—510). Основанный на признании государственного суверенитета Финляндии, договор свидетельствовал о последовательном проведении Советским правительством принципа права наций на самоопределение. — 585.

²⁸² Работа В. И. Ленина «*Очередные задачи Советской власти*» в рукописи называлась «Тезисы о задачах Советской власти в настоящий момент». Приступая к работе над статьей, Ленин предварительно составил несколько вариантов ее плана (см. Сочинения, 5 изд., том 36, стр. 543—552). Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» Ленин продиктовал stenograфу 23—28 марта 1918 года. Часть IV главы, а также главы V, VI, VII, VIII, IX и начало X этого произведения впервые опубликованы в 36 томе 5 издания Сочинений (см. стр. 127—164). В этих главах Ленин дает глубокий теоретический анализ развития Великой Октябрьской социалистической революции, раскрывает огромное значение экономических задач и правильного руководства народным хозяйством в период перехода от капитализма к социализму. (Главы I, II, III и начало IV пока не разысканы.)

«Тезисы» Ленина обсуждались на заседании ЦК партии 26 апреля 1918 года. ЦК единодушно одобрил их и постановил опубликовать в виде статьи в «Правде» и «Известиях ВЦИК», а также издать отдельной брошюрой. В 1918 году вышло более 10 изданий брошюры: в Москве, Петрограде, Саратове, Казани, Тамбове и других городах России. Брошюра была издана в том же году на английском языке в Нью-Йорке, на французском языке в Женеве; близкое к переводу сокращенное изложение этой работы вышло под редакцией Ф. Платтена в Цюрихе на немецком языке под названием «Am Tage nach der Revolution» («На другой день после революции»).

Центральный Комитет поручил Ленину выступить с докладом об очередных задачах Советской власти на заседании ВЦИК, подготовив краткое изложение «Тезисов» в виде резолюции (см. настоящий том, стр. 628—630). — 592.

²⁸³ Совет Народных Комиссаров 18 ноября (1 декабря) 1917 года по предложению В. И. Ленина принял постановление «О размерах вознаграждения народных комиссаров и высших служащих и чиновников». Проект постановления был написан Лениным (см. Сочинения, 5 изд., том 35, стр. 105). Согласно постановлению, предельный месячный заработок народным комиссарам устанавливался в 500 рублей с прибавкой в 100 рублей на каждого нетрудоспособного члена семьи; это примерно соответствовало среднему заработку рабочего. 2 (15) января 1918 года Совнарком в ответ на запрос народного комиссара труда А. Г. Шляпникова в постановлении, написанном Лениным (см. там же, стр. 218), разъяснил, что декрет от 18 ноября (1 декабря) 1917 года не содержит запрещения платить специалистам сверх установленного предела, дав таким образом санкцию на более высокую оплату труда специалистов науки и техники. — 601.

²⁸⁴ Контроль над внешней торговлей стал осуществляться с первых дней Советской власти. В декабре 1917 года Ленин поставил вопрос о введении государственной монополии внешней торговли (см. Сочинения, 5 изд., том 35, стр. 429). Декрет о монополии внешней торговли был принят

Совнаркомом 22 апреля 1918 года (см. «Декреты Советской власти», т. 2, 1959, стр. 158—160). — 604.

²⁸⁵ 17 июня 1918 года Совет Народных Комиссаров утвердил «Декрет об изменении и дополнении декрета 24 ноября 1917 г. о взимании прямых налогов», который определил строгий порядок подоходного и поимущественного обложения (см. «Декреты Советской власти», т. 2, 1959, стр. 441—443). — 605.

²⁸⁶ «Декрет о потребительских кооперативных организациях» был принят Советом Народных Комиссаров 10 апреля 1918 года, утвержден на заседании ВЦИК 11 апреля и опубликован за подписью В. И. Ленина в газетах «Правда» № 71 от 13 апреля и «Известия ВЦИК» № 75 от 16 апреля. В. И. Лениным в проект декрета был внесен ряд поправок: пункты 11, 12, 13 декрета были целиком написаны им. С поправками Ленина декрет был принят Совнаркомом, а затем и ВЦИК. — 607.

²⁸⁷ Имеется в виду «Положение о трудовой дисциплине», принятое ВЦСПС 3 апреля и опубликованное в журнале «Народное хозяйство» № 2 за апрель 1918 года. Замечания и предложения В. И. Ленина при подготовке проекта см. в его выступлении на заседании президиума ВСНХ 1 апреля 1918 года (Сочинения, 5 изд., том 36, стр. 212—213). Совет профсоюзов предлагал ввести на всех государственных предприятиях страны строгие правила внутреннего распорядка, установить нормы выработки и учет производительности труда, внедрять сдельную оплату труда и систему премий за перевыполнение норм, применять суровые меры наказания к нарушителям трудовой дисциплины. На основе принятых ВЦСПС решений ЦК союза металлистов в апреле дал всем низовым организациям указания о применении в металлопромышленности сдельщины и системы премий. Принцип сдельной оплаты был окончательно утвержден опубликованным в декабре 1918 года советским Кодексом законов о труде. — 609.

²⁸⁸ Имеется в виду декрет Совета Народных Комиссаров «О централизации управления, охране дорог и повышении их провозоспособности» (см. «Декреты Советской власти», т. 2, 1959, стр. 18—20). Рассмотрев 18 марта 1918 года предложенный Народным комиссариатом путей сообщения проект декрета о невмешательстве разных учреждений в дела железнодорожного ведомства, Совнарком поручил специальной комиссии переработать декрет на основе следующих положений В. И. Ленина: «1. Бóльшая централизация. 2. Назначение отдельных ответственных лиц — исполнителей в каждом местном центре по выбору железнодорожных организаций. 3. Беспрекословное исполнение их приказаний. 4. Диктаторские права отрядов военной охраны по обеспечению порядка. 5. Меры к немедленному учету подвижного состава и его размещения. 6. Меры к созданию технического отдела. 7. Топливо». В проект, который был представлен комиссией и рассматривался на заседании СНК 21 марта, Ленин внес ряд существенных поправок, после чего он был утвержден правительством. В связи с тем, что декрет встретил враждебное отношение со стороны находившегося под сильным влиянием меньшевиков и левых эсеров Всероссийского исполкома железнодорожников (Викжедор), НКПС поставил 23 марта на заседании СНК вопрос об изменении декрета. Опровергая нападки противников декрета, Ленин разъяснял необходимость принятия самых твердых мер к устранению на железных дорогах саботажа и расхлябанности и внес поправки, усилившие категоричность декрета. С этими поправками декрет был окончательно утвержден правительством 23 марта и опубликован 26 марта в № 57 «Известий ВЦИК» за подписью Ленина. — 617.

²⁸⁹ *«Вперед»* — меньшевистская ежедневная газета; выходила с марта 1917 года в Москве как орган московской организации меньшевиков, а затем как орган комитетов РСДРП (меньшевиков) московской организации и Центральной области. Со 2 апреля 1918 года газета стала органом и Центрального комитета меньшевиков. После Октябрьской социалистической революции за контрреволюционную деятельность издание газеты дважды приостанавливалось. Окончательно газета была закрыта в феврале 1919 года по постановлению ВЦИК. — 618.

²⁹⁰ *«Наш Век»* — одно из названий газеты *«Речь»* — центрального органа контрреволюционной партии кадетов (см. примечание 57). — 618.

²⁹¹ В. И. Ленин имеет в виду и цитирует работу Ф. Энгельса *«Анти-Дюринг»* (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 20, стр. 295). — 622.

²⁹² Об отношении И. С. Тургенева к Н. А. Добролюбову и Н. Г. Чернышевскому рассказывает сам Чернышевский, передавая содержание своей беседы с Тургеневым в начале 60-х годов (см. статью *«В изъяснение признательности»* в книге: Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. X. М., 1951, стр. 122—123). — 623.

²⁹³ *«Набросок плана научно-технических работ»* отражает важный этап в привлечении научных сил России к разработке народнохозяйственных проблем.

Переговоры с Академией наук были начаты по инициативе В. И. Ленина и Советского правительства в январе 1918 года. Ленин направлял деятельность Народного комиссариата просвещения, который непосредственно вел эти переговоры. В конце марта Академия наук в обращении к Советскому правительству согласилась на его предложение работать в области исследования естественных ресурсов страны. В связи с этим 12 апреля на заседании Совета Народных Комиссаров, проходившем под председательством Ленина, было принято постановление, которое поставило перед Академией наук «неотложную задачу систематического разрешения проблем правильного распределения в стране промышленности и наиболее рациональное использование ее хозяйственных сил», и признана необходимость финансирования соответственных работ Академии. — 626.

²⁹⁴ В. И. Ленин имеет в виду материалы Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), созданной Академией наук в 1915 году. По указанию Ленина издательская деятельность Комиссии была значительно расширена: начали выходить серии книг *«Богатства России»* и многотомный сборник *«Естественные производительные силы России»*. За первое советское трехлетие (1918—1920) КЕПС издала вчетверо больше работ, чем за три дореволюционных года. — 626.

²⁹⁵ *«Шесть тезисов об очередных задачах Советской власти»* были написаны В. И. Лениным по поручению ВЦИК после обсуждения на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 года его доклада об очередных задачах Советской власти. 3 мая тезисы Ленина с незначительными поправками были единогласно приняты Центральным Комитетом партии, а 4 мая Президиум ВЦИК разослал их местным Советам, указав в циркулярном письме, что ленинские тезисы «должны лечь в основу деятельности всех Совдепов». — 628.

²⁹⁶ Имеется в виду еженедельный журнал «Коммунист» — фракционный орган антипартийной группы «левых коммунистов»; издавался в Москве с 20 апреля по июнь 1918 года. Вышло 4 номера. — 631.

²⁹⁷ В. И. Ленин цитирует высказывания К. Маркса, изложенные Ф. Энгельсом в работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 22, стр. 523). — 646.

²⁹⁸ В. И. Ленин имеет в виду одно из основных положений, с которыми меньшевики выступали против Октябрьской социалистической революции и диктатуры пролетариата. Свое концентрированное выражение эти взгляды меньшевиков нашли в книге Н. Суханова «Записки о революции», критическому разбору которых Ленин посвятил статью «О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова)» (см. Сочинения, 5 изд., том 45, стр. 378—382; 4 изд., том 33, стр. 436—439). — 648.

²⁹⁹ В. И. Ленин цитирует эпиграмму В. Л. Пушкина, в которой говорится о посредственном поэте, пославшем свои стихи Фебу (Аполлон, в греческой мифологии бог солнца; покровитель искусств). Эпиграмма кончается такими строками:

Читая, Феб зевал, и наконец спросил,
Каких лет стихотворец был
И оды громкие давно ли сочиняет?
«Ему пятнадцать лет», — Эрата отвечает.
— «Пятнадцать только лет?» — «Не более того».
— «Так розгами его!»

(см. книгу: Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. Л., 1959, стр. 288). — 652.

³⁰⁰ Проект «Тезисов о современном политическом положении» был написан В. И. Лениным 10 мая 1918 года и тогда же обсуждался на заседании ЦК РКП(б). В окончательной редакции тезисы были утверждены ЦК 13 мая. На основе тезисов Ленин в тот же день по поручению ЦК сделал доклад на Московской общегородской партийной конференции. Конференция большинством голосов приняла тезисы Ленина.

Наиболее полно «Тезисы о современном политическом положении» были развиты Лениным 14 мая в докладе о внешней политике на Объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета. В тот же день ленинские тезисы были приняты Московской окружной конференцией и 15 мая Московской областной конференцией РКП(б) по докладу Ленина о текущем моменте (см. Сочинения, 5 изд., том 36, стр. 327—345, 346; 4 изд., том 27, стр. 329—345, 346). — 656.

³⁰¹ «О голоде (Письмо к питерским рабочим)» В. И. Ленин написал после беседы с председателем закупочной комиссии Путиловского завода (ныне Кировский) — рабочим, разметчиком котельного цеха А. В. Ивановым.

Ленин сообщил Иванову о принятом на заседании Совнаркома 9 мая 1918 года декрете о предоставлении наркомуп продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывавшей хлебные запасы и спекулировавшей ими. Копию этого декрета В. И. Ленин дал Иванову, чтобы он ознакомил с ним путиловцев (см. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Ч. 2, М., 1957, стр. 283—284).

Выполняя указания Ленина о создании надежной рабочей армии для похода против кулаков, спекулянтов хлебом, дезорганизаторов, взяточни-

ков, рабочие Петрограда в начале июня 1918 года отправили первый продовольственный отряд в 400 человек. — 660.

³⁰² I Всероссийский съезд советов народного хозяйства состоялся 26 мая — 4 июня 1918 года в Москве; на нем присутствовало 252 делегата, представлявших 5 областных, 30 губернских и значительное число уездных совнархозов, а также отделы ВСНХ профсоюзные организации и фабзавкомы.

Ленин непосредственно участвовал в подготовке съезда. На заседании президиума ВСНХ 23 мая, проходившем при участии Ленина в Кремле, были детально рассмотрены вопросы проведения съезда, определена его повестка дня, утверждены с изменениями и дополнениями тезисы ряда докладов.

На первом заседании съезда Ленин выступил с речью, в которой наметил ближайшие задачи хозяйственного строительства и организации управления национализированным хозяйством. Против ленинского плана организации социалистического производства и управления на основе принципа демократического централизма, против централизации управления на съезде выступили «левые коммунисты», анархо-синдикалисты, меньшевики и левые эсеры. Однако съезд большинством голосов принял большевистские решения. Съезд признал необходимым дальнейшее проведение социалистической национализации, распространив ее не только на основные отрасли промышленности, но и на частные крупные торговые предприятия. Съезд принял положение об управлении национализированными предприятиями, постановление о товарообмене между городом и деревней, о реорганизации ВСНХ и разработал меры борьбы за подъем трудовой дисциплины и повышение производительности труда. — 667.

³⁰³ Проект «Положения об управлении национализированными предприятиями», разработанный Высшим советом народного хозяйства, обсуждался 28 и 30 мая 1918 года на заседании секции организации производства I Всероссийского съезда советов народного хозяйства. С докладом по этому вопросу выступил член президиума ВСНХ, автор проекта Г. Д. Вейнберг, с содокладами — «левый коммунист» В. М. Смирнов и представитель уральской промышленности В. Н. Андронников. Под давлением «левых коммунистов» секция приняла проект «Положения», противоречивший курсу партии на установление единоначалия на производстве и централизации управления национализированными предприятиями.

Получив сообщение о выступлении «левых коммунистов» по вопросу об управлении национализированными предприятиями (см. Сочинения, 5 изд., том 50, стр. 84) и ознакомившись с выработанным секцией «Положением», В. И. Ленин предложил рассмотреть его в специально созданной 2 июня согласительной комиссии, в которую от Совнаркома вошел В. И. Ленин и от ВСНХ А. И. Рыков и Г. Д. Вейнберг. Согласительная комиссия переработала «Положение», взяв за основу публикуемые замечания Ленина. Вопреки «левым коммунистам» съезд большинством голосов утвердил проект согласительной комиссии. — 675.

³⁰⁴ V Всероссийский съезд Советов открылся 4 июля 1918 года в Москве в Большом театре. На съезде присутствовало 1164 делегата с решающим голосом, из них большевиков — 773, левых эсеров — 353, максималистов (разновидность левых эсеров) — 17, анархистов — 4, меньшевиков-интернационалистов — 4, членов других партий — 3, беспартийных — 10.

Съезд утвердил порядок дня, предложенный Президиумом ВЦИК: отчеты ВЦИК и СНК; продовольственный вопрос; организация социалистической Красной Армии; Конституция Российской Советской республики; выборы ВЦИК.

С отчетным докладом о деятельности ВЦИК выступил Я. М. Свердлов; с докладом о деятельности Совнаркома — В. И. Ленин. После бурных прений по отчетам ВЦИК и СНК съезд большинством голосов принял предложенную коммунистической фракцией резолюцию, в которой выражал «полное одобрение внешней и внутренней политики Советского правительства». Резолюция левых эсеров, предлагавших выразить недоверие Советскому правительству, расторгнуть Брестский мирный договор, изменить внешнюю и внутреннюю политику Советской власти, была отвергнута.

Потерпев поражение на съезде, левые эсеры пошли на открытое вооруженное выступление, подняв 6 июля контрреволюционный мятеж в Москве. В связи с этим съезд прервал свою работу и возобновил ее 9 июля. Заслушав сообщение правительства о событиях 6—7 июля, съезд полностью одобрил решительные действия правительства по ликвидации преступной авантюры левых эсеров и указал, что тем левым эсерам, которые разделяют взгляды своей руководящей верхушки, не может быть места в Советах.

В резолюции по докладу наркома продовольствия А. Д. Цюрупы о продовольственном вопросе съезд подтвердил незыблемость хлебной монополии, указал на необходимость решительного подавления сопротивления кулачества и одобрил организацию комитетов бедноты. На заключительном заседании, 10 июля, съезд заслушал доклад об организации Красной Армии и единогласно утвердил предложенную коммунистической фракцией резолюцию, в которой намечались важнейшие мероприятия по организации и укреплению Красной Армии на основе обязательной воинской повинности трудящихся.

Съезд завершил свою работу актом величайшего исторического значения: принял первую Конституцию РСФСР, законодательно закреплявшую завоевания трудящихся Советской страны. — 676.

³⁰⁵ *«Предыдущий оратор»* — один из лидеров левых эсеров М. А. Спиридонова; выступала на съезде с содокладом о деятельности крестьянской секции ВЦИК, в котором содержался ряд контрреволюционных нападок на политику Советской власти и Коммунистической партии. — 676.

³⁰⁶ *«Голос Трудового Крестьянства»* — ежедневная газета; выходила в Петрограде с конца ноября 1917 года как орган Исполнительного Комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов 2-го созыва. До 10 июля 1918 года руководство газетой находилось в руках левых эсеров. С 6 ноября 1918 года газета стала органом Наркомзема; выходила до 31 мая 1919 года. — 680.

³⁰⁷ Речь идет о проекте Конституции (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, который был внесен на утверждение V Всероссийского съезда Советов. Подготовка проекта велась созданной ВЦИК 1 апреля 1918 года Конституционной комиссией под председательством Я. М. Свердлова. Окончательная разработка проекта Конституции для представления его V съезду Советов была возложена на особую комиссию ЦК РКП(б) во главе с Лениным. По предложению Ленина в текст Конституции РСФСР в качестве ее вводного раздела была включена «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», добавлена статья о равноправии национальностей и рас в Советской республике, сформулированы статьи о политических правах иностранцев, проживающих на территории РСФСР (ленинский «Набросок 20 пункта второго раздела Конституции РСФСР», определяющий их права, см. Сочинения, 5 изд., том 36, стр. 520), а также о предоставлении права убежища всем иностранцам, подвергающимся преследованию за политические

и религиозные убеждения (ленинские поправки см. в книге «Декреты Советской власти», т. 2, 1959, стр. 546—549). Принятый комиссией ЦК РКП(б) за основу проект был вынесен на утверждение V съезда Советов. 10 июля съезд единогласно утвердил Конституцию РСФСР, поручив окончательную редакцию ее текста новому составу ВЦИК.

19 июля 1918 года Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики была опубликована как Основной закон, вступивший в силу с момента его опубликования. — 683.

³⁰⁸ Речь идет о контрреволюционном вооруженном мятеже чехословацкого военного корпуса, организованном империалистами Антанты при активном участии меньшевиков и эсеров. Чехословацкий корпус был сформирован в России еще до победы Великой Октябрьской социалистической революции из военнопленных чехов и словаков, попавших в плен в качестве солдат австро-венгерской армии. По соглашению от 26 марта 1918 года корпусу была предоставлена возможность выехать из России через Владивосток при условии сдачи корпусом оружия и удаления из командного состава русских офицеров. Но контрреволюционное командование корпуса по указке и при поддержке империалистов США, Англии и Франции спровоцировало в конце мая вооруженный мятеж корпуса против Советской России. Действуя в тесном контакте с белогвардейцами и кулачеством, белочехи заняли значительную часть Урала, Поволжья, Сибири, повсеместно восстанавливая власть буржуазии. В районах, занятых чехословацкими мятежниками, были образованы при участии меньшевиков и эсеров белогвардейские правительства: в Омске — сибирское «правительство», в Самаре — Комитет членов учредительного собрания (Комуч) и т. п.

Вскоре после начала мятежа, 11 июня, Центральный исполнительный комитет чешско-словацких коммунистических групп в России обратился с воззванием к солдатам корпуса, в котором вскрывал контрреволюционную сущность мятежа, призывал чешских и словацких рабочих и крестьян ликвидировать мятеж и вступать в чехословацкие части Красной Армии. Многие солдаты, убедившись в обмане их контрреволюционным командованием, покидали корпус, отказываясь воевать против Советской России. Около 12 тысяч чехов и словаков сражалось в рядах Красной Армии.

Поволжье было освобождено Красной Армией осенью 1918 года. Окончательно белочехи были разгромлены одновременно с ликвидацией колчаковщины. — 685.

³⁰⁹ Имеется в виду *Всероссийская чрезвычайная комиссия при Совете Народных Комиссаров*, председателем которой был Ф. Э. Дзержинский, созданная 7 (20) декабря 1917 года по постановлению Совнаркома для «беспощадной борьбы с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией». Являясь одним из важнейших органов диктатуры пролетариата, ВЧК сыграла огромную роль в борьбе с подрывной деятельностью контрреволюции и в защите государственной безопасности Советской республики. IX Всероссийский съезд Советов в декабре 1921 года, отметив в резолюции о ВЧК героическую работу, выполненную органами ВЧК по охране завоеваний Октябрьской революции, и учитывая укрепление Советской власти, предложил сузить круг деятельности комиссии. 6 февраля 1922 года ВЦИК принял декрет об упразднении ВЧК. — 686.

³¹⁰ *Комитеты бедноты* (комбеды) были учреждены декретом ВЦИК от 11 июня 1918 года «Об организации и снабжении деревенской бедноты», закрепившим практику создания комитетов бедноты по инициативе снизу. К ноябрю 1918 года под руководством Коммунистической партии на местах было создано и действовало около 105 тысяч комитетов бедноты.

Практическая работа комитетов бедноты охватила все стороны работы в деревне. Они являлись на деле опорными пунктами, органами диктатуры пролетариата в деревне; их организация знаменовала собой дальнейшее развертывание социалистической революции в деревне.

Комбеды сыграли выдающуюся роль в подавлении кулацкой контрреволюции, в подрыве экономической мощи кулачества путем его частичной экспроприации. Велика их заслуга в завершении ликвидации помещичьего землевладения, в снабжении продовольствием голодающих рабочих центров и Красной Армии. Активное участие комитеты бедноты приняли в организации коллективных сельскохозяйственных предприятий — артелей и коммун, которые наряду с совхозами явились первыми очагами социалистического уклада в деревне; с момента организации комбедов число коллективных крестьянских хозяйств с 240 увеличилось к концу 1918 года, по неполным данным, до 1600.

Деятельность комитетов бедноты имела огромное значение для укрепления союза рабочего класса и крестьянства, для завоевания среднего крестьянина на сторону Советской власти.

Уже к осени 1918 года комитеты бедноты, сыгравшие историческую роль в социалистической революции, успешно решили возложенные на них задачи. В связи с этим VI Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов, состоявшийся в ноябре 1918 года, предложил провести перевыборы всех волостных и сельских Советов, возложив непосредственное проведение перевыборов на комбеды. В соответствии с опубликованной 4 декабря 1918 года инструкцией ВЦИК о перевыборах комбеды после перевыборной кампании должны были прекратить свою деятельность, передав все средства и дела новым Советам. — 688.

³¹¹ В. И. Ленин имеет в виду декрет ВЦИК «О чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию» от 13 мая («Декрет о продовольственной диктатуре») (см. «Декреты Советской власти», т. 2, 1959, стр. 261—264). Этим декретом устанавливалась полная централизация продовольственного дела как в области заготовок, так и в области распределения, предусматривались меры по организации похода рабочих за хлебом, помощи бедноте в борьбе с кулачеством. — 690.

³¹² *Комитет интернациональных связей* — «Комитет по восстановлению международных связей»; был образован французскими интернационалистами в январе 1916 года. Образование Комитета явилось первой попыткой создания во Франции революционно-интернационалистской организации социалистов в противовес социал-шовинистическим организациям. В. И. Ленин считал необходимым использовать «Комитет по восстановлению международных связей» для сплочения интернационалистских элементов; по указанию Ленина в работе Комитета принимала участие И. Ф. Арманд.

Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России и усиления французского рабочего движения Комитет стал центром революционно-интернационалистских элементов. В 1920 году он вошел в Коммунистическую партию Франции.

Воззвание, о котором говорит Ленин, было напечатано 29 июня 1918 года в «Правде» № 131. — 693.

³¹³ В. И. Ленин выступил на митинге вечером 26 июля 1918 года в большом зале Бегового общества на Ходынке. Зал был переполнен рабочими и красноармейцами. Предложенная после выступления Ленина резолюция была принята единогласно при одном воздержавшемся.

В заключение докладчик Знаменский кратко ознакомил аудиторию с биографией Ленина. — 695.

³¹⁴ Объединенное заседание ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы 29 июля 1918 года было созвано в связи с тяжелым военным и экономическим положением Советской республики. На заседании присутствовало около 2000 человек. Заседание единогласно приняло резолюцию по докладу В. И. Ленина, предложенную фракцией коммунистов. Резолюция признала социалистическое отечество в опасности и потребовала подчинения работы всех организаций трудящихся задачам обороны Советской республики, проведения широкой агитации в рабочих массах по разъяснению создавшегося положения, усиления бдительности по отношению к контрреволюционной буржуазии, перевода ряда ответственных работников на военную и продовольственную работу, решительной борьбы за хлеб. — 697.

³¹⁵ «*Průkopník Svobody*» («Пионер Свободы») — центральный орган чехословацких коммунистических групп в Советской России. Газета была образована по постановлению съезда чехословацких коммунистов в России, состоявшегося в Москве 25—27 мая 1918 года. Выходила еженедельно в Москве с 7 июня 1918 по 1 мая 1919 года; всего было издано 42 номера.

В. И. Ленин имеет в виду опубликованную в этой газете 28 июня 1918 года статью «Французские миллионы»; в тот же день статья была перепечатана в газете «Правда» и частично в «Известиях ВЦИК». — 698.

³¹⁶ В. И. Ленин имеет в виду контрреволюционный мятеж левых эсеров в Москве (6—7 июля 1918 года) во время работы V Всероссийского съезда Советов (см. примечания 103 и 304). — 699.

³¹⁷ «*Дашнакцутюн*» — армянская националистическая партия, созданная в начале 90-х годов XIX века с целью освобождения турецких армян от султанского ига. Наряду с буржуазией в ее составе значительное место занимали национальная интеллигенция и мелкая буржуазия; в нее входили также крестьяне и рабочие, обманутые националистической и социалистической фразеологией. В период революции 1905—1907 годов Дашнакцутюн сближается с эсерами. В 1907 году съезд партии принял официально «социалистическую» программу народнического характера.

После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года дашнаки поддерживали политику буржуазного Временного правительства; после Октябрьской социалистической революции они выступили в контрреволюционном блоке с меньшевиками, эсерами и мусаватистами против Советской власти. В 1918—1920 годах дашнаки возглавили буржуазно-националистическое контрреволюционное правительство Армении; все их действия способствовали тому, чтобы превратить Армению в колонию иностранных империалистов и опорный пункт англо-французских интервентов и русских белогвардейцев в борьбе против Советской республики. Трудящиеся Армении под руководством партии большевиков при поддержке Красной Армии в ноябре 1920 года свергли дашнакское правительство. С победой Советской власти организации Дашнакцутюн в Закавказье были разгромлены и ликвидированы. — 699.

³¹⁸ На чрезвычайном заседании Бакинского Совета 25 июля 1918 года обсуждался вопрос о политическом и военном положении в Баку в связи с наступлением турецких войск. Меньшевики, дашнаки и эсеры под предлогом защиты Баку потребовали призвать «на помощь» английские войска. Большевики — руководители Советской власти в Баку (С. Г. Шаумян, М. А. Азизбеков, И. А. Джапаридзе, Я. Д. Зевин и другие) решительно выступили против этих предательских предложений. Несмотря на все усилия большевиков, незначительным большинством голосов была все же принята резолюция о приглашении в Баку английских войск.

Оставшись в меньшинстве, большевики — члены Бакинского Совнаркома заявили о своем отказе от постов народных комиссаров. Вскоре, однако, бакинские большевики поняли, что было бы ошибкой в сложившихся условиях выйти в отставку. На экстренном заседании Исполкома Бакинского Совета было решено, что впредь до окончательного решения вопроса о власти все народные комиссары остаются на своих местах. Состоявшаяся 27 июля общебакинская конференция большевиков постановила власти без борьбы не сдавать, спешно организовать оборону Баку под руководством Совнаркома, объявить всеобщую мобилизацию и призвать рабочих на защиту города и Советской власти. Во исполнение этого решения Бакинский Совнарком провел ряд мероприятий: объявил в городе военное положение, поручил ЧК пресечь контрреволюционную агитацию, обратился с призывом к бакинским рабочим встать под ружье и отстаивать город до последней возможности.

Однако героические усилия коммунистов Азербайджана и передовой части бакинского пролетариата были сорваны изменой и предательством дашнаков, эсеров и меньшевиков. Дашнакские части ушли с фронта, и в образовавшуюся брешь хлынули турецкие войска. 31 июля под натиском иностранных интервентов и их агентуры Советская власть в Баку временно пала. Наряду с иностранной интервенцией причины падения Советской власти в Баку заключались в том, что партийные организации Азербайджана и Бакинский Совнарком не обеспечили прочного союза между бакинским пролетариатом и трудящимся крестьянством Азербайджана, а также допустили ряд ошибок в национальном вопросе, чем воспользовались мусаватисты, дашнаки и другие контрреволюционеры для обмана масс.

Агентура Антанты — эсеры, меньшевики и дашнаки сформировали контрреволюционное правительство, так называемую «Диктатуру Центрокаспия». Руководители Советской власти в Азербайджане были арестованы. В ночь с 19 на 20 сентября 26 бакинских комиссаров (С. Г. Шаумян, М. А. Азизбеков, П. А. Джапаридзе, И. Т. Фиолетов, Я. Д. Зевин, Г. Н. Корганов, М. Г. Везиров и другие) были зверски убиты английскими интервентами при непосредственном участии эсеров и меньшевиков. — 701.

³¹⁹ Великая Октябрьская социалистическая революция оказала сильное влияние на развитие революционного движения в Германии, укрепила политические позиции нелегально боровшейся группы «Спартак». Немецкие трудящиеся с надеждой и радостью восприняли ленинский Декрет о мире и с сочувствием следили за последовательной борьбой Советского правительства за демократический мир. Чрезмерные требования германского правительства, выдвинутые им на мирных переговорах с делегацией Советской России в Брест-Литовске, вызвали возмущение рабочих Германии и послужили важнейшей причиной всеобщей политической забастовки в конце января — начале февраля 1918 года.

28 января по призыву группы «Спартак» сотни тысяч рабочих и работниц Берлина прекратили работу и избрали Рабочие Советы. Забастовка охватила 39 городов Германии; в ней приняло участие более 1,5 миллиона рабочих. Во многих местах были избраны Рабочие Советы и из их состава созданы комитеты действия.

Военное командование потребовало, чтобы рабочие с утра 4 февраля приступили к работе. С помощью войск и полиции, а также при пособничестве социал-демократических лидеров кайзеровскому правительству удалось подавить движение. Многие рабочие были репрессированы. Несмотря на то, что забастовка закончилась поражением рабочих, ее значение было велико. В. И. Ленин оценивал эту забастовку как поворотный пункт в настроениях немецкого пролетариата. — 703.

³²⁰ Имеется в виду мятеж белогвардейцев в Ярославле, начавшийся 6 июля 1918 года. Восстание было организовано контрреволюционным «Союзом защиты родины и свободы», руководителем которого являлся правый эсер Б. В. Савинков. Ярославский мятеж, как и другие контрреволюционные мятежи в Советской России в то время, был подготовлен империалистами Антанты при активном участии меньшевиков и эсеров. Организация мятежа входила в общий план интервенции в России. Вооруженное выступление в Ярославле интервенты приурочили к мятежу левых эсеров в Москве. Одновременно должны были начаться мятежи в Муроме, Костроме, Рыбинске и других городах Поволжья и центра России.

В Ярославле накануне восстания сосредоточилось большое количество эсеров и меньшевиков, а также белогвардейских офицеров. 6 июля мятежники захватили центральную часть города, заняли арсенал, почту, телеграф и другие учреждения. Началась кровавая расправа с партийными и советскими работниками. Мятежники пытались захватить и рабочие окраины города, но натолкнулись на решительное и стойкое сопротивление. Партийные организации предприятий сплотили вокруг себя массы и призвали рабочих к подавлению мятежа. Вооруженные рабочие и подразделения Красной Армии вступили в борьбу с мятежниками. На помощь ярославским рабочим Советское правительство направило ряд воинских частей и вооруженных рабочих отрядов из Москвы, Петрограда, Иваново-Вознесенска, Костромы, Вологды, Рыбинска. 21 июля 1918 года мятеж был подавлен. — 704.

³²¹ В. И. Ленин имеет в виду утвержденный 28 июня 1918 года исторический Декрет Совета Народных Комиссаров о национализации крупной промышленности (опубликован 30 июня 1918 года в газете «Известия ВЦИК» № 134). Этим декретом были национализированы все крупные промышленные предприятия с основным капиталом от 200 тысяч до 1 млн. рублей и более. Благодаря организаторской работе Коммунистической партии и активности рабочих масс национализация, несмотря на огромные трудности, была проведена в короткий срок. К 31 августа насчитывалось уже свыше 3 тысяч национализированных предприятий. Этим же декретом объявлялась национализация всех частных железных дорог, а также коммунальных предприятий (водоснабжение, газовые заводы, трамваи и др.), которые передавались в ведение местных Советов. — 707.

³²² Имеется в виду постановление Совнаркома от 6 августа 1918 года «О твердых ценах на хлеб урожая 1918 года», по которому заготовительные цены на хлеб были повышены в три раза. Вопрос о повышении заготовительных цен на хлеб был поставлен Лениным в написанных им 2 августа «Тезисах по продовольственному вопросу» (см. Сочинения, 5 изд., том 37, стр. 31—33; 4 изд., том 28, стр. 28—30). 8 августа постановление было опубликовано в «Известиях ВЦИК». — 715.

³²³ Отправку «Письма к американским рабочим» в США взялся организовать большевик М. М. Бородин, незадолго перед тем приехавший из Америки. В условиях иностранной военной интервенции и блокады Советской России капиталистическими странами для этого нужно было преодолеть значительные трудности. Задача доставки «Письма» в США была выполнена П. И. Травиным (Слетовым). (Воспоминания Травина об этом см. в № 4 журнала «Огонек» за 1958 год и в № 13 журнала «Новое Время» за 1960 год.) Вместе с «Письмом» в США были доставлены Конституция РСФСР и текст ноты Советского правительства президенту Вильсону с требованием прекратить интервенцию, которые при активном участии известного американского социалиста журналиста Джона Рида были напечатаны в американских газетах.

«Письмо к американским рабочим» на английском языке было опубликовано (с некоторыми сокращениями) в декабре 1918 года в органах левого крыла Социалистической партии Америки — журнале «The Class Struggle» («Классовая Борьба»), выходившем в Нью-Йорке, и еженедельнике «The Revolutionary Age» («Революционная Эпоха»), издававшимся в Бостоне при участии Джона Рида и Сэн Катаямы. Затем оно было издано отдельной брошюрой и много раз перепечатывалось в американской и западно-европейской периодической печати.

«Письмо к американским рабочим» было широко использовано американскими левыми социалистами, оно сыграло большую роль в развитии рабочего и коммунистического движения в США и странах Европы, способствовало усилению в США движения протеста против вооруженной интервенции в Советскую Россию. — 716.

³²⁴ В апреле 1898 года американские империалисты, стремясь использовать в своих целях национально-освободительное движение против испанских колонизаторов на Кубе и Филиппинских островах, начали войну против Испании. Под предлогом «помощи» филиппинскому народу, провозгласившему независимую Филиппинскую республику, они высадили на Филиппинах свои войска. По мирному договору, подписанному 10 декабря 1898 года в Париже, побежденная Испания отказалась от Филиппин в пользу США. В феврале 1899 года американские империалисты вероломно начали военные действия против Филиппинской республики. Встретив упорное сопротивление, войска США начали массовые казни и зверские пытки мирных жителей. Несмотря на превосходство в численности и вооружении, интервентам оказалось нелегко покорить филиппинцев. На Филиппинах широко развернулась партизанская борьба с захватчиками. Для достижения своих целей американские империалисты использовали разногласия в рядах филиппинцев. Буржуазно-помещичья верхушка, напуганная тем, что крестьяне соединяли борьбу за независимость с борьбой за землю и улучшение своего положения, пошла на соглашение с империалистами. В 1901 году национально-освободительное движение на Филиппинах было подавлено, и Филиппины попали в колониальную зависимость США. — 717.

³²⁵ В рецензии на книгу американского экономиста Г. Ч. Кэри «Политико-экономические письма к президенту Американских Соединенных Штатов» Н. Г. Чернышевский писал: «Исторический путь — не тротуар Невского проспекта; он идет целиком через поля, то пыльные, то грязные, то через болота, то через дебри. Кто боится быть покрыт пылью и выпачкать сапоги, тот не принимайся за общественную деятельность» (Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений в пятнадцати томах, т. VII, 1950, стр. 923). — 721.

³²⁶ «*Appeal to Reason*» («Призыв к Разуму») — газета американских социалистов; основана в 1895 году в городе Жирард, штата Канзас (США). Газета вела пропаганду социалистических идей и пользовалась большой популярностью среди рабочих. В годы мировой империалистической войны занимала интернационалистскую позицию.

Статья Ю. Дебса была опубликована в газете 11 сентября 1915 года. Заглавие статьи, приведенное В. И. Лениным, вероятно, по памяти, было: «*When I shall fight*» («Когда я буду сражаться»). — 723.

³²⁷ *Юпитер и Минерва* — древнеримские боги. Юпитер — бог неба, света и дождя, громовержец; позднее — верховное божество римского го-

сударства. Минерва — богиня войны и покровительница ремесел, наук и искусств. Согласно мифу, Минерва родилась из головы Юпитера. — 726.

³²⁸ *Объединенное заседание ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 22 октября 1918 года* происходило в Колонном зале Дома союзов. С докладом о международном положении, впервые после своего выздоровления, выступил В. И. Ленин. Публикуемая резолюция была принята на заседании, а затем с незначительными изменениями утверждена VI съездом Советов по докладу Ленина о международном положении. Единогласно было принято решение о созыве VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Советов и утвержден порядок дня съезда. — 729.

³²⁹ В. И. Ленин цитирует письмо Питирима Сорокина по газете «Правда» (№ 251 от 20 ноября 1918), где источник публикации письма был ошибочно назван «Известия Северо-Двинского Исполнительного Комитета». В действительности газета Северо-Двинского губисполкома, в которой было напечатано это письмо (№ 75 от 29 октября 1918), называлась «Крестьянские и Рабочие Думы». — 731.

³³⁰ VI Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов состоялся в Москве, в здании Большого театра, 6—9 ноября 1918 года; начало работы съезда совпало с празднованием первой годовщины Октябрьской социалистической революции. На съезде присутствовало 1296 делегатов, из них 1260 коммунистов. В порядке дня съезда стояли вопросы: о годовщине Октябрьской революции, о международном положении, о военном положении, о строительстве Советской власти в центре, комитетах бедноты и Советах на местах. В. И. Ленин был избран почетным председателем съезда.

В. И. Ленин выступил на съезде с речью о годовщине Октябрьской социалистической революции и с речью о международном положении (см. Сочинения, 5 изд., том 37, стр. 137—168; 4 изд., том 28, стр. 117—145). Съезд единогласно утвердил резолюцию, написанную Лениным и принятую 22 октября 1918 года на Объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов (см. настоящий том, стр. 729—730). Съезд принял обращение к правительствам, ведущим войну против Советской России, с предложением начать переговоры о заключении мира, а также резолюции: о революционной законности, о советском строительстве, о слиянии комитетов бедноты с волостными и сельскими Советами. Делегаты съезда с большим воодушевлением встретили известие о начавшейся революции в Германии и выразили свою солидарность с поднявшими восстание германскими рабочими, солдатами и матросами.

Съезд Советов подвел основные итоги первого года существования Советской власти и наметил программу деятельности Советского правительства на ближайший период. — 737.

³³¹ В. И. Ленин имеет в виду резолюцию, принятую 16 ноября 1918 года чрезвычайным съездом акционеров Московского народного банка и направленную против намечаемой национализации этого банка. Декретом Совнаркома от 2 декабря 1918 года Московский народный банк был национализирован и весь его актив и пассив перешел в Народный банк РСФСР. Правление же Московского народного банка было преобразовано в кооперативный отдел Центрального управления Народного банка РСФСР. — 737.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	V
ПИСЬМА ИЗ ДАЛЕКА	1—10
<i>Письмо I.</i> Первый этап первой революции	1
О ЗАДАЧАХ ПРОЛЕТАРИАТА В ДАННОЙ РЕВОЛЮЦИИ	11—15
Тезисы	11
О ДВОЕВЛАСТИИ	16—18
ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА В НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ (<i>Проект платформы пролетарской партии</i>)	19—48
Классовый характер происшедшей революции	19
Внешняя политика нового правительства	20
Своеобразное двоевластие и его классовое значение	21
Вытекающее из предыдущего своеобразие тактики	24
Революционное оборончество и его классовое значение	25
Как можно кончить войну?	27
Новый тип государства, вырастающий в нашей революции	28
Аграрная и национальная программы	31
Национализация банков и синдикатов капиталистов	33
Положение дел в социалистическом Интернационале	33
Крах Циммервальдского Интернационала. — Необходимо основать третий Интернационал	39
Каково должно быть научно-правильное и политически помогающее прояснению сознания пролетариата название нашей партии?	42
Послесловие	46

СЕДЬМАЯ (АПРЕЛЬСКАЯ) ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РСДРП(б)	
<i>24—29 апреля (7—12 мая) 1917 г.</i>	49—99
1. РЕЧЬ ПРИ ОТКРЫТИИ КОНФЕРЕНЦИИ 24 АПРЕЛЯ (7 МАЯ)	49
2. ДОКЛАД О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ 24 АПРЕЛЯ (7 МАЯ). <i>Прото-</i> <i>кольная запись</i>	50
3. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ О ТЕКУЩЕМ МО- МЕНТЕ 24 АПРЕЛЯ (7 МАЯ)	63
4. РЕЧЬ В ЗАЩИТУ РЕЗОЛЮЦИИ О ВОЙНЕ 27 АПРЕЛЯ (10 МАЯ). <i>Протокольная запись</i>	65
5. РЕЗОЛЮЦИЯ О ВОЙНЕ	76
I	76
II	77
III	78
6. РЕЗОЛЮЦИЯ ОБ ОТНОШЕНИИ К ВРЕМЕННОМУ ПРАВИТЕЛЬ- СТВУ	79
7. РЕЗОЛЮЦИЯ О ПЕРЕСМОТРЕ ПАРТИЙНОЙ ПРОГРАММЫ . .	81
8. ДОКЛАД ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ 28 АПРЕЛЯ (11 МАЯ). <i>Протокольная запись</i>	82
9. РЕЗОЛЮЦИЯ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ	86
10. РЕЗОЛЮЦИЯ О СОВЕТАХ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУ- ТАТОВ	89
11. РЕЧЬ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ 29 АПРЕЛЯ (12 МАЯ). <i>Протокольная запись</i>	90
12. РЕЗОЛЮЦИЯ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ	95
13. РЕЗОЛЮЦИЯ О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ	96
ВВЕДЕНИЕ К РЕЗОЛЮЦИЯМ СЕДЬМОЙ (АПРЕЛЬСКОЙ) ВСЕРОС-	
СИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РСДРП(б)	100—102
I ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕ-	
ПУТАТОВ 3—24 июня (16 июня — 7 июля) 1917 г.	103—113
РЕЧЬ ОБ ОТНОШЕНИИ К ВРЕМЕННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ	
4 (17) ИЮНЯ	103
ВОСЕМНАДЦАТОЕ ИЮНЯ	114—116
НА ЧТО МОГЛИ РАССЧИТЫВАТЬ КАДЕТЫ, УХОДЯ ИЗ МИНИСТЕР-	
СТВА?	117—118
ГДЕ ВЛАСТЬ И ГДЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ?	119—123
ТРИ КРИЗИСА	124—127
К ВОПРОСУ ОБ ЯВКЕ НА СУД БОЛЬШЕВИСТСКИХ ЛИДЕРОВ . . .	128—129
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ (<i>Четыре тезиса</i>)	130—132
ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ПРОЛЕТАРСКОГО ДЕЛА»	133—134
К ЛОЗУНГАМ	135—141

УРОКИ РЕВОЛЮЦИИ	142—154
I	142
II	144
III	145
IV	146
V	147
VI	148
VII	151
VIII	152
IX	153
Послесловие	154
В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ РСДРП	155—157
О КОМПРОМИССАХ	158—163
ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МО- МЕНТЕ	164—169
ГРОЗЯЩАЯ КАТАСТРОФА И КАК С НЕЙ БОРОТЬСЯ	170—207
Голод надвигается	170
Полная бездеятельность правительства	172
Общеизвестность и легкость мер контроля	175
Национализация банков	176
Национализация синдикатов	181
Отмена коммерческой тайны	184
Принудительное объединение в союзы	187
Регулирование потребления	190
Разрушение работы демократических организаций правитель- ством	193
Финансовый крах и меры против него	196
Можно ли идти вперед, боясь идти к социализму?	199
Борьба с разрухой и война	202
Революционная демократия и революционный пролетариат	205
ОДИН ИЗ КОРЕННЫХ ВОПРОСОВ РЕВОЛЮЦИИ	208—214
РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА. <i>Пугают граждан- ской войной</i>	215—226
ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ. <i>Учение марксизма о государстве и за- дачи пролетариата в революции</i>	227—324
Предисловие к первому изданию	227
Предисловие ко второму изданию	228
Глава I. Классовое общество и государство	229
1. Государство — продукт непримиримости классовых про- тиворечий	229
2. Особые отряды вооруженных людей, тюрьмы и пр.	232
3. Государство — орудие эксплуатации угнетенного класса	235
4. «Отмирание» государства и насильственная революция	238

<i>Глава II. Государство и революция. Опыт 1848—1851 годов</i>	243
1. Канун революции	243
2. Итоги революции	247
3. Постановка вопроса Марксом в 1852 году	252
<i>Глава III. Государство и революция. Опыт Парижской Коммуны 1871 года. Анализ Маркса</i>	254
1. В чем героизм попытки коммунаров?	254
2. Чем заменить разбитую государственную машину?	258
3. Уничтожение парламентаризма	262
4. Организация единства нации	266
5. Уничтожение паразита — государства	269
<i>Глава IV. Продолжение. Дополнительные пояснения Энгельса</i>	271
1. «Жилищный вопрос»	271
2. Poleмика с анархистами	274
3. Письмо к Бебелю	277
4. Критика проекта Эрфуртской программы	280
5. Предисловие 1891 года к «Гражданской войне» Маркса	286
6. Энгельс о преодолении демократии	291
<i>Глава V. Экономические основы отмирания государства</i>	293
1. Постановка вопроса Марксом	293
2. Переход от капитализма к коммунизму	295
3. Первая фаза коммунистического общества	300
4. Высшая фаза коммунистического общества	303
<i>Глава VI. Опошление марксизма оппортунистами</i>	309
1. Poleмика Плеханова с анархистами	309
2. Poleмика Каутского с оппортунистами	310
3. Poleмика Каутского с Паннекуком	316
Послесловие к первому изданию	324
<i>БОЛЬШЕВИКИ ДОЛЖНЫ ВЗЯТЬ ВЛАСТЬ. Письмо Центральному Комитету, Петроградскому и Московскому комитетам РСДРП(б)</i>	325—327
<i>МАРКСИЗМ И ВОССТАНИЕ. Письмо Центральному Комитету РСДРП(б)</i>	328—332
<i>ИЗ ДНЕВНИКА ПУБЛИЦИСТА. Ошибки нашей партии</i>	333—338
<i>КРИЗИС НАЗРЕЛ</i>	339—347
I	339
II	340
III	342
IV	344
V	344
VI	345

УДЕРЖАТ ЛИ БОЛЬШЕВИКИ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ВЛАСТЬ?	348—388
Предисловие ко второму изданию	348
Послесловие	384
ПИСЬМО В ЦК, МК, ПК И ЧЛЕНАМ СОВЕТОВ ПИТЕРА И МОСКВЫ БОЛЬШЕВИКАМ	389—390
✓ СОВЕТЫ ПОСТОРОННЕГО	391—393
ПИСЬМО К ТОВАРИЩАМ БОЛЬШЕВИКАМ, УЧАСТВУЮЩИМ НА ОБ- ЛАСТНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ	394—398
ЗАСЕДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА РСДРП(б) 10 (23) ОК- ТЯБРЯ 1917 г.	399—400
1. ДОКЛАД. <i>Протокольная записка</i>	399
2. РЕЗОЛЮЦИЯ	400
ЗАСЕДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА РСДРП(б) 16 (29) ОК- ТЯБРЯ 1917 г.	401—403
1. ДОКЛАД. <i>Протокольная записка</i>	401
2. ВЫСТУПЛЕНИЯ. <i>Протокольная записка</i>	402
1	402
2	402
3	403
Резолюция	403
ПИСЬМО К ЧЛЕНАМ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ	404—406
ПИСЬМО В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ РСДРП(б)	407—410
ПИСЬМО Я. М. СВЕРДЛОВУ	411
ПИСЬМО ЧЛЕНАМ ЦК	412—413
К ГРАЖДАНАМ РОССИИ!	414
ВТОРОЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ РАБОЧИХ И СОЛДАТ- СКИХ ДЕПУТАТОВ 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 г.	415—427
1. РАБОЧИМ, СОЛДАТАМ И КРЕСТЬЯНАМ!	415
2. ДОКЛАД О МИРЕ 26 ОКТЯБРЯ (8 НОЯБРЯ)	416
Декрет о мире	416
3. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ДОКЛАДУ О МИРЕ 26 ОК- ТЯБРЯ (8 НОЯБРЯ)	420
4. ДОКЛАД О ЗЕМЛЕ 26 ОКТЯБРЯ (8 НОЯБРЯ)	423
Декрет о земле	423
5. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ОБ ОБРАЗОВАНИИ РАБОЧЕГО И КРЕСТЬ- ЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА	426
ПРОЕКТ ПОЛОЖЕНИЯ О РАБОЧЕМ КОНТРОЛЕ	428—429
РАДИО СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ 30 ОКТЯБРЯ (12 НОЯБРЯ) 1917 г.	430

ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ЗАСЕДАНИИ ЦК РСДРП(б) 1 (14) НОЯБРЯ 1917 г.	
<i>Протокольная запись</i>	431
1	431
2	431
3	431
РЕЗОЛЮЦИЯ ЦК РСДРП(б) ПО ВОПРОСУ ОБ ОППОЗИЦИИ ВНУТРИ ЦК 2 (15) НОЯБРЯ 1917 г.	432—433
УЛЬТИМАТУМ БОЛЬШИНСТВА ЦК РСДРП(б) МЕНЬШИНСТВУ . . .	434—435
К НАСЕЛЕНИЮ	436—438
ОТВЕТ НА ЗАПРОСЫ КРЕСТЬЯН	439—440
ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ (БОЛЬШЕВИКОВ). <i>Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России</i>	441—444
ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ 10—25 ноября (23 ноября — 8 декабря) 1917 г. . . .	445—448
1. ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ	445
2. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ 18 НОЯБРЯ (1 ДЕКАБРЯ). <i>Газетный отчет</i>	446
СОЮЗ РАБОЧИХ С ТРУДЯЩИМИСЯ И ЭКСПЛУАТИРУЕМЫМИ КРЕСТЬЯНАМИ. <i>Письмо в редакцию «Правды»</i>	449—451
ЗАСЕДАНИЕ ВЦИК 1 (14) ДЕКАБРЯ 1917 г.	452
ВЫСТУПЛЕНИЕ ПО ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ВЫСШЕГО СОВЕТА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА. <i>Газетный отчет</i>	452
ДОКЛАД ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ РАБОЧИХ ПЕТРОГРАДА И ЗАДАЧАХ РАБОЧЕГО КЛАССА НА ЗАСЕДАНИИ РАБОЧЕЙ СЕКЦИИ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ 4 (17) ДЕКАБРЯ 1917 г. <i>Газетный отчет</i>	453—454
ТЕЗИСЫ ОБ УЧРЕДИТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ	455—459
ЗА ХЛЕБ И ЗА МИР	460—461
РЕЧЬ О НАЦИОНАЛИЗАЦИИ БАНКОВ НА ЗАСЕДАНИИ ВЦИК 14 (27) ДЕКАБРЯ 1917 г. <i>Протокольная запись</i>	462—464
ПРОЕКТ ДЕКРЕТА О ПРОВЕДЕНИИ В ЖИЗНЬ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ БАНКОВ И О НЕОБХОДИМЫХ В СВЯЗИ С ЭТИМ МЕРАХ	465—467
КАК ОРГАНИЗОВАТЬ СОРЕВНОВАНИЕ?	468—476
ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ТРУДЯЩЕГОСЯ И ЭКСПЛУАТИРУЕМОГО НАРОДА	477—479
ПРОЕКТ ДЕКРЕТА О РОСПУСКЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ	480—481
К ИСТОРИИ ВОПРОСА О НЕСЧАСТНОМ МИРЕ	482—489
Тезисы по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира	482

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ТЕЗИСАМ ПО ВОПРОСУ О НЕМЕДЛЕННОМ ЗАКЛЮЧЕНИИ СЕПАРАТНОГО И АННЕКСИОНИСТСКОГО МИРА . . .	490—491
РЕЧИ О ВОЙНЕ И МИРЕ НА ЗАСЕДАНИИ ЦК РСДРП(б) 11 (24) ЯНВАРЯ 1918 г. <i>Протокольная запись</i>	492—494
1	492
2	494
3	494
ТРЕТИЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ РАБОЧИХ, СОЛДАТСКИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ 10—18 (23—31) января 1918 г.	495—510
ДОКЛАД О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ 11 (24) ЯНВАРЯ	495
ПРОЕКТ РАДИОГРАММЫ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ	511
✓ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ!	512—513
ПОЗИЦИЯ ЦК РСДРП (БОЛЬШЕВИКОВ) В ВОПРОСЕ О СЕПАРАТНОМ И АННЕКСИОНИСТСКОМ МИРЕ	514—516
○ ТЯЖЕЛЫЙ, НО НЕОБХОДИМЫЙ УРОК	517—520
ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СНК ОБ ЭВАКУАЦИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА	521
СТРАННОЕ И ЧУДОВИЩНОЕ	522—528
СЕДЬМОЙ ЭКСТРЕННЫЙ СЪЕЗД РКП(б) 6—8 марта 1918 г.	529—568
1. ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА 7 МАРТА	529
2. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПО ПОЛИТИЧЕСКОМУ ОТЧЕТУ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА 8 МАРТА	548
3. РЕЗОЛЮЦИЯ О ВОЙНЕ И МИРЕ	554
4. ДОПОЛНЕНИЕ К РЕЗОЛЮЦИИ О ВОЙНЕ И МИРЕ 8 МАРТА	555
5. ДОКЛАД О ПЕРЕСМОТРЕ ПРОГРАММЫ И ИЗМЕНЕНИИ НАЗВАНИЯ ПАРТИИ 8 МАРТА	555
6. РЕЗОЛЮЦИЯ ОБ ИЗМЕНЕНИИ НАЗВАНИЯ ПАРТИИ И ПАРТИЙНОЙ ПРОГРАММЫ	567
7. РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ПОВОДУ ОТКАЗА «ЛЕВЫХ КОММУНИСТОВ» ВОЙТИ В ЦК	568
ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА НАШИХ ДНЕЙ	569—573
IV ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ 14—16 марта 1918 г.	574—591
1. ДОКЛАД О РАТИФИКАЦИИ МИРНОГО ДОГОВОРА 14 МАРТА	574
2. РЕЗОЛЮЦИЯ О РАТИФИКАЦИИ БРЕСТСКОГО ДОГОВОРА . . .	590
ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ	592—625
Международное положение Российской Советской республики и основные задачи социалистической революции	592
Общий лозунг момента	596

Новый фазис борьбы с буржуазией	598
Значение борьбы за всенародный учет и контроль	605
Повышение производительности труда	608
Организация соревнования	610
«Стройная организация» и диктатура	613
Развитие советской организации	621
Заключение	623
НАБРОСОК ПЛАНА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ РАБОТ	626
ШЕСТЬ ТЕЗИСОВ ОБ ОЧЕРЕДНЫХ ЗАДАЧАХ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ	628—630
О «ЛЕВОМ» РЕБЯЧЕСТВЕ И О МЕЛКОБУРЖУАЗНОСТИ	631—655
I	631
II	634
III	637
IV	643
V	646
VI	653
ТЕЗИСЫ О СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ	656—659
I	656
II	657
III	657
IV	658
V	659
О ГОЛОДЕ (<i>Письмо к питерским рабочим</i>)	660—666
РЕЧЬ НА I ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ НАРОДНОГО ХО- ЗЯЙСТВА 26 МАЯ 1918 г.	667—674
ЗАМЕЧАНИЯ НА ПРОЕКТ «ПОЛОЖЕНИЯ ОБ УПРАВЛЕНИИ НАЦИО- НАЛИЗИРОВАННЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ»	675
V ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯН- СКИХ, СОЛДАТСКИХ И КРАСНОАРМЕЙСКИХ ДЕПУТАТОВ 4—10 июля 1918 г.	676—694
ДОКЛАД СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ 5 ИЮЛЯ	676
РЕЧЬ НА МИТИНГЕ В ПРЕСНЕНСКОМ РАЙОНЕ 26 ИЮЛЯ 1918 г.	695—696
РЕЧЬ НА ОБЪЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ ВЦИК, МОСКОВСКОГО СО- ВЕТА, ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ И ПРОФЕССИОНАЛЬ- НЫХ СОЮЗОВ МОСКВЫ 29 ИЮЛЯ 1918 г.	697—711
ТОВАРИЩИ-РАБОЧИЕ! ИДЕМ В ПОСЛЕДНИЙ, РЕШИТЕЛЬНЫЙ БОЙ!	712—715
ПИСЬМО К АМЕРИКАНСКИМ РАБОЧИМ	716—728
ОБЪЕДИНЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ ВЦИК, МОСКОВСКОГО СОВЕТА, ФАБ- РИЧНО-ЗАВОДСКИХ КОМИТЕТОВ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ 22 октября 1918 г.	729—730
РЕЗОЛЮЦИЯ	729

ЦЕННЫЕ ПРИЗНАНИЯ ПИТИРИМА СОРОКИНА	731—738
Примечания	739—818

ИЛЛЮСТРАЦИИ

В. И. Ленин. 1918	X—1
Первая страница рукописи В. И. Ленина «Грозящая катастрофа и как с ней бороться». — 10—14 (23—27) сентября 1917 г.	171
Первая страница рукописи В. И. Ленина «Государство и революция». — Август — сентябрь 1917 г.	230—231
Первая страница газеты «Рабочий Путь» № 30, 20 (7) октября 1917 г. со статьей В. И. Ленина «Кризис назрел»	341
Рукопись резолюции В. И. Ленина, принятой на заседании ЦК РСДРП(б) 10 (23) октября 1917 г.	400—401
Первая страница рукописи В. И. Ленина «Тезисы о задачах Советской власти в настоящий момент». — Апрель 1918 г.	593
Первая страница рукописи В. И. Ленина «Набросок плана научно-технических работ». — Апрель 1918 г.	627

Ленин Владимир Ильич.

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ. В 3-х т. М., Политиздат, 1969.
Т. 2 (Март 1917 — ноябрь 1918 г.) 1969.
X, 826 с. с илл. (Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

3К21

Том подготовлен к печати А. А. Панфиловой

Помощник подготовителя В. А. Еремина

Редакторы Н. И. Мазэ и К. А. Остроухова

Художник Н. Н. Симагин

Технический редактор Н. Н. Лебедева

Корректоры В. П. Аносова и А. М. Холина

Подписано в печать с матриц 17 декабря 1968 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 52,63. Учетно-изд. л. 50,37. Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 355.
Цена 1 руб. 44 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Ленинград, Гатчинская ул., 26.

3960

3920

